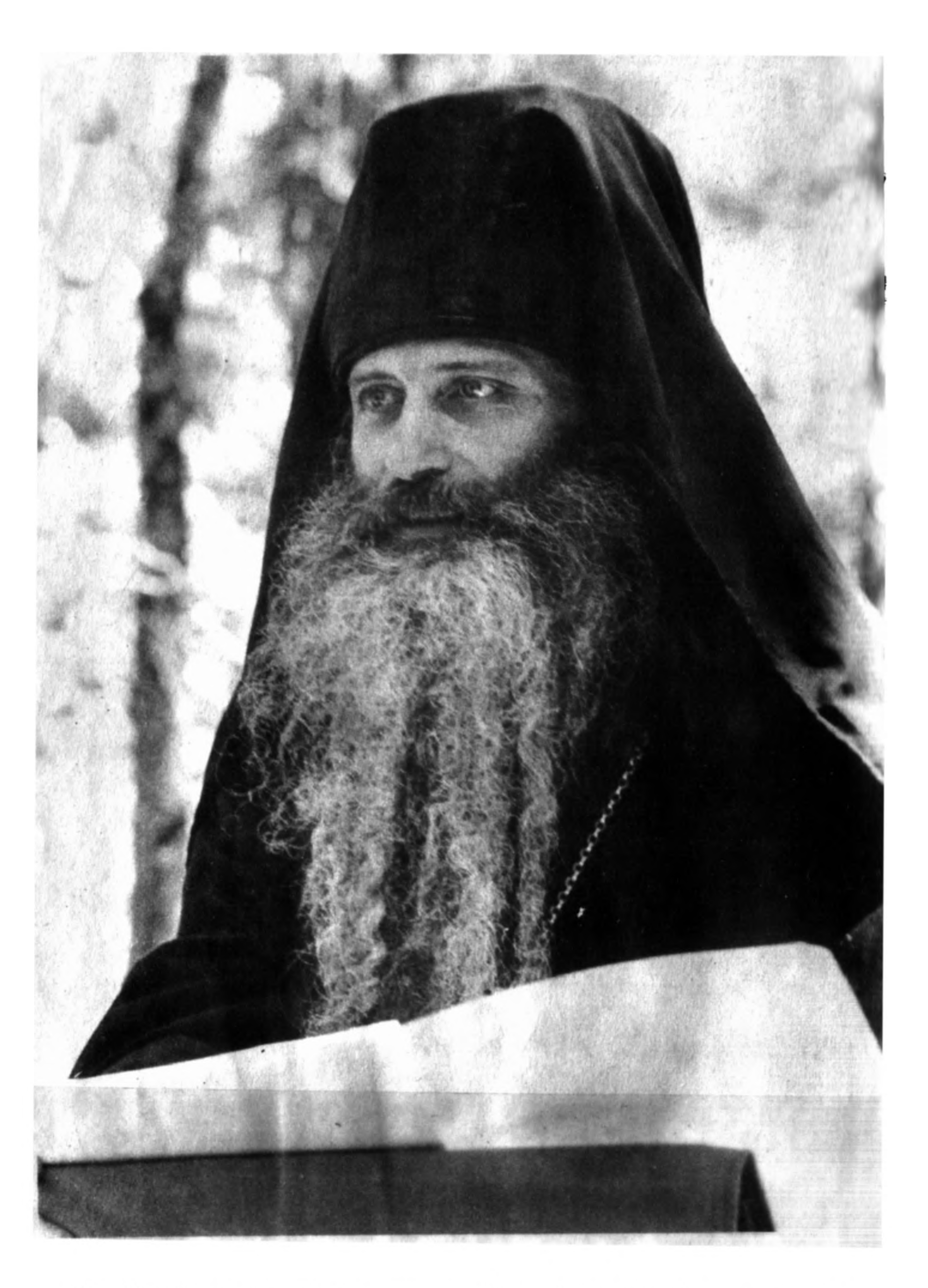

НЕ ОТ МИРА СЕГО
Жизнь и учение
О. СЕРАФИМА РОУЗА

НЕ ОТ МИРА СЕГО

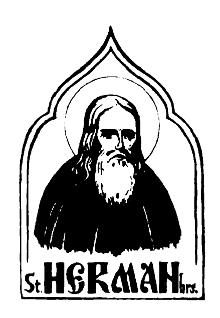
Отец Серафим читает лекцию на летнем Свято-Германовском паломничестве.

Иеромонах Дамаскин (Христенсен)

НЕ ОТ МИРА СЕГО

Жизнь и учение иеромонаха Серафима (Роуза) Платинского

Перевод с английского

БРАТСТВО ПРЕПОДОБНОГО ГЕРМАНА АЛЯСКИНСКОГО
Платина, Калифорния

ФОНД ОТЦА СЕРАФИМА (РОУЗА)
Форествилль, Калифорния

РОССИЙСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ВАЛААМСКОГО ОБЩЕСТВА АМЕРИКИ
«Русский Паломник»
Москва, 1995

Книга издана попечением
Роуз Хилл Фонда, Свято-Паисиевского издательства,
Братства Христа Спасителя и Фонда «Митко».

Адрес для корреспонденции:
St. Herman of Alaska Monastery
P.O. Box 70
Platina, California 96076
USA (США)

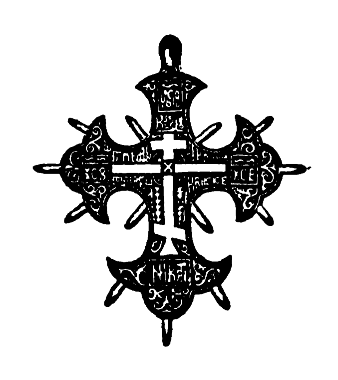
Первое издание: июль 1993
Первое издание на русском языке: декабрь 1995

© 1995 Авторские права принадлежат Братству преподобного Германа Аляскинского. Воспроизведение издания возможно только с разрешения Братства.

© 1995 Перевод Издательского отдела Валаамского Общества Америки в России.

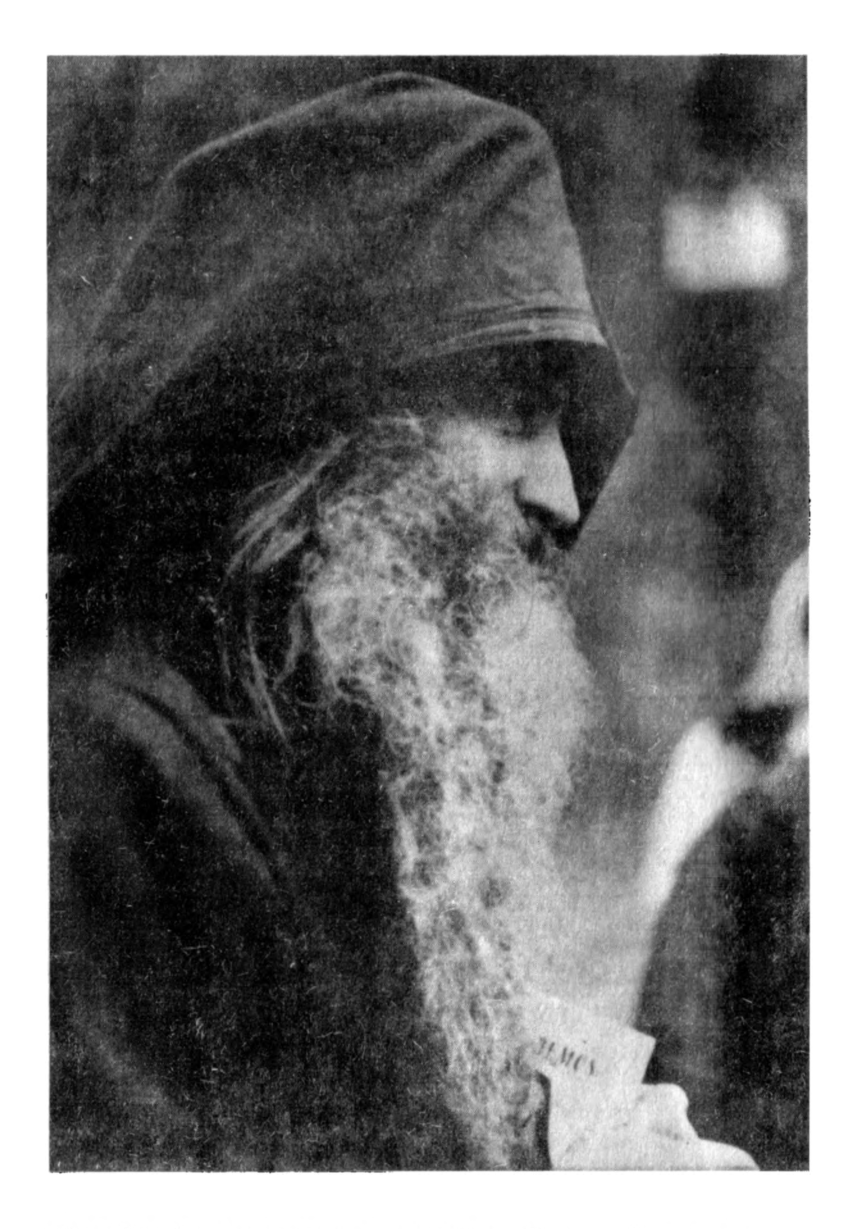
На передней странице обложки: Отец Серафим на вершине горы Йолла Болли. 11-ое октября 1981 г.

На задней странице обложки: Отец Серафим совершает Божественную литургию Светлой седмицей в монастыре преподобного Германа Аляскинского, на том месте, где он будет погребен

ТОГДА ПИЛАТ опять вошел в преторию, и призвал Иисуса, и сказал Ему: Ты Царь Иудейский? Иисус отвечал ему: от себя ли ты говоришь это, или другие сказали тебе о Мне? Пилат отвечал: разве я Иудей? Твой народ и первосвященники предали Тебя мне; что Ты сделал? Иисус отвечал: Царство Мое не от мира сего; если бы от мира сего было Царство Мое, то служители Мои подвизались бы за Меня, чтобы Я не был предан Иудеям; но ныне Царство Мое не отсюда. Пилат сказал Ему: итак Ты Царь? Иисус отвечал: ты говоришь, что Я Царь; Я на то родился и на то пришел в мир, чтобы свидетельствовать об истине; всякий, кто от истины, слушает гласа Моего.

Евангелие от Иоанна 18:33-37.

Отец Серафим в монастыре преподобного Германа Аляскинского.
Платина, Калифорния. 1979 г.

Предисловие

В РОССИИ знают и любят о. Серафима (Роуза), и особенно те, кто не отошел от веры предков — Православия. Говорят, книги его меняют судьбы людей.

Один православный из США, пробывший несколько месяцев в России, рассказывает: «Как только узнавали, что я из Америки, непременно спрашивали, знаком ли я с о. Серафимом Роузом. Поразительно! Похоже, его знают все, даже дети. А его работы, равно и самое жизнь, полагают крайне важными для нынешнего возрождения Руси»[1].

Упреждая дух безбожия, охватывающий современный мир, о. Серафим обращался к народу России не стыдиться своей древней веры, вселяющей силу и отвагу в борьбе. Он взывал к сердцам и душам, указывая, что не напрасны долгие годы гонений и страданий, что суть очищение.

Недавно монах из старинного русского Валаамского монастыря заметил: «Не было бы отца Серафима (Роуза) — мы бы не выжили».

Более 10 лет назад работы о. Серафима впервые попали из Америки в Россию. Кое-что перевели, и нелегально машинописные странички полетели во все уголки страны. С наступлением более либеральных времен его произведения печатают не таясь, немалыми тиражами, как в журналах, так и отдельными книгами; о них рассказывают по радио и телевидению; их можно купить даже у торговцев в метро и на улице. И, вероятно, можно без преувеличения сказать, что он сейчас — самый известный православный писатель в России. Его портреты встречаются повсюду, а во вновь открывшейся Оптиной пустыни, в той самой келье, где старец Амвросий принимал Достоевского, Толстого и Гоголя, ныне помещена его фотография.

Знают и почитают его и в иных православных странах, до недавнего прошлого тоже находившихся под гнетом коммунистов. Вот что пишет один сербский монах: «Еп. Амфилохий — афонский молчальник и учитель сердечной молитвы — заметил однажды, что о. Серафим наделен редчайшим для простого смертного даром — даром духовного размышления».

Так кто же этот человек, которого на сытом, свободном Западе знают лишь единицы, а в голодной страдалице России почитают миллионы? Кто этот проникновенный философ духа, точно вышедший из древнего патерика? Кто этот отшельник, избравший монашескую жизнь в пустыни, чье имя в России овеяно легендами?

Ответ прост: человек, ставший в Православии о. Серафимом обычный, «стопроцентный» и, главное, честный американец. Вырос он в Южной Калифорнии, недалеко от Голливуда и Диснейленда в семье, где и слыхом не слыхивали о Православии (тем более русском). Мать желала сыну одного — преуспеяния в жизни, а отец — счастья.

Биография Евгения — отнюдь не рядовое жизнеописание, а пример того, как может всколыхнуться американская душа, затронь Господь самую трепетную ее струнку — чувство праведности.

Врожденная честность — движитель праведности — и помогла о. Серафиму пробить брешь во мраке сегодняшней жизни не только для своих сограждан, но и для людей в далеких заморских странах, порабощенных коммунизмом.

С «младых ногтей» восстал он против главенства в западной жизни сугубо мирских, материальных ценностей, сухой расчетливости, против бездушного, неглубокого и невнимательного отношения к человеку. Его протест совпал с бунтарскими настроениями передовой интеллигенции, богемы и битников, т. е. тех, кого впоследствии прозвали поколением «сердитых молодых людей». Он тоже изведал и неприкаянность, и отчаяние, и нигилизм, и неприятие существующих законов. Но, в отличие от других, не впал в жалость к самому себе и не стал бежать действительности — помешали его честность, прямодушие, готовность поступиться своим благополучием, т. е. черты, свойственные простому американскому парню. Они же не дали найти ему духовное пристанище в экзотическом буддистском «просветлении». Страждующая душа не утолилась, но лишь когда Господь явил Себя будущему о. Серафиму, в чутком сердце того произошел поворот от новомодных бунтарских настроений к древнему, апостольскому православию. Придя же к нему окончательно, он не задумываясь порвал все связи с внешним, суетным миром, в том числе и с чиновничьим церковным мышлением. И все ради того, чтобы познать и почувствовать суть истинного, не от мира сего, христианства. Он проторил путь и для других американцев, внемлющих исконно американскому зову к праведности.

Но есть и еще одна черта о. Серафима, особенно дорогая сердцу православных христиан, томившихся за «железным занавесом». Он

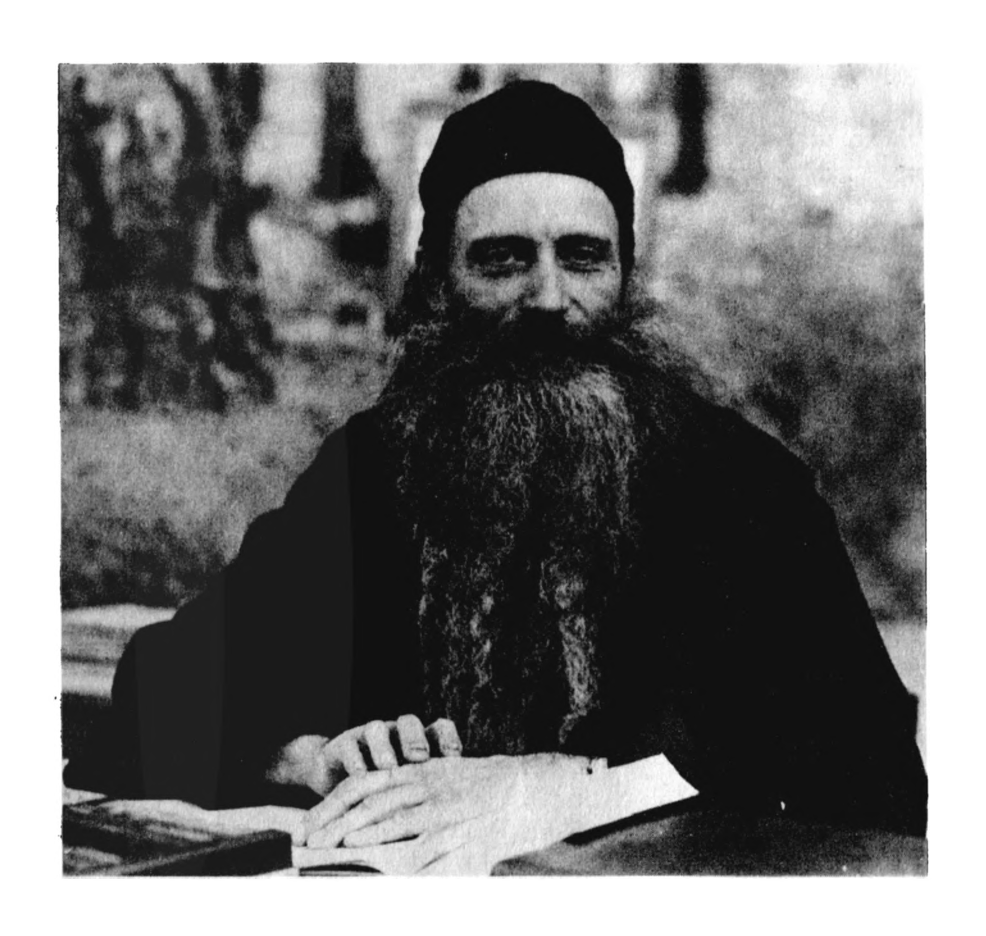
знал, что означает страдание, и умел страдать, по свидетельству его многолетнего сотаинника в монашестве. Познав силу искупительного страдания, явленную на примерах современных мучеников и исповедников, он сознательно избирает тот же путь и не только внешне, через тяготы монаха-отшельника, но и внутренне, «болезнованием сердца» — отличительный признак христианской любви. Прежде он страдал, не в силах обрести Истину. Теперь же — во имя Истины.

Я, автор этих строк, — духовное чадо о. Серафима. Его стараниями я возвратился в лоно Христовой любви. Я, как и о. Серафим, не удовольствовался наносным, поверхностным христианством, которое предлагает современное общество. Как и он, я подпал влиянию модных в ту пору бунтарских течений, а потом так же свернул на тропу буддизма. Не укажи мне о. Серафим единственно верного пути — пламенным мечом страдания за истину, уничтожающим все препятствия, чинимые нашим западным миропониманием, — я бы, подобно большинству сверстников, продолжил бесцельное существование, исполненное «тихого отчаяния». Или, поддавшись духу времени, избрал бы какое-нибудь новомодное верование, «удобное» душе.

В скромной монастырской церкви у гроба о. Серафима, глядя на излучающее свет и покой лицо почившего, я не сдерживал благодарных слез: ведь это он открыл мне Истину — бесценное сокровище, ради которого стоит отказаться от всего мирского сребра и злата.

Пишу я эти строки 10 лет спустя после его кончины. Как много успел сделать о. Серафим за столь короткую (всего 48 лет) жизнь, которая повлияла на жизни миллионов людей, в том числе и мою.

Моя непременная цель — донести до людей учение о. Серафима, поделиться тем, что стало моим достоянием. Как в свое время Россия принесла в Америку полноту Истины — Православие, так теперь Америка с помощью о. Серафима делится ею с Россией. Благодаря о. Серафиму — одному из столпов американской совести — на здешней почве взращен плод древнего, высокодуховного христианства, глубин которого Америка ранее не ведала. Оно родилось в безмолвном сердце катакомб, вдали от суеты и гордыни человеческой, и по природе своей оно — *не от мира сего.*

Отец Серафим на занятиях «Нововалаамской Богословской академии». 1978 г.

ЧАСТЬ I

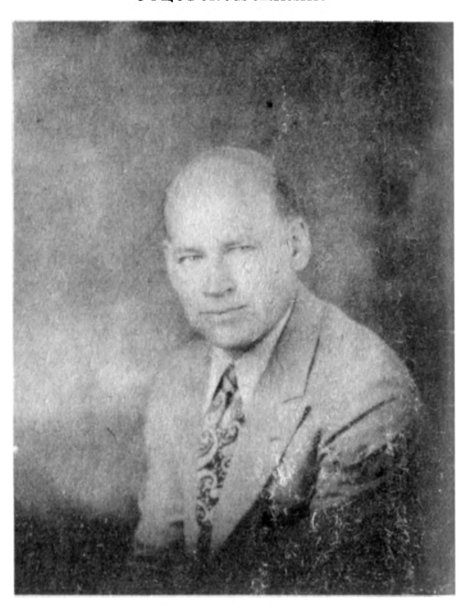

Джон и Хильма Холбек, дед и бабушка Евгения по материнской линии Свадебная фотография 1896 г.

Мей Ванденбоом Роуз, бабушка Евгения по отцовской линии.

Родители Евгения, Фрэнк и Эстер Роуз. Свадебная фотография 1922 г.

Отец Евгения, Фрэнк Роуз.

1

Истоки

Человек этот — не благородный сын именитого рода.
Он простолюдин, но тем не менее истинно благороден.

Эврипид[1].

ПРАВОСЛАВНЫЙ иеромонах Серафим Роуз слывет первым из сынов Америки, кто связан с древней святоотеческой верой. Родился он в Сан-Диего, обычном калифорнийском городе, в обычной, среднего достатка, протестантской семье. Нарекли его Евгением, т. е. «благородным».

Деды его и бабки — выходцы из Европы. По материнской линии — из Норвегии: деда, Джона Христиана Холбека, привезли в США 13-летним подростком, а бабушка, Хельма Хеликсон, шведка по национальности, появилась здесь трех лет от роду. Холбеки и Хеликсоны обосновались в маленьком городке Две Гавани, что в штате Миннессота. Хельма и Джон выросли, познакомились и в 1896 году поженились. Джон работал бурильщиком на алмазных копях, потом занялся фермерством. В семье родилось пятеро детей. Средней дочке Эстер, появившейся на свет в 1901 году, и суждено было стать матерью Евгения.

Выросла она на маленькой ферме (отец по дешевке купил землю «пни да кочки», как сам он говаривал). Чтобы очистить участок, он даже использовал динамит. Доход ферма приносила небольшой, а семья росла, и Джону приходилось вечерами подрабатывать в городе. Позднее он завел коров и стал развозить по домам молоко.

Холбеки крестили детей в лютеранской церкви и воспитали сообразно. В семье почитали образованность и ценой больших жертв определили старшего сына Джека в колледж. Годы спустя, добившись

благосостояния, он сполна воздал родителям. Лишь двоим детям удалось получить образование, но зато внуки и правнуки почти все весьма преуспели на учебном поприще. Добиться успеха считалось делом чести.

Джон Холбек относился к той породе неутомимых тружеников, чьими стараниями выросла и окрепла Америка. Он не знал ни минуты покоя — работа на ферме отнимала все время и силы. Однажды дочь вернулась домой из леса, весело напевая, с букетом цветов. Джон не преминул оценить ее поведение с житейской точки зрения. «Пением да цветами сыт не будешь!» — бросил он, твердо, с норвежским акцентом выговаривая слова.

Однако несколько позже у Эстер нашлось время и для пения, и для цветов (точнее, она увлекалась музыкой и живописью, рисуя в основном цветы). Но детство, полное лишений, отложило отпечаток на всю жизнь: Эстер вела хозяйство очень экономно, учитывая каждый грош.

Ее суженый, Фрэнк Роуз, был совсем иного склада. Спокойный, смиренный и приятный в общении — он довольствовался тем, что посылала судьба.

Родители его происходили из французов и датчан. Один из предков по отцовской линии служил в армии Наполеона и женился на венгерской цыганке, но, увы, Фрэнку явно не досталось ни капли пылкой, страстной цыганской крови.

Отец его, Луис Дезире Роуз, некогда переехал из Франции в Канаду, а оттуда — в США, где и открыл — всё в том же местечке Две Гавани — кондитерскую, в которой подавалось и мороженое. В молодости в результате несчастного случая он потерял ногу и носил деревянный протез. «Но в то время не принято было охать и ахать по этому поводу. Как бы туго однажды ни пришлось — надо жить дальше!» — вспоминал один из членов семьи. Выросший в католической среде, Луис сам, однако, сделался закоренелым атеистом с явным креном в сторону социалистов. Он похвалялся, что к 12-ти годам прочитал уже весь Новый Завет, дабы подчеркнуть свое теперешнее безверие. Что, впрочем, не помешало ему жениться на ревностной католичке, голландке Мей Вандербоом, из городка Маркет в штате Мичиган.

У них родилось четверо сыновей, один утонул 12-ти лет. Фрэнк — второй по старшинству — появился на свет в 1890 году. В детстве, по настоянию матери, он прислуживал в церкви. Мей умерла 48-ми лет от роду, когда ему исполнилось четырнадцать, но наказу матери он следовал еще четыре года.

Участвовал он и в первой мировой, воевал во Франции в составе американской армии и домой вернулся сержантом. С Эстер Холбек они

познакомились в кондитерской отца, где девушка в то время работала. Она только-только окончила школу и была одиннадцатью годами моложе. В 1921 году у себя в городке они поженились. Фрэнк попробовал было открыть собственную кондитерскую (после того, как отец закрыл свою), но потом устроился на работу в фирму «Дженерал Моторс». Тогда же в семье Роузов родилась дочка Эйлин.

В 1924 году, когда ей исполнилось два года, семья перебралась в Южную Калифорнию, предпочтя солнце и тепло холодным миннессотским зимам. В Сан-Диего Роузы снова открыли кондитерскую, но она приносила доход лишь тогда, когда в порт заходили военные корабли, и в конце концов от магазина пришлось отказаться. Фрэнк же удовольствовался должностью уборщика в Управлении городских садов и парков. Ему выпало наводить чистоту на стадионе.

В Сан-Диего у Роузов появилось еще двое детей: Франклин (на четыре года моложе Эйлин) и Евгений (через 8 лет после Франклина). Все дети удались: пригожие, смышленые, рослые.

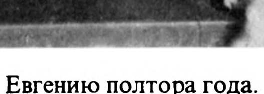
Евгений Деннис Роуз родился 13-го августа 1934 года, в разгар великой депрессии. Родители, неудачно вложив деньги в акции, терпели убыток, и порой в доме едва хватало еды. Евгений по малолетству не запомнил этого времени, зато Эйлин не забыла, как вся семья стояла в хлебных очередях. «Когда претерпишь лишения по бедности, вспоминаешь о них всю жизнь и начинаешь мерить благополучие деньгами», — говорила она. Познав нужду и тяжкий труд еще в детстве, Эстер сделалась еще более бережливой, едва ли не скрягой, и не переменилась до конца жизни, хотя и Эйлин, и Франклин изрядно преуспели и денег доставало. Наученная горьким опытом во время депрессии, Эстер по привычке собирала обмылки и перетапливала их. И в детях она воспитала трезвое и практичное отношение к жизни.

Евгений родился, когда отцу исполнилось 44, а брат с сестрой уже подросли. И неудивительно, что он рос всеобщим любимцем, словно единственный ребенок. «Нежданная прибыль», — шутили бедствовавшие в ту пору родители.

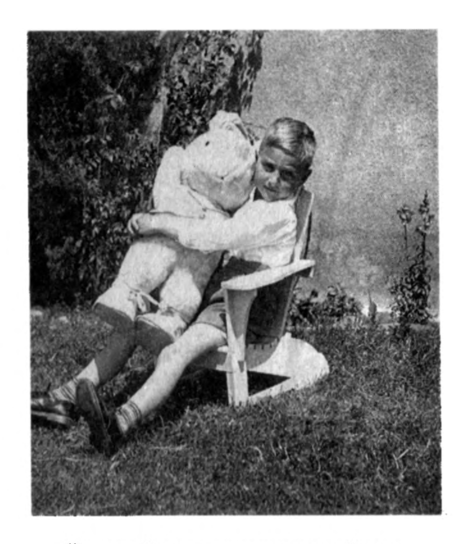
Евгению было лишь 4 года, а сестра уже закончила школу и поступила в колледж в Лос-Анжелесе. Через два года вышла замуж и в дальнейшем виделась с младшим братом очень редко. «Он рос веселым и ласковым», — вспоминает она ту пору, когда старшеклассницей нянчила его (родители были заняты в кондитерской).

Вслед за Фрэнком с Эстер перебрались в Сан-Диего и их старики. Дедушка Луис Роуз умер, когда Евгению было 7 лет, а старикам Холбек посчастливилось увидеть внука уже взрослым. В юности ему досталась семейная реликвия: большие часы, подаренные Луису и Мей к

Евгению полтора года.

Евгений с игрушечным зайцем на Пасху.

свадьбе. До последних дней он не расставался с этими часами — частичкой семейной истории и заводил их каждый вечер, хотя они давно показывали неточное время.

В СЕМЬЕ безоговорочно верховодила Эстер, натура волевая, решительная. Она надзирала за всем, что происходило дома. Ничто не укрывалось от ее ока. Она считала себя вправе без спроса входить в комнаты детей, рыться у них в столах, читать их письма, работы. Требовательна она бывала чрезвычайно и весьма скупа на похвалу. В ту пору считалось, что родителям не следует хвалить детей, дабы не избаловать. Однако, когда их не было поблизости, Эстер выставляла всех в лучшем свете перед родными и знакомыми. Особенно она восторгалась Евгением.

«В нашей семье не принято было выказывать чувства», — вспоминает Эйлин. Даже добрейший и любящий Фрэнк стеснялся приласкать детей. Эйлин не помнит, чтобы в детстве тот ее хоть раз поцеловал. «А маме слова поперек не скажи — рассердится не на шутку. Папа в такие минуты держался подальше». Похоже, выбор у Фрэнка был невелик: разве что подчиниться. Он всеми силами избегал раздоров, всегда и на всё отвечал согласной улыбкой. «Твоя правда!» — бывало поддакивал он жене.

Евгений, как и отец, не перечил матери. Рос, как вспоминают в семье, послушным, даже «примерным» сыном. «Из всех детей родители выделяли Евгения, — продолжает Эйлин, — во всём-то он старался угодить, а мама от него слова грубого не слышала».

«Да, Евгений радовал нас всех, — вторит ей Эстер. — Отец, бывало, говорил о нем: словно солнышко ясное».

По ее же словам выходило, что муж, Фрэнк, «довольствовался малым»: лишний часок дома с женой побыть, по хозяйству что-нибудь поделать. Этим круг его интересов и замыкался. За должностями и деньгами он не гнался и Евгения не понуждал.

«Практичности ему недоставало, — утверждает Эстер, — «интеллигенция», а я-то на земле крепко стою». В отличие от жены, Фрэнк следил за новостями, ежедневно просматривал по крайней мере две газеты, не пропускал и деловых журналов. Книг же, увы, почти не читал.

Пусть он не блистал образованностью, зато выделялся добродетельностью. И Евгений, как и большинство мальчишек, брал пример с отца, переняв лучшие черты. Скромность и смирение служили ему всю жизнь. Он тоже «довольствовался малым», когда дело касалось мирской славы и материальных благ.

От матери же унаследовал деловитость и практичность, упорство, выразительную и лаконичную речь, насыщенную яркими «бытовыми» словечками и оборотами. В произношении он не допускал никакой небрежности. И от обоих родителей перенял лучшие американские черты: честность и прямодушие. Благодаря им, он впоследствии умел распознать любое лицемерие.

От простого «типичного» американца Фрэнка отличала разве что покорность. Он был натурой застенчивой, упорной, цельной и — самое главное — любящей, не скрывающей чувства. Таким рисовали тогдашние книги и фильмы простого человека, способным на героизм, сложись обстоятельства соответственно. Евгений вобрал все эти черты. Врожденные задатки и воспитание, казалось, предопределили его развитие: быть ему «славным малым» по образу и подобию Гэри Купера. Однако на этом типично американском «древе» зрел плод совсем особенный — будто в семье американцев-простолюдинов родился некто благородных кровей. В чём-то Евгений резко отличался от всех. Только в детстве это не бросалось в глаза. Поначалу среди сверстников его выделяла задумчивость, спокойствие и врожденная сдержанность.

«Он с детства рос серьезным и прилежным, — рассказывает мать. — И не по годам умным. Первым среди сверстников (а порой и среди взрослых) схватывал суть услышанного или увиденного». Один из его

Семья Роузов. Слева направо: Фрэнк, Франклин, Эйлин, Эстер и Евгений.

Последний, самый любимый ребенок. Евгений с отцом и матерью.

учителей в начальной школе вспоминает: «Стоило Евгению появиться в классе, как меня будто что-то подгоняло. И я торопился перейти к новому материалу, чтобы не растрачивать время».

Сдержанность и прилежание никоим образом не мешали Евгению играть и развлекаться вместе с обычными американскими мальчишками. Малышом он скакал на деревянной лошадке, изображал ковбоя. Подростком вступил в Клуб скаутов*, заинтересовался бейсболом. В шесть лет начал учиться играть на фортепьяно и не бросил занятия даже в колледже, а в школе с 10-ти до 12-ти лет состоял в отряде «юных регулировщиков движения» и, как вспоминает мать, относился к своим обязанностям очень ответственно. По окончании же начальной школы он удостоился почетного звания «сержант». — В этом чине демобилизовался и его отец.

Евгений очень любил природу. Городское общество естествознания организовало детскую летнюю школу по естественным наукам, и старшеклассником три лета кряду он посещал занятия по зоологии, имея возможность изучать животных в знаменитом зоопарке Сан-Диего. Интересовала Евгения и жизнь обитателей моря (как-никак рядом океан). Дома в шкафу он держал заспиртованных осьминогов и прочих морских тварей. Была у него и коллекция бабочек. А увлекшись астрономией, он разрисовал звездами весь потолок своей спальни, правильно расположив созвездия.

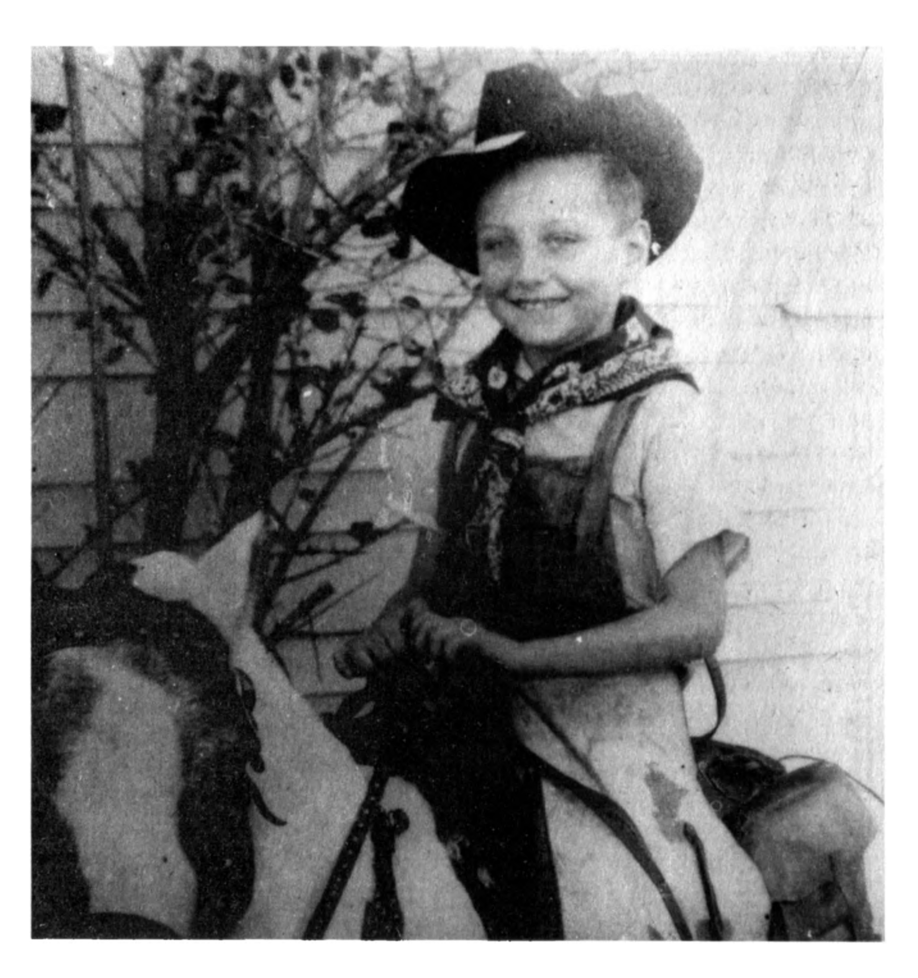
По пятницам вечером они с отцом отправлялись в библиотеку, располагавшуюся неподалеку, и эти еженедельные прогулки стали традицией. Евгений возвращался всякий раз с охапкой книг. Каждое лето, во время каникул он участвовал в читальном кружке при библиотеке.

Очень рано познакомился он с Диккенсом. «Читал «Записки Пиквикского клуба» и смеялся», — вспоминает мать. Но вечером, когда наступало время спать, она входила к сыну в комнату и выключала свет. Случалось, по ночам ее будил приглушенный смех в детской. Она тут же являлась с проверкой. Спрятавшись под одеяло с фонариком, Евгений продолжал читать «Пиквикский клуб», не в силах оторваться от книги, некогда в одночасье вознесшей автора к вершинам славы.

У Евгения был пес Дитто, не ахти какой смышленый, но зато свой и поэтому безмерно любимый. Мальчик заглядывал ему в глаза, словно человеку. Но вот пес попал под машину, и как безутешно рыдал его маленький хозяин! То была первая встреча со смертью. «Да разве ж

---

* В его команде «мамой-скаутихой» оказалась мать известного киноактера Грегори Пека. Она отзывалась о Евгении как о самом умном в группе.

Маленький ковбой Евгений — будущий монах.

можно так любить собаку? Собаку! Нет, это противоестественно!» — изумлялись все вокруг, не понимая, из-за чего мальчик так убивается.

В необыкновенно любящем сердце Евгения с детских лет жило сильное религиозное чувство. Протестантка-мать всячески старалась его укрепить. Католик-отец порвал с Церковью в 18 лет. В семье об этом не вспоминали, и причины никто не знал. Не сказать, чтобы Фрэнк Роуз был воинствующим атеистом, как его отец (впрочем, «воинствующим» он никогда и ни в чём себя не проявлял), но и особого рвения к Церкви не испытывал. Иногда ходил вместе с женой на службы, но, как она сама признает, чтобы только угодить ей.

А вот что говорит Эйлин: «В детстве мама водила нас то в лютеранские, то в баптистские, то в методистские, то в пресвитерианские церкви. И в каждой непременно пела в хоре. Также непременно ссорилась со священником, поэтому мы и сменили столько церквей».

В детстве Евгений на уроках Библии в пресвитерианской церкви по соседству учил Священное Писание и знал его назубок, чем немало удивлял родителей. По словам матери, самое большое впечатление на мальчика произвели Книги Эсфири и Самуила из Ветхого Завета. В восьмом классе, по собственному почину, он принял крещение и конфирмацию в методистской церкви.

ОДНАКО к концу школы тяга к религии ослабла. Уолтер Помрой, его закадычный друг той поры, утверждает, что Евгений не отличался особой набожностью. Зато проявлял интерес и усердие к точным и естественным наукам. Уолтер вспоминает: «Мы заканчивали школу в то время, когда считалось, что наука спасет мир. И многие готовились стать физиками, инженерами, врачами».

Школа, в которой учился Евгений, была обычной, «районной», выражаясь современным языком, и мало кто из выпускников готовился поступать в колледж. Эти немногие «избранные» вместе занимались в разных кружках, вместе ходили на подготовительные курсы, но среди них заметно было четкое разделение: первые — из богатых семей, жившие в «приличных» районах, вторые (их набралось человек шесть-семь) — среднего достатка, а то и вовсе бедняки. В эту группу входили трое евреев, мексиканец и Евгений с Уолтером.

«Богатые» активно участвовали в школьном самоуправлении, избирались классными старостами, держались чуть особняком (из таких групп впоследствии складываются «элитные» студенческие братства и землячества), хотя не чурались и остальных ребят. «Как-никак от нас зависит: голосовать «за» или «против» них», — заметил как-то Уолтер.

Евгений (4-й слева) в группе «скаутят».

Евгений с любимым псом Дитто.

Группу «бедняков» сплачивали общие интересы в музыке, литературе, искусстве. На большой перемене за обедом они делились прочитанным, спорили о любимой классической музыке. Современную поп-музыку они не принимали. «Мы ее просто не замечали», — уточняет Уолтер. Не ходили они и на школьные вечера с танцами. У Евгения и его друзей обнаружились немалые спортивные задатки, и по физкультуре они получали отличные оценки, однако в соревнованиях не участвовали. «В теперешней школе, — говорит Уолтер, — мы бы прослыли большими чудаками».

Евгения он прозвал Евгон, сократив подобным образом «Евгений Онегин» (оба, конечно, знали и поэму Пушкина, и оперу Чайковского). Любопытно, что этим Уолтер как бы предвосхитил дальнейшую связь Евгения с Россией.

Сотоварищи Евгения были начитаны и образованны не по годам, и Уолтер, ранее не отличавшийся высокой культурой, гордился дружбой с ними. Мальчики из еврейских семей, воспитанные на классической музыке, отлично в ней разбирались. Особенно высоко они ценили Моцарта, Бетховена и Брамса и не признавали современных композиторов, которых любил Уолтер. Они подолгу спорили, сравнивая, к примеру, Дебюсси и Брамса.

Какую позицию занимал Евгений? Уолтер говорит, что тот отдавал явное предпочтение классической музыке, хотя не гнушался и иной, и не торопился выносить суждения.

Он заслушивался арией из последнего действия «Тóски» Пуччини: приговоренный к смерти герой пишет письмо возлюбленной, начиная словами «Светили звезды...». Особенно же восхищало исполнение Ферручио Тальявини. «Не счесть, сколько раз мы ставили эту пластинку», — продолжает Уолтер, сам большой поклонник «Тóски».

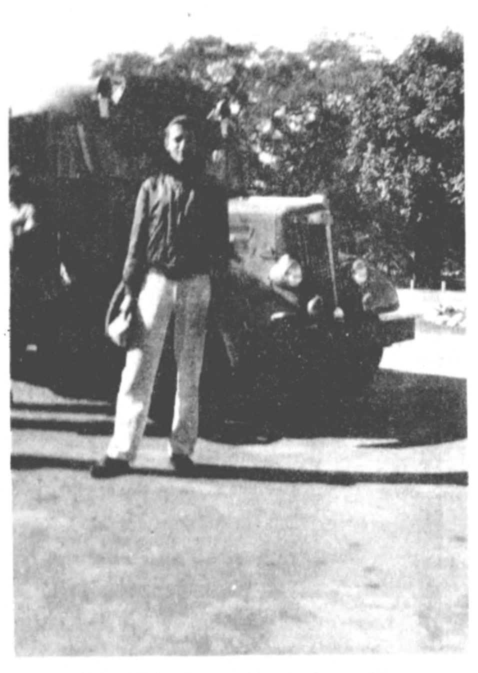
И когда разговор касался высоких материй, Евгений тоже предпочитал молчать, «изучать чужие мнения», как говорит Уолтер. «Но случись кому в споре дать промашку, он тут же ее подмечал. Как самый сдержанный и рассудительный из ребят, он чаще комментировал чье-либо высказывание, нежели высказывался сам».

Учился Евгений с рвением, часто «засиживаясь заполночь», по словам матери. Однажды она сказала сыну: «Ты столько времени проводишь за книжками — не иначе, важным человеком станешь». «Я не хочу быть важным, — отвечал тот, — я хочу быть мудрым».

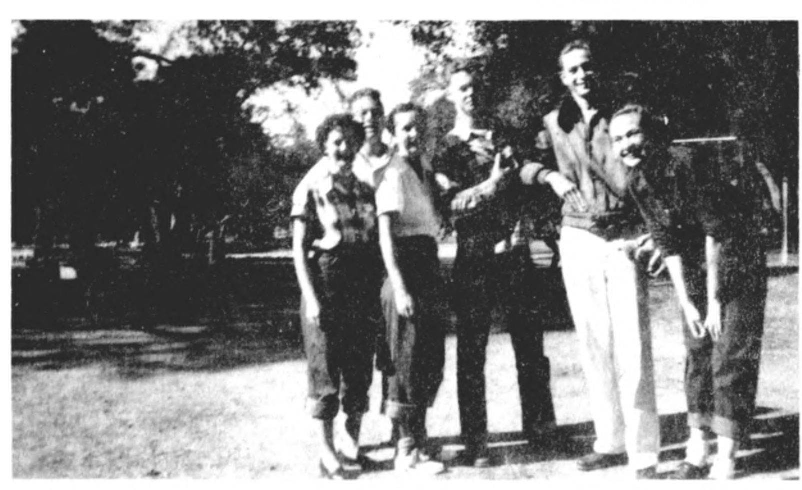
«С его способностями можно было хорошие оценки просто так получать, не уча уроков, однако он занимался больше всех нас, —

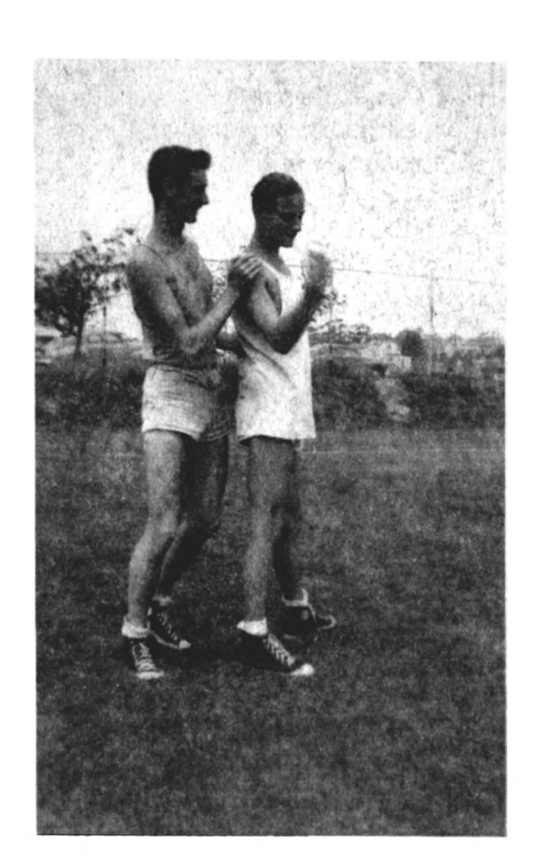
Евгений (слева) с одноклассниками у школы в Сан-Диего.

Евгений у школьного автобуса, на экскурсии в Эль-Монте парке. Ноябрь 1951 г.

Евгений (второй справа) с друзьями в Эль-Монте парке. Ноябрь 1951 г
Фотографии Джеймса Нотта.

Евгений (справа) на уроке физкультуры.

Евгений (второй справа) с приятелями.
Фотографии Джеймса Нотта.

вспоминает Уолтер. — Если задавали написать реферат по какой-либо теме, работа Евгения оказывалась самой исчерпывающей и глубокой. У него был аналитический склад ума. А неспешность в решениях очень помогала на химии, где нужно взвесить все возможные последствия опыта».

Вот как отзывается его племянник, Майкл Скотт, семью годами моложе дяди: «В учебе Евгению не сыскать равных, способности у него просто феноменальные». Порой ответы его оказывались настолько лучше остальных, что приходилось ему единственному в классе ставить высший бал. И вместе с этим Евгений всегда выделялся скромностью, весь в отца. Мать приводит его слова: «Не создавай у людей слишком высокого мнения о себе».

Племянница Салли вспоминает так: «Для меня он всегда был «дядя» Женя. Такой серьезный, такой ученый. Всегда наставлял меня, являя огромное терпение. С детства он был не как все, внутренне всегда собранный. Конечно, обособленность в ранней юности приносила ему немало огорчений, но потом он все же обрел истинное призвание, нашел себя... Помню один случай с книгами. В праздники вся семья бывало собиралась за обеденным столом. Женя же, отобедав, сразу уходил к себе и садился за книги. Однажды я без спроса забралась к нему — я тоже любила читать — и так, с книгой в руках, он меня и застал. Было мне лет 9-10, и я ужасно испугалась. Но он спросил лишь, какие книги мне больше всего по душе. Я назвала лишь две: «Пес по кличке Чипс» и «Чарли» Альберта Пейсона Теруна, а он предложил: «Я подарю тебе те книги, названия и авторов которых ты в следующий раз вспомнишь». Его подарки я храню и по сей день, и книги те читаю дочерям».

Уже в старших классах Евгений проявил незаурядные способности к языкам, взявшись сразу за испанский, немецкий и французский. К окончанию школы он уже умел слагать стихи по-немецки. Преуспел он и в математике, в чём, по мнению Уолтера, заслуга не только аналитического ума Евгения, но и его самодисциплины. Учитель математики прочил ему хорошую карьеру в этой области и дал рекомендацию для поощрительной стипендии в колледже.

Учитель английского, господин Баскервилл, также принимал участие в Евгении. По словам Уолтера, господин Баскервилл привечал искусство и независимость суждений. Он любил музыку, обожал испанскую романтическую поэзию и приобщил своего ученика к творчеству певца американской природы, поэта Робинсона Джефферса, который в своих стихах восставал против жестокости и войн, что в ту далекую пору было не столь модно, как ныне. На летние каникулы господин

Баскервилл устроил Евгения в книжный магазин в Сан-Франциско и тот все три месяца работы жил в пансионате «Отель де Франс», где говорили только по-французски и подавались блюда только европейской кухни.

Старшеклассником он прочитал «Преступление и наказание» Достоевского, но, как признал сам, в ту пору еще не оценил и не понял всей глубины писателя.

«На пустяки у него не оставалось времени», — говорит мать. Глупые школярские забавы, равно и пышные празднества, наводили на него тоску. Помнится, Майк Скотт изумился, узнав, что Евгений и не думает учиться водить машину, хотя о машине тогда мечтал едва ли не каждый. Даже Уолтер поддался всеобщему искушению и проводил время, «порхая как мотылек», проводя досуг в гулянках и ночных забавах, что претило его другу. Когда пришла пора выпускного вечера, торжественного события — гордые родители, разодетые дети, — Евгений не хотел даже брать напрокат непременный в таких случаях смокинг. Правда, он всё же принял участие в спектакле, который давали на вечере. Помогал писать сценарий (его «творили» двенадцать выпускников, ведомые учителем), сыграл одну из ролей и даже распространял билеты. Пьеса называлась «Чуть-чуть повзрослели» и ставилась, чтобы угодить родным и близким выпускников. Обыгрывалась «американская мечта», всё еще популярная в 50-е годы: идеалы семьи, умеренная религиозность, преуспевание в карьере, благосостояние, ответственность и трудолюбие, служение человечеству в духе Альберта Швейцера.

В 1952 ГОДУ Евгений закончил среднюю школу в Сан-Диего. Закончил первым учеником! В выпускном альбоме одноклассники оставили следующие записи: «Евгений, ты — гений!», «Больших успехов! Утри нос старику Эйнштейну!». Он получил несколько поощрительных стипендий. Самая большая — 4000 долларов — имени Джорджа Ф. Бейкера, по рекомендации школьного учителя математики. Получив уведомления, Евгений отнесся к этому спокойно. Мать, узнав о такой удаче, возликовала. «Так где же это письмо?» — спросила она сына. «Где-то в столе», — невозмутимо ответил тот. «В жизни не видела такого скромного мальчика!» — вспоминая этот и подобные случаи, говаривала Эстер. Более того, Евгений отказался от прочих стипендий, присужденных ему, заметив кратко: «С меня и одной хватит».

Он еще не думал о будущем, решив пока поступить в колледж южнокалифорнийского городка Помона, и как сокрушался учитель математики — ведь любимый ученик не пошел по его стезе. Уолтер

говорил: «Евгений преуспел бы на любом поприще, но искал дело по душе. Ему хотелось увлечься, загореться».

Окрест Сан-Диего не счесть дремучих оврагов и лощин, заросших кустами, деревьями, буйными травами. Был такой овраг и недалеко от скромного дома Роузов. Молодой человек любил уединяться там, гулял часами, а то и ночи напролет, зачарованно созерцая бесчисленные звезды над макушками деревьев, и, скорее всего, не только тягой к размышлениям объяснялись эти прогулки, но неким внутренним разладом. Отец Павел Флоренский, великий русский ученый, мыслитель и мученик, писал, что «удел великого человека — сносить страдания как внешние, от мира, так и внутренние, от самого себя. Так было, так есть, так будет». Вот и Евгения снедала неизъяснимая тоска: почему он не такой, как все? Острый ум позволял ему заглядывать глубже и дальше других, и сейчас серая обыденность уже прискучила. Пора идти дальше, но куда? Добиваться преуспеяния в суетном мире с его грошовыми материальными «идеалами»? Нет, высокая, благородная душа чаяла совсем иного.

«Какой глубокий у него взгляд, — вспоминает Уолтер. — Даже страшно в глаза ему посмотреть, он будто в душу заглядывал, самую суть узреть хотел. Я всегда сравнивал Евгения с котлом, в котором что-то закипает, бурлит. Ждешь: вот-вот из под крышки потянется пар — ан нет! Внешне всегда невозмутим, сдержан, терпеливо дожидается, пока накопленные наблюдения пригодятся в деле».

Да, Евгений, как и всякий мыслитель, задавался извечным вопросом: зачем? И ответ подскажет только собственная жизнь, собственный опыт. Это Евгений знал, или скорее чувствовал, уже в ту пору. Этим руководствовался он, определяя свой жизненный путь, — до последнего шага.

2

Зачатки бунта

Заблуждение великих людей ценнее, нежели правильность заурядных.

Фридрих Ницше.

Осенью 1952 года Евгений поступил в колледж Помоны и поселился в общежитии.

Был он высок (1м 90), худощав, хорошо сложен. Волевой подбородок, безукоризненные белые зубы, хорошо очерченный крупный нос, высокий лоб, густые каштановые волосы (зачесывал он их назад). Особенно выделялись на бледном лице большие голубые глаза — задумчивые и проницательные. Носил Евгений обычно белую рубашку с закатанными рукавами.

Помона (равно и Стенфорд) считалась лучшим частным колледжем в Калифорнии и одним из главных в стране центров гуманитарного образования. Как и Гарвард, Помону основали протестанты из Новой Англии, включив ее в структуру, подобную Оксфордской, т. е. объединив в одно целое несколько независимых колледжей. Объединение это так и называлось «Оксфордом в апельсиновой роще» и включало, помимо Помоны, Скрипс (женский колледж) и Клермонт (мужской). В Помоне обучались юноши и девушки, а профессора приглашались из самых известных университетов. Много внимания уделялось индивидуальной работе: на 10 студентов приходилось по преподавателю, посему конкурс в колледж был очень высок — четыре претендента на место.

Когда Евгений поступил туда, Помона еще являла собой цитадель консервативного духа. В послевоенные годы расцвета там царили тишина и покой. Здания, увитые плющом, эвкалиптовые аллеи, зеленые луга, ясное голубое небо, теплый, субтропический климат, как на Средиземном море, а в ближайшем городке — лишь несколько тысяч жителей.

В маленьких американских колледжах того времени у студентов считалось чрезвычайно важным добиться признания. Счастливчиков знали поименно, равно и неудачников. Наиболее способных, выделяемых преподавателями, величали «ду́хами» за особое рвение и усердие. Зеленым новичкам-первокурсникам «ду́хи» служили вроде дядек-наставников. Как заметил один из студентов: «Выйти замуж за «духа» — мечта каждой девушки в колледже»[1]. Многие «ду́хи» состояли в престижном студенческом объединении «Ню Альфа Пи».

Как и у старшеклассников, считалось хорошим тоном иметь машину. «Признанные» развлекались тем, что устраивали танцевальные вечера, пикники на океанском берегу, «вылазки» на горные курорты. Но больше всего любили футбол. Перед началом матча на поле зажигался символический костер, проходил торжественный парад, а болельщики Помоны на трибунах заводили под барабанную дробь:

Бей, барабан, бей!
Наша Помона всех сильней!
Громче звуки, клич боевой.
Вперед, Помона, мы с тобой!

Важным событием считалось и «посвящение» первокурсников. Девушки оценивались на привлекательность, а юношам-новичкам предстояло сразиться «стенка на стенку» со второкурсниками, причем по колено в грязи!

Развлечения эти нимало не интересовали Евгения. Эта «настоящая» жизнь ничего, кроме отвращения, не вызывала. Юноша по-прежнему держался скромно, с достоинством, как и в школьные годы. Но уже чувствовалось: в душе бурлят сильные страсти. Превыше всего волновал вопрос: зачем он живет? Не терпелось постичь настоящую жизнь в ее высшем понимании.

ЧТОБЫ ответить на этот главный вопрос, приходилось использовать главное свое оружие: аналитический ум. Евгений принялся тщательно штудировать западных философов, посещал курсы лекций на философском факультете. Одним из учителей оказался Фредерик Зонтаг, человек резкий и требовательный, — живая легенда Помоны.

В конце первого курса Евгений написал работу, обобщив свои философские изыскания, опираясь на свою творческую мысль, знания по математике, естественным наукам и на некоторую помощь гениального Спинозы. Работа называлась «Бог и человек, их взаимосвязь». Евгений писал: «Под «Богом» я подразумеваю «вселенную», это более

Колледж Помона. Центральная аллея. 1954 г.

точное определение, потому что я хочу показать Его не в *личностном аспекте, а в обобщающем*... Вся наука указывает на существование вселенной, на общность всего, и ничто не указывает на существование Бога вне этой вселенной. На сегодняшний день, пока я не разработал свою теорию познания, удовольствуюсь положением о том, что знания можно получить только в науке. Поэтому я и руководствуюсь ее открытиями, указывающими на существование вселенной. И отрицаю идею некоего «независимого» Бога, за неимением доказательств».

Вот и всё, к чему привел эмпирический подход. Не помог и гений Спинозы... А о смысле жизни Евгений писал так: «Жить и радоваться жизни — вот смысл человеческого бытия... Человек должен жить ради счастья, а невзгоды переносить как неизбежность на пути к более счастливым временам, к коим его приведет любовь ко Вселенной».

Как видно из этих отрывков, Евгений уже полностью отрешился от протестантства, в котором вырос. Несмотря на любовь к родителям, он тяготился будничными, прозаическими культурными ценностями «среднего сословия». Их представления о Боге казались ему убогими и

невежественно-провинциальными, недостойными человека, стремящегося к высотам познания, а религия виделась ему неким безоговорочным признанием прописных истин. Люди словно боялись или не хотели заглянуть глубже, познать природу вещей. Протестанство для Евгения — этакое застывшее равновесие: на одной чаше — мирская, «счастливая» жизнь, на другой (как бы в оправдание ежедневной суеты и для пущего «долготерпения») — жизнь религиозная. Но душе его претила такая застылость, никогда он не смог бы удовольствоваться лишь «радостями семейного очага». Нет, это обывательское счастье для него — что прокрустово ложе. Равно не удовольствоваться ему и «прописными истинами». Надо искать выход, но где, в чём? Иного пути, нежели бунтовать, он не видел. А душа, хотя и бессознательно, уже тянулась к высокому и *духовному,* прочь от сухого умствования Спинозы.

Юных идеалистов, бунтующих против христианства, которое им навязали в детстве и которое не утоляет их духовной жажды, поджидают опасности. Сколько сладкоголосых сирен встретится им! Не избежал этого и Евгений. Проносясь по бурным водам западноевропейской философии, он поддался неистовому пророческому зову Фридриха Ницше. Еще в колледже Евгений прочитал в подлиннике «Так говорил Заратустра», и книга потрясла его.

Он усматривал у себя схожие с Ницше черты: стремление к высоким идеалам, горячее, страстное желание найти ответы на главные вопросы жизни. Он, как и Ницше, родился в атмосфере протестантства, сулившего, но неспособного много дать душе. Как и Ницше, он отстоял от всех и, будучи тоже интровертом, т. е. поглощенным своим внутренним миром, испытывал душевные муки, неведомые окружающим. И тот, и другой ненавидели шаблонность, приземленность, «психологию толпы», ярким примером которой видели современное протестантство. Много лет спустя после колледжа Евгений так обосновал протест Ницше против христианства: «Он — романтик по натуре и очень восприимчив к высоким идеям. Учась в протестантской семинарии, он мало-помалу возненавидел «христианство», увидев его духовную немощь. И не случайно. Ведь Лютер, изъяв из христианства идею подвижничества, по сути выхолостил его. Вот уже поистине: ни уму, ни сердцу! Перед Ницше не было примера истинного борца, подвижника, «героя», и он заключил, что всё христианство в целом — чудовищное надувательство, обман всего человечества, скорее суеверие, нежели вера, неспособное помочь в поисках истины. Ницше исходил из того, что человек может познать лишь находящееся в пределах его разума и отрицал всё запредельное. А того, что искал для души, не находил в

жиденьком, немощном «христианстве». Оно представлялось ему средством, помогавшим обуздать порывы, примириться с судьбой. Но это, говорил Ницше, удел толпы...

Сам же он был исполнен высочайших человеческих устремлений к благородству, к борьбе. Досконально изучив греческую литературу, он одну из своих книг посвятил дионисианству в Греции. До него полагали, что Греция — цитадель классического направления, так сказать, от Аполлона. Ницше, не соглашаясь, указывал на Дионисия — символ борьбы, стремления к высокому. Да и сам он уподоблялся Дионисию и в своей борьбе, и в своем поиске»[2].

Евгений тоже мечтал приобщиться этого, не подозревая, что тянется-то он именно к *подвигу,* в чём отказывает ему протестантство. Бунт Ницше, отрицание христианства привели его к идее «сверхчеловека». «Сегодня, — писал Ницше, — человек ничтожен и слаб, он временен. Завтра же, преодолев его, на смену придет Сверхчеловек». Много позже Евгений заметил, что «примером для Ницше мог бы послужить святой Антоний Великий, «преодолевший» человеческую сущность, уподобившись Ангелу на земле». Однако в юности Евгению еще не открылись высшие сферы подвижничества.

«А какие чудесные стихи посвящал Ницше меланхолии и одиночеству», — отмечал Евгений и приводил пример «Ночной песни», в которой Заратустра обнажает свои чувства: «Ночь опустилась, взыграли фонтаны. Так и душа моя: чувства бунтливые рвутся на волю... Тоска по любви... Но лишь лед под рукой, обжигающий холод... Ночь опустилась. Увы, светом быть только мне! Как бескрайняя мгла одиночества бездна!»[3] Наверное, в ту пору смятенной молодости душа Евгения так же сокрушалась и тосковала, упадая в черную бездну отчаяния.

За 12 лет до смерти Ницше постигло душевное расстройство, и он уже не мог писать. В литературных кругах бытует мнение, что безумие настигло Ницше внезапно, однако наиболее прозорливые, в частности Томас Манн, углядели начатки и развитие болезни в продолжение всей творческой жизни философа.

Идеи Ницше коренятся в самодовлеющей немецкой идеалистической школе и даже в учении Спинозы. Все они либо отрицали, либо принижали сущность Бога, возвышая и даже обожествляя себя, что суть абсурд и нигилизм. Безумный философ и поэт, подобно вагнеровскому языческому Змию, изрыгал пламя новой религии Сверхчеловека — антихриста. И какой бы она сумасбродной не казалась, Евгений в молодые годы скорее принял ее, нежели аморфное, выхолощенное «христианство».

Самое старое здание Помоны — Самнер холл. Фото 1983 года.

Помона. Арочная аудитория. 1983 г.

3

«Белые вороны»

Господь нередко отделяет от прочих людей своих избранников, чтобы те уповали лишь на Него, дабы приобщиться Его откровения.

Алисон.

ИТАК, философский поиск Евгения начался с неприятия Бога, Которого он, собственно, и пытался найти, к Коему исподволь стремился. Но долгий путь ожидал его. И в результате он вернется ко взглядам, которых вначале бежал.

Сверстники Евгения, испытывая острое неудовлетворение собой, своей жизнью, жаждали духовного и, не находя, впадали в отчаяние: они не видели, как им исполниться в окружающей обезличивающей жизни, и, как писал молодой английский поэт Джон Китс, «едва ль не возлюбили мы избавительницу-смерть». Нет оснований утверждать, что Евгений замышлял свести счеты с жизнью, однако думы о смерти нередко посещали его. И поверить свое смятение, свои чаяния он смог лишь одной живой душе — девушке, такой же первокурснице, как и сам. Звали ее Алисон.

Как-то хмурым осенним вечером, в ноябре 1952 года Евгений пошел на концерт в Арочную аудиторию колледжа — самый большой зал среди подобных во всех калифорнийских университетах. На строгом, в греческом стиле портике были начертаны имена великих композиторов.

В тот вечер давали фортепьянный концерт Шумана. Музыка всколыхнула душу Евгения. После концерта у выхода из зала его окликнул приятель, Дирк Ван Нухийс. Рядом стояла его спутница, Алисон. Евгений видел ее и раньше — им доводилось встречаться на лекциях по истории западной цивилизации, но знакомства так и не свел. Девушке

Евгений сразу приглянулся: держится с достоинством, да и собой недурен. Но больше всего ее поразила необъяснимая затаенная грусть в глазах.

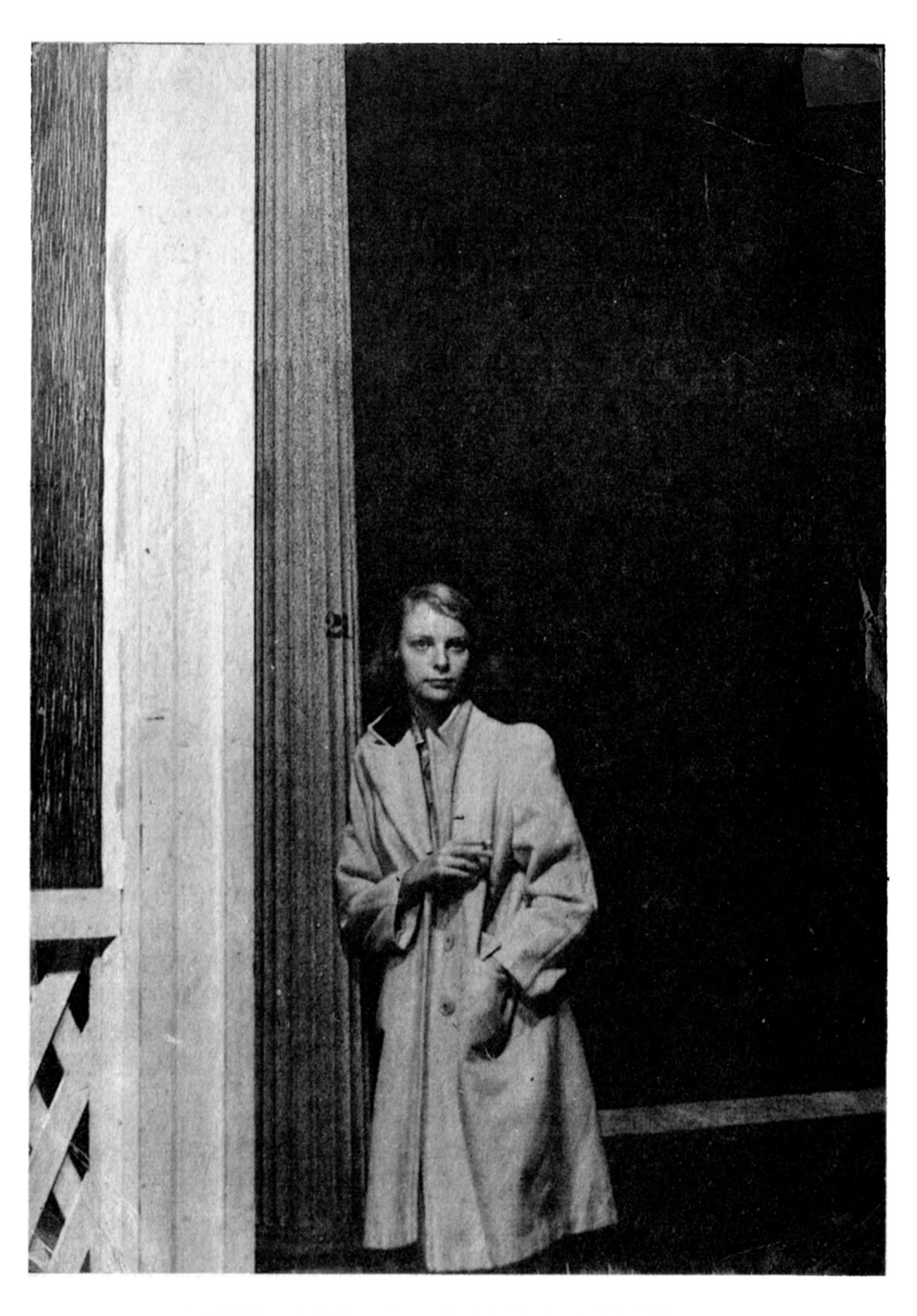
Представив Евгения, Дирк пригласил друга на чашку кофе, и все трое, окунувшись в прохладу ночи, зашагали к «Сахарнице», маленькому недорогому кафе, которое держали две милые тихие женщины. Согревшись горячим кофе, молодые люди заговорили о концерте, музыка Шумана взволновала каждого.

После этого знаменательного вечера Дирк, Евгений и Алисон стали завсегдатаями «Сахарницы». Вокруг них сплотились студенты, такие же «белые вороны», которых интересовало в жизни нечто большее, чем «успех» и «признание». Всех их объединяла любовь к искусству, музыке, литературе.

Алисон, подобно Евгению, была натура тихая и глубоко одинокая. Выросла она в артистической среде: мать пела в опере, дядя писал киносценарии. В свои восемнадцать лет девушка изведала немало горя. О раннем детстве ей даже не хотелось вспоминать, столь ужасно и безрадостно оно было. При властной, жестокой и себялюбивой матери девочка замкнулась и сделалась чрезвычайно робкой на людях. Правда, Алисон старалась брать пример с бабушки, особы светлой и душевной. Очень много дала ей и поэзия Т. С. Эллиота: под ее влиянием Алисон обратилась в христианство. Выросла она худощавой, с хорошо очерченным лицом, с длинными — до плеч — темнорусыми волосами, и многие считали, что она похожа на популярную в то время киноактрису Лорин Бекол.

Самой Алисон сравнение не нравилось, ей больше хотелось уподобиться Дженнифер Джоунз, которая в 18 лет сыграла свою первую роль в кино — святую Бернадетту Лурдскую.

Дирк Ван Нухийс (просивший, чтобы имя его произносили как «Дейрк») был тоже юношей незаурядным. Блестящий ум позволил поступить ему в колледж 14-ти лет. Когда он свел знакомство с Алисон, ему исполнилось лишь 15. Он очень хорошо разбирался в музыке и готовился стать писателем. Правда, контрольные по английскому он частенько заваливал, правописание у него явно «хромало». Его работы взялась проверять Алисон, и дело быстро пошло на лад. Вырос Дирк в богатой семье, и родители не принуждали его искать место в жизни. Однажды на праздник Благодарения они приняли у себя в большом доме в Беркли школьных друзей сына. Он выделялся общительностью, незаурядным чувством юмора и особым даром награждать друзей

Алисон позирует приятелю, занимавшемуся художественной фотографией. 1952 г.

прозвищами. За Евгением же сохранилось прежнее, со школьной скамьи — «Евгон». Сам он так и подписывал письма к Алисон.

Еще в их группу входил Альберт Картер, он изучал английскую литературу. Не по годам зрелый умом, неизменно спокойный и доброжелательный, всегда готовый выслушать, понять и помочь. В дальнейшем он закончил Принстон и стал преподавать английский язык в небольших колледжах.

Примыкала к ним и Ли Ван Девентер, впоследствии жена Альберта, тоже натура очень сердобольная, общительная, говорливая. Она занималась современной литературой и позже стала школьной учительницей.

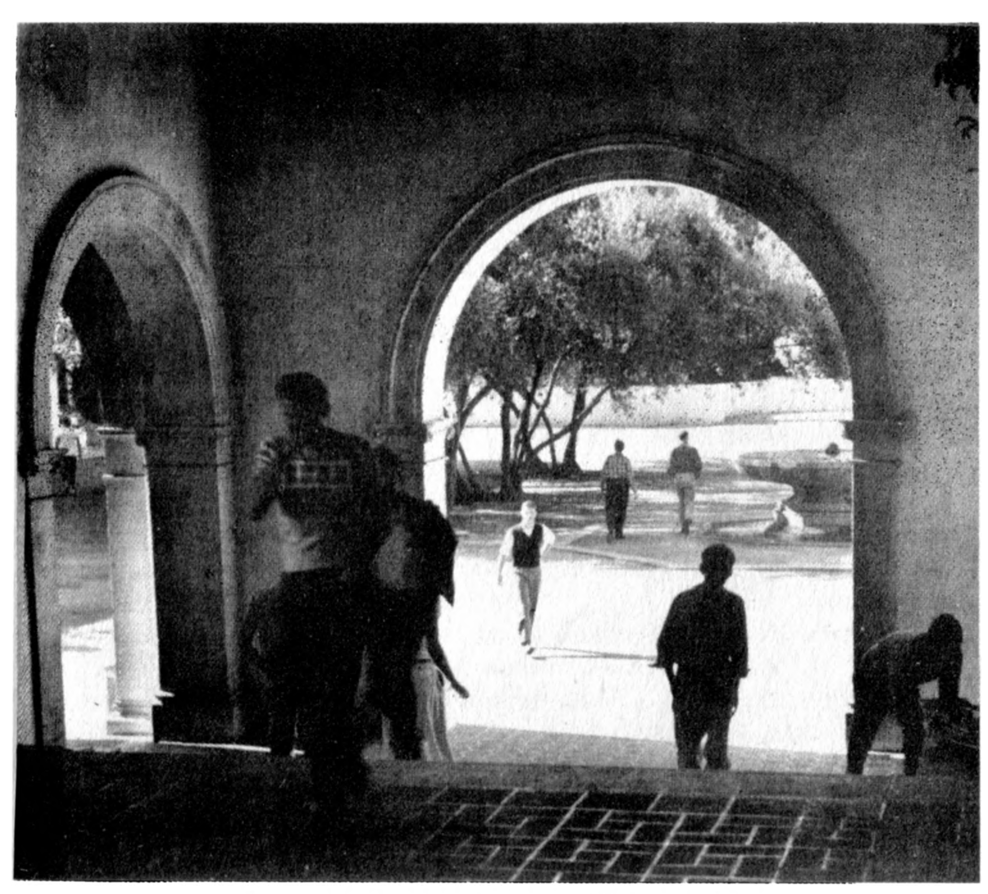
Клер Айзекс — еще одна яркая личность в окружении Евгения. Увлекалась драматическим искусством, открытая и прямодушная, в группе друзей она взяла на себя роль «мамы-опекунши». Особой религиозности не проявляла, однако гордилась древней культурой и верой предков-евреев. Годы спустя она снискала известность как театральный антрепренер.

Лоренс Мак-Гилвери, выбравший музыковедение основным предметом, слыл в группе очень утонченным ценителем едва ли не всех искусств. В дальнейшем он стал независимым издателем и распространителем книг по искусству.

Нельзя обойти вниманием и Джона Зигеля, готовившегося к принятию сана в англиканской церкви. Обширную эрудицию и знание латыни он получил в школе для мальчиков от епископального ордена Святого Креста. У него был чудесный голос, и частенько вечерами он напевал молитвы на латыни из католических молитвословов. Ему нравились сложные и красивые службы Западной Церкви, грегорианские песнопения, древние церковные церемонии. Правда, Алисон, тоже принадлежавшая к англиканской церкви, говорила, что он еще не обрел радость и покой в вере, нередко давал волю критике и нападкам. Специализировался он в древнегреческом и латинском. Позже, закончив Помону, как и Альберт, пошел по учительской стезе, преподавая английский.

Но из всех друзей и приятелей Евгений больше всего любил и уважал Кайзо Кубо, японца, выросшего в Америке. Тому уже минуло 24, и он был много старше остальных. До Помоны он учился в другом колледже и никогда не входил в число тех, кто «добился признания». Однако в Помоне снискал всеобщее уважение за серьезность, искренность и честность.

После нападения японцев на Пирл Харбор 14-летнего Кайзо и всю их семью вместе с другими американскими японцами отправили в

Вход в студенческую столовую. Помона. 1954 г.

лагерь для перемещенных лиц. «Я не в обиде, — говаривал Кайзо, — будь на месте американцев японцы, проявили бы куда больше жестокости»[1]. Вырос он в очень бедной семье. Родители перебивались поденной работой: то грузили фрукты, то собирали помидоры под палящим солнцем. Вскоре после смерти отца, в 1950 году Кайзо поступил в один из колледжей в местечке Долина Сан-Хоакин. Оттуда перевелся в Помону, чтобы изучать историю. На первом курсе получил стипендию, покрывающую все расходы на обучение. В дальнейшем ему пришлось подрабатывать в одном из общежитий, чтобы платить за комнату и питание.

Как и Евгений, Кайзо держался особняком, всегда невозмутим, спокоен, даже непроницаем. Говорил мало, но каждое слово просто и значительно. Полностью он так и не вошел в круг друзей Евгения,

оставаясь всегда и везде «сам по себе». Альберт объяснял это тем, что подростком Кайзо познал лагерь для «перемещенных лиц». Впрочем, Кайзо не чурался Евгения.

И неспроста. Друзья по колледжу помнят необыкновенное дружелюбие Евгения, помнят, сколь уважительны были их отношения. Помнят они и его ум (которым он никогда не щеголял), и оригинальное видение мира, наблюдения и выводы, противоречащие устоявшимся. Как часто покатывались они со смеху над остроумным поворотом его мысли. Юноши отмечали силу и сноровку Евгения. «Силен как бык», — говаривал Дирк. Когда затевалась командная игра, будь то волейбол или бейсбол, Евгений рьяно брался за дело, и горе тем, кто оказывался в команде противника.

Несмотря на тесную дружбу, Евгений оставался для знакомых загадкой, как они сами признавали. Частенько он часами в глубокой задумчивости гулял по ночам. Джон вспоминает: «Евгений носил длинные волосы, и нередко пряди ниспадали на глаза, придавая лицу некую одержимость. Лишь много лет спустя в группе узнали, какая бездна одиночества, отчаяния и разочарования разверзлась в душе их тихого, скромного друга. Знала обо всём лишь Алисон. Как уже говорилось, на всём белом свете она была для Евгения тем единственным человеком, перед которым он обнажал изболевшуюся душу. Духовное родство с Алисон он почувствовал сразу, при первой встрече в «Сахарнице», причём казалось, ничто не объединит их: он — ницшеанец и нигилист, она — верующая, прихожанка англиканской церкви. Евгения увлекали идеи, чтобы вынести решения, ему требовалось всё обдумать, «разложить по полочкам». Алисон жила чувствами и доверялась первому побуждению. Евгений штудировал философию, Алисон — писателей-романтиков прошлого, больше всех любила она Эмилию Бронте. «Но различия не мешали. Мы прекрасно понимали друг друга. Мы оба из той породы людей, которых понять трудно. Держались особняком, в больших компаниях чувствовали себя неуютно. Нам не было нужды что-то объяснять, растолковывать — понимали друг друга без слов, без притворства и самооправдания».

НА ПЕРВОМ курсе соседом Евгения по комнате оказался студент-математик. Вот как его описывает Джон: «По уши в своей математике, неулыба, чувством юмора обделен. Трудно Евгению с ним было, в соседи они друг другу никак не годились». Любопытно, как раз таким, «по уши в математике», и чаял видеть Евгения его школьный учитель.

Но, опять же со слов Джона, «философия переменила всю жизнь Евгения».

На втором курсе он оставил общежитие и снял недорогую комнату с отдельным входом. Как и Кайзо, ему пришлось зарабатывать деньги на жилье.

Зато теперь можно было собрать друзей не только в «Сахарнице», и «белые вороны», не желая примиряться с университетскими порядками (общежитие закрывалось в десять вечера), засиживались у Евгения заполночь. Хотя их протест не назовешь бунтарским, однако они нажили немало недоброжелателей. «В 1953 году, — вспоминает Лоренс МакГилвери, — на выборах старосты второго курса победил ловкач, сыгравший на настроении сокурсников: он пообещал разделаться с «белыми воронами», то бишь с нами. Хотя в чём наша вина? В наших неопределившихся устремлениях? В наших горячих спорах за чашкой кофе? В наших полночных посиделках в „Греческом амфитеатре"?»

В комнатушке Евгения друзья иной раз до утра слушали классическую музыку, беседовали, как вспоминает Алисон, «о самом главном — о смысле жизни». Другим же запомнились споры о музыке, книгах, живописи, скульптуре. Когда разговор заходил о Боге, Джон сетовал, что ему придется забыть о женщинах, дабы служить Господу. По словам Алисон, Джону казалось, что только в безбрачии — идеал священника, и он гордился своей жертвенностью.

Сам же Евгений больше слушал, нежели говорил, слушал внимательно и вдумчиво. Он бывал искренне рад и компании, и беседам о «высоком», но подчас ему казалось, что все разговоры о смысле жизни так и останутся лишь красивыми словами. Он же искал *дела,* хотя толком не знал какого. Когда ему приходилось вступать в разговор, он обычно спорил с Джоном о Боге. «Евгений выступал этаким ниспровергателем устоев. Скажет что-нибудь нарочито богопротивное и смотрит, как мы к его словам отнесемся», — вспоминает Джон. Иногда Евгений в разгар спора бросал столь неожиданную реплику, что остальные оторопело замолкали.

4

В поисках сущего

Ужели всё, что видим вновь и вновь,
Лишь сны и отраженья наших снов.

Э. А. По.

Изучая философию, очень скоро Евгений убедился, сколь ограничено рациональное мышление. Наивные, почти детские выводы в работе «Бог и человек, их взаимосвязь» вряд ли удовлетворяли его самого даже тогда, когда он ее писал. И книги других философов-рационалистов, которых он изучал по программе, не оставили глубокого следа. Даже Юм, опровергший безграничную веру в разум, не убедил Евгения: разум в его учении подменялся еще более ничтожным «здравым смыслом». В реферате о Юме Евгений говорил: «Он «здрав» до посредственности… От каждого слова разит скучной обыденностью. А всё, что оказывается за пределами, он отвергает. Как же тогда быть с иными, более утонченными человеческими проявлениями: в музыке, в религии, т. е. везде, где требуется подняться *над обыденным,* употребить некоторое воображение?»

Не много дала Евгению и философия Шопенгауэра. В реферате «Шопенгауэр: Комментарии к учению» он писал: «Мы не приемлем его пессимизм не потому, что можем противопоставить более достойную программу, а потому, что сам автор неубедителен. Нам представляется, что он не четко видит природу вещей… которая по сути своей не рациональна и не может быть познана разумом… видимо, требуется иная взаимосвязь между человеком и «всем сущим». Чувство ли, наитие ли — трудно сказать».

Годы спустя Евгений писал: «Студентом я искал в философии некую истину и, увы, не находил. Западная философия неимоверно скучна». Даже Ницше (которого не назовешь скучным) сумел лишь

разжечь бунтарское пламя в душе молодого человека. Очевидно было, что поиск вновь приведет его к религии.

«Зачем люди изучают религию? — спросил он однажды. — Конечно, много причин маловажных, но истинная — одна, если, конечно, подходить к делу серьезно: желание найти сущее, отличное от быстротекущей действительности, тленной, конечной, не сулящей душе непреходящего счастья. И всякая честная религия пытается открыть душе сущее»[1]

В НОЯБРЕ 1953 года, когда Евгений учился на втором курсе, навестил Помону обаятельный, чрезвычайно образованный и умный англичанин, коему впоследствии суждено стать вождем молодого поколения. Звали его Алан Уоттс. В 40-е годы, будучи священником англиканской церкви, он снискал известность богослова современного толка, способного зажечь сердца. В книге «Узрите Духа», принесшую ему ученую степень магистра, Уоттс утверждал, что «церковная религия духовно мертва», что ее следует заменить «внутренним духовно-мистическим познанием древней мудрости во всей ее полноте... то бишь лично приобщиться Сущего»[2]. Об этой работе отзывались, как об истинном откровении. «В последние годы, пожалуй, больше не написано таких замечательных книг о религии. Уоттс «зрит в корень» и честно признает несостоятельность современного протестантства. Он не только поставил «диагноз», но и предложил средство исцеления, возможно, единственное, — новый, метафизический по сути подход, — писал один известный автор-католик. — Более того, он признает важность восточных религий, чего не приемлет Западная Церковь. Далее он показывает, что идея вочеловечивания Бога и единения с Ним человека вполне соответствует восточным учениям, в частности дзен-буддизму (согласно которому единение с Богом происходит на сверхчувственном уровне, путем «просветления» или «озарения»). Выводы А. Уоттса чрезвычайно важны».

А священник епископальной церкви Иддингс Белл оценивал работу англичанина как «выдающуюся в области религии, таких в XX веке не наберется и полдюжины».

Однако в 1950 году Уоттсу из-за ропота верующих пришлось оставить место священника, а вскорости — и англиканскую церковь вообще. Год спустя он очутился в Сан-Франциско, где начал преподавать в только что открытой Американской Академии востоковедения, а в 1953 году возглавил ее. Из богослова он превратился в «востоковеда», чьим коньком стал дзен-буддизм[3].

Как уже отмечалось, начало 50-х годов можно назвать «интеллектуальным затишьем». Казалось бы, совсем недавно отгремела война с Японией, но (впрочем, может, как раз из-за этого) дзен-буддизм на Западе почти никто не знал, за исключением горстки писателей и поэтов, предтеч битников. Но затишью подходил конец. Уже веяло ветром перемен, и первым почуял это Алан Уоттс, он же и возвестил о них.

Джон, наслышанный об Уоттсе, как англиканском пасторе, уговорил «белых ворон» пойти послушать ученого. И вот пятерка — Джон, Дирк, Альберт, Лоренс и Евгений — отправилась на лекцию, которую Уоттс давал в Помоне.

Профессор огорошил слушателей сразу же: заявил, что вся западная школа мышления, которую они изучают, порочна изначально. Западный человек мыслит опосредованно, строя концепции и теории, т. е. он лишь узнает о сути вещей, а не самое суть. Стоит *подумать о чём-либо,* как разум сразу же готовит образ или моральный постулат — и всё, предмет исследования утерян. Мысль обозначает всё сущее образами и словами, тем самым подменяя его и искажая[4]. И тайну бытия можно познать, не размышляя о ней, а просто черпая впечатления и ощущения прожитого. Это то, о чём весь дзен. Это не философия, это приобщение к сущему. С этими словами он взял со стола стакан воды. «Что толку посмотреть и сказать: вот стакан с водой, — продолжал он, — важно не определение, но...» И вылил воду прямо на пол. Евгения, как он сам позже признался, это потрясло.

«Говорил Уоттс очень убедительно, — вспоминает Альберт, — и нас всех просто очаровал». Остроумный Уоттс дразнил, завлекал слушателей. Но не только. Он был весьма образован, и студенты познакомились с именами многих святых, мудрецов, писателей, о коих раньше не знали.

После лекции друзья принялись живо обсуждать выступление англичанина, так взбудоражившее их умы. Но Евгений не удовольствовался лишь разговором. Перед ним открылся новый путь, отличный от наезженной дороги наскучившей философии. Если религия открывает человеку сущее, то дзен, как виделось Евгению, бил прямо в точку. В курсовой работе по английскому в 1954 году он написал: «Путь дзен прям, у него нет священных писаний, непреложных истин, ритуалов, сложившихся понятий о Боге, душе, небесах, т. е. всех этих ловушек на пути человека к просветлению... В учении дзен, можно сказать, отражается весь опыт, накопленный историей Дальнего Востока».

Неудивительно, что молодого скептика привлек дзен-буддизм, не требовавший неистовой веры или почитания личностного Бога — ничего, выходившего за пределы личного чувственного опыта. По

сравнению с отринутым протестантством, дзен выгодно отличался глубиною поиска, образом жизни, требовавшим самоотрешения, значительных физических и умственных усилий (прообраз подвижничества, к которому безотчетно стремился юноша). К тому же, традиции дзен-буддизма на тысячу лет глубже, нежели традиции протестантства. И до чего ж отличен он от сытенького, половинчатого «христианства» американского обывателя! И потом: это ли ни испытание ума и души — познать и постичь иной взгляд на устройство мира, взгляд столь непривычный и необычный. И наконец, дзен предполагал просветление, внезапное *пробуждение,* прозрение сущего. Ибо, согласно буддистскому учению, окружающий мир, всё, что мы видим и слышим, — лишь иллюзия, как и всякая идея сама по себе. Евгению же — чужаку в мире сем — избавление от этой иллюзии сулило несметные духовные богатства.

И хотя учение дзен взывало скорее к рассудку, нежели к сердцу, оно всё же позволяло заглянуть за рамки логики и расчета. В другом реферате Евгений писал: «К познанию мира приходишь (в дзен) не с помощью «метода», не постепенно, шаг за шагом, мало-помалу, а мгновенно, даже вневременно: наступает *прозрение,* и видишь вдруг мироздание таким, каким оно всегда и было и пребудет. К такому *пробуждению* нельзя «придти», его нельзя «добиться», к нему лишь можно готовить себя».

Смерть привлекала Евгения возможностью покончить с мучительной неприкаянностью. Но, не правда ли, буддистское просветление — тоже своего рода «смерть» — оставляет куда больше надежды. «Нирвана — это конец пристрастий, жадных пылких желаний, — писал он. — Это смерть, итог. Но итог не только «конец», но и «завершенность». Угаснут и желания, и страсти, с ними умрут и страдания».

5

Под маской

Наш разум — что отвесная скала:
И высота страшит, и не измерить дна.

Джерард Манли Хопкинс[1].

И ДИРК, И АЛЬБЕРТ подмечали за Евгением удивительную способность к языкам. На первом и втором курсах он совершенствовал познания в немецком и французском. На третьем взялся за разговорный китайский. «Была у него в «китайской» группе девушка-китаянка, — рассказывает Альберт, — раньше она жила в Сан-Франциско в китайской общине и говорила на кантонском диалекте. Год спустя она уверяла, что, не знай Евгения, на слух приняла бы его за китайца. И очень смущалась оттого, что не преуспела, как он, хотя китайский — ее родной язык. Он по наитию, на слух мог писать иероглифы, утверждая, что графически они точно соответствуют тому, что обозначают — никто из нас этого соответствия не замечал».

Евгений твердо решил получить степень бакалавра именно на поприще восточных языков. Безусловно, этому способствовало увлечение дзен-буддизмом и восточной философией. Альберт, правда, считает, что легко усвоив европейские языки, Евгений искал задачу потруднее. В то время в Помоне подобралась прекрасная библиотека китайских книг и памятников письменности (уступавшая разве что собранию университета в Беркли, штат Калифорния). Но поскольку китайское отделение было весьма малочисленным, книги так и пылились на полках.

У каждого студента в Помоне был свой научный руководитель, за Евгением «надзирал» профессор китайского языка и истории Шу Йичен. (Они переписывались несколько лет и после окончания колледжа).

Также под влиянием дзен Евгений увлекся стрельбой из лука. Альберт утверждает: благодаря незаурядной силе и сноровке вкупе с умением сосредоточиться, Евгений стал отменным лучником.

Хотя Евгений и старался избегать так называемой «общественной жизни» колледжа, он тем не менее сыграл в нескольких студенческих спектаклях, в частности царя Аякса в пьесе Софокла. Пьеса так глубоко тронула его, что, как он сам признавался, трудно было сдержать слезы в финале, в сцене смерти главного героя. Сыграл Евгений и в пьесе Мольера, причем на французском! В ту пору в Помоне училось немало будущих знаменитостей. Так, Евгений и Алисон познакомились с Фрэнком Капра младшим, сыном известного кинорежиссера, ставившего фильмы с христианской подоплекой[2] И сын пошел по стопам отца. Алисон помнит его очень набожным католиком. В одно время с Евгением учился в Помоне и популярный актер Ричард Чемберлен. А годом раньше поступил Крис Кристоферсон (впоследствии известный музыкант).

Был среди студентов и талантливый незрячий паренек из Индии, Вед Мета, впоследствии — один из молодых писателей, коих приветил журнал «Нью-Йоркер». Он прославился биографией Ганди, а также собственными многотомными мемуарами. (Евгений служил ему чтецом). В колледже Вед одно время соседствовал по комнате с Джоном. Но лучшим его другом был Кайзо, с кем Вед и познакомил Евгения.

«Женя — прекрасный чтец, мне очень с ним повезло, — писал Вед в одной из своих книг, — он разумно распределял свою работу и уделял мне много времени. А читал он так ясно и отчетливо, что казалось, хочет растолковать каждое слово»[3].

Несмотря на некоторое сходство: оба вдумчивые, работящие, оба члены престижного студенческого общества «Пи Бета Каппа» — Евгений и Вед во многом были антиподами. Вед приехал в Новый Свет несколько лет назад и старался как можно быстрее сделаться американцем. В то время (как признается сам) он стыдился индийской культуры, религии, преклоняясь перед Западом. Жаждал попасть в число самых известных и уважаемых студентов, ухаживать за самой красивой девушкой, вступить в самый престижный студенческий кружок, прослыть «духом», завести машину — одним словом, он мечтал поскорее врасти в жизнь южной Калифорнии. Всё это претило Евгению. Пресытившись американской жизнью, он устремился взором к Востоку.

Как и Евгений, Вед восхищался благородством Кайзо Кубо. Вед признавал, что японец учился ради знаний, тогда как сам он — ради

Кайзо.

преуспевания в жизни, которого можно добиться благодаря знаниям. «К Кайзо тянулись все мало-мальски мыслящие студенты, — писал он. — Привлекали изящество манер, сдержанное достоинство. Кайзо никогда не унывал, не страшился трудностей».

Но в конце третьего курса «белых ворон» постигло горе. Годом раньше профессора и друзья уговорили Кайзо продолжить учебу, чтобы получить степень магистра по истории. И совестливый японец затужил: он собирался довольствоваться степенью бакалавра, сразу же поступить на работу, чтобы кормить родных. Пока же выходило наоборот: его вдовая мать надрывалась, чтобы заработать сыну на учебу. Когда завершался сбор фруктов, она, по словам Кайзо, шла в

поле выращивать лук. И так изо дня в день, несмотря на преклонный возраст и слабое здоровье[4].

Подоспело время писать диплом магистра, и Кайзо растревожился пуще прежнего. Выбранная им тема оказалась слишком обширной, а профессор, всегда помогавший и ободрявший его, ушел в годичный творческий отпуск. Кайзо чувствовал, что не успевает с работой. Честь язвила его всё сильнее. Ведь он не выполнял сыновнего долга, ведь из-за него мать мучается в поле. Но отчаяния не выказывал — привык полагаться только на себя.

Вечером 2-го мая 1955 года, в канун защиты так и недописанного диплома, Кайзо надел на себя всю имевшуюся одежду, забрался в постель, положил на живот и грудь подушки и дважды выстрелил в сердце из пистолета. Выстрел, как ни старался Кайзо его приглушить, услышал студент за стеной. Он вбежал в комнату Кайзо. Тот лежал у порога. «Это я стрелял... в себя... иначе не мог...»

Самоубийство друга ошеломило Евгения. Смерть всегда, еще с той поры, когда в детстве он лишился пса, подавляла его. Но сейчас — особенно. Ведь Кайзо был сродни Евгению, душа высокая, благородная, и Евгений любил его, хотя и не выказывал чувств. Круговерть жизни продолжалась, всё, на первый взгляд, по-прежнему. Только нет Кайзо и не будет... Евгений порой даже завидовал ему, кляня свою участь.

Как-то, уже после смерти Кайзо, Алисон сидела с друзьями в «Сахарнице». Появился Евгений, сел поодаль, у стойки. Алисон подошла, пытливо посмотрела, но он промолчал, задумавшись. Несколько времени спустя, устремив взгляд вдаль, произнес: «Каждый носит маску, а что под ней — не знает никто». Он поднялся, Алисон пошла следом. Долго бродили они в тот день, но Евгений не обмолвился ни словом.

6

От Бога не скрыться

Я бродил во тьме по обманным тропам — искал Тебя вне души своей. Но так и не обрел Господа сердца своего. И словно в пучину морскую погрузился — изверился, отчаялся, что отыщу когда-либо Истину.*

Блаж. Августин[1].

Представьте: всякий вечер, стоило лишь на миг оторваться от работы, я чуял, как неотвратимо и неумолимо приближается Тот, встречи с Кем я бежал.

К. С. Льюис[2].

Евгений вообще часто и подолгу молчал. Они с Алисон понимали друг друга настолько, что слова бывали излишни. «Часами мы смотрели на звезды, — вспоминает она. — Евгений показывал разные созвездия, он знал все по памяти. Еще его привлекали всякие букашки, птицы». Однажды, нимало не смущаясь подруги, он лег на тротуар — понаблюдать за муравьями. «Он очень любил море, и часами мы молча сидели на берегу, — продолжала она, — еще ему нравилось гулять по ночам... Он поверял мне свою душу: везде он чужой, никто его не понимает. То же самое испытывала и я, и его чувства были мне близки, как никому другому, равно и ему — мои. Он ощущал бесцельность своей жизни. С юности люди внушали ему презрение и страх. Все, даже родные, казалось, отвергали его. И впрямь:

---

*Эти и последующие цитаты из блаж. Августина были подчеркнуты Евгением в его собственном экземпляре «Исповеди» в те годы, когда он уже принял монашество.

принять человека можно, только поняв его». Даже в семье, с любимыми родителями он чувствовал себя изгоем, неприкаянным в пространстве и во времени. Современная цивилизация и особенно плоды так называемого технического прогресса были ненавистны ему. «Он терпеть не мог автомобили, электричество, всякие механизмы, даже часы», — говорила Алисон.

Сама она пошла по стопам любимого поэта, Т. С. Элиота, и стала прихожанкой англиканской церкви, полагая себя «англиканской католичкой». Она вспоминала: «В молодости я была подвержена разным влияниям. Евгения я просила не судить обо всём христианстве по людям, толковавшим его произвольно и по-разному. Было ясно, что дзен — лишь увлечение студенческой поры и ничего более».

Евгений любил повторять слова Ницше о том, что Бог умер*. «Всё-таки он верил в *некоего* Бога, — продолжает Алисон, — только люди, по его понятию, давно забыли Его, «загнали Его в ящик» и верили не столько в Бога, сколько в свою придумку о Нем. Порой Евгений бывал исполнен горечи, считал себя неполноценным, неспособным найти Господа. Оттого и бежал жизни, прятался, поиск Истины подменял книжными теориями».

Чтобы лучше понять его тогдашнее представление о Боге, обратимся к одной из его любимых книг в студенчестве — «Высшее начало. Восточная метафизика и христианская религия» Алана Уоттса. Автор утверждает, что современное христианство не способно помочь человеку осознать себя, свою истинную природу и сущего Бога. По Уоттсу выходит, что Бог в толковании Запада ни что иное, как человеческое сознание, обобщенное выражение своего «я». В конце книги Уоттс пишет, какими путями можно раскрыть это «я», указывая, что в современной жизни дзен приемлем более, нежели христианство с церковными службами и обрядами.

По иронии судьбы Уоттс отошел как раз от англо-католицизма, которого приобщилась Алисон, и до отхода англичанина от веры его книги по христианству читались и почитались. Сейчас же приходской священник Алисон повыбрасывал их. Само собой, и девушка не слишком уважала отступника. Она внушала Евгению, что дзен — несусветная чепуха, и лишь христианство (а точнее, католичество) несет истину, достойную исповедания.

---

* Ницше употреблял эту фразу, но первоначально ее использовал антиреволюционный католический писатель Жозеф де Мэстер как отклик на французскую революцию.

Евгений сердился на нее за резкое осуждение дзен-буддизма и в открытую смеялся, когда девушка пыталась обратить его в христианство. Что, впрочем, не мешало ему расспрашивать Алисон о различиях протестантства и католичества. Она, конечно, держалась невысокого мнения о протестантстве, хотя вместе с тем считала, что и Римская Церковь впала в величайшее заблуждение, утвердив непогрешимость Папы.

Алисон не оставила попыток повернуть Евгения к христианству и наказала ему прочитать «Братьев Карамазовых», чтобы он узрел Бога с иной стороны, о которой доселе и не подозревал. Ничего не поделаешь, пришлось ему признать, что Достоевский задается теми же философскими вопросами, что и Ницше, и рассматривает их не менее глубоко, но только с христианских позиций. Утверждение Ницше, что «Бога нет и всё дозволено» — лишь отзвук фразы Ивана Карамазова. Достоевский опередил Ницше на три года. И сам немецкий философ признавал великого русского писателя глубочайшим психологом во всей мировой литературе.

Хотя Евгений и спорил с Алисон, он, несомненно, восхищался ее по-детски наивной убежденностью, ее верой, увы, пока недостижимой для него. Несмотря на различие взглядов, их связывало истовое устремление к духовному, и лишь этой девушке Евгений мог излить душу. С друзьями же он вел «умные» разговоры, а душа была замкнута, и что в ней творилось, никто не знал. Много позже Евгений признает, что Алисон «понимала» его, что означало высшую похвалу в его устах.

«Всю жизнь мне хотелось, чтобы кто-нибудь меня полюбил», — признавалась Алисон. Евгений же лишь сочувствовал ей как товарищу по несчастью. Долгие прогулки в молчании помогали каждому бессловесно поделиться своей болью и утешить друг друга, уврачевать душу. Впрочем, по-своему он любил Алисон, и чувство это сказалось на его духовном развитии. Семена, брошенные ею, дали всходы много лет спустя.

Выпадали и счастливые минуты, озарявшие их печальный союз. «Однажды ночью мы гуляли в парке, смотрю, а фонтанчики работают, крутятся, орошая лужайку, — вспоминает Алисон, — я ужасно любила бегать под брызгами и вмиг перескочила ограду. Как Евгений смеялся! Он радовался как ребенок, глядя на мои шалости. Хотя сам никогда не позволял себе такого. Вот оно — чувство собственного достоинства!»

Пожалуй, можно отчасти согласиться с Алисон, когда она утверждает, что дзен для Евгения был лишь «игрушкой». Помнится, он даже выбросил будильник и аспирин (ему приходилось прибегать к помощи и того и другого, что порицал дзен). В результате такого «самоогра-

ничения» Алисон приходилось будить его по утрам стуком в дверь, чтобы он не опоздал на лекции и давать таблетки аспирина, когда ему нездоровилось.

«Дзен помог Евгению осознать *плохое* в себе, — говорит Алисон, — он пытался посредством буддизма познать себя. Но позна́л лишь свою греховность. Иными словами, буддизм пробудил в нем жажду, но не утолил».

Уже в конце жизни, когда кто-то спросил его, откуда взялась идея внеличностного божества, (помните, обобщенное выражение «я» по Уоттсу?) Евгений высказался о дзен-буддизме в том же духе: «Идея эта исходит от тех, кто боится личной встречи с Богом, потому что Он непременно взыщет с каждого. А те, кто якобы встречался с Богом внеличностно, лишь тешит свое самолюбие. К тому же приводит и медитация в дзен-буддизме, она «умиряет» душу. Но если душа ваша покойна и не рвется к Богу, то вы обманетесь, думая, что встретили Его. В этом и проявляется духовная незрелость. Но случись вашей душе возгореться, вы в конце концов порвете все путы» [3].

Собственно, Евгений говорил о самом себе в студенчестве. Да, у него именно возгорелась душа. В сущности он никогда не сомневался в реальности Иисуса Христа. Он бунтовал против того христианства, с которым столкнулся сам. И разум пытался убедить сердце, что никакой веры нет. Или, как иронично подмечал Достоевский: «Если бы он узнал, что он в Бога верует, то он бы и веровал, но так как он еще не знал, что в Бога верует, то он и не верует»[4].

Не раз при Алисон Евгений «воскипал», пытаясь «порвать путы», не зная толком как. Она припоминает: однажды вечером Джон и Евгений сошлись в нешуточном споре о Боге. Дело происходило на холме у подножия Лысой горы — еще одно излюбленное место встреч «белых ворон». На этот раз вся компания, кроме Алисон, была крепко навеселе. Джон, чуть не плача, как всегда сетовал, что ради Бога ему придется отказаться от женщин. Евгений поначалу лишь хмуро слушал, потом вдруг вскочил и заорал: «Бога нет! Сказки это всё! *Если бы* Он был, Он не стал бы мучить тех, кто идет за Ним! Тебе кажется, Бог радрадешенек уязвить, уколоть человека. Такого Бога нет!» И спьяну принялся поливать Джона вином, приговаривая: «Я — Иоанн Креститель!» Потом погрозил Небу кулаком и обругал Бога. «Вот видишь, и ничего не случилось!» — выкрикнул он, вперив бешеный хмельной взор в безмерно огорченную Алисон. Остальные же сочли его выходку не более, чем шуткой. Алисон углядела в ней отчаянный вызов Богу. Ее друг готов был предать себя вечному гневу Божию, лишь бы воочию убедиться, что Он существует. Серая, унылая бесчувственность была

долее невмоготу Евгению. Прокляни его Господь хоть на миг, на один благословенный миг узрел бы Евгений Его прикосновение и уверился бы — Бог рядом.

Видела Алисон и другие подобные выходки Евгения, мучимого духовной пустотой. С отчаяния он запил. Алисон говорит, что в жизни не видела, чтобы человек так много пил. Он напивался до блевотины, а потом безутешно рыдал. И никто, кроме Алисон, не знал истинной причины. Все думали, что Евгений пьет «из удовольствия».

Иногда во хмелю Евгений перечитывал Ницше, и, как ни странно, это его укрепляло. Скорее было бы ожидать обратного. Однако Евгений, такой же бунтарь, как и Ницше, чуял, что восстает не просто против идеи или изжившей себя религии, предназначенной для «толпы». Уж слишком страстно, слишком от сердца исходил протест, и касался он основы основ. Нет, Ницше восставал против чего-то сущего, от чего ни ему, ни Евгению не скрыться.

Из всех сокурсников в Помоне Евгений слыл, пожалуй, самым непримиримым атеистом. И, как указывает Алисон, самым искренним, самым «верующим», отдаваясь идее до конца.

Несколько лет спустя Евгений писал: «Атеизм, истинный, «приземленный», с неприятием якобы несправедливого и немилостивого Бога, безусловно, тоже некая вера, попытка противостоять истинному Господу, Чьи пути неисповедимы даже для самых истых христиан. И сколько свидетельств тому, что «атеизм» улетучивался, стоило Господу в ослепительном сиянии явить Себя страждущим, ищущим Его «атеистам». Воистину Христос ведет эти души... И Ницше, величая себя антихристом, доказывает тем самым свое неутолимое влечение ко Христу».

7

«Прощай, о бренный мир!»

Куда ни обратись душа человеческая, ждут ее скорби. Обратись она к Тебе, Господи, — узрит прекрасное.

Блаж. Августин[1].

Если к Православию Евгения привел Достоевский, то ко Христу — Бах.

Алисон.

В РАННЕЙ ЮНОСТИ Ницше, а несколько позже дзен-буддизм непроизвольно подталкивали Евгения к тому, чего так страждала его душа. К той же цели — только открыто и прямо — звала музыка. Как говорят отцы Церкви, музыка — язык души.

«Евгений не столько времени уделял книгам, сколько музыке», — говорит Алисон. В 1954 году он повел девушку на «Бориса Годунова» Мусоргского. Опера открыла ему новую, неизвестную сторону христианства, и он отметил: «Немцы казались мне самыми глубокими и вдумчивыми, похоже, русские много глубже».

Однако главную роль в его жизни сыграл всё же немецкий композитор Иоганн Себастьян Бах. «Мы только Баха и слушали, — вспоминает Алисон. — Нас с ним познакомил Альберт Картер. Бах — его любимый композитор. Мы собирались — человек десять — и слушали, слушали... Евгений выделял Мессу ре-минор, Страсти по Иоанну, Страсти по Матфею, Величание, кантаты, Рождественскую ораторию. Поначалу его привлекала только музыка, но потом и *слова* начали западать в душу. Слова, которые Бах черпал из Священного Писания. Так Евгений услышал и глубоко прочувствовал слова Библии, положенные на музыку».

Особенно помогла Евгению переосмыслить жизнь кантата № 82 для голоса и оркестра «Имел довольно я...» *(Ich Habe Genug),* лейтмотив которой — тема смерти. Сочинена она была к празднику Сретения Господня, когда св. Симеон приветствует Младенца и Богородицу и оповещает Спасителя, что готов теперь умереть. Бах сумел чудесно выразить тоску человека по Царствию Небесному, желание вырваться из «юдоли скорби». Композитор написал три арии для баритона: человек обращается к собственной душе под звуки высокой, чистой и простой мелодии, исполненной покаяния. Первая ария — словно вздох облегчения на исходе жизни:

Имел довольно я, Спасителя приняв,
Уставшими руками надежду верных обнимая.
Имел довольно я, Его я видел
И, верою своей внимая
  Господу Христу,
Сегодня в радости покину мир сей
В одной надежде, что отныне — Он со мной.
А я же буду с Ним, прильпе к Нему,
Подобно Симеону, уже взирая радость бытия иного.
Сольюся с Ним. Ведь Он Единый сый,
Кто разбивает цепи тлена моего земного.
Пришла пора прощаться, и с радостью
  пою я миру:
«Имел довольно я...»

Вторая часть более спокойная, тихая, она словно баюкает душу, навеки усыпающую для мира:

Усните ныне, утомленные глаза,
Сомкнитесь мягко и спокойно.
Не в силах, мир, я быть с тобою доле,
Я отрекаюсь от тебя,
Чтоб дух мой воспарил на воле.
А здесь же — только скорбь,
Лишь там, вдали,
Мне предстоит вкусить отдохновенье,
Испить покой благоуханный.

Потом голос поднимается до страстной мольбы:

Господь!
Когда же призовешь с Тобою слиться в мире?!

Когда же я сойду в земли прохладу,
Заветного отдохновения в Тебе
вкусив отраду?!

И душа отлетает:

Прощай, о бренный мир!

Мелодия обрывается, слышен лишь низкий звук органа — пришествие смерти. В третьей части душа, освободившись от земного бремени, устремляется в вечность. И музыка, подобно парящей птице, легка и свободна:

С радостью я привечаю смерть![2]

КАНТАТА № 82 нравилась не только Евгению, но и Алисон. Часто, навещая его, она просила поставить именно эту пластинку. И в конце концов установился обычай: перед тем, как ей идти домой, Евгений неизменно ставил любимую кантату, но только если не было посторонних. Всякий раз, когда Алисон собиралась уходить, Евгений говорил одну и ту же фразу: «Может, немного музыки на дорогу?» И, не дожидаясь очевидного согласия, брал пластинку Баха и спрашивал, какую сторону ей хочется послушать. Снова не дожидаясь ответа, неизменно выбирал заветную кантату. Садился в кресло и отрешался от всех и вся. Пластинка кончалась — он ставил ее заново. И замирал, не внимая даже Алисон, она тихо открывала дверь и уходила. А он всё сидел и молча слушал. Часами потом он «переваривал» свои чувства, откровения, подаренные Бахом. Всё в жизни казалось мелким и незначительным по сравнению с тем, что изрекла его душе музыка.

Уже упоминалось, сколь сильно владела мыслями Евгения смерть, как чаял он ее. Он также «имел довольно» от мира сего. Ему нечего здесь желать, удел его — страдания. И благодаря им он уже во многом «умер для мира». Музыка Баха приоткрыла ему другую, запредельную, до сего неизвестную посмертную жизнь. Не просто чудесная музыка гениального композитора влекла Евгения. Музыку эту, несомненно, написал человек, уверовавший в Бога, в бессмертие собственной души. И чувства свои он излагал языком музыки.

Алисон считает, что именно Бах помог Евгению вновь обрести веру в Господа, она воочию убедилась, какие страдания претерпел ее друг. Спору нет, «Бог» современного христианства, столь «постный» и неубедительный, и впрямь «умер» для Евгения навсегда. Но Бога, о

котором говорил в XVIII веке лютеранин Бах, отринуть было не столь просто: музыка затронула самые сокровенные уголки души.

А затронув, обрекла Евгения на новые душевные муки. Алисон вспоминает: «Порой он напивался, бросался на пол, молотил кулаками, чтобы Бог оставил его в покое».

В «Бесах» Достоевского есть персонаж, Кириллов, подобно Ницше ополчившийся в одиночку против Господа. Другой герой романа, Петр Верховенский, зорко подмечает, что в своем всепоглощающем стремлении доказать, что Бога нет, Кириллов обнаруживает «веру, пожалуй, еще большую, чем у попа»[3]. Эти слова приходят на память в связи с Евгением, с его упорным неприятием Бога. *Есть Бог или нет?* — вот главный вопрос в жизни. Разум его еще мог как-то укрыться за теориями, вроде «обобщенного „я"», но душа подсказывала: не обретешь *личностного* Бога в самом сердце своем — жизнь и впрямь окажется бессмысленной.

8

Привкус ада

Грешен, что не в Творце, а в тварях Его, себе подобных, искал я радость, совершенство, истину, за что поплатился скорбями, смутой и заблуждениями... Господи, вдали от Тебя, прибежища моего, скитался я и сделался ровно пустыня бесплодная.

Блаж. Августин[1].

Сойду ли в преисподнюю, и там Ты.

Пс. 138:7.

В 1955 ГОДУ, еще учась в Помоне, Евгений посещал занятия летней школы упоминавшейся ранее Академии востоковедения в Сан-Франциско, где прослушал курс лекций Алана Уоттса по «Сравнительному анализу религий Востока и Запада», а также по восточной каллиграфии, которые вел японский дзен-буддистский священнослужитель. На всё лето он снял номер, как и некогда, в «Отель де Франс».

Академия была основана в 1951 году и располагалась в большом особняке на Тихоокеанских высотах — красивейшем районе Сан-Франциско, с видом на знаменитый Златовратый мост и близлежащие холмы. Академия являлась филиалом старейшего высшего учебного заведения в Калифорнии — Тихоокеанского колледжа и готовила студентов — выпускников других колледжей — на степени магистра или доктора востоковедения по разделам: Дальний Восток, Юго-Западная Азия, Ближний Восток и Северная Африка. Читались курсы по религии, философии, психологии, искусству, социологии; преподавались языки:

санскрит, хинди, китайский (общеразговорный и кантонский диалект), арабский, японский. В середине 50-х годов там собралось более десятка известнейших профессоров со всего мира и около сотни студентов.

По замыслу основателей и попечителей, Академия должна была стать образовательным центром высшего порядка. Газета «Хроника Сан-Франциско» писала: «Академия будет готовить ведущих специалистов для государственных учреждений в области образования, политики, промышленности, внешней торговли и социологических служб». Однако профессор Фредерик Шпигельберг (из Стенфордского университета), основавший Академию, и ее глава Алан Уоттс меньше всего хотели видеть свое детище центром подготовки бизнесменов и дипломатов. По словам Уоттса, «задача состояла в том, чтобы преобразовать человеческое сознание посредством «вживания» в индуизм, буддизм, даосизм; поднять его до уровня глубокого мистического проникновения... И сейчас, оглядываясь на прошлое Академии, можно сказать, что она пошла дальше университетов и церковных организаций, уже не способных удовлетворять духовные запросы... В подавляющем большинстве наши студенты рассчитывали подвизаться в какой-нибудь практической области, меньше всего помышляя о чиновничьей карьере или коммерческом преуспевании где-нибудь на Дальнем Востоке. Они скорее прикинут, насколько поможет им докторская степень получить хорошее преподавательское место, чтобы совмещать приятную работу с заботой о куске хлеба. Но душой они всё равно будут тянуться к другому, к тому, что называется в азиатских религиях *мокша, бодхи, каивалья, сатори,* т. е. к высшей ступени развития»[2].

Кроме занятий со студентами, в Академии читались публичные лекции, проводились конференции, фестивали азиатской музыки, художественные выставки. В среднем каждую неделю трижды с публичными лекциями выступали как профессора Академии, так и заезжие знаменитости, например прославленный авторитет в дзен-буддизме, доктор Дайсец Т. Судзуки. Благодаря такой деятельности Академия стала привлекать передовую интеллигенцию Сан-Франциско: поэтов, художников, писателей, учащихся.

В центре бурной и насыщенной жизни всегда находился глава Академии, Алан Уоттс, хотя и менее сведущий в азиатских философских учениях, чем другие профессора, однако превосходивший их в ораторском мастерстве. Он обладал талантом зажечь, увлечь и убедить слушателей и стал личностью весьма известной и почитаемой окрест. Один из его биографов утверждает: «Никто на всём белом свете не смог бы, как Уоттс, растолковать суть мистических религий Востока, одновременно напустив еще больше таинственности. Никто не мог создать у

Американская Академия востоковедения. Сан-Франциско. 1955 г.

Глава Академии Алан Уоттс обсуждает перевод дзен-буддистского текста с профессорами Полем и Джорджем Фан.

слушателей впечатление, что еще немного, и они познают самое сокровенное»[3].

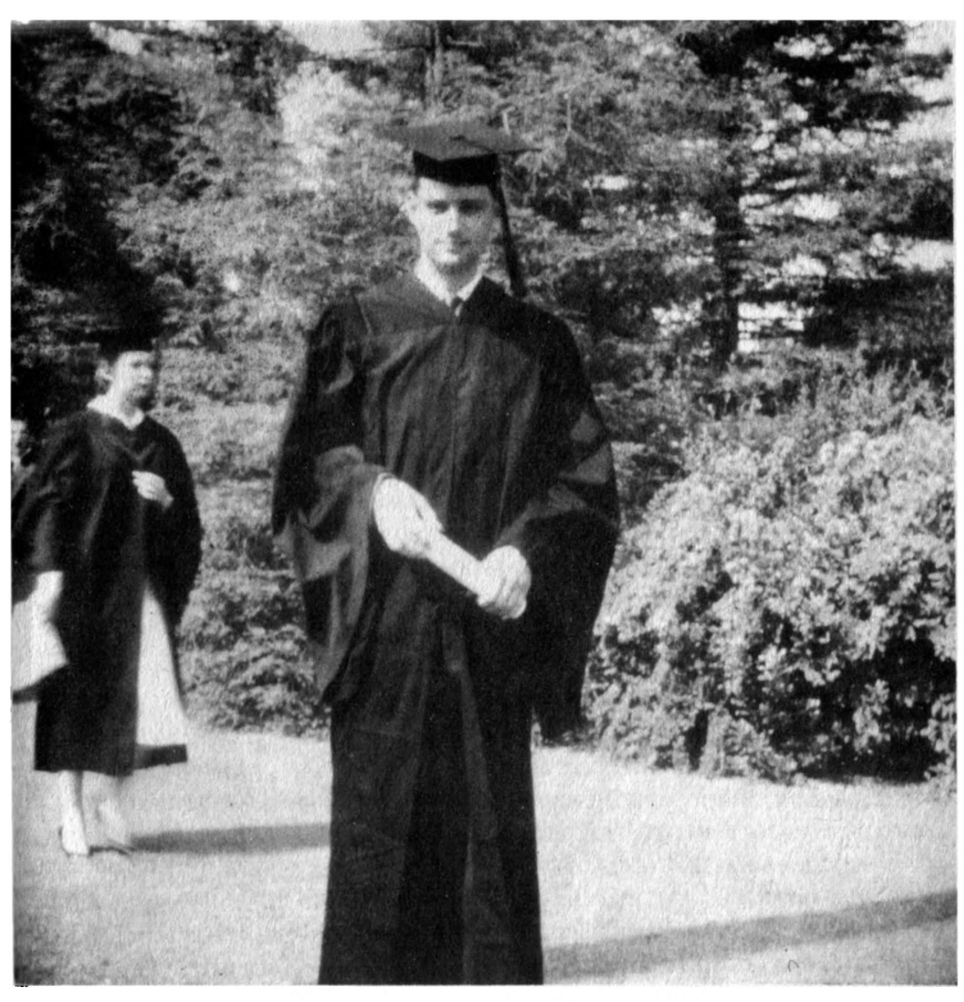
Конечно, Евгений отправился в Академию в первую очередь из-за Уоттса. В 1955 году, проучившись там всё лето, он выбрал руководством для будущего реферата книгу Уоттса «Высшее сознание».

Вернувшись в Помону, чтобы закончить работу над дипломом бакалавра, он написал Уоттсу, испрашивая его рекомендации для дальнейшего своего образования и можно ли рассчитывать на стипендию, чтобы продолжить занятия в Академии. Уоттс посоветовал в ответном письме изрядно уточнить интересующую Евгения программу и расхвалил Академию, утверждая, что она — одна из пяти цитаделей науки, где Евгений сможет «с пользой для себя изучить либо китайскую философию, либо дальневосточный буддизм». Он также извинился, что не смог прислать Евгению раньше учебный план, оправдываясь тем, что «лишь десятирукий Шива смог бы управиться со всей моей работой, а у меня — увы! — лишь две руки».

В 1956 году Евгений с отличием окончил Помону, поступил в Академию востоковедения в Сан-Франциско, избрав полный курс обучения.

В САМОМ Сан-Франциско Евгений пытался обосноваться на «задворках» общества, которое он отверг, подальше от унылой, размеренной жизни, в которой ничего не происходит, жизни «как у всех». Оказавшись в Академии, он, естественно, быстро сошелся с интеллектуальной элитой Сан-Франциско и начал многое перенимать: выкраивал из скудных средств деньги, чтобы ходить с приятелями в дорогие изысканные рестораны, сделался знатоком и ценителем хороших вин. Изредка покуривал дорогие сигареты с Балкан, которые Алан Уоттс считал «непревзойденными». Зачастил в оперу, на концерты классической музыки, выставки, в театры, не гнушался и авангардистскими постановками. А встречаясь с такими же, как и он, любителями и ценителями искусства, живо делился впечатлениями. В письмах стала проскальзывать модная в ту пору манера излагать мысль как можно более замысловато, не особо считаясь с грамматикой и знаками препинания. Позже он признал, что всё это было наносным, подражательским.

Передовая интеллигенция, среди которой оказался Евгений, держалась очень высокого мнения о своем культурном уровне. Недавно один из друзей Евгения написал: «В нынешнее жестокое время, по прошествии стольких лет нас представляют этакими «попрыгуньями-

Евгений — выпускник Помоны. 1956 г.

стрекозами», легкомысленными и чванливыми. Отчасти это правда, но мы всё же горячо и искренне любили музыку, словесность, ценили тонкость и значительность в суждениях и делах. Под маской некоей элитарности мы, по сути дела, вели творческий поиск, на что нас нацеливало классическое образование».

Сан-Франциско превратился в крупнейший в стране центр авангардизма, там зародилось и развилось неприятие существующей обывательской культуры, этакого «тихого омута», в котором пребыва-

ла Америка в 50-е годы. И движение это преуспело. В «богемной» среде Сан-Франциско родилась идеология битников, принятая поначалу лишь интеллигенцией. Уже много позже новое мышление элиты постепенно завладело умами масс, преимущественно молодежи, и породило движение «хиппи». Неудержимым потоком, сметая все границы на пути, обрушилось оно и на другие страны, охватило весь мир. Но зарождалось всё в Сан-Франциско.

И во всех культурных преобразованиях немалая заслуга Академии востоковедения и ее искрометного руководителя — Алана Уоттса. В автобиографии он написал: «Академия явилась тем краеугольным камнем, на котором возросло так называемое «сан-францисское возрождение», о котором можно сказать, как некогда блаж. Августин о сути времени: «Я знаю, что это такое, доколе меня не попросят объяснить». Я отстою недостаточно далеко от тех лет и потому не могу оценить объективно, так сказать, со стороны. Скажу лишь, что примерно с 1958 по 70-е годы в Сан-Франциско наблюдался небывалый взрыв духовной энергии в самых разнообразных формах: поэзии, музыке, философии, живописи, религии, средствах связи, радио, телевидении, кино, балете, драме, да и в образе жизни. Взрыв этот потряс всю страну, весь мир, и не стану проявлять ложную скромность и преуменьшать свою роль — я причастен к нему самым непосредственным образом»[4].

Задолго до того, как слово «хиппи» вошло в наш лексикон, передовая интеллигенция Сан-Франциско, отринув идею «американской мечты» с ее упованием на идеал семьи и христианскую религию, окунулась в поиски нового, черпая многое из восточных религий. Отвергая мораль западного общества, они брали от Востока лишь то, что нравилось. Это предопределяло вседозволенность, бесчинства и оргии, неприемлемые в цивилизованном обществе. Так дух поиска в культуре и эстетике сочетался с «духом беззакония», по определению Евгения. И среди самых ярых проповедников новой морали был Алан Уоттс. Понося западную религию, он защищал новоявленную свободу от «нетерпимых» христиан и иудеев[5] Будучи проповедником земных радостей, он утверждал, что сознание изначальной греховности у иудеев и христиан очень ограничивает личность, сдерживает рост, а потому сознание это нужно искоренить в жизни Запада.

Со времен летней школы в Сан-Франциско Евгений отчетливо видел моральные принципы (точнее, их отсутствие) новой культуры, культуры протеста, исповедуемой интеллигенцией Сан-Франциско. Увы, спустя тридцать лет эти «моральные принципы» стали общепринятыми во всей стране. Под влиянием Уоттса, Евгений сочетал их с

выборочными положениями восточных религий. В 1955 году в одном из писем он заявил:

«Западный человек живет в страхе и изначальном сознании греха. К Богу он приближается с ужасом и трепетом, либо вообще подменяет Его машиной, производящей ради «прогресса» всё больше и больше, но такой «прогресс» ведет лишь к проклятию. Современный человек изнывает под бременем своей вины.

Восточная мудрость позволяет мне умерить мое чувство греховности. Посему, вероятно, мне не вменяется в обязанность «богоискательство». Свою задачу я начинаю видеть в ином свете. Впрочем, суть не меняется: легкие ответы мне не нужны».

Согласно Алану Уоттсу и его толкованию буддистских учений, искать вообще ничего не нужно, ибо в процессе поиска человек перестает замечать то, что уже ЕСТЬ. Что бы он ни искал: Бога ли, вечной ли жизни — он замыкается на своем поиске, на самом себе, а человеческое «я» — ничто, вымысел, иллюзия. Кроме того, и сама цель поиска абстрактна, а следовательно, тоже иллюзорна. Учась под началом Уоттса, Евгений разработал фаталистическую теорию, суть которой изложил в письме к приятелю в Помоне:

«Я категорически не согласен признать всё мною видимое, слышимое, осязаемое, обдуманное «несуществующим». Я признаю, что все плоды моих ощущений и мыслей абстрактны, а значит, не вполне соответствуют действительности (только конкретное истинно реально), так как и мои органы чувств затуманены абстрактным мышлением. Всё сущее в нашем понимании может иметь название. Однако название — это не само сущее, а лишь ярлык с обозначением. Как видно из буддизма, китайского языка, книг Эзры Паунда, Эрнеста Фенелозы, некоторых современных работ по философии, психологии и семантике, СУЩЕЕ НЕ СУЩЕСТВУЕТ, ибо всё суть наше воображение. Такую придуманную действительность я и обозначил понятием ада у христиан и буддистов. Абстрактность и есть самый ненавистный мне ад. Я готов говорить о нем непрестанно, прекрасно отдавая себе отчет, что слова немощны и не спасут никого. Но я, насколько смогу (или насколько думаю, что смогу), перестану поклоняться этому «сущему», в какую бы высокую духовность его не рядили, хотя бы и в форме самого Бога... Спасение в том, чтобы увидеть мироздание таким, какое оно есть, а не вещать, глядя на жизнь сквозь красную призму: «Глядите, Единый наш Бог красен!» Держаться своей субъективной оценки — значит держаться абстрактного, а ни есть ли это ад, если мы подразумеваем под этим конец, храним о нем священную память и вздыхаем: «Ах, такова действительность!» Неважно, с кого начать, с себя или с «Бога» — и то,

и другое суть абстракции. Главное — пробудиться, прозреть, учит Будда, учит буддизм.

Если не найти спасенья в «Боге», в своем «я», в любой из этих абстракций, КАК тогда вообще СПАСАТЬСЯ?.. НИКАК. Сам себя не спасешь. Это бессмысленно и напрасно. Если Бог — или то, что мы подразумеваем под «Богом» — захочет спасти нас, несчастных грешников, то спасет, сами мы ничего не сделаем. От действия нашего, равно и от бездействия, ничего не зависит».

Если ад — лишь знак, обозначающий тщетность человеческих абстракций, если напрасно «делать» что-либо, дабы добиться Истины, просветления или спасения, тогда ничто не мешает человеку жить по собственному разумению. Так учил и так жил бывший священник-христианин Алан Уоттс. Последовал этому пути — до логического завершения — и сам Евгений. Вместе со многими сверстниками он принялся «прожигать жизнь». Причем не от порывистости или страстной натуры, а сознательно и расчетливо, словно задумал, сыграв «в поддавки» с падшим миром, примкнуть потом к его противникам. Как подмечает Алисон, Евгений всё еще бунтовал против Бога. Как некогда на Лысой горе, он снова бросал вызов Господу, на этот раз попирая Его заповеди, вкушая от запретного плода с полным осознанием того, что делает.

«Непримиримость» приятелей Евгения по колледжу казалась детской шалостью по сравнению с тем, что вытворяли глашатаи «новой культуры» в Сан-Франциско.

В письмах к друзьям в Помоне Евгений предстает этаким беспечным 22-летним балбесом, искушенным во всех доселе запретных пороках. Но это была не более чем рисовка. Запретный плод оказался, по словам Евгения, мерзок на вкус: стоило лишь отведать, как возмутилась благородная и цельная натура.

Чтобы заглушить чувство вины, т. е. глас совести, глас Божий, Евгений пристрастился к спиртному. Вино лилось рекой. В одной бражной компании, где присутствовал и Алан Уоттс, Евгений напился до беспамятства. Но даже в минуты хмельного затмения, Господь, отринутый Евгением как абстракция, не покидал его. В очередном письме к другу в Помоне после описания пивных богохульств и похвальбы вдруг прорезались такие строки: «А знаешь, почему я в Сан-Франциско? Потому что хочу понять, кто я такой и кто такой Бог. Наверное, и тебе интересно было бы узнать это. Для меня нет ничего важнее». В другом письме, тоже сочиненном во хмелю, он признается: «Конечно, я болен, как и всякий, кто лишен Божьей любви».

Сам Евгений вспоминает, что от горечи и безысходности в ту пору он затеял опасные, граничащие с безумием игры с собственным разумом. Подтолкнули его к этому пророки экзистенциализма и нигилизма: Ницше, Кафка, Камю, Ионеску. Сыграла роль и восточная философия. Если следовать Уоттсу и буддистскому учению, абстрактное мышление — самообман, а знание — то же невежество. Может, тогда, порвав цепочку логических умозаключений, удастся вырваться из плена заблуждений и узреть — хоть на миг — истину? В следующем письме Евгений отмечал:

«Чувство юмора предполагает у человека трезвый ум (или хотя бы непошатнувшийся рассудок), чем я, увы, похвастать не могу в последние месяцы: одолевают перепады настроения и душевный разлад. Разное бывает безумие. Иной раз теряется связь с сущим (как у тех, кто как рыба в воде чувствует себя в цивилизованном мире), иной раз — и с сущим и с повседневной реальностью (как у Ницше), случается «божественное безумие» (своего рода одержимость), да всего не перечислишь».

Еще в одном послании он признавался:

«Я играю в жмурки с разумом, непредсказуемость моя даже самого удивляет. И строки эти я пишу скорее для себя, другие, боюсь, не поймут. Впрочем, понимаю ли я сам? Нет, скорее, догадываюсь.

Поспешность, суетность и стремление к новизне — вот последняя стадия изжившего себя знания, которое есть невежество. Да, невежество, в котором тонет не только истинное знание, но и вся жизнь.

Неужто мы дожили до таких дней? Неужто таковы знамения? Нет, нельзя согласиться, что время наше течет вне направлений. Оно определенно устремляется ВНИЗ, и поспеть за ним можно лишь подстегивая свой разум.

Кому сейчас нужен «смысл»? Безумие — вот истинный смысл происходящего. Мы порождаем ХАОС, и, увы, не только в умах, но и повсюду в жизни.

И идем всё дальше и дальше этим путем».

Евгений зашел так далеко, что счел себя единственно сущим, всё же остальное, весь мир вокруг — лишь порождением его фантазий, его «снов».

Один из его приятелей той поры пишет: «Евгений был очень скрытным, он во многом так и остался загадкой. Неделями, месяцами он мог пребывать в молчаливом уединении, словно пытался открыть некую страшную тайну в самом себе».

Намеренно презрев заповеди Господни, Евгений начал испытывать муки адовы. «Я побывал в аду. Я знаю, что это такое», — призна-

вал он годы спустя, подводя итог своим «поискам» и «экспериментам» вне воли Божией.

До той поры философия Ницше виделась ему лишь умозрительной теорией, маслом, подлитым в огонь собственного неприятия западной жизни. Теперь же он вкусил и от плодов этой теории, воочию убедившись, как она преобразуется в практику. До него дошло, что Ницше — не просто философ, «изобретатель» идеи, а поэт, обладавший практически нечеловеческой властью над умами. Да и в самой книге «Так говорил Заратустра» чудится нечто сверхъестественное. Ницше сам признавал, что с древних времен никто не знавал подобного вдохновения. Он бродил по горам Швейцарии, останавливался и в один присест писал десятки страниц, словно какая-то сила водила его пером. Он величал себя «медиумом всемогущей силы»: «Я не искал слов, я их слышал, я записывал, не задаваясь вопросом, от кого они. Молнией разум озаряла мысль, и, не мешкая, не сомневаясь и не гадая, я запечатлевал ее. Да иного выбора у меня и не было»[6].

Подобное испытал и Евгений, когда исполнясь греховности и отчаяния брался за «Заратустру». Однажды, проведя часы над книгой (а он читал ее в подлиннике), Евгений вышел прогуляться. Вечерело, кровавый закат разлился по небу. И вдруг в ушах у Евгения зазвучали строки Ницше. Заратустра и впрямь будто бы ожил и заговорил, зашептал на ухо. Точно током ударило — так явно ощутил юноша властную силу слов, и захолонуло сердце.

Много позже осознал он, чьей «духовностью», таинственной силой и вдохновением напитаны стихи Ницше. Как бы ни были благородны устремления поэта, раз он так самозабвенно отвергал Бога, то невольно стал добычей сил тьмы, как впоследствии уверился Евгений. Ницше сделался глашатаем сатаны.

ВСЁ ЕЩЕ мучаясь в собственном прижизненном аду, Евгений, как и Ницше, обратился за спасением к религии, в которой был воспитан, ко Христу, Которого современное протестантство «оскопило». Отец Небесный рисовался Евгению неким подобием собственного отца: милым, добрым, но слабым, готовым потакать людским прихотям, боящимся обидеть кого-то, боящимся своего отцовства, робеющим даже поцеловать собственных детей. В ту пору церковь настолько выхолостила суть Божьего Отцовства, что некоторые видели в Нем (Отце) сочетание и отцовского и материнского начал. И Евгению пришлось сорвать всю эту сентиментальную розовенькую западную мишуру христианства, чтобы стяжать — во всей полноте и независи-

мости — Христа, Бога, путь к Которому лежит через Страдание и Крест.

Ни страдания, ни жертвенности в американском христианстве Евгений не увидел, оттого и не поверил. Уж слишком легок путь протестанта. «Экскурсы» в ницшеанство на грани безумия как раз и помогли испытать боль, муку. Вкушая греховных «удовольствий», он корчился от отвращения и ненависти к самому себе. Евгений искал таких страданий, которые помогли бы узнать Бога. «Да, я — сторонник крайностей, — писал он в ту пору. — Среди «праздника жизни» надо сознательно (если не получится по-иному) причинять себе боль».

Пожирающее адское пламя — ни что иное, как Божья Любовь, отвергнутая страдальцем. И пример этому — Евгений: он поэтому и пустился во все тяжкие, поэтому и познал муки адовы. Таким извилистым путем шел он в поисках Бога, Которого, как ему казалось, «найти» невозможно, испытывая неутолимую жажду ко Господу, сквозь боль, мрак и отчаяние уверился он и в Его присутствии. Так же описывает и блаж. Августин свою неприкаянность в молодости: «Презрел я покой, и уют, и путь гладкий без капканов. Снедал мою душу голод, по Тебе, Господи»[7].

Пережитого ада Евгений никому бы не пожелал. Он говорил потом, что о многих грехах, которые он познал в этом аду, и упоминать-то страшно, ибо слово о грехе, выпущенное на волю, может снова воплотиться в грех. Последуем его совету и оставим их описание во мраке, где им и место.

Когда благодатью Божией облекся Евгений в нового человека, прежняя греховная оболочка, столь чуждая его душе, отпала навеки, и он без сожаления схоронил ее. А пережитый ад: греховная жизнь, бессмысленность существования, отчаяние — всё то море бед, в котором тонет Америка и весь мир, сослужили хорошую службу. Окунувшись, как, пожалуй, никто из современников, в пучину нигилизма, он сумел решительно восстать против него, так как познал его очевидное зло. Оказавшись некогда в первых рядах ниспровергателей укладов и традиций христианства, он вскоре окажется в первых рядах тех, кто их воссоздает.

9

Истина превыше всего

Всякий отход от истины в малом никоим образом не колеблет равновесия в большом. Ибо нет силы, способной раз и навсегда перевесить Истину.

Рене Генон.

Вспоминая слова Конфуция, Евгений вопрошал: «Хочешь, расскажу, что такое знание? Если тебе знакома вещь, допусти, что знаешь ее, если незнакома — допусти, что не знаешь. Это и есть знание»[1].

«Он знал вдоль и поперек каждый свой недостаток, мало кто из людей так изучил себя, — отмечает Алисон. — Несмотря на некоторый интеллектуальный снобизм в молодости, он первым среди сверстников понял: всё познанное им — ничто перед истинной мудростью, которую он называл «прозрением природы вещей». Еще в Помоне, в реферате по философии он писал: «Автор этой работы признает, что знаний на метафизическом уровне не достиг... Природа вещей непостижима разумом в принципе... Требуется иной взгляд, иной подход человека к сущему. Какой? Может, посредством чувств, интуиции. Сказать определенно не берусь».

Библиотека Академии располагала большим собранием книг по религиозной философии. Евгений не упустил возможность и занялся серьезным изучением философов-метафизиков, пытавшихся подступиться к истинной мудрости и рассказать о ней. Они прекрасно понимали, что результат поиска несоизмерим с самой мудростью. Эвлин Андерхилл, Эрнест Фенелоза и их сподвижники давали Евгению пищу для ума. Среди этих ученых заметно выделялся один француз-метафизик, Рене Генон, скончавшийся в Каире, когда Евгений еще учился в

Рене Генон
(1886 – 1951)

школе. «Я с великой охотой проштудировал все его книги, какие смог достать», — вспоминает Евгений. Одни он раздобыл в английском переводе, иные прочитал в подлиннике.

Знал работы Генона и Алан Уоттс, даже упомянувший француза в своем «Высшем начале». Но он не выделял Генона среди других философов, чьи идеи достойны внимания. Для Евгения француз значил нечто большее: он открыл юноше неисчислимые плоды человеческого поиска Смысла и Истины издревле, с незапамятных времен. Трудно переоценить значение Генона в духовном становлении Евгения. Прочие «властители дум» его юности, в том числе и Ницше, и Уоттс, были преходящи. Генон закончил формирование его жизненных взглядов, помог сделать самый важный, решающий шаг. Без Генона духовное развитие Евгения могло остановиться на полпути.

Много лет спустя, в письме к одному страждущему искателю Истины, увлекшемуся Геноном, Евгений рассказал о значении французского философа в своей жизни: «Так случилось, что мое мировоззрение сформировалось в основном под влиянием Рене Генона (я сейчас не затрагиваю роль Православия)... Благодаря Генону я научился искать и любить Истину, ставить ее превыше всего и не довольствоваться ничем иным».

Генон полагал, что Западу, дабы восстановить истинно метафизическое познание, необходимы умы, некая интеллектуальная элита, что, конечно, лило воду на мельницу снобизма самого Евгения. Учение Генона взывало к разуму и было неспособно преобразовать душу Евгения, освободить ее от адских пут, открыть Истину во всей полноте. Однако именно Генон первым указал ему путь к Истине посредством истинной же философии. Книги Генона явились для Евгения тем, чем и пламенные речи Цицерона для юного Августина, коего они «всколыхнули, пробудили к любви, к исканию и обретению не частного, но целого — всеобъемлющей мудрости»[2].

После знакомства с Геноном Евгений переменился сам, переменился его взгляд на мироздание. Отныне, что бы ни делал: читал ли, слушал ли музыку, любовался ли живописью или архитектурой, наблюдал ли жизнь, — он непременно искал связь всякой вещи или явления с безграничной и извечной Истиной.

Подобно Уоттсу, Генон выявлял беды западной жизни, но смотрел гораздо глубже, чем англичанин. Уоттс постоянно показывал несостоятельность всего западного перед восточным. Генон же видел корень зла не в самом Западе, а в модернистском духе, пропитавшем жизнь. Уоттс в первую голову критиковал Запад, Генон — современное мышление.

Многое прочитанное у Генона Евгений по наитию чувствовал и ранее, но не понимал толком, так как не видел конечной цели. Он всегда чувствовал, что в современном мире что-то неладно, но поскольку ничего иного не знал и сравнить было не с чем, то выводил, будто что-то неладно с ним самим. Генон доказывал, что «болен» не столько Евгений, сколько современный мир.

Благодаря этому мыслителю он приобщился взглядов, противных «веянию времени», несхожих со взглядами современных философских школ, которые он доселе изучал. Впервые открыв его книгу, Евгений отметил: «Всё мое 16-летнее «образование» приучило меня мыслить туманно, неконкретно. Сейчас же я, право, теряюсь, видя мысль ясную и четкую». Генон убедительно показал, как важно не забывать древние учения, сколь они ценны, как несправедливы современные философы, относящие их к пережиткам былого невежества. Современная мысль трактует всё в жизни с позиций исторического развития, а Генон — с позиций исторической разобщенности, потери преемственности. «Чем новее — тем лучше», — утверждают идущие «в ногу со временем». «Всё лучшее — в древности», — утверждает Генон.

Он указывал, что современное западное общество основано на неприятии духа древних культур. Он также заявлял, что лишь вернув-

шись к исконным правоверным формам религии, будь то Восток или Запад, человек сможет приобщиться Истины. Лишенная же традиционных устоев современная жизнь распадается, теряет целостность и осмысленность, ведет к неизбежной катастрофе.

В книге «Власть количественного. Знамение времени» Генон убедительно доказал: отказ от традиционных духовных принципов привел сегодня к чудовищному вырождению человечества. Современная наука, стремящаяся всё свести только к количественным критериям, извратила представление человека об истинном знании, сосредоточившись на преходящем и сугубо материальном. Помнится, на первом курсе в Помоне Евгений уповал на современную науку (за неимением лучшего, как сам тогда признавал). Теперь же, познакомившись со взглядами Генона, он в корне изменил точку зрения. Да, современная наука, конечно, остается одним из путей познания, но это познание, так сказать, «на низшей, примитивной ступени»[3]. Генон писал, что «в попытке свести всё до мелкого масштаба человека, поставив его во главу угла, современная цивилизация мало-помалу скатывается к уровню самых низших, можно сказать, первобытных нужд человека, не помышляя ни о чём более, как лишь об однобоком удовлетворении материальных потребностей»[4]. Ни материализм, ни наука не в силах заполнить духовный вакуум современного человека. Не случайно появилось великое множество псевдорелигий. В них смешивается мистическое и духовное, а истина еще более отдаляется и затуманивается.

Генон, приметив постепенное сошествие человечества всё ниже и ниже (что согласуется с невеселыми предсказаниями традиционных религий), писал: «Современный мир по своей сути — не просто сумасброден, он чудовищен, и это подтверждает весь ход исторического развития, в цикл которого входит и наша действительность. Она полностью соответствует определенной фазе, которая, согласно традиционному индуизму, означает конечную ступеньку *кали-юги*»[5].

Современный мир в свете этого учения находится в конце четвертой и последней стадии *манвантара,* «эпохи тьмы» или *кали-юги.* Французский философ отмечал: «Истины, дотоле доступные всему человечеству, всё более и более сокрывались, дойти до них становилось всё труднее и труднее. А людей, всё же приобщившихся этих истин, с каждым поколением убывало».

Должно быть, слова эти поначалу ошеломили Евгения. В них он нашел точное объяснение собственной жизни: значит, не напрасно ему казалось, что истина сокрыта от него; понятно, почему он всё время

был в поиске, почему чувствовал себя чужаком в современном мире «технологического прогресса».

Француз-католик Генон увидел *кали-югу* в свете христианского учения. Предсказанное индусскими мудрецами вырождение, отступление от древних заповедей совпадало с христианским понятием *вероотступничества;* упадок и гибель современного мира, означающие конец эпохи *кали-юги*, соответствуют в христианстве концу света. «Заключение это, — отмечал Генон, — следует принимать как данность, не впадая ни в оптимизм, ни в пессимизм. Конец света, т. е. нынешнего жизненного уклада, повлечет рождение нового». По мнению Генона, этот новый мир, описанный в древних санскритских рукописях, есть исполнение библейского пророчества*. А все заблуждения и ошибки человечества, столь частые в последней стадии *кали-йоги,* Генон объяснил кознями антихриста. «Современные радетели «прогресса», — писал он, — ослеплены мечтой о «золотом веке», который якобы наступил уже в наше время. Заблуждение это, коли развить его дальше, совпадет с посулами самого антихриста: он тоже обещает «золотой век» на земле, установив власть, противную старым традициям. И хотя обещания его насквозь лживы и безосновательны, неискушенный человек может увидеть в них едва ли не воплощение Царства Божия *(Sanctum Regnum)*»[6].

В отличие от Уоттса, Генон не воевал с христианством, полагая его истинным духовным учением Запада. Не принимал он лишь протестанство и прочие современные отклонения.

«Дело в том, — писал он, — что религия по сути своей традиционна. И всякое неприятие традиций есть неприятие религии. Поначалу традиции выхолащиваются, а потом, по возможности, и вовсе искореняются. Протестанство нелогично изначально: оно стремится «очеловечить» религию, но тем не менее допускает (пусть только теоретически) нечто «надчеловеческое», т. е. откровение. Протестанство боится поставить точку в своем отрицании. Но, по сути, предавая Божественное откровение человеческому толкованию, протестантство отрицает его... Далее движимое духом отрицания, оно породило пагубное критиканство, ставшее в руках так называемых «историков религии» грозным оружием против религии вообще. Протестанство на словах отводит главную роль Священному Писанию и не признает никаких других авторитетов. На деле же сводит на «нет» самое Писание и то учение, приверженцем которого оно тщится себя

---

* См. Откр. 21:1.

изобразить. Коль скоро протест против традиционного учения уже размахнулся, его не сдержать на полпути»[7].

Трезвый анализ протестанства, разумеется, приблизил Евгения к Истине, в отличие от неприятия христианства в целом (с чем он столкнулся в работах Ницше и — в меньшей степени — Уоттса).

По ПРИЗНАНИЮ самого Евгения, Генон помог ему выбрать и направление в учебе. «Благодаря Генону я выучил древнекитайский и решил работать с китайской духовной литературой так же, как сам Генон — с индусскими первоисточниками». Французский философ открыл для Запада индуизм в его подлинном виде, досконально изучив литературные памятники. Увы, религии древнего Китая он так полностью и не донес до западного читателя*.

«Потому-то я и принялся изучать древние китайские школы — никто раньше не рассматривал их с истинно традиционной точки зрения», — писал Евгений. Интерес к дзен-буддизму привел его к Китаю еще до знакомства с книгами Генона. Но именно француз указал цель исследования, отчего Евгений возгорелся еще больше.

В конце жизни он объяснил, почему потянулся к Китаю, а не к (Восточной) Индии: «Мой учитель китайского языка говорил, что индийское и китайское мироощущение различны. Индийцы — всецело на небесах, в поисках Брахмы, духовных впечатлений, китайцы же никогда не отрываются от земли. Этим они меня первоначально и привлекли. Китайская культура, высоковдохновенная по сути, всегда тесно связана с сегодняшним днем, с действительностью». В этом устремлении у Евгения подчас проглядывают черты практичности его матери и упорного деда, корчевавшего пни на ферме. Возможно, эта «приземленность» и помогла Евгению позже верно понять действительную, неподдельную сторону христианской духовности, избавив от самообольщения и прелести.

Была еще одна причина, приведшая его к китайской культуре: «Дао Дэ Цзин» Лао Цзы — основополагающая книга китайской философии, написанная в VI веке до Рождества Христова. Она настолько привлекла Евгения, что он вознамерился прочитать ее в подлиннике, дабы прозреть суть. «Работа столь обширна, что в ней легко заблу-

---

*См.: Рене Генон. Введение в изучение доктрин хинди. Человек и его становление. (Изд. на франц. языке в 1921 и 1925, на англ. — в 1945 г.) Генон лишь затронул одно направление китайской философии в своей последней работе «Великая триада». (Изд. на франц. в 1946 , на англ. — в 1991 г.)

диться», — отмечал он. Позже Евгений говорил, исходя из воззрений Лао Цзы: «Центр Вселенной — Дао, путь жизни». Этот «путь» или «главный принцип» жизни — как и Тот, Кто жизнь сотворил, — отличается простотой и смирением. В этом, как и в главных принципах, схожих с заповедями Христа*, как и в нежелании приоткрывать пока неведомое, Дао предвосхищает то, что будет открыто людям Христом. Работу Лао Цзы нельзя причислить к философии «мистического», в ней нет никаких сверхъестественных откровений. «Некоторые полагают, что это — сплошная мистика, — отмечал Евгений, — мне же не видится в ней ничего запредельного». Лао Цзы воплотил в своей работе то, что может познать человек без непосредственного откровения, т. е. вселенские законы, отраженные в природе, в Божественном мироустройстве. Евгений в ту пору, подобно Кириллову из «Бесов», сам «не знал, чему он верит» в христианстве, и Лао Цзы в то время наиболее полно разрешал его сомнения. Потому-то Евгений так серьезно и глубоко взялся за изучение работ китайского философа.

---

* Лао Цзы приводит пример: «Мудрый, дабы стать над людьми, должен удалиться. Чтобы стать первым и вести людей, он должен идти последним». Как схожи с этим слова Христа: «А кто хочет между вами быть большим, да будет вам слугою. И кто хочет между вами быть первым, да будет вам рабом» (Мф. 20:26-27).

10

Два наставника

Истина — цель философии, но не всегда философов.
Джон Чертон Коллинз.

В 1955 ГОДУ на летних занятиях в Академии Евгений познакомился с дзен-буддистским священнослужителем. Тот повел его в японский район Сан-Франциско и показал разные храмы, и буддистские, и синтоистские. Потом привлек внимание своего подопечного и к другим ответвлениям буддизма: джоде-синсу, почитающему будду Амида, как воплощенное божественное сострадание; сингон и тендеи — направлениям с очень сложным метафизическим смыслом, доступным лишь избранным; нихирен — стоящему особняком учению, основанному в XII веке опальным японским монахом, он обозвал дзен «бесовским плодом» и предрек скорый конец света — маппо; к тибетскому буддизму.

Последним Евгений увлекся, и, как вспоминает один из сокурсников, эстетика тибетской иконографии (лишь рисованных, но не скульптурных изображений) показалась ему весьма приятной, в особенности, цветовая гамма и оформление. Евгений поражался всевозможным проявлениям тибетской духовности и аскезы: способности отрываться от земли и зависать, переносить по воздуху предметы, создавать и проявлять «мыслеформы», проводить в молитве долгие часы на морозе. Евгений пристально изучал «Книгу мертвых». В ней описывается прохождение души после смерти в «области Бардо». Конечно, для тибетского буддиста путь этот — ни что иное, как «перевоплощение» души. И надо сказать, одно время Евгения очень занимал этот вопрос... Он много размышлял, но мало что говорил. Помнится, он утверждал, что как сторонники, так и противники этой теории

толком не понимают, о чём спорят. Ибо вопрос «перевоплощения» много сложнее, чем кажется. Конечно, он не принимал расхожее, общедоступное мнение, считал, что «перевоплощение» сокрыто глубокой тайной и лучше обойти ее молчанием.

Тот же сокурсник говорил, что и индусская метафизика, коей занимался Генон, изрядно привлекала Евгения, правда, ему не очень-то по душе приходились индусские божества, они занимали его лишь как аллегории неких движений в человеческом сознании. И религиозное искусство индуизма оставляло его равнодушным. Интересовали же два вопроса: 1) идеал святого и его воплощение в индуизме (обычно, одинокий странник или обитатель ашрама), 2) понятие *кали-юги.*

Но более индуизма и буддизма Евгения захватывал даосизм, его священная книга «Дао Дэ Цзин» и ее автор — Лао Цзы, кто являлся для Евгения образцом святости, мудрости и подвижничества, отшельником, удалившимся в горы, чтобы приобщиться Дао и жить «в полном согласии» с природой.

Для СРАВНИТЕЛЬНОГО анализа религий Евгению пришлось прослушать несколько лекционных курсов Алана Уоттса, и он всегда считался достойным учеником. Однако несколько времени спустя восторженное отношение к талантливому профессору и писателю потускнело. Генон научил Евгения ставить истину превыше всего, а Уоттс, хотя и пытался уверить слушателей в том же, далеко не всегда следовал этому принципу. В сущности, бывший англиканский священник хотел удобной для себя религии, сулившей духовные блага и позволявшей ему жить как вздумается. И весь свой незаурядный ум он употребил, чтобы создать и оправдать такую «бесхребетную» религию. Дзен, отвергавший любые догмы, оказался благодатной основой.

В феврале 1957 года Евгений отмечал в одном из писем: «Слушаю лекции А. Уоттса по дзен после того, как прочитал его новую (еще неизданную!) книгу. Всё толково, только не пойму, почему он по-прежнему нападает на католичество, даже со стороны».

Генон изучал восточные религии неотделимо от их естественной среды, Уоттс же пытался пересадить их на западную почву. «Буддизм» предлагался им для уврачевания духовных болезней Запада, но буддизм подменный, искусственно подогнанный под мерки современного человека, почитающего божеством лишь себя.

Один из приятелей Евгения пишет: «Ошибочно мнение, будто Уоттс долгое время оказывал влияние на Евгения. Верно, он ненадолго увлекся двумя книгами профессора: «Высшее начало» и «Миф и обряд в

Алан Уоттс читает лекцию по дзен-буддизму. 1958 г.

христианстве». Спору нет, Уоттс подхлестывал мышление студентов. Однако, думается, в конце концов, Евгений увидел его в истинном свете: обаятельным, остроумным и приятным... «кабинетным» буддистом, как Евгений его потом прозвал».

Уоттс сам признавал, что он человек несерьезный, что философия для него — лишь игра ума. Правда, говорил он с лукавой искоркой в глазах, дескать, кроется в этих словах и другой смысл. Он не соглашался с учениями, о которых читал лекции, спорил с учителями дзена и свами, пытавшихся объяснить, что требует их религия от человека.

В 1960 году Евгений покинул Академию, а Уоттс занялся проповедничеством собственных идей. Три года спустя Евгений отметил в дневнике: «Философия Уоттса — это оправдание «естественных радостей жизни», хотя и в утонченной форме. И для этого он то берет на вооружение разные религии, то отрицает (когда ему удобно), если они не подходят меркам «жизни ради удовольствий». Это нечестно. Коль скоро цитируешь из религиозных источников, будь добр, изложи мысль полностью, опираясь на всё учение в целом. Произвольно выдергивая удобные ему цитаты, он лишь обнаруживает неуважение к источникам: они для него лишь забава, ведь божество — он сам. В этом он заодно с прочими лжепастырями».

В бытность Евгения в Академии, Уоттс еще не отказался от личины респектабельного английского джентльмена и ученого мужа. В 60-е

годы, однако, когда среди западной молодежи резко возрос интерес к восточным религиям, Уоттс преобразился в хиппи, прославился на всю страну и сделался кумиром юношества. По словам одного из биографов: «Уоттс первым отрастил бороду «а-ля Иисус», облачился в старое кимоно и сандалии, стал проповедывать свободную любовь, вино, свободный дух, жизнь сегодняшним днем — всё это он называл «буддизмом»... Конечно, тысячи юнцов раскупали его книги, пытаясь понять, что этот ученый человек рассказывает о Востоке и как применить его мудрость к западной жизни»[1] Уоттс прослыл главным гуру «новой культуры».

Уже к 70-м годам начал он пожинать плоды посеянного десятилетием раньше, свидетелем чему был Евгений. Еще тысячи и тысячи видели в Уоттсе духовного наставника, гуру Востока, сам же «учитель» был опустошен, разочарован и кончил свою жизнь в пьянстве. «Не нравлюсь я себе трезвым»[2], — признавался он.

Умер он в 1974 году. Евгений упомянул его в своей лекции, рассказал, какое потрясающее впечатление Уоттс произвел на него поначалу: «Оглядываясь в прошлое, видишь, что он просто-напросто «попал в струю», построил на этом карьеру, разбогател, обрел много последователей. Кое-что в его учении верно: он правильно подметил язвы современной жизни. Но толика истины терялась в его собственных суждениях, мнениях, а впоследствии и во лжи. Сколько душ, не считая своей, он погубил?!»[3]

РЕШИВ СОСРЕДОТОЧИТЬСЯ на китайской философии, Евгений понял, что ему нужен настоящий учитель. Говоря об осмыслении древних текстов, он однажды заметил: «Нужно, чтобы вам лично растолковал всё учитель. Мало самому читать книги, полагают китайцы. Книги книгами, но лишь учитель способен передать их мудрость».

Разумеется, Уоттс не подходил для этой цели. Евгению посчастливилось найти истинного хранителя традиционной китайской философии в лице китайского ученого-даоса, Жи Минь-шеня. Тот преподавал в Академии с 1953 года. По словам Евгения, он разбирался в китайской философии как никто в США, самого его учили великие философы и мудрецы Китая (в их числе были Уян Цзин-ву и Ма Уи-фу). Жи Минь-шень провел несколько лет в даосском монастыре, где под водительством монахов вылечился от туберкулеза молитвой, самоуглублением и дыхательными упражнениями. Когда к власти пришел Мао Цзе-дун, знатную семью Жи Минь-шеня лишили всего имущества. Вместе с

другими великими учеными и мыслителями Жи Минь нашел пристанище в центральном Китае, куда коммунисты еще не добрались. Немного книг удалось захватить с собой, однако работы китайских классиков они помнили наизусть! В городе Чунькин устроили на скорую руку подобие университета. Жи Минь-шень читал философию, там же он написал три книги на родном языке. Но в 1945 году коммунисты пришли и в Чунькин, университет закрыли. Жи Минь покинул родину, переехав сначала в Японию, затем в США. В 1948 году он получил степень магистра в Хейверфордском колледже в Пенсильвании, несколько лет преподавал там же и в Нью-Йорке философию.

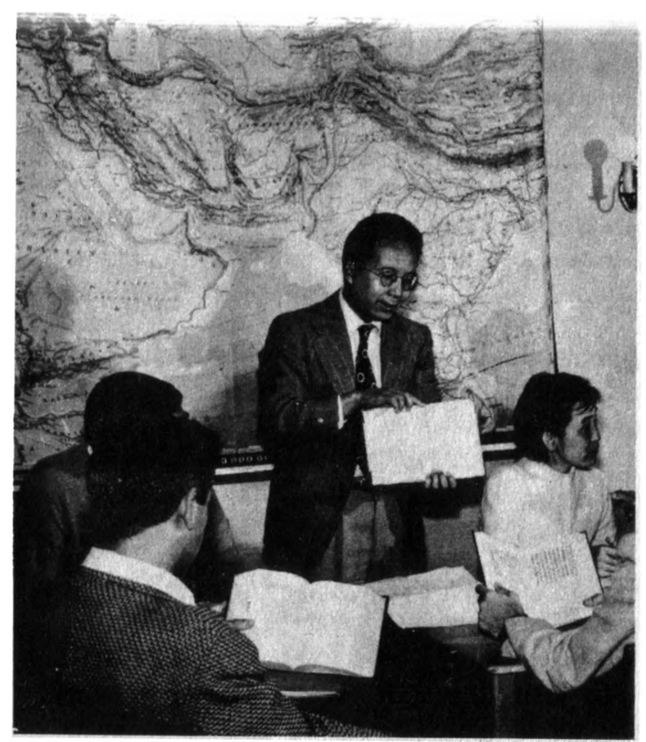
Один из друзей Евгения вспоминает: «Говорил Жи Минь-шень с трудом, у него, кажется, был врожденный порок — «волчья пасть». Так что понять его китайский удавалось с большими усилиями, не говоря уже об английском, которым он вообще плохо владел. Евгений полюбил профессора за искренность, за даосскую мудрость, увидел в нем едва ли не святого. Сам Евгений говорил, что, благодаря знакомству с этим истинным представителем китайской духовной традиции, «понял разницу между настоящим учителем и обычным университетским профессором», о чём в свое время говорил Генон. Много позже, вспоминая знакомцев своей молодости, Евгений выше всех ставил Жи Минь-шеня.

У него Евгений начал постигать премудрости древнекитайского* (тоже под влиянием Генона, как указывалось ранее). Язык этот, лишенный привычной грамматики, показался Евгению едва ли не самым совершенным в мире. Вместе с Жи Минем он переводил «Дао Дэ Цзин» на английский. Он записывал каждое слово, древнее толкование которого пояснял Жи Минь. Им очень счастливо работалось вместе: китаец передавал Евгению истинный смысл текста, а тот подыскивал наиболее точные английские слова.

Как разнятся записи Евгения на лекциях Жи Минь-шеня и Уоттса! Уоттс, не принадлежа ни к одной из старых философских школ, лишь комментировал разные учения, опираясь на собственное мнение, а Жи Минь-шень — плоть от плоти древней китайской философии, которую он непосредственно и передавал. Поэтому, даже рассуждая о главных философских вопросах, когда-либо стоявших перед человечеством, он находил всегда оригинальные и простые ответы. Так, говоря о конфуцианстве и неоконфуцианстве, он особо выделял чисто «земные» аспекты: чувство долга, цель жизни. Философию он преподавал как науку о добре, верности, честности и любви.

---

* В Помоне он изучал современный разговорный китайский язык.

Жи Минь-шень проводит занятия по китайской философии в Академии востоковедения.

Рассказывая студентам Академии, как в древнем Китае относились к познанию (по работам Конфуция и Сюнь Цзы), Жи Минь говорил: «Суть человека — в постоянном познании, а не в том, что уже накоплено. Важна не ученость, а мудрость. Суть человека раскрывается образом жизни. Сам образ жизни маловажен, но он *раскрывает человека*... Цель познания — стать *хорошим человеком*... И вести к этому должен учитель-друг, ведь в обучении цель — не знание, но перемена себя. Учитель-друг — вот живой пример, только высокая духовность одного может повлиять на другого».

Раскрывая древнекитайское философское отношение к любви, Жи Минь указывал: «Чтобы совершенствовать себя, нужно полюбить других. Любовь к людям приносит покой, а когда любви нет, наступает разлад. Покойный же дух преображает человека».

Особенно злободневны слова Жи Миня о супружестве. Любовь мужа и жены, «если она не основана на уважении, не дает места любви к другим людям. Страсть притягивает мужчину и женщину, уважение

держит на расстоянии. Вкупе эти два чувства и есть любовь. Уважение — регулятор любви».

До чего ж непохоже всё, что говорил и писал Жи Минь, сам его подход на учение теперешних гуру, несущих якобы восточную мудрость. Передавая живую традицию философии, Жи Минь скорее уподоблялся мыслителям древней Греции, чьи учения подготовили человечество к полноте Божественного откровения, явленного Иисусом Христом.

Жи Минь неоднократно подчеркивал, что древние философы Китая и Греции в целом одинаково понимали мироустройство. Так, он сравнивал Дао с Единицей Парменид, или с «абсолютным добром» Платона, или с «неподвижным движителем» Аристотеля. «Согласно даосизму, — писал Жи Минь, — Дао, или Единица, — предтеча всего остального, откуда выходит всякая вещь, занимая свое место. По сути, Дао, или Единица, подобна высшей субстанции, или Богу, полагаемым древними греческими философами за основу основ»[4]. На своих лекциях Жи Минь постоянно указывал, что в древней культуре Греции и Китая и политическая теория основывалась на метафизике, в обеих странах государственная власть строилась «по образу и подобию Небес».

Несколько лет спустя Евгений отметил: «В истории древнего Китая есть совершенно невероятные совпадения с тем, что в ту же пору происходило на Западе, хотя внешне Восток и Запад никак не были связаны. Воистину по велению *духа времени* в одну и ту же пору жили и первый греческий философ Фалес (ок. VI в. до н. э.), и Конфуций, и Будда».

Жи Минь, как и Генон, указывал на вопиющее различие не Востока с Западом, а древнего с современным. Он писал: «Основная разница между древними китайскими и греческими мыслителями и современными учеными в том, что первые исходили из целостности мира, взаимосвязи всего в природе и видели это целое во всей ясности и естественности, а последние, начиная с частного, выводят общее»[5].

На эту тему Евгений в 1956 году и написал статью, озаглавив ее «Понятия относительного, современного и традиционного». Первую часть он посвятил глубокому критическому исследованию современной науки, иногда опираясь на Генона, но чаще — на свои собственные анализы и выводы. Во второй части он провел сравнение современного научного понятия «относительности» с концепцией древнекитайской философии Лао Цзы. Выводы же Евгений сделал следующие: наука правильно утверждает, что всё относительно и преходяще в мире, который мы в состоянии понять и почувствовать. Но сущее не исчерпывается нашим разумом или чувствами, поэтому в корне неверно

применять принцип относительности ко *всему* сущему. Древние китайские мудрецы, признавая быстротекущую действительность нашей жизни, указывали, что есть действительность высшего порядка, за пределами нашего восприятия.

В другом реферате «О Карле Юнге и восточной философии» Евгений выявил заблуждение тех, кто пытался втиснуть древнюю философию в прокрустово ложе современного мышления. Попытка швейцарского психолога Карла Юнга сочетать восточные учения со своим собственным обнаружила, по мнению Евгения, «полное непонимание истинной природы китайской и индийской мысли». Евгений убедительно показал, что Юнг, в отличие от Генона, да и в отличие от самого Евгения, не стал утруждать себя глубоким поиском, проникновением в суть восточной философии. Он даже не удосужился выучить ни одного восточного языка. Цитируя Юнга, Евгений изобличил того в самолюбовании и в отсутствии философской целостности, что немыслимо для подлинного носителя восточной мудрости, как честный и смиренный Жи Минь-шень. В конце статьи Евгений назвал психологическое построение Юнга одной из многочисленных псевдорелигий, которые, согласно Генону, являются знамениями времени.

Любопытно, реферат этот Евгений написал, когда слушал последние лекции Уоттса, большого почитателя Юнга. Покинув Академию, Уоттс вскорости повстречал престарелого психолога в Цюрихе. Юнг полюбопытствовал, нет ли в восточных религиях слов, которые перекликались бы с его психологическими терминами[6].

НА ЛЕКЦИЯХ Алана Уоттса по «Сравнительному анализу религий» Евгений слышал, как тот превозносит даосизм и снисходительно отзывается о конфуцианстве. А Жи Минь-шень учил, что между различными китайскими школами существует основополагающее единство. «Единство традиций, — пояснял впоследствии Евгений, — выражается в разных частных видах. Современные учения, хватаясь за это частное, находят в Китае всевозможные учения: конфуцианство, даосизм, почитание предков, поклонение богам и духам и др. Мой учитель (Жи Минь-шень) твердо стоит на том, что все эти учения суть одно, суть основной принцип китайской мысли — правоверие: существует верное учение, и от него зависит всё общество. Но правоверие может по-разному выражаться. И мой учитель наглядно показал, что даосизм, например, обращен к немногим избранным, а конфуцианство — к широкому кругу. Даосизм нацелен на духовную жизнь, а конфуцианство — на общественную».

По воспоминаниям одного из тогдашних студентов Академии, Жи Минь определенно держался даосизма и конфуцианства, но не буддизма, так как первые два учения исконно китайские, а последнее привнесено из Индии на тысячу лет позже.

Благодаря Жи Минь-шеню прежнее увлечение буддизмом у Евгения начало мало-помалу проходить. В мае 1957 года он писал: «До чего же скучен буддизм по сравнению с богатейшей китайской классикой — даосизмом и конфуцианством! Дзен слишком многословен, слишком вторичен».

Жи Минь научил Евгения, как восстанавливать истинность в истории, и Евгений отмечал: «Мой китайский профессор учил меня, что если обнаруживается несовпадение археологических раскопок и древних памятников письменности, доверяй написанному. Ибо археология — лишь черепки да собственные мнения и домыслы, а древние тексты суть люди, которым надобно верить. Так исстари принято в Китае»*.

В одном из эссе Жи Миня, которое отредактировал и напечатал Евгений, говорится: «Иные современные китайские ученые... доверяют не столько классическим текстам, сколько надписям на бронзовой посуде из археологических раскопок, ученые даже ставили под сомнение само существование династии Инь, полагая факты... старинных рукописей недостоверными. Но вот в 1928 году при раскопках в Инь Сю обнаружили наконец сосуды с надписями, относящимися к династии Инь, и лишь тогда окончательно признали ее».

Ни на родине, ни за границей Жи Минь никогда не участвовал в пустых научных спорах, как некоторые из коллег. По словам Жи Миня, они всю жизнь тратят на критику древней китайской классики, сомневаясь в истинности каждого слова, каждого абзаца, не говоря уж об авторстве. И упускают из вида главное — смысл написанного и значение...

«Коль скоро я изучаю китайскую философию, я должен полагаться на традиционные китайские взгляды и принципы, а не следовать новомодным, сиюминутным течениям и тенденциям, кои со временем лишат китайскую философию критериев значимости и ценности и, окончательно всё перевернув, заведут в тупик».

Оглядываясь на путь Жи Миня, нетрудно догадаться, что он был непримиримым антикоммунистом. В статье «Исконная мудрость и революционная философия в сегодняшнем Китае» он писал: «Комму-

---

* Не мешало бы и нынешним исследователям Библии усвоить это мудрое правило.

нисты утверждают, что движителем общества является классовая борьба, и эволюция, или прогресс (общества или личности), напрямую связаны с остротой этой борьбы. Выходит, китайские коммунисты учат ненавидеть, а не любить, что противно самой природе китайцев. Наша древняя философия учит: любовь к ближнему приведет к истинному прогрессу общества. Мир на земле достигается только любовью, а классовая борьба и взаимная ненависть суть источник зла и войн»[7].

Жи Минь-шень говорил Евгению, что коммунизм принесет смерть духовной философии Китая, под которой подразумевал старые, традиционные учения, носителем которых был сам. Евгений разделял взгляды учителя на коммунизм — безжалостное насаждение материализма, уничтожение высоких духовных человеческих устремлений. Однако сам пока не нашел, как бы противостоять этому беспримерному в истории натиску безбожия.

Жи Минь-шень, будучи человеком смиренным, не прославил своего имени. По меркам мира сего, этот истинный учитель не преуспел, в отличие от Уоттса, циника и лицемера, снискавшего колоссальный успех. Евгений избрал первого, а мир — последнего.

11

Сколько рек на пути

Людям поверхностным и порочным милее мелководье человеческой мудрости, нежели пугающая пучина мудрости Христовой.

Свят. Николай Велимирович[1].

ПО-ПРЕЖНЕМУ сердца и умы передовой интеллигенции Сан-Франциско волновал буддизм, но в Академии востоковедения молодые мыслители уже торили иные тропы в духовных учениях. С их помощью и собственными стараниями Евгений охватил всевозможные философские школы, проник в самые сокровенные уголки.

Он подружился с одним студентом, ортодоксальным евреем, и благодаря ему глубже понял учение хасидов, начал изучать работы современного еврейского философа-традиционалиста Мартина Бубера. О «Затмении Бога» он отозвался как о точном описании модернизма, причем в его последней стадии. Книга «Я и ты» ему понравилась, но больше всего он ценил «Баал Шем» — рассказ об основателе хасидской секты в Польше и переводы Бубером хасидских духовных поучений и писаний.

Еще Евгений почитал Ананда Кумарасвами, выходца из восточной Индии, писавшего об индуизме и некогда дружившего с Геноном. Он заведовал разделом искусства Индии в Бостонском Музее изящных искусств, писал книги, в которых выявлял метафизическую суть мирового искусства. Из всех индусских центров в Сан-Франциско Евгений побывал лишь в одном — в храме веданты, но скоро, прочитав Генона и некоторые иные книги, понял, что «озападненная веданта» — лишь очередной современный псевдорелигиозный культ.

Некоторые знакомые по Академии увлеклись суфизмом — мистическим ответвлением ислама. Евгения, далекого от их взглядов, пора-

жало, что суфисты затверживали девяносто девять священных имен аллаха.

Также под влиянием Генона Евгений уважительно относился к христианству как одному из истинных древних учений, что, впрочем, не относилось к протестантству, не признававшему традиций. Евгений с увлечением читал Макса Пикара, швейцарского еврея, обратившегося в католичество. Тот рисовал современный мир почти так же, как и Генон. На полках у Евгения хранились его книги «Бегство от Бога», «Гитлер в наших душах», «Лицо человечества».

Среди всевозможных духовных течений, изучаемых в Академии, нашлось место и мистическому восточному христианству. Среди знакомцев Евгения оказалось несколько православных. Один из них, серб по происхождению, Крис Ловджиев, — уже немолодой, с типично славянским лицом, добросердечный и мягкий — обладал большой притягательной силой. Он занимался по школьной программе с заключенными в городке Сан-Квентин и заодно рассказывал им о разных религиях. Ему внимали, его любили. Иногда Ловджиев брал с собой в тюрьму и Евгения с друзьями. В известной книге о социальном протесте Элдриджа Клейвера «Оледенелая душа» серб потом даже удостоился прозвища «Сан-Квентинский Христос»[2] Упомянут он и в автобиографии Алана Уоттса. Ловджиев считал себя учеником последнего, однако духовный путь избрал собственный, почерпнув из многих самых разных учений, но преимущественно из христианства. Его в большей степени интересовала философия Николая Бердяева, религиозного мыслителя начала века, который гордился своим собственным неформальным подходом к исконно русской вере.

Один из студентов Академии, изучавший святоотеческие творения Православия, познакомил Евгения с Добротолюбием, вобравшим мудрость отцов и подвижников раннего христианства, с книгой «Откровенные рассказы странника своему духовному отцу», содержащей рассказ о русском паломнике XIX века, творившем непрестанно Иисусову молитву. Евгению сразу бросилось в глаза внешнее сходство Иисусовой молитвы, описанной в Добротолюбии, и буддистской к будде Амида, которая называется «Повторение божественного имени». Да, поначалу он воспринимал Православие очень поверхностно. Это, однако, не помешало убедиться, что и его исконная религия — христианство — имеет некоторые сходства с другими учениями, к которым он обращался в поисках истины.

Мистическая, или тайноведческая, сторона христианства полнее открылась Евгению после знакомства с новой книгой швейцарского философа Фритьофа Шуона «Всеобъемлющее единство религий» (ее

перевели незадолго до переезда Евгения в Сан-Франциско). Шуон был одно время последователем Генона. Но тот мало что знал о Православии, считавшемся в ту пору «тайной тайн мира сего»*. Шуон, представлявший следующее поколение, сумел познать много глубже возвышенную и проникновенную духовность восточного христианства, и Евгений увидел в Православии самую чистую, незамутненную веру. Впрочем, оба они подходили к Православию со стороны. Ум и житейская умудренность не позволяли приобщиться того, что явлено младенцам. Евгений, еще не ощутив воочию на себе влияние этой духовности, не замечал ограниченности выводов Шуона. Пока они служили исправно.

ЗНАКОМЕЦ, некогда открывший для Евгения Добротолюбие, позвал его однажды на службу в православную церковь: «Раз уж ты интересуешься Востоком, недурно приглядеться и к восточному христианству». Евгений согласился, памятуя о приверженности Генона всем истинно духовным традициям.

Русский православный собор с красивыми витражами по фасаду и стенам стоит в центре Сан-Франциско** Прежде там располагалась епископальная церковь. Деревянный арочный потолок собран из досок со старых морских судов, и попадаешь словно в огромный ковчег.

Евгений оказался там вечером в Великую пятницу. Пред золотым иконостасом светились рубиновые лампады, выделяя лики Христа и Богоматери. Сверху, с хоров доносилось чудесное пение — стихиры исполнялись на незнакомом Евгению языке. На возвышении посреди храма он увидел маленького согбенного. старичка с белоснежной бородой, в лиловом облачении. То был архиепископ Тихон***. Он стоял отрешенно, закрыв глаза, погрузившись в молитву. Но вот открыл их, и взгляд, ясный и строгий, воззвал ко вниманию и сосредоточенности тех, кто сослужил ему.

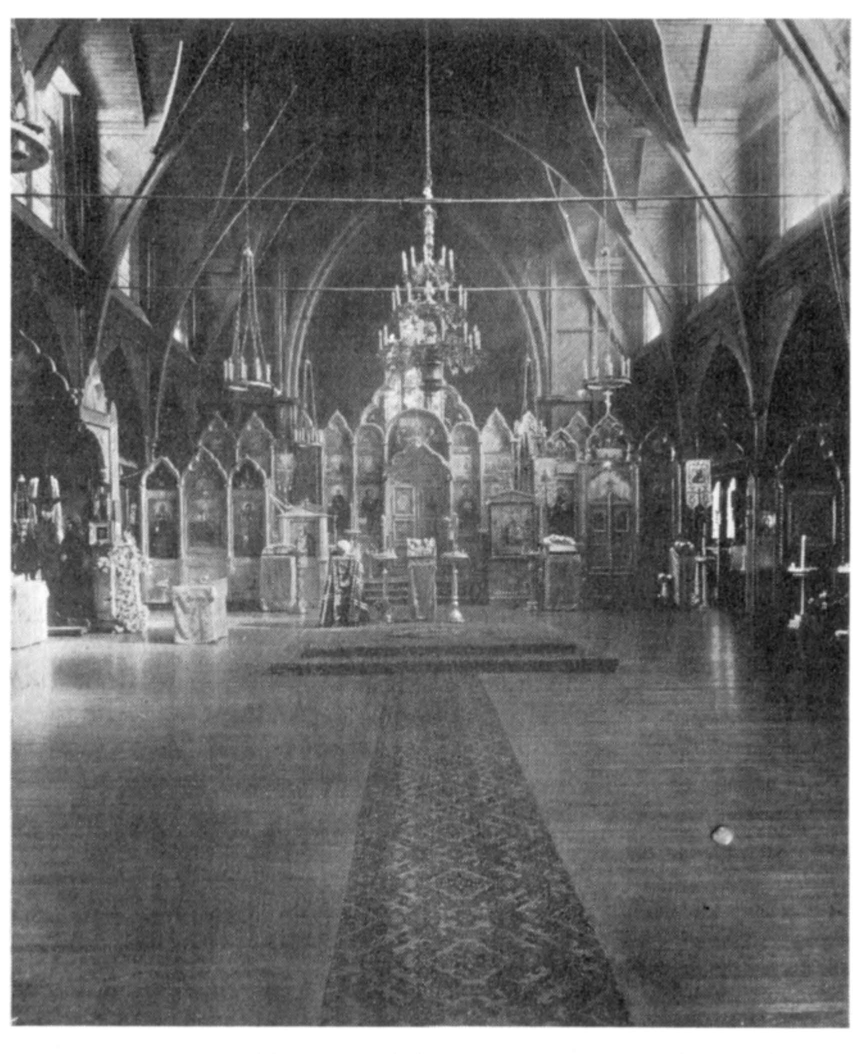
Немощный телом архиеп. Тихон произвел неизгладимое впечатление на Евгения. Он увидел, что служба — не просто отработанная череда ритуалов, а глубокое молитвенное состояние. Тогда он, конечно, не знал, что молитва для архиеп. Тихона — средоточие жизни. Еще в России он получил духовное окормление старца Гавриила Казанского,

---

* По высказыванию о. Александра Шмемана.

** Собор назван в честь иконы Божией Матери «Всех скорбящих Радосте» и находится на улице Фултон. Теперь же, когда возведен новый одноименный храм, прежний называется просто «старым собором».

*** См. фото в гл. 28 (внизу).

Русский православный собор иконы Богородицы «Всех скорбящих Радосте»
в Сан-Франциско на улице Фултон.

и сейчас в своей маленькой келье при соборе Владыка Тихон проводил в молитвенном бдении большую часть суток, ночи напролет предстоя пред Господом.

Хотя оказался в соборе Евгений почти случайно, в душу глубоко запало всё увиденное и услышанное на службе. Не только красота древнего церковного пения и старинных икон, но нечто большее: он увидел исполненность своего давнего желания умереть для мира, ибо всё открывшееся перед ним было не от мира сего. Из суетного, шумного Сан-Франциско он вдруг разом приобщился Божественного света и покоя — о таком переходе души в вечность и писал Бах в кантате «Имел довольно я».

Двадцать лет спустя Евгений описал свою первую встречу с Православием: «Пока я учился, мне доставало лишь уважения к древним традициям, сам же я предпочитал быть вне их. И в православную церковь я заглянул только для того, чтобы познакомиться еще с одним учением, памятуя, что Генон (или кто-то из его учеников*) говорил о Православии как о самом подлинном христианском направлении.

Однако стоило мне перешагнуть порог русской церкви в Сан-Франциско, как со мной произошло что-то неизведанное доселе ни в буддистских, ни в иных восточных храмах. Сердце подсказало: вот твой дом. Я наконец обрел, что искал. Объяснить себе я ничего не мог, службы я не понимал, равно и русского языка. С той поры я приохотился к православным богослужениям, принялся понемногу изучать обычаи и язык, не забывая слов Генона об истинных духовных традициях».

Впечатление от службы в русском соборе не сразу переменило мировоззрение Евгения. Но, главное, заронило семя, которое со временем даст всходы, принесет плоды, и Евгений, сбросив покровы ветхого человека, облечется в нового. Но пройдет еще два года, прежде чем он познает Того, Кто, казалось, глядел прямо в его душу с иконы в соборе.

В РЕФЕРАТЕ «Псевдорелигии и современность» в 1957 году Евгений попытался разумом охватить то, что подсказывало сердце. Вначале он дает очерк современных течений: теософии, озападненной веданты и «новой мысли». Он заключает, что это — псевдорелигии, ибо они враждебны традиционным учениям, все обожествляют (хотя и неявно) человеческое «я», искажают путь восточных религий, прокла-

* Несомненно, подразумевается Фритьоф Шуон.

дывают путь ниспровергателю древней истинной веры — антихристу. Особенно полно отражала духовное развитие Евгения в ту пору глава под названием «Подрыв исконного христианства». В ней Евгений указывал, что Римская Католическая Церковь во многом утратила внутреннюю суть и что за фасадом, за внешней формой — пустота. «Но и сегодня, — писал Евгений, — Церковь эта, хотя и в полном упадке, существует, не до конца растеряв приверженность традициям. Однако на нее готовится новая, еще более мощная атака... цель которой — полностью превратить христианство в очередную псевдорелигию, обобщить и пополнить его другими идеями... не позволить христианству жить «на особинку», ибо дух современности — обобщать и «синтезировать», или, как модно сейчас говорить, „обновленное сознание человечества требует широты взглядов"».

В противовес этому Евгений ставит «узкое» христианство, как пример идеального для Запада учения: христианство, которое отсекает всё лишнее, не ведущее непосредственно к спасению. «Более того, — пишет он, — христианство и появилось, чтобы узкому и ограниченному западному мышлению указать приемлемый путь ко спасению. Отвергая христианство, современный Запад отказывает себе и в спасении, открывая свою лукавую сущность».

Сам Евгений не отвергал христианство, но и не держался его основополагающих канонов, в частности, о единственной человеческой ипостаси Бога, о единственном пути ко спасению и т. д. Он считал эти положения полезными и применимыми для западного человека, однако ставил себя выше и вне этих законов.

Подобную точку зрения он обнаружил в книге Фритьофа Шуона «Всеобъемлющее единство религий», помогшую ему проникнуться уважением к Православию. Хотя впоследствии Шуон отошел от позиций Генона из-за каких-то непримиримых разногласий, он всё же держался некоторых взглядов учителя, например того, что ни одно подлинно традиционное учение не является непременно хуже или лучше другого. Он пошел дальше Генона, но, увы, выбрал неверное направление, хотя обладал куда более обширными познаниями в православном христианстве, нежели учитель. Генон пытался вернуть Запад к утерянным ныне метафизическим воззрениям древности, дабы правильнее постичь суть христианских учений. Шуон, однако, повел к созданию нового религиозного учения, вобравшего и истолковавшего принципы разных вероисповеданий, исходя из положения (как бы очевидного), что все религии на каком-то уровне, доступном лишь *избранным,* сводятся к одному. Главенство избранных, признаваемое Геноном в философии, Шуон перенес на *религию.* Он писал: «Для

подавляющей массы людей нет ничего лучше, чем привычная, проторенная дорога к спасению»[3]. Для избранных, к коим Шуон причислял и себя, виден иной путь, объемлющий все традиции, и неважно, что каждая при этом обезличивается, важно, что человек волен сам выбирать то, что «созвучно» его высокодуховным представлениям. Шуон отстаивал это право избранных, «наделенных Богом всеобъемлющим разумом»[4]. С одной стороны, он показывает, сколь «наивны», «нелогичны» и «ошибочны» взгляды тех, кто отстаивает целостность традиционных учений, особенно христианства, с другой — называет их «провидческими», «необходимыми» для верующих[5].

Религиозное мировоззрение Шуона потрафляет тем «высоким умам», кто и понятия не имеет, что такое полностью приобщаться живого святоотеческого учения. Именно к таким и принадлежал Евгений. В реферате о псевдорелигии он чаял проявления «всеобщего правоверия», показавшего бы «всеобъемлющую общность религий», ни одна из которых не отрицалась бы. И это всё в противовес тому, что исповедуют новые «псевдорелигии», т. е. выборочные и прихотливые заимствования из старых учений.

В КОНЦЕ РЕФЕРАТА Евгений указал, что современные течения философской и религиозной мысли ведут к воцарению антихриста. Он писал: «Уравняв «сверхъестественное» и «духовное» (не поняв ни того, ни другого), современный человек поставил знак равенства между наукой и новой «духовностью», и духовно познаваемые истины превратились в «научные открытия»... Наука, вооруженная «высокими» знаниями духовного мира, возымеет над человеком невиданную власть, сделается абсолютным правителем в мире, наглухо отгороженном от истинно Сущего. И воевать с такой силой будет бессмысленно, ибо в ее распоряжении самое могущественное оружие — «Бог»... Конечно, такое жизнеустройство — дело рук сатаны, «врага», «антипода Бога», кто в лице антихриста и будет править в своем «преображенном» царстве «благости» и «добра», перед чем будет трудно устоять. Сам антихрист — воплощение богопротивных сил — предстанет великим мудрецом, он разрешит все задачи, даст ответы на самые важные и мучительные вопросы, до сего времени безответные. Человечество угодит в этот капкан, уверует в сверхразумную и сильную личность и как всегда в поисках «света истины» покорным стадом устремится за тем, кто предлагает „единственно верный путь"».

Алисон говорит, что «Евгений распознал зло и обман раньше, чем добро и истину». Ницше дохнул на него адским пламенем антихриста, и

Евгений почуял его силу. Генон показал, что сила эта в современном мире мешает человеку приобщиться высокой духовности, подрывая древние учения; крепко держит его в узде материализма, подсовывает ему «мистическое» и сверхъестественное под маской духовного. Человек, мучимый политической борьбой, духовным голодом будет только рад избавителю-антихристу. Для Евгения антихрист не был ни вымыслом, ни аллегорией. «Убедившись, что антихрист сущ, — заключил он, — я понял, что должна быть и иная, противостоящая ему сила. И убедился, что сущ и Христос».

Однако, сколько бы хорошо Евгений ни знал, ни понимал это, он еще не *приобщился* Христа. Осталось ждать совсем недолго — за плечами лежал большой путь.

12

В тупике

Город — средоточие беглецов от Бога. Улицы, точно трубы-насосы, втягивающие людей; попадаются и случайные деревца, они боязливо ютятся на обочине и не выбраться им на вольные просторы. Оттого и врастают они мало-помалу в землю, стараются пробить асфальт и спрятаться поглубже, исчезнуть...

Макс Пикар[1].

И чем горше мне жилось, тем ближе подходил Ты, протягивал десницу, дабы вызволить меня из трясины и очистить от скверны. Только я этого не видел.

Блаж. Августин[2].

В КОНЦЕ 1956 года Академию востоковедения постигли серьезные испытания. Несмотря на высокие устремления студентов и преподавателей, совет директоров попытался превратить ее, по словам Евгения, в «скучное, респектабельное заведение, штампующее докторов наук». После прилюдной перепалки с главой директората подал в отставку Алан Уоттс (рядовым преподавателем он работал еще один семестр). Директорат грозил увольнением и другим профессорам, в числе коих был и Жи Минь-шень.

Академию возглавил старый ученый-теософ Эрнест Эгертон Вуд, некогда претендовавший на пост президента Теософского общества. Он 38 лет прожил в Индии и написал более 20 книг об Азии. Некоторые опубликовало вышеупомянутое общество. Студенты Академии почитали его этаким динозавром, пережитком прошлого, отголоском той поры, когда западные востоковеды не знали и не желали знать новое

поколение, ведущее духовный поиск. Евгений отмечал, что «лекции об Эмерсоне, воссоединившем Восток и Запад, Вуд читает с теософских позиций... У него на факультете индийской теософии учатся одни старушки, которые слушают в Академии лекции в свободное от спиритических сеансов время». Не случайно первый же курсовой реферат Евгения «Псевдорелигия и современность» начинался с изобличения теософии как духовного мошенничества.

«Даже если Академия выживет, — читаем мы в одном из писем Евгения, — она превратится в псевдонаучный центр индологии... Сейчас же, выражаясь формально, наш институт «готовит специалистов», что тоже неправда — с университетом в Беркли нам не потягаться... Пока здесь Жи Минь-шень, я останусь, но долго ли — он и сам не знает».

Весной 1957 года китайский ученый покинул Академию, следом — Евгений. Через год с ней порвал отношения и Тихоокеанский колледж, и, по словам Алана Уоттса, «ее будущее сокрылось во мраке неизвестности»[3].

Итак, Евгений оказался студентом без университета. Он и думать не мог изучать китайскую философию без истинного наставника, носителя традиций, коим для него был лишь Жи Минь. «Я не оставлю своего китайского профессора, — писал Евгений, — он для меня единственно подлинный ученый, как прошлого, так и настоящего, способный донести китайскую философию». Евгений даже обратился в Помону, к своему прежнему преподавателю китайского языка с просьбой подыскать Жи Миню место на факультете философии и религии. Увы, ответ пришел неутешительный.

Жи Минь занялся частным преподаванием в Сан-Франциско, и Евгений стал его главным учеником и помощником: он переводил на английский, редактировал, перепечатывал работы профессора, в частности очень важное представление старейшего памятника китайской письменности — «Книги перемен». Жи Минь убедительно доказал, как стадии исторического развития, описанные в книге, выражают китайскую культуру в определенную эпоху и предопределяют путь цивилизации: от первозданности и непорочности — к загниванию, упадку, гибели.

ОСЕНЬЮ 1957-го, не прерывая занятий с Жи Минем, Евгений поступил в калифорнийский университет в Беркли, чтобы написать диплом на степень магистра востоковедения.

Городок Беркли стоит по другую от Сан-Франциско сторону залива. Университет — центр всей научной и студенческой жизни в Калифорнии. Училось в нем тогда около 20 тысяч человек, несравнимо больше, чем в Помоне, и если в последней еще преобладал дух большой семьи, то в Беркли всё было более формально и обезличенно. Девиз Помоны, основанной протестантами, — «поддержка и защита христианского мира». В государственном же университете в Беркли преобладало недоверчиво-скептическое отношение к религии.

Программа по восточным языкам была хороша и особенно помогала таким зрелым студентам, как Евгений. В библиотеке, как уже говорилось, хранилось самое большое в стране собрание памятников азиатской письменности. В Беркли Евгений собирался заниматься не философией (он не верил, что почерпнет что-либо ценное), а языком древнего Китая, тем орудием, благодаря которому он хотел — в духе Генона — изложить Западу суть китайской философии. Брал он также курсы японского языка, классического греческого и латыни.

В 1958 году Евгений, не без пользы, прослушал курс лекций по китайской поэзии — ему самому чудесно удались переводы ранних китайских авторов. Пришелся по душе и преподаватель, профессор Ши Сянь-чен, проникновенно чувствовавший родную литературу и не пытавшийся, по словам Евгения, представить ее «значительнее, чем она есть». Однако в целом профессора-синологи не выдерживали критики. «Сплошное занудство, — говорил Евгений, сравнивая их научный подход с подходом Жи Минь-шеня. — Если Китай и впрямь таков, каким они его представляют, не понимаю, как он им самим не опротивел. Куда там! Они даже «вдохновлены», «нацелены на поиск». Впрочем, «вдохновенье» на поверку оказывается натужным, а «поиск» — блужданием впотьмах... Хорошо, что я свои знания черпаю не у них».

Летом 1958 года Жи Минь-шень уехал в Нью-Йорк, где жил раньше, и Евгений остался без наставника в серьезных философских изысканиях. Он сетовал: «Мое знание китайской философии находится на самой низкой, начальной ступени».

В Нью-Йорке Жи Минь собирался преподавать в новом Институте Востока и Запада. Поначалу присылал Евгению обнадеживающие письма, но прошел месяц-другой, и Жи Минь понял, что это место не для него. Евгений по-прежнему редактировал и переписывал его рукописи, сообщал о своих успехах в древнекитайском. В ноябре 1958 года он получил от профессора следующее письмо:

Дорогой Евгений!

Несказанно рад Вашему письму. Приятно узнать, что этой осенью вы прослушали в университете пять разных курсов, что лекции нравятся вам больше, чем в прошлом году. Все они, на мой взгляд, принесут пользу в изучении китайского языка. Вы и впрямь сделаетесь великим его знатоком. Конечно, язык — не цель, а средство познания. Но не будь средств — не достичь и цели...

Тем, кто хочет познать основы классической философии, чрезвычайно важны замечания неоконфуцианцев времен династий Санг и Минь, ибо замечания эти касаются основополагающих значений слов...

Очень хорошо, что господин Сянь-чен не просто передает накопленные знания, но и сам увлечен китайской поэзией. Может, мне еще доведется с ним познакомиться.

Что касается Института Востока и Запада... Если он в конце концов и определится, думаю, что для меня это место неподходящее, там мешанина всевозможных предметов (преподают даже кулинарию и хореографию), что в будущем не сулит ничего хорошего. Так что присматриваю новое место к будущем учебному году...

С наилучшими пожеланиями,

Ваш друг в Дао,
Жи Минь.

ГЕНОН УБЕДИТЕЛЬНО показал Евгению, сколь чудовищен современный мир, и тот на своем опыте чувствовал, как невыносимо «безумие и бесовство нынешней жизни». Отрицая неестественную, суетную цивилизацию, Евгений намеренно не удосужился получить водительские права. Он избегал даже автобусов, в редких случаях ездил на поездах, чаще всего ходил по городу пешком. Он не терпел телевидения, которое навязывало огромному количеству людей единообразие современного обезумевшего мира. Всякую мысль или суждение, подхваченные большинством, Евгений встречал с настороженностью и недоверием, а то и вовсе с презрением. Особенно не терпел он носителей обывательского воззрения «толпы», которых он почему-то окрестил «лютиками», тех, кто беспрестанно суесловит, не в силах сказать ничего по существу. Такой «лють» нахально вмешивается в разговор, в обсуждение темы на уроке или лекции, безапелляционно навязывает свое

мнение, принуждая всех из вежливости выслушивать и обдумывать любой вздор. «Демократия, — говаривал он, — это власть таких „лютиков"».

Избегая современного общества, Евгений примкнул в свое время к «бунтарям», но вскоре увидел, что и этот путь тупиковый. «Новая» культура молодого поколения на поверку — лишь мода, порождение той же ненавистной современной жизни со всеми ее пороками, а отнюдь не принципиально иной путь. Итак, он отошел не только от общества, но и от тех, кто против него восставал. «Любопытно наблюдать жизнь в Сан-Франциско, где порок соседствует с респектабельностью (в самых разных проявлениях), один не замечая другого. Ума не приложу, к какой группе отнести себя?»

К 1958 году движение битников достигло своего апогея. В искусстве, музыке, литературе шел неустанный поиск новых путей свободного самовыражения, чтобы, как говорил духовный отец движения, Джек Керуак, «в мистическом найти уединение и покой, ослабить узду в общественной и интимной жизни». На Северных пляжах (район Сан-Франциско) стали собираться поэты, музыканты — любители джаза. Побывал на таких сборищах и Евгений, но остался равнодушен. В одном из его писем читаем: «Был недавно на вечере битников — скукота. Непрерывно бьют барабаны-бонго (или как там их называют), гвоздь программы — Херб Кейн*». Приученный к классической музыке, Евгений не выносил джаз.

Однажды он встретился с самим Джеком Керуаком, 10 лет тому провозгласившим движение «бит», т. е. «усталых». Керуак так охарактеризовал свое поколение: «Мы росли, не выказывая чувств, мы были сыты по горло всеми условностями жизни, всем старым укладом. Мы и впрямь устали от него». Как и Евгений, Керуак, памятуя о Боге, пытался жить вопреки Его воле, отчего невыразимо страдал. Как и Евгений, он ненадолго увлекся дзен-буддизмом, но понял, что этим лекарством душевной боли не заглушить.

Познакомился Евгений и с Гэри Снайдером, прототипом героя-дзен-буддиста одной из книг Керуака *(Dharma Bums)*. Снайдер водил дружбу с Аланом Уоттсом и несколько раз приезжал в Академию. Один из летописцев битничества пишет: «Керуак показал жизнь и духовные ценности Снайдера, и тот стал примером для подражания грядущему поколению „хиппи"»[4].

---

*Обозреватель газеты «Хроника Сан-Франциско», придумавший слово «битник», обозначающее участника молодежного движения того времени.

Как только о новом движении прослышали, туристы и зеваки хлынули на Северные пляжи, желая хоть одним глазком увидеть «живого» битника. По словам Евгения, «там оказалось много бородатых молодых людей хулиганского вида, которые ни с того ни с сего решили, что они тоже «битники» и на ножах со всем белым светом». А истинные зачинатели движения, как Керуак, эти, казалось, неутомимые искатели, вдруг притомились, опустили руки, разочаровались. Жизнь не наполнить смыслом, прожигая ее. Евгений разделял и усталость Керуака от мирской суеты, и его поиск, и важность страдания. («Я рожден для страданий», — заявлял Керуак). Но он видел, что и поиск, и страдания того бесцельны и бесконечны. Они замкнулись на себе, поглотили человека целиком, разрушая его душу. «Похоже, поколение «усталых» и впрямь устало, выдохлось», — замечал он в письме.

Но идеалы битничества не умерли. По словам самого Керуака, «дельцы от молодежной культуры быстренько взяли на вооружение привычки нашего «поколения джаза». Повальным стало употребление наркотических и стимулирующих средств, даже стиль одежды битников передался новому поколению, взращенному на рок-н-ролле. Так битничество, умерев, воскресло и «реабилитировало» себя».

Частью «духовного поиска» битничества стали наркотики, выводящие якобы на новый уровень «духовности». Первым их прославил Олдос Хаксли, автор «Прекрасного нового мира». В 1953 году в работе «Врата восприятия» он описал свои ощущения после приема мескалина. Следом о наркотиках замолвил слово старинный приятель Хаксли, небезызвестный Алан Уоттс. В 1958 году, уже покинув Академию, он — под наблюдением специалистов из университета Лос-Анжелеса — неоднократно принимал новый препарат ЛСД. Не отказался от него и после медицинских опытов. В 1962 году даже написал книгу о мистических откровениях, вызванных ЛСД, — «Радость космологии». Любопытно сравнить его высказывания с оценкой Евгения разницы индийской и китайской философской традиции. Уоттс писал: «Странно, несмотря на мое увлечение дзен, ЛСД оставил скорее индийский «привкус», нежели китайский. В моих ощущениях преобладали образы индусской мифологии»[5]. В том же 1962 году Уоттса на двухгодичную стажировку пригласил Гарвардский университет. Там англичанин познакомился с профессором Тимоти Лири, только что изведавшим все «прелести» ЛСД и провозгласившим свои «мистические озарения» новой религией. Уоттса, по его словам, ужасало, что «Тимоти превращает себя в этакого расхожего мессию, чье имя сверкает огнями рекламы»[6], хотя сам он сделал немало, чтобы привлечь молодое поколение к наркотикам, суля «мистические откровения».

В пору повального увлечения ЛСД (препарат запретят лишь через 10 лет) один из приятелей Евгения, Эрик, уговаривал его попробовать. Позже Евгений писал: «Этот молодой человек, не определившийся в религиозном поиске, убеждал меня, дескать, неважно, что наркотиками пугают, будни американской жизни — что суть духовная смерть — еще страшнее. Я не согласился, так как уже понимал, что духовность двояка: *высокая,* способная поднять человека над мерзостью обыденности, и *падшая,* ведущая к духовной и физической смерти. Приятель, однако, продолжил «поиск» и к 30-ти годам превратился в дряхлого старика. Ум его сдал, поиски Сущего кончились»[7]

ПОДСТЕГИВАЯ себя химическими стимуляторами, Эрик за несколько лет привел себя в такое состояние, к которому движется всё человечество, хотя и не так стремительно. И Евгений побывал в стане радетелей «новой» культуры, которая вместо того, чтобы предотвратить распад общества, лишь ускоряла его. Евгений понимал, что жизнь мирская зашла в тупик, люди разобщены и одержимы. Он писал: «У нас достает ума и опыта увидеть, что настала зима, вечная и непреходящая. Город — это всепожирающий молох, от которого нет спасения. Но виновата во многом и *наша* собственная слепота. Очевидно, что землю превратят в асфальтовые джунгли, а человека — в бездушное существо. Но горе тем, кто эти беды несет! Грустно и смешно: люди уже забыли о проклятии, они все устремлены в «будущее». До чего же скудно человеческое воображение! Самым страшным нам видится «Прекрасный новый мир» или «1984 год» или «атомная война». Мы всё-всё напрочь забыли, сколько же предстоит познать заново... О, «прекрасный» новый тупик!»

За этим тупиком Евгений видел ад и проклятие человечеству. Но, отвергая мир сей, он сам пока оставался в зависимости у него, не порвав путы отчаяния. Поезд жизни мчал его без остановки в ад — и не видно, как сойти или спрыгнуть.

Впрочем, выход был, и не где-нибудь, а совсем рядом. Вскорости отыскав его, Евгений напишет: «Христос — вот единственный выход, только в Нем спасение. Всё прочее: радости секса, политические утопии, экономическая независимость — суть тупики, где нашли только конец и предаются тлену многие и многие».

13

Воплощенная истина

Каждый, кто алчет Истины, в конце концов приходит к Господу нашему Иисусу Христу, либо отвергая, либо принимая Его, Путь, Истину и Жизнь.

Евгений Роуз.

Иногда Господь посылает мне такие мгновения, когда я прихожу в состояние абсолютного мира, и всё вокруг освящается, и становится очевидным следующее: нет ничего прекраснее, глубже, милее, разумнее, смелее и совершеннее, чем Христос. И не только нет, но и быть не может, говорю я себе с ревностной любовью.

Ф. М. Достоевский.

Прекрасны пути восточных религий, но лишь Христианство откроет вам Небеса…

О. Серафим (Роуз).

Побывав однажды на службе в православном соборе, Евгений наведался туда еще несколько раз. Заглянул он и в другие православные храмы. Оказавшись там в дни Великого поста, он поразился *соборности* верующих и их светлой радости. После служб Великой седмицы и празднования Пасхи он написал: «Сколь мрачной мне теперь видится жизнь вокруг. Люди разобщены, разрознены, точно звенья некогда единой цепи. Особенно отчетливо видишь это после праздничных православных служб».

И сам Евгений был лишь одним из звеньев мирской жизни, пока он лишь наблюдал радость и единение со стороны. Однако годы отчаяния, отчуждения и страдания уже подготовили его к новой жизни. Позже он писал: «Когда приспевает время обращения к вере, откровение иного мира приходит на удивление просто: через духовную нужду и страдания. Чем сильнее страдание, чем больше трудностей на пути, чем отчаяннее поиски Бога, тем скорее придет Он на помощь, откроет, КТО ОН, и укажет путь»[1].

«Как долго Евгений бежал от Бога! — говорит Алисон, — но чем больше он согрешал против Создателя, тем настойчивее Тот следовал за ним, наконец Евгений обессилел и сдался». Уже упадая в кромешный мрак ада, Евгений всё же дерзнул позвать на помощь Того, против Кого восставал. 29-го февраля 1959 года, в решающий момент призвав всё смирение, всю кротость, дабы унять бунтарский дух, он записал в дневнике:

«Каких только страданий не попустил Господь человеку наших дней! Будто мало было за все прошлые годы! Да, мало, ибо человек до сих пор не постиг присутствия Божия в своих страданиях. Господь попускает человеку страдать, не открывая, что Сам тому причиной. Ему нужно, чтобы человек умалился, дойдя до предела отчаяния. Неужто Господь так жесток? Напротив, из безграничной и бесконечной любви посылает Он нам страдания. Ведь человек возомнил себя самодостаточным, даже сейчас мы тщимся убежать от судьбы. Убежать! Вот единственное наше желание. Убежать от безумия, ада современной жизни — больше нам ничего не нужно. Но — увы! — нам *не убежать!* Мы должны пройти через этот ад, *принять,* смириться, памятуя, что любовь Божия посылает нам эти испытания. Какие невыразимые муки — страдать, не зная зачем, не видя смысла! А смысл — Любовь Божия, да только видим ли мы ее свет во тьме? Увы, мы слепы. Господи Иисусе Христе, помилуй нас! Пресвятая Мария, Матерь Божия, моли Бога о нас, грешных!»

Только сейчас книги Достоевского, некогда присоветованные Алисон, открылись перед Евгением во всей поразительной духовной силе. Казалось, писатель коснулся жгучих жизненных вопросов и на всё нашел ответы, вдребезги разбивающие человеческое самомнение, ибо исходили они из Божественного Писания. В Иване Карамазове Евгений узнал себя: наделенный незаурядным умом, старающийся всё постичь сам, что неизбежно ведет к самомнению, к атеизму. В короткой статье «Ответ Ивану» Евгений попытался разрешить Ивановы сомнения, одновременно отвечая «ветхому человеку» в себе: «Коль скоро душа поднялась до сомнений, ей открываются два пути. Первый — задавать

бесчисленные и безответные вопросы (что ведет к еще большим сомнениям, разбивающим веру) либо уповать на какую-нибудь лженауку, готовую «объяснить», т. е. уводящую от истинных ответов на противоречия и парадоксы нашего существования. Второй — путь смирения и молитвы. Смирения даже перед сомнениями (которые нам уготавливает жизнь, а не прихотливая мысль), молитвы о ниспослании бóльших тягот, дабы испытать себя; о ниспослании жизни, где проявилось бы наше смирение, омытое слезами. Смиряться и молиться, даже в сомнении, памятуя, сколько капканов на пути сомневающегося — не меньше, чем у легковерного... Тех, кто отвергает прижизненные страдания (любители наслаждений, некоторые «философы», просто люди беспечные), ничуть не меньше, чем тех, кто барахтается в капканах сомнений и ищет, в какой бы еще угодить. Эти также не верят, но уже противоположным явлениям — доброте, покаянию, состраданию (что в первую очередь вызывает у них подозрение). Они отрицают добро, как и их антиподы — лживые утешители (которых «сомневающиеся» ненавидят) — зло, грех и страдания. Доводы и тех и других несостоятельны.

Сейчас же мы вступили в пору Последнего Сомнения, конечного и величайшего: мы разуверились в самой жизни, в целостности мира, мы долее не стараемся отыскивать смысл всего сущего и нашей жизни.

Человек поры Последнего Сомнения оказывается в том же капкане, что и «утешитель», отвергающий страдания: и тот, и другой перестарались, пытаясь своим разумом объяснить всё в жизни. Один, не находя этих объяснений, опускает руки, другой же, напротив, чересчур легко и быстро находит все ответы. И тот, и другой полагаются лишь на разум, считают, что всё в жизни *дóлжно* понять и растолковать. То есть достаточно мне, простому человеку, задаться вопросами и ответить на них, неважно, сколь полно и исчерпывающе.

О, гордыня человеческая! Да не найти полных ответов о смысле жизни, покуда не познал ее глубины, покуда плаваешь на поверхности своих же сомнений. Спору нет, «сомневающийся» идет глубже «утешителя», он не удовольствовался ложью, призванной «защитить» ближнего от мук и терзаний. Но, увы, тоже остановился — на самом пороге тайны бытия...

Ибо далее разум — не помощник, он уже не способен ответить на жгучие вопросы. Ответ — лишь в смирении, молитве, послушании. Приемли всё, что уготовано, и покорись. А коли отгородишься, даже от малейших страданий, или укроешься в размыслительных сомнениях — пеняй на себя! И жизнь вокруг никогда не наполнится для тебя смыслом, потому как бессмысленен твой взгляд на нее. Способен ли ты,

нечестивый и противоречивый человек, увидеть мир чистым, исполненным смысла?!»[2]

Сколько лет Евгений страдал, Истина всё ускользала от него. Он жаждал Истины превыше всего, но искал лишь умом: посредством западной философии, метафизики Генона, восточных религий, пытался даже выйти за рамки привычного логического мышления. Теперь же, непосредственно прикоснувшись к Православию душой, он понял, что Истина совсем иная, нежели он представлял, и что он избрал совсем негодное средство, дабы постичь ее. «Мне открылось Православие и православные люди, и я мало-помалу начал осознавать: Истина — не просто абстрактная идея, которую ум должен постичь. Истина личностна, она имеет конкретное воплощение, к коему стремится любящее сердце. Так я пришел ко Христу».

Ранее, под влиянием Алана Уоттса и восточных религий, Евгений полагал, что понятие личности Бога умаляет Абсолют, что оно создано человеческим сознанием. За этим стоит некое внеличностное «я». Теперь же он обнаружил, что всё наоборот: вера во внеличностное божество — признак духовной незрелости. За этим стоит Создатель всего мироздания, явивший себя Абсолютом личностным, возгласивший: «АЗ ЕСМЬ»[3].

Истина, которой жаждал Евгений, и впрямь имеет воплощение — в Том, Кто изрек: «Я есть Путь, Истина и Жизнь»[4]. И сколь прекрасна, сколь возвышенна и сурова эта Истина! Блаж. Августин, плутавший, как и Евгений, в поисках Истины, вопрошал: «Коль скоро Истину нельзя измерить в пространстве, значит ли, что она — ничто?» И услышал издалече: «Истинно говорю — Я СУЩ!» Узрев славу Того, Кто есть Истина, блаж. Августин лишь воскликнул: «О Истина, ты Вечность! О Любовь, ты Истина! О Вечность, ты Любовь!»[5]

Истина сошла на землю и воплотилась, дабы человек, дабы сам Евгений, приобщился ее. Св. Ефрем Сирин говорил: «Истина вошла в лоно, вышла из него и искупила человеческий грех». Теперь, чтобы познать Истину, Евгению нужно было самому предстать перед Создателем, покаяться в грехах, очиститься от скверны и возлюбить Его всем сердцем[6].

Прежде многое подводило Евгения к Истине: возвышенная, пронизанная христианским духом музыка Баха, философия Генона с неукоснительным следованием древним учениям, с его критикой новомодных течений. Но лишь Православие — Христианство во всей полноте — открыло ему и всю полноту Истины, незамутненный образ

Иисуса Христа. Ранее ничто не удовлетворяло Евгения, сейчас, лишь бегло познакомившись с Православием, сердце тут же подсказало: «Вот твой дом». Хотя ум признал это не сразу.

В конце жизни Евгений задавался вопросом: «Каким органом воспринимается Божественное откровение?» Да, существует такой орган, но, увы, мы чаще держим его взаперти. Бог открывается любящему сердцу... Не обязательно откровение приходит с чудесами. Бывает, Бог, видя сердце человека готовым принять Его, открывает Себя в постижимой мере. Но для этого сердце должно «возгореться»[7]

ПОРОЙ ПРИОБЩЕНИЕ людей к Богу связано с критическими минутами в жизни. У Евгения же происходило долгое пробуждение, оживал в душе свет, что изначально заронил Господь. Много лет спустя, в письме к одному искателю Истины, увлекавшемуся философией Генона, Евгений указывал: «Как хорошо, что мое обращение в Православие происходило постепенно, год за годом, это помогло избавиться от излишней восторженности, опять же стараниями Генона. Он помог мне глубже постичь Православие, не впадая в крайности, что нередко сопутствует людям, неподготовленным к столь глубокому учению».

И так, «поспешая не торопясь», Евгений открыл для себя неведомую Генону глубочайшую духовность. «Генон не хотел смириться с тем, что высшее знание есть союз ума и чувства, сочетание мудрости и любви. А посему... упрямо продолжал свой одинокий поиск на пути умозрительной интуиции»[8], — писал один из его биографов. В конце концов его увлекла созерцательная суфистская *тарика,* но вряд ли его «обращение» сравнимо с тем, что пережил Евгений. Генон утверждал, что «вопреки расхожим представлениям об «обращении», оно ни в коей мере не предполагает главенство одной религии над другой, но всего лишь указывает предпочтительные духовные принципы, что опять же не следует смешивать с предпочтением личным»[9]

Благодаря каким своим чертам удалось Евгению постичь то, перед чем спасовали умудренные философы, вроде Генона и Шуона? Ответ дает один старинный приятель Евгения: «Он был настолько умен, что мало кто видел всю его глубину. С другой стороны, Евгений был прост, весь в отца с матерью. Он прозревал истинную суть вещей. Никогда не витал в облаках, относился к людям приветливо и честно».

Эти черты, как и само обращение в Православие, выявились не сразу, а лишь годы спустя, усилиями христианских собратьев. Окончательно ступив на стезю Православия, Евгений еще больше замкнулся,

осмысливая свой шаг. Долго еще жила в нем горечь, долго еще не рушились в душе хитроумные оборонительные рубежи — так приучил его мир сей. Тень сомнений, мучивших Ивана Карамазова, витала и над Евгением. Он находился, говоря словами блаж. Августина о его собственном обращении, в «сомнении в вере». Но теперь по крайней мере он узрел дом, лучик радости и надежды в конце мрачного тоннеля, и ничего не оставалось, как поскорее миновать этот мрак. Будто и ему прислышался голос, как блаж. Августину, когда тот почувствовал, что далек от Бога: «Я — Пища зрелых людей. Расти, мужай и да напитаю тебя».

Впереди Евгения ожидали немалые страдания, но теперь, когда «идея» Истины воплотилась и ожила перед ним, страдания его наполнились смыслом. «Страдания в миру оправданы, только словами этого не передать, всё нужно *пережить,* не подменяя рассуждениями». И приобщившись христианства, Евгений всё так же ненавидел мир сей, ни в малой степени не уповая на него, желая лишь одного — убежать подальше от суеты. Христианская религия, в которой он вырос, прекрасно ладила с миром, его же неудержимо влекла неотмирность. Евгений наконец уразумел предназначение человека: он уготован для вечности.

Путь, избранный им, — путь подвижничества, который вел не к земным благам и утехам, но к небесному воздаянию через тернии земных страданий. Сам изведав немало, он уверился в истинности этого единственного пути. Господь попускает своим чадам совершенствоваться через страдания. Он Сам, вочеловечившись, принял страдания — только такой Бог способен обратить падшее человечество к Себе, только такой Бог достоин поклонения, только к Нему может устремить человек свои самые высокие порывы.

Раньше Евгений не принимал Бога, Который, как ему казалось, «покалывает людишек и тем забавляется». Теперь же он уверовал в Творца, Кто сам принял страданий куда больше, нежели попустил Своим твореньям. Опять обращаясь к сомневающемуся в лице Ивана Карамазова, Евгений писал: «Вочеловечившийся Бог. Уж кто, как не Он, страдал безвинно?! Неужто требуется еще какое-то «объяснение»? Обратитесь к Его жизни — лучшего объяснения не сыскать... Мы заслужили все страдания и должны принимать их с благодарностью, ибо это возможность глубже постичь жизнь ближнего, прилепиться к Господу. Сам же Он не заслужил страданий, к тому не было ни повода, ни причин. Иисус Христос безгрешен — Ему нечего искупать, Он всеведущ — Ему нечего постигать, Он всеобъемлющ — Ему не к чему стремиться. Поэтому Его страдания явили непостижимое человеку

бескорыстие и милосердие. Никто из нас не способен на такое. Только Господь не стал бежать страданий и печали человеческой. Он, в отличие от нас, не искал лживых утешений или легких путей. Только Он до конца вынес боль и скорби человечества.

Ему ли не знать, каково нам? Мы помним, жизнь — это страдание, мы помним, Бог любит нас и из-за любви претерпел больше, нежели величайшие из святых. Мы помним всё это и тем не менее позволяем себе в чём-то усомниться, задаемся жалкими вопросами о «смысле». О, низость человеческая! Прими же все страдания, молись Богу, не испрашивая чего-то, не ради какой-то цели, а просто обрати к Нему свое молитвенное сердце и слезы. Господу не нужно ничего объяснять. Он знает всё»[10].

Однажды вечером гуляя по Сан-Франциско, Евгений очутился в том самом месте, где некогда в ушах его прозвучали зловещие слова Ницше и будто дохнуло ужасом ада. Как и в тот раз, на горизонте садилось солнце. Евгению подумалось: и жить ему выпало тоже на закате христианства. Вспомнились и собственные грехи, значит, и он причастен к распятию Христа. Поразительна милость Господня! Он явил Себя такому страшному грешнику! И чем более умалялся Евгений, тем более окрыляло и вдохновляло его величие Божие, Его красота.

Раньше на этом же месте ему прислышался голос сатанинского пророка Ницше, который воспротивился Богу за страдание и одиночество в мире сем. Теперь же Евгений слышал иной голос, русского пророка Достоевского, кто учил в ответ на страдания пасть ниц и покаяться с благодарностью и благоговением перед Создателем. Отринув сомнения Ивана Карамазова, Евгений уподобился младшему его брату Алеше. В земном поклоне перед Господом на вечерней улице Сан-Франциско Евгений зарыдал радостно и покаянно.

ЧАСТЬ II

Заповедник «Мыс Лобос», недалеко от городка Кармел, где Евгений подолгу гулял по берегу океана. Фотография 1954 года.

14

Прощай

Мне не взглянуть тебе в глаза.
Мне не поднять лица.
Не вспомнить нужных слов.
Осенний ветер
Зашелестит умершею листвой.
И нам пора расстаться.
Тих и светел
Мы сохраним заветный смысл в сердцах,
Невысказанный, веруя в Того,
Кто по любви Своей создал наш мир
Из пустоты, из ничего[1].

Родители Евгения ничего не ведали о русском Православии и им было очень нелегко понять что к чему, когда сын рассказал о своем новом увлечении. Его отец Фрэнк считал, что речь идет о Римской Католической Церкви, в которой он сам возрос. И, как и следовало ожидать, поддержал Евгения. В феврале 1959 года он писал ему: «Я давно уже заметил твою склонность к католицизму и не вижу в этом ничего предосудительного».

Мать Евгения, Эстер, напротив, поначалу противилась увлечению Евгения, она боялась «холодной войны» и уравнивала русское Православие с коммунизмом. Фрэнк, будучи сыном социалиста, видел разницу и старался уладить разногласия между матерью и сыном. В том же письме Фрэнк говорит:

> Мама до смерти боится России и всего русского. Она смешивает политику нынешнего и прошлого русского правительств со стремлением народа. А поскольку ты проявляешь интерес

к католицизму (sic!), особенно русскому православному, она совсем запуталась. Я же вырос в атмосфере социализма, под влиянием Карла Маркса, отца нынешнего коммунистического движения, и знаю, что главнейшее в марксовой системе — это неприятие религии, поскольку, дескать, от нее одно зло. Русская Церковь и коммунистический режим должны быть непримиримыми врагами. И посему я никогда не связывал твое увлечение Церковью с интересом к коммунизму. Я, право, не знаю, откуда мама взяла, что Церковь и коммунизм — одно и то же. Может, потому что в России есть и то, и другое.

Так что, когда услышишь ее жалобы и сетования, помни: я на ТВОЕЙ стороне. Не огорчайся. Это лишь малые препятствия на пути.

Всегда твой
Папа.

Трогательные слова Фрэнка оказались верными. Эстер в конце концов преодолела свои страхи. И хотя «рифы» еще попадались, корабль Евгения держал правильный курс.

В 1959 ГОДУ во время рождественских каникул Евгений поехал навестить родителей (они поселились двумя годами ранее в новом доме на живописном побережье в городке Кармел). Пригласил он погостить туда дня на три и Алисон.

На первых порах Евгений всё же писал ей из Сан-Франциско, но письма той мрачной поры так угнетали ее, что она их сжигала. И уже махнула было на друга рукой, как на пропащего, но тут узнала, что он перестал «противу рожна прати»[2], обратился ко Христу, и очень обрадовалась. Он открыл ей, что с момента прихода в христианство молится за нее ежедневно, она же просила его быть более откровенным и 17-го августа написала: «Однажды ты спросил, далек ли ты от меня? Увы, далек… Ведь ты никогда не рассказываешь о себе… Ты однажды поведал о своей холодности к людям, неужто и я в их числе?.. Я тоже молюсь о тебе каждый день и благодарна за твои молитвы. Не говори, что они немощные. Я чувствую, они выстраданы, но ты ведь не признáешься».

Алисон приехала в Кармел 27-го декабря. Ее памятный визит был омрачен лишь натянутыми отношениями с Эстер. Алисон возмущало, что та давит на сына, пытается навязать жизнь по своим меркам —

жизнь «благополучного» мирского человека. «Посмотри на родного брата Франклина — у него уже своя заправочная станция», — говаривала она Евгению. На что тот просто отвечал: «И суеты у него в жизни больше, чем у меня».

Суровые скалистые берега, зеленые леса, дышавшие морским ветром — Кармел являл собой идеальное место для долгих прогулок. Евгений любил поразмышлять на ходу. В тот раз они с Алисон долго бродили около океана. «Он любил кармелское побережье, — вспоминает она, — но не выносил кармелской жизни». Этот городок некогда слыл центром авангардистского движения битников, там начинали Джек Керуак и Гарри Снайдер, но позже осели отошедшие от дел *нуворишu*, появились модные магазины и рестораны.

Вернувшись вечером после зимнего гулянья, Евгений и Алисон расположились в теплой гостиной Роузов. Евгений поставил на проигрыватель *Ich Habe Genug* Баха и сразу отрешился от всего и вся. Мать его любопытствуя — как-то там развивается роман? — заглянула украдкой в комнату, но увидела, что оба неподвижно сидят, уставясь в пол, и слушают музыку о смерти. Кантата окончилась. Алисон сняла пластинку и ушла в другую комнату. Она не сказала ни слова, зная, что Евгений не любил говорить в такие минуты и оставила его наедине с шумом прибоя. Он грозно накатывал на побережье Кармела музыкой Баха, всё еще звучавшей у него в душе, и живо напоминал о мире ином.

Евгений почти не говорил с Алисон о своем прошлом. Позже она отмечала, что он ни разу не упомянул никого из друзей по колледжу в Помоне. Евгений начинал новую жизнь, а прежняя отшелушивалась, как старая кожа. Он быстро прозревал и признался Алисон, что пил ранее «горькую» потому, что не знал Бога. Теперь же, стяжав веру, он больше не нуждался ни в каком дурмане.

Он говорил о Православной Церкви, именно она помогла ему измениться. Однажды воскликнул: «Православие — лучше Баха!» Попросил Алисон пойти с ним в воскресенье на литургию, и она согласилась, но сказала, что хотела бы также посетить и англиканскую мессу, чтобы причаститься. Таким образом, почти всё воскресенье они провели в церкви. Сначала на англиканской службе, после которой Евгений вежливо заметил своей спутнице: «Совсем недурно». Православная же литургия совершалась в Серафимовской церкви русского прихода, в пяти милях от родительского дома. Алисон поразилась красоте богослужения, но возникло одно неудобство: в православном храме нет скамеек, и она устала. Краешком глаза Алисон приметила несколько лавочек у стены, но, словно угадав ее мысли, Евгений шепнул: «Это для *старых* и *немощных*». И она не села. После службы Евгений пригласил

ее в ресторан — чтобы она посидела и отдохнула. По словам Алисон, в общем-то он заботливо относился к ней.

В православном храме она заметила, что люди крестятся справа налево, в отличие от католиков и англиканцев. «Почему ты крестишься наоборот?» — спросила она Евгения. «А почему ты — наоборот?» — улыбнулся он.

Видя любовь Евгения к Православию, Алисон укоряла его за нерешительность, за то, что не торопится приобщиться Церкви. «Он всегда трудно приходил к решению», — вспоминает она. Он сознавал, что вхождение в Церковь может — или *должно* — изменить всё в его жизни, и легкомыслие только повредит. Кроме того, он всё еще был чужаком в Церкви среди эмигрантов, многие из которых почти не говорили по-английски. Но Алисон настаивала: нельзя ходить в храм «просто так». «Тебе нужно креститься, нужно причаститься Святых Таин...»

Полгода спустя, летом 1960-го, они снова увиделись с Алисон на Лонг Бич, где она снимала недорогую квартиру у венгерского эмигранта-инвалида, жившего с дочерью. Евгений переменился. Он утвердился в вере, считал себя православным и знал, что полное вхождение в Церковь уже не за горами. Однако он еще не представлял будущего. Алисон рассказывает: «Он говорил, что, быть может, станет когда-нибудь священником. Говорил, что хочет жениться, завести семью, но обычная мирская жизнь: деньги, работа, машина и тому подобное — ему претит. Находиться на службе с 9-ти до 5-ти для него было невыносимо. Академический мир также отвращал. Он чувствовал, что люди живут там отгородившись от действительности. Он понимал, что ограничен в выборе: мирская жизнь ему противопоказана. Но что же тогда делать? Этого он еще не знал».

Евгений пытался объяснить Алисон, почему он на ней не женится. «Я говорила, что найду работу и буду помогать, — вспоминала она, — но он сказал, что никогда на это не согласится: достоинство не позволит».

Спустя годы, вспоминая тогдашний недельный визит Евгения в Лонг Бич, Алисон пришла к выводу, что он приезжал уже с готовым решением: «Он знал, что не женится, хотя и был привязан ко мне. Итак, он ехал сказать „прощай"». Знал, видимо, что видит Алисон в последний раз. Расставание случилось грустным. Долгие годы они поддерживали переписку, но встретиться в этой жизни им было уже не суждено.

15

Истина или мода?

В современном научном мире нельзя глубоко и страстно любить что-либо, ведь любовь — понятие объективное. Принцип науки таков: сперва вы УБИВАЕТЕ предмет исследования, затем расчленяете его. Нужно изъять из него душу, прежде чем «объективно» изучить. Но к жизни-то потом его уже не вернуть! Итак, цена вашего знания — мертвый и расчлененный объект этого знания**.

Евгений Роуз.

СТАВ христианином, Евгений отбросил «переоценку ценностей», предлагаемую «новой культурой», и сделался в высшей степени консервативным. Внешним видом этот изысканный молодой джентльмен слегка походил на обедневшего аристократа. Чаще всего носил велюровый пиджак, на людях появлялся всегда при галстуке. В Сан-Франциско же, где обычно холодно, ветрено и сыро, любил ходить с черным зонтиком.

Евгений писал магистерскую диссертацию в университете и зарабатывал на жизнь преподаванием старшекурсникам в Академии востоковедения. Один из них вспоминает: «Мистер Роуз, как его обычно называли, был очень сдержанной натурой. Возможно, просто не терпел шутовства, а может, от застенчивости. Мне же он казался чуть ли не стариком, впрочем, встречались мы редко — наши пути пересекались только в Восточноазиатской библиотеке... Одно меня в нем впечатля-

---

* Сравним со строчками Александра Поупа (†1744):
Жизнь постигая тварей, тех, что вскрыл,
Ты потерял ее, пока за ней следил.

ло: за внешней сдержанностью таилось желание сказать что-то чрезвычайно важное, и как жаль, что мне не посчастливилось услышать этого».

Нет оснований полагать, что Евгений усматривал для себя какие-либо противоречия между всевозрастающей приверженностью русскому православию и неослабевавшим интересом к китайскому языку, философии, традициям и искусству. Он всегда уважал утонченную китайскую духовность и одно время даже пытался осмыслить, что произошло бы, восприми она, будучи насыщена многими почти что христианскими ценностями, православие, а не буддизм в первые века нашей эры. Лао Цзы последовал бы за Иисусом Христом, если бы знал Его, ибо увидел бы в Нем Дао, или Путь Неба, — так полагал Евгений. «Если бы я собрался написать докторскую диссертацию, — вспоминал он, — то выбрал бы темой «Сравнение византийского императора с императором китайским». В обоих обществах, и византийском и китайском, назначение монархов одно и то же — хранить правоверие».

В то время как Евгений всё еще учился и преподавал в Беркли, Жи Минь-шень возвратился в Сан-Франциско и прожил там несколько лет, давая частные уроки. Они продолжали общаться, Евгений помогал переводить его работы на английский.

Хотя Жи Минь-шень и оставался, по словам Евгения, «единственным связующим звеном с китайской традицией», в Беркли молодой американец подпал влиянию блестящего знатока китайской филологии, оказавшегося к тому же русским. Это был профессор Петр Алексеевич Будберг.

Родился он в 1903 году во Владивостоке. Во время первой мировой войны учился в кадетском корпусе Санкт-Петербурга. В 1915 году, во многом из-за поражений на фронтах, корпус закрыли, а Петра с братом отправили для безопасности в Маньчжурию, Харбин. Их отец продолжал сражаться в Царской Армии, теперь уже против большевиков. В Маньчжурии Петр начал самостоятельно изучать китайский язык, затем продолжил обучение во Владивостокском университете, а по эмиграции в Америку в 1920 году — в Берклийском университете штата Калифорния.

Евгений, «попав в объятия» русского Православия, стал ценить профессора Будберга еще больше, и не только за то что русский, но и за прекрасное воспитание — профессор являлся носителем ценностей старого мира. Отпрыск старинного эстонского рода, Будберг имел титул барона. По словам его ученика и коллеги Эдварда Шейфера, «истинное рыцарское благородство проявлялось в его глубоком, врожденном достоинстве, честности, учтивости и обязательности,

Петр Алексеевич Будберг (1903-1974).
Фотография любезно предоставлена Факультетом восточных языков университета в Беркли (Калифорния).

выделявшими его на протяжении всей жизни как ученого, так и человека»[1].

Будберг не принимал многие новомодные «достижения». Шейфер пишет: «Будберг сожалел о компьютеризации научной жизни. Он иногда иронически подписывал письма чиновникам своим «рабочим номером». Профессор питал отвращение к компьютерным карточкам и считал ниже своего достоинства заполнять всякие анкеты. Все эти изобретения обесчеловечивают, полагал он. Он даже отвергал любую зависимость от картотек именных и предметных указателей: считал, что нужно знать классиков наизусть и иметь хорошее представление о значительных явлениях в литературе и истории, тогда не понадобятся подсобные средства, всякие «костыли». Хорошему ученому нужна лишь хорошая голова, хорошие книги и хорошая речь».

Хотя Будберг читал курсы по китайской цивилизации и «Великие книги Восточной Азии», Евгений обращался к нему в основном не с вопросами по китайской философии, а с языковыми затруднениями. Будберг, помимо досконального знания исторического развития многих дальневосточных языков (включая монгольский и маньчжурский), владел и древними языками Центральной Азии и Ближнего Востока. Он имел поистине энциклопедические знания и защищал всегда то, что называл «глобальной синологией», т. е. изучение «языковых, исторических и культурных связей древнего и средневекового Китая со своими степными соседями, а через них — с евразийским „Дальним Западом"».

Согласно Эдварду Шейферу, в вопросах древней истории китайского языка и письменности, Будберг «оказался непревзойденным, но, увы, почти непризнанным авторитетом, за исключением узкого круга специалистов. Его студенты превосходили знаниями учеников других синологов».

Под руководством Будберга Евгений провел подробное исследование языка «Дао Дэ Цзин». Его магистерская диссертация включала эссе под названием «„Пустота" и „полнота" Лао Цзы». Один из берклийских профессоров, писавший отзыв на эту работу, отмечал, что Евгений в точности следовал будберговскому подходу к языковому анализу. По философской части молодой американец получал помощь от мудрого Жи Минь-шеня (как явствуют заметки, сделанные на лекциях в Академии).

Во введении к диссертации Евгений указал, что его подход — «„филолого-философский": одновременное исследование слова и идеи». Лао Цзы, как он установил, «рассматривает не абстрактные, а скорее поэтические идеи, чрезвычайно насыщенные динамическими ассоциациями». И хотя работа Евгения по необходимости ограничи-

валась в объеме, она смогла высветить поэтику, вызволить ее из мрака неточного перевода и осмысления древнего языка «Дао Дэ Цзин». Он писал: «Наше исследование языка книги, неразрывно связанное с ее положениями, послужит, хотя бы в малом, противодействием бытующему небрежному подходу, а то и просто бездумному поиску в отношении Лао Цзы, «мистика» и источника «эзотерической (известной лишь посвященным) мудрости». Мысль Лао Цзы часто трудноуловима и парадоксальна, но никогда не бредова и не противоречива, какой ее часто представляют». Толкования «Дао Дэ Цзин», предложенные Евгением, не только прояснили смысл книги, но точно и глубоко выявили взгляды автора*.

Когда Будберг и Евгений сошлись ближе, помимо научной работы они нашли много общего. Подобно своему студенту, профессор пережил в молодости жгучую любовь к Истине и провел немало бессонных ночей, бродя по берегу океана под звездами, размышляя над вопросами бытия. Однако впоследствии повседневные заботы супружеской и семейной жизни положили конец напряженным поискам.

Хотя Будберг и был воспитан в Православии, но ко времени их знакомства уже не посещал церковь. Коллега, профессор Кирилл Бёрч, считал его агностиком (для кого Бог и загробная жизнь непознаваемы человеческим разумом), возможно, потому что тот, как и большинство профессуры в таком либеральном университете, как Беркли, находил опасным, или, по меньшей мере, «непрофессиональным», выказывать свои религиозные чувства или убеждения на службе. Но Евгений верил, что Будберг по-своему любит Бога. Как подчеркивает профессор Бёрч,

---

* К примеру, Евгений приводит веские доказательства идеи, что «пустота», которую так ценит Лао Цзы, не есть «предел, истощение, недостаток», но скорее «точка перехода»: когда достигнут «минимум», с коего начинается «возврат» к полноте. Это, как установил Евгений путем сопоставлений, есть «та моментальная точка равновесия, когда выдох уже совершен, а вдох еще не начат, и дыхания нет вовсе». Лишь имея в виду такое объяснение «пустоты» «Дао Дэ Цзин», можно понять такие выражения Лао Цзы, как «конек (т. е. точка единения стропил на крыше) слабеющего дыхания». Там, где другие переводчики Лао Цзы говорят: «То, что обуславливает полезность колеса, находится в его пустой части», Евгений прояснил перевод: «Тридцать спиц входят в одну единственную ступицу, и только в одной *крохотной точке* заключается польза экипажа». «Здесь, — пишет он, — *mjwo* («пустота») — это единственная, крохотная точка — точка единения спиц, т. е. ось, на которой вращается колесо, благодаря этому движется экипаж».

Петр Алексеевич был «глубоко русским и мог еще сильнее увлечь Евгения русскими духовными ценностями». Известно также, что профессор осенил православным крестным знамением студентов университета, уходивших на войну с коммунизмом, как некогда его отец.

Похоже, Евгений, заинтересованный всем русским, со своей типично русской склонностью к философствованию, напомнил профессору самого себя в молодости. Впрочем, несходство их взглядов касательно «русской духовности» всё же проявилось. Однажды им случилось поспорить о двух знаменитых русских писателях, Толстом и Достоевском. Будберг утверждал, что Толстой более велик, а Евгений доказывал, что Достоевский, т. к. он глубже. Но профессор стоял на своем, да так, что Евгений начал сомневаться, не пропустил ли он чего у Толстого. Спросил: «Какая книга лучше всего раскрывает этого писателя?» Будберг указал «Войну и мир». Придя домой, страстный правдоискатель перечитал всю книгу в один присест... Через несколько дней в дверь профессора постучали. На пороге стоял Евгений с «Войной и миром» в руках. «Вы неправы, — произнес он, — Достоевский много глубже».

Занимаясь с Евгением индивидуально, Будберг обнаружил, как тот быстро схватывал все языковые тонкости и как легко усваивал древние и современные языки. Способный, с философским складом ума, Евгений стал любимым учеником профессора. Более того, последний видел в молодом человеке своего преемника. Есть основание полагать, что имелись и другие надежды, в большей степени со стороны жены Будберга: у них была дочь на выданье, и они хотели познакомить ее с Евгением. Его пригласили на обед. После оживленной беседы с профессором, прошли в гостиную, где дочь Будберга сыграла на фортепьяно несколько классических произведений.

Но помолвка не удалась, и причин тому несколько. Одну угадала супруга Будберга, которая некогда посоветовала Евгению: «Держись подальше от этих русских!» Сама русская, она увидела, что интерес молодого американца к Православию начал затмевать для него всё остальное. Очевидно, что Евгений питал бóльшую страсть к русской Церкви, нежели к мисс Будберг.

Но самым главным обстоятельством, почему Евгений не пошел по стопам своего учителя, служило разочарование в современном научном мире. Он уже преподавал на старших курсах и, оказавшись на пороге блестящей научной карьеры, серьезно засомневался: для него ли эта дорога? Почти всё в современной науке делалось не из любви к истине, а скорее по академической моде. Только Православие открывало непреходящую Истину, и чем больше он напитывался ею, тем

невыносимее было видеть пустоту нынешних научных школ. Через год по окончании университета он написал резко и горько:

«Молодежи, пока еще не «перевоспитанной» академической средой, всё еще жаждущей истины, вместо нее преподается «история идей» или «сравнительное изучение». Всепроникающая относительность познания и скептицизм убивают почти у всех тягу к истине.

Научный мир — сколь ни тяжко и ни печально признать — стал сегодня по большей мере источником растления. Слушать или читать слова неверящих в истину людей — это и есть растление. Еще более разлагает подмена истины некоей образованностью и эрудицией — они представляются самодостаточными, что суть пародия на истину, которой они предназначены служить. Это не более чем фасад, за которым пустота. Растлевает, увы, даже элементарная порядочность (всё еще присущая части ученых), честность лучших представителей научного мира, если честность эта служит не истине, а скептической эрудиции: тем больше соблазняют людей субъективизм и неверие, скрытые за этой эрудицией. Растлевает, наконец, просто жизнь и работа в атмосфере ложного понимания истины, где христианская Истина несовместима с основными научными понятиями, где даже те, кто всё еще верит этой Истине, могут лишь изредка возвысить свой голос над хором скептиков, взращенных научным миром. Корень зла, конечно, в самой системе, основанной на неправде, а профессора, коим эта система позволяет и способствует проповедывать эти идеи, — лишь носители этого зла»[2].

Профессор Будберг сам соглашался отчасти с такой критикой, но не разделял ее полностью. Однако к концу жизни он весьма мрачно взирал на будущее школы китайского языка. Его надежды на преобразование ее, на возрастание ее уровня не оправдались: современные ученые здесь являлись не более чем марионетками на сцене суеты. Всякий метод исследования неминуемо оспаривался и разрушался каким-либо новомодным направлением, в коем «исследователь» делал себе имя. Поскольку Будберг старался мыслить не только с точки зрения филологии, но и философии, он не мог вынести такого мелочного подхода. «К концу жизни, — пишет Эдвард Шейфер, — ум его, великий и плодоносный, почти ничего не дал науке. В стремлении к совершенству он замкнулся и исполнился горечи»[3]. Будберг пытался продолжать работу в «академических шорах» до самой смерти. Евгений свидетельствовал разочарование и опустошение ученого, служившему миру вне своих идеалов.

16

Влияния ранней поры

Исполнившись желания непреложной славы, будем очищать умные очи от житейской скверны.

Св. Григорий Палама.

Один из тогдашних знакомцев Евгения пишет: «Он очень быстро исполнился глубокого почитания Матери Божией и еще до Иисусовой молитвы творил молитву Богородице». Евгений взялся самостоятельно изучать русский язык, что далось ему сравнительно легко, благодаря врожденным способностям и языковым навыкам. Труднее оказалось посещать богослужения в русском соборе. Он очень боялся превратиться в обычного церковного завсегдатая, но тем не менее понуждал себя ходить на службы. Воскресным утром дома напитывался мессой Баха си-бемоль и тут же, с призвуком могучей музыки, бежал на православную литургию. Так он удерживал изначальное вдохновение, полнее запечатлевал всё, что видел в Православии: богослужение, духовное учение — то, что подводило к Богу. Мало кто так прозревает сущность Церкви — присутствие Неба на земле. Но он не спешил приобщаться этого Рая, боялся, что, привыкнув, лишится его. Изучив работы Генона и основные положения восточных религий, он вплотную подошел к постижению подвижничества и тайноведческой стороны православного христианства, к тому, чтобы увидеть его суть, поднявшись над обыденным, мирским, суетным бытием. Он не хотел придавать себя обмирщенной Церкви, не хотел видеть в ней очередную «организацию», не хотел пополнять ряды чиновников от Церкви. Поступись он своими взглядами, и погасло бы пламя чудотворной силы, которое он запечатлел, оно бы растаяло в жидком свете мирских буден.

Важной ступенью в духовном развитии Евгения в ту пору была музыка. «Музыка, — говаривал он, перефразируя Конфуция, — подскажет вам, что думают люди. По той музыке, которую они слушают, можно определить, порочны они или добродетельны». Самым великим композитором Евгений признавал Баха, однако любил больше всего Генделя. В его музыке привлекало сдержанное, мягкое благородство, отчего умирялась душа, упорядочивались мысли. Музыкой добродетельных людей (опять же по Конфуцию) называл Евгений творчество Генделя.

По словам одного из приятелей, Евгений очень любил старинные оперы Монтеверди и того же Генделя, полузабытые и редко исполняемые. Любил он «Дидону и Энея» Парселла, «Орфея» Глюка, оперы Рамо «Les Indes Galantes». Наслаждался операми Моцарта, в частности «Доном Джованни» и «Волшебной флейтой», но когда узнал, что в последней есть масонский подтекст, перестал слушать ее. В числе любимых опер были «Фиделио» Бетховена и «Борис Годунов» Мусоргского. Из более поздних — «Принцесса Турандот» и «Тоска» Пуччини. Привечал Евгений и камерную музыку барокко, и камерные произведения Моцарта, Бетховена (особенно его знаменитые квартеты). И сам Евгений не обделен был музыкальными способностями: умел играть на фортепьяно (в чём совершенствовался в колледже) и на классической гитаре, изучал историю музыки и, по расположенности к анализу, даже проводил теоретические исследования.

В поэзии его пристрастия сходились с музыкальными. Из английских поэтов-классиков он выделял Александра Поупа. Тот облекал высокие философские мысли в совершенную стихотворную форму. Поуп был очень «созвучен» Генделю, своему современнику, немцу, жившему в Англии.

Из романистов XX века лишь Томас Манн вызывал восхищение Евгения. Хотя тот и не дал ответов на злободневные вопросы, всё же, как отмечал Евгений, «он хорошо чувствовал направление современной мысли». С каким простодушием встретил писатель появление кино, исследовал современный спиритизм. «Волшебная гора» — аллегорический портрет больной европейской цивилизации — нравилась Евгению более других романов Т. Манна. На второе место он ставил «Доктора Фауста» — историю композитора, продавшего душу дьяволу, чтобы творить совершенные произведения.

А сверстники Евгения меж тем превозносили другого немецкого писателя, Германа Гессе. Тот искал не истины, а чувств, впечатлений, ощущений. Поэтому-то и не оказал никакого влияния на Евгения.

Прочитал он и все немногочисленные переводы православных

книг. Пока не выучил русский, он смог лишь бегло познакомиться с русскими православными мыслителями: Киреевским, Хомяковым, Леонтьевым. Приходилось довольствоваться переводами работ двух наиболее известных на Западе русских философов: Владимира Соловьева и Николая Бердяева. Оба изрядно отошли от Православия, хотя первый из них в конце жизни, по оценке Евгения, стал более «трезвым и серьезным».

Глубокое впечатление произвела на него поздняя работа Соловьева «Повесть об антихристе», в коей антихрист изображен рассудительным и благодетельным правителем, разрешившим все задачи, объединившим под своим началом все Церкви, посулив им самые желанные мирские блага. Ложному единству «официальной» Церкви Соловьев противопоставляет истинное духовное единство катакомбных христиан последних дней.

Бердяева Евгений уважал за глубокое понимание исторических и общественных процессов, но в корне не соглашался с его воззрениями о «новой эре Святаго Духа», в которой Церковь освятит даже коммунизм. Сходные упования на мир сей проповедывал и еврейский философ Мартин Бубер, чьими работами Евгений также восхищался. Он находил заблуждения иудейского мыслителя «более понятными», ибо «только христианам полностью открыта Истина. Иудеи всё еще держатся за старый порядок, когда мир был (или казался) непорочным, но после пришествия Христа стало очевидно, что мир сей обречен. И «новая эра» исполнится лишь вне времени»[1].

Читая труды некоторых католических философов-традиционалистов, Евгений находил их «достаточно полезными и не столь уж далекими от взглядов православия». К их числу он относил Жозефа Пьепера, Этьена Жильсона, П. Даньелу, П. де Любака и, разумеется, Макса Пикара. Книгу Пьепера «Конец времен», основанную целиком на западных источниках, он считал «в основном не противоречащей православному учению». А к трудам консервативного католического писателя Жака Маритэна относился со смешанным чувством. Прочитав его «Науку и мудрость», Евгений признал, что наука должна занимать определенную ступень в познании, однако не согласился с чрезмерным восхвалением ее современного развития и стремлением автора «примирить науку и мудрость в жизненной духовной гармонии».

Его взволновала книга Томаса Мертона «Семиэтажная гора», показавшая, что даже современный человек, как он сам, может последовать призванию и отречься от мира сего, чтобы жить для иного. Сколь обрадовала Евгения первая книга Мертона, столь же разочаровал дальнейший путь философа, в чём мы вскоре убедимся.

17

Конец мира неизбежен

Всякий раз, когда человек берется обобщить, пусть в малой степени, свои наблюдения, он непременно выдает себя, привносит нечто личностное и, по сути дела, обобщает до аллегории смысл и заботы своего собственного бытия.

Томас Манн[1].

Философы подобны детям, пока не становятся умудренными во Христе.

Блаж. Климент Александрийский.

ОБРАЩЕНИЕ в Православие — путь долгий, сначала Евгению предстояло заполнить духовную пустоту верой. Душа напитывалась и требовала глубокого самоосознания, самовыражения. Писательство казалось наиочевиднейшим выходом для этого. Учась (и одновременно обучая) в университете Беркли, Евгений принялся записывать размышления о христианской жизни и страдании в современном мире. Эти ранние записи не имели отношения к учебе, они суть проявление любви, желание что-то подарить Богу.

В своих записках Евгений хотел не просто утвердиться в только что обретенной вере. Ведь обращение в Православие — это и *постижение* Истины, и *отторжение* всего ложного. Евгений вырос в вероотступническом обществе, исторически возникшем в результате отхода от Откровения Христа — вочеловечившегося Бога. Проявляется отступничество повсюду: в упадке культуры, в деградации человека, в подмене высоких ценностей приземленно-материальным. И при этом очевидном разложении современники говорят о каком-то «прогрессе»,

о победе над злом, войнами, о грядущем всеобщем мире и братстве. Евгений видел в этом отнюдь не лицемерие, а искреннюю их *веру* в то, что мир сей делается лучше. Ясно, что тут действует еще некая сила, хитро обманывающая людей, вынуждающая их лихорадочно искать в разложении и распаде что-то положительное. В *мире сем*, уповая на силу своего разума, они тщатся найти то, что издревле ищет человек — Божественное совершенство.

Евгений писал: «Самодостаточный человек пытается перестроить мир по своей задумке с помощью технологического прогресса, общественных и экономических преобразований, даже буквально с помощью архитектуры. Отсюда — безответственное представление о своем могуществе, необходимое, чтобы уверить человека в его господстве над миром (в душе человек всё же колеблется и сомневается), — это неотторжимое свойство самодостаточного разума.

Только любящий Бога способен полюбить Его мироздание, а чтобы полюбить мироздание (или что-либо в нем), его следует увидеть в истинном свете. И коль скоро всё от Бога, то таким мироздание и дóлжно любить, а значит, и самого Бога. Самодостаточный разум находится вне связи с Богом, вне связи с реальностью, с жизнью, данной Богом, и рассматривает мироздание чисто умозрительно, как нечто само по себе *идеальное* и *совершенное*.

Однако мир, созданный Богом, несовершенен, в противном случае люди удовольствовались бы этим падшим миром, а не искали чего-либо высокого. Совершенство есть блаженство человека. Но блаженство его лишь в Боге, ибо только Бог совершенен. А несовершенство мира и человеков лишь понуждает двигаться к истинно совершенному. Современный же человек ищет блаженства в мире сем, значит, должен сам довести его до совершенства (ибо, понятно, пока мир далек от этого). Отсюда и несбыточность всех умозрительных планов человечества. Не будь этих планов — человек потерял бы надежду. И верно: лиши его мечты — и он впадет в отчаяние. В былые времена он обратился бы к Богу, сегодня же большинство не верит в само существование Бога. И посему отчаянье приводит в тупик, люди сами губят себя. Сегодня, как и вчера, выбор невелик: либо тщетно искать совершенство в мире сем, либо обрести его в мире ином. Человеку не прожить без упования на некое совершенство. Поэтому сегодня выбор тот же: несбыточные мирские мечты или Бог»[2].

Обманный дух времени понуждает человека все чаяния возлагать на мир сей, и Евгений полагал, что это — дух антихриста.

Антихрист — не просто сила богопротивная, но во многом внешне «подражающая» Христу, ведь сатана часто предстает в обличьи светлом. «Антихрист сулит людям блага мирские, явные, Христос же — блага небесные, от очей сокрытые», — писал Евгений. Христос открывает перед нами Царство Небесное, антихрист же, по велению сатаны, низвергнутого с небес на землю, манит царством земным. И современный человек верит этой лжи, ибо взор его устремлен не к небесам, а к земному, насущному. Он думает, что легче обустроить идеальную жизнь на земле, нежели на каких-то малопонятных небесах, и невдомек ему, что это невозможно из-за первородного греха.

О сатанинском внешнем подражательстве Христу Евгений писал: «Современный человек питается выжимками христианства, некой кашицей «идей» христианского опыта, приготовленной для массового потребления. Идеи «равенства», «братства», «милосердия» суть пародия христианства... А обещание мессией Царства Божия, что *не от мира сего*, превратилось в посулы царства земного, и в это, увы, верят сегодня почти все. Даже те, кто прозревает сущность этих идей (Бубер, Бердяев, например), попадаются на удочку, дескать, Истина каким-то образом воплотится в мире сем, придет эра духовности, новых отношений между людьми. Но мир наш не сможет вынести Истину во всей полноте, как не смог он вынести присутствие вочеловечившегося Бога. Человек призван к единению с Богом, но это, конечно, возможно только в «ином мире», который, хотя и вторгается в мир сей, но лишь предупреждает нас, дает знамения грядущему. *Конец мира сего неизбежен*, человек в привычном нам обличьи должен умереть и распять себя, только тогда мир иной входит в его сущность.

По своему опыту Евгений знал, что сегодня, лишь осознав вероотступничество наших дней, можно истинно вернуться ко Христу. И призвание свое Евгений видел в том, чтобы нести людям это осознание, помочь им отличить Христа от его антипода, какие бы безобидные и «божественные» формы он ни принимал.

18

Путь философа

Одно только нужно; Мария же избрала благую часть, которая не отнимется у нея.

Лк. 10:42.

Евгению казалось недостаточным выражать свои мысли в кратких статьях и эссе, хотелось написать книгу и упорядоченно изложить то, что представлялось важным. В 1959 году он задумал полностью переработать и дополнить труд двухгодичной давности «Псевдорелигия и современность», написанный для А. Уоттса. Евгений замыслил дать подробный анализ вероотступничества, показать разные подменные учения, которые современный мир предлагает, чтобы утолить столь естественную для человека жажду религии. «Верой единой жив человек, — написал он в черновике. — О человеке и его сущности часто можно судить по тому, во что и как он верит. Люди сегодняшнего дня верят в машины, в материальный достаток, в важность всего, что вокруг, что под силу объять разумом. Это жалкая вера жалкого человека. Христианин же верит в Бога и в мир иной, а то, что вокруг, ему маловажно. Бренный мир прейдет, его сменит иной, преображенный. Вот вера, достойная человека». Только в такой вере, считал Евгений, и можно обрести счастье. «Человек жадно тянется к тому, что больше него самого, больше, чем мир сей. Он жадно тянется к Богу, дабы приобщиться Его. И коли так, то меньшим он уже не удовольствуется. Стремление это — главное в человеческой природе, и сегодня оно проявляется отчетливее, чем когда-либо, хотя люди этого уже не сознают. Оттого-то и кажутся «нелогичными» и «необъяснимыми» многие события наших дней — человек перестал понимать, чего хочет».

Попытавшись раскрыть эту тему с разных сторон, сделав множество набросков, Евгений убедился, что старое название — «Псевдорелигия и современность» — очень ограничивает его. Псевдорелигия — лишь одна сторона вероотступничества, которую он брался исследовать. Во главу угла Евгений хотел поставить выбор человека: либо верить в предвечного Бога, либо в преходящий мир, породивший современное общество. Определив тему, он наконец-то нашел и всеохватное название: «Царство человеческое и Царство Божие».

Книга виделась ему глубоким исследованием, требующим полной самоотдачи. И Евгения более уже ничего не вдохновляло. Научная карьера представлялась теперь совершенно бессмысленной. Не терпелось отрясти «академический прах» с ног. Однако он знал, что расскажи он всё матери, она придет в ужас. Поэтому он схитрил, написал, что оставит учебу лишь на год, дабы написать книгу, а потом уже определит свои планы окончательно.

14-го июня 1961 года, едва закончив дипломную работу на степень магистра, он, пытаясь объясниться, пишет родителям следующие строки:

Liebe Eltern!*

Сегодня жарко, рано пришло лето в Сан-Франциско. Я наконец закончил диплом и в прошлую пятницу подал работу. Раньше сентября степени всё равно не присвоят — так уж заведено. Пока занимаюсь Китаем, помогаю нашему бывшему профессору (Жи Минь-шеню) переводить его статью по китайской философии для научного журнала. Вот нагляднейший пример фарисейства ученого мира: Жи Минь знает китайскую философию как никто в США, он учился у настоящих мыслителей и мудрецов в Китае. Однако ни один колледж его на работу не берет — нет «американской» ученой степени, а всё потому, что он не велеречивый пустослов, а порядочный человек.

Я всегда ставил учебу на первое место, ведь Господь дал мне ум, чтобы я служил Ему, и, казалось бы, где, как ни на научном поприще, этот ум применить. Но, проучившись чуть не десять лет, я понял, что творится в университетах. Ум привечают лишь редкие «старомодные» чудаки-профессора, осколки минувшей поры. Остальные же «делают деньги», ищут местечко потеплее, а ум для них вроде забавной иг-

---

* Дорогие родители (нем.)

рушки, гораздой на разные фокусы (за которые, разумеется, платят), в общем цирк да и только. Любовь к истине пропала. Всякий способный человек норовит подороже себя продать. Я так жить не умею, мне слишком дорога истина. Академический мир для меня — лишь работа. Служа этому миру, я не служу Богу, а лишь зарабатываю на пропитание. А коль скоро поставлю служение Богу на первое место, то для поддержания своей жизни придется выбирать другое поприще, вне академической области. Кое-какие деньги я скопил, еще надеюсь подрабатывать в течение года, чтобы хватило на скромную жизнь, когда я буду исполнять то, что подсказывает совесть: писать книгу о духовном состоянии современного человека. Бог сподобил меня познать кое-что. Доходной книга вряд ли станет, ибо она напомнит людям о том, о чем они стремятся забыть, им сподручнее считать деньги, чем молиться Богу.

Воистину, нынешнее поколение окончательно потеряло голову, и я «виноват» лишь в том, что моя голова на месте. Я знаю, в чём состоит долг — служить Богу и Сыну Его и готовиться к жизни в мире ином, а не упиваться счастьем и благополучием в мире сем за счет ближнего, напрочь забыв о Боге и Царстве Его.

Приди Христос в мир сегодняшний, знаете, что бы с Ним сделали? Посадили бы вместе с апостолами в сумашедший дом. Мир распял бы Христа точно также, как и 2000 лет назад. Ничему-то люди не научились, разве что более изощренному фарисейству. А случись мне в один прекрасный день сказать своим студентам, что вся мирская ученость — пустое по сравнению с нашим долгом почитать Бога и служить Ему, признать Того, Кто вочеловечившись принял смерть во искупление наших грехов, — моя аудитория рассмеялась бы мне в лицо, а университетское начальство, прознай об этом, уволило бы меня в одночасье: проповедовать Истину в университетах не дозволяется. Мы говорим, что живем в христианском мире. Неправда! Сейчас век язычества, век гонений Христа, пострашнее, чем 2000 лет назад. Недавно один католический священник дерзнул заявить в университете Лос-Анжелеса, что там царит языческая атмосфера. Тут же университетские власти объявили его «фанатиком» и «сумасшедшим». А он лишь сказал правду, но людям она

ненавистна, они бы с радостью распяли Христа вновь, окажись Он среди них.

Я — христианин и постараюсь честно жить в своей вере. Христос повелел нам оставить всё имущество и идти за Ним. Я еще пока далек от этого. Но постараюсь иметь не больше, чем нужно для жизни. Если удастся, буду подрабатывать в университете (с год или два). Остальное же время посвящу Господу, служа Ему дарованными мне талантами. Раз сейчас выпала такая возможность, ее нужно использовать. Мой профессор (Будберг), сам русский по национальности, даже и не пытался меня отговаривать (у русских, пожалуй, как ни у какого другого народа, самая истовая любовь к Богу). Он-то знает, сколь стремление к Истине, стремление к Богу важнее благополучия, денег, славы.

Я лишь поступаю по совести: себя не обманешь. И знаю, что прав. Если оное служение — безумие в глазах мира, то отвечу словами апостола Павла: «Всё служение этому миру — безумие в глазах Господа». Как легко всё забывается!

Однако пора возвращаться к китайскому переводу.

Привет Эйлин.

Liebe

Евгений[1].

Мать, узнав, что Евгений собирается оставить преподавательскую карьеру и «иметь не больше, чем нужно для жизни», и впрямь пришла в ужас. Как она гордилась его наградами, членством в престижном научном обществе! Что же будет теперь? Она возлагала на Евгения такие надежды, а он вместо того, чтобы пойти по стопам благоденствующего брата, избрал стезю отца — нищего дворника! Не скоро еще прозреет она и поймет, что Евгению уготован иной путь, вступить на него можно было, лишь сойдя с проторенной дороги.

Когда-то Евгений примыкал к «сердитым молодым людям». Но он всегда существенно от них отличался: обычный «сердитый», воспитанный на современной культуре, звал к новому порядку, Евгений же, тяготевший к культуре былых времен, тянулся к порядку старому, когда еще ценились достоинство и разум.

В университетах его особенно раздражало, когда коллеги-преподаватели говорили: «Возьми эту идейку и копай себе. Глядишь, что-нибудь да накопаешь!» И впрямь появился «труд» — сравнительный анализ уборных в Древнем Китае — и его признали блестящим, выдающимся! Евгений не представлял, как можно изучать культуру не ради

познания истины, и если вдохновенье черпают в древних уборных, значит что-то неладно в науке и ему там делать нечего. Хвалебные отзывы о вышеуказанной работе, которые он позже цитировал, явились последней каплей — Евгений решил оставить научный мир.

Избрал же он путь философа, путь тернистый, на котором поджидало немало страданий. В 1960 году он записал в дневнике: «Настоящий (а не «штатный» университетский) философ тот, для кого жить значит *мыслить*, а следовательно, и много страдать...

«Философия как дело жизни и смерти» — вот девиз настоящего философа. Он влюблен в мысль, и ничто не свернет его с пути. Однако мысль не должна превращаться в кумира, иначе она застит Истину (хотя мыслью Истину до конца всё равно не познать). И всё-таки уважаю тех, кто избрал своим кумиром мысль, а не «положение в обществе» или «здравый смысл». В этом проявляется цельность Ницше, он истязал себя мыслью, чего не скажешь про Юма, разочаровавшегося в философии. Тот мыслитель велик, кто до конца идет своим путем и постигает даже то, что за пределами мысли. Правда, для этого мало быть просто «философом», нужно возрасти в человеческом естестве.

Вернусь, однако, к исходному: мыслить значит страдать. Мысль, коли она ваша, не просто «выдумана», она выстрадана всей нашей жизнью».

Оставив университет, Евгений еще некоторое время продолжал видеться с профессором Будбергом, иногда его приглашали на обед. А Жи Минь-шень неожиданно и бесследно исчез из Сан-Франциско. Евгений писал: «Не оставил даже адреса, как в воду канул, подобно Генону*. Вспоминаю его с любовью, хотя придя к Православию понял, сколь хрупки китайские духовные традиции. Жи Минь предрекал, что они вообще исчезнут, продержись коммунизм у власти еще лет 10-12. Православие же выдержит всё, выстоит до конца дней, потому что дух его передается не просто из поколения в поколение, как всякая традиция, а от Бога — к человеку».

Освободившись от университета, Евгений всерьез взялся за книгу. Он кропотливо собирал материал о настоящем и прошлом вероотступничества, о его вероятном развитии в будущем. Поразительно, сколько он прочитал! Он ходил по библиотекам, по букинистическим магази-

* В 1930 году Генон, оставив близких в неведении, уехал в Египет, где и прожил более 20-ти лет, до конца своих дней.

нам Сан-Франциско и приносил домой охапки книг, не обходил вниманием и газетные и журнальные статьи, полезные в работе.

Он жил согласно своим убеждениям: ради философии — «мудролюбия» — можно и пострадать. Отказавшись от преподавательского заработка, он теперь не гнушался самой простой работой: убирал и мыл посуду в ресторанах, выносил мусор, дворничал. В этом он походил на отца, кто, по словам Эстер, не отказывался от черной работы. Евгению же, привыкшему к миру науки, пришлось тяжело. В письме к Алисон он говорил: «Теперь мне понятнее положение пролетариев, которых работа оглушает и отупляет». Но сам он нарочно выбирал труд потяжелее — лишь бы он не требовал умственного напряжения, лишь бы не отвлекал от дум о книге.

Он не надеялся, что книга его будет раскупаться, о чём сразу написал родителям. Он приносил жертву любви Истине. Обратимся опять к его дневнику: «Давайте пройдем мимо тех, кто ищет Истину ради «причин и следствий». Нас влечет к ней некое внутреннее побуждение. А если мы ищем Истину *ради чего-то*, если она — лишь средство, то мы не любим Истину, и нам ее не найти, и она не *сделает нас свободными*».

19

Замысел созрел

Время различий прошло.
Сёрен Кьеркегор.

ЗАМЫШЛЯЯ «Царство человеческое и Царство Божие», Евгений уже ответил для себя на многие вопросы, мучившие, пока он работал над расширенным вариантом «Псевдорелигии». Самым трудным и самым важным представлялся вопрос об отношении христианства к другим религиям. Евгений даже подумывал об отдельной книге на эту тему. В 1959 году он попытался приспособить «всеобъемлющее единство религий» к своему тогдашнему пониманию христианства, полагая, что все истинные религии указывают действенные пути к личному спасению или приобщению Бога, но лишь в вочеловечившемся Боге, Иисусе Христе, — искупление Адамова грехопадения. В 1961 году Евгений демонстрирует уже иные, более жесткие взгляды, не допуская компромиссов между различными вероисповеданиями.

Он писал: «Истина открыта нехристианским религиям в разной степени. Несомненно, всякое учение, держащееся корней, содержит истину, но вот в какой мере? Истина одной религии никогда в точности не соответствует другой, и все они несравнимы с истиной христианства — учением неповторимым (с чем ни одна другая религия не хочет полностью примириться). Уравнивание разных учений, «всеобъемлющее единство» религий — порождение наших времен, современного «упрощенческого» мышления, не способного ни понять основные различия между религиями, ни оценить уникальность христианства, которое по сравнению с другими, в определенном ви́дении (и это существенно) даже нельзя назвать „религией"».

Перечитывая работы Ананды Кумарасвами, приверженца идеи «всеобъемлющего единства», некогда повлиявшего на него, Евгений пишет: «Сколь далекими и чуждыми кажутся мне теперь мысли о «взаимопонимании» и терпимости между Западом и Востоком, о «всемирном гражданстве», о философии *perennis et universalis* — корне всех религий. И еще более чуждыми делаются эти взгляды, когда подумаешь: а ведь мечты его осуществляются. Придет «всемирный учитель», знающий толк в «сравнительном анализе религий», тонко прозревающий их общие черты. Но кем бы ни предстал этакий мудрец, он всего лишь ученый. Христос не требует от нас «понимания», даже ради нашего спасения или установления всеобщего порядка. Пожалуй, как раз чрезмерное «понимание» и рушит всемирный порядок... Мудрость Кумарасвами, Генона и иже с ними не спасает от еще более ужасающего падения.

Христос требует, чтобы мы, не пытаясь понять разумом, приняли страдания, смерть и воскресение для вечной жизни в Нем... Бесспорно, Христос — духовная основа западной цивилизации, но Он ни слова не говорил о «сравнительном анализе религий».

Несмотря на всё «понимание» теперешних мудрецов, они слепцы по сравнению с менее искушенными, «наивными» христианами, которых презирают. А те меж тем, не обращая внимания на все премудрости иных религий, держатся Божественного «безумного» христианства, которого не понять умом, но которое мудрее всех религий».

Евгений не отрицал истину, содержащуюся в иных учениях, он лишь указывал на ее неполноту. С этих же позиций он сравнивал православие с католичеством. «Хотя католическая Церковь дрогнула и отступает под натиском «духа времени», она сохранила связь с Истиной, явленной в Богочеловеке Иисусе Христе, не нарушив преемственности с апостольских времен, хотя и не несет Истину во всей полноте, ибо отошла от нее почти тысячу лет назад. Иное дело — восточное православное христианство, оно сохранило всю полноту Истины до наших дней».

С этой ко многому обязывающей предпосылки Евгений и начал рассматривать ошибки нынешних христиан-модернистов: «До конца понять модернизм как отклонение от христианской Истины можно, лишь соотнеся его с самой Истиной, ведь только на ее неприятии и зиждется само существование модернизма. Христианская Истина — единственное мерило модернизма. И ранее делались попытки найти критерий Истины, например, в западноевропейском христианстве

средних веков. Но оно своим раскольничеством отдалило себя от Христовой Церкви и допустило много заблуждений и ошибок». Евгений полагал, что нынешнее вероотступничество западной культуры коренится в отделении римской Церкви в XI веке. «Модернизм появился не сразу и не вдруг, первопричина — в личностных изменениях западноевропейского человека. Только в восточноевропейском православии можно найти мерило современному отходу от Истины, т. е. модернизму».

Евгений понимал, что его подход по своей сути нетерпим для современного сознания. В черновике предисловия он писал, что рискует навлечь на себя обвинения в «чересчур резком тоне» и в «оскорблении искренне верующих людей, держащихся другого мнения». Первыми, как он считал, «возмутятся люди с «обедненным» сердцем: такие обычно горячо ратуют за (или против) Христа, а сердце их хладно. Жизнь свою они выстраивают разумом, душа безмолвствует». Таким людям Евгений указал: «Что бы ни было до Христа, после Его пришествия душе уже нельзя молчать». Иных, отвергающих христианство по невежесту, не зная его сути, Евгений заверил, что «христианство во всей полноте не лучше, а гораздо «хуже», чем они предполагают, оно еще больше оскорбляет «мудрость» и чувства мира сего, оно ещё более резко и нетерпимо... во всём, что касается живой Истины».

Евгений хотел показать читателям, что его бескомпромиссность в книге продиктована убежденностью во всеохватности Православной Христианской Истины, а не стремлением изобразить себя духовным авторитетом или прозорливым богословом. Он понимал, что не вправе поучать, сам лишь недавно обратившись к Православию и не приобщившись еще таинств Церкви. Подход свой полагал философским (в широком смысле), а в конце предисловия признавал, что «автор не является ни богословом, ни монахом. Всё изложенное в книге суть его жизненные устои, и анализируемые ошибки присущи и ему самому. Желание разобраться в них и побудило взяться за эту книгу. Даже если анализ ошибок окажется верным, из этого не следует, что автор понимает Истину глубже, нежели более духовно умудренные люди. Любая, и особенно «религиозная», философия должна проверяться на более высоком богословском уровне, что подразумевает прозорливость умудренных духовным опытом людей. Случись на страницах книги ошибки в вопросах богословия и веры, мы обратимся к мнению верховного авторитета — Церкви, чье учение и внесет поправки. Это особо важно подчеркнуть, так как «религиозная философия» автора — плоть от плоти его русской православной веры. В наше время русская религиозная философия небезосновательно считается необычайно

«вольной», едва ли не еретической. Пример — Николай Бердяев, философ глубоко прозревавший исторические и общественные процессы. Впав в чрезмерный индивидуализм, он поставил себя вне и выше Церкви и посчитал свои мнения по богословским вопросам (основанные на явно недостаточных знаниях) значительнее, нежели всеобъемлющее учение Церкви.

Автор искренне надеется, не претендуя на оригинальность, внести смиренный вклад в „религиозную философию"».

20

Царство человеческое и Царство Божие

Всякий, в силу того что он человек, должен выбирать между Богом и самостью. По сути выбор уже сделан, ибо все мы суть то, что выбрали. Этим мы обнаруживаем, какое из царств нам ближе: Царство Божие или царство самости.

Евгений Роуз.

Покайтесь, ибо приблизилось Царствие Небесное.

Мф. 4:17.

РАБОТА ЕВГЕНИЯ по «религиозной философии», к сожалению, так и не была завершена. Несколько глав отпечатано на машинке, остальное — в рукописных черновиках, подразделенных по темам. Брал Евгений глубоко: похоже, ничто не ускользало от его критического взгляда. Чтобы обосновать критику западной цивилизации, он изучил взгляды святых, философов, историков, художников, ученых, людей, некогда живших и живущих сейчас, равно и литературных персонажей. Многие черновики помечены датами, видимо, Евгений сам чувствовал, как набирается философских знаний в процессе работы. Вот последний набросок оглавления:

Введение: Современное состояние мира и Церкви

Часть I. *Два Царства. Их истоки и могущество*

Глава 1. Две любви — две веры: мир и Бог

Глава 2. Сила мира сего и сила Христова

Часть II. *Царство человеческое в наши дни*

Глава 3. Православное толкование современности

Глава 4. Нынешние идолы мира сего

1. Культура и цивилизация в свете православной духовности
2. Наука и рационализм в свете Божией Премудрости
3. История и «прогресс» в свете православной богословской истории

Часть III. *Старый порядок и «новый порядок»*

Глава 5. Старый порядок: Православная империя

Глава 6. Водворение «нового порядка»: Революция в наши дни

Глава 7. Нигилизм как источник революции

Глава 8. Тысячелетие анархии — цель революции

Часть IV. *Православная духовность и духовность «новая»*

(Приблизительно четыре главы)

Часть V. *Конец двуцарствия*

Глава 13. «Новое христианство» и правление антихриста

Глава 14. Царство Небесное

Из 14-ти запланированных глав лишь одна, седьмая (о нигилизме) полностью завершена и напечатана. В ней более ста страниц, что дает представление об объеме несостоявшейся книги.

Просматривая тысячи страниц черновиков и собранного Евгением материала, нетрудно убедиться, что почти всё направлено на ниспровержение, отрицание и лишь немного — на утверждение: почти нет положительной программы. Очевидно, что такая односторонность отражает состояние Евгения в ту пору: с большей достоверностью он писал о мире зла, в котором пребывал, страдая многие годы, нежели о святости, к которой пока лишь едва прикоснулся. Однонаправленность мышления не умаляет его справедливости, но свидетельствует о том, что автору предстоит еще много познать, «расширить» свое ви́дение мира. Впоследствии он положил много сил и труда на свое духовное развитие. Основательность критики в «Царстве человеческом и Царстве Божием» указывает на решимость Евгения порвать с вероотступничеством Запада, что поможет ему несколько лет спустя начать восстанавливать забытое духовное наследие Запада.

Во ВВЕДЕНИИ к первой части Евгений писал: «Два Царства зиждутся на двух верах: вере во Христа — Царство Божие и вере в мир

сей — царство человеческое». Вторая вера, вроде бы, основана на «очевидности» и «необходимости», однако суть ее — если копнуть глубже — человеческое желание: «Человек мира сего не *алчет* мира иного, глубокого и сложного. «Естественнее» (для греховного человека) от него отказаться, избежать встречи. Ведь мир иной будоражит душу, нарушает мнимый покой, мешает человеку просто жить в мире сем „как положено"».

Далее в первой части Евгений приходит к выводу, что христианин, будто бы «бегущий от действительности», намного ближе к ней, нежели человек от мира сего («реалист»), ибо только христианин способен воспринимать бытие во всей полноте: «Боль, страдание и смерть неотъемлемы от жизни, и теоретически их признает и неверующий, хотя старается избавиться или хотя бы смягчить всё «отрицательное», забыться, поэтому и обращается только к «положительному». Христианин принимает всё с благодарностью, так как знает: без испытаний нет духовного преуспеяния... Нужно смело взглянуть в лицо миру. И во Христе мы ведаем силу, помогающую не убояться и превозмочь мир сей».

Вторая часть озаглавлена «Царство человеческое в современную эпоху» и должна была включить в себя православно-христианское толкование современного мышления. Евгений хотел подробно разобрать один из его «законов» — «упрощенчество», что объясняет полное непонимание сегодняшними людьми всего духовного. Мир, уверовав в науку, исследует только «очевидное», т. е. физическое проявление духовного, и Евгений предрек, что для человека вскоре наступит «век магии». Первым эту мысль высказал русский философ Вл. Соловьев в «Повести об антихристе»: технический прогресс будет непостижимым образом уживаться с магическими «чудесами». Евгений писал: «Современный человек всеяден, он тщится найти замену Христу, проявляя при этом страсть ко всяким опытам и фокусам и свою хваленую «терпимость» (которая, увы, также очень ограничена и простирается на те же «опыты»). Конец очевиден: нравы извратятся, восторжествует колдовство, оккультизм — таков будет венец „экспериментирования"».

Затрагивая природу модернизма, Евгений, опираясь на православное учение, хотел свершить суд над тремя сегодняшними «идолами» мира сего. Первый — цивилизация. Подчеркнув ее характерные черты, Евгений показал, как легко христиане могут попасть в рабство, поставив «служение человечеству» во главу угла, он противопоставил этому

истинно христианское милосердие. Христианин откликается на зов нуждающего по любви, во имя Христа. А если он начинает рассуждать: «Накормить одного — хорошо, но лучше накормить тысячу, ведь один — лишь капля в море», то превращает христианство в «систему», низводит его до «идеологии». Евгений напомнил слова Христа: «Нищих всегда имеете с собой» и написал далее, что «Христос пришел не голодных накормить, а души спасти, как голодных, так и пресыщенных».

Затем Евгений хотел перейти к следующему «идолу» современности — науке. «Наука наших дней занята одним — *стяжанием власти*. Даже любознательность — начало начал современной науки — служит той же цели. И объективные знания — плод любознательности, сами научные факты стали зависеть от субъективного — чьего-то произвола». Вновь Евгений сравнивал науку с магией, обнаружив в них много сходства. Обе изучают явления окружающей среды и пытаются воздействовать на них, объяснить всё сверхъестественное, добиться результата. Обе тщатся исполнить человеческие желания, подчинить жизнь вокруг человеческой воле. Разница лишь в одном: наука нашла метод, а магия действует наугад... Современная наука — это магия систематизированная. Ученые полагают себя людьми разумными, но разум их узок, он не выходит за стены лабораторий, а сами они — рабы своих изобретений. Человеку непорабощенному, способному взглянуть на жизнь шире, «результаты» ученых покажутся сродни шаманству».

«Божество» науки идет рука об руку с третьим «идолом» современности: верой в исторический прогресс. Евгений считал такую веру прямым извращением истины. По утвердившемуся мнению, человечество «прогрессировало» от античной классики к эпохе Возрождения, как бы обойдя стороной мрачное Средневековье. Евгений же указал, что эпоха Возрождения — это переходный этап от средневекового мышления к современному, т. е. к эпохе Возрождения с куда более глубоким вырождением общества, чем во все предыдущие... Новое смешивается со старым. «В эту эпоху, — писал Евгений, — поначалу пытались примирить старое и новое, христианство и «гуманизм»... Однако новое не удовольствовалось компромиссом, и рано или поздно Церковь осознает, что начав с компромиссов, она продала свою душу».

XVIII век виделся Евгению поворотным: непримиримый дух модернизма вырвался на свободу и принялся вершить свою волю вне Церкви (презрев ее, а то и открыто нападая), сплошь и рядом доказывая свою несостоятельность. С XVIII века мы живем в «новом мире», где порушилась преемственность. Мир представляется уже не богоданным, а некоей строительной площадкой, где из обломков и осколков человек,

идущий против природы, против Бога, тщится построить свой дом, свой город, свое царство — новую вавилонскую башню».

Однако уже в XVIII веке потерпела крах концепция рационализма, выдвинутая Декартом и Бэконом. К концу века в человеческую жизнь вторгается иррациональное. Пример тому — французская революция. Соответственны тенденции и в искусстве. Лживость современного прогресса Евгений усматривал в неизбежном вырождении рационалистических и гуманистических идей эпохи Просвещения, они обратились в иррационализм и *субгуманизм* (нижеестественное подобие гуманизма). Он писал: «Гуманизм есть бунт против истинной природы человека, против всего мира, уход от Бога, средоточия человеческого бытия, отрицание всего сущего в человеческом бытии. И всё это под маской благородных слов. Субгуманизм никоим образом не мешает гуманизму, он — его высшая точка и цель. Точно так же как современный рационализм срывает маску с рационализма эпохи Просвещения, показывая его фальшь, субгуманизм обнажает суть гуманизма Просвещения — отрицание истинной природы человека как образа Божия и доказывает, что гуманизм этот ненастоящий. Так же и иррационализм научает, что рационализм Просвещения, порывающий с Богом, несостоятелен».

Очевидно, третьей части книги — анализу старого порядка и порядка «нового» — отводилась главная роль. В ней Евгений хотел обнажить корни современной революции — нигилизм, его краткое, но исчерпывающее определение он нашел в работах Ницше, которого называл «фонтаном философского нигилизма»: «Нет истины, нет ничего абсолютного — нет «вещи в себе». *Одно это* утверждение показывает, что такое нигилизм, причем в крайней его степени»[1] Ницше провозглашал XX век «триумфом нигилизма». Евгений признавал, что «в наше время нигилизм глубоко проник всюду, пронизал умы и сердца всех людей, и сражаться с ним приходится не в какой-то отдельной области, а повсеместно. Вопрос о нигилизме — это, по существу, вопрос об Истине. Теперь — по всеобщему убеждению — никто уже не верит в Абсолют, всеконечную Истину. В наш просвещенный век принято считать, что «всякая истина относительна». Не правда ли, перепевы Ницше: «Нет истины, нет ничего абсолютного»? Как отметил Евгений, эта «относительная истина в наши дни чаще предстает в виде научных знаний», а наука исходит из предпосылок, что «всякая истина познается эмпирически (опытным путем) и всякая истина является относительной». Евгений указал на противоречия в самих пред-

посылках: «Во-первых, истина не эмпирична, а метафизична, во-вторых, не относительна, а абсолютна». Всякая система знаний должна опираться на абсолютную метафизическую основу. «Однако признание такой основы рушит «теорию относительности истины», противоречивую и абсолютную по сути».

«Развитие современной мысли, — продолжает Евгений, — представляет собой опыт познания того, что открыто человеку, но отрицает *откровение Истины*... В результате — абсолютное отрицание: если нет Истины Откровенной (Свыше), то нет вообще никакой Истины. Итак, поиски Истины вне Откровения зашли в тупик... Человечество подтверждает это, обращаясь к ученым не за Истиной, а за техническим применением их знаний, что имеет лишь узкопрактическую ценность. Обращаются они и к иррационализму в поисках высших ценностей, некогда обретавшихся в Истине. Воцарение науки в жизни людей совпадает с явлением сонмища лжерелигиозных «откровений». И то, и другое — симптомы одной болезни, забвения Истины».

Важнейшая цель нигилиста — разрушить веру в Откровенную Истину, подготовить таким образом «новый порядок», изничтожив следы старого, поставить человека богом над всем сущим. Подобное мышление может проявляться по-разному, предупреждал Евгений, как различны и люди, его исповедующие. Он выделил четыре стадии, или этапа, в развитии таких явлений.

Первый — либерализм: еще не явный нигилизм, а нечто аморфное, вроде его питательной среды, на которой он буйно возрастет. При либерализме ещё остаются некоторые верования старого порядка, но уже выхолощенные, утерявшие смысл. «Бог в их понятии не сущ, а скорее умозрителен, — писал Евгений. — Такому богу не нужен человек, да и сил у него нет, чтобы изменить мир (разве только добавить людям обмирщенного «оптимизма»!), он слабее людей, измысливших его». Слабо и государство либералов, пытающихся совместить несовместимое: власть Божию, воплощенную в монархе, с «властью народа». «В XIX веке, — продолжает Евгений, — это привело к образованию «конституционных монархий» — еще одна попытка втиснуть в старую форму новое содержание. Сегодня же главные помыслы либералов о «республиках» и «демократиях» в Западной Европе и Америке. Эти государственные устроения на опасном рубеже, где от законной власти до революции — один шаг. Увы, почитаются они одинаково... Государство должно управляться либо благодатью Божьей, либо волей людей и полагаться оно должно соответственно: либо на порядок и власть, либо на анархию и революцию. Компромисс возможен лишь внешний и недолгий. Революция, как и вскормившее ее

безбожие, не останавливается на полпути. Коль скоро ее разбудили, она размахнется во всю ширь, пока не установит царство тоталитаризма от мира сего. История двух последних веков — тому подтверждение. «Задобрить» революцию (как всегда поступали либералы, расписываясь в своем полном неверии в Истину, способную противостоять разрушительной стихии), пойти ей на уступки значит лишь отсрочить, но не отвратить страшную беду».

Второй этап нигилистической диалектики — реализм. К нему Евгений относил разные течения: натурализм, позитивизм — всё то, что некогда вывел Тургенев под названием «нигилизм». «Реализм, — писал Евгений, — есть упрощение всего, низведение до самых примитивных объяснений, умаление возвышенного до низменного, приземленного, плотского... Либералу безразлична Абсолютная Истина, он слишком привязан к миру сему. «Реалисту» же претит даже безразличие к Истине, а привязанность к миру вырастает в страсть». На примерах диктаторов-социалистов XX века Евгений показал примитивно-упрощенческое решение самых сложных задач и, копнув глубже, указал, что «сие упрощенчество в духе Маркса, Фрейда и Дарвина является фактической основой всей современной жизни и мысли».

Откликом на попытку реализма поставить во главу угла материальную действительность (презрев духовное) явился витализм — третья стадия нигилизма. С угрозой появления бездушного технократического общества зародилось движение в защиту человеческих запросов вне жестких схем реализма, но не менее важных даже для мирского «счастья». Поначалу витализм выступал в обличьи символизма, оккультизма, различных эволюционных и мистических философий. «Но вполне объяснимое сетование на утрату духовных ценностей породило субъективные фантазии, доводящие до настоящего сатанизма (который провозглашается людьми неискушенными «откровением духовного мира»), с одной стороны, и эклектизм — с другой, когда идеи «с бору по сосенке» из разных культур и эпох произвольно применяются к сегодняшним неверным и приземленными взглядам. Ложная духовность и ложная приверженность древним учениям — неотъемлемые части почти любого из направлений витализма». Евгений указал на различные проявления сего учения в современном обществе — люди неустанно пытаются «найти умершего в их сердцах Бога». Евгений подчеркивал всеобщую смуту, будь то политика, преступный мир, пресса, радио, телевидение, искусство. Разнообразились формы витализма: «новая мысль», «позитивное мышление», пытающиеся обуздать некую малопонятную, но присущую всему «силу». Появились подложные формы «восточной мудрости», закли-

ниями вызывающие всякие «явления» и «видения». Раздаются стихийные призывы к «осознанию», «пониманию», «просвещению» или наоборот — назад «к природе», «к первозданности», к культу земли, тела, половой жизни.

На стадии витализма новым критерием истины служит «жизненная необходимость», «жизненная важность» (vital — жизненный). Этот новый «гибкий» критерий, по словам Евгения, лежит и в основе формально-критического подхода как к современному искусству, литературе, так и к религии, философии и науке. «В этих областях выше всего ценится «оригинальность», «поиск», «острота». Истина (если о ней вообще заходит разговор) оттесняется всё дальше и дальше на задний план и подменяется субъективными оценками «целостности», «подлинности», „индивидуальности"».

Завершая анализ витализма, Евгений писал: «За последние сто лет это движение обнаружило неоспоримое обветшание мира... И плод его отнюдь не «новизна», «жизненность» или «непосредственность», как отчаянно пытаются представить виталисты (и чего им так недостает), а разложение и неверие — признаки последней стадии умирающей, ненавистной им цивилизации». Евгений полагал, что за витализмом грядет последняя стадия — «нигилизм разрушения»: «Здесь мы обнаружим «чистый» нигилизм — яростную атаку на творение Божие, на человеческую цивилизацию, и атака эта не прекратится до полного уничтожения». Таков нигилизм безжалостного русского революционера Сергея Нечаева (прототипа Петра Верховенского в «Бесах» Достоевского) и его соратника Михаила Бакунина, который на вопрос, что он будет делать по приходе желанного порядка, ответил: «Тогда я, пожалуй, начну сносить всё, что построил»[2]. Евгений писал: «Именно так правил и Ленин, большой поклонник Нечаева, являя небывалую жестокость и беспринципность в политике — первый опыт такого рода в Европе, и Гитлер, возглашавший: «Нас можно уничтожить. Но тогда мы потянем за собой в геенну весь мир»[3].

Описав различные формы нигилизма, Евгений перешел к исследованию его духовных истоков: «Нам не понять, в чём коренится успех нигилизма, почему появились такие его глашатаи, как Ленин и Гитлер, если мы не прозреем сути — воли сатаны, направленной на отрицание и бунт». Не найдя логического объяснения оголтелой кампании большевиков против христианской веры, Евгений предположил, что «война с Церковью шла не на жизнь, а на смерть потому, что только одна эта сила могла противостоять большевизму, могла доказать его ничтожество. Нигилизму не победить, пока в сердце хотя бы одного человека останется истинная христианская вера».

Современные люди, по словам Ницше, «убили Бога», и теперь в сердце у них — мертвый бог, великое ничто, пустота. Но «это лишь переходный период в духовной истории человека, некий резкий поворот», за которым грядет «новый бог». Разумеется, весь этот путь современный человек проделал не сам по себе. За таким явлением, как нигилизм, стоит разум изощренный, это — дело рук сатаны.

Обнажив духовную суть нигилизма, Евгений показал и его «программу» — дальнейшее следование сатанинским целям. «Первый и самый очевидный шаг — уничтожение старого порядка, почвы, напитанной Христианской Истиной, на которой возрастает человек... Здесь главная роль отводится *насилию* — любимому средству нигилистов. Далее следует переход от революции и всеобщего разрушения к обещанному «раю на земле», переход этот в марксистском учении зовется «диктатурой пролетариата». «Реалисты» как в коммунистических странах, так и в свободном мире создают новый порядок, где царят «организованность и эффективность» и где нет места любви и уважению». Евгений узрел его признаки в бездушной «функциональной» современной архитектуре, в болезненном пристрастии к планированию, в «контроле рождаемости», в опытах по изменению наследственности и сознания и других подобных «программах», в которых «подробнейшая разработка соседствует с ужасающим бездушием».

Евгений также показал, что разрушение старого и создание нового миропорядка лишь подготовка к более значительному и зловещему замыслу — к «преобразованию человека». Об этом мечтали Гитлер и Муссолини, Маркс и Энгельс, считавшие, что кровавым молотом революции можно как по волшебству выковать нового человека. Многие современные философы и психологи уже отметили перемену в людях теперешнего века насилия: человек лишился корней, личность низведена до самого примитивного, низшего уровня.

Образ «нового человека» запечатлен и в современной живописи и скульптуре, народившихся в основном после второй мировой войны. Евгений писал: «Новое искусство празднует рождение новой человеческой особи, нижеестественной и глубоко порочной». Но кроме изображения этого безнадежного уродства, искусство (точнее, его «оптимистическое» направление) создало своего «положительного» героя, «этакого идеалиста с практической хваткой, готового решить любую самую трудную задачу». Как «отрицательный», так и «положительный» герои, писал Евгений, «знамения гибели человека, жившего доселе: странника на земле, признающего Небесный дом своим. Теперешний человек приземлен, ему неведомо истинное отчаяние или надежда, все чувства его привязаны к материальному... Эпоха отрица-

ния и нигилизма исчерпала себя. «Новый человек» уже не отрицает Христианскую Истину — она ему просто безразлична. Всё его внимание обращено на мир сей».

Нигилизм, выполнив свою миссию, указывал дальнейший курс. Евгений считал, что наметки «нового человека» (и в марксовом реализме, и в витализме оккультистов и художников) — лишь черновики прообраза сверхчеловека, которого предрек Ницше вслед за нигилизмом. Как пустота — идол нигилизма — требует заполнения, а ожидание каких-то свершений — «нового бога», так и «новый человек», изуродованный приниженным нигилизмом, лишенный веры и вконец сбившийся с пути, чает доверчиво и простодушно неких откровений и указаний, способных помочь ему обрести законченный вид. Нигилизм, создав новую породу людей, тщится утвердить и «совершенно новый миропорядок, который самые ярые его приверженцы не стесняясь называют „анархией”». Нигилизм — это вероисповедание, а «анархия — мироустройство, в котором *нет места Истине*... Нигилизм — это средство, анархия — цель».

Евгений писал, что, согласно марксистским мифам, «нигилистическое государство... «отомрет», оставив миропорядок, невиданный в истории человечества, который, несомненно, будет „золотым тысячелетием”». Эта мечта революционеров об «анархическом тысячелетии» — греза апокалиптическая, извращение христианского упования на Царство Небесное. Это есть «царство антихриста, сатанинское «уподобление» Царствию Божию». По окончании своей эры нигилисты видят «цель революции» — царство «любви», «мира» и «братства». Неудивительно, что «приняв нигилистическое преобразование мира, они уверовали в царство революции и видят мир глазами сатаны — в противоположность тому, чем мир является в очах Божьих».

В ПЕРВОЙ и во второй частях книги Евгений хотел рассмотреть современные философские идеи, которые повлияли на человека. В третьей — проанализировать претворение в жизнь этих идей, провозглашающих новый миропорядок (анархию), основанный на новой истине (нигилизм). В четвертой части он собирался описать возросшую на этой почве «новую духовность», которую современный человек якобы примет также естественно и добровольно, как некогда Истину Христианства.

Наброски и фрагменты этой части четырнадцатью годами позже вошли в его книгу «Православие и религия будущего». В ней Евгений намеревался раскрыть философские истоки «новой духовности», восхо-

дящие ко времени Иммануила Канта и немецкого идеализма, когда в центре мироздания вместо Бога поставлено было человеческое «я». Сродни этому и другой постулат Канта: «Существует только то, что я ощущаю» — окончательное «обожествление» личности.

Субъективный идеализм привел к тому, что Евгений назвал «культом личного опыта». Человек, поставленный в центре бытия, поневоле оказывается мал и ничтожен, он ищет хотя бы временных духовных «озарений», дабы забыть о своем человеческом ничтожестве в «новом мироздании». «Культ «религиозного опыта», — указывал Евгений, — подменяет истинно духовный опыт христианства — единственный путь ко спасению и приобщению Бога». Евгений хотел показать «пропасть, разделяющую эти два понятия. Опыт сугубо личный, который можно при желании приобрести разными средствами (наркотиками, гипнозом или иными манипуляциями с сознанием, равно и «узаконенным» путем — развитием эстетического чувства или приобщением «космоса»), дает человеку возможность заглянуть в некий далекий от повседневной суеты мир... но такой опыт не способен преобразить человека, более того, в современных условиях, познав такое, человек укрепляется в мысли, что он — нечто особенное. Это — путь самости и заблуждений. И религиозным такой опыт не является, ибо может быть внушен и бесами (которых современный человек, лишенный веры, не видит в упор).

Противоположный ему опыт — духовный, приводящий к истинной встрече с Божественным... опыт этот приобретается жизнью, каждым делом, страданиями, смирением, почитанием, верой. Он не «услаждает» или «удовлетворяет», а напротив, может быть исполнен скорбей и трудностей, опыт такой заканчивается не в земной жизни, а на Небесах...

Отрицая Христа, современный человек отрицает и этот истинный духовный опыт. Христос превращен в символ, в абстрактное понятие. Он живет лишь в сознании, и человек произвольно «приобщается» Его ради собственного удовольствия... В этом-то и коренится главная беда сегодняшних заблудших людей: они живут собственным рассудком, в плену иллюзий, вдалеке от истинно Сущего».

Далее Евгений отмечал, что оккультизм и философия сверхъестественного, бывшие некогда на обочине научной мысли, теперь занимают всё более важные позиции. Евгений обратил внимание на сходство между теософским верованием в носителей премудрости на других планетах и попытками современных ученых связаться с разумными существами с помощью радиосигналов. «Научное «исследование сверхъестественного», — писал Евгений, — приведет к признанию «связи с духами», ибо духи очевидны. Но не могут ли силы, осущест-

вляющие связь с духами, осуществить и радиосвязь? А коли так, то современный человек поверит и ей, ведь это же тоже будет «очевидный факт». Вот какие возможности... открываются для бесовского вторжения. Тогда все «непознаваемые явления» нашего времени покажутся детской забавой».

Многие самозванные пророки, видя духовную восприимчивость современного человека, предрекали наступление «эры Духа». Эта эпоха — пора «нового христианства» и царствования антихриста — должна была стать темой пятой, последней части книги. Евгений показал, как подыскивается новое «единство», дабы сместить «старое», т. е. единство Бога и человека. Новое единство является под разными личинами: «всемирного государства», «экуменизма», «всеобщего единства религий» — всё это отголоски «универсализма» эпохи Просвещения. Проглядывает оно и в эволюционализме, например, в учении католического философа Тейяра де Шардена, предсказавшего слияние высокоразумных существ в одно «космическое сознание». Еще более опасные симптомы виделись Евгению в самой современной католической Церкви. Он видел, как в нарождающемся «новом христианстве», этой разновидности «общечеловеческой религии», размывается традиционно христианское исповедание абсолютной Истины ради объединения человечества под знаменем земного «братства».

Обмирщенная религия антихриста, как отмечал Евгений, будет учением цельным, вобравшим все лжетрадиции. Новое «единство» подчинит и коллективистский строй коммунистических государств. Будут удовлетворены не только экономические и социальные нужды (цель коммунизма), но и личные, «духовные» запросы. Коммунизм же, выполнив свои задачи, уйдет в небытие, что, кстати, соответствует «отмиранию государства» по учению самих коммунистов.

Евгений объяснил, почему царству антихриста не обойтись без духовности (хотя бы и ложной). Стоит человеку обрести обетованный «мир», «уверенность в завтрашнем дне», как всё это перестанет быть его движителем, он поймет, что это не цель, а лишь средство. Памятуя слова Господа, что не хлебом единым жив человек, Евгений вопрошает: «А что же дальше? Все задачи мира сего решены, хлеба вдоволь. Какие зрелища предоставит мир человеку? Увы, этот вопрос о праздных развлечениях — вопрос жизни и смерти для новых правителей. Ибо, если народу не дать зрелищ безобидных, он придумает свои, по-настоящему пагубные. Об этом говорил еще сто лет назад Достоевский. Как только люди получат всё для «счастья», они тут же придут к бешеному

недовольству и собой, и своим миром. Голод не утолить только хлебом, нужен хлеб Небесный... или его искусная подделка».

Прозрев необходимость такой подделки, Евгений предсказал то, что ранее называл «веком магии». В нем смыкаются цели и утопического идеализма, и оккультных пророчеств. То будет век изобилия и «дивных» вещей, утвердится псевдорелигия антихриста, со всяческими чудесами и знамениями. Евгений писал, что «наряду с духовным голодом людей влечет беспредельное любопытство — отсюда и тяга к разгадке вселенских тайн, к магии, к суррогату духовного, удовлетворяющему убогие умственные и духовные запросы человека... А что еще нужно для «счастья», если все мирские блага под рукой?»

Подводя итог анализа современности, Евгений указывал, что «мир сей уникален лишь по степени своей одурманенности сатаной и близости к воцарению антихриста. Последние христиане могут лишь засвидетельствовать Истину перед миром, в том числе и своим мученичеством, которого мир сей от них непременно потребует. И уповать они будут на Царство «не от мира сего», на то Царство, о славе коего люди обмирщенные не могут даже помыслить — Царство, коему не будет конца».

Словами о Царстве Небесном, которое пребудет, когда Царство человеческое уйдет в небытие, Евгений и хотел заключить книгу.

ПРОШЛО 30 лет с той поры, когда Евгений замышлял «Царство человеческое и Царство Божие», и мы видим: исполнилось многое из того, что он предрекал. Уже через 10 лет после того, как он описал мечты нигилистов о «новом мире» без любви и благоговения, о мире всеобщего планирования и устрашающей бесчувственности, в США были узаконены аборты, за это время убито почти 30 миллионов неродившихся детей, и всё из «практических» соображений. А плоть так и не увидевших свет младенцев, по особому распоряжению Президента США, разрешено использовать для медицинских исследований.

«Всеконечное экпериментирование», о котором Евгений писал в начале 60-х, разразилось в том же десятилетии, особенно широко это выразилось в форме всеохватных молодежных движений. В основном они соответствовали этапам нигилизма, о которых писал Евгений. «Жизнеутверждающее» движение хиппи 60-70-х годов — пример витализма, возросшего на руинах почившего либерализма и скупого реализма. В 80-е годы уже вовсю заговорил нигилизм разрушения, и молодежная культура стала дробиться: всякие оттенки пессимизма, анархизма, даже сатанизма отчетливо проявились в музыкальных

стилях «панк», «дэд-рок», «трэш», «металл», «рэп». Самые современные молодежные течения, избравшие кумиром, к примеру, богохульствующую «Мадонну», подтверждают очевидность слов Евгения о том, что гуманизм без Бога неизбежно выродится в субгуманизм. Средства массовой информации создали лживый, дразнящий образ «героя», и молодежь тянется к нему. Это ли не исполнение того, что Евгений предрекал еще в 1961 году: «Сверхчеловек — порождение субгуманизма — личность яркая, но за внешней яркостью — пустота и заурядность, невидимые людям неискушенным».

А годом раньше, в августе 1960-го, он писал: «Современный человек в своем самообожании не гнушается никакими доступными путями, не замечая, что опускается всё ниже и ниже, в самую грязь, куда раньше брезговали ступать. В наш век все самые низменные человеческие наклонности, вся гниль будет раскопана, извлечена на свет и пожрана...» С тех пор человечество опустилось еще ниже. Важно отметить, что если раньше «раскопками» занимались лишь отдельные «просвещенные художники» или их группы, то теперь покопаться в грязи открыто предлагается всем*.

«Духовные» течения, о которых тоже упоминал Евгений, оперились, набрали силу. Движение «новых чудодеев» в 60-70-х возрастало как на дрожжах. Отчетливо проявились все стороны «новой духовности» и «нового христианства». Позже в книге «Православие и религия будущего» Евгений подробно выскажется обо всём этом. Движение «новая эра» — предвестник «века магии» — и стало «зрелищем» для богатых американцев, присытившихся «хлебом». Духовность, ставящая творение Божье на место самого Бога, появилась лет 10 назад в католической Церкви и согласуется с утверждением Евгения: «В «новой духовности» антихриста будут верить в мир непорочный, в человека, неизведавшего падение». Поверхностные, эклектичные теории, искусственно составленные «с миру по нитке», также изрядно расплодились с тех пор, как Евгений упомянул о них, анализируя витализм. Наиболее известный представитель эклектики — Джозеф Кемпбелл (ныне покойный). Его изыскания в «сравнительной мифологии» убедительны только для тех, кто лишен духовных корней, однако те, кто держатся основ традиционной религии и культуры, без труда обнаружат невежество и пустоту его учения.

---

* На телевидении, в театрах, видеосалонах, просто в журналах людям предлагают «развлечься» сценами пыток, убийств, увечий. Такое «развлечение» и есть «зрелище», которое, по словам Евгения, дóлжно придумать, пока люди не начали творить подобное в жизни.

В политике остается гадать, не является ли недавнее крушение «железного занавеса» и коммунистического режима в России тем самым «отмиранием нигилистического государства», о котором писал Евгений, после чего установится «небывалый в истории человечества правопорядок». Коммунизм сделал свое дело: разрушил старый мир. Теперь он должен «освободить место» для следующего этапа. Как указывал Евгений, для последних времен будут характерны не национальные раздоры, не коммунистическая удавка на духовной жизни человека, а видимое всемирное «единство» и удовлетворение духовных запросов искусными подделками.

Ровно за три десятилетия до падения Советов Евгений написал трезвящие пророческие слова: «Насилие и отрицание, несомненно, выполнят лишь подготовительную работу. Это лишь часть более обширного плана, цель которого несравнимо хуже, чем цель нигилизма. И если сегодня есть признаки того, что эра насилия и отрицания уходит, это вовсе не потому, что нигилизм «побежден» или «изжит», а потому что он исполнил свою роль и больше не нужен. Революция очевидно переходит из «злокозненной» фазы в «добродетельную». Нет, она не поменяла суть или курс, просто близка ее заветная цель, и, разомлев от успеха, она взяла передышку, предвкушая скорую победу».

Во время «перестройки» в России глава КПСС заявлял, что коммунизм долее не занимает враждебную позицию ко всему миру, ибо ныне повсюду есть организации, которые, хотя и не называют себя коммунистическими, работают в том же направлении. Масонство, «новая эра», секты иудаизма и псевдохристианства, большинство финансовых и промышленных магнатов, группы «политических интересов» — все жаждут одного: «нового мироустройства, невиданного в истории человечества», отличного от старого порядка с исконно христианскими принципами. Политические руководители США, вольно или невольно, тоже встали под знамя «нового порядка».

В рукописи «Царства человеческого и Царства Божия» Евгений отметил: «Последняя надежда современного человека оказалась на деле очередной иллюзией: новая эпоха после эпохи нигилизма, на которую так уповали, оказалась очередным и последним этапом революции. И движителем ее является уже не только марксизм. Сегодня едва ли не каждое правительство в ведущих развитых странах объявляет себя «революционным», едва ли не каждый влиятельный политический деятель, критикуя марксизм, не развенчивает его, а лишь «совершенствует», т. е. по сути дела призывает к тем же революционным целям. Полностью же отречься от революционной идеологии в

современном «высокоумном» мире — значит признаться в политическом бессилии...

Нигилизм — это болезнь, которой суждено развиваться до конца, т. е. пока не будут достигнуты цели революции. Некогда они являлись бредом воспаленного воображения небольшой кучки людей, сегодня же захватили умы всего человечества. Царство Божие отдалилось, путь Православия слишком узок и труден. Революция поработила «дух времени», противиться ее мощной поступи современный человек не находит сил, ибо для борьбы нужны Истина и Вера, искорененные нигилизмом».

Подвергая современное мышление суровой критике, Евгений хотел не просто показать его фальшь и сравнить с истинным традиционным христианством. Он верил, что помимо Христианской Истины каждый должен распознать в себе неправду, тот нигилизм, который невольно впитываешь в наш пагубный век. «Нигилизм живет в душе каждого, и если с Божьей помощью не ополчиться на него во имя полноты бытия живого Бога, нигилизм поглотит нас. Мы стоим на самом краю бездны — пустоты и небытия, и, сознаем ли мы или нет, что это за бездна, мы все вот-вот сгинем в ней, ибо мы тоже близки к внутренней пустоте и омертвению. Единственное спасение — прилепиться в полной и безусловной вере ко Христу, без Него мы — ничто».

Евгений работал над «Царством человеческим и Царством Божиим» в ту пору, когда многие мыслители (даже христианские, как Томас Мертон) говорили о кризисе современного мира. Евгений видел, что этот кризис — очевидное следствие отхода от абсолютной Истины, забвения Бога и преодолеть его можно лишь победив врага в душе своей. Евгений писал: «Существует множество «удобных» объяснений этого кризиса, нам предлагается некий «выбор», но что бы мы ни выбрали, поддавшись лживым объяснениям, всё ведет к нашей вечной погибели. Истинный кризис не вне, а внутри нас, и выбор таков: принять или отвергнуть Христа. Христос — вот наш кризис. Он требует от нас всего или ничего, только этот вопрос Он ставит перед нами, только на него нужно дать ответ. Выберем ли мы Бога, единственно Сущего, или нашу самость, пустоту, бездну, ад? Век наш зиждется на пустоте, и пустота эта совершенно необъяснимо открывает нам, тем, кто способен видеть, кризис всех людей во все времена — он предстает отчетливо и неоспоримо. Наш век велит нам, тем, кто способен слышать, выбрать живого Бога».

21

Перелом

Лишь наделенные глубокими чувствами способны глубоко мыслить.

Самуэл Тейлор Колридж.

Тот, кто не приемлет дух времени, духом времени обрекается на муки.

Вольтер.

РАБОТАЯ над «Царством человеческим и Царством Божиим», Евгений попутно написал очерк «Философия абсурда»[1], в котором рассмотрел последствия отхода от Истины в современной культуре. Он утверждал, что, «коль скоро смерть становится пределом человеческого бытия, всё в мире обессмысливается: и любовь, и добродетель, и святость». С утратой смысла вслед за утратой веры в Бога и в бессмертие души исчезает средоточие всех вещей. И не удивительно, что многие современные художники и мыслители изображают наш мир бессмысленным, абсурдным, а человека — опустошенным и утерявшим всё человеческое. «Можно сказать, что абсурдизм — последний шаг гуманизма прочь от Христианской Истины... — писал Евгений. — Мир обессмыслился только в глазах тех, кто некогда верил (и, очевидно, небезосновательно) в этот смысл. Другими словами, абсурдизм нельзя понять в отрыве от христианской веры.

Христианство, в первую очередь, — это взаимосвязь всех вещей, ибо Бог христиан упорядочил во вселенной всё сущее, как между собой, так и по отношению к Себе, Творцу. Христианин, чья вера крепка, видит эту взаимосвязь во всех сферах жизни. Для верящего в абсурд всё разобщено, разъято на части, в том числе и сама философия, коей уготован короткий век. Для христианина мир — единое целое, даже те вещи, которые, казалось бы, не связаны друг с другом, — части этого целого. Разъятость в абсурдном тоже, в свою очередь, лишь часть чего

то большего, взаимосвязанного... Никогда раньше не главенствовала в душе человеческой и в мире сем такая неразбериха и анархия. И неудивительно — человек отпал от Истины, от целостного восприятия мира, что открыто во всей полноте лишь во Христе».

Евгений считал, что творчество художников абсурда отчасти отражает существование без Бога, прижизненный ад, в котором пребывает их воспаленное сознание. В поисках истины очень многие (в том числе и сам Евгений) дошли до этой степени разочарования. Может, поэтому Евгений сочувствовал им более, нежели оптимистически настроенным гуманистам, тем, кто не в силах представить, к чему логически приведет их философия. Однако оставаться на этой ступени — смерти подобно. «*Всё вечно и всё взаимосвязано*, — писал Евгений. — Посему тщетны усилия сторонников нигилизма и абсурда. И последним для них доказательством явится огонь геенский. Всякая тварь земная, вольно или невольно, свидетельствует о всеконечной связи всего сущего. Связь эта — Любовь Господня, и она является даже в аду. И воистину пыткой эта Любовь Божия обращается для тех, кто отвергает ее».

В ЭТОТ период жизни рождались у Евгения и другие, не менее важные идеи — их можно найти на страницах его дневника, который он вел с 30-го июля 1960 года по 3-е апреля 1962 года. Об истинном искусстве он отзывается как об отражении взгляда художника на «незамутненную» реальность; о XX веке — как об эпохе суеверий; он пишет и об апокалиптическом звере — высшей точке себялюбия, самопоклонения; об олимпийских играх — еще одном средстве «объединения» людей на основе чисто внешних признаков; о национал-социализме, являющемся плодом современной революции, но не противодействием ей; приводит притчу о блудном сыне, как весьма поучительную для нашего времени, а Иуду называет первым «героем нашего времени». Евгений также указывает на верховодство в нашей жизни полового инстинкта, похоти, которая источила всю жизнь человека, вконец поработила его... Подобно тому, как сегодняшний человек напичкан политикой, он также напичкан и похотью, все его помыслы — об удовлетворении полового инстинкта, превратившегося в страшную порочащую силу. Но грядет «всемирный правитель», способный направить эту силу в нужное русло, как некогда сделал Гитлер.

В августе 1960 года на озере Бон Тэмп Евгений записал: «Какая восхитительная тишина! Изредка плеснет птица по воде или подаст

голос в лесу. Легкая рябь бежит по озеру. За ним гора. Здесь пребывает Дух Божий, но не следует его отождествлять с самой природой, уподобляясь пантеистам. Чудо, открывшееся мне, так же внезапно может и исчезнуть — будто и не было этого прекрасного видения. Это ли не подтверждает христианское учение: возрадуйся красоте мира сегодня, благоговейно, в страхе Божием возблагодари Творца и не помышляй о дне завтрашнем, ибо завтра — конец света».

В этом описании природы чувствуется влияние китайской философии. Даже размышления о быстроконечности всего земного типично китайские, хотя Евгений и связал их с христианством. Отрывок этот в очень сжатой форме излагает взгляд Евгения на всё сущее. Ненавидел он не мир — творение Божие, а то, во что превратил его человек, возомнивший богом самого себя. «Не мир безумен, а человек», — отмечал он в записках об абсурдном*. Но даже среди всей пагубы нашего времени Евгений искал добро. Обратимся опять к дневнику: «Зло не может существовать иначе, как по соседству с Добром. Будь век наш средоточием Зла — не было бы никакого выхода, пессимисты оказались бы правы. Но мы верим, что мир создан Христианским Богом, а не манихейским демиургом, а значит, хотя наша эпоха и являет в основном Зло, она (не столь явно) являет и Добро. Не то мелкенькое добро, о котором твердят «просвещенные» наши мыслители, неспособные заглянуть дальше банального. (Они признают только то, что «дает» человеку эпоха, т. е. являются рабами истории, — это ли не доказательство их духовной слепоты?!) Я говорю о том Добре, тайну и чудо которого могут постичь лишь те, кто способен претерпеть самое большое Зло». Искать внутренний смысл современности, писал Евгений, значит «стараться познать не то, что предлагает человеческая немощь, а то, что открывает Бог в Своем величии и непостижимой любви. И пусть скудоумные ломают голову над этим «противостоянием», мы же, христиане, да постигнем его истинный смысл, насколько возможно».

Всё написанное Евгением на озере Бон Тэмп пронизано любовью к природе, любовь эта осталась в нем до конца дней. Лишь любящий Бога способен полюбить творение Его, считал Евгений. «А любить творение нужно таким, каково оно есть, т. е. исходящим от Бога, значит, любя творение, волей-неволей любишь и Бога»** В то же время Евгений каялся, что «чересчур» любит природу. Это чувство

---

* Он как бы полемизировал с Альбером Камю, определившим абсурдное как попытку человека найти опору для разума в безумном мире.

** Полностью цитата приведена в гл. 17.

вины коренилось в его *подвижническом* ви́дении мира, оттуда же брала истоки его философия. Как бы ни было прекрасно творение Божие, ему рано или поздно суждено исчезнуть, Евгений же чувствовал свою причастность к вечности, к неотмирности. Творение Божие прекрасно, но не совершенно. «Если бы оно было совершенно, — вывел он, — люди бы удовлетворились им и не стремились к высшему».

Мы убедились, что еще до обращения в Православие Евгений претерпел немало страданий и понял: исполнение человека, равно и счастье его в мире сем не сыскать. Теперь же, приняв Христа и «умерев для мира» окончательно, он страдал от безумного одиночества. Он понял: христианство по своей природе — подвижничество, само познание Бога — подвиг. Как чужда была эта неотмирность «духу времени», которому поддались даже почитаемые Евгением философы: Бубер, Бердяев, Мертон — все они уповали на некую «всемирную власть», на «устранение войн», на «объединение всего человечества». «И лишь одинокие видят конечную цель. Остальные толкуют ее сообразно своим желаниям. Лишь одиночки живут, подчиняя желания этой цели, познав ее насколько возможно человеку», — писал Евгений.

Себя он, конечно, причислял к тем «одиночкам», кто более всего страдает от современного мирского зла. Свою жизнь он рассматривал как распинание себя ради Бога. Показательна следующая запись в дневнике: «Те, кто избрал путь христианства, пусть не ожидают ничего, кроме Креста. Так было со времен Христа. Его жизнь нам всем пример и предостережение: каждый должен незримо сораспять себя Христу, ибо это единственный путь ко спасению. Хотим воскреснуть со Христом — должны сперва смириться в Нем, так же стерпеть все унижения в безумном мире сем, который нас пожирает и исторгает.

Да, мы должны быть распяты на глазах всего мира, прилюдно. Ибо Царство Христово не от мира сего и миру ненавистно, даже в лице одного человека, даже на мгновение. Мир готов (причем в любое время) принять лишь антихриста.

Не удивительно, что трудно быть христианином, почти невозможно. Никто сознательно не изберет жизнь, в которой чем праведнее живешь, тем быстрее умрешь. Потому-то мы вечно ропщем, стараемся облегчить себе жизнь, пойти на компромисс со своей христианской верой, хотим и в мире сем преуспеть, и жизнь вечную стяжать. Но выбор сделать придется: либо счастье мирское, либо — вечное.

Дай же нам, Господи, силы идти путем Креста — иного для христианина нет».

Томас Манн писал в «Волшебной горе»: «В эпоху, которая не дает удовлетворительного ответа на вечные вопросы «зачем?», «в чём цель?», человек, стоящий выше среднего уровня, должен... нравственно отрешиться от мира, исполниться веры, но такое в наши дни редко и на такое способны лишь герои»[2]. Достойное описание Евгения! Ницше, определяя нигилизм, говорил: «Нет ответа на вопрос „зачем?"». И впрямь в современном мире Евгений его не нашел и заключил, что всё общество в большей или меньшей степени заражено нигилизмом. Правда, религия нынешнего общества вроде бы дала ответ, но он, по словам Томаса Манна, *неудовлетворителен.* Евгений отверг и эту обмирщенную религию, как менее явную форму того же нигилизма. Современные христиане, если даже и приняли ответ Христа на вечный вопрос, т. е. поняли, что жизнь земная — лишь приготовление к вечности, где всё наполняется истинным смыслом и содержанием, жили, однако, по мнению Евгения, словно и не слыхивали о вечности. «Антихрист появится не в обличьи великого бунтаря, — указывал он, — а из среды «вечно правых» людей, христиан, чья вера лишь на словах, кто удобно приспособил религию к мирской жизни, из среды пророков новой эпохи «духовного обновления» в царстве земном».

По мнению Евгения, для таких «теплохладных» христиан Царство Небесное — отдохновенная сень, где обретают «заслуженный отдых» после трудовой жизни, т. е. всего лишь «порождение их чувств, некое утешение тем, кто боится взглянуть в лицо своему неверию». Сам Евгений пришел к христианству после мучительных поисков Истины и понимал, что жить по заповедям Истины значит ежедневно распинать себя. Понимал он и то, что люди слабые, с шаткой верой, ищут в христианстве лишь «душевной приятности», дабы утешиться в мире сем. Они совершают добрые, по мирским меркам, дела, упиваются своим благочестием и совершенно уверены в обилии воздаяния после смерти. О таких хорошо сказал Т. С. Эллиот:

Век наш — пора обмельчания,
Зло и Добро умалились,
Люди душой сократились —
Некому Крест понести[3]

Видя такое христианство «со всеми удобствами», Евгений полнился горечью и отчаянием. Летом 1961 года в Кармеле он дал волю своему чувству в дневниковой записи:

«Кончилось очередное «низвержение в Мальстрем»*, в жизнь простых людей. Мне оно на пользу: своими глазами увидел живительную среду для антихриста. Повидав кармелских «христиан», понимаешь, откуда берутся все фанатичные антихристианские организации. Люди эти даже не теплохладны, зло, творимое ими, осязаемо, но столь мелочно, что любой, кроме смиреннейшего из христиан, придет в бешенство... Всё безумие, ярость и злоба столетий пестуется в этой уютной и респектабельной, тихой адской клоаке».

Однако христианская совесть не давала Евгению покоя. Он понимал, что и сейчас восстает против Бога, раз одержим такой ненавистью к ближнему. Пытаясь смирить бунтливые чувства, он пишет: «Вот ведь как искушает меня дьявол: хочет, чтобы я не увидел в этом смирном адском народце ничего человеческого. Да и возможно ли узреть в них образ Божий?

Весь мир предан лукавому. Господь же дает нам, избравшим стезю христианства, силы претерпеть крест среди этих людей и даже *ради них*. Да, мы слабы, раз идем на поводу у ненависти. Господи, дай нам смирение любить тех, кого — по самым отменным мирским меркам — надобно ненавидеть. Любить ненавистных и есть первая заповедь святого».

Но признав это, Евгений понял, что еще многое предстоит в себе переменить. Да, он убедил себя, что ненавистных надо любить, но еще не отказался от убеждения (хотя знал его ложность), что люди вокруг достойны ненависти. Наконец он пришел к единственному угодному Богу выводу: лучшая жертва Ему — дух сокрушен. «Если заглянуть глубже, то не я ли сам наиболее достоин ненависти?»

Так, в борьбе, Евгений смирял свою гордыню и бунтарский дух, что, бесспорно, свидетельствовало о его отходе от мира сего. Предстояло закалить и преобразовать себя в огне Божией Любви. Призывая других к покаянию и смирению, он знал, что должен начать с себя. Он опасался, что, ставя себя над «простыми» людьми, он не увидит своего участия в их «простых грехах», а яростно ополчаясь на «мир весь, который во зле лежит» (1 Ин. 5:19), он лишает себя радости, дарованной ему Богом в этой жизни. В его дневнике появилась такая молитва: «О Боже, не оставь нас, ищущих пребывать верными Тебе в эти последние дни, когда тьма поглощает нас, когда даже мир, который Ты сотворил поистине добрым, гнетет нас грехами и злом, умножившимся за века непослушания и своеволия. Редко мы находим радость в мире сем, который Ты сотворил нам в усладу. Из-за наших грехов сделался

---

* Ссылка на одноименный рассказ Э. А. По «Низвержение в Мальстрем».

он тяжким бременем. Мы, избравшие путь верности Тебе, сами оплетены грехами и злом, которые влекут мир в бездну.

И всё же вопием к Тебе, Господи, когда весь мир покинул Тебя. Доколе? Доколе, Господи, оставишь нас пребывать во тьме?

Мала наша вера. Знамений жаждем. Слабы мы, а дерзаем увещевать мир, ко грехам коего полностью причастны. Господи, помилуй! И да будет Твое пришествие скорым, ибо ночь не медлит и всякая надежда исчезает с лица обветшалой земли».

Уже говорилось, что этап столь болезненного неприятия мира был необходим для духовного и философского развития Евгения. Годы спустя, победив гнев и досаду, он улыбался, вспоминая некоторые свои писания той поры, говорил, что был тогда «глупым щенком». И всё же слова, продиктованные целеустремленностью и нравственным отстоянием от общества, обладают поразительной искренностью, юношеским пылом, чего в зрелые годы уже не встретишь. Тон всех последующих работ иной, в них главенствует Бог, противостоящий злу нынешнего времени. Но ни одним своим принципом из ранних работ Евгений не поступился.

Итак, он отринул дух антихриста в мире сем, продолжая свое развитие. И что же дальше? Ему мало обладать православным откровением, мало, отрешившись от всех и вся, писать критические статьи о современном обществе. Возлюбив Истину, страстная деятельная натура Евгения требовала большего. Старый приятель по Академии Джеймс уже воцерковился, но Евгению его приобщение к Церкви казалось пассивным, отвлеченным, следствием его восторженности интеллектуальной глубиной, красотой и пышностью православного обряда. Евгений верил, что одним из недугов современной цивилизации является «поклонение идеям», он считал, что Истина должна войти *практически* во всю его жизнь. Православие требует умерщвления самости, а Джеймс этого не достиг. Евгений же, умерший для мира сего, возжелал умереть за Истину. Числиться простым православным прихожанином казалось для него чересчур обмирщенным, он жаждал неотмирности, желал войти в самое сердце Церкви.

Для этого, во-первых, требовался человек, уже приобщившийся сути Церкви и готовый помочь Евгению, и во-вторых, необходимо было дело, коему стоило посвятить жизнь. Ни того ни другого у Евгения пока не было. Он еще не сблизился ни с одним из православных, истинным хранителем традиций (как Жи Минь-шень в китайской философии), а одна мысль, что придется служить Церкви на какой-либо

платной должности, была ему невыносима. Такое «служение» разрушило бы сложившийся у него образ Православия.

Евгений затосковал. Душа чаяла Царствия Небесного, хотя он понимал, что не выполнил еще своего земного предназначения. Неизвестно, сколько бы ему пришлось терпеть, не случись резкий перелом, внесший определенность в его жизнь. В 1961 году у Евгения серьезно заболел кишечник. Не в его характере было жаловаться, и он переносил страдания молча. Однако дневник отразил его переживания и размышления той поры:

«Почему боль и страдания лучшие учителя, нежели радость и счастье? Ответ прост: радость и счастье учат человека довольствоваться тем, что дает мир сей, а боль и страдания понуждают искать счастье глубже, за пределами мирского. Сейчас мне неможется, и я взываю к Господу: не для того, чтобы облегчить боль, а чтобы Иисус, Единственный, в Ком мы можем преступить пределы мира сего, пребыл со мной, пока я болен, и чтобы воля Его свершилась во мне. В счастье и радости я не призываю Господа, я доволен и думаю, что большего мне не надо. Философия удовольствия несостоятельна, ибо само удовольствие — преходяще и ненадежно, а боль — неизбежна. В боли и страданиях Христос обращается к нам. Посылая их, Он являет милость, равно и попуская зло — только так мы можем заглянуть за пределы земной жизни, если там и впрямь существует то, чего чают наши сердца.

И сколь безосновательными казались бы эти рассуждения, основанные лишь на воображении человека, не приди Христос и не открой нам, дотоле слепцам, глаза».

Евгению стало известно, что болезнь его считается неизлечимой. Он понимал, что это — наказание за грехи и что ему дóлжно уповать на милость Божию. Однако душа всё еще роптала: что-то не так, чего-то недостает. Неужто Бог обрекает его на смерть, не дав возможности оправдать земное существование? Однажды во время приступа, когда он записывал свои думы, малодушие взяло верх. В Евгении снова проснулся бунтарь, взъярился (хотя и не прямо) на якобы несправедливого Бога, но под конец сокрушенно возопил:

«Мы устали от жизни, ищем отдохновения, поругиваем мир и Того, Кто нас сюда привел и оставил в скуке и пустоте, изредка насылая боль. Почему? Всё от нашей ненависти к Богу, от нежелания стать истинными людьми — образом и подобием Божиим. Что бы мы ни делали, мы либо проклинаем либо благодарим Бога, нашего неисследимого Отца. Нам кажется, Он никогда не говорит, чего от нас хочет, молчит, когда мы взываем к Его слову, поражает нас язвами, когда мы

преуспеваем в праведности и любви, позволяет миру идти своим путем будто бы не внемлет или не заботится. Впрочем, и эти строки написаны в ненависти и слепоте. Господи, помилуй!»

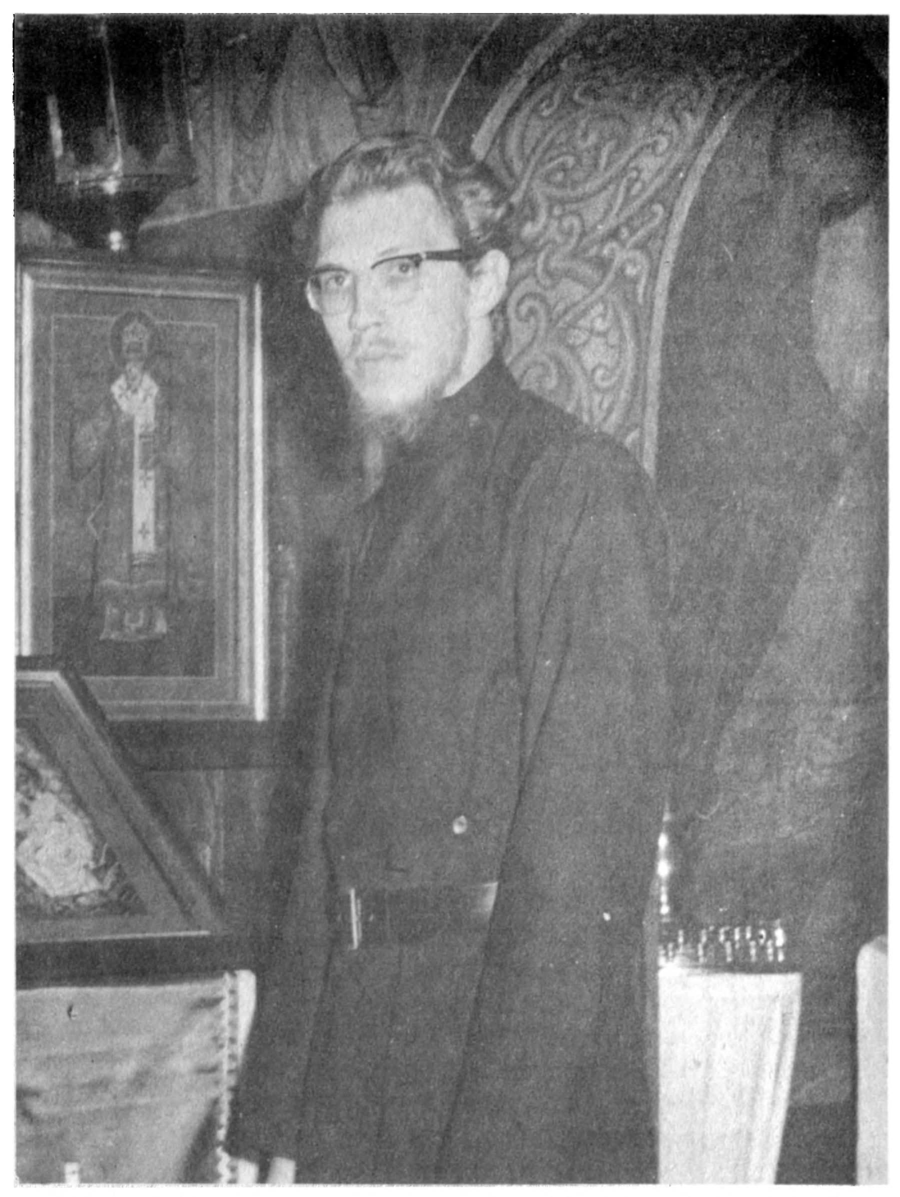
В один из этих тяжких дней Евгений заглянул в художественный магазин. Задержался у вращающейся витрины с открытками, и взгляд его упал на фотографию старинной сербской иконы Божией Матери* Он начал было молиться, но вновь волной накатил гнев, и Евгений не смог сдержать его. Гнев этот происходил от внутренней неуверенности, напряжения, когда, как ни пытайся, невозможно увидеть, что впереди. Сейчас он вывернул наизнанку всю душу, не скрывая от Богородицы отчаяния: «Ты родила Того, Кто дал мне жизнь! Того, Кто сошел на землю, дабы мы, приобщаясь Его, снедая Его, могли взойти на Небо! Вразуми, наполни смыслом мою жизнь! Помоги раскрыть дарованные таланты! Дай войти в Церковь Сына Твоего, пребыть в Его спасительной ограде, в самом *сердце* Церкви! Даруй послужить Сыну Твоему!»

В отчаянии он крутанул стенд с открытками и быстро вышел из магазина.

---

* Евгений не знал тогда, что икона эта называется «Троеручицей» и история ее удивительна. Написана в VIII веке великим богословом и песнописцем св. Иоанном Дамаскином. Иконоборцы отсекли ему руку. Он молился перед иконой об исцелении, и рука приросла. В благодарность за чудо он приложил к иконе Божией Матери изображение руки, т. е. «третью руку». Замечательно, что Евгений, не зная истории иконы, пришел к ней, когда сам нуждался в исцелении.

ЧАСТЬ III

Семинарист Глеб Подмошенский в церкви Свято-Троицкого монастыря-семинарии. 1959 г.

22

Откровение

Стучите и откроется вам.
Мф 7:7.

БОГ УСЛЫШАЛ отчаянную мольбу Евгения, указал ему путь служения. Помощь подоспела уже через несколько дней. Появился молодой русский, доселе незнакомый Евгению, старше его всего на полгода, также моливший о жизненном призвании. Звали его Глеб Димитриевич Подмошенский. И лишь один Господь ведал — их судьбы связываются теперь навеки.

Жизнь Глеба отличалась от жизни Евгения, складывалась трудно, но в то же время ему было доступно древнее православное мировоззрение, коренившееся в родной русской культуре, исстари богатой духовно.

Когда они повстречались, Глебу исполнилось 28 лет. Роста выше среднего, русоволосый, с небольшой бородкой. Общительный и изобретательный, «душа общества», умел повести беседу, увлечь рассказом. Натура артистическая (сказывалась наследственность по материнской линии), с прекрасным чувством юмора, блистающим порой тонкой «смешинкой» на манер Диккенса. Полагался он больше на интуицию, часто бывал непредсказуем и нетерпелив. Неуемный, жаждущий деятельности, почти всегда бывал занят «по горло». Отчасти под влиянием своего духовного наставника о. Адриана, речь о котором впереди, он научился прозревать человеческую натуру — подчас оценивал личность так, как иной и не помыслил бы. И оказывался прав!

Движимые большими идеями и, как говорится, слепленные из того же теста, что и «голодные художники», в этом они оказались близки с Евгением, несмотря на явные различия в характерах. Кроме того,

сердца обоих были неисчерпаемым кладезем любви, только Глеб не стеснялся выражать свои чувства. После прихода ко Христу любовь буквально вскипала в нем, это и привлекало к нему людей. Очевидно, именно Глебу предназначалось вытащить Евгения из темницы горечи и одиночества, отворить его любящее сердце.

В 1961 году, после длительного паломничества по Аляске и Канаде, Глеб посетил Сан-Франциско. Калифорния послужила ему последней остановкой перед возвращением домой в Бостон. Средства на это путешествие он заработал в православных приходах, устраивая показы слайдов на тему «Монашество в современной Америке». В русской общине Сан-Франциско о нем прознали и попросили провести встречи в храмах города. «Так я познакомился, — вспоминает Глеб, — с Марией Шахматовой, бывшей экономкой Приюта свят. Тихона Задонского в Сан-Франциско, основанного величайшим православным подвижником современности, блаженным Иоанном (Максимовичем). Она приняла меня с радостью, как старого знакомого, и сразу же упросила встретиться с одним из ее бывших сирот, чтобы я помог ему поступить в семинарию — он имел явные религиозные наклонности. Вскоре я познакомился и подружился с этим молодым человеком. Звали его В. Т. Он был моложе меня и полон планов: хотел стать миссионером в Норвегии и поступить в Московскую Духовную Академию. Он понимал, что надо нести Православие американцам, и решил представить меня одному из них. Я согласился пойти назавтра, после литургии на праздник Введения во храм Пресвятой Богородицы.

В тот день (21-го нояб./4-го дек.*) я причастился в соборе на улице Фултон, и мы двинулись в путь. Идти пришлось долго. День стоял солнечный, но холодный и ветреный, что обычно для Сан-Франциско. Нам предстояло посетить студента Берклийского университета, пожертвовавшего блестящей карьерой на факультете синологии ради того, чтобы написать книгу по философии нигилизма. Он зарабатывал на жизнь мытьем посуды в ресторане, хотел быть свободным и не связывать жизнь с ненавистным ему академическим миром».

Жил Евгений в квартире на первом этаже. В. Т. и Глеб постучали в окно, но затем увидели, что дверь не заперта, и вошли прямо в большую, довольно темную комнату. Одна стена была увешана иконами, которые освещались лампадой. Перед этими иконами стоял

---

* Первая дата дана по православному церковному календарю, вторая — по новому гражданскому стилю. Здесь и далее две даты даются только в связи с церковными праздниками. Когда присутствует только одно число — подразумевается новый стиль.

Евгений с котом Александром. Сан-Франциско. Начало 60-х годов.

Евгений. Был он в зеленом свитере, с трубкой в руке и, похоже, не очень-то обрадовался гостям, однако чувствовалось, что он весьма образован и воспитан. Он вежливо поклонился. Как открылось позже, Глеб показался ему знакомым.

Неожиданно Глеб воскликнул «по-апостольски»:

— Мир дому сему!

Евгений взглянул удивленно и настороженно.

— Где розетка? — спросил Глеб.

— Простите, не понял? — еще больше удивился Евгений. Заметив в руках у Глеба диапроектор, с которым тот почти никогда не расставался в путешествии, он указал, куда его включить. В ту же минуту Глеб начал показывать слайды, многие из которых сделал сам. Эту серию он называл «Святые места в Америке».

«Перед пораженным Евгением, — вспоминает Глеб, — предстал мир апостольского Православия. Красочные иконы, портреты святых и праведников, виды Елового острова преп. Германа Аляскинского, чудотворные иконы из Шанхая, игуменьи, схимники, скиты в Канаде, монастырь в Джорданвилле и Ново-Дивеевская женская обитель, которая восприняла и передала Америке традиции оптинских старцев. Я давал короткие пояснения к слайдам, пытался раскрыть «мученичество» Святой Руси. Под конец рассказал о своем отце, как его арестовали коммунисты, о том, как я пришел ко Христу, и что, в конечном счете, привело меня сюда.

Лекция кончилась, хозяин квартиры, Евгений Роуз, будущий о. Серафим, затаив дыхание прошептал: „Какое откровение!”»

23

Будущий брат

Иди на запад, юноша.
Гораций Грили[1]

ОТСТУПИМ на несколько лет и проследим жизнь того, кто принес Евгению откровение и кому суждено стать главным человеком в его судьбе.

До 13-ти лет Глеб жил в Европе. Еще до его появления на свет родители бежали от коммунистического режима из России в Латвию. Родился он в Риге 26-го марта 1934 года, и младенцем его крестили в Православной Церкви. Вскоре щупальцы коммунизма дотянулись и до Латвии. Когда Глебу было пять лет, арестовали отца, сослали в страшный воркутинский лагерь, там он и скончался четыре года спустя от голода*.

Глеба и его сестру Ию воспитывала одна мать, Нина Александровна. Родословная ее велась из двух русских артистических семей: дядя по отцу — знаменитый хореограф Михаил Фокин, а дядя по матери, Павел Филонов, — известный художник-авангардист. От Нины Александровны Глеб унаследовал любовь к классическому искусству и особую восприимчивость к изящному.

Неудивительно, что поначалу духовный мир открывался Глебу через эстетические формы. Он пишет: «В раннем детстве я испытал высокую любовь — то ощущение прекрасного, от которого мурашки бегут по спине. Мне было тогда лет 8-10, и, скорее всего, навеяли эту любовь напевы и картины природы. Я любил ходить по лесу и собирать букеты цветов. Помню ярко-голубое озеро, множество высоких желтых цветов. Там, в полдень, я впервые услышал жаворонка, он почти застыл

---

* Вплоть до 1990 года Глеб не знал точно, что его отец умер, в душе всё еще теплилась надежда, что он жив и находится где-то в России.

в воздухе и только изредка взовьется в небеса или упадет к воде. Пел он неописуемо хорошо. Я замер на месте, красота пронизала всё мое существо. Тогда-то я и испытал мощный, стихийный, всепоглощающий приток вдохновения и понял, что это — любовь. Была ли это любовь к жизни или жизнь сама казалась мне любовью? Нечто похожее я позднее нашел у Вордсворта: ярко-желтое безбрежье отражающихся в воде цветов, их колышет ветер, а в весеннем небе парит жаворонок, он поет песнь солнцу! В тот момент я почувствовал Бога, Его любовь. Позже я потерял это осязание свободы наедине с природой, вернулось оно лишь десять лет спустя, когда я вновь обрел Господа и любовь».

Во ВРЕМЯ второй мировой войны Глеб с сестрой и овдовевшей матерью были эвакуированы в Германию, где жили в бедности и неопределенности в лагерях для беженцев. В 1949 году им удалось эмигрировать в Америку, но и там их поджидали лишения. Мать заболела, и 17-летнему Глебу помимо учебы в Школе музыки и искусств в Нью-Йорке приходилось много работать, чтобы прокормить больную мать и младшую сестру, страдавшую эпилепсией.

Учась в колледже в Бостоне, Глеб, как и Евгений, вступил в период отчаянных душевных поисков. Его мать, из русской интеллигенции, не взрастила его в уповании на Бога. Тяготы и заботы рано легли на его плечи. Он мечтал о направляющей руке и клял судьбу, лишившую его отца. Его мучил вопрос: почему столько сил приходится полагать, дабы прокормить себя и семью? Он признавался: «Я замышлял самоубийство. Мой бунт был не сродни модным капризам битника 50-х годов, богатого мальчика, который, по выражению Толстого, «бесился с жиру». Нет, я страдал, потому что не знал ответа на вопросы, которые казались жизненно важными... Я хотел жить, но должен был знать зачем. Только потому, что родился? Чтобы бесцельно страдать и умереть? Я не просил рождения! Я хотел жить, но уже впал в отчаяние: всё представлялось невыносимо отвратительным. Какое-то поистине бесовское безразличие охватило меня, подавив даже естественный страх. Это можно назвать «тихим ужасом». Лишь прошедший через такое способен понять и помочь молодым людям, стоящим, как некогда я, на пороге самоубийства. Мне тогда не исполнилось и 20-ти лет».

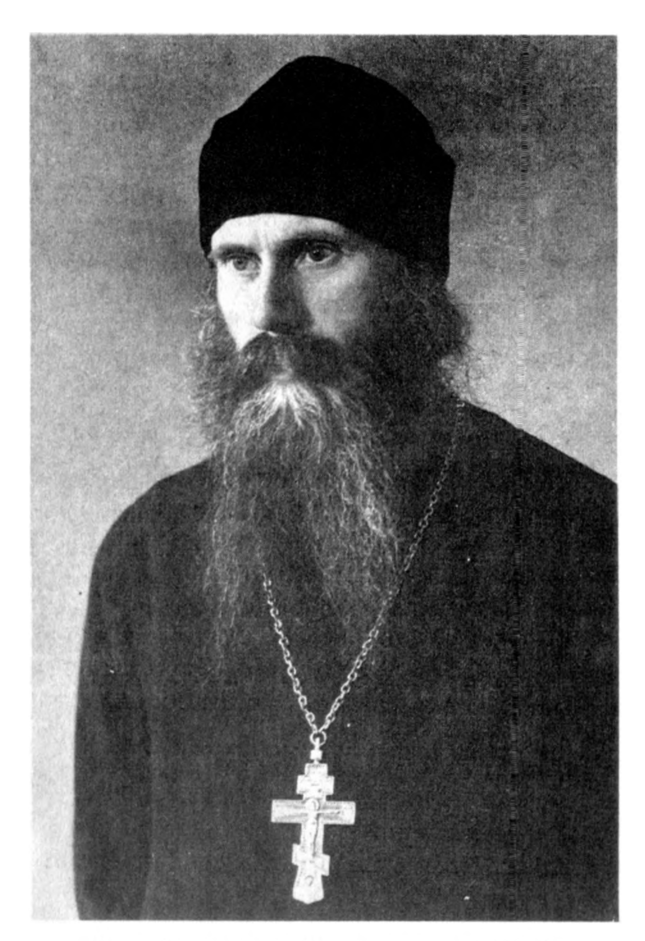
Только милостью Божией вышел он из такого состояния. Он уже стоял на мосту в Бостоне, помышляя свести счеты с жизнью, как вдруг в памяти всплыли несколько цветных картинок святого, знакомого еще с детства — преподобного Сергия Радонежского. Этот русский подвижник XIV века жил так, как устроил Творец — с Богом в сердце, в

объятиях природы. И тоненькая мысль пронзила Глеба: «Попробуй, а вдруг эта простая идеальная жизнь вдали от мирской суеты, в гармонии с природой и есть реальность? Если же и это обман, бред, «опиум для народа» — тогда покончи с жизнью...» Это было перед Рождеством.

В тот же вечер еще один случай отодвинул его от пропасти. Он, замерзший и промокший, плелся по улице, называвшейся Доро́гой Симфонии, что в Бостоне. Неожиданно к нему подошел незнакомый человек и предложил билет в Концертный зал, где давали «Мессию» Генделя. Величественный хор «Аллилуйя» воззвал напрямую к его душе, Глеб рыдал от радости и ликования в этой музыке. Благодаря высокому искусству и всепроникающей красоте он начал постигать — не умственно и не логически, — что человек есть дух и что цель его долгих поисков проста — это Бог.

Но только когда Глеб побывал в русском монастыре — всё окончательно прояснилось и стало на свои места. Он впервые столкнулся с верой отцов в ее полной славе. Вспоминая, как приехал в монастырскую церковь на Вербное воскресенье, он пишет: «Когда отворились Царские врата на всѐнощной Входа Господня во Иерусалим и я услышал величественный, громогласный хор, поющий антифоном по обеим сторонам алтаря, я испытал вновь то восхитительное чувство, что и при генделевской «Аллилуйе», — чувство, которое я тщетно искал во многих церквях, но нашел только сейчас — и оно покорило мое сердце! Я родился заново для жизни во Христе!»

В СВЯТО-ТРОИЦКОМ МОНАСТЫРЕ Глеба взял под свое покровительство молодой и деятельный иеродиакон Владимир. Невысокого роста, с яркими зелеными глазами, преисполненный радости и христианской любви. Глеб вспоминает: «После повечерья отец Владимир предложил: «Давай прогуляемся до кладбища». На нем был клобук и мантия. Он лучился радостью, и дух его, казалось, ликовал. Предложил: «Хочешь поговорим?» А я как раз прикидывал, раздумывал — стоит ли раскрывать самые потаенные уголки своей души? Мы пошли, и он начал: „Давай сначала я расскажу о себе, а потом — ты"». И поведал свою историю, которая в чём-то напоминала жизнь Глеба. Родился он в Черниговской губернии. В 14 лет был угнан германской армией, отступавшей из России. В советское время отец его был атеистом, и мать не позволяла себе говорить детям о религии, но когда пришло время разлуки (как оказалось, на всю жизнь), она открыла ему: «Имей в виду, ты крещеный». В Берлине, будучи «остарбайтером», он выкапывал людей из-под руин после налетов

Отец Владимир из Джорданвилля (†1979).

американцев. Именно здесь, в послевоенной стране, одинокий юноша и обрел впервые Бога. Он повстречал отца Адриана Рымаренко, священника с пылкой верой и вдохновением, собравшего христианскую общину из 40-50 мирян, в основном неимущих русских беженцев, и постоянно питавшего их своей неиссякаемой верой. Именно под его влиянием о. Владимир решил стать монахом еще в Германии, а теперь подвизался в Джорданвилле.

«Говорил о. Владимир очень долго, — продолжает Глеб, — около двух часов. Он открыл мне, что движет его душой, свой внутренний мир, и я был несказанно рад, что встретил доступного человека, коего

волновали такие же вопросы, кто уделял мне время, снисходил до меня, недостойного, подбадривал и шутил.

Закончил он рассказывать, и взвилось мое сердце, захотелось излить всё, что накипело. «Теперь расскажи о себе», — попросил он. И я выплеснул всё: как жил, страдал, мучился сомнениями… Так и произошло мое «перерождение», среди ночи, на дороге между кладбищем и монастырем. Сколько сил дал мне этот разговор!

Неужто мы расстанемся?! Страшно подумать: ведь я встретил человека, которому я дорог таков, каков я есть. Прощаясь со мной ночью накануне отъезда, он перекрестил меня, обнял и поцеловал. Я был потрясен: как же холодно и бездушно я до сих пор жил! А он улыбнулся, повернулся, и его черный клобук исчез в ночи… Я вышел из монастыря, небо было усыпано звездами, стояла теплая летняя ночь, пахло сеном. И я подумал: вот бы никогда не расставаться с о. Владимиром. Утром, уже прощаясь, он повторил те же самые слова: „Не волнуйся, мы не расстанемся вовек"».

Отец Владимир открыл для него подвижническую, мистическую сторону православного христианства. Перво-наперво он дал Глебу житие преп. Серафима Саровского (†1833), одного из самых любимых святых земли русской.

Все, кто знал Глеба, заметили после его «перерождения» разительную перемену. До этого он слыл «мрачным Глебом». Теперь же он был внутренне счастлив и окрылен: открылась цель, ясная и неотложная. Он изменился настолько, что, как сам говорил, мир предстал в других красках.

Душа Глеба жадно поглощала русские святоотеческие писания. Он знал, что помимо преподобных Сергия и Серафима было очень много пустынножителей — отшельников, пребывавших в единении с Богом среди бескрайних лесов России вплоть до нашего столетия. И особенно взволновали его жизнеописания старцев Оптиной пустыни, они продолжили традицию пустынников рославльских лесов и представляли в истории современной Церкви одно из самых необычайных явлений. В XIX и начале XX века старцы оказывали огромное влияние на русское общество, вызвав широкое процветание святости. Выполняя древнюю пророческую роль Церкви*, они даром Божьим проникали в людские сердца и целили раны душевные и телесные. Их пророчества и открытые Богом тайны привлекали искателей духовности со всей Руси, их посещали Достоевский, Гоголь, Толстой.

---

* Еф. 4:11; 1 Кор.12:28, 14:1,3.

Опять же с помощью о. Владимира Глеб познакомился с учеником святого Нектария (одного из последних оптинских старцев), о. Адрианом Рымаренко, кто привел о. Владимира в церковь. Ныне уже пожилой, о. Адриан со своей матушкой жил в Спринг Веллей в штате Нью-Йорк, где основал Ново-Дивеевскую женскую обитель. Так же, как и в Европе, он духовно окормлял мирян из христианской общины, собравшихся вокруг него.

Вместе со своей паствой о. Адриану выпало много пережить. Во время второй мировой войны его родному сыну осколком от бомбы снесло полголовы. Отец Адриан воспринял этот удар мудро, и пережитое помогло ему еще более поддерживать и утешать окружавших, и люди тянулись к нему. Священник, духовник, проповедник, он привлекал сотни, тысячи душ в Церковь своим богослужением и образом жизни. Он отдавал ее своей пастве. Столько отеческой любви дарил он, что его прозвали «суперсвященник».

Пастырство о. Адриана зиждилось не на его собственных измышлениях, а на всём лучшем, что он унаследовал от своего учителя — старца Нектария. Тот скончался в 1928 году под епитрахилью о. Адриана, и благодать оптинского наследия, несомненно, снизошла на последнего. Подобно своему наставнику, он становится истинным сердцеведцем: взглянув раз на человека, уже мог сказать, что необходимо тому сейчас, причем каждому свое, потребное только ему.

До встречи с о. Адрианом Глеб не знал о нем всего и в первый раз пошел к нему не добровольно, а только в послушание. Глеб говорил, что ему достает духовных наставлений монахов Свято-Троицкого монастыря, однако о. Владимир ответил: «Нет, поскольку ты еще в миру, тебе нужен священник-духовник, который также в миру, но живет во всей полноте христианского подвижничества». Он велел Глебу ехать до Нью-Йорка, дальше вдоль реки Гудзон до маленького женского монастыря. «Не пожалеешь», — прибавил он.

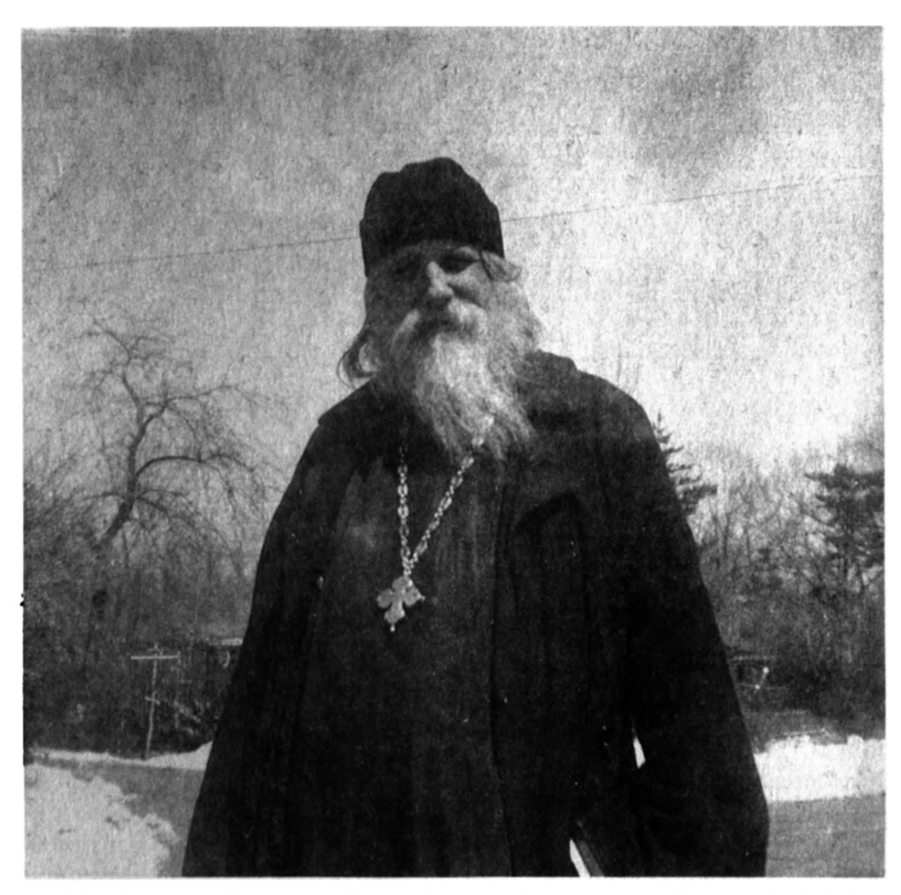
Вспоминая первую встречу с о. Адрианом, Глеб пишет:

«Сначала ехал на поезде до Нью-Йорка, потом на метро через весь город, затем час на автобусе до Спринг Веллей и еще около часа пешком до монастыря. Обитель занимала небольшую усадьбу в пригороде, по соседству с местным аэропортом, и, казалось, стояла здесь совершенно не к месту, равно и не ко двору в моей новой жизни. В Ново-Дивеевской обители я никого не знал и не представлял, что меня там ожидает. В моем воображении рисовались только картины старого Дивеевского монастыря. В то время из православной литературы я прочел лишь чудное полное жизнеописание преп. Серафима Саров-

ского, житие преп. Сергия Радонежского и только начал «Откровенные рассказы странника своему духовному отцу», сразу пленившие душу поразительной силой. Но в Ново-Дивеевской обители я еще не искал совершенный способ молитвы, как тот странник. Я едва только духовно родился, был восприимчив ко всему и лишь учился жить в атмосфере Церкви, которая еще оставалась для меня неизведанной страной. Не помню уже, кто показал мне дом о. Адриана. Он стоял прямо посередине двора, слева за небольшой белой, еще недостроенной церковью, увенчанной красивым голубым куполом. Перед ней открывалось поле, усеянное белыми ульями. Огромная плакучая ива роняла ветви между алтарной частью храма и домиком о. Адриана: два окна, меж ними — крытое крыльцо.

На мой робкий стук отворила пожилая женщина, матушка, она и позвала о. Адриана. Открылась дверь справа, и он пригласил меня в небольшой, очень уютный кабинет с невысоким потолком. Предложил сесть в кресло у окна, напротив красного угла со множеством старых, почерневших икон и горевшей лампадой. Сам сел на диван у стены, покорив меня душевной улыбкой… Он был высок и очень красив. Ярко-голубые глаза светились радостью, сам же, хотя и серьезен, был необычайно обаятелен. Приехал я не для того, чтобы найти старца, понятие о «старчестве» сложилось позже. В то время мне хватало того, что я получал в джорданвилльском монастыре. Не мучали меня и «неразрешимые» вопросы. Я просто пришел в гости, хозяин понял это и начал расспрашивать о жизни. У него оказался очень приятный тенор. Я отвечал кратко и незначительно, уделяя больше внимания портретам монахов в клобуках на стенах, нежели беседе… И вдруг он ошарашил меня вопросом относительно одного моего греха. Я был поражен такой прозорливостью, о таком даре я и не предполагал. Он придвинулся ближе и, глядя прямо в глаза, открыл обо мне такое, о чём я раньше даже и не догадывался.

Беседовали мы не очень долго, но я окончательно утвердился: передо мной всезнающий, заботливый и, несомненно, доброжелательный отец, которому ты нужен такой, какой есть, кто не пытается загнать тебя в свои «праведные» узкие рамки. Я плакал, но не только потому, что разговор тронул мое сердце, а потому, что обрел нечто совершенно замечательное, к чему душа стремилась многие годы. Внезапно возникла тысяча давно мучивших вопросов. Отец Адриан рассказал в двух словах, как самому найти ключ ко всем ответам. Объяснил, что такое зло; что цель человеческой жизни на земле открывается через ежедневный круг церковных богослужений; поведал, что икона — это окно в Небо, которое мы отворим для себя, познавая

Отец Адриан (в будущем архиепископ Андрей) из Ново-Дивеева (†1979).

святых; что живопись, музыка и все виды искусства — как и молитва — путь к Богу-Создателю; что отношения в семье — это тайна Богопознания; открыл, что такое праведность; что такое мужское и женское естество; что есть Богословие; в чём наш долг перед обществом, перед страждущей Россией и перед Америкой, которую он любил. Но более всего он восхищался оптинскими старцами, чьи лица излучали свет с портретов вокруг меня. Один из них — Нектарий — был его духовным наставником, о чьей жизни в гонимой России написала в журнале, издаваемом в Джорданвилле, матушка отца Адриана[2]. Сам он то и дело ссылался на батюшку Нектария, присовокупляя необычные и даже смешные истории из жизни своего учителя».

Как и для о. Владимира, о. Адриан стал для Глеба духовным наставником — отцом, коего он мечтал обрести. И, несмотря на слабое здоровье и необыкновенную занятость, о. Адриан приложил немало сил, чтобы духовно образовать Глеба. Последний вспоминает, как тот передавал ему учение отцов Церкви о хранении ума и очищении сердца:

«Он нарисовал прекрасный лик чистой девы, которую должны казнить завтра за любовь и веру во Христа. Она идет по темным, сырым, холодным лабиринтам катакомб с мерцающей свечой — только этот огонек поможет ей добраться до тайного места — туда, где христиане празднуют таинство Евхаристии, где она, причастившись Христу, войдет в Его Царство. Всё ее будущее в вечности зависит от этого мерцающего огонька, зовущего прочь от безжалостного мира тьмы. С каким же благоговением и трепетом должна она хранить пламя этой свечи, чтобы обрести возжеланную для нее жизнь!

«Дева, — объяснил о. Адриан, — это душа человеческая, обязанная хранить свет познания о Боге и остерегаться всяких неблагоприятных воздействий, способных затмить или даже погасить «свет, пришедший на землю, дабы спасти грешников»... Как важно хранить наши чувства, коими мы воспринимаем и познаем жизнь! Наше осязание жизни, наша любовь к ее Источнику должна быть чиста перед Ним, чтобы лучше расслышать Его голос в наших сердцах — средоточии дарованной Богом жизни. Нужно постоянно блюсти, очищать, «протирать» наши чувства, дабы продолжал гореть тот просвещающий нас огонек свечи — «свет Христа, озаряющий всех». Свет этот — Божественная Благодать...»

Отец Адриан поднялся, я видел, как он воодушевлен. Почти шепотом он велел идти за ним.

Дверь позади, очевидно, вела в молельню. Я вдруг ощутил, что это его святая святых, и я удостоился права войти туда. Прямо перед нами, в красном углу — множество всевозможных икон и аналой с раскрытыми книгами, Псалтирью и прочими. Сверху возобладала над всем черно-белая фотография: голова Христа со знаменитой картины Васнецова. Страждущий, изможденный Спаситель в терновом венце словно пронизывал взглядом. Вот объяснение о. Адриану! Святой Лик выражал страдания. Но почему?! Меня никогда не убеждали объяснения страданий, ведь Христос победил боль и смерть. Почему же нам необходимо страдать и впредь? Если уже одна наша приверженность Ему обещает вечное блаженство, почему мы всё еще должны страдать здесь на земле, как в ветхозаветные времена?..

От рубиновых иконных лампад, казалось, пламенела вся маленькая комнатка с низким потолком — настоящая келья старца. Меня

охватило необыкновенное благоговение, даже некий трепет. Отец Адриан поклонился святыням и начал мне их показывать, а я так же подходил к каждой, кланялся и целовал. Там были крошечные частички мощей киево-печерских святых и др. Особо задержался он на св. Агапите-Целителе, кто всегда помогал ему в недугах; показал св. Иоанна Многострадального, который зарыл себя в землю, дабы избежать искушения; Моисея Угрина, питавшего голодных — то же делал сам о. Адриан в страшное советское время.

В комнате стояла почти осязаемая тишина. Всё это время батюшка говорил шепотом, да иначе и быть не могло, рядом — Святость. Он положил руку на сердце и начал рассказывать о внутренней мирности, внутреннем делании, спокойствии и молчании. Я боялся, что от обилия впечатлений не смогу запомнить всё важное, но не посмел прервать его: теперь, обратясь к иконам, он говорил как бы сам с собой. И тут я неожиданно постиг ту сладость страдания, что оставил нам Христос. Как я не понимал раньше, что эта пронизывающая боль необходима, дабы сохранить чувство приобщения к Святости.

Круговерть мыслей остановилась, они просто растаяли в сосредоточенной молитве. Я внезапно ощутил ответственность за каждое свое слово, мысль, чувство: так легко загрязнить, исказить или даже стереть источаемую вокруг Божественность. Сама боль осознания этого есть сладость, недаром в Акафисте Спасителю Он именуется «Иисусом Сладчайшим». Страх греха — это совершенно отличный вид страха, смелый, героический, можно даже сказать, «бесстрашный страх», когда боишься потерять только лишь вдохновляющее «стояние пред Богом», словно вот-вот умолкнет сладкозвучная струна, связывающая нас с Творцом, и всё из-за нашей же беспечности, неумения хранить чувства, ибо позволяем им свободно бродить в кромешной тьме лабиринтов падшего мира».

Отец Адриан всегда подчеркивал, сколь важно стремиться ко внутренней *тишине*, через чистоту и боль сердца. Ее плоды он видел, глядя на своего старца Нектария, тот иногда полностью погружался в надреальный Свет Божества*. Но *тишина* эта — «мирность» — была не сродни бездействию. Многократно повторяя слова старца Нектария, он учил, что христианство — это *жизнь*, живая апостольская сила.

В один памятный день он привел Глеба в монастырскую церковь, взял за руку и повел к фрескам на стенах, изображавшим святых на небесах. Глеб чувствовал тепло его ладони и видел, как тот лучился

---

* В православной вечерне Иисус Христос воспевается как «Свете Тихий... Отца Небесного».

радостью. Вышли на улицу — небо переливалось звездами. Внезапно о. Адриан спросил: «Почему Бог волной вынес нас на просторы американской земли? Почему рассыпал нас — словно звезды по небу — среди добрых американцев? Не для того ли, чтобы мы до наступления конца света успели воссоздать здесь жизнь Святой Руси, как свидетельство истинного христианства?» Устраивая обитель, мирскую общину, о. Адриан пытался воздвигнуть как бы православное небо над Америкой, заронить семена древней православной жизни в почву этой свободолюбивой страны, привнести сюда потерянную внутреннюю *тишину*. Эти апостольские идеи были абсолютно новыми для Глеба. Отец Адриан буквально открыл перед ним новые горизонты.

В 1958 ГОДУ Глеб поступил в Свято-Троицкую семинарию при монастыре в Джорданвилле. Для сей духовной школы то была пора расцвета. В ней преподавали выдающиеся наставники: архиепископ Аверкий — живой исповедник нашего времени, религиозные мыслители архим. Константин (Зайцев) и И. М. Андреев, богослов прот. Михаил Помазанский. Глеб напитывался здесь живыми традициями Русской Церкви, воплощенными в праведниках, на коих зиждилась и коими творилась Святая Русь.

Когда Глеб познакомился с Евгением, учеба была уже позади, и он серьезно и искренне искал применение полученному богатому духовному багажу, но истинное призвание, как и Евгению, пока не открылось. Его монашеству противилась мать, она грозила проклятием, если тот примет постриг. Под влиянием о. Адриана мысли его обратились к апостольству, к евангельскому делу православного просвещения Америки. Пример он нашел в служении преподобного Германа Аляскинского, монаха-подвижника святой жизни, одного из первых миссионеров на американском континенте. Более того, Глеб увидел в преп. Германе своего святого заступника перед Богом, которого можно попросить об указании дальнейшего жизненного пути (хотя преп. Герман в то время не был еще прославлен Церковью).

Монах Герман прибыл на Аляску из северного русского монастыря Валаам в 1794 году. На отдаленном Еловом острове, в тиши лесов, он жил в полном единении с Богом и проповедовал Евангелие местным жителям — алеутам, заботился об их осиротевших детях. Здесь же и преставился в 1836 году… Однажды весной, незадолго до окончания семинарии, Глеб впервые прочитал о его жизни в книжице, изданной на Валааме в 1894 году. Позже он вспоминал: «Я был поражен тем, что совсем рядом со мной, на том же материке жил и

Слева направо: архиеп. Аверкий, семинарист Глеб и о. Владимир перед церковью Свято-Троицкого монастыря. 1958 г.

обрел вечный покой человек высокой святости. У меня даже есть возможность прийти к нему, русскому Святому, — в Америке! Прийти с прошением, с молитвой обо всём, в чём нуждаюсь. Он поможет, укажет, как устроить жизнь в Боге и что мне делать. Но нельзя ехать к нему простым путешественником-туристом. Нужно выстрадать этот путь, без денег, без всего...

Я был поражен не только мыслью, что частичка Святой Руси действительно находится в Америке, душа возгоралась от задумки о. Адриана — взрастить это семя на американской земле, он так вдохновенно рассказывал, так старался воплотить свою мечту в Ново-Дивееве. О Боже! Пустынный остров на Аляске! И там — нетленное тело Святого! Проехать через всю страну, без денег, как заповедано в Евангелии, оказаться рядом с многострадальной Россией, но главное — получить от Преподобного ответ. Всё, как было на Руси! Мысль казалась безумной, но я решил не отступаться.

Примчавшись обратно в монастырь, влетел в келью о. Владимира и заявил: «Только не говорите, что это безумие, выслушайте. Всё равно, сделаю, как решил: окончу семинарию и в тот же день без денег поеду на Аляску просить о. Германа ответить, как послужить Богу. Только не смейтесь!»

«Совсем и не безумие, — о. Владимир очень серьезно посмотрел на меня, — твои праотцы (он всегда напоминал мне о них, т. к. мой отец был из Пскова и о. Владимир считал это важным) паломничеством ко святым получали спасение! Я совсем не считаю это сумасшествием или чем-то смешным. Мысль замечательная. Богом посланная! Попомни мои слова: не успеешь оглянуться, как всё устроится, и ты отправишься в путь. Только после возвращайся прямо сюда». И он с любовью благословил меня.

Я изумился, но поверил, что это от Бога! Так и оказалось. Отец Владимир рассказал, что переписывается с одним старым отшельником с этого острова, архимандритом Герасимом. Я отправил ему письмо и получил приглашение приехать летом. Дело оставалось за малым — найти средства. И мне пришло в голову: по дороге на Аляску давать лекции с показами слайдов, посещая церкви, привлекая семинаристов».

ДЕНЕГ, ВЫРУЧЕННЫХ от лекций, хватило, чтобы добраться до Аляски. Глеб приехал на Еловый остров в августе 1961 года. Проплутав несколько часов в лесу, наконец набрел на старое монашеское поселение преп. Германа. Отца Герасима он встретил в часовне, которую тот поставил на месте землянки Преподобного. В пятистах

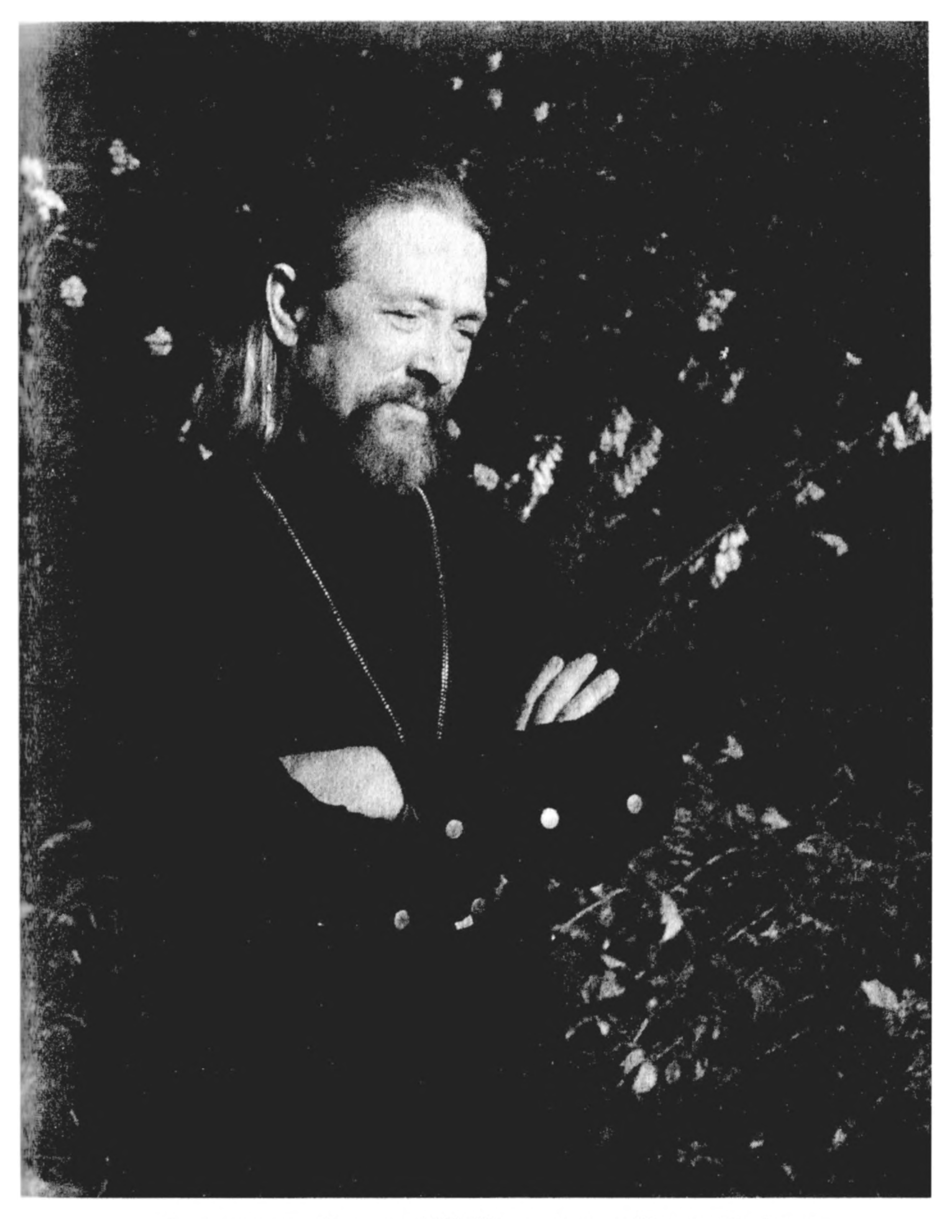
шагах — Монашеская лагуна и рокочущий океан. При первом взгляде на настоящую келью отшельника Глеб даже испугался. «Я вдруг ощутил, — пишет он, — что всё это неподдельное, как на Святой Руси, очень отрешенное от мира, как и путь самого Германа».

В Свято-Троицкой обители некоторые предупреждали Глеба, чтобы тот остерегся о. Герасима, дескать, тот сумасшедший и — что еще хуже — «неканоничный». Ходили слухи, что он к тому же коммунист, масон и еще невесть кто. Познакомившишь с ним, Глеб с облегчением вздохнул: всё — вымысел и наговоры. Отец Герасим оказался простым и сердечным, с огромной любовью к монашеству, несмотря на годы лишений и одиночества. «Я ему очень понравился, — вспоминает Глеб, — у нас оказалось много общего: наши родители были одного и того же сословия, и он также любил моего духовного отца — о. Адриана, с коим переписывался».

Отец Герасим не примыкал ни к одной «политической» группировке иерархов, за что поплатился: его не признавали и даже презирали. Он невыразимо страдал, наблюдая раскол Русской Церкви после революции, но сам не принимал ничью сторону. Говорил: «Я молюсь за всех и поминаю всех». Одна «юрисдикция» обвиняла, что он принадлежит к другой, в то время как последняя причисляла его к первой. На вопрос «Из какой вы юрисдикции?» он неизменно отвечал: «Из Христовой». Отсюда сразу заключалось, что отшельник повредился в уме. Это давало богатую пищу для всевозможных слухов, которые и достигли Глеба перед отъездом.

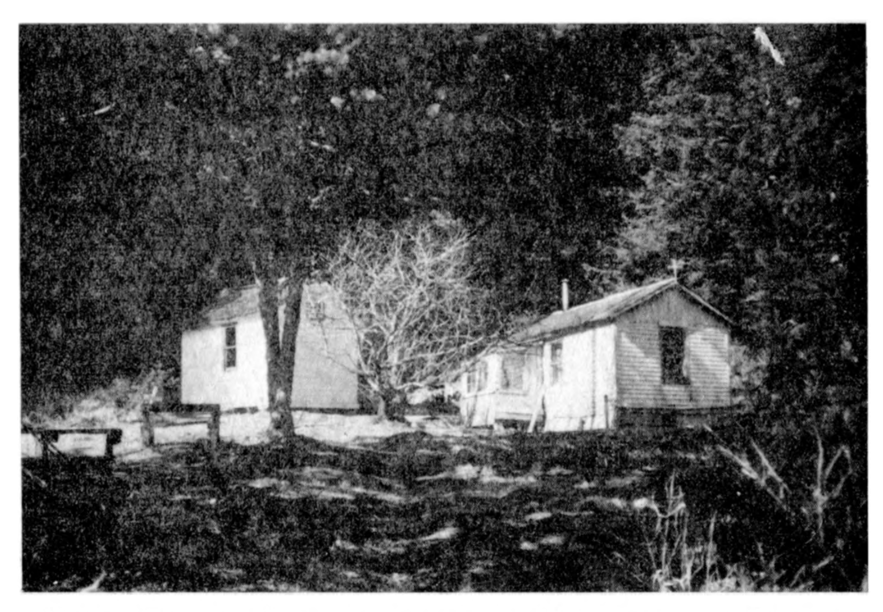
Глеб убедился, что о. Герасим жил по велению боголюбивого сердца. Молодой паломник очень огорчился, что подлинного носителя духа Святой Руси не ценят и не понимают в Америке. Ни в своей семинарии, ни где бы то ни было он не встречал такого подвижника — пустынножителя, охотно отошедшего от мира и даже принявшего хулу церковной верхушки, для того чтобы жить истинно в Боге, по совести, держась монашеского призвания. На острове о. Герасим находился с 1935 года. Ухаживал за могилой, следил за мощами преп. Германа и поддерживал монашеский уклад жизни «Нового Валаама», как называл это место сам Преподобный в память о своем любимом русском монастыре. И Глеб понял, что перед ним тот самый человек, появление которого о. Герман предвосхитил за сто лет: «Монах, как и я, убежит от людской славы, придет и поселится здесь...»

Поездка на Еловый остров совпала с началом Успенского поста. Отец Герасим устраивал службы у себя в келии и поминал всех людей, встретившихся в жизни: «Список был поистине бесконечен, — вспоминает Глеб, — каждое имя омывалось его слезами. Его пылкая молитва

Архимандрит Герасим (†1969), отшельник Нового Валаама.
Еловый остров, Аляска.

Монашеская лагуна. Еловый остров. Фотографировал Глеб во время паломничества на Аляску в августе 1961 г.

Келья о. Герасима. На заднем плане часовня Калужской иконы Божьей Матери. Фотография наших дней.

тронула меня до глубины души, она захватила меня — это было взывание к Богу о заступничестве, упрашивание. Я не мог сдержать рыданий, исходивших из самого сердца. Но в слезах ощущалась не печаль, а, скорее, сладость и необъяснимое раскаяние сердца… После молитвы он особенно исполнялся жизни и радости. Угощал меня чаем и испеченным собственными руками пирогом с лососем. Вокруг не было ни души, и только сияющие звезды над гигантскими темными елями могли засвидетельствовать его многолетнее духовное *стояние перед Богом*»[3].

Прошла неделя, но Глеб еще не нашел в своем сердце ответа на вопрос: как жить дальше. Как бы не пришлось возвращаться домой, так и не достигнув основной цели.

Но вот что случилось… Перед Успением к о. Герасиму приехали его старые друзья из городка Кадьяк. Он был в прекрасном настроении и встречал их очень радушно. Глеб же тем временем отошел к небольшому, заросшему папоротником источнику, из коего в бытность свою сам Преподобный доставал воду. Сев на замшелый пень у журчащего потока, он открыл книгу, взятую из хижины о. Герасима. Это были жития русских подвижников. И вот, наугад перевернув несколько листов, он попал на главу о преп. Серафиме Саровском.

«Как-то в конце 1832 года один монах спросил старца:

— Почему мы не имеем строгой жизни древних подвижников?

— Потому, — отвечал старец, — что не имеем *решимости*, а благодать и помощь Божия к верным и всем сердцем ищущим Господа ныне та же, какая была и прежде, — и мы могли бы жить как древние отцы, ибо, по слову Божию, Иисус Христос „вчера и днесь той же, и вовеки”»[4].

Словно озарение снизошло на Глеба: дело в том, что он еще не *решился* полностью сораспять свою жизнь Иисусу Христу, не изжил самость, поэтому Бог молчал. Вскочив, Глеб побежал по тропинке, но не к хижине, а в другую сторону и скоро оказался у большой белой часовни, построенной местными жителями над могилой Преподобного. Упав на гробницу, он принялся истово молиться…

А незадолго до этого, за тысячу миль отсюда, в одной из книжных лавок Сан-Франциско Евгений отчаянно молил Божию Матерь: «Дозволь мне служить твоему Сыну!»

Как и Евгений, Глеб готов был вырвать сердце, чтобы принести его на жертвенный алтарь. Он обрел решимость, памятуя слова преп. Серафима: «Разрешил себя Господу, предал себя в Его руки, а дальше — будь что будет!»

Вдруг Глеб услышал тихий, мягкий голос, идущий, казалось, из усыпальницы: «*Мечтай!*» — только одно слово... Может, ему показалось? Может, он сходит с ума? Но нет, он ясно слышал! Не было сомнения! Всё так очевидно: только что он посвятил жизнь Богу, предал себя Творцу, и Господь через своего святого, о. Германа, спрашивал о его желаниях.

«Пошли мне такого же идиота, как я сам, — взмолился Глеб, — кто бы понял меня, понял, чего я хочу».

И опять он услышал участливый голос: «*А еще?*»

Глеб едва перевел дух. Если его просьба исполнена, он должен как-то отблагодарить Святого.

«Даруй мне братство, — произнес он с трепетом, — братство, которое прославит тебя и объявит о тебе миру».

И едва договорив, выбежал из часовни, будучи не в силах более оставаться наедине с такой святостью. Он помчался обратно по тропе к о. Герасиму, коего застал за приготовлением чая для гостей. «Я получил ответ!» — воскликнул Глеб. Тот с почтением перекрестился и сказал просто: «Слава Богу!» — даже и не узнав, в чём дело.

Что же все это значило? Когда Глеб просил себе такого же «идиота», думал он прежде всего о жене, разделившей бы его мечты и помогавшей их воплотить. Он был знаком с несколькими благочестивыми девушками, но те скорее желали создать уютный дом, их не увлекли бы романтические идеи Глеба о жертвенной миссионерской работе. Мать всегда называла его «идиотом» за любовь к «несбыточным» мечтам, и Глеб решил, что только другой «идиот», как и он сам, может полностью понять его.

Вторая же просьба, родившаяся внезапно в благодарность о. Герману, не имела таких четких очертаний. Он уже подумывал о группе или объединении верующих, которые поддержали бы дело канонизации этого, без сомнения, святого подвижника и помогли бы о. Герасиму создать монашескую обитель на острове. Глеб верил, что пример преп. Германа будет очень убедителен для нового поколения американских богоискателей. Поняв суть столь модного в ту пору настроения неприкаянности, ненужности в среде задыхающихся от материального изобилия молодых людей, Глеб пришел к выводу: сегодня американской душе нужна православная идея *подвига*, духовного подвижничества, самопожертвования ради высокого, благородного дела. В Новом Свете жизнь уже давно устоялась, но дух пионеров-переселенцев, дух свободных людей, борцов не умер. И в образе отца Германа — смиренного монаха, жившего наедине с Творцом в далекой северной пустыни, в одиночку несшего древнюю святую жизнь новой

Часовня во имя преподобных Сергия и Германа Валаамских, построенная на месте успения преп. Германа Аляскинского. Монашеская лагуна.

Внутренний вид часовни преподобных Сергия и Германа Валаамских. Справа — рака с мощами преп. Германа Аляскинского.

земле, отечески заботившегося об униженных и сиротах, — Глеб увидел пример для подражания современной Америке, дабы воплотить в делах нерастраченный религиозный пыл.

Глеб отправился домой в день Успения Богородицы. Отец Герасим шел вместе с ним по берегу и рыдал как ребенок. «Не переношу прощаний», — произнес он. Отшельник, живущий в такой глуши, расставался с гостями, как правило, навек.

Уже отчалив от берега, Глеб всё смотрел на одинокого заплаканного монаха на берегу лагуны, благословляющего его. Он чувствовал, что покидает остров другим: «Я понял, что вопреки ожиданиям встретил здесь духовного гиганта, он вдохнул в меня *решимость* и желание продолжать дело святого Германа, во славу Господню и торжество Его Православной Церкви, и я ощутил, что с Божьей помощью *ничто* не свернет меня с пути».

ПО ДОРОГЕ в Сан-Франциско он задержался в Канаде, чтобы посетить два скита, возведенные одним поистине святой жизни миссионером, позднее ставшим архиепископом Иоасафом (†1955)*. Березовые и осиновые рощи, окружавшие обители, удивительно напоминали природу России, а в самих скитах еще оставались русские монахи и монахини, носители подлинно монашеского духа.

В Эдмонтоне Глеб навестил и преемника архиеп. Иоасафа, еп. Савву, серба. Тот до самого утра рассказывал ему о сербском духовном возрождении и подъеме, возглавляемом известным иерархом Николаем Велимировичем (впоследствии причисленном к лику святых). Еп. Савва еще на родине сам внес значительную лепту в это движение. Теперь же настал черед Северной Америки. Он чувствовал: пришло время поднять дух отчаявшихся русских людей в свободном мире, ведь они утрачивали свои православные корни. «Он был полон силы и жизни, — вспоминает Глеб, — но как бы ни хотелось с ним согласиться, как бы ни проникался я его энтузиазмом, всё же червячок сомнения точил душу. Я понимал: несмотря на всё духовное богатство, которое сохранила Православная Церковь и с помощью которого она могла воспламенить сердца людей во всём мире, истинные ее представители уже обречены на вымирание, они не в силах передать это наследие молодому поколению — их разделяла целая пропасть. В современном мышлении укоренился дух «умеренного» нигилизма, что по своей

* Ученик и келейник свят. Феофана Полтавскаго, Нового Затворника. См.: Archbishop Ioasaf, Enlightener of Canada. The Orthodox Word, # 19, 1968, p. 82-92.

природе диаметрально противоположно традиционным и истинным ценностям Православия. Искалеченные чувством «второсортности» молодые эмигранты, православные по рождению, неудовлетворенные нынешним неоязычеством, стараются стать «как все» и с горячностью отвергают свои православные корни. Потому-то и я, даже закончив семинарию, всё еще задавался вопросом: как служить Богу и Его Церкви? Я ясно осознал трагедию нашей духовной жизни: церкви словно «тонущие корабли», полные несметных сокровищ благодати и счастья… Но приспосабливать Церковь к современным меркам значит сквернить ее, ибо по самой природе Православие идеально на все времена — оно ведет в Божественное Царство Вечности. Преобразование существующего порядка жизни практически невозможно, так как весь психологический *негероический* настрой общества исключает подвижничество, т. е. противоречит основе основ воплощенной православной Истины. Единственная надежда, как я считал, — это подобно Апостолам выйти на дороги сегодняшней Америки, проповедуя в простоте и искренности православное Евангелие Христа. Но и здесь легко сбиться с пути: затронешь новые души, приведешь их в Церковь, и они либо уходят с головой в византийский литургический эстетизм, что не приносит реальных плодов и не меняет судеб современных людей, либо удовлетворяются ролью приемышей в новой, чужой семье, безвольно следуя указке и мало-помалу теряя начальный энтузиазм и запал. Я также хорошо помнил все мрачные предчувствия наших лучших епископов, не советовавших подмешивать «новое вино» в старые евангельские „мехи"».

С такими мыслями Глеб покидал еп. Савву и канадские скиты, которым вскоре, со смертью последних старых монахов и монахинь, суждено было исчезнуть. В Сан-Франциско он навестил своего друга — смиренного о. Нектария (позднее епископа), который очаровал его воспоминаниями, как говорится, из первых рук об Оптиной пустыни и ее святых старцах. Познакомился он и с братом о. Нектария, церковным писателем Иваном Концевичем, и его женой Еленой Юрьевной, жившими в этом же городе. Как и о. Адриан, его брат Иван был учеником оптинского старца Нектария.

В Сан-Франциско состоялась и первая судьбоносная встреча с Евгением Роузом.

24

На пороге

Глеб показывал свои слайды и не подозревал, что Евгений уже открыт этой жизни. «Это-то и было ему нужно, — писал позже Глеб, — кто-то должен был донести ему дух древнего пустынножительного Православия, частица которого сохранилась и в сегодняшней Америке! Даже в Сан-Франциско еще здравствовал святой наших дней — архиепископ Иоанн! Я также мог послужить проводником в этот удивительный мир, который, увы, постепенно исчезал с лица земли — это я особенно выделял в разговоре с Евгением. Мир этот пребудет до конца времен, но лишь в катакомбах».

Глеб принялся рассматривать иконы на стене у Евгения и сразу же заметил на видном месте портрет Николая II. Многие знакомые русские стыдились Государя и вообще идеи монархии как чего-то «устаревшего» и «примитивного». Он удивился: с чего бы это американцу держать портрет Царя, да еще вместе с иконами? Но по ответу Евгения понял, что тот прекрасно представлял себе православный взгляд на монархию и верил, что Государь как властитель «третьего Рима» является последним оплотом христианской цивилизации, стоящим под натиском антихриста. Об этом же говорил св. апостол Павел, согласно коему эта сдерживающая сила должна быть «взята от среды» до того, как объявится антихрист (2 Фес. 2:7-8). Евгений поведал Глебу: расстрел Царя и разрушение христианской империи — явный знак последних времен. Россия сдерживала революцию, а пав, оставила мир беззащитным перед злом.

Стало понятным, почему рядом с царским портретом Евгений поместил икону Михаила Архангела, поражающего мессию сил зла — тот падал, сокрушая мир сей.

Затем Евгений заговорил о «Великом Инквизиторе» Достоевского, о том, что, в соответствии с его взглядами, международные органи-

зации, и особенно ООН, обретут духовного главу и псевдорелигиозное содержание.

— Но ООН — всего лишь политический орган! — возразил Глеб. — Как народы могут позволить, чтобы глава одной религии исключительно представлял все остальные?

— Я думаю, им непременно понадобится этакий всемирный авторитет, вроде Папы Римского, — ответил Евгений.

И Глеб вспомнил, что его наставник по джорданвилльской семинарии, архиеп. Аверкий, высказывал те же опасения. Он находился в духовном родстве с одним из пророков XIX века, свят. Феофаном Затворником, предрекавшим катастрофическую русскую революцию. Не удивительно, что Владыка Аверкий пришел к таким выводам об апокалиптическом веке и о его духовном обмане. Но слышать такое из уст американца казалось, по меньшей мере, странным, особенно в 1961 году, когда православные учения на Западе были известны очень немногим. Глеб поинтересовался, исповедывал ли Евгений Православие.

— Нет, — отвечал тот, — но очень бы хотел.

Вспоминая эту первую встречу, Глеб написал: «Говорил он ясно и очень сдержанно. Был замкнут и необычайно спокоен. В нем чувствовалось благородство. Я ощутил, что эта душа живет в Боге и уже хорошо усвоила первую ступеньку «Лествицы» св. Иоанна — «отречение от мира». Как выяснилось позже, он умер для мира, порвав со всеми соблазнами и естественными стремлениями к обычному мирскому довольству и счастью. Единственным честолюбивым желанием оставалось выкристаллизовать в своем философском уме абсолютную ценность Православия.

Тогда я еще не знал, насколько он любит Христа, видел лишь, что весь его энтузиазм направлен на поиски антихриста, который «уже в миру» (1 Ин. 4:3) и заражает своим духом всю планету. Было также явно: Евгений до крайности застенчив. И я пришел к выводу, что должен сделать всё, дабы помочь ему постичь и вместить всю полноту Истины».

Глеб планировал вернуться в Бостон спустя несколько недель, но чувствовал, что нельзя оставлять Евгения в таком состоянии неопределенности. Тот явно не «заигрывал» с Православием, наоборот, был чрезвычайно серьезен. Но как ввести его в Церковь? У него мало общения с православной общиной, он — философ «в себе», к тому же выходец с чужбинного берега, и вряд ли сможет полностью сойтись с русскими церковными кругами. Отношения, завязавшиеся между ними

во время приезда Глеба, нуждались в дальнейшем развитии. Но кто-то иной должен был помочь Евгению сблизиться с Церковью.

Незадолго до отъезда Глеба из города его новые русские друзья по Сан-Франциско устроили ему прощальный вечер и преподнесли небольшой подарок. Открывая его, Глеб объявил: «У меня тоже есть кое-что для вас. Вы знаете, что я приехал сюда, на западное побережье как миссионер — вдохновить людей идеями Православия. Но я не хотел бы служить только русским — для них задача лишь вернуться в Церковь. Православие принесено в Америку, и сейчас можно преподать его американцам. Это поможет не только им, но и нам, кто уже в Церкви. Недавно я познакомился с одним из них, интересующимся Православием. Зовут его Евгений. Это и есть мой дар. Все мы — близкие друзья, и я хочу, чтобы вы помогали ему и направляли. Я заронил семя, а вам его взращивать».

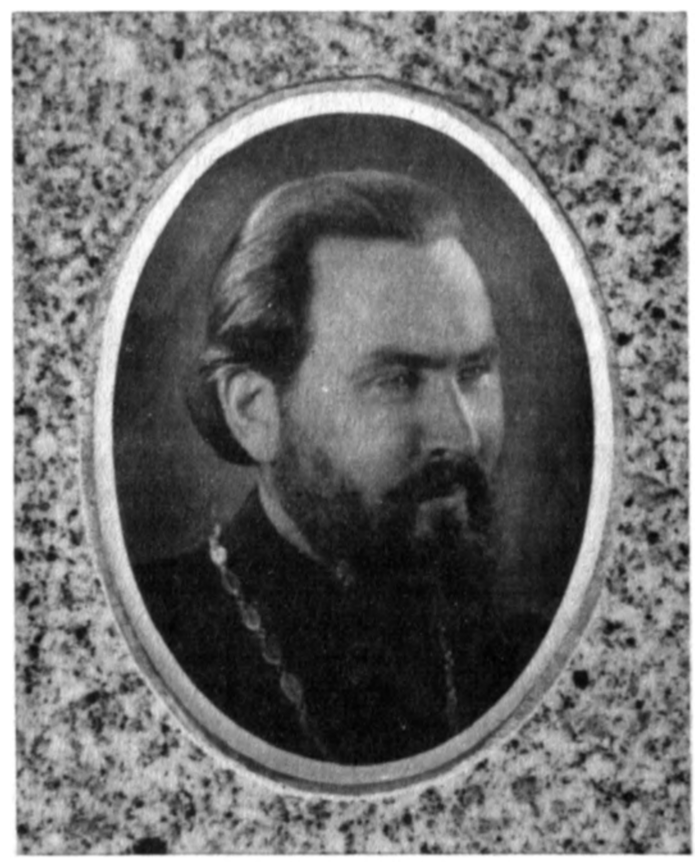
Они пообещали ему исполнить пожелание, и Глеб попросил одного из молодых людей, Димитрия Андрэ де Ланжерона, уделить Евгению особое внимание. Тот согласился.

Устроив всё таким образом, Глеб вернулся поездом на восточное побережье. Приехал в Свято-Троицкий монастырь в день поминовения преп. Германа Аляскинского (13/26-го декабря), где его встретил о. Владимир, который немедленно отслужил панихиду Преподобному. Так завершилось паломничество. Глеб опять оказался дома, в Бостоне.

Евгений тем временем жил у своих родителей в Кармеле. Посещал литургии в церкви преп. Серафима в Монтерее, куда ровно два года назад его привела Алисон. На этот раз, возможно, благодаря Глебу, он ближе сошелся с Православием, преодолел свою застенчивость и познакомился с о. Григорием Кравчиной — своим первым священником. Тот вырос в приюте, полным сиротой, в Почаеве, на Украине, под сенью знаменитой Почаевской Лавры. Смиренный, богобоязненный, он оказался дальним родственником о. Адриана. Служил сейчас в Монтерее, где ему было откровение от преп. Серафима Саровского — назвать церковь в честь этого святого.

В конце 1961 года Евгений возвратился домой в Сан-Франциско. А в 1962 году, на праздник преп. Серафима (2/15-го января), написал Глебу письмо в Бостон. Это послание очень хорошо передает его мысли и чувства в то время:

> Только что вернулся из Кармела, где провел западное Рождество с родителями. Кармел, если ты не слышал, находится в 120 милях вниз по побережью. Место красивейшее, около океана, посреди сосен и кипарисов. Это — бывшая колония

Отец Григорий Кравчина.

богемных художников и поэтов, а сейчас довольно «модное» местечко для состоятельных людей с определенными культурными запросами. Здесь так и разит «ароматной» светскостью.

Для меня эта мирская атмосфера — урок: она реально отражает «дух века» и взывает к моему смирению, только, боюсь, в смирении я не преуспел. В этой внешней «безобидности» и как бы нейтральности я нахожу явные черты антихриста: псевдоблагочестивая религиозность и самоправедность, поверхностный антикоммунизм, который слишком легко, при желании, разжечь до лжерелигиозных неофашистских идей «крестового похода» якобы во имя

сохранения «христианской демократии»; умственная и духовная бесцельность, прикрытая сомнительной моралью и благонамеренным «идеализмом», основанным на вере в добродетельную пропаганду «мира» и «братства», идущую с обеих сторон «железного занавеса». Вся эта духовная фальшь кажется мне благодатной почвой, она ждет возделывания князем зла для установления уродливого, обманчивого «царства мира сего». В самом деле, в этой атмосфере, как и во всём духе века, я чувствую некое ожидание, будто люди чают прихода Мессии, он будто бы появится и разрешит все мучительные сомнения нашего века, сделает людей беззаботными. Люди, кажется, уже готовы пасть ниц перед грандиозной апокалиптической фигурой, «миротворцем», носителем идей «братства» для всего мира. И одна из первых «братских» идей — забвение Христа и того факта, что «проблемы» нашего века — не внешние, а внутренние, мы сами повинны в них, ибо отвернулись от лица этого, ставшего «ужасным» для человечества Бога. Он «слишком много» хочет от нас и обещает вечность. Но для людей, возжелавших «чего-то добиться» в этой жизни, вечность невыносима.

Обо всём этом я пишу в книге. Она должна отразить состояние современного человека. Иногда меня пугает масштабность этого труда, мучает мое недостоинство заниматься этим. Вообще, я стал записывать свои мысли еще несколько лет назад, до моего обращения в Православие. Я был тогда полон гордости за свою «ученость» и ненависти к современному миру. От посещения родителей и общения с их знакомыми я приходил в ярость и отчаяние. Но после моего перерождения и роста в вере чувство ненависти сменилось жалостью и беспомощностью: жалость — к плачевному состоянию мира, отвергшего Христа и даже не осознающего этого; мир полон «благожелательных» людей, они несчастны, но даже не подозревают об этом, а если и осознают, то не понимают, почему, и тщетно ищут причину вне себя. И беспомощность — из-за того, что, как бы ни старался, всё равно не могу общаться почти ни с кем. Хорошо, если удастся передать то немногое, что знаю, или кажется, что знаю, наиболее вдумчивым, особенно молодым, еще не совсем погрязшим в этом лживом мире, они просто потерялись, где искать Истину? У остальных же мой бескомпро-

миссный тон вызывает враждебность или даже насмешку. А я считаю, что уже слишком поздно говорить об этих вещах «мягко», т. к. существует опасность заблудиться в тумане «новой духовности» Бердяева и ему подобных «благонамеренных» людей, чьи мнения преобладают сегодня. Так что я не уверен, найду ли издателя. Впрочем, и враждебность людей, по-моему, можно обратить им же на пользу: пусть видят, что не все, называющие себя «христианами», удовлетворены расплывчатой псевдорелигиозной «духовностью», о коей кричат сейчас на каждом углу. Я считаю, что необходимо с полной ясностью отразить обманчивость религии «компромиссов», ибо она неверна, и по сути есть только два абсолютно непримиримых пути: вера в мир сей и в религию собственного «я», что является путем, ведущим к смерти, и вера во Христа, Сына Божия, Кто Один несет в Себе вечную жизнь.

Я бы очень хотел услышать твое мнение и замечания по поводу всего этого.

К счастью, от Кармела всего 5 миль до побережья. Там есть замечательная маленькая церквушка преп. Серафима, о которой я тебе рассказывал. Я и раньше бывал там на литургии, но на этот раз первым делом направился к священнику — о. Григорию Кравчине (совсем неожиданно это получилось в день св. Евгения). Он нравился мне и своей внешностью, и внимательным совершением литургии. Личная встреча подтвердила мои впечатления. Это чрезвычайно чуткий и интеллигентный человек и, мне кажется, очень смиренный и простой. Будь моя воля, я выбрал бы его духовным отцом... Я рассказал ему о тебе, он о тебе слышал и интересуется, почему ты не заехал и не показал свои слайды его пастве. Надеюсь, вы еще встретитесь. Я же удивляюсь тому, как мало он известен в церковных кругах, похоже, он держится особняком.

Твой приезд был большой отрадой для меня. Я уже отвык от общения с православными, и поистине тебя привел Промысел Божий. Ты значительно укрепил мою веру и открыл ту духовность, коей живет Джорданвилль. Надеюсь на скорый ответ, молюсь за тебя и прошу твоих молитв.

Твой брат во Христе, Евгений.

25

В объятиях Отчих

Все современные духовные «отклонения» нельзя рассматривать иначе, как последнюю ступень грехопадения человека. Весь мир словно уподобился Адаму, возжелавшему быть всеведущим, как Бог.

И кто ответит, почему Господь попускает такое? Не потому ли, что в конце времен, как и в начале, мы вновь идем наперекор Его воле?

Без всякой видимой причины покинул блудный сын отчий дом. Но вернулся — и сколько было радости! Может, Господь попустил теперешние смутные времена, чтобы потом возрадоваться, приняв раскаявшихся грешников?

Евгений Роуз. 18-го янв. 1961 г.

Сын же сказал ему: «отче! я согрешил против неба и пред тобою, и уже недостоин называться сыном твоим». А отец сказал рабам своим: «принесите лучшую одежду и оденьте его, и дайте перстень на руку его и обувь на ноги… Ибо этот сын мой был мертв, и ожил; пропадал, и нашелся».

Лк. 15:21-22,24.

Вкусите, и увидите, как благ Господь!

Пс. 33:9.

Димитрий сдержал обещание часто навещать Евгения. Среди предков Димитрия были французы и русские. Первые принадлежали к одной из аристократических фамилий. Сам Димитрий вырос в

Евгений с крестным отцом и матерью, Димитрием и Светланой. Сан-Франциско.

Отец Николай Домбровский из Сан-Франциско, принявший Евгения в лоно Церкви.

Лиме (Перу), знал множество языков и по-английски говорил с французским акцентом. Редко отпрыски дворянских семей получают хорошее религиозное воспитание, однако его благочестивая родительница, Светлана Романовна, преуспела в этом.

Искренняя вера Димитрия служила Евгению примером. Он увидел *естественность* православной жизни, коей оказался лишенным в детстве и которую не восполнишь разумом. До конца своих дней Евгений поддерживал переписку с этой семьей: Димитрием и особенно со Светланой Романовной. Последняя окончила свои годы в Ново-Дивеевском монастыре у отца Адриана.

Глеб, Димитрий и близкие им по духу друзья помогли Евгению сделать решающий шаг и «войти» в Церковь. Он уже не боялся погрязнуть в провинциальной «приходской обмирщенности», его окружали молодые русские, мечтавшие служить Православию как непреложной Истине, а не потому, что так заведено в их семьях.

В воскресенье 12/25-го февраля 1962 года, в день памяти его небесного покровителя св. Евгения Александрийского*, по благословению архиеп. Тихона, Евгения воцерковили через таинство миропомазания. Обряд совершил сан-францисский священник о. Николай Домбровский. Димитрий и Светлана Романовна стали его восприемниками.

Началась литургия. Это была неделя о Блудном сыне, и, слушая евангельскую притчу, Евгений понял: его приход в Церковь именно в этот день — не совпадение. Вспомнились мучительные годы тщетных попыток убежать от Бога: он сам — блудный сын, он согрешил пред Небом и Творцом и недостоин даже называться сыном. Но Отец открыл ему свои объятия, одарил его в полноте незаслуженным сыновством, принял в Отчий Дом — Церковь. На этом «спасительном островке», по словам Евгения, прошлые грехи смывались, он становился свободным, взамен же, как заметила Алисон, «Евгений отринул не только свое прошлое, но и всё остальное, в том числе и самость. Он предал себя Богу».

Когда в конце литургии его причастили, благодать настолько чудесно вошла в него, что он погрузился в состояние полнейшего покоя и счастья, почувствовал неизъяснимую «небесную» сладость во рту. Это держалось более недели, не хотелось даже есть. Несколько лет назад он вкусил ада, теперь же ему было дано (причем, в прямом смысле) вкусить Неба. И по прошествии времени, уже став священником и крестя людей, он осторожно интересовался, не испытывают ли и другие чего-либо похожего? Ответ обычно был — «нет», и он заключил — к нему Господь явил особое милосердие. А когда (в последующее десятилетие) церковная группа «сверхправильных» принялась повально перекрещивать «неканонично» крещенных христиан (якобы, их первое крещение не несло благодати), Евгений, хотя и был крещен в неправославии (подростком), не стал участвовать в этом постыдном деле. Столь очевиден был его собственнный опыт Божьего благоволения по вступлении в Церковь. И, возможно, благодаря чуду первого причастия, впоследствии он часто заговаривал о неземном «вкусе» и «аромате» православной веры.

В СВОЕЙ ПЕРВОЙ работе поры студенчества в Академии востоковедения он утверждал: «Глубокое знание… тесно соприкасается с личностью познающего, а совершенное сливается с личностью воеди-

* Св. Евгений, упомянутый ранее в письме, был, очевидно, мученик Евгений из Себасты (память 13/26-го декабря).

но, и мерилом знания является сама *жизнь*». Теперь Евгений увидел христианство в истинном свете, он не только знал, что Христос существует, он начал жить во Христе. Ограниченное понятие о христианстве Ф. Ницше, бывшее так по душе раньше, сейчас выглядело пустым и расплывчатым, вроде самого поверхностного «либерального протестантизма». Померкли даже Генон и Шуон — мыслители, чтимые им в Академии. Тогда он принимал их более положительные взгляды на христианство. Но оказалось, и они не проникли в самую суть, ибо нужно *жить* во Христе, познавая Его сердцем.

В январе 1961-го, за год до своего воцерковления, Евгений записал в дневнике: «„И *познаете* Истину, и Истина сделает вас свободными" Без Истины нет христианства, и без познания христианской Истины нельзя стать христианином. Венец этого познания — не власть, которой желает наука, не утешение, не жизненные удобства, не безопасность или самовозвышение, что суть субъективные желания, возведенные в культ. Пик его — *свобода*, христианская, богочеловеческая, свобода людей — сынов Божьих.

Знание, несущее свободу, находится за пределами субъективно-объективных категорий, это знание, которого человек приобщается всем существом, знание, которое обогащает не только ум, но и сердце и душу. Причем, не исследованиями и специальной тренировкой, но путем *предания себя* христианской жизни, подкрепленной таинствами, молитвой, постом и общением с другими людьми. Это не то знание, о коем говорят: «Я знаю (или испытал) *это* или *то*». Истинное знание проступает во всех действиях познающего, независимо, один ли он или с кем-то, оно присутствует во всех его мыслях. Христианин желает слиться с Истиной — Иисусом Христом, и поэтому христианин меряется тем, что знает. Кто отвергает Христа — тому Он неизвестен, а кто принимает Его, но не живет полностью христианской жизнью, — не знает Его в «полноте». Только обоженному человеку известно всё, что возможно знать людям. Все же остальные лишь стремятся быть христианами, т. е. знающими».

Все прежние знакомые Евгения помнили, что до сих пор он «полнился каким-то необъяснимым ужасом». Теперь же они видели его «расцветшим в Православии». С помощью новых православных друзей проявились его лучшие черты — теплота и смирение. Он нашел раздолье сердцу своему, что было недоступно при умственном поиске. Через год он рассказывал Алисон об изменениях в себе: «Когда я писал тебе в прошлый раз, я был уже близок Русской Православной Церкви, но всё же колебался… Я всё еще жил так, как живет весь мир, но потом, хотя я и недостоин, Бог указал мне путь к Себе. Я познакомился с

группой горячо верующих русских, а через несколько месяцев был принят в Русскую Православную Церковь и верен ей уже полтора года. Я обрел новую жизнь в Господе. Я теперь Его раб и познал в Нем такую радость, о которой даже и не предполагал, живя по мирским законам».

Последние слова, должно быть, исходили от самого сердца. Почти два десятилетия спустя он повторил их в письме к одному молодому искателю истины, в чем-то схожему с ним самим, пожелал ему того же счастья души: «Я молюсь, дабы Бог открыл твое сердце и чтобы ты сам сделал всё посильное для встречи с Ним. Ты испытаешь счастье, о коем и не мечтал, — в познании истинного Бога сердце сольется с разумом и та единственная открывшаяся тебе Истина не утеряется уже никогда. Помоги, Господи!»

26
Добрая земля

А иное упало на добрую землю и, взойдя, принесло плод сторичный.

Лк. 8:8.

В 1962 ГОДУ, в День Благодарения Глеб переехал на западное побережье. Поначалу он работал помощником официанта в Сан-Франциско, навещал Евгения, а через несколько месяцев получил место преподавателя русского языка в одном из колледжей Монтерея, что недалеко от Кармела — местечка, где жили родители Евгения. Во времена, когда преп. Герман вступил на территорию русско-американских колоний, Монтерей являлся столицей Калифорнии, и в городе поныне осталось много старинных и исторических зданий. На океанском побережье сохранились еще девственные леса, там Глеб любил гулять. Садился прямо на замшелую землю в каком-нибудь укромном, тихом уголке, часами творил Иисусову молитву, читал книги о северных русских пустынножителях или об оптинских старцах. Эти бесценные сокровища присылал его духовный отец с Афона, схимонах Никодим, или брал книги у Ивана и Елены Концевичей: будучи духовными детьми Оптиной, они владели бесценными текстами из этого разрушенного монастыря.

Евгений часто навещал родителей и неизменно заезжал к Глебу. Тот вспоминает их первую встречу:

«Я переехал в Монтерей Великим постом. Всё казалось новым и свежим в этом дышавшем историей городе. Особенно поразило обилие цветов ранней весной. Мой бывший товарищ по семинарии нашел мне работу преподавателя в языковой школе. С ним мы и поселились в маленьком коттедже окнами на залив. Наш скромный домик весь утопал в ярко-желтой мимозе. Вскоре Евгений впервые приехал поездом

навестить меня. Днем нам удалось осмотреть старый город, хранивший еще воспоминания об американском православном первомученике Петре-алеуте, о коем Евгений не имел, конечно, никакого представления. Он зато показал мне Миссию в Кармеле и далекий берег с одиноким монастырем у моря. Там нашли приют монахини, давшие обет молчания и созерцания...»

Друзья часами бродили по морскому берегу, по лесу, и Глеб мучился в догадках. Позже он вспоминал: «Я пытался понять, в чём же причина вдумчивости и сосредоточенности Евгения. Спрашивал, какой фильм или опера наиболее близки его сердцу, какие книги, стихи, философы предпочтительнее? Я не мог постичь, в чём его суть, к чему прилежит сердце? Оказалось, ему очень по нраву оперы «Лючия де Ляммемур» и «Турандот», фильм «Сказки Гофмана», некоторые другие произведения, известные и мне. Но мне этого было мало — я хотел разгадать его душу.

Однажды ночью мы гуляли по пляжу в Тихой роще. Погода стояла теплая, и воздух переливался ароматами цветущих олеандров. Море волновалось, светила яркая луна. И тут я ощутил, как взволнован мой приятель. Я уже приготовился ловить откровения его тонкой души. Но ошибся — и на этот раз он остался замкнут и наглухо «застегнут». Все попытки проникнуть в его мир, столь похожий на мой, не удавались, и поэтому я решил сделать шаг первым и обнажить свое сердце, в коем находили себе место великие тайнозрители Божественного мира — подвижники, причем некоторые из них мне были лично знакомы и чрезвычайно дороги. Я трепетал от волнения, когда рассказывал ему об оптинских, валаамских и афонских подвижниках. А он, хотя и молчал, слушал увлеченно, и, к великому удивлению, я почувствовал, что всё это уже ему хорошо знакомо. Не сами факты, нет, — но дух, двигавший этими людьми, дух, столь чуждый нашей холодной современной материалистической реальности и прозаичности американской жизни. Он уже *понимал* то, что я с таким пылом пытался ему внушить! Откуда же в нем это духовное усердие?! В ту чудную мартовскую ночь мне удалось дознаться лишь, что он знаком с истинным *страданием*. Но как мог он, дитя южной Калифорнии, располагающей к покою и довольству, постичь это, как он мог приобщиться духу православных подвижников холодного далекого Севера России — оставалось загадкой.

Конечно, я был счастлив и, конечно, видел, что мой собеседник жадно набирается из сокровищницы неотмирных тайн, понимает глубину и сложность моих чувств. Он шел рядом, широко шагая по блестящему песку, спокойный и отрешенный, мыслями далеко за пределами нашего бытия.

И позже, когда мы лазили по мшистым оврагам, собирая грибы, я читал ему по-русски главы из оптинских книг, о рославльских пустынниках, а он всё так же молча внимал величию этих повествований: житиям Зосимы, Василиска и Петра Мичурина Сибирского. На Пасху же я подарил ему жизнеописание оптинского старца Иосифа, включавшее в себя историю о старце Гаврииле Псковском. Следующим было житие блаж. Феофила — юродивого из Киевских пещер. Но Евгений все молчал. Почему? Что мешало ему излить душу? — Видимо, всё оттого, что у нас разные характеры: у меня — открытый, а у него все чувства спрятаны глубоко внутри. Но и таким объяснением я не удовольствовался. Наконец понял: причина его сдержанности проста — у Евгения аналитический склад ума, а сердце — даже более горячее, более восприимчивое и более глубокое, чем мое, но разуму было необходимо всё оценить и продумать, может, даже на шаг вперед и убедиться, насколько всё соответствует «великой целостности» Богом созданного мира и промыслу Господню. Я благоговел: что за редкий, глубокий феномен человеческой природы передо мной! На ум тут же пришел евангельский образ: семя, брошенное в благодатную землю, способно принести стократ! Я понял, что должен, не щадя сил, помочь этому семени прорасти, наперекор всему нашему времени и окружению, противным истинному христианству. Это был гений не к нынешнему веку, ему предстояло жить среди людей, значительно ниже его самого. И сейчас эта тончайшая душа приобщается нашей Православной Церкви, со всеми ее типично русскими слабостями, опасками, недостатками. Конечно, в Церкви полюбят его и постараются использовать в своих целях, но что это даст ему? Будет ли на пользу, позволит ли его личности развиться и расцвести? — Нет, нет и еще раз нет! Его не поймут, а если и поймут (например, о. Константин из Джорданвилля) — всё равно, что хорошего принесет это общение? Поверив, он может возгореться, а потом разочароваться, потерпеть крушение, потерять веру во все свои идеалы. Но он не отступится, ибо благороден по натуре. Чем помочь? Нужно создать условия для его самостоятельного духовного роста...»

Архиепископ Иоанн с мальчиками-алтарниками.
Сан-Франциско. 1965 г.

27

Чудотворец последнего времени

Православный Апостоле для века теплохладности и неверия, облеченный в благодатную силу древних святых, Богопросвещенный тайнозрителю, Питателю сирых, Надеждо отчаянных, на земли же возжегши огнь любви ко Христу в канун печали всеобщего Суда, моли Бога возгрети же сей священный огнь и в сердцах наших.

Тропарь блаж. Иоанну (Максимовичу). Гл. 6.

Глеб, как мы уже убедились, имел гораздо больше возможностей познакомиться с целой плеядой великих служителей Церкви. Эти «живые звенья» связывали его с православной традицией. Однако и Евгений в ноябре 1962 года повстречался с величайшим из них — архиеп. Иоанном (Максимовичем). Случилось это в Сан-Франциско. Владыку любили — многие русские приехали сюда из Шанхая, где он, будучи епископом местной епархии, собирал на улицах сотни больных и голодных детей, устраивал их в сиротский дом. А затем, когда в Китае произошел коммунистический переворот, вывез всю свою паству сначала на Филиппины, а потом в Америку. В Сан-Франциско он основал для сирот приют свят. Тихона Задонского. Вскоре его назначили епископом в Париж, но всё равно душой он оставался со своими духовными чадами и старался по возможности навещать их.

В 1962 году обстоятельства позволили Владыке Иоанну вернуться к своей пастве. Архиеп. Антоний Лос-Анжелесский, сменивший ушедшего на покой архиеп. Тихона, довел всю Сан-Францисскую епархию

до смуты. Он намеренно приостановил строительство нового собора, начатое архиеп. Тихоном. И пока вокруг строительства бушевали споры, стальной каркас недовершенного здания ржавел, а наемные рабочие получали зарплату по контракту и ничего при этом не делали.

Городские прихожане, большей частью духовные дети архиеп. Иоанна из Шанхая, обратились в Синод с просьбой прислать их пастыря, дабы поправить положение. После некоторых колебаний Синод согласился, и Владыка (поначалу временно) был назначен в Сан-Франциско. Православная община сразу ожила, потоком потекли пожертвования на строительство нового собора, создавались комитеты, братства, благотворительные общества и, несмотря на некоторые трудности со стороны старой гвардии архиеп. Антония (речь о которых чуть позже), приходская жизнь закипела.

Евгений ходил к архиеп. Иоанну на службы в старый собор. С появлением Владыки дух храма сразу изменился. Евгений видел, какое усердие новый епископ вкладывал в богослужение, поминая во многих службах сравнительно малоизвестных святых, особенно из западных земель: Галлии (Франции), Италии, Англии и Голландии. В этом маленьком, согбенном старичке таилось что-то неотмирное. По мирским же меркам, у Владыки было всё «не как у людей»: волосы он не расчесывал, нижняя губа некрасиво оттопыривалась — у него был дефект речи и говорил он нечленораздельно; вместо сверкающей, украшенной камнями, как у других епископов, митры, носил «складную шапку» с иконами святых, вышитыми его чадами-сиротами. Держался он обычно сурово, но часто в глазах мелькал игривый огонек, особенно когда его окружали дети. Они, несмотря на косноязычие Владыки, прекрасно понимали и безгранично любили его. А он, к возмущению некоторых, играл и шутил с ними даже в храме.

Поведением архиепископ походил на тех, кого в Православии исстари называют «Христа ради юродивыми», т. е. отрекшимися от «мудрости мира сего» для постижения мудрости Божией*. Конечно, за внешностью юродивого скрывалось нечто большее. От его паствы Евгений и Глеб слышали рассказы, приоткрывающие потаенную жизнь Владыки в Боге. И подчас она напоминала деяния апостолов, только сейчас, в наше время.

Владыка вел строгую подвижническую жизнь. Всегда бодрствуя пред Богом, он постоянно пребывал в молитвенном состоянии. Ел раз в сутки около полуночи, спал очень мало, причем никогда не позволял себе лечь в кровать, а вконец изнурив себя в молитве, так и засыпал в

---

* 1 Кор. 4:10, 3:19, 1:24-25.

земном поклоне прямо перед иконами. Очнувшись же, ополаскивал лицо холодной водой и начинал литургию, которую служил ежедневно.

То, что он творил чудеса, знали очень многие. Где бы он ни находился: в Китае, на Филиппинах, в Европе, Африке или Америке — везде по его молитвам исцелялось бесчисленное количество людей. Получая откровения от Бога, он многих спасал от беды, а иногда просто являлся тем, кому был особенно необходим, хотя находился далеко. Видели, как во время сосредоточенной молитвы, объятый Божественным светом, он стоял на воздухе в алтаре[1].

Но, как позже напишет Евгений, чудеса не составляли самого главного: «Всё это могут вершить и лжечудодеи… Уверовавшие с помощью архиеп. Иоанна пришли к Православию не из-за его чудес, а по неизъяснимой сердечной тяге».

Евгений слышал рассказы о сострадании Владыки: о том, как он ходил по самым опасным районам Шанхая, подбирал беспризорных детей в притонах и на помойках; о том, как замкнувшиеся, запуганные жестокой войной и революцией детские души расцветали от одного лишь его слова; как он всегда навещал людей в больницах, где и верующие, и неверующие исцелялись благодатью, источаемой им; как он обходил тюрьмы, и закоренелые преступники начинали нежданно-негаданно рыдать, хотя раньше никогда и не видели его; как, бродя ночами по городу, он останавливался у дверей домов, благословлял и молился за людей, а те не подозревали ни о чём и мирно спали…

ВЛАДЫКА ИОАНН в мгновенье ока разглядел страждущую душу Евгения. Тот обычно стоял в дальнем конце храма и истово молился. Архиепископ приглашал его несколько раз подойти поближе к клиросу и алтарю, но молодой американец всякий раз отказывался. Причина известна: его пугала «обмирщенность», свойственная многим клирикам.

Глеб, конечно, понимал, что у Евгения веские причины не выказывать жажды духовной жизни — он боялся прозы храмовой обыденности. Но всё же Глеб чувствовал, его новому другу нужно преодолеть страхи. Избегая «прозы жизни» церковных служителей, можно отдалиться и от самого Источника Благодати, которую дает Церковь. Он попросил Евгения смириться ради Христа: закрыть глаза на всё постороннее и постараться постичь глубину церковных служб. Архиеп. Иоанн, увидев эту покорность ради любви к Богу, подозвал его к себе и посоветовал не обращать внимания ни на кого и ни на что, не относящееся к богослужению. Сам Владыка никогда не позволял себе сказать

лишнего слова в алтаре. А вне службы (за исключением, конечно, тех случаев, когда с ним были дети) говорил коротко или просто кивал и показывал жестами[2].

Вскоре, ободренный архиепископом и близким к нему священником, о. Леонидом Упшинским, Евгений уже читал и пел по церковнославянски службы на клиросе в Приюте свят. Тихона, являвшимся одновременно и жилищем Владыки Иоанна. Заставляя себя преодолеть природную застенчивость, молодой человек обретал мир в душе, и, несмотря на американский акцент, он быстро освоился на клиросе — клирики стали привечать его.

ЕВГЕНИЮ ДОСТАЛО нескольких наставлений и объяснений Владыки, и в сердце глубоко запечатлелся духовный образ блаж. Иоанна — юноше он виделся подобием самого Христа, образ этот служил ему всю жизнь путеводной звездой. Позднее, набравшись опыта в Православии, он глубже понял суть великого пастыря: «Спросите кого-нибудь из знавших Владыку Иоанна, что привлекало и привлекает к нему людей, даже не знакомых с ним? — Ответ всегда один: он источал любовь, он жертвовал собою ради ближних по бескорыстной любви к Богу и к ним. Поэтому ему и открылось многое, недоступное другим, — в обычной жизни такого не постичь. Сам же он учил людей, что несмотря на всю «мистику» Православной Церкви, которая ощущается и в житиях святых, и в святоотеческой литературе, настоящий православный христианин должен не «парить в облаках», а смело встречать всё на своем земном пути. Для этого требуется любящее сердце, только тогда человек и встречается с Богом».

Обширные богословские познания архиеп. Иоанна значили для Евгения много меньше того, что Владыка истинно *знал* Бога и имел с Ним непосредственное общение. Говорил он невнятно, однако смог передать Евгению «Святая Святых» Православия, раскрыл ту область, где слова уже теряют свою власть. Все богатства Церкви: Богослужения, тексты Священного Писания, иконы, музыка — всё это ступеньки, ведущие к духовным высотам Владыки.

Некоторое время спустя после кончины архиеп. Иоанна Евгений написал статью, ясно раскрывающую значение Владыки в своей жизни. Пишет он из скромности от третьего лица, назвавшись «молодым западным новообращенным». И начинает словами из проповеди, слышанной им в женской обители Владимирской иконы Божией Матери в Сан-Франциско. Настоятельницей там была матушка Ариадна, знавшая блаж. Иоанна еще по Шанхаю.

«Сравнительно недавно, — писал Евгений, — игуменья одного монастыря Русской Зарубежной Церкви, монахиня праведной жизни, произнесла поучительное слово. Происходило это в монастырском храме в праздник Успения Пресвятой Богородицы. Со слезами на глазах игуменья убеждала своих монахинь и пришедших на праздник паломников принимать всецело и всесердечно всё, что несет нам Церковь, так твердо хранящая Священное Предание в течение всех веков своего бытия. «Не надо выбирать, что «важно», а что «вторично», — говорила она, — ибо если человек ставит себя выше и умнее Предания, в конечном счете он может совсем отойти от него. Таким образом, когда Церковь рассказывает нам в песнопениях и иконах о том, что апостолы были чудесным образом собраны со всех концов земли для погребения Божией Матери, мы, православные христиане, не вольны подвергать это сомнению или перетолковывать, но должны верить в простоте сердца так, как Церковь несет это нам».

На этой проповеди присутствовал и молодой западный новообращенный, изучавший русский язык. Он рассматривал православную икону святых апостолов, принесенных на облаке в Иерусалим проститься с Пречистой Богородицей. Он долго размышлял и задавался тем же вопросом: должны ли мы действительно понимать всё это буквально, как событие-чудо, или это лишь «поэтическое отображение» встречи апостолов по Успении Пречистой Девы... или даже, более того, воображаемая «идеальная» трактовка никогда не происходившего (чем любят заниматься некоторые так называемые «современные православные богословы»)? Слова праведной игуменьи глубоко запали в душу, ему открылось нечто более глубокое в восприятии и понимании Православия, чего не понять умом или чувствами. Сейчас Предание передавалось не из книг, а прямо из «живого сосуда», накопившего этот нектар. И испить его нужно не только мысленно и чувственно, но прежде всего всем сердцем — только так начинают открываться истинные высоты Православия.

Позже этому молодому человеку довелось встретиться и лично, и по книгам со многими нынешними «православными богословами». Те заканчивали современные духовные школы и, став «знатоками», охотно рассуждали: что православно, а что нет; что важно, а на что не стоит обращать внимания. При этом многие считали себя истинными «консерваторами» и «традиционалистами» в вере. Но ни один из них не показался ему столь авторитетным, как та простая игуменья: она, хоть и не была обучена всей этой «премудрости», но слова ее доходили до сердца...

И тогда его душа, делавшая в Православии первые шажки, возжелала узнать: *как надо верить*, что, в свою очередь, означало и *кому верить*. Он не мог сразу отказаться от рассудочности и довериться всему, что говорят, — во многом он еще оставался человеком своего времени, хотя и познал уже кое-что. Но, очевидно, и само Православие вовсе не требует этого: писания святых отцов суть живой памятник активной работы человеческого разума, просвещенного Благодатию Божиею. Однако «современным богословам» не хватало «изюминки»: при всей логике и знании отеческих текстов они не могли передать чувство и «вкус» Православия так же просто, как та «необразованная» игуменья.

Нашему молодому человеку посчастливилось узреть цель своих духовных поисков — истинное и живое Православное Предание. Всё это он обрел благодаря архиеп. Иоанну (Максимовичу). Тот учился богословию старой школы и в то же время прекрасно разбирался во всех «веяниях» нашего века, он использовал свой острый ум и доходил до истины в спорных вопросах и ко всему прочему, в отличие от всех нынешних «богословов», обладал простотой и авторитетностью. Качества эти открылись молодому богоискателю с помощью благочестивой матушки Ариадны. Его сердце было покорено, но не потому, что архиеп. Иоанн стал для него «непогрешимым судией» — Церковь Христова не знает подобных понятий. Просто он увидел в этом святом архипастыре образец истинного православного богослова, чье учение исходило от святой жизни и полной укорененности в Церковном Предании. Когда Владыка говорил, его слову можно было верить, хотя сам он разделял очень тщательно «учение Церкви» и собственное мнение, никогда не принуждая принимать последнее, т. к. оно могло быть ошибочным. Молодому человеку стало ясно, что, обладая блестящим умом и разборчивостью, Владыка гораздо чаще соглашался с той простой игуменьей, чем со всеми «учеными богословами» нашего времени» [3].

28

Живые звенья святости

Поминайте наставников ваших, которые проповедовали вам слово Божие; и, взирая на кончину жизни, подражайте вере их.

Евр. 13:7.

КРОМЕ архиеп. Иоанна и матушки Ариадны в Сан-Франциско жили и другие носители древних православных традиций. Евгений познакомился с ними. Мы уже говорили об о. Нектарии и Иване Михайловиче Концевичах — родных братьях, оба — ученики старца Нектария Оптинского.

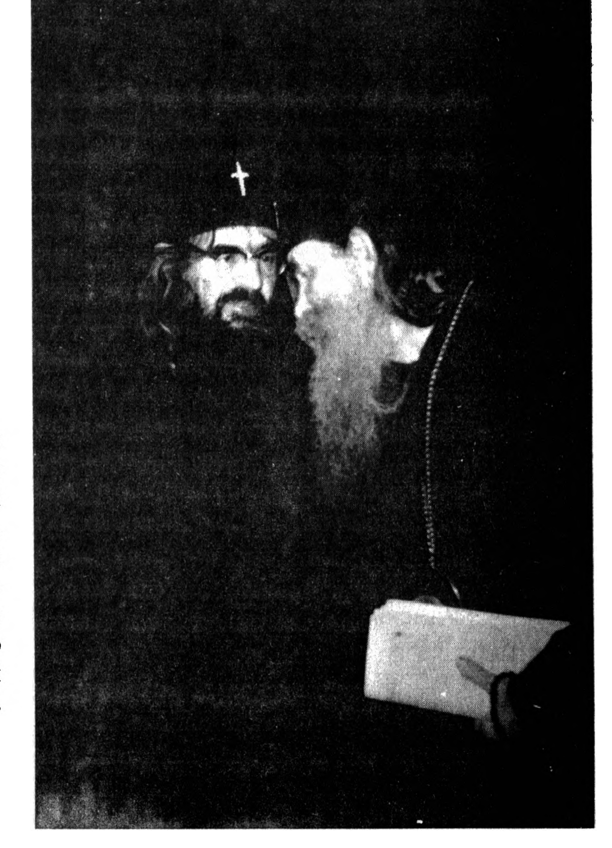
Отец Нектарий — высокий, красивый, с веселыми голубыми глазами, длинной светлой бородой и вьющимися волосами до плеч. В молодости отлично плавал и был крепок телом, хотя в старости немного пополнел. Широк и неукротим в жестах, в поступках — самый смиренный, мягкий и благочестивый человек на свете. Он отгородился от всего мирского, не связанного с Церковью, и жизнь его казалась весьма замкнутой. Поэтому он и не выучил английский язык. Владея прекрасным чувством юмора, он рассказывал о своей жизни в России с такой теплотой, что слушатели рады были приобщиться его «маленького мира», где даже самые грустные события преображались в свете христианской любви.

Его душа жила и дышала теплым и боголюбивым духом Оптиной. По приезде в Сан-Франциско он поначалу был в келейниках у другого оптинского «выпускника» — архиеп. Тихона*. Наученный

* Первый в православной жизни Евгения иерарх, архиеп. Тихон являлся учеником старца Гавриила Казанского, насельника Оптиной и ученика старца Амвросия. Жизнеописание старца Гавриила составил новомученик Симеон Холмогоров. См.: One of the Ancients. St. Herman Brotherhood, 1988.

Епископ Нектарий (Концевич) (†1983)

Архиепископ Иоанн (слева) с архиепископом Тихоном (†1963), своим старинным другом и предшественником по управлению епархией Сан-Франциско.

архиепископом, о. Нектарий придерживался огромного архипастырского молитвенного правила. Выполнял он его вдобавок к дневному циклу богослужений неизменно до последних дней жизни, бодрствуя обычно до двух-трех часов ночи... Глеб познакомился с о. Нектарием несколькими годами раньше в Джорданвилле и сразу полюбил его. Некогда старец Нектарий вверил юного Нектария попечению о. Адриана. А сейчас о. Адриан вручал своего духовного сына (Глеб переезжал на западное побережье) руководству о. Нектария. «Я передаю тебя из полы в полу», — сказал он Глебу, показав, как переносят младенца.

В 1963 году о. Нектарий, по рекомендации Владыки Тихона, был хиротонисан во епископы и назначен викарием к архиеп. Иоанну. Обоих владык еп. Нектарий полагал живыми святыми, хотя и удивлялся, сколь по-разному выражалась их святость. Архиеп. Тихон почти всё время проводил в келейной молитве, боясь нарушить внутренний покой, Владыка Иоанн не ведал страха, не чурался всего нового, говорил то, что подсказывала совесть, шел на любой риск, даже оставаясь без поддержки.

Старший брат еп. Нектария, Иван Михайлович Концевич, был профессором технических наук и церковным историком. В Православие он пришел также через Оптину пустынь и посвятил себя передаче ее духовного наследия посредством писательства. Добросовестность ученого сочеталась в нем с непосредственным знанием святых. Он первым определил сущность христианского понятия старчества как продолжения пророческого служения древней Церкви. Его классический труд «Стяжание Святаго Духа в путях Древней Руси»* — трактат о «внутреннем духовном делании» и историческом его проявлении в России — так увлек Глеба, что он какое-то время вообще не расставался с книгой и даже ночью клал под подушку.

Подарком судьбы оказалась и Елена Юрьевна, жена проф. Концевича, племянница известного русского церковного писателя Сергея Нилуса, автора книг об Оптиной, открывшего и впервые опубликовавшего знаменитую «Беседу преподобного Серафима Саровского с Н. А. Мотовиловым». Как и муж, она лично знала многих святых и мучеников России. Среди них — старец Анатолий Оптинский. Во Франции же она стала духовной дочерью одного из самых видных русских подвижников и богословов XX столетия, архиеп. Феофана Полтавского. И мало кому известно, сколько трудов положила она, готовя материалы для книг И. М. Концевича — ему в то время приходилось

---

* Издано вначале по-русски в 1952 году, а в 1988 году Братство преп. Германа опубликовало английский перевод.

Иван Михайлович Концевич (1893-1965) и его супруга Елена Юрьевна (1893-1989) перед домашним иконостасом во время работы над книгой «Стяжание Духа Святаго на путях Древней Руси». Париж. 1950 г.

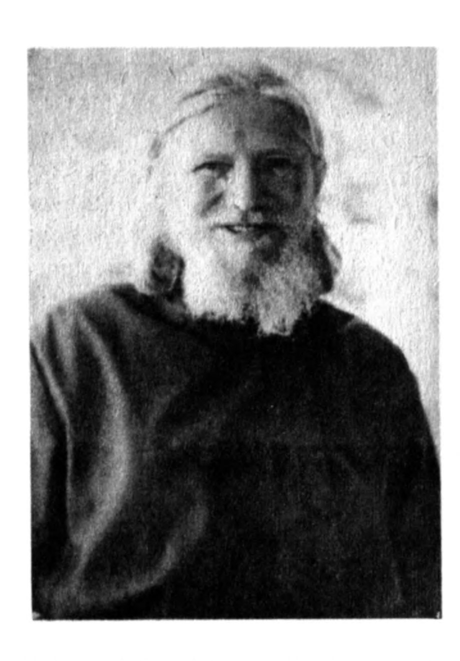
работать инженером, дабы прокормить семью. Женщиной она была волевой, открытой и прямой, именно она открыла Глебу с Евгением сокровищницу Православия — кто бы еще смог это сделать? Когда Глеб познакомился с Концевичами, они жили в крошечной, сырой, полуподвальной квартире, внизу под квартирой епископа Нектария. Оттуда они переехали в маленький домик в Беркли, поближе к университетской библиотеке, там-то и повстречал их Евгений, приметив в этих высокообразованных людях утонченность и благородство.

«У них не было детей, — вспоминает Глеб, — и поэтому все силы и время посвящались самому дорогому — Оптиной и передаче людям святоотеческого мировоззрения — сущности христианства, которую так быстро утрачивает современный мир. И когда люди забудут о ней совсем, наступит конец света. У Концевичей было замечательное собрание святоотеческих книг. Я приходил к ним и проводил часы в увлекательнейших беседах: мы обсуждали множество самых важных вопросов, и покидал я дорогой сердцу домик на улице Телеграфной всегда в восторженном состоянии, с целой кипой святоотеческих книг, некоторые — из библиотек Оптиной или Валаама. Я вез их домой в поездах и автобусах, прекрасно осознавая: книги эти держали в руках, а возможно, и омывали умильными слезами величайшие оптинские монахи и святые старцы! Непередаваемое чувство! Отец Адриан внушил мне мысль: нужно насадить Святость Руси на плодородной американской земле, и книги, над которыми я трепетал, были драгоценными семенами».

Глеб называл епископа Нектария, Ивана и Елену «мои три Концевича». Одни из последних носителей мировоззрения Отцов Церкви и оптинских традиций, они оказали огромное влияние на него с Евгением, со временем передав им свое духовное наследие.

В 1963 ГОДУ в Сан-Франциско появился еще один замечательный человек, духовный сын архиеп. Иоанна, отец Спиридон (Ефимов). Евгению и Глебу он показался самым близким по духу к их дорогому Владыке. Эти два пастыря, конечно, разнились по размаху деятельности, но в своей отрешенности от мира и своеобразной «Христа ради юродивости» они, несомненно, сходились. Как и архиепископ Иоанн, о. Спиридон находил необыкновенный отклик у детей, и хотя голова уже поседела, лицо было как у семилетнего ребенка.

С Владыкой Иоанном они подружились еще в Битольской семинарии в Югославии, а в 1963 году архиепископ попросил переехать своего давнего знакомого в Сан-Франциско, поставил его одним из ведущих

Архимандрит Спиридон (Ефимов) (1902-1984).

клириков и инспектором кафедральной приходской школы. Глеб и Евгений впервые увидели о. Спиридона на его первой проповеди в Сан-Франциско. Глеб писал: «Первое наше впечатление о нем сложилось превосходное. Мы сразу поняли: это человек по-детски чистый, лишенный какого-либо лукавства и неспособный к церковным интригам. Речь его полнилась глубоким богословским смыслом, лицо же излучало неотмирный свет».

После службы Глеб спросил мнение Евгения об о. Спиридоне. Тот ответил, что он очень ему понравился, но «уважающие» себя слуги церкви, несомненно, осмеют его. Действительно, с точки зрения «общепринятого церковного этикета» вид о. Спиридона был престранный. По воспоминаниям Глеба: «Его архимандричья митра или монашеский клобук сидели набекрень, пряди нечесаных волос спадали на глаза, торчали в разные стороны. Мизинцы на руках были скрючены, ряса слишком коротка и из-под нее виднелись худые ноги в длинных черных носках и огромных башмаках с загнутыми носами. Шагал он резво, при этом заметно хромая, лицо обычно светилось. Сколь дорог и очарователен был этот чудак в прозаической суете нашего обмирщенного общества!»[1]

Другим близким другом архиеп. Иоанна по Сан-Франциско был о. Митрофан — веселый добросердечный священник с румяным лицом. В России он знавал настоящую юродивую — Феоктисту Михайловну и

видел, что тот же дух почивает и на Владыке Иоанне. Отец Митрофан женился на благочестивой девушке, ученице старца Нектария Оптинского, дочери священника — одного из Российских Новомучеников. Когда жена умерла, он впал в полное отчаяние. Спас его архиеп. Иоанн. С тех пор тот не расставался с ним, всюду следовал за любимым блаженным архипастырем. Отец Митрофан был искренне предан Владыке, а своей готовностью в любой момент отдать за Владыку жизнь воодушевлял и других.

29

О звездах и музыке

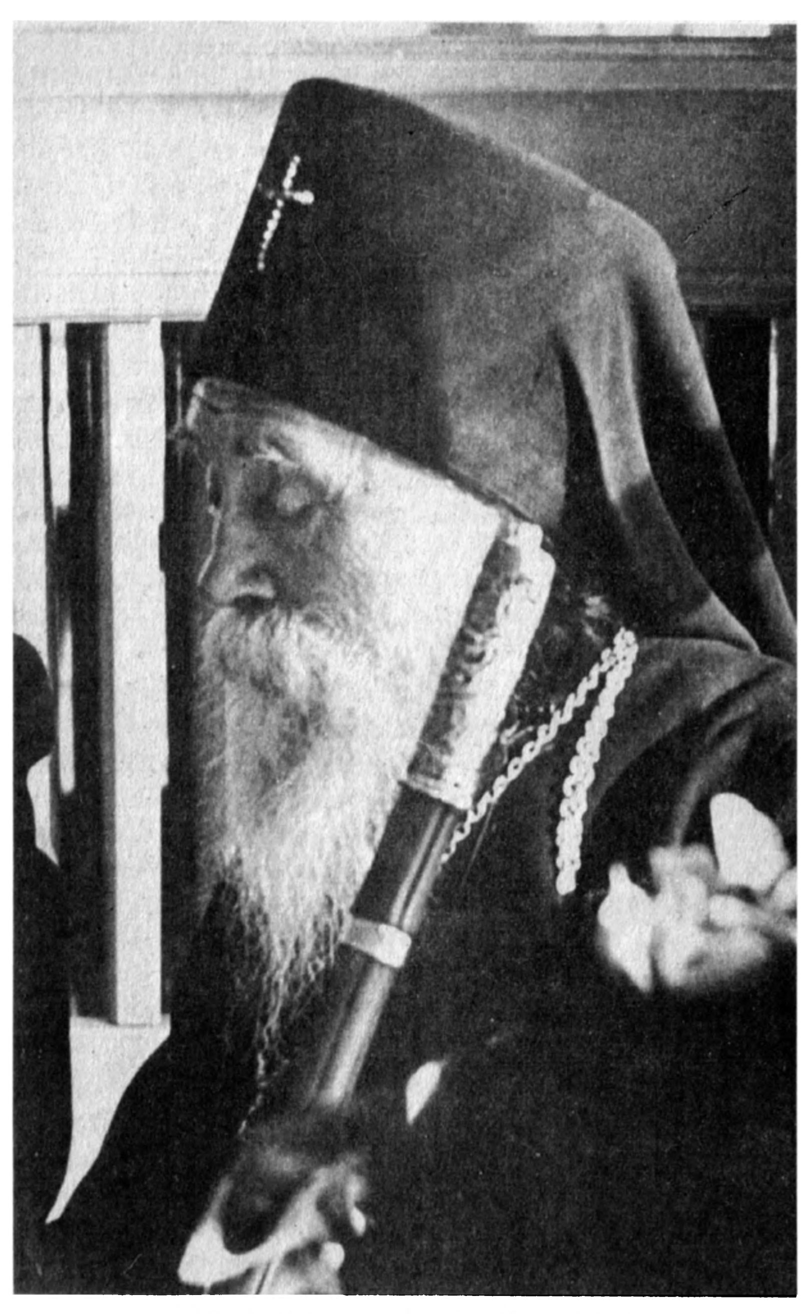
Я долго стоял неподвижно,
В далекие звезды вглядясь, —
Меж теми звездами и мною
Какая-то связь родилась.

Я думал... не помню, что думал;
Я слушал таинственный хор,
И звезды тихонько дрожали,
И звезды люблю я с тех пор...

Афанасий Фет (1843).

В ТОМ ЖЕ 1963 году Евгению случилось узнать еще двух людей: выдающегося богослова и смиренного иерарха, митроп. Анастасия (Грибановского), а также друга Глеба, еп. Эдмонтонского Савву (Сарашевича). Краткая, но близкая встреча с митрополитом произошла при необычных обстоятельствах: не что иное, как любовь к изысканной классической музыке, свела истинного представителя Святой Руси и молодого современного калифорнийца.

90-летний митрополит был хиротонисан во епископы еще в 1906 году и нес благодать апостольского служения уже более полувека. Этот утонченный и образованный иерарх являлся автором прекрасной философской книги «Беседы со своим сердцем», в нее вошли его размышления о богословии, искусстве, литературе и музыке. Его глубоко почитал Владыка Иоанн, впоследствии он написал краткую биографию митрополита[1]. Евгений же познакомился с ним всего за два года до кончины Владыки (†1965).

Митрополит Анастасий (Грибановский)
(1873-1965)

Глеб вспоминает:

«В июле 1963 года один из студентов, певших у меня в хоре, сообщил мне о ежегодном фестивале Баха. Проходил он в местечке Кармел, и я, конечно же, очень захотел туда попасть. Тем более и Евгений в это время собирался к родителям в Кармел, и я не сомневался: он тоже захочет пойти на концерт. К музыке Барокко он питал особую любовь...

Незадолго до открытия фестиваля тот же студент сказал, что ему предложили поработать билетером, и если я хочу, то тоже могу бесплатно пройти на концерт, помогая рассаживать публику. Я с радостью согласился и приехал задолго до начала. Программа была великолепной: на открытии давали полную ораторию Генделя «Суд Соломона», исполнялась она оперными певцами с огромным оркестром и хором.

Перед самым началом я был приятно удивлен: появился Евгений, он тоже подрядился билетером и, к моему изумлению, провожал к креслам 90-летнего митроп. Анастасия, с ними шел преданный шофер Владыки, также большой знаток и любитель музыки. Следом — еп. Савва Эдмонтонский.

Мне было известно, что митрополит приехал на западное побережье, но я, конечно, не предполагал увидеть его в Кармеле. Многие в знак уважения встали, а почтенный иерарх в белом клобуке и черной рясе медленно, едва переставляя ноги, шел по проходу замечательного зала, чем-то напоминавшего храм. Митрополит был мал ростом, но внушал большое благоговение. Я взял благословение у еп. Саввы, моего старого знакомца еще по Канаде и частой переписке, а он попросил меня проследить, чтобы все двери были закрыты, так как у митрополита сильная простуда и сквозняки для него очень опасны. Конечно, не случайно в этот вечер я — в первый и последний раз в жизни — стал билетером.

Я хорошо знал митрополита еще с семинарии в Джорданвилле. Там мы беседовали несколько раз. Однажды разговор зашел о старце Германе Аляскинском. Владыка его очень почитал. Я просил тогда благословения на паломничество на Аляску сразу же после окончания учебы. Он благословил и просил усердно молиться на могиле старца (как он почтительно называл, «будущего святого») за всю Русскую Церковь, очень нуждающуюся в небесном защитнике. «Ты будешь нашим посланником, — сказал мне престарелый архиерей, — и передашь наше благословение преданному хранителю святых мощей, архимандриту Герасиму», что я и исполнил.

Заиграла музыка, заворожила зал, позвала за собой, открыла совершенно иной, неземной мир. Евгения попросили сесть рядом с

больным митрополитом, прикрывать его одеялом. По другую руку находился еп. Савва, он явно наслаждался переложением библейской истории, улыбался, потирал руки. Я же стоял у двери, следил, чтобы случайный порыв ветра не нарушил трепетной атмосферы в зале, и наслаждался каждым мгновением…

Когда закончилась первая часть этой великолепной оратории, больной митрополит стал выбираться из кресла. У него не было сил остаться до конца программы. Но я ликовал! Своими собственными глазами увидеть здесь великого православного богослова! Он сполна пожил и вкусил все тонкости церковной истины, уж он-то способен осознать величие музыки. Он не пожалел сил, приехал издалека, чтобы вместе с нами насладиться произведением высокого искусства на библейскую тему. Встреча эта явилась для меня поистине даром свыше.

Я виделся с митрополитом в последний раз. Мы вышли на улицу, стояла теплая летняя ночь. Душа еще полнилась звуками «Суда Соломонова», и этот добрый, мягкий, маленький человек — гигант в моих глазах — возложил на мою грешную голову свое последнее благословение… Какой прекрасный урок живого Православия я получил! Это не узко ограниченный свод законов древней Византии, от которых ждут чудес. Нет! Православие — это наши духовные «очки», позволяющие видеть вселенную во всей целостности и подробностях, сколь бы «близоруки» мы ни были. И не только созерцать! Православие помогает стяжать возвышенные, рожденные музыкой чувства, как единое всеобъемлющее Великолепие, дарованное нам, смертным. И мы должны как-то приобщиться его еще в этой жизни, ибо это лишь начало вселенского бессмертия, которое грядет в веках.

«О Господи, помилуй мя, грешного», — возопило мое сердце с чувством благодарности.

Машина митрополита быстро покатила с холма навстречу солнцу, садившемуся в сверкающее море…»[2]

ОБЩАЯ ЛЮБОВЬ Евгения и Глеба к классической музыке обнаружилась еще раньше, когда Евгений приехал навестить Глеба в Монтерее. Тогда его русский друг понял: музыка ведет их, хотя и разными путями, к Православию. Вспоминая тот день ранней весны, Глеб пишет:

«После осмотра исторических мест в Монтерее мы с Евгением поехали домой к его родителям в Кармел. Я их видел впервые. Мы пообедали вместе, а потом слушали любимую музыку Евгения. Потом он проводил меня до самого дома — около 5 миль, он хорошо знал эти

места и выбирал кратчайший путь. Как много открыла мне беседа в тот вечер, я узнал очень многое о его душе. Говорил он не напрямую: просто рассказывал о любви к музыке, но не обнаруживал связь, существовавшую между его собственным миром и миром звуков. Он говорил о Монтеверди, Телемане и Корелли, пока мы шли, и я почти слышал их мелодии, и непостижимым образом они поведали мне о глубокой неудовлетворенности его души, о неприятии путей мира сего.

Опустилась ночь. По небу рассыпались звезды. Я ждал многого и от своей новой работы, и от Калифорнии, и от будущего, но ничто не радовало меня. Мне мучительно хотелось воплотить в делах свою любовь к миру подвижников. Евгений же, хотя и не знал о них, душой прозревал, что заставило этих людей удалиться на свой «подвиг».

Евгений оставался для меня загадкой. Под конец мы разговорились о звездах. Мы стояли на пороге моего коттеджа, окруженного цветущими кустами мимозы, и он сказал уклончиво, будто снова отгораживался от меня: «Признаюсь, что больше всего на свете меня волнуют звезды».

Мы расстались, Евгений пошел пешком до Кармела. Добрался, наверное, к утру. По заведенному мною правилу, я открыл большую славянскую богослужебную книгу и начал вслух читать канон Богородице. Моему товарищу по комнате это не мешало, и я тихо пел чуть ли не до рассвета. Горела свеча, под окном качались ветви мимозы. Покаянные мотивы канона настраивали на раздумья: как загадочен мир, как скоротечен и мимолетен! И какие огромные возможности дал Бог Новому Свету, Америке, нужно только донести сюда хотя бы частичку мудрости Православной Церкви.

Именно тогда в сердце созрело решение — приобщить к тайне облагоуханного отшельничества молодого богоискателя Евгения, бродящего ночами с молитвой, неизъяснимой тягой к музыке, духовности и звездам...»

30

Святой под судом

Неправо умствующие говорили сами в себе: будем притеснять... праведника.... он перед нами — обличение помыслов наших. Тяжело нам и смотреть на него; ибо жизнь его не похожа на жизнь других, и отличны пути его; он считает нас мерзостью и удаляется от путей наших, как от нечистот; ублажает кончину праведных.

Прем. 2:1,10, 14-16.

К стыду вашему говорю.... брат с братом судится, и притом перед неверными.

1 Кор. 6:5-6.

Меч души нашей не становится пронзительно острым лезвием, если злоба других не оттачивает его.

Св. Григорий Великий[1].

Почти все представители традиционной школы Православия, живые хранители святоотеческого учения, знакомые Евгению по Сан-Франциско, принадлежали к Русской Зарубежной Церкви, а митроп. Анастасий, с коим он встретился в ту незабываемую летнюю ночь в Кармеле, являлся ее первоиерархом. Евгений стал горячим последователем этой ветви Русского Православия, ее ревнителем, т. к. в Америке Церковь сия хранила наибольшую из всех остальных приверженность к православным традициям. Ей были чужды экуменические новшества, реформы церковного календаря, компромиссы с коммунистическими режимами, более того, туда входили яркие представители Святой Руси: чудотворцы, пророки, старцы, истинные богословы и философы. Но, как и у всякой организации, у нее также были свои заботы. Первой

обратила на них внимание Евгения и Глеба Елена Юрьевна Концевич. Евгений вспоминал: «Став православным христианином, я сразу понял, в Русской Зарубежной Церкви есть два типа (или две школы) епископов: с одной стороны, Владыки Иоанн, Аверкий, Леонтий, Нектарий, Савва, с другой — те, кто сейчас занимает господствующие позиции»[2].*

С представителем второго лагеря ему удалось познакомиться еще до возвращения Глеба на западное побережье. В то время Евгений уже принял Православие и искал применения своим талантам, вместе с другом Джимом наудачу решил посетить одного человека. То был архиеп. Виталий Канадский. Он приехал в Сан-Франциско и назначил встречи людям, желающим пойти к нему в Монреальский монастырь. Его обитель занималась изданием православной литературы, что, казалось, идеально подходит Евгению.

Двери им открыл стройный красивый мужчина в безукоризненно отглаженной рясе, от него пахло одеколоном. Держался он чрезвычайно обходительно, говорил гладко. Убедившись, что Евгений умен и хорошо образован, он пригласил его в Монреаль. Молодой американец задал несколько вопросов относительно тамошней жизни, но на душе скребли кошки — его поразил взгляд собеседника, холодный и тяжелый, а сам он казался расчетливым, даже зловещим. Евгений решил — всё это не для него.

Позже Глеб спросил:

— Какое впечатление произвел на тебя этот архиепископ?

— Страшный тип, — ответил Евгений, — мне не понравились его глаза.

Когда он познакомился с Владыкой Иоанном, он понял, что архиеп. Виталий — его полная противоположность.

Как оказалось, архиеп. Виталий — самый хитрый и напористый «деятель» Русской Зарубежной Церкви — прибрал к рукам всю власть, не гнушаясь разными интригами. В 20-30-е годы, оказавшись в изгнании в Восточной Европе, подобные ему «руководители» Церкви создали мощную группировку, не допуская к власти «чужих». Из-за них пострадало много выдающихся иерархов: архиеп. Иоасафа перевели из Канады в Южную Америку, где он умер через год из-за резкой смены климата; архиеп. Аверкия исключили из постоянных членов Синода; архиеп. Леонтия, мужественного миссионера, прошедшего советские тюрьмы, рукоположившего более 300 человек, также отправили в

* Полную цитату см. на с. 912.

Южную Америку; архиеп. Савву заставили уйти на покой и отстранили от всех церковных дел.

Но самому жестокому гонению подвергся архиеп. Иоанн. И он также побывал некогда в Восточной Европе, но не примкнул ни к одной группировке, совесть его осталась чиста перед Богом. Церковные верхи возмущали многие его поступки: он сослужил с клиром Московской Патриархии, «евлогианской» Церкви, Церквей с новым календарем... — на такое отваживались не многие из его коллег. В бытность епископом Шанхайским на литургии он поминал вместе со своим первоиерархом митроп. Анастасием и Патриарха Московского Алексия I*. Его называли «коммунистом», хотя он не имел ничего общего ни с безбожным советским режимом, ни с реформами церковного календаря, но священников, не сумевших противиться и избежать этого, не переставал считать братьями по вере православной. Он говорил, что нет такого понятия, как церковная «юрисдикция». Всё это, вдобавок к непривычной внешности и поведению, осложняло его деятельность среди иерархов, завидовавших ему: тысячи людей во всем мире почитали его как святого.

И вот в XX веке, в Америке, в Сан-Франциско, Евгений оказался живым свидетелем гонений, которым подвергся современный святой. Горькая то была для Владыки пора. События эти безмерно ускорили его кончину (тремя годами позже). Кульминацией всего стал публичный процесс над ним в Верховном Суде города и округа Сан-Франциско по обвинению его и некоторых других в проведении незаконных церковных выборов и растрате церковной казны.

Нападки на архиепископа исходили со стороны старого приходского совета собора, но, как могли понять Евгений с Глебом, всё действо активно подогревалось «братьями»-епископами из той же Русской Зарубежной Церкви. В приходской совет входили сторонники архиеп. Антония Лос-Анжелесского, члена иерархической группировки, бывшего управляющего Сан-Францисской епархией. Эти церковники стара-

---

* Однако надо заметить, что архиеп. Иоанн никогда не был и человеком «партии» Московской Патриархии. Когда Патриархия потребовала, чтобы в Русской Зарубежной Церкви на Дальнем Востоке перестали поминать митроп. Анастасия, Владыка Иоанн отказался делать это, хотя остальные епископы уступили требованию. Владыка Иоанн же продолжал поминать обоих: митроп. Анастасия и Патриарха Алексия I. За это его пытались не допустить до богослужений и даже отравить. См. кн.: Блаженный Иоанн Чудотворец. М, Изд. «Русский паломник», 1993, с. 63-67.

лись опорочить Владыку Иоанна и помешать ему как первопреемнику занять пост первоиерарха на смену болящему митроп. Анастасию.

Когда архиеп. Иоанн принимал дела в Сан-Франциско, тогдашний приходской совет, верный архиеп. Антонию Лос-Анжелесскому, не дал ему ознакомиться с финансовыми отчетами, а когда он всё-таки получил их на собрании совета (хотя кто-то и пытался вырвать бумаги прямо из его рук), нашел много нарушений[3].

В начале следующего года Владыка записал: «Великий Пост в Сан-Франциско прошел при большем количестве молящихся и говеющих, и Пасха была встречена с великим духовным подъемом. Взаимоотношения в пастве заметно сглаживались и о прошлогодних конфликтах говорили уже как о „бывших"». Владыка призвал возобновить строительство нового собора, и вскоре после Светлого Христова Воскресения начался сбор пожертвований.

Дела пошли на лад, но тут в приходском совете появились недовольные. При поддержке архиеп. Антония они попытались остановить строительство и сместить архиеп. Иоанна. Поначалу сочинили жалобу на Владыку, эту бумагу разослали епископам и клиру по всему свободному миру. В первую очередь его обвинили в «коммунистических симпатиях» и «приверженности красным», т. к. служа в Шанхае, он поминал Патриарха Московского и одобрил желание одного из своих прихожан вернуться в Советский Союз.

В жалобе ссылались также на «общую неуравновешенность» Владыки Иоанна, «озабоченного лишь духовными делами», и на то, что он не следит за расходованием средств, собранных для строительства собора.

Этот «документ» опубликовали в русскоязычной газете «Русская жизнь» и даже упомянули о нем в одном из ведущих американских изданий «Хроника Сан-Франциско»[4].

Архиеп. Иоанна неожиданно вызвали в Нью-Йорк в Синод на особое заседание Собора епископов. Обсуждалось положение дел в Сан-Франциссской епархии. Враги Владыки из иерархической группировки на основании жалобы приходского совета добились смещения его с позиций правящего архиерея Сан-Франциско[5], причем самого Владыку даже не пустили на собрание, решавшее его участь — он прождал за дверью более четырех часов.

Новость мгновенно разлетелась по Сан-Франциско, и по возвращении Владыки в аэропорту его ожидали сотни людей. «Возбуждение, — как вспоминает он сам, — было неописуемое». Шум и возмущение продолжались более двух недель, а когда его сторонники обратились в Синод с просьбой изменить свое решение, против них поднялась

озверелая кампания, да так, что, по словам Владыки, «возникла опасность рукопашных столкновений. Я, насколько мог, сдерживал, как и само присутствие несколько сдерживало ревность не по разуму. Но, к глубокому прискорбию, то, что было сделано для водворения мира в пастве в течение четырех месяцев было разрушено в один день, одним ударом».

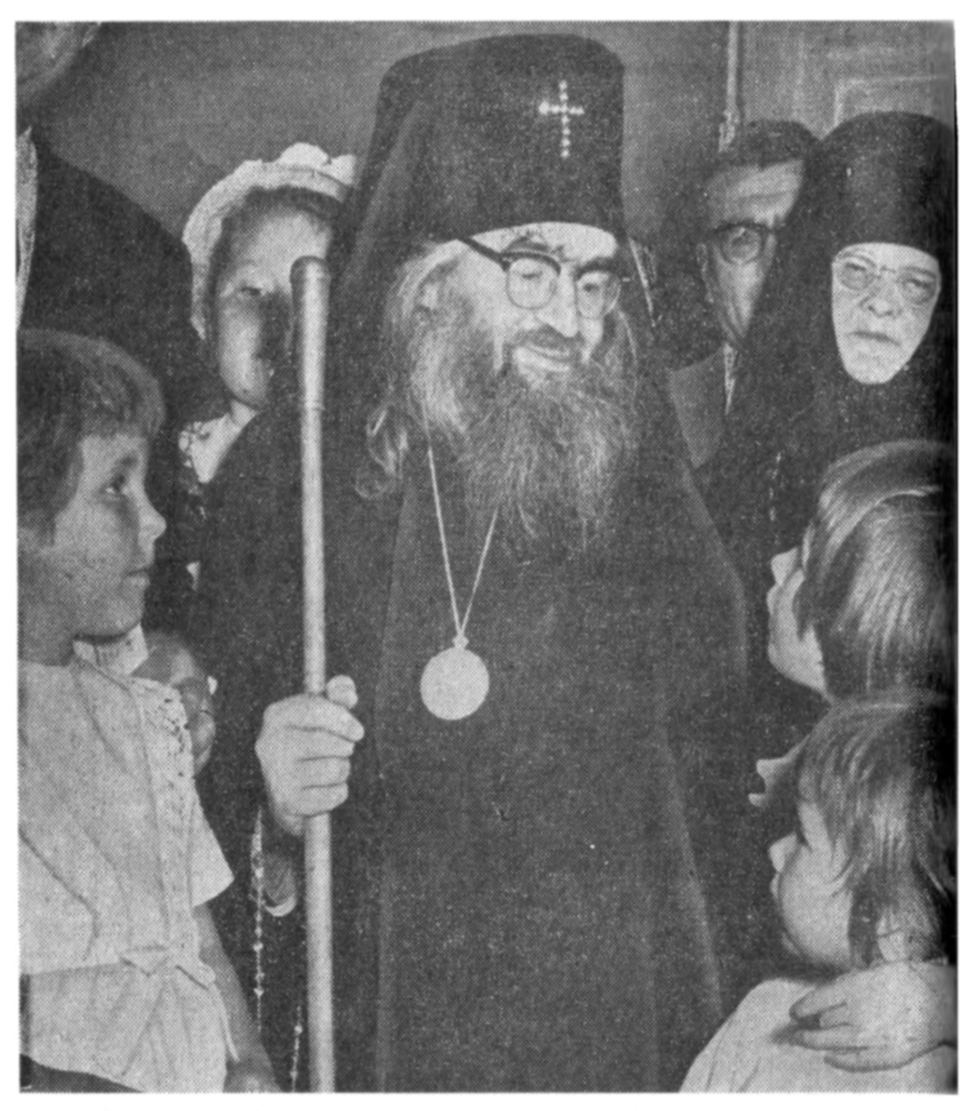
Друг архиепископа и первоиерарх, митроп. Анастасий позвонил ему, они проговорили около часа и благодаря влиянию митрополита на следующий день Синод отменил свое постановление. Временные полномочия архиеп. Иоанна в Сан-Франциско продлили еще на шесть месяцев. Но всё происходящее ясно показало врагам Владыки — у них есть надежная опора в лице чрезвычайно влиятельных епископов. И они, естественно, пошли дальше.

Настоящая битва грянула в тот момент, когда архиеп. Иоанн призвал к перевыборам церковного старосты и членов приходского совета, назначив их на 9-ое июня. Старый совет постарался помешать этому. Прекрасно осознавая, что сторонников Владыки почти вдвое больше, они обратились даже в Городской Суд, добиваясь отмены выборов*. 6-го июня сразу по окончании богослужения к архиеп. Иоанну подошел официальный представитель и вручил копию искового заявления с вызовом его в суд.

Друг Владыки, еп. Савва, бывший когда-то судьей в Сербии, приехал из Канады в Сан-Франциско. Желая помочь собрату разобраться в юридической путанице, он написал доклад на 4-х страницах в защиту архиепископа и вместе с Владыкой пошел в суд[6]. Судья заслушал дело и снял запрет на проведение выборов. Противная сторона тем временем печатала объявления и рассылала письма по домам с извещением об отмене выборов. На руках у них находилась телеграмма от Синода, подписанная самим Верховным иерархом, полная угроз Владыке, если он устроит перевыборы. Опять выручил еп. Савва. Связавшись с первоиерархом, он объяснил всё происходящее и на следующий день получил депешу с согласием делать всё запланированное ранее[7].

---

* Этот и другие документы, относящиеся к судебному процессу над Владыкой Иоанном и сегодня доступны для публичнаго осмотра. Они находятся в Сан-Францисском Городском Зале (San Francisco City Hall), офис областного секретариата, комната 317. Случай № 532856 Верховнаго Суда города и округа Сан-Франциско. Истцы: Борис Н. Борзов и т. д. Ответчики: Евгений А. Храпов, Максимович, известный также как Его Высокопреосвященство архиепископ Иоанн, и т. д. Первая датировка документа — 6-ое июня 1963 г.

Архиепископ Иоанн во время посещения школы при женском монастыре Владимирской иконы Божией Матери. Сан-Франциско. 1963 г. Справа — настоятельница игуменья Ариадна. Снимок из газеты «San Francisco News Call Bulletin» за 29 апреля 1963 г.

Несмотря на все попытки сорвать, выборы и общее собрание всё же состоялись 9-го июня. Для объективности всё проводилось с использованием счетных машин. Приняло участие более 400 человек, поддерживающих архиеп. Иоанна. Избрали новый приходской совет, и тут же прошло общее собрание. На нем решили незамедлительно возобновить строительство собора.

Отставленный приходской совет снова вызвал архиеп. Иоанна в суд. 250 истцов формально обвинили Владыку Иоанна и новый приходской совет в присвоении церковных денег, собранных для строительства собора, и в нелегальных церковных выборах 9-го июня*. Крестный отец Евгения, Димитрий, как член вновь избранного совета, был среди обвиняемых вместе с архиеп. Иоанном. Назначили день суда, а покуда суд запретил продолжать строительство.

К этому времени в Сан-Франциско подъехали некоторые епископы вышеупомянутой группировки. Сразу же присоединились к истцам, специально встретились с их адвокатами и предложили помощь в процессе против архиеп. Иоанна и других ответчиков. При этом один из них, тот самый Виталий, повстречавшийся Евгению год назад, заявил, что прибыл сюда как специальный представитель первоиерарха для примирения сторон. «Практически это выразилось, — вспоминал Владыка Иоанн, — в живом общении архиеп. Виталия с адвокатами жалобщиков и в подаче в суд заявления, что он, как представитель Синода, заявляет о незаконности собрания 9-го июня»[8]. Другой представитель высшего духовенства, архиеп. Серафим Чикагский, избегая Владыку и игнорируя приведенные им факты, заплатил одной русской газете и опубликовал в ней статью, в которой утверждал, что знает архиеп. Иоанна очень давно и готов засвидетельствовать последнего как параноика. Архиеп. Антоний Лос-Анжелесский тем временем совершил несколько поездок на север, призывая сторонников усилить деятельность против Владыки.

---

* Как недавно было замечено в православной прессе, «против архиеп. Иоанна никогда не выдвигалось никаких обвинений», но только против определенных членов приходского совета (Orthodox Life, 1993, Т. 43, № 5). Это неправда. Документы судебного дела Верховного Суда штата Калифорния несколько раз показывают: «МАКСИМОВИЧ, известный также как ЕГО ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕНСТВО АРХИЕПИСКОП ИОАНН, заслушан с ответчиками по обвинению в присвоении денег». Множество документов говорят об «ответчике архиеп. Иоанне» без каких-либо упоминаний других ответчиков. Сам архиеп. Иоанн в своем сообщении к митроп. Анастасию относительно судебного заседания обозначил ясно, что судебный процесс был затеян против него как епархиального Владыки и настоятеля кафедрального собора Сан-Францисской церковной общины.

Когда приблизился день суда, русская община в Сан-Франциско забурлила. На приходских собраниях люди выказывали полное неуважение архиеп. Иоанну, непочтение к сану. Раздавались отдельные выкрики на его сторонников, и особенно на о. Леонида Упшинского — того самого священника, который помог Евгению влиться в церковные службы, — обрушилась горькая оскорбительная брань.

Одна женщина, в то время девочка-подросток, вспоминает:

«Архиеп. Иоанн действительно подвергся ужасному гонению. Я помню кощунственные речи людей, готовых уничтожить его. Слушать противно, но и мои родители, к сожалению, были против него. Они поддерживали архиеп. Антония Лос-Анжелесского, стремившегося к власти. Моя младшая сестренка помнит случай, поразивший ее до глубины души. Она рассказывала: «Я была с мамой, а она с другими женщинами бежала за Владыкой Иоанном, ругала его и плевала вслед. Я видела, как моя мама плюнула ему прямо в лицо!» И это сразу после церковной службы!

Я не понимаю, почему люди вдруг возненавидели его. Мы, дети, чувствовали, что он невиновен. Мы понимали друг друга, он любил нас и всегда уделял много внимания. Я помню его: скрюченный, старенький, а глаза чудесные. Росточком маленький! Да и гугнивый. Но что-то было в нем необыкновенное. Сестра рассказывала, что, когда в первый раз увидела его и он посмотрел ей в глаза, она ощутила благодать.

Епископ же из Лос-Анжелеса — его полная противоположность. Он останавливался у нас в доме, когда ездил на север (хотел заручиться там поддержкой). Мы, дети, и близко-то подойти боялись. Он держался холодно, чопорно и важно, никогда не разговаривал с нами, детьми, хотя всегда устраивался в нашей спальне, а нам приходилось спать на кухне под столом».

Евгений часто ходил в Сан-Францисский собор. Он внимательно следил, как архиеп. Иоанн откликнется на все интриги и шумиху. В письме к одному из друзей он поведал: «Владыка нравится мне больше других епископов, хотя я почти ничего не понимаю, когда он говорит. Он всегда исполнен такого внутреннего покоя и радости, что для души благотворно просто находиться рядом с ним. За последние месяцы я оказался свидетелем нескольких драматических сцен: Владыку окружала возбужденная, ревущая, истерическая толпа (ты знаешь, как могут вести себя русские), но он оставался спокойным, и даже радостным»[9].

Видел Евгений и другое, как паства архиеп. Иоанна из любви к своему пастырю, вырвавшему их из охваченного войной Китая, самоотверженно защищала его. Игуменья Ариадна, полная справедливого

Фотография, опубликованная газетой «San Francisco Examiner» 9-го июля 1963 г. Архиепископ Иоанн на суде в окружении друзей. Слева направо: епископ Савва, архиепископ Иоанн, архиепископ Леонтий, епископ Нектарий, о. Николай Домбровский и о. Леонид Упшинский. Прямо за архиеп. Леонтием игуменья Ариадна.

негодования, бесстрашно говорила в соборе о том, что церковная фракция подняла руку на живого Святого. Евгений слышал, как она обратилась к общине со словами: тот, кто согласен с ее взглядами, пусть лучше ходит к ней в монастырь на службы. — И тогда все вышли из храма и направились прямиком в ее обитель.

В то время Глеб получил незабываемый урок, как серьезно нужно относиться к происходящему. Однажды он ехал из Монтерея в Сан-Франциско со своим коллегой, преподавателем языка Георгием Александровичем Скарятиным, господином средних лет, большим почитателем архиеп. Иоанна. Тот знал Владыку еще с Шанхая и был свидетелем его чудес. Именно Георгий Александрович сумел выхлопотать помещение для сиротского приюта свят. Тихона в Сан-Франциско, а затем основал благотворительный фонд архиепископа и проработал там много лет. По дороге он спросил мнение Глеба обо всём творившемся вокруг, и Глеб довольно наивно ответил, что, конечно, Владыка Иоанн — святой человек, но сам он лично предпочитает не лезть в политику... Георгий Александрович начал волнуясь

разъяснять, что происходит: великого Чудотворца и Апостола современности, настоящего подвижника, шедшего на жертвы ради болящих, бедствующих, молившегося о них денно и нощно, не позволяя себе даже прилечь, как все нормальные люди, мучают сейчас свои же православные, из той же Церкви, и собратья-епископы. Говоря это с огромной болью в сердце, Георгий Александрович всё больше и больше расстраивался, возмущался неслыханным преступлением. Лицо у него побагровело. Глеба тронули его слова, он понял, как беспомощны люди перед безбожием в Церкви. Взволнованная речь его ближнего была не истерикой, а откровением человека с огромным чувством справедливости.

На следующий день он узнал, что Георгий Александрович умер от сердечного приступа. Память о волнующей беседе была свежа, и Глеб почувствовал, что на его глазах человек отдал жизнь, защищая архиеп. Иоанна.

Несколькими годами позже Владыка (уже после кончины) отблагодарил своего верного духовного сына — излечил его вдову от серьезного недуга[10].

9-ГО ИЮЛЯ 1963 ГОДА на улицах Монтерея Глеб обратил внимание на один из заголовков. Сообщалось о заседании Сан-Францисского городского суда над русским епископом. В статье помещена была и фотография архиеп. Иоанна в зале суда. Теперь стало совершенно понятно: дело, как и говорил Георгий Александрович, не из разряда мелких внутрицерковных ссор.

Процесс длился 4 дня, и каждый день зал суда заполнялся до отказа. Глеб работал в Монтерее и не мог присутствовать, но Евгений ходил на все слушания. Он видел, как епископы и священники, пришедшие защитить архиеп. Иоанна, сели с ним рядом на одну скамью. Кроме епископов Саввы и Нектария, из Южной Америки приехал еще один его друг — архиеп. Леонтий Чилийский. Там же были архим. Спиридон, о. Митрофан и игуменья Ариадна.

С самого начала судья Эдвард О'Дэй, старый добрый ирландский католик, понял, что перед ним не обычный обвиняемый, а истинно Божий угодник, и впервые в истории суда Сан-Франциско судья разрешил обвиняемому произносить молитву перед началом каждого заседания*.

---

*Эти сведения получены от адвоката, защищавшего Владыку Иоанна, Джеймса О'Гара, мл.

Архиеп. Иоанн, следуя монашескому принципу «не искать само-оправдания» на протяжении всего процесса не произнес ни единого слова.

К началу первого слушания неожиданно приехал протоиерей Георгий Граббе — синодальный секретарь, один из самых властных людей группировки епископов. «Бросалось в глаза его постоянное совещание с адвокатами жалобщиков», — писал Владыка Иоанн. На третий день Граббе дал показания в пользу истцов, а на следующий день один из их адвокатов произнес речь, главным образом против архиеп. Иоанна. «Обвинений было столько, — вспоминает последний, — что судья сказал, если рассматривать каждое, дело никогда закончено не будет... Заседание суда было прервано до дальнейшего объявления».

Через несколько дней трое адвокатов истцов улетели в штаб-квартиру Синода в Нью-Йорк, где у них состоялась встреча с архиеп. Виталием и секретарем Синода.

Самым неприятным в этом деле были телеграммы, приходившие якобы от первоиерарха, митроп. Анастасия, из штаб-квартиры Синода. Когда архиеп. Иоанн и еп. Савва говорили с ним по телефону, они всегда находили полную поддержку: он подтвердил полномочия Владыки Иоанна в Сан-Франциско и, как уже упоминалось, в доказательство посылал подписанные депеши. Однако другие послания с подписью митрополита содержали мнения противоположные, подрывающие авторитет архиеп. Иоанна, идущие наперекор всем прежним решениям первоиерарха и позволявшие истцам заявлять в суде, что они «действуют строго по распоряжению Синода». Телеграммы эти посылались прямо истцам и их адвокатам, а один раз — самому судье О'Дэю. Владыка Иоанн же узнавал о них последним. Митрополит был тогда уже стар и немощен, и, по предположению архиеп. Иоанна, высказанному в докладе архиерейскому собору, похоже, что телеграммы шли совсем не от него. «Недавно еще славное и уважаемое имя митроп. Анастасия, — писал Владыка, — покрыто позором, ибо противоречивые распоряжения, обращения в суд и другие действия уронили его престиж не только в нашей пастве, но и среди иноверных, т. к. делались от его имени. Мы, ближайшие его сотрудники, знаем, насколько то несовместимо с его личностью, и не можем полностью возлагать на него за них ответственность».

Еп. Нектарий, преданный викарий Владыки Иоанна, также попал в неприятную историю. Он получил депешу якобы от митроп. Анастасия, и, как он позже рассказывал Евгению и Глебу, послание показалось ему очень странным. Согласно ему, он должен был тайно, никому не

говоря, посадить архиеп. Иоанна на поезд и отправить в Нью-Йорк. Объяснений никаких не следовало, но давалось странное распоряжение: митроп. Анастасию не звонить, исполнять всё беспрекословно, как послушание. Поскольку на телеграмме стояла подпись митрополита и она пришла из штаб-квартиры Синода, еп. Нектарий не усомнился в ее подлинности, но почему-то почувствовал недоброе. Он дал обет повиновения Синоду, но сейчас это повиновение противоречило его совести. В Сиэттле, куда он приехал проведать свой приход, он не мог уснуть, до самого утра бродил по улицам города, усердно молился и в конце концов решил не подчиняться приказу. Позвонил в штаб-квартиру Синода, попросил личного разговора с митрополитом. Ему ответили, что это невозможно, но взвинченный епископ настойчиво требовал, и их всё-таки соединили.

— Ваше Высокопреосвященство, я прошу выслушать меня. Я не могу сделать того, о чём вы просите, — сказал еп. Нектарий и начал объяснять.

— Минутку, — прервал его митрополит, — вы говорите, это я приказал? Я ничего подобного не говорил.

Неожиданно секретарь Синода, прослушивающий разговор, подключился к ним. Митрополит спросил его:

— Как это возможно? Кто посылал телеграмму?

Секретарь ответил, что они поговорят позже, и повесил трубку.

— Ничего не делайте, — обратился митроп. Анастасий к еп. Нектарию. — Я не писал этой телеграммы, — мрачно добавил он.

Еп. Нектарий рассказывал всё это Евгению и Глебу, уже заметно успокоившись, но всё еще сильно сокрушался, что Синод «попал в руки злых сил».

Архиеп. Иоанн в докладе архиерейскому собору от 23-го июня 1963 года также сообщал о серьезном положении в Русской Зарубежной Церкви:

«Вначале то не особенно ощущалось, т. к. присутствие архиепископов Анастасия и Саввы контролировало исходящее из Синода официально. После же их отъезда и наступления новой сессии дело пошло с неудержимой быстротой. Без проверки, без заслушивания мнения управляющего епархией выносились решения, лишь бы удовлетворить жалобщиков и проявить тем якобы «беспристрастность»... Выполнение незаконного постановления Синода грозило большими осложнениями церковной жизни и не только не привело бы к успокоению, а наоборот вызвало бы новые осложнения и потрясения.

Создается впечатление, что Синод, вернее, лица, которые говорят от его имени, связаны с теми, кто был избран в приходской совет в

прошлом году, и во что бы то ни стало хотят удержать их у власти или, по крайней мере, их ближайших сотрудников и единомышленников, будь то законным или незаконным способом.

Недовольные существующим положением бывают во всяком приходе, были такие и в Сан-Франциско прежде теперешней смуты. Но создание из них сплоченной группы, действующей то в защиту местной церковной власти, то против нее, то согласно канонам, то в противоречии с ними, но всегда единодушно и упорно, не есть явление только местное, а кем-то руководится, близким к Синоду.

Тогда становится понятным всё происшедшее в Сан-Франциско, от начала возникновения смуты и по сей день. Становятся понятными и некоторые события, происшедшие в других епархиях.

Какие же последствия? Авторитет Синода почти уничтожен...

То, что делается в Сан-Франциско, быстро распространяется по всему зарубежью и грозит существованию всей Зарубежной Церкви с отпадением части чад ее вообще от веры...

С болью приходится наблюдать и видеть развал Зарубежной Церкви, выгодный лишь врагам ее. Мы, ее архиереи, не можем допустить сего, как и того, чтобы одна сорганизовавшаяся группа господствовала над остальным епископатом и любыми средствами проводила то, что желательно ей»[11].

В то время, как архиеп. Иоанн работал над этим докладом, митроп. Анастасий приехал на западное побережье, чтобы найти разумный выход и поддержать Владыку, без вмешательства штаб-квартиры Синода. Именно тогда Евгений с Глебом и встретились с ним на фестивале Баха в Кармеле. Интересна аналогия: судья обдумывал свое решение в суде Сан-Франциско, митрополит размышлял, что делать в этом конфликте, оратория Генделя, звучавшая в тот вечер, называлась «Суд Соломона» и посвящалась именно справедливости правосудия. Тремя неделями позже она восторжествует, и архиеп. Иоанна назначат постоянным иерархом Сан-Францисским и Западной Америки.

А пока, дабы доказать суду беспочвенность обвинений в растрате денег, архиеп. Иоанну и новому приходскому совету пришлось провести дорогостоящую ревизию, наняв известную независимую бухгалтерскую фирму «Прайс, Уотерхаус и К°». В конце концов судья О'Дэй, не найдя никаких улик финансовой нечестности, снял с Владыки и с других ответчиков все обвинения. Что же касается церковных выборов, судья заключил, что это не государственное дело решать, было или нет одобрение Синода...

Побежденные истцы продолжали выдумывать новые обвинения и подавали заявления в суд на протяжении двух с половиной лет, почти до самой смерти архиеп. Иоанна. Все они каждый раз отклонялись как необоснованные, и наконец адвокат ответчика, Джеймс О'Гара мл., заявил суду, что пора знать меру:

«На сегодняшний день ответчика, архиеп. Иоанна, пытавшегося защитить интересы прихода, фракция истцов заставила без надобности понести расходы на общую сумму в несколько тысяч долларов. Задержка в строительстве собора, вызванная этой тяжбой, невероятно увеличила расходы на постройку.

Ни разу за весь процесс фракция истцов не представила суду и частицы достаточных доказательств, подтверждающих их обвинения...

Суду известно о никому не нужных распрях и разногласиях между прихожанами, вызванных необоснованными заявлениями истцов, прямым результатом коих стали сильные волнения на религиозной почве в приходе.

Нормальное течение дел в общине, направленное на укрепление идеалов веры у прихожан, было сильно нарушено шумихой и разладом, возникшим в результате этой тяжбы.

Финансовые убытки, понесенные приходом, должны послужить достаточным основанием суду для отвержения всех обвинений со стороны истцов. Ни назначенный судом ревизор, ни «Прайс, Уотерхаус и К°» не выявили никаких признаков финансовых злоупотреблений. Урон, нанесенный приходу, как с нравственной, так и с финансовой точек зрения, является почти не восполнимым...

Дальнейшее продолжение безосновательной тяжбы наносит оскорбление самому юридическому процессу»[12].

Осенью 1963 года Евгений писал Глебу:

«Как ты, вероятно, слышал, Владыка Иоанн утвержден архиепископом Сан-Францисским, и хотя до мира в епархии еще далеко, по крайней мере наведен какой-то порядок, и я верю, что постройка нового собора теперь уже не прервется»[13].

Евгений пока так и не понял, сколь страшно случившееся: вроде бы архиеп. Иоанн всё еще оставался правящим архиереем, еп. Нектарий — его викарием, новый приходской совет пребывал у власти и его усилиями наконец закончили новый собор. Таким образом, хотя Евгений и явился свидетелем почти маккиавелевских преступлений, на которые оказался способен даже «святейший» Синод, он всё еще пребывал в наивном заблуждении. Прозреет он лишь по смерти Владыки.

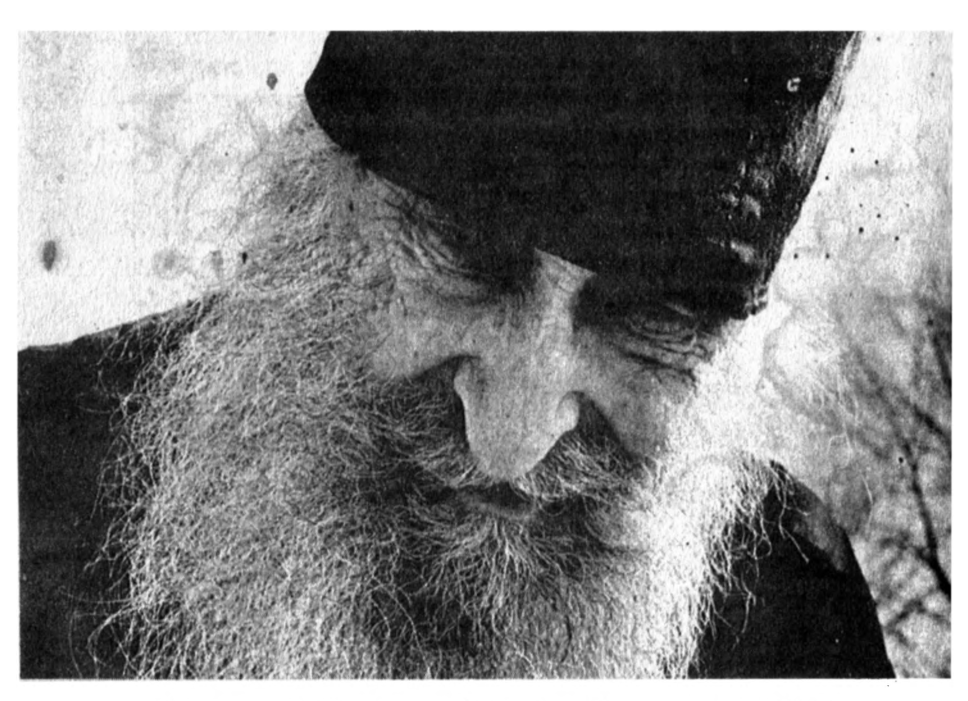
Глеб же так вспоминал события в Сан-Франциско:

«Такая несправедливость к святому человеку, приехавшему из Европы лишь помочь построить храм, надолго оставила рану в душе каждого очевидца».

Сердце архиеп. Иоанна разрывалось при виде всего творимого братьями-епископами. «Я совсем один… — сказал он одному из близких прихожан. — Если услышишь, что я умер, знай — они убили меня».

Присутствуя на суде, Евгений видел Святого. Тот следовал своему Господу на Голгофу. Владыку, подобно Христу, распяли иерархи его же Церкви и их сатрапы. Фарисеи живут и ныне, благоденствуют и занимают ключевые позиции в самой Христовой Церкви. И вслед за Христом архиеп. Иоанн простил им всем. Когда его спрашивали, кто виноват в разладе, он отвечал: «Дьявол».

Живое Евангелие Иисуса Христа, вечное воплощение Истины в жизни людей, было преподано Евгению самым наглядным образом. Видения Святого на Голгофе ему не забыть.

Архимандрит Константин (Зайцев) из Джорданвилля (†1975).

31

Томас Мертон, хилиазм и «новое христианство»

Не сообразуйтесь с веком сим, но преобразуйтесь обновлением ума вашего.

Рим. 12:2

ЕВГЕНИЙ ЗАКАНЧИВАЛ работу над книгой «Царство человеческое и Царство Божие», и Глеб послал черновик его глав о нигилизме архим. Константину (Зайцеву). Тот был редактором в Джорданвилле, отвечал за русские и английские издания. Проникновенный философ, он, как и Евгений, писал о вероотступничестве. Работа молодого коллеги очень ему понравилась. В отзыве, опубликованном позже в одном русском журнале, о. Константин назвал Евгения «сложившимся церковным писателем».

В 1963 году Евгений задумал статью о Великом Инквизиторе Достоевского и о римском «новом христианстве», по завершении хотел отправить ее о. Константину в надежде на публикацию. Он использовал материал к своей книге. Исписал сотни страниц, но закончить статью так и не удалось. Незавершенной осталась и его книга.

В НАЧАЛЕ статьи Евгений обозначил принципы царствования антихриста, выстроив их в согласии с выводами святоотеческой литературы и произведений православных писателей Соловьева и Достоевского. Он писал:

«Религия Великого Инквизитора есть религия хлеба насущного. В основе ее постулат: *все религиозные чаяния людей служат исключительно благоденствию самих же людей*. Нетрудно убедиться, что этот

принцип, по сути превратившийся из религиозного в гуманитарный, есть жалкая подмена истинно христианских идей. Но всё не так просто: по существу, это самая глубокая и искусная псевдорелигия, ибо взывает к высочайшим чувствам человека, и стоит лишь согласиться с начальной посылкой нового учения — и логика его становится неопровержима для «здравого» человеческого ума».

Религия Великого Инквизитора, — утверждает Евгений, — берет основные христианские ценности: мир, братство, единство, любовь — и искажает их для достижения чисто земных целей. При этом открыто она не порывает с христианством, его только по-другому «толкуют», да так искусно, что искренне верующие во Христа начинают следовать целям обмирщенно-идеалистическим: построению Царствия Небесного на земле.

Евгений определял мирской идеализм нынешнего века, от кого бы он ни исходил: от христиан, оккультистов, коммунистов или западных секуляристов (сторонников исключения религии из школьного преподавания), как форму древней ереси — *хилиазм*, т. е. вера в то, что Христос придет на землю и будет здесь править со святыми тысячу лет, до конца мира*. Более того, хилиазм может означать вообще любую мирскую идею о будущем земном веке полного блаженства и мира. Хилиазм вместе с нигилизмом, его неотъемлемой частью, есть ключ к пониманию духа времени: в этой точке сошлись многие, казалось бы, несопоставимые элементы.

В воззваниях современной Римской Церкви Евгений видел явные признаки переосмысления христианских ценностей, замену их мирскими идеалами хилиазма. Он приводил слова из обращения папы Иоанна XXIII к православным христианам. Тот звал внимать «духу времени»,

---

* Позднее Евгений так объяснял понятие *хилиазма*: «Это еретическое учение святые отцы Церкви осудили еще на заре христианства. Свои истоки оно берет из неправильного толкования Книги Откровения (Апокалипсис). Православная Церковь учит, что период царствования Христа со святыми, когда дьявол «связан» на тысячу лет (Откр. 20:3) есть само наше время, между первым и вторым пришествием Христа (1000 — число, символизирующее полноту). Святые уже царствуют со Христом в Его Церкви, но всё это тайнозрительная область, и она никогда не облечется в грубые земные политические одежды, как тому учат хилиасты. Дьявол действительно «связан» на это время, ограничен в своих действиях против человечества, и верующие, истинно живущие во Христе, причащающиеся Святых Таин, ведут благословенную жизнь уже сейчас, готовят себя для вечного Царствия Божия. Неправославные, лишенные Таинств Церкви, не могут вкусить истинной ее жизни, не могут тайнозреть нынешнее Христово Царство и потому ищут царства политического, внешнего». См. The Orthodox Word, 1981, # 100-101, p. 207.

ибо «голос времени — это глас Божий», высмеивал идею приближающегося конца света, обещал непременное водворение «нового порядка в человеческих отношениях».

Библия учит: «Не любите мира» (1 Ин 2:15), а папа Павел VI говорит: «Мы будем любить наше время, нашу цивилизацию, нашу науку, наше искусство, спорт — наш мир». Это безоглядное упование на мир сей искажает представление об истинно христианской любви, а идея внешнего всеединства подменяет духовный, внутренний союз верующих, заповеданный Христом. Папа Иоанн XXIII предвосхищал «единство, основанное на уважении и почитании Католической Церкви». Оно, по его словам, «воодушевит тех, кто исповедует нехристианские религии». Размыслив над этими высказываниями, Евгений приходит к выводу: «Если человечество на самом деле, как провозглашает Рим, идет к видимой религиозной гармонии на земле, то сама религия при этом, несомненно, включит не только христианскую веру, это будет некое соглашение, основанное на терпимости и уважении».

«Вместо христианства нам предлагают лишь «гуманитарный идеализм», — писал Евгений, — поскольку Христианская Истина «испарилась». Но лишь презрев ее, могут объединиться христиане с нехристианами. Идеализм этот извлекает из богатейшей палитры христианства нужные краски и приманивает тех, кто прежде всего верит в человека и земное счастье. Принимая хилиазм, каждый может найти что-то «по душе»: христиане — Царствие Небесное, но еще в земной жизни; нехристиане — учение о человеке, о «высшей действительности», особо не посягающей на их собственное представление о самих себе и мироустройстве; атеисты приимут вселенскую мудрость, исчерпывающую все религиозные потребности человека. Рим, таким образом, предстает учителем человечества, источником универсального гуманитаризма для «всех людей доброй воли», не задумывающихся особо над основами Христианской Веры — основы всего».

Два года спустя после этой статьи Евгения, 4-го октября 1965 года, папа Павел VI выступил с беспрецедентным обращением в ООН. Оно полностью подтвердило всё сказанное Евгением об Объединенных Нациях Глебу при первой встрече.

«В обращении Папы, — писал Евгений, — о задачах Церкви Христовой вообще не упоминается, а само имя Христа встречается только однажды, и то в двусмысленном заключительном предложении. Слушатели, предполагалось, уже подготовлены. «Вы знаете нашу миссию», — сказал Папа. Далее он говорит о главном стремлении Римской Церкви: Церковь эта «в духовной сфере» должна быть «единственной и всеобщей»!

Только однажды показалось, что в своем обращении Папа говорит близкие к истинному христианству слова. Цитируя завет нашего Господа своим ученикам «идти и нести благую весть всем народам», он объявил, что у него действительно имеется «послание счастья всем народам», представленным в ООН. Но для христиан это может означать только одно: благая весть о спасении, о вечной жизни в Боге. Папа же произнес ошеломляющие слова: «Наше послание можно назвать … торжественным моральным узакониванием этого высокого собрания — ООН», — сказал он. Вот что Римская Церковь предлагает сейчас взамен христианского Евангелия!..

Идеалы Папы не от Господа или Апостолов, не от Отцов Церкви, а скорее от современных рационалистических мечтателей, возродивших древнюю ересь — *хилиазм* — грезы о золотом веке на земле. Папа упоминает о «новом времени» человечества, о «новой истории — мирной, истинно гуманной, как было обещано Богом всем людям доброй воли». Церковь Христа никогда не принимала этого странного учения. Но зато оно является одной из главных догм масонства, оккультизма и многих родственных сект и даже безбожного марксизма. И чтобы вписать эту сектантскую фантазию в учение Римской Церкви, пресса провозгласила Папу пророком!

Невольно приходит на ум последняя работа русского философа XIX века Владимира Соловьева «Повесть об антихристе» (из «Трех бесед»). Он, ссылаясь в основном на святых Отцов, рисует леденящий душу портрет антихриста — «великого гуманиста», «сверхчеловека», принятого всем миром за мессию.

По Соловьеву, этот мессия завоевывает человечество своей всеобъемлющей и всепримиряющей книгой «Открытый путь ко всеобщему миру и процветанию». В ней смело соединяется почитание древних традиций и символов с радикализмом социальных и политических требований… Книга так ощутимо представляет «светлое будущее», что люди признают: это как раз то, что нужно…. Прекрасный писатель, мессия вобрал в себя всё и доступен всем. Тех, кто был обеспокоен отсутствием имени Христа в книге, успокоили — это не обязательно, т. к. она пропитана истинно христианским духом любви и великодушия. Далее влиянием «великого мессии» создается «международная ассамблея», образуется новое правительство; его самого единогласно выбирают правителем мира, он издает манифест, провозглашая: «Народы планеты! Я даю вам мир. Давние обещания исполнились. Вечный и всеобщий мир воцарился!»

Евгений продолжает:

«...Папа Павел VI, конечно, не антихрист, но в этой «драме», где он играл главную роль, уже попахивало соблазнами черного мессии. Впрочем, не в Папе дело. Просто наступил расцвет вероотступничества...»[1]

Хотя Евгений и не закончил свой труд о «новом христианстве», все свои мысли на эту тему он изложил в длинном письме Томасу Мертону[2].

Шел 1963 год. Католический гуманизм вскоре на 2-ом Ватиканском соборе преобразит Римскую Католическую Церковь. Томас Мертон, уже прославившийся как сторонник «созерцательной духовности», не только воспринял дух времени, но и повлиял на его направление. Он искренне защищал «новое христианство» папы Иоанна XXIII, как и гуманисты, отрицавшие религию, уповал на человеческий разум (не важно, с Богом или нет), видя в нем путь к «счастью всего человечества». «Оптимизм папы Иоанна, — писал Мертон, — новое слово в христианском мышлении. Папа ясно выразил твердую надежду, что общество обычных людей — христиан, нехристиан и вообще неверующих в Бога — может жить в мире. Нужно лишь относиться к ближнему на основе богоданного разума, уважать неотъемлемые права друг друга»[3]. В последующих статьях Мертон призывает: «Войне надо положить конец. Создадим мировое правительство... Подлинно международный орган власти — вот ответ на нужды и чаяния людей». Он говорит о мучительном рождении нового мира, о том, что христиане сегодня должны терпеливо и стоически строить жизнь благоденствия, мира и согласия, и Христос предстает Князем этой мирной жизни.

Евгений писал Томасу Мертону, что обеспокоен такими высказываниями: они, похоже, не укладывались в учение вселенской Церкви. В полемике с Мертоном Евгений сохранял учтивость. Письмо отняло у него немало времени, так как Мертон тщательно взвешивал каждое свое высказывание. Несколько лет назад на Евгения произвела сильное впечатление первая его книга «Семиэтажная гора». Она изображала типичного современного человека, который, вкусив мирских наслаждений, распознал их пустоту и, отказавшись от них, начал поиск жизни грядущей.

В статье о «новом христианстве» Евгений писал: «Люди нашего времени в большой беде. Они понимают: не хлебом единым жив человек. Но духовный голод приходится утолять в «обновленной» Церкви Христовой, а там суррогат вместо настоящей духовной пищи. Что делать! Голодные не различают вкуса».

Похоже, Томаса Мертона и томил такой голод. Начинал он монахом строгого траппистского ордена. Евгений, благодарный ему за поучительную книгу, надеялся вернуть его к «первой любви». Неправославность Мертона не смущала его. Несмотря на хилиастские возглашения современных пап, Евгений знал, что и в Римской Католической Церкви еще не до конца погибло неотмирное понимание конца света. Подтверждением служила новая книга католического писателя Джозефа Пайпера «Конец времен».

Евгений писал Мертону: «Мы являемся свидетелями родовых схваток при появлении «нового христианства» — христианства якобы «более глубокого», но в действительности попавшего в рабство к внешним идеям; христианства, не представляющего «мира» и «братства» в жизни вечной без «мира» и «братства» уже «здесь и сейчас», причем для всех и вся.

Христианство превратили в «кампанию», Христа — в «идею», и Мессию и Его учение поставили на службу миру сему, «преображенному» наукой и обществом, а богом стал человек «нового сознания». Всё это происходит у нас на глазах. Коммунизм, очевидно, тоже пойдет по пути преобразований к «гуманизации» и «духовности». Почитайте Бориса Пастернака* — он не отрицает революцию, он только желает «сделать ее гуманной». Демократия идет к той же цели, хоть и другой дорогой...

«Век мира», возможно, и грядет, изверившийся человек устал ждать конца света. Но что христианин скажет о таком «мире»? — Мир этот принесет не Христос».

В конце письма Евгений посоветовал Мертону не стесняться настоящего «неотмирного» христианства, каким бы глупым оно ни казалось «обмирщенным» людям. «Христианин в наше время, — писал он, — должен прежде всего показать своим братьям тленность «забот века сего». Для человека существует одна главная «проблема» — смерть, и ответ на нее — Христос. Вы уверены, что христианство «устарело» для нынешних людей, а я думаю, что христиане своей собственной жизнью подтверждают веру в «предрассудок» о существовании «иного мира», и им есть о чём поведать людям века сего. На собственном опыте убеждаюсь: серьезным молодым людям «надоело» христианство, потому что они думают, это, дескать, «идеализм», одно лицемерие, христиане

* Мертон написал статью «Пастернак и господа с часами на цепочке». (Jubilee, 1959, июль).

не следуют своим же заповедям. Вот и не верят после этого ни в Царствие Небесное, ни «христианам»...

Поверхностное прочтение Евангелия как общественного идеализма показывает утрату веры. Сейчас нужно действовать не вширь, а вглубь. Не увлекаться «делами», но больше поста, молитвы, покаяния... Христианин должен гореть в своей повседневной жизни любовью ко Господу, полниться рвением к Царствию Божию, что *не от мира сего*. Всё остальное приложится».

Сам Евгений полностью соглашался с Достоевским: настоящее совершенствование общества возможно только через духовное преобразование личности. Старец Амвросий Оптинский выразился тоже предельно ясно: «Моральное совершенствование на земле (которая сама не совершенна) достигается не человечеством в целом, а каждым верующим в отдельности, соответственно усердию в исполнении заповедей Господних и смирению. Окончательное и полное совершенство достигается на Небесах, в будущей вечной жизни, для коей короткое земное существование является всего лишь подготовкой».

Если Евгений и послал когда-либо это письмо Томасу Мертону, ответа на него не сохранилось. В последующие годы Евгений с горечью наблюдал последствия «духовного разлада» Мертона. В 1966 году тот формально отверг почти всё, на чём стояла его вера предыдущие 25 лет, со времени прихода к монашеству и написания «Семиэтажной горы», высмеял некогда заветные идеалы, посчитав отречение от мира иллюзией. Он готов был заменить это новыми взглядами папы Иоанна XXIII, принял новое мышление и объявил, что истинный долг христианина — «избрать мир сей»[4].

Трагедия Томаса Мертона — а это была действительно трагедия, как бы ни пытались ее представить — доказывала утверждение Евгения: «Поверхностное прочтение Евангелия с позиций общественного идеализма показывает утрату веры». Предав идеалы юности, Мертон начал черпать духовность вне христианства, в восточных религиях. Поначалу Евгений надеялся на лучшее: поиски могли освободить Мертона от оков условностей Римской Католической Церкви, с которыми тот боролся будучи монахом, и привести, как и самого Евгения, к «восточному» тайнозрительному измерению христианства — Православию. Но этого не произошло. Изучение буддизма и индуизма глубоко затянули Мертона, он променял церковное усердие на «всеохватную духовность» и постепенно растратил свою веру в уникальность христианской Истины. «Голодные не различают вкуса». Ко времени своего знаменитого

путешествия в индуистские и буддистские центры Мертон уже рассматривал христианство как лишь один из многих путей человека, о себе говорил, что душа прилежит более к буддизму, чем к римскому католицизму[5], и выражал желание «найти тибетского гуру для тантрического посвящения»[6].

Кто может представить себе, куда бы завели новые поиски Мертона и миллионы его поклонников, заверши он свое паломничество и вернись в Америку. Но по пути из Калькутты с конференции Объединенных религий он неожиданно скончался в Бангкоке. Евгений понял — его остановило Божие Провидение. С горечью он рассказал Глебу о судьбе этого человека, некогда заронившего надежду на возможность даже в XX веке жить для Небесного Царствия Христова.

Дороги Евгения и Томаса Мертона явно разминулись. Мертон всей душой принял языческую Азию, по его словам, «ясную, чистую, обладающую полнотой … и ни в чём более не нуждающуюся». Евгений из своего многолетнего исследования буддизма вывел, что там недоставало самого главного, существенного. Мертон достиг духовного тупика в современном римском католицизме, поверил, что «полностью исчерпал традиции веры»[7] и отправился на поиски другой. Евгений же, соприкоснувшись с нехристианскими религиями, увидел их ограниченность и оставил их ради дарованной ему радости перерождения во Христе. Его возрастание в православной вере только начиналось.

32

Связь с прошлым

12-ГО ИЮНЯ 1963 ГОДА, причастившись Святых Христовых Таин, Евгений вернулся домой. Его ждало письмо от Алисон. Они не общались несколько лет, и Евгений, по собственному признанию, «потерял уже всякую надежду получить от нее весточку». За это время многое изменилось. Она вышла замуж и переехала на ферму в штат Иллинойс. Ее мучили сомнения, и она делилась с Евгением: говорила, что хотя и не имеет никакого разномыслия с христианской истиной, живой веры в себе не чувствует.

Евгений ответил:

«Итак, кажется, мы поменялись ролями: я обрел то, что искал, а ты только начинаешь. Что ж, на всё воля Божья.

Я очень счастлив получить от тебя известие и полагаю, что мы списались не просто так, на то есть причина. Я всегда молюсь о тебе и часто вспоминаю».

Евгений рассказал ей о своем вхождении в Церковь и о том, что верит — именно через него Бог желает донести Православие до Алисон. В этом-то и смысл их нового общения. Он рассказал ей, что Православная Церковь и поныне выпестывает святых, пример тому — архиеп. Иоанн. Заметил, что «средоточие Православия — молитва», и открыл, что до прихода в эту веру он и понятия не имел об истинном значении молитвы и ее силе. Сейчас Бог слышит его и ответствует — какая радость. Сам Господь, Богородица, святые ведут его, указывают путь. «Общение с ними так же естественно, как дыхание... — писал он. — Я говорю об этом так смело потому, что Господь укрепляет меня по принятии Его Пречистого Тела и Крови уверенностью и радостью. Это ясно как день. Всё в мире сем преходяще, постоянен только Бог, Его неописуемое Царство, уготованное нам, верующим. Легко нести бремя Христово следующим за Ним, тяжело оно только неверующим».

Несколько месяцев спустя Евгений написал одной благочестивой молодой женщине, православной американке Нине Секо, попросил ее познакомиться с Алисон. Он сказал Нине, что собирается посылать Алисон православные книги и иконы, но «личное общение с истинными верующими, «странниками» в мире сем, намного полезнее».

Родителям Евгения было не примириться с новой религиозной стезей сына. В 1963 году он писал Алисон: «На прошлой неделе виделся с родными. Они всё больше беспокоятся обо мне. Последуй я мирскому призванию, они были бы счастливы. Какие надежды возлагались на меня! А сейчас я для них — религиозный «фанатик»... Мой молодой русский друг из Монтерея показал им несколько слайдов о русских монастырях и церквях в Северной Америке. Родителям они показались «занятными», но старомодными. Их явно ужаснула (отца особенно) фотография старого монаха, прожившего 40 лет, не выходя из келии. С людьми он почти не разговаривал и, вероятно, достиг высокого духовного состояния, а мои родители увидели лишь «загубленную жизнь». Когда я пытаюсь рассказать им о молитве, о духовности, об истинных сокровищах, которые не здесь, а за пределами мира сего, наталкиваюсь только на полное непонимание, они говорят, что чрезмерная религиозность — болезнь. Боюсь, я прихожу в отчаяние в такие минуты. Ну что ж, где бессильны слова, поможет молитва.

Я злюсь и расстраиваюсь, думая о многих протестантских пастырях, выдающих себя за проповедников «христианства». На самом же деле они ведут людей по пути соблазнов и оставляют их полностью неподготовленными для суровой действительности потусторонней жизни. Я познакомился с пастором моих родителей: он ни разу не заговорил о Боге или о религии, а когда узнал, что я пишу религиозную книгу, поспешил сменить тему разговора».

Евгений всё еще работал над книгой «Царство человеческое и Царство Божие», а хлеб насущный добывал подсобным трудом. В письме к Нине он рассказывал: «Книга моя уже «вырисовывается», хотя работе конца края не видно... Временами руки опускаются, мне кажется, я пишу чрезмерно философски и абстрактно, боюсь, никому это не интересно, читать не станут».

Евгений убирал посуду в ресторане, а мысль его работала. «Я сравнивал, — открывал он Нине, — «плоды» атеизма с плодами веры в истории, духовности, философии, богословии». Однажды, пребывая в философских раздумьях, ничего не замечая вокруг, он разбил целую стопку посуды. Обернувшись на звон и увидев черепки на полу, разгне-

ванный владелец ресторана упер руки в бока и заорал: «Роуз, вы уволены!»

«Я мигом пришел в себя, — писал Евгений, — надо ж, чего-то хочу добиться в философии, а сам посуду до кухни донести не могу». Впоследствии он убирал посуду в «более пристойном заведении». Но и здесь потерял место. «Хозяева чувствовали: сердце мое не прилежит их делу, и были правы».

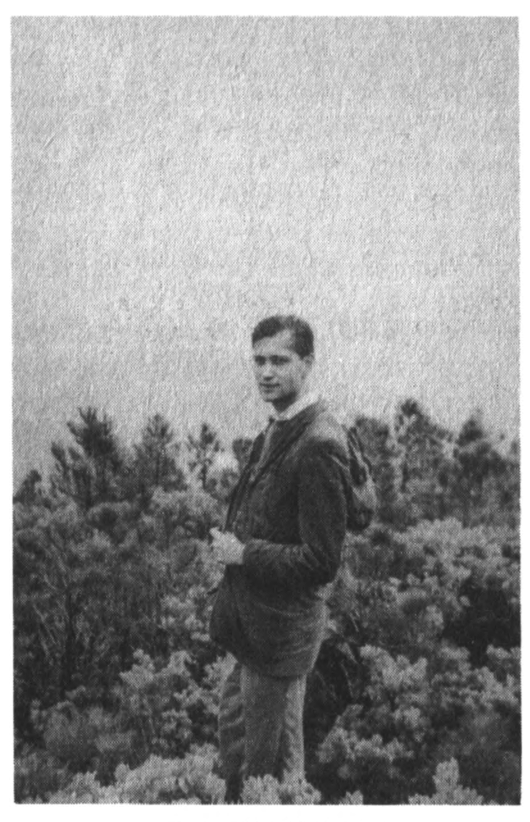
Оставаясь без места, Евгений с головой уходил в работу над книгой, пока не кончались деньги. После ресторанной «карьеры» он нанялся дворником, как некогда его отец Фрэнк. Работа в ресторане была легче, но он предпочитал дворничать: спокойнее, да и свободен весь день.

На Рождество 1963 года Евгений хотел посетить монастырь и семинарию в Джорданвилле, но скопить денег не удалось. Позже он очень жалел об этом — не прошло и десяти лет, как там не осталось ни одного великого носителя православной веры. В 1974 году, вспоминая прежний Джорданвилль, Евгений признавал: «Образование в православной традиции угасает. Джорданвилльская семинария 50-60-х годов служила образцом в современном мире, хоть и немногие сознавали это. Эта духовная школа с 1917 года собрала величайших православных мыслителей из России и со всего света. По созвездию имен с ней мог тягаться лишь Соловецкий концлагерь. Здесь преподавали такие великие люди, как профессор И. М. Андреев и И. М. Концевич*, Николай Толберг, архиеп. Аверкий, архиеп. Виталий** до него, архим. Константин, о. Михаил Помазанский и другие. Почти никого из них уже нет с нами, и с горечью должно признать, что немногие их ценили. А достойной смены нет».

---

* Концевич И. М. преподавал в Джорданвилле один год до переезда в Сан-Франциско.

** Известный как архиеп. Виталий Джорданвилльский, настоятель Свято-Троицкого монастыря. Уйдя на покой и проживая в Нью-Йорке, он оставался настоятелем вплоть до своей кончины в 1960 году,

Евгений в 1963 году.

Евгений и Ия
в Сан-Франциско.

Евгений в гостях у
Подмошенских.
Монтерей.
1963-64 гг.

Евгений играет для Ии на гитаре.

33

Знакомство с Россией в Монтерее

В ИЮЛЕ 1963 года Нина Александровна, мать Глеба, переехала в Монтерей, где они вместе с сыном сняли дом. Младшая сестра Глеба, Ия, уже жила в Калифорнии более года, в Окланде, и часто навещала их. Таким образом Евгений приехав познакомился со всеми Подмошенскими. Он играл Ие на гитаре, они ходили по грибы в монтерейский парк и, конечно, часами бродили с Глебом по взморью, гуляли по лесу.

Ия, черноволосая русская красавица, под влиянием брата стала благочестивой православной девушкой. Евгений был двумя годами старше, и она сразу полюбила высокого благородного юношу.

Глеб, в свою очередь, побывал у родителей Евгения и расположил их к себе, а когда те узнали об Ие, стали надеяться на скорый брак между ней и сыном. Однажды в воскресенье они пригласили Подмошенских на обед, и обе семьи замечательно сошлись. Это радовало Евгения, ведь до сих пор мать почти не одобряла его друзей, а на Алисон взирала как на чересчур богемную особу. Ия же пришлась по душе, и Эстер уже грезила свадьбой.

Раз Евгений пригласил Ию прогуляться. Она, молодая, счастливая возможностью побыть с ним, щебетала всю дорогу. Евгений почти всё время молчал. После Глеб спросил сестру о прогулке, и она задумчиво произнесла:

— Он уже умер.

— Что ты хочешь сказать? — опешил брат.

— Он уже не здесь, а где-то далеко. Я не могу объяснить. Он не от мира сего.

Эта неотмирность увлекла Ию сильнее прежнего.

Нина Александровна
Подмошенская.

Ия Подмошенская.

63-ЛЕТНЯЯ Нина Подмошенская стала для Евгения еще одним связующим звеном с Россией и живым подтверждением его философии. Она застала еще дореволюционную Русь, и сейчас рассказывала то, что видела воочию: как воплощалось нигилистическое общество, как порождало на свет недочеловеков. Евгений интересовался мельчайшими подробностями, расспрашивал о законодательной и тюремной системах Советов. Ей было что поведать. У Нины арестовали не только мужа, но и отца, и 20-летнего брата. За неделю пребывания в страшных условиях Вологодской тюрьмы отец потерял все волосы, а брат — все зубы. Безжалостные чекисты — обыкновенные бандиты, искушенные в садизме, — застрелили даже собаку, когда пришли «брать» мужа.

Евгений являл собой благодарного слушателя, и Нина Александровна с удовольствием, подолгу и обстоятельно рассказывала истории из своей богатейшей событиями жизни. Она говорила образно и выразительно (сказывались предки-интеллигенты Фокины), а он уподоблялся благодатной земле из евангельской притчи. Она говорила сыну: «Он впитывает всё как губка». Не ограничиваясь рассказами об ужасах сатанинского коммунизма, она выразительно поведала ему о славном предреволюционном прошлом России. «Вы не поверите, — говорила она, — *везде* стояли церкви, иногда три на квартал. Огромные

храмы, самые разные по стилю и окраске. Богатые благотворители строили их в память любимых, а приходы возводили храмы в честь какого-либо чуда. Повсюду золотом сияли купола. По утрам звонили сотни колоколов, сзывая людей на молитву, наполняя город светом и радостью. Стояли раки со святыми мощами, пред иконами горели неугасимые лампады. Люди часто заходили поклониться святыням и помолиться прямо среди бела дня — церкви не закрывались».

Вышедши из культурной, «интеллигентной» семьи, в молодости Нина не ценила глубокой религиозности былой России. Только когда сын пришел к Православию, она поняла, какое это было великое достояние. Прежде ее учили видеть в русском Православии «религию горничных и лакеев», не более. Теперь она вспоминала, как их домашний повар, поставив готовиться еду, каждое утро шел в церковь, а когда возвращался и накрывал на стол, от него исходила удивительная умиротворенность и покой, что передавалось всему дому. «Простой мирянин, а казалось, среди нас настоящий святой. И таких было великое множество... Велика была Святая Русь! А здесь, в Америке, всё держится на деньгах», — заключала она и похлопывала себя по мнимому карману на бедре.

Евгений в основном соглашался с таким взглядом на американскую жизнь. Культура России была близка его душе, в 1963 году он писал: «Чувствую себя скорее русским, чем американцем». Но есть несколько черт характера, с коими истинный американец не расстанется никогда: это независимость и честность в работе. И что бы Евгений ни думал о себе в то время, он сохранит эти лучшие качества своего народа.

Евгений любил Россию, но считал, что принять Православие не значит «обрусеть». Он писал другим верующим американцам: «Мне очень интересна ваша англоязычная православная церковь. Хочется побольше узнать о вашем священнике. Самому мне вполне по нраву церковно-славянский язык. Но не думаю, что и другие американцы, тянущиеся к вере, захотят пойти так же далеко. Поистине, одной из главных трудностей, с коей я столкнулся в миссионерской работе, остается языковой и культурный барьер. Люди неизменно очаровываются церковно-славянскими службами, но дальше дело не идет. А как в вашей церкви?»

Хотя Евгений хорошо говорил по-русски, он никогда не блистал произношением. Глеб попытался исправлять ошибки, но потом передумал, ведь он американец и нет особых причин делать его совсем русским.

Скорее, наоборот: неплохо бы слегка усмирить прорусские настроения собрата. Они часто спорили о поэзии. Глеб очень почитал английскую романтическую школу: Вордсворта, Колриджа, Байрона и Китса. В Германии школьная учительница давала ему частные уроки английского языка: они разучивали стихи великих английских поэтов. Евгений, однако, небрежительно относился к поэтам-романтикам. В его школе учили, что всё это «сентиментализм», т. е. почти неприлично по меркам нашего времени. Став православным, он еще более презрел их, т. к. они неправославные, зато неизменно восхвалял русских поэтов, в том числе Пушкина и прочих.

«Что ты знаешь о русских поэтах? Думаешь, что они великие, потому что православные, — говорил Глеб Евгению, — но известно ли тебе, что величайшие из них, такие как Пушкин и Лермонтов, своим творчеством напрямую связаны с английскими романтиками. Без Байрона не было бы Пушкина!» Русские, объяснил Глеб, видели в романтизме своеобразную религиозную глубину, художественное выражение людского воздыхания о Боге. Глеб сумел повлиять на собрата. Позже Евгению особенно нравился Вордсворт. Он часто цитировал его.

ЕВГЕНИЙ знакомил Глеба со своей работой над книгой, читал ему некоторые главы. Глеб, конечно, заинтересовался. Евгений глубоко исследовал современную жизнь, что напоминало работы его прежних учителей: архиеп. Аверкия и архим. Константина. Однако книга показалась Глебу чересчур односторонней. Своей направленностью она повторяла философию о. Константина, с которой Глеб не всегда соглашался. Сам о. Константин приобщился духовности через архиеп. Иоанна и старца Игнатия Харбинского. Прозрев самую суть Православия, он подразумевал, что читатели уже с ней знакомы, и говорил в основном не о христианской Истине, преобразующей человеческую жизнь, а о всеобщем вероотступничестве. Он пришел ко Христу из иудаизма, Евгений — из философского поиска, и оба верили: современному человеку сначала нужно осмыслить, как и почему случился его отход от полноты Истины, и только потом возвращаться к этой полноте. Глеб полагал такой путь ошибочным: если уж люди не знали Христа, Коего покинули, все разговоры об отступничестве бессмысленны. Надо показать самое полноту Истины, все богатейшие православные сокровища, донести наследие веры — преподать жития и писания святых, особенно современных подвижников.

Глеб не соглашался с о. Константином в Джорданвилле, а сейчас «боролся» с Евгением. Из прочитанных Евгением глав книги «Царство человеческое и Царство Божие» Глеб вывел: первое, Евгений — борец по натуре; второе, он — воитель умственный, а сердце еще не разбужено, осталась и горечь прежних времен, от которой мало помалу нужно избавляться.

— Почему у тебя всё сходится на царство человеческое? — спрашивал Глеб. — Оно и так у меня в печенках сидит. Как же Царство Божие?!

— А о нем, — отвечал Евгений, — сказано в Писании и у святых Отцов.

— Так-то оно так. Но неужели Царству Божию нет места рядом с царством человеческим? Ведь Царство Божие живо, и мы должны приобщиться его.

Приобщение это Глеб полагал сейчас самым важным для Евгения, потому и рассказывал так много о святых местах, святых людях, таких как архиеп. Иоанн. «Силы, противостоящие Царству Божию, — говорил он Евгению, — лишь нежелательные сорняки (по Евангелию). Господь зовет нас отойти от них, не выдергивать. Прежде всего мы должны принять Царствие Божие, сделать его сущностью нашей жизни».

34

Доверяю тебе

В вечер такой золотистый и ясный,
В этом дыханье весны всепобедной
Не поминай мне, о друг мой прекрасный,
Ты о любви нашей робкой и бедной.

Дышит земля всем своим ароматом,
Небу разверстая, только вздыхает;
Самое небо с нетленным закатом
В тихом заливе себя повторяет.

Что же тут мы или счастие наше,
Как и помыслить о нем не стыдиться.
В блеске, какого нет шире и краше,
Нужно безумствовать — или смириться.

Афанасий Фет (1886).

Дополните мою радость: имейте одни мысли, имейте ту же любовь, будьте единодушны и единомысленны.

Флп. 2:2.

Евгений размышлял, как жить дальше по завершении книги. Некоторые русские девушки, Ия Подмошенская в их числе, видели в нем жениха, но душа молодого американца прилежала иному. В 1963 году он написал Алисон: «Если будет угодно Богу, через год или два, когда закончу книгу, стану монахом, возможно, священником. Хочу послужить Господу». Несмотря на вдохновенное служение архиеп. Иоанна, в Сан-Францисской церковной общине было на удивление

мало готовящих себя к монашеству. Евгений писал: «Здесь мало кто стремится к монашеской жизни или по крайней мере серьезно к ней относится, даже среди русских. К примеру, мать Глеба, видя мою увлеченность, очень «резонно» посоветовала мне выбросить всё это монашество из головы».

Еп. Савва, приезжавший в Сан-Франциско защищать в суде архиеп. Иоанна, хотел основать новый монастырь и подыскивал людей для будущей обители. Евгений, конечно, поразмыслил над такой возможностью и записал: «Сначала закончу книгу, съезжу в Джорданвилль, а уж затем определюсь».

Глеб также вопрошал себя о будущем. Сейчас он должен оставаться в Монтерее помогать матери, а та вдобавок поставила условие: сын может уехать, только купив ей дом и найдя мужа для сестры.

В работе Глебу сопутствовала удача. Он преподавал язык в колледже, был любим студентами: помогали прекрасное чувство юмора и общительность. Его просили продолжать вести курс, обещали повысить в должности. Но полного удовлетворения он не находил. Чтобы поддержать духовный настрой, он творил Иисусову молитву даже на уроке, про себя, вслух же объясняя грамматику или записывая что-либо на доске.

Он жаждал воплощения своей «мечты» — того, о чём просил преподобного Германа на Еловом острове. Он уже положил начало миссионерскому Братству для прославления преп. Германа — написал о своих идеях архиеп. Иоанну, стал вовлекать людей, Евгения в том числе. Однако Братство еще не сформировалось, и дальше мечтаний дело не шло.

Где же тот желанный «идиот», просимый у преп. Германа? Кто пойдет с ним через все тернии миссионерского пути? Угроза материнского проклятия, если он станет монахом, останавливала его, и он подумывал стать женатым священником-миссионером, а супругой и помощником видел свою знакомую по Сан-Франциско, глубоковерующую девушку Соню*. Глебу казалось, что они хорошо подходят друг другу. Однако прежде он хотел убедиться в правильности выбора. Любовь должна пройти испытания. «Соне нужно получше узнать мой „идиотизм“», — размыслил Глеб и дал ей свою любимую книгу «Откровенные рассказы странника своему духовному отцу». Это история русского крестьянина: он путешествовал из города в город, неся с

* Имя изменено.

собой лишь Библию, Добротолюбие и немного хлеба, умом же и сердцем постоянно творил Иисусову молитву. Пока Соня читала книгу, Глеб истово молил Бога о будущем, вопрошал, стоит ли им с Соней быть вместе, сможет ли она понять его, разделить его мечты.

«В следующий выходной, — пишет Глеб, — мы встретились в Сан-Франциско. Пошли в маленькое кафе битников, заказали вишневый пирог, послушали Джоан Баэз — она пела старинные английские баллады. Я ждал, что Софья скажет о «Страннике», сам боялся даже заикнуться — в ее ответе всё мое будущее. Мы вышли, я почувствовал, что люблю ее страстно и вдохновенно. Остановил, спросил о книге. Ее лицо помрачнело, она нахмурила брови и с отвращением бросила, что хуже этой книги за всю жизнь не читала! А ведь читала она русский текст, со всею красотою родной речи, с родным, столь умилительным повествованием, с английским переводом не сравнить. Я ахнул — меня словно обухом по голове хватили, и мечты о будущей жизни в миру растаяли как дым. Соня всё поняла и заплакала. И во взгляде я прочитал все ее чаяния: гараж на две машины, дом, полный утвари, престижную работу с 9-ти утра до 5-ти вечера для меня и воспитание симпатичных детей (для нее) — воспитание нормальных детей в ненормальном XX веке. Церковь же останется на задворках нашей жизни, может, раз в неделю, во воскресеньям, чтобы не обременять себя, т. е. совсем потеряет для меня смысл.

Вздохнул глубоко, улыбнулся. Всё кончено. Взял ее за руку, наклонился и поцеловал благоуханную шею, и начал напевать «Мой маленький дружок», пастораль из «Пиковой Дамы». Мы шли через парк Золотые ворота (Golden Gate). Я пригласил ее в кино-оперу, что шла тогда в Сан-Франциско. Закат разлился золотым багрянцем по бескрайнему небу. Шли молча, она всё поняла, но еще наивно надеялась, что со временем мое «помешательство» пройдет. Вообще-то она уважала мои идеи. Быть может, и любила-то за мою «ненормальность». Любила, но жизнь моя казалась ей не для нынешнего века. Соня не понимала, что и мы — часть поколения битников, бунтующих против того, что некогда отверг я. Очень скоро на этой самой улице появятся хиппи — дети безобразного, вульгарного протеста против ненавистного «старого порядка». Эта чума унесет тысячи невинных жертв наркотиков, секса, мятежных деяний и глупых выходок. Таково царство нигилизма. У нас же есть лекарство отъ этого недуга — Православие!

Мы шли дальше, напевали Моцарта. Я заплакал, она почувствовала, резко остановилась. Я посмотрел ей в глаза и крепко ее обнял.

Такой близости сердец мы больше не знали, мы стали едины на мгновенье, это был пик нашей любви, миг истины...

Расстались поздней ночью. Подъехали к ее дому, она вышла, я проводил ее взглядом: бежевое пальто, чудные волосы, как у Джоанны Фонтэйн (она походила на эту кинозвезду сдержанным очарованием и серьезностью). Я перекрестил ее на прощанье, понимая, что потерял любовь. Но я любил Бога, а Он требовал меня безраздельно.

Направился к центру города, повернул налево на улицу Ван Несс, вышел к улице Сакраменто. Больше я не плакал. Я похоронил ее в своем сердце и решил молиться за нее до конца жизни. А в жизни меж тем намечался крутой поворот. Я дошел до дома Евгения Роуза, постучал в окно — в комнате еще горел свет. Было поздно, но в квартире громко звучала очень величественная музыка, по-моему, Вагнер. Увидев меня на пороге, Евгений изумленно застыл, выжидая, пока я заговорю. Музыка стихла, и я произнес: «Поздравь меня — я только что порвал с последней надеждой на мирское счастье. Я умер для мира, и мне горько, но обратно пути нет!» Упал на диван подле двери и громко зарыдал. Евгений очень расстроился, но когда я рассказал подробнее, одобрил мой шаг и предложил поужинать. Звучала музыка Шопена. Она всё больше и больше напоминала мне похоронный марш. Я остался ночевать, утром уехал в Монтерей. На прощание Евгений серьезно сказал: «Имей в виду, что бы ни готовило будущее, порвав с Софьей, ты полностью предался Господу. Дал обет служить Ему и помогать людям, подобным тебе, вести их в духовном поиске, учить видеть тайны бытия».

Я знал, как огорчится мать, как расстроится о. Владимир из Джорданвилла — он хотел побыстрее сделать меня священником*, но чувствовал себя победителем и готов был к новым решительным шагам».

Глеб подолгу пропадал в лесах около Монтерея. Читал жития святых, молился, просил Господа о вразумлении. Он вспоминал: «Земной Софии в моей жизни больше нет, мне нужен *сотаинник*, с кем я имел бы полное *единодушие*.

Однажды бродя по взморью, я отошел от океана в лес. Справа меж деревьев просвечивала водная гладь. Я всё брел и брел по мшистой земле, читал житие сибирского пустынножителя Зосимы, временами

---

* В Православии для принятия сана нужно быть либо женатым, либо монахом.

останавливался из-за набегающих слез... Заснул я прямо в лесу, а очнулся уже ночью. Стояла высокая светлая луна. Океан поодаль манил своей красотой, серебрясь в лунном свете. Я решил идти на юг вдоль взморья по лесу. Стояла волшебная теплая ночь. Мысли и душа унеслись в совершенно иной мир — в Святую Русь... на гору Афон, недавно я прочел рассказ о. Динасия о том, как он посещал забытых и затерянных пустынников. Я встал на колени лицом к востоку — там в нескольких милях находилась церковь преп. Серафима — и начал горячо и слезно молить Господа о пустыни на чудесной американской земле, где ступала нога преп. Германа. «Неужели наша Калифорния с русской крепостью Росс не способна на это? Почему мы, молодые, должны быть жертвой старшего поколения — их близорукости, личных разочарований, церковной обмирщенности? Почему эта ночь, полная возвышенной мечты, желания и вдохновения, должна кончиться серым прозаическим утром жалкой обмирщенной жизни? Господи, даруй нам побольше «неумудренных», отверженных миром сим, — взывал я, — осчастливь их, открой им то, что открываешь сейчас мне!» Я молился старцу Зосиме, Моисею Оптинскому, всем старцам рославльских лесов, моему любимому Феодору Санаксарскому и Феофану Новоезерскому. Не знаю, долго ли я стоял на этом благословенном мягком мху, лишь яркие звезды и луна внимали мне... Очнувшись, пошел дальше, но вскоре опять упал на землю, поцеловал ее и взмолился: «Господи, не умолчи, пусть более достойный, умный познает Твои Откровения и, поступясь личной выгодой, своим «я», донесет другим это необъяснимое чувство единения с Тобой».

Когда Евгений с Глебом бывали в лесу вместе, Глеб воочию убеждался, насколько сходны их чувства. «Было ясно, — говорил он, — Евгений тоже любил природу и его религиозное чувство было связано с ней. Но его любовь молчалива, его стихия — тишина, слушающая творение... Я видел, как природа поглощает его, как и безмолвие, которого он жаждал. Это поразило меня, и я решил поделиться своими «лесными, рославльскими» мечтами. Он принял этот мир как старого знакомого, сказал: «Это то, что я давно искал. Но как воплотить наши мечты?» Мы встали на колени, прочли канон Божией Матери...

Однажды Евгений попросил составить ему компанию прогуляться по лесу неподалеку от городка Саусалито. Сам он бывал в тех местах ранее, подолгу там пропадал. Ранним утром мы встретились на улице

Ван Несс, сели на автобус, доехали до Мельничной долины, пошли в лес. Мы собирались заночевать у костра. За весь день мы не обмолвились и словом, ночью пошел дождь, налетел ветер — дрожа от холода, мы укрылись под каким-то навесом. Евгений словно окаменел — такое уже случалось с ним на взморье: он мог часами неподвижно сидеть, погрузившись в мысли. Я ничего не понимал. К чему терпеть эту ужасную погоду? Костер еще больше нагонял тоску. Облака над нами порозовели. Евгений решил «утешить» меня поджаренным на огне рахат-лукумом, что мне было в новинку, он же, видимо, отведал его в детстве. Вдруг он разговорился. Я горевал из-за наших неудач: ничего не сделано, мечты об идеалах подвижников Сибири, преп. Германа Аляскинского так и остались воздушными замками. Конечно, пока мы с Евгением присматриваемся друг к другу. Мы не питали иллюзий: характеры у нас почти противоположные...

Проходили месяцы, и совесть все сильнее мучила меня. Казалось, я попусту трачу время.... Кроме того, беспокоила судьба книги Евгения «Царство человеческое и Царство Божие». Я отослал несколько частей о. Константину, тому понравилось, он назвал Евгения «сложившимся церковным писателем», но я знал, что хотя эта книга и нужна современным людям, вряд ли кто возьмется издать ее. Крупным коммерческим книжным фирмам она не покажется — уж очень круто обошелся Евгений с нынешним веком, раскритиковал его в пух и прах, назвал предвестником времен антихриста. Церковные издатели также не рискнут: труд слишком обширный, прочитать-то трудно, не то что опубликовать. Даже о. Константину выговорили за объемистость изданной им книги по христианской философии, кто, мол, из сегодняшних церковных людей заинтересуется ею и купит ее.

Итак, Евгений писал книгу, вкладывал в нее всю душу, но для кого? Кто увидит ее? Еще я знал, что помимо публикации нужно, чтобы люди услышали столь значительного человека, ибо голос его — подмога истинным православным. Думал я и как соединить две пользы: поставить талант Евгения на службу Церкви и ему самому стяжать что-то полезное для себя в Церкви. Но так, чтобы его пыл не сошел на нет из-за низкого интеллектуального уровня православных. Клир не принимал и не понимал Евгения во всей его глубине. Я боялся краха его веры, что случалось с некоторыми новобращенными. Едва придя к ней, он мог разочароваться, ибо по настроению совсем не подходил команде «тонущего корабля».

Я знал — выход есть, и пылко молился преп. Серафиму Саровскому. Также помнил духовный закон: в Божией работе нельзя преследовать личных интересов, как делают люди почти повсеместно. Таков

Джеймс. Но Евгений — другое дело, он отринул самость ради идеалов, причём сознательно. Он хотел жить для Бога, и только для Бога.

Евгений виделся мне этаким романтиком, «юношей бледным с пылающим взором», такой завянет, сгинет в непогоди жизни, и никто не узнает и не поймет, ради чего он жил. Благородство его заключалось в том, что жаждущая Красоты и Истины душа его страдала, видя в мире противное своим идеалам. И свойство это было врожденным, и его следовало сберечь.

Как правило я добирался до церкви и обратно пешком по берегу. Это около двух миль. Океан всегда дарил мне отдохновение от бушующего страстями мира. На закате пошел ко всенощной. Песок, небо, даже морскую гладь — всё позолотило уходящее солнце. Церковь была как обычно пуста. Священник служил и пел один. Я с удовольствием подхватил. У него был красивый высокий тенор, он знал все монашеские распевы. Чудный человек, но со страхом в душе — все русские постоянно чего-то опасаются, боятся подвоха. Его же до этого состояния довела «интеллигенция». Подавила настолько, что он отказался от проповедей, а когда всё-таки отваживался, они превращались в пытку — он боялся сказать что-то «не так». Как жаль! — он являл собой кладезь мудрости, знаний, человеческой доброты. А те самые люди, которым бы учиться у него, лишь давили и уничтожали на корню зачатки его дел.*

После одинокой всенощной я отправился домой тем же берегом. Радовался, что освободился от уныния, чувства бесполезности, тщеты православия, царящего в той церкви. Каждый раз я приходил в этот храм и вместо вдохновения исполнялся беспомощностью и тоской: казалось, что мир торжествует, а Христос побежден. И вот такое «унылое» христианство я вынужден носить словно вериги?! Зачем же тогда я молил Господа о помощи Евгению? Просил найти ему место в такой Церкви? А что если войдя в нее всем сердцем, он затем остынет и превратится в обычного «теплохладного» прихожанина? Не ответственен ли я за его душу? Ключ к ответу был следующий: Евгений — «молодое вино», а я должен найти для него «новые мехи», ибо «мехи старые» не годятся для новообращенных, честных в своих устремлениях.

С такими мыслями я возвращался домой. Уже смеркалось. Вдали зловеще догорал кровавый закат, как бы предрекая скорое погружение

---

* Это был о. Григорий Кравчина, о котором Евгений писал Глебу в 1962 году (см. гл. 24), называя «очень чувствительным и умным человеком ... искренне смиренным и простым».

во тьму всей нашей жизни. Когда я подошел к Рыбацкой набережной, совсем стемнело, засветились неоновые огни рекламы. Я пошел по рельсам железной дороги в направлении консервного ряда (Cannery Row) и Тихой рощи (Pacific Grove). Домой с такой ношей грустных дум идти не мог. Я и только я должен найти для Евгения выход из тупика. От этого зависит спасение его души. От беспомощности я горько заплакал. Подошел к врезавшемуся в залив утесу, встал над рокочущими внизу темными волнами, взглянул в бескрайность морских просторов, крикнул: «Господи, что мне делать? Открой мне!»

И вдруг из темной бездны до меня ясно донеслись слова, будто накатили волны с неба и бились, бились о мое сердце: «Книжная лавка... книжная лавка... книжная лавка...» — и подобно волнам морским откатывались восвояси. Поразительно! Я сразу понял суть, еще раз вслушался в себя, повторил несколько раз: «Книжная лавка... книжная лавка... книжная лавка!»

Очевидно, это рука Божья, откровение от Него! О магазине я подумывал и раньше, но идея эта терялась во множестве неосуществимых планов. Сейчас всё увиделось ясно, словно в мозаичной головоломке вдруг стал на место последний кубик. Книжная лавка поможет и Евгению с его книгой, Братству преп. Германа и недавно пришедшим к вере людям, идеалу пустынножительства и Православной Церкви— всем в одном. Будущность вмиг прояснилась.

В книжной лавке и поместится наше Братство, провозгласит миру о *подвижнике*, любителе пустыннического жития Германе. Мы займемся продажей книг, доход позволит купить печатный станок, и мы сможем издать работу Евгения. Затем заработаем денег на землю для скита, положим начало миссионерской работе здесь, потом — на Аляску, воплощать мечты преп. Германа о Новом Валааме на американской земле. Как всё просто, логично и ясно!

Простота эта даже обескуражила. В ту же ночь пришла идея *«святых»* денег, т. е. прибыль должна быть только от продажи православных книг, вбирающих в себя полноту православной святоотеческой философии, и никаких ересей, никакого «вольнодумства». Я хотел донести людям идею святого «подвижничества» и «святыми средствами» (в противовес церковному принципу — «цель оправдывает средства»). Благословенные «святые» деньги будут тем евангельским камнем, фундаментом, на котором утвердятся все наши труды.

Второе, что пришло в голову, — очень важно *единодушие*. На практике это значило: не делать ничего по собственной воле, без благословения другого. Это позволяет не подменять волю Божию своей.

Возобладание самости ведет к диктату римских пап или к церковным группировкам...

Мысль о *единодушии* нужно было проверить: послана ли она Богом или это только мое болезненное воображение? Я решил усерднее молиться, а затем рассказать всё Евгению, первому, даже прежде архиеп. Иоанна. С последним я много делился своими замыслами, когда приезжал в Калифорнию в ноябре 1962 года.

Спустя немного времени я пришел к Евгению. У него сидел Джеймс. Я с порога объявил, что прибыл сюда с самым важным предложением в жизни и прошу уделить мне внимание и время. Мы обратились к иконам и коленопреклоненно пропели канон Богородице. Затем я поделился своими мыслями о книжной лавке — отправной точке нашего Братства, попросил их честно высказать свое мнение. Джеймс сразу скис. Сказал разочарованно: «С этим я не хочу иметь ничего общего. Всё слишком путано, и кроме того мерзко — соединять религию и деньги».

Я молча повернулся к Евгению. Тот стоял абсолютно спокойно и тихо. У меня же внутри всё кипело. Он проницательно посмотрел мне в глаза и твердо произнес — так, чтобы слышал Джеймс: «ДОВЕРЯЮ ТЕБЕ!»

Как гора свалилась с плеч! Большего мне и не надо! Сейчас я уже знал наверное: вот он, тот самый «идиот», просимый у о. Германа. Я молил святого и получил в ответ: «У тебя он будет». И вот он передо мной.

Я долго не мог унять возбуждения. Но теперь я знал — всё задуманное исполнится: *будет* Братство, прославляющее о. Германа, он *будет* причислен к лику святых, *будет* магазин со «святыми деньгами», затем пустынь. Я куплю дом для матери, мы опубликуем книгу Евгения и однажды обретем на Аляске *Новый* Валаам.

Ни о чём подобном Евгений и не догадывался. Он всё смотрел на меня пристально и с верой. Джеймс сидел, недовольно покачивая головой. Вскоре он ушел. Понятно: ему такая жизнь не по душе, он хочет жить для себя. Может, конечно, поможет нам, но рассчитывать на него не приходится. Но как удивил меня ответ Евгения! Он не сказал, к примеру: «Как ты умен!», «Хорошо придумал!», «Поживем — увидим...» или «Что скажет епископ и другие?» Своим «ДОВЕРЯЮ» он без обиняков показал, что единодушие между нами будет, несмотря на всё различие характеров. Что и подтвердилось в будущем!»

ЧАСТЬ IV

Икона покровителя Братства преп. Германа, написана Глебом Подмошенским в 1962 г.

35

Братство

Ходатайствуй нам скорое умягчение ожесточенных душ наших, испроси нам разумение: что есть воля Божия; и аще ничтоже благо сотворихом пред Богом, да положим начало благое.

Из молитвы
преп. Герману, Аляскинскому чудотворцу.

ЕДВА ЛИ ни с первых дней в Сан-Франциско архиеп. Иоанн молился перед иконой преп. Германа, прося святого создать и взять под свое имя и покровительство миссионерское Братство. Глеб вспоминает историю иконы:

«Во время посещения Ново-Валаамского монастыря на Аляске я хотел увидеть образ преп. Германа, написанный в иконописной традиции, с нимбом. Но поскольку такового не оказалось, я попросил благословения отца Герасима самому написать подобный. Он благословил, пожелав при этом увидеть фотографию моей работы. Композиция иконы открылась мне во время молитвы у мощей преп. Германа, а сама икона писалась в Бостоне на Светлой седмице следующего года. Отец Герасим одобрил образ и я представил его на суд о. Адриана из Ново-Дивеева и о. Киприана из Джорданвилля.

Так и проехал я с иконой через все Соединенные Штаты, не оставляя мечты о Братстве, до самого Сан-Франциско, где только что был поставлен на новую кафедру архиеп. Иоанн. Я принес образ в его домовую церковь при Сиротском приюте свят. Тихона и, вручив Владыке, попросил молитв. А он, принявши, поместил его прямо на горнем месте в алтаре, сказав, что будет молиться о Братстве, а когда оно создастся, передаст икону в наше помещение. Так икона сия стала свидетельницей многих литургий, совершенных архиеп. Иоанном.

Тогда же я вручил ему маленький черно-белый оттиск изображения преп. Германа с написанным внизу тропарем. Позже я видел его в рамке на видном месте в кабинете Владыки, где образ находится и по сей день. Г-жа Шахматова рассказывала мне, что Владыка нередко молился перед ним».

Отец Герасим также просил Господа о нас. В 1963 году он писал Глебу:

«Ты делаешь хорошее дело, организуя Братство преподобного Германа, Аляскинского чудотворца! Да поможет вам Бог! Но помните, дьяволу не нравится такое, и он строит всяческие козни тем, кто прославляет богоизбранных праведников. Познал я это на себе, когда переехал на Аляску... Передаю привет всей братии. Да поможет вам Господь и Пречистая Матерь Его».

В ТУ НОЧЬ, когда Евгений произнес слова: «Я тебе доверяю», новое Братство наконец родилось, и братия ощутили совершенно ясно, что свершилось это по молитвам архиеп. Иоанна и о. Герасима. Один из «сирот» Владыки в Приюте свят. Тихона Задонского (тот самый В. Т., который и познакомил ранее Глеба с Евгением) стал третьим основателем Братства. Четвертым явился Антоний, серб по национальности, студент семинарии свят. Тихона Задонского в Пенсильвании.

Перво-наперво братия испросили благословение у архиеп. Иоанна на труды. Услышав о книжной лавке, Владыка смиренно указал им, что успех этого начинания будет зависеть не от его благословения, а скорее от собственных усилий братии и от воли Божией. В ответ на просьбу Глеба об архипастырском одобрении он сдержанно написал:

Дорогой Глеб!

Намерение и начинание ваше, несомненно, хорошее и стоящее. Нужно приложить все ваши усилия. Прошу у Господа Его всесильной помощи. Если дело пойдет — Бог благословит.

С любовью,

Архиепископ Иоанн.
28-го августа 1963 года,
день памяти св. Моисея Эфиопского
и св. Иова Почаевского.

Примечательно, что архиеп. Иоанн послал благословение в день памяти св. Иова — покровителя православной миссии печатного слова и св. Моисея Черного, словно подвигал братию на работу с чернокожими американцами.

Глеб известил о. Герасима, что Братство преп. Германа наконец-то создано. Для аляскинского пустынножителя это явилось великим утешением. Он пошел на могилу преп. Германа на Еловом острове и отслужил молебен об успехе братии. Вскоре Глеб получил от него письмо, в котором говорилось, что он молит Бога о благословении Братству и выражает желание, чтобы их стараниями «не угасла монашеская лампада на Еловом острове». Братия поняла эти слова как просьбу присылать на Аляску лампадное масло, однако подтекст выражал иное: однажды они приедут на Новый Валаам для продолжения там монашеской жизни. Отец Герасим давно уже мечтал о монастыре на острове, и его последние надежды возлагались на Глеба и новое Братство.

Евгений несколько приуныл, осмыслив значение этих слов. Он стремился к миссионерской деятельности в своем родном штате, где, как ему казалось, может быть наиболее полезен. На Еловом же острове придется думать не столько о миссионерстве, сколько о хлебе насущном, так как средства к существованию были очень ограничены. О поездке туда не могло быть и речи до тех пор, пока Братство не утвердится в Калифорнии и не возрастет людьми, чтобы послать их на другой «фронт».

Вместе с письмом о. Герасим прислал старую медную иконку Богородицы «Всех скорбящих Радосте», найденную на берегу Монашеской лагуны; прежде, по всей видимости, она принадлежала преп. Герману. В посылке также был дар — 25 долларов. Зная, что у о. Герасима почти никогда не водится денег, Глеб и Евгений были тронуты до глубины души. Евгений посоветовал открыть братский банковский счет, что и сделали. Символический акт: Братство преп. Германа Аляскинского началось со «вдовьей лепты», принесенной преемником преп. Германа на Еловом острове.

УЖЕ С ПЕРВЫХ шагов стало ясно, что в работе Глеб и Евгений очень дополняют друг друга. У Глеба зарождались грандиозные планы, он красочно описывал их, Евгений же очень внимательно выслушивал, «мотал на ус», взвешивал своим аналитическим умом и поначалу ничего не говорил. Но затем выносил уже готовое суждение, поражая Глеба точностью, практичностью и предельной простотой. Их

поистине свел Промысел Божий, поскольку Евгений без Глеба вряд ли бы решился на какие-либо смелые начинания, а без Евгения планы Глеба не осуществились бы.

Так, к примеру, однажды Глеб излагал некоторые из своих последних задумок и вдруг помрачнел, замолчал.

— Продолжай, — попросил Евгений.

— Что толку продолжать, — вздохнул Глеб, — всё это — лишь мечты.

— Разве внешние преграды — помеха нашей мечте?

— Но как их преодолеть?

— Всё просто, нужно лишь подумать, — заключил Евгений.

С самого начала братия решила, что их книжная лавка должна быть *вне* церкви. Глебу очень не нравилось, когда во время службы раздавался звон монет. Он вспоминал Христа, изгоняющего меновщиков из храма (его духовный отец — о. Адриан — даже пытался запретить сбор денег во время службы, но местный епископ его не поддержал). Но православная книжная лавка в отдельном здании в то время представлялась чем-то утопическим. Насколько братия знала, в Америке пока не было ни одного специализированного «православного» магазина.

В сентябре 1963 года Евгений писал Глебу об идее книжной лавки:

«После некоторых раздумий я пришел к выводу, что твоя идея вполне осуществима. И вот несколько предложений:

Первое — найти гараж или маленький магазинчик в районе Ричмонда... за 30 долларов, не дороже... Лучше с большим окном для витрины; если окна нет, прорубим сами. Поставим столы, книжные полки и, конечно, в углу икону преп. Германа с лампадой, на стенах — виды Джорданвилля и пр. Также повесим доску объявлений, заведем самовар или, на худой конец, чайник в задней комнате. Затем достанем книги, иконы — из Джорданвилля и другую церковную утварь — из разных мест, за малую плату или в рассрочку... Каждый день в магазине будет кто-то дежурить в определенные часы, причем добровольно и безвозмездно, вся прибыль пойдет на расширение деятельности: будем закупать больше книг для продажи, особенно писаний святых отцов; издадим какой-либо бюллетень, если дело заладится... Для начала требуется немного денег (за аренду, мебель, краску и т. д.) и 4-5 человек энтузиастов — это самое главное».

В другом письме Евгений сообщил, что уже ищет место для книжного магазина и скоро отправит книгоиздателям список-запрос необходимых книг. «...Как видишь, нужда заставляет быть практичным... Наши радужные мечты воплотятся сейчас или никогда».

Тогда же Евгений приметил еще одно православное братство в Сан-Франциско и написал Глебу следующее:

«Познакомился, между прочим, с группой православных американцев, они тоже пытаются создать здесь братство. Не знаю, почему меня пригласили, но, во всяком случае, удалось посмотреть, какова жизнь других православных. И ответ: НИЧЕГО НЕТ! Они искренни и намерения их благие, но абсолютно ничего не делают. Этакое духовное младенчество — пробавляются «молоком», а о «твердой пище» и не думают. Увидимся — расскажу... По существу, они нам не помеха, т. к. помышляют лишь о «межправославном» понимании и изучении православного «предания» на самом начальном уровне; в остальном тяготеют к экуменизму, но не к миссионерству. Они заняты только собой, пытаясь «осмыслить» собственную религию, мы же собираемся принести миру богатство, коего мы недостойны, но цену которому знаем».

Глеб призвал Евгения смотреть на ситуацию с большим смирением. Он писал: «Мы сами так немощны и грешны. Что мы можем дать миру, чему можем научить? Бог запрещает нам учить кого бы то ни было! Как может слепец вести слепого? Мы можем рассказывать о чудных святых и подвижниках, как они жили... или только пытаться (почти безуспешно) в чём-то подражать им, в основном же — молиться им, прославлять их и дивиться ими. Мы только пытаемся стяжать Дух Святый в наших сердцах и пусть Господь руководит нами, на всё Его Святая Воля».

НЕ ПРОШЛО и нескольких недель, как Евгений нашел помещение, казавшееся идеальным для их целей. В квартале от Собора, который в то время достраивался, стоял приметный домик на очень оживленной улице. Евгений так описывал Глебу: «Магазин включает в себя просторную комнату с высокими потолками и еще одну поменьше, позади, там будет наша спальня и там мы позже поставим печатный станок(!). Я уверен — тебе понравится». Плата за месяц составляла 85 долларов, больше, чем рассчитывал Евгений, но, обсудив всё с Глебом, они решили арендовать помещение.

12/25-го января 1964 года в праздник св. Саввы Сербского Евгений договорился с владельцем лавки и в тот же день описал Глебу свои чувства о знамении Господня благодеяния: «Сегодня читал Евангелие, как всегда главу в день, 10-я глава от Луки — та самая, что мы читали вместе, когда возвращались из Кармела почти два года тому. Тогда я открыл Евангелие наугад. «Господь... послал их по два пред лицем

Новый собор «Всех скорбящих Радосте» в Сан-Франциско
(снимок сделан по завершении строительных работ).

Своим во всякий город и место, куда Сам хотел идти. И сказал им: жатвы много, а делателей мало: итак молите Господина жатвы, чтобы выслал делателей на жатву Свою...»

Я думаю, лучше места, чем вблизи собора, не сыскать, не преуспеем здесь — не преуспеем нигде. Само местоположение магазина дорогого стоит — такая реклама!»

На следующий день Евгений внес плату за месяц. «Назад пути нет, — писал он, — пора приниматься за работу».

Глеба радовали воодушевленные письма брата и особенно фраза о том, что настала пора работать. Однако он не соглашался со словами: «Если не преуспеем здесь, не преуспеем нигде». Его настораживали два обстоятельства: во-первых, хотя деловая «хватка» Евгения полезна,

похоже, что тот чересчур полагается на нее, а во-вторых, чрезмерно увлекается церковной политикой. В одном из предыдущих писем Евгений указывал, что Братство должно состоять только из членов Русской Церкви за рубежом и поэтому в Сан-Франциско оно должно располагаться возле собора. В ответ на подобные рассуждения Глеб писал:

«Если ты хочешь выделить только наше удачное местоположение, я согласен, но если в нашем деле ты видишь «святость» (что подкрепляешь цитатой из Писания) и «важность» в основном с точки зрения «церковной политики», уповая на ее «мудрость», то я не согласен. Ибо кто мы, с нашим ограниченным и наивным мнением, исполненным греховности и суетности? Что мы сами можем принести с нашими рассуждениями и мудрствованиями, кроме вреда? Все наше упование на Господа и на полное следование Его неисповедимым путям! Действительно, жатвы много, но единственно что мы можем — это стяжать *хоть немного* ИСТИННОЙ ХРИСТИАНСКОЙ ЛЮБВИ и сострадания (искреннего и сердечного, без манерности, политики, так как всё это от мира сего и отвращает Духа Святаго). Прости меня. Я уверен, что мы великие грешники и не можем ожидать чудес от Бога лишь потому, что мы вдруг решили заняться всем этим. Мы не имеем права говорить, если что и не выйдет: «Пропади все пропадом!» Нет! Уверен, Господь испытает нашу искренность в деле, предпринятом во славу Его. Он покажет, зиждется ли наше вдохновение на камне или на песке, посылая нам трудности, смущения, споры, на чём и проверится любовь Его грешных детей. И по мере возрастания скорбей мы достигнем опытности и только тогда действительно сможем пригодиться в Господней жатве (Рим. 5:1-15)».

В ДЖОРДАНВИЛЛЕ архиеп. Аверкий поначалу не разделял планов Братства, т. к. ему казалось, что Глеб нужен Церкви как священник, либо в миру, либо в монашестве, и в самом ближайшем будущем. Но когда Глеб попросил книги для магазина, архиепископ с готовностью согласился прислать, сказав, что расплатиться они могут с продажи. Это значительно снизило первоначальные расходы.

Получив ключи от магазина, братия перенесли туда икону преп. Германа из Дома свят. Тихона. Священник Сиротского приюта о. Леонид Упшинский, с которым Евгений очень сблизился, зашел в алтарь и вынес икону. Передавая ее братии, сказал: «Она освящена молитвами архиепископа Иоанна». С пением тропаря преп. Герману братия прошли несколько городских кварталов и водрузили образ на видном месте в магазине.

Примерно в это время архиеп. Иоанн посоветовал Глебу поговорить с Петром Губиным — тот заведовал продажей книг в церкви, дабы между прихожанами и Братством не возникло соперничества. Губин отнюдь не считал братию конкурентами, от всего сердца приветствовал их план и показал Глебу свое собрание, состоящее из тысяч книг, некоторые из которых были выставлены для продажи в киоске у входа в собор. «Видишь, сколько у нас литературы, — заметил он, — и мы не можем продать. Прихожане просто не покупают книги». Глеб ответил, что отделенная от церкви миссионерская книжная лавка окажется удачливее, потому что ее смогут посещать не только прихожане, но и все любопытствующие.

Желая всячески помочь братии, Губин сказал, что церковь готова оплатить аренду магазина, таким образом превратив его в соборный киоск. Но, несмотря на явные материальные выгоды этого предложения Евгений отказался. Он знал, что такой оборот дела свяжет их с церковными организациями, комитетами и т. д., а с такой перспективой его американская независимая натура примириться не могла. «Как мы сможем сохранить свободу действий? — писал он Глебу. — ...Если книжная лавка будет связана с собором, возникнут юридические осложнения и все благие начинания, вероятно, пропадут втуне».

Оставалось условиться о названии магазина. Один из членов Братства пытался навязать Евгению и Глебу завлекающую вывеску. Евгений возразил: это слишком по-мирски — сидеть и сочинять название. «Лавка должна быть названа просто — *„Православные христианские книги и иконы"*». На том и порешили.

36

Богословское обучение

Православие — единственная истинная Церковь Христа, единственно чистое христианское учение. Это налагает на верующих обязательство рассказывать о Церкви прямодушно, не лукавя, с любовью, прежде всего — с любовью к Божией Истине.

Из мирских проповедей
Евгения Роуза, 1965 г.[1]

Пока готовилось открытие книжной лавки, Евгений занимался другими делами. Неутомимый миссионер, архиеп. Иоанн с помощью своего викарного еп. Нектария и местного духовенства открыл богословские курсы. Занятия проводились несколько раз в неделю в зале на первом этаже в Доме свят. Тихона. Почин имел большой успех — народу собиралось немало. Каждая лекция завершалась оживленным обсуждением. Архиеп. Иоанн читал Литургику, еп. Нектарий — Патристику, о. Спиридон рассказывал о Ветхом Завете. Проходили лекции и по Новому Завету, Апологетике, Истории Церкви, Пастырскому богословию, Церковному пению и даже по Русской литературе.

Евгений ходил на курсы три года. Поначалу его поражало, насколько плохо слушатели знают Библию. «Русские задают такие наивные вопросы, словно никогда и не заглядывают в Писание», — сказал он как-то Глебу.

«А они и впрямь не заглядывают, — ответил тот, — не приучены. Богослужения они проводят, сообразуясь с традициями, что, бесспорно, очень хорошо, а вот Писание обходят стороной». Этот пример еще более убедил Евгения в необходимости миссионерской работы, как для тех, кто принадлежит Церкви, так и для тех, кто вне ее.

Архиеп. Иоанн, приметив усердие Евгения, начал подыскивать ему самостоятельную работу. Однажды Владыка предложил провести беседу в Доме свят. Тихона. Всё прошло гладко, лишь под конец начи-

нающему миссионеру выпало первое испытание: некто, подобно герою Достоевского, начал оправдывать вседозволенность. Сам Евгений писал Глебу об этом так: «Моя беседа вылилась в весьма оживленный спор между атеистом Вадимом и мною. Он полностью держался философии «сверхчеловека», обвинял христианство в несостоятельности, т. к. оно утеряло влияние (по мирским меркам), да и сами христиане — далеко не святые. С некоторыми доводами можно отчасти согласиться, но в целом устами Вадима вещал дьявол. Себе же я просто ужаснулся — сколь немощны и вялы мои слова! До чего же шатка и слаба наша вера! И сколько же дóлжно пережить неудач и падений, прежде чем укрепимся в ней!»

В ответном письме Глеб не замедлил подбодрить друга: «Да, мне знакомо чувство, когда сталкиваешься с истовой верой в антихриста, в законы мирской логики. Такие атеисты, как Вадим, помогают нам не расслабляться духовно. И не стоит их осуждать, ибо они не познали «рождение во Христе» и не могут следовать за Господом, как Он заповедал».

В 1963 году архиеп. Иоанн дал Евгению еще одну возможность проявить себя на миссионерском поприще — попросил писать статьи для епархиальной газеты «Православный благовестник», появившейся еще при архиеп. Тихоне. Ранее она выходила небольшим тиражом только на русском языке, но теперь архиеп. Иоанн решил включать в каждый выпуск хотя бы одну англоязычную статью, дабы печатное православное слово дошло и до тех, кто не знает русского языка. Владыка внимательно следил, чтобы ни один номер газеты не оставался без подборки для американцев, и порой справлялся по телефону поздно ночью или спозаранку, сдал ли Евгений свою работу? Он одобрял всё написанное и не делал никаких исправлений.

Так с «Православного благовестника» начались авторские публикации Евгения. Впоследствии (уже посмертно) они вошли в сборник «Царствие Небесное». То были короткие, на одну-две страницы, обращения-проповеди на самые разные темы: о церковных праздниках, о житиях святых, об основах духовной жизни. Все они свидетельствовали о возрастании Евгения в православной вере, теперь он больше писал о «Царстве Божием», нежели о «царстве человеческом». Кое-где в «мирских проповедях» он касался мыслей, изложенных в своей книге, особенно по тем философским вопросам, которые, как полагал Глеб, и в ту пору были близки его сердцу.

Годы спустя Евгений так отзывался о своих «мирских проповедях»: «Не знаю, читал ли их кто, но теперь, по прошествии времени, я вижу, что они, хоть и написаны «с чувством», содержат много отвле-

Комната Владыки Иоанна в Доме свят. Тихона. Не раз он беседовал здесь с Евгением и Глебом.

ченного и умозрительного — сказался недостаток опыта, православного образования и православной жизни. Мне же они сослужили хорошую службу. Я смог разобраться в самых разнообразных вопросах Православия, быстрее развиться духовно. К этому меня «подтолкнул» Владыка Иоанн».

В СВОБОДНОЕ от книжной лавки и добывания хлеба насущного время Евгений предавался любимому занятию — собирал грибы. Он бежал из «бетонных джунглей», столь претивших ему, чтобы быть поближе к природе. Его увлечение хорошо прослеживается в письмах. «Собирался завтра по грибы, — писал он Глебу, — да вот незадача, нужно идти работать (в гостиницу «Марк Хопкинс»*, опять, наверное, все будут пьяны в стельку). Увы, придется отложить свой «поход» до субботы. Читаю книги о грибах. Оказывается, в наших краях много съедобных и их легко отличить». В другом письме читаем: «Привычных грибов окрест больше нет, но я нашел новые, еще вкуснее. Это — опята, что растут на пнях и на стволах. Здесь их предостаточно».

Однако редкие вылазки «по грибы», конечно, не утоляли его жажды общения с природой. Он писал Глебу: «Хоть на день (завтра, например) убегу от всех и вся в лес». Он с радостью навсегда покинул бы город, но миссионерских дел всё прибывало, — очевидно, пока Господь определил ему жить в Сан-Франциско.

---

* Одна из самых богатых фешенебельных гостиниц Сан-Франциско, в районе Ноб Хилл.

37

Книжная лавка

Если хотите увидеть живое чудо преподобного Германа Аляскинского — посетите лавку рядом с собором.

Архиеп. Иоанн (Максимович).

ПЕРЕД открытием братия попросила архиеп. Иоанна освятить лавку. Тот назначил день, но, как вспоминает Глеб, «в указанный час на пороге вместо архиеп. Иоанна появилась нескладная фигура о. Спиридона: нечесаные космы, спадавшие на глаза, бурый от времени клобук, короткая ряса, огромные башмаки, походка Чарли Чаплина.

Сперва мы огорчились, что не приехал сам Владыка освятить наши миссионерские начинания. Запинаясь и задыхаясь от волнения, о. Спиридон робко известил нас, что вместо Владыки послали его, что ему, право, неловко и он просит извинить его. Очевидно, подумалось мне, он прочел на наших лицах нескрываемое разочарование. Но, повернувшись к Евгению, убедился в обратном: казалось, он безмерно счастлив видеть этого простодушного и искреннего человека. А уж смиреннее о. Спиридона во всём Сан-Франциско никого не найти.

Отец Спиридон отслужил молебен перед иконой преп. Германа. Потом, поворотившись к нашему малочисленному Братству, произнес трогательное и возвышенное напутствие. Надо сказать, что он начисто лишен слуха, и тенорок его от избытка волнения то прерывался, то сходил почти на шепот. Так что речь получилась, мягко говоря, не совсем обычной. К волнению добавилась и его астма, чувствовалось, что каждое слово, искреннее и доброжелательное, дается ему с трудом, но исходит из любящего сердца. В точности речи его никто не запомнил, но впечатление у всех осталось незабываемое. Прекрасным, богатым русским языком поведал он о целях нашего Братства — лучше не

скажешь. И никому более ни до, ни после него не удавалось раскрыть с такой точностью задачу нашей миссии. Получилось так, что он указал нам верный путь. Мы раньше не удосуживались четко обозначить цели, впервые это сделал о. Спиридон. Поразительно, как точно этот русский священник прозрел необходимость нести Православие англоязычному миру и всему вероотступнику-Западу»[1].

27-ГО МАРТА 1964 года лавка «Православные книги и иконы» наконец открылась. Евгений пропадал там с утра до вечера, частенько оставаясь ночевать (в задней комнате стояла койка). Всю душу вложил он в новое дело, посланное ему в ответ на отчаянную мольбу к Богородице.

Глеб не мог пока оставить работу в Монтерее (на его попечении была мать) и наезжал в лавку помогать лишь по выходным дням. Живя в разных городах, они с Евгением опасались, как бы в заложенном фундаменте Братства не появилась трещина. Дабы поддержать единство духа и цели, они условились молиться каждый день в полдень, где бы ни оказались. Эта обоюдная и одновременная молитва сыграла одну главнейшую роль и помогла Братству выжить в первые годы.

Сразу же они установили определенные порядки, которые помогли преодолеть обычные искушения всякого возжелавшего плодотворной духовной жизни. Одним из них стало *взаимное послушание,* которому учил старец Паисий Величковский: прежде всякого дела Евгений и Глеб должны испрашивать взаимное благословение. Прочей братии, помогавшей в лавке, такое правило оказалось не по плечу. Кое-кто открыто воспротивился, дескать, всё это глупости и пустая трата времени. Однако Евгений и Глеб убедились, сколь правило это полезно.

Не забыли и *святые деньги,* о которых уже упоминалось: деньги, получаемые от продажи богоугодных товаров (духовной литературы, икон и т. д.), шли на приобретение богоугодных же вещей. Пожертвования из неблагочестивых источников братия договорились не принимать.

Такое решение неразрывно связывалось с еще одним правилом: *оделять.* «Все люди, — говорил Глеб, — делятся на две категории: на тех, кто потребляет, и на тех, кто оделяет. Христиане должны быть в числе последних».

Посему братия отказались от всяческих «поборов». Еще до открытия лавки некий русский поинтересовался у Глеба, не образует ли тот новую религиозную общину. Получив утвердительный ответ, он протянул: «А-а, ну, понятно, значит прибавится еще одна церковная

кружка!» Глеб лишь молча стиснул зубы. «Боже упаси!» Поразмыслив, он согласился с упреком русского: «Конечно, все собирают пожертвования, будто это в порядке вещей. Но мы не будем!» В этом их решительно поддержал и архиеп. Иоанн. Братство само будет помогать Церкви, нежели отнимать у нее. А уж Господь позаботится о труждающихся во имя Его.

Еще братия постановили молиться не за конкретных людей, дабы те пополняли Братство, а о том, чтоб Господь Сам посылал Своих избранников. Это помогло Братству не превратиться в закрытый «клуб», доступ куда определялся бы личными симпатиями.

Братия поняли, что потерпевшие крушения на духовном поприще либо не знали этих принципов, либо им не хватало решимости следовать им. Позже Глеб подметил, что людям очень трудно служить Господу, отрекаясь от себя, от самопоклонения. В этом отношении Евгений был бесценным спутником, способным вынести все муки самоотречения. Так, по словам Глеба, они добровольно возложили друг на друга «бремя правил», рушащих самость ветхого человека, особенно болезненным для гордыни было правило взаимного послушания, зато особенно полезным для единения душ служащих Богу, а не себе.

Об ОТКРЫТИИ лавки братия сообщили в местной русской газете, Евгений также составил краткое описание их магазинчика, а настоятельница женского монастыря матушка Ариадна напечатала его в виде брошюры. Вскорости они убедились на собственном опыте в правоте Петра Губина: местный православный люд читает мало духовной литературы. В основном посетители спрашивали русскую газету.

Такое положение издавна удручало о. Владимира из Джорданвилля, много трудов положившего, чтобы издать жития подвижников благочестия в нескольких томах. Глеб вместе с Еленой Юрьевной Концевич, дабы пробудить читательский интерес, писали обозрения житий, в том числе и для русской газеты. Архиеп. Иоанн позже благодарил Глеба за эту работу.

В отличие от книг, церковная утварь пользовалась большим спросом среди русских, и Евгений быстро смекнул, что надо запасать разные иконы, ладан, лампады, ризы, киоты. Он даже научился столярничать, чтобы самому делать киоты. Столкнулись братия и с предубеждением русских ко всему новому и необычному. В письме к Глебу Евгений рассказал забавный случай: «Сегодня утром пришла русская женщина и поделилась сплетнями, которые о нас распускают,

Евгений в 1965 г.

дескать, мы — коммунисты и лавка полна советских книг. Или будто мы — советские дипломаты, брошенные на «идеологический фронт». Или что мы — *американские новообращенцы* (!). Ну, и в том же духе. Но в конце концов она так расположилась к нам, что купила на 10 долларов пасхальных яиц, икон и открыток, и лишь потом распознала, что я не русский».

Не без помощи этой покупательницы подозрения в русской общине быстро рассеялись. Кроме того, сама внешность высокого, строго одетого, внимательного продавца внушала доверие. Глеб вспоминает, как русские дамы — и стар, и млад — просто «таяли» перед Евгением, отчего тому делалось неловко.

Особенно привечали братию пожилые люди в русской общине. Они даже напечатали в одном из журналов благодарность двум молодым людям, которые, по их словам, пожертвовали своей мирской карьерой ради «нашего древнего христианства».

Как братия и рассчитывали, в лавку стали захаживать и молодые американцы — искатели духовного. Интересующихся Православием присылали и местные архиереи и священники, и матушка Ариадна. А кто заходил и прямо «с улицы». Евгений и на американцев производил

большое, но несколько иное впечатление: человека, преданного делу, который взвешивает каждое свое слово. Поверяя ему свои сомнения и мысли, они чувствовали по внимательному и проницательному взгляду Евгения, что он не только внимает им, но и вычленяет философскую сущность сказанного. Отвечал он всегда по существу и без излишнего умствования. Современные американцы, привыкшие каждое суждение об истине «раскладывать по полочкам», чьи взгляды часто очень поверхностны, встречали в Евгении простую, но твердую веру, глубокую и точную мысль. Такая встреча давала им много духовных сил.

Но истинную сокровищницу души Евгения распознали не американцы, а русские. Однажды, когда в магазине дежурил Глеб, вошла женщина и обратилась к нему по-русски: «У вас же здесь гений! Настоящий гений! И никто этого не замечает!» Глеб лишь улыбнулся про себя: значит то, что видел в Евгении он, прозревают и другие.

В другой раз Евгения спросил седовласый господин с супругой.

— Я слышал, здесь работает Евгений. Мне бы хотелось узнать, как ему живется. Я — его бывший учитель, Петр Будберг.

— Евгений много рассказывал о Вас! — обрадовался Глеб.

— Счастлив ли он?

— По-моему, очень счастлив. Он занимается тем, во что верит.

Профессор Будберг кивнул, жена его улыбнулась. Отказавшись от престижной карьеры в научном мире, Евгений обрел неизмеримо большее, то, чего жаждал и сам Будберг, — «довольство души».

— Молодец, правильно сделал! — сказал в заключение добросердечный профессор.

НЕСКОЛЬКО МЕСЯЦЕВ спустя Евгений начал вести летопись Братства преп. Германа. Одна из первых строк гласила: «Сегодня в лавку зашел студент-католик. Ему порекомендовали нас, дескать, здесь скорее можно разузнать о Православии. Несомненно, мы будем расти и мало-помалу превратимся в общепризнанный православный информационный центр, вероятность этого весьма велика».

Евгения радовала всякая встреча с искателями Истины. Обратимся опять к летописи: «Пришел бородатый молодой человек, сказал, что только что принял католичество, но уже разочаровался, не найдя святости в католической Церкви, и собирается податься в мормоны. Секты, вроде мормонских или приверженцев «христианской науки», привлекают тех молодых людей, которые чувствуют отсутствие чего-то существенного, как в католичестве, так и в протестантстве, от которых осталась лишь ничего не значащая форма — бледная тень

Евгений на крещении Саши (своего крестного сына), совершаемом о. Амвросием Погодиным. Сан-Франциско.

Саша, Евгений и о. Амвросий Погодин.

христианства. Молодежь ничего не знает о святом Православии, потому и обращается к сектантству, якобы исполненному содержания.

Причем к сектанству тянутся самые серьезные и ищущие молодые люди. Ревностные экуменисты среди католиков и протестантов (да и среди православных), думаю, молодежи не интересны, они погрязли в модных, «современных» течениях, кои суть верхоглядство, а не истинная духовность. Сектантство же не гонится за модой, и те, кто примыкает к той или иной секте, несомненно, хоть путаными окольными путями, стремятся к духовности. И, узнай они о Православии, обретут надежду.

Нашего юного посетителя, похоже, взволновало то немногое, что он услышал о Православии, может, это подтолкнет его к верному пути, и он, наконец, найдет то, что тщетно искал в католичестве. Я дал ему брошюру о преп. Серафиме Саровском. Господи, благослови посеянные семена и взрасти их Своею благодатию. У нас есть теперь возможность сеять больше».

Работая в книжной лавке, братья помогли нескольким людям обратиться в Православие. Одним оказался Чарльз Андерсон, школьный учитель, отец семерых детей. До этого он с женой Сильвией участвовал в католическом движении помощи бедным, начатом Питером Морином и Дороти Дей. Будучи истыми католиками, Чарльз и Сильвия, конечно, немало огорчались переменам, происходившим в их Церкви после 2-го Вселенского Ватиканского Собора.

Знаменательно, что Сильвия познакомилась с Православием в родительском доме, где появился на свет ее сын. Ей попалась книга «Икона и топор» о русской духовности. Прочитав, она поделилась с мужем, и оба настолько прониклись содержанием книги, что решили дать новорожденному сыну второе имя Сергей, в честь святого земли русской, преп. Сергия Радонежского. Чарльз начал подробнее знакомиться с Православием и пришел к выводу, что сохранить истинную веру можно лишь одним путем — принять Православие.

Прослышав о русском женском монастыре в Сан-Франциско, Чарльз и Сильвия отправились туда со своими чадами. Их приветливо встретила монахиня, спросила, как зовут малютку. «Сергей», — сказала мать, и монахиня тут же поднесла его к алтарю, где совершалась Божественная литургия, и священник причастил младенца. По его имени монахиня решила сперва, что семья русская, и лишь после службы открылось, что они не православные. Семью пригласили в главное здание, где настоятельница матушка Ариадна пожелала им побольше узнать о Православии и направила к «двум миссионерам, которые держат книжную лавку».

Так Чарльз и Сильвия познакомились с «Православными книгами и иконами». Они застали одного Евгения, и он сразу их обаял. Некоторое время спустя с помощью Глеба и Евгения вся семья приняла Православие. Чарльз решил взять имя Владимир, под впечатлением жития русского князя, крестившего целый народ. Поддавшись миссионерскому рвению, новообращенный Владимир, желая идти по стопам святого покровителя, вознамерился привести к Православию сотни соотечественников. И начал со своей семьи. Евгений стал их крестным отцом. Впоследствии Владимир немало помогал Братству.

Еще одного помощника братия обрели в лице своего сверстника из Северной Каролины, Лаврентия Кемпбелла. Евгений и его наставил на путь Православия, и для него стал крестным отцом. «Он ли не знамение для нас? — вопрошал Евгений в летописи. — Типичный современный человек, разочарованный скептик, далекий от Бога, прикоснувшись к Православию, претерпел духовное перерождение, попав из обмирщенности на почву христианства, церковной жизни. Конечно, ему еще расти и расти, и корни еще не крепки и не глубоки, однако он уже на верном пути. И нам подтверждение: мы не свернули со своей стези, не сбились на «новое христианство», привязанное к мирской жизни, экуменизму, пустым идеям и ложной любви к ближнему, к которым якобы зовет Господь. Мы же выбрали исконный путь покаяния, *подвига*, благодати, воцерковления, со святой верой в чудеса. Только такая вера умягчит сердца нынешних людей, обратит их к Богу».

Находились, однако, и те, кто не одобрял расположенности Евгения и Глеба к неправославным искателям духовного. Один православный христианин пенял братии на то, что они зарабатывают деньги на иконах, и не до́лжно продавать освященную вещь язычникам.

Однажды в соборе на всенощной Глеб попросил архиеп. Иоанна разрешить этот вопрос. Владыка ответил: если братия чуют, что икона покупается для святотатства, то дозволять сие нельзя, в остальных же случаях не возбраняется продавать ее даже «язычнику». «Икона, — сказал он, — несет весть о Боге, помогает душе встретиться с Ним. Каждой проданной иконой — верующему или атеисту — вы помогаете людям противостоять злу».

Братия нарочно повесили над входом икону Иисуса Христа, дабы каждому посетителю доставалось немного Божьей благодати.

У них был обычай: про себя молить Господа о благословении каждого входившего. На прощание же они осеняли его крестным знамением.

КНИЖНАЯ ЛАВКА не только помогала американцам знакомиться с древним христианством, не только удовлетворяла духовные запросы русских, но и сплачивала православных разных национальностей: греков, арабов, сербов, румын и многих других. После посещения лавки молодым греком, возлюбившим Православие, Евгений отметил в летописи: «Бог посылает нам людей. Что означает каждая встреча? Мы должны, по мере сил и старания, стать местом единения *всех* православных, верных Церкви, так чтобы получилось *общее свидетельство истинного Православия,* собрались бы воедино последние верные сыны всех православных народов.

Пока неясно, какую форму примет это единение. Только не «всеохватное» Православие — смесь разных учений и американизация православных народов. Это привело бы к смерти Православия. «Американская Церковь» тоже не подходит, ибо не одни американцы призваны засвидетельствовать православную Истину. Может, вообще не нужно никакой «организации». Главное, чтобы не рушилась связь последних верных сынов Православия на земле, чтобы в силе встретили мы грядущие битвы и искушения».

38

«Православное Слово»

Каждое слово надобно тщательно взвешивать, ибо на чаше весов — Истина.

Евгений Роуз, 1-ое октября 1964 г.

К СЕНТЯБРЮ 1964 г. братия поняли: приспело время печатать самим материалы по Православию. Евгений еще больше утвердился в своей решимости, когда однажды в пятницу в лавку заглянули два православных священника. Раньше они не приходили. Как отмечал Евгений в летописи: «Оба — современного толка, развязные, чудовищно невежественные, равнодушные к книгам и духовной жизни. Один, похоже, даже не слыхивал о Добротолюбии. Второй посоветовал прочитать: «Неплохая книжица». Если таковы сегодняшние пастыри, на что же надеяться пастве?! Тем важнее, чтобы голос Православия услышали все жаждущие. Не беда, если поначалу голос этот будет слабым. *Пора* издавать собственный журнал».

После некоторого поиска Евгений нашел ручной печатный станок за двести долларов (дороже было не по карману). Купил он его на праздник Рождества Богородицы. «Теперь, — гласила летопись, — наши праздные мечтания сменятся насущными заботами, надобно, чтобы станок не простаивал зря». А в письме к Глебу говорил: «Голова кру́гом идет. Работа застит всё и вся. Чтобы с ней справиться, мы воистину должны быть братьями».

Примерно через месяц появилось их первое печатное слово: одно из духовных наставлений преп. Серафима Саровского. Всё ближе подходили они к воплощению мечты о православном журнале, хотя попрежнему денег на него не было и в помине. «Нам бумагу не на что купить, а мы замахнулись журнал печатать! Однако будем стараться, и по благословению Божию всё приложится», — писал Евгений Глебу.

ОНИ НЕ РАЗ и подолгу спорили о тематике будущего издания, его объеме и формате. Они сходились в том, что цель — познакомить американцев с первоисточниками православной веры, но читательскую аудиторию представляли по-разному. Глеб полагал, что журнал в первую очередь должен принести пользу молодежи, а Евгений — что журнал должен служить всем, особенно людям умным и ищущим, которым не на что опереться в современной пустой жизни, негде получить пищу для ума и сердца.

«Обращаясь к людям незаурядным, прожившим жизнь, мы столкнемся с их предубеждениями, сложившимися взглядами. С молодыми легче: главное — тронуть их сердца», — возражал Глеб.

Евгений опасался, как бы журнал не превратился в дешевое популярное чтиво для подростков. После долгих споров нерешенным остался лишь один вопрос: нужно ли помещать иллюстрации, в том числе и на обложке. Глебу рисовался в воображении иллюстрированный журнал (причем всякий раз на обложке что-то новое), подобно тем замечательным российским дореволюционным изданиям, которые довелось видеть ему, но, увы, не Евгению. Тот предлагал обычную, без «картинок», обложку, как у всякого солидного научного журнала. Спорили они долго и горячо, наконец Евгений уступил. Для первых номеров он сам взялся напечатать иллюстрированные обложки.

По его разумению, журнал мог не только всколыхнуть молодых искателей духовного, но и указать, где и как потрудиться ради высокой идеи. В летописи он отмечал: «А что делать с молодыми православными? Это не менее важный вопрос. Сколькие теряют веру, отходят от Церкви? Виной тому всякие танцы, пикники, вечеринки. И оттого, что они предваряются короткой молитвой или душеспасительной беседой, собрания эти не становятся «религиозными» или «христианскими». Всё это суета, она быстро проходит, забывается и никому не помогает возрасти в христианстве.

«Что хочет молодежь? Погоня за удовольствиями, право же, прельщает не многих (разве что с тоски, чтобы убежать от действительности). Молодежь полна идеалов и готова служить им. В этом и ответ тому, кто хочет работать с молодыми, приобщать их к Церкви: им нужно найти дело, полезное и неотрывно связанное с их идеалами.

Издание журнала — как раз такое дело. И у нас уже есть помощники, трое молодых русских: Петя, Алеша и Миша. А уж Господь укажет, что делать дальше».

Один из юношей после уроков помогал Евгению с печатным станком. Спустя 25 лет он вернулся и стал разыскивать Евгения, покуда

не узнал, что тот умер. Почему так надолго запомнился ему Евгений? Он ответил, что больше не встречал в жизни столь глубоко верующего христианина.

НАЗВАНИЕ журнала подсказал братии Владыка Иоанн. Глеб поначалу хотел наречь его «Паломником» в честь известнейшего русского дореволюционного журнала или в честь любимой книги — «Откровенные рассказы странника». Вместе с Евгением он отобрал пять вариантов названия и отослал архиеп. Иоанну, чтобы тот благословил по его мнению лучший. 30-го сентября 1964 г. Владыка прислал ответ, предложив совсем иное:

> Дорогой Глеб!
>
> Да благословит Вас Господь на втором году Братства во всех его начинаниях. Журнал Ваш неплохо бы назвать «Православным Словом». Прошу Божия благословения Вам и всей братии.
>
> Архиепископ Иоанн.

Типографию братия устроили в тесной задней комнате. Три начальных номера отпечатали на маленьком ручном станке, который приобрел Евгений. Печатать приходилось по одной странице, так что журнальный разворот пропускали через станок четырежды! Набирали текст вручную — труд кропотливый и изнурительный — и поначалу тратили целый день на одну страницу. Евгений же нередко засиживался за полночь и засыпал прямо у станка. Глеб приезжал на выходные дни и тоже работал в полном смысле слова до упаду. А в воскресенье, так и не отдохнув, садился в автобус и ехал в Монтерей — поутру ждала работа.

Начиная с четвертого номера, перешли на электрический станок, который удалось купить на скопленные деньги. Дело пошло немного быстрее, но всё равно приходилось вручную набирать строчку за строчкой и на это уходила масса времени.

Ручной труд, немыслимый в наш век быстрых механизмов, придавал журналу некоторый лоск былых времен, когда почитались ремесла. Евгению пришлось досконально изучить все тонкости типографского дела стародавней поры. Помогал и художественный вкус Глеба. Журналы получались, хотя и скромными по оформлению, но как две капли воды похожими на издания лет давно минувших. Читатель как бы прикасался к чему-то особенному и неповторимому, к плоду трудов, пронизанных любовью. Годы спустя, когда Братство окрепло и все

издания печатались уже современным способом, журнал что-то потерял в благородстве и красоте.

Целиком посвятив себя выпуску «Православного Слова», Евгений уже ни минуты не мог выкроить, чтобы продолжить работу над своей книгой «Царство человеческое и Царство Божие». Теперь «Православное Слово» должно было дать современному человеку представление о Царстве Божием. Много позже Глеб говорил, что *magnum opus* Евгения нельзя считать незавершенной философской работой, вся она воплотилась в «Православном Слове», более ста номеров которого вышли еще при жизни Евгения, ибо в них сосредоточилось несметное богатство православной литературы.

Хвалила журнал и Елена Юрьевна Концевич за, как она выражалась, «изложение Православия». И впрямь, материал тщательно подбирался и излагался в свете православной веры, в то же время доступным современному читателю языком. Братия терпеть не могли словесного «винегрета», бездумно и нерадиво подобранных разномастных материалов. Только разумным сочетанием старого и нового (в том числе и собственных статей), вдумчивыми комментариями и удачно подобранными иллюстрациями (что тоже немаловажно) добивались они успеха.

Братии хотелось уберечься от возможных ошибок, как-никак люди они на издательском поприще новые и пока не ахти какие умелые. И помочь им лучше архиеп. Иоанна, святого наших дней, никто бы не смог. Они попросили его критически просматривать каждый номер журнала. Братия также надеялись, что с участием Владыки их миссионерская деятельность премного усилится. Получилось всё, однако, совсем не так, как они предполагали.

Стоило Глебу рассказать Владыке о содержании первого номера, тот, одобрив, незамедлительно приказал: «Печатать!»

В дальнейшем братия едва успевали показывать ему гранки, как сразу получали одобрение.

Глеба такое озадачило. Ведь журнал издается в епархии Владыки Иоанна, так почему ж ему не употребить власть цензора? Замешательство его усилилось после того, как к ним заявился один из читателей с претензией к статье Евгения в пятом номере. В рубрике «Православие в современном мире» он писал о речи папы Павла VI в ООН (о которой уже упоминалось). Негодуя, читатель вернул журнал со своими пометками на полях: в журнале, знакомящем с духовной сокровищницей Православия, вдруг появилась статья, в которой папа римский срав-

Владыка Иоанн подле портрета архиеп. Аверкия.

нивается с антихристом! Да кто они такие, эти редакторы, «моськи», облаивающие духовное лицо, уважаемое во всём мире!

Братий очень огорчил такой отзыв, и они рассказали Владыке Иоанну.

— Отчего же, Владыка, вы не посмотрели статью загодя да не предупредили? — спросил Глеб. Евгений молча стоял рядом.

Внимательно прочитав статью, Владыка пытливо посмотрел Глебу в глаза.

— Вы ведь учились в семинарии?

— Учился.

— И закончили полный курс?

— Закончил.

— И Вас, кажется, учил архиепископ Аверкий?

— Да.

— Так разве он не говорил Вам, что в минуты испытания каждый христианин сам отвечает за полноту всего христианства? Что каждый воцерковленный человек отвечает сегодня за всю Церковь? И что сегодня Церковь гонима врагами как внутренними, так и внешними?

— Говорил, — признался Глеб.

— Вот потому-то, — продолжал Владыка, — я нарочно не стал проверять ваш журнал.

Архиеп. Иоанн хотел научить их ответственности за то, что они печатают. Иначе они прислушивались бы не к собственной совести, а к чьему-нибудь мнению. Случись им ошибиться, ответят пред Господом сами, не появится искушения свалить всё на других. В наше время, учил Владыка, чтобы сохранить христианство, все работающие на ниве Православия должны самостоятельно трудиться во имя Христа. Достойны похвалы те, кто не дожидается указаний, а действует смело.

— Кроме всего прочего, — подвел итог Владыка, — всё вами написанное сообразуется с мнением архиепископа Аверкия. И я, знаете ли, с ним согласен.

Так развеялись сомнения братии. Евгений лишь улыбнулся «счастливому концу», иного дух американца-первопроходца и не допускал. С того дня они с Глебом взяли на себя полную ответственность за печатное слово. Одобрение Владыки они более не спрашивали, хотя часто обращались к нему с тем или другим вопросом, и он им с любовью отвечал. Когда дело касалось богословия, он отсылал их написать архиеп. Аверкию, с кем находился в полном единении душ.

Много дал он им уроков самостоятельности. Так, например, всякий раз, когда он брал номер журнала, то платил за него.

— Владыка, Вы же глава нашей епархии! Берите бесплатно столько журналов, сколько нужно, — предлагали братия.

— Нет, нет, — улыбался архиеп. Иоанн, доставая из маленького кошелька монеты. — Это — *ваша* работа, и я ее поддерживаю.

39

Подвиг

Отдай кровь, получи дух.
Св. Петр Дамаскин.

Когда журнал только вышел в свет, Евгений опасался, что затраты не окупятся. Велик ли в наши дни спрос на такую литературу? Братия обратились в Джорданвилльский монастырь с просьбой прислать адреса всех, кого заинтересует православный журнал на английском. Нелегкая работа выпала старым русским батюшкам, но они постарались как могли: собрали 37 адресов.

Обсуждая планы, Евгений спросил Глеба:

— А кто будет нашими постоянными читателями?

На что Глеб ответил:

— Мы должны сами «взрастить» их.

Евгению понравилось. Что ж, вот и испытание силы и характера. И здесь начинать придется «с нуля» самим, лишь уповая на помощь Божью, а не за чей-то счет, не чьими-то трудами. Проторенным путем они не пойдут.

Отец Константин рассказал о выходе в свет их журнала в своем русскоязычном еженедельнике «Православная Русь», чем весьма помог. И продолжал сообщать о каждом новом выпуске вплоть до 20-го, непременно расхваливая злободневность тематики и изящное оформление нового издания.

На первом году удавалось продавать менее пятисот экземпляров каждого номера. В дальнейшем тираж возрос до трех тысяч, во многом благодаря тому, что журнал сам помогал расширить рынок англоязычной православной литературы.

Мать Глеба, однако, поначалу не верила в успех дела. Друзьям она говорила шутливо: «Мой сын сам переводит, сам печатает, сам набирает, сам переплетает журнал, сам разрезает страницы, а затем сам же его и читает!»

Некий русский священник, о. Н. М. предрекал братии, что они не смогут прокормиться миссионерской работой с американцами. Несколько времени спустя заглянул в лавку, желая удостовериться в своей правоте.

— Ну как дела? — усмехнувшись спросил он. — Небось, нелегко свести концы с концами?

Глеб сознался, что в этом отношении не всё гладко.

Священник злорадно потер руки.

— А что я вам говорил! По-моему и вышло! Я знал, что вы по миру пойдете! Затевать здесь такое дело немыслимо!

Когда священник ушел, Евгений постоял, посмотрел ему вслед, а затем ударил кулаком по столу:

— Скорее умру, но не отступлюсь!

В другой раз к братии заглянул сотрудник русской газеты, тоже священник, о. Алексей Павло́вич. Снисходительно посмотрел на работу братьев, видимо, сравнивая их дедовские методы со своим хорошо оснащенным издательством. Вскоре в своей газете он напечатал статью о братии: «Воистину труд любви! Двое умных, образованных молодых людей, богословов, печатают журнал на станке XV века. В нашем XX веке люди поворачивают вспять ко временам Гутенберга... Зачем?»

Прочитав, Глеб подумал: «Он представляет всё так, будто мы нарочно прибегаем к допотопным методам, будто нам по карману современная техника. Он, вероятно, полагает, что мы непременно берем деньги от епархии. Но в том-то и дело — мы как раз этого и *не хотим*!»

Он подвел Евгения к иконному углу, велел перекреститься и прочитать статью. Просмотрев ее, Евгений решительно заявил: что бы там не писали про них, он хочет подвижничества. Только *подвиг* оправдает их работу, только *подвиг* наполнит жизнь содержанием.

Именно это чувство Глеб и хотел вызвать в друге. Он еще раз убедился, что брат готов и умеет *страдать*. На этом общем страдании во имя Бога и зиждилось их Братство. Евгений высказал великую истину: без *подвига* их труд тщетен. Было бы сущим лицемерием печатать на страницах журнала о добровольно взявших бремя страданий ради Царствия Божия и не приобщиться самим — хоть в малом! — этих страданий Глеб и Евгений пришли к выводу, что без самопожертвования, без полного отречения от мира, их печатное слово не будет

иметь духовной силы, не откликнется в душах читателей. «Но если слово это будет напитано нашим потом и слезами, тогда, пожалуй, оно не останется втуне», — говорил Глеб.

Неудивительно, что дьявол искушал братию отказаться от их *подвига.* Однажды, когда Евгений работал в лавке один (Глеб был в Монтерее), вошел человек и представился членом Общества православного образования. Общество, по его словам, высоко ценит просветительскую миссию журнала и хотело бы помочь братии пожертвованием в 10 тысяч долларов. Взамен Общество хотело бы разместить рекламу на задней обложке «Православного Слова».

В 1965 году десять тысяч были большими деньгами. Братия смогли бы не только решить все текущие финансовые вопросы, но и купить кой-какое современное типографское оборудование. В конце недели, когда приехал Глеб, Евгений радостно поведал ему новость и спросил его мнение. «Что-то здесь нечисто, — сказал тот, — как, говоришь, называется Общество?» Что могло быть безобиднее Общества православного образования? Но когда Глеб разобрался что к чему, выяснилось, что не так-то всё и безобидно. Общество ставило своей целью проповедовать работы апостола Макракиса, греческого мыслителя начала нашего века, впавшего в нездоровый мистицизм и начавшего выступать с весьма странными, претендующими на истинность идеями. Поклонники вознесли его превыше всех святых Отцов прошлого, называя его работы «величайшими после Библии книгами». Вот их-то и хотел рекламировать в «Православном Слове» недавний гость.

Братия поблагодарили Господа за то, что избавил их от искушения, написали вежливый отказ Обществу и продолжали по старинке, вручную набирать тексты*.

Меж тем газетная статья о «допотопных» печатных методах братии получила весьма забавное продолжение. Как-то к ним наведался русский, скупщик антиквариата. Прочитав, что братия работают на станке XV века, он возгорелся желанием посмотреть на такую музейную редкость. Велико же было его разочарование, когда взору его предстал дешевый простой станок, выпущенный в начале столетия.

---

* Несколько времени спустя то же Общество обратилось с подобной просьбой к одному греческому священнику, в результате чего возникло Православное конфирмационное движение. Евгений впоследствии написал о нем в книге «Православие и религия будущего».

Итак, Евгений и Глеб продолжали свой *подвиг,* а двое других братий избрали иные пути. В конце концов они, как и Евгений с Глебом, стали иеромонахами: Владимир — Русской, а Антоний — Сербской Церкви, т. е. выполнили обет, данный на встрече Братства 12-го сентября 1964 года — посвятить всю жизнь служению Святой Православной Апостольской Церкви.

И всё же Евгению и Глебу грустно было видеть, как отходят от них былые друзья. Один покинул их внезапно, оставив лишь краткую записку. Узнав об этом, архиеп. Иоанн сказал лишь: «Значит, был нетвердым». А Евгений в летописи пришел к заключению, что, «конечно же, Братство должно было пройти суровые испытания».

Второй брат-основатель охладевал мало-помалу. «Мне кажется, ему просто неинтересно наше Братство, — писал Евгений Глебу, — а посему нам с тобой надо работать еще усерднее».

Так и трудились они плечом к плечу до смерти Евгения. Более сотни людей прошло через Братство за эти годы, но лишь двое остались верны завету «держаться до последнего». Время показало, что лишь им посильно нести добровольное бремя.

40

Американская душа

Христианин любит ближнего своего потому, что видит в нем образ Божий, призванный к совершенству и вечной жизни в Боге; такая любовь не человеческая, но Божественная, прозревающая в людях не только земную смертность, но и небесное бессмертие.

Евгений Роуз[1].

Один молодой православный, не раз бывавший в лавке, вспоминает: «Не скажу, чтобы я хорошо узнал душу Евгения. Он молчалив, погружен в себя, может, даже застенчив. Помню, никогда не заставал его в праздности. Всё время он бывал чем-то занят, будь то дела книжной лавки, или участие в утренних и вечерних службах (Евгений ежедневно пел на клиросе в соборе неподалеку), или работа над «Православным Словом». Евгений не знал ни минуты отдыха».

Молчаливый, скромный, исполненный достоинства и серьезности Евгений порой получал шутливые прозвища от Глеба, то «холодной рыбы», то «бездушного американца», за разительно отличавшийся от страстного и порывистого русского характер. В годы становления Братства Глеб не раз и не два убедился, сколь велика душа его скромного друга.

Однажды Глеб, натура типично русская, порывистая, впал в полное и безнадежное разочарование. Была суббота, и он провел весь день с Евгением, набирая текст. Требовалась крайняя сосредоточенность: случись пропустить слово, нужно перебирать целый абзац, а это означало не один час дополнительной работы. И, как назло, их всё время отвлекали посетители. Наконец, они взмолились, чтобы их оставили в покое. «Как же так: просим, чтоб никто в магазин не заходил, а на дверях табличка „Открыто"!» — вознегодовал про себя Глеб.

Когда же и впрямь приспело время закрывать лавку, терпение у него лопнуло.

— Ради чего должен я здесь надрываться! — воскликнул он. — В Монтерее работаю с утра до ночи, чтобы семью прокормить, а в выходные — здесь точно раб спину гну! Ради чего я должен от всего в жизни отказаться?! Даже от толики счастья?! Даже девушек бросил для того, чтобы здесь батрачить. Хватит! Ухожу в город! Пора и мне развеяться.

Евгений невозмутимо выслушал друга. Вкусив «прелестей жизни» куда больше, чем Глеб, он познал им цену и отрекся от них, умерев для мира. Он видел, что друга «занесло» и тот сам не понимает, что говорит.

— Не глупи, — попытался урезонить он Глеба, — всё это пустое, мирские утехи бессмысленны. Истинное счастье и радость как раз в нашем страдании.

Глеб резко повернулся и вышел, хлопнув дверью. Побродив по городу, он решил посмотреть новый авангардистский фильм, «потрясающий и высокохудожественный», по отзывам. Увы, кроме отвращения он ничего не испытал и ругал себя последними словами за то, что допустил в душу подобную скверну.

Часов в 11 вечера он вернулся к Евгению домой. Друг скрючившись лежал в углу под иконами и спал. Глеб сразу всё понял: всё это время Евгений молился за него, дабы он, Глеб, был избавлен от искушения, и так, простершись пред иконами, и заснул в полном изнеможении. Глеб поразился: сколько братской любви сокрыто в «бездушном американце».

От Евгения же получил Глеб и урок сострадания бедным и обездоленным, убедился в искренности автора «Царства человеческого и Царства Божьего», писавшего о христианском милосердии.

Один старый бродяга повадился заходить в лавку и выпрашивать мелочь. Евгений всякий раз, не колеблясь, давал ему четвертак. У Глеба же этот жалкий старик не вызывал ничего, кроме отвращения. Однажды, когда тот, получив «дань», ушел, Глеб попенял другу, дескать, этот нищий, зная слабинку Евгения, не отстанет от него никогда. А у Братства каждый грош на счету, едва хватает, чтобы по счетам платить. А бродяге деньги всё равно не на пользу, наверняка пропьет! «И всё же мы должны ему помогать! — возразил Евгений. — Не дадим мы — не будет и нам, Бог тоже может найти более достойных!»

Несколько дней спустя, когда Глеб работал один, старик появился опять. Увидев, что Евгения нет, и, видимо, чуя, что Глеб его терпеть не может, лишь вежливо поздоровался и вышел.

Тотчас у Глеба взыграла совесть. Снова «бездушный американец» преподал ему урок. Выхватив из кассы доллар, он выбежал на улицу, но бродяги и след простыл. Долго еще стоял Глеб на тротуаре с долларом в руках, а по щекам катились слезы.

41

Апостольское вѝдение архиепископа Иоанна

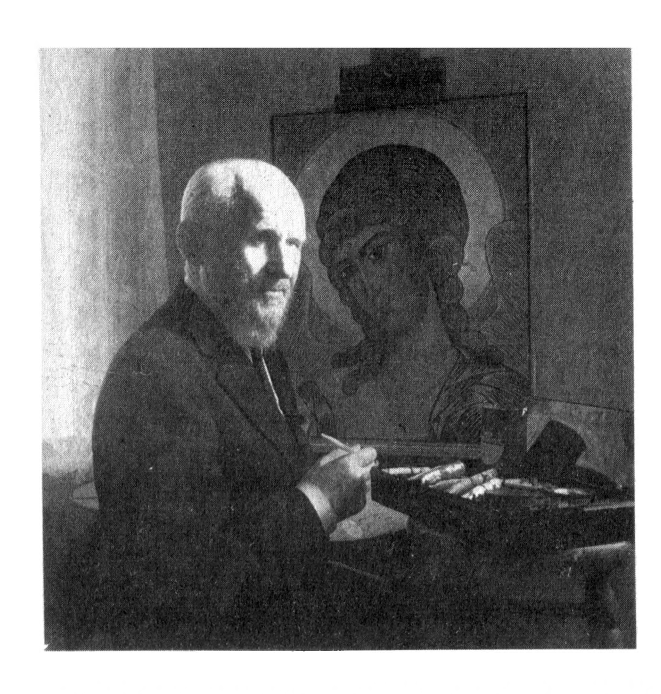
Бог попустил русскую революцию, дабы Русская Церковь очистилась и дабы православная вера распространилась по всему свету... Церковь едина, но у каждого народа свое призвание в этом единстве.

Архиеп. Иоанн (в изложении еп. Германа Сен-Денийского).

В САН-ФРАНЦИСКО архиеп. Иоанн основал Русское православное иконописное общество, которое поддерживало традиционную русскую иконопись. Сам Владыка и возглавил это Общество, передав впоследствии бразды правления о. Спиридону. Евгений был казначеем.

Одной из главных своих задач Общество полагало помощь мастеру-иконописцу старообрядческой школы Пимену Максимовичу Софронову. Более полувека создавал он удивительные, пронизанные светом священные образы. Архиеп. Иоанн хотел, чтобы он выполнил роспись нового собора. В 1965 году Общество пригласило Софронова в Сан-Франциско преподавать иконопись, в 1966 году организовало выставку его работ при соборе, а Евгений с Глебом издали иллюстрированный каталог.

Сколь бы ни были непритязательны задачи Общества, не обошлось без конфликта. В ту пору в Сан-Франциско жил еще один иконописец, по фамилии Задорожный. Он тоже мечтал расписать собор. Исповедовал он совсем иной стиль — современный, реалистический и как мог рекламировал его в статьях для русской газеты. Он пользовался поддержкой одного из влиятельнейших священников в городе, которому претил традиционный «старообрядческий» стиль.

Иконописец Пимен Максимович Софронов.

На защиту старой школы встали очень многие, в газете появилась острая статья, изобличающая новую реалистическую манеру как декадентскую. С этим мнением соглашались и Евгений с Глебом, ревнители «истинного и традиционного Православия». Однако и в этом случае архиеп. Иоанн преподал им замечательный урок. Сам он, хотя и ратовал за старый стиль и напечатал статью в его поддержку, всё же смотрел глубже. Евгений вспоминал: «Один из самых ревностных почитателей старины в нашем обществе хотел, чтобы Владыка Иоанн издал указ по всей епархии о единообразии иконописи или хотя бы официально заявил о признании только традиционной школы. Вроде бы, благие намерения. Однако архиеп. Иоанн сказал ему: «Можно молиться перед иконой старой, можно — и перед иконой современной. Главное, чтоб мы молились, а не гордились „хорошими иконами"». В другой раз он заметил, что Матерь Божия плачет и творит чудеса через иконы самого различного письма».

Стараниями архиеп. Иоанна в конце 1964 года произошло важное событие в Русской Церкви: канонизация святого праведного Иоанна Кронштадтского. Церковь в Советском Союзе не осмеливалась причислить к лику святых чудотворца конца XIX — начала XX

века, поскольку он был убежденным монархистом, выступал против всяких «социалистических» движений и даже предсказал революцию и ее кровавые последствия. Поэтому свидетельствовать об его истинном месте среди святых выпало Русской Зарубежной Церкви, и больше всех иерархов способствовал этому Владыка Иоанн. Он обращался к главам прочих Православных Церквей в свободном мире, дабы произвести совместную канонизацию, но те опасались за свою репутацию и положение в политизированных церковных кругах. Это, однако, не остановило архиеп. Иоанна, и он продолжал приготовления, сочинял стихиры в честь нового, горячо любимого святого, дабы исполнить их на церемонии.

Св. прав. Иоанн Кронштадтский, неутомимый проповедник и питатель угнетенных, во множестве творил чудеса. Архиеп. Иоанн имел немало общего с ним. И столь естественно, что один из величайших святых нашего столетия трудился для прославления другого. Помог и Евгений, написав для «Православного благовестника» две статьи о св. прав. Иоанне Кронштадтском.

В ночь на воскресенье 1-го ноября архиеп. Иоанн отслужил торжественную службу — впервые со времен революции в России русский был причислен к лику Святых. Это деяние Православной Церкви в свободном мире заронило надежду в сердца братьев-христиан в порабощенной России. К великой печали Владыки Иоанна на торжество собрались далеко не все. Тем же вечером состоялся бал-маскарад по случаю Дня ду́хов.

«После службы, — вспоминает Евгений, — Владыка отправился туда, где вовсю веселились, нарядившись ведьмами, чертями, вурдалаками и прочей нечистью. Он вошел в зал — собравшиеся словно окаменели. Стихла музыка. В полной тишине Владыка пристально оглядел оторопевшую публику, неторопливо обошел весь зал с посохом в руке. И впрямь, слова были излишни: само появление Владыки пробудило совесть каждого, что было видно по всеобщему замешательству. Так же молча Владыка удалился. А на воскресной службе дал волю священному негодованию и пламенной ревности, призывая всех к благочестивой христианской жизни»[1].

Евгений с Глебом присутствовали как на всенощном бдении, так и на воскресной службе и происшедшее сочли весьма показательным.

— Люди толкуют о русских церковных школах, призывают к какой-то деятельности, собирают пожертвования, а на то, что прославляется их святой, им наплевать, — заметил Глеб. — Неужто и впрямь вся их «деятельность» во имя Бога?

— Вот и нам урок: не сидеть сложа руки, — подхватил Евгений.

Чуть более недели спустя в Сан-Франциско произошло еще одно важное событие, и опять стараниями архиеп. Иоанна, — первое рукоположение во епископы Православной Церкви Франции.

У Владыки были давние (с 1957 года) связи с этой Церковью. В ту пору он жил во Франции и являлся Экзархом Западной Европы. Тогда встретился он с одним из основателей Православной Церкви Франции, о. Евграфом Ковалевским, талантливым деятельным пастырем.

Родился тот в России, в дворянской семье, в 1920 году перебравшейся во Францию. В юности сподобился видения галльской святой IV века Радегунды, она и предначертала его дальнейший путь, указав на его особое предназначение. Вся жизнь его переменилась после этого, и, будучи рукоположен во священники в 1937 году, он посвятил себя восстановлению утерянного Францией православного наследия, прославлению ее древних святых, возвращению обычаев и традиций Церкви. Отец Евграф разыскал и возродил литургический чин, существовавший до подчинения Французской Церкви римскому престолу, галлийский чин св. Германа Парижского. Дабы приютить возраставшую православную общину в Париже, он восстановил старинный собор св. Иринея Лионского и собственноручно написал для него иконы французских святых.

Отцу Евграфу стоило немалых трудов отыскать среди иерархов и духовенства восточных Церквей таких, кто хотя бы в малой степени интересовался и сочувствовал жизни православных христиан Западной Европы. Сколько нападок претерпел он от коллег. Некоторые советовали даже уйти в монастырь, предлагая взять на себя «бремя его трудов». И лишь афонский пустынножитель о. Никон Карульский указал на одного из немногих иерархов, способных понять французское Православие и помочь ему, — на архиеп. Иоанна[2].

Отец Евграф и Владыка Иоанн различались во многом, но сходились в главном: в непоколебимой верности своему миссионерскому предназначению. Как вспоминает один из их прихожан Французской Православной Церкви, «эти люди, приняв какое-либо решение, уже не колебались. Архиеп. Иоанн одобрил письмо о. Евграфа к одному французскому священнику из провинции, не решавшемуся примкнуть к Православию, пока оно не получило полноправного законного статуса. Отец Евграф писал: „Думается, причина Ваших колебаний в том, что душа еще не определилась. Становление Православия во Франции началось с того дня, когда я отринул все колебания и сомнения, готовый продолжать дело лишь с двумя-тремя верными единомышленниками"»[3].

Архиеп. Иоанн среди православных французов. Справа от него о. Евграф Ковалевский.

В 1958 году икона св. Архистратига Божия Михаила в церкви св. Иринея начала чудесным образом источать благовонное миро. Владыка Иоанн увидел в этом знамение, т. к. Архангел Михаил исстари считался небесным покровителем земли французской. В 1959 году по просьбе Французской Православной Церкви Владыка Иоанн принял ее под свое архипастырское покровительство и начал деятельно помогать возродившемуся французскому православию: ездил по приходам, освящал церкви, рукополагал во священство, преподавал в богословской школе св. Дионисия, служил галликанскую литургию в соборе св. Иринея и других храмах. Возглавлял Литургическую комиссию, сверявшую православные источники древнего литургического чина галлов. «К этой задаче он отнесся чрезвычайно серьезно, анализируя и проверяя каждое слово, каждый термин, привнесенный из другого языка, — вспоминают единоверцы-французы. — Он любил литургию, не ограничивался теоретическим изучением текстов. Он считал, что лишь служа литургию, можно достойно ее оценить. Сам он свободно владел французским и взялся проводить каждую службу, прежде чем одобрить ее или вернуть тексты в Комиссию для более глубокого изучения»[4].

Показательно, что даже будучи правящим архиереем Французской Православной Церкви, архиеп. Иоанн не стремился подчинить ее ни собственной власти, ни каким-либо иноземным чиновникам. Он, как и о. Евграф, хотел видеть Французскую Православную Церковь из

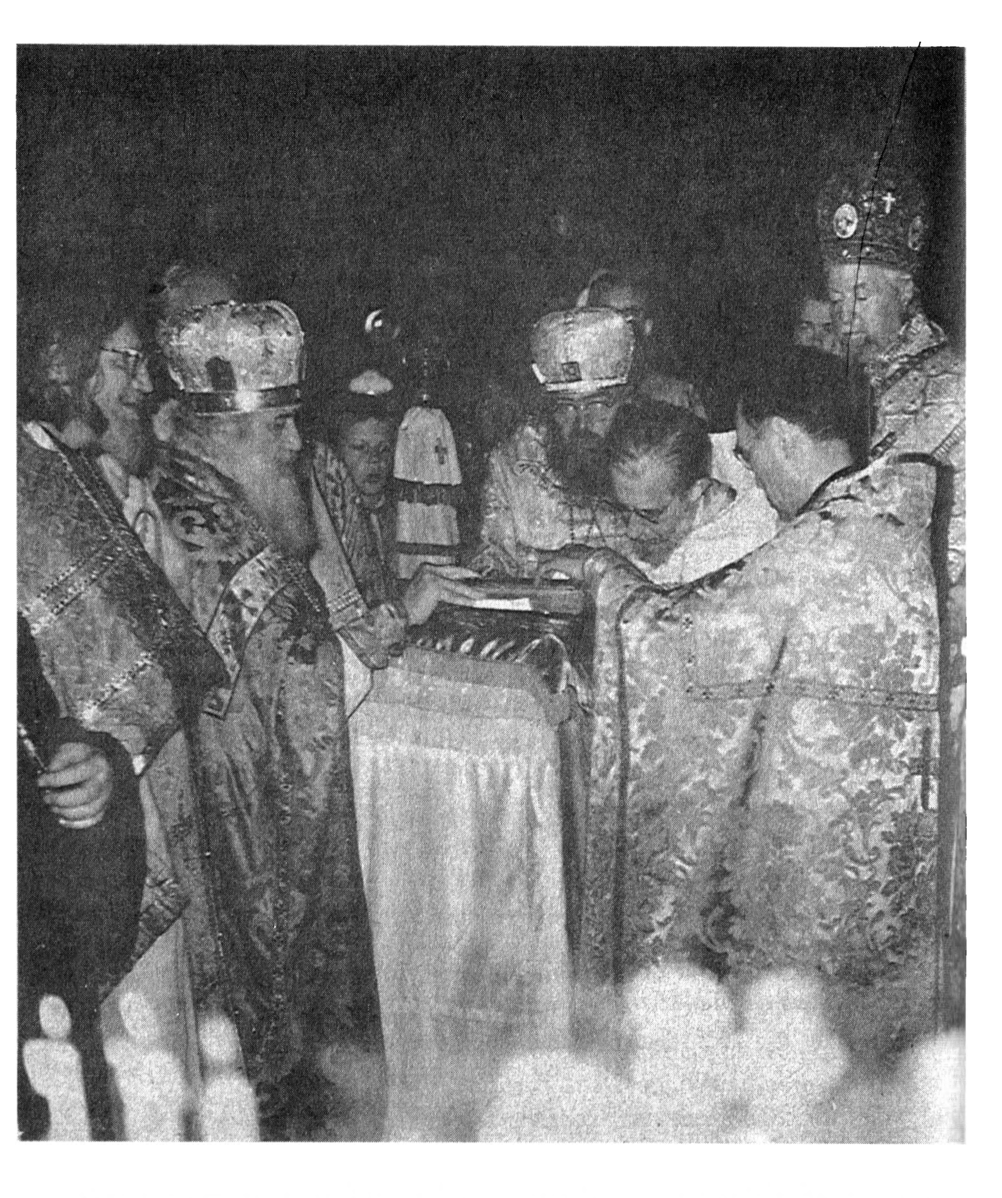
французов и для французов. Как в свое время он учил Глеба и Евгения с их «Православным Словом» самостоятельности, так и сейчас он прививал то же сознание возрождающейся Церкви. В одном из указов, явив замечательную прозорливость, он писал: «Вышеназванная Церковь является во всём независимой от Европейского Экзархата, возглавляемого мною. Управление и внутренняя жизнь обеих структур автономны, без какого-либо смешения, и объединяются общей верой и общим первоиерархом»[5].

Архиеп. Иоанну удалось убедить и собственного первоиерарха, митроп. Анастасия в важности возрождения Западной Православной Церкви, но не на правах подопечной Восточной, а путем восстановления самостоятельных национальных Церквей, имеющих даже более древние корни, чем Русская Православная Церковь. Однако убедить других иерархов Зарубежной Русской Церкви оказалось трудно, им мешали шоры привычных, сложившихся в Восточной Церкви представлений. Много сил и времени потратил Владыка Иоанн, пытаясь убедить их, сколь ценен опыт возрождения Французской Церкви и как важно ее всемерно поддержать.

В 1962 году архиеп. Иоанн был назначен главой епархии Сан-Франциско, а Церковь во Франции так и не имела своего иерарха, некому было продолжать дело Владыки Иоанна. Пришло время, как он и предвидел, выбрать епископа из местной паствы. Естественно, выбор пал на о. Евграфа, основателя возрожденной Церкви. 22-го октября 1964 года митроп. Анастасий объявил, что «хиротонией о. Евграфа во епископы Русская Зарубежная Церковь не создает ни новую епархию, ни новую церковную область. Что означает: она имеет честь свидетельствовать о рождении новой Церкви и готова участвовать в становлении древней Православной Церкви Франции».

Увы, сам митроп. Анастасий из-за преклонного возраста удалялся на покой, а другие иерархи не желали участвовать в хиротонии. В Сан-Франциско Евгений с Глебом наблюдали ропот даже среди былых сторонников Владыки Иоанна: «Конечно, Владыка — святой, но нельзя же заходить так далеко!» В официальных церковных кругах о. Евграф прослыл вольнодумцем и «сектантом», т. е. человеком ненадежным. Знали бы они, что за это «вольнодумство» и чувство независимости и ценил его больше всего Владыка Иоанн.

По замечанию одного француза, «ничто не заставит архиеп. Иоанна отказаться от дела, в котором он видел промысел Божий». Он решил рукоположить о. Евграфа в соборе Сан-Франциско, но поскольку русские епископы отказались сослужить ему, он пригласил румынского иерарха, которого в 1954 году сам возвел в сан епископа, —

Хиротония во епископы Иоанна-Нектария (Ковалевского) в Сан-Франциско
11-го ноября 1964 г. Слева направо: архим. Спиридон, протоиерей Николай Пономарев
архиеп. Иоанн, еп. Иоанн-Нектарий, о. Илия Вен, еп. Феофил (Ионеску).

Феофила (Ионеску). Тот с радостью согласился приехать в Калифорнию.

Приехав в Сан-Франциско, о. Евграф остановился неподалеку от собора. Евгений и Глеб навестили его. «Пришли мы за день-два до хиротонии, — вспоминает Глеб. — Отец Евграф рассказывал нам о древних византийских традициях в искусстве, о том, что они немногим отличались от древних галльских. По богатой жестикуляции мы поняли, что он и сам художник, глубоко прозревающий искусство как язык общения. Позже он прислал нам несколько книг на французском о своей церкви, с фотографиями собственных фресок. Дабы воссоздать образ собора романского периода, он собственноручно расписал ее. Говорил он с нами по-русски, и по речи угадывался человек образованный, дворянин. Личность самобытная, ни в коей мере не «осколок прошлого», и не чурался современности. Настоящий парижский интеллигент, он прослыл чересчур независимым от парижских богословов-модернистов, да и сам он относился к ним с прохладцей. Говорил он увлеченно, что было нам сродни, и мы сразу полюбили его».

Рукоположение началось 9-го ноября 1964 года и длилось три дня. Евгений прислуживал в алтаре и читал по-французски Апостол.

В первый день о. Евграф был пострижен в монахи. Владыка Иоанн дал ему имя в честь св. прав. Иоанна Кронштадтского, только что причисленного к лику святых, а также имя недавно канонизированного греческого святого Нектария Пентапольского. Облачил его в рясу и клобук своего предшественника, архиеп. Тихона, также с любовью и сочувствием относившегося к французскому Православию.

Во второй день, на праздник св. Мартина Турского, архиеп. Иоанн служил галликанскую литургию св. Германа совместно с французским духовенством. Вечером совершил приготовительную службу к самой хиротонии, которая состоялась на третий день.

На заключительной по рукоположении встрече Евгений и Глеб познакомились с духовенством и прихожанами из Франции. Евгений беседовал по-французски и с ними, и с новым еп. Иоанном-Нектарием.

Как бы ни охаивали действия Владыки Иоанна недоброжелатели, для церкви Сан-Франциско то были замечательные дни. Русские и не слыхивали о французском святом Германе, не говоря уж о составленном им в стародавние времена чине. Воистину, это был переворот: русская эмигрантская Церковь, знавшая лишь традиционные славянские службы, вдруг услышала нечто непривычное, хотя и величественное, да еще исполненное на французском языке.

Однако едва ли не на следующий день после хиротонии радость была омрачена. Новый Экзарх Западной Европы (член уже упомянутой группировки иерархов) не признал нового епископа и порвал все связи с Французской Церковью. Не мудрено, что покидая Сан-Франциско, еп. Иоанн-Нектарий чувствовал себя сиротой. А в Париже его ждали негодующие письма и от других членов группировки. И защиту он мог найти лишь, покуда был жив Владыка Иоанн. Не прошло и девяти месяцев со дня его смерти, как один из его главных гонителей, архиеп. Виталий, прилетел во Францию, опросил всех недовольных (как некогда во время травли Владыки Иоанна) и лишил Иоанна-Нектария епископского сана, низведя до простого монаха[6]. В недолгие оставшиеся годы жизни тот, однако, по-прежнему проводил епископские службы, ободряясь словами одного из последних писем от Владыки Иоанна: «Я вижу все трудности, как нынешние, так и грядущие. Чем они больше, тем значительнее успех. А любое начинание без трудностей обречено»*.

ПОЧЕМУ архиеп. Иоанн так непреклонно отстаивал Французскую Православную Церковь, почему пошел почти против всех, но дал ей собственного епископа? Лишь со временем открылось Евгению и Глебу то, что святой провидец постиг намного раньше. Однажды, когда Владыка в очередной раз посетил лавку, Евгений задал давно мучивший вопрос: «Евангелие проповедано уже почти всем народам. Значит ли, что наступает конец света, о котором говорится в Писании?»

«Нет, — ответил Владыка, — Евангелие Христово должно быть проповедано на всех языках мира в *православном толковании*. Только затем наступит конец света».

Кто-то из православных французов подметил: «Архиепископ Иоанн обладал исключительно редкой способностью — прозревать всё вокруг во вселенском масштабе». Он знал, что Западное Православие нужно восстанавливать, заново приобщаясь к забытому духовному наследию, и пользовался для этого любой, даже не сулящей успеха попыткой. Вселенское Православие вернулось на Запад, значит нужно помочь ему духовно укорениться, дабы оно возросло и расцвело. В 1960 году, впервые служа литургию св. Германа, он обратился к православным французам с такой проповедью:

---

* После смерти еп. Иоанна-Нектария (†1970) вышеупомянутый еп. Феофил (Ионеску) собрал румынских епископов и рукоположил нового иерарха Французской Православной Церкви, еп. Германа Сен-Денийского.

«Воскресший Христос послал апостолов проповедовать всем народам. Церковь Христова основана не для одного народа или одной страны, все народы призваны к вере в Истинного Бога. Согласно преданию, воскрешенный на 4-ый день Лазарь высадился во Франции, спасаясь от иудеев, искавших убить его. С сестрами Марфой и Марией он обосновался в Провансе и проповедовал там. Также странствовали по Франции Трофим Арльский и другие апостолы из числа семидесяти. Таким образом, еще с той давней поры православная вера была известна в Галлии, нынешней Франции. К сей Православной Церкви принадлежат: св. Мартин Турский, великий Иоанн Кассиан — основатель Марсельской обители, где долгие годы являл собою пример подвижничества, также и св. Герман Парижский, св. Геновефа и множество других. Вот почему Православие — вера, не чуждая французскому народу. Это вера исконная, исповедуемая издревле, это — вера отцов.

Искренне, всем сердцем желаем, чтобы Православие во Франции восстановилось и укрепилось. Чтобы оно стало верой французов, а не только русских, сербов и греков. Да возродится Православная Франция и да пребудет с ней Божие благословение!»

Евгений и Глеб прознали, что не только о французском Православии радел Владыка Иоанн. В бытность свою Экзархом Западной Европы он сыграл решающую роль в устроении Православной Церкви Нидерландов[7]. Там он служил Божественную литургию по-голландски, как и прежде в Шанхае — по-китайски.

В КАКОЙ БЫ стране ни находился православный, считал архиеп. Иоанн, он должен молитвенно поминать национальных и местных святых. Везде, где ему довелось побывать: в Китае, Франции, Бельгии, Нидерландах, Италии, Сербии, Тунисе, — он разыскивал и изучал жития местных православных святых, посещал храмы, где хранились их мощи, проводил службы в их честь и просил тамошних священников следовать его примеру. Не счесть, сколько житий западных и восточных святых он познал и изучил.

Евгения, поскольку он занимался Востоком, особенно интересовали китайские святые и праведники: мученики Боксерского восстания (1901-03 гг.), еп. Симон Пекинский, еп. Иона Хайларский, митроп. Мелетий Харбинский, монахи Михаил и Игнатий (тоже из Харбина). Готовя статьи о них в «Православном Слове», исследуя их жизнь, он нередко обращался с вопросами к Владыке Иоанну, который лично знал некоторых из этих праведников.

Торжественное воздвижение крестов в новом соборе в честь иконы Богородицы «Всех скорбящих Радосте» (Сан-Франциско, 1964 г.) после крестного хода по улицам города. Слева направо: еп. Савва, митроп. Филарет, архиеп. Иоанн, еп. Нектарий.

С детства постигая жития святых, Владыка, несомненно, использовал их опыт как руководство в собственном пути к святости. Будучи миссионером, он взывал к каждому новому брату или сестре в Теле Христовом, к каждому праведнику, к каждому новому святому — подать помощь небесную в просвещении новых земель. Став епископом Сан-Франциско, он не преминул обратиться к американским святым, в том числе к исконному американцу Петру Алеуту. В 1965 году на праздник Богоявления, благословляя журнал братии, он писал: «Да благословит Господь проповедь «Православного Слова». Христос повелел ученикам: «Итак идите, научите все народы, крестя их во имя Отца и Сына и Святого Духа. Уча их соблюдать всё, что Я повелел вам». Да послужит сия проповедь упрочению истинной православной веры и христианской жизни в Северной Америке, с помощью и по молитвам

преподобного Германа Аляскинского, чья святость была явлена на сем континенте, и алеута Петра, принявшего мученичество в Сан-Франциско»[8].

ОСОБЕННОЕ расположение архиеп. Иоанн питал к преп. Герману, небесному покровителю Американской православной миссии. В 1962 году, когда Глеб преподнес ему икону, первое изображение преп. Германа с нимбом, Владыка, не колеблясь, начал почитать ее и молиться перед ней, хотя «официально» преп. Герман еще не был причислен к лику святых.

В 1964 году в день преставления преп. Германа Владыка Иоанн пришел в лавку совершить торжественную службу перед иконой. Тем же днем на следующий год он уже прилюдно провел службу, перенеся икону в собор и повелев петь тропарь святому. Тогда же выразил надежду для Америки в небесном заступничестве преп. Германа. Он подчеркнул во время службы, что хотя тот и не канонизирован, однако творит чудеса: «Если хотите увидеть живое чудо преподобного Германа Аляскинского, посетите лавку рядом с собором — увидите бескорыстный труд, «труд по любви» — отражение традиций Валаама».

Евгения и Глеба удивило сравнение Владыки их малого мирского Братства с Валаамом — великой монастырской общиной, некогда слывшей по всей России центром паломничества. Оба, как и архиеп. Иоанн, понимали, что их лавка — лишь переходная ступень к чему-то иному. Однажды, расспросив братию об издательских планах, Владыка как всегда пытливо взглянул на Евгения и поинтересовался, что тот собирается делать дальше. Евгений ответил, что не хочет идти в семинарию и будет и впредь нести соотечественникам, ищущим истинной веры, слово о Православии. «Да, да, — кивнул Владыка, — я даже верю, что в Калифорнии будет миссионерский монастырь».

Братия часто слышали о провидческом даре архиеп. Иоанна и не сочли слова его попыткой выдать желаемое за действительность. Евгений горячо поддержал Владыку, чего не скажешь о Глебе. Тот всё еще надеялся, коль скоро Братству суждено стать монашеским, обосноваться на Аляске, на Еловом острове, вместе с о. Герасимом.

В 1965 году на Благовещенье архиеп. Иоанн посвятил Евгения во чтецы — первый церковный чин, а о. Спиридона возвел в сан архимандрита. По этому поводу о. Спиридон впоследствии говаривал Евгению: «Мы с тобой связаны воедино Владыкой Иоанном».

Евгений закончил богословские курсы первым учеником, несмотря на то, что все лекции читались по-русски. Стоило Евгению закончить курсы, как Владыка Иоанн закрыл их и больше не возобновлял. Глеб и по сей день считает, что архиеп. Иоанн задумал эти курсы специально для Евгения, чтобы дать широкий богословский кругозор и образование страждущей душе молодого американца, которого он впервые увидел скромно стоявшим в дальнем углу собора. С самого начала курсов провидческое чутье Владыки подсказало ему, как Евгений может употребить богословские познания и как впрямь употребит их.

К 1966 году стало ясно, каким виделось архиеп. Иоанну миссионерское служение Братства в Америке. Вдобавок к их издательским и писательским трудам (а Евгений писал еще статьи на английском языке для «Православных вестей») Владыка попросил братию подготовиться и к службам на английском языке в соборе — еще одному своему «дерзкому» нововведению. Первую такую литургию совершали 1-го января 1966 года. Летопись Евгения гласит: «Архиеп. Иоанн служил вместе с отцами Спиридоном, Николаем, Иоанном и диаконом Николаем. Братия Глеб и Евгений являли собой хор и пели вполне прилично, если не сказать отменно».

Архиеп. Иоанн постановил служить литургию по-английски в первое воскресенье каждого месяца. Сам он неважно знал английский, но был уверен, что полнота Православия должна быть доступной американцам на их родном языке.

Тогда же подоспела и другая ответственная работа — от духовных наследников Оптиной пустыни, супругов Ивана и Елены Концевичей. В июне 1965 года проф. Концевича мучила смертельная болезнь — рак. «Пока не допишете два тома Вашей трилогии, Вам нельзя умирать», — говорил ему Глеб. Уже написанную книгу «Стяжание Духа Святаго в путях Древней Руси» Иван Михайлович намеревался продолжить томом об учениках старца Паисия Величковского и заключить еще одним томом — об Оптиной пустыни. «Брат Глеб, — с грустью отвечал профессор, — они у меня даже вчерне не написаны. Так, разрозненные записки».

И всё же Глеб отказывался верить: как может Бог попустить этому человеку умереть, когда миру так нужны его писания, пронизанные духом Оптиной пустыни. Как ни молился Глеб, профессору становилось все хуже, он исхудал. Уже на смертном одре он обратился к Глебу с просьбой: «Не оставьте жену. Помогите во всём, что она попросит. Уговорите ее продолжить мой труд».

После смерти мужа Елена Юрьевна сочла, что и ее жизнь окончена, замкнулась, приближаясь к отчаянию. Глеб понимал: нужно что-то делать. Нельзя допустить, чтобы прошли всуе дни этой литературно одаренной женщины, носительницы православных традиций, хорошо понимавшей, сколь важна святость в наш век невежества и лжи. Глеб приехал к ней домой в Беркли и велел собирать вещи. «Я отвезу Вас к матери в Монтерей», — сказал он. Поселил он Елену Юрьевну к себе в спальню, стены которой убрал портретами оптинских старцев. Сам же перебрался в гостинную. Усадил гостью за письменный стол, положил перед ней стопку бумаги и ручку и сказал: «Пишите!»

Так, при поддержке Глеба, она создала несколько поистине бесценных работ: жизнеописание преп. Серафима Саровского, новомученицы игумении Софии (с коей была знакома еще в России), своего дяди Сергея Нилуса и многих других праведных мужей и жен, чьи имена и деяния могли бы кануть в лету. Ей и Глебу удалось даже завершить трилогию профессора Концевича, сведя материалы второго и третьего тома в одну книгу «Оптина пустынь и ее время»[9]. Елена Юрьевна скончалась 96-ти лет от роду, пережив мужа на 24 года.

В Глебе она обрела сына, увы, своих детей у нее не было. Будучи натурой сильной, она не просто приняла этот дар Провидения, а решила, что Господь послал ей Глеба, дабы она воспитывала его в духе святоотеческих традиций, кои вошли в ее плоть и кровь. На деле ей, конечно, пришлось воспитывать и Евгения, так как все замечания и советы она относила к Братству, в частности, к издательской деятельности. В последующие годы, особенно после смерти архиеп. Иоанна, Евгений проникся уважением к мудрости и опыту наставницы и нередко просил Глеба узнать мнение Елены Юрьевны по какому-либо волновавшему вопросу. Сама же она, по словам Глеба, «боготворила» Евгения. Немногословностью, взвешенностью мысли, стремлением сохранить чистоту Православия Евгений напоминал ей мужа. Она прозрела в Евгении то же, что и Владыка Иоанн, и радовалась видя, как развивается его талант православного писателя.

42

Успение святого

Скажите людям: хоть я и умер, но я жив.
Архиеп. Иоанн

28-ГО ИЮНЯ 1966 года архиеп. Иоанн пришел к братии с чудотворной иконой Курской Божией Матери, перед которой больше ста лет назад молился и получил исцеление преп. Серафим Саровский. Благословив лавку и «типографию» иконой, Владыка заговорил о святых разных стран. Евгений отметил в летописи: «Он пообещал дать нам список румынских канонизированных святых и учеников св. Паисия Величковского. Также заметил, что еще во Франции он поименно записал западных святых (до раскола Христианской Церкви) и подал список в Святейший Синод»*.

Владыка подробно рассказал братии о св. Альбане, британском первомученике. Достал из маленькой папки краткое его житие и открытку готического собора в городке Сент-Альбани близэ Лондона, где тот погребен. Владыка пристально посмотрел Глебу в глаза: понял ли тот, зачем всё это рассказывалось. Подобно большинству святых Западной Европы, св. Альбана нет в православном календаре. Пока архиеп. Иоанн не удосужился отыскать и поименно записать их, восточноевропейские христиане и не помышляли вернуть память о забытых праведниках и молиться им.

Поведав братии о св. Альбане, Владыка напомнил, что назавтра совершается память преп. Тихона Калужского. Глеб и Евгений понима-

* В список входило 20 имен западных святых во главе со св. Аншаром, еп. Гамбургским, просветителем Дании и Швеции. См.: Иером. Серафим (Роуз) и игум. Герман (Подмошенский). Блаженный Иоанн чудотворец. М: Изд. «Русский паломник», 1993, с. 65-68.

ли, сколь значим он для их Братства, ведь о. Герасим (с Елового острова) в России жил в монастыре преп. Тихона. Владыка Иоанн сказал, что отслужит всенощное бдение в часовне свят. Тихона Задонского и спросил, придут ли братия. Испытующе взглянув на них и улыбнувшись, он добавил, что хотел бы видеть их также и утром на литургии, нужно сказать им нечто важное.

Хотя времени было в обрез, Евгений решил пойти на всенощную. После службы Владыка сам подошел к нему и еще раз попросил их с Глебом прийти утром на литургию, хотел сообщить им нечто важное. Но они не пошли утром в церковь — запаздывали с выпуском очередного номера «Православного Слова». Рабочая неделя была в разгаре, и дела полностью поглотили их.

Увы, больше им не суждено было привечать Владыку у себя в лавке. Взяв с собой икону Курской Божией Матери, архиеп. Иоанн отправился в Сиэттл. По дороге заехал в маленький калифорнийский городок Рединг — повидать Валентину Харви, свою духовную дочь еще с шанхайской поры. У нее дома долго смотрел на запад, потом поднял икону и благословил ту сторону. Валентина недоуменно посмотрела, но ничего не спросила, зная у Владыки ничего спроста не бывает.

Через три дня он отслужил в Сиэттле литургию. После службы три часа молился в алтаре, затем удалился в свою комнату в приходском доме подле церкви. Вскоре присутствовавшие услышали, что Владыка упал. Вбежав в комнату, усадили его, и он тихо, без видимых страданий, отошел.

Очевидно, он предвидел свою кончину за несколько месяцев. Еще в мае он сказал своей давней знакомой: «Скоро я умру, в конце июня*... но не в Сан-Франциско, а в Сиэттле». А накануне отъезда удивил одного прихожанина в конце богослужения: «В последний раз к моей руке прикладываешься».

Евгений с Глебом узнали о кончине Владыки через несколько часов. Сразу вспомнили, как хотел он их видеть на литургии в часовне свят. Тихона. Они простить себе не могли, что лишились последнего напутствия.

Обратимся к летописи: «Сейчас все говорят о «духовном достоянии» Владыки Иоанна. Какую лепту может внести наше Братство? Ясно, только делом, что видно и из наших стремлений, и из настав-

---

* Он умер 19-го июня 1966 г. по церковному календарю, коему он неукоснительно следовал, не обращая внимания на новый стиль (по новому, мирскому календарю это 2-ое июля).

лений Владыки. В последний раз навестив нас, он говорил только о святых: румынских, английских, французских, русских. Не значит ли это, что и мы, следуя примеру Владыки, должны *помнить святых Божиих*, т. е. знать их жития, постоянно читать их, питая подобным образом свою духовную жизнь, просвещать других устным и печатным словом об этих святых, молиться им».

Несколько времени спустя, еще глубже постигнув завет архиеп. Иоанна, Евгений писал Глебу: «Более всего нам следует научиться у Владыки жить, во всём полагаясь на Господа, — так жил он сам. Он благословил нас и даже — дерзну сказать — радовался избранному нами пути служения Богу. Он, конечно, обладал провидческим даром. Мы можем во всём уповать только на Бога. Он призывает нас на большие дела, а времени у нас мало».

На следующий день после кончины архиеп. Иоанна братия прислуживали на второй англоязычной литургии. Архиеп. Иоанн успел лишь узаконить эти службы (2 раза в месяц) и провести первую. Братия понимали: Владыка желал бы, чтобы литургии для американцев продолжались.

Вечером в собор Сан-Франциско доставили тело архиеп. Иоанна и началось четырехдневное бдение. Евгений так описывал то время: «После утренней и вечерней служб справлялась торжественная панихида, в перерывах и до полуночи епархиальный клир не переставая читал Евангелие. За полночь начиналось трогательное действо: служители и чтецы читали до самого утра Псалтирь. И после кончины Владыку окружали молодые люди, которых он так любил, они отдавали ему последний долг». Был среди них и сам Евгений. «Все эти дни, — писал он далее, — всё было пронизано необыкновенным духом любви. Мы словно осиротели, потеряв самого близкого, понимающего и любящего человека. Даже заклятые враги приходили просить прощения у того, кто и при жизни не держал на них зла». Друзья же казнили себя за то, что в час испытаний не сумели защитить его. Прозрели: ведь это несправедливость, чинимая в его Церкви, сокрушила его, и они тоже причастны ко злу. И теперь безутешно рыдали, стоя в полумраке собора.

Четырехдневное бдение венчала погребальная служба, состоявшаяся 7-го июля с участием пяти иерархов: епископов Нектария, Саввы, Леонтия, защищавших Владыку в трудный час, архиеп. Аверкия из Джорданвилля и новоизбранного митроп. Филарета. Собор был пе-

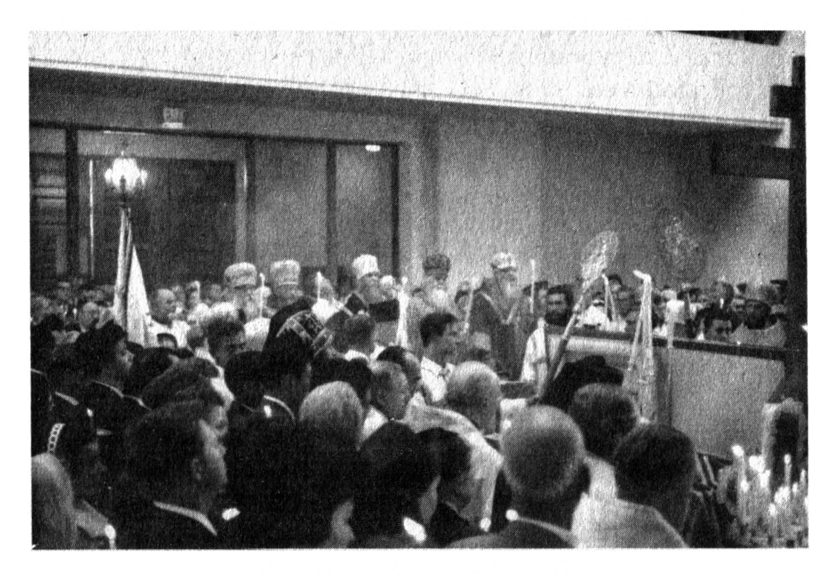

Прощание с архиеп. Иоанном. Слева от гроба в белом стихаре — Евгений, справа от него — о. Спиридон. Перед гробом, в клобуке и мантии — еп. Нектарий.

реполнен — собралось почти две тысячи человек. Шесть часов шла служба, но народ не расходился. Евгений и Глеб в белых стихарях, держа рипиды, прислуживали в алтаре.

«Проводившие службу епископы не могли сдержать рыданий. Слезы струились по щекам, блестели в свете бесчисленных свечей подле гроба. Удивительно, хотя все в соборе как один рыдали, храм наполняла тихая радость», — вспоминает Глеб. Евгений был потрясен до глубины души, увидев, что могучий бородач еп. Леонтий безутешно плачет, как дитя. Позже он так сказал о смерти архиеп. Иоанна: «Покинул землю один из последних истинных Апостолов. *Кто же теперь займет его место?*»

Завершилась погребальная служба прощанием с усопшим. Евгений, Глеб и другие прислужники едва сдерживали толпу, чтобы дать духовенству попрощаться первыми. Тогда-то они и стали свидетелями необычного взрыва чувств любимого ученика Владыки, кротчайшего архим. Спиридона. Глеб вспоминает: «На отце Спиридоне было оранжевое облачение и митра, полученная от архиеп. Иоанна. Вместе с остальным духовенством он подошел ко гробу, приложился к руке

Прощание с архиеп. Иоанном. Слева направо служившие панихиду: еп. Савва, еп. Леонтий, митроп. Филарет, архиеп. Аверкий, еп. Нектарий.

Похоронная процессия.

усопшего, потом застыл в изножии. Наши увещевания и мольбы не помогали. Пришлось оставить его. А люди всё подходили и подходили… Отец Спиридон стоял, вперив взор в одну точку. Нет, не на маленькое высохшее тело под пурпурной архипастырской мантией смотрел он — как бы не связывая его со своим Владыкой, — а куда-то за изголовье гроба. Что виделось там ему?.. Вот к усопшему уже потянулись миряне, чтобы попрощаться со святым Владыкой, а о. Спиридон по-прежнему статуей стоял подле гроба. Какая-то женщина, проходя ко гробу, толкнула о. Спиридона — и образ пропал, рассыпался. Реальность — грубая и безжалостная — предстала взору. В глазах вспыхнул гнев, его обуяла страсть. Повернувшись к стоящим рядом, он выкрикнул, будто обращался ко всему миру: «ВЫ УБИЛИ ЕГО! ВЫ УБИЛИ ЕГО! УБИЛИ ПРАВЕДНИКА!» Такого неистовства, такого гнева и таких страшных глаз я не видел никогда. Не забыть вовек, как этот смиренный, спокойный, «безответный» человек, собравшись с силами, восстал против несправедливости мира сего — так гневался Моисей, разбивший скрижали завета. Бог дал своему народу законы праведности, а люди продолжали поклоняться золотому тельцу. Словно избавляясь от обломков тех скрижалей, о. Спиридон решительно тряхнул головой и быстро, ни разу не взглянув больше на гроб, вышел»[1].

Шанхайские духовные дети Владыки Иоанна, сироты, которых он некогда спас и воспитал, обнесли гроб с его телом трижды вокруг собора. Словно тихий свет разлился среди людей. «То был венец тех скорбных и величественных дней, — писал Евгений, — шествие воистину торжественное. Казалось, мы присутствуем не на похоронах иерарха Церкви, а на открытии мощей новообретенного Святого».

Глеб последним прикоснулся к телу Владыки, прежде чем крышка гроба опустилась навсегда. Он увидел залитое слезами лицо архиеп. Леонтия. Взгляды их встретились. Архиепископ светло улыбнулся и произнес: «Теперь у нас свой Святой!»*

Мощи архиеп. Иоанна погребли в подвале под алтарем собора, который спешно оборудовали в часовню. Верный ему еп. Нектарий выбрал место упокоения святителя, однако по законам не полагалось хоронить людей в пределах города. Пришлось обращаться к адвокату, Джеймсу О'Гара мл., тому самому, кто представлял интересы Владыки на недавнем суде. Он подал прошение, и через четыре дня (случай беспрецедентный!) городские власти внесли поправку в закон: архи-

---

* День в день, пять лет спустя, обрел вечный покой и сам архиеп. Леонтий, тоже изведавший гонения и угрозу отлучения.

ереев разрешалось хоронить в храмах. Так определилось место упокоения Владыки Иоанна.

В ночь после похорон Владыки еп. Нектарий благословил Глеба читать Псалтирь над гробом. Двери заперли. Лишь свеча освещала усыпальницу. А забрезжил рассвет, и Глеб увидел в окно лица людей, молящихся Владыке Иоанну, просящих у него небесного заступничества. Один за другим подходили они к окну и, открывая сердца отцу-покровителю, изливали все беды и скорби. Сколь ничтожна смерть перед лицом этой любви! Архиеп. Иоанн распял себя в этой жизни и победил. Да, люди и впредь будут приходить к нему за советом, и он по-прежнему будет помогать им. Величие души, безграничное сострадание не умирает вместе с телом!

И так началось посмертное прославление Блаженного Иоанна, чудотворца последних времен.

43

Ви́дение скита

Удаляясь от мира, мы должны избирать для жительства места, лишенные случаев к утешению и тщеславию, но смиренные.

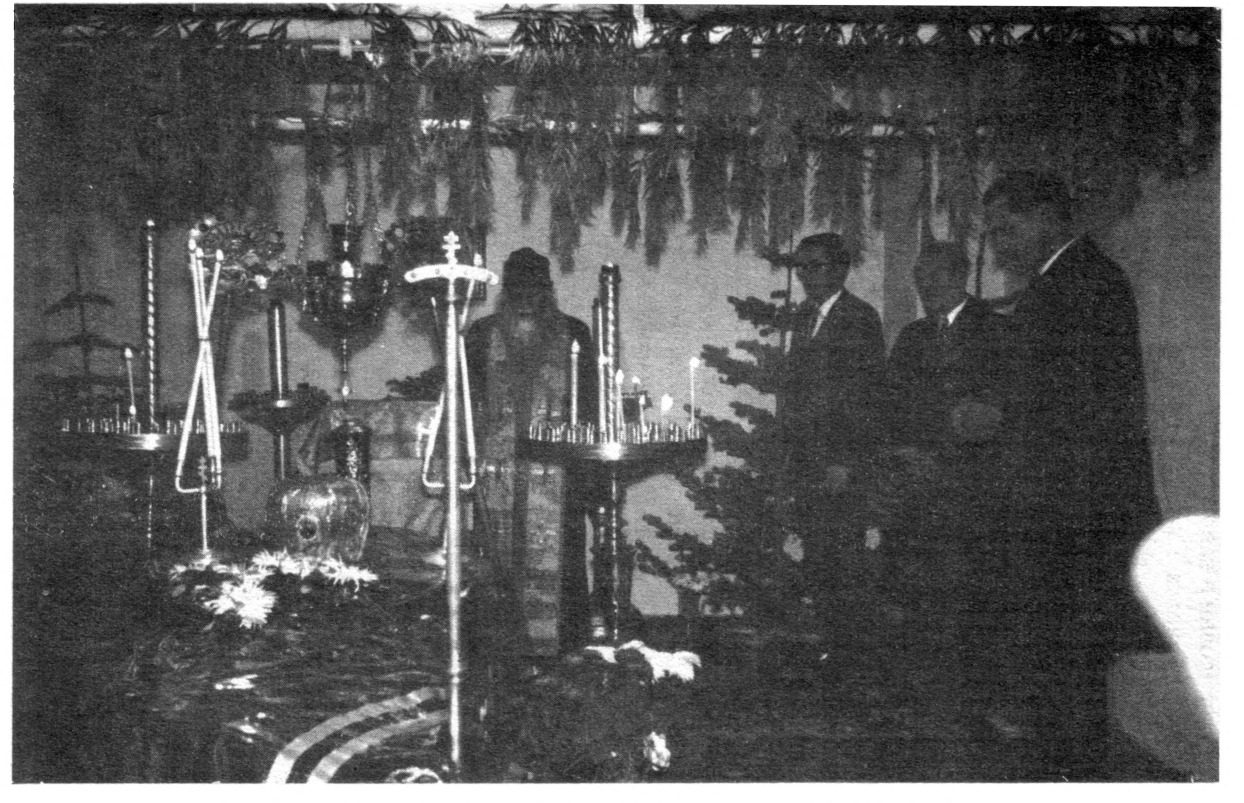
Св. Иоанн Лествичник.

После кончины архиеп. Иоанна епархию временно возглавил еп. Нектарий и сразу же взялся за дело: попросил Братство редактировать «Православный благовестник», чему Евгений и Глеб были только рады, оставив за игуменьей Ариадной наборные и печатные работы.

Еп. Нектарий весьма постарался ради увековечивания памяти архиеп. Иоанна. Усыпальница Владыки под алтарем собора почиталась как святыня XX века: ежедневно там читалась Псалтирь, по субботам и воскресеньям, а иной раз и в будние дни служились литургии. Отец Спиридон исповедовал, а о. Митрофан совершал литургию.

В усыпальнице стали происходить чудеса. Евгений и Глеб беседовали с очевидцами, записывая их рассказы, дабы потом опубликовать. Показателен случай с русской медсестрой, внезапно ослепшей на один глаз. Врачи постановили, что глаз «омертвел» и его придется удалить, чтобы не воспалился и второй. Она истово помолилась в усыпальнице Владыки Иоанна — и через несколько дней зрение восстановилось. О чуде прознали. Братия попросили женщину зайти к ним и подробно обо всем рассказать. Евгений записал рассказ медсестры — так началась «Летопись почитания Блаженного Иоанна», пополнившаяся многими и многими страницами за прошедшие годы.

Вскоре после кончины Владыки Иоанна Евгений вернулся в соборный храм, откуда ушел несколько лет тому по совету Владыки. Теперь

Усыпальница архиеп. Иоанна. Слева направо: архим. Митрофан, Лаврентий Кемпбелл, В. М. Наумов, Евгений Роуз. 1966 г.

уступил настойчивым просьбам регента (хору не хватало теноров), чувствуя, что обязан помочь. Но стоило ему несколько раз спеть, как во сне явился архиеп. Иоанн и напомнил: «Твое место не на хорах, а на клиросе». Евгений признался Глебу, что на душе сразу полегчало. Ему и самому было неуютно высоко на хорах, в отдалении от молящихся. Там частенько велись праздные разговоры, а то и «пропускали по маленькой». Определив Евгению место на клиросе, архиеп. Иоанн, похоже, подготовлял его к монашеству (именно на клиросе читаются все монашеские службы).

Всё чаще Евгений и Глеб подумывали о том, чтобы покинуть город, всё чаще заводили об этом разговор. Когда-то, гуляя по океанскому побережью, они мечтали о жизни в пустыни, и мечты эти сплотили братию. Сейчас же тяга к пустынножительству сделалась непреодолимой. Очевидно, что Церковь обмирщена и работать на благо ее братия могли лишь твердо уверовав в «неотмирность» монашества.

Они понимали: лишь пустынное монашество сохранило дух древней катакомбной Церкви, и только этот дух поддерживает Православную Церковь, как в вероисповедании, так и в богослужении. Не один год души братии напитывались житиями святых отшельников, как стародавних, так и современных. «Но мало знать о них, — замечал Глеб, — главное — следовать их жизненному пути, жить, думать, видеть сущее, как они заповедали. Все восхищаются преп. Серафимом Саровским, однако мало кто задумывается о том, что его образ жизни в ту пору был почти заурядным, самым обыкновенным для тысяч и тысяч молодых людей. Жизнь святого была тяжела, сегодня же его почитатели лишь рассуждают о тяготах, не в силах заглянуть глубже в эту жизнь, ведь благодаря ей и возрос духовно столь восхваляемый всеми святой. Обратившись в Православие (а может, и пока шел к нему), я внимательно прочел житие преп. Серафима. Хотя и опасался: по мне ли такое чтение, ведь я еще не сбросил порочное облачение ветхого человека. Я очень ясно осознал, что только борение в пустыни воспитало его. Пустынь, затвор — вот что составляло суть святости».

ПРЕДСТАВИЛИСЬ БРАТИИ и другие пути помимо пустынножительства. Приехав на похороны Владыки Иоанна, еп. Савва в очередной раз стал сманивать Евгения. Сам он, повествуя о себе в третьем лице, отметил в летописи: «Епископ Савва Эдмонтонский предлагает брату Евгению такой путь: семинария в Джорданвилле, рукоположение, потом, возможно, сан епископа. Так, по его мнению,

можно что-нибудь «организовать», дабы по-настоящему начать миссионерство. Нашу лавку и журнал он полагает пустой тратой сил. Брат Глеб предвидел такой оборот, на днях он как раз говорил о попытках сбить нас с пути якобы ради большей „отдачи" и „организованности"».

Иное предлагал еп. Нектарий: поступить в монашескую общину, которую он собирался основать в соседнем городке Аламеда, в домечасовне в честь Курской иконы Божией Матери. Это предложение представлялось более заманчивым: как-никак монашеская жизнь под водительством самого еп. Нектария, прямого духовного наследника оптинских старцев. Но братия и на этот раз отказались. Во-первых, монастырь стоял посреди города, во-вторых, как говорил Евгений, «согласись мы — и наша миссия печатного слова отойдет на второй план, что мы считаем опасным», и, в-третьих, поскольку еп. Нектарий — иерарх церкви, неизбежная связь с миром повредит монастырской жизни. Евгений как-то сказал Глебу: «Самая несвободная личность в Церкви — епископ. Он должен прислушиваться к мнению и паствы, и других иерархов. И мнения эти могут быть противны его совести и даже христианству». Братия очень любили еп. Нектария, почитали его своим отцом, но отчетливо видели, что он, по словам Глеба, «связан по рукам и ногам».

Итак, отвергнув пути обычного служения церкви, Евгений задался вопросом: «А каков же наш путь, куда он ведет? Братия никогда словесно не выражали точной цели, скорее шли по наитию, шаг за шагом, день за днем, уповая на Божие Провидение и руководство Владыки Иоанна. Трудами и молитвами (пусть малыми и слабыми) двигались мы вперед, а не «планируя» или «организовывая» что-либо. И до сих пор Бог благословлял наш путь. Ясно, что он ведет к образованию монастырского Братства и скита (как бы смело это ни звучало), и в дальнейшем к созданию миссионерского центра.

Чтобы осилить такое, требуется духовная энергия. Путь еп. Саввы предполагает, что такая энергия исходит от единого лица — организатора, каким, к примеру, был покойный архиеп. Виталий Джорданвилльский (†1960), в одиночку создавший монашеско-миссионерское Братство в Чехословакии, которое печатало православную литературу. Мы же слабы, и если всё начинание будет держаться на нас, оно провалится. Это вовсе не значит, что мы сомневаемся в Божией помощи — она подается всем страждущим, — а просто трезво оцениваем самих себя.

Но есть и другой путь стяжать духовную энергию. По этому пути мы худо-бедно идем уже два с половиной года. Это путь Братства. Когда «двое или трое собраны вместе во имя Мое», то любая задача по

плечу, была бы крепкая вера и взаимная любовь. Времена настали последние, старцев больше нет, только братия, работающие рука об руку, могут чего-то достичь в таком большом деле, как миссионерство. Согласно апостолу Иоанну, нас должны признавать христианами не по творимым чудесам (сей дар дан немногим), а по взаимной любви, которая должна быть в каждом.

Мы на правильном пути, но он труден и будет еще труднее, когда присоединится новая братия. Владыка Виталий Джорданвилльский начинал с семи братьев, потом их приросло до ста. Но это не самая трудная задача. Самое трудное — объединить первых двоих — мы уже сделали.

Следующая задача — найти землю и исполнить самую дерзновенную и опасную часть замысла — образовать скит. Да поможет нам Бог и наши небесные покровители, монах Герман Аляскинский и Владыка Иоанн!»

К КОНЦУ 1966 ГОДА Евгений уже излагал на бумаге свои задумки скита: пустынная строгая жизнь, требующая духовной силы и выдержки, в которой не остается места собственным пристрастиям.

Насколько возможно, братия должны удалиться как от мира, так и от мирских помыслов.

17/30-го августа Евгений записал:

«Следующий шаг нашего Братства — скит. Стоять он должен на тихоокеанском побережье — там жил и монах Герман, и первые русские, принесшие Православие через Калифорнию в Америку. Да и резкой перемены климата нам лучше избегать. Поэтому и землю надо искать либо в Северной Калифорнии, либо поблизости — между фортом Росс и Гарбервиллем. Самое подходящее место, да и цены тоже — чуть восточнее Лейтонвилля, до Сан-Франциско менее двухсот миль.

С самого начала соблюдать два условия:

1. Независимость. Мы должны как можно более обособиться, памятуя, что вскорости нам предстоит стать полностью самодостаточными. Поэтому — никакой непосредственной связи с внешним миром кроме дороги, да и та, чем дальше — тем лучше. Отсюда следует — никакого водопровода (нужно будет найти свой источник и устроить водохранилище), никакой канализации (хватит с нас и выгребной ямы), никакого электричества от сети (только свой генератор), никакого телефона (вообще никогда!). Естественно, связывать с миром нас будет дорога: съездить в магазин, на почту да в нашу лавку в Сан-Франциско. Потом отпадет надобность и в этом связующем звене. Это не праздные

мечты и не бегство, а единственно возможный и достижимый путь. Всё остальное сулит огромную опасность.

2. Неприхотливость. У нас должно быть как можно меньше «удобств», нам надо учиться полагаться на себя и на Бога, а не на современную технику, жить в согласии с богозданной природой. Что означает: а) никакой горячей воды, либо (при необходимости) греть на плите; б) обычная дровяная печь или камин, может, плита, чтобы кипятить чай; в) никаких холодильников, только погреб в тенистом уголке; г) пользоваться водопроводом только для полива; д) электричество от движка — исключительно для типографских целей; е) отапливать скит хватит печи или камина, занемогших класть подле очага; ж) орудия труда только ручные. Думаю, с этим забот не будет, пока Братство не разрастется.

Разумеется, не следует бросаться в крайности. Если какое-либо из положений будет мешать жизни Братства или окажется непосильным, его надо отменить. Наш идеал — жить подобно первым западным переселенцам. В каком-то смысле мы тоже «духовные переселенцы», лишь в малом уступим мы цивилизации: заведем электродвижок (причем поставить его надобно поодаль от церкви и келий) да грузовик для необходимых перевозок и доставок (его тоже ставить подальше от зданий)».

Примечательно, Евгений столь точно и скрупулезно обрисовал жизнь скита, хотя никогда не жил в деревне. Братии удалось соблюсти все условия, даже в мелочах. Далее Евгений писал:

«20-го авг./2-го сент. 1966 г.

Практические вопросы, связанные со скитом, разрешимы. Молитвой и усердным трудом двоим-троим под силу воплотить нашу задумку. Беда в другом: кто будет духовно руководить и управлять скитом.

Старцев нет, да и простого настоятеля-то не сыскать. Кроме Владыки Иоанна, лишь иеромонах Владимир понял и благословил наше Братство. Будь он, по Божьему провидению, нашим настоятелем, мы бы не знали забот.

Без настоятеля же придется очень туго.

3/16-го ноября 1966 г.

В ближайшие полгода, Бог даст, будет у нас земля под скит. Чем ближе осуществление нашей мечты, тем больше на пути практических «заковык».

Самая важная касается внешней стороны жизни скита — это устав и распорядок. Как только скит появится, отрядим одного из братии (по общему согласию) распределять послушания. Так и работа быстрее

пойдет, и всё будет по справедливости. Каждый час должен быть расписан по минутам: богослужения, подъем, трапеза, печатные работы, бытовые дела, поездки, сон, отдых.

Кто не успевает выполнить послушание в срок, должен закончить работу за счет отдыха (задания всем будут раздаваться справедливо).

Пока жизнь в ските не устоится, возможны, конечно, всякие недоразумения.

Братии дóлжно доверять, как их решимости, так и усердию. Мелочные придирки и проверка суть помехи и трата времени.

Пока же у нас в лавке царит расхлябанность, леность, пустословие, несобранность. Это неизбежно, ибо таков мир сей.

В скиту же сразу, даже по выходным дням, установим правила, хотя бы на время: например, за трапезой один из братии читает духовную литературу. Исключить пустословие (говорить только о работе), на праздные разговоры отвести не более получаса в конце дня. Еще: подниматься с рассветом, а то и раньше».

И подводил своим планам итог: «Бог научит нас, покажет, осуществимо всё это или несбыточно». Евгений не забывал благословения архиеп. Иоанна их Братству: «Если дело пойдет, Бог благословит».

44

Перед решающим шагом

Приобщившись христианства, я добровольно распял свою мысль, но Крест, который я понес, — лишь в радость. Ничего не утеряв, я обрел всё.

Евгений Роуз.

В ЯНВАРЕ 1967 года Иконописное общество снова пригласило в Сан-Франциско Пимена Софронова, только что вернувшегося из паломничества в Святую Землю. По благословению еп. Нектария он написал фрески в усыпальнице высокочтимого им Владыки Иоанна. Уезжая домой в Нью-Джерси, иконописец попросил братию выставить его работы в книжной лавке. Большие образа разместили по стенам и в витрине. Прохожие невольно останавливались, пораженные непостижимым Божественным светом, исходившим от ликов. Но более всего привлекала неописуемо красивая икона Богородицы, ее переливчатое облачение, написанное розовым и зеленым. Многие расспрашивали братию об иконах. О лавке заговорили, участились телефонные звонки — люди хотели больше узнать о Православии.

То был несомненный успех Братства после долгих лет борьбы. Исполнились мечты Глеба с той поры, когда он впервые приехал в Сан-Франциско и прознал о планах архиеп. Тихона строить новый собор. Теперь собор о пяти куполах построен, рядом — православный миссионерский магазин, там приветят любого с широкой городской улицы. Пожалуй, во всей Америке не сыскать проповедников Православия, которые оказались бы «на виду». Книжная лавка превратилась в миссионерский центр, где древние иконы и боговдохновенные писания являли неведающему прохожему непостижимую силу древнего незамутненного христианства.

«Наш магазин, — писал Глеб, — заменял собор, когда там не было служб. Мы участвовали в его жизни, посещали богослужения. Мне, правда, удавалось вырваться из Монтерея лишь по выходным, о полной свободе я мог только мечтать. Евгений ужасно уставал, все силы отдавал нашему *подвигу*: вручную набирал и печатал журнал, переводил и писал статьи, следил за работой магазина, где книг прибывало, посещал все церковные службы, отвечал на бесконечные телефонные звонки. Кроме того, многие люди хотели приобщиться Православия с помощью Евгения. Когда я приезжал вечером в пятницу, он доставал карту Калифорнии и вслух мечтал о клочке земли для пу́стыни... Я понимал: время приспело».

В этой дерзкой задумке Глеба беспокоило одно: а вдруг они с Евгением не смогут всю жизнь держаться друг друга? «Вместе мы бываем не так часто, — писал он своему соратнику, — настоящее «единение душ» еще не образовалось». Глеб хотел, чтобы Евгений еще больше раскрылся перед ним, дабы не осталось невысказанных чувств, и дьявол не сумел бы внести разлад в их отношения. Однако скорлупа обособленности, в которой издавна, со времени отчаянных поисков, привык скрываться Евгений, была еще прочна. Глеб вспоминает: «Словно ребенок, которого долго держали взаперти, теперь он всего боится и никому не доверяет. Приходится заново приучать его к доверию». Глеб не сомневался, что сердце Евгения полнится любовью, и писал ему: «Ты только кажешься холодным, ты просто держишь любовь в узде и не хочешь этого показать. Дорогой брат во Христе, для того, чтобы я был спокоен и не волновался, делись, пожалуйста, даже минутной скорбью или сомнением, неудовольствием или раздражением, делись честно и искренне, чтобы ничто не омрачало нашу работу! ... Умоляю тебя, будь прост сердцем со мной и ничего не стесняйся, тогда мы будем духовной опорой друг другу и придем к совершенному *единодушию*. В духовной жизни тех, кто общается с миром, это — главное. Насколько я могу судить, *простосердечие* освободит тебя даже от физической усталости и умягчит душу. Говоря твоим «буддистским языком», ты сделаешься более подвижным, гибким в своей силе, о чём и молимся».

Единство их душ было окончательно скреплено в канун поминовения преподобных Сергия и Германа Валаамских, 11/24-го сентября 1966 года. В полночь братия спустились в усыпальницу архиеп. Иоанна и при свечах отслужили всенощное бдение двум Валаамским основателям. Глеб одел Евгения в черный подрясник — облачение чтеца (коим Евгений уже был) и монаха (коим ему предстояло еще стать). Там, при свидетельстве икон, писанных Пименом Софроновым, братия дали

обет верности друг другу на всю жизнь, как бы ни менялось отношение других братьев к их работе. Они дали обет верности Церкви, заветам архиеп. Иоанна и, наконец, дали обет оставить мир и воплотить мечты о пýстыни.

После этого словно гора свалилась с плеч Евгения, он окреп духом, глубже и ближе сделались отношения с Глебом. Тот писал ему: «Очень рад, что ты более разговорчив, это на пользу нам обоим, ледок прежних лет, похоже, тает… Слова твои вселяют уверенность, что душа твоя жива. Они помогают и мне обрести уверенность в себе. Каждый из нас должен стать зеркалом совести другого».

Иногда им случалось (что Глеб считал чудом) посылать письма друг другу в одно и то же время, выражая одни и те же мысли и чувства. «Если мы и впредь будем расти в таком единении душ, — писал Глеб, — то укрепившись терпением и смирением, принесем плоды, которые ожидает от нас Господь».

Каждое письмо Глеба к Евгению наполнено духовной поддержкой, желанием укрепить друга, подготовить его к грядущим тяготам:

«Если наша мечта о ските осуществится, это будет чудо… И даже помышлять об этом надо со страхом Божьим, так чтобы умом и душой мы чувствовали себя уже в ските. Так нужно готовиться к жизни в пýстыни. Ведь там дьявол обрушит на нас лавину зла, чтобы сокрушить, и нашим единственным спасением будут накопленный опыт *духовной брани* с лукавым да взаимная любовь. Верю в тебя, мой возлюбленный брат во Христе, посланный преп. Германом, верю тебе во всём, и единственно прошу Господа о мудрости…

Бог пока не дал нам настоящих помощников, и не известно, даст ли. Поэтому нам нужно не воздушные замки (скиты и монастыри) строить, а исходить из *действительности* и вершить свое дело.

Жизнь наша коротка, некогда размышлять о правильной, в нашем понимании, дороге, нужно проживать в Боге каждую минуту, чувствуя, сколь необходима Его помощь, жаждать ее…

Перед тем, как пришло твое замечательное письмо, я открыл «Письма о. Макария Оптинского»* и вот прочитал: «Не спеши облачаться в монашеское одеяние, пока оно не будет дано тебе, но скорее сам становись настоящим монахом *в смирении*… прямо сейчас, безо всякого монашеского одеяния…» Он даже завершает письмо словами: „Оставайся там, где ты есть, пока Бог не призовет тебя"».

---

* Любимая книга проф. Концевича. Он, бывало, открывал ее наугад и всякий раз чудом попадал на нужные слова, находил ответы на мучившие вопросы. Глеб следовал примеру профессора.

Однажды Глеб выразил опасение, что Евгений — интеллигент, человек умственного труда — не сможет приспособиться к полной лишений жизни в пустыни, требующей хорошей физической закалки. Евгений ответил в письме:

«Не беспокойся обо мне, «интеллигенте и мыслителе». Приобщившись христианства, я добровольно распял свою мысль, но Крест, который я понес, — лишь в радость. Ничего не утеряв, я обрел всё».

К СЕРЕДИНЕ 1967 года в епархию Сан-Франциско был назначен новый правящий архиерей — архиеп. Антоний. (Не путать с другим архиеп. Антонием, гонителем Владыки Иоанна. Этот во время суда был в Австралии и участия в травле не принимал, хотя и примыкал к группе недоброжелателей архиеп. Иоанна). Мрачные предчувствия завладели братией, вспомнились слова проф. Концевича: «Есть три архиепископа Антония, будьте осторожны со всеми!»

Новый Владыка должен был примирить два лагеря, возникшие вследствии суда над архиеп. Иоанном. «Мир» был достигнут еще ранее у гроба Владыки, когда его недавние враги слезно просили прощения. Возможно, учитывая их чувства, новый управляющий решил ограничить влияние почитателей покойного архиеп. Иоанна и одновременно «утихомирить» их. Он первым делом распустил основанное Владыкой Братство мирян, запретил служить Божественную литургию в его усыпальнице, сделав исключение только для дня поминовения Владыки Иоанна. Запретил он и читать Псалтирь над гробом усопшего во время службы наверху в соборе, хотя только тогда усыпальница и бывала открыта для верующих. Позже архиеп. Антоний прекратил издание «Православного благовестника», заменив его своим журналом «Тропинка», который Евгений назвал «откровенно серым»[1].

Отец Спиридон в сложившихся обстоятельствах оставил свою важную должность в Сан-Франциско и стал вторым священником в соседнем городке Пало Альто, где сослужил молодому, только что из семинарии батюшке.

Еп. Нектарий, будучи викарием нового Владыки, не смел возражать. Архиеп. Антоний сразу «поставил его на место».

Хотя сам Владыка и не имел ничего против архиеп. Иоанна, более того даже хорошо отзывался о нем, все, состоявшие в Обществе памяти почившего, почуяли в нем чужака. В отличие от предшествующих иерархов: Тихона, Иоанна, Нектария архиеп. Антоний был политиком от Церкви, держался «своей» группировки. С его приходом в епархии воцарился чиновничий склад мышления.

«Особенно настораживало, — вспоминал Глеб, — что архиеп. Антоний сразу начал прибирать Братство к рукам, будто оно принадлежало епархии. Поначалу осторожно и вежливо, но было очевидно, что он совершенно не хочет понимать: мы — не собственность епархии, мы намеренно независимы и, можно сказать, непримиримы с самой идеей «церковной организации» по мирским меркам».

Глеб наблюдал за реакцией Евгения: как то отнесется ко всему этому друг? Конечно, он знал, как претит тому обмирщение церкви. Но, с другой стороны, Евгений лишь недавно стал православным, влюблен во всё русское и хочет делать всё «как полагается». Сейчас это стремление оборачивалось против него, заставляя подчиниться архиеп. Антонию, понуждая «влиться в организацию». Конечно, его успехи на богословских курсах замечены, так кого же рукополагать во священники, как не Евгения! Духовенство приметило и приветило его, стараясь вовлечь в церковную жизнь. Кто-то даже предлагал ему стать священником-целибатом. Подлил масла в огонь и Джеймс, внушая Евгению, что у Глеба своекорыстные цели, что он попирает общепринятые нормы Церкви. Глеба, в свою очередь, смущала мать, твердившая, что Евгений бросит его, как только убедится в его «бесшабашности и непрактичности».

Глеб вспомнил о замечательном уроке, преподанном ему о. Адрианом, когда тот узрел в юноше соблазн сделаться «значительным лицом в Церкви» (после успешной поездки по стране, когда Глеб устраивал показы слайдов и снискал некоторую известность). «Неужели ты хочешь быть как все?» — гневно вопрошал о. Адриан. Таким Глеб никогда его не видел: побагровевшего, со сжатыми кулаками — вот-вот ударит. «Если тебе нужна мирская слава, — заключил о. Адриан, — я тебя больше знать не знаю!»

Глеб понимал, что «чаша сия» не минует и Евгения. «Если ты хочешь почета в Церкви, — сказал он брату, — предупреди загодя. Ибо такая жизнь не по мне. Стоило ли поступаться всем ради того, чтобы превратиться в церковного чиновника? Скучно».

Евгений взглянул Глебу в глаза и ответил, что и сам не желает такого. Цель у него бóльшая. И, слава Богу, что удалось распознать и навсегда отринуть искушение.

Позже архиеп. Антоний сделал Глебу заманчивое предложение: устроить в старом соборе типографию и возглавить ее. «Совсем другой масштаб!» — завлекал он.

Глеб поделился с Евгением. Как быть? Прими они это предложение и не придется больше платить за аренду.

Евгений лишь понимающе улыбнулся. «Я не смогу работать в такой обстановке».

После смерти архиеп. Иоанна что-то пробудилось в его душе, вспоминает Глеб. Спала пелена наивности. И раньше подозревая, что не всё ладно в церковном мире, он не знал горя под крылом архиеп. Иоанна и еп. Нектария. Теперь к власти пришел иной человек, чуждый им по духу, видевший в Церкви лишь чиновничий департамент. Годом раньше, вскоре после кончины Владыки Иоанна, Евгений написал ставшие пророческими слова: «Вот и кончилось становление нашего Братства. Истинный праведник, архиеп. Иоанн был любящим наставником, опекавшим нас с первых нетвердых шагов. Сейчас же мы окрепли, идти дальше придется самостоятельно».

Да, коль скоро Братство хотело выжить и спастись от «чиновников Церкви», настала пора «удалиться на лоно природы, в благоуханную пустынь», как говаривал Евгений.

45

Земля от Владыки Иоанна

В тот край, где нехожены тропы, я истово сердцем рвусь.
Там с Господом я пребуду, Создателя приобщусь.
В краю том не слышно мира, ни женского смеха, ни слез,
Там счастливо как младенец сподоблюсь невинных грез.
Я чаю рождения свыше. Пока же — покой принеси
Трава-мурава в изголовьи и купол небесный в выси.

Джон Клер (†1864).

«К ТОМУ ВРЕМЕНИ, — пишет Глеб, — я уже знал, что нам нужно, дабы устроить настоящую пустынь. Необходим лесистый участок. Евгений всё глубже постигает смысл православных богослужений, стремится полностью соблюдать суточный круг богослужения. Мы пришли к единению душ...»

Всё чаще Евгений напоминал Глебу: «Пора уезжать отсюда. Пора жить по-настоящему».

Он начал подыскивать землю. Как и задумывалось изначально, братия принялись за участки на побережьи к северу от Сан-Франциско.

Однажды забрались на сотню миль к северу и оказались вблизи городка Гарбервилль. Там меж холмов приметили они большой, красивый, рубленый дом. Холод и туман мешали обозреть окрестности. У дома их встретила приятной наружности женщина средних лет, пригласила зайти, осмотреть жилье. Она спешила продать его и потому просила недорого. Дом был чистый, со вкусом обставлен и убран, хорошо подобраны цвета. Приятно пахлю старым деревом и свежим кофе. Доносились звуки классической музыки. Хозяйка оказалась очень любезной и весьма культурной. Она рассказала гостям, как любит этот красивый и уютный дом, провела их по комнатам, угостила кофе. Попрощавшись, друзья снова окунулись в холодный туман.

— Здорово, правда?! — воскликнул Глеб. — Вот это жизнь!

— Ужасно! — покачал головой Евгений.

— Что ты хочешь сказать? — не понял Глеб.

— Там мирской дух — то, от чего мы бежим, — ответил Евгений. — Этот красивый дом для тех, кто хочет красивой жизни. Но нам-то нужно совсем другое.

Весной братия снова поехали к Гарбервиллю. На этот раз от автобусной остановки им пришлось идти несколько миль по проселочной дороге. Дошли до участка — большого луга на склоне холма, усыпанного ранними цветами, по которому бежали весенние ручейки. Однако к их разочарованию по соседству стоял дом.

Глеб вспоминает: «После пасхальной службы и ночи в автобусе мы очень устали. Я пошел прогуляться, а Евгений растянулся на траве и тотчас заснул. Я засмотрелся на него: среди весенних ароматов и веселого журчания ручейка на солнечном лугу сладко спал мой брат. Благословив его, я не мог удержать слез: зачем понадобилось ему отшельничество, когда сейчас Церкви так не хватает пастырей? Евгений талантлив, из него вышел бы прекрасный священник, приобщающий людей христианских таинств (что впоследствии и подтвердилось). Но ему, видно, уготована иная судьба. Неужели его предназначение, как он сам желал, — жить отшельником и писать о вероотступничестве людей, в то время как эти люди погибают без пастыря? Он не любил толпу. Глупость и недостатки человеческие его безмерно утомляли. Но тогда зачем здесь я, что мне-то надо «на чужом подворье»?

Так и стоит перед глазами картина: человек, призванный Богом, словно мертвый среди оживающей природы, мертвый для мира сего, мертвый еще при жизни. Я запечатлел его смерть.

Евгений проснулся. Лицо у него было землисто-серое, усталое. Я понял: долго ему не прожить. Он то и дело торопит меня, подталкивает к работе, дабы пробуждать людей от духовной спячки, помочь им осознать сущее, Истину, совсем недавно познанную им самим, живую и такую близкую. И я почувствовал, услышал *призыв* Господа! Проповедовать мистическую сторону христианства. Но для этого нам нужно стать самими собою, содрать с себя всё мирское. До чего же наш путь одинок!

За этим путешествием последовало другое: Лаврентий повез нас к местечку Форт Росс. А потом еще — на этот раз вглубь штата. Денег почти не было, поэтому мы просто ездили и приценивались. Мы едва набирали 85 долларов на аренду магазина, а ведь набегали и другие расходы.

Вскоре Евгения известили: продается большой участок «в глубинке», недалеко от деревушки Платина (64 жителя!). И мы решили

съездить посмотреть. В воскресенье исполнилась годовщина упокоения архиеп. Иоанна. Мы причастились и долго и истово молились о грядущей поездке.

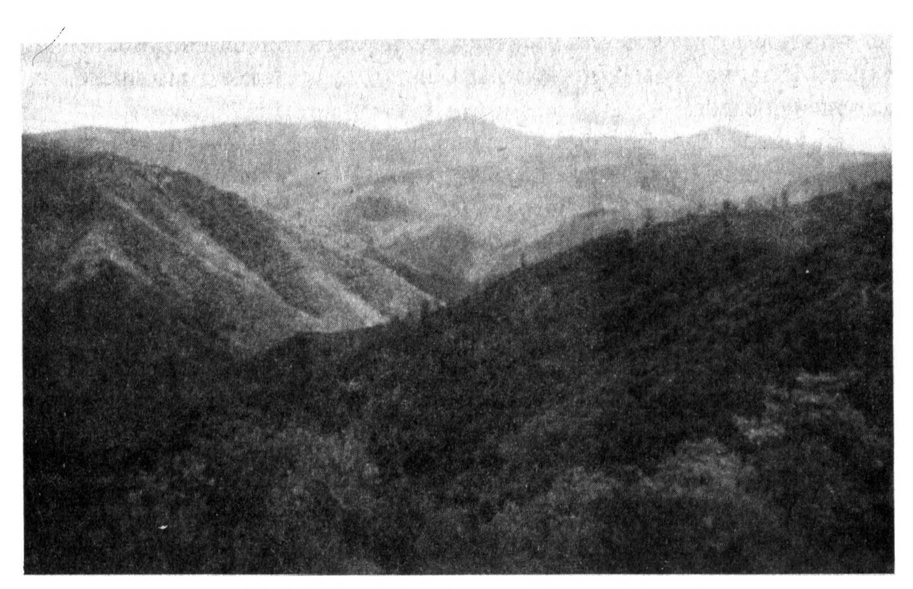
Назавтра, 3-го июля 1967 года, Лаврентий повез нас на своей машине на север. Путь оказался неблизкий — лишь за полдень мы добрались до городка Красный Утес. Там нас встретил агент фирмы, торгующей недвижимостью, и повез на своем джипе дальше на запад. Летнее солнце еще не клонилось к закату. Встретились ковбои, они гнали стадо по выжженной земле, и нам пришлось остановиться, переждать. Они сняли шляпы, приветливо помахали нам. Евгений светился неописуемым счастьем. На какую благодатную почву пали бы здесь семена Православия, среди этих простых ковбоев, думалось ему.

Ехали с час. Проселочная дорога вела в гору. Вскоре мы остановились и дальше пошли пешком. Дошли до поляны среди старых могучих дубов на северном склоне горы. Неподалеку виднелась недостроенная сторожка: была лишь железная крыша, ни стен, ни пола. Чуть к востоку отстоял флигель с каминной трубой, в традиционном стиле. И больше ничего. Достоинством и величием дышали эти края. День выдался теплый, и прогулка наша удалась. Агент фирмы повел нас по склону вверх, и неожиданно мы очутились на макушке очень красивой горы. К югу простиралось обрамленное скалами плато, и вид открывался столь чарующий и исполненный покоя, что мы слова не могли вымолвить.

Я чувствовал, что творится в душе Евгения. «Мне здесь нравится», — только и сказал он тихо. Даже Лоренс, на которого всегда трудно угодить, умягчился душой и все придирки оставил при себе. Я подошел к агенту, который указывал на великолепную обзорную площадку, расписывая достоинства участка, и спросил: «Сколько придется платить в месяц, если мы сойдемся в задатке?» (За 80 акров хозяин просил 14 тысяч долларов, и горная вершина находилась прямо в центре участка, собственно, половина продаваемой земли. Мы сказали, что стеснены в средствах, и нам решили предложить половину. Вторая половина занимала западный склон, и там была своя речушка.) «По 100 долларов в месяц», — ответил агент.

Я с грустью посмотрел на Евгения. Таких денег нам неоткуда ждать. Мы едва сводили концы с концами: кроме аренды лавки нужно было платить за жилье Евгения, да и мне за дом в Монтерее приходилось ежемесячно выкладывать немало. Грусть защемила сердце, ведь о таком месте мы и мечтали.

У Евгения на лице появилось страшное выражение. Оно помрачнело и застыло, словно Евгений весь ушел в себя. Ясно, значит, он уже

'Вид ущелья Бигам и горы Йолла Болли.

принял решение. Здесь он и хотел бы умереть! «Господи! — взмолился я, — ради моего брата, дозволь нам здесь жить!»

Задаток был невелик: хозяин спешил продать землю. Там не было воды, да и само место — глухомань. К западу — национальный заповедник, к югу на 40 миль — ни городка, ни деревушки, ни даже фермы. Вся земля с той стороны принадлежала государству, в лесу водилось много всякой живности, случались и медведи. К северу и востоку землей владел некий У. Д. Сноу, так и оставивший ее в первозданном виде. Воздух был наполнен ароматами смолистой хвои, с запада дул свежий ветерок. Там, в шести милях отсюда, проходила дорога, упиравшаяся в ущелье Бигам. Лучше места не сыскать!

— Ну что ж хорошего, если нет воды? — усомнился я.

— Тем-то место и хорошо, — ответил Евгений.

Затем агент фирмы повел нас дальше на запад, мы спустились в ущелье. Здесь он показал нам родник, вода сбегала в деревянный короб, а когда он набирался полон, тонкой струйкой бежала дальше. Мы напились холодной, чистой как слеза воды. Перевалили еще за одну гору и оказались в другом ущелье. В теснине меж двумя склонами прилепился домик с огромной плитой. Мы полюбопытствовали, как ее доставили в горы. «На мулах», — последовал ответ.

Мы вернулись к джипу, перебрались через речушку и взобрались еще на одну гору посмотреть другой участок. Однако он ни в какое

сравнение не шел с «нашим», с той дубовой рощицей. Необыкновенно поэтичное место! Я клял себя за чрезмерную чувствительность.

У Красного Утеса мы распрощались с нашим провожатым, пересели в машину Лаврентия и покатили домой по раскаленной солнцем необъятной долине реки Сакраменто. Ее просторы были мне по душе. Что-то похожее на бескрайние русские степи, добела раскаленные солнцем: жухлая трава волнами колышется на ветру, справа — золото и пурпур заката. Было время вечерни, мы спели «Благослови, душе моя, Господа», а солнце садилось всё ниже и ниже, закатные тени густели. Я сидел сзади и видел, как на глаза Евгению навернулись слезы и медленно поползли по щекам. У нас с собой были молитвословы, и мы пели беспрерывно дотемна. Лаврентий довез нас до книжной лавки и отправился домой, еле живой от усталости. На прощанье сказал: «Решайте поскорее. А то надоело попусту взад-вперед кататься. Сегодня вполне подходящий участок смотрели». Постояв у дверей магазина, мы, не сговариваясь, пошли к усыпальнице архиеп. Иоанна, у нас были свои ключи. Припав ко гробу, уже в полном изнеможении начали молиться. В мраморном склепе стояла полная тишина, лишь иногда что-то потрескивало.

Молились мы не о земле — мы ее уже нашли, — а о прозрении воли Божией. Молча мы благословили друг друга, я обнял Евгения и почувствовал, что он плачет. Потом он отправился домой, а я поднялся на балкон нашего магазина, где обычно коротал ночи.

Над дверью висела икона Спасителя. Не шелохнувшись, лишь чуть облокотившись на стеклянную дверь, я испросил Божие благословение. Я ощущал Его присутствие. Не сомневался в этом, ибо сколько чудес уже свершилось здесь. Но настала пора покинуть это место, пора «возрастать в духе». Несомненно, я буду скучать по этим святым для меня стенам. За спиной на улице проносились машины, светились фонари, оживленно переговаривались прохожие — стоял субботний вечер. Я отчетливо слышал голоса, окно над дверью было открыто. Но звуки улицы меня уже не трогали. Да, пожалуй, и ничто мирское. Душа радовалась. Видно, чуяла скорые перемены. Сердцем я знал, что наша лавка — это некая таинственная вершина, на которую мы взошли. Теперь нас ждала очередная — в Платине. Она всю ночь виделась мне в золотистом свечении, с трепещущей на ветру листвой, я так люблю слушать ветер… Так где ж я был?

Евгений той ночью занес в летопись следующее: «Здесь есть всё для вдохновенья: лес, безлюдность (ни души на две мили окрест), горы, снег зимой. Но нет воды. Не это ли нам указ, чтоб брали землю, раз не хотим жить мудростью мира сего».

Рано утром в соборе отсужили литургию. Все, включая меня и Евгения, причастились. После службы еп. Нектарий почему-то пошел домой приготовить для нас завтрак, сказал, что принесет его в книжную лавку, где мы и потрапезничаем по-монастырски с душеполезным чтением.

Я спустился в усыпальницу, встал на колени, положил голову на митру архиеп. Иоанна и застыл в молитве: «Господи, яви нам волю Свою!» И тут я услышал голос о. Митрофана (он был туговат на ухо и говорил очень громко). Вдвоем с Евгением они направлялись к усыпальнице. «Женя, — сказал он, — на последнем сходе прихожан мы решили: раз уж ты бываешь на всех службах, предложить тебе место *псаломщика** и платить по 100 долларов в месяц. Согласен? Тебе ведь нужны деньги, мы в любом случае дадим... У тебя будет один выходной, в пятницу».

Я ушам своим не поверил. Поднялся и увидел их обоих. Отец Митрофан слово в слово повторил сказанное (думал, что я не слышал) и отправился по своим делам. Его окружили люди.

— Что, по-твоему, всё это значит? — спросил Евгений шепотом. — Может, Господь хочет, чтобы мы жили на этой земле?

— И ты еще спрашиваешь?! Конечно! Видишь, как близок Бог! — радостно воскликнул я и собирался уже уходить. Он стиснул мою руку, заглянул в глаза.

— Это значит, что Владыка Иоанн дарит нам эту пустынь! — и подтолкнул меня ко гробу, чтобы мы смогли поблагодарить нашего благословенного покровителя. Мы приложились к мантии, митре и посоху Владыки. — Никому ни слова! — наказал Евгений. Я, разумеется, согласился.

— Хотелось бы еще раз посмотреть участок. Давай попросим Николаса Марра — он сейчас в Доме свят. Тихона — свозить нас туда, — предложил Евгений. — Что скажешь?

— Когда? Завтра? — только и спросил я.

Сказано — сделано. Поутру Николас повез нас в Платину, пообещав ничего никому не говорить. Добрались мы быстро, взобрались на гору и принялись горячо молиться. Прочли акафист Богородице, молитву архиеп. Иоанну, окропили всё окрест святой водой. Николас, хотя и был погружен в собственные заботы, понял важность происходящего. Утром место предстало совсем иным. Мы прикинули, что и где построить, и к вечеру вернулись домой.

Не прошло и месяца, как земля стала нашей».

---

* Тот, кто читает во время службы на клиросе.

46

Вспашка новины

Распахивайте у себя новину, ибо время взыскать Господа, чтобы Он, когда придет, дождем пролил на вас правду.

Ос. 10:12.

УДАЛИТЬСЯ В ПУСТЫНЬ Глебу не давали обязательства перед родными. Уже много лет на его попечении находились мать и больная сестра и оставить их он не мог. Мать поставила жесткое условие: сын волен отправляться в пустынь, но сперва должен купить ей дом с видом на океан и найти сестре высокого, красивого и богатого мужа.

Дом Глеб купил (за долгие годы работы удалось скопить немного денег), но с замужеством сестры дело обстояло не так просто. Однако и это вскоре разрешилось при чудесном содействии архиеп. Иоанна. Однажды в декабре 1966 года Глеб долго читал Псалтирь в усыпальнице. «Оглянувшись, увидел, что народ уже разошелся, — вспоминает он, — я оставался один на один с Блаженным. Сердце защемило, и я расплакался, припав к его гробу, накрытому мантией. И вдруг меня пронзила мысль: ведь он жив, предстоит перед Господом, слышит нас, так почему бы не попросить его о помощи в моих нуждах. И я начал горячо молиться о сестре — она так хотела выйти замуж, но из-за болезни ей трудно было найти близкого человека. Тем временем богослужение наверху в церкви закончилось, усыпальницу сейчас закроют, и я ушел. То было воскресным вечером. А на следующий день сестра сказала, что познакомилась с молодым человеком и, похоже, они понравились друг другу. Вскоре они поженились, родился ребенок, и вот уже много лет они счастливо живут вместе. Самое примечательное то, что познакомились они в тот час, когда я взывал к блаж. Иоанну о помощи».

В 1967 ГОДУ Глеб обрел долгожданную свободу благодаря одному русскому, Сергею Ходсону. «В последние дни перед кончиной его матери, Лидии, моя матушка много помогала их семье. Сергей прослышал, что я мечтаю оставить работу в школе и посвятить себя изданию журнала, — вспоминает Глеб, — он сказал, что хотел бы снять комнату в нашем доме. (Я купил его матери два года назад благодаря заступничеству Богородицы). Моя матушка согласилась. Зная, что сердцем я, по ее шутливому выражению, «в книжном доме на балконе», она позволила мне уйти с работы. Теперь, сдавая комнату, она не знала нужды. А через год господин Ходсон умер, оставив нам немного денег, что тоже помогло. Я сходил в банк, переписал свою часть наследства на мать и сестру — в знак благодарности за свободу. И дом со всеми закладными перешел им. Я же был волен распоряжаться своей жизнью».

В 1967 году на Успение Глеб переехал в Сан-Франциско на улицу Клемент, в дом, который снимал Евгений. Они перевезли туда печатный станок, так как в книжной лавке набирать и печатать было трудно — то и дело приходилось отвлекаться. Теперь же они работали по очереди: один в лавке, другой дома, готовя журнал. Дома совершали и богослужения. С тех пор на протяжении оставшихся 15-ти лет жизни Евгений ежедневно вычитывал полный круг суточных служб.

ДАЛЕЕ Глеб пишет: «Конечно, мы полностью были поглощены переездом в Платину. Мы съездили туда еще раз в феврале. Идти пришлось по пояс в снегу — накануне была сильная метель. Лишь к ночи, промокнув до нитки, добрались до места. Тишина, первозданная чистота, ни души окрест. Право, ради этого стоило три часа кряду утопать в сугробах.

Мы решили не затевать строительства до весны. Евгений выучился водить машину, получил права. Мы купили грузовичок. В нашу лавку переехал Филипп Потовка* из Мичигана. Стали было прикидывать, что и где строить, но выяснилось, что ни Филипп, ни Лаврентий не горят желанием поддержать нас. Джеймс тоже лишь однажды посетил Платину, понял, что это не по нему.

Зато мы наслаждались. Мы враз полюбили Платину! И Господь являл нам суть и смысл этой затеи. А наш небесный покровитель архиеп. Иоанн помогал в минуты сомнений и слабости.

---

* Имя изменено.

Мы решили, что сперва на неделю автобусом отправлюсь туда я. А на следующее воскресенье на машине приедет Евгений, отвезет меня к автобусной остановке, а сам останется в Платине, тоже на неделю. Я же буду подменять его в соборе, где он был псаломщиком. Поначалу Евгений боялся отпускать меня одного, однако сама мысль пришлась ему весьма по душе, ведь он любил природу.

2/15-го мая, на свои именины, причастившись, я сел в автобус и доехал до Красного Утеса. Оттуда пришлось идти пешком — иначе до Платины не добраться. Прошел несколько миль, потом немного подвезла случайная машина, и снова — с чемоданом в руке — вперед, на своих двоих... Какой-то пожилой господин подвез прямо до места. Немного поболтав, мы расстались и я остался совсем один. Вечерело. Признаться, мне было не просто страшно, а жутко, особенно, когда налетел западный ветер, завыл в горах, заскрипели-застонали деревья, заухала сова, заскреблись-зашуршали мыши. Стен у нашего жилища не было, лишь угловые столбы да крыша с навесом для крыльца. Я начал молиться...

Да, я сразу понял: Платина — это то что нужно. Место поистине благоуханное. Аромат незнакомых цветов пьянил. Мало-помалу я начал сооружать стену с западной стороны. В первые дни я решил разведать окрестности, но осторожно: случись что со мной — помощи ждать нéоткуда. Несколько раз я даже спускался к дороге, в лавку, справлялся, нет ли письма от Евгения...

Но вот настал знаменательный день. С него, я полагаю, и начинается наша жизнь в Платине. То был день памяти св. Иова Почаевского*. Утро выдалось хмурым и мрачным, настроение еще мрачнее — я прикидывал, сколько предстоит сделать, чтобы окончательно переехать. А потом? Как жить дальше? Надо тащить сюда всё наше типографское хозяйство. Появились моя извечная неуверенность, страх, ощущение близкого конца света. Но как-то не вязалось всё это с красотой вокруг, с ней не хотелось разлучаться долго-долго, всю жизнь, если, конечно, мы раздобудем воду, избавимся от посягательств «церковных чиновников», убережемся от людей и зверей.

Всю неделю с утра до ночи пребывал я в страхе, слезно моля Господа вразумить меня, глупого. Малейший шорох в лесу, даже щебетанье птиц, приводил меня в трепет, воображение рисовало жуткие картины. Ночами же докучали мыши и — еще более — кошмарные сны. Но каждый новый день сулил начало новой жизни. Я наскоро обходил

---

* 6/19-го мая. В другой день памяти св. Иова (28-го авг./10-го сент.) блаж. Иоанн благословил некогда основание Братства.

свои «владенья», благословлял всё вокруг, благодарил Господа, давшего нам эту пустынь. По ночам свирепствовал ветер, с треском и грохотом повалило несколько деревьев.

К середине знаменательного дня я уже вымотался и просил Господа лишь об одном: чтобы и сегодня промелькнуло так же быстро, как вчера, чтобы скорее лечь спать и забыться. Вот-вот приедет Евгений и вызволит меня. Вызволит откуда? Кто меня держит, если не я сам? Ведь зачем-то мы решили всю жизнь провести здесь? Неужто все наши задумки — лишь несбыточные мечты, и уход от мира обречен на неудачу? Я устыдился своего малодушия и попытался забыться в работе. Но мысли точно докучливые мухи лезли со всех сторон, и трусливое сердце мое сжималось. Всё валилось из рук, молитва не помогала, дела не отвлекали. Нет, страшило не одиночество, я мог прожить и один, хотя отшельником себя не считал. Мучило меня само житие в пу́стыни... Единственное утешение: ко мне частенько приходила лань и смотрела с превеликим любопытством.

Смеркаться стало рано, наползли тяжелые грозные тучи, меж деревьев заклубился туман, всё вокруг предстало в еще более зловещем виде. В молитве я обратился ко Кресту, и вдруг меня осенило — у нас же здесь нет креста! Тут же я принялся за работу, решив поставить большой крест при въезде. Получился он больше, чем я предполагал, едва хватило сил поднять. Кое-как, спотыкаясь, чуть не падая, потащил... Начался дождь. Только он и нарушил мертвую тишину. Таща на себе крест, который сам же соорудил и сам на себя взвалил, я думал: затрачено столько сил, но кому нужен мой труд?

Лопаты у меня не было, глубоко выкопать не удалось. Да, не рассчитал я, крест получился большим, а ямка мелка. Что же делать? Собрав все силы, я поднял крест и поставил его — по крайней мере увижу, сколько еще нужно копать. Всё время не переставая я творил молитву Святому Кресту. Водрузив, я увидел с удивлением: крест стоит! Я не поверил глазам, отошел, пригляделся — стоит ровно, хотя ямка на ладонь глубиной, не больше. Я поразился: ведь это чудо! Знамение! Крест стоял, словно его держали Ангелы. Я отошел, земно поклонился трижды, поцеловал его, привалил к основанию попавшие под руку камни и в благоговении удалился, не зная, что и подумать. Несомненно, это было чудо!

Снова припустил дождь, и так всю ночь напролет. Выл ветер, и эхо разносилось по всему лесу.

Той же ночью мне приснился сон. Идет толпа людей, шеренгами человек по десять. Рядом со мной оказался Владыка Иоанн, а по другую руку — мои друзья и знакомые. Все они умоляют меня попросить

Первый крест, воздвигнутый в Платине на территории скита.
(Снимок сделан зимой 1970 г.)

заступничества Владыки. Я пообещал и, наклонившись к нему, хочу испросить благословения и ходатайства о близких, уже приложился к его деснице, но он вдруг берет меня за руку, глядит прямо в глаза и, в свою очередь, прикладывается к моей руке! Как ни был я смущен и ошеломлен, всё же понял, что он благодарит меня за крест, воздвигнутый в этом диком краю. Я прославил Честный и Животворящий Крест Господень на этой некогда языческой, кишащей бесами земле. Да пребудет здесь во веки Христос и да просветит народ сей!

А заглянув в календарь, увидел: сегодня праздник — воспоминание о небесном Знамении Честнаго и Животворящего Креста во граде Иерусалиме в 351 году, а также память преп. Нила Сорского, пустын-

ника Русского Севера. Я понимал, что все эти «совпадения» очень и очень значительны. День выдался погожим. Ясное голубое небо, ласковое солнце. Я поспешил посмотреть, что ж сталось с крестом, небось, опрокинул его ураганный ветер ночью. На удивление, он стоял, ровно и твердо. В тот день я ожидал Евгения, и мне очень хотелось, чтобы он воочию убедился — крест стоит вопреки всему!

Этим тихим теплым воскресным утром ждала меня в нашем пустынном уголке еще одна встреча. Помолившись и позавтракав, я пошёл прогуляться. Сердце мое было исполнено радости и надежды: всё у нас здесь образуется, и Господь благословит наше дело… Я дошел до «шепчущих сосен» (так теперь называется у нас это место), прославляя Бога псалмами. На обратном пути, приметив большой валун, подобрал, взвалил на плечо — пригодится, укреплю им основание креста. Шел я неспешно, размышляя о преп. Ниле Сорском, о том, как он выбрал совершенно уединенную жизнь. Вдруг где-то совсем рядом справа зашуршала листва. Я подумал, что вспугнул лань, и сейчас она пустится наутек. Но всё было тихо. Даже не взглянув, я сказал вслух: «Ну, что же ты не убегаешь, неужто не боишься?» И только тут посмотрел на склон. Посмотрел — и обмер: прямо передо мной, метрах в двух, стояла большая пума и в упор разглядывала меня. Взгляды наши встретились, мы оба стояли не шелохнувшись. До чего ж красивое существо! В сотни раз лучше, чем на картинках или в зоопарке. Воистину, царь зверей, властитель здешних мест, где собирался жить и я. Красивая темно-серая с лиловатым оттенком шерсть, небесно-голубые глаза! Пума стояла на склоне холма, выше меня, ей достало бы и доли секунды, чтобы прыгнуть. Однако она не двигалась, я — тоже. И что делать — ума не приложу. Думаю: если прыгнет, брошу в нее камнем. А вообще-то я даже был готов принять смерть от такого красавца-зверя, он здесь хозяин, я — незванный гость. Я начал молиться, дабы Господь вразумил тварь Свою и позволил бы мне уйти. Шагнул вперед, глядя в спокойные глаза пумы. Очевидно, я вызывал у нее любопытство. Скорее всего ей не доводилось видеть человека, хоть и созданного править зверями, но слабого и трусливого, боящегося малейшего шороха. Я прошептал пуме ласково: «Ну, пропусти же меня, я боюсь тебя! Я не сделаю зла! Мне лучше здесь жить с тобой, чем с людьми, которые меня обижают». Не знаю, почему мне пришли на ум эти слова. Я сделал еще шаг вперед, повернулся лицом к пуме и продолжал пятиться к дому. Пума не шелохнулась, лишь взглядом следила за мной. Я всё пятился и пятился, тоже не сводя глаз со зверя. Потом ускорил шаг, повернулся и побежал. Пума всё так же недвижно созерцала меня. Прибежав домой, я забрался в спальный мешок и возблагодарил Бога.

Никогда не забыть мне красоты этой Божьей твари: сколько благородства, спокойной уверенности, величия! Воистину прекрасны творения Господни! Крылся в этой встрече и некий тайный смысл, хотя то было не видение, а настоящая встреча с хищником. Страх сковал меня, Божьей волей столкнулся я лицом к лицу со смертью, и каким же потрясением это для меня оказалось. А ведь Он только чуть открыл мне, что такое настоящая пустынь. Теперь, вспоминая об удивительной красоте той Божьей твари, я благоговею перед Господом.

Вечером приехали Евгений и Филипп, а я вернулся в Сан-Франциско. Через неделю он возвратился. Мне не терпелось узнать, почувствовал ли он различие мечты о пустыни с действительностью, пришлась ли она ему по вкусу. Я же посетовал на то, как тяжело находиться в соборе, что, несмотря на мою любовь к богослужениям, меня влечет прочь, что этот церковный мир не по мне.

Мы вышли из лавки и отправились на побережье, где располагались богатые особняки. Мы нередко находили там отдохновение после многолюдия в соборе. Вечерело. Небо окрасилось лучами заката. Едва я начал рассказывать ему про крест, как Евгений перебил меня. Когда он с братом Филиппом приехал в Платину, сразу обнаружилось, что тому не по плечу пустынная жизнь. Работать Филипп не любил, несколько раз на дню ездил в город за пивом и после таких «прогулок» был уже не в состоянии что-либо делать. Вскоре он уехал совсем. Евгений остался один. Он выбрал участок под печатную мастерскую, свалил несколько деревьев, соорудил бревенчатый фундамент, укрепил бетонными плитами. Потом решил немного отдохнуть и помолиться. Вернувшись, хотел было взяться за работу, как в ужасе отпрыгнул: на том самом месте, где лежали бревна, оказалась огромная гремучая змея, — видно, человек вторгся в ее владения. Евгений испугался и растерялся, ведь такая встреча не сулила ничего хорошего. Но затем подумал: змея эта — символ темных сил, которые всячески мешают братии. Он схватил лопату — догадался привезти ее из Сан-Франциско, — помолился св. Георгию Победоносцу, поразившему змия, и одним махом расправился с гадиной. На этом месте выросла печатная мастерская, дабы нести всепобеждающее слово Божие всему англоязычному миру.

Тем же днем под вечер, окончательно вымотавшись, Евгений присел отдохнуть на складной стул. Дверь осталась приоткрытой. Вдруг он увидел на пороге архиеп. Иоанна в черном монашеском одеянии. Не понимая, сон это или явь, Евгений, нимало не удивившись, всё же решил заговорить с Владыкой, хотя отлично знал, что тот два года назад скончался. Евгений в те дни испытывал то же, что и я: ему

стало казаться, что вся затея с переездом в пустынь совершенно безнадежна. И он поторопился задать Архиепископу несколько вопросов:

1. Будете ли Вы с нами? — Блаженный кивнул.

2. Будет ли Глеб со мной? — Опять согласный кивок.

3. Будем ли мы жить в пустыни? — И снова «да».

4. Будет ли с нами кто-нибудь из настоящих помощников? — Владыка покачал головой.

И, наконец,

5. Останемся ли мы в Платине навсегда? — Опять «нет».

И видение исчезло. Но Евгений после этого исполнился уверенности и заключил: это — благословляющая десница Божия».

Задумчиво облокотясь на парапет набережной, Глеб спросил, как брат толкует это видение.

— В Платине нам придется еще труднее, чем в Сан-Франциско, — ответил Евгений.

— Да кто мы такие, чтоб браться за такое дело? — взмолился Глеб, боясь, что они не выдержат грядущих испытаний. — Мы же два идиота! Какой от меня толк! Я немощный грешник!

Евгений положил брату на плечо руку.

— Именно потому, что мы великие грешники, Господь и призывает нас на это дело. И всё у нас получится.

Эстер и Фрэнк Роузы на приходском собрании в церкви г. Кармела, незадолго до смерти Фрэнка.

47
Исход из мира

Блажен тот муж, кто большего не чает,
Чем отчий дом.
Кого сей дух родной земли питает
Весь век потом.

Пусть проживу я тихо и безвестно,
Пусть неоплаканный уйду.
Могильный камень не укажет места,
Где я покой найду.

Александр Поуп[1].

ДО КОНЦА своих дней отец Евгения поддерживал сына в стремлении к новой жизни. В 1967 году, выйдя из больницы после операции, он написал сыну: «Внимательно слежу за твоим развитием и радуюсь твоей деловой хватке и религиозному рвению. Верю: всё задуманное тобой сбудется. Твой путь в Православие надежен и прям». Не прошло и года, как в июле 1968-го он скоропостижно скончался.

В Кармеле добрейший Фрэнк всегда помогал соседям и братьям-прихожанам: кому ядовитый кустарник срубит, кому что из утвари починит. В день смерти он помогал соседу красить дом. За этим бескорыстным добрым делом его и настиг инфаркт. В последней записке сыну (на обороте письма Эстер) он завещал:

ЖЕНЯ!
ДЕРЖИСЬ НАМЕЧЕННОГО КУРСА.

Папа.

Эстер никак не могла смириться с тем, что не попрощалась с мужем, не сказала ему напоследок и слова. Евгений тотчас же прилетел к матери. Приехали и Эйлин с Франклином. Старший сын привел в порядок финансовые дела матери, но моральную поддержку в час скорби ей оказывал младший, „религиозный" сын. Присутствие Евгения очень помогло ей. И, как он признался в письме к Алисон, ему это было тоже очень важно. Прошлые раздоры забылись. Сейчас Эстер меньше всего думала о мирском преуспеянии, ей нужна была вера.

К ЛЕТУ Евгений и Глеб твердо решили переезжать в Платину. «С Божьей помощью жилище наше готово, можно селиться, — писал Глеб, — в печатной же мастерской пока нет ни стен, ни крыши, однако мы решили не тянуть с переездом.

К тому времени местное духовенство уже уважало нас. Архиеп. Антоний даже собирался навестить наш дом и мастерскую. Еп. Нектарий, которого архиеп. Иоанн просил не оставить нас своей заботой и который стал моим духовным отцом (стараниями о. Адриана), мечтал открыть свой монастырь и надеялся, что Евгений присоединится к нему. Он знал, что я противлюсь жизни монахов в миру. Отец Николай Домбровский из Аламеды частенько зазывал нас к себе на обед по воскресеньям, — видно, думал, что мы составим хорошую партию его дочерям Алле и Тамаре, очень славным девушкам. Впрочем, все понимали, что сердца наши стремились «неотмирным» *подвигом* послужить Богу. На переезд требовались деньги, а их не было, хотя мы уже издали несколько книг, да и подшивка «Православного Слова» за 1968 год была как никогда внушительной. Но Господь снова помог нам. Однажды, вернувшись с ранней литургии, Евгений показал мне десять стодолларовых банкнот. Утром к нему подошла одна набожная русская (она всегда покупала у нас ладан, ее так и прозвали «ладанной дамой») и сунула деньги, сказав, что они нам понадобятся и чтобы мы никому о них не говорили. Значит, Господь видел, что мы готовы к пу́стыни.

Принялись упаковывать вещи. Чтобы не привлекать внимания, мы по ночам перевозили ящики в заранее арендованный гараж. Забили его до потолка».

Владимир Андерсон вызвался присматривать за книжной лавкой после нашего отъезда. Он учительствовал в местности Уиллитс и обещал на выходные наведываться в Сан-Франциско. В будние дни в магазине должны были работать другие помощники. Хотя на переезд в пустынь братию благословили и о. Адриан, и архиеп. Аверкий, и старец Никодим с Афона, они всё же не решались сказать о переезде еп.

Евгений с сестрой Эйлин и братом Франклином в Кармеле. 1969 г.
Последнее посещение своих родных перед уходом из мира.

Нектарию, боясь, что он огорчится. И верно: узнав об их решении, он расстроился, попрекнул братию, дескать, они «плюнули ему в душу». Выслушав все доводы, он, конечно, понял их, но всё же ему было очень тяжело расставаться с мечтой о монастыре в Аламеде, где главную роль он отводил Евгению и Глебу.

Известили они и архиеп. Антония. Тот, по словам Евгения, «пока одобрял их решение».

В августе 1969 года братия наняли большой грузовик и погрузили всё свое оборудование. Глеб вспоминает: «Когда перетаскивали печатный станок, пришел о. Афанасий и посоветовал везти на катках. В первый раз я увидел, сколько любви у него во взгляде. Он глубоко почитал Владыку Иоанна и чуял, что тот незримо присутствует с нами. То же чувствовал и я.

Переезжали мы долго. Наконец, 14/27-го августа, в канун праздника Успения Богородицы мы, как думалось, в последний раз отправились в Платину на грузовике, намереваясь вернуться к вечерней службе и возвратить машину. Жара стояла неимоверная. Грузовик был огромен и неуклюж, не знаю, как Евгению удавалось так спокойно и сноровисто вести его. Чуть за полдень прибыли на место. Пришлось обрезать большие сучья и ветви, чтобы поставить грузовик у фундамента с настилом — полом нашей будущей печатной мастерской. Мы перекусили и принялись за работу. Управившись, мы буквально свалились с ног. Я заснул прямо на согретом солнцем настиле. И проспал не один час. Проснулся уже ночью. Вовсю светила луна, высыпали звезды. Ни звука, ни шороха — необыкновенная тишина. Даже птицы примолкли. Ночь ласкала теплом. Несказанное блаженство снизошло на меня. Наверное, вот так и в Раю, подумалось мне. Ни ветерка, однако воздух восхитительно свеж. Чуть застили луну легкие, почти прозрачные, быстрые облачка, лес стоял словно завороженный. Я босиком прошелся по нашей священной земле. Как приятно ступать по ней. Евгений крепко спал в доме, и я решил его не будить. Сейчас всё равно не поедем — опоздали и грузовик возвращать, и ко всенощной. Впрочем, чем здесь не всенощное бдение? И я принялся петь псалмы, слезы сами собой покатились из глаз. Не ведал я тогда, что пройдет не так уж много лет, и в такую же ночь на Успение я лишусь своего *сотаинника*, своего задушевного друга».

Утром братия выбрали красивое место, принесли книги и начали служить Успенскую заутреню. Вдруг из леса вышла лань и легла рядом, с любопытством оглядывая новых соседей, появившихся здесь с совсем иными целями, нежели их предшественники — охотники. Братия лишь изумленно переглянулись. Но самое удивительное ждало впереди:

Вид на запад с вершины кряжа Благородный. Осень 1977 г.

Вид на восток с вершины кряжа Благородный. Осень 1992 г.

дошли до места на утрени, когда все в храме встают — на Песни Пресвятой Богородице перед 9-ой песней канона — и лань встала! Кончилась песнь, и лань улеглась опять и не ушла до конца службы. «Как же близок Бог!» — подумалось братии.

Глеб пошел в дом, а Евгений остался еще помолиться в тиши и покое нового обиталища. Теплый ветерок бродил по высокой траве, шелестел в кронах деревьев неживыми листьями, и они шурша падали на землю.

Как выяснилось, горный кряж этот назывался Благородным — чем не подходящее место для человека с таким же именем (Евгений означает «благородный).

Глеб очень верно подметил отношение друга к этому месту: Евгений и впрямь считал, что здесь, подобно мертвому палому листу, он сможет умереть для мира. Душой он умер для мира давно, но лишь здесь он мог вкусить сладость этой смерти, оставаясь живым для того, что вечно. Как и смерть телесная, смерть для мира — тайна, и постичь ее могут лишь те, кто сам ее пережил. И Евгений навсегда останется тайной для тех, кто его знал. Но то, что непостижимо для людей, ведомо Господу, пред Которым предстал сейчас человек — Его творение, готовясь ко грядущему единению с Творцом. Евгений почитал себя недостойным избавления от мирской суеты, недостойным этой «земли обетованной». Насколько же тогда должен был он умалиться, думая об обещанной Богом вечной жизни! Осенний лес готовился к зимнему успению, чтобы восстать к жизни весной. И Евгений не мог сдержать слез благодарности: ведь Господь, как и в усыпающей природе, готовил его возрождение через смерть.

На том самом месте, где сидел тогда, обретет Евгений вечный покой. Здесь ожидает он всеобщего Воскресения.

ЧАСТЬ V

Городок старателей Гаррисонова Лощина. 90-е годы прошлого века.

Гаррисонова Лощина. Гостиница «Первопроходец». 90-е годы прошлого века.

48
На диком Западе

...Вы совершите служение Богу на этой горе.
Исх. 3:12.

ВО ВРЕМЕНА золотой лихорадки в калифорнийских горах, где сейчас братия устроили скит, кишмя кишели поселки старателей. В 40-50-е годы прошлого века тысячи золотоискателей (среди них немало китайцев) с семьями устремились на дикий Запад в городок Уивервилль, выросший как на дрожжах. Он располагался в 20-ти милях от облюбованной братией горы. От Уивервилля пути старателей расходились, в 70-е годы добрались и до Благородного кряжа. Золота там не нашли, зато обнаружили металл куда более ценный — платину. Отсюда и пошло название соседнего поселка. Чтобы кормить добытчиков, скотоводы гнали через горы целые стада, так в честь одного ковбоя — Дона Ноубла («Благородного») — и был назван кряж.

В 1893 году в речушке Гаррисонова Лощина (в 4-х милях от теперешнего скита) нашли золото. Словно по волшебству вырос одноименный городок, с церквями, двумя школами, несколькими пивными, почтой с двумя дилижансами, возившими ежедневно письма, посылки и припасы для старателей. За 10 лет добыли почти 450 тонн золота. В этих краях небезызвестному семейству Херст и удалось сколотить капитал.

Но миновали дни «золотой лихорадки», опустела Гаррисонова Лощина, деревушка Платина захирела. В полумиле от нее при дороге вырос одноименный поселок. А в горах и по сей день сохранились обветшалые лачуги первых поселенцев, остатки рудников. Их обнаружили Евгений с Глебом недалеко от скита, вдоль тропы, протоптанной животными.

Задолго до белых поселенцев в этих горах жили индейцы, но в XIX веке их согнали с насиженных мест. В 1852 году в 15-ти милях от нынешнего скита белые безжалостно вырезали целое индейское поселение племени Уинтун, около ста человек мужчин, женщин и детей.

1-го апреля 1971 года Евгению удалось познакомиться с потомком былых обитателей этих мест. Глеб вспоминает: «Однажды Евгений отправился в город за досками — в ту пору нам необходимо было расширить печатную мастерскую, дабы нести слово Божие ближним. На обратном пути он заглянул в Платину, на почту. Там у окошечка стоял высокий мужчина лет сорока, с красивым суровым лицом, умными глазами. В чертах угадывалось нечто восточное. Не глядя на Евгения, он медленно, нарочито четко и правильно выговаривая слова, спросил:

— Зачем вам целый грузовик досок?

Евгений объяснил: дескать, для строительства мастерской.

— Эта земля принадлежит нам, и строить на ней ничего нельзя, — произнес незнакомец, — если вы надругаетесь над нашей землей, мы вас прогоним.

Евгений смекнул, с кем имеет дело, и ответил:

— Мы — дети Божьи. И строим дом во имя Его.

Мужчина несколько умягчился и сменил тон:

— Что ж, тогда удачи вам, а вообще-то мне не по душе всё, что здесь творится.

Евгений поинтересовался, не из индейцев ли, некогда живших здесь, его собеседник. Оказалось, что он происходит из племени Уинтун, и его предки жили окрест с незапамятных времен. И сейчас он готов сделать всё, только бы остановить белых. Вернувшись в скит, Евгений рассказал о знаменательной встрече: не иначе, грядут тяжелые времена. Но потом сам улыбнулся: «А разве мы здесь трудимся не во благо тех же индейцев?»

Конечно же, Православие, принесенное преп. Германом коренному населению Аляски, должно стать достоянием и исконных жителей на юге страны. И когда Евгений говорил о приобщении к слову Божьему наших ближних, мне всегда вспоминалась его встреча с потомком того благородного народа».

Одной из самых любимых книг Евгения была «Иши в двух мирах: биография свободного индейца в Северной Америке». Иши — последний из племени Яхи, обитавшего в горах милях в 80-ти от Платины, около горы Лассен. Евгений часто заговаривал о судьбе Иши, а впоследствии обязывал каждого послушника прочитать эту книгу.

Простодушный, близкий к природе Иши напоминал ему Лао Цзы в древнем Китае. Доктор Сакстон Поуп, близко знавший Иши в конце его жизни, писал об индейце так: «У Иши душа младенца, а разум философа»[1].

Евгений нередко отправлялся на поиски наконечников стрел или остатков утвари живших здесь некогда людей. Пребывание белого не запечатлелось на этой земле, нога его, может, вообще не ступала по склонам горы, потому-то Евгению и хотелось отыскать следы индейцев.

ПРОЗНАЛ он и об отшельнике, белом человеке. Тот 40 лет жил в лесу в нескольких милях от скита, на берегу горной речушки, впадавшей в реку Орлиную. По свидетельству очевидцев, отшельник научился разговаривать с птицами, подражая их голосам. И птицы слетались по его зову «на беседу». Мяса он не ел. Жил покойно и тихо — не выносил шума, поясняли знавшие его. Жилище его отстояло от дорог и добраться до него было весьма трудно. Без проводника не найти. Не раз Евгений сговаривался со знавшими дорогу навестить отшельника, но, видно, не судьба. Хотя вспоминал об этом «птичьем друге» частенько, видно, угадав в нем родственную душу.

ВСКОРОСТИ после переезда в Платину братия получили еще одно знамение, что дело их угодно Богу, что их миссия на дальних рубежах нужна.

Как-то раз, возвращаясь с почты с кипой «Православного Слова», Евгений повстречал старушку, и та полюбопытствовала, что он несет. «Мы печатаем православное слово Божие», — ответил он и показал ей журналы. Она удивилась: разве в этакой глубинке можно печатать журнал? «А у нас в горах монастырь и там же печатный станок», — пояснил Евгений. Анна (так звали старушку) удивилась еще больше и тотчас вызвалась посмотреть, как живут и работают братия. Евгений повел старушку с дочерью и еще одной родственницей в скит. Переступив порог печатной мастерской, Анна заметила за станком Глеба и воскликнула: «Всё в точности, как привиделось Джорджу во сне!» Джордж — муж ее дочери Сюзанны — владел небольшой фермой неподалеку, к северо-западу от скита. Он исповедовал взгляды адвентистов седьмого дня и некогда жил в долине Сан-Хоакин. Движимый предчувствием близкого конца света, он вознамерился купить землю в глуши Северной Калифорнии, где можно жить просто, в согласии с природой, печатать

журнал, в котором изобличалось бы вероотступничество и напоминалось бы о расплате за презрение пути Божьего. Он уже скопил деньги, подыскал участок недалеко от Платины, но вдруг ему привиделся сон: двое одетых в черное мужчин печатают что-то на старинном станке — словно вернулись времена Мартина Лютера. И послышался голос: «Там, куда ты собираешься, уже печатается слово Божие».

И Джордж едва не отказался от своего замысла. Решил порасспросить местных, нет ли окрест типографии, но никто ему не указал. Тогда он всё же решился и переехал в Платину.

Анна же, увидев воочию скит, приснившийся зятю, рассудила: «Что ж, значит и впрямь слово Божие». Позже братию навестил и сам Джордж и подтвердил рассказанное свекровью. Православное Братство в Платине явилось для него откровением. Увидев в Евгении и Глебе истинно Божьих угодников, он подружился с ними на всю жизнь.

49

На дальних рубежах

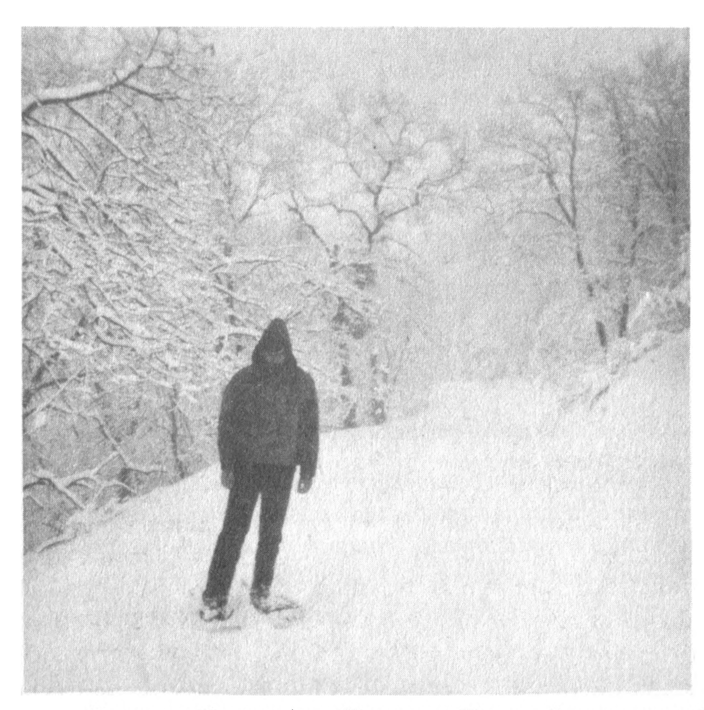
Не ради покоя и благоденствия обосновались мы здесь, дорогие братия, а ради борьбы, ради брани суровой... Мы собрались в этой тихой обители духа, дабы неустанно изо дня в день сокрушать наши страсти.

Св. Фавст Леринский.

ПЕРВЫЕ ГОДЫ в скиту дались братии особенно трудно. Удалось построить лишь две клетушки: в одной они спали, трапезничали, молились, в другой держали всё печатное оборудование. Зимой бывало отчаянно холодно. Поначалу отапливалась лишь мастерская, потом купили крохотную плиту, на которой готовили. Но тепла она почти не давала, холод проникал сквозь щели в стене. Летом же наоборот — гора дышала сухим, испепеляющим зноем.

Всё приходилось завозить на грузовике, даже воду, т. к. на склонах не было ни ручейка, ни ключа. Спускаться и подниматься на гору оказывалось делом непростым. Зимой снегом заносило дорогу, и в город было не попасть. По весне дорога раскисала — грузовик увязал в грязи. Но даже когда, казалось, ничто не препятствовало, братии не всегда удавались поездки — подводила машина, ведь приходилось довольствоваться лишь старыми изношенными грузовиками, и те не выдерживали тяжких подъемов и опасных спусков. Тогда братии приходилось две мили шагать до Платины и нести воду оттуда. Братия приучились мыть посуду, экономя каждую каплю.

Разумеется, не было ни канализации, ни освещения, печатный станок работал от небольшого движка. В быту братия обходились без электричества, как и замышлял Евгений, — они жгли свечи и керосиновые лампы.

Евгений на снегоступах по дороге к скиту. 1969 г.

В краткой летописи Братства Евгений отметил: «На земле, подаренной нам чудесным образом Владыкой Иоанном, даже лишения и тяготы оборачивались во благо, помогали держаться строгой духовной жизни: без телефона и электричества легче отгородиться от суетного мира; без водопровода и прочих городских «удобств» легче настроиться на подвижнический лад, что при «благах цивилизации» почти невозможно; трудности «первобытной жизни», особенно зимой, лишь укрепляют упование на Бога, закаляют братию. Снежные завалы зимой (хотя и нечастые) служили хорошим уроком братии: нельзя полагаться на собственные силы. Лишь в подобные минуты испытаний и можно постичь истинный «вкус» пустынной жизни, этой непрестанной брани подвижников прошлого».

Борьба за выживание отнимала почти всё время, а ведь приходилось еще много печатать — это был единственный источник дохода. В 1971 году Евгений писал: «Все наши силы, как физические, так и умственные, служат лишь одному — печатанию на станке, не менее изнурительному, чем колка дров. Переводить и писать самим удается урывками, в минуты отдыха от типографских работ. Я не жалуюсь, как знать, может, именно в этом путь ко спасению!»

Богослужения задавали тон каждому дню. Трижды (по монастырскому уставу) собирались на молитву — в этом, как ни в чём другом,

могли они уподобиться древним; столь любимым пустынникам, о которых так много читано.

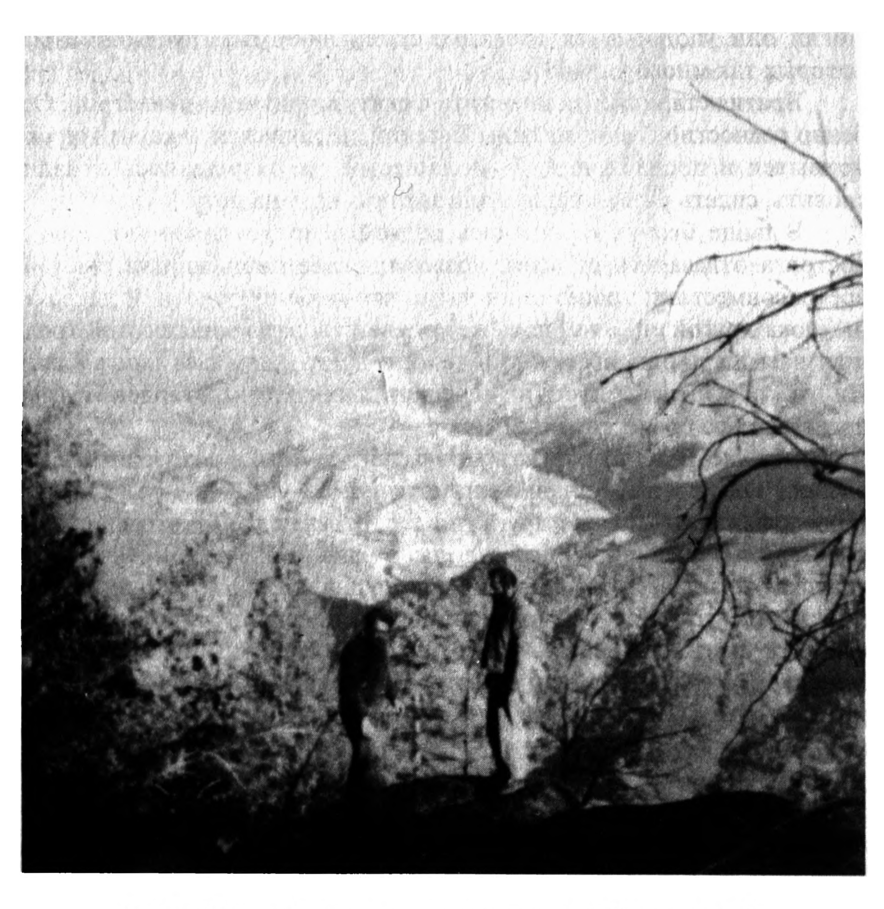
Братия старались поддержать в скиту молитвенный настрой. Особенно ревностно следил за этим Евгений, не допуская никаких мирских привычек и послаблений. В монашестве не разрешалось празднословить, сидеть развалившись или закинув ногу на ногу.

В пище братия отличались редкой неприхотливостью. Еще до пострига отказались от мяса, позволяли себе лишь иногда рыбу. Во время совместных трапез один читал что-либо из духовной литературы, пока другой ел. Это опять же соответствовало монашеской традиции: насыщать одновременно и тело, и душу. Читались книги Сергея Нилуса об Оптиной пустыни или жития оптинских старцев (русских изданий было предостаточно).

Обычно Евгений слушал молча, читая, также воздерживался от оценок. Однако, всё узнанное наматывал на ус. Иной раз Глебу не терпелось узнать мнение друга, но тот отвечал лишь, что книги рассказывают о жизни, какой она должна быть и была, это сейчас христианская жизнь всем в диковинку. Глеб удивлялся: Евгений никогда не выискивал что-то необыкновенное, вроде видений, откровений, явлений Божественного света — всего, что так пленяло самого Глеба. В душе же Евгения он не нашел на это отклик. Тот говорил, что и без зримых чудес всё достаточно ясно.

УСТРАИВАЯ скит, братия преследовали более чем скромные цели. Они не помышляли о большом, известном и «прославленном» монастыре, сама суровая жизнь воспрепятствовала этому. Братия намеренно не опубликовали ни строчки о ските. Поначалу они не были ни монахами, ни тем более священниками, посему и не пытались играть роль духовных наставников.

Но нужен ли постриг, чтобы почувствовать все тяготы и радости монашеской жизни? Они не тешили себя надеждой, что, удалившись от мира, разом отринут все мирские искушения. Из святоотеческой литературы они знали: пока живы мирские впечатления, страсти не отпустят и в пустыни. На своем опыте убедились: воспоминания о мире усилились, стали докучать пуще прежнего с тех пор, как братия удалились от людей. В мирской жизни впечатления быстротекущи, одни сменяются другими, а в тиши скита всё запечатленное ранее в памяти оживает и давит сто крат сильнее. Порою помысел делается невыразимо приятнее и соблазняет куда сильнее реальности.

Глеб и Евгений на восточном склоне кряжа Благородный
у Сколотого камня. 1969 г.

Глеб вспоминает: «Наш первый год в пустыни оказался совсем не таким, как мы ожидали. Несказанный покой вокруг в природе лишь подчеркивал суету, царящую в наших душах. На белой скатерти каждая складка приметна, так и в нашей новой жизни всякая мелочь, привнесенная из мира, бросается в глаза на фоне тишины и покоя».

В святоотеческих писаниях указано, что подвижников гнали из пу́стыни не столько козни дьявола, сколько собственный страх, дьяволом разжигаемый. Глеб заметил, что главным недостатком Евгения было малодушие — он быстро уступал разочарованию и унынию. Цепкий ум Евгения без труда «схватывал» все истинные, в том числе и грядущие невзгоды и заботы. И зачастую они, казалось, перечеркивали его самые заветные замыслы, так что опускались руки перед «морем бед». В такие минуты он говаривал, что «ничего не получится», и Глебу приходилось увещевать друга, а то и выговаривать ему.

Сам он тоже полнился страхами, но иного толка, порожденными типично русской неуверенностью в себе*. Его страшили не трудности, а собственная неспособность справиться с ними. Его приходилось всё время подбадривать, утешать, выслушивая сетования, — эта роль выпала Евгению на долгие годы. Он успокаивал, вразумлял брата, оставаясь невозмутимым.

— Неужто тебе меня не жалко! — сокрушался Глеб.

— Ни капли, — отвечал Евгений, — ты счастливейший человек на свете!

Самым тяжким испытанием, выпавшим братии в первые годы скита, явилось издание журнала — в лесу, в первобытных условиях. Мало того, что печать сама по себе — нелегкий труд, братии нередко доставалось и похлеще: сломается в дороге машина, груженная бумагой или типографской утварью, — и приходилось на руках втаскивать в гору тяжеленные свинцовые шпоны и ящики с металлическими литерами.

Работа с печатным станком требовала от братии безграничного терпения. Случись сломать или вывихнуть палец, и увечье останется на всю жизнь. Но стоило Глебу завести привычные сетования, как Евгений сразу же обрывал друга: «Ты что, хочешь вернуться в мир? Да?» или: «Хочешь воздаяния сейчас или на Небе?» На что Глеб отвечал: «Ко-

* Эта черта русского характера уходит корнями ко временам реформ Петра Первого, пытавшегося «озападнить» русскую жизнь, что привило русским чувство стыда за собственную культуру.

нечно, на Небе. Но нельзя ли получить хоть малую толику сейчас?» Евгений лишь качал головой: «Выбирай — сейчас или потóм».

Небесные знамения являлись братии нечасто и нежданно, но всегда в решающую минуту. Наглядный пример — случай с линотипом (братия купили его в 1970 году). Конечно, по сравнению с набором вручную работа упростилась, но и линотип порой «капризничал», к тому же для него требовался электродвижок и пропан. Однажды, когда Евгений набирал на линотипе (работать приходилось с раскаленным на газе свинцом), сломался движок. Несколько часов ушло на починку, но к тому времени остыл свинец. Когда всё снова было готово к работе, отказал линотип! Такой оборот уже не удивлял, братия привыкли тратить больше времени на наладку техники, нежели на самое печать. Но в тот раз терпение у Евгения лопнуло.

— Хватит с меня! Сколько часов ковырялся, и всё без толку! — взвился он.

— Это козни дьявола, — ответил Глеб, — он зол на нас, вот и пытается досадить. Принеси-ка святой воды.

Братия сняли со стены деревянный крест, окропили станки и стены святой водой. И вдруг и линотип, и электрический движок, даже печатный пресс заработали сами собой!

В другой раз у братии сломался грузовик — ни вперед, ни назад. «Мы возблагодарили Бога, — вспоминал позже Евгений, — и принялись таскать в ведрах воду для скита (неподалеку обнаружили источник). Стали ходить в магазин, на почту и за бензином пешком. Очень трудно, зато очень полезно! Потом в разгар печатания очередного номера «Православного слова» отказал движок. Свое отчаяние я излил Глебу: «А вдруг всё, что мы затеяли, неправильно?!» Но не прошло и дня, как из Сан-Франциско приехал дьякон с двумя механиками (хотя и слыхом не слыхивал о нашем бедственном положении), они подлатали наш грузовик, перегнали его в город для настоящего ремонта, а нам оставили свой, на нем мы отвезли в починку движок и только что напечатанные копии журнала для рассылки».

Случалось, Господь уберегал братий и от серьезных увечий. Вот случай, описанный молодым русским священником — очевидцем (хотя себя он и упоминает в третьем лице):

«Однажды, взбираясь на гору, Евгений упал и покатился по склону, мимо Глеба и его спутника. Ударившись спиной о валун, Евгений исчез в кустах — никто и глазом моргнуть не успел. Не иначе, покалечился Евгений, руки-ноги поломал. Однако он преспокойно вышел из кустов, объяснив спасение свое заступничеством преп. Германа Аляскинского. Все трое пропели тропарь блаж. Герману и пошли дальше!»[1]

Евгений у монастырского грузовика. Позади виднеется печатная мастерская.

Братия познали истинную цену своим огорчениям, испытаниям, искушениям. Евгений сказал однажды: «Святые Отцы учат, что во всём надо видеть полезное для нашего спасения. Научимся — спасемся!»

Взять хотя бы самый «бытовой» пример: сломался печатный станок. Пока он работал, стоишь и сердце радуется: странички все аккуратные, чистые, красивые. И уже пленяют мечты: увеличится тираж, журнал будут читать во всех странах. А тут, глядишь, станок и «забарахлил»: «жует» и «выплевывает» страницы как попало. Они слипаются, рвутся. И мечты о большом тираже тают на глазах, даже немногие дополнительные экземпляры уничтожены, станок сделался орудием пыток. И собираешь все силы, прибегаешь к Иисусовой молитве, чтобы успокоиться и наладить станок. И хотя эта работа радости и удовольствия не приносит (не то, что 5 минут назад, когда любовался красивыми страничками), она очень полезна для духовного роста, помогает сосредоточиться и повести борьбу. Но стоит поддаться настроению, захочется разнести станок в пух и прах — и битва проиграна. Не в том победа, чтобы побольше журналов напечатать, а в том, над чем трудится душа. Прекрасно, если, спасая себя, душа сумеет спасти и

других. Но если, спасая печатным словом души ближних, губишь свою — это уже скверно».

Подобные слова он высказывал в отношении одного монаха, получив от него письмо. Тот, имея большое состояние, возмечтал о «миссионерской деятельности». «Он отчаянно нуждается в помощи, — писал Евгений, — и готов заплатить любые деньги, чтобы выписать себе духовного наставника, хоть из Европы.... По правде говоря, мы уже потеряли всякую надежду на успех его поиска. Вывод из всего этого один: чтобы труд на ниве Православия дал плоды, нужно избирать узкую, почти непроходимую тропу, с молитвой, слезами и пóтом прокладывать себе путь. Когда слишком много свободы, денег, выбора и замыслов — всё легко пустить по ветру.

Так нам ли не благодарить Господа за все тяготы и испытания — лишь в этом наша надежда!»[2]

В ПЕРВЫЕ годы отшельническую жизнь братий в молитве и трудах почти никто не нарушал. Изредка наведывались их знакомцы, знавшие о ските. Одним из первых навестил их архиеп. Антоний, но, видно, так и не понял, зачем братия сокрылись в горах. Глеб настоятельно просил Евгения растолковать всё Владыке, чтобы тот понял и чаяния американской души.

Наезжал и еп. Нектарий. С ним всё было иначе: братия видели в нем единомышленника, его присутствие помогало им выстоять, выдержать все напасти и искушения.

Глеб вспоминает:

«Всякий раз, завидя Владыку Нектария, мы, словно дети, ожидающие гостинцев, с радостью бросались к воротам, звонили в колокола — как и положено встречать архиерея. К безграничному уважению примешивалась радость «живого» общения. Владыка служил молебен, благословлял нас и в заключение произносил краткое назидание, не забывая посетовать на свое слабое здоровье, на церковную жизнь и на обстановку в мире. Слово его порождалось не архиерейским самомнением, но святоотеческим смиренномудрием. Поэтому так западал нам в душу его духовный опыт, столь необходимый всем нашим современникам.

Еп. Нектарий вспоминал Святую Русь, Оптину пустынь, встречи со старцами, коим вскорости суждено было стать новомучениками. Вспоминал он и много забавного, созвучного и нашим дням. Умел подшутить и над собой. Многое из рассказанного свидетельствовало о глубокой наблюдательности, в том мне виделось влияние о. Адриана. Доводилось нам слышать и немало трогательных историй, нередко и у

рассказчика, и у слушателей глаза были на мокром месте. Владыка не задавался целью разжалобить нас, просто он, как обычный, наделенный чувствами человек, любил жизнь и ценил свободу. Конечно, грустно было ему наблюдать людскую суету, но устремляясь к горнему, он умел сочувствовать и разделять чужую боль.

Выслушивая исповедь, он опять уподоблялся о. Адриану, может, не был так проницателен и точен в выявлении греха, но в сострадании к кающемуся он, пожалуй, даже превосходил своего наставника.

Он не оставался ночевать в скиту (не позволяло здоровье) и нередко приезжал опять поутру, к богослужению. Всякий раз, прощаясь с Владыкой, души братий скорбели — так разлучаются любящие друг друга люди. И когда, согласно иерусалимскому типикону, колокола возвещали об отъезде еп. Нектария, когда он из окошка машины осенял братий крестным знамением, они чувствовали себя осиротевшими. Но полнились они и другим чувством — довольством от вкушения чудесной духовной пищи — этакий праздничный обед с десертом! У нас сразу прибывало сил для грядущей борьбы с суровой действительностью, теплело на душе, прояснялся мысленный взор: не напрасны, не бессмысленны все наши страдания».

50

По стопам преподобного Паисия

Как хорошо и как приятно жить братьям вместе!
Пс. 132:1.

Хотя, как говорил Евгений, они и были «духовными первопроходцами» в современной Америке, братия сознавали, что они не одиноки, что затея их отнюдь не нова, она проверена многовековым опытом. Конечно, братия понимали, что полностью воспроизвести жизненный уклад великих православных отшельников им не удастся. Но читая о них, обращая к ним молитвы, хотя бы в малом разделяя их *подвиг*, братия непостижимым путем приобщались жизни этих святых угодников, черпали силы для своей брани. Да, они начинали битву, в которой их великие предшественники уже победили.

Говоря словами Глеба: «Старцы святые были путеводными огоньками во мраке нашего малодушия и соблазнов, их свет помогал маленькому скиту не сбиться с пути».

Живя в пустыни, братия чувствовали духовное родство с русскими подвижниками XVIII-XX веков. Евгений и Глеб продолжали их традиции, восходившие к преп. Паисию Величковскому (†1794)*, он возродил на Руси святость. В XVIII веке православное монашество держалось главным образом внешних форм подвижничества, а «умное делание», таинственная жизнь в Боге, т. е. суть святоотеческого учения, была забыта. Юношей отправился Паисий на Афон, дабы воскресить это учение, и после долгих поисков обнаружил бесценные рукописи, о

* Русская Православная Церковь прославила этого святого в 1988 году.

которых не ведали даже тамошние монахи. Всю жизнь Паисий посвятил переписке, переводу и распространению этих текстов, собрание коих под названием «Добротолюбие» было позднее издано на различных языках.

Старец Паисий оставил миру бесценное духовное наследие, указал путь монашеству, во многом повлиял на течение православной жизни. Ученики его понесли в народ дотоле доступные лишь немногим святоотеческие традиции, всколыхнули монашескую жизнь. Сколько святых с той поры подарили Румыния, Россия, Афон! В России возродился Валаамский монастырь, преп. Герман Аляскинский был в духовном родстве со старцем Паисием*. Да и Оптина пустынь не достигла бы своего величия и славы, не будь ее старцы непосредственно вдохновлены учениками преп. Паисия Величковского.

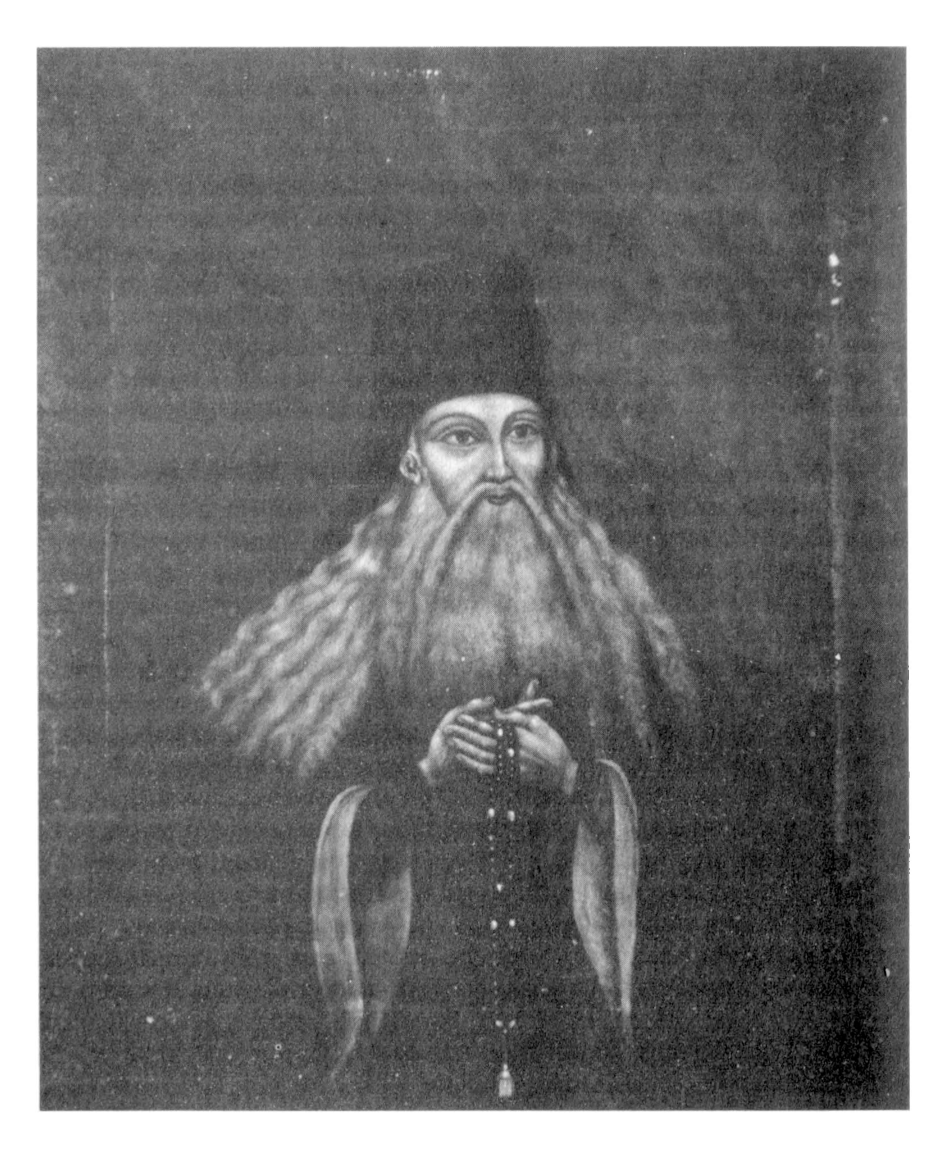
Самым важным для Глеба и Евгения являлось то, что их собственные духовные наставники — о. Адриан, о. Герасим, Иван и Елена Концевичи, о. Митрофан, еп. Нектарий — донесли традиции старца Паисия до наших дней. «Невзирая на мои слабости и промахи, — писал Глеб, — я взращен моими любимыми учителями по образу, начертанному преп. Паисием».

Евгений необычайно воодушевлялся, когда во время трапезы читались житие или писания преп. Паисия, видно, чувствовал, что их призвания с этим святым схожи: оба неистово искали Истину, а найдя, положили всю жизнь, чтобы донести ее до других людей. Евгений написал однажды, что «жизнь преп. Паисия особенно важна нам еще и потому, что почти в наши дни нашелся человек, живший по древним святоотеческим заповедям... Это жизнь Святого в теперешние времена. Духовность той поры мало отличалась от нынешней: искушения, выпавшие ему, во многом знакомы и нам; вопросами, которые мучают нас, задавался и он, более того, он ответил на них». Борьба преп. Паисия на стезе монашества была понятна и близка Евгению: многое из этого он познал на своем опыте. А высокое духовное трезвение и сердцем выстраданное покаяние великого старца стали для Евгения образцом в его христианском служении.

Евгений утверждал, что «для православных христиан XX века преп. Паисий Величковский — важнейшая фигура в современном святоотечестве. Не только по святости жития, не только потому, что он, как и св. Григорий Палама, отстаивал важность непрерывного творения Иисусовой молитвы, и даже не потому, что ученики его способствовали

---

* Любопытно: преп. Герман скончался в тот же день, что и преп. Паисий (15/28-го ноября), только 42-мя годами позже.

Портрет преп. Паисия Величковского в парадной гостиной
скита Ильи Пророка, основанного им на Афоне.

расцвету монашества в XIX веке (самый яркий пример тому — оптинские старцы). А потому, что сумел обратить взгляды православных к *истокам* Святого Православия, что суть основа духовной жизни, как в прошлом, так и в настоящем, как для монахов, так и для мирян»[1].

Истоки эти — Священное Писание и учение святых Отцов — питали Евгения с Глебом, уберегали от многих духовных бед, подстерегающих пустынножителей: от козней дьявола до греховности своего падшего естества. За выживание духовное приходилось бороться не меньше, чем за физическое. Старец Паисий наставлял свою монастырскую братию:

«Егда же удалитеся от внимания и чтения отеческих книг, то ниспадете от мира Христова и внидет в вас мятеж, молва и неустроение, душевное смущение, колебание и безнадежие, друг же на друга роптание и осуждение: и за умножение сих изсякнет любы многих, паче же мало и не всех: и аще сия тако будут, разоритися имать вскоре и собор сей, первее душевне, по времени же и телесне»[2].

Еще до ухода в пустынь братия избрали житие и учение преп. Паисия своим духовным руководством. Сама идея скита с двумя-тремя братьями, живущими едино, подсказана была опытом великого старца.

В юности живя на Афоне, Паисий несколько времени жил отшельником. Однако же навестивший его старец схимонах Василий из румынского скита Пойана Мэрул отсоветовал юноше до поры отшельничество. Он поведал:

«Всё монашеское жительство разделяется на три вида: первый — община, второй именуется царским или средним путем, когда, поселившись вдвоем или втроем, имеют общее имущество, общую пищу и одежду, общий труд и рукоделие, общую заботу о средствах к существованию и, отвергая во всём свою волю, повинуются друг другу в страхе Божием и любви. Третий вид — уединенное отшельничество, пригодное только для совершенных и святых мужей...

Лучше живя вместе с братом познавать свою немощь и свою меру, каяться и молиться перед Господом и очищаться вседневною благодатию Христовой, нежели, нося в себе тщеславие и самомнение с лукавством, прикрывать их и питать уединенным жительством, которого и следа, по слову преп. Иоанна Лествичника, им нельзя видеть вследствие их страстности. И великий Варсонофий говорит, что преждевременное безмолвие является причиною высокоумия»[3].

Средний, или «царский», путь называется еще скитской формой монашества. Такое ярмо, писал преп. Паисий, не столь тяжело, но смиряет более, чем жизнь анахоретом или большой монастырь:

«Царским же путем ходити советует св. Василий Великий: сиречь, со единем или двема имети пребывание; понеже таковое житие удобнейшее есть многим, яко не толико великаго терпения, якоже во общежительстве требующее, но есть мало отраднейшее. Еже бо повинутися во всем единому своему отцу или с ним живущему брату, не толико есть чудно, и меньше терпения треба»[4].

Выслушав румынского старца, Паисий признал, что ему и впрямь лучше выбрать «царский» путь. По Божьему промыслу он получил такую возможность, встретившись с молодым монахом Виссарионом. Как и Паисий, тот пришел на Афон в поисках духовного наставника, но не преуспел в этом. Встретив Паисия и побеседовав с ним о духовном, Виссарион задумался: «Что прочее ищу?» Житие преп. Паисия так описывает эту сцену:

«Виссарион паде Паисию на нозе со слезами, и моляше отца, да приимет его в послушание: Старец же ниже слышати хотяше, да будет кому начальник, сам бо под началом быти хотяше. Той же прилежнее припадая со многими слезами, три дни неотходне моляще прияти его. Отец же видя таковое брата смирение и слезы, умилися и приклонися прияти его, не во ученика, но в друга, еже жити средним путем в двоих, и ему же Бог дарует более разумети во Святом Писании, друг другу открывати волю Божию, и подвизати на делание заповедей Божиих, и на всякое благое: отсецати же друг пред другом волю свою и разсуждение, и послушати друг друга во благое, душу едину и предложение едино имети, и вся к состоянию живота своего имети обща»[5].

Сам же Паисий так рассказывает о том, как выбрал «царский» путь и в чём его суть:

«Не обретши же, за многия благословные вины, где бы повинутися, умыслих царским путем житие свое проходити, со единым единомысленным и единодушным братом: вместо же отца, Бога имети себе наставника, и учение святых Отец, и повинутися друг другу, и послужити: душу едину и сердце едино имети, и всё к состоянию своего живота имети обща, ведяща сей путь монашества свидетельствуем святыми Отцами от Священнаго Писания.

Таковому же моему брату предложению Богу поспешившу, прииде на Святую гору, мне во всем единомыслен брат… и начат жити со мною единодушно. И тако, благодатию Христовою, отчасти душа моя обрете некую ограду и многожеланный покой, сподоблшуся и мне окаянному, поне след некий видети пользы святаго послушания, еже

друг ко другу имехом чрез отсечение наших волей, вместо отца и наставника имуще учение святых Отец ваших и повинующеся друг другу в любви Божией»[6].

В этом коренилось правило, введенное Евгением и Глебом с первых лет в скиту, — «взаимное послушание». Вместо послушания богоносному старцу, они подчинялись друг другу, внимая учению святых Отцов, отсекая свою волю и мнение перед лицом брата. В скиту, в отличие от жизни мирской, они испрашивали благословения друг у друга на любое дело. Это помогало не только отсекать своеволие, но и сохранять главное условие монастырской жизни — единение душ.

До переезда в Платину братия приобщились еще одного древнего монашеского принципа — откровения помыслов. Как некогда Паисий с Виссарионом, так и Евгений с Глебом в отсутствии духовного отца поверяли друг другу смущающие их помыслы. Их объединяло одно дело, одни заботы, и исповедуясь друг другу, они тем самым поддерживали единодушие. Для иных людей, не достигших духовного родства, такое правило лишь во вред: могут родиться греховные, осудительные помыслы. Посему рекомендовать его всем не стоит.

В 1970-м или 1971-м году Евгений написал Устав Братства, из коего видно, что в основу положены заветы преп. Паисия:

«Цели Братства преп. Германа Аляскинского, основанного по благословению блаженной памяти архиеп. Иоанна (Максимовича):

1. В монашеской жизни как можно более соответствовать традициям и духу православных пустынножителей всех времен, в особенности недавних: пустынников Северной Фиваиды, оптинских и валаамских старцев, обитателей скитов и пустыней Сарова, Санаксара и Брянска, равно и прочих родственных им по духу. Подобно им бежать мира и всего мирского; жить во взаимном послушании, в лишениях, отрекаясь от своей воли, поддерживая друг друга на узком пути ко спасению; изначально не ставить жизнь Братства в зависимость от какой-либо организации или лица извне (согласно завету преп. Паисия Величковского), но общим советом находиться в послушании старшего из братии; следовать лучшим традициям Русской Православной Церкви, особенно тем, которые передал архиеп. Иоанн (Максимович).

2. Постоянно напитываться духовно житиями святых Отцов Православной Церкви, донесенных преп. Паисием и оптинскими старцами; переводить их на английский, вразумляться ими и применять их мудрость в своей жизни.

3. Распространять святоотеческое православное учение среди всех жаждущих, главным образом с помощью печатного слова; подвигать людей на то, чтобы строили на этом учении свою христианскую жизнь».

Каждый пункт Устава отражал житие преп. Паисия: старец не только учил взаимному послушанию и изучению святоотеческих книг, но и сам позже распространял учение святых Отцов, печатая книги у себя в монастыре.

Пример монастырской духовной жизни преп. Паисия нашел много последователей за два века: не счесть святых во всяком православном краю. И на американской земле возрос преп. Герман Аляскинский, так почему же, задавались вопросом братия, не расцвести святости в Америке? Конечно, имя преп. Паисия неизвестно подавляющему большинству американцев (в том числе и православных), и братии выпало «пахать новину» дикого Запада в Платинской пу́стыни, дабы заронить семена мудрости преп. Паисия для грядущих поколений.

51
Природа

Каждому цветику, каждой былинке Великий Художник указал, где расти! Сколь удивителен мир Божий, природа, сотворенная Им.

Архим. Герасим (Шмальц)[1].

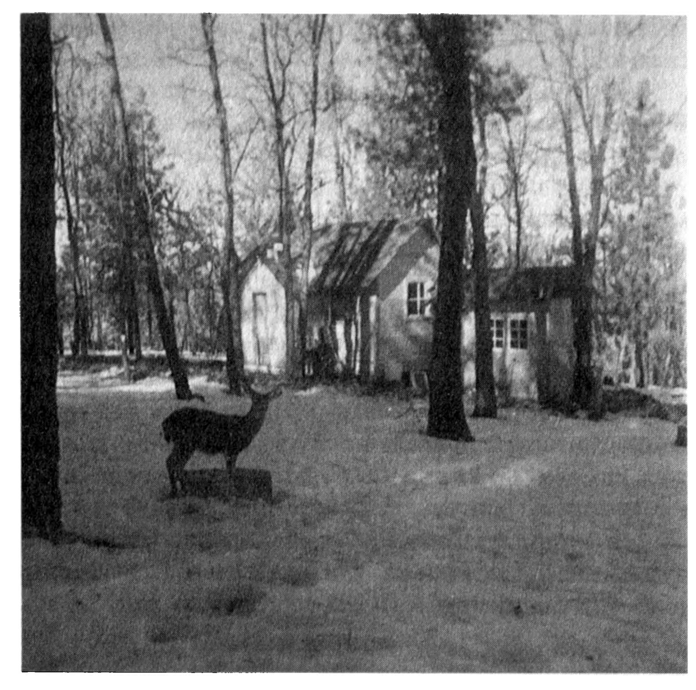
«Можно ли передать чувства человека, внезапно осознавшего, что владеет миром, что вся великолепная и многоликая природа — его вотчина, его наследство, его достояние, и он поставлен над нею царем, властелином? Кто в наше лукавое время так глубоко постигает, что не только живет за счет земли, но и сам — часть ее, связующее звено меж созданием и Создателем?» — вопрошал Глеб.

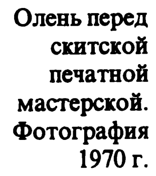
Евгений вкусил этой тайны, и природа открылась пред ним книгой Божией премудрости, заветом Его любви к грешному человеку. В одном из писем он замечал:

«Мир погружается в анархию, человек опускается ниже скота, а мы здесь живем в истинном раю, где твари бессловесные — наши ближайшие соседи — постоянно прославляют Творца самим своим существованием. Недели три тому назад мы нашли при дороге полуживого олененка, принесли домой, напоили молоком. А поутру отнесли на холм, откуда он, видимо, и упал. (Мы бы оставили его погостить подольше, но суровый здешний закон этого не позволяет.) Два дня спустя навестила нас мать-олениха (она каждый день приходила подкормиться) и привела показать нам своего детеныша, несомненно, того самого. Трогательная картина, словами не описать. Олениха нас уже совсем не боялась, даже кормила малыша шагах в десяти, и до нас доносился их «разговор» — нечто вроде тонкого блеяния. А недавно впервые на нашей горе мы увидели медведя, он торопливо взбирался по склону. Куда уж такому «деловому» топтыгину совать сахар, как сове-

Евгений
кормит
олененка.
1970 г.

Олень перед
скитской
печатной
мастерской.
Фотография
1970 г.

товал Владыка Нектарий! Прославляет Господа даже наша заклятая врагиня — гремучая змея, красивейшее создание с золотистой в ромб кожей, по-царски величавое, хотя и зловещее. На прошлой неделе пришлось четверть часа сражаться с одной из них, наконец выманили из беличьего дупла и обезглавили. Тем самым спасли беличью семью. Они как раз меняли «жилье», и самец помогал самке перетаскивать детенышей. Разумеется, у нас есть заботы и поважнее, чем праздно созерцать всю эту красоту, но как мы благодарны, что в нашем укромном уголке воочию можно наблюдать Божие устроение природы».

Вскоре после переезда Евгений занялся огородом — хотелось хотя бы отчасти обеспечить себя пищей. Он писал: «Конечно, перво-наперво огород пострадает от нехватки воды. Попробуем мульчировать почву, чтобы уменьшить испарение влаги. Хоть немного, но всё-таки она накапливается за зиму (снега и дождя достает), и что-нибудь да уродится». Огородничал Евгений до самой смерти. Он с удовольствием возделывал землю, дивясь чуду Божьего творения в нежных побегах. Однажды в урожай братия собрали 360 помидоров. Хуже было с фруктовыми деревьями — каменистое взгорье им не по нраву, — однако Евгений всё же попытался выращивать свои любимые смоквы. Гости поражались: как при такой острой нехватке времени Евгений умудрялся ухаживать за огородом. А он лишь улыбался и напоминал старинную китайскую пословицу: «Истинный философ полжизни проводит с книгами, полжизни — с лопатою».

Любил Евгений и смену времен года. В апреле 1971 года он писал: «Весна в этом году запоздала, зацвели лишь малые кусты. На верхушках дубов только-только проклевываются листочки — нежно-розовые — и желтые цветы, из них со временем появятся желуди. Очевидно, разгар весны придется на середину мая. В прошлом году впервые в жизни всю весну провел на лоне природы. Сколько радостных впечатлений!»

Любовь к природе у Евгения проснулась еще в детстве: он собрал тогда целую коллекцию осьминогов, частенько ходил по грибы. Теперь же, оказавшись с природой наедине, он, как ученый-исследователь, скрупулезно записывал перемены в погоде, в растительном и животном мире, составлял таблицы температурных колебаний, отмечал дожди и снегопады, облачность, ветер. Одна колонка предназначалась для примечаний. Например, в феврале-марте 1972 года там значится: «Снег сходит, остались лишь маленькие островки. На крыжовнике уже набухают почки, в лесу появились первые цветы, очнулись после зимней спячки ящерицы, вот-вот распустятся листья на конском каштане, дикой сливе...»

Евгений, изучая свой край, натолкнулся на некоторые любопытные факты. Он, в частности, писал: «К югу от нас на полторы тысячи квадратных миль — ни души. Даже охотники и туристы в редкость. Если верить справочнику «Деревья Калифорнии» вплоть до 20-х годов нашего столетия в этой части Калифорнии и флора и фауна были почти не изучены».

Следует добавить, что отношение Евгения к природе не изменилось с юношеской поры. Тогда, на берегу озера он сказал, что боится чересчур сродниться с природой, ибо и она — от мира сего. Он терпеть не мог фотографию, приукрашивающую природу, неестественно яркие краски. Ему это казалось ложью, вымыслом, попыткой отобразить живое мертвящими средствами, казалось еще одним проявлением *хилиазма*: попыткой создать рай на земле. Тому же, по его убеждению, способствовала реклама. К примеру, пищу показывали невыносимо соблазнительной — реклама не только манила, но призывала к удовольствию.

Удивительно, несмотря на то, что наш герой тщательно избегал поклонения природе, он как никто любил ее! Впрочем, самые великие жизнелюбы — те, кто на пороге жизни. Малыш, пришедший из небытия, радуется всему вокруг бездумно и естественно. А возрастает и пресыщается жизнью, и лишь во время опасной болезни или после смерти близкого снова начинает замечать драгоценность жизни, которую он принимал как должное. Так и с Евгением. Чуя преходящесть всего сущего, он глубоко постиг Божественное мироустройство и крепко его полюбил, ибо любовь — высшее знание.

52

Ревнители Православия

Многие из высокочтимых, как патриарх, падут.

Блаж. Иероним.

В ИЗДАВАЕМОМ журнале братия отстаивали чистоту православной веры, защищали ее от отступников, в особенности из среды иерархов православной Церкви. В этом отношении главным спорным вопросом являлся экуменизм. По толкованию Церкви древних времен, греческое слово это означало: привести всех людей к осознанию полноты и чистоты Истины. Сегодня же значение переиначено до противоположного. Ради внешнего формального единства тщательно сохраняются и приукрашиваются мелкие «истинки» в ущерб Истине, которая отходит на задний план, растворяется. Евгений усматривал в этом очевидную подготовку к воцарению антихриста, о чём недвусмысленно предупреждали святые Отцы. В истории Церкви не счесть исповедников, положивших жизнь ради того, чтобы спасти Церковь от ереси и заблуждения, чтобы сохранить ее — спасительный ковчег человечества — в непорочности. Но также немало и «просвещенных» иерархов, которые ради слияния всех Церквей закрывают глаза на царящие там заблуждения.

Наиболее открытым сторонником экуменизма был патриарх Константинопольский Афинагор I. В 1967 году он попытался объединить православную и католическую Церкви, не обязав последнюю отказаться от ложных взглядов и учений. Один из его последователей в Патриархате писал позже: «Раскол, происшедший в 1045 году между православной и католической Церквями, более недействителен. Он

вычеркнут из истории по обоюдной договоренности, скрепленной подписями патриарха Константинопольского Афинагора I и папы Павла VI»[1]. В декабре 1968 года патриарх Афинагор объявил, что внес имя папы Павла VI в диптих (помянный список), подчеркивая его единение с Православной Церковью. Поскольку в Православии, в отличие от католичества, нет «непогрешимого» главы, Патриарх мог осуществить свой замысел лишь с согласия всего православного мира. Нашлись те, кто превозносил патриарха Афинагора, провозглашал его «пророком» современности, призывал причислить его к лику святых еще при жизни (!). Однако большинство верующих не поддержало его. Как и в прежние времена, когда иерархи предавали православную веру, пятнали ересью, ее спасали от скверны люди, возлюбившие веру. Евгений и Глеб опубликовали несколько статей, выявляя заблуждения Патриарха, призывая его вернуться к исконному Православию. Поскольку они жили в Америке, то сочли необходимым печатным словом воззвать и ко главе Греческой Церкви в США, архиеп. Иакову. Тот безоглядно следовал за патриархом Афинагором, величая его «духовным отцом православного Возрождения», участвовал во всех экуменических съездах и богослужениях.

Как истинному философу, Евгению было мало знать о заблуждениях современного экуменизма, сознавать его чуждость для истинной, исповеднической Церкви Христовой. Ему хотелось выявить причины, почему люди, подобные патриарху Афинагору I и архиеп. Иакову, держались взглядов, которые влекли неизбежную смену традиционного курса единой Святой, Соборной и Апостольской Церкви. Ответ он нашел в высказываниях самих иерархов.

Мы уже знаем отношение Евгения к «новому христианству» — смеси идей гуманизма и обмирщенного идеализма, — за которое открыто ратуют нынешние папы римские. Нетрудно представить, как больно было Евгению видеть иерархов своей же Православной Церкви на поводу у пап, с теми же новомодными идеями. В 1970 году в письме к священнику, предложившему написать статью на эту тему, Евгений замечал:

«Несколько лет тому назад я сам начал исследовать так называемые основные философские направления XX века, кое-что записал, кое-что так и осталось в замыслах. Однако глубоко и серьезно изучив вопрос, я понял, что несмотря на анархию современной философии, всё же можно выделить ее «основное направление». И стоило мне вникнуть в его суть (выраженную еще Ницше и Достоевским: «Бога нет, человек стал богом и поэтому всё дозволено», т. е. девиз современного нигилизма, анархизма, антихристианства), как всё сразу стало на свои мес-

та: и современная наука, и литература, и искусство отчетливо являют признаки этой же «философии».

На днях читал статью архиеп. Иакова в «Православном обозрении» за июль-август «Новая эпоха?» и вдруг прозрел суть «иаковизма». Ведь это же махровый *хилиазм*! Какая еще философия способна оправдать чудовищные и глубочайшие перемены, извращающие Православие? Только та, которая провозглашает совершенно новую историческую эпоху, «новое время», при котором все взгляды и принципы прошлого обесцениваются, и нам предлагают руководствоваться лишь гласом нового времени! В прошлых номерах «Православного обозрения» о. Патринакос защищает Афинагора, не ученого-богослова, не приверженца древнего учения, а *пророка*, чьи суждения (еретические по сути) нельзя предавать анафеме, ибо он опередил свое время и живет уже в новой эпохе. Афинагора уже цитируют, приводят его слова о «третьей эре Святого Духа» — откровенный хилиазм! Лидером в отстаивании подобных идей был Николай Бердяев, а ранее — Иоаким Флорентийский, истоки же надо искать у последователей Монтеня. Сама мысль о «новой эре» (new age) за последние два века вошла в плоть и кровь нашей жизни, люди как помешанные уповают на «прогресс», в этом уповании и зреет зародыш революций (от французской до большевистской), из этого упования выходит современный оккультизм (сегодня так расхожи толки об «эре Водолея», астрологической послехристианской поре). А распространением своим эти взгляды обязаны, очевидно, масонам (в Америке есть издание одного из их подразделений, которое так и называется «Новая эра»)*. С горечью должен отметить, что масонская символика оказалась даже на долларовых купюрах, от девиза до недостроенной пирамиды, в коей недостает 13-го и последнего камня! С точки зрения христианства, это философия антихриста, готового перевернуть весь мир с ног на голову, «нарушить череду времен»... Сама идея экуменизма пронизана этой ересью, стремлением «преобразовать» Церковь.

Недавние, мягко говоря, «изыскания» Константинополя означают либо полное уравнение «новой эпохи» с Царствием Небесным (волк возлежит рядом с агнцем), либо признание нового времени и нового христианства, объявляющего все прежние принципы устаревшими пережитками. Провозглашается новая нравственность, новая религия (весна христианства!), преобразование Церкви, не нужно более совре-

---

* Как же глубоко распространилось и укоренилось это понятие с годами, по сравнению с 1970 годом, когда Евгений писал об этом.

менному человеку молиться об урожае или погоде, ведь он сам теперь повелевает стихиями*.

Всё это точнехонько укладывается в доктрину хилиазма, дескать, сейчас, т. е. с 1917 года, мы живем уже не в Константинову эпоху**. И неспроста: именно на заре той эпохи, в золотой век святоотечества, и была низложена ересь хилиазма***. Революция покончила с Константиновой эпохой, а «преобразование» христианства грозит покончить с Церковью, благодатным орудием Божьим для спасения человечества, предлагая общественное евангелие. В статье Иакова ни слова о спасении, его заботит только мирское»[2].

Призывы и мольбы одуматься неслись к иерархам не только с Платинских гор, однако Патриарх не изменил свой курс. Лучшие сыны Православия выступили против него, в том числе и греческий ясновидец, старец Филофей (Зервакос), и почти всё афонское монашество, однако на стороне патриарха Афинагора был могучий союзник — «дух времени». Достаточно вспомнить афоризм его соратника, папы Павла VI: «Глас времени — глас Божий» и сравнить со словами великого православного исповедника IV века св. Афанасия: «Знайте, что служим не времени, но Богу!»

Совет Евгения и иных ревнителей Православия уместно вспомнить православным владыкам и сейчас, 30 лет спустя. Правда, кое-что стало подвигаться в их сознании: неправославные Церкви всё дальше и дальше отходят от основ христианства, и иерархи Православия воочию видят, в какой тупик завела их экуменическая деятельность за последние 30 лет. Недавний протест православных участников модернистского Национального Совета Церквей против избранного курса — уже шаг вперед. Будь Евгений жив, непременно порадовался бы этому.

---

* Здесь Евгений приводит слова вышеупомянутого священника из статьи в «Православном обозрении».

** Константинова эра окончилась в 1917 году с падением Российской православной монархии, Москвы — «Третьего Рима» — преемницы Константинополя.

*** На 1-ом Вселенском Соборе, в 316 году созванном Императором Константином, святые Отцы осудили ересь хилиазм. Они намеренно поместили в православный Символ веры слова: «Царствию Его не будет конца», в противодействие ложному учению о политическом царствовании Христа на земле в течение 1000 лет. Можно также отметить, что протестантские церкви, отвергшие христианство Константиновой эпохи (предшествовавшей Реформации), почти все приняли учение хилиазма. Эти взгляды могут вовлечь их в опасное следование за антихристом, который станет земным царем, провозгласив себя Христом.

Как ИЗДАТЕЛИ и миссионеры, Евгений и Глеб столкнулись с предательством иного толка: нынешние отцы Православия безропотно капитулировали перед безбожными коммунистическими властями. Еще в 1927 году митроп. Сергий (Страгородский) после недолгого заключения в советской тюрьме выступил с позорной Декларацией: дескать, радости и горести советского правительства суть радости и горести Русской Православной Церкви. А в ту пору власти осуществляли неслыханные гонения на Церковь, несравнимые даже со временами языческого Рима: были убиты тысячи священников, монахов и просто верующих, разрушены или закрыты тысячи церквей и монастырей. Митроп. Сергий публично отверг факт преследования верующих. Когда же другие владыки отказались следовать за ним, он объявил их «политическими преступниками», за что их сослали в советские лагеря смерти. Сторонники митроп. Сергия уверяли, будто он «спасает» Церковь от полного уничтожения, однако, как сказал мученик наших дней Борис Талантов, «митрополит Сергий своим приспособленчеством и ложью не спас никого и ничего, кроме собственной персоны».

«Сергианство» сделалось символом предательства: отречение от верности Христу во имя сохранения чисто внешней церковной формы или, обобщая, во имя мирских выгод. Верующим строго предписывалось беспрекословно подчиниться советским властям, к этому часто призывали и сами церковные деятели.

С приходом к власти митроп. Сергия (он таки стал патриархом!) всякое инакомыслие и несогласие было устранено. И долгие годы в Советском Союзе «сергианство» признавалось официальной линией Церкви. Понятно, что в России духовенство принуждалось к этому, но диву даешься, как те же взгляды в 1968-70 годах проникли на свободный Запад, вызвав ропот во всём православном мире. Одна из русских Церквей в Америке, Американская Митрополия, устроила настоящий политический переворот: начала переговоры с порабощенной Московской Патриархией, добиваясь статуса автокефальной, т. е. независимой Церкви под эгидой Москвы. Позже выяснилось, что переговоры велись в Женеве и Нью-Йорке при посредничестве ведущей экуменической организации Всемирный Совет Церквей, которая издавна благоволила коммунистам и замалчивала их преступления против христианства. С советской стороны в переговорах участвовал митроп. Ленинградский и Новгородский Никодим, изобличенный на Западе во лжи: он публично отрицал преследование верующих в СССР.

В 1970 году Евгений писал: «Несомненно, Американская Митрополия пала жертвой собственной наивности, и под так называемой «независимостью» сокрыто изощренное психологическое рабство».

Евгению попадались газетные статьи, в которых духовенство Американской Митрополии оправдывало не только насилие Советов над Церковью, но и сам коммунистический строй. Один из священников, правда, допускал, что «некоторые советские иерархи — ставленники коммунистов и вся Автокефальная Американская Митрополия следует путем, политически выгодным Москве и заданным ею. Еп. Феодосий говорит, что видел советских людей: они счастливы и хорошо одеты. Ну, а если кто и недоволен правительством, то и в Америке недовольных хватает!»[3]

Такая добровольная капитуляция огорчала Евгения еще больше, чем вынужденная. Он писал одному священнику Американской Митрополии:

«В нашей среде можно найти глубокое сочувствие всем и всему, но не иерархам в Москве. Впрочем, некоторых из них можно пожалеть — ведь они находятся в бесчеловечных условиях и не выдерживая предают Церковь... Но это сочувствие, однако, не позволяет нам, живущим в свободном мире, признавать Московскую Патриархию и тем самым угодить в тот же капкан, чего не сумела избежать Американская Митрополия... Всеми чувствами, душой и сердцем отвращаемся мы от такого «добровольного» предательства... Неужели Вы не ощущаете тяжести Ваших духовных оков?..

Неужели Митрополии столь важно «выйти на международную арену Православия», что она готова презреть страдания верующих в России? Вот лишь маленький пример: митроп. Никодим, Ваш великий «благодетель», проведя переговоры, конечно, упрочил свое положение в Московской Патриархии. А простой мирянин из СССР, Борис Талантов, открыто назвал митроп. Никодима предателем Церкви, лжецом, наемником всемирного антихристианства. За эти и подобные высказывания Талантова посадили за решетку. Митроп. Никодим и сам любит похвастать перед Западом, дескать, и он в тюрьме побывал «за антисоветскую деятельность». А Борис Талантов 4-го января скончался в темнице, и смерть его (равно и многих других) на совести Никодима. Возможно ли Американской Митрополии сотрудничать с таким «пастырем»? Ответ очевиден»[4].

В статье для «Православного Слова» Евгений выявил множество противоречий в позиции Американской Митрополии. Он полагал, что надо предупредить верующих о двурушничестве этой Церкви, ведь она скрывает самые неблаговидные стороны сговора с Москвой. Братия

даже опубликовали редкие сведения о катакомбной Церкви в России: документы, подписанные ее иерархами и священниками, порвавшими с отступником Сергием, дабы у читателя сложилось более полное представление. Однако Евгению хотелось выбраться за узкие рамки церковного политиканства, постичь философскую суть вопроса: почему подобное происходит в мире? В письме к одному новообращенному он старается ответить на этот вопрос, сравнивая коммунистическое иго с турецким:

«Турки преследовали христианскую Церковь и, когда удавалось, использовали ее в своих политических целях. Помышляли они — в худшем случае — о порабощении христиан, об их насильственном переходе в ислам. И христианин, выбирая рабскую или мученическую долю, не был порабощен духовно. Турецкое иго было внешнее.

С Советами всё иначе: они метят полностью уничтожить Церковь, избрав орудием самих иерархов, если те уступают. А попутно понуждают Церковь защищать коммунизм перед всем миром, проповедовать гибрид «коммунистического христианства», что помогает победному шествию коммунизма — не только как грядущему всемирному политическому строю, но и как главенствующей во всём мире идеологии и религии. Чтобы понять, сколь это страшно, следует уяснить, что такое коммунизм: это не только ошалевший от жажды власти политический режим, но и религиозно-идеологическая система, призванная «до основания разрушить» все другие системы, и в первую голову — христианство. Коммунизм, по сути, очень вредная *ересь*, и если не ошибаюсь, ее краеугольным принципом является хилиазм, т. е. вера в некое отдаленное будущее, когда «на земле воцарится рай: мир и гармония наполнят жизнь беспорочных людей». Прочитайте опубликованные проповеди московских иерархов: бесконечные посулы «Царства Божия на земле» благодаря победившему коммунизму. Это очевидная ересь, а то и похуже: совращение Церкви с пути спасения душ для жизни вечной. Напротив, души людей предаются прямо дьяволу. Лживо обещается благословенное житие на земле, а на деле души ожидает вечное проклятие.

Всё современное христианство на Западе уже пронизано этими мирскими, неприкрыто хилиастическими идеями. А самые либеральные православные Церкви (вроде Американской Митрополии) подхватили эту заразу первыми. Неспроста почти все в Митрополии так легко приняли автокефалию, «независимость». Они просто не понимают сути происходящего.

На днях я прочитал очень умно составленную статью об иконоборчестве VII-VIII веков. До 7-го Вселенского Собора в Право-

славной Церкви не было четкого учения об иконах, и вопрос, считать ли иконоборцев еретиками, оставался открытым. Больше спорили о второстепенном: об обрядности, о церковной «практике». Тем не менее Церковь (в лице горячих сторонников и почитателей икон) полагала, что иконоборчество — губительная ересь. Они положили свои жизни на защиту Православия, а позже богословы изложили учение об иконах, издавна жившее в сердце Церкви. Это торжество Православия состоялось на 7-ом Вселенском Соборе. Иконоборцы были отлучены за ересь.

Похоже, нечто подобное происходит и сейчас, только в большем масштабе и на более сложном уровне. Те, кто тонко *чувствует* Православие (живя благодатной жизнью, приобщившись его сокровищ: житий святых, святоотеческого учения и т. д.), воюют с врагом — ересью, которая еще точно не обозначена и не выявлена. Проклюнулись лишь ее некоторые стороны: хилиазм, общественное евангелие, обновленчество, экуменизм. Их можно распознавать, им можно противостоять, но в целом битва ведется «вслепую и те, кто взращен не на житиях святых, а на новомодных журналах, вроде «Заботы» или «Молодой жизни»*, кому Православие не вошло в плоть и кровь, не понимают толком, из-за чего разгорелся сыр-бор, почему столько шума из-за «пустяков», которые ни одним Собором не признаны ересью. В конце 20-х годов епископы катакомбной Церкви указывали, что на допросах в ГПУ их первым делом спрашивали, поддерживают ли они митроп. Сергия, и, когда иерархи отвечали отрицательно, им указывали, что Сергий «не нарушил церковных правил и догматов». Таким образом, либо атеисты-мучители «защищают» Церковь, либо внутри самой Церкви что-то неладно и ей предстоит схватка с могущественным врагом. Впрочем, выяснилось, что Сергий таки нарушил несколько правил и канонов, однако перво-наперво душа *почуяла* в нем предателя»[5].

Видя вероотступничество иерархов разных православных Церквей, Евгений считал, что необходимо привлечь как можно больше людей в лоно Русской Зарубежной Церкви — последнего оплота Православия. Об этом он неоднократно писал. Нашлись и молодые соратники, среди них о. Пантелеимон, американский грек, иеромонах, ровесник братии, Глеб свел с ним знакомство еще в 1960 году. В ту пору о. Пантелеимон пытался вместе с друзьями по семина-

* Два журнала, издаваемые Митрополией для детей и молодежи. Евгений находил их очень обмирщенными.

рии основать монастырь, но Греческая епархия не разрешила. Позже, когда Евгений и Глеб уже переехали в Сан-Франциско, Глеб предложил о. Пантелеимону вступить в Русскую Зарубежную Церковь, но тот возразил: Церковь эта официально не признана, так как отказывается идти под начало Церкви в Советском Союзе. На что Глеб ответил, что достаточно сознавать суть коммунизма, чтобы понять, почему появилась Русская Зарубежная Церковь. Отцу Пантелеимону — греку по происхождению — известны были гонения турецких завоевателей на Греческую Церковь, и он считал, что они сопоставимы с гонениями коммунистов на верующих.

Глеб обратился к Евгению, дабы тот, как более знающий, разъяснил духовную и философскую сторону коммунизма и его разницу с турецким игом. «Отец Пантелеимон — славный человек, — сказал ему Глеб, — и радеет о том же, о чем и мы, — хочет взрастить Православие на американской земле, чего так ждут новообращенные в Америке. Помоги ему».

Евгений с радостью согласился. Его письма в итоге убедили о. Пантелеимона, он поблагодарил Евгения и написал, что примкнет к Русской Зарубежной Церкви. Там он надеялся найти более истовое исповедание веры и исполнение своих монастырских замыслов. К 1970 году его монастырь был уже известным духовным центром, где печатались святоотеческие работы и тексты церковных служб на английском.

НА ГОРЬКОМ опыте Евгений убедился, что козни нынешнего лукавого времени не так легко распознать, от них не избавиться, просто «вступив в Русскую Зарубежную Церковь». Он постиг, что даже в самых «консервативных» Церквях прижился некий особый либерализм, этакое сергианство, в недрах даже самых антикоммунистических Церквей.

Позже Евгений так сформулировал эту мысль:

«Суть сергианства тесно связана с насущной бедой всех православных Церквей — потерей неповторимой благоуханности Православия, «оскоплением» Церкви, «организация» подменила Тело Христово, убеждая, что таинства и схождение Божией благодати можно также «соорганизовать». Логика и разум недостаточны, чтобы преодолеть эти препятствия, нужны долгие страдания и опыт — мало кто способен понять такое»[6].

53

Апогей братства

Мраком житейским одержими суще, твоим небесным посещением внезапу умом нашим прияхом озарение, преподобне отче Германе, тем же на твое предстательство к Богу упование наше возложихом.

Стихира малой вечерни из службы
преп. Герману, Аляскинскому чудотворцу.

«Не объяснить, как Святой, почивший более сотни лет назад, вдруг появляется в жизни человека, буквально вторгается в нее, становится неотъемлемой частью. Порою он даже видим и слышим этому человеку, ибо Святые не умирают», — пишет Глеб.

Ему вспоминается судьбоносный день в 1961 году. Тогда рассказ о преп. Германе круто повернул всю его жизнь, равно и жизнь Евгения, — повернул навсегда.

«Стояла ранняя весна. Великий пост. Подходила к концу моя учеба в семинарии. В воскресенье после литургии у меня выдалось свободное время. Наконец-то, подумал я, удастся прогуляться по полям, по лесу окрест Свято-Троицкого монастыря, прочитать книжицу, купленную у русского торговца прошлым летом на Троицу. Книжечка, немало повидавшая на своем веку, называлась «Отец Герман, американский миссионер». То было подлинное 1894 года издание Валаамского монастыря — жизнеописание преп. Германа[1]. Я в ту пору ничего не знал о нем, видел лишь портрет. В православном мире к 1961 году о преп. Германе уже мало кто помнил. Православная Церковь в Америке не удосужилась перевести его житие на английский, да и среди русских его редко вспоминали. Лишь простые алеуты на Аляске свято хранили память о нем, его высказывания, почитали его как святого.

День выдался отменный. Хотя небо затянули облака, поля и долы дышали весной. Снег уже почти везде сошел, бежали веселые ручейки, зацветали крокусы. Повсюду зарождалась новая жизнь, природа пробуждалась ото сна. На память пришло замечательное стихотворение великого Тютчева:

Еще в полях белеет снег,
А воды уж весной шумят —
Бегут и будят сонный брег,
Бегут и блещут и гласят.

Они гласят во все концы:
«Весна идет, весна идет!
Мы молодой весны гонцы,
Она нас выслала вперед!»

Весна идет, весна идет!
И тихих, теплых майских дней
Румяный светлый хоровод
Толпится весело за ней[2].

В тот день, читая житие преп. Германа, я неожиданно прозрел: *здесь*, на этой самой земле, где я сейчас стою, на далекой Аляске захоронено сокровище, частичка Святой Руси, миссионер-праведник монах Герман!

Подобно пробуждающейся природе, пробуждалась и моя душа. И поводырем к новой жизни послужила эта маленькая книжица. Сердце мое исполнилось вдохновением, мне вдруг стало ясно, почему мы оказались в Америке — чтобы донести всем ее людям весну, животворящую весну, сокрытую в каменистом берегу Аляски. И мне предстояло вызволить ее из-под камней, чтобы воссияв она растопила хлад современной жизни, чтобы на месте вечных снегов взошли и распустились цветы, целые хороводы цветов».

Тогда-то и пришла Глебу мысль совершить паломничество на Еловый остров, дабы обрести бесценное сокровище, и молясь подле могилы преп. Германа, получить от него указание, как жить дальше. Мы уже знаем, что у могилы преп. Германа по сути и зародилось будущее Братство — не прошло и месяца, как Божий Угодник свел Глеба с Евгением. Да и сам Евгений получил неожиданное прозрение от преп. Германа: во время показа слайдов «Святые места Америки» он впервые увидел аляскинского старца — и душа его прозрела. Он принял преп. Германа, и сердце его прилепилось к Православной Церкви.

Преп. Герман открыл обоим братиям их призвание. Теперь им предстояло осуществить мечту Глеба, высказанную у могилы святого: явить миру его святость, дабы будучи причисленным к лику святых, он стал оплотом Православной Америки. В первом же номере «Православного Слова» братия опубликовали его жизнеописание на английском (нежданно-негаданно Глеб нашел его в библиотеке Гарвардского университета, статья называлась «Отец Герман, аляскинский святой»). Оно давно уже стало библиографической редкостью, составил его историк, занимавшийся Северо-западным побережьем, Ф. А. Голдер. В 20-е годы он напечатал жизнеописание о. Германа малым тиражом — чтобы разослать знакомым как рождественский подарок. В 1914 году, проводя исследования в России, он посетил Валаамский монастырь, где и записал рассказ монахов о жизни о. Германа. Хотя сам он и не принадлежал к Православной Церкви, будучи истинным ученым, Голдер отнесся к подвигу старца с пониманием и первым — задолго до официального признания — назвал его святым.

Братия снабдили труд Голдера комментариями, исправлениями, добавили описание чудес преп. Германа (все факты они собирали сами). Одно из них записал Глеб, возвращаясь с Елового острова в Калифорнию. Отец Герасим рассказал ему об алеутке Александре Чиченевой, которая в 1907 году у могилы преп. Германа исцелилась от страшного недуга (костного туберкулеза). Она даже потом прислала на Еловый остров свои костыли, дабы подтвердить исцеление. Отец Герасим сказал, что живет она в Сиэттле, и Глеб вознамерился отыскать ее, ибо путь его лежал через этот город. Но сделать это оказалось не так легко: она давно вышла замуж, сменив фамилию. Поздно ночью Глеб, однако, разыскал ее дом. «Не успел я переступить порог, — вспоминает Глеб, — как меня поразило незримое присутствие преподобного Германа. Женщина оказалась наполовину алеуткой, приятной наружности, весьма и весьма худой, было ей около 60-ти лет. Заговорила она горячо и с охотой — боялась, что никто так и не узнает о чуде, что о нем не напишут, ведь кто теперь помнит блаженного Германа?! Со слезами на глазах она подробнейше описала то волнующее событие…

Передо мною сидела замечательная христианка, верующая душа, из тех, кого отвергает, пытается сломить мир сей. Она плакала от радости и благодарности, что кто-то помнит о. Германа, кто-то удосужился разыскать ее, недостойную. Она рассказала, что много лет назад о. Герасим прислал ей засушенные цветы с Елового острова, и время от времени эти цветы благоухали, особенно в канун каких-либо замечательных перемен в ее жизни — словно преп. Герман подавал знак, что

он рядом. Она показала мне исцеленную ногу. (Она, правда, так и осталась короче другой — последствие тяжкого недуга в детстве). Расстались мы большими друзьями.

Вернувшись домой, я отпечатал ее рассказ, перевел на русский, послал ей оба варианта — чтобы удостоверила их правдивость своей подписью. Что она и сделала. А несколько лет спустя она преставилась. Сестра усопшей прислала мне фотографию, сделанную вскоре после чудесного исцеления, и приписала: „С того дня, как исцелилась в часовне о. Германа, сестра ни разу не пользовалась костылями. Она выздоровела полностью и могла даже танцевать!"»

В 1968 году, незадолго до переезда в Платину, братия издали отдельной книгой очерк Ф. А. Голдера вместе с рассказом о 16-ти чудесах святого. То была первая книга Братства, первая книга об о. Германе на английском (да и на русском, во всяком случае в XX столетии). Братия, конечно же, хотели привлечь внимание к святости этого Божьего угодника и тем самым обосновать необходимость причисления о. Германа к лику святых. В предисловии они привели веские причины для его канонизации, указав, что в дореволюционной России он почитался наряду с великими подвижниками и святыми.

Отдав дань своему небесному покровителю, братия взялись за другое дело, на которое их тоже подвигнул преп. Герман еще несколько лет тому назад.

В день памяти святого в 1963 году, вскоре после того, как будущее Братство получило благословение архиеп. Иоанна, Елена Юрьевна Концевич дала Глебу рукопись (на русском языке), умоляя напечатать. То была работа ее покойного дяди, Сергея Нилуса. Тому не удалось издать книгу в Советском Союзе, и он попросил племянницу опубликовать ее на свободном Западе. Она поклялась исполнить просьбу дяди. Теперь же, получив отказ от церковных издательств, она возложила последние надежды на Братство.

Глеб покидал дом Елены Юрьевны воодушевленным: неспроста она дала ему рукопись в день поминовения преп. Германа. Он тут же написал Евгению: «В рукописи говорится о его (Сергея Нилуса) впечатлениях о духовной жизни Оптиной пустыни, это по сути продолжение изданной в 1916 году книги «На берегу Божьей реки» — имеется в виду речка, на берегу которой стоит Оптинский монастырь. Напечатать книгу как можно *скорее* — вот что самое важное! Я думаю, сам о. Герман ведет нас к этому! Что же побудило Елену Юрьевну

обратиться ко мне? Она боялась, что умрет и некому будет заниматься изданием книги. Теперь нам ясно, что делать!»

Публикация этой книги Братством имела огромное значение и для России, и для всего мира. На ее страницах увидели свет ранее опущенные пророчества преп. Серафима Саровского из «Бесед с Н. А. Мотовиловым». Сергей Нилус обнаружил «Беседы» незадолго до революции, но церковная цензура не пропустила пророчества старца, не осмелилась обнародовать эти откровения. Преп. Серафим предрекал, что перед концом света «архиереи так онечестятся, что главнейшему догмату веры Христовой и веровать уже не будут», тогда-то Господь воскресит его, как некогда воскресил семь отроков из Ефеса. Святой старец затем перейдет из Сарова в основанный им Дивеевский монастырь и «там откроет проповедь всемирного покаяния». Сергей Нилус так и не увидел изданной свою книгу «Великая Дивеевская тайна».

В 1969 году Братство наконец смогло напечатать вторую часть книги «На берегу Божьей реки» — на русском языке, и хотя тираж составил только 400 экземпляров, семя было заронено, и в России мало-помалу прознали о пророчествах преп. Серафима Саровского. А 23 года спустя, с падением коммунистического режима, слова святого старца знали уже повсеместно. В 1993 году его мощи были вновь чудесно обретены и торжественно перенесены в Дивеево, где они и находятся ныне. «Великая Дивеевская тайна», вопреки опасениям Сергея Нилуса, не пропала втуне, а издана Церковью в России миллионным тиражом и беспрепятственно продается.

Сейчас Глеб объясняет всё это помощью преп. Германа: «Его заступничеством смогли мы открыть миру «Дивеевскую тайну». Ведь преп. Герман — современник преп. Серафима, возможно, они даже знали друг друга. И перво-наперво преп. Герман повелел нам предупредить Америку о грядущем конце света с помощью пророчества, пришедшего с его Родины».

ВСКОРЕ после выхода в свет книги Сергея Нилуса «На берегу Божьей реки» братия переехали в скит. Несколько месяцев спустя, 12-го октября 1969 года, в воскресенье, оба, по предложению Евгения, отправились разведать окрестности, спустившись со своей горы далеко в ущелье. А на обратном пути поняли, что заблудились. Полезли выше, чтобы определить, где находятся, но — увы! — не помогло. Надвигалась ночь, а с ней и холод. Братия понимали, что, не отыщи они дорогу, никто их в такой глухомани не найдет, во всяком случае в живых — они окоченеют до смерти. «Вот оно! Вот где Господь опре-

делил нам покинуть мир сей! А сколько еще нужно бы сделать!» — думал Глеб.

Однако братии всё же удалось отыскать знакомую грунтовую дорогу, которая и вывела их на вершину горы. До скита они добрались едва живые от усталости, в царапинах — пришлось продираться через колючий кустарник. Через несколько дней они получили известие: на Аляске скончался о. Герасим. Почил он как раз в тот самый злополучный день, когда братия проплутали в горах. И это не случайно. Пусть на малое время, но они всё же испытали чувство покинутости в безлюдных дебрях — то же, что в течение 35-ти лет героического уединенного подвижничества испытывал о. Герасим. Как жаль, что при его жизни не удалось им исполнить его мечту — основать монастырь преп. Германа на Еловом острове!

Не прошло и года, как сбылась другая долгожданная и долго вымаливаемая мечта о. Герасима — вселенская православная Церковь причислила о. Германа к лику Святых. Это ли не высшая награда трудам Братства — значит исполняет оно свое предназначение!

Канонизация преп. Германа замышлялась еще в 1939 году. Тогда Русская Зарубежная Церковь в Америке под водительством митроп. Феофила (Пашковского) поручила комиссии из трех иерархов исследовать жизнь о. Германа и сотворенные чудеса. Возглавлял комиссию ныне покойный архиеп. Тихон Сан-Францисский.

Его преемник, архиеп. Иоанн (Максимович) тоже немало сделал для прославления преп. Германа. В августе 1963 года, благословляя будущее Братство, он сказал Евгению и Глебу: «Скоро канонизируем и преподобного Германа». Годом позже, готовясь прославить другого святого земли русской, Иоанна Кронштадтского, архиеп. Иоанн переговорил с видным деятелем Американской Митрополии, Владыкой Иоанном (Шаховским), чтобы заручиться его поддержкой. Он предложил, коль скоро Зарубежная Церковь канонизирует о. Иоанна Кронштадтского, почему бы Митрополии не канонизировать о. Германа, ведь Аляска подпадала ее влиянию. Обе Церкви признáют новых святых и, молясь обоим, получат их благодатное заступничество. Увы, это бескорыстное предложение было отвергнуто, архиеп. Иоанн (Максимович) так и не дожил до прославления преп. Германа.

В 1970 году, однако, Митрополия решила его канонизировать, предсказание Владыки Иоанна сбылось 27-го июля/9-го авг. на острове Кадьяк на Аляске. Русская Зарубежная Церковь согласилась признать

это, проведя одновременно церемонию прославления в кафедральном соборе в Сан-Франциско*.

Евгений и Глеб в посте и молитве решили написать особую службу в честь преп. Германа и совершить ее во время канонизации. Глеб отмечает: «Любопытно, так же как некогда неожиданно я открыл для себя житие преп. Германа, а потом вдруг обнаружил его жизнеописание на английском в библиотеке Гарварда, так и сейчас — неожиданно у нас все вышло быстро и ладно. Мы сразу же, написав, выпевали каждую строку по гласу. Подготовили два варианта: на церковно-славянском и на английском. И попеременно слагали то славянский, то английский текст».

Братия отослали свое сочинение в Литургическую комиссию, и гимнограф еп. Алипий отредактировал его, добавил несколько своих стихир. Русский текст был сперва напечатан в Джорданвилле, английский — в Платине (сначала в «Православном Слове», затем — отдельный оттиск)[3]. «Мы постарались сделать эту службу образцовой», — пояснял Евгений.

Накануне канонизации в скит заглянул еп. Нектарий и, предваряя события, рассказал братии, как поучал его старец о предстоянии святых: «В Оптиной пустыни старец Нектарий наставлял меня в келейном совершении «оптинской» пятисотницы — молитвы по четкам: «Ты только подумай, сколь великое дело — молитва святым! Ведь когда ты произносишь: «Все святые, молите Бога о мне»** — в тот же миг в Царстве Божием все до одного Божии угодники падают ниц перед троном Вседержителя и вопиют: „Господи, помилуй!"»

Слова еп. Нектария словно открыли братии глаза. Им вдруг увиделось, как всё связанное с преп. Германом ладилось и спорилось, неспроста так легко написалась ему служба, так неожиданно быстро подоспела и канонизация.

Однако в Сан-Франциско братия приехали с тяжелым сердцем. Глеб поясняет: «Если истинно хочешь служить Богу, становишься необычайно одиноким. Очень скоро возникает столько препятствий на пути и чувствуешь постоянное противостояние. Воздух наполнен нечистыми духами, они мешают святым возрастать и укрепляться на земле, борются с ними не на жизнь, а на смерть, ибо, как только числом святые превзойдут бесов, наступит Страшный Суд, и будут новая земля

---

* Собор назван в честь иконы Божией Матери «Всех скорбящих Радосте». Некогда о. Герасим прислал такую икону братии. Он нашел ее на берегу океана, и очевидно, она принадлежала самому преп. Герману.

** «Оптинская» пятисотница включает 50 молитв всем святым.

и новые небеса. Святые направляют силы к добру, к Царствию Божию, и на пути они сразу сталкиваются с противной силой тех, кого апостол Павел называет «духами злобы поднебесной» (Еф. 6:12). И сам воздух от них делается напоен враждой.

Пока мы сочиняли службу в нашей глухой пустыньке, особенно сильно ощущалось присутствие преп. Германа, а духов злобы и вражды не замечали. Но едва приехали в Сан-Франциско, сразу повеяло такой враждебностью, что мы упали духом. В этом городе сатана уже не таится, он верховодит толпами, он проник повсюду. И бесы противились святости, как архиеп. Иоанна (Максимовича), так и преп. Германа — первого святого заступника земли американской».

Во время торжественной службы все недобрые чувства отошли — их поглотила благодать, сошедшая от новопрославленного святого. До чего ж радостным было это событие! Первое прославление Православного Святого Америки, да и всего западного полушария! Наверное, с таким благоговением прославляли 67 лет назад на Руси преп. Серафима Саровского. В специальном (по этому случаю) номере «Православного Слова» Глеб писал:

«Великий святой Серафим Саровский приветствовал всякого во всякий день по-пасхальному: «Христос воскресе!» и в ночь своего преставления пел пасхальные гимны, несмотря на то, что зима была в разгаре, и предрек собственное причисление к лику святых, что должно было обернуться великим праздником: «Радость моя, что за радость нас ждет, когда среди лета запоют Пасху». И верно: все присутствовавшие 19-го июля/1-го авг. 1903 года при канонизации преп. Серафима Саровского, а их было много тысяч, от Царя до простолюдина, отмечали необычайный праздник в душе, воистину пасхальные торжества. Предрек преп. Серафим и то, что вскорости ожидают Россию великие и долгие бедствия, страна потонет в крови, народ будет тяжко страдать, многих русских судьба разбросает по всему белу свету… И вот теперь, во времена предсказанных смуты и гонений, истинно православные… во второй раз познали «Пасху посреди лета», при канонизации современника преп. Серафима — преп. Германа Аляскинского — в соборе Сан-Франциско. Никто из присутствующих, конечно, не чаял такого чуда. Но после службы в субботу вечером и, разумеется, после воскресной литургии общий настрой можно было бы выразить только такими словами: «Будто снова Пасха пришла!»[4]

Люди съехались отовсюду. Из Нью-Йорка прибыл митроп. Филарет, из Джорданвилля — семинаристы. Приехал из Бостона и Глебов

друг о. Пантелеимон. По просьбе Глеба о. Владимир (из Джорданвилля) привез частицу мощей преп. Германа (его зуб), некогда подаренную ему архим. Герасимом.

Евгений с Глебом привезли несколько коробок с текстом службы преподобному — оделить верующих во время канонизации. Икона преп. Германа, принадлежащая Братству, покоилась во время богослужения на гробе Владыки Иоанна. И сам Владыка молился когда-то перед этой иконой, приближая знаменательный день прославления преп. Германа.

В субботу на всенощной братия стояли на клиросе и пели стихиры. Ни стар ни млад не утомился во время долгой семичасовой службы — столь велика была воистину пасхальная радость.

Вершина богослужения пришлась на субботнюю утреню, после полиелея. Глеб так описывал прославление: «Верующие толпились с зажженными свечами... Распахнулись Царские врата, и собор озарился светом. Как вспоминал архим. Киприан: «Из алтаря вышел митрополит и сослужащие епископы, за ними архимандриты, игумены, протоиереи, священники, дьяконы, иподьяконы и множество причетников от мала до велика. В центре, на аналое, украшенном цветами, в окружении горящих свечей лежал образ преп. Германа, убранный лентами, под белоснежным покрывалом, там же находились и частички его мощей и гроба. Все взгляды устремились на аналой. Пропели «Аллилуйя», полиелей, к аналою подошел митрополит, широко перекрестился, развязал ленту, снял покрывало, и хор духовенства грянул: «Величаем, величаем тя, преподобне отче Германе...» Величание откликнулось многократным эхом, будто исходило из-под соборного купола, где изображен Господь Саваоф в окружении херувимов и серафимов. Тут же величание подхватили на клиросе, на этот раз по-английски. Пока продолжалось песнопение, четверо дьяконов кадили подле иконы святого, храм наполнился чудесным благовонием ладана, который привез архим. Пантелеимон. Сам же он умащивал икону ароматным маслом по традиции афонских монастырей.

В сиянии свечей, в клубах курящегося ладана, в золотом киоте — как в окне — предстал лик простого монаха, ныне небожителя, собеседника ангелов! И впрямь, для Америки, для всего мира сейчас открылось еще одно *окно в Царствие Божие*, обрамленное чистым истинным Православием. И, приложив немалый труд, в нем можно узреть вечность, вдохнуть благоухание вечной Пасхи»[5].

В эти торжественные минуты Глеб взошел в алтарь, чтобы побыть наедине с преп. Германом. «Я открыл боковую дверь, взглянул на фреску преп. Германа на стене, исполненную по нашему заказу. Начал

молиться и неожиданно ощутил, что здесь мой отец — я был сиротой, принятым в заботливые руки преп. Германа, как некогда он призрел на Еловом острове алеутских сирот.

Мне вспомнилось первое виденное в жизни пострижение в монахи, в Джорданвилле в 1954 году. Новопостриженному дали имя Герман в память основателя Валаама. В то время мне подумалось: «И мне бы так». Сейчас, предстоя перед преп. Германом, я умолял его: «Пусть это станет моим уделом! Прими меня монахом! Сегодня твой день, твой час». Тихо подошел Евгений. Я сказал:

— Решено — буду молить о монашеской жизни. Но тебя не принуждаю, это касается только меня.

— И я хочу стать монахом, — прошептал Евгений.

Мы вышли из алтаря и вернулись на клирос, принялись читать канон святому. Я — на церковно-славянском, Евгений — на английском. Сзади подошел и положил нам руки на плечи еп. Нектарий. Я обернулся: он стоял с непокрытой головой, весь в слезах. „Какая минута! Чудесная, благословенная минута в вашей жизни! Это апогей, апогей вашего Братства! Своими руками, своим трудом вы добились этого! Вы потрудились во славу батюшки Германа, и Господь наградил вас! Вы написали службу преп. Герману, вы прочитали ее в такой торжественный час прославления святого! Счастливцы! Вдумайтесь: сейчас открылось новое окно в небеса! Когда вы возглашаете «Все святые, молите Бога о мне», преп. Герман вместе с другими угодниками бьет челом перед троном Господним, как говорил оптинский старец Нектарий. Святой молится о вас — и Господь внемлет"».

НАЗАВТРА служили две литургии. Одну — протоиерей о. Николай Домбровский, а братия пели на клиросе, другую — архиерейскую — митроп. Филарет с пятью дьяконами, сослужили четверо иерархов и тридцать два священника. Верующих собралось еще больше, чем накануне. Собор был переполнен.

После литургии отслужили молебен преп. Герману, обошли крестным ходом вокруг собора. Евгений с большим блистающим крестом, в белом стихаре вышел во главе шествия из парадных дверей храма на залитую солнцем улицу. Вынесли хоругви и иконы. Потом 12 старейших протоиереев вышли с иконой преп. Германа и частичкой мощей в особом ковчежце. Следом — иерархи, причетники, монахи, монахини, верующие. Кадили дьяконы, не смолкало пение — неудивительно, что крестный ход привлекал внимание прохожих. Огибая собор, люди проходили мимо усыпальницы Владыки Иоанна и иконы Брат-

Евгений во главе крестного хода у дверей собора в Сан-Франциско.

ства. Останавливаясь дьяконы возглашали литии, окропляли всё вокруг святой водой.

По завершении дневных служб в соборе была прочитана грамота, дарованная Братству*. В ней Церковь официально выражала благодарность и указывала дальнейший путь более четко, чем представлялось братии, очерчивая сопряжение отшельничества в скиту с миссионерской работой, что, собственно, своей жизнью на Еловом острове являл преп. Герман. Евгения особо порадовало то, что грамота по сути узаконива-

* Несколько месяцев спустя Митрополия в свою очередь поблагодарила Братство за помощь в прославлении преп. Германа. Аляскинский епископ переслал в дар Братству частичку мощей святого (кусочек левого ребра).

Во время крестного хода вокруг собора.

ла существование Братства в пу́стыни. В частности в грамоте говорилось:

> Ныне, когда совершается предчувствованное еще простыми алеутами, ожидавшееся монахолюбцами, подготовленное собирателями жизнеописания подвижнического и возвещаемое священноначальниками прославление ПРЕПОДОБНОГО И БОГОНОСНОГО ОТЦА НАШЕГО ГЕРМАНА АЛЯСКИНСКОГО, да возрадуется чистою и смиренною радостью о Господе доброе БРАТСТВО ВАШЕ.
>
> Вы усердно знакомили читателей ваших изданий с образом старца, освятившего своими подвигами острова — сперва Валаамский, а затем Кодиакский и особенно Еловый, где

до конца дней своих молился за тех, кому здесь, в Америке, был и нянькой и отцом, преподобный Герман.

В той же западной части Северной Америки, где жили в суровых условиях современники и соотечественники Преподобного, вы создаете уголок для молитвенно-трудового подвига.

В живом же общении с американцами, жаждущими наставления, вы были и, надеемся, будете Братством миссионерским. Молитвенно желая Братству расти и плодоприносить еще и еще, Архиерейский Синод призывает на вас Божие благословение....

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ АРХИЕРЕЙСКОГО СИНОДА
Митрополит Филарет.

После того, как грамота была прочитана, все спустились в трапезную, где разделили скромный монашеский обед, слушая чтение жития преп. Германа. Глеб вспоминает: «Мы собирались с Евгением сесть в углу, рядом с позвавшим нас о. Владимиром, но неожиданно мой друг о. Пантелеимон взял меня за руку, сунул клочок бумаги и сказал: «Возьми, спрячь и никогда никому не отдавай». Когда мы сели, он пояснил: «Я увидел на ступеньках бумажку, подобрал, прочитал и понял, что это послание тебе». В этот момент о. Владимир взглянул на меня, видно, почуял — происходит нечто необыкновенное. Я развернул листок, то была страничка из русского журнала за 1935 год. На ней изображен преп. Герман в лесу подле своей землянки, рядом — большой крест. На обороте приводилось письмо архим. Герасима: он рассказывал о планах возрождения монашеского скита на Еловом острове, о том, как он построил хижину и часовню на месте прежнего жилища и упокоения преподобного. Щемило сердце при мысли, что о. Герасим, живший в неописуемой бедности, умудрился построить свою маленькую обитель лишь с помощью таких же бедняков — алеутских рыбаков. В том письме, которое мне выпало прочесть впервые столько лет спустя, о. Герасим говорил:

«Часовня на могиле о. Германа еще не достроена. Размеры ее 4 на 5 метров. Стены деревянные, изнутри обшиты фанерой. Два окна. Всё просто, как в скромной келье преп. Германа. Впрочем, я хочу устроить подобие греческого параклиса: маленькую молельню без иконостаса, только с завесой. Посмотрим, получится ли. Но я безмерно счастлив, сбылась моя мечта: на том месте, где 40 лет жил и светил людям великий праведник, молившийся о грешном мире, выросла часовня. Так хочется возродить всё близкое сердцу, всё поистине святое — здесь, на

этой земле, ибо у меня на Родине всё порушено. Как хочется увидеть дорогой скит, полнящийся молитвой, близ могилы святого старца. Скит... Господи, помоги!»

Прочитав, я взглянул на Евгения. Всё ясно: в день причисления о. Германа к лику святых, выполнив наше первое задание, мы тут же получили еще одно — от самого святого! — построить скит на Еловом острове»*.

То, что еп. Нектарий назвал «апогеем» Братства, предполагало дальнейшее развитие. Очевидно, преп. Герман, сведя братию, определив им жизнь отшельников и миссионеров (как жил и сам), услышит и их молитвы, подвигнет их стать, как и он, монахами. И ждать им не награды (вроде грамоты), а Креста, который нужно понести с благодарностью Богу. Валаамский монах Герман, попав в американскую глухомань, познал нищету и одиночество, равно и гонения от властей мирских и церковных. И коль скоро братия вознамерятся идти по его стопам, им тоже предстоит разделить монашеские скорби святого старца, как довелось его мужественному последователю о. Герасиму.

---

* По предположению братии, журнальная страница была послана архим. Герасимом его другу, архиеп. Тихону, и выпала из служебных книг ныне покойного иерарха, которыми пользовались на утренних службах. Братия перепечатали это письмо в очередном номере «Православного Слова» (№ 32, 1970), поместив на обложке изображение землянки преп. Германа и его портрет.

54

Постриг

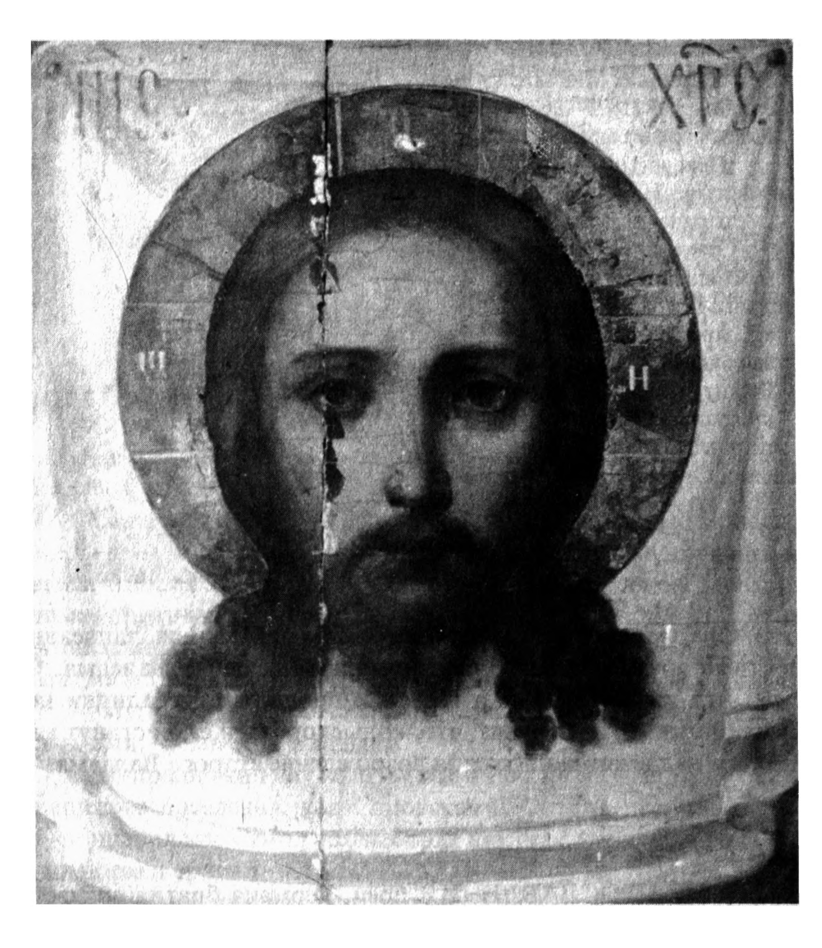
Сколько людей живут вроде бы «по правилам и законам», однако совершенно не по-христиански. Ведь христианской совести не указ ВСЯКОЕ требование церковных властей, сколь бы «каноничным» оно не признавалось. Слепое послушание ради послушания — вот причина столь широкого распространения сергианства в нашем веке, как в Московской Патриархии, так и вовне.

О. Серафим (Роуз)[1].

Только послушание из любви делает отрадным все труды, к каким оно обязано.

Свят. Феофан Затворник[2].

Со ВРЕМЕНЕМ о братии, поселившейся в горах, прослышали ревнители монашества и не замедлили с любовью и заботой откликнуться. Например, мать Мария (Стахович), старушка-монахиня из Ново-Дивеевского женского монастыря. Она приняла постриг еще от последнего валаамского старца, иеросхим. Михаила Слепого. В 1959 году она написала ему (жившему тогда в Псково-Печерском монастыре) письмо с просьбой молиться за Глеба об укреплении его монашеского стремления. Отец Михаил умер в 1962 году, однако будущее Братство было осенено и молитвами валаамского старца. Много лет спустя, уже в Платине, братия получили от матери Марии чудесную икону Спаса Нерукотворного с Валаама, некогда подаренную ей о. Михаилом. Ей хотелось, чтобы братия приняли постриг именно перед этой иконой, тем самым пополнив валаамское монашеское

Валаамская икона Спаса Нерукотворного, благословение Братству монахини Марии (Стахович), духовной дочери старца Михаила Валаамского.

Иеросхимонах Михаил Валаамский (1877-1962) незадолго до кончины в Псково-Печерском монастыре. На обратной стороне мать Мария (Стахович) написала посвящение по случаю пострига Глеба и Евгения: «Да пребудет на вашем святом труде благословение Божие и благословение кроткого и смиренного старца Михаила. Ново-Дивеево. Сентябрь 1969 г.»

братство. Она также прислала им биографию о. Михаила, написанную ею собственноручно, и несколько памятных вещей с Валаама. Она полагала, что жизнь братий в Платине продолжает традиции ныне закрытого Валаама, и наказала, что, коль скоро они сами станут валаамскими, им надлежит молиться за возрождение старого Валаама.

После прославления преп. Германа братия почувствовали, что настала пора принимать постриг и тем самым стать еще ближе к своему святому покровителю, валаамскому монаху. Этот их шаг свидетельствовал бы новоявленному святому, что они делают всё, дабы осуществить его мечты о монашестве в Америке.

По православному обычаю на постриг нужно получить родительское благословение. Матери и Глеба и Евгения уже смирились с сыновним выбором и не колеблясь благословили их. (Эстер, поговаривают, не преминула похвастать перед родными: «А мой сын купил целую гору!»)

Глеб обратился к архиеп. Антонию — главе епархии — с просьбой приехать к ним в скит и совершить постриг. В письме он цитировал

житие преп. Сергия Радонежского, когда угодник просил настоятеля о. Митрофана о постриге: «Отче, смилуйся, постриги меня в монахи. С детства я прилепился сердцем к этому, но не пускал долг перед родителями. Теперь же я свободен и жажду монашеской пу́стыни, как олень в лесу стремится на „источники водные"». Согласно житию, совершив постриг, о. Митрофан оставил Сергия одного в пустыни. Того же чаяли и братия.

Вскоре, получив письмо от Глеба, в скит пожаловал архиеп. Антоний, отвел Глеба в сторону, чтобы наедине расспросить его, ибо больше доверял русской душе. Евгения такой оборот дела встревожил, так как, по его же словам, «во всём у нас с Глебом было полное единодушие, ничего мы не делали без взаимного благословения»[3].

Архиепископ беседовал с Глебом в маленькой библиотеке:

— Мы не собираемся открывать большой монастырь. Можно ли нам просто продолжать наше дело, но уже монахами?

— Можно, — кивнул Владыка. — Ничего против монастыря в своей епархии я не имею.

— Но я же сказал, мы не замышляем епархиальный монастырь.

Архиепископ, очевидно, не обратил на эти слова должного внимания. Он лишь повторил свое мнение об епархиальном монастыре и, видимо, прикидывал, какую пользу принесет будущий монастырь его «организации», то бишь епархии. Он спросил, как будет называться Братство, и Глеб ответил, что оно так и останется просто Братством.

— Ну, раз уж вы устраиваете монашескую общину, она должна носить имя, — заметил Владыка.

Глеб предложил «пустынь», так в России назывались уединенные монашеские поселения, как Саровская и Оптина пустыни. Архиепископу понравилось: Синод не усмотрит никаких отклонений от общепринятых норм и правил.

Далее Глеб пояснил, что они не собираются становиться иеромонахами, т. е. священниками в монашестве.

— Нет-нет, вам придется принять рукоположение, — настаивал архиепископ.

— Но мы не собираемся расширять монастырь, — вновь подчеркнул Глеб, — да и в священники мы пока не годимся. Мы просто хотим вдали от суеты продолжать свое дело.

— Что ж, мне придется испросить благословение в Синоде, — заключил архиеп. Антоний.

— Обещайте, что не станете принуждать нас ко священству, — взмолился не на шутку взволнованный Глеб.

Архиепископ пообещал, заметив, что братии надо бы поставить телефон.

— Так мы для этого и удалились в пустынь, чтобы избавиться от мирского! Поставь телефон — и конец пустыни!

— Монастырю телефон необходим, — заявил Владыка Антоний, — так положено!

Да, говорили оба явно на разных языках. В письме к братии Елена Юрьевна Концевич предупреждала: «Ради Бога, не принимайте пострига. Вас превратят в крепостных те, кто и понятия не имеет об истинном православном монашестве!»

Глеб же поверил обещанию архиеп. Антония оставить братию в покое. Но Елена Юрьевна не ждала ничего хорошего: группировка иерархов, в которую входил этот архиепископ, погубила не только Владыку Иоанна, но и ее духовного наставника во Франции, свят. Феофана Полтавского. Это было то же «чиновничье мышление» в Церкви, что в свое время больно ударило даже по оптинским старцам, о чём г-жа Концевич знала от очевидцев. Всё это так духовно чуждо идеалам исконной веры, на которых она выросла.

«Архиеп. Антоний непременно захочет сделать из вас иеромонахов, — неоднократно предупреждала она в письмах. — Вас отправят в мир приходскими священниками, используют для укрепления епархии, и платить вам придется поступаясь истинными монашескими принципами».

Спустя месяц после прославления преп. Германа Аляскинского архиеп. Антоний снова приехал в скит и велел братии следовать в Сан-Франциско: там портному нужно снять с них мерки, дабы сшить монашеское облачение. Владыка прибавил, что на материал уже потрачена тысяча долларов.

— К чему это?! — ахнул Глеб. — Перед зверями в лесу красоваться?

— Тебе нервы лечить надо, — бросил Владыка, — мне важно, чтобы мои монахи выглядели красиво.

Глебу вспомнилось, что однажды сказал ему о. Адриан о тех, кто приезжал к нему в монастырь принять постриг. «Не монашество привлекает большинство из них, а возможность возвыситься над людьми, облачившись в красивые рясы. А ведь истинное монашество как раз в противном: в покаянии, в тяготах, в служении страждущим».

Слова Владыки Антония обеспокоили Глеба: неужто они, отошедшие от мирских законов, не имеют хотя бы права на свободу выбора? Евгений еще больше расстроился. В письме он отмечал: «Владыка буквально потряс нас, когда поинтересовался, собираемся ли мы пере-

езжать в более «обжитое» место, с водопроводом и прочими удобствами, ради благополучия будущих собратьев. До чего же трудно было растолковать ему, что никто пока и не думает к нам присоединяться, а если кто и решится, то не водопроводом и удобствами прельстятся. А самое главное: земля эта досталась нам при явной помощи Владыки Иоанна после наших горячих молитв к нему»[4].

Намерения архиеп. Антония сильно поколебали решимость Евгения принять постриг.

— Что-то он замышляет, — поделился с братом Глеб. — Наверное, Синод поручил ему выжать из нас побольше. Что будем делать?

— Может, убежать?

— Куда? Мы и так убежали от мира, так он нас и в пу́стыни достает.

Братия встревожились не на шутку из-за «несбыточных надежд» их правящего архиерея и тут же написали ему письмо, подробно изложив свои принципы. Евгений вспоминал: «Мы недвусмысленно дали понять, что какой бы официальный статус мы ни получили (монастырь или какой иной), работать мы сможем лишь при полной независимости от правящего архиерея»[5]. Архиепископ также ответил письмом, выразив на словах понимание и пообещав никоим образом не подвергать братию «архиерейскому нажиму». Успокоенный этими посулами, Евгений записал: «Долее, вплоть до дня пострига, не посещали нас смута и подозрения — так полагались мы на слово Владыки Антония, на благословение и незримое присутствие Владыки Иоанна, на правильность нашего пути (по которому вели нас воля и сила куда больше наших)»[6]. Вдохновлял братий и пример монастыря о. Пантелеимона: присоединившись к Русской Зарубежной Церкви, он не потерял независимости.

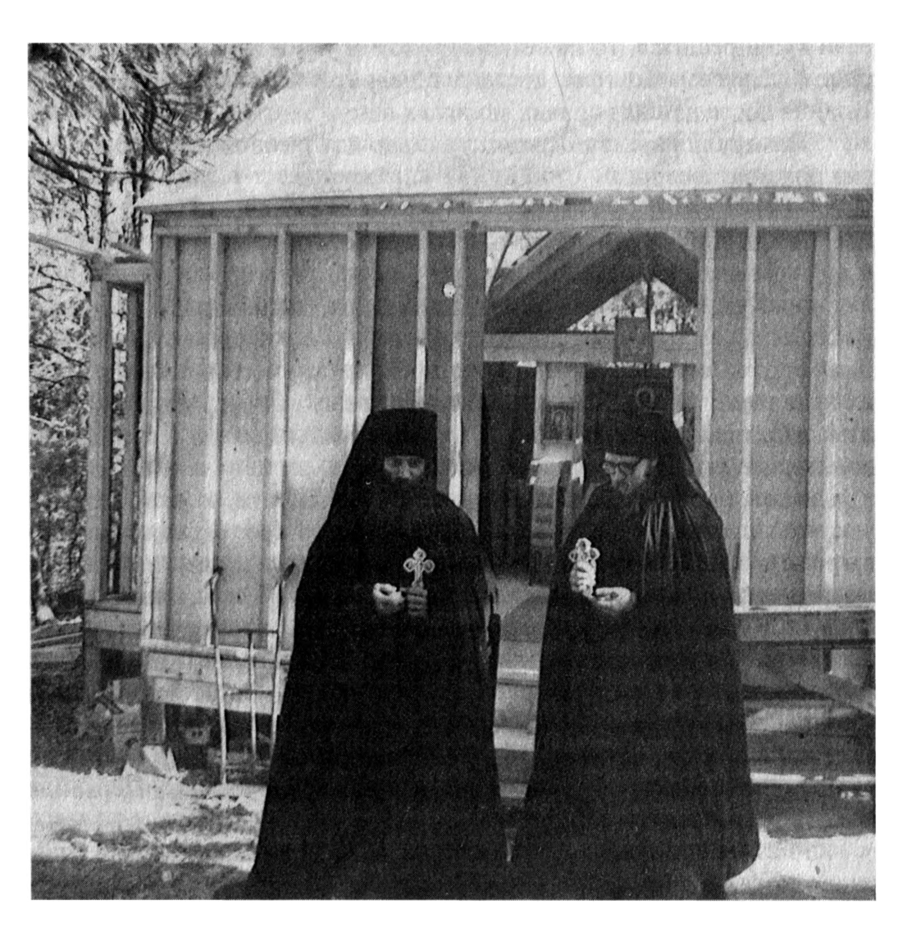
14/27-ое октября — день пострига — выдался спокойным и солнечным, хотя до этого десять дней кряду лил дождь. В пять утра, едва забрезжил рассвет, приехали еп. Нектарий и о. Спиридон. Епископ был бледен и встревожен:

— И в Синоде, и повсюду только о вас и говорят. Сообщается, что недели не пройдет как вас рукоположат в священный сан и скоро придется вам отсюда съезжать. Настанет конец пустыни.

— Вы шутите? — не поверил Глеб.

— Не может такого быть! — изумился Евгений.

— Не верится, — поддакнул Глеб. — Ведь архиепископ Антоний обещал, неужто обманул?

После пострига. Монахи Серафим и Герман перед скитской церковью.
14/27-ое октября 1970 г.

Отец Спиридон, по обыкновению неприбранный, но излучающий благодушие, пытался успокоить братий: никто насильно не заставит их быть священниками.

— Я вас в обиду не дам, — заключил он. Братию тронула такая забота наикротчайшего о. Спиридона, кого после смерти архиеп. Иоанна самого задвинули на задворки церковной жизни.

— Вот как расплачиваетесь вы за то, что отказались постригаться у меня, — продолжал еп. Нектарий.

Глеб еще раз терпеливо объяснил, почему они попросили главу епархии постричь их в монахи:

— Если б наш постриг совершили Вы, архиепископ Антоний Вашими руками постарался бы вылепить из нас, что ему хочется. Он знает, что мы любим Вас, но он также знает, что Вы ему подвластны, и мы не хотим из-за него ссориться с Вами.

Конечно, на душе у братий кошки скребли — что их ждет?

— Может, всё-таки архиепископ сдержит слово? — с надеждой сказал Глеб.

Еп. Нектарий напомнил, что еще не поздно всё отменить.

Через полчаса приехал Владыка Антоний с дьяконом. Глеб сразу же спросил, остается ли их договоренность в силе, на что Владыка ответил утвердительно.

— Значит, Вы не принудите нас ко священству?

— Нет, — ответил архиепископ. Владыка Нектарий стоял рядом и испытующе смотрел на него.

Скитская церковь была еще не достроена, так что обряд совершали под открытым небом. Собралось с дюжину друзей, в том числе Владимир Андерсон и кое-кто из тех, кого братия знали еще со времен книжной лавки.

Когда братия встали перед церковью для пострига, о. Спиридон накрыл своей мантией Глеба, а еп. Нектарий — Евгения. Они стали «мантийными старцами» братии — так называют крестных отцов в монашестве. С этого дня они неразрывно связаны со своими духовными детьми и ответственны за их души перед Богом.

О принятии монашества Евгений писал: «Несомненно, с Божьего благословения сделали мы столь решающий шаг в жизни, по сути приняли второе крещение».

Как и завещала монахиня Мария, братия давали обет перед валаамской иконой Спасителя.

В монашестве братия получили новые имена: Глеб стал о. Германом — первым монахом, принявшим имя только что прославленного преп. Германа Аляскинского, а Евгений — о. Серафимом в честь преп.

Серафима Саровского. Снова в жизни двух братьев два великих святых оказались тесно связаны*.

После пострига новоявленные монахи в черных рясах, клобуках и мантиях вместе с присутствующими совершали крестный ход вокруг церкви. Поскольку колоколов не было, один из прибывших взял кастрюлю, ложку — чем не перезвон?! Еп. Нектарий радостно присоединился к нему — кастрюльные крышки служили ему литаврами.

— К чему это всё? — недовольно бросил архиеп. Антоний.

На что простодушный Владыка Нектарий по-детски воскликнул:

— В нашем полку прибыло!

ОДНАКО РАДОСТЬ продолжалась недолго. Когда все собрались за столом прямо под открытым небом, архиеп. Антоний объявил, что решением Синода открыт скит преп. Германа Аляскинского и что сам он будет временно исполнять обязанности настоятеля. Последнее заявление насторожило новых монахов: решение Синода явилось для них полной неожиданностью.

Покончив с «официальной» частью архиеп. Антоний решил тут же испытать смирение и послушание братии. За обедом он велел Глебу, т. е. отцу Герману, почитать из «Лествицы» о монашеском послушании, а также слово «Темница». После трапезы Владыка нетерпеливо попросил гостей оставить его с монахами Германом и Серафимом, еп. Нектарием и архим. Спиридоном. Сразу же тон его изменился, заговорил он твердо, обращаясь вроде бы к обоим новым монахам, но глядя лишь на о. Германа.

— Постриг принять — это не в парикмахерскую сходить, — изрек он. — Вы дали обет послушания, и пора от слов к делу переходить. Ваше первое послушание — рукоположение во священство. Отца Германа на этой неделе, а о. Серафима на будущей рукоположим[7].

Еп. Нектарий побледнел и потупился, не в силах вымолвить ни слова.

— Готовьтесь, отцы, — продолжал Владыка Антоний. — Вас уже ждут приходы в Сакраменто и Калистоге.

— А как же быть с этой землей? — спросил Глеб.

— Мы ей применение найдем.

---

* Любопытно, что имя монаха, при постриге которого присутствовал Глеб впервые в Свято-Троицком монастыре в 1954 году, тоже было Герман (в честь преп. Германа Валаамского), а имя первого монаха, принявшего постриг на глазах Евгения в часовне Курской иконы Божией Матери от еп. Нектария в 1964 году, — Серафим.

— А как же наше «Православное Слово»?

Архиепископ лишь пожал плечами:

— Кому это нужно?!

Он полагал, коль скоро журнал выходит на английском — следовательно, и пользы от него нет.

Зная слабинку русской души — совестливость, неуверенность в себе, робость перед «начальством», — он сперва замышлял подавить независимость о. Германа. Однако с американцем такое не прошло. Отец Серафим, не дожидаясь, пока спросят его мнения, заговорил сам, пылко и даже сердито. Стукнув кулаком по столу, он рявкнул на архиепископа:

— НЕТ! НЕТ! НЕТ!

То были его первые слова в монашестве.

А о. Германа сразу же замучала совесть. Всё их Братство зиждилось на трех словах, сказанных ему Евгением несколько лет тому: «Я ТЕБЕ ДОВЕРЯЮ!» И сейчас брат доверился ему, а их обманули, заманили в ловушку. Архиепископ вознамерился отобрать у о. Серафима его собственную землю, на которой тот хотел оставаться до скончания дней, землю, купленную им самим в своей стране! Эта мысль более всего удручала о. Германа, и, не выдержав, он разрыдался.

— Я предал тебя! — только и сказал он брату. Архиепископу же напомнил о данном обещании, но тот лишь отмахнулся.

— Я обещал *до* пострига, пока вы были еще в миру.

— Выходит, монашество — это ловушка?! — не выдержал о. Герман. — Чего тогда стоит наше послушание?!

— С вами невозможно говорить, — покачал головой архиепископ.

А о. Герман продолжал:

— И ради чего Вы тогда приехали к нам в глухомань, если после пострига нам придется покинуть эти края? Мы поклялись жить и умереть здесь! А ради Вашего высочайшего каприза придется закрыть журнал и лишить людей слова о пустынножительстве.

Владыка Антоний презрительно отвернулся и обратил взор на еп. Нектария:

— Ну что скажете, Ваше Преосвященство?

— Вы давали обещание отцу Герману? — в свою очередь спросил тот.

— *До* пострига, — повторил архиепископ. — Теперь же всё иначе.

Отец Герман безутешно рыдал: что же делать? Дается первое послушание, и его невозможно выполнить. Он повернулся, ища защиты, к о. Спиридону. Тот улыбнулся подбадривая и сказал самое мудрое в сложившихся обстоятельствах:

— На «нет» и суда нет.

В поисках доводов архиеп. Антоний сказал, что монахам надлежит принимать святое причастие каждое воскресенье, а потому их нужно немедленно рукоположить. На это еп. Нектарий возразил:

— А как же Антоний Великий, Пахомий Великий, святая Мария Египетская, да и прочие пустынники прошлого? Ведь они долгие годы жили отшельниками и не виделись со священниками.

— Те времена прошли, — отрезал Владыка Антоний. — И тем обычаям пора положить конец! Мы слишком грешны и без толку пытаться подражать святым. Здесь монахам надлежит причащаться ! И я не потерплю, чтобы мои монахи были лишены причастия!

— А Вы разве не получили наше письмо с цитатой из преподобного Сергия? — спросил о. Герман. — Он жил отшельником и не причащался.

— Это было давно, а сейчас другое время.

Разрешилось всё с помощью о. Спиридона.

— Буду приезжать и причащать их, — смиренно предложил он.

— Монахам положено причащаться каждое воскресенье, — стоял на своем архиепископ. Отец Герман возразил, дескать, в Джорданвилльском монастыре нет такого правила, но Владыка пропустил его слова мимо ушей.

— Так Вы готовы наезжать сюда каждую неделю? — обратился он к о. Спиридону.

— Хотя бы раз в две недели, — попросил тот.

Еп. Нектарий шепнул что-то на ухо Владыке Антонию, и тот густо покраснел. Поднявшись, еп. Нектарий заключил в сердцах:

— Вы делаете большую ошибку!

— Да, пожалуй, я кое-что не учел, — удрученно признал архиепископ. — Но что же мне сказать в Синоде?

— Как есть, так и скажите, — посоветовал мудрый епископ. — И всё само собой образуется.

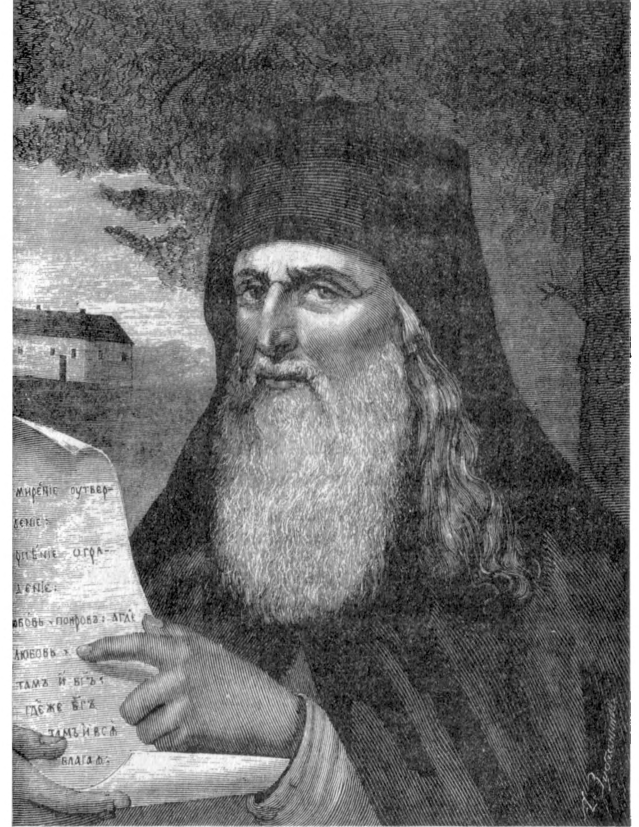
Очевидно, архиеп. Антоний за спиной братий что-то уже пообещал Синоду.

Вскоре владыки встали из-за стола, оставив о. Германа и о. Серафима с глазу на глаз.

— Что будем делать? — спросил о. Герман брата. — Как и всякий русский, я готов смириться. Мы привыкли терпеть и уступать, нас сломили. Да ты-то американец, ты-то вырос свободным человеком.

— Они — старики... с них и спрос невелик, — раздумчиво и сочувственно произнес о. Серафим, от чего на душе у о. Германа полег-

Древнейший в России Валаамский монастырь. На гравюре 1864 года запечатлена церковь, построенная при игум. Назарии.

Игумен Назарий Валаамский (1735-1809)

чало. — А у нас свой путь, и я невероятно счастлив, что мы умерли для мира.

Отец Серафим надеялся на лучшее, что с помощью друзей — еп. Нектария и о. Спиридона — конфликт будет исчерпан.

Вскоре вернулся архиеп. Антоний, сказал, что пора ехать, благословил обоих монахов и сел в машину. Склонил голову, закрыл глаза рукой и прошептал: «Что же делать?» Потом поднял взгляд на о. Германа: «Тебе нужна скуфья». Снял свою, отдал новопостриженному и укатил прочь.

Когда все разъехались, на душе у братий было очень невесело. Отец Серафим, обессилев, валился с ног. Отец Герман заглянул в «северный уголок» их печатной мастерской. «Будь жив отец, — размышлял он, — не остался бы в стороне от моих бед, помог бы».

В иконном углу висел портрет о. Назария Саровского, игумена Валаамского. Во время молитвы о. Германа поразило: а ведь их постригли в монахи в день именин игумена Назария*. И это не случайно: старец Назарий был духовным отцом их небесных покровителей — преп. Германа Аляскинского и преп. Серафима Саровского.

«Ты — мой отец! — молил о. Герман. — Защити меня».

Спустя некоторое время он попросил о. Серафима съездить за почтой. Их ждало письмо от В. Т. (кого, сироту, спас архиеп. Иоанн), некогда познакомившего Глеба с Евгением. Сейчас В. Т. был иеромонахом, жил некоторое время на Афоне. Братии он сообщал, что вскорости приедет в Сан-Франциско и хотел бы отслужить литургию в скиту преп. Германа. Увы, ему так и не удалось задуманное, однако предложение пришлось весьма кстати, утешило братий, которым пеняли на то, что некому служить литургии у них в скиту. Да, Господь не оставлял их в час испытаний.

Вскоре после пострига ощутили братия и внутреннюю перемену, значит, поистине обряд нес в себе Божью благодать. Отец Герман говорил: словно огонек в сердце зажегся. Оказалось, что и о. Серафим испытывал то же. Сколь бесценен этот огонек любви, усердия и вдохновения в многотрудной монашеской жизни!

И как знать, не символично ли произошедшее с о. Германом тем же днем. Со свечой в руках, нагнувшись, разыскивал он что-то на полу, как вдруг прямо перед ним на метр, а то и выше вскинулось пламя.

---

* 14/27-ое октября — день поминовения мучеников Назария, Герасима, Протасия и Цельсия Миланских.

Отец Герман, не успев подумать, дунул и — каково же было его изумление! — огонь вмиг унялся. Как выяснилось, возгорелись письма о. Герасима, но пострадали, к счастью, лишь уголки конвертов. Братия восприняли случившееся как благословение архим. Герасима по случаю их пострига, равно и письмо одного из сирот, пригретых архиеп. Иоанном, они приняли как благословение самого Владыки.

Еп. Нектарий, заночевавший неподалеку — в Рединге, поутру навестил братию и отслужил литургию. Потом несколько часов кряду рассказывал им поучительные истории и давал отеческие советы. Под влиянием его рассказов об Оптиной пустыни братия стали выполнять правило келейной молитвы, т. е. в обычный круг молитв они включили пятисотницу — Иисусову молитву вкупе с другими, и чтение одной главы Евангелия и двух глав из Посланий апостолов.

Хотя архиеп. Антоний и провозгласил «открытие» скита, братии вовсе не хотелось становиться очередным церковным учреждением. Отец Серафим в письме к другу указывал: «К твоему сведению: мы никого не пытаемся завлечь в наш скит. Мы не собираемся устраивать большой монастырь. Мы здесь для спасения души и для публикации «Православного Слова». Найдутся еще такие же «чокнутые», захотят присоединиться, что ж, возможно, Господь и благословит открыть монастырь. Будет благословение, будет и пища, как духовная, так и материальная... Коль скоро монастырь здесь будет угоден Богу, всё само и устроится. Так мы полагаем»[8].

Хотя отцы и не искали собратьев, да и не особо в них нуждались, они никого и не отвращали. «Мы сознаем полностью, что жизнь монашеская не будет легкой, и мы должны быть готовы взять на себя ответственность (хотя и нежеланную) монахов-миссионеров, т. е. привечать духовно ищущих американцев, дабы те «нарушали» наш благословенный покой, хотя бы для того, чтобы узреть, сколь мы недостойны. Мы готовы принять всё, что пошлет Господь: малую или большую миссионерскую общину, или полное одиночество «двух сумасбродов — лесных отшельников» — так или иначе мы будем продолжать дело, на которое нас подвигнул Владыка Иоанн и которое привело нас сюда, — распространение православного печатного слова, особенно слова англоязычного»[9].

Да, братия воочию убеждались, как сбывается предсказание архиепископа Иоанна о миссионерском монастыре в Калифорнии. Подтвердила это и Валентина Харви, с ней братия встретились в Рединге, когда ездили по делам. Узнав о ските в Платине, Валентина вдруг поняла, чем

объяснялось «странное» поведение Владыки в ее доме на пути (как оказалось, роковом) в Сиэттл. Тогда он молился, обратившись лицом на запад, как раз к Платине, словно прозревал ее за 40 миль.

Памятуя еще об одном предсказании Владыки Иоанна, о. Серафим записал в летописи: «Неоднократно архиеп. Иоанн называл наше Братство «отражением Валаама», что казалось совсем неуместным — столь скромна и обмирщена была наша книжная лавка. Очевидно, думалось нам, Владыка Иоанн говорил так из-за нашего небесного покровителя, преп. Германа. Теперь же его прорицание открылось нам полностью: о. Герман Аляскинский причислен к лику святых, существует скит его имени, один из монахов носит имя нового святого с Валаама, постриг двух братьев пришелся на именины настоятеля Валаама — игумена Назария, на первом месте в нашем иконостасе — Спас Нерукотворный с Валаама, оттуда же братии достались и другие реликвии, они сподобились составить Патерик валаамских старцев. Это ли не исполнение пророчества архиеп. Иоанна, несмотря на всё наше недостоинство. Слава Тебе, Господи!»

55

Послушание во пагубу

Не бойтесь ни льва, ни благородного леопарда, даже страшную змею можно обратить в бегство. Лишь одно страшно, поверьте, — плохие епископы! Не трепещите перед высотами сана. Ибо многие облечены саном, да не все имеют благодать.

Св. Григорий Богослов[1].

НАПИСАВ МАТЕРИ о своем постриге, о. Серафим вскорости получил ответ:

Дорогой Евгений!

...Ты принял монашество — это очень важный шаг. Меня это не очень удивило, ведь решение свое ты обдумывал довольно долго. Ты уже взрослый и сам знаешь, что хочешь от жизни и в чём сможешь принести наибольшую пользу. Раз теперь ваш скит признан, так сказать, официально, всем, кто там живет, тоже нужен какой-то статус. Многого, хотя и христианка, я не понимаю. Странным и необязательным мне кажется отношение к пище, одежде. Например, как работать в рясе? Неудобно же, она цепляет за всё, да и чистить трудно. По-моему, можно было бы обходиться обычной рабочей одеждой — кто вас там на горе увидит! — а Господь простит. Желаю тебе успехов и да благословит вас обоих Бог на любом поприще...

А нельзя ли и мне келью? От одной женщины вреда не будет... Всё равно для меня ты всегда останешься маленьким «Уги», однако надеюсь, твой труд рано или поздно заметят,

ты получишь материальное вознаграждение и жизнь твоя не окажется сплошными ухабами и рытвинами.

Привет Глебу.

Целую. Мама.

Неудивительно, что Эстер не поняла высоких устремлений пустынножительства. Да и не беда: все связи с мирским окончательно порваны. Беда в другом: братий не понял архиеп. Антоний, он-то как раз и не собирался порывать с обмирщенной жизнью. И вопреки надеждам о. Серафима, по-хорошему дело не кончилось. Самые большие потрясения ждали впереди. Вот как сам он описывает ту пору:

«В канун Рождества 1970 года мы — против своей воли — отправились на 3 дня в Сан-Франциско, дабы причаститься на праздник, засвидетельствовать почтение архиепископу, навестить Елену Юрьевну Концевич (ей нужно было переговорить с о. Германом), коротко повидать наших матерей в Монтерее. Покидали мы скит с тяжелым сердцем, вопреки собственному желанию. Одна мысль, что придется предстать в церкви в наших мантиях (думалось, это обязательное условие), убеждала нас в собственном фарисействе, желании приумножить то уважение и даже благоговение (неоправданное, конечно), которое испытывали к нам многие в Сан-Франциско. Находясь вдалеке, они, разумеется, не видели наших промахов и недочетов и уважали не столько нас, сколько наше дело. Однако нам уже долго не давали покоя слова Спасителя: «Горе вам, когда все люди будут говорить о вас хорошо!»

По дороге заехали в Рединг — забрать крупную деталь взамен сломавшейся в нашем печатном станке, потом — в Беркли, возможно, Елена Юрьевна Концевич согласится поехать с нами в Сан-Франциско. Она и впрямь дожидалась попутчиков. В общем, в церковь мы попали лишь ко всенощной, не успев поприветствовать Владыку, хотя и знали, что он в этом очень щепетилен. Мы сразу прошли в алтарь и спросили у архиепископа благословение. После службы он поинтересовался, останемся ли мы у него, но мы уже договорились, как всегда остановиться у дьякона Николая (вместе мы совершали молитвенное правило, надеясь еще ярче возжечь Божественную искру у него в душе — она сулила пламя великого труда во благо Христовой Церкви…)

Рождественским утром, как и в былые годы, мы пошли на раннюю литургию, после чего собирались сразу же отбыть в Монтерей. Но один из друзей нашего Братства уговорил нас остаться на обед. Затем, думалось, зайдем к Владыке. Однако мне не удалось дозвониться до него, а уже смеркалось, и мы решили, что поедем сейчас в Монтерей, а завтра

за полдень на обратном пути и повидаем Владыку. Всю вечерню мы прочитали в машине.

Объяснение с нашими матерями прошло на удивление гладко, и поутру возвращаясь из Монтерея, мы почуяли, что уж Владыка Антоний нас так легко не отпустит. По дороге заехали в церковь преп. Серафима, где о. Григорий Кравчина готовился к литургии, недолго поговорили и поспешили в Сан-Франциско к Владыке.

Дело в том, что пока мы были в Монтерее, позвонил Лаврентий Кемпбелл и предупредил, что Владыка очень сердит и к его, Лаврентия, неудовольствию старается опорочить нас всякими вымыслами. Что ж, мы представляли, что нас ожидает.

Чуть за полдень приехали мы в Сан-Франциско и застали Владыку за трапезой. Он принял нас чрезвычайно холодно и за обедом мы едва обмолвились словом.

Потом он позвал нас к себе, точнее, повел о. Германа наверх, а мне пришлось два часа дожидаться внизу. Меня это несказанно огорчило: я знал, что брата моего сейчас подвергают психологической обработке, чтобы сломить его чувствительную, легкоранимую русскую душу, а мне придется лишь смиренно принять итог «переговоров», поскольку я — «бесправный» американец. Предчувствие не обмануло — всё именно так и замышлялось![2] Я принялся молиться, особенно нашему «истинному» Владыке — Иоанну*, и столь истовой молитвы я от себя давно не слышал[3]. Взглянув на портрет Царя-мученика, я и к нему воззвал о помощи! Я понял, что мы пали жертвой сильнейшего монашеского искушения, и в то же время возрадовался, что на нашем ровном доселе пути появились препятствия, что кому-то и мы стали в немилость, хотя впору было опасаться за само существование нашего скита, всего нашего дела»[4].

А меж тем архиеп. Антоний привел о. Германа к себе в кабинет, запер дверь, спрятал ключи в карман, поставил на середину комнаты стул, указал гостю сесть, направил свет яркой неоновой лампы прямо ему в лицо. Сам же сел за стол, и в темноте о. Герману было его не разглядеть — слепила лампа.

— Вы замечены в непослушании, — сурово заговорил Владыка. — Срамите меня, появляетесь в миру в мантиях.

Отец Герман смекнул: Владыку смутило то, что «его» монахи так выделяются среди местного клира. Но не он ли сам настоял, чтобы братия появились в миру?

---

* Дело происходило в Приюте свят. Тихона, внизу находилась часовня, где молился сам Владыка Иоанн.

— Вы позорите не только монашество, но и мою епархию, — продолжал архиепископ. — И само собой разумеется, вам нельзя иметь во владении землю. Однако земля у вас есть! А случись вам умереть путешествуя, например, и земля достанется государству. Вы составили завещание?

— Нет, — признался о. Герман. — Земля наша уготована для пустынножителей, отшельников.

— Не смешите! Какие в наше время отшельники! — и Владыка заявил, что о. Герман впал в *прелесть*, напомнил, что монахам не позволяется иметь собственности, и потребовал, чтобы он отписал всю землю ему, Владыке, но на имя, которое тот носил в миру, — А. Медведев.

Отец Герман опешил.

— Но почему же на Ваше имя? Ведь Вы же тоже монах.

— Синод назначил меня вашим настоятелем. И я по праву требую от вас послушания — пишите дарственную на мое имя!

— Но мы Вас не выбирали, — напомнил о. Герман, — а согласно монашескому уставу братия сама избирает игумена.

Его несказанно возмутило притязание архиепископа на их скит и землю, заработанную своим трудом и подвигом!

— Это я вас должен монашескому уставу учить, а не вы — меня, — отрезал архиепископ.

О дальнейшем о. Серафим пишет так:

«Владыка виртуозно сыграл на струнках русской души, он кричал, угрожал... грубо ругался, всё повторял о. Герману, что «постриг принять — это не в парикмахерскую сходить». В конце концов он довел о. Германа до слез, едва не до припадка. Вконец отчаявшись, тот повел разговор с Владыкой в той же манере и с ужасом увидел, что тому по душе такая словесная перепалка и что он лишь принял роль сурового настоятеля, грозящего употребить власть и т. д. Отец Герман воспротивился новому решению архиепископа, благословившего их скит ранее как независимую церковную организацию, и потребовал, чтобы их оставили в покое. На что Владыка громогласно объявил: „Ну нет, в покое я вас не оставлю!"»[5]

Кроме прочего, он запретил братии писать кому-либо или приглашать кого-либо без его благословения, а все их издания повелел представлять лично ему для цензуры. «Что Вы меня мучаете?!» — не выдержав, воскликнул о. Герман.

В дверь стучали, то был о. Серафим. Архиепископ поспешил к двери, вспомнил, что запер ее, вернулся к столу отыскать ключи. Отец Герман напомнил Владыке, что тот сунул их в карман, и архиепископ

бросился к двери, впустил о. Серафима. Подвинув ему стул рядом с о. Германом, сам уселся за стол. Он явно утерял кураж; ведь свободного американца не застращаешь, как русского. Отец Серафим сразу заметил, его брат плакал.

— Отец Герман чересчур впечатлителен, — попытался объяснить архиепископ. Потом принялся перечислять «прегрешения» братий: не явились к нему за благословением на поездку в Монтерей, не остались на позднюю литургию, хотя их ждали и верующие и он сам, не остановились у него и так далее в том же духе.

Позже о. Серафим вспоминал, что его особенно поразило: «Архиепископ выразил неудовольствие, что в недавнем письме мы предложили Устав Братства* ему на одобрение (что, собственно, мы обговорили с ним много раньше). Сейчас же он заявил, что Устав должны предлагать не мы *ему*, а *он* — нам».

В тот памятный день о. Герман сказал брату:

— Представляешь, что он требует? Чтобы мы переписали землю на его имя!

— Зачем? — удивился о. Серафим.

— Чтобы целиком и полностью от него зависеть. Он хочет забрать у тебя твой собственный клочок американской земли, в который ты вложил столько труда, а тебя вышвырнуть вон! Нет, с меня хватит!

— Пошли отсюда, — и о. Серафим взял друга за руку. Они спускались по лестнице, где их нагнал архиеп. Антоний. По словам о. Серафима, «гнев Владыки сменился на милость, по крайней мере так казалось. Прихватив мимоходом дешевый торт и две бутылки вина, он сунул это нам — «благословил» на прощанье». Тем «допрос под пыткой» и кончился.

ДЕСЯТЬ ДНЕЙ СПУСТЯ, вспоминая события того дня, еще не оправившись от потрясения, о. Серафим написал: «Скажу лишь, что такого разочарования я не испытывал за всю жизнь. Никогда не затянется эта рана...[6] Владыка спустил на нас с о. Германом свору своих бесов... Как всё это скверно. Он играет в старца, в настоятеля, и игра эта отвратительна...[7] Наша вера во Владыку полностью и безвозвратно утеряна. Возможно, мы ничего не понимаем в монашестве, однако твердо верим, что в христианской Церкви взыскания, правомерно налагаемые начальством, должны встречаться с пониманием и доверием, без конфликтов. Владыка Иоанн не раз наказывал меня, но я

* Текст Устава приведен выше. См.: «Правила для Братства» в гл. 50.

всегда чувствовал, что наказание справедливо, и каждое шло мне только на пользу. Но сейчас же… нас словно вывернули наизнанку, мы не находим покоя, ибо насилуется сама наша совесть… Уже неделю мы совершенно выбиты из колеи и с отчаяньем ожидаем своей участи и участи «Православного Слова»[8].

Владыка Антоний, вопреки нашей договоренности еще до пострига, возомнил, что мы в полнейшем его подчинении, поскольку он якобы «настоятель». Такое заблуждение может уничтожить плоды наших семилетних трудов, а зиждется оно лишь на поверхностных суждениях Владыки о нас.

Мы, очевидно, видимся ему очередной «единицей» его епархии, где он не столько управитель, сколько диктатор, и мы шагу не можем ступить без его благословения. Такое представление сложилось у него не сразу, он поначалу выведал все наши слабинки, а сейчас решил нанести решающий удар и подчинить нас. Уже давно проявлялось его нежелание видеть нас и нашу работу в истинном свете, ему хотелось, чтобы мы стали винтиками в отлаженном им механизме епархии.

Возжелай мы какого владыку в наставники, давно бы уже сами пошли под крыло еп. Нектария — ему так хотелось, чтобы мы основали монастырь. Но дабы сохранить независимость, мы как зеницу ока хранили непричастность к церковным организациям, хотя уважали Владыку Нектария и поныне поддерживаем с ним самые хорошие отношения. Коль скоро нашему скиту необходим, по рекомендации Синода, наставник, так лучшего и не сыскать, тем более, что он и без того обещал навещать нас всякий раз на пути из Сан-Франциско в Сиэттл. Не хотим мы ссориться и с Владыкой Антонием, лишь бы он не вмешивался в наши дела…[9] Неужто он не понимает, что свобода порождает дружбу, а рабская зависимость — скрытую вражду!»[10]

Монахи чутко прислушивались к завету преп. Кассиана Римлянина. Еще в V веке он говорил: «У Отцев из древности существует такое изречение… что монаху всячески надобно избегать женщин и епископов… ни тот, ни другая уже не допустят ему более иметь покоя в келье, или заниматься богомыслием, созерцать чистыми очами святые предметы»[11]. Отец Серафим добавлял: «Конечно, епископы и монахи могут работать и во благо Церкви и друг друга, но только будучи полностью независимыми! Таково наше глубокое убеждение»[12].

Братии не отказать в объективности: они пытались взглянуть на положение вещей глазами архиеп. Антония. Отец Герман защищал Владыку перед о. Серафимом, дескать, он неплохой человек. И диктаторство не присуще ему вообще, а лишь в этом частном случае, из-за поверхностного *суждения*. Отец Серафим же писал: «Владыка Антоний

не остановится ни перед чем, лишь бы настоять на своем, с нами и с любым, и не по злому умыслу, а по крайней убежденности в собственной власти и неограниченных правах. Нам остается лишь скорбеть… Ведь мы искренне любим и жалеем нашего архипастыря. Его боятся, но близких людей у него нет, в нас он видит лишь безропотных и покорных исполнителей своей воли. Нам такое не подходит! Владыка Иоанн благословлял нас на совершенно иное»[13].

Хотя и Владыка Иоанн, и Владыка Антоний уповали на дисциплину и послушание, их принципы разнились в корне. Отец Серафим писал: «Для архиеп. Антония главное — собственная власть, власть иерарха Церкви… И ведь нас об этом предупреждали. Еп. Нектарий говорил, что архиеп. Антоний не потерпит ничьей самостоятельности у себя в епархии»[14]. Опять же, стремление к неограниченной власти диктовалось не властолюбием Владыки, а его уверенностью, что так лучше для всей церковной организации. Он полагал, что любовь и взаимное доверие несовместимы с послушанием. Подчиненные должны подчиняться, и если необходимо — идти вопреки своей совести ради иерархов лишь потому, что они иерархи. Более того, уничтожать личную инициативу — прямая обязанность владык, по мнению архиеп. Антония. Это вполне естественно и нормально, а владыки тем самым еще и благодетельствуют своим подчиненным, взращивая в них «смирение». Ну, а когда они станут окончательно «ручными», так сказать, полноправными «членами партии», их можно с большой пользой употребить во благо «организации», т. е. епархии.

Отец Серафим писал: «Мы понимаем, что Владыка Антоний руководствовался самыми благими побуждениями, увещевая нас как укрепить его собственный авторитет, так и принять от него наказание, дабы стать «настоящими монахами» (в его понимании). Более того, он посулил нам такую же карьеру, предрек, что и мы будем карать непокорных. Отец Герман, не удержавшись, воскликнул: „Избави Бог!”»[15]

И пастырство Владыки Антония носило отпечаток лжестарчества, губительного духовного недуга, описанного еще в XIX веке свят. Игнатием (Брянчаниновым), позднее исследованного проф. И. М. Концевичем. Иван Михайлович пишет о старчестве истинном и ложном, равно и о плодах того и другого: «Предавшие себя всецело водительству истинного старца испытывают особое чувство радости и свободы о Господе. Это лично на себе испытал пишущий эти строки.* Старец — непосредственный проводник воли Божией. Общение же с Богом всегда

* Иван Михайлович Концевич говорит здесь о духовном наставничестве, полученном им от оптинского старца Нектария.

сопряжено с чувством духовной свободы, радости и неописуемого мира на душе. Напротив того, лжестарец заслоняет собою Бога, ставя на место воли Божией свою волю, что сопряжено с чувством рабства, угнетенности и почти всегда уныния. Мало того, всецелое преклонение ученика пред лжестарцем вытравливает в нем личность, хоронит волю и таким образом отучает его сознание от ответственности за свои действия»[16].

Истинным старцем был, к примеру, архиеп. Иоанн. Но старцами не становятся сразу же, как только добиваются высокого положения или власти. В письме к о. Герману Елена Юрьевна Концевич писала: «Апостол Павел считал пророчество даром (1 Кор. 4:10). Так вот, *старчество — это дар пророчества... дар Духа Святаго, и никто не понимает этого»*.

Касательно понятий архиеп. Антония о смирении и послушании о. Серафим писал другу: «Ты знаешь нас хорошо и понимаешь, что мы уважаем и подчиняемся законным церковным властям и что никогда не пытались подчинить себе других (разве что в этом наш большой недостаток), не искали церковных должностей или чинов. Но коль скоро «смирение» и «послушание» в том, чтобы совершенно постороннему человеку отдать труд нашей жизни, наша совесть с подобным не смирится...[17]

Такое «послушание» ведет к обмирщению и *незаконно духовно*, что очевидно. Мы ученики Владыки Иоанна, он нас вдохновил и благословил на нашу работу с самого начала и по сей день пребывает с нами, в чём мы твердо убеждены. И всякий успех наш дарован по его благословению. Он научил нас: *дух* превыше правил и уставов, превыше церковной дисциплины и всего прочего. Если послушанием ли, верностью ли букве закона, фанатизмом ли в каком добром деле *дух* человека сломлен или уничтожен, значит, что-то в таком послушании заложено *чудовищно неправильное*. Владыка Антоний уже обвинил нас в непослушании и своеволии. Мы признаем, что многогрешны, но в данном случае на нас возводят напраслину. Всякая добродетель бессмысленна сама по себе, она должна найти приложение в определенных обстоятельствах, общих делах, плодотворном труде. Например, основании действующего монастыря (как в Джорданвилле) или публикации «Православного Слова» и всеми связанными с печатью тяготами. Семь лет продолжаем мы миссионерский труд, не жалея сил и жертвуя собой, во всём соблюдая послушание Церкви и друг другу, ни разу не явив «своеволия», прислушиваясь к мнению друг друга, выполняя общее дело. Это единит нас, без этого мы просто не выжили бы. Только во взаимном послушании и по благословению Владыки Иоанна смогли

мы выстоять столько лет, и теперь Церковь призывает нас расширить деятельность, дабы принести больше плодов»[18].

О плачевных результатах лжестарчества Владыки Антония о. Серафим упомянет в письмах еще не раз: «Владыка мягко стелет, да жестко спать. Он уничтожает дух... Он умеет примирить, но душит любое доброе начинание». Один из священников так и назвал его «удавителем души». И о. Серафим написал: «Мы дали этому священнику текст акафиста св. равноап. Нине, тайно вывезенный из СССР одной монахиней катакомбной Церкви. В свободном мире текста этого нет. Владыка Антоний, услыхав о нем, тут же забрал его, сказал: «Его нужно утвердить» — и больше об этом акафисте никто не слышал».

Еще один случай, приведенный о. Серафимом: «С месяц назад нас посетил некий священник и прямо заявил: «Владыка Антоний уничтожил мою духовную жизнь». Это, конечно, преувеличение, ибо и сам священник должен заботиться о своей духовности. Однако сколь разнятся эти слова с его же высказыванием несколько лет тому назад: «Владыка Иоанн спас меня, без его поддержки и настояния я бы не только не стал священником, но и вряд ли бы сегодня оставался в Церкви». Вот наглядная разница: один епископ *вдохновляет*, другой — подавляет под видом внешней правильности»[19].

Из всех жертв Владыки Антония больше всего досталось его викарному еп. Нектарию. Клика иерархов ни во что его не ставила, не принимала всерьез. Некогда на него возлагали большие надежды как на сторонника их «партийной линии», но глубоко разочаровались, когда еп. Нектарий вместе с иерархами Леонтием и Саввой встал на защиту архиеп. Иоанна. Теперь же член этой группировки стал его непосредственным «начальником». Когда звонил телефон, душа у него уходила в пятки: не Владыка ли Антоний? Он сам признавался о. Герману и о. Серафиму, что Владыка Антоний не дает ему и шагу ступить самостоятельно. «Какой я епископ? — сокрушался он. — Я — кукла Владыки... Вы счастливы, вам есть кому пожаловаться, а вот мне — некому. Знали бы вы, какую безысходность вызвал он в душе моей!»[20]

В 1971 году еп. Нектарий с сердечным приступом попал в больницу, но и там архиеп. Антоний не оставил его в покое. Отец Серафим писал: «Жестокое (хотя и не злонамеренное — он просто не может иначе!) преследование Владыкой своих монахов наглядно видно из его посещения еп. Нектария в больнице. Он так усугубил состояние почти умирающего, что сестра выдворила Владыку Антония из палаты! Пред лицом смерти еп. Нектарию труднее всего было принять несправедливое обращение Владыки, не огорчившись. Еп. Нектарий избрал путь кроткого повиновения, но мы такой путь не приемлем!»[21]

Братия понимали, что диктаторская хватка Владыки Антония повредит их ревностному служению. И никакой логики в действиях Владыки они не видели. Отец Серафим писал: «Перед Богом Владыка Антоний не имеет права брать ответственность за дело, с которым он незнаком, тем более, что и английского языка он не знает...[22] Он не сделал ни одного замечания относительно «Православного Слова», даже не читал журнала (сам признался); о нашей жизни он представления не имеет, равно и о нашем молитвенном правиле. Ничего не спросил об этом даже в день пострига. Он понятия не имеет об американцах, о задачах американской миссии, а с нами ни разу об этом не посоветовался. Даже в благодарственной грамоте Синода нас благословили как миссионерскую организацию... Нам же для исполнения своего монашеского и миссионерского призвания необходима свобода и доверие, чтобы мы писали для тех, кому находим необходимым, чтобы в трудный час могли созвать людей, чтобы обладали необходимой властью укротить смутьянов. Короче: мы не можем ждать, пока некто, сидя за тридевять земель, соблаговолит принять за нас решение, руководствуясь лишь собственными предположениями».

Еще более беспокоило братию требование архиепископа о цензуре. Отец Серафим писал: «„Православное Слово" нельзя подвергать никакой цензуре, на то у нас есть благословение Владыки Иоанна. Сам он лишь изредка давал совет, когда мы сами просили разрешить наши сомнения. В противовес этому Владыка Антоний считает: что бы ни происходило в его епархии — на его ответственности, и допусти его до нашего «Православного Слова» — журнал превратится в «орган епархии», и, без сомнения, он не позволит печатать определенные статьи, а цензура его будет произвольной и несостоятельной»[23].

В первую очередь, как полагали братия, архиеп. Антоний будет избегать острых углов церковной политики. Некогда он говорил им: «Нельзя раздражать Афинагора». Как слова эти шли вразрез с советом Владыки Иоанна «открыто обличать патриарха Афинагора, даже если людям такое придется не по душе». Отец Серафим писал: «Знал бы Владыка Антоний, как крепко мы «раздражаем» в «Православном Слове» Афинагора, он бы немедленно запретил наши статьи как «вносящие разлад», равно и всякое прославление Владыки Иоанна (особенно в русскоязычных материалах)...»[24]

По СЛОВАМ о. Серафима, братия «изрядно испугались» — над Братством сгустились тучи. Не одну ночь провели монахи без сна. Кому и что смогут они доказать? Вся власть мирская — на стороне Владыки Антония. Отец Серафим рассуждал так: «Владыка — видная фигура в Синоде, и уже только поэтому нам не сдобровать. Разве трудно представить нас там зелеными самонадеянными молокососами, горделивыми, непослушными, ненадежными?»[25]

Он попросил совета, написав о. Пантелеимону, которому удалось отстоять монашескую независимость. Отослал письмо и архиеп. Аверкию, посетовав на «ужасное положение».

В марте 1971 года братия получили указ архиеп. Антония (очевидно, разосланный по всем приходам епархии). В нем в частности говорилось: «Нами открыт мужской монастырь... Настоятельство монастырем возлагается мною на меня же... Братии надлежит издавать журнал «Православное Слово»... в качестве послушания. Дальнейшие распоряжения о деятельности монастыря последуют».

Прочитав указ, о. Серафим отметил: «Сбылись наши худшие опасения — Владыка Антоний прибрал наш скит к рукам»[26].

Случилось это во время Великого поста, братия отдавали много сил долгим богослужениям, строгому воздержанию. Указ словно искушал их впасть в полное отчаяние. Но Господь их не оставлял. Из записей о. Серафима видно, что «не прошло и дня, как совершенно неожиданно явился Владыка Нектарий с Курско-Коренной иконой Богоматери*. Враз схлынула тревога, сменилась радостью, мы почувствовали, что *с нами Бог*. Владыка отслужил молебен, причастил нас запасными Дарами (было время вечерни, и мы еще не прикасались к пище), позволил взойти с иконой на вершину горы. Господь благословляет нас непрестанно!»[27] Случилась эта радость в день именин архим. Герасима, и братия увидели в этом знамение — не покидает их небесный предстоятель, преп. Герман Аляскинский.

Указ архиеп. Антония понуждал братий к конкретным действиям. Отец Серафим записал: «Если мы хотим бороться с нашей невыносимой кабалой, медлить нельзя... Дай мы слабинку сейчас, не успеем оглянуться, как окажемся «послушными» и бездушными истуканами, неспособными зажечь сердца людей»[28].

---

* Чудотворная икона, перед которой получил исцеление преп. Серафим Саровский.

Отец Серафим немедля написал еп. Лавру, другу о. Германа по Джорданвилльской семинарии. Подтвердив, что Братство не приемлет указа Владыки Антония, о. Серафим далее говорил:

«Не в наших намерениях затевать борьбу или настраивать кого против Владыки — у него, несомненно, свое объяснение всему произошедшему. Мы лишь хотим внести ясность: как бы ни складывались наши отношения с Владыкой ранее, отныне мы не можем поддерживать с ним никаких связей. К нашему скиту, если Синод даст ему монастырский статус, он непричастен, и скит не является собственностью епархии. Наше Братство, очевидно, вскорости пополнится, но с назначением Владыки в настоятели нам придется отговорить будущую братию или посоветовать другой монастырь — это лучше, нежели помогать Владыке в осуществлении его совершенно несбыточных затей. Скажем откровенно: желающих вступить в «его» монастырь не находится, потому-то он и решил загрести жар нашими руками.

Возможно, все изложенное покажется Вам дерзким, и Вы посоветуете нам набраться терпения, принять волю Владыки как послушание или попытаться договориться с ним. Ответим прямо: никакого компромисса! Владыка Антоний не прислушивается к нам: наверное, полагает, что мы не вправе что-либо советовать ему. Свои намерения он обнаружил полностью, и покуда он имеет над нами власть, недоверие, подозрительность и безысходность не оставят нас. Таковы плоды противозаконного самозванства»[29].

Отец Герман меж тем изливал душу, поверяя свои беды и заботы женщине, которую уважал беспредельно, — Елене Юрьевне Концевич. И что бы братии ни прислушаться к ее мудрому предостережению! Впрочем, они не жалели, что приняли монашество. Елену Юрьевну было не обмануть. Она не только поняла суть лжестарчества архиеп. Антония, но заглянула глубже. За Владыкой стояли силы, перед которыми ему приходилось держать ответ. Елена Юрьевна поведала братии, что могущественная группировка епископов в Синоде настроена против них, считая их «ненадежными»: уж слишком защищали и почитали братия Владыку Иоанна. По словам о. Серафима, архиеп. Антоний пребывал в «страхе смертном»[30] перед влиятельнейшим членом группировки, архиеп. Виталием Канадским. Видимо, архиеп. Антоний убедил свое «начальство», что полностью подчинил братий «партийной линии». Всё это характерно для сергианства, указала Елена Юрьевна, для которого «партийная линия» превыше Бога, и линия эта всячески узаконивается. «Всё не так просто, — предупреждала она, — отрекшийся от сергианства на словах, может следовать ему в делах».

В письмах о. Германа к Елене Юрьевне, как и у всякого русского, преобладали чувства, поэтому он просил написать и о. Серафима, чтобы обрисовать положение вещей беспристрастно. Приводим полностью одно из его писем — в нем ясно изложены древнейшие принципы монашеской независимости:

Дорогая Елена Юрьевна!

Вы знаете, что уже не один месяц пребываем мы в беспокойстве из-за дальнейшей судьбы нашего Братства, да и всей нашей миссионерской работы в Церкви. В письмах о. Германа к Вам описываются более наши теперешние треволнения, нежели основополагающие принципы, которые подвигали и подвигают нас на дела...

Пишу к Вам по-английски, дабы избежать столь присущей русскому стилю чувственной окраски и изложить как можно короче и яснее наши обстоятельства и чаяния. После Владыки Иоанна Вы с Иваном Михайловичем* стали нам наставниками, и до чего же горько: у Вас на глазах наша миссионерская деятельность может и закончиться.

Конечно, сейчас нам угрожают, и угрозы весьма серьезны, но нетрудно понять их причины. Всё просто: управляющий епархией не понимает ни нас, ни нашей работы, он лишь пытается использовать нас в своих целях. Правда на нашей стороне, мы не нарушали ни духовных, ни церковных канонов. Глупо (да и невозможно) «открывать монастырь» против воли двух живущих там братий. Указ о монастырях нашего Синода дает монахам право самим избирать настоятеля, да и суть монастырей в Православии в том, что они — *независимые духовные центры* со своей обособленной жизнью, без вмешательства епископов, если, конечно, те не возьмутся переиначивать установленный порядок и всю церковную жизнь. Таков монастырь в идеале... потому-то монастыри и вдохновляют веру православных, что являют молитвенную и проповедническую жизнь во Христе без помех мирского бытия: мелочных приходских забот, капризов епископов и тому подобного...

Наша ошибка в том, что с самого начала мы не выступили на защиту этого краеугольного принципа, Владыке подумалось, что мы дали слабинку и он сможет из нас веревки

* Муж Елены Юрьевны, проф. Концевич.

вить. Ошиблись мы и доверившись ему поначалу. Признаем Вашу полную правоту касательно архиепископа. Теперь же мы полны решимости бороться за независимость, которую Церковь по канонам обязуется *обеспечивать* монастырям.

Монашеское послушание — никоим образом не рабство, иначе бы Церковь разделилась на «рабов» и «тиранов». Такое в разные времена пытались осуществить, но попытки эти исходили не от Церкви и не от монашества. Все православные христиане, и особенно монахи и монахини, пытаются отсечь свою волю и вести жизнь богоугодную. Но склоняться перед тиранией, которая разрушает богоугодные дела и гасит искру монашества в душах своих жертв, значит насмехаться и издеваться над Православием и монашеством.

Нам такое не пристало! Заявляем об этом решительно и в полном послушании Церкви и законным церковным порядкам. Молимся о том, чтобы твердость наша не повлекла раздора, чтобы мы и впредь жили, не нарушая ни буквы, ни духа церковных правил. Однако памятуем, что правила были уготованы человеку, а не человек — правилам, и что превыше всех законов дух, их породивший. И дабы сохранить этот дух, мы готовы поступиться буквой того или иного закона, коль скоро с его помощью пытаются сокрушить нас и наше дело. По сути, если строго блюсти букву каждого правила, православных христиан и вовсе не останется! Даже наш епископ в Сан-Франциско и сам «неканоничен», поскольку не дозволяется переводить епископов из одной епархии в другую (кстати, это положение недавно вызвало немалые распри в Греческой Церкви). Также не соответствует канонам рукоположение во дьяконы до 25-ти, а во священство до 30 лет, т. е. почти все наши батюшки «неканоничны».

Поверьте, несмотря на недавние невзгоды, мы не сломлены духом. Напротив, коль скоро под угрозой оказалось само наше существование, мы еще больше уверились, что избрали верный путь по благословению и при поддержке Владыки Иоанна. И мы перенесем все страдания, а если Господь призовет, примем мученичество. Нынешние испытания, выпавшие нам, еще раз подтверждают, сколь неугоден дьяволу наш путь, поскольку он истинен.

Похоже, Вы склоняетесь к тому, что нам не удастся идти по этому пути, приняв монашество. Мы же, напротив, увере-

ны, что лишь в монашестве, со всеми тяготами и испытаниями, ему присущими, дело наше расцветет и принесет самые обильные плоды. В миру всё было просто: мы много трудились, но не ведали нападок и невзгод. Теперь же всё трудно: нас гонят со всех сторон, испытания и искушения на каждом шагу. С точки зрения духовности, это доказывает, что наш путь сейчас правильнее, чем когда-либо.

Мы слабы и грешны и замахнулись на дело много выше наших сил и талантов. Господь, однако, умножает нам помощь, и мы идем вперед, с горестями, но в уверенности, что с нами Бог, не оставляет нас и Владыка Иоанн... И сейчас Господь не оставит нас, коли дело наше Ему угодно, не даст свернуть нам на тропу псевдоправославия!

Слава Богу за всё! Ни на минуту не сомневайтесь: мы не оставили пути, на который нас благословил Владыка Иоанн... Молитесь о нас, дорогая Елена Юрьевна, не разуверяйтесь в нас, не оставляйте нас без мудрых назиданий!

С любовью во Христе, нашем Спасителе,
многогрешный монах Серафим[31].

P.S. Уже написав эти строки, довелось о. Герману и мне прочитать речь Владыки Виталия (Максименко)* при наречении его во епископы. Он в частности говорит о том, что вдохновило его на великие подвиги в молодые годы, на чём зиждилась его духовность. Мы сходимся с ним во всём, хотя не свершили и сотой доли того, что удалось ему. И пример его достоин подражания. Мы полностью уверены, что только таким путем можно принести пользу Церкви Христовой. Фарисеи, конечно, уличат Владыку в «своеволии» и «непослушании», однако он столько свершил во имя Церкви, пребывая в ней! Каждое деяние его пронизано огнем яркой духовности, коей недостает сегодняшней Церкви. Как хотелось бы нам так же возгореться сердцем!

Из речи при наречении еп. Виталия Джорданвилльского (1934 г.):

«Не скрою от вас, да вы и сами, богомудрые отцы, а особенно блаженнейший мой авво, знаете, что всю жизнь я избегал занятий уже налаженных, дающих обеспечение,

---

* Речь идет об архиеп. Виталии Джорданвилльском (†1960), не путать с ныне здравствующим архиеп. Виталием Канадским из Русской Зарубежной Церкви.

положение и почет, а предпочитал работать там, где ни я никому не мешаю, ни мне — никто: предпочитал своими силами добиваться того, в чём был убежден, что считал своим идеалом. Предпочитал препоясываться сам и ходить, аможе хотел, работать так, как был убежден.

Большую часть жизни я отдал церковно-народной работе в Почаевской лавре*, при типографии преп. Иова**, а в последнее десятилетие — восстановлению этой самой типографии на Карпатах среди русского народа. Здесь я был сам хозяин, сам и работник»[32].

Со временем, по словам о. Серафима, братия стали «спокойнее и тверже». Он писал: «Мы прозрели. Столько произошло за этот год, столько прояснилось...»[33]

---

* В Польше.

** В Чехословакии архиеп. Виталий создал монашеско-миссионерское Братство преп. Иова Почаевского, о котором упоминалось выше. В 50-е годы оно переехало в Джорданвилль и продолжало там свою издательскую деятельность.

56

Перемирие

Превыше всего берегите
благословение Владыки Иоанна.
Еп. Нектарий.

«В НАШИ ДНИ преобладает мнение, — отмечал о. Серафим, — что монастырь — это сборище случайных людей, объединенных единой, вполне определенной задачей, которую ставит перед монастырем Церковь: быть ему летней резиденцией епископа, или «туристической базой» для причта, или просто поставщиком рабочей силы для церковных нужд. Монахи — те, кто добровольно пошел в «рабство», чья личность полностью подавлена «начальством» якобы во имя послушания и кого церковные организации могут использовать по своему усмотрению. Самые расторопные выбиваются в иерархи, кому везет меньше, идут на приход священниками и уж только круглые дураки остаются в монастыре, разве что пасти коров… В таком образе монашество предстает чем-то вроде духовной гимнастики (поклоны, послушания и пр.), и упражнения эти нетрудно выучить в «монастыре», а выучив, так же нетрудно сделаться монахом любого другого монастыря, одаривая всех и каждого плодами своих духовных упражнений, мало-помалу поднимаясь по иерархической лестнице. Повезет — станешь епископом и тогда волен сам муштровать других… Но НЕТ! Монашество в истинном своем виде — это выраженное стремление души ко спасению, а общая жизнь в монастыре предполагает единство разных людей в помыслах и чаяниях душ, их желание стать одним целым, каждая клеточка которого подвигает другую ко спасению»[1].

Сколько бы ни черпали братия убедительных примеров подвижничества из житий отшельников и монахов-миссионеров, находились люди, кто не верил, с подозрением относился к «извилистому» пути,

избранному братией. Одним из таких был иконописец о. Киприан. В Джорданвилле он взял на себя труд лично остепенять тех, кто отходил от бытующих церковных устоев, считал такой отход прелестью, т. е. духовным заблуждением. В том же духе воспитал он и немало «удачливых» служителей церкви, в том числе двух епископов. За такую усердную бдительность его прозвали «милицией прелести». В 1971 году он написал отцам в Платину:

«Немедленно собирайте вещи и приезжайте к началу поста в Джорданвилль. Я пришлю к вам в помощь Потовку. Положение ваше критическое, и вы вот-вот впадете в прелесть. К тому же Джорданвилль вымирает, и через 10 лет здесь некому будет работать. Приедете вы, и возможно, ваш пример вдохновит и других».

В связи с этим письмом о. Серафим заметил: «Само собой, мы восприняли его как очередное искушение. Со дня пострига мы их изведали немало, но устояли»[2].

Грозил «прелестью» и архиеп. Антоний. В том же году о. Серафим писал: «Владыка передал следующее: коль скоро своим поведением на Рождество мы доказали, что над нами нависла опасность впасть в прелесть (?!), он просит нас не упрямиться и принять священство. Где же логика? Разве «впадающих в прелесть» просят стать священниками? Конечно, мы всерьез не принимаем ни обвинение в прелести, ни предложение о нашем священстве как о пути служения Церкви. И то и другое продиктовано людьми, которым чуждо наше дело и которые не стремятся помочь нам полностью проявить наши способности. Им важно — как и всякому стороннему наблюдателю — показать нас, так сказать, во всём блеске и поставить себе в зависимость. Ясно же, что священник много теснее связан со своим епископом, нежели простой монах. Подобные шаги лишь еще раз убеждают нас в правоте нашего дела и стремлении сохранить нашу независимость от Владыки Антония... Чем отдавать ему во власть монастырь, лучше вообще упразднить нашу обитель — и то больше пользы»[3].

К радости отцов, от других епископов они получили поддержку. В ответ на обстоятельное письмо о. Серафима к еп. Лавру, тот написал:

«Скорби, выпавшие вам, только подтверждают, что вы заняты делом богоугодным. Наберитесь терпения, не идите войной против Владыки Антония, докажите делом, что Указ Владыки неприемлем для вас»[4]. Со своей стороны Владыка Нектарий пообещал, что воспрепятствует всяким действиям, вредящим Братству, и если в Синод поступит на него жалоба, то не иначе, как от самого архиеп. Антония. Отец Серафим отмечал, что они с о. Германом получили от Владыки Нектария большое утешение.

Отцов очень беспокоило, что, официально «открыв» их скит, Владыка Антоний объявил об упразднении Братства преп. Германа. Цель — поставить о. Германа и о. Серафима в зависимость от своего благословения, а не благословения архиеп. Иоанна. С таким положением решительно не соглашался еп. Нектарий: «Ни за что не позволяйте Владыке Антонию лишать Братство имени. От этого порушится благословение Владыки Иоанна, в коем вы до сих пор черпали силы. Превыше всего берегите благословение Владыки Иоанна! В этом содержится вся ваша сила».

И отцы продолжали печатать разные материалы, как и раньше, от имени Братства преп. Германа, а на первой странице журнала над оглавлением по-прежнему значилось: «Основан по благословению Его Высокопреосвященства архиепископа Иоанна (Максимовича)»...

К ИЮЛЮ 1971 ГОДА в воздухе запахло переменами. Отец Серафим вспоминал: «Из Сан-Франциско дошли вести, что Владыка Антоний, похоже, прознал о нашем к нему отношении, но решил нас некоторое время не трогать, дабы не пошатнулась его репутация «миротворца». Может, его убедил Владыка Нектарий, может, архиепископ и сам смекнул что к чему. Во всяком случае вскоре мы убедились, что слухи не напрасны. На праздник Вознесения Господня нам не удалось поехать в Сан-Франциско (сломался грузовик), и сколь велико было наше удивление, когда поутру к нам пожаловал сам Владыка Антоний! Словно визит его в порядке вещей, словно главе епархии и не пристало в такой праздник проводить богослужение в кафедральном соборе (там сейчас служил еп. Нектарий). Он сказал, что хотел навестить нас сразу же после Пасхи, однако собрался только сейчас. Мы насторожились, однако, уповая на милость Божию и предстояние Его святых, с благодарностью приняли духовные дары Божественной литургии и причастие. А дальше — что Бог даст: мы надеялись, что произойдет наконец «выяснение отношений» с Владыкой и всё разрешится.

После литургии за трапезой Владыка сказал, что вместо чтения нас ждет «большой разговор». Отослав водителя Владыки отдыхать, мы изготовились слушать. К нашему изумлению, он и сам был неспокоен и нервозен. Собственно, разговора и не вышло! Он расспросил о нашей пасхальной службе, не укорил за то, что мы не очень-то рвались в Сан-Франциско. Оповестил о грядущей службе в Форте Росс на будущей неделе, не намекнув даже, что мы должны показаться «на людях». И ни словом не обмолвился о «послушании», «прелести» или о чём-либо подобном.

Потом Владыка отправился отдохнуть ко мне в келью, где на видном месте висел листок с русским текстом, читая который мы приободрялись: «Ставропигиальное* миссионерское Братство преп. Иова Почаевского — Владыка Виталий**». Мы с о. Германом договорились: если архиеп. Антоний приехал как «миротворец» и не станет ворошить прошлое — и мы промолчим, как советовал еп. Лавр... После отдыха Владыка бегло осмотрел нашу типографию и, натужно улыбнувшись, ни с того ни с сего вдруг признал, что, возможно, чем и обидел нас раньше. Мы промолчали. И он уехал.

Положение наше после его приезда не изменилось, разве что установилось зыбкое перемирие... И скоро ли грянет следующая битва, мы не знаем... Приходится выжидать на боевых позициях...»[5]

Очередная атака, по мнению отцов, должна была последовать после того, как они напечатали на русском языке краткое жизнеописание архиеп. Иоанна. До сих пор в России о нем мало что знали — он считался личностью противоречивой. На издании книжицы настоял о. Серафим. Сам же набрал текст (вручную!), так как не было возможности пользоваться кириллицей при работе с линотипом. Наблюдая за братом, проводившим долгие часы за утомительной и кропотливой работой, о. Герман диву давался: вот он, труд любви американца, чтобы несчастные закабаленные русские смогли прочитать о своем, пока непрославленном святом на родном языке. Однажды о. Герман спросил, ради чего брат делает это. «Русские нам дали так много. Открыли нам Истину. Так что долг платежом красен», — ответил о. Серафим.

Когда братия приехали в Сан-Франциско на пятую годовщину кончины архиеп. Иоанна, то привезли с собой и несколько ящиков с только что напечатанными книгами, один экземпляр подарили архиеп. Антонию. Русские бросились раскупать их, и к концу литургии Владыка заметил такую книжицу в руках почти у каждого. «Что это значит? Без моего ведома книга продается в моей епархии?!» — вопросил он.

После службы все отправились на обед к одной из прихожанок. Владыка же сказал отцам: «Я еду домой читать вашу книгу. Вы оставайтесь здесь и никуда ни шагу, покуда я всё не прочитаю». Через полчаса он позвонил из своей резиденции: «Еще не закончил. Я

---

* Независимое от епархиального епископа.

** Архиеп. Виталий Джорданвилльский (†1960), не путать с ныне здравствующим архиеп. Виталием Канадским.

обнаружил кое-какие неточности. Никуда не уходите». Отцам оставалось лишь ожидать, теряясь в догадках. Прошло еще полчаса. Снова звонит Владыка: «Всё прочитал. Очень хорошо. Даже прослезился под конец».

В 1972 году, когда отцы присутствовали на ежегодной литургии в усыпальнице архиеп. Иоанна, разговор о книге неожиданно возобновился. Владыка Антоний заявил, что, хотя он лично и одобрил биографию, поступают жалобы и ему хотелось бы примирить стороны. Его волновало мнение врагов архиеп. Иоанна в Сан-Франциско. Позже о. Серафим писал по этому поводу: «Перед ним житие святого вселенского значения, покровителя всей русской диаспоры, а он страшится отзывов местных интриганов! Это ли наглядно не показывает узкий, «епархиальный» подход к Церкви, если не сказать большего!..[6] Владыка Антоний постарался приуменьшить значение Владыки Иоанна, дескать, события слишком свежи в памяти, столько противоречий… На что о. Герман, не утерпев, ответил:

— Владыка Иоанн — святой! Чудотворец!

Архиеп. Антоний возразил:

— Ну, об этом мы *меж собой* можем говорить, но не на людях![7]

И добавил:

— Не печатайте о Владыке Иоанне, покуда живы его враги.

— Но к той поре не останется в живых и его друзей, — возразил о. Герман, — и нечего будет печатать.

— Вот тогда и печатайте, что хотите! — заключил Владыка.

Нетрудно было понять смысл его слов: тогда можно будет сочинять «беззубые» истории, ведь утеряется главное — свидетельство очевидцев об истинной жизни святого, жизни беспокойной, волнующей.

Покинули Сан-Франциско отцы в печали. «Шесть лет, как почил Владыка Иоанн, — писал о. Серафим, — а искорка Православия среди русских прихожан угасает! Однако вот же Богом данная помощь, чтобы искорка эта возгорелась! Мы подумали: почему так много препятствий и *ограничений* в прославлении неоспоримого Святого и Чудотворца наших дней? Почему только раз в году совершается литургия в его усыпальнице? Ведь до прихода Владыки Антония, когда временно епархией управлял еп. Нектарий, литургии служили чаще. Почему бы не установить традиционные *паломничества*?

Что на это возразить? Мы не осуждаем Владыку Антония. Его положению не позавидуешь. И без него нашлось бы несколько иерархов, которые вообще бы запретили литургию в усыпальнице. Но этот путь ведет к умерщвлению Православия, искусственному снятию всех «противоречий». Молодое поколение таким оскопленным Правосла-

вием не привлечь. Молодых может вдохновить лишь «героизм» таких личностей, как Владыка Иоанн, лишь такими примерами можно возжечь сердца к Православию»[8].

Отцы пожаловались еп. Нектарию на запрет, наложенный Владыкой Антонием на публикацию материалов о жизни и чудотворениях архиеп. Иоанна. В ответ еп. Нектарий встал, перекрестился и сказал:

— Будет грехом с вашей стороны, если вы, получив свидетельства и лично их проверив, не воспользуетесь свободой печати в свободной стране и под каким-либо видом не напечатаете этого.

В этих словах — призыв к действию. Отец Герман невольно воскликнул:

— На что же решиться? Один иерарх разрешает, другой — запрещает, и всё в одной епархии! Что же делать? Стану печатать — буду гоним!

Еп. Нектарий вновь перекрестился и ответил:

— И слава Богу за это!

57

Чтобы искра не угасла

Когда ревность ослабеет, рука не поднимается, нога не ходит... церковь не мила... Видите, какая беда от ослабления первой ревности?.. Храните же ее — и не позволяйте ей ослабевать в вас.

Свят. Феофан Затворник[1].

Волей архиеп. Антония Братству выпали тяжкие испытания, само существование Братства оказалось под угрозой, однако отцы укрепились духом. И не только. Пережитое ими было достаточно частым явлением в Церкви: изначальное рвение и усердие гаснет в обстановке обмирщенности, интриг, под натиском «общественного мнения». Одолев это препятствие, отцы теперь были в силах помочь и другим, находящимся в таком же бедственном положении. Так о. Серафим писал к одному русскому священнику, утопавшему в приходских заботах:

«Необходимо сострадать и снисходить к своей пастве, к людским слабостям, но в первую очередь пастырь должен *вести* прихожан, наставлять их на правое дело, подвигать их к высотам духа, внушать, что они православные не столько по рождению или принадлежности к православной организации, сколько по *непрестанной борьбе за верность Христову учению*. Как никогда, православные пастыри сегодня должны остерегаться упования на Церковь как организацию, а уповать на главного нашего Пастыря Иисуса Христа, на небесный мир Божьей Истины и Его святых — от них силы и вдохновение на правильное пастырство. Пастырь — это не только исполнитель треб для людей православных лишь потому, что они члены некоего прихода. Напротив, он должен постоянно напоминать им, как *легко потерять «вкус» Православия*, если не бороться, не стремиться к горнему. Эту беду пред-

видел еп. Феофан Затворник и печалился, что никто вокруг не видит того же. Уже в XIX веке начал теряться «вкус» Православия, и сколько утеряно с той поры!

Сами мы, по милости Божией, живем тихо, вдали от «приходских забот», и оттого нам особенно дорог наш идеал Православия. Живи мы в Сан-Франциско на приходе, боюсь, быстро бы приуныли и опустили бы руки. Здесь же сама пустынь вдохновляет нас. Безлюдность, дикая природа заставляют вспоминать пещерных отшельников, их чудесную свободу, которая и есть истинная православная жизнь (вкупе с отрешением от самости). В миру такое обрести намного труднее, потому и желаем Вам в первую очередь постоянно *душою пребывать в сферах горних*, а уж потом — „приобщаться жизни своей паствы"»[2].

Был еще один человек, нуждавшийся в поддержке. Отцы знали его еще по Сан-Франциско. Молодой, недавно принявший Православие, учившийся в семинарии. Но он полагал, что ему там не место и пребывал в растерянности: на что употребить жизнь. Над ним смеялись и глумились, как над всякой «белой вороной» — такому ни за что не сделать «карьеры» на церковном поприще. И тот безропотно всё сносил «ради смирения». Но, как заметил о. Серафим, в сердце у этого юноши жило не смирение, а просто-напросто фатализм.

Семинарист написал отцам о своих невзгодах и получил исполненный любви ответ. Письмо о. Серафима было теплым и открытым (сколько потрудился о. Герман, чтобы «вытянуть» эти качества друга на свет Божий! Помогла этому и жизнь в пустыни, где можно было воспарить духом). Во-вторых, в каждой строке чувствовалось пережитое о. Серафимом за последний год:

> Дорогой брат во Христе!
>
> Возрадуйся о Господе!
>
> ...Что можно сказать в письме? Куда лучше обстоятельная беседа. Но даже издалека рискну предположить: в глубине души у Вас нет никакой растерянности. Обстоятельства жизни, отсутствие вдохновляющего примера и наставника — вот в чём причина Вашей духовной неустроенности.
>
> В глубине души Вы истово жаждете *подвига*, как и всякий только что пришедший к Православию. Вы ревностно служите Церкви и со слезами радости благодарите Бога, открывшего Вам доселе неведомый небесный мир. Это помогает узреть Его Церковь, равно и увидеть, в какой скверне Вы некогда жили. Всё, очевидно, понятно и без слов. Ведь и я, подобно Вам, только в начале пути!

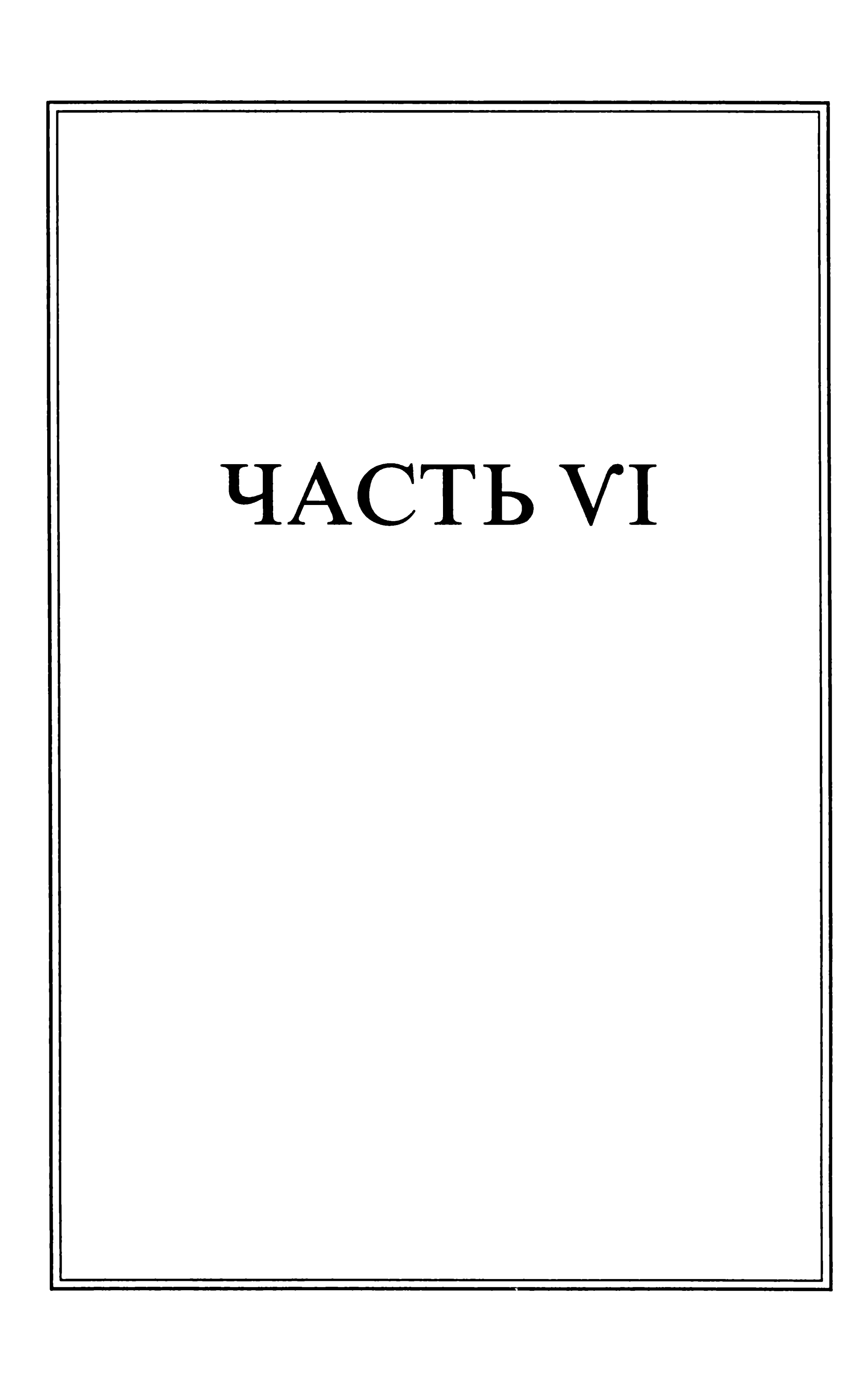
Вы исполнены решимости целиком, без оговорок предать себя Православию. Вам хочется не просто «служить Церкви» или найти место в одной из церковных «организаций» (возможно, Вам такое даже претит), а отдать все силы, всю душу Господу. И каким же путем этого достичь? Кажется, что некому указать Вам, некому возжечь Ваше сердце. Вы живете в обстановке обыденности: Церковь становится привычной, почти непременная карьера, т. е. продвижение по служебной лестнице; клика влиятельных иерархов со своими шуточками и грешками, но страшнее всего — способных умертвить живую душу, потушить в ней искорку веры. Не позволяйте этого, не оправдывайтесь смирением, терпением, послушанием или какой иной добродетелью. Увы, и они могут превратиться в пустой ритуал. А искорку веры христианской надобно всегда поддерживать. Некоторое время она, конечно, еще будет теплиться, но надолго ее не хватит... Если нет ничего вдохновляющего, она скоро потухнет, Вы сделаетесь вечно недовольным брюзгой, бездушным истуканом, никому не нужным. И в том будет Ваша вина...

Более всего мы опасаемся, как бы «общественное мнение» не определило Вас туда, где Вам совсем не место, и у Вас может не найтись сил вырваться, Вы навеки погрязнете в мелочах церковной жизни или — того хуже — Вам всё прискучит, Вы разочаруетесь и вовсе покинете Церковь... Пока же искорка веры жива у Вас в душе, Вы призваны сохранить ее, передать ее другим, пожать плоды на ниве Христовой. И не забывайте, что путь Ваш может показаться необычным! Не позволяйте никому загонять Вас в прокрустово ложе «смирения» и «послушания», особенно тем, кто не знает и не хочет знать, что происходит в душе Вашей, кто лишь пытается направить Вас по проверенному пути, «как всех», что Вам не подходит.

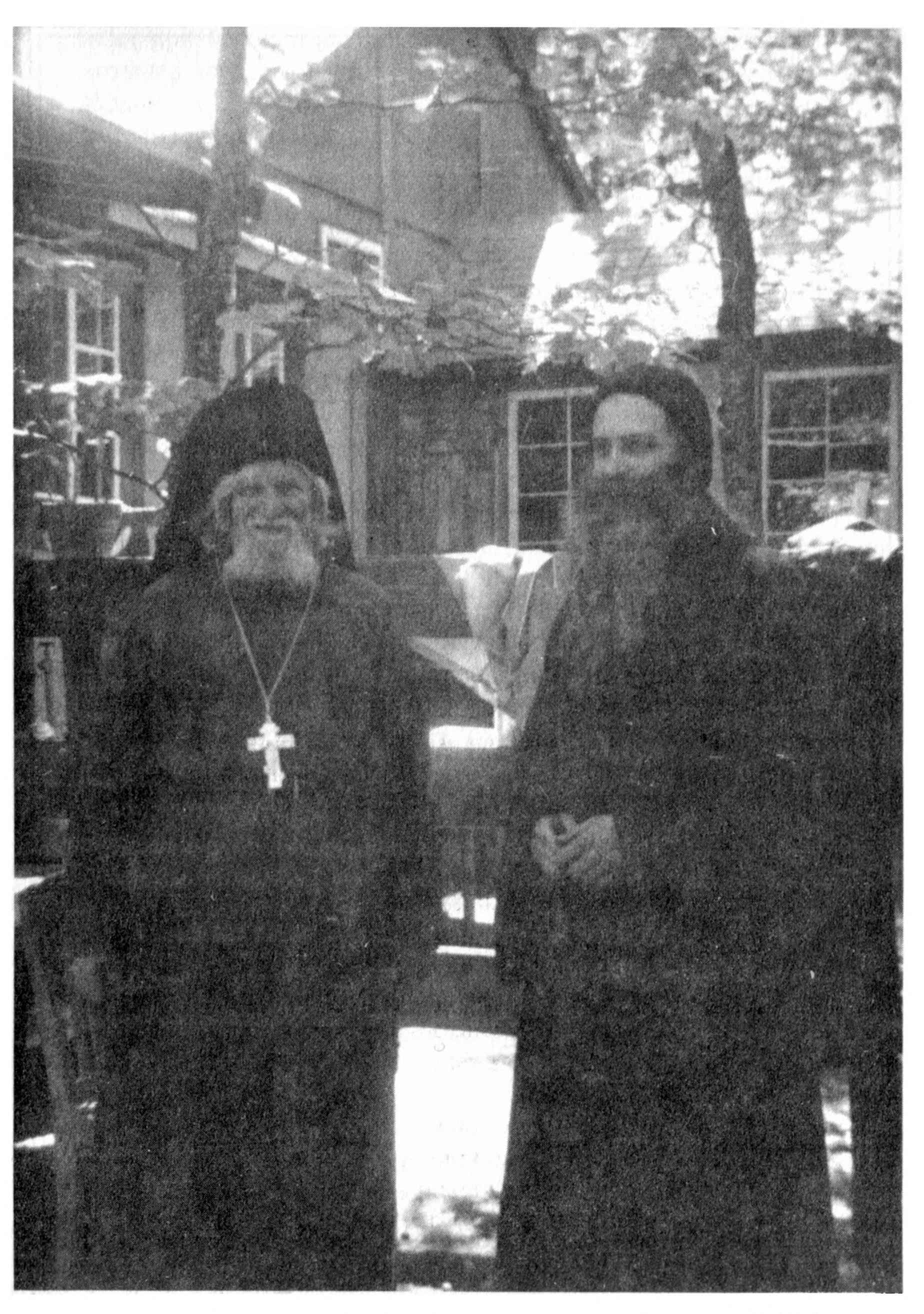
Не забывайте Владыку Иоанна, молитесь ему! Он — наша путеводная звезда. Порой и мы падаем духом, дескать, не одолеть нам привычных и косных воззрений, вероятно, и впрямь Церковь — такое же место службы и нечего там искать вдохновения себе и другим, дескать, путь наш рискован, лучше бы умерить наш пыл, покориться чьей-то воле и стать «смиренными слугами» Церкви. И тогда мы вспоминаем Владыку Иоанна, и сразу наша жизнь вновь обретает смысл,

а всё привычное и рутинное обессмысливается, но если оно возьмет верх, то сбудется грозное предсказание Владыки Иоанна в 1938 году: православные русские за пределами России исчезнут с лица земли. Вспомнив же Владыку Иоанна, мы берем жития святых и Отцов Церкви и в них черпаем вдохновение[3].

И много позже о. Серафим вспоминал, как научал его архиеп. Иоанн жить больше «небесной областью»: «Очевидно, сам Владыка всё время пребывал в сферах горних. Помнится, однажды он так говорил в одной проповеди о жизни духовной и созерцательной: «Вся наша святость зиждется на том, что мы твердо стоим ногами на земле, и будучи на земле, постоянно умом устремлены ввысь». Всякий раз, навещая нас в книжной лавке рядом с собором, он непременно дарил нам некое откровение, чем безмерно воодушевлял. Придет, бывало, достанет из маленького портфеля, к примеру, образок св. Альбана и его житие. Он искал и находил то, что помогало возгореться душе, и это не имело ничего общего с повседневной «административной» жизнью епархии. Говорили, что он плохой управитель. Не знаю. И не верю. Всякий написавший ему получал скорый ответ, причем на языке писавшего. В этом Владыка был очень щепетилен. Но больше его влек мир иной, им он жил, в нем черпал вдохновение. Что идет вразрез со стремлением иных иерархов превратить Церковь в «дело», сосредоточившись на управленчестве и экономике, т. е. сугубо мирском. Стоит увлечься этим — и искра погаснет, утеряется духовность. Архиеп. Иоанн своим примером заставляет нас устремляться духом и мыслью ввысь. И понимаешь в конце концов, что иного пути нет! Если Вы православный христианин, то выдюжите, и пусть люди называют Вас «полоумным», «чокнутым» или еще как, Вы не измените своей жизни и приобщитесь Небес»[4].

ЧАСТЬ VI

Архимандрит Спиридон и о. Серафим у монастырской трапезной. 1974 г.

58

Блаженный сотаинник Владыки Иоанна

Будьте мудры, как змии, и просты, как голуби.
Мф. 10:16.

«Из ВСЕХ ЗНАКОМЫХ ближе всех по духу блаж. Иоанну был смиреннейший архим. Спиридон, — вспоминал о. Герман. — Со стороны не увидеть, не различить таинственной духовной связи меж ними. Даже отыщи мы ключ к разгадке их уз, мы не смогли бы добраться до их истоков. В церковном языке есть слово, точно выражающее эти узы, — *сотаинник*, т. е. разделяющий с кем-то тайну монашеского пути.

Много уже написано о юродивости блаж. Иоанна, за коей скрывались ниспосланные ему свыше дарования. Писали и о том, что, живя горним миром, он не слишком заботился о мнении окружающих, не следил за внешним видом, вел себя «неподобающим образом». Кое-кто считал его немного «не в себе». Он же, прозревая жизнь глубже, чем окружающие, находил больше понимания у простодушных детей, нежели у высокоумных взрослых. Писали о его даре ясновидения. Всеми упомянутыми качествами обладал и о. Спиридон, сотаинник Владыки Иоанна»[1].

Отец Спиридон сдержал слово, данное отцам при постриге, и наезжал в скит, как только позволяло время, причастить о. Германа и о. Серафима. «Чаще всего, — вспоминает о. Герман, — он приезжал один, на автобусе. Потиры и свою архимандричью митру вез в простом пакете. Мы встречали его на конечной остановке. Порой ему приходилось ждать нас очень долго, он смиренно сидел, как всегда по-детски улыбаясь, не замечая мирской греховной суеты, бушевавшей вокруг. В

Архимандрит Спиридон в полном облачении у печатной мастерской монастыря. 1971 г.

руке у него старенькие четки, некогда принадлежавшие архиеп. Иоанну, с коими Владыка не расставался.

Со временем о. Спиридон стал наезжать раз в месяц, а то и два, и гостил у нас с неделю. Он служил Божественную литургию, устраивал беседы. Проповеди его — краткие и значимые — поражали нас: он выискивал либо малозаметные и непонятные отрывки из евангелий, либо редкое жизнеописание, либо забытую традицию. Он любил рассказывать о Святой земле, о Царской семье, сербских и грузинских святых. Особенно о грузинских: один из них был небесным покрови-

телем его сестры, а отец их живал в Грузии. Сколь радостно было нам черпать из бездонного кладезя его памяти…

Отец Спиридон любил монашескую жизнь и удивительно много знал о монашеских обычаях — он был истинным монахом, а свою жизнь в миру считал лишь временной отлучкой из монастыря. Приехав к нам в первый раз, он повесил в церкви свою мантию, да там и оставил ее, видимо, чтобы мы всегда чувствовали его рядом. То же он сделал и со старенькой митрой».

Однажды некий русский мальчуган из детского лагеря скаутов случайно увидел о. Спиридона за молитвой (он был исповедником скаутов): «Это было в походе. За деревьями я вдруг увидел силуэт человека, сидящего на табурете. Присмотрелся: да это же наш дорогой отец Спиридон. В руке он держал икону преп. Германа. Батюшка беспрестанно крестился и пристально глядел на икону… Много позже, когда я познакомился с основателями Братства и увидел, какие духовные узы связывали их с ныне покойным о. Спиридоном, мне вспомнился этот эпизод, и я понял, что плодотворная деятельность Братства зиждилась на молитвах таких вот святых монахов-подвижников, как о. Спиридон»[2].

СМЕШНОЕ, едва ли не «шутовское» обличие, которое о. Спиридон являл миру, вводило в заблуждение, и неудивительно, что люди и не подозревали, сколь прозорлив и тонок душой этот провидец, подобный в этом архиеп. Иоанну. И как бы ни скрывал он свой дар, кое-кто замечал его. Отец Герман писал, что «в Братстве убедились в этом не раз и не два. Когда нужно было разрешить какой-либо спор или сомнение, особенно в церковных терминах, как перевести на современный английский язык то или иное понятие из православного учения или выбрать материал для журнала, редакторы, не придя к единому мнению, обращались к о. Спиридону. Телефона у нас не было, приходилось прибегать к письмам. А если и пытались дозвониться из придорожного магазина, то чаще всего безуспешно: о. Спиридон был в отъезде, либо в больнице, либо в школе городка Пало Альто, где преподавал. Отсылали письмо с вопросами и забирали корреспонденцию на наше имя (ее оставляли в магазине). И непременно среди писем находили весточку и от о. Спиридона, в которой он — нежданно-негаданно! — отвечал на волновавший нас вопрос, о котором мы только что поведали в письме!»

Лишь на лоне природы, вдали от мирской и церковной суеты проявлялась истинная суть о. Спиридона. «Он весь светился неопису-

емой чистотой, словно дитя полнился радостью жизни, — вспоминает о. Герман. — Не забыть вовек тех минут, когда передо мной открывалась душа о. Спиридона. Эти редкие, случайные мгновения запечатлелись в сердце навсегда.

Как-то вскоре после Пасхи (уже в конце 70-х) наша соседка г-жа Шнайдер подарила нам две пары белоснежных голубей. Они порхали с дерева на дерево по всему монастырю, залетали на звонницу, важно прогуливались по церковному крыльцу, где мы сыпали им зернышки. В ту пору, в самом конце весны, и посетил нас о. Спиридон. Был он болен и немощен. А природа вокруг, напротив, являла возрождение жизни, ликовала буйным цветом. На черных дубах проклюнулись листочки, нежные, розоватые. Безоблачное голубое небо довершало поистине праздничный вид.

После того, как о. Спиридон совершил литургию, мы принялись готовить еду. Обычно о. Спиридон удалялся в келью, сегодня же присел отдохнуть на церковное крыльцо, погрузившись во внутреннее созерцание. Рядом без страха расположились голуби, и он заговорил с ними. Я увидел это, случайно выглянув в окно. Вот сидит человек в естественном окружении, в совершенном неотмирном покое. И голуби олицетворяют Божественную кротость этого человека. Без сомнения, он думал о блаженном архиеп. Иоанне, тот также «водил дружбу» с голубкой.

Не знаю, долго ли сидел он, но я неотрывно глядел на него — хотелось навеки запечатлеть в памяти эту картину. Ведь сейчас приоткрылась тайна этого человека, тайна, которую сам он не откроет. Я знал, что сейчас ему видится нечто другое, чем нам, он заглядывает в мир иной. Мы все лишь копошимся в мире сем, толком не сознавая свою причастность ко всеобщей гармонии, о. Спиридон же ощущал ее всем существом. Он всегда держался поодаль от всякой мирской суеты, к которой нас приучают сызмальства. Мир, который он созерцал сейчас, неизмеримо больше нашего, ничтожного и суматошного.

Я подозвал о. Серафима, дабы и он узрел, хоть на миг, откровение монашеской тайны»[3].

«В молчании». Рисунок из «Русского паломника» за 25-ое июня 1905 г. Отец Герман обнаружил его много лет спустя после вышеописанного случая и понял: именно в таком состоянии пребывал о. Спиридон в то майское утро на церковном крыльце.

59

Рай в пу́стыни

Молчаливый муж есть сын любомудрия, который всегда приобретает многий разум.

Св. Иоанн Лествичник[1].

Не всякий безмолвник смиренномудр, но всякий смиренномудрый — безмолвник. ...Смиренномудрый во всякое время пребывает в покое, потому что нечему привести ум его в движение или в ужас. ...И если можно так выразиться, смиренномудрый несть от мира сего...

Св. Исаак Сирин[2].

С ИСКРОЙ, возгоревшейся в сердцах отцов после пострига, они, ведóмые о. Спиридоном, всё глубже постигали тайны монашества. И плоды их пустынножительства не заставили себя ждать.

Послушаем о. Германа: «Внимание наше мало-помалу обратилось к жизни вокруг. Мы увидели ее такой, как она есть, без шор человеческих мнений и суждений. Выл ветер, менялась погода, а с ней и настроение, шумел лес, гомонили птицы, копошились зверушки. Всякое дыхание дерева или растения исполнилось большого значения. Умирилась душа. Глаза стали прозревать сущность вещей, а не только внешнее, броское. Нас посещали любящие и готовые помочь друзья, но были они, пожалуй, даже в обузу: докучали своими поверхностными суждениями, заботой о преходящем, мирском, слепотой к истинно сущему. Какая же радость ложилась на сердце, когда вновь воцарялись покой и тишина, которая красноречивее любых слов».

Старец Зосима Сибирский, чьи письмена и житие во многом подвигли отцов на пустынножительство, писал о пу́стыни: «Как можно в точности описать все те внутренние духовные чувствования, которые

до такой степени усладительны, что никакое благополучное царствование не порадует так и не успокоит, как пустынное житие! Ибо когда не видишь и не слышишь и не водишься с миром заблудшим, то и спокойствие находишь, и ум естественно устремляется весь к единому Богу. Нет в пустынном пребывании ничего такого, что бы препятствовало или отвлекало от богослужения, или мешало заниматься чтением Священного Писания и питаться углублением в богомыслие, напротив, всякий случай и всякий предмет побуждают здесь простираться к Богу. Кругом дремучий лес, за которым весь мир скрылся: только к небу чистейший и незаграждаемый путь, привлекший взоры и желания сподобиться переселения в тамошнее блаженство. Но если взоры сии обратятся и на землю, рассматривая всю тварь, всю природу, то не менее восхищается сердце сладкою любовью ко Творцу всяческих, удивлением Его премудрости, благодарением Его благости: даже приятное пение птиц возбуждает к славословию и песнопению молитвенному. Вся тварь содействует безмерному духу нашему соединяться с Творцом своим!»

Далее старец Зосима пишет:

«Аще ли же бы кто изшел побеждаем и убеждаем будучи любовию Божественною Христовою, таковому уже воистину мню я в раи пребывание он свое имать»[3].

Это познал и о. Серафим. Отец Герман вспоминает, как однажды, проснувшись после кошмарного сна, он поспешил к брату — поделиться своими страхами.

— Мы чокнутые! — вскричал он. — Что мы забыли здесь, в этой глухомани?!

Отец Серафим спросонья потер глаза и ответил:

— Что ты, мы же в Раю!

По мирским меркам такое заявление просто невероятно! Жалкие хижины, летучие мыши, гремучие змеи, скорпионы, ни капли воды окрест. Вряд ли, по представлениям XX века, это можно назвать раем. Впрочем, слова о. Серафима заставили задуматься о. Германа: «Зная, что такое византийское Православие, понимаешь и смысл сказанного. Мы здесь для того, чтобы воссоздать Рай в сердцах наших. Но если смотреть взглядом обмирщенным, то, разумеется, мы здесь лишь теряем время».

Отец Герман вскорости приметил и в своем сотаиннике черты неотмирности, столь присущие о. Спиридону. Утром до богослужения о. Серафим имел обыкновение обходить монастырские «владения». Заря только золотила кроны раскидистых дубов, а о. Серафим уже ходил меж деревьев, благословляя и даже целуя их.

Монастырская зима.

— Что это? — спросил о. Герман. — Зачем целовать деревья?!

Отец Серафим лишь взглянул на него, улыбнулся и пошел дальше.

Как никто на этой старой земле, отягощенной грехопадением человеческим, знал он, что дни ее сочтены, что исчезнет она в мгновение ока, преобразуется в землю новую. И в этой новой земле о. Серафим пребывал уже сегодня — это и засвидетельствовал о. Герман, наблюдая ежеутренние его обходы: «Он хотел умереть, слиться с землей, которую ждет преображение... Он целовал дерево, ибо в этом угадывалась неотмирность, ведь деревья, согласно учению св. Григория Синаита, изначально созданы нетленными в Раю».

Для того, чтобы познать этот преображенный мир, уготованный человеку с начала времен, о. Серафим преображался сам. Цель монашества — перерождение ветхого человека в нового, неотмирного, и неспроста столь почитаем монашеством праздник Господня Преображения.

Но о. Серафим сознавал, что само по себе преображение не произойдет. Он не ждал, когда добродетели сами посетят его, он без устали трудился стяжая их, в уверенности, что Господь даст ему силы. Каждый

день шла непрестанная невидимая брань: недремлющим оком нужно следить за всеми уловками падшего человеческого естества и упреждать их. Отец Серафим жил согласно завету св. Макария Великого, он сам перевел слова святого на английский и записал в дневнике:

«Но приступающему ко Господу надлежит, таким образом, прежде всего, даже против воли сердца, принуждать себя к добру, всегда с несомненною верою ожидая милости Господней; надлежит принуждать себя к любви, если кто не имеет любви; принуждать себя к кротости, если не имеет кротости; принуждать себя к тому, чтобы милосердым быть и иметь милостивое сердце; принуждать себя к тому, чтобы терпеть пренебрежение, и когда пренебрегают — быть великодушным, когда уничижают или бесчестят, не приходить в негодование... Надлежит принуждать себя к молитве, если не имеет кто духовной молитвы. В таком случае Бог, видя, что человек столько подвизается и против воли сердца с усилием обуздывает себя, даст ему истинную кротость, утробы щедрот, истинную доброту, и одним словом, исполнит его духовнаго плода»[4].

Главное средство духовного перерождения — покаяние, осознание греховности всем сердцем, прозрение самых скрытых грехов и готовность жизнь положить, чтобы искоренить их и измениться. В этом — цель монашеской жизни. Отец Серафим указывал, что «грех — не просто категория неблаговидных дел, отказавшись от которых мы станем «безгрешными», а, скорее, цепи и кандалы, которыми мы опутаны и из коих окончательно не выбраться в этой жизни. Чем глубже Православие входит в нашу жизнь, тем более греховными мы себя ощущаем, тем невыносимее эти кандалы, тем отчетливее видны путы. И выходит: тот, кто меньше грешит, чувствует за собой бóльшую вину, нежели грешащий часто»[5].

Каждый год Великим постом о. Серафим брался перечитывать «Исповедь» блаж. Августина и всякий раз рыдал, видя глубочайшее покаяние святого. Некоторые места в книге он подчеркивал, о. Серафим явственно видел в описаниях блаж. Августина свою жизнь, приход к вере через бунтливое ее неприятие. Некоторые эпизоды словно взяты из его жизни и писаны его рукой.

Смиряясь в постоянном борении, каясь, о. Серафим истово восхвалял Господа и величие Его творения. Началось преображение старого падшего мира, началось у него в душе. Постепенно очищаясь, пребывая в молении и духовном бдении, он чувствовал, как сердце его расцветает райским цветом. Воистину, Царствие Божие он взрастил в сердце своем.

Глядя, как, глубоко задумавшись, о. Серафим гуляет по лесу, о. Герман мысленно отмечал: вот человек, обретший свое место. Он не корчится в муках одиночества, а воспаряет, ибо имеет мир собственный, которому раздольно в пустыни.

Еще о. Герман заметил, что о. Серафим всегда весел. Не обязательно счастлив, но весел. Святые, по словам самого о. Серафима, «постоянно и премного счастливы, ибо обращены к небесам, где чают себе места. И всё мирское для них предстает в свете Божественном. А если случится им узреть зло, бесовские козни, скуку, обмирщенность и уныние или столкнуться с тяготами жизни, они не придают этому первостепенного значения».

Отец Герман говорит: «Отца Серафима не интересовал мир сей, ни на минуту не забывал он о мире ином. Он сразу мог определить, что существенно, а что нет, и отметал всё мелкое и низменное. Это стало его навыком, привычкой. Обладая сильным характером, он умел сосредоточиться на самом важном. Из всего этого я заключил, что его невидимая брань началась задолго до нашей встречи».

Более всего поражало о. Германа то, что его сотаинник никогда не суесловил. Св. Антоний Великий писал: «Умен тот, кто Богу угождает и больше молчит, или если говорит, то говорит немного — и только нужное и Богу угодное»[6].

Отец Герман, напротив, склонен был поразглагольствовать о тех или иных сторонах их жизни и работы. Отец Серафим ценил брата как носителя святоотеческих традиций и не пенял ему на многословие, но слушал молча. Тем, вроде бы, и заканчивалось, однако, к изумлению о. Германа, несколько времени спустя о. Серафим вдруг огорашивал его точной и замечательно лаконичной формулировкой того, что брат столь многословно пытался объяснить.

Отец Герман вспоминает: «Я ясно видел, что слова мои он «переваривал» не только разумом, но и сердцем, причем именно сердцем чуял то, что не подскажет ум и книги. Уровень мышления был у него совсем иной. Мысль сочеталась с молитвой, и Матерь Божия не оставляла его. Ему открывалось многое, но рассказать всего он не мог — его бы просто не поняли. Оттого-то он и говорил мало, как ни упрашивал я поделиться плодами размышлений».

Отец Герман вспоминает удивительный случай из давнего времени, когда он только-только свел знакомство с о. Серафимом (тогда просто Евгением) и о Братстве еще не помышлял. Как-то они провели ночь у костра на океанском побережье. На небе высыпали звезды, и далеко на горизонте поблескивали буи. Евгений молча сидел несколько

часов кряду. Потом повернулся, искоса взглянул на Глеба. Лицо у него было серьезным. «Я знаю тебя и знал раньше, знал, что ты придешь».

Глеб понимал, что слова эти не о «перевоплощении душ», еще ранее из разговора об этом он уяснил, что Евгений полностью держится православных взглядов[7]. Слова его означали скорее всего, что он прозревает действительность на более высоком уровне, в ее связи с вечностью. Позже о. Герман спросил, как людям удается предсказывать будущее, и о. Серафим так и ответил: нужно взглянуть на мир с некоей высоты. «Оттуда, с неба, видишь идущего человека и знаешь, куда он держит путь, задолго до того, как он придет, — поясняет о. Герман. — В ту ночь о. Серафим сказал, будто знал меня раньше, потому что видел соединение наших судеб с высоты неотмирной, поднебесной. И для него такое было в порядке вещей.

В миру он чувствовал себя чужаком. В отличие от меня, в нем не кипела жажда жизни, потому-то он и достиг таких высот, шагнул за пределы человеческого сознания».

Часто о. Серафим заговаривал об Истине, и всякий раз о. Герману казалось, что речь идет не о принципе или идее, а о чём-то живом. Однажды о. Герман застал друга в Церкви: тот, стоя на коленях, истово молился. Отец Герман полюбопытствовал, о чём его сотаинник молится, и о. Серафим ответил, что мир отвращается от Истины, измельчала она в сердцах людей. Отец Герман поразился: какими же категориями надо мыслить, чтобы молиться об Истине!

Заставая о. Серафима в глубоком размыслительном созерцании, о. Герман говаривал в шутку: «Да ты настоящий молчальник!» (Ибо молчальники созерцают горнее непосредственно). Отцу Серафиму не нравилось, когда брат называл его так. Он даже в сердцах заявлял, что вообще не понимает значения этого слова. Конечно же, он не хотел, не познав сердцем, относить к себе. Он ненавидел всё показное и фальшивое. Духовную жизнь дóлжно начинать на грешной земле, полагал он, исполняясь смирения и осознания своей духовной немощи. В юности он писал: «Человек, считающий себя самодостаточным, в дьявольской ловушке, а тот, кто мнит себя «высокодуховным», и вовсе — осознанно или нет — прямой пособник сатаны».

В любви к Истине о Серафим более всего уповал на «трезвение ума», т. е. на непредвзятое вúдение мира. Таково было состояние Адама в Раю, объяснял он: «Адам пребывал в трезвении. Он видел мир вокруг в истинном свете. Не было присущей нашему времени раздвоенности: видишь одно, а измышляешь совсем другое».

Святые и подвижники убедительно показали, что можно вернуть то состояние Адама до грехопадения. Потому-то и удавалось им жить в

дремучих или пустынных уголках, как в Раю. В простоте сердца своего близился к этому состоянию о. Серафим. Глядя на себя, он не упивался собственной «духовностью», двоемыслия у него не было и в помине. Но чем ближе восходил к горнему, тем сильнее чувствовал, что не достоин его.

Отец Серафим дорожил каждым днем, который удавалось провести в лесу. Вероятно, он чувствовал то же, что и любимый им отшельник преп. Кирилл Белозерский, который нашедши укромный уголок, уготованный ему Богородицей для спасения души, воскликнул: «Это покой мой на веки, здесь вселюсь» (Пс. 132:14). Даже на день о. Серафиму претило покидать душеспасительную пустынь. А когда приходилось ездить в город, он старался управиться как можно быстрее: не снижал скорости на горных дорогах, не задерживался нигде, выполнив порученное, тут же спешил домой. Особенно он не любил ездить в Сан-Франциско. После злополучной поездки на Рождество (выполнить свои обязательства перед архиепископом, как думалось отцам) оба решили: больше никаких «парадных» выездов! По обычаю преп. Сергия Радонежского и других пустынножителей, они справляли праздники Рождества и Пасхи у себя в скиту, а накануне (или сразу после) ездили причащаться. В этом им как мог помогал о. Спиридон. Он наезжал к ним на Светлую седмицу. В Сан-Франциско отцы наведывались раз в год, на литургию в усыпальнице архиеп. Иоанна в день его поминовения.

В «Православном Слове» о. Серафим писал: «Воплощенное в жизнь христианство (и, в первую очередь, монашество) требует *жизни на одном месте и самозабвенной борьбы* за Царствие Божие. Конечно, и Господь может призвать на иное поприще, обстоятельства могут вынудить к переезду. Однако лишь при огромном желании вынести всё ради Бога, не пытаясь убежать, увильнуть, может прорасти семя духовности и дать обильный плод. К сожалению, при доступности современных средств связи можно и сидя на одном месте пребывать в мелкой многозаботливости, пренебрегая главным: вмешиваться в чужие дела, участвовать в церковных склоках вместо того, чтобы употребить все силы на спасение души в этом падшем, греховном мире.

Известны слова из книги «О постановлениях киновитянам» преп. Кассиана Римлянина «избегать женщин и епископов». Женщины — искушение плотское, а епископы — искушение тщеславным предложением принять священство, приблизиться к высшим иерархам. И сегодня предупреждение это кстати, разве что для монахов XX века можно еще добавить: бегите телефона, путешествий и сплетен, ибо эти

средства «общения» привязывают к миру сему, гасят ревностный пыл и превращают монаха (даже в его уединенной келье) в игрушку мирских страстей и прихотей»[8].

Один из любимых философов о. Серафима, Лао Цзы, точно подметил: «Чем больше путешествуешь, тем меньше знаешь».

Однажды о. Герман спросил друга, куда бы тому хотелось съездить.

— Никуда, — последовал ответ.

— Как? Неужто даже на Афон?

Отец Серафим напомнил слова еп. Игнатия (Брянчанинова) о том, что Афон нужно носить в сердце своем. И прибавил:

— К тому же, мы создаем свой Афон в Америке. Жаль только, времени мало.

Приезжие из шумных городов диву давались: неужто в современной Америке сыскалось такое место, как Платина? Один молодой человек, едва взойдя в монастырские ворота, исполнился благоговения: он увидел двух монахов в черных рясах, долговолосых и бородатых, несколько хижин, за ними — безмолвный лес. Пока отцы беседовали с ним, не раз он озирался на обступивший лес — густые кроны сокрывали от мира монахов, чьи молитвы, как встарь, возносились прямо к Богу. Молодой человек попросил разрешения обойти скит. И глядя, как он, потрясенный увиденным, удаляется по тропинке, о. Серафим произнес: «Это — наш человек!»

О подобных гостях отцы отзывались коротко, они, мол, «ухватили суть». Однако суть эту, т. е. идеал пустынножительства, было нелегко доносить до людей. Отец Герман напечатал рассказ о своих странствиях по скитам Канады[9], подвигнув одного молодого русского на подобное же путешествие. Через несколько месяцев он приехал к отцам и поведал о своем разочаровании. «Вы так расписали канадские скиты, так красиво, так поэтично, — говорил он, поднимаясь с отцами на гору, — а я нашел там всего хижины-развалюхи да несколько старых русских монахов и монахинь. Поумирают — и там вообще ничего не останется. Зачем Вы всё так приукрасили? Ведь это неправда!»

Отец Герман ответил, что, возможно, он и придал больше видимого величия святым местам Америки, но только лишь затем, чтобы показать, сколь значительны *возможности* Православия у них на родине, чтобы поднять молодежь на труд, дабы возможности эти не пропали втуне. «Семена монашеского пустынничества уже взошли в Америке, и всходам не дают погибнуть как раз те самые старики и

старушки, которых Вы видели в полуразвалившихся скитах. И если традиции умрут вместе с последними русскими монахами, не их в этом вина — они сделали всё, что смогли, их жизнь в пустыни прошла в борении и молитве. Вина ляжет на нынешнее поколение православных, не уберегших оставленное им наследие».

Вечером, когда молодой человек уехал, отцы задержались в трапезной. Отец Герман, по обыкновению, принялся сетовать:

— Какой смысл в нашей работе? Как мы покажем идеал пустынножительства? Людям не то что принять, просто понять наши замыслы нелегко! Для них это тайна, о которой сколько ни читай — разгадки не найдешь! Может, это вообще «не по зубам» теперешней американской молодежи? Мы толкуем с ними о возвышенном, пытаемся их воодушевить, а они видят приземленную действительность нашей жизни: постоянное борение, лишения, отсутствие почти всех благ цивилизации. И решимость их иссякает, они отступают. Так в чём же тогда смысл нашей жизни здесь?

— Ты очень хорошо сам ответил на этот вопрос сегодня, когда мы забирались на гору, — сказал о. Серафим. — Мы отвечаем за себя. Старики сделали, что смогли. Слово за нами.

ТРУДНЕЕ ВСЕГО многочисленным посетителям скита было смириться с отсутствием телефона. Особенно Валентине Харви. Она часто приезжала из Рединга на богослужения к отцам. Однажды пожаловалась еп. Нектарию: «Живут тут в лесу два монаха, в холоде и голоде. Я договорилась с телефонной компанией, где работаю, чтоб в монастыре бесплатно поставили телефон, а о. Герман и слышать ничего не хочет, «только через наши трупы», говорит. Но почему?!»

Еп. Нектарий улыбнулся и поведал ей следующее: «Оптинский монастырь отделяла от города река, и добраться можно было только на лодке или пароме. Что, конечно, причиняло весьма значительное неудобство: в ледостав и ледоход до Оптины не добраться, а с ростом монастыря росло и количество паломников. Монахи, однако, не торопились строить мост. Наконец, горожане предложили всем миром сами перекинуть его бесплатно. Монахи вежливо отказались, объяснили: они покинули мир и не хотят, чтобы связь с ним опять наладилась. Что мост в Оптиной, что телефон в Платине — всё одно: это связь с мирским. Когда в России воцарились большевики, они сразу же построили мост и закрыли Оптину пустынь».

Но не только мирянам трудно было понять желание отцов избегать легкодоступной связи с миром. Попенял им на отсутствие телефо-

на и о. Пантелеимон (его монастырь располагался в красивом особняке в Новой Англии). Однажды навестив отцов, он заметил:

— У вас чудесная обитель, но долго вы так не продержитесь. Американские юноши просто не перенесут столь суровых условий.

— Чем же нам их облегчить? — спросил о. Герман, ожидая, что о. Пантелеимон заговорит о канализации, центральном отоплении, электричестве и подобных «удобствах».

— Вам, дорогой мой, нужно телефон завести!

— Телефон? Зачем?

— Чтобы созваниваться со мной.

— И от этого условия жизни здесь станут менее суровыми? Каким образом?

— Тогда я смогу посоветовать вам каждый раз что-то конкретное.

Стоявший поодаль о. Серафим изумленно воззрился на друга.

— Чего ради мы должны заводить телефон? Чтобы поддерживать связь с ним? — он кивнул вслед вышедшему о. Пантелеимону.

— Ты лучше меня знаешь, зачем, — ответил о. Герман.

— Тогда не будем больше к этому возвращаться, — решил о. Серафим.

Провожать о. Пантелеимона отцы вышли к воротам, округа огласилась колокольным звоном. Когда машина скрылась из вида, отцы пошли обратно. Отец Серафим был удручен.

— Чем ты опять недоволен? — спросил о. Герман. — Нас, несчастных идиотов, посетил в этой глухомани едва ли не самый значительный представитель православного монашества в Америке.

— Нам с таким монашеством не по пути! — с сердцем произнес о. Серафим. — Мне оно претит!

ДА, О. СЕРАФИМ не мирился с образом монашества, нарисованным мирским воображением: чинные монахи, каждый шаг которых исполнен духовности, восторженные паломники, монастырь — уютное местечко, предназначенное для «отдохновения души». В Платине же всякая постройка казалась незавершенной. Отцы ставили стены да крышу — лишь бы укрыться от ветра и дождя, — хотя не всегда удавалось даже это. Впрочем, они и не помышляли о настоящем, «солидном» монастыре. Это было лишь пристанище для христианского борения — жизнь в этом мире быстротечна. Даже церковь, над которой немало потрудился Господа ради дьякон Николай (по своему же настоянию), так и не была достроена. Внутри, в полумраке, от темных стен веяло чем-то домашним, было уютно. Однако зимой холод-

пробирал до костей. «Бытует мнение, — отмечал о. Серафим, — что в церкви должно быть тепло, ибо разве можно ощутить радость богослужения и причастия, когда мерзнут ноги. Люди упрекают нас, дескать, нельзя со стылыми ногами возжечь сердце. Но суждение это неверно в корне. Святые Отцы веками жили в самых неблагоприятных условиях. Разумеется, не нужно устраивать добровольную пытку и нарочно студить ноги, но это тем не менее весьма помогает трезвению в духовной жизни, помогает оценить то, что имеешь, а не принимать все блага как нечто само собой разумеющееся»[10].

Отец Герман вспоминает: стоило ему заикнуться о замерзших ногах, как о. Серафим напоминал ему, что, принимая страдания в церкви, он уподобляется жизни Божьих угодников, которым молится. И холод мало-помалу отступал.

Хотя современное представление о монастыре нередко связано с ожиданием духовной радости, умиротворения и покоя, православное учение предполагает совсем иное: паломничество верующих по святым местам — *подвиг* всеочистительного покаяния, добровольные тяготы, в том числе и пеший многодневный путь до обители. Да и те, кому приезд в Платину принес больше всего пользы, искали там не отдохновения, а пусть и не великих, но трудностей. Они добровольно отказывались от привычной, в холе и неге, американской жизни.

Нелегко приходилось о. Серафиму со случайными посетителями: они заезжали из любопытства. Но и с ними он держался учтиво, принимал их во имя Христа. Хотя о. Герман подмечал, какими трудами это ему дается, и часто брал хлопоты на себя. Отец Серафим облегченно вздыхал, осенял себя крестным знамением и спешил в келью — писать очередную статью.

В полное замешательство привел он однажды некую посетительницу. В огненно-красном платье разгуливала она по территории монастыря в сопровождении о. Серафима, явно тяготившегося спутницей.

— Как, должно быть, скучно вы живете! — воскликнула она. — Ни телевизора, ни радио, даже телефона нет! И как вы терпите?!

— А нам некогда скучать — дел по горло, — отрезал о. Серафим.

Позже, когда праздная любопытница уехала, он сказал о. Герману: «Богатый город привечает людей пустых, бедных сердцем, а богатых душой гонит. Бедная пустынь принимает богатых душой и позволяет им приумножить свое богатство».

60

Святоотеческая мудрость

Когда в осеннюю ясную ночь гляжу на чистое небо, усеянное бесчисленными звездами столь различных размеров, испускающими единый свет, тогда говорю себе: таковы писания отцов. Когда в летний день гляжу на обширное море, покрытое множеством различных судов с их распущенными парусами, подобно белым лебединым крылам, судов, бегущих под одним ветром, к одной цели, к одной пристани, тогда говорю себе: таковы писания отцов. Когда слышу стройный многочисленный хор, в котором различные голоса в изящной гармонии поют единую песнь божественную, тогда говорю себе: таковы писания отцов.

Свят. Игнатий (Брянчанинов)[1].

Отец Серафим писал: «Никогда прежде не было столько лжеучителей, как в нашем злосчастном XX веке, богатом материалистическими искушениями и бедном разумом и душой. Самые нелепые, бредовые взгляды, ранее безоговорочно и повсеместно отринутые культурными людьми, сейчас находят «теоретическое обоснование» и непременного «учителя». Кое-кто из них даже являет (или сулит) «духовную силу» или ложные чудеса, как оккультисты или «целители». Но чаще современные учителя способны предложить лишь неудобоваримую смесь разных идей, полученных якобы из «космоса» или от современных самозванных «мудрецов», познавших более, чем все светлые головы прошлого только потому, что живут в наш «просвещенный» век. В итоге философия раздробилась на тысячу школ, а христианство — на тысячу сект. Где же в этом безбрежном океане

отыскать истину, если ее вообще возможно отыскать в наш вконец заблудший век?

Лишь в одной обители можно найти источник истинного учения, берущий начало от Самого Господа, не иссякший за долгие годы, живительный и поныне, учение это передается неизменным и ведет всех его исповедующих к вечному спасению. Православная Церковь Христова — вот как называется этот источник милости Духа Святого, а ведут нас к нему, к этому Божественному учению, святые Отцы Православной Церкви»[2].

Именно святоотеческим учением о. Серафим обогащал, напитывал свою душу, воспаряя на свободе пустынножительства, и за годы усерднейшей вдумчивой работы над книгами приобрел обширные знания. Всякое свое сочинение он сопровождал обширными цитатами из святоотеческих источников, как древних, так и современных, как Восточной, так и Западной Церкви. Многие из них трудны для понимания и никогда не переводились на английский.

Однако о. Серафим не пытался стать «специалистом по святоотечеству». Таким «специалистам», писал он, зачастую чужды истинные святоотеческие традиции, для них это лишь способ заработать на жизнь. Как всегда о. Серафим, чтобы получить полное представление об изучаемом, старался копнуть глубже. Ему мало было знать учение, ему важно было *стяжать мысль святых Отцов*, т. е. научиться думать и смотреть на жизнь, как они. Как часто в современном Православии стараются переиначить веру, чтобы она соответствовала мышлению сегодняшнего человека. Отец Серафим делал обратное: переиначивал свое миропонимание, дабы соответствовать мышлению святых Отцов, дабы во всей полноте вобрать 2000-летний опыт христианства, начиная с катакомб.

В разговоре с новообращенными в скиту о. Серафим указывал, как приступать к приобщению святоотеческой мысли. Первое и главное — *преемственность*, она вырабатывается духовной дисциплиной, основанной на мудрости святых Отцов. Это не просто послушание какому-то учению ради самого учения, а осознанное накопление мудрости, изложенной Божьими угодниками. Внешне эта преемственность — приобщение к Божественной мудрости — происходит через наше участие в ежедневных богослужениях, дошедших из прошлого. Конечно, в разных церквах службы разные, соответственно и плоды молитвы имеют разную силу.

Преемственность также предполагает чтение духовной литературы, к примеру, за трапезой. Чтобы успешно противостоять миру, точащему наши души, нужно получать постоянные «впрыскивания»

неотмирности. Стоит хоть на день их прервать — и мирское задавит, на два — поглотит совсем. Вскорости заметим, что и мысли у нас уже обмирщенные, и мы всё меньше и меньше этому противимся, всё меньше и меньше в нас неотмирности.

«Впрыскивания» чудесного душеполезного напитка — это, так сказать, внешняя сторона преемственности святоотечества, внутренняя сторона — то, что называется духовной жизнью. Духовная жизнь вовсе не подразумевает витания в облаках непрестанной Иисусовой молитвы или каких-то особых ритуалов. Она означает применение законов духовности в сложившихся обстоятельствах, условиях. Законы эти познаются долгие годы: нужно внимательнейше читать святых Отцов, записывать всё, показавшееся особо важным, задумываться, как применить это в своей жизни. При необходимости пересматривать свои взгляды, дополняя их мудростью одного, другого святого Отца. Ни одна энциклопедия не даст такого. Но и святоотеческое учение — не просто перечень мудростей. Нельзя, решив узнать всё о том или ином предмете, раскрывать святоотеческие книги только по оглавлению. Читать нужно понемногу, «впитывая» каждое слово, и не торопиться: сколько сможешь, столько и успевай. По прошествии лет перечитаешь вроде бы знакомые страницы, и они подарят много нового. Так, мало-помалу начинаешь «примерять» эти духовные заветы к себе. И с каждым новым прочтением книги будешь всё глубже и глубже постигать ее...

Отец Николай Депутатов*, один из тех, кто горячо любит святых Отцов, читает их книги, подчеркивает запомнившееся, выписывает, говорит: «В минуты уныния, досады или безысходности я открываю записные книжки и читаю что-либо, некогда вдохновившее меня. И вдохновение возвращается. Ибо душа, повторно напоенная живительным словом, повторно обретает и вдохновение. И так можно „подзаряжаться духовно"»[3].

ОТЕЦ СЕРАФИМ указывал, что святоотеческое учение вне времени: «Православие не меняется изо дня в день, из века в век. Глядя на католичество или протестантство, замечаешь, как устаревают или «выходят из моды» некоторые их духовные писания. Кое-какие возвращаются, кое-какие забываются. Неоспорима их связь с миром сим,

---

* Старый священник из Австралии, чью книгу «Богопознание» Братство преп. Германа опубликовало на русском языке в 1975 году. Отдельные главы, переведенные о. Серафимом, печатались в «Православном Слове» № 69.

призыв к человеку конкретной эпохи, а точнее, к «духу времени». С православными святоотеческими писаниями дело иное. Стóит нам принять полностью православные взгляды — основы христианства, заповеданные самим Христом и святыми апостолами, — как всё воспринимается, будто написано сегодня. Читаешь св. Макария Великого, жившего в пустынях египетских в IV веке, и слышишь: он говорит для тебя и сейчас. Да, он жил в других условиях, но обращается прямо к тебе, говорит языком, понятным через века. У него те же устремления, то же мышление, те же искушения и грехопадения, что и у людей сегодняшних. Таковы и прочие святые Отцы, прошлых лет и нынешние, например, св. прав. Иоанн Кронштадтский. Все святые говорят с нами на одном и том же языке — языке духовной жизни, который должны научиться понимать и мы»[4].

Отец Серафим подчеркивал: «Подлинное, неизменное христианское учение передается нам устно и письменно, не прерываясь, от духовного отца к сыну, от наставника к ученику. Во всякое время в Церкви были святые Отцы, во всякое время передавалось будто бы утерянное святоотеческое учение. Даже сегодня, когда многие православные отвернулись, остались его истинные хранители, и они передают учение тем, кто жаждет его. Как важно нам, последним христианам, получить вдохновляющий пример и руководство святых Отцов *недавней поры или наших дней*, тех, кто жил в таких же условиях, что и мы, и тем не менее сберег в целости и сохранности первоначальное нестареющее учение». Особенно он выделял в этом отношении двух русских духовных писателей: еп. Игнатия (Брянчанинова) (†1867) и еп. Феофана Затворника (†1894)*. «Оба говорили с людьми на языке их времени, т. е. конца прошлого века. Все соблазны той поры были известны им, особенно хорошо разбирался в них свят. Игнатий, кто изучил литературу Запада, преуспел в инженерных науках, знал новейшие теории в математике. Видя современное состояние западной философии, они противопоставили ей Православие, разрешили многие спорные вопросы. К примеру, еп. Игнатий написал труд об аде и состоянии души после смерти, понятный и западному человеку. Эти двое, равно и те, кто, изучив их работы, последовал им, передают нам традиции Православия предельно доступно...

Взглянем же на себя: если ощущаем рвение к Православию, но не имеем связующей «ниточки» со свят. Игнатием (Брянчаниновым) или свят. Феофаном Затворником, то подвергаем себя опасности оторваться и от других святых Отцов. Преемственность нельзя прерывать»[5].

---

* Оба причислены в России к лику святых в 1988 году.

Именно будучи верным сыном святых Отцов современности и недавнего прошлого, начиная с архиеп. Иоанна (Максимовича) до святых Игнатия (Брянчанинова), Феофана Затворника, Паисия (Величковского) и других, о. Серафим стал и верным сыном Божиих угодников древности. Он не только принимал от них мудрость Православия, но и сам передавал ее своим современникам. И, конечно, дело не в одном знании святоотеческой литературы, о. Серафим сроднился со святыми Отцами сердцем и мыслью.

Проследив его духовное развитие, можно выделить некоторые черты, помогшие ему преуспеть там, где споткнулись другие:

1. *Отторжение от мира сего.* Вкупе с благородством и перенесением страданий, неотмирность развивалась в о. Серафиме с юношеской поры до зрелых лет в пустыни, когда он начал жить подобно святым Отцам. Он никогда не старался поступить «как все», не гнался за философской модой, дабы его услышали и признали. Когда дело касалось святоотеческого учения, идущего явно вразрез с «духом времени», с современными богословскими, философскими и научными теориями, о. Серафим не боялся излагать его прямо и откровенно. Пытаясь донести его до людей нашего времени, он не «разжевывал», не «облегчал» и не загонял его в рамки общих определений, чтобы «упростить» слушателям задачу. Он писал: «Надобно жить по святоотеческому учению, даже зная, что мир сей отвергнет нас, что жить в нем нам придется изгоями».

2. *Прозрение времени.* Отец Серафим отчетливо видел суть нигилистической философии и ее корни. Он понимал, что все, в том числе и он сам, заражены ею, но только осознав недуг, можно излечиться. Прочие современные православные мыслители попадали в хитроумные ловушки мира именно потому, что не видели недуга в самих себе.

3. *Смирение.* «Нужно обратиться к святым Отцам, чтобы стать их учениками, чтобы вобрать учение об истинной жизни, о спасении души... — писал о. Серафим. — Отцы будут направлять нас, научат, как смиряться, не полагаться на собственное обмирщенное мнение, хотя в наше злокозненное время сам воздух напитан этим. Отцы научат нас уповать на Божиих угодников, а не на мир сей. В них найдем мы истинных отцов, столь редких сегодня, когда «во многих охладеет любовь» (Мф. 24:12), отцов, единственная цель которых — привести своих детей, т. е. нас, к Богу, в Царствие Божие, где мы пребудем в несказанной радости, беседуя со святыми, подобными Ангелам»[6].

4. *Любовь.* Любящему сыну и в голову не придет «быть мудрее мудрецов», т. е. тех, кто дал ему жизнь. Но именно этот принцип, как выяснил о. Серафим, является камнем преткновения для многих людей,

мешает во всей полноте принять дух святых Отцов, дух Православия. Помеха эта порождена рационализмом западного мышления: стремлением всё «взвесить», «разложить по полочкам». Отца Серафима отвращал такой холодный, умозрительный подход к Православию, ему была по душе непосредственная, как у дитяти, идущая от сердца вера в святоотеческую мудрость. Также всей душой, «по-детски», тянулся он к Богу, и воспитал, и развил в себе такую способность. Простота сердца присуща христианам вообще, но особенно — прозорливым святым Отцам. Отец Серафим понял, что нынешним православным (чаще новообращенным) можно уповать лишь на пыл собственного сердца, чтобы придти к вере с любовью, а не отвергать в Православии то, в чём не успевает сразу разобраться разум, напичканный предвзятыми или субъективными оценками. «Можно найти много необъяснимого и «нелогичного» в трудах святых Отцов, — говорил о. Серафим, — потому-то и нельзя подходить к ним с обычными рациональными мерками. Нужно подняться выше, а для этого требуется умягчить сердце, сделать его более чутким. Коли мы православные, нам нельзя жить холодным разумом, успокоенным сердцем, «правильными» поступками. Истинное христианство — иное!»[7]

5. *Практичность.* Отец Серафим понимал, сколь необходимо правильно применять учение святых Отцов, сообразуясь с условиями жизни каждого человека. В нескольких статьях о том, как надо и как не надо читать святых Отцов, он говорил и об умствующих богословах, и о неопытных обращенных: и те, и другие черпают из кладезя святоотеческой мудрости, но духовно не обогащаются, а вскармливают свою гордыню, чтобы стать «мудрее мудрецов», или — того хуже — без основательной подготовки и руководства начинают следовать духовным наставлениям. С помощью многочисленных цитат из святых Отцов о. Серафим объясняет, с какой готовностью люди попадают в капкан заблуждений, полагая себя достойными разных откровений, видений и пр. «Нам надобно подходить к святым Отцам со смиренным желанием начать духовную жизнь *с низшей ступени*, и не помышлять о стяжании состояний, присущих высокой духовности, до которой неимоверно далеко... Надобно помнить, что главная цель в чтении святоотеческих трудов не в том, чтобы «получить духовную радость и наслаждение» или укрепиться в сознании собственной праведности; стяжать высшую мудрость или особое «созерцательное» состояния, а в том лишь, чтобы сделать первый шаг на пути добродетели... И к чтению этих трудов должна подвести человека сама жизнь, тогда он извлечет больше всего пользы»[8]. Отца Серафима очень тревожили отзывы о православных конференциях, на которых молодежи пре-

подносилась «духовность со всеми удобствами», читались доклады, посвященные, например, «обожению», т. е. понятиям, которые студенты могут уразуметь, но не готовы воспринять сердцем и духом, ибо не знают основы основ жизни Православия — постоянной духовной работы, стремления отойти от мира сего, в котором вырос и воспитан»[9]

6. *Сердобольность*. В этом — главный залог успеха о. Серафима, стяжавшего мудрость святоотечества. Он подчеркивал, что «страдание — действительность нашего бытия, первая ступенька подлинной духовной жизни». Следуя примеру архиеп. Иоанна, распинавшего себя в этой жизни, о. Серафим научился выносить страдания с благодарностью Господу, и это приносило плоды. Страдание, употребленное во благо, очищает сердце: «блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят». Отец Серафим указывал, что «правильно принимает страдания только то сердце, которое смиряется перед ними во имя Высшей Истины, ибо знает, что Истина эта способна помочь не только перенести страдания, но и преобразить их в нечто совсем иное»[10]. По словам св. Марка Подвижника, «память о Боге сопровождается *болезнованием сердца* о благочестии; всякий же забывающий о Боге бывает самоугодлив и бесчувственен»[11]. Это любимое изречение о. Германа. Впоследствии он говорил, что опытно постиг, что такое «болезнование сердца», живя бок о бок с о. Серафимом.

«Святоотеческое учение о *сердоболии*, — писал о. Серафим, — имеет сегодня первостепенное значение, ибо слишком много сейчас умствований, теснящих опыт чувств и духа... Отсюда и поверхностность, и банальность, и легковесность в изучении святых Отцов в наши дни. Без серьезного анализа их учение невозможно применить в чьей-либо жизни. Можно достичь высочайшего понимания умом святоотеческой мудрости, можно вызубрить множество цитат из святых Отцов на все случаи жизни, можно испытывать «духовные откровения», вроде бы схожие с описанными в святоотеческих книгах, можно даже умозрительно представлять «рытвины» и «ухабы» на духовном пути — и всё же без болезнования сердца человек останется бесплодной смоковницей, пустым «правильным» всезнайкой, приверженцем всех новомодных духовных течений, не знающим и не умеющим донести истинный дух святоотечества»[12].

ВПЕРВЫЕ ОТКРЫВ для себя мудрость святых Отцов, еп. Игнатий (Брянчанинов) писал: «Что в первую очередь потрясло меня в работах Отцов православной Церкви? Гармония, чудная, великолепная

Епископ Игнатий (Брянчанинов) (†1867)

гармония. Восемнадцать веков их уста свидетельствовали об одном всеобщем Божественном учении!»

Подобным же образом пришел к мудрости святых Отцов и о. Серафим. Как и еп. Игнатий, он в мучительных и тяжких поисках Истины сбросил шоры современного «знания». Как и русский святитель, он следил за всеми новейшими философскими течениями и видел, как захлестывает мир сей волна безбожия. Как и свят. Игнатий, о. Серафим видел оба мира: и современной мысли, и мудрости святых Отцов, от которой современный человек удалился. И русский святой, и

американский подвижник сумели навести мост меж двумя мирами. В своих работах каждый, сообразно времени, указывал людям пути, как с наибольшей пользой применить святоотеческую мудрость, как читать их книги сообразно замыслам авторов: в простоте и трезвении, без сложных и чуждых «толкований», порожденных современной мыслью, неглубокой и быстропреходящей. Можно сказать, о. Серафим сделал для XX века то, что еп. Игнатий (Брянчанинов) — для XIX. И работы его не заслоняют труды старшего собрата, а лишь дополняют их.

Предваряя жития и писания святых Отцов для читателей XX века, о. Серафим говорил: «В наше время нет неразрешимых задач — на всё можно найти ответ, внимательно и уважительно читая святых Отцов: будь то вопрос сект и лжеучений, столь распространенных сегодня, или раскол Церкви, дробление ее на разные «юрисдикции», лжепророки, якобы возрождающие духовную жизнь, или коварные искушения «благами цивилизации», сложные философские вопросы вроде «эволюции» или очевидные вопросы совести и морали, как аборт, эвтаназия, «контроль рождаемости»; скрытое вероотступничество сергианства, подменившего Церковь — Тело Христово — чиновничьей организацией или неприкрытое «обновленчество», от введения нового церковного календаря до «протестантства с восточным обрядом». К ответам на все эти вопросы нас могут привести лишь святые Отцы прошлого и настоящего»[13].

В работах о. Серафима по популяризации святоотеческого учения прослеживается весьма редкая в современных книгах черта — предельная честность. И перед святыми Отцами, и перед читателями, и перед собой. Беззаветная любовь к Истине выделяла его среди прочих писателей, стремящихся поразить воображение какой-либо оригинальной, но пустой богословской теорией или дразнящих вероятными духовными откровениями. Отец Серафим писал: «Подлинное учение святых Отцов содержит истины, от которых зависит наша духовная жизнь или смерть. Суть проста, ее можно выразить несколькими словами: «Братия и сестры, вот — Истина. Давайте же с благодарностью пострадаем ради нее».

Заявление, несомненно, «невдохновляющее», однако находятся люди, готовые заплатить эту цену. После публикации статей о. Серафима о святоотечестве в «Православном Слове» в Братство пришло письмо от одного молодого человека из Голландии, ревностного христианина: «Читаю святых Отцов, и мне открывается новый мир, отличный от того, в котором мы живем. Сердце мое жаждет этой прекрасной жизни. Жаль, у меня нет крыльев, чтобы перенестись в пустынь. Пусть песнь песней — Свят! Свят! Свят! — разнесется по всему белу свету!»

61

Обновленчество

Кто не изволяет со всей любовию и желанием в смиренномудрии соединиться с самым последним (по времени) из всех святых, имея к нему великое неверие, тот никогда не соединится и с прежними и не будет вчинен в ряд предшествующих святых, хотя бы ему казалось, что он имеет всю веру и всю любовь к Богу и ко всем святым. Он будет извержен из среды их, как не изволивший в смирении стать на их место, прежде век определенное ему Богом, и соединиться с тем последним (по времени) святым, как предопределено сие ему Богом.

Св. Симеон Новый Богослов[1].

ОТЦУ СЕРАФИМУ выпало жить в то время, когда среди ученых и философов модно было порассуждать о «возрождении святоотечества». Само по себе явление отрадное, ибо многие редкие и малоизвестные книги святых Отцов получили известность в современном мире. Но таилась в этом и опасность. Отец Серафим сам познакомился с православным учением непосредственно от святых и, как ни огорчительно, неизбежно разошелся во мнениях с учеными и богословами, не изведавшими такого приобщения. По его словам, они «вырабатывали совершенно новый подход к Православию», и само время требовало, чтобы о. Серафим высказал свою точку зрения.

Это новое поколение ученых вышло первоначально из так называемой «парижской школы» православной мысли, представителями ее были в основном русские интеллигенты. Еще в России многие из них (например, Петр Струве, переведший на русский «Капитал» Маркса) немало потрудились на благо революции. Видя все ее ужасы, эти люди покаялись в своем увлечении марксизмом, но поздно — зло свершилось, и господам этим пришлось покинуть Россию. В Париже они

основали эмигрантское землячество, замышляя вернуться к культурному и духовному наследию России. С Православием вышло иначе: они, скорее, домыслили его, нежели вернулись к старым традициям. Они свысока взирали на «простое благочестие простолюдинов» и полагали своей обязанностью, как люди высокообразованные, «возвысить» и «облагородить» Православие. Самыми выдающимися представителями «парижской школы» были русские философы Николай Бердяев и о. Сергий Булгаков. Они защищали целую систему взглядов, осужденных позже Церковью как в Советском Союзе, так и в свободном мире. Следующее поколение религиозных философов держалось более умеренных и осторожных взглядов, уже не принимая учений, противных Церкви, однако направленность их работы оставалась прежней. Некоторые из них переехали в Америку вместе с багажом своих воззрений. Виднейшим их представителем был о. Александр Шмеман.

Он приехал в Нью-Йорк из Парижа в 1951 году и вскорости стал неоспоримым авторитетом в Американской Митрополии. Многое, по его мнению, предстояло изменить. Как и его предшественники, он критиковал «старомодное благочестие», особенно дореволюционной России, полагая, что подобная «набожность» (даже само слово он употреблял с уничижительным оттенком) — результат «культурных наслоений». Современным ученым предстоит оценить их заново и удалить слой за слоем. Шмеман утверждал, что Православие попало в «западное пленение», что в его богословии в последнем столетии преобладало «западное влияние». Он высказывался за поиск «новых путей православного богословия», за «переосмысление истории» и тем самым за «восстановление Православия в его чистом виде». В этом он видел задачу нового богословского «движения», возникшего в 20-х годах, — заменить старое, «отжившее» понимание Православия. Как писал о. Серафим: «Для Шмемана всё Православие — череда необычайно важных «проблем», разрешить которые способны лишь редкие ученые головы».

Шмеман полагал, что Православие только выиграет, если отринет «старомодное» мышление. Он и иже с ним хотели, чтобы Православие признали авторитеты современного богословия и экуменического движения, чтобы Православие участвовало в диалоге с западным христианством и смело, по-новому подходило к обсуждаемым «проблемам». Конечно, чтобы достичь этого, требовалось идти в ногу с современной богословской модой, жонглировать примелькавшимися словечками вроде «кризис», «освящение мира» (термин, введенный Шарденом).

Одним из «прогрессивных» направлений христианской мысли считалось принижение так называемой «личной добродетели». Начало этому положил Томас Мертон, а Шмеман внес свою лепту, заявив, что благочестие Православия сделалось чересчур эгоцентричным и индивидуалистичным, т. е. нацеленным только на спасение одной собственной души. Однако Шмеман не заходил в своих выводах столь же далеко, как Томас Мертон или патриарх Афинагор, он не принимал всех подобных ответвлений современной философской мысли, а старался объединить их в некоем высокодуховном синтезе с Православием*. Очень скоро Шмеман снискал широкое признание как «деятельный и искусный глашатай Православия».

Отец Герман познакомился с книгами о. Александра Шмемана, еще учась в Джорданвилле. Он вспоминает: «Приехав в Джорданвилль, я прочитал три книги, послужившие моиму обращению в Православие: житие преп. Серафима Саровского, житие старца Амвросия Оптинского и «Откровенные рассказы странника своему духовному отцу». Я обнаружил, что самое интересное в Православии — его подвижники, они проясняли смысл сказанного Иисусом Христом о Царстве Божием. А потом кто-то посоветовал мне: «Хочешь знать сегодняшнее Православие — читай Шмемана». Я так и поступил, но скоро чтение это мне прискучило. Я не отступился, но, увы, результат оказался тот же. В чём же загвоздка? Наконец я понял: о. Александр говорит о Православии *общё* (хотя и велеречиво), а подвижники — исходя из реально пережитого опыта. И мне подумалось: эка важность — просто читать книги и рассуждать о них! Так и я могу. Только вот представление мое окажется «плоским», а не «объемным», как у святых, ибо они искали и обрели Царство Божие и Божию праведность. И свой опыт они пытаются донести до нас, и лишь наше дремучее невежество мешает постичь его».

Отец Серафим еще более непримиримо отнесся к современной богословской науке. Однажды, когда о. Герман читал ему какой-то богословский журнал, он вознегодовал: «Начитаешься такого и начнешь принимать всерьез, невольно умалишь те духовные книги, которые дали тебе жизнь!» Из любви к Истине о. Серафим, как известно, отказался от светской карьеры, покинул научный мир, лишь забавляющийся разными теориями. Сейчас перед ним было то же

---

* К примеру, в книге «Церковь, Мир, Миссия» (Crestwood, New York, 1979, с. 218-219) он закладывает основание для «взаимообмена» идеями между обмирщенным христианством папы Павла VI и православным «литургическим движением».

самое, только забавлялись не с наукой, а с самым для него дорогим — православным христианством. Как и другие современные ученые, нынешние богословы тщились сначала «добить» предмет своего исследования, затем выхолостить его и расчленить для более «удобного» изучения. Зачастую их дискуссии сводились к жонглированию богословскими терминами вне конкретного приложения.

Конечно, какие-то работы удавались им больше, другие — меньше. Но, как отмечал о. Серафим, «идеи, заложенные в лекциях, статьях, на удивление слабы, лишены всякой духовной силы». В «Православном Слове» он писал: «Православие сегодня — и священство, и богословы, и верующие — обмирщилось. Молодежь живет в удобных уютных домах и ищет такую религию, которая бы соответствовала их самодостаточной жизни — иной они не знают; профессора и лекторы пребывают в «научном» мире, где, увы, ничто не принимается всерьез, ничто не является вопросом жизни и смерти, и сама атмосфера пропитана духом самодостаточности и обмирщенности. При подобном существовании в искусственных, тепличных условиях невозможно затронуть сокровенные уголки души, сколь бы воодушевляющими ни были провозглашены истины Православия или откровения его святых: и говорящий, и слушающий обращены к мирскому, и глубокого отклика — столь естественного для православного христианина — в их душах не найти...

В среде русских эмигрантов «богословов» новой школы (тех, кто поспевает за всеми философскими модами, щеголяет цитатами из наисовременнейших авторитетов католичества или протестантства, готов примириться с обыденностью современной жизни и, особенно, жизни научного мира) метко назвали «богословами с сигаретой». Слово их мертво, ибо сами они — от мира сего и взывают к миру в обстановке обмирщенности. И порождают лишь пустые, выспренние речи, а отнюдь не идею православного подвига»[2].

Говоря о 80-летнем о. Николае Депутатове из Австралии, «живом связующем звене» со святоотеческими традициями, о. Серафим отмечал, что таких подлинных богословов «не сыскать ни в православных академиях, ни на престижных «богословских конференциях». Их можно найти в «глубинке», да и не станут они величать себя «богословами». Равно и не считают дело свое — передачу святоотеческих традиций — чем-то особенным, бóльшим, нежели просто «верностью святым Отцам». Но именно эта верность, это смирение и отличает носителей истинной традиции Православия, именно этих черт и не хватает самым известным и именитым сегодняшним „православным богословам"»[3].

ЕЩЕ В 1957 ГОДУ о. Серафим прочитал у Рене Генона о тех современных ученых, кто интересуется традиционными религиями только «чтобы найти нечто сообразное их собственным взглядам» и на этом основании доказывать: они, мол, держатся истинных и глубоких корней, «а все прочие ответвления — более поздние, искажающие первоначальное учение»[4]. Отец Серафим понимал: это типичный подход теперешних православных богословов. Они не пытаются восстановить Православие в ныне утраченной людьми чистоте, а «обновляют» его, подгоняя под мерки сегодняшних весьма субъективных доктрин. На словах не принимая новейшего преобразования Церкви, они на деле смыкаются с протестантами, о которых Генон писал: «Предавая Божественное Откровение человеческому толкованию, протестантство по сути отрицает его... Оно породило пагубное «критиканство», ставшее в руках так называемых «историков религии» грозным оружием против самой религии»*.

В своей книге «Введение в Литургическое богословие» о. Александр Шмеман подверг критике самую суть православного богослужения, исходя скорее из взглядов протестантства, нежели Православия. Он опирался на западные неправославные источники, однако утверждал, что избежал «западного плена» в литургике[5]. Он отвергал традиционное православное учение о «богоначертанной и провиденциальной»[6] истории богослужения и рассматривал его как результат простого исторического развития. Как и богословы-протестанты, он с сомнением отзывался о переменах в начале Константиновой эпохи, дескать, они означали не новую форму выражения прежнего истинного благочестия, а *«перерождение* восприятия богослужения и отклонение от первохристианских литургических духа и форм»[7]. Истинное, «эсхатологическое» богослужение, как он полагал, во многом подменено «мистериальным благочестием», толкованием символов и «индивидуальным освящением», в чём зачастую «повинно» монашество. Соответственно, и богословский смысл служб суточного круга он находил «затемненным вторичными пластами устава»[8] и возродить его — полагал задачей современных богословов. «Вторичными пластами» Шмеман считает как раз то, от чего уже отказалось протестантство: таинство Евхаристии как личностное освящение; разделение на клир и простых верующих; выделение церковных праздников; прославление святых, почитание мощей и т. д. Отец Александр всё это обозвал «культом мистерий»[9] и «культом святых»[10]. Он усомнился в «окончательной литургической

---

* Полную цитату см. на с. 64-65.

состоятельности Православия», резко осудил современное «литургическое благочестие», заявил, что Церковь находится «в литургическом кризисе».

Неудивительно, что книгу Шмемана высоко оценили неправославные богословы. Однако других, как, например, о. Михаила Помазанского, одного из наставников о. Германа в Джорданвилле, взгляды Шмемана встревожили. Отец Михаил, получивший богословское образование еще в дореволюционной России, счел себя обязанным отозваться на книгу Шмемана. Написанную им статью о. Серафим перевел на английский и опубликовал в «Православном слове». По мнению отцов Серафима и Германа, написана она была превосходно: беспристрастно и четко изложены основы Православия в противу искаженной картине, представленной Шмеманом.

О самом авторе «Введения в Литургическое богословие» о. Михаил писал: «Он отдает дань методу, целиком господствующему в современной науке: он, оставляя в стороне идею благодатного осенения, мысль о святости созидателей богослужебного строя, ограничивается целым рядом причин и следствий. Так позитивизм вторгается ныне в христианскую науку, в область истории Церкви во всех ее разветвлениях. Но если позитивный метод признан как научно-рабочий принцип в науках естественных, то его никак нельзя приложить к живой религии, а значит и ко всем областям христианства и Церкви, поскольку мы остаемся верующими»[11].

Трудно сказать, был ли в душе о. Александр таким ярым протестантом, каким казался, или он лишь пытался привлечь внимание неправославных богословов, употребляя модный «научный» стиль с претензией на «объективность». При канонизации преп. Германа он сам испытал в высшей степени, что такое «культ святых», заявив, что ощутил «всю суть веры». Отец Серафим так прокомментировал его слова: «Сердцем он всё еще православный, однако ум его нацелен на «реформу» Американской Митрополии и Православия в целом, и грядущим поколениям просто не удастся испытать чувств, которые изведал сам Шмеман... Справедливости ради следует сказать, что, возможно, сам он и не видит себя в роли «реформатора», и лишь грядущие поколения, души менее искушенные и еще более далекие от подлинно православной жизни, вынесут богоборческий вердикт, основываясь на протестантских воззрениях о. Александра Шмемана»[12]. Как писал Рене Генон, «восстание против традиционного мировоззрения на полпути не остановить».

Необходимо отметить, что все «реформы» Шмемана суть искренние попытки поднять дух современной приходской жизни. В одной из

статей он указывал, что «финансовая несостоятельность Митрополии обнажает и отражает несостоятельность духовную, равнодушие и упадничество». Он совершенно точно определил недуг, как заметил о. Серафим, но прописал не то лекарство. Правящий иерарх Митрополии, Владыка Ириней, пытался как-то спасти положение и сохранить хотя бы частично литургическое богослужение Русской Церкви. Однако Шмеман считал, что даже эта малая часть кажется прихожанам бессмыслицей. Отец Серафим писал: «Он (Шмеман) готов переписать типикон (устав богослужений) в свете современных исторических познаний. Короче говоря, *богослужения должны соответствовать уровню духовно несостоятельных людей*! Шмеман бросается «из огня да в полымя», ратует за новый типикон низшего порядка, но ведь и его последующие поколения прихожан Митрополии сочтут „бессмысленным" и чересчур „строгим"!»[13]

Отец Серафим также отмечал, что «новые поколения православных приспосабливают веру к своему низкому духовному уровню — таково, за редким исключением, «веяние» современности».

Подтверждением служит подготовительная встреча к 8-му Вселенскому Собору, созванная в 1971 г. радетелями реформ. Он должен был сыграть роль 2-го Ватиканского Собора, только для православных. Один из докладов назывался «Пересмотр церковных предписаний, касающихся поста, в соответствии с требованиями нашего времени». В нем предлагалось — коль скоро большинство православных не соблюдает всех установленных Церковью постов — облегчить сами посты, «дабы избежать конфликтов верующих с собственной совестью из-за нарушения церковных правил».

«Такой подход совершенно чужд Православию, — писал о. Серафим. — Он являет собой очевидное и неприкрытое подражание реформистскому духу католической Церкви. Там дело кончилось почти полной отменой постов. Православное правило пощения служит не для того, чтобы предотвратить «конфликты с совестью», а для того, чтобы призвать верующих на стезю смиренной, но вдохновенной христианской жизни. И если им не по силам следовать по этому пути, они по крайней мере сознают, сколь далека их жизнь от образца, от извечной незыблемой нормы. Порочный современный принцип самодостаточности, провозглашенный римскими папами, либо «попускает» верующим отход от этой нормы (что уже проникло и в некоторые православные Церкви), либо изменяет саму норму, чтобы облегчить задачу верующего — и тот опять доволен собой: ведь он «соблюдает все правила»! В этом суть различия мытаря и фарисея: православный всегда чувствует себя грешником, ибо не соответствует высоким тре-

бованиям Церкви (как по форме, так и по существу); «современный» человек ищет покоя в самооправдании, а не угрызений совести из-за своего нерадения»[14].

Отец Серафим понимал, что исцеление от этого недуга не в «хирургическом» расчленении Православия, а в воссоздании единого учения, цели, к которой стремились бы люди. Он писал: «Мы — христиане последних времен — далеки от *нормальной благочестивой православной жизни*. Сколько ж нужно сил и усердия, дабы к этой жизни вернуться! Но сколь вдохновляет путь к ней! «Просвещенные умы» критикуют православное благочестие, тем самым уводя людей от главного. Отец Серафим указывал, что сейчас нужен «священник «старого уклада», сердце у которого пламенеет Православием и кто так радеет о спасении своей паствы, что не попустит им грехи и мирские привычки, но понудит к высокой духовности»[15].

С БОЛЬЮ В СЕРДЦЕ смотрели о. Герман и о. Серафим на попытки Шмемана создать «американскую» Церковь. Поскольку у Америки нет глубоких, прочных православных корней, пресекать связь с живой традицией — губительно. По словам о. Серафима, Шмеман торил дорогу новому, лишенному корней Православию, и грядущие поколения американцев «даже не узнали бы, чего лишились». Он хотел построить чисто американское, совершенно независимое Православие, основанное на современном научном богословии, а не на живой *передаче духовной мудрости ее святыми носителями*. Отец Серафим на своем опыте убедился, сколь животворяща такая передача: не будь ее, он бы не приобщился самого сокровенного в православной жизни, ради чего отринул всё мирское. Исчезни эта связь — и ее не восстановить.

Шмеман не придавал значения живым носителям православных традиций, «связующим звеньям со святоотечеством». Св. Симеон Новый Богослов учил, что только благодаря им можно соприкоснуться со святыми древности. Шмеман полагал, что идея «Святой Руси» — не более, чем тоска по романтическому прошлому. А ее святые сыны, занесенные Божественным промыслом на берега Америки, — не более чем кучка эмигрантов, чье влияние весьма ограниченно и чье устаревшее мировоззрение, основанное на «благочестии последних времен», не подходит «к современной миссии православного богословия». И как опровержение тому всего в 20-ти милях от Шмемана жил о. Адриан, живой преемник оптинских старцев, сам стяжавший дар ясновидения и духовного наставничества. Он без предубеждения относился к мысли-

телям вроде Шмемана, однако тот, зная об о. Адриане, предпочитал черпать мудрость из новомодных источников.

На примерах богословов нового поколения о. Серафим впервые увидел, сколь опасны взгляды тех, кто «мудрее мудрецов», как мешают они передавать живую традицию. Он писал: «В наше смутное время, когда от имени Православия выступает целый сонм самых противоречивых глашатаев, важно понять, кому из них можно доверять, кто представляет истинное Православие. Мало ратовать за Православие святых Отцов, нужно самому проникнуться исконными *традициями*, не просто заново открыть их на лекциях в современных академиях и семинариях, а получить их непосредственно от живого носителя святоотеческой мудрости. Тот, кто умно толкует ее, не обязательно проникается ею, умудрен лишь тот, кто не полагается на собственное суждение, а постоянно спрашивает своих духовных наставников, как правильно подходить к святоотеческому учению».

После смерти архиеп. Иоанна таким наставником для о. Серафима стал архиеп. Аверкий — именно к нему отсылал братию за советом Владыка Иоанн. Отец Серафим отмечал, что «архиеп. Аверкий твердо держится святоотеческих традиций — таких среди нынешних православных отцов осталось совсем мало. Будучи учеником великого богослова XX века, архиеп. Феофана Полтавского, он сам не только несет, но и передает истинное святоотеческое учение — не прерывается непосредственная связь с прошлым, которому грозит забвение нынешним поколением молодых «богословов», затмивших мудрость святых отцов своим горделивым умствованием. В последние годы голос архиеп. Аверкия как никогда громок и суров... ибо он пытается донести истинное учение до православных христиан, которые почти утеряли „вкус Православия"»[16].

Писал о «новых богословах» и сам архиеп. Аверкий: «Увы! Как мало в наше время, даже среди образованной публики, а порой и среди современных «богословов» и священнослужителей, таких, кто понимал бы, что такое Православие и в чём его суть. Об этом они судят поверхностно, формально, наивно, не замечают ни глубины его, ни всей полноты его духовного содержания»[17].

Истинного последователя святых Отцов, архиеп. Аверкия, отличало от «толкователя» святоотеческого учения наших дней еще то, как он относился к православным взглядам на пророчества о конце времен. Продолжая линию истинных пророков, он смело говорил многое, что коробило привязанных к мирскому людей. Современное богословие, само донельзя обмирщенное, на такое было уже неспособно. Отец Александр Шмеман, к примеру, писал: «Если христианская вера дей-

ствительно эсхатологична, это не значит, что она апокалипсическая... Апокалипсичность мышления — поистине ересь». Не только архиеп. Аверкий, но и все святой жизни люди четко и определенно говорили о грядущих испытаниях и кознях лукавого. Современные богословы, которым чужд традиционный взгляд, обзывают пророков „неврастениками" и „пораженцами"»[18].

Отцу Серафиму было ясно, что современное «научное» богословие никак не совместить с понятием о монашестве. Все попытки ранее кончались неудачей и по вполне очевидным причинам: современное богословие размыто и абстрактно, монашество — конкретно и жизненно; первое — рассуждение о сложных богословских «проблемах», второе — простота сердца; первое — порождение мирского мышления, второе идет вразрез с мирскими мерками. Конечно, из всех ученых богословов наших дней, Шмеман обладал наиболее «живым» представлением о Православии в Америке, но это лишь немного поднимало верующего над обмирщенным современным христианством. Такой взгляд не способен вдохновить верующего взойти на ступень лествицы Божественного восхождения — ступень самоотречения.

На словах Шмеман высоко ставил монашество, на деле относился к нему с недоверием из-за «изъянов», т. е. пагубного влияния благочестия и церковных традиций, чего Шмеман не принимал[19]. Монашеское подвижничество, по его убеждению, шло вразрез с «православием мирян», замышляемым им. Он не понимал, что именно монашество со своими традициями и подвигнет мирян на жизнь истинно христианскую. Отец Серафим писал: «Церковные богослужения построены по образцу *монастырских* служб, потому что именно монашество наиболее ярко выражает идеал, к которому устремляется вся Церковь верующих. Во всякое время именно состояние монашества лучше всего определяет духовное здоровье как Церкви в целом, так и любой конкретной Церкви. И соответственно этому: чем сильнее тянутся приходы к идеалу монастырских служб, тем выше духовность проводимых там служб»[20].

Отец Серафим отчетливо видел окончательное расхождение современного богословия со святоотеческим Православием. Судил он по плодам: традиционное Православие даже при его «культурных наслоениях» и «замутненности» и поныне дает миру святых; «обновленное» Православие при всех его претензиях на «чистоту» и более обширные знания дает миру, в лучшем случае, лишь умных

людей. Отец Серафим отмечал, что оно утеряло ощущение духа благочестия, т. е. ту атмосферу, в которой взращиваются святые.

Ученые богословы старались воодушевить новое поколение православных американцев «новыми задачами православной науки», о. Серафим — подвижничеством: «Главное — *жить* духовной жизнью, а не рассуждать о ней». Именно подвиг позволил величайшим проповедникам, этим «живым звеньям святоотечества», самим приобщиться святости и именно *подвиг* породит новых святых на американской земле. По словам архиеп. Аверкия, «Православие — вера *подвижническая*, она призывает к аскетическому труду для того, чтобы с корнем вырвать греховные страсти и насадить христианские добродетели. Преп. Иоанн Лествичник и другие святые Отцы учили: прежде, чем делать первый шаг в богословии, человек должен победить свои страсти».

Почти в каждом номере «Православного Слова» о. Серафим и о. Герман помещали житие того или иного подвижника, истинного *боговедца*. Отцы знали, что в первую очередь людей к подвижничеству приведет любовь к самим подвижникам. Однако в новомодных богословских журналах не найти и следа этой любви. Отец Серафим замечал, что без любви к святым православный что слепец, не знает, куда идти, ибо святые суть пример для подражания.

В 1973 году отцы принялись публиковать жития пустынников Северной России, а до того положили немало трудов, чтобы собрать эти жития по крохам из редких труднодоступных источников. Цель их — по их же словам — показать примеры «не мертвой истории, а живой традиции». Не успели они опубликовать всю серию, как один из ведущих богословов попенял им в печати на то, что они, дескать, «влекут в несуществующие пу́стыни», а сами жития, по его разумению, взывают к романтическому прошлому, ничего общего не имеющему с современными условиями жизни. Наконец, когда все жития были собраны и опубликованы отдельной книгой под названием «Северная Фиваида», о. Серафим счел возможным ответить на критику:

«И впрямь, почему мы должны воодушевлять современную православную молодежь примером Северной Фиваиды, более привлекательной и доступной нынешнему ревнителю веры, нежели выжженная египетская пустыня?

Прежде всего, описываемая нами монашеская жизнь не бесследно канула в лету, и по сей день возможно найти православный монастырь, исповедующий традиции святых Отцов, и сегодня можно вести подобную жизнь православного монаха, исполненную самоукорения, — сколь же далека жизнь современных подвижников от жития древних

Отцов... Однако и в нашем бесплодном XX веке истинно и с умом ищущий обретет свою «пустынь».

Впрочем, книга наша предназначена не только этим счастливцам. Всякий православный христианин обязан знать жития пустынников, равно и мучеников, дабы вдохновиться примером христианской борьбы в собственной жизни. Всякий должен знать о Валааме, Соловках, Свири, Сии, Обноре, Белом Озере, Сорской пустыни, о людях, которые жили там и еще до восхищения на Небо уподобились Ангелам. Они вели истинно православную духовную жизнь, к коей призван каждый православный — в меру его сил и обстоятельств жизни. Всякий христианин почерпнет вдохновение в житиях этих людей, в их борьбе, в их неотмирности. И ничего «романтического» в этом нет. Кого и можно назвать «романтиками», так это нынешних «обновленцев», «парижских реформаторов». Они отвергли подлинные православные традиций и тщатся провозгласить святым всё мирское, предать духовные традиции в угоду «жизни мира»*, заменить истинно православное миропонимание обмирщенной подделкой, основанной на современной западной философии. Духовная жизнь в подлинно монашеских традициях — норма нашей христианской жизни, и недурно бы знать о ней до пришествия ужасного последнего дня, когда нас призовут к ответу за нерадивую жизнь. И судимы будем не за то, что не знаем модных богословских словечек, а, несомненно, за то, что избегали духовной брани на пути к спасению. Коли нам не под силу жить по меркам святых, надобно хотя бы умножить наши, пока, увы, слабые попытки бороться, дабы приблизиться к Богу, наши горькие слезы покаяния, наш непрестанный упрек себе за то, что столь далеки мы от примеров совершенства, кои Господь показал нам в своих чудесных святых»[21].

В БОЛЕЕ ПОЗДНИХ работах (предназначенных не столько богословам, сколько простым православным) о. Александр Шмеман сумел дать практические наставления, не вникая в критику «изъянов» традиционного Православия**. Но и для него, и еще более для его последователей святоотеческой преемственности не существовало. В лекциях неоднократно ссылаясь на преп. Серафима Саровского, о. Александр Шмеман лишь частично мог оценить великого старца, не

* Так называлась одна из книг о. Александра Шмемана.

** Лучшей в этом отношении является его книга «Великий пост», если исключить Приложение, в котором автор выступает против обязательности исповеди перед причастием.

в силах проникнуться его подвижническим и провидческим духом (что, к примеру, подтверждается «Великой Дивеевской тайной»), так как сам прервал духовную связь со святыми наших дней, даже с теми, которые следовали духовным заветам самого преп. Серафима Саровского* и жили невдалеке.

Им выпала тяжкая задача — сохранить живую связь времен в православной Америке, оттого столь непримиримо высказывались они против «обновленчества». «Шмеманизм» представлял реальную угрозу, но мудрые отцы умели не смешивать явление и личность. Нельзя принять или смириться с извращением Православия, но можно простить человека. Отец Серафим не питал к Шмеману личной вражды, напротив, даже уважал его за твердое стремление донести православную веру до соотечественников-американцев. Опасаясь, что о. Александр может истолковать критику как личное оскорбление, о. Герман вскоре после смерти о. Серафима навестил его, склонился перед ним в земном поклоне и испросил прощение своему покойному брату. Отец Александр Шмеман, чей смертный час тоже был не за горами, с готовностью простил о. Серафима**.

Так, Божией милостью души о. Серафима и о. Александра примирились для будущей жизни. Нет доказательств, что Шмеман хотя бы частично принял взгляды о. Серафима, однако, несомненно, он отдавал ему должное: как-никак о. Серафим — плод американского Православия, которому Шмеман посвятил бóльшую часть жизни. Отец Серафим — не эмигрант, родившийся еще в XIX веке в России, кто призывал американцев к православному благочестию старого уклада, а чистокровный американец, взращенный в миру среди множества религиозных течений, понятия не имевший о Православии. Сызмальства его воспитывали в духе «американской мечты», которую он отверг. Незадолго до смерти о. Александр Шмеман ознакомился с жизнью о. Серафима, жизнью американского православного монаха, и сказал: «Вот человек, за которым будущее»[22].

---

* Отец Адриан, архиеп. Аверкий, архим. Герасим и множество других Божьих угодников были наряду с преп. Серафимом Саровским духовными преемниками преп. Паисия Величковского.

** Примирился о. Герман и со сподвижником Шмемана, о. Иоанном Мейендорфом, за год до смерти последнего. Промысел Божий свел обоих на всенощной в канун Преображения в 1991 году. Служба проводилась в Донском монастыре в Москве впервые за 70 лет с той поры, когда монастырь был закрыт. Отцы Герман и Иоанн вместе подошли к елепомазанию, поцеловали друг другу руки, и о. Герман попросил прощения.

62

Пустынь на задворках

Говорят, слышал я, будто невозможно навыкнуть добродетели без ухода вдаль и убегания в пустыню, и удивился, как вздумалось им неопределяемое определить местом. Ибо если навык в добродетели есть восстановление сил души в первобытное их благородство и сочетание воедино главнейших добродетелей для свойственного ей по естеству действования; а это не со вне приходит в нас, как нечто вводное, а прирождено нам от сотворения, и чрез это входим мы в Царство Небесное, которое, по слову Господа, внутри нас есть: то пустыня излишня, когда мы и без нее входим в Царствие — чрез покаяние и всякое хранение заповедей, что возможно на всяком месте владычества Божия, как поет Божественный Давид: «Благослови, душе моя, Господа на всяком месте владычества Его» (Пс. 102:22).

Преп. Никита Стифат[1].

Хотя отцы и знали, что пустынь в лесных дебрях определена Господом местом их трудов во имя спасения, они не рассчитывали, что каждый гость непременно последует тем же путем. Они понимали: большинство тех, кого вдохновляло пустынножительство и жития святых отшельников, пребудет в миру, ибо именно такие обстоятельства Господь назначил им, чтобы идти ко спасению.

По определению о. Серафима, «пустынь — убежище от мирских потрясений и соблазнов, место неустанного духовного борения во имя Царствия Небесного». Это положение неоспоримо — жизнь в пустыни и впрямь располагает к совершенствованию души, но еще важнее внутреннее расположение души, ощущающей себя в «изгнании». Это состояние могут стяжать все христиане в любых обстоятельствах и условиях жизни.

Как мы уже видели, пустыннический идеал связан исторически с мировоззрением *катакомбных* первых христиан — мировоззрением сознательной веры, преобразующей жизнь человека, сохраняющей его ум и сердце от мирской пагубы. Отец Серафим часто приводил слова св. Макария Великого: «У христиан свой мир, свой образ жизни, и ум, и слово, и деятельность свои; инаковы же и образ жизни, и ум, и слово, и деятельность у людей мира сего. Иное дело — христиане, иное — миролюбцы; между теми и другими расстояние велико»[2]. Отведав небесной сладости пребывания во Христе, христианин призван к неотмирности, к отречению от своего падшего естества, к приобщению, как говорил преп. Никита Стифат, «пустыни страстей», т. е. бесстрастия, что позволит человеку подняться над мирской суетой.

Рассказывая о пустынниках русских лесов — Северной Фиваиды, о. Серафим указывал, что миропонимание пустынников следует воспринять всем, кто следует за Христом, и в монашестве, и в миру. «Глас Северной Фиваиды зовет нас, — писал о. Серафим, — если не уйти в пустынь (такая удача выпадает некоторым и сегодня, ибо остались еще на земле леса), то хотя бы сохранить «благоухание» пустыни в сердце своем, сердцем и умом пребывая с Божьими угодниками, подобными ангелам, сделать их своими ближайшими друзьями, молитвенно беседуя с ними; сторониться увлечений и страстей мира сего, даже если они возобладают в религиозных учреждениях или вовлекут кого-либо из иерархов; помнить первым делом, что принадлежишь горнему граду Иерусалиму, граду Небесному, к которому устремлены все дела и помыслы христиан, и уже во вторую очередь — о принадлежности к падшему миру сему. Вкусивший однажды благоухание пу́стыни, восхитительное чувство свободы во Христе, трезвение в беспрестанной борьбе, никогда уже не удовольствуется ничем мирским, а воскликнет вслед за Иоанном Богословом: «Гряди, Господи!» Дабы услышать: «Ей, гряду скоро!» (Откр. 22:20)»[3]

Вот что хотели донести до людей в своих книгах и журнале о. Серафим и о. Герман. И неудивительно, что сподобились и конкретными делами помогать христианам в жизни. Об их помощи Владимиру Андерсону уже упоминалось. Он и его семья не только спасали собственные души сознательной христианской жизнью, но и помогали спастись другим. Пережив тяжелое сиротское детство, Владимир всю жизнь помогал обездоленным. Работая в католической благотворительной общине, он с женой Сильвией кормил, одевал и давал приют бездомным. Бродяги не обходили стороной их дом при

дороге — знали, что там их ждет вкусная еда и ночлег. Владимир порой брал целые семьи, если видел, что они нуждаются в помощи. Ненавязчиво, личным примером он обратил многих в христианство и Православие.

К этим богоугодным трудам Андерсоны добавили и книгопечатание. Сколько книг выпустил Владимир с сыновьями в семейном издательстве «Православные книги»! В основном духовную классику, давным-давно не переиздававшуюся.

С помощью Владимира пришел к Православию и еще один вдумчивый богоискатель, Крейг Янг. Католик, школьный учитель, как и Владимир, он разочаровался в римской католической Церкви после внезапных и неоправданных перемен 2-го Ватиканского Собора. Познакомились Владимир и Крейг в 1966 году в Сан-Франциско на учительской конференции. Узнав о сомнениях Крейга, Владимир предложил ему открыть душу Православию. Крейг внял словам друга, и случай вскорости представился — похороны архиеп. Иоанна. Они обернулись высоким и благоговейным прославлением православного святого, и у Крейга осталось неизгладимое впечатление. Не раз заглядывал он в книжную лавку братии, писал им, когда они перебрались в Платину. В 1970 году Крейг решился принять Православие. Однако его жена Сюзанна и мысли не допускала, чтобы оставить католичество. Крейг решил свозить жену в усыпальницу архиеп. Иоанна, ибо именно на похоронах этого святого человека ему открылась таинственная сила Православия. Встав на колени перед ракой, Владимир безмолвно молил Владыку Иоанна привести к Православию семью. Помолившись, он подошел к Сюзанне. И она не осталась равнодушной к благодати, которой была преисполнена усыпальница, заверила мужа, что поддерживает его решимость принять Православие. Изумленный Крейг тут же поблагодарил архиеп. Иоанна за столь быструю помощь. Тем же годом он, Сюзанна и их маленький сынишка Ян присоединились к православной Церкви. Крейг принял имя Алексей в честь Алексея, человека Божия.

Он с семьей уже два года жил в местечке Этна (750 жителей) на границе штатов Калифорния и Орегон. На сотни миль окрест не было ни православных церквей, ни православных прихожан. Алексей призадумался: не переехать ли обратно на побережье, поближе к Сан-Франциско, чтобы не отрываться от Церкви. Он написал о своих раздумьях братии в Платину и получил такой ответ о. Серафима: «Уповай на Господа, уповай на волю Его, приведшую тебя из города в маленькое селение».

В обитель преп. Германа Алексей приехал впервые в 1971 году. По дороге заблудился, потом отказала машина. Добравшись до скита пешком, он поведал о своих злоключениях. Отец Герман сказал, что это — доброе знамение. И на недоуменный вопрос Алексея пояснил, что путь Православия труден, каждый шаг дается в борении.

Понимал ли тогда Алексей, почему люди в здравом уме предпочли жить в столь «невыносимых» условиях: на горе, кишащей змеями, без воды, в лачугах с худыми крышами? Чуял ли, что христианство, выросшее в катакомбах, в тех же «невыносимых» условиях по плечу лишь немногим?

Но, как стало ясно позже, Алексея привлекала жизнь в борении, избранная отцами. Он правильно воспринял их слова о том, что христианство подобно айсбергу, и почти все судят о нем лишь по видимой верхушке, которая возвышается над водой и так легко истаивает под солнцем. Отцы рассказали ему о силе христианского вероисповедания, когда в самых «невыносимых» условиях, как, например, в Советском Союзе, человек всё же остается с Богом, сокрыв свою веру от сторонних глаз.

Во второй раз Алексей приехал уже с женой и сынишкой. За чаем посетовал на свою учительскую долю — ему претило то, что он, как современный учитель, должен был насаждать в душах и умах детей. Отцы прониклись участием к Алексею и его семье — милым и совестливым людям. Оставшись наедине с о. Серафимом, о. Герман воскликнул: «Мне они нравятся!»

Перед отъездом Алексей зашел попрощаться.

— Не торопись! — остановил о. Герман. — Поклонись иконам на дорогу. Ждите меня в церкви.

Алексей вышел, а о. Герман обратился к о. Серафиму.

— Что мне сказать им?

— Что на сердце, то и говори.

Перекрестившись, о. Герман вошел в церковь и запел «Всех скорбящих Радосте», главный гимн собора архиеп. Иоанна, его подхватили и Алексей с женой (они выучили мелодию и слова по магнитофонной записи поминальной службы).

Глядя на гостей и размышляя, с чего начать, о. Герман заговорил об о. Адриане, удивительном священнике: куда бы ни забрасывала его судьба — в Киев ли, Берлин, Вендлинген или штат Нью-Йорк,— он собирал и сплачивал православные общины. Даже в тяжелейшее военное время в Германии о. Адриан сумел стяжать внутренний покой, утерянный было после православного детства, сумел создать условия и настрой, с которым он и его паства могли жить христианской жизнью

во всей полноте ее благодати. И теперешняя его община на севере штата Нью-Йорк духовно процветает, потому что он воспитал в людях *сознательную православную философию жизни*. Находясь в миру, и он и его паства были свободны от организаций и бюрократии, он сам создал островок Православия в мирском океане. Церковные организации пытались использовать его в своих целях, однако о. Адриан работал в основном вне установлений. Он не любил мертвящую чиновничью атмосферу, в которой задыхалось большинство мирских приходов. Всё это казалось ему ненастоящим, поддельным, истинное он находил только в жизни, напитанной учением Христа, неподвластным мирской логике.

Отец Герман указал, что движителем всей жизни общины о. Адриана был круг ежедневных богослужений, совершать который он присоветовал и Алексею с женой, даже дал им конкретное правило: из восьми ежедневных служб они должны совершать хотя бы одну — 9-ый час.

Напутствие о. Германа глубоко тронуло Алексея. «Теперь у меня есть пример для подражания, — сказал он, — большего мне и не нужно».

А вернувшись домой в Этну, он устроил пустынь у себя на заднем дворе. Ежевечерне он с женой и сыном шел в часовню, которую разместил в маленьком сарае с помпой — водокачке и назвал в честь святых Адриана и Наталии*. Там они вычитывали девятый час, к которому потом добавилась вечерня.

Перемены в их жизни заметили соседи. Однажды к ним подошла жившая рядом женщина и спросила: «Простите за любопытство. Каждый день вечером я мою посуду и вижу, как вы спешите к водокачке. А выходите через полчаса, и лица у вас спокойные, светлые. *Что вы там делаете?*»

«Приходите — увидите сами», — последовал ответ.

Несколько времени спустя эта женщина с дочерью — приверженцы пятидесятников — зачастили на богослужения к Янгам. Одна из коллег Алексея, прознав о православной общине, тоже захотела принять участие в их ежедневных службах. Со временем и эти, и некоторые другие люди приняли Православие. После встречи с ними о. Серафим писал: «Православное слово доходит до американских сердец, пусть пока до немногих. И как же заботливо нужно их пестовать!»

---

* Супруги-мученики за Христа, жившие в Никомедии в III веке. Алексея столь воодушевил пример о. Адриана, что он выбрал св. Адриана в покровители часовни.

АЛЕКСЕЯ ПРИВЛЕКАЛА самостоятельная работа, ответственность за православных в своей общине. Но не только. Чувствуя в себе способности мыслителя и писателя, он в 1971 году написал и отослал отцам в Платину религиозный очерк. Он спрашивал мнение отцов, дабы увериться, не рано ли начал писать.

Отец Серафим ответил: «Никоим образом не считаю Ваше желание написать статью «тщеславным и дерзким». Очевидно, только таким способом Вы можете разобраться в собственных чувствах и мыслях и развить их... Мне даже видится, где статья Ваша будет к месту — в газете под названием «Православная Америка». Помимо новостей в православном мире, просветительских материалов, комментариев на злобу дня с православных позиций, там должен быть раздел, в котором делились бы мыслями и надеждами дети православной Америки. Увы, такой газеты не существует! Как знать, может и появится со временем».

Замысел православной газеты в Америке по образу «Православной Руси» исходил от о. Германа. Отцы и не подозревали, что, вскользь упомянув об этом, они всколыхнут волну воодушевления у Алексея. В ответном письме он рассказал отцам о своей задумке более скромного и несколько иной направленности периодического издания — отсюда и иной формат, и название.

Отец Серафим поддержал Алексея, указав на необходимость издавать больше православных книг и журналов на английском языке. «Но прежде, чем напечатать первую строчку, всё следует тщательнейшим образом продумать и ...выстрадать! Наш опыт подсказывает, что важнейшее для такого издания — иметь собственное «лицо», собственный краеугольный принцип и способ его выражения. «Лицо» проглядывает не только в содержании, оформлении, редакционной политике, но также и в стиле, важно и то, кто стоит за изданием данного журнала или газеты. Важно не столько имя, сколько деятельность и склад характера: ученый муж, проповедник, учитель, рупор той или иной «юрисдикции», новообращенный, несущий слово к таким же, как и он сам, и т. д. Важно и то, кому предназначен журнал или газета: интеллигенции, «широкому кругу» читателей, новообращенным. Определить всё это очень и очень непросто, но до́лжно хотя бы чувствовать, что у издания есть четкая направленность, что это не просто случайный набор разнообразных материалов.

Мы с о. Германом были бы рады помочь советом (вот уж где одна голова — хорошо, а две лучше), хотя бы и общим, либо отзывом о конкретном материале. Основное же бремя «творчества» ляжет на Ва-

ши плечи и плечи Ваших сотрудников, ибо создать свое «лицо» — дело непростое. Оно должно быть не искусственной маской, а выражать определенное стремление выполнить определенную задачу... Лучших советчиков Вы найдете среди себе подобных, так и получится издание для новообращенных силами новообращенных»[4].

Свое детище Алексей назвал «Никодим» в честь святого, которому Христос сказал: «Если кто не родится свыше...» Выходил самодельный журнал раз в три месяца и рассказывал в основном о заботах мирян и «рожденных свыше», т. е. тех, кто приобщился Православия. Отец Серафим много помогал Алексею: переводил статьи, сочинял рецензии, в письмах к Алексею наставлял его в духе православного трезвения.

НА ПРИМЕРАХ миссионерской и издательской работы Владимира и Алексея отцы убедились воочию: зароненные ими семена дают первые всходы самостоятельной православной деятельности. Посетив очередной раз Этну, о. Серафим отметил: «Побеги Православия там принялись хорошо... пока община развивается правильно, являя собой островок Православия».

Этот первый «побег» на древе Братства заставил отцов выработать принципы мирских православных общин в современных условиях. В одной из статей для «Православного Слова» о. Серафим обратился к учению и личности о. Адриана (к тому времени архиепископа), дабы нагляднее определить эти принципы: «Суть православной жизни — *благочестие*, что, по определению оптинского старца Нектария*, исходившему из прямого значения слова, есть «воздание чести тому, что от Бога». Это не просто правильное учение, это проникновение Господа в каждую клеточку повседневности, это жизнь в трепете и страхе Божием... На таком основании строится православный быт, под коим разумеется не только поведение, привычки и обычаи православных, но и *сознательная духовная борьба* человека, для которого Церковь и ее законы — средоточие всех дел и помыслов. В сознательном приобщении жизни, ритм которой задается кругом ежедневных богослужений, и образуется подлинно православная община, со своим особым ощущением неотмирности, радости и душевного покоя. Непричастным или не полностью причастным Православия трудно вообразить такое, легче отмахнуться: дескать, это субъективное ощущение. Но ни один из тех, кто всем сердцем принял жизнь православной общины, монашеской или мирской, не усомнится в этом православном чувстве»[5].

---

* Духовный отец о. Адриана.

Вскоре после того, как эти строки были напечатаны, Алексей показал отцам письмо на ту же тему от некоего православного в Греции. Отец Серафим ответил далекому корреспонденту: «Ваши письма чрезвычайно интересны. Мы немало думали о православной общине и кое-какие мысли изложены в последнем номере «Православного Слова»... Однако полностью высказаться на страницах журнала невозможно — читатели наши еще слишком незрелы, а замысел православной общины весьма привлекателен, хотя никто толком не готов к тяготам и лишениям, с коими неизбежно столкнется, отсюда — безнадежность и разочарование после первых же шагов.

Но если смотреть трезво и не ждать от мирской общины того же, что и от монашеской, ею не следует пренебрегать, в наши дни община православных мирян может сыграть очень важную роль. Сегодня приходская жизнь в противоестественно больших городах, среди неслыханных и невиданных ранее искушений, ненормальна для Православия. У нас есть в Нью-Джерси знакомый священник, весьма ревностный православный, у него многочисленная паства, немало молодежи. Он пишет, что ведет неравный бой: молодых прихожан своих он видит час-другой в воскресенье, да в субботу на вечерней службе или занятиях церковной школы. Всю неделю они подвержены влиянию совершенно чуждому: школьной среды, телевидения и пр. Совершенно естественно желание создать обстановку, в которой Церковь бы больше влияла на молодежь, в этом нет ничего «странного», ничего от «прелести», как многие полагают»[6].

Верующие из общины в Этне приезжали в Сан-Франциско хотя бы раз в год, чтобы приобщиться святых Христовых Таин. Для каждодневных «духовных впрыскиваний» они читали духовную литературу и ходили на богослужения в свою домашнюю часовню. Отец Серафим писал, что *ежедневные* богослужения (пусть и не полный круг) — краеугольный камень православной общины и ее самая приметная *отличительная черта*.

В серии статей о богослужебном уставе о. Серафим пытался развеять «расхожее и неверное мнение, будто православным христианам не дозволяется проводить богослужения без священника, без него, дескать, верующие беспомощны и «неспособны к молитве», а сегодня всё чаще и чаще паства остается без пастыря». Он привел призыв архиеп. Аверкия ко всем православным: собираться вместе для молитвы, даже когда нет священника, и заключил: «Общая молитва мирян может и должна совершаться как можно чаще и в приходах, лишившихся пастыря, и там, где верующих очень мало и они не в состоянии содержать священника, и в удаленных от церкви местах, где еще не сформировался

приход, да хотя бы и в семье, где нет возможности ходить в храм по воскресеньям и праздникам»[7].

Вскоре Алексея стали смущать всё возрастающие пастырские заботы. Отец Серафим в письме с любовью приободрил его: «Не пугайся новых обязательств, новых людей, встречающихся на пути. Господь попустит лишь то, что по силам понести, да и что же нам, бедным христианам, остается, как не помочь хотя бы в малости тем, кто жаждет истины? Так потрудимся же ради других, ведь им порой не к кому обратиться в бесплодной пустыне современной жизни, нас же ждет отдохновение в жизни грядущей, но сперва нужно взрастить и собрать плоды на духовной ниве и сберечь их от зла! Даже в бедах наших и горестях, к коим нужно всегда готовиться, Господь посылает нам, недостойным, превеликую радость!»[8]

Отец Серафим полагал, что маленькая община выстоит благодаря тяготам и заботам, выпавшим в жизни ее братьям и сестрам. В летописи он отметил: «Всем взрослым в общине досталось немало страданий… Это залог их твердой веры в Православии». Поэтому и обратился он к ним однажды со словом о «сердоболии», святоотеческом учении о том, как принимать тяготы и горести, что суть путь ко спасению. Страдание, указывал о. Серафим, есть благорасположение Господне.

Конечно, маленькая группа людей, живущая по заветам первых катакомбных христиан и святых Отцов, совершающая богослужения в часовне на водокачке, вступала в противоречие не только с миром сим, но и с укладом «церковных организаций». Отцы понимали: случись новой «пустыни на задворках» объединиться с чиновничьей структурой архиеп. Антония — ей придет конец. Маленькая миссия, пасомая о. Серафимом и о. Германом, взращивалась на принципе катакомбных христиан и только так и могла выжить.

Не желая настраивать Алексея против Владыки, отцы никогда не рассказывали ему о своих конфликтах с архиеп. Антонием. Он был новичок, идеалист, и отцы старались оградить его от церковных интриг и распрей. Похоже, в этом была их ошибка — Алексей оказался неготов к последовавшим потрясениям.

Надо признать, что отцы в общем и целом разъясняли Алексею отличие истинных авторитетов от ложных. Придя в Православие из Римско-католической Церкви, Алексей невольно привнес в свое новое православное сознание прежнее отношение к власть придержащим в Церкви — по-католически, как к папе римскому, но отцы полагали, что

придет время и сама жизнь поставит его перед необходимостью пересмотреть свои взгляды. Его вера в непогрешимость церковных авторитетов особенно проявилась в статье о церковной иерархии. Прочитав статью, о. Серафим написал Алексею:

«После нашего недавнего разговора о епископах, мы полагаем, что нет нужды ставить особый акцент на последней фразе цитаты на последней странице майско-июньского номера — идея и так уже достаточно ясна. Мы уже сейчас живем в век «онечестившихся» епископов, о котором предсказывал преп. Серафим, и уже сейчас повсюду (особенно наглядно это в России), встречается скрытое в той или иной мере или явное неповиновение епископам, и это становится духовной необходимостью. Не каждый такой случай можно легко оправдать догматически или канонически. И всё это не значит, что изменился порядок, о котором ты пишешь, но, увы, есть люди (в Русской Зарубежной Церкви в том числе), которые используют преимущества своего положения, и отнюдь не на благо Церкви или епископов, но из корыстных побуждений. Ведь всё зависит от того, как относиться к своим правам, с любовью или с холодным точным расчетом. Так не дадим же повода нападать некоторым фарисеям. И довольно об этом»[9].

Когда Алексей начал расширять свою часовню, о. Серафим предостерег его от попыток добиться признания и одобрения, получить официальный «статус»: «Работайте без оглядки на архиеп. Антония. Конечно, его нужно будет известить, когда вы откроете церковь. Узнай он о вас сейчас, решит, что вы уже готовы открыть церковь — в этом и заковыка, ибо такое вам пока не по плечу. Не торопитесь величать свой обустроенный сарай церковью, не стройте больших планов. Пока вы лишь кучка православных, а не «приход» или нечто «официально зарегистрированное» в епархии»[10].

Несколько лет после смерти о. Серафима Алексей вспоминал: «Отец Серафим решительно противился моему вовлечению в привычную, так сказать, «нормальную приходскую жизнь», даже в Русской Зарубежной Церкви... Не раз он говорил и писал: «Не учите русский язык. Иначе окунетесь во все суды-пересуды и соблазнитесь в них участвовать. И бегите приходских советов! Бойтесь как проказы всяких церковных интриг!» Конечно, он ратовал за то, чтобы мы с семьей ездили причащаться Святых Таин в разные приходы, но предостерегал от приходской деятельности, которая, как ему казалось, отвлечет меня от истинного «призвания», ниспосланного Господом, — миссионерства печатным словом и проповедничеством. В итоге многие русские православные величали меня „старообрядцем"!»

В письме к греческому знакомцу о. Серафим пояснял, почему таким общинам, как у Алексея, следует избегать церковной обмирщенности: «В современных условиях надобно сознательно избегать участия в суете мира: лучше жить в малых городах, освободиться от пут телевидения, газет, телефона и пр. И еще: избегать обмирщенности *самой Церкви*, т. е. не погрязать в будничной приходской жизни.

Община в Этне никоим образом не идеал и не пробный камень, она возрастает в естественных условиях, чрезвычайно благоприятных для самосохранения Православия, хотя главное, разумеется, в их усердии. Парадокс в том, что они, на свое счастье, *удалены от православных приходов* и, следовательно, не изведали их рутинной жизни, они не воспринимают Церковь как нечто *само собой разумеющееся*, не кивают на *церковные власти*, которые якобы отвечают за службы и прочее. Люди в Этне вынуждены сами проводить богослужения, и службы им только дороже от этого. Каких трудов стоит им добраться до священника, чтобы причаститься — и они превелико ценят это счастье, буквально в страхе и трепете «зарабатывают» свое спасение. Нам, американцам, Господне благословение и в том, что Православие для нас внове, а значит, и более ценимо. Всякий новый перевод жития или новая служба — откровение и возможность самостоятельно приобщиться этого сокровища.

Мы чувствуем, хотя и не можем пока логически обосновать, что в будущем Православие сохранится как раз благодаря таким малым общинам, объединившим людей с полным единомыслием и единодушием. История XX века уже доказала, что не стоит уповать на «церковную организацию». Не говоря уже о проникающей туда ереси, там всё больше главенствует дух мира сего. И архиеп. Аверкий, и еп. Нектарий наказывали нам готовиться к грядущим временам новых катакомб, когда Божия благодать долее не пребудет на «церковной организации» и останутся лишь разрозненные кучки верующих. Наглядный пример — Советская Россия, и на улучшение рассчитывать не приходится, ибо времена неуклонно ухудшаются»[11].

В ПИСЬМЕ К АЛЕКСЕЮ о. Серафим отмечал: «Благодарите Бога за возможность жить уединенно и независимо, ибо так Православие может истинно войти в повседневную жизнь». В другом письме он так отозвался о журнале «Никодим»: «Мы рады видеть семена подлинного Православия, его всходы, столь необычные и непривычные для Америки: община мирян, не поддавшихся обмирщению, они хотят отыскать глубокие корни веры, понимая, что не сродниться им с миром сим. Людям этим, в отличие от многих иных, мало держаться «пра-

вославной точки зрения», они ищут ответы у святых Отцов, и не на заумные богословские вопросы, а на насущные, жизненные. В вашей общине Православие не просто прибавлено к американскому образу жизни со многими реверансами, оно не «разжевано» для иноверцев, не втиснуто в ряд *официальных* религий. Православие само изменяет жизнь, а православные — вызов миру сему, они отстоят от всяческой мирской суеты, но вызов этот обоснован и очевиден».

В то же время о. Серафим понимал, сколь хрупок этот драгоценный сосуд — жизнь такой общины, сколь сильны козни дьявола, дабы ослабить и уничтожить подобные общины. «Без постоянной сознательной православной борьбы любая, самая лучшая община превратится в этакую «теплицу» с искусственным православным «климатом», в которой лишь внешние проявления Православия «дарят радость», входят в привычку, а душа не меняется, пребывает в лености и довольстве, вместо того чтобы учиться спасаться в борении. Сколько примеров: становится община процветающей и известной и теряет драгоценное рвение и единодушие первых трудных дней. Нет рецепта богоугодной православной жизни. Всякое ее внешнее проявление может оказаться фальшивым, всё зависит от состояния души, трепетно предстоящей Богу, во всём поступающей по закону Его, превыше всего ставящей то, что от Бога»[12].

Отец Серафим ревностно молился о том, чтобы православные Этны оставались такими, как есть, со страхом Божьим и любовью к ближнему, чтобы и впредь ценили «живые звенья святоотечества», как еп. Нектарий. Навестив их в ноябре 1975 года, о. Серафим отметил в летописи: «Маленькая и слабая община отчаянно борется, чтобы жить в духе истинного Православия и благочестия. Сейчас для этого самая пора. Вырастет община и утеряет столь важное единомыслие и единодушие или «привыкнет» к Православию, как к чему-то обыденному. В начале недели их посетил еп. Нектарий, чем весьма воодушевил, а о. Серафим после вечерни (в перестроенной часовне) провел беседу о том, как важно хранить православные традиции. Связующим звеном могут послужить даже новые Царские врата из храма Казанской иконы Божией Матери в Сакраменто. Смастерил их Алексей Макушинский из катакомбной Церкви России. Он пел в хоре св. прав. Иоанна Кронштадтского, чудесно исцелился у мощей св. Василия Блаженного... Да сохранит Господь единство умов и душ этих людей!»

Община, сплоченная смирением и ежедневной молитвой, эта «кучка православных в глухомани» — пример тем, кто ищет тихий островок неотмирной христианской жизни в бурном море нашего материалистического общества постхристианских времен.

63

Взрывоопасный догмат

Создавый по образу Твоему, Человеколюбче, человека, и умерщвлена грехом преступления ради, распенся на лобнем, спасл еси.

Воскресный канон, глас 3, песнь 4.

Яко непобедимому оружию, щиту непреоборимому, и яко скипетру Божественному, поклонимся Кресту Твоему, Христе, Пресвятому, им же мир спасеся и ликует Адам.

Стихира на Воздвижение Честнаго и Животворящаго Креста Господня.

Церковь охраняется от заблуждения своим литургическим богословием.

Прот. Михаил Помазанский.

В 1973 ГОДУ О. СЕРАФИМУ волей свыше случилось защищать Церковь от чуждого нового влияния, которое, по его словам, не только разрушительно по сути, но «может привести к полной катастрофе»[1]. Речь шла о догмате искупления, ложное толкование которого было выдвинуто в начале нынешнего века первоиерархом Русской Зарубежной Церкви митроп. Антонием (Храповицким). После раскола 1054 года западные богословы трактовали искупление как «морально-правовую» категорию, против чего решительно выступил митроп. Антоний. Но он впал в другую крайность, полагая, что наше искупление

греха и смерти произошло не посредством страданий и смерти Христа на Голгофе и Его воскресением (как испокон веков полагали святые Отцы), а посредством «мучений душевных и сострадательной любви» в Гефсиманском саду.

Предводительствуя «избранным ученым монашеством», митроп. Антоний считал, что Крест имеет скорее поучительное, так сказать, прикладное значение, дабы темные, невежественные верующие, неспособные уразуметь «мучений душевных» (что, по его мнению, и породило искупление), прониклись страданиями физическими. Отец Серафим, некогда и сам относившийся к «избранным ученым умам», быстро узрел возможные последствия такого взгляда — он порождал «снисходительное отношение ко Святому Кресту». Отец Серафим писал: «Тут разделение православных христиан на две категории — масса и элита, которая не нуждается в Кресте. Похоже на тайное общество масонов. Против этого — все святые Отцы, Богослужения, Литургия. Все ставят в центр Голгофу. Вообще это очень похоже на западных протестантских писателей его (митроп. Антония) времени, Эллен Уайт, основательницу секты адвентистов 7-го дня, и других»[2].

Митроп. Антония знают и помнят как любящего пастыря, человека весьма незаурядного, однако очевидно, что в богословии он не отличился точностью. Отец Серафим писал: «Хотя митроп. Антоний и любил говорить о возвращении к первоистокам, Отцам Церкви и т. д., но, как особенно явствует из его «догмата», здесь он неверен этому: он принадлежал скорее к литературной интеллигенции, чем к святоотеческой школе, как оптинские Отцы»[3].

В 1925 году новый «догмат» стал выдвигаться как официальное учение Русской Зарубежной Церкви и вызвал всеобщее смятение. Иерархи, приверженные святоотеческим традициям, вынуждены были выступить в защиту истинного учения об искуплении.

Серьезными полемическими работами против нового толкования догмата откликнулись Владыка Феофан Полтавский (соучредитель Русской Зарубежной Церкви), архиеп. Серафим (Соболев), перешедший позже в Болгарскую Церковь, святой афонский старец Феодосий Карульский. Их стараниями новый «догмат» так и не был официально утвержден. Да и следующее поколение иерархов единодушно отвергло его, а некоторые даже посчитали за ересь. Среди них и архиеп. Тихон, и архиеп. Иоанн, и архиеп. Аверкий, и архиеп. Леонтий, и архиеп. Виталий (Максименко), еп. Савва, еп. Нектарий, прот. Михаил Помазанский, архим. Константин (Зайцев), И. М. Андреев, И. М. Концевич, равно и многие иные ревнители святоотеческих традиций. В то же время, по словам о. Серафима, все они «были весьма расположены к

митроп. Антонию и сочувствовали ему». Изобличая несостоятельность его ошибочных суждений, они не переносили свой суд на личность. Архиеп. Иоанн, к примеру, горячо любил митрополита и написал совсем не «воинственную» статью, высветив лучшее в учении митрополита — о любви Христовой и вместе с тем поправив его.

Совсем по-иному приняли новый «догмат» в иерархической группировке, для которой превыше всего были покой и безопасность. Не обладая духовной свободой Владыки Иоанна и его сторонников, клика епископов безоговорочно уверовала в провозглашенный догмат. Они и мысли не допускали, что их первоиерарх может ошибаться.

В работе, критикующей новый «догмат», архиеп. Серафим (Соболев) писал:

«Сам митроп. Антоний был чужд стремления, свойственного еретикам, распространять свое учение во что бы то ни стало. Он исполнил нашу просьбу и не печатал более ничего в защиту своего взгляда на искупление. К сожалению, в душе своей он от него не отказался. В 1933 году я беседовал с ним наедине относительно его догматическаго учения и заявил ему вновь, что оно не согласно со Священным Писанием и учением святых Отцов. На что он ответил, что его учение согласно с Божественным откровением. Более беседовать об этом с митроп. Антонием мне уже не пришлось.

Но если сам митроп. Антоний не настаивал на распространении своего учения о сострадательной любви, как средстве нашего искупления, то об этом распространении стали заботиться его последователи»[4].

Елена Концевич отмечала, что отношение к «догмату» разделило иерархов, несогласные стали подвергаться нападкам и ограничениям. Был изгнан, отправлен на покой и объявлен сумасшедшим архиеп. Феофан — за доклад в Синоде о догмате. Впрочем, мы уже убедились, какова участь тех, кто не примыкал к пресловутой группировке и не поддерживал «догмат».

И не только Елена Концевич обратила внимание отцов в Платине на тревожное положение в Церкви. Брат ее мужа, еп. Нектарий, премного пострадал из-за нового догмата, за который в Синоде особенно рьяно ратовал архиеп. Виталий Канадский. Когда на синодальном собрании обсуждался вопрос об официальном признании догмата, еп. Нектарий, обыкновенно кроткий и смиренный, не вытерпел и решительно заявил, что догмат разрушает самое основание Русской Зарубежной Церкви и дает повод прочим Церквям обвинять ее в ереси — и совершенно справедливо! Его поддержали и архиеп. Афанасий, и чуть позже архиеп. Андрей (он не присутствовал в тот день на собрании).

Тогдашний Владыка митроп. Филарет выслушал еп. Нектария и снял вопрос о «догмате» с повестки дня*.

Но ДЕЛО ТЕМ НЕ КОНЧИЛОСЬ. В начале 70-х годов вопрос о «догмате» всерьез угрожал православной миссии среди коренных американцев. В монастыре о. Пантелеимона прославлялся главный защитник нового догмата — архиеп. Виталий, его считали там истинным богословом и наилучшим иерархом в Русской Зарубежной Церкви. Поначалу о. Серафим и о. Герман полагали, что о. Пантелеимон и иже с ним заблуждаются в своей оценке лишь потому, что не знают всех сложностей жизни Русской Церкви — в его монастыре были в основном американцы и греки. По мнению о. Серафима, «архиеп. Виталий — не русский по духу, нет в нем простого благочестия и веры, присущих почти всем русским епископам и священникам. Сам же он гордится тем, что более «утончен и изощрен», чем они, и тщится преобразовать Синод, дабы соответствовал его мировоззрению. Будучи хитрым интриганом, он сделался самой влиятельной фигурой в Синоде (это он десять лет назад возглавлял травлю архиеп. Иоанна (Максимовича), коего не терпел именно за отсутствие «утонченности» и «управленческих способностей»). Образование он получил в иезуитской семинарии, иезуитом по духу и остался, хотя внешне держится традиций... Мы знакомы с ним лично, и многие уважаемые иерархи предостерегали нас»[5].

Архиеп. Виталий заручился помощью о. Пантелеимона в издании нового журнала «Лоза истины», намереваясь сделать из него официальный печатный орган Русской Зарубежной Церкви на английском языке, презрев уже существующие «Православное Слово» и «Православную жизнь» (в Джорданвилле). Он потребовал от всех приходов поддержать его новое издание и обязал подписаться на него. Отец Серафим заметил позже, что старания его не увенчались успехом. Журнал оказался «удручающе неудачным, что, собственно, мы и предрекали, зная, что и как пишет на русском архиеп. Виталий. Он не понимает, что нужно сегодняшнему читателю, и публикует лишь то, что сам считает «злободневным», чтобы самому предстать во всем блеске своей «утонченности» и щегольнуть перед образованной молодежью. В итоге он смешон, ибо католики куда более поднаторели в том же самом»[6].

---

* Из воспоминаний еп. Нектария.

После выхода в свет второго номера «Лозы истины» о. Серафим пытался предостеречь о. Пантелеимона и его сподвижников от опасного сотрудничества с архиеп. Виталием:

«Скажем прямо: мы не верим, что Владыка Виталий способен дать «единое на потребу». До сих пор его взгляды, изложенные и опубликованные на английском, — «правильны», но в русских публикациях он раскрыл себя полнее, и очевидно, что его «правильности» недостает искорки, некоторого трудноуловимого и трудноопределимого «благоухания Православия», — возможно, единственной черты в будущем, по которой будут распознавать и прилепляться к Православию. Не «правильность», а именно искорка привлекает людей, и коль скоро ее нет у Владыки Виталия — не возжечь людских сердец! (То же самое наблюдается и с сергианством)»[7].

Более всего встревожило отцов то, что Бостонский монастырь, стакнувшись с архиеп. Виталием и прочими иерархами из вышеназванной группировки, сам начал пропагандировать «догмат», цитируя самые сомнительные положения из писаний митроп. Антония и выдавая их за лучшие образцы богословия XX века. В монастыре находился английский перевод «Догмата искупления», и один из монахов писал, что они надеются издать эту работу.

В ЯНВАРЕ 1973 ГОДА о. Пантелеимону нужно было ехать на западное побережье на конференцию в один из приходов, тесно связанный с монастырем. К тому времени у о. Пантелеимона уже было много последователей среди духовенства и прихожан по всей стране, в основном из новообращенных. Для о. Никиты, приходского священника, к кому и собирался ехать о. Пантелеимон, это было большим событием, о грядущей конференции он даже уведомил через газету. Ждал он и о. Серафима с о. Германом, тоже полагая их своими сторонниками: они опубликовали хвалебные статьи как об о. Пантелеимоне, так и об о. Никите, назвав последнего «ревнителем Православия». Отец Никита послал в Платину два билета на самолет с припиской: «Непременно приезжайте!»

Обоим отцам было не приехать: в скиту гостил 12-летний крестный сын о. Серафима. Да и покидать свою обитель не хотелось. Тем не менее отцы решили, что о. Серафим поедет. «Нужно раскрыть им глаза на „догмат"», — сказал ему о. Герман. Поддержал поездку и еп. Нектарий, посоветовав подготовить доклад о «догмате».

Отец Серафим написал тезисы доклада по-английски, а более полно — на русском, для еп. Нектария. В первый и последний раз в

жизни сел он в самолет и вскорости встретился с о. Пантелеимоном на конференции. Прочитал ему свой доклад, убедительно показав, что: во-первых, святые Отцы никогда ничего подобного не поддерживали (впрочем, сторонники «догмата» сами признавали это, но объясняли это тем, что за многовековую историю святые Отцы просто не смогли до этого «додуматься»); во-вторых, «догмат» порождает раскол — лишь «избранным», окончившим духовную академию, будет посильно понять, как мы действительно искуплены от законов греха и смерти; в-третьих, «догмат» низводит почитание Креста до мелкой сентиментальности; в-четвертых, происходит смешение того, что относится к человеческой, а что к Божественной природе Христа[8]. В заключение о. Серафим сказал:

«Одним словом — пропасть несуразиц, их нельзя защитить, можно лишь извинить как проявление богословской увлеченности любящего пастырского сердца. Защищать «догмат» значит отказаться от святоотеческого в угоду «творческому» богословию митроп. Антония, опирающегося на собственный разум и чувства».

Отец Михаил Помазанский писал к отцам в Платину, что Православная Церковь защищена от этого нового учения своей литургикой, ибо бесчисленные древние тексты церковной службы изрядно указывают на искупление, осуществленное через Крестные страдания и Воскресение. Отец Серафим указал также, что «признание «догмата» открывает путь не только «творческому» богословию, но и многим реформам. Например, пересмотру богослужений. Уж если святые Отцы «недоучли» значение Гефсимании, когда составляли церковные службы, то эти службы должно пересмотреть, дабы устранить этот недостаток».

Отец Серафим убедительно просил о. Пантелеимона не публиковать английский текст о догмате, и тот согласился, не удержавшись, впрочем, от недоуменного вопроса: «Скажи, дорогой отец, неужто такой великий иерарх, как митроп. Антоний, и впрямь заблуждался?»

Позже обнаружилось, что о. Пантелеимон передал английский текст архиеп. Виталию — для печати. Тот опубликовал его в 1979 году и в своем предисловии пошел еще дальше, чем сам автор «догмата», возведя «догмат» в абсолют, умалив значение Креста. Цитируя самые неудачные положения из книги, он называл новый «догмат» «истинным Божественным откровением», «гласом всей Православной Церкви», «чудом богословской мысли», «вершиной богоданной мудрости». Новый «догмат» сравнивался по значению с догматами Халкидонского Собора[9]. Владыка Виталий подтвердил самые большие опасения о. Серафима, выразив желание создать новые церковные песнопения,

которые бы в отличие от старых утвердили бы новый «догмат». Возобладай в Церкви мнение архиеп. Виталия, и частное заблуждение превратилось бы в страшную силу, в орудие создания богословия нового *христианства, без Голгофы и без Креста.* От христианства остался бы лишь фасад, лишь видимость истинного учения, таких подделок было немало в прошлом.

Хотя «догмат» еще не был официально утвержден, архиеп. Виталий своим архипастырским влиянием всячески его рекомендовал, создавая видимость, будто фактически «догмат» уже принят. Этого больше всего и опасался о. Серафим. По его словам, «в миссии англоязычного Православия появилось препятствие, мешающее главному — знакомить с православным учением по наследию святых Отцов».

Создавшимся положением более других был удручен еп. Нектарий. А вскорости он узнал, что уже продается новая книга о «догмате» в одном из приходов о. Никиты, вверенных ему архиеп. Виталием. Еп. Нектарий кротко попросил о. Никиту воздержаться от продажи этой книги, на что тот ответил: «Владыка, да будь Вы хоть ликом Христос — указания нам посылаются из Бостона» (т. е. от Владыки Виталия). Тогда еп. Нектарий пожаловался архиеп. Антонию. Но тот, будучи предан иерархической группировке, разделяя ее веру в «догмат», ответил, что книга будет продаваться. Еп. Нектарий настаивал, однако, на своем, грозя даже уйти на покой. Архиеп. Антоний прищурился и спросил: «А кто ж тогда, Ваше Преосвященство, позаботится о Вашей сестре?» Возразить несчастному старику было нечего. Лиши его архиеп. Антоний и без того скромного жалования, кроткий епископ, не умевший говорить по-английски, не смог бы прокормить слабую здоровьем сестру Веру, жившую при нем.

К отцам еп. Нектарий приехал совершенно «выпотрошенный» и чувств своих не скрывал: «Кроме вас у меня никого нет. В Сан-Франциско так одиноко! Ни за что не покидайте Русскую Зарубежную Церковь! Если уж вас выдворят — тогда ничего не поделаешь, но сами добровольно не уходите! Чтобы, когда они объявят «догмат» учением Церкви, вы смогли встать на ее защиту. Поклянитесь, что послушаетесь меня!»

Хотя отцы и сомневались, что дело зайдет так далеко, они понимали, каково пастырское бремя епископа, давшего на хиротонии обет хранить учение Православной Церкви незапятнанным. И они также пообещали исполнить его волю.

Время, однако, показало, что еп. Нектарий не преувеличивал опасность. Сегодня, более десяти лет после его кончины, архиеп. Виталий печатает огромным тиражом и посылает в ныне свободную Россию

материалы о новом «догмате», тем самым смущая верующих. Исполняя клятву, данную еп. Нектарию, Братство преп. Германа предприняло ответные шаги: напечатало полный русский текст доклада отца Серафима о «догмате»*, статьи архиеп. Серафима (Соболева)** и архиеп. Феофана Полтавского*** о догмате искупления и историю их протеста против «взрывоопасного» учения митроп. Антония.

---

*Опубликован в виде приложения к книге прот. Михаила Помазанского «Догматическое Богословие». 1992, с. 275-283.

**Архиеп. Серафим (Соболев). По поводу статьи «Догмат искупления». В кн.: Святитель Серафим (Соболев). М., 1992.

***Архиеп. Феофан (Быстров). Об искуплении. В кн.: Духовник Царской семьи, святитель Феофан Полтавский. М., 1994.

64

Обновленчество справа

Традиционализм — совсем не то же самое, что подлинная верность традиции.

Рене Генон[1].

Фанатизм стесняет образ мыслей человека, истинная вера дает ему свободу.

Св. Макарий Оптинский[2].

Из ВСЕХ СОВРЕМЕННЫХ философских доктрин, с которыми довелось столкнуться Алексею Янгу — сначала простым учителем, а потом директором школы — самым могущественным явилось учение об эволюции. Он видел, что многие родители не понимают самых убедительных научных доводов, опровергающих эту теорию, как не понимают и того, что учение это (зачастую намеренно) используют, чтобы подорвать основы христианского мировоззрения.

К таким родителям он решил обратиться со статьей, дабы раскрыть им глаза и показать, какую пищу для ума получают их чада. Он отослал статью на рецензию о. Серафиму, получил вскорости его замечания и благословение напечатать статью в «Никодиме».

А несколько времени спустя, к несказанному удивлению отцов, пришло весьма неодобрительное письмо о. Никиты по поводу этой статьи. Согласно воззрению отцов Бостонского монастыря, «эволюция — тема запретная», и о. Никита очень огорчился, что Алексей не слушает таких авторитетных людей. Негодуя по поводу того, что Алексей посмел высказаться против такого общепризнанного явления, как эволюция, о. Никита решил, что имеет дело с дерзким выскочкой, не освободившимся окончательно от «католических» замашек, а посему

недостойным выступать с печатным словом. Платинским же отцам написал, что «прекращает всяческую помощь „Никодиму”».

Отец Серафим в годы своего становления глубоко изучал эволюционизм, его общественные, философские и духовные корни и пришел к заключению, что нынешние критики Алексея толком сами не понимают, что такое эволюционизм, ни с научной, ни с религиозно-богословской точек зрения. Алексею он написал: «Статья Ваша, видно, тронула нечто важное. По правде говоря, мы удивлены, что люди, так пекущиеся о делах церковных и экуменических, не дали себе труда задуматься над столь важным вопросом, как эволюция. Очевидно, они полагают, что вопрос этот вне сферы церковной жизни».

Отец Серафим посоветовал Алексею отнести незаслуженную критику на счет простой неосведомленности авторов, а не их ошибочных взглядов. «Ввязываться в полемику не стоит, — писал он, — лучше подготовить более аргументированное изложение этого вопроса». Отец Серафим также предупредил, что статья, несомненно, добавит Алексею «дурной» славы. Впрочем, не стоит огорчаться и «уходить в глухую защиту».

Но этим дело не кончилось. Алексей захотел напечатать в «Никодиме» статью о туринской плащанице, рассчитанную на читателей-католиков. Он отослал материал на отзыв о. Серафиму, и тот в письме отсоветовал печатать ее в первоначальном виде: обилие католических терминов введет в заблуждение православных. Увы, письмо запоздало: статья уже появилась в «Никодиме». Алексей, поразмыслив, решил, что на правку статьи уйдет слишком много времени и средств, а он не располагал ни тем, ни другим.

Статья о плащанице добавила критикам Алексея «улик»: вот, он как был католиком, так им и остался, не покаялся. Отец Серафим вспоминал: «Мы отослали о. Никите два письма в защиту Алексея. Признавая его ошибки, мы просили отнестись к нему так, как относился к нам Владыка Иоанн: он доверял миссионерам, одобрял их, не загонял в прокрустово ложе шаблонов, не подчинял признанным авторитетам. К великому нашему огорчению, о. Никита ответил, что в этом вопросе Владыка Иоанн допустил ошибку и что новообращенным иногда следует „давать хорошую взбучку”».

С подобными взглядами о. Серафим сталкивался не раз и не два. Он писал: «Мы пришли в ужас, узнав, что о. Пантелеимон с год назад предложил, чтобы миссионерской работой и священниками руководил Владыка Виталий, дабы избежать «ошибок» прошлого. Да, с «ошибками» будет покончено (хотя и это еще надо доказать), равно и с самим православным миссионерским движением в Русской Зарубежной

Церкви. Точка! И никакой уже более терпимый иерарх не поможет. Страшен сам принцип „искоренения ошибок"»[3].

Вскорости Алексей получил «открытое письмо» на 21-ой странице из Бостонского монастыря касательно напечатанных статей. Отец Серафим по этому поводу заметил:

«Автор письма поступил с Вами нечестно, использовав авторитет монастыря в борьбе с одиночкой. Автор следует всем новомодным философским течениям, но это всё преходяще. Монастырю сослужит плохую службу увлечение быстроменяющейся модой в ущерб истинно важным философским вопросам сегодняшнего дня. Молитесь Владыке Иоанну, чтобы наставил Вас. Помните: не всё зависит от «мнения» некоторых людей. Да и в трудную минуту многие вступятся за Вас».

«Открытое письмо» было напечатано в газете и разошлось по всей стране. Несколько лет спустя о. Серафим дал такую оценку действиям Бостонского монастыря и его приверженцев:

«Не тому огорчились мы, что они выступили против статей, а тому, как они это сделали. Из долгой переписки с Бостоном мы поняли, что они не допускали инакомыслия по важным вопросам: православная точка зрения, по их мнению, должна быть едина — во имя эволюции (!) и против «Плащаницы». Мы полагали, что православный люд имеет, по крайней мере, право обсудить эти вопросы в дружеской обстановке. Но Бостон считает, что вместо обсуждения всем должно признать мнение православных авторитетов... После этого они начали советовать всем «держаться подальше от Этны», ибо Алексей Янг — обычный католик. Увы, мы знаем людей, которые последовали этому совету...

Огорчились мы в первую очередь из-за того, что увидели: в недрах нашей Церкви создана *политическая* партия, и те, кто «не соответствует партийной линии», устраняются, предаются забвению или — того хуже — ими начинают пугать других...

Памятуя о русской традиции долготерпения, мы не предавали огласке то, что видели, не питали вражды к о. Пантелеимону и о. Никите — всё еще надеялись, что это лишь «недоразумение» и со временем всё образуется»[4].

К 1973 году о. Серафим и о. Герман стали подмечать, что не только создана «политическая партия», но используются чисто политические уловки для достижения цели. К примеру, в 1972 году один из священников пресловутой группировки вдруг предложил Алексею Янгу объединить «Никодим» с их газетой, дескать, они рады будут помочь Алексею «облегчить» его труды.

«Нам показалось это странным, — вспоминает о. Серафим, — и мы посоветовали Алексею продолжать независимое издание. Потом

уже догадались: таким путем группировка хотела прибрать к рукам «Никодим», чтобы в печать не проникало ни строчки, не согласованной с «партийной линией». Позднее «партия» предложила англичанину Эндрю Бонду помочь в распространении его издания «Старый стиль» в Америке, правда, с одним условием: ни одной статьи без их одобрения печататься не будет. В 1973 году мы тоже обратились к ним за помощью в распространении русскоязычного журнала, который мы в ту пору замышляли (правда, дальше замысла дело не пошло). Они, однако, потребовали также права печатать этот журнал. Мы поняли, что даже наши русскоязычные материалы пройдут непременную цензуру в Бостоне, и добро бы у русских, а то у новообращенных американцев, едва знакомых с русским языком.

Другой излюбленной политической уловкой партии были оговоры: распространялся слух, дескать, такая-то статья или такой-то человек «не соответствует партийной линии». Например, после публикации статьи о плащанице Алексей получил несколько писем от «группы товарищей» с уведомлением, что они отказываются от дальнейшей подписки на «Никодим». Вместо дружеской критики — ушат ледяной воды. Алексея в ту пору так огорчило подобное отношение, что он бросил бы издавать журнал, не поддержи мы его: отношение верующих у нас совсем не такое оскорбительно холодное»*.

Итак, на многих примерах отцы воочию убедились, что новая партия, проводя свою линию, намеревается подчинить не только новообращенных американцев в Русской Зарубежной Церкви, но и самих русских.

«Сама попытка эта столь чужда православной духовности, — писал о. Серафим, — столь отвратительна, будто в Церковь нашу прокралось иезуитство». И не случайно, верхушка партии, принадлежа Русской Зарубежной Церкви, подпала влиянию архиеп. Виталия, получившего иезуитское образование. «Страшно смотреть, как кучка иерархов пытается утвердиться в Синоде, «используя» архиеп. Виталия, и как в свою очередь «использует» их он, заявляя русским, что великие греческие богословы (а не простые русские батюшки!) являются его защитниками и последователями»[5].

На примере таких политиканов от Церкви, как архиеп. Виталий, в «партии» хорошо усвоили иезуитский принцип: цель оправдывает средства. Отец Серафим вспоминал, как в 1973 году на конференции он услышал об этом от одного из священников, но не придал особого

* В приведенных отрывках из писем о. Серафима имена некоторых людей изъяты.

значения его словам. Только позже понял он, сколь опасна клика. Священник тогда сказал, что «ради правого дела можно пойти на обман, подлог». Грустно, но мы убедились, как действует этот принцип, как оговаривают члены группировки тех, кто им не по душе, передергивают факты, критикуя неугодных, и т. п. Чтобы опорочить Алексея, они стали приводить выдержки из якобы написанного им. Отец Серафим посоветовал Алексею «трезво и спокойно отнестись к клевете, коль скоро в ход пошли несуществующие письма, и не отвечать на нее, как и подобает честному человеку. Пусть делают и говорят, что им вздумается».

Более прочего «открытые письма» группировки убедили отцов, что дела в Церкви обстоят совсем не благополучно. С 1973 года письма эти стали сочиняться уже не только против верующих Русской Зарубежной Церкви, «критике» подвергались даже ее глава и некоторые из иерархов.

«Письма эти оставили у нас гадливое впечатление, — писал о. Серафим. — Будь они даже справедливы в частностях, недопустим их тон, самоуверенный и глумливый, с оттенком холодного презрения».

Многие из этих писем являли собой целые трактаты, дабы поразить читателей эрудицией, хотя долгие богословские отступления почти не относились к теме письма. Один молодой новообращенный из Англии, получив подобную отповедь в свой адрес, огорчился не на шутку. Отец Серафим показал ему, что за этим письмом скрывается «холодное и расчетливое стремление самоутвердиться — и все под маской елейного благочестия и смирения...» Отец Герман, человек русский и прямой, прочитав письмо, лишь сказал: «Писавший это не верит в Бога». Он имел ввиду, что всё святое, духовное, каноничное гнусно использовано в письме для целей тайных и совсем иного свойства. Нет в письмах православного сердца и духа... И ответа они не заслуживают. Ответь им хоть слово, эти врали его тут же переиначат и извратят.

Отец Серафим назвал подобное отношение «любованием собственной духовностью в зеркале». Он подметил, что все письма «партийцев» написаны словно одной рукой — так близки они по духу, хотя некоторых авторов отцы знали лично и особой идейностью они не отличались[6]. «Недавно, — писал о. Серафим, — натолкнулся на письмо из Бостона 12-летней давности. Как разительно отличается оно от нынешних. В ту пору монастырские подвижники были слишком заняты трудами обыденными, некогда им было письмотворчеством баловаться. Так что же за эти годы произошло?!»[7]

Для того, чтобы утвердить свои взгляды повсеместно в Русской Зарубежной Церкви, клика иерархов не удовольствовалась открытыми письмами, а принялась планомерно подрывать авторитет наиболее почитаемых православных наставников недавнего прошлого. Главным образом они ополчились на западное влияние в богословских писаниях — в соответствии с новомодными течениями. Как заметил о. Серафим, начиная со св. Никодима Афонского до архиеп. Аверкия почти всем был приклеен ярлык «схоластов» и вменено в вину «западное влияние». «Партийные идеологи» пытались внушить верующим, что лучше разбираются в богословии, чем св. Нектарий Пентапольский, чем св. прав. Иоанн Кронштадтский (говоривший о «заслугах» Христа), архиеп. Иоанн (повелевший написать церковную службу западному святому блаж. Августину) и все оптинские старцы. Один из новых богословов даже сказал о. Герману, что работы свят. Феофана Затворника «с перекосом», т. к. автор пользовался западными источниками. Отец Серафим писал, что «подобные мнения только повредят делу возрождения христианской жизни, питаемой из чистых родников православной традиции».

Как и предполагал о. Серафим, шумиха вокруг «западного влияния» основывалась на полуправде. «Отец Михаил Помазанский, — писал он, — да и другие добросовестные богословы охотно подтвердят, что «западное влияние» коснулось богословских книг последнего периода русской и греческой истории, но «влияние» это было лишь внешним, не затронувшим сути православного учения. Иначе пришлось бы признать, что Православие утеряно в последние века и лишь сейчас стараниями «новых богословов» обретается Православие святых Отцов. И если согласиться с тем, что такие великие богословы, как митроп. Филарет Московский, еп. Феофан Затворник Вышинский, еп. Игнатий (Брянчанинов), архиеп. Аверкий, прот. Михаил Помазанский, равно и учение, которое они преподают в наших семинариях последнее столетие, не имеют отношения к Православию, тогда наше положение почти безнадежно, и где тогда искать авторитет, к которому прилепиться, дабы избежать ошибок и заблуждений нашего времени. «Новые богословы» учат: мы покажем вам, что истинно, мы растолкуем вам святых Отцов, мы привьем вам правильные взгляды. У нас лучшие переводчики, толкователи, православнее самих православных, и свят. Феофана Затворника, и митроп. Филарета Московского, и архиеп. Аверкия и всех прочих. Опасную игру затеяли «новые богословы»: подрубают сук, на котором сидят, зато и в этом верно следуют за архиеп. Виталием, ведь он заявил, что лишь его наставник, митроп.

Антоний (Храповицкий), первым вызволил Православие из западных пут своим «догматом» искупления.

Отец Серафим убедился, эти ярые ревнители «уставничества» в Православии смыкались в конечном счете с обновленцами вроде о. Александра Шмемана. И те, и другие разрывали связь времен, выкорчевывали ростки древнего святоотечества, взошедшие в недавнюю пору, почитали лишь себя истинными авторитетами. Богословы новой «уставнической» школы утверждали, что в силах отсеять все схоластические примеси богословия и вернуться к вере святых Отцов. То же самое сулил и Шмеман. В письме к одному священнику о. Серафим указывал, что «такой подход приведет к протестантству. Вы обнаруживаете изъян в православном богословии и полагаете, что лишь вы и ваши приверженцы способны его устранить, избавиться от «католического пленения» и вернуться к подлинным истокам... Само понятие «католического пленения» обыгрывается Шмеманом и его сторонниками с целью уничтожить идею преемственности традиции. НЕ УГОДИТЕ В ЭТУ ЛОВУШКУ! Немало выдающихся богословов последних веков пользовались терминами, которые сегодня кому-то не по душе. Но из этого вовсе не следует, что святые Отцы пребывали в «католическом пленении» и их надобно опорочить. В те же термины они вкладывали иной смысл, нежели католики, поэтому и спорить, собственно, не о чем»[8].

Писал о. Серафим и о том, что «нормальному, без «перекосов», Православию не страшны влияния извне». Все нужное и ценное оно преобразует и впитает, а зашоренные «партии» сами отсекают себя от Православия.

Отец Серафим назвал узколобое уставничество «обновленчеством справа». Он писал:

«Православие по-бостонски — не что иное, как правое крыло «парижскаго православия» — реформированного, «правильного», порожденного человеческой логикой, вне святоотеческих традиций. Это страшное искушение нашего времени».

В одной из статей о. Герман обозначил отличительные черты «обновленного» (слева или справа) православия:

«С налетом злободневной критики, по форме слова блестящи, изящны и безукоризненны, но нет в них любви, чувства родства к тем, кто передавал традиции, а значит, нет и корней, живой связи со святоотечеством, даже когда можно связаться непосредственно с носителем этих традиций»[9].

Говоря об отсутствии корней у неотрадиционалистов, о. Серафим писал:

«Они всё пытаются создать сами, не опираясь на авторитеты прошлого и традиции. А их корни — это сегодняшняя Америка, отсюда и современный стиль писем и полное непонимание значения, религиозных основ и содержания «эволюции». Мы уже убедились на примерах (особенно, когда «традиционалисты» пытаются толковать о русской духовности, в чём ничего не смыслят), сколь легковесны их суждения, подкрепленные лишь впечатлениями и прихотью, но никак не солидными богословскими знаниями. Русским старцам они не верят (равно и греческим, как нам кажется...) Постоянно хвастают, что только они «великие богословы», отыскавшие утерянные традиции. Однако богословие их примитивно и поверхностно, особенно в сравнении с работами великого богослова истинного святоотеческого Православия — нашего о. Михаила Помазанского из Джорданвилля, мыслителя тонкого и глубокого. «Молодые таланты богословия» его просто не замечают. Мы сами, не будучи богословами, нередко прибегали к советам как о. Михаила, так и других богословов, которых мы уважаем, кому доверяем. Мы знали, что получим верные ответы на все вопросы, не полагаясь на свое, возможно, ошибочное суждение».

Одним из объектов нападок новых богословов был катехизис XIX века митроп. Филарета Московского, который в отличие от более позднего катехизиса митроп. Антония (Храповицкого) давал истинное учение об искуплении. Работу митроп. Филарета называли и «католической», и «ужасной», хотя именно этот катехизис архиеп. Иоанн неизменно рекомендовал новообращенным.

Нападкам подвергались и некоторые святые, которых новые богословы считали неправославными, а то и вовсе еретиками, и предлагали изъять их имена из календаря. Как огорчился о. Серафим, прочитав в газете бессмысленную ругливую статью о горячо любимом им блаж. Августине. Всех, почитающих этого святого, статья объявляла «невеждами в богословии» с «католическими душами». Отец Серафим в письме к Алексею Янгу отметил, что среди «невежд» оказались и архиеп. Иоанн, и св. Никодим Афонский, и все последователи греческой и русской богословской традиции XIX и XX веков, не говоря уже об Отцах 5-го Вселенского Собора. «Во всем мире православные почитают блаж. Августина святым, хотя и оговаривают его (богословские) заблуждения, так же, как и в случае со святым с Востока Григорием Нисским»[10].

Бесцеремонные нападки на блаж. Августина показали о. Серафиму, что «новые богословы» сами не вправе обсуждать богословские вопросы. «И не потому, что не умны или не начитанны, — писал он, — а потому, что уж больно рьяно тщатся доказать всегда *свою правоту*. Нет, это совсем не в духе православного богословия». В другом письме

читаем: «Истинная православная позиция в том, чтобы, усомнившись в чьих-то взглядах, задаться вопросом: а что думают по этому поводу наши старцы? Что писали святые Отцы недалекого прошлого? И лишь уважительно осмыслив их мнения, получить собственное представление о том или ином вопросе… Всякий, кто читал «Исповедь» блаж. Августина и проникся состраданием, вряд ли охотно изымет его из календаря. Ибо в «Исповеди» пылкая вера и любовь, т. е. именно то, чего так недостает в церковной жизни сегодня!.. Именно благодаря «Исповеди» блаж. Августин столь важен нам, «пленникам Запада» и его философии»[11].

Любопытно отметить, что архиеп. Иоанн относился к ошибкам в учении блаж. Августина о милости так же, как и к «догмату» митроп. Антония, то бишь как к частному заблуждению, которое не следует ни принимать, ни защищать, но нельзя и использовать для обвинения праведника в ереси. Отец Серафим вспомнил, как однажды он спросил архиеп. Иоанна, как следует относиться к «догмату», и Владыка незамедлительно провел параллель с блаж. Августином. Из той беседы о. Серафим вывел: «Если считать блаж. Августина еретиком, таков же и митроп. Антоний, если же принимать последнего, невзирая на его заблуждения, тогда следует признать и блаж. Августина». Такое понимание шло вразрез с логикой «новых богословов»: отрицая блаж. Августина, они превозносили митроп. Антония как единственного учителя в нынешние времена, свободного от «западного влияния».

И еще одного святого неотрадиционалисты тщились «изъять из календаря» — последнего императора Византии Константина XII. Когда о. Герман и о. Серафим напечатали свой первый церковный календарь, следуя традициям православных календарей России, один из новых богословов в письме потребовал «удалить этого еретика», очевидно, вменяя св. Константину в вину присутствие на «западной» литургии. Отец Герман едва не уступил требованию, но о. Серафим твердо сказал: «Давай сначала посоветуемся с архиепископом Аверкием». Вскорости от него пришел ответ, подтвердивший, что император Константин XII «замечательный» святой, те же, кто его не признает, — «щенки в богословии». И о. Серафим решил — быть этому святому в календаре!

— Вот ты и попал в «западный плен», — подшучивал о. Герман.

— И хорошо! — откликался о. Серафим. — Значит, я вместе со святыми Отцами, которых обвиняют в том же.

Под западным влиянием, как объяснил он о. Герману, находятся именно те, кто ставит мнение одного человека (их «партийного» лидера) выше достоверной традиции. Именно из-за такого неверно

истолкованного «послушания» и возникли богословские заблуждения в современной католической Церкви. В одном из писем он сетовал:

«Неужто Православие в Америке так зашорено, что должно повиноваться диктату какого-нибудь специалиста-знатока и неукоснительно следовать «партийной линии» в любом вопросе?! Это противоречит тому, чему учил Владыка Иоанн, всей его миссионерской деятельности».

Такую зашоренность, узость взглядов о. Серафим назвал «уставничеством» или «недугом правильности». Болезнь эта, как он видел, очень заразна среди людей молодых, как новообращенных, так и урожденно православных. «Сверхправильные пастыри дают простые ответы на сложные вопросы, что весьма привлекает тех, кто еще не тверд в вере... Многие новообращенные тянутся к «правильности» как младенец к соске. По-моему, им куда полезнее для спасения души чуток отступить от «уставничества» да прибавить в смирении».

Современный, узкологический подход «сверхправильных» богословов ставится выше простого верования православных греков «старой школы». Отец Серафим понимал, что и многострадальным русским новый подход совершенно чужд. Он писал:

«Всем этим «мудрецам» недостает главного в православной жизни, на что указывали святые Отцы, — *страдания*. Новая «мудрость» рождена в праздном умствовании, в бесплодных и бессмысленных спорах. Истинно глубокой является мудрость выстраданная (какую Господь ниспослал нынешней России), хотя она и не даст «красивого» ответа на всякий глумливый вопрос. Так давайте проникнемся этим страданием. И милость Господня пребудет с нами!»[12]

«Новые мудрецы» нашли простой ответ даже на такой сложный вопрос, как взаимоотношения разных православных Церквей. «Уставники» утверждают, что все Церкви, держащиеся нового календаря или свободных экуменических взглядов, — еретические и «ущербные». И вообще, их нельзя назвать Церквями, а их таинства благодатными.

Между прочим, ведущие из новоявленных «мудрецов» до вступления в Русскую Зарубежную Церковь принадлежали как раз к одной из новых «еретических» Церквей, к новостильной Греческой Архиепископии, и были ею отстранены от священнослужения. Русская Церковь приняла их из любви, полагая, что кара незаслуженна. Защищали их и о. Серафим с о. Германом. Однако сами отлученные отцы измыслили так: дескать, Греческая Церковь не несет благодати Божией, а потому и

не вправе лишить их сана. Более того, они придумали, будто Греческая Архиепископия потеряла благодать Божию как раз за время между их рукоположением и лишением сана! По их логике выходило, если признать благодатность Греческой Церкви, следует признать и правомерность их наказания, то бишь пожизненный запрет на священнослужение. Их холодная «правильная» логика не допускала прощения или иного выхода.

На беду у одного из них брат всё еще продолжал служить в Греческой Архиепископии. Приехав однажды в Платину, этот «правильный изгой» гордо заявил о. Герману: «Конечно же, я не молюсь за брата!» Речь шла о поминовении православных во время литургии. Ошеломленный о. Герман тут же пошел к о. Серафиму:

— Представляешь! Он говорит такое о родном брате, их обоих рукополагал один и тот же епископ!

Отец Серафим лишь оторопело воззрел на собрата, потом сказал со вздохом:

— Что ж, он и в этом «правильный».

А мать о. Германа, слыша подобные истории о «сверхправильных», сказала однажды: «Ну, может, они и православные, да только христиане ли?»

Когда в «Православном Слове» появился призыв помочь голодающей Уганде (а положение там было аховое: не хватало одежды, не говоря уж о духовной литературе и иконах), один из «уставников» спросил отцов в письме, а уместно ли считать братьями православных африканцев, ведь они приняли новый календарь, принадлежат к новой «безблагодатной» Церкви, и нужно ли таким помогать. «Лучше я, чем могу, посодействую достойной православной семье или организации», — писал он.

— Ну, как бороться с этим равнодушием и высокомерием? — воскликнул о. Серафим, прочитав письмо.

— Даже еретику, на смертном одре взывающему о помощи, мы не вправе отказать! — сказал о. Герман.

Точка зрения «радетелей устава» на благодать, точнее, на безблагодатность, доставила немало хлопот Русской Зарубежной Церкви. Заправилы этой группировки представляли дело так (особенно впечатлительным новообращенным), будто иерархи Русской Зарубежной Церкви считали ее единственной в мире истинно православной, остальные же Церкви — «безблагодатными». Отец Серафим заметил по этому поводу: «Наши иерархи никак не желают внести ясность в этот вопрос, отделить черное от белого. Убежден: наши епископы — все до одного! — и не помышляют называть эти Церкви «безблагодатными».

Напротив, признают за ними благодать Божию, во всяком случае не отрицают ее». Многие из этих иерархов выступали против экуменизма, сергианства и тому подобного, но не порвали отношений ни с одной Церковью, кроме Московской Патриархии, но даже и ее не называли «безблагодатной».

В Греции представители уставничества решили наладить «политические» отношения меж Русской Зарубежной Церковью и наиболее радикальной группировкой радетелей «старого стиля» (календаря) — «матфеистами», которые предавали анафеме не только Церкви, перешедшие на новый календарь, но и всякую с ними сотрудничавшую. Однако затеявшие интригу сами от нее и пострадали: «матфеисты» разобрались, что Русская Зарубежная Церковь совсем не такая, какой хочет себя показать, и сочли ее чересчур «либеральной».

В 1976 году американской православной миссии был нанесен еще один удар: Русская Зарубежная Церковь предписала новообращенным, ранее принадлежавшим к иным православным Церквям, креститься заново. Это касалось даже тех, кто годами причащался Святых Таин в Русской Зарубежной Церкви, их тоже заподозрили в «безблагодатности» и «неканоничности».

Это новое поветрие встревожило о. Серафима. «Св. Василий Великий отказывал крестить человека, если тот сомневался в истинности своего крещения, уже именно потому, что он много лет причащался Святых Таин и не пристало сомневаться, что он плоть от плоти Церкви Христовой! В нашем же случае те, кто настаивает на новом крещении, и те, кто поддается этому давлению, пытаются (от собственной шаткости в вере) получить совсем не то, что дает причастие: им нужна психологическая уверенность, некая «индульгенция» за все свои падения уже в бытность православными, этакий пропуск в клуб «правильных», гарантия духовной безошибочности. Подобное нововведение заставляет усомниться как в самой Церкви, так и в ее пастырях. Если священник или епископ «заблуждался» настолько, что приходится заново проводить сам акт воцерковления, то не создается ли «Церковь в Церкви»? Бороться с этими новаторами трудно, у них на всё есть «простые и четкие» ответы, а новообращенным, еще не крепким в вере, только того и нужно»[13].

Еп. Нектарий был не менее встревожен неслыханным нововведением. Он даже полагал, что «повторное крещение «смывает» благодать изначального».

В 1976 году в разгар буйствования «уставников» о. Серафим объяснил в письме к одному из новообращенных, почему ему не по пути с этими новыми «ревнителями» веры:

«Их «непреклонность» в церковной политике выходит на первый план, а духовность остается на втором. Не мудрено, случись, например, мне призадуматься над тем, как и чем «правильнее» сегодня выражать ревность в вере, — и покоя в душе как не бывало. За одним вопросом последует другой: с какими Церквями порвать, как к этому отнесутся люди, что скажет Греческая Церковь (и, собственно, какая из?), каково мнение митрополита? У меня уже не останется ни времени, ни желания черпать вдохновение в пустыни, в книгах святых Отцов, в чудесной жизни угодников прошлого и настоящего, жизни в мире горнем. Конечно, в наше время нельзя игнорировать вышеприведенные вопросы, но, право же, не стоит забывать о главном».

В ТУ ПОРУ о. Герман опасался, как бы «сверхправильные» не возобладали и не стали бы задавать тон среди новообращенных в Православие американцев. Отец Серафим, однако, не разделял таких опасений, хотя самого его и ранил радикализм, совративший немало людей. Он приводил брату слова Авраама Линкольна: «Можно одурачить всех на некоторое время, можно одурачить некоторых навсегда, но всех навсегда одурачить невозможно».

По тому, как разворачивались события, о. Серафим предрек: со временем «сверхправильные» усилят свое влияние и устроят великий раскол, этакий путч внутри Церкви, однако успехом он не увенчается, и кончат бунтари маленькой, закосневшей в своих догмах сектой, и никакого влияния у них уже не будет. «Всё кончится как кошмарный сон, — писал он Алексею, — пока же нам предстоит немало пострадать. Похоже, нас крупно предали. Мы долгие годы верили, что люди эти с нами единомышленны и единодушны и беззаветно трудятся на ниве миссионерства в Америке. На деле же все эти годы они лишь прославляли себя, обманывая доверие простодушных русских епископов, священников и мирян...[14] Боюсь, что и наши публикации прошлых лет о «ревности в вере» помогли взрастить такое чудище!»[15]

Разочарованы, разумеется, были обе стороны. Вожди новой «партии», взлелеянные во многом стараниями платинских отцов, полагали, что те теперь присоединятся к их движению и станут выполнять «указания из Бостона». Велико же было их разочарование, когда они наконец поняли, что отцы не поступятся независимыми взглядами. Поначалу партийцы думали, что о. Серафим жаждет «правильности», как и они. Но то было заблуждение — о. Серафим жаждал Истины, а это совсем иное. Он писал:

«Они построили себе карьеру в Церкви на зыбком, хотя внешне и красивом фундаменте: на предпосылке, будто главная опасность для Церкви в недостаточной строгости. Но нет, истинная опасность сокрыта глубже — это *потеря аромата Православия*, чему они сами и способствуют несмотря на всю свою строгость...[16] Не спасет она нас, коли не «осязаем» и не «обоняем» мы Православия»[17].

Последующие годы о. Серафим положил немало сил и затратил уйму времени, объясняя «уставничество», вновь призывая вернуться к православному сознанию, дарованному нам святыми Отцами. Отец Серафим противопоставлял последнее всем разновидностям богословия неотрадиционалистов. Нужно было не просто писать статьи, но тщательно продумывать ответы тем, кто обращался с вопросами о «новой волне» в Церкви.

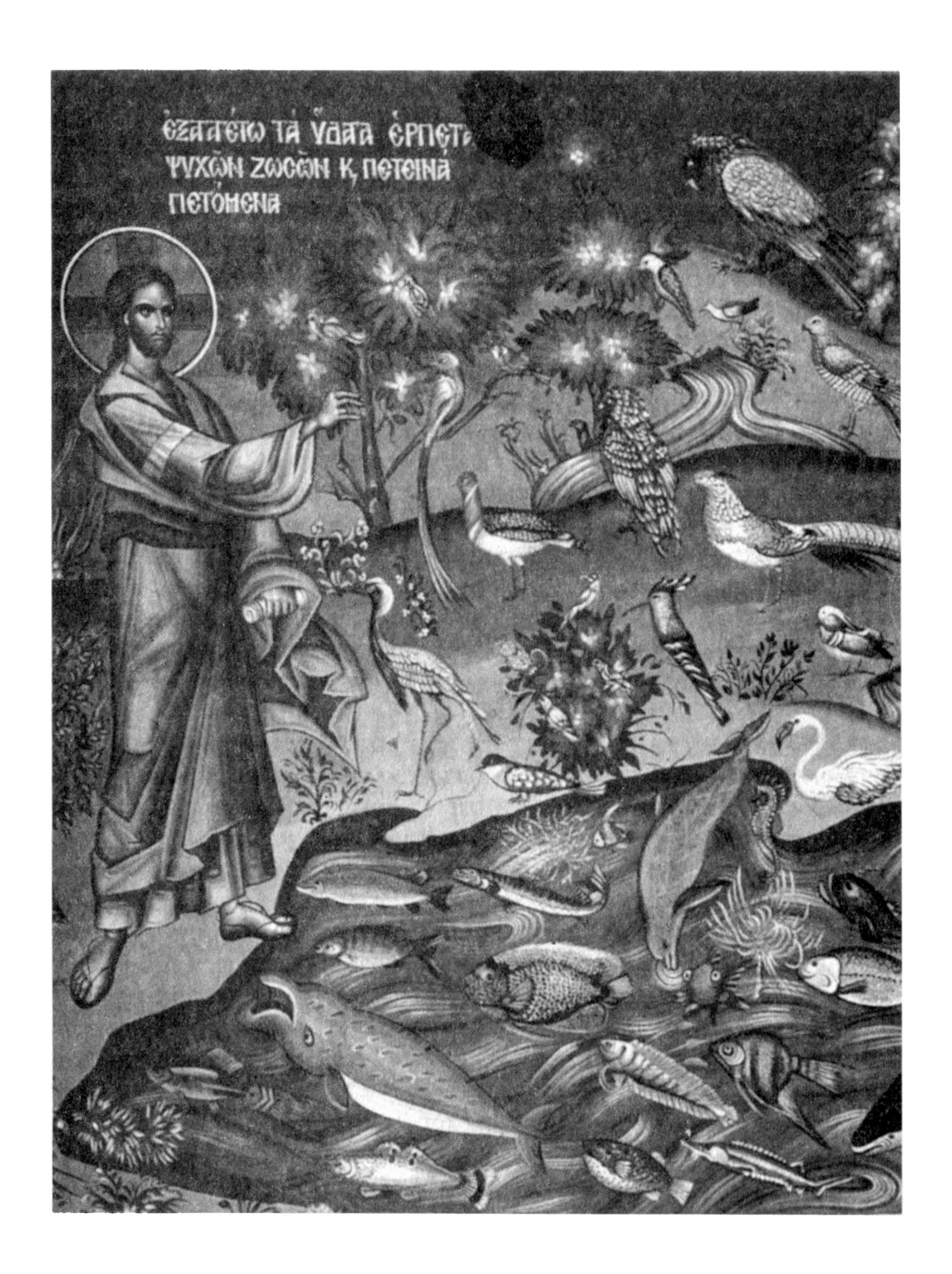
Позже о. Герман признает, что, пожалуй, то была пустая трата времени. По словам самого о. Серафима, обращались к нему «студенты, играющие в Православие», которым просто хотелось выделиться в своей среде. Способных глубоко и серьезно мыслить, подобно о. Серафиму, не было. Их совсем не интересовали слова о. Серафима, тем более, если они расходились с «партийной линией». Похоже, он мог удачнее распорядиться своим временем, душевными и умственными силами.

Но так ли уж напрасны были его старания? Как мы уже убедились, «бацилла правильности» (в разных, куда более утонченных формах, чем описанные) грозила многим — это и впрямь великое искушение для православных последних времен, когда «остывает любовь людская». Ведь «правильность» входит в само понятие Православия, то бишь правой, правильной веры. Ключевой вопрос современности, стоявший перед о. Серафимом, таков: «Как остаться правильным (православным) верующим и не впасть в упоение от собственной праведности?»

Ответив на этот вопрос, о. Серафим весьма помог своим современникам выбраться с обочины на дорогу Православия. Он сам лицом к лицу столкнулся с «правильным» экстремизмом. Не будь этого, его статьи и впрямь оказались бы малополезными: рассказ о собственном опыте помог другим избежать тех же ошибок. Теперь же его обращение к современникам звучит отрезвляющим предостережением от скатывания влево или вправо на обочину обновленчества, от слепого следования букве закона, от чисто внешнего «традиционализма», лишенного сути — любви! «Под любой оболочкой может скрываться подделка», — писал он.

Не следует приуменьшать и значения этой борьбы для роста его собственной души. Ведь и он начинал как «ревнитель Православия», и

необходимо было проникнуть в суть этой ревности, пройти многолетний путь *страданий*, дабы получить правильный ответ, дабы сбросить путы холодного, умозрительного, доступного лишь «избранным» понимания христианства, не изменяя, однако, делу истинного Православия. В итоге, как мы убедимся, он добьется редкого сочетания качеств: непреклонного борца за истину и чуткого, доброго православного сердца. Отсутствие именно этих качеств отличает ревнителей мертвящего «уставничества» от истинных носителей *живой традиции*, таких, как иеромонах Серафим, как архиепископ Иоанн.

Сотворение тварей морских и воздушных по слову Божьему. Фреска Дальнего монастыря Иоанна Предтечи, Греция.

65

Откуда мы родом

Сегодня надобно мыслить глубоко, вне общественного мнения, иначе не узреть всего величия всех творений Божьих, описанных в книге Бытия. И помогут сбросить эти оковы с наших закабаленных душ святые Отцы — самые изощренные, самые ученые мыслители своего времени.

О. Серафим (Роуз).

«Одно время я полностью уверовал в эволюцию, — признавал в 1973 г. о. Серафим, — и не по глубокому убеждению, а потому, что в нее тогда верили все, полагая, что «эволюция — неоспоримый факт», а факта не опровергнешь. Позже я серьезно принялся размышлять над этим вопросом и вскорости убедился, что далеко не всегда так называемая наука оперирует фактами, скорее она полагается на нечто философски-размыслительное. И тогда я мало-помалу стал отделять научные факты от научной философии». Как подметил о. Серафим, «теория эволюции развивалась рука об руку с философией (начиная с Декарта) задолго до того, как появилось ее научное обоснование».

Но эволюция — это не просто философия под личиной науки. «Это вроде научно-философского богословия, — писал о. Серафим, — продукт веры (хотя веры скептической). И по ее популярности сегодня можно судить не только о низком уровне богословия, но и о почти полной утере простого здравого смысла. Помню, на первом курсе преподаватель зоологии распространялся о «великих идеях человека». Самой великой ему представлялась «идея эволюции», он ставил ее выше «идеи Бога».

Уже много воды утекло с тех пор, как о. Серафим определил веру современного человека — хилиазм, возможность нашему падшему миру достичь совершенства. Этому верованию эволюция — постепенное развитие от низших форм к высшим — приходилась как нельзя кстати. Все посылки хилиазма логически следуют из теории эволюции, как подметил о. Серафим.

Он называл эволюцию (вместе с хилиазмом вообще) глубинным, едва ли не врожденным предрассудком, овладевающим умами людей вопреки логике и здравому смыслу. Неудивительно, ведь понятие об эволюции вдалбливается всякому чуть ли не с колыбели, и потом очень трудно отрешиться от этого, дать трезвую оценку. Эволюция — не просто безобидная идея, а враждебное Православию мировоззрение.

В XVIII веке научная «вера» была иной: веровали в ньютонову модель вселенной, управляемую законами высшего порядка, в том числе и Божественными. Столетие спустя Вольтер высмеял ее в «Кандиде», и мода переменилась. И эволюция — всего лишь преходящее модное увлечение, указывал о. Серафим. «Православие же не следует современным философским течениям, у него своя философия, основанная на Откровении. Святые Отцы дают четкое богословское объяснение и происхождению человека и всему тварному. И объяснение это никоим образом не связано с мимолетными философскими модами... Наша философия не от мира сего — вот ответ на все домыслы современного человека!»

Изучив святоотеческие труды о происхождении человека и вселенной, о. Серафим убедился, сколь точно и ясно всё изложено. «После этого поражаешься, как велика власть «эволюции» даже над просвещенными умами православных. Крепко держит человека мир сей и его модные идеи!»

После своей статьи об эволюции Алексей Янг получил три открытых письма. Некий монах из «сверхправильных» написал более 60-ти страниц (!), блуждая вокруг да около эволюции, но не касаясь ее напрямую. Он утверждал, что эволюция (которую он рассматривал как научный факт, а не как философскую теорию) — это низшая ступенька познания, и людям высокодуховным, воспарившим на большие высоты, вообще не важна. По его разумению, если ребенок из православной семьи, придя домой из школы, рассказывает матери, что узнал на уроке, будто человек происходит от низших приматов, матери лучше всего ответить так: «Сынок, Господь создал нас по Своему разумению, и никто не сможет объяснить или понять Его воли. Мы можем лишь благодарить Господа за то, что сотворил нас».

«Либо мы сошли с ума, либо о. N воспарил в облака и уже не замечает, что творится сегодня в мире, что происходит в умах людей — это ли не забота православных христиан? — писал Алексею о. Серафим. — Пытаясь пренебречь ответом на насущный вопрос, автор письма отнюдь не показывает, что сам находится на высшей ступени познания (как ему хотелось бы представить), скорее, он использует свои «высшие» познания для весьма «низких», приземленных целей. Мы весьма огорчены такой узостью взглядов. Ответ матери православному сыну-школьнику по сути ответ самого автора письма на вопрос об эволюции… Неужто он не видит, сколь противно христианству такое, с позволения сказать, «научное» образование? Его ответ подталкивает подростка принимать всё, чему учат в школе, потому что мы, разнесчастные православные христиане, с высоты своей образованности не видим малого».

Отец Серафим показал, что такая нечеткая позиция объясняется неполной уверенностью людей в эволюции (поскольку она явно противоречит и Священному Писанию, и Священному Преданию), с одной стороны, и страхом оказаться среди «отсталых ретроградов», с другой. Отец Серафим не ведал подобной раздвоенности. Он писал: «Я считал и считаю, что теория эволюции (со всеми ее ответвлениями) — это важная часть интеллектуального наследия современной Америки, от которого я отказался, приняв Православие. Мне и в голову не могло прийти, что всякий сознательный православный христианин сочтет эту теорию чем-то маловажным, особенно сейчас: от нее отреклись многие ученые (из сугубо научных соображений), а сторонники явно обнаружили свою лжерелигиозность и теорию эволюции взяло на вооружение масоно-экуменическое движение и все лжерелигии».

Отец Серафим обнажил связь между целями эволюционизма и экуменизма — хилиазм, создание «нового порядка», при котором все прежние устои объявляются «относительными», «применительными лишь к отдельной эпохе» и заменяются новыми. В этой связи ему было чрезвычайно важно познакомиться с работами Тейяра де Шардена, одного из самых авторитетных глашатаев «нового христианства». Палеонтолог по профессии, философ-католик Тейяр де Шарден довел теорию эволюции до ее логического конца — хилиазма. Он писал: «Современный мир эволюционирует, постоянно меняется, поэтому нужно переосмыслить старые, устоявшиеся взгляды на духовную жизнь и по-новому взглянуть на основополагающее учение Христа». Тейяр де Шарден рассматривал совершенство и бессмертие грядущего не как неотмирность (в соответствии с традиционным христианским учением), а как результат преобразования мира сего путем эволюции. В

этом мире, согласно Тейяру, появится сверх-Христос, этакий синтез Христа и всего вселенского. Он, по утверждению Тейяра, объединит все религии мира: «Слияние всех религий под началом «всеобщего» Христа, удовлетворяющего требованиям каждой, по-моему, единственный путь преобразования мира, в котором зародится религия будущего». Очевидно, что это будет религия антихриста, нового лжеспасителя, который сулит царство духовности в мире сем.

Отец Серафим так отзывался о взглядах Тейяра де Шардена: «Он в полном согласии как с современным мировоззрением, так и с католичеством — и то, и другое сейчас устремляется к новому миропорядку. На первый взгляд Шарден резко расходится с католичеством дня вчерашнего, однако, если копнуть глубже, он не только плоть от плоти его, но и восхитительно точно выражает сокровенные духовные чаяния вероотступника Рима: использует неотмирность для достижения мирских целей хилиазма, или, говоря словами нынешних римских пап, «для освящения мира сего». ...Тейяр верно подметил, что эволюция — коль скоро она истинна — не может обособленно существовать в человеческом сознании. Он даже и не пытался «примирить» теорию эволюции с отдельными положениями христианского учения, справедливо полагая, что такое «примирение» попросту невозможно. Для него эволюция — это новое «откровение» человечеству, и сейчас оно нежданно-негаданно спасет оставшихся христиан. В свете эволюции коренным образом переменится всё: не только «старые, устоявшиеся взгляды» на Священное Писание и Священное Предание, но и отношение к жизни, к Богу, к Церкви».

Потому-то о. Серафим и расходился во взглядах с «новыми ревнителями»: они боролись лишь с теми современными течениями, которые непосредственно угрожали Церкви (как масонство, экуменизм), не обращая внимания на прочие явления, как эволюционизм. В ответе одному из критиков Алексея Янга о. Серафим писал: «Не понимаю, как можно отрицать, что все современные учения суть одно. Они сложились вне Церкви, их породили философы-атеисты и они распространились далее, дошли до Церкви, уже видоизменившись, стараясь быть «модными» направлениями философии и всем угодить. «Эволюционизм» — одно из таких учений, пока оно вроде бы безобидно для Православия. Но взгляните, что оно сотворило с католичеством! Ведь полнейший распад Римской Церкви за последнее десятилетие напрямую связан со «вспышкой» тейярдизма (до недавнего времени книги его были запрещены).

Мы искренне удивлены, что Вы и Ваши коллеги, как мне помнится, заявили, что не читали книг Тейяра и не знакомы с его идеями.

Неужели вы ждете, когда они ударят и по православной Церкви, и лишь тогда начнете их изучать? Несомненно, тейярдизм — это «христианство» (в т. ч. и «православие») будущего, точнее, его метафизическое обоснование (как это перекликается с современным «чудодейством»). И сейчас самое время разобраться, что угрожает нам. И только во благо, что положение Алексея (положение мирянина, ранее не знавшего Православия и увлеченного духовными исканиями и философией эволюционистов) позволяет ему узреть то, что не могут рассмотреть опытные православные (духовенство, монашество), нашедшие в Православии благодатный приют. Как ликовал я сам, приобщившись в свое время Православия, поняв, что в этом пристанище смогу полностью изменить свою мысль и дух, избавиться от засилья идей, царящих в обществе (эволюционизм — одна из ключевых). Правда, я заметил, что другие, принявшие Православие, не вполне это понимают. Они продолжают толковать о новомодных идеях, о том, как их понять, принять или раскритиковать с православной точки зрения. Какое неверное представление! Ведь это два разных мира, и различий меж ними больше, чем меж английским и китайским языками…

Мы полностью согласны с Алексеем в том, что идея эволюции — самая опасная для православного христианства сегодня. Возможно, в ней сокрыт ответ на вопрос: каков будет натиск на Церковь со стороны антихриста, какова будет его философия (а она существует!)».

Отец Серафим понимал, что ведет борьбу не столько с атеистической несуразной «эволюцией» физического мира, сколько с более изощренными и неочевидными формами эволюции духовной. «Она даже не столько изощрена, сколько «размыта» и неявна, — указывал он. — Так называемая божественная эволюция, как мне кажется, есть измышление тех, кто боится, что эволюция мира физического уж слишком «научна», вот они и «подсовывают» Бога то там то сям, чтобы хоть как-то примирить богословие с «последними научными открытиями». Но такое противоестественное толкование может удовлетворить лишь самые дремучие умы (для которых всё, что не укладывается в рамки, скажем, второго закона термодинамики, ниспослано Богом). Ни богословам, ни ученым оно не подходит, ибо смешивает богословие и науку. Эволюция духовная, однако, применяет «законы» эволюции физического мира к духовной области. Результаты чудовищны и неприемлемы ни с научной, ни с богословской точки зрения: нелепица и путаница, изложенная причудливым языком в стиле

Тейяра де Шардена. И то, и другое целиком зависит от признания эволюции физического мира, отвергни ее — и рухнет вся система эволюции духовной. Кроме того, «научная» и «духовная» эволюция противоречат одна другой, ибо главная цель эволюции физического мира — найти объяснение этого мира вне Бога, т. е. такая теория по своей природе атеистична. И смешно наблюдать некоторых «богословов», старающихся поспеть за новейшими «научными» изысканиями, дабы «не отстать от времени».

В то время, когда о. Серафим писал эти строки, среди православных «богословов» было модно проповедовать эволюционизм. Издаваемый Американской Митрополией журнал для юношества «Забота» поместил статью под названием «Эволюция как способ Божьего творения». Автором являлся Феодосий Добжанский, известный сторонник теории эволюции, он только что получил докторскую степень Honoris causa в Свято-Владимирской семинарии. Отец Серафим написал по этому поводу: «Перед вами доводы православного эволюциониста. Вчитайтесь и ответьте: верит ли этот человек в Бога, как подобает православному? Нет! Он верит на современный лад, как деист. Показательны заключительные строки его статьи: «Один из величайших мыслителей нашего века, Тейяр де Шарден писал: „Что такое эволюция? Теория, научная система взглядов, гипотеза? Она всеохватна, это краеугольный камень, на котором зиждутся все теории, все системы. Соответствие эволюции и есть критерий научности и истинности. Эволюция — свет, озаряющий все факты действительности, путеводная звезда, за которой должна следовать наша мысль"».

Задолго до этого Тейяра превозносили богословы парижской школы, «шагавшие в ногу со временем». Один из них, о. Иоанн Мейендорф, писал, что «Тейяр наделен глубочайшим святоотеческим провидением»[1], а другой, Никита Струве, отмечал, что Тейяр преодолел отрицательное отношение к миру, глубоко укоренившееся среди христиан.

«Столь велико невежество людей в Священном Предании, что любой «богослов» может сказать что угодно, приписав святым Отцам, и это сойдет ему с рук, — сетовал о. Серафим. — Особенно это касается эволюционистов: они приводят пространные «обоснования» и «подтверждения» своей новомодной «веры», кивая на святых Отцов».

Именно «верой» представлялся эволюционизм всем «живым звеньям святоотечества», известным о. Серафиму: и прот. Михаилу Помазанскому, и доктору И. М. Андрееву.

Нападавшие на статью Алексея Янга держались другого духовного авторитета, д-ра Александра Каломироса, сторонника теории

эволюции. До этого о. Серафим весьма высоко ценил его работу «Против ложного единства», развенчивающую экуменизм. Будучи незнаком с другими работами этого греческого богослова, вышедшими на греческом, и огорчаясь тем, что уважаемое имя постоянно ставится ему в пику, о. Серафим написал Каломиросу с просьбой изложить его взгляды. Тот пообещал прислать исчерпывающий ответ на английском с цитатами из святых Отцов. Алексею о. Серафим сообщил, что ждет ответа «с открытым сердцем и надеждой, что получит подтверждение тому, чего опасались: его превратно истолковывают, пытаясь представить сторонником эволюции».

Прошло несколько месяцев, отцы получили обширное, на сорока страницах, послание от Каломироса. Отец Серафим потом признался Алексею, что оно потрясло его до глубины души, он не ожидал такого неприкрытого и необузданного натиска эволюционизма, от утверждения о «преображенном «звере» Адаме» до ультиматума: «кто отрицает эволюцию — тот отрицает Священное Писание». Но с одной стороны письмо даже порадовало о. Серафима: впервые перед ним предстал авторитетный оппонент, настоящий православный эволюционист, откровенно заявляющий о своих взглядах, в то время как другие боятся выступать открыто, чтобы не оскорбить тех, кто по слабости веры подпал «западному влиянию».

Отец Серафим писал, что «со святоотеческой точки зрения ответ Каломироса слаб. Свои взгляды он основывает на двух-трех цитатах из святых Отцов, толкует их весьма вольно... Очевидно, к их работам Каломирос обратился, будучи уже уверенным в своей правоте, в том, что эволюция — неоспоримый факт. Он явно не дал себе труда задуматься и проверить «очевидность» этого факта». Поэтому поначалу нам нужно воззвать к его мысли, а не сопоставлять с учением святых Отцов доводы, основанные на современной западной «мудрости»... Каломирос — не богослов, но смело берется за святых Отцов и... попадает впросак... Он очень невнятно трактует сам термин «эволюция», полагая, что развитие человека из эмбриона и есть эволюция, равно как и существование различных рас».

Отец Серафим всецело сосредоточился на ответном письме. Оно получилось почти что таким же длинным. С первых строк он пояснил, что «большинство споров между сторонниками и противниками эволюции бессмысленны, ибо спорят о разном... Поэтому сразу же уточню, что я понимаю под словом «эволюция» (толкование это есть во всех учебниках)... Это узконаучная теория о том, как появились на свете живые существа во временнóй их протяженности: «посредством преобразования одного вида в другой, от простых к сложным; этот

естественный процесс занимает миллионы и миллионы лет...» («Общая зоология» Сторера)

Поясню, я никоим образом не отрицаю факт изменения и развития в природе, того, что человек вырастает из эмбриона, а большой дуб из крохотного желудя, того, что появляются новые разновидности организмов, что существуют разные расы людей, как и разные породы кошек и собак или фруктовых деревьев, но всё это не эволюция, это изменения в рамках одного вида. Они никоим образом не доказывают, даже не дают повода думать (если, конечно, взгляды ваши не плод веры), что один вид может развиться в совершенно иной и что вся ныне существующая живая природа — результат развития примитивных одноклеточных организмов...

Ни сторонники, ни противники эволюции не станут отрицать, что свойства всякой твари могут меняться. Но это еще не эволюция, никто не доказал, во-первых, что один вид может изменяясь порождать другой, и во-вторых, что эти изменения носят непрерывный и обратимый характер».

Отец Серафим привел обширные цитаты из работы св. Василия Великого «Шестоднев», показав, что святой Отец говорит об изменениях внутри конкретного вида тварей Божьих и выступает против «трансформации» (перехода из одного вида в другой, то бишь эволюции). «Совершенно очевидно, — писал о. Серафим, — что святые Отцы не верили в подобные теории, да и сформировалась эта теория эволюции лишь в наше время. Уверен, Вы согласитесь со мной, что мы не вправе вольно толковать Священное Писание, а должны держаться толкования святых Отцов. Боюсь, что те, кто сейчас старается переосмыслить Книгу Бытия, не следуют этому принципу. Некоторые воители так рьяно ополчаются на протестантский фундаментализм, что ударяются в крайность и клеймят всякого, кто пытается «дословно» истолковать Священную Книгу Бытия. И невдомек таким воителям обратиться к св. Василию Великому или иным толкователям Книги Бытия: они четко изложили принципы, которым должно следовать, разбирая Священное Писание».

Исходя из работ святых Отцов, о. Серафим убедительно показал, что все они трактовали Книгу Бытия просто, не мудрствуя лукаво. Они предостерегали от «объяснений» многих трудных для неискушенного разума мест. Все Отцы учили, что первый человек Адам, равно как и все первые твари, «появился на свет иначе, нежели его потомки, не размножением, а по Слову Божию... Теория эволюции пытается показать Тайну творения Божия с помощью естественных наук и мирской философии, не допуская, что Таинство творения может быть недос-

тупно человеческому познанию, что Книга Бытия описывает творение Божие по свидетельству Моисея, которому открывался Господь и чьи видения подтверждаются опытом святых Отцов.

Полагаю, что современная наука знает о свойствах рыб больше, нежели св. Василий Великий, св. Иоанн Златоуст или св. Ефрем Сирин. С этим никто не спорит. Однако, кто знает больше о путях Господних: современная наука, ставящая под сомнение само существование Бога и пытающаяся объяснить мир без Него, или Богоносные святые Отцы?»

В конце письма о. Серафим уделил внимание самому важному вопросу в православном богословии, который оспаривается теорией эволюции, — происхождению человека, и в особенности первого человека Адама. Каломирос, пытаясь «увязать» текст Книги Бытия с теорией эволюции, высказал мнение, что Адам — «преображенный зверь», осененный на каком-то этапе развития благодатию Божией и тем самым выделившийся из прочих тварей. Отец Серафим, обращаясь к святым Отцам, показал, что природа человеческая была сотворена неизменной, а тело — нетленным и лишь с падением человека изменилась его природа и тело сделалось смертным.

Натуралистические взгляды Каломироса скорее сродни более позднему учению Фомы Аквинского, нежели взглядам Богопросвещенных Отцов. Цитируя из Summa Theologica, о. Серафим доказал, что Фома Аквинский «не знал об изменении природы человека после грехопадения», что он понимал первозданный мир, как и нынешние христиане-эволюционисты, исключительно с точки зрения падшего человека. Совершенно иная позиция святых Отцов: первозданный мир они видели в корне отличным от мира сегодняшнего, погрязшего в грехе. Отец Серафим писал: «Состояние первозданного Адама и всего мира навсегда останется за гранью научного познания, за непреодолимым барьером грехопадения, изменившего самое природу Адама и всего тварного, равно и природу познания. Современная наука знает лишь то, что способны наблюдать и разумом выводить из наблюдаемого... Истинно познать Адама и первозданный мир (в полезных пределах) можно только по откровению Божию или по Божественным видениям святых».

ЛИШЬ ЧЕРЕЗ два года дождался о. Серафим ответа от Каломироса и был весьма разочарован. Каломирос писал, что не знает ни одного ученого, кто бы усомнился в теории эволюции. Он обвинял о. Серафима во враждебном отношении к науке, вновь воззвал к «теории цикличности» как доказательству эволюции: зародыш чело-

века проходит стадии развития, характерные для других видов. Теорию эту «опровергали сами эволюционисты, признав домыслом XIX века». Споткнувшись на простом, Каломирос, однако, воспретил о. Серафиму вступать с ним в научные дискуссии, пока тот не получит докторской степени в области естественных наук. «Обычная уловка тех, кто уклоняется от свободного обсуждения вопроса!» — так отозвался об этом сам о. Серафим. Еще Каломирос не преминул, по обычаю, упрекнуть своего оппонента в «подверженности западному влиянию». Дескать, в таком положении о. Серафим и сам толком не понимает, что хочет сказать.

Отец Серафим заверил Каломироса, что никоим образом не «против науки». Он писал: «Верно, у меня нет высоких степеней, но в колледже нам читали курс зоологии, да и сам я изучил немало научных источников по теории и фактологии эволюции... Похоже, Вы и не подозреваете, как много появилось в последние годы научной литературы с серьезнейшей критикой теории эволюции, ее относят скорее к легендам или сказаниям-метафорам, нежели наукам (например, проф. Констанс, ботаник из университета в Беркли), а то и вовсе не признают. Если хотите (впрочем, есть ли в этом смысл?), я пришлю Вам список сотен (а то и тысяч) имен весьма уважаемых ученых, которые либо вообще не верят в эволюцию, либо полагают, что это весьма сомнительная научная теория».

Итак, НЕБОЛЬШАЯ статья Алексея Янга подтолкнула и его самого, и о. Серафима к довольно глубоким исследованиям. Вместе они замыслили книгу под условным названием «Книга Бытия. Творение. Первый человек: Православное толкование». Отец Серафим собирался составить святоотеческий комментарий к Книге Бытия, написать главу о философских истоках учения об эволюции. Алексей же брался за разделы «Эволюция как научная теория» и «Христианская эволюция». Отец Серафим писал: «Наша работа призвана внести полную ясность в представление многих людей об эволюции. Она уже во многом прояснила мои собственные взгляды, ибо раньше я не додумывал до конца многие вопросы этой теории».

Переписка с Каломиросом показала, как важно быть в курсе происходящей на Западе полемики об эволюции. Равно как и автор «открытых писем», Каломирос с гордостью ставит себя выше этой полемики. «Как можно быть выше того, чего даже не знаешь, — справедливо заметил о. Серафим, — нельзя вообще обсуждать теорию эволюции, если не знаешь всех ее научных обоснований. Не обяза-

тельно быть биологом, чтобы обсуждать научную сторону вопроса, в конце концов, она не так важна, а ученые-естественники как раз на этом и сосредоточивают свое внимание. Но если полностью игнорировать научный аспект, то нельзя обсуждать вопрос во всей его полноте. Нельзя, например, сказать с уверенностью, появился ли человек на земле 7 или 8 тысяч лет назад (святые Отцы дают приблизительную дату), зато, вооружившись радиометрическими приборами, анализом геологических пластов, ученые доказали, что человек живет на земле уже «миллионы лет». Современные научные методы исследования сейчас широко доступны (и у радиометрического анализа есть свои плюсы и минусы), суть их нетрудно объяснить и в краткой статье. А вот вопрос о том, существует ли человек тысячи или миллионы лет, затрагивает основополагающие принципы Православия: является ли генеалогическое древо, представленное в Священном Писании, точным (в чём не сомневались святые Отцы) или лишь схемой, в которой опущены многие звенья; были ли некоторые пророки Ветхого Завета конкретными лицами или это обобщенные образы; существовал ли сам Адам (особенно в свете почитаемой сейчас эволюционистами полигенетической теории — возможности одновременного появления на свет нескольких пар особей одного вида) и т. п. Очевидно, чтобы ориентироваться в этих вопросах, человеку, обычному мирянину, необходимы научные факты, как за, так и против эволюции... Главным принципом, разумеется, должно быть соответствие истины научной (в отличие от частных мнений и заблуждений) Истине Богоявленной, при условии, что мы понимаем их правильно».

Такого мнения о науке держались святые Отцы раннего христианства. Говоря о «Шестодневе» св. Василия Великого, о. Михаил Помазанский указывал: «Св. Василий Великий признает все научные факты естествознания. Но он не принимает современных ему философских концепций или истолкования этих фактов, механической теории происхождения мира и прочее... Св. Василий умел возвыситься над современными ему теориями об основных началах мира, и его «Шестоднев» выступает как светлая, осмысливающая бытие возвышенная система, в сравнении с первыми, как птица, парящая над существами, способными двигаться только по земле»[2].

Изучая научную сторону теории эволюции, о. Серафим обнаружил, что даже многие эволюционисты сами не находили подтверждения их теории, отделываясь общими словами, вроде «такое допущение более разумно» или «противоположное мнение просто немыслимо», намекая на Божье творение. Для истинного ученого, утверждали они, «чистая» теория эволюции — весьма удобное средство классификации,

и появись иная научно обоснованная теория, она была бы не менее приемлемой.

Отец Серафим привел цитату из историка-эволюциониста Дж. Г. Рандала мл.: «Биологи признают, что, строго говоря, мы ничего не знаем о причинах возникновения новых видов. И приходится, опираясь на «научную веру», согласиться: дескать, возникают они из-за химических изменений плазмы зародыша». И впрямь, это — «вера», ибо переход одного вида в другой никогда не демонстрировался, мы видели лишь изменения внутри одного вида. Изучение ископаемых останков также не дало подтверждений этой теории — находят останки конкретных видов, а не переходных форм. Отец Серафим отмечал: «Дарвина и самого весьма беспокоила его гипотеза. Он писал: «Согласно моей теории должны быть миллионы переходных видов, но я не обнаружил ни одного. Однако подождем, пока ископаемых останков прибудет». На сегодняшний день палеонтологи утверждают, что ископаемых останков «прибыло» достаточно, возможно, найдены все виды, ископаемых набралось больше, чем существующих видов, и тем не менее лишь несколько можно отчасти отнести к переходным видам. Могут привести в пример птеродактиля и сказать: вот пример рептилии, превращающейся в птицу. Но почему бы просто не предположить, что это рептилия с крыльями?»

В письме к Каломиросу о. Серафим не обошел вниманием и ископаемые останки человекоподобных обезьян — «доказательство» происхождения человека. Его высказывания интересны еще и тем, что отчетливо «высвечивают» влияние Тейяра де Шардена на современную научную мысль: «Тейяр был непосредственно причастен к раскопкам и анализам почти всех ископаемых останков, найденных при его жизни, которые использовались как доказательство эволюции человека...

А доказательства таковы: неандерталец (много останков), «пекинский человек» (несколько черепов), так называемые «яванский» и «гейдельбергский человек», останки, найденные в Пилтдауне, и недавние раскопки в Южной Африке — везде найдены лишь разрозненные кости. Если все «доказательства» эволюции человека собрать вместе, они поместились бы в небольшой гроб. Более того, все останки найдены в разных уголках земли, нет их точного (и даже приблизительного) возраста, нет никаких намеков, как все эти «люди» соотносились друг с другом генеалогически.

Далее: один из «предков» нынешних людей, так называемый «пилтдаунский человек», 20 лет назад был изобличен как намеренная «подделка». Любопытно, что одним из тех, кто нашел его, был Тейяр де Шарден, хотя этот факт замалчивается во всех его биографиях...

Несколько времени спустя тот же Тейяр де Шарден участвовал при обнаружении «пекинского человека». Было найдено несколько черепов, и пока что это единственное «связующее звено» меж обезьяной и современным человеком. Благодаря описаниям и исследованиям Тейяра (а к тому времени он уже снискал репутацию одного из крупнейших палеонтологов), «пекинский человек» во всех учебниках значится предком человека нынешнего. И совершенно игнорируется другой факт: в том же захоронении были найдены и кости современного человека, и всякому, лишенному «эволюционных предрассудков», было бы ясно, что пекинская обезьяна употреблялась людьми в пищу! (В затылке каждого черепа «пекинского человека» зияла дыра — оттуда извлекали мозг)».

Тейяр де Шарден также был причастен и к находке «яванского человека», точнее, к описанию разрозненных костей, и везде, где бы ни работал Тейяр, он неизменно находил подтверждение своим догадкам, что человек произошел от обезьяны.

Если объективно истолковать все ископаемые останки, якобы подтверждающие эволюционное происхождение человека, не найти ни одного убедительного доказательства. Всё найденное используется лишь для подкрепления угодной человеку веры в философию, одной из посылок которой является происхождение человека от обезьяны. Из всех останков лишь «неандертальский человек» (не говоря уж о кроманьонце, по сути современном человеке) не вызывает сомнений в подлинности, да и тот — Homo sapiens — существо человеческое, отличное от нас не более, чем одна особь от другой внутри одного вида. Следует отметить, что изображения неандертальцев в учебниках — вымысел художников, которые, опираясь на теорию эволюции, уже заранее знали, как должен выглядеть первобытный человек.

В своих исследованиях о. Серафим обнаружил, что деятельность ученых, пытающихся воссоздать «научную картину» прошлого, весьма полезна, потому что они собирают и те материалы, которым эволюционисты намеренно не придают никакого значения. (Скажем, факты о возрасте Земли, не превышающем 10 тысяч лет, следует сопоставить с доказательством более солидного возраста нашей планеты и т. п.) «Модель мироздания», предлагаемая креативистами, сулит новые возможности найти ответ на главный вопрос происхождения человека. Конечно, религиозные воззрения этих ученых мужей недальновидны (они, например, ничего не знают о святоотеческих разборах Книги Бытия, впрочем, и большинство православных пребывает в неведении).

Как указывал о. Серафим Алексею, цель их будущей книги — не доказать несостоятельность эволюции и истинность Божьего творения,

а показать, что «эволюция», преподносимая широким массам как «факт» и «истина», не имеет под собой надежных научных доказательств. Все доводы, используемые для утверждения эволюции, могут также служить любой другой теории, в зависимости от субъективных взглядов.

Отец Серафим не дожил до выхода в свет их с Алексеем книги. Алексей прислал ему на отзыв свои главы, о. Серафим дополнил их, даже отослал на рецензию профессору естественных наук. Лишь за год до смерти, в 1981 году он написал комментарии к двум первым главам Книги Бытия, основываясь на свидетельствах святых Отцов. Поначалу он прочитал их в виде лекции паломникам, посетившим монастырь в Платине. Восемь лет, проведенных им за книгами и в раздумьях, не пропали даром. Мысль его, возросшая и окрепшая в общении со Священным Преданием, излагалась как никогда емко, ясно, зрело. Сколь воодушевляло святоотеческое слово, которое о. Серафим нес людям! Сколь разнилось оно с «толкованием» иных богословов, узников современного рационализма!

Поначалу о. Серафим был так обескуражен взглядами Каломироса на эволюцию, что не хотел «связываться» с этим вопросом. Слава Богу, он преодолел это искушение и, напитавшись усердием от самих святых Отцов, взялся за дело. Попутно преодолев и другой, едва ли не врожденный свой недостаток — стремление быть «мудрее мудрецов». Отец Серафим открыл, сколь благородны и поистине бесценны творения святых Отцов. Читая его комментарии, понимаешь, что Священное Предание — не просто плод человеческой мудрости, а Слово Боговдохновенное.

Многие из святых Отцов, будучи провидцами, на опыте познали, каковым замышлялся человек: первоначально Адам жил естественно, теперешняя же жизнь после падения человека является неестественной. Святому удается вкусить от естественной жизни еще будучи на земле, ненадолго узреть мир преображенный, непорочный, ради которого и создавался человек.

Однажды о. Герман сказал собрату, что величайшая беда сегодняшних христиан в том, что они утеряли образ Адама до грехопадения, до того, как изменилась сама природа человека. По этому поводу о. Серафим писал: «С грехопадением Адам и Ева утеряли жизнь в раю... Взор их стал открыт лишь для низменного, земного, а горнее, Божие видится уже с трудом. Их поглотили страсти, и с тех пор все мы живем в приземленной суете и страстях».

Борясь со страстями молитвой, подвижничеством, святые, хотя и находились в тленном теле, стяжали в некоторой степени сходство с Адамом до грехопадения. Подобно ему они делались неподвластными стихиям, подобно ему руководили другими тварями и твари повиновались. В житиях святых пустынников — почти что в жизни сегодняшней! — отцы Серафим и Герман находили поразительные примеры праведной адамовой жизни человека, каким он был сотворен и каким ему предстоит быть, когда восстанет в теле нетленном.

«Даже в наш падший век, — писал о. Серафим, — сама природа, окружающая нас, напоминает нам о рае и о нашем падении. В зверях нетрудно разглядеть страсти, нами завладевшие; в мирном шелесте лесов, укрывших столько подвижников, можно угадать райские кущи, уготованные нам для жизни и питания. Сейчас они доступны лишь немногим, таким как св. апостол Павел, т. е. восхищенным на небеса».

ДО СЕРЕДИНЫ нашего века ученые и не помышляли посягнуть на эволюционную модель развития человека и мира. Любую гипотезу тщательно проверяли, но только не эту — на ней зиждились все естественные науки, их строй и классификация. Немногих, даже очень крупных ученых, пытавшихся оспорить «догму», записывали в «еретики», в черный список. В 50-е годы, когда Каломирос еще ходил в школу, не верить в эволюцию считалось едва ли не преступлением. Отсюда его попытки как «ученого святоотеческой школы» примирить святых Отцов с эволюцией. Позже, как мы убедились, положение изменилось. Всё больше видных ученых открыто выступали со своими заключениями: научные факты и открытия не подтверждают теорию эволюции. При жизни о. Серафима подобные дискуссии велись в основном в узких научных кругах, поэтому люди, желавшие, подобно о. Серафиму, разобраться что к чему, вынуждены были изучать специальную литературу. В дальнейшем «непримиримость» ученых зазвучала громче и дошла наконец до широких масс. Ученые заняты поисками иной модели развития мира, хотя поиск идет вслепую. Не стоит тешить себя мыслью, что они изберут «креативистскую модель» (т. е. модель Богом сотворенного мира), потому что, как и эволюция, эта теория не может быть научно доказана. И та и другая лежат, скорее, в сфере философии и зависят от субъективно выбранных предпосылок. Одно можно сказать с уверенностью: сегодняшний ниспровергатель теории эволюции, в отличие от своего предшественника 30-летней давности вооруженный фактами и скепсисом ведущих ученых, уже вряд

ли пополнит ряды тех, кто утверждал и утверждает, что земля плоская»*.

Итак, очевидно, что Каломирос и иже с ним отстали от времени, боясь как бы эволюция не стала «фактом», а о. Серафим, пребывая вне времени, свое время опередил!

Сегодня человеку всё труднее без помощи Божественного откровения отыскать то прочное основание истинности, на котором бы выстраивались все «факты» науки. Не зная, чему и во что поверить, человек ставит во главу угла сами научные факты, их узкопрактическое применение.

Отец Серафим преодолел эти зыбучие пески модных философских учений, понял, что прежде чем задаваться целью, куда идти, человек должен найти истинный ответ на вопрос, откуда он родом. Отец Серафим писал Алексею: «Ответ мы найдем в мудрости Церкви, доверившись нашим пастырям и святым Отцам, жившим до нас. Люди ждут ответа».

---

* Недавно против теории эволюции выступил Филипп Джонсон, профессор права из университета Беркли (Калифорния, США). С правовой и логической точек зрения он доказал, что сторонники эволюции опираются в спорах не на факты, а на пустую риторику. Им написана умная и глубокая книга «Суд над Дарвином» (Regnery Gateway, Washington, D. C., 1991), вводящая широкий круг читателей в курс дела.

Другая книга, также вышедшая после кончины о. Серафима, «Эволюция. Кризис теории» (Bethesda, Maryland, 1985), написанная специалистом по молекулярной биологии Майклом Дентоном, являет упорядоченную критику всей «эволюционной модели», от палеонтологии до молекулярной билогии. Дентон объясняет, почему всё больше ученых-исследователей отходит от традиционного дарвинизма, почему даже самые изощренные современные теории не в состоянии заполнить эволюционные «пробелы» меж растительным и животным миром.

ЧАСТЬ VII

С сыновьями Владимира Андерсона у монастырской церкви (1974 или 1980 г.)
Слева направо: Сергей, о. Серафим, о. Герман, Томми и Базил.

66

Дети

Ушло дитя любви... Нет, не мертва она,
В небесной школе дочка пребывает.
Там наша тщетная забота не нужна,
Там Сам Христос малютку наставляет.

Генри Уордсворт Лонгфелло.

СРЕДИ ТЕХ, КОГО взяли на попечение супруги Андерсоны, была и многодетная незамужняя женщина, весьма неуравновешенная по характеру. Назовем ее Джулией. От трех отцов прижила она троих сыновей. Обратившись в Православие, она прожила у Андерсонов больше года. Средний сын, красивый паренек-мулат (выберем ему имя Феофил) очень сдружился с ровесницей, дочкой Андерсонов, очаровательной белокурой девочкой Маргаритой. В 1969 году она впервые попала в скит преп. Германа. До нее монастырскими вратами не проходила ни одна особа женского пола.

В 1971 году девочка тяжело заболела. Доктора лишь разводили руками. Поражен был весь организм, и, стараясь вылечить один недуг, они усугубляли другой. Маргарита таяла на глазах, очень страдала, и надежды на выздоровление уже не оставалось. Безутешно рыдали родные. Владимир и Сильвия решили в столь трудное для семьи время отослать старших детей, дабы те не находились постоянно под гнетом горя. 12-летнюю дочь Сильвию они отправили в женский монастырь в Сан-Франциско, 11-летнего Томми (крестного сына о. Серафима) — в Платину. В скиту мальчик оказался очень полезен по хозяйству отцам. Каждый день он пешком ходил в школу далеко внизу, у подножия горы. 3-го ноября 1972 года, почти год спустя после приезда Томми, отцы получили печальное известие о кончине Маргариты.

Отец Серафим отвел мальчика в трапезную, усадил и принялся объяснять, как души невинных детей, вроде Маргариты, восхищаются Богом сразу на небеса. Мальчик смекнул, куда клонит его крестный отец.

— Она умерла? — спросил он.

— Нет, она вознеслась на Небо, — и о. Серафим не смог сдержать слез. Заплакали и о. Герман с Томми.

На следующий день все отправились к Андерсонам. Сильвия обратилась к ним с просьбой, подсказанной Томми, попросила разрешения похоронить дочь в монастыре. Ее бы утешала мысль, что всегда можно приехать в этот тихий уголок и побыть с дочкой. Отцы согласились и незамедлительно получили разрешение от местных властей.

Отпевание усопшей проходило в женском монастыре в Сан-Франциско, где некогда Владимир непосредственно познакомился с Православием. Вокруг гроба, сделанного Владимиром собственными руками, собрались монахини. Маргарита лежала в белом платьице, лицо ее запечатлело невинность и покой, многие русские монахини плакали. «Она словно ангел», — говорили они. Шестеро детей Владимира со свечами стояли подле гроба, слушая молитву по почившей сестре. К стоявшим подле гроба о. Герману и о. Серафиму подошел верный друг Маргариты, Феофил.

— Можно я буду жить у вас? — спросил мальчик.

— А почему вдруг? — спросил о. Герман.

— Хочу жить в лесу, а не в городе. Мама согласна, теперь дело за вами.

— Ты же знаешь, у нас сейчас Томми гостит. Вот он уедет, тогда милости просим, — сказал о. Герман.

— Честно?

— Честно!

Неожиданно на похоронах возникло досадное осложнение: архиепископ Антоний отказался благословить погребение девочки в Платине. Он рассердился на о. Германа, когда тот заикнулся о кладбище в Платине. Отец Герман угадал причину: будет при монастыре кладбище — значит монастырь останется там навечно. Потому-то Владыка и отказал. И так все несколько долгих часов ожидали перед открытым гробом, что же делать дальше. Монахини очень огорчились: несмотря на то, что они умастили тело миром и ароматическими маслами, уже ощущался запах разложения. Наконец, священник позвонил архиеп. Антонию и сказал, сколько бед причиняет тот отказом. И Владыке пришлось уступить.

Гроб поставили на монастырский грузовик и повезли в Платину в сопровождении сыновей Владимира: Томми и Базила. На протяжении всего долгого 5-часового пути мальчики пели «Христос воскресе из мертвых...» и другие церковные песнопения, дабы поднять дух и поддерживать память о Рае. Приехав в монастырь раньше других, они поставили гроб посреди церкви. Подъехали Андерсоны. Отец Герман сказал: «Нам нужно денно и нощно бдеть возле усопшей. Пусть все по очереди читают над ней Псалтирь».

Меж тем Сильвия выбрала место на склоне горы, чуть выше скита, вырыли могилу. Вечером в скит заглянула Валентина Харви. Она была незнакома с Андерсонами и, конечно, не подозревала, что у них умерла дочь. Поэтому была поражена, войдя в церковь и увидев гроб, вокруг которого стояли дети со свечами. Не случайно в тот день заглянула она в скит. Так совпало, что много лет спустя ее дочь выйдет замуж за сына Владимира, Базила.

Маргариту в ту ночь не оставили в одиночестве. Отцы и все Андерсоны попеременно читали Псалтирь. Утром гроб вынесли. Впереди процессии шел один из сыновей Андерсонов с крестом, свитым матерью из роз. Отцы Серафим и Герман не могли оторвать взгляда от поднимающихся в гору. Нежные детские лица, озаренные мерцающими огоньками свечей, тихий покойный лес, вызолоченный поздней осенью... «Чудесная картина, верно?» — шепнул о. Герман собрату.

Когда усопшую предали земле, о. Герман обратился к семье: «Вы счастливые люди, что дочь ваша и сестра упокоилась здесь, в свободном краю. Вас не преследуют, как в Советском Союзе, за то, что соблюдаете православный обычай и хороните дочь подобающе, за то, что приходите молиться сюда. Счастливы вы и потому, что та, которая недавно жила среди вас, сейчас на Небе молится о вас. Одной нашей предстоятельницей пред Богом прибавилось, и мы вверяем ее Господу».

Исполненные этого светлого чувства, присутствующие долее не скорбели, а радовались как на Пасху: попрана смерть, в Рай возносятся усопшие. В тот день благодать Господня пребывала на всей семье Андерсонов, и они чувствовали это. Точно спустилось в этот укромный уголок небесное облако и окутало всех. Стоя у могилы со слезами радости на глазах, Сильвия сказала отцам: «Сегодня — самый счастливый день в моей жизни». Плод чрева ее пребывал сейчас на Небесах в молитвах о ней, оставшейся на земле. Едва Андерсоны распрощались с отцами и отбыли, пошел дождь — еще один знак благодати. А отцы размышляли над Божиим Провидением: первая девочка, переступившая порог их монастыря, обрела там вечный покой.

Томми Андерсону так полюбился скит, что в 1974 году он вернулся и стал ходить в школу в Платине. Но окончился и этот год, настала пора уезжать, мальчик прощался с отцами со слезами на глазах. «Сохрани его Господь истинным христианином!» — пометил о. Серафим в своей летописи. Впоследствии Томми поступил в семинарию, завел семью, растя детей в Православии, и навсегда остался другом платинских отцов. Навещал их и старший сын Джулии, порой оставался в ските на месяц и долее.

Но кто поистине обрел там второй дом, так это маленький Феофил. Отцы чувствовали, что его привела к ним Маргарита, ведь именно на ее похоронах мальчик впервые попал в скит. Ее маленький друг был «трудный» ребенок, ему выпало немало испытаний в жизни. Отца он не знал и, будучи единственным темнокожим ребенком в семье, чувствовал, что не такой, как все. Воспитанием его, по сути, никто не занимался, жизнь дома была безотрадной — не мудрено, что он так захотел жить в скиту.

В июне 1975 года о. Серафим забрал мальчика из Сан-Франциско и с той поры заменил ему отца. Как и братия, мальчик не отличался кротким нравом, и о. Серафим выражал свои опасения о. Герману, не слишком ли поздно они взяли мальчика. Конечно, за личиной дерзости и бунтливости они прозревали в нем любящее сердце.

Как было уговорено с его матерью, через год мальчик должен был вернуться в Сан-Франциско. По дороге он стал плакать, просить разрешения пожить в скиту подольше. Отец Серафим не смог отказать ему, не возражала и мать.

И с той поры у отцов появился незаменимый помощник по хозяйству. Сил он не жалел: спозаранку растапливал печь, готовил пищу, колол дрова, помогал в типографии. Отец Серафим находил время, чтобы заниматься его образованием, от истории до мировой литературы. Из любви к звездам купил телескоп и начал учить Феофила и других ребят астрономии. За несколько лет он даже научил Феофила читать по церковно-славянски и переводить на английский церковные службы.

Исстари на Руси сироты считались Божьими детьми, под Его покровительством и водительством. Попав в скит по провидению Божьему, Феофил нашел столь необходимую детскому сердцу любовь. Да и у о. Серафима потеплело на сердце — обязывала забота о Божием дитяти. Конечно, из-за своего приемыша о. Серафим пролил немало слез и провел не одну ночь без сна. Возможно, мальчик не заметил и не оценил этого, но Бог видел всё: это помогло спасению о. Серафима.

Больше любви открывалось в его сердце — больше приходилось и страдать. В дальнейшем немало «трудных» детей подолгу живало в скиту, набираясь пользы от простой, естественной и покойной монастырской жизни. В 1978 году по договоренности с родителями и учителями в скит приехал русский паренек Сергей, у него не клеилась жизнь ни в школе, ни дома. Отец Серафим и ему помог не отстать от школы. Много позже отец мальчика прислал письмо: «Не знаю, как и благодарить Вас, о. Серафим. Вы так много делаете для Сергея. Он счастлив, душа его умирилась, он полюбил работу. Из несчастного ребенка он превратился в цветущего юношу. Спасибо Вам и о. Герману».

Когда рядом дети, сердце умягчается. Возможно, кто-то скажет: не монашеское это дело — воспитывать детей. Однако и у самого преп. Германа были крестные сыновья, мальчики-полукровки от матерей-алеуток и отцов — русских торговцев мехами на Аляске. Дети оставались у него, жили в отшельническом покое и тишине, напитываясь христианской любовью и благочестием. Платинские отцы, не задаваясь такой целью, невольно следовали по стопам своего небесного покровителя. Наблюдая много лет, они пришли к выводу, что детям легче приспособить себя к жизни в скиту, нежели взрослым, уже отравленным «удобной» жизнью и мирскими благами. Отец Серафим любил детей за простоту, прямодушие и чистоту. О своих монастырских приемышах он сказал однажды: «Они — мое утешение».

67
Новые братия

Первое и главное в монашеской жизни — доверие, которое приходит с опытом.

О. Серафим (Роуз)[1].

Носите бремена друг друга, и таким образом исполните закон Христов.

Гал. 6:2.

ПРИМЕЧАТЕЛЬНО, что о. Серафим и о. Герман, последовав в монашестве примеру взаимного послушания преп. Паисия и его сотаинника Виссариона, прожили уединенно вдвоем четыре года, потом к ним присоединились новые братия. Ровно столько же прошло времени, прежде чем к преп. Паисию и Виссариону стали примыкать люди. В житии преп. Паисия говорится:

«Но не долго наслаждахуся таковаго, тихаго, сладкаго по Бозе, душе же утешного и безмолвного жития, точию четыре лета, и мала более.... И друзии бо братия, приходящии от мира во иночество, видяще таковое наше любовное с братом сожительство, ревностию возревноваша к таковому же житию себе прилучити»[2].

В 1973 году накатила первая волна желавших избрать монашескую стезю. Вначале был крестный сын о. Серафима, Лаврентий. Сами братия никоим образом не пытались привлечь людей, дабы те делили их судьбу. «Прежде всего потому, что жизнь в *единодушии*, которую мы ведем в условиях материальной скудости и необустроенности, по плечу лишь людям свободным, жаждущим этого», — объяснял о. Серафим. Однако такие нашлись, и отцы приняли это как Божие провидение. Получив известие о скором приезде очередного страждущего, о. Серафим записал: «Дел здесь хватит больше, чем на четверых. Хорошо, что Господь посылает нам помощников. Но каждая пара рук — это еще и

душа, безмерно глубокая, и мы молим Господа, чтобы не направить ко злу посылаемых нам, а чтобы Его силой укрепить узы любви и братства».

С РАСШИРЕНИЕМ Братства о. Серафим всё более уповал на о. Германа. «Это тот человек, который сможет привести к единству душ и мыслей, ибо сами мы, бедные американцы, этого не достигнем, поскольку пока еще наша православная вера не окрепла». Однажды в отсутствии о. Германа он сказал братии: «Нам надобно ценить отца Германа. Он — провидец».

Энергичный о. Герман стал главой, настоятелем общины, а тихий о. Серафим — ее духовным водителем, он предпочитал разговаривать с глазу на глаз. Каждый вечер он задерживался после службы, чтобы выслушать всё «наболевшее» у каждого брата. И этот обычай они позаимствовали у преп. Паисия Величковского — святой Отец не расставался с ним и тогда, когда возглавил монастырь. Он установил исповедание помыслов, дабы на корню пресекать дурные наклонности, пока их не разжег дьявол. В житии преп. Паисия говорится:

«Исповедание помыслов от всех, паче же от новоначальных, на всяк вечер да бывает к духовным отцам. Яко исповедание есть основание истиннаго покаяния и грехов прощение, и надежда спасения душе, с печалию о гресех истинно кающейся. Аще же случилось бы между братьями некое смущение, то отнюдь в той же день да будет истинное примирение, по писанию: *солнце да не зайдет во гневе вашем*»[2].

Как уже говорилось, правильный подход к «исповеданию помыслов» способствует единодушию, столь необходимому в монашестве, неправильный подход наносит непоправимый ущерб. Еп. Нектарий, повидавший на своем веку и то, и другое, предостерегал отцов от неосторожного использования этого правила, и они приступали к нему со страхом Божиим и трепетом. Отец Серафим давал всем исповедующимся простой бесхитростный совет: «Смотри за собой в оба! Познавай себя!»

Один молодой человек, приехавший в монастырь в 1975 году, так вспоминал наставления о. Серафима: «В феврале я крестился в Лос-Анжелесе и, как все новообращенные, желал получить от Православия самого наилучшего. И обрести это я собирался в монашестве. В начале лета я приехал в монастырь преп. Германа. Настоятелем о. Серафиму было назначено ежевечерне после службы выслушивать мои помыслы. Признаюсь, первые дни я побаивался его. Казалось, он видит меня насквозь, читает самые сокровенные мысли. Впрочем, он относился ко

мне заботливо и сострадательно. Протестантство не подготовило меня к исповеди, а жаль, иначе бы мои беседы с о. Серафимом были бы плодотворнее. Мы спокойно и сдержанно беседовали, в основном о жизни души. Конечно, о. Серафим дал мне очень много, заложил основу веры, дабы выстояла она во дни испытаний, ожидавших меня».

В 1973 ГОДУ в празднование церковного Нового года (1/14-го сентября) о. Серафим написал обнадеживающие строки: «Новый год. Братия живут в согласии, монастырская жизнь в глуши их воодушевляет... Подобная жизнь в «единодушии», построенная на полной откровенности и послушании, в этом веке утеряна на Руси, и лишь чудом, Божией милостью мы возрождаем ее... На прошлой неделе нас посетил архим. Спиридон, дважды отслужил литургию, напитав братию духовной радостью и силой».

Желавшие испытать себя на монашеском поприще начинали как «трудники» и лишь после некоторого обговоренного испытательного срока получали подрясник и скуфью послушника. Послушничество обычно длится три года, и после учебы, исполнения послушаний и иных испытаний можно принять постриг. Как и в прочих монастырях, в скиту преп. Германа послушникам не полагалось разговаривать ни друг с другом, ни с гостями-мирянами. Главное внимание концентрировалось на внутреннем сосредоточении, а не на внешнем. Отец Серафим отмечал: «Священному Преданию и житиям святых отводилось особое место в образовании ума и сердца. В трапезной всегда читаются духовные наставления, у каждого брата — определенное ему индивидуально духовное чтение».

С первых дней братия постановили, что не будут «отпускать» послушников по просьбам епископов. «Нам важна душа человека, а не „нужды церкви или рабочие руки"», — пояснял о. Серафим.

Случалось, что в обители жило одновременно до 14-ти человек, каждый со своими заботами и запросами. Отцы хотели напитать их души «твердой» духовной пищей, но понимали: учить с позиций «своего мнения» Православию нельзя. Как говорил преп. Паисий: «Кто имеет братию под своим водительством, не должен наставлять и поучать по своему разумению и проницательности, ... но в согласии со святыми Отцами».

Перед о. Германом и о. Серафимом встала задача растолковать последующему поколению жизнь, столь отличную от мирской. Раз новые братия выбрали стезю служения Господу, отцам необходимо было донести до них святоотеческое учение о самоотречении.

Ради этого о. Серафим принялся выборочно переводить на английский из основных святоотеческих работ. Одной из таких оказалось «Руководство к духовной жизни, в ответах на вопрошение учеников» пустынников VI века отцов Варсонофия и Иоанна*. Он выбрал цитаты для каждого в отдельности брата, живущего тогда в обители. Он обнаружил, что святые Отцы прошлого задавались теми же вопросами, что и сегодняшние ревнители христианства, а их ответы разбивали укоренившиеся домыслы и заблуждения. Старцы показали природу греха: фарисейства, расчетливости, осуждения, лени, плотских мечтаний, отсутствия внутреннего бдения. И указали практические пути их искоренения и обретения добродетели.

В румынском монастыре Драгомирна преп. Паисий по вечерам собирал братию в трапезной и читал им свои переводы из святых Отцов. Отец Серафим сейчас делал то же самое. Обращаясь к работе святых Варсонофия и Иоанна, он замедлял чтение, дабы донести до слушателей каждое слово.

Отец Герман был безмерно рад: какое смелое ценное наставление молодым. Он сказал брату Лаврентию: «Поистине исторический момент: древних отцов-пустынников — из VI века! — теперь знают еще в одной стране. Впервые переведен их труд на английский! Теперь наши братия смогут вырасти духовными великанами».

Однако в последующие месяцы братия один за другим покидали монастырь. На очередное чтение к о. Серафиму пришло в трапезную лишь трое.

— Что-то духовные семена святых не взошли, — посетовал о. Герман. — И почему бы?

— Почва скудна, — ответил о. Серафим.

Отец Серафим прилагал евангельскую притчу о сеятеле к Америке, почве каменистой и скудной (Мк. 4:5-6). В отличие от Старого Света здесь нет глубоких корней, нет «глубины земной». *Мудрое слово люди принимают с радостью, но без глубокого осознания, поэтому оно и иссякает быстро в душе, и когда приходит время понести скорби и лишения ради богоданной мудрости, чахлые всходы святоотечества в душах людей не выдерживают*, опаляются солнцем и увядают.

Отец Серафим был убежден, что бороться с американским верхоглядством можно, насаждая *постоянство* и приверженность своему делу, потому он неоднократно повторял и монахам, и мирянам, сколь важно каждодневное богослужение и чтение Священных книг. «Истин-

* В 1990 году она была напечатана Братством преп. Германа под названием *Guidance Toward Spiritual Life.*

но, важнейшей добродетелью в наше время является *долготерпение*. Без него мы пропадем», — писал он.

Сколько еще людей пройдет мимо них с о. Германом в поисках монашеского призвания. Отец Серафим как духовный наставник набирался опыта, выделял главные качества души, определяющие успех или неудачу подвизающихся. В статье о монашестве в древней Галлии он писал: «Тогда, как и сегодня, интерес к монашеству зиждился в основном на праздной мечтательности, оторванной от повседневной борьбы, унижений, необходимых, чтобы выковать истинную евангельскую духовность». Он отмечал, что монашествующие Отцы как восточной, так и западной Церкви «указывали на необходимость простой работы, видя связь готовности работать с истинным смирением к стяжанию духовности... Рвение к работе — мерило духовного развития... Соблюдение этого принципа и придает некоторую «обыденность» и даже «грубоватость» жизни настоящего православного монастыря в наши дни. Попавший в такие «экстремальные» условия послушник сразу обнаружит, сколь велика его тяга к праздности и покою». Суровых испытаний в послушничестве аввы Дорофея (VI в., Египет) и более близкого, почти современника, оптинского старца Иосифа, ни один из нынешних легковесных искателей монашества не выдержал бы. По словам о. Серафима, «они часто покидают монастырь под предлогом «недостаточной духовности», не понимая, что лишают себя духовной пристани, что в праздных скитаниях «идеального монастыря» не найти. Лень — не самый страшный грех искателей монашества. Но без любви к труду они никогда не смогут вступить на путь монашеского борения, не поймут простейших истин духовной борьбы»[4].

Чрезмерное подвижническое усердие запрещалось в монастыре, дабы послушники не впали в прелесть, преувеличивая свои силы, но и простая монастырская дисциплина, отсутствие «удобств» служило хорошей проверкой силы духа послушников. Отец Серафим понимал, как трудно молодым людям отрешиться от привычной жизни своих сверстников в миру и встать на подлинно монашеский путь борения. Он писал: «Несмотря на то, что цель монашества — неотмирность, оно существует в мире сем и, разумеется, отражает современную нам жизнь. Избалованные, самодовольные и себялюбивые юноши (а в основном приходят такие) тащат за собой весь мирской «багаж» отношения к жизни, привычки, что в свою очередь влияет на жизнь монастыря. Конечно, ополчаясь на них, можно свести на «нет» их влияние, но стоит дать послабление — и любой самый строгий монастырь незаметно, мало-помалу подпадет влиянию мира.

Истинное православное монашество по своей природе враждебно современному принципу «удобности». Монах постоянно в работе, он не дает себе поблажек, а жертвует собой, предает себя сердцем и душой горнему. В этом и состоит главное отличие от мирской жизни, основанной на принципах хилиазма (призыв облегчить, обустроить земное бытие человека). Сознательное предание себя борьбе с этими принципами и обычаями современной «удобной» жизни встречается ныне редко, да и не всегда это безопасно. Поэтому неудивительно, что сегодняшнее монашество слабо — оно отражает общую слабость Православия в современной жизни»[5].

Всех приезжавших отцы привечали с любовью и заботой, и как же огорчительно было для них, когда их воспитанники отрывались от истоков монашеской жизни, едва прикоснувшись! Многие поначалу были преисполнены самых серьезных намерений и успевали добиться немалого в скиту. Но «хоть дух силен, плоть немощна», и весь образ домонастырской жизни звал, тянул назад. Самих о. Серафима и о. Германа не поработила культура современной Америки, не раздавил мир сей. Но у каждого были на то свои причины: о. Серафим всегда чурался общества, пронизанного материализмом, а о. Герман детство провел в Германии, позже в заботах о матери и сестре ему было некогда искать личных удовольствий.

Один из послушников, соблазнившийся былой «хорошей» жизнью, покинул монастырь, никого не предупредив, оставив подрясник во дворе. Потом вернулся, покаялся... и снова убежал. Так повторялось не раз и не два. Отец Серафим жалел юношу. В летописи он отметил: «Сколь хрупка у молодых любовь к Православию и решимость не отступать!» И далее: «Сохрани наши послушники страх Божий в сердцах своих, решись они служить Богу *невзирая ни на что* — отошли бы все тяготы и искушения, и ничто бы не мешало им спасать свои души».

Отец Серафим всячески избегал роли «богоносного старца» в отношениях с молодыми послушниками, он знал, что нужно воспитать у них доверительное отношение и открытость в общении с духовным отцом. «Будущему монаху важно *научиться не доверять собственным суждениям*, — писал он, далее цитируя постановления киновитянам преп. Кассиана Римлянина. — „...Если хотим последовать евангельской заповеди и быть подражателями Апостола и всей первенствующей церкви, или Отцев, которые в наши времена последовали добродетелям и совершенству их, то не должны мы полагаться на свои мнения,

обещая себе евангельское совершенство от этого холодного и жалкого состояния; но последуя стопам их, должны стараться не обманывать самих себя и так будем исполнять монастырское благочиние и постановления, чтобы нам отречься от этого мира"»[6].

Этот монашеский принцип был испытан веками. И у себя в монастыре о. Серафим находил ему достаточно подтверждений. Отошедшим от этого правила было уже не суждено вернуться на монашескую стезю.

Показательный пример одного молодого человека, которого отцы привели к Православию. Посетив почти все православные монастыри в Америке, он приехал в Платину, вознамерившись провести там целый год. Через неделю он переменил свое решение и задумал поехать на Гавайи. Его усовестили, и он согласился задержаться еще немного, но сказал: «Я не отступлю от своего решения, на душе у меня покой». Отец Серафим увидел в этом наглядный пример слепоты и глухоты ко всему, кроме собственного «мнения», которое неизвестно откуда залетает в голову. Брат этот немало помог в типографии, но прошел месяц, и он отправился, куда и замышлял. В тот день дождь лил как из ведра. Юноша подошел к отцам и сказал: «Всё работаете? Ну-ну, это дело хорошее. А я хочу от жизни наслаждений». Вскоре он прислал письмо: «мнение» его о жизни на Гавайях оказалось ошибочным, никому он там был не нужен, заботы, докучавшие в монастыре, не оставили его и в миру. Отец Серафим вынужден был признать, что «можно подвести лошадь к воде, но заставить пить нельзя». Однако его заботило, что станет с душой его духовного чада. Оставалось только желать, чтобы Господь ниспослал ему «благотворные страдания». После принятия Православия брат этот был чист душой, полон идеалов. После «загула» в мире духовно переменился, что запечатлелось и в его облике. Отцы, приехавшие его встречать на конечную автобусную остановку, не узнали бывшего брата.

Описал о. Серафим и другой случай. Один из братии весьма преуспел на пути к монашеству. На Преображение после всенощной, после проникновенной проповеди о. Серафима на вершине горы, он едва сумел спуститься — слезы радости застили глаза. «Да сохранит Господь в нем это доброе чувство, да не остынет сердце его», — записал о. Серафим. Не прошло и двух месяцев, как брат этот захандрил. Он пенял отцам, что те совершают службу неканонизированному святому (игум. Назарию Валаамскому), негодовал на богослужениях, которые раньше приводили дух в радость. Несколькими днями позже он и вовсе покинул монастырь. «Вот наглядный пример того, как стремление стать «мудрее мудрецов», самонадеянная критика приводят к утрате

благодати Божией, — писал о. Серафим. — Охладев духом, сей брат очень скоро увидел огромную разницу во взглядах своих и Братства и вернулся в мир. Кто там будет духовно наставлять его? Господи, научи нас вести брань с нашими сокрытыми страстями и пребывать в страхе!»

Но и в миру отошедшие братия не преуспели в духовности, как убедились отцы. Один из «блудных сынов» напомнил о. Серафиму бесплодную смоковницу. «Господи! Сподоби нас принести плоды, а не терять зеленые листья!» — молил о. Серафим.

Он понимал, что упование на собственное мнение — результат глухоты и слепоты к воле Божией. Достаточно смиренно размыслить над обстоятельствами жизни, и сразу увидится воля свыше, нужно только вооружить глаза верой. Например, проскитавшись две недели, один из братий вернулся в монастырь, голодный и холодный. Отец Серафим подметил: «Накануне его ухода мы читали Евангелие: «Никто, возложивший руку свою на плуг и озирающийся назад, не благонадежен для Царствия Божия» (Лк. 9:62). А накануне возвращения — Притчу о блудном сыне».

Святоотеческое правило — не обольщаться собственным мнением — полезно не только монахам. Однажды, когда за трапезой сидело 19 человек (православных священников и мирян), о. Серафим заметил, «сколь различны их духовная направленность и заботы. И сколь безрадостна судьба тех, кто уповает на свои силы. Только те, кто не думает о своей «умудренности», а мнение свое полагает недостаточным, могут надеяться на духовный расцвет».

ОТЕЦ СЕРАФИМ, прожив плечом к плечу с о. Германом не один год, придавал огромное значение единению душ, и как трудно ему было принимать тех, кого это вообще не трогало. Сам он не жалел себя в работе, и до чего ж невыносимо ему было наблюдать праздность и суесловие братии, ждущих, что кто-то придет и распорядится, что им делать дальше. Еще хуже того, когда они вдруг затевали мелочные — даже и не по монашеским меркам — споры. Однажды, услышав, как «старший» брат громогласно выговаривает Феофилу за то, что тот, чистя зубы, «истратил много талой воды», о. Серафим сказал, что подобные стычки «порождают разрушительный дух». О том же говорил авва Дорофей, наставлявший земляков — монахов-египтян:

«Каждый из нас оставил, что имел; имевший великое, и имевший что-нибудь, и тот оставил, что имел, каждый по силе своей. И приходя в монастырь, маловажными вещами исполняем пристрастие наше (в нашем случае — талая вода). Однако мы не должны так делать; но как

мы отреклись от мира и вещей его, так должны отречься и от самого пристрастия к вещам и знать, в чём состоит сие отречение, и зачем мы пришли в монастырь, и что значит одеяние, в которое мы облеклись; должны сообразоваться с ним и подвизаться, подобно Отцам нашим»[7].

Чтобы добиться единодушия в монастыре, нужно, чтобы братия видели перспективу общего дела, верили в общую цель и четко ее представляли, радовались возможности работать ради нее на любом поприще. Противоположность этому — «своекоштное» монашество, неправильное по форме объединение людей без общей цели, где всякий делает, что ему вздумается, живут этакими старыми девами и холостяками. Об одном из искавших такого прибежища о. Серафим писал с болью сердца: «Он просто ищет теплый уголок, где бы ему не мешали, где он мог бы жить своей жизнью... Послушание для него — чисто внешнее, и только в необходимых рамках, дабы не пошатнуть свое маленькое благополучие, не прикипая сердцем к делам Братства... Сейчас уже очевидно, что его цели расходятся с нашими, но он пока держится за нас душевной привязанностью. Нам претит мысль отсылать его прочь, чтобы искал себе истинных единомышленников (хотя, очевидно, он их не найдет), но не хочется и тащить такой «балласт», требуя от него того, что он должен исполнять добровольно. Его выходки порой донельзя опустошают меня и о. Германа, ибо он ставит под сомнение всю нашу жизнь, толком не поняв и не оценив ее. Да, эта жизнь трудна, требует великого борения, невероятной душевной чуткости и напряжения — ее легко порушить».

За ДЕСЯТЬ ЛЕТ через Братство прошло более 50-ти человек. Духовное руководство, забота о насущных потребностях людей, не говоря уже о запросах их души, требовали от отцов огромных сил. Отцы пришли к заключению, что «чем больше людей, тем меньше толку». По очереди ломался то один, то другой старый грузовик, и требовалось их чинить. Однажды о. Серафим бросил: «Сперва дьявол портит нам машины, потом — послушников».

Терпеть у себя «своекоштных» монахов — тяжкий крест, но еще тяжелее видеть, как лишают себя богоданной возможности подлинные искатели монашества, которым не хватило упорства. Отец Серафим премного огорчался и однажды даже сказал о. Герману: «Хоть бы они вообще больше не приходили!» Новые братия никак не выучивались ни единодушию, ни взаимному доверию — краеугольным принципам Братства. Помнится, именно это предрекал Владыка Иоанн, привидевшись о. Серафиму много лет назад.

И всё же не напрасно несли отцы этот тяжкий крест. «Мы убедились на опыте, — писал о. Серафим, — что всякий, пришедший к нам с добрым сердцем и живой верой в преп. Германа и архиеп. Иоанна, всё же получил некое духовное утешение — по вере своей». Кое-кто из братии раскрылся характером, развил свою личность. Отец Герман сам испытал это, когда принял Православие. Он говорил: «В Джорданвилле все монахи на вид одинаковые, а по сути — разные, у каждого свой, отличный от других, неповторимый внутренний мир. В мирянах я заметил обратное: они все разные внешне, зато в душе у всех одно — печать обмирщенности».

Был среди братии один, которого поначалу сочли полоумным. Монашеское окружение преобразило его. Очевидно, суетный, пестрый, наэлектризованный мир, завораживающее влияние телевидения были губительны для его простодушной натуры. Оказавшись вне мира сего, этот брат уверился в своих силах, стал хорошим, совершенно нормальным человеком. Подметили отцы перемены и в его облике. Раньше паренек был вечно насуплен, глядел исподлобья. Теперь же чело разгладилось, в голубых глазах появилась улыбка.

Несомненно, Господь затронул его душу. Однажды этот брат, белый как полотно, прибежал к о. Герману и рассказал следующее: он работал на большой тяжелой машине перед монастырем, как вдруг явственно услышал голос: «Отойди!» Без раздумий он послушался, и в тот же миг тяжелый механизм сорвался с подпорок и рухнул наземь. Не отойди брат в сторону, его бы смяло в лепешку, искалечив, а то и лишив жизни. Он сказал, что познал теперь, что такое Ангел-Хранитель.

У о. ГЕРМАНА и о. Серафима забот, как говорится, был полон рот, хотя поначалу они и не помышляли «основать монастырь». Всякого человека они привечали как дар Господень, хотя порой, судя чисто по-человечески, люди эти были «совсем не подарок». Всякого, кто возжелал встать на стезю монашества, они принимали, следуя завету преп. Паисия: «Не отвергну никого из приходящих ко мне». Они также держались правила — никого не выгонять, разве что поведение того или иного брата становилось буйным и угрожало другим. Коль скоро Господь посылал им брата, не их дело решать, сколько ему пробыть в монастыре. Они жили и трудились с уверенностью: если брат не приживется, он сам это поймет и уйдет. Отцы старались каждому дать как можно больше, какие бы тяготы и невзгоды ни сулило это им самим. По словам преп. Паисия: «Новый брат — новая молитва».

68

Пустынь для американок

Вдали от шума и суеты мира, в тихих монашеских убежищах, в пустынных местностях, наводящих на мысль о вечности, тысячелетие жены Святой Руси трудились ради своего спасения, стремясь прежде всего приобрести смиренномудрие... Они старались быть невидимыми, незаметными, скрытыми в тихих кельях за монастырскими стенами, расположенными за отдаленными реками и озерами, в забытых скитах, спрятанных в зеленых чащах, в тени плакучих ив и березовых рощ, которые одни только и слышали их тихую молитву и нежное пение и видели их созерцающими свадебную горницу их Божественного Жениха, Христа.

Игум. Герман (Подмошенский)[1].

ОТЕЦ ГЕРМАН ВСПОМИНАЕТ: «Порой о. Серафим бывал столь отрешенным, безмолвным, что казалось, он никогда не выйдет из этого состояния. Природу он ценил как источник непостижимого соприкосновения с Богом и, пребывая в ней, погружался в пучины собственного внутреннего мира. Как утешительно видеть, сколь глубоко радовался он, созерцая пустынь. Я нередко задумывался: неужто более нет молодых американцев, чувствующих столь же глубоко, способных разделить его радость?»

Со времени знакомства с о. Адрианом о. Герман (в ту пору просто 20-летний юноша Глеб) начал общаться с американцами, недавно принявшими Православие. Отец Адриан познакомил его с тремя своими подопечными — они жили в деревеньке близ Ново-Дивеевского монастыря. Прощаясь тогда с Глебом, о. Адриан настоятельно просил

его не только помогать новообращенным в переводах с русского, но и заново, с позиции их восприятия учиться Православию. Их новый взгляд чрезвычайно полезен тем, для кого Православие сделалось «прописной истиной». «Кто знает, доколе Господь будет попускать нечестивость, расползающуюся по Америке. Времени терять нельзя, нужно передавать людям опыт православной жизни, а это непросто — из-за различия культур. Как-то привьется побег Православия на новой ветви?» — говорил о. Адриан.

Дружбу с теми новообращенными о. Герман пронес через всю жизнь. Особенно сблизилась с Братством уже упоминавшаяся Нина Секо — она также всем сердцем чаяла православной жизни, о которой рассказывал о. Адриан. В результате многолетней переписки с платинскими отцами она тоже приобщилась монашества.

В 1973 ГОДУ Нина приехала в Сан-Франциско с восточного побережья. Зная о ее монашеских устремлениях, люди посоветовали обратиться в русский монастырь, но, будучи американкой, она боялась, что не приживется там. Отец Серафим подбодрил ее в письме, указав: «Храните в тайне свое чаяние монашества, живите в согласии со всеми, помогайте страждущим (но упаси Вас Бог навязывать помощь!), *молите Бога и нашего предстоятеля Владыку Иоанна указать Вам скорейший исход из мирской суеты.* Не нужно сейчас стараться всё «обустроить». Достаточно иметь в сердце горячее желание пу́стыни, в чём мы постараемся помочь».

Позже Нина посетовала в письме, что удручена церковной жизнью в мире. Отец Серафим написал в ответ:

> Дорогая сестра во Христе Нина!
>
> Приветствую Вас о Господе!
>
> По тону Вашего письма чувствую, что Вы нуждаетесь в «назидании». Вряд ли смогу дать его Вам, однако, как и все американцы-православные, я замахиваюсь на бо́льшее. Попробую написать Вам несколько строк.
>
> Вы правы, положение в Сан-Франциско (в церковной жизни) малорадостное, и не пытайтесь приспособиться или сделать вид. Не мудрено, что Вас это огорчает, однако именно в такие минуты и проверяется добродетельность. Нельзя предаваться унынию, разувериваться из-за своей «неопытности». Спросите себя: а может, всё не так уж безнадежно? Вы не случайно оказались там, хотя, возможно, и

не в соответствии с Вашими планами. Может, Вам в глубине души и собственные чаяния уже начинают казаться безумством? Когда такое случается со мной, я задаюсь вопросом: «А есть ли у меня выбор? Не большее ли безумство жизнь всего остального мира? Так что держитесь и благодарите Бога, что он испытывает Вашу веру.

Чтобы Вас не поглотил мелочный церковный мирок, СОЗДАЙТЕ МИР СОБСТВЕННЫЙ, ВНУТРЕННИЙ. Он, по сути, и есть подлинный церковный мир подвижников и пустынников, всех тех «чудаков», которые не дают угаснуть искре в нашей душе. Сегодня, когда пустынь уже нечто несвойственное Церкви, голоса пустынников особенно важны. Значит ли это, что мы должны уподобиться им? Нет, просто мы *любим* их и хотим, чтобы хоть в малом жизнь наша напоминала их, если, конечно, Господь смилуется о нас, а не погубит во грехах наших, самости и мраке кромешном[2].

Отец Серафим и о. Герман знали, что в дореволюционной России монахинь было *в три раза* больше, чем монахов. Для американок православное монашество у них на родине, по сути, только-только зарождалось, и негде было следовать пустынническому идеалу, что было весьма прискорбно: женщины не только могли бы там преуспеть в жизни духовной, как и мужчины, но они были еще более приспособлены к подобной жизни, ибо независимы от церковной иерархии. Леса на севере России помнят немало великих святых пустынниц. Платинские отцы рассудили: а почему бы американкам не иметь свою пу́стынь? Тогда они еще не знали, что осуществлять это выпадет им.

В ФЕВРАЛЕ 1975 года Нина приехала в Платину и сказала отцам, что всё больше подумывает обосноваться на лоне природы, в тишине. Она нашла подругу-единомышленницу, студентку-вокалистку Барбару Мак-Карти. Отец Серафим отмечал: «Обе стремятся к отшельничеству, к жизни неприхотливой. Сколько же им предстоит претерпеть поначалу: расстаться с упованием на собственные силы, непрестанно бороться, вырабатывать смирение и доверие».

Барбара пришла к Православию в 1968 году, и ее увлек идеал монашеского отшельничества после того, как в одном из первых номеров «Православного Слова» она прочитала о затерянных скитах в Канаде. В 1972 году она оставила занятия вокалом и отправилась в

паломничество по этим скитам. В 1974 году поехала в греческий монастырь на острове Хиос, где пробыла более года.

5-го июля 1975 года Барбара и Нина приехали в Платину в первый раз. Отцы сразу же проводили их в церковь. После молитвы Барбара подошла к о. Герману:

— Мне нравится пустынь. Здесь хорошо. Возьмите меня сюда.

Отец Герман видел, что женщина не шутит, но не вполне понимал, что она имеет в виду. «Может, появилась еще одна душа, которая хочет потрудиться во благо нашего общего дела?» — подумал о. Герман.

— Обещайте, батюшка, что пострижете меня в монахини и оставите здесь.

— Обещаю! — не вдумываясь в суть, посулил о. Герман.

Отозвав его в сторону, о. Серафим прошептал:

— Ты понимаешь, что говоришь?! Она — женщина, а у нас мужской скит!

Отцу Герману вспомнились и праведница из жития св. Фруктуозия Испанского, и Мария Олонецкая, и Анастасия Паданская и другие пустынножительницы прошлого.

— Почему бы не поделиться мечтой об отшельничестве с такими же жаждущими? — спросил он о. Серафима. — Почему бы не облечь в дело праведное желание, коль скоро мы можем этому поспособствовать?

Отец Серафим кивнул, перекрестился и, улыбнувшись, отошел: конечно, он положит все силы ради дела высокого, вольного и исполненного духовной красоты — ради устремления души, тоскующей о монашеской пу́стыни.

Не прошло и двух недель, как Барбара вернулась в скит по своей воле. Полпути от Рединга она шла пешком, ночевала в лесу. Три дня провела в домике для гостей неподалеку от монастыря, напитываясь духовными советами аввы Дорофея и немного работая. Желание удалиться от мира лишь усилилось. Отцы побаивались, как бы она, увлекшись, не потеряла трезвение православной жизни и, как могли, остужали ее излишнее рвение. Из скита она уехала с намерением обосноваться с Ниной в Этне и зажить тихой полумонашеской жизнью.

В Этне Нина жила недалеко от Янгов, а Барбара — на золотом прииске, принадлежавшем тетке Сюзанны Янг. Когда женщины в следующий раз приехали в Платину, о. Серафим рассказал им о «православной жизни в страхе Божием и трепете и вместе с тем в покое, трудах

и молитве, и чтоб находилось время и для миссионерской работы, и чтобы было единомыслие с теми, кто примкнет впоследствии».

В октябре Барбара тяжело заболела, и ей пришлось вернуться домой, в штат Огайо. Заехав в Платину, она почти не находила сил говорить и уехала в слезах.

Однако следующим летом она вернулась! Ее намерения не изменились, а наоборот, окрепли. С неделю она жила в монастырском доме для гостей и, казалось, была весьма довольна своим послушанием: ей назначили рыть яму для фундамента еще одного домика на другом склоне горы, где вскоре суждено было появиться скиту св. Илии. Она исправно посещала и службы, и трапезы, а во время работы любовалась горами и ущельем.

О помощи Братства Барбаре осуществить мечту о. Серафим писал: «Что это — наша «забава» или начало ее новой жизни? Одному Богу известно. Похоже, такова наша участь: делать что-то, из ряда вон выходящее, чтобы не погасла искорка духовного борения, чтобы не потерять из виду главной цели. И тем немногим, кто нас «разгадал», мы просто обязаны помочь».

Алексею Янгу он писал: «Барбара чувствует себя хорошо. Сейчас пишет письмо матери. С «церковно-политической» точки зрения, ее пребывание с нами «чревато опасными последствиями», и если кто из «официальных кругов» спросит, дадим такой ответ: мы стараемся привить ей «вкус» к пу́стыни и в то же время сдерживаем ее порыв уйти в отшельницы. Отец Герман разрешает ей отсутствовать не более трех дней кряду, чтобы она не пропадала из виду. Один Бог знает, к чему приведет ее столь страстное желание пу́стыни, мы не хотим это желание ни тушить, ни загонять в узкие рамки «готовых советов». Покамест этим летом мы одни, и молодых душ, гораздых к соблазну, поблизости нет. Примеры из русской истории XX века показывают: тех, кто радеет о таких «сумасбродах», самих потом начинают преследовать, впрочем, нам это хорошо известно».

Еп. Нектарий с любовью благословил Барбару, велел ей крепиться: «Уповай на Бога, и путь твой будет светел».

ДУХОВНОСТЬ БАРБАРЫ коренилась в ее тонкой артистической натуре. Как и платинские отцы, она чувствовала близость к природе. Она не расставалась со своей любимой книгой «Духовные поучения» св. Макария Великого, из которой явствует, что высокая цель всегда сочетается с трезвым, «сугубо земным» ее воплощением. Святоотеческая литература и любовь к музыке помогли Барбаре

увидеть в суровой природе Платины красоту Божьего творения, которой она сама причастна. Но мало только лелеять это чувство в собственной душе, хотелось поделиться им с другими: так певец всем существом своим впитывает величие музыки, получает вдохновение свыше и несет его слушателям. Редкие свободные от молитвы минуты она посвящала переводу Священного Предания с греческого, переписывала русские тексты о монашеском пустынножительстве для «Православного Слова», иногда даже сама набирала их в типографии, когда отцы бывали перегружены работой.

Но при первой же возможности исчезала в своей сокровенной пустыни. Порой она молилась всю ночь напролет, и с рассветом ветер и эхо доносили до отцов ее голос.

«Припоминаю такой случай, — пишет о. Герман. — Церковная смута отразилась в ту пору и на Братстве. На душе было неспокойно, напряженность и неопределенность нависли тучей, и Барбара была в курсе наших дел. Однажды она попала мне «под горячую руку», и, поведав о наших невзгодах, я попросил ее некоторое время не приходить. Она послушалась и ушла в лес. Только тогда до меня дошло: возможно, она голодна и пришла за провизией. Я написал записку с извинением, захватил кое-что из снеди и отнес в лощину. Там на дереве висел короб, где оставляли пищу для Барбары.

Смеркалось. Я спустился по склону, выискивая взглядом обусловленное дерево, и никак не мог найти. Вдруг из-за горы донеслось чудесное пение. То была знаменитая ария Элеоноры из последнего акта «Силы судьбы» Верди, ария-мольба «Боже, мира, мира, мира прошу». В то смутное время не придумать было молитвы уместней.

Пение парило по всей лощине и уносилось к подножию горы. А над ее вершиной зажглась первая вечерняя звезда и проклюнулся серп месяца. И мне подумалось: «До чего же благодарна эта душа за нашу жизнь, даже обделенная хлебом насущным!» Никто из новой братии не выказывал такой любви к пустыни, так серьезно не руководствовался в жизни учением святых Отцов.

Опустилась ночь. Ария сменилась мелодичным византийским песнопением в сокрушении души. «Как поделиться мне с ней той малой толикой Афона, что сокрыта в сердце?» — думал я, слушая греческие напевы.

Несколькими годами позже мечта моя исполнилась. Мой афонский духовный наставник, схимонах Никодим, благословил монашескую мантию для этой американки, отдавшей себя и свой чудный голос Создателю».

69

Меньшие братья

О Боже, расшири в нас чувство товарищества со всеми живыми существами, с нашими меньшими братьями, которым Ты дал эту землю, как общий дом с нами. Да уразумеем, что они живут не для нас только, но для себя самих и для Тебя, что они наслаждаются радостью жизни так же, как и мы, и служат Тебе на своем месте лучше, чем мы на своем.

Св. Василий Великий.

ОДНАЖДЫ утром, вскоре после переезда отцов в Платину, округа огласилась громким кукареканьем.

Отцы вскочили, бросились в трапезную и ...увидели на столе петуха! Они терялись в догадках: откуда он взялся, как проник в трапезную? Петух же продолжал кукарекать.

Тут из-за дверей раздался смех. Оказалось, что их друг, дьякон Николай, по пути увидал красавца петуха и решил купить в подарок отцам. Приехал он ночью и поместил петуха в трапезную.

В лучах рассвета петух предстал во всей красе: оперение блестело и переливалось на солнце золотом, пурпуром, синим и ярко-зеленым. «Никогда ничего подобного не видел, — признавался о. Герман, — будто из иного мира к нам залетел».

Петуху явно нравилось на новом месте. Он быстро освоился и уже по-хозяйски разгуливал по двору. Он стал «третьим братом» в скиту, и его послушанием было будить братий по утрам на молитву. Он приучил их доверять ему больше, чем будильнику. Петух, пробуждающий к молитве, — образ евангельский, он напоминает о предательстве и покаянии ап. Петра. Неспроста на Руси петухов называют «Петя».

В семье о. Серафима, когда он был ребенком, держали кур, и он построил новому гостю курятник, а к зиме съездил в город и купил четыре белоснежных курицы, с тем чтобы в скиту не переводились свежие яйца. Курятник помещался рядом с кухней, и куры были всегда на виду. Сколь точен был их распорядок дня: они забирались на насест не раньше захода солнца, а просыпались точно с рассветом. О. Серафим также заметил, что у кур разные характеры, разная походка, они по-разному ищут пищу, кудахчут. Одну из них, самую «говорливую», он прозвал «Певуньей», другую — бойкую и задиристую — «Драчуньей», а ее всегдашнюю жертву — «Золушкой». Даже имея куриные мозги, можно остаться «личностью»! Была у о. Серафима любимица, которую он кликал по-русски — «Румянец». Она не отходила от него ни на шаг.

К весне курятник перенесли подальше. Место кур заняли другие «братья меньшие». Однако покой в жизнь пустыни внес именно «золотой петушок», и случайным посетителям не понять причины.

Прожив в Платине не один год, отцы не заводили ни собак, ни кошек, в строгости своей полагая, что скит — неподходящее место для домашних тварей. Но в один прекрасный день Нина Секо привезла подарок. Она попросила о. Германа закрыть глаза и подставить руки. Открыв глаза, он увидел у себя в руках серого котенка. Отец Герман хотел было отказаться, но практичная Нина спросила, не докучают ли отцам мыши. «Ну, что ж, — обратился о. Герман к котенку, — поймаешь за час мышь — останешься, не поймаешь — придется распрощаться».

Новый гость деловито устремился под дом. Не прошло и 15-ти минут, как перед Ниной и о. Германом появился котенок с мышью в зубах. Добычу свою он сложил у ног о. Германа. Что ж, послушание выполнено — котенок остался. А вскоре появились и другие.

Давно уже подметили отцы, что окрест водятся гремучие змеи. Порой о. Герман находил смертоносную гадину даже в своей келье прямо в клобуке или на кровати. Однако появились кошки, и змей стало меньше. Отцы смекнули: раньше змей привлекало обилие мышей, поубавилось мышей, значит змеям поживиться нечем. Таким образом, из нежелательных в монастыре «домашних тварей» кошки превратились в тружениц, блюстительниц чистоты.

Поскольку «неканонично» давать какому-либо животному имя святого, отцы присваивали кошкам название того или иного места,

связанного с жизнью святых. Так, кошка, приблудившаяся в день поминовения преп. Германа Аляскинского, получила кличку «Аляска»; объявившаяся на праздник св. Феодора Тирского, звалась «Тирой» и т. п. Грустноглазая дымчатая кошка, подобранная в день прославления иконы Божией Матери «Всех скорбящих Радосте», соответственно была и прозвана — «Скорбящей».

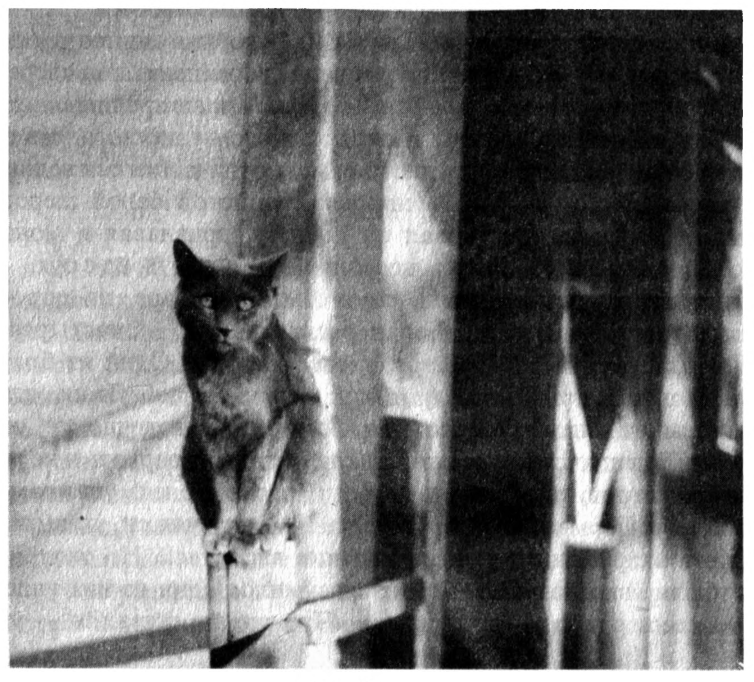
Постоянной спутницей о. Серафима сделалась Тира. Пестрая мелкая кошечка стала воистину матриархом кошачьего клана, никто не смел ей перечить. Даже в келье о. Серафима она вела себя по-царски. Удобно устраивалась у него на коленях, когда он, к примеру, печатал какую-нибудь статью, и он боялся пошевелиться или встать, чтобы не потревожить гостью. Однажды, зайдя в одну из рабочих комнат, он увидел, что Тира принесла котят прямо среди бумаг на его редакторском столе!

НО СОБАК о. Серафим любил куда больше. Конечно, ни одна из них не могла заменить ему любимого четвероногого друга детских лет Дитто, но в один прекрасный день на монастырский двор забежал большой рыжий, с черным «воротником» пес, похожий на немецкую овчарку. Он быстро подружился с отцами. «А что, может, оставим его?» — с сомнением спросил о. Серафим. Но у собаки был ошейник, значит и хозяин, поэтому отцы повесили объявление в магазине в Платине. Вскоре хозяин и впрямь объявился. Приехал на грузовике, чтобы забрать своего Мерфи. Пес виновато припал к земле, с ужасом глядя на хозяина, — видно, не сладко ему жилось, не видел он ничего, кроме брани и побоев. Отцу Серафиму было жаль расставаться с псом.

Но несколько дней спустя Мерфи снова объявился! И снова приехал грозный хозяин. «Живо в машину! — скомандовал он и ударил пса. — Если снова к вам прибежит, оставляйте у себя!» — сказал он напоследок.

Ждать долго не пришлось. Через 15 минут Мерфи вернулся. Отец Серафим втайне ликовал. «Мирское» собачье имя поменяли, отныне пса звали «Свир», ибо впервые он появился на праздник преп. Александра Свирского. Более благодарного существа отцы, по собственному признанию, не знавали. Может, таким пес стал настрадавшись. Он был необыкновенно умен, в глазах светились доброта и смирение. Всем-то он хорош: и проводит, и поиграет, и приласкается, и защитит. Он отвадил от монастыря медведей и пум, хотя лаял очень редко и никогда — без причины. Известны случаи, когда он помогал заблудившимся братьям найти дорогу к монастырю.

Друг о. Серафима пес по имени «Свир».

«Скорбящая»

Отец Серафим редко ласкал Свира. Пес прекрасно понимал хозяина и без слов. Тому достаточно было пристально взглянуть в преданные собачьи глаза — так он некогда смотрел в глаза Дитто.

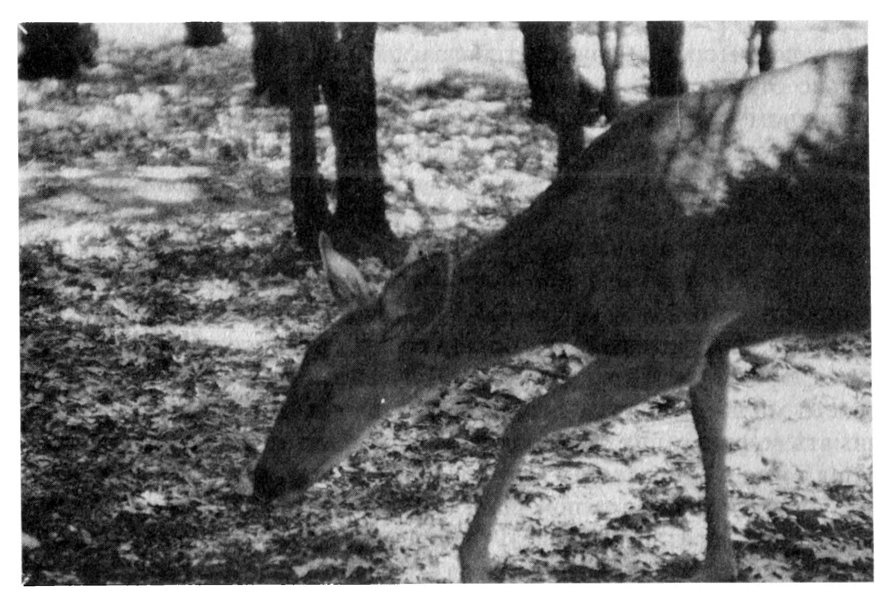
Жили в монастыре и павлины, они разгуливали по двору, отыскивая корм. По весне у них отрастали на хвостах дивные переливающиеся перья — творение Божественной десницы, образ красоты, искусства Создателя. К сожалению, не выжили голубки, коих так любил о. Спиридон: однажды ночью они стали добычей сов.

Окрестные олени сделались почти ручными. В монастыре они чувствовали себя в безопасности: охотники там не угрожали. В одном из писем о. Серафим заметил: «В разгаре лето, охотничий сезон, и олени держатся поближе к нам. Сейчас я сижу во дворе, а подле меня — пятеро оленей, вот трое пьют из нашего „родника”».

На глазах у отцов из крошечной малютки выросла красивая лань. В июне 1972 года о. Серафим писал: «Два дня тому назад наша недавняя малютка родила двух оленят — и прямо против церкви! Не прошло и полдня, как мать их нам «показала», причем они уже, хотя и не твердо, держались на ногах. Любопытно: «малютка» не устроила им никакого «гнезда». Поводила их по двору, потом они заснули — кто где, сама же она легла поодаль. Три дня не уходили они со двора — значит, «доверяют» нам. Случайно раз увидели олененка под «деревом св. Герасима», где висит икона, — очень трогательное зрелище».

Из всех оленей о. Серафим выделял одного — светлого (отчего и получил прозвище «Белан») крупного самца, отличавшегося величественной красотой. Грудь у него поросла пушистой белой шерстью. Горделиво, по-царски шествовал он по лесу, признавая в монахах друзей. Подходил совсем близко, позволял себя гладить, ел с рук.

Однажды, когда охотничий сезон был в разгаре, на дороге к монастырю показался джип. Белан разгуливал по монастырскому подворью и, ничего не подозревая, пошел на шум. Один из братьев бросился вдогонку, крича на ходу: «Стой, Белан! Назад!» Джип остановился. Сидевшие в нем, конечно, увидели оленя и, конечно же, услышали крики. Белан, однако, не остановился, миновал церковь и не успел отойти трех метров, как грянул выстрел. Красавец-олень упал замертво. Подоспел о. Герман. «Что вы делаете?! — закричал он, указывая на знак «Охота запрещена», — здесь частные владения!» Но охотников, которые были явно навеселе, это не вразумило. Один из них нацелил еще дымящееся ружье на о. Германа. «Что-что ты сказал?!» — угро-

«Афося», родился в монастыре преп. Германа в день поминовения св. Афанасия Афонского.

жающе вопросил он. Отец Герман не стал вступать в бессмысленные препирательства и ушел. Вскоре охотники убрались восвояси.

Отец Серафим был потрясен нелепым и жестоким убийством Белана. Войдя в церковь, он горько зарыдал. Также горько плакал он над своим любимым псом в детстве, не изменилась за годы его детская душа.

Уже живя в скиту, братия узнали о некоторых «опытах», проводимых в Советском Союзе. Касались они влияния животных на людей. Большевики полагали, что кошки, собаки и прочая домашняя живность (кроме скота) — «буржуазные пережитки», и в некоторых районах их вообще истребили. Много лет спустя психологи сравнили поведение людей из этих областей с другими, теми, которым еще дозволялось держать живность. Так вот: люди, лишенные «общества» братьев меньших, были подавлены, нервозны, более склонны к самоубийствам. Вывод напрашивался сам собой: животные своим присутствием оказывают целительное влияние на человека.

Отцы убедились в этом на собственном опыте. При напряженной работе в скиту они получали от животных отдохновение и облегчение

от трудов. Порой к отцам в типографию забредала кошка, самостоятельно открыв дверь, или вдруг семья малиновок вила гнездо прямо под окном — и разом спадали оковы мирских забот перед неоспоримым чудом Божьего творения, напоминая, что и человек — частичка этого творения. Какое зверью дело до сломанных грузовиков, печатных прессов, наборных машин, их не волнуют заботы церковные или денежные, столь обременявшие отцов.

Отец Герман говорит: «Жизнь у нас простая, близкая к природе, и у животных в ней свое место. В современной обмирщенной обстановке напротив, они лишены естественной среды, живой силы, им неуютно в рукотворном людском мире. Взгядитесь в глаза зверушек: они не просто милые пушистые игрушки, а существа, которых надобно принимать всерьез, у них свое мироощущение. Они, кажется, вот-вот обратятся к нам: „Войдите же в мир Божий! Вы принадлежите вечности!"»

В минуту покоя, вспоминает о. Герман, у их с о. Серафимом ног собирались «братья меньшие»: Свир приветливо помахивал хвостом и преданно смотрел в глаза, рядом тихо пристраивалась Киса, кошка с красивыми белыми лапками.

— Как ты думаешь, — спросил о. Серафима в одну из таких минут о. Герман, — в чём смысл всех этих животных?

— Чтобы напомнить нам о Рае, — ответил о. Серафим.

70

Православный уголок Америки

Нужно изучать церковную службу и церковный устав, так как красота христианского богослужения и глубина выше ангельской, это связь земли с Небом. Это хор Ангелов и людей, стремящихся к соединению своих сердец с Богом и воли своей с волей Божией.

Старец Захария (Троице-Сергиева Лавра)[1].

ПОПАВ ВПЕРВЫЕ в Свято-Германовский скит, еп. Нектарий оглядел всё с благоговением, с благодарностью перекрестился и сказал: «Это чудо!»

В России на глазах еп. Нектария безбожники-бандиты, захватившие власть, поразившие всю страну как чума, закрыли Оптину пустынь. В Америке он явился свидетелем того, как Русская Зарубежная Церковь, оторванная от колыбели российской духовности, начинала утрачивать «вкус» неотмирности. (Как помнит читатель, дело дошло до преследования собственного иерарха-чудотворца!) Видел еп. Нектарий и то, как задыхается епархия Сан-Франциско под гнетом чиновничьего мировоззрения. В этом городе в 60-е годы поднялся на его глазах «прилив стихий вероотступничества», по выражению свят. Игнатия (Брянчанинова). И посреди всей этой мирской суеты существовал монастырь преп. Германа, затерянный в лесной глуши, никому не известный, с двумя молодыми монахами, один из которых к тому же был новообращенным американцем. Не мудрено, что Платина показалась еп. Нектарию чудом. Он говорил, что там «живет дух Оптиной пустыни».

Оптина Пустынь на реке Жиздре. Начало века.

В то же время он предостерегал отцов от самомнения и гордыни. В 1975 году, когда они приехали к нему в Сан-Франциско, он сказал: «Не думайте, что всё достигнуто вашим трудом и заслугами. Это — дар Божий». Его родной брат, проф. И. М. Концевич, любил говорить, что в Оптиной монахи «перед Богом на цыпочках ходят». Там шутки или подтрунивание братии никогда не перерастали в злословие или насмешку. Они воздерживались от осуждения, празднословия, от всего, что могло бы нарушить их внутренний покой Богоприсутствия. Еп. Нектарий подчеркивал: «Монахи хранили благодать Божию как бесценное сокровище». В проповеди отцам еп. Нектарий не удержался от слез при словах: «Храните как зеницу ока уединение свое и единодушие. И да не зайдет солнце во гневе вашем».

В 1974 году еп. Нектарий приехал в скит на Преполовение, утешил братию. «Не поддавайтесь трудностям, разномыслию и прочим напастям, — напутствовал он, — каждый день проживайте, уповая на Бога, не беспокоясь о дне завтрашнем. Идите избранным путем, вдвоем ли, вдесятером ли. Да останься хоть *только один из вас* — пусть в радости служит Господу. Он определил вас в нужное место».

Даже мать о. Германа, ранее противившаяся устремлениям сына, поняла, что он выбрал верный путь. Приехав как-то повидаться с ним, она сказала: «Я чувствую, ты здесь живешь в благодати Божией».

Когда в декабре 1973 года о. Герман вернулся из поездки в Джорданвилль и рассказал о ней, о. Серафим понял, как много Господь дал их Братству. В день памяти преп. Германа о. Герман прочитал там вдохновенную лекцию перед двумястами молодыми людьми — так начались традиционные Свято-Германовские паломничества в Джорданвилльском монастыре. Сколько душ он воспламенил тогда, сколько заронил семян истинной духовности. Размышляя об этом в летописи, о. Серафим указал: «Молодежь томима духовным голодом и жаждой истинного, пламенного Православия. Православие наносное отомрет. Мало кто из иерархов понимает это! Многие в Церкви поглядывают на наше Братство с корыстной надеждой, но положение наше как ни у кого свободно — вот что по-настоящему обнадеживает, несмотря на всякие препятствия. Нам так много нужно успеть, напечатать столько книг на русском и на английском, причем каждой поддержать искру вдохновения и задать верный тон».

Отец Серафим также порадовался, что собрат привез ободряющие вести от иерархов с восточного побережья. Он писал: «Архиеп. Аверкий благословляет все наши дела, поощряет нас, и митроп. Филарет подчеркивает, что мы выбрали правильный путь. Благословляет нас и архиеп. Андрей (в прошлом — о. Адриан). А следует из этого вот что: не стоит огорчаться из-за неразумения церковных властей, из-за Синода, которой мыслит категориями «организованности» и «церковной политики». Нужно смело идти по пути, на который нас благословил архиеп. Иоанн».

В 1975 году на «мирские» именины о. Серафима (13-летие пребывания в Православии) о. Герман произнес проповедь. Упомянув свят. Алексия, строителя московского, он сказал братии, что им также дóлжно строить, а не разрушать православный храм как в своей душе, так и в совместном житии. Отец Серафим откликнулся в летописи на эту проповедь: «Нам нельзя унывать, нельзя мудрствовать, когда о. Герман растолковывает нам законы духовной жизни, равно нельзя и бездумно относиться к собственной духовной жизни или принимать всё дарованное нам как должное. Случайностей в жизни нет — всё происходит по Божьему промыслу или попускается ради нашего спасения, отражая наше внутреннее состояние и потребности. Сколько ж надо трудиться в страхе Божием, чтобы *сознательно обустроить* этот уголок Православия в Америке, не для нашего личного довольства, а во благо американского Православия».

С ТАКИМИ мыслями отцы и пытались преобразовать свою жизнь по законам неотмирности. Чтобы полнее ощутить связь со Святой Русью и ее Божиими угодниками, отцы дали название своим жилищам в честь крупнейших русских монастырей. Так, келья о. Германа на вершине горы называлась «Валаам», а келья о. Серафима, выстроенная им собственноручно в 1975 году, — «Оптина». Последующие строения были названы в честь Саровского и Глинского монастырей.

В 1974 году прошел слух, что скит посетит сам первоиерарх, митроп. Филарет. «Он ужаснется нашей обстановке! — сокрушался о. Герман. — У нас даже приличной комнаты для Владыки не найдется». Тогда юный Томас Андерсон предложил построить новый дом, «достойный царя». Отцу Серафиму мысль понравилась.

Но митрополит так и не пожаловал. А замысел Томми воплотился в лучшем, чем предполагалось, виде: решили построить часовню в память о погибших мученической смертью Царе Николае II и его семье. 4/17-го июля, в день поминовения монарших мучеников, отцы окропили святой водой место для будущей часовни. Отец Серафим, как и во всех монастырских стройках, взял на себя составление проекта и плотницкие работы. Остальные во главе с о. Германом помогали. К ноябрю часовня была готова, стены ее украсили фотографиями Царя и его семьи, подаренными госпожой Макушинской. Для человека стороннего всё это было непонятно, о. Серафим осознавал это, но тем не менее записал: «Закончили раму для царского портрета, покрасили стены в синий цвет — и всё готово для торжеств. Конечно, немногих воодушевят эти «торжества в глухомани», да и сама мысль поставить среди леса Царскую часовню. Но мы и впредь должны оставаться «чокнутыми» в глазах мира, дабы не утерять рвение и принести плоды».

Расчистили братия место окрест и для будущих «скитов». Каждый носил имя какого-либо святого и пока представлял собой расчищенную поляну или просеку, где можно было бы проводить богослужения. Кое-где вырыли даже котлованы для фундаментов грядущих часовен или келий. Каждый скит помечался иконой на дереве, деревянным крестом или аналоем. Замышлялись «скиты» св. Илии Пророка, св. Иоанна Предтечи, св. Иоанна Богослова, св. Харитона, преп. Серафима Саровского, старца Зосимы Сибирского, свят. Тихона Калужского. Последний жил анахоретом в дупле, и братия в его честь также выделили «тихоново дерево». Еще два скита были названы в честь великих кельтских монастырей — Линдисфарна и Ионы.

Поименовали и окрестные горы и холмы. Так, вершина с милю на запад от монастыря получила имя преп. Паисия Величковского, в обиходе же прозывалась «Паисиевой горбушкой». Гору над монастырем, на вершине которой установили крест и аналой, назвали горой преп. Германа в честь одноименной горы на Еловом острове. Еще одной присвоили имя Афона. Гора на юге, доселе именовавшаяся в миру Черной, прославила теперь Пресвятую Богородицу. На Покров в 1974 году о. Серафим записал: «Пятеро братий и один паломник взошли на Черную гору. Открывшийся вид всколыхнул душу. Наш спутник — из молодых «хиппи», и, видимо, Православие еще не коснулось его души. Мы так и назвали гору — Покровской, а другую гору, с луговиной на вершине (около 2000 метров высотой), — в честь св. Романа Сладкопевца и св. Иоанна Кукузела — сегодня день их памяти».

К каждому скиту в день памяти святого совершался крестный ход с хоругвями. Отцы старались выполнить завет о. Спиридона: «Пусть будет больше крестных ходов, ибо они освящают всё вокруг». Вот как некоторые из них описываются в летописи о. Серафима:

«10/23-го июля 1974 г. Праздник Коневской иконы Божией Матери и преп. Антония Киево-Печерского. После утренней службы пошли крестным ходом на кладбище, где на весь день оставили поминаемую икону. Каждый из братии нашел в тот день время прийти на кладбище помолиться. Лучи солнца, отражаясь от иконы, золотят лес, чудесным образом освящая всё вокруг. В этот день мы поминаем и создательницу этой иконы, рабу Божию Татьяну, упокоившуюся год назад».

«28-го июля/10-го авг. 1974 г. Память св. Люпуса Троянского. С нами крестным ходом идут и паломники. Вместе мы устанавливаем крест в Линдисфарне, там будут поминаться западные святые. Во вторник славим св. Германа Оксерского. Отслужили вечерню, прошли крестным ходом к Линдисфарну».

«19-го марта/1-го апр. 1975 г. На закате устроили крестный ход в Линдисфарн, выкопали котлован под фундамент часовни св. Ионы. Иной раз думается: мы сумасшедшие! Однако наши мечты здесь, на горе, небезосновательны, нужно только двигаться вперед и вперед, как бы противны наши действия ни были мирским «здравому смыслу» и «мудрости». Мы лишь сеятели, Господь знает, что мы пожнем».

«19-го июля/1-го авг. 1976 г. Память преп. Серафима Саровского. Крестный ход в Линдисфарн. Там о. Серафиму вручают икону св. Мартина Турского и землю из монастыря в Линдисфарне (привезенные Алексеем Янгом из Англии). Потом начали читать акафист в скиту св. Илии Пророка, но помешал ливень — пришлось дочитывать в церкви.

Крестный ход к скиту Пророка Илии с чудотворной Курско-Коренной иконой Божией Матери. Ее несет о. Серафим. 1978 г.

А в канун дня Илии Пророка рокотал гром, сверкали молнии и дождь лил как из ведра.

20-го июля/2-го авг. 1976 г. Илия Пророк. Крестный ход к скиту святого. Молились о дожде: чтоб миновала опасность пожара и чтоб воды всегда было в достатке. Утром светило солнце... Днем же загрохотало, сыпал дождь с градом — все склоны гор побелели. Четыре дня кряду потом шел дождь — это ли не ответ Илии Пророка на наши молитвы...

23-го окт./5-го нояб. 1976 г. Канун упокоения старца Зосимы (Верховского) Сибирского. При лунном свете совершили крестный ход по «зосимовой дороге» до западных пределов монастыря, помолились об упокоении старца и о том, чтобы удалось купить земли к западу, если, конечно, на то воля Божия». (Имелась в виду вторая половина участка, который некогда сторговывали братия. Ее удалось выкупить лишь в 1981 году).

Большой крестный ход состоялся и тогда, когда привезли главные иконы для церкви. Их несли на руках от подножия горы до самого скита. Иконы эти работы Пимена Софронова и были некогда отобраны архиеп. Иоанном для нового собора в Сан-Франциско. Он молился перед ними ежедневно, но после его смерти иконы заменили на новые.

Братство же сохранило их (вместе с прежними Царскими вратами, также ценимыми Владыкой Иоанном) в память о своем основателе.

В КРУГЕ ежегодных служб в скиту выделялись службы на праздники Господские и Богородичные. Отмечались они в бедности, простоте и великой радости. События земного бытия Христа и Его Матери каждый год заново переживались, они не уходили в историю, они принадлежали вечности.

В Крещение Господне отцы и братия обходили пустынь, окропляя всё вокруг святой водой. Это продолжалось не одну неделю кряду. Описывая Крещение в 1976 году, о. Серафим писал: «Радостный праздник с крестным ходом к местному «Иордану» — сосуду с водой на пне посреди нашего необустроенного источника. Освятили там воду. И восемь дней подряд до отдания праздника совершали крестные ходы. Каждый пил из «источника». 7-го января — крестный ход вокруг «Валаама» и до будущего скита св. Иоанна Предтечи (к востоку от «Оптиной» за ущельем), место для него только что подготовили о. Герман и брат Феофил. 10-го января в праздник св. Павла Обнорского* мы прошли крестным ходом вокруг всей нашей горы, а также «Афона», горы преп. Германа, скитов «Валаама», св. Ионы, «Оптиной», окропляя всё вокруг святой водой. В воскресенье 12-го января — крестный ход к скиту св. Илии Пророка с мощами св. Феодосия Великого, общих житий начальника (†529). Благодарим Господа за дарованную нам свободу, за возможность бороться, работать и видеть плоды своей работы (мы столько успели напечатать за последнюю неделю: два номера журнала и брошюра об архиеп. Андрее вышли почти одновременно)».

На Преображение — праздник в честь явления Господня на горе Фавор — монастырская братия собралась на вершине своей горы и отслужила всенощную перед воздвигнутым там крестом. После службы, сидя под звездным небом, братия слушали о. Серафима: он делился размышлениями о преображенном Царствии Небесном, к которому надобно себя готовить. В 1974 году о. Серафим так описывал праздник Преображения: «Несмотря на сильный ветер и холод настроение у всех приподнятое. После службы все расселись на большом валуне и принялись слушать о преображении человека и мира в грядущие времена, о двух противоположных измерениях: о пространстве, столь бесконечном, манящем и пугающем, и о времени, столь кратком, при-

* Пустынножитель Северной Фиваиды (†1429).

«... Приидите, ядите; сие есть Тело мое... пейте... все, ибо сие есть Кровь Моя нового завета, за многих изливаемая во оставление грехов» (Мф. 26:26-28). Икона работы Пимена Софронова в алтаре первой церкви монастыря преп. Германа.

Монастырская церковь. Иконостас работы Пимена Софронова.

Как всегда размашисто и широко шагает о. Серафим. Направо монастырская церковь. Снимок 1982 года, незадолго до его кончины.

Печатная мастерская с пристройкой — переплетным цехом.

зывающем нас убояться собственной нерадивости в приготовлении души ко спасению за нашу мимолетную жизнь».

Слова эти, сказанные под бескрайним небом, среди бесконечных лесистых горных кряжей, проникли глубоко в сердца слушателей, пробудив сладостную тоску по Создателю.

Рождество в заснеженном лесу — всегда счастливая пора. Западное Рождество ныне сопровождается ужасной коммерческой и рекламной шумихой, и хорошо, что оно отстоит от православного почти на две недели — шумиха к тому времени уже стихает, не достигает затерянного в лесах скита. Можно полностью сосредоточиться на духовном содержании праздника, всю ночь напролет распевая старинные гимны о Рождестве Христовом. Не забыли в монастыре и старых обычаев: подносить друг другу подарки, украшать ёлку (даже церковь бывает убрана еловыми лапами), к чему так привычна душа западного человека. По разумению отцов, особенно важно это для детей. У Феофила и его брата Матвея в жизни не было ни ёлки, ни рождественских подарков — мать возражала против всего этого. В 1974 году о. Серафим написал: «Рождество Христово прошло в мире и покое в обществе трех братий и паломника Матвея. Позади неделя предпраздничных хлопот. Отец Серафим и Матвей отправились в лес и, утопая в снегу, выбрали ель и нанесли еловых лап. Срубал дерево собственноручно Матвей (впервые в жизни у него ёлка на Рождество!). Сам праздник мы провели в Царской часовне. Всем приготовили подарки, а потом о. Серафим рассказал о старце Макарии Оптинском... Вечером — праздничный ужин, чтение вслух «Рождества в Англии» Вашингтона Ирвинга. Сколь же блекло и по-язычески справляют там праздник, разве сравнить его с православным Рождеством!»

На следующий год выбирать ёлку в лесу отправились о. Герман и Феофил. Раздав подарки, братия включили магнитофон и стали слушать ораторию Гайдна «Сотворение мира». Отец Серафим отметил у себя в записях: «Весьма воодушевляет. Да, тем годом о. Герман положил немало труда, чтобы создать праздничную обстановку для каждого».

В СОВРЕМЕННОМ мире к таким праздникам, как Рождество, начинают готовиться загодя. Разворачивается широчайшая рекламная кампания, суета достигает предела. Но минула праздничная дата — и ничего, кроме объедков, обрывков оберточной бумаги, не остается. В Православии празднуют целую неделю, торжества идут и в церкви, и вне ее. А Пасху празднуют еще дольше.

Пасха — «Праздников Праздник» — самая светлая и радостная пора, и готовятся к ней все шесть недель Великого поста. Братия стремятся очистить сердца от всякой скверны. Службы постом долгие, по 7-9 часов в день, много покаянных молитв, чтений из святых Отцов, даже вне церкви стараются не расставаться с душеполезной литературой (каждому брату во время Великого поста вменяется в послушание прочитать ту или иную книгу). Вся обстановка располагает к покаянию, внутреннему трезвению и сосредоточенности. В церкви читаются в основном книги монашеского толка: «Лавсаик», «Лествица», «Душеполезные поучения» св. аввы Дорофея, рассказы св. Пахомия и его учеников (из «Отеческого Рая»). По традиции на богослужениях читают из творений св. Ефрема Сирина, но, так как на английский эта книга не была переведена, отцам пришлось заменить ее классическими произведениями западного Православия, читали «Беседы» св. Григория Великого, «Невидимую брань», «О постановлениях киновитян» св. Иоанна Кассиана, «Правило» св. Пахомия Великого, «Северную Фиваиду». Отец Серафим Великим постом всякий раз перечитывал «Исповедь» блаж. Августина в дополнение к иным книгам.

Те, кто, подобно о. Серафиму, видел в тяготах Великого поста не «наказание», а возможность очиститься душой, стяжали сладостное, Богом посланное сокрушение сердца. В 1975 году после первой, самой строгой, недели Великого поста, когда почти совсем не принимают пищи, о. Серафиму довелось провожать нескольких паломников к подножию горы. Идти приходилось по пояс утопая в снегу. Возвращаясь уже один (а до скита было около двух миль), о. Серафим почувствовал «изнеможение и глубокую радость». Тело его пребывало в слабости, зато дух воспарил. «Сила Моя совершается в немощи!» (2 Кор. 12:9)

В Страстную седмицу перед Пасхой братия, следуя обычаю оптинских старцев, проводили особый обряд на заутрени. Царские врата медленно открывались, за ними представало многоцветное сиянье лампад, выставленных перед Святым Престолом, и братия исполняли старинное песнопение: «Чертог Твой вижду, Спасе мой, украшённый, и одежды не имам, да вниду в онь; просвети одеяние души моея, Светодавче, и спаси мя». Еще ребенком будучи в Оптиной пустыни, еп. Нектарий присутствовал при этом трогательном и редком обряде. Он научил этому и братию, тем связав их еще более крепкими узами со святым монастырем.

После 1970 года, когда архиеп. Антоний потребовал, чтобы братия приехали на Пасху в Сан-Франциско, они встречали этот светлый праздник у себя в лесном скиту. Окруженные Божией природой, монахи

могли без помех извне предаваться праздничной радости. Словно знаменуя Воскресение Господне, к Пасхе распускались первые цветы, и отцы убирали церковь сотнями ярких соцветий.

С теплым чувством вспоминали они свою первую Пасху в скиту в 1971 году. Поскольку ни епископ, ни священник не приезжали на этот праздник к ним служить литургию, отцам пришлось самим за несколько дней до торжеств отправиться в Сакраменто — причащаться Святых Таин.

Всякий раз, оказавшись там, о. Серафим навещал бывшего алтарника и хориста св. прав. Иоанна Кронштадтского, ныне уже престарелого иподьякона Алексея Макушинского. Отец Серафим подробно расспрашивал о св. прав. Иоанне: каков он был на вид, как служил в алтаре, и боялся пропустить хоть одно слово живого свидетеля и современника о великом святом Руси. Отец Серафим словно лично общался с ним в такие минуты.

Вместе с женой Зинаидой Алексей принадлежал к катакомбной Церкви России. Алексей был учеником новомученика о. Измаила Рождественского и его брата о. Михаила. Сколько порассказали платинским отцам супруги Макушинские об этих братьях-исповедниках, побудив их составить жизнеописание новомучеников и опубликовать его в «Православном слове». Сидя в уютном доме Макушинских перед самой Пасхой, о. Герман разглядывал фотографии отцов Измаила и Михаила — их потом присовокупят к жизнеописанию. Отец Герман попросил: «Мы справляем Пасху у себя в лесу, нельзя ли нам позаимствовать эти портреты, дабы мы могли разделить пасхальную радость с этими святыми людьми?» Макушинские с радостью согласились.

Пасху в тот год о. Герман описывает так: «Всю ночь напролет молились мы в холодной церкви и закончили службу обессилев. Лицо у о. Серафима было зеленовато-серым от поста и недосыпа. Но как радовалась его душа! Встречали мы праздник лишь вдвоем. Сели за праздничную трапезу. Отцы Измаил и Михаил, их светлые лики, также были рядом с нами. Памятуя о Святой Руси, стонущей сейчас под игом коммунистического рабства, мы помолились братьям-исповедникам и почувствовали: они сейчас с нами и тоже приобщаются пасхальной радости.

Мы разрезали куличи — их испек сам о. Серафим. Он, конечно, мастер на все руки, но, скажем прямо, в пекарском искусстве не преуспел. Каждый год пек куличи — и каждый год одно и то же: они подгорали снаружи, а внутри не пропекались. Но разве это важно! С нами Бог, святые, мученики, наша пустынь…

Отобедав, я пошел прогуляться и увидел, как из-под снега тянется к свету первоцвет. В ту минуту счастливее меня не было никого на свете!»

В последущие годы отцы встречали праздник с новой братией, отчего торжественности прибывало. Отец Серафим написал о Пасхе 1975 года следующее: «Целую неделю шли длинные службы, и вот наконец шестеро братий собрались на всенощную в Пасхальную ночь перед Христовым Воскресением. А поутру четверо взрослых братий пошли смотреть, как «танцует» солнце (только о. Серафим подоспел вовремя и увидел это), радостно поднимались на гору, не убоявшись колючего ветра и заснеженных склонов (температура тогда была около нуля). Весь день не смолкал колокольный звон, и все пребывали в праздничном настроении. Потеплело. Разъяснилось. Такая погода держалась почти всю Светлую седмицу, и после утренней службы мы всякий раз совершали крестные ходы к вершине горы, к скитам преп. Серафима Саровского, Илии Пророка, Линдисфарну, новому роднику и вокруг монастырского подворья».

Духовное бдение, строго соблюдаемое Великим постом, продолжалось и на Пасху. Не уследив, легко впасть — после вкушения такой радости — в состояние подавленное, мрачное. Отец Серафим спросил одного юного новообращенного после первой Пасхи, встреченной им в пустыни:

— Понравился тебе праздник?

— Ну, еще бы! Замечательно! — восторженно ответил тот.

— Так сбереги это чувство, — сказал о. Серафим, вторя еп. Нектарию. — Не расплескай по каплям Благодать Божию! Сохрани ее вот здесь, — и о. Серафим приложил руку к сердцу юноши.

Первая неделя Пасхи — Светлая седмица — самая радостная. В 1975 году по ее завершении, в воскресенье Фоминой недели о. Серафим записал: «Как и в прошлом году, день выдался отменный, небо очистилось, хотя вчера шел дождь. Ярко зеленеют проклюнувшиеся на дубах листочки — поздняя в этом году весна, равно и поздняя Пасха. После службы братия пошли крестным ходом на Преображенскую гору, там читали из Евангелия, о. Герман произнес проповедь, предостерег новообращенных от обычных в начале пути ошибок, рассказал, какие плоды должны принести православные. Затем мы продолжили крестный ход к скиту св. Харитона, где и позавтракали, а брат Фома (Томас Андерсон) читал из Евангелия, подаренного ему на именины. Потом прозвучали пасхальные поздравления. Далее взрослые братия ... спустились с хоругвями к монастырю, в сопровождении игруньи-кошки. Один из паломников пошел к «Валааму» послушать магнито-

фонные записи священных песнопений. Отец Герман остался на горе с детьми (Фомой и Матвеем) на «пикник»: рисовали, слушали музыку, проповеди. Трогательно было видеть, как все трое внимали голосу любимого Владыки Иоанна с магнитофонной ленты. С Божьей помощью такие праздники принесли достойные плоды! Вдохновенное было время!»

Кульминация Пасхи наступает на 50-й день по Воскресении Христовом в праздник Троицы и Духов день. Как на Рождество и в Пасху, церковь убиралась ветвями деревьев. Поскольку день этот в ветхозаветной традиции соответствует празднику хлебного приношения (Лев. 23:16), стены украшались дубовыми ветвями, а пол посыпался травой. Читались коленопреклоненные молитвы, призывающие схождение благодати Святого Духа.

В монастыре появился обычай потчевать на праздники своими, «местными» яствами. В дни памяти преп. Германа (15/28-го нояб. и 12/25-го дек.) монахи пекли особое печенье-крендельки — таким преп. Герман оделял сирот, и гороховый пирог — известно, что старец выращивал горох на Еловом острове, а пославший его в Америку митроп. Гавриил любил потчевать гостей в Великий пост гороховым пирогом. Готовил его обычно келейник митрополита и друг преп. Германа, старец Феофан. Иногда платинские отцы даже баловали себя сёмгой с Аляски в день памяти преп. Германа.

На праздник сорока Севастийских мучеников (9/22-го марта) в России издавна принято было печь «жаворонков» — олицетворение весны, ее первых вестников. В Платине же гонцами весны были не жаворонки, а ящерицы! Так что в тот день вдобавок к «жаворонкам» о. Серафим пек и «ящериц», что безмерно нравилось детям.

Наконец, годовщина упокоения первого оптинского старца Леонида (11/24-го окт.) издавна отмечалась в самой Оптиной пустыни блинами, даже если выпадал постный день*. Последний оптинский старец Нектарий сообщает, что умирая старец Леонид завещал в монастыре поминать его «утешением» для братии (т. е. чем-то вкусным), поэтому в этот день и пекли блины[2]. Обычай этот после закрытия Оптиной пресекся, пока, к великой радости еп. Нектария, его не возродили в Платине. В 1974 году, в день поминовения старца Леонида, когда поели блинов, о. Герман вдохновенно рассказал всем о первом оптинском старце. «Хроника» о. Серафима откликнулась: «Да хранит Господь яркий поминальный огонь духовности в наших сердцах!»

---

* В России блины традиционная еда во время поминовения умерших.

Праздник Благовещения (известие, принесенное св. Архангелом Гавриилом Деве Марии о том, что она «зачнет во чреве») 25-го марта/7-го апр. 1975 года о. Серафим описал так: «Пятеро братий пели в холодной церкви — служба была прекрасной и согревающей душу, она включала в себя и нашу будничную службу Великого поста, и поклонение Кресту. Конечно, немалого борения стоит оставаться православными, соблюдать посты, подолгу петь в церкви — зато какая награда ожидает нас!»

Изредка отцы получали знамения Божественного благоволения: духовные утешения, помогавшие преодолевать тяготы, например, блаженное отдохновение после трудов в конце дня. Когда заботы и невзгоды, казалось, вот-вот сокрушат, когда вроде не оставалось сил, вдруг в душе вспыхивал радостный огонек: он возгорался не от каких-то внешних обстоятельств, а от духовной сути самой жизни, подвига братии, от Божией благодати, явленной в церковных службах.

Их о. Серафим любил больше всего, ведь только в них он приобщался жизни совсем в другом измерении, без которого всё земное существование оказалось бы бессмыслицей. Для него церковные службы являлись ступеньками в вечность.

У людей, всю жизнь исповедующих Православие, со временем появляется чувство обыденности: посещение церкви становится привычным долгом, во многом утерявшим смысл, — этаким испытанием на выносливость. С о. Серафимом ничего подобного не случалось. Ни на одной службе он не пребывал в праздности, из каждой минуты богослужения извлекал пользу. Его собрат вспоминает: «Отец Серафим — натура очень чуткая, и он всегда знает, чего хочет. Поэтому каждая церковная служба обогащала его».

А приходил он в церковь уже в 5 утра, заставляя себя подняться с кровати и выйти на холод во тьму (зимой светает много позже). Он твердо стоял на том, что каждый день дóлжно совершать полный круг богослужений. Порой он сокращал лишь чтение Псалтири, но ни одной службы не пропускал. В первые годы, когда отцы жили в скиту одни, они неукоснительно следовали этому правилу, даже если приходилось весь день пребывать в городе. Тогда службу проводили прямо в машине по дороге: о. Серафим сидел за рулем, а о. Герман читал стихиры. Эта традиция — богослужение в пути — продолжалась и когда Братство пополнилось новыми людьми. Один из них, немало поездивший с о. Серафимом, вспоминает: «В основном мы читали молитвы Пресвятой Троице, разные тропари (особенно святым угодникам). Завершали мы обычно прославлением Богородицы. На обратном пути

непременно пели тропарь преп. Герману, когда подъезжали к скиту. Отец Серафим знал все эти тексты наизусть и пели мы их не только путешествуя, но и при всяком удобном случае». Один из братий вспоминает, что в дороге каждый сидящий в машине по очереди вслух читал Иисусову молитву, отсчитывая по четкам.

Отец Серафим следил за тем, чтобы в ежедневных трудах и заботах каждый брат не лишался полного круга богослужений. Когда кто-либо по занятости пропускал службу, о. Серафим потом повторял ее отдельно для этого брата.

Церковная музыка входила в жизнь о. Серафима неотъемлемой частью. Святые Отцы учили, что музыка — самая близкая душе форма общения, именно музыкой полнится душа, входящая в Рай. И, конечно, наиболее духовна церковная музыка. «Самая утонченная классическая музыка подводит душу к молитве, — говорил о. Герман братии, — а музыка церковная — это музыка молитвы». Поэтому в монашестве о. Серафим более не стремился слушать классическую музыку, хотя некогда она оказала на него решающее воздействие — привела к Богу. В первые годы в скиту он вообще не слушал классики. Много позже, когда появились молодые братия, он купил магнитофон и записи классических произведений, дабы души молодого поколения, изуродованные грубыми современными ритмами, могли приобщиться к высокой музыке.

Многих американцев-новообращенных особенно привлекали византийские духовные песнопения, их минорные звучания исполнены таинственности. Отцу Серафиму более по душе были простые русские церковные песнопения. Но своего мнения он не навязывал и полагал глупым спорить «что лучше, русская или греческая церковная музыка». Величие русского церковного пения (и особенно, древнего знаменного распева) затрагивало самые сокровенные струнки его души. Мелодии вкупе с литургической поэтикой, слушаемые им многие годы, вошли в плоть и кровь, всеми фибрами души он был настроен на эту музыку.

Вне богослужений в церкви о. Серафим хранил память Божию, непрестанно творя Иисусову молитву, работал ли, гулял или отдыхал. То же настоятельно рекомендовалось и братии. С начала существования скита отцы Серафим и Герман установили строгое монашеское правило: входить в комнату с Иисусовой молитвой. В старину таким образом монахи остерегали себя от козней бесов, являвшихся в келии пустынников нежданно-негаданно.

Уже говорилось, что о. Серафим и о. Герман, следуя традиции еп. Нектария и оптинских старцев, исполняли правило «пятисотницы», т. е. читали дополнительные к церковным службам молитвы: 300 раз Иису-

сову молитву, 100 раз — Богородице, 50 — Ангелу-хранителю и 50 — всем святым. Отец Серафим обычно совершал это правило по ночам, перед иконами в красном углу своей кельи (она была построена в 1975 году), голубой свет лампадки тихо озарял образ Владимирской Божией Матери. В такие минуты он открывал сердце перед Господом нашим, Иисусом Христом, перед Пресвятой Богородицей — к Ней он питал особую любовь. Одним небожителям известно, сколько слез пролил он, сколько земных поклонов положил перед святыми образами в тиши своего лесного пристанища.

Как бы ни были ему дороги минуты молитвенного уединения, они никогда не заменяли молитв церковных — о монахах и братии. Архиеп. Аверкий подчеркивал: «Святые Отцы называют уединенную молитву каждого «дыханием духа верующего», общие же молитвы — дыханием всей Церкви, Тела Христова». Платинские отцы следили за тем, чтобы каждый живший в монастыре читал и пел на клиросе — не подобало стоять обособленно в углу. Однажды, когда братия на клиросе славили Господа, о. Герман подошел к одному, нарочито вставшему в стороне, и пригласил присоединиться к братии.

— Не отвлекайте меня, я молюсь! — с озлоблением бросил тот.

Отец Герман взглянул и сказал:

— Признайся: когда я подошел к тебе, ты не молился, ты вершил свой суд, верно?

Брат признал правоту о. Германа. Урок пошел ему на пользу, и он присоединился к братии на клиросе.

Как ни любил о. Серафим богослужения, как ни изучил Типикон, он никогда не стремился к «буквоедству», «слепому уставничеству». Он повидал на своем веку многих, увлеченных соблюдением «буквы закона» настолько, что они забывали молиться, или того хуже — теряли душевный покой и равновесие, видя, как кто-то «делает всё неправильно». Отец Герман шутливо называл таких людей «жевателями Типикона».

О Типиконе о. Серафим написал несколько статей для «Православного Слова». Он отмечал: «Нужно четко представлять, что имели в виду святые Отцы, вдохновленные Святым Духом, когда составляли богослужения — это делалось ради блага верующих, ради нашего блага. Внешняя сторона: исторический аспект, различие русской и греческой школ и пр. — должны остаться на втором плане. Выучив все эти премудрости, можно стать «знатоком» Типикона, но это сегодня не самое главное. *Богослужение должно стать духовной пищей верующих,*

«Оптина» келья о. Серафима. Февраль 1981 г.

В «Оптиной» келье. 1981 г. По стенам портреты оптинских старцев.
В иконном углу иконы св. Евгения Александрийского, покровителя о. Серафима в мирской жизни, и преп. Серафима, покровителя в монашестве.

напитывающей их, подготавливающей к вечной жизни. Всё остальное — вторично! В православном христианском мире сегодня отчаянное положение, и «слепое уставничество» — непозволительная роскошь. Куда лучше, познав, насколько возможно, высокие требования, выдвигаемые Церковью, и признав недостаток знаний, пеняя себе на это, тем не менее *молиться и петь во славу Господа, с посильной любовью и жаром сердца*»[3].

Слова о. Серафима нашли живой отклик и одобрение читателей. Сами же отцы извлекли столько пользы для духа ежедневными молитвами, что хотели и других подвигнуть к подобной духовной жизни, насколько хватит сил. И неважно, в миру или в монастыре. В статьях о Типиконе о. Серафим пытался обосновать необходимость более частых богослужений. «В дореволюционной России, — писал он, — ежедневно служились не только вечерня и утреня, но и повечерье, полунощница и часы. Очевидно, это норма Православия, которой надобно следовать и сегодня. Литургии по воскресным и праздничным дням и службы накануне — это минимум, черта, за которой о православном благочестии уже не приходится говорить. И эти дни надо проводить подобающе. Сохранились еще приходы и семьи, в которых днем по воскресеньям поют акафисты, но традиция бывшей боголюбивой России — собираться семьями на воскресенье или праздник и петь псалмы или иные религиозные произведения* — забыта, утонула в водовороте современных страстей. А много ли сегодня христиан, предпочитающих всенощную накануне праздника (или вечерню) светским развлечениям?..

Поняв, сколь далеки мы от идеальной (т. е. нормальной) православной жизни в быту и в храме, не стоит предаваться унынию, напротив, мы должны с удвоенным желанием познавать и искать этот идеал, насколько позволяют нам условия нынешней, весьма рассеянной жизни. Прежде всего нужно помнить, что идеал этот достижим, и от нас не требуются сверхчеловеческие усилия или необычайно высокое «духовное стояние», без чего, будто бы, нельзя приступать к молитве во славу Божию…

Для мирян, погрязших в делах житейских, такое представляется почти невозможным. Насколько же важно для них тогда извлечь максимум пользы для себя из радостного и всевдохновляющего труда, который Церковь предлагает страждущим душам — ежедневного цикла богослужений. Даже малое, но регулярное участие в нем «выделит» православного среди других людей — ему откроется особый дар

---

* Сегодня на Руси, к примеру, эту традицию поддерживает песнопевец и сочинитель иером. Роман. См. «Русский паломник» № 3, 1991.

думать и чувствовать, что по сути и есть жизнь Христовой Церкви на земле»[4].

Отец Серафим писал всё это, исходя из собственного опыта — он создал уголок Православия в Америке. Почему бы не множиться таким уголкам: сойдутся несколько православных, истинно любящих Бога, и пусть начинают (со священником или без оного) служить Ему, преданно и верно.

71

Новые американские паломники

Для Церкви и религии монастыри что университеты, лицеи или клиники для науки. В наши дни основать один традиционный монастырь куда полезнее, нежели открыть два университета или сотню гимназий.

Константин Леонтьев.

В ОБЩЕСТВЕ, где чтили и соблюдали православные традиции, монастыри всегда были большим подспорьем в духовной жизни мирян. Отец Герман вспоминал, как некогда архим. Константин (Зайцев) говорил семинаристам в Джорданвилле, что приходы в миру удовлетворяют минимальные духовные потребности верующих, не пытаясь объять необъятное. Полноту духовной жизни мирянина обеспечивали монастыри, куда мирской люд совершал паломничества. Именно в монастырях получали православные заряд духовных сил, в монастырях им давали закваску «неотмирности» для повседневной сугубо мирской жизни.

И вот старинная традиция православных — паломничество — пришла и в Америку. В первые годы Братства отцы рассказывали о нем на страницах «Православного Слова» в серии статей «По святым местам Америки». Отец Герман даже составил карту для паломников[1]. Он подчеркивал: «Сегодняшний американский паломник не шагает тысячи миль по бескрайней стране, как в былые времена — с посохом и сумой, в которой Библия, Добротолюбие да сухари, чтобы с голоду не помереть. А в сердце — образ сияющих белизной монастырей, созданных в напоминание о небесном граде Иерусалиме. Современный паломник

чаще предстает в облике обычного туриста, праздного и любопытного. Путешествует он в удобной машине с мягкими сиденьями, истинному подвигу просто не находится места в жизни, а он необходим настоящему паломнику. Увы, такова сегодняшняя действительность. Так что же делать нынешним американцам? В сердце подлинного богоискателя никогда не угасает мечта найти небесное пристанище для души. Современный американский паломник должен обрести равноценную замену подвижническому странничеству предков. Именно этой цели служат монастыри сегодня, дабы хоть в малой степени вернуть утерянные традиции».

В летописи о. Серафима немало сведений о паломниках, особенно молодых, посетивших монастырь преп. Германа. Многие пришли, потому что просто не знали, на что употребить свою жизнь. Они также, как некогда и сам о. Серафим, пытались отыскать ее смысл. Каким-то неизвестным отцам образом их монастырь попал во всемирный каталог как духовная община, где люди живут по принципу: «Назад — к природе!» Благодаря этому посетили монастырь и многие неправославные. Не прочитай они каталога, и не знали бы о существовании Платины.

С теми, кто истинно искал Бога, о. Серафим, изменяя своим привычкам, подолгу беседовал, приглашая прогуляться — так и мешать никто не будет, и можно полюбоваться природой. Он водил их по нижнему гребню кряжа, где стояли большие византийские кресты и откуда открывалось безбрежье гор и холмов. Один молодой человек, которому посчастливилось побывать на такой прогулке, вспоминает: «С о. Серафимом в эти минуты можно было говорить обо всём. Он столько знал в разных областях и самое жизнь. Но всякий раз он сводил разговор к духовности». Нередко о. Серафим беседовал с паломниками, с каждым в отдельности, усадив их на бревно под сенью раскидистых дубов, что росли подле монастыря.

Жизнь многих людей в корне изменилась после поездки в монастырь. В феврале 1976 года о. Серафим записал: «Из Бёрлингейма (Калифорния) на выходные дни приехал юный паломник. Пробыл до понедельника, на богослужения откликнулся всем сердцем, по душе ему пришлась и наши тишина и покой (в те февральские дни выпало много снега). Помогал нам рассылать свежий номер «Православного Слова». Два года как в Православии, с 19-ти лет, осенью хочет поступить в Джорданвилльскую семинарию. Вернувшись домой, написал нам: «От всей души благодарю вас за доброту и помощь... Выбор свой (поступить в семинарию) я сделал у вас в скиту. Я молился преп. Герману, и вот из семинарии пришел положительный ответ на мой запрос. Знаю,

что не достоин такого призвания, но да поможет мне Бог исполнить Его святую Волю». Отец Герман научил его вести дневник, показал, как записывать о своей духовной жизни. В следующем письме юноша сообщал: „Я понял, что душа может умириться, когда Господь изымет тебя из мира и определит в угодное Ему место. Сколько радости я стяжал у вас в монастыре, прозрел, увидел, что так называемые заботы жизни мирской делают с душой — пленяют ее, заслоняют Бога. Вернувшись домой, увидел, сколь пагубен мир сей... Да не оставит вас Господь Своим благословением! Надеюсь, что вы умножите помощь православным последних времен, неся им истинное православное слово!"» Позже этот юноша стал иеромонахом.

Платинские отцы и их скит помогали также и монашествующим укреплять дух и надежду, особенно тем, кто по тем или иным причинам жил в миру. Один — монах из Сан-Диего, инвалид от рождения (у него бездействовали руки). Тихая и смиренная душа эта несла свой крест безропотно и терпеливо. На третий день в монастыре ему показали только что построенную келью в лесу. Там, записал о. Серафим, «укрепились наши узы дружбы и единодушия, и монах стал нашим братом, хотя и продолжал жить в миру».

Порой скит навещали целыми семьями, как водилось встарь в истинно православных странах. На протяжении всей истории, когда семьи обосновывались вблизи монастырей, это порождало множество забот и волнений: понятно было желание мирян вкушать плоды монашеской покойной жизни и не отказываться от семейных утех жизни мирской. Часто это смущало и самих монахов, их тоже вдруг тянуло вкусить «сладостей мирских», что по сути означало смерть монашества, исход из обители, которая прекращала существование.

К счастью, у платинских отцов такой заботы не возникало. Тому способствовала строгость их жизни. И здоровое, плодотворное общение братии с семьями паломников продолжалось. В 1974 году в день поминовения преп. Германа за трапезой один из гостей встал и сказал от лица своей семьи и от лица всех паломников, бывших в ту пору в ските, что они все «живут мечтой о следующей встрече с отцами и дорожат каждой минутой, проведенной в скиту».

Те же чувства питали к скиту и Андерсоны. Когда они приехали в Платину в третью годовщину кончины своей дочки Маргариты, о. Серафим отметил в дневнике: «Им так не хочется уезжать, вот до чего крепки наши узы».

Были среди паломников и те, в которых угасла искорка духовности. О двух молодых православных, приехавших в скит на несколько часов из Сакраменто, о. Серафим написал следующее: «Вот типичный пример «потерянности» нынешнего поколения. Просто «числиться православными» мало, люди привыкают к вере, перестают ценить дарованное им свыше. Паренек помладше хотел было задержаться у нас на несколько дней, но убоялся. Может, недолгое знакомство с нашим скитом поможет им вернуться к истинной вере. Я побеседовал с ними, мы вместе пропели канон Богородице».

Другой паломник пребывал в подобном же состоянии, но по иным причинам. Он недавно приобщился Православия, прежде увлекался восточными религиями и даже провел несколько месяцев на горе Шаста (в ста милях от Платины) — центре оккультных учений. Потом полтора года пробыл в Бостонском монастыре и, наконец, женился. Как отмечал о. Серафим в летописи, «изначально человек этот приехал в Калифорнию, чтобы вновь посетить Шасту, навестить приятелей по увлечению оккультизмом, но, увы, никого не нашел. Ему хотелось «осесть» в каком-нибудь городке, но он понимает, что это — несбыточная мечта, а не трезвая мысль. Он, похоже, совсем «выдохся»: полностью подчинившись «старцу», потерял себя. Наши «провинциальные» православные семьи в Калифорнии куда благополучнее духом».

Таков пример неправильного наставничества в Православии. Нагляден также пример монаха-католика, безропотно принявшего все новые веяния 2-го Ватиканского Собора. Был он добр и щедр — истинный христианин, однако о. Серафим подметил, что «нет огонька в истомленной душе», будто кто-то сказал: «Всё, война окончена! Ты побежден!»

Отцы как могли старались возжечь потухшую искорку в душах. Но они не насиловали волю людей, не пытались наполнить «новым вином старые мехи». К примеру, один из паломников так и уехал, вроде бы не проявив ни к чему интереса. Отец Серафим написал: «Мы и не старались воспламенить его душу, по опыту знали, что человек должен сам, без давления извне, сделать выбор, тогда польза будет несомненная».

Мы уже убедились, что более всего о. Серафиму тошно становилось от людей поверхностных, «нахватавшихся вершков», но мнивших себя умнее мудрецов. Такие в Православии долго не задерживаются.

29-го августа 1975 года скит посетили трое англиканских монахов. Годом раньше они арендовали дом и устроили монастырь. Отец

Серафим писал: «Устав у них только определяется: это смесь англиканского и бенедиктинского монашеских правил, к тому же вольно истолкованных.

Прознав, что корни гостей в «кельтском христианстве» (их предки из Англии), отцы с упоением стали рассказывать им о св. Гутберте и прочих западных святых, но скоро поняли, что ни об этих Божиих угодниках, ни — тем более! — о восточных святых гости ничего не знают.

Назавтра, в субботу о. Серафим повел их в гору, к скиту Илии Пророка, по дороге завязалась беседа. Но гости особой любознательности не проявили, вопросов почти не задавали, без особой радости воспринимали слова о том, что в Православии — ответ на их поиск, ищите и обрящете. Очевидно, им хотелось «своего христианства», равно и «своего монашества», чтобы душе было «удобно», как они сами выразились».

В трапезной они не прикоснулись к еде отцов, не стали пить их воду, даже пользоваться их ножами и вилками. Достали принесенные с собой пластмассовые коробочки со снедью. В церкви стояли особняком, бубня свои молитвы в противовес идущему богослужению.

К вечеру они объявили, что им придется уезжать ранее намеченного срока, чтобы причаститься в англиканском монастыре завтра поутру. Стало ясно, что «удобной» жизни в Православии они не увидели — слишком много оно требует от человека, «ошеломляет», как признались они сами. В субботу утром они не пришли в церковь, а провели свою службу в доме для гостей. Потом уехали: в белых сутанах (которые они сменяют либо на черные, либо на серые), с бритыми головами, наперсными крестами, в сандалиях на босу ногу — очевидные чужаки в Православии, решившие пойти «своим путем». Отец Серафим напутствовал их так: «Только, пожалуйста, не смешивайте Православие с иными учениями. Либо изучайте его, либо не трогайте вообще, ничего не заимствуя: ни икон, ни Иисусовой молитвы, ничего».

Через неделю братия получили письмо-отповедь: их обвинили в гордыни, насмешничестве, в самомнении и пр. Особенно задело гостей то, что братия почитают святым Царя!

Не послушав совета о. Серафима, они таки «взяли на вооружение» Иисусову молитву (которая, очевидно, не мешала им «удобно» жить) и даже написали о ней статью.

ИЗ-ЗА ТОГО, что «Православное Слово» так решительно и бескомпромиссно отстаивало Православие, некоторые люди просто боялись ехать в монастырь, полагая, что подвергнутся там нападкам

«правых» (по их мнению) православных. Конечно, это было досадным недоразумением, ибо отцы с готовностью помогали всякому желающему глубже укрепиться в вере, независимо от его отношения к православной Церкви. Некоторые из паломников принадлежали к так называемой «неканонической юрисдикции», т. е. их не признавали «официальные» православные Церкви, либо потому, что эти новые группы только что народились, либо — что бывало чаще — они чем-то не угодили иерархам, не уместились в прокрустово ложе «общепринятых взглядов». Если отцы видели, что их гости оказывались в таком «гонимом» положении из-за собственного упрямства, они, конечно, мало чем могли помочь. Но если участь гонимых зависела от обстоятельств (например, непонимание со стороны чуждой духовной верхушки или собственное непонимание православных традиций), отцы давали всё, что было в их силах. Некоторых паломников так притесняли и гнали, что, слушая их рассказы, отцы скорбели всем сердцем. Один из них, священник «неканонической юрисдикции», остался с приходом лишь в пять человек. «И он не знает, что делать, — писал о. Серафим, — то ли оставаться священником, а на жизнь подрабатывать в каком-нибудь отделе социального обеспечения, то ли «стать монахом», то ли еще что. Он изголодался по общению, по хорошему разговору с теми, кто испытал нечто подобное. И мыслями, и духом он чувствовал себя одиноким. В Бостоне и Джорданвилле он уже побывал. С «Православным Словом» познакомился в 1970 году в нашей книжной лавке, его тогда привлек портрет Царя Николая II на обложке — теперь такой же висит у него на стене, и батюшка чтит Царя Николая как мученика. Дух Платины его, похоже, растрогал, однако одному Богу известно, что ждет его в будущем. На меня он произвел благоприятное впечатление — он истинный, честный американец, в душе его может укорениться Православие. Но лишь Богу известно, осуществится ли это».

Куда менее обнадеживали о. Серафима те, кто пребывал в «официальных, «правильных» Церквях — в них он видел больше самонадеянности и гордыни. Сознавая свою «правильную линию», они не ведали страданий изгоев. Об одном паломнике, поступившем в семинарию, он написал: «После лет, проведенных в Американской Митрополии, обретя ее образ мышления, он стал ревностным слугой … Синоду*, мы же видим в нем лишь самомнение, он совершенно не чувствует пульса жизни нашей Церкви сегодня».

---

* Другими словами, Русской Зарубежной Церкви.

Помимо искателей духовности забредали в скит и те, кто пытался найти просто нормальную жизнь: наркоманы, бывшие преступники, люди психически неуравновешенные, потерявшие себя в этом мире, не умеющие к нему приспособиться. Всемирный каталог подсказал и им путь к монастырю, впрочем, много было гостей и из православных семей, прихожан православных церквей.

«Не здоровые имеют нужду во враче, но больные» (Мф. 9:12). Господь проводил много времени, наставляя изгнанных и отверженных, а мир платил ему непониманием. Так и платинские отцы много сил и времени отдавали, чтобы вдохнуть силы и надежду изгоям общества. В начале монастырской жизни о. Серафим предвидел, что к ним потянутся больные духом и телом, во многом из-за того что больно́ само наше время и из-за того что религия исцеляет. Потому увечные и толкутся у храмов. Отец Серафим даже подумывал: а не в этом ли особое призвание Братства преп. Германа? Ему вспоминалось, что храм возле книжной лавки величался иконой Богородицы «Всех скорбящих Радосте». Он также проводил сравнение меж трудами Братства и его основателя — блаж. Иоанна: он тоже привлекал и врачевал души многих неблагополучных людей, зачастую их направляли к нему другие иерархи Церкви. Но о. Серафим понимал, сколь опасно Братству общаться с таким «контингентом», и поэтому решил не привлекать их как-то особо. «Но уж если пришли, мы обязаны им помочь всемерно. Кто знает, может, наше Братство — не своими силами, конечно, ибо мы в этом талантов особых не имеем — сделается последним прибежищем для тех, кто не нашел его в таких «нормальных» обителях, как монастырь Святой Троицы в Джорданвилле.

Да, мы не наделены ни талантом врачевания, ни знаниями психологии или духовным прозрением. Всё, что мы можем дать, — это наш труд на винограднике Божием, Истину Православия — тем, кто готов ее принять. Работа, молитва до изнеможения не позволят дьяволу свободно вторгнуться в нашу душу, и ему придется прибегать к средствам более грубым (пожар или стихийное бедствие, которое порушит всё нами созданное) и прямолинейным, с чем также прямо можно и бороться».

Подвиг помощи бедствующим редко вознаграждаем, а иногда — когда встречаешь нрав свирепый — и опасен. Но долгие годы, проведенные о. Серафимом в одиночестве и страдании, обострили его чуткость к тем, кто пострадал от жизни. Ведь он сам познал, что значит быть если не изгоем, то чужаком в обществе.

Все приходящие к нему в страдании чувствовали: он найдет для них время. И о. Серафим жертвовал отдыхом, драгоценным уединением, засиживался в церкви после вечерних служб с какой-нибудь заблудшей душой при скудном свете свечей.

Однажды погостить неделю-другую к ним приехал из другого монастыря человек, по словам о. Серафима, «душа неспокойная и помраченная», с глубокой раной в сердце, но с личиной непроницаемости. Послушания он выполнял как робот, иной раз вскрикивая, оттого что «бесы бьют».

— Что будем с ним делать? — недоумевал о. Герман.

— Я займусь им, — ответил собрат.

Отец Серафим пытался «разговорить» гостя, но лицо того словно окаменело, жесты однообразны, как у механической куклы, ответы односложны. Через два дня удалось добиться от него живого человеческого отклика: он улыбнулся. Но потом вдруг сбежал, оставив чемодан и несколько книг. Напрасно ждали его отцы: беглец так и не вернулся. «Один Бог знает, как помогать таким, — с тяжелым сердцем писал о. Серафим. — Но если подобные ему будут приезжать, мы должны попытаться сделать всё».

Иные приезжали в Платину после встречи с отцами в миру — тем изредка приходилось отлучаться из монастыря. Вот характерный пример. Как-то весной 1974 года молодой бородач по имени Гэри сидел в публичной библиотеке города Рединга. Было ему 23 года, он возвращался из Мехико в Вашингтон — из очередного скитания в поисках смысла жизни, на что потратил пять лет. Все его пожитки — рюкзак, оставленный на автобусной станции, да пакет с бананами (кто-то из жалости сунул ему в магазине). Денег у него почти не осталось. Он понуро подпер голову руками, облокотившись на стол: видно, ни одна из прочитанных философских и религиозных книг не дала ответов на его вопросы.

Минут через десять он увидел длинноволосого и долгобородого человека в поношенной черной рясе — тот прошел к стеллажам и начал просматривать книги. На вид он был еще беднее, чем Гэри. Тогда Гэри подошел, протянул ему пакет с бананами: «Для вашей общины или, может, вы ее по-другому как называете».

Отец Серафим поблагодарил, отобрал книги и пошел прочь. Уже на улице его бегом нагнал Гэри. Мог ли он знать, что человек в черной рясе четыре дня назад отпраздновал Пасху, и радость Воскресения Господня всё еще пребывала на нем? Отец Серафим вспоминал:

«Поговорив с ним несколько минут, я убедился в его искренности. Ночевать ему было негде, и я пригласил его к нам, пусть поживет несколько дней, наберется азов Православия. Он сразу согласился и прожил у нас до воскресенья, посещал все службы, читал, работал, с открытым ртом слушал всё, что мы рассказывали о Православии. До этого он пребывал в отчаянии и был буквально потрясен, найдя людей, которые еще верят в Бога, верят искренне. Пасхальные песнопения тронули его сердце, и он попросил разрешения подпевать «Христос воскресе из мертвых». Он уехал от нас, до конца не осознав, какой переворот произошел у него в душе, но мы-то видели — лучик света коснулся его сердца».

Прощаясь с о. Серафимом на автобусной станции, Гэри заплакал. «Не знаю, что со мною будет, — сказал он, — но вы заронили надежду, и я так вам благодарен, что вы навели мост меж моей душой и Иисусом Христом».

Днями позже о. Серафим продолжил записи о Гэри: «Почему-то у меня к нему доброе, хорошее чувство, такие «обыкновенные» американцы тянутся к Православию, сами того не сознавая... Да благословит его Бог. Как я сказал Гэри, за пакет подаренных бананов он может стяжать Царство Божие!

Невольно вспоминаю слова Спасителя о Нафанаиле: «Се воистину израильтянин, в нем же лести нет». Таков же и истинный американец: честный, прямодушный, простой, который принимает Святое Православие естественно. И жатва на этой почве только-только начинается. Несомненно, «православных американцев» будет немного, но, воистину, именно лучшие сыны Америки жаждут услышать добрую весть Православия...

Встречая таких «сторонних» людей, как Гэри, кого Православие ошеломляет, начинаешь еще более ценить те сокровища, которыми мы, недостойные, обладаем и которыми нам нужно щедро делиться»[2].

72
Курс православного выживания

Но в том-то и заключается главное отличие православнаго мышления, что оно ищет не отдельныя понятия устроить сообразно требованиям веры, но самый разум поднять выше своего обыкновеннаго уровня, стремится самый источник разумения, самый способ мышления возвысить до сочувственнаго согласия с верою.

Иван Киреевский[1].

Летом 1972 года отцы, дабы преподать своим паломникам основы Православия, устроили трехнедельные курсы под названием «Ново-Валаамская Богословская Академия», в честь Нового Валаама — поселения преп. Германа на Аляске. Первыми студентами стали четверо молодых новообращенных. Отец Герман произнес вступительное слово о том, как избежать «шараханий», столь типичных для только что обретших Православие, и получать Православие во всей его полноте.

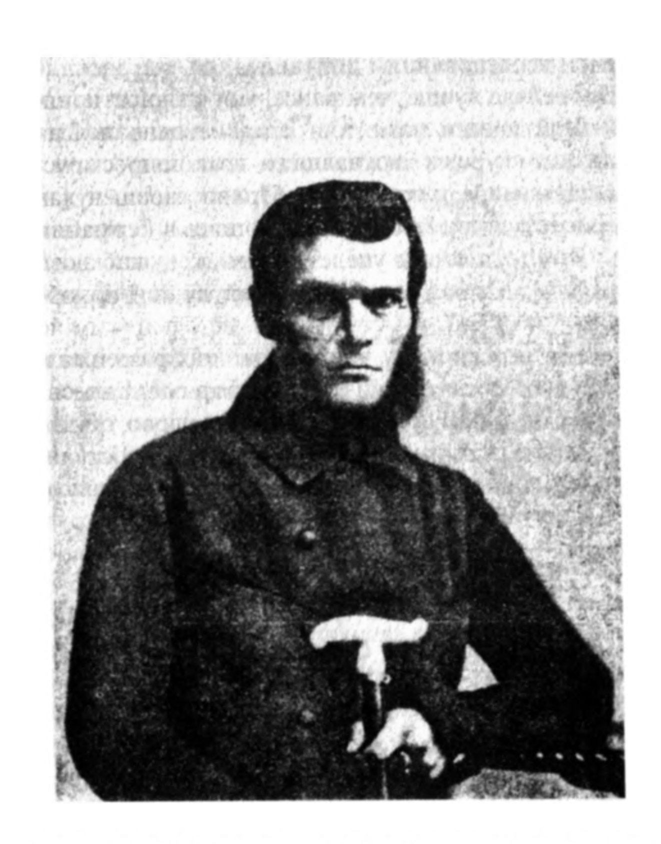
Далее в течение трех недель о. Герман вел занятия по пастырскому богословию, по литературе — «очень наглядно», по отзыву о. Серафима, который, в свою очередь, прочитал лекции о развитии западной философской мысли, начиная с великого раскола Церквей и до наших дней. По просьбе «питомцев» Алексея Янга, все лекции были записаны на магнитофонную ленту, всего получилось 17 часов записей. К каждой лекции или беседе о. Серафим составлял подробные тезисы, привлекая огромный исторический и философский материал и собственные исследования из работы «Царство человеческое и Царство Божие». Теперь

этот плод созрел: к ранним исследованиям добавился опыт православной жизни. Отец Серафим сейчас лучше, чем ранее, мог изложить свои знания так, чтобы они практически помогали современным людям. Курс своих лекций он назвал «курсом выживания», поскольку считал: чтобы выстоять в нынешнем мире и не утерять Православия, нужно хорошо знать всякое вероотступничество, прозреть, почему современный мир таков, как есть. Для того чтобы уцелеть самому, нужно знать уловки врага. Отец Серафим называл свои лекции также «курсы православной самообороны».

Один из его студентов вспоминает, как вскоре после крещения попал на лекции: «Каждый день послушники и паломники собирались в Царской часовне, затаив дыхание, боясь пропустить хоть слово, слушали о. Серафима. Говорил он не сухо и не цветисто, а просто, доступно каждому, неторопливо, обдумывая каждое слово. Нам также предписывалось изучать и *светские* источники. Мы ездили в библиотеку округа Шаста и брали немало книг».

Во вступлении к лекциям о. Серафим указывал: «Наше время вообще опасно, а для вступающих в Православие — вдвойне, так как очень легко впасть, грубо говоря, в «духовное обезьянство», т. е. внешне во всём подражать православным, даже гордиться своей «сверхправильной» позицией, а в душе оставаться неизменным, не возрастая в вере, а принадлежа в основном миру сему, который зиждется на антихристианстве. А коль скоро люди эти не возрастают в вере, то и не видят, в каких отношениях истинное Православие с миром сим, за который они цепляются. Но уж если серьезно принимать Православие, то до конца, без оговорок, оно должно объять все сферы жизни. Иначе, Православие — всего лишь очередная религиозная секта, отличная от других (например, мормонов) только внешними атрибутами. Взглянув на все эти секты, убеждаешься, что они все на одном и том же уровне, им недостает глубины и различие их — только в вероучениях. Если Православие такая же секта, то оно не истинно. Но именно потому, что Православие есть Истина, оно способно в корне изменить человека. Впрочем, чтобы дойти до такого обобщенного понимания Православия, нужно постоянно развиваться, постигая его вглубь и вширь…

Предлагаемые лекции осветят наиболее важные философские течения. Мы поговорим о самых значительных фигурах западной мысли, кто помог сформировать современное мышление. Не знай мы всего этого, при всей нашей православности можем угодить в беду, ибо каждый из нас погружен в водоворот философских течений, формиро-

Иван Киреевский (1806-1856). Эта фотография висела над рабочим столом о. Серафима.

вавшихся 8-9 веков, и, не зная их истории, не распознать, как они влияют на тебя, какое из них истинное, а какое ложное. Следует подходить к ним очень и очень непредвзято, ибо даже в простом «православном фундаментализме», приверженец коего твердит: «Вот, во что я верю, а всё остальное — зло», сокрыта большая опасность: неосуществимо — жить в мире и не соприкасаться с ним, ведь ваши дети ходят в школу, вы читаете газеты, общаетесь с людьми, у которых разные убеждения и вера, даже у некоторых наших единоверцев, возможно, нет четкого представления, во что они верят. И если не иметь правильного представления о происходящем в мире, незаметно для вас в ваше Православие будет привнесен вкус разных новомодных идей. Вы по воскресеньям будете ходить в церковь, а в будни жить по совсем другим меркам, что приведет к катастрофе... Чтобы избежать ее, последуем совету св. Василия Великого и начнем выбирать из мира крупицы мудрости, там, где она есть, глупость же отметать, твердо зная, почему это глупость».

Стараясь привить своим ученикам православное понимание современной западной цивилизации, о. Серафим опирался на работы своего предшественника, также изучавшего этот вопрос, русского философа XIX века Ивана Киреевского. «Будучи взращен как мыслитель на Западе, — писал о. Серафим, — проучившись в Германии у самых передовых философов, Киреевский, конечно же, «насквозь пропитался» западным духом, а затем искренне, всей душой приобщился Православия. И сразу заметил, что совмещать одно с другим не удастся. Он задался целью понять, почему взгляды эти так разнятся и каков ответ должна дать душа, поставленная перед выбором». Киреевский был не просто философ, он также нес живую православную традицию, непосредственно связанную с духовным наследием преп. Паисия Величковского, сам он являлся учеником старца Макария Оптинского, а его жена была духовной дочерью преп. Серафима Саровского.

Обширно цитируя работы Киреевского, о. Серафим проследил развитие современного вероотступничества: с Великого церковного раскола до современной философии Запада. И доказал, что внешний, неглубокий рационализм берет верх над внутренним постижением сути вещей. Когда Рим принадлежал ко Вселенской Церкви, пристрастие католиков к сухой логике еще удавалось сдерживать. Но когда Рим отошел от Православия, логика окончательно возобладала, что повлекло за собой целую систему заблуждений и ошибок, не позволявшую разглядеть истины, не вмещавшейся в рамки логики.

Киреевский писал:

«С этой точки зрения для нас становится понятным, почему западные богословы, со всею рассудочною добросовестностью, могли не видеть единства Церкви иначе, как на наружном единстве епископства; почему наружным делам человека могли они приписывать существенное достоинство; почему, при внутренней готовности души и при недостатке этих наружных дел, не понимали они для нее другого средства спасения, кроме определенного срока чистилища; почему, наконец, могли они приписывать некоторым людям даже избыток достоинства наружных дел и вменять этот избыток недостатку других, тоже за какие-нибудь наружные действия, совершенные для внешней пользы Церкви (система индульгенций и принцип «избытка деяний святых» Римской Церкви)»[2].

Отец Серафим высказал такое предположение: на протяжении всей истории дьявол использовал разные умозрительные теории и модели, чтобы «протащить» вероотступничество. Взгляды католической Церкви подходили для этой цели: «Оторвавшись от Право-

славия, католичество оказалось предоставленным самому себе и начало развиваться по своим принципам. Оно породило новую философию, которая, набрав силу, теперь захватила весь мир».

Огромные изменения произошли в Средневековье — эпоху, как считал о. Серафим, порожденную исключительно в западноевропейских условиях. Ни христианские страны Востока (Византия или Россия), ни Индия, ни Китай такой эпохи не знали. Древняя цивилизация там, управляемая «доморощенными» мирскими идеями, сменилась современной — господством идей Запада.

Средневековая схоластика «разложила по полочкам» всё христианское учение, подчинило его логике. Отец Серафим отмечал, что «*логичность* стала главным мерилом истинности, живые источники веры — вторичным. Под влиянием таких взглядов западный человек утерял и живую связь с Истиной. Христианство, низведенное до логической системы, стало порождением человеческой мысли... По сути, это — попытка человека своим разумом создать *нечто лучшее, чем христианство.* Таково, например, Ансельмово доказательство бытия Божия. Ансельм явно «мудрее» святых Отцов древности».

КИРЕЕВСКИЙ писал: «Римская Церковь ... отпала от истины только потому, что хотела ввести в веру новые догматы, неизвестные церковному преданию и порожденные случайным выводом логики западных народов. Отсюда произошло то первое раздвоение, заложенное в основу западного вероучения, из которого развилась сперва схоластическая философия внутри веры, потом реформация в вере и наконец философия вне веры. Первые рационалисты были схоластики»[3]. «XIX век завершил процесс «развития», начатый в IX веке», — подытожил о. Серафим.

Этого основного тезиса и придерживался о. Серафим в своих лекциях. От Средних веков он перешел к эпохе Возрождения, когда мерой всему ставился человек, «научный метод» схоластов заменялся новым. Потом наступила пора Просвещения, пора безудержной (и безосновательной) веры в беспредельные возможности человеческого разума. Но в конце концов и эта теория заходит в тупик, развенчанная Юмом и Кантом, они подвергли уничтожающей критике «чистый разум» — сам по себе он существовать не может. Всякая «истина» субъективна. Так, на протяжении веков западный человек ниспровергал Бога, ставя на его место новое божество — человеческий разум, и в результате остался ни с чем, наедине с собой. Никаких абсолютных мерок долее не существует: всё относительно. Отсюда — расцвет экзис-

тенциализма и нигилизма, они-то и сформировали нынешнюю эпоху, «постпросвещенческую», которую о. Серафим назвал «эпохой революций».

Уделял он внимание и другим вопросам в своих лекциях. Когда в Средние века христианство стали низводить до чисто внешних ритуалов, до человеческого уровня, естественно, и Царствие Божие виделось как «рай на земле», т. е. как трактует его хилиазм. Спустя несколько веков после Великого Раскола Иоаким Флорентийский начал проповедовать грядущую «третью эпоху Святого Духа» на земле. Его взгляды и послужили богословским фундаментом раннего францисканства. Во времена протестантской Реформации хилиазм проявил себя в фанатических сектах, возвещавших о «тысячелетнем Царствии Бога на земле», таких, как анабаптисты: они основывали коммуны, упраздняли частную собственность, насаждали свои взгляды силой, уничтожая непокорных, и затем выставляли тела убитых на всеобщее обозрение. Они величали свое поселение Новым Иерусалимом и утверждали, что живут в «третьей эпохе торжества святых».

В век Просвещения упования хилиастов разошлись с упованием на Бога. Так идея управления Божьего сменилась на идею социалистическую. Отец Серафим подробно рассказывал на лекциях о хилиастах XVIII века, пророках утопического социализма: об Оуэне (мечтавшем об упорядоченном, дисциплинированном и высокоморальном обществе, где будет упразднена семья), о Фурье (призывавшем к свободному развитию человеческой натуры через безудержное удовлетворение страстей, что, по его мнению, и приведет к созданию рая на земле, где люди будут жить до ста сорока четырех лет), о Сен-Симоне (взяв за идеал принципы масонства, он грезил будущим, где религиозные и национальные препоны будут уничтожены).

В XIX веке хилиазм проявился в коммунистических идеях Маркса и Энгельса. Они полагали свое учение «научным», по сути же оно было совершенной утопией. В XIX веке снова заговорили о «тысячелетнем Царстве Божием на земле», снова подняли голову «анабаптисты»: сначала в лице Ленина, потом — Гитлера, он даже провозгласил «тысячелетнее господство Рейха».

Другое важное направление в истории вероотступничества — поиски всемирной, вселенской монархии. Отец Серафим писал: «В XIII веке такие упования возлагались на Папу Римского — ему должна принадлежать вся земля в мире, поскольку он здесь «наместник Христа». И он уже якобы должен распределить землю меж собственниками. Эта точка зрения достигла своего высшего выражения на праздновании 1300 года в Риме, когда папа Бонифаций VIII воссел на

трон Императора Константина, надел корону, взял скипетр, меч и воскликнул: «Я — кесарь, я — император!» То была не просто эксцентричная выходка, а выражение исподволь вызревавших взглядов, поиск вселенского монарха, коим будет антихрист».

Мы живем в «эпоху революций», и естественно, ей о. Серафим уделил больше времени, чем всем остальным. Целую лекцию он посвятил французской революции, обнажив ее корни в философии Вольтера и Руссо, в масонском движении и в Просвещении. В другой лекции он подробно рассказал о том, как отнеслись к разрушению старого порядка исторические личности консервативного толка: на Западе — де Мэстер, Донозо Кортес, в России — Николай I, Александр II, Победоносцев, Достоевский. В следующей беседе он коснулся работ философов-революционеров Бакунина, Прудона и революционных движений XX века.

Заключительные лекции, равно и заключительную часть «Царства человеческого и Царства Божия» он посвятил анализу «новой религии». Коснулся новых философских учений, отпочковавшихся от «неосубъективизма», после того как идол эпохи Просвещения — разум — оказался несостоятелен и все философские системы зашли в тупик. Рассказал и о «религиозной» философии эволюционализма, о ее «христианских» глашатаях. Наконец, он указал иные проявления нигилизма и хилиазма (о. Серафим назвал их главной заботой сегодняшнего дня): упадок искусства и архитектуры, их отход от гуманизма к субгуманизму; увеличение числа «явлений поднебесного мира», хилиастические «предсказания» Тейяра де Шардена, Федорова, Бердяева, Генри Миллера.

Конечно, по короткому общему обзору лекций нельзя полностью оценить тщательнейший, подробнейший сравнительный анализ идей, учений, исторических событий, политических деятелей — всю ту огромную работу, которую проделал о. Серафим. Мы даже не назвали всех тем его лекций, таких как «Деградация искусства», «Жития святых», «Понятие святости в Средние века», «Возрождение язычества, астрологии, алхимии, колдовства и суеверия», «Понятие «личной славы» и становление его в эпоху Возрождения», «Зарождение современной науки», «О мистицизме и его «всплеске» во времена Просвещения», «Идея вселенской машины Ньютона и Декарта».

Курс о. Серафима по глубине и охвату материала годился для любого университета и более того — давал то, что не в состоянии дать ни один университет. Отец Серафим говорил своим слушателям: «В нынешних университетах немало людей ученых, этаких «ходячих эн-

циклопедий», однако все знания разрозненны, они не сводятся воедино. Мы многого не знаем. В таком случае важнее не торопиться, не хватать крупицы знаний на лету, лишь бы что-то схватить. Всякому знанию дóлжно задать направление...

Сегодня в светском образовании этот принцип забыт: в университете вам дадут обрывки знаний из разных областей, на разных факультетах. А сама мысль, что надобно свести все знания к одной первопричине, кажется устаревшей, едва ли не средневековой, этаким атавизмом. Вот и растят университеты «узких» специалистов, которые не понимают ни цели, ни взаимосвязи всего сущего в мире. Некоторые, ныне, увы, уже ушедшие от нас преподаватели Джорданвилльской семинарии, личности истинно великие, помнили об этом краеугольном принципе. И нам следует научиться у них, как составлять свое мировоззрение, как подчинить все наши знания одной, главной цели. Цель эта — Православие, что по сути есть путь ко спасению души».

Такой взгляд на обучение в современном университете для православного христианина — вопрос жизни и смерти. К примеру, студент, не обладающий православным взглядом на историю, будет в растерянности, когда профессора скажут ему, что в современном экологическом кризисе виновата «христианская цивилизация». И невдомек ему будет, что не христианство, а именно отход от него Запада и повлек сегодняшние природные катаклизмы (и отход от этого начался с безграничной веры в логику и разум и закончился «механистическим» мировоззрением Декарта). Отец Серафим пояснял: «Современная наука (со времен Возрождения) есть плод экспериментов алхимиков, астрологов и чародеев. Новый научный мир — это мир Фауста, мир колдовства, и современная нам наука сохраняет этот дух. В результате открыта необузданная энергия атома, чему порадовались бы алхимики времен Возрождения: они мечтали о такой энергии. Цель современной науки — возобладать над природой. Декарт, сформулировавший «механистическую» теорию, говорил, что человек должен стать хозяином, повелителем природы. Вот какая религия подменяет ныне христианство».

В КОНЦЕ «летнего семестра» о. Серафим отметил: «Четверо учащихся Богословской Академии Нового Валаама провели проповеди в скиту на заданные темы из Евангелия. Занятия окончены, сегодня днем «выпускные испытания», затем исполнение увертюры «1812 год» П. И. Чайковского. Занятия наши, несомненно, пошли на пользу. Теперь полученные знания нужно применить в жизни».

В письме к Алексею Янгу (он прислал о. Серафиму для ознакомления свою статью об Иване Киреевском для журнала «Никодим») о. Серафим более подробно рассказал о том, какой отклик вызвали его лекции: «Прилагаю статью о Киреевском. Прочитал. Отлично! То, что сейчас нужно! Вчера мы читали ее перед слушателями нашей летней Богословской Академии Нового Валаама. Она пришлась как нельзя кстати, подытожив несколько моих лекций об основных течениях западной философской мысли от Франциска Асизского до Тейяра. Между прочим, о последнем они знают по нашей статье о «христианском эволюционизме» и отнеслись к нему — все как один — с крайней неприязнью, считая его главным виновником западного вероотступничества. Самый больший отклик, пожалуй, получила наша беседа о консервативных течениях XIX века, мы касались таких личностей, как Николай I, Достоевский, Константин Победоносцев. Студенты узнали много нового, особенно Кристофер: наши лекции заменяют ему образование в колледже и весьма воодушевляют его. Да и я, читая курс, привел свои мысли в порядок».

В 1977 году Ново-Валаамская Богословская Академия снова привечала студентов, и с тех пор каждое лето занятия там стали традицией. Желающих всё прибывало, но сам курс лекций сократился почти вдвое. Громкое имя «Академия», «выпускные испытания», красиво оформленные «дипломы» — всё это придумал о. Герман, но, конечно, не помышлял всерьез о статусе учебного заведения. Однако еще при жизни о. Серафима не менее десяти выпускников Академии (в большинстве новообращенные) были рукоположены во священство без какого-либо формального документа об их богословском образовании. Даже архиепископ Антоний, весьма щепетильный в вопросах формальных (все священники его епархии должны были подтвердить свои богословские знания), благосклонно относился к дипломам Академии. Как-никак, тоже документ!

В конце каждого «семестра» отцы подчеркивали, что дипломы, полученные студентами, никоим образом не означают завершения православного образования, а наоборот — свидетельствуют о начале. Всю жизнь будут они утверждаться в преподанных истинах, понесут их дальше в своей христианской деятельности. Многие паломники, понятия не имевшие о Православии, посетив монастырь, уходили в мир с твердым намерением приносить плоды на ниве миссионерства.

После кончины о. Серафима Академия продолжала работать, выпустив сотни слушателей, более 50-ти из которых теперь священнослужители. И скольких еще людей приобщит к себе Летняя школа, начатая в далеком ныне 1975 году. Вскорости выйдут в свет лекции и

магнитофонные записи бесед о. Серафима, его «Курс православного выживания». Те, кому посчастливилось прочитать рукопись, не остались равнодушными.

Возможно, и сам о. Серафим не предполагал, сколь важным окажется его начинание. Если сослаться на мнение прочитавших рукопись готовящегося к изданию курса, эти летние занятия, изначально призванные «помочь собраться с мыслями» четверым студентам колледжа, — одно из самых больших достижений о. Серафима.

73
Тщедушие

Если же кто, не имея молитвы, принуждает себя к одной молитве, чтобы иметь ему молитвенную благодать, но не принуждает себя к кротости, к смиренномудрию, к любви, к исполнению прочих заповедей Господних, и не заботится, не прилагает труда и усилия преуспеть в них; то, по мере его произволения и свободной воли, согласно с прошением его, дается ему иногда отчасти благодать молитвенная, в упокоении и веселии духа, но по нравам останется он таким же, каким был и прежде. Не имеет он кротости, потому что не взыскал труда и не приуготовил себя соделаться кротким; не имеет смиренномудрия, потому что не просил и не принуждал себя к тому; не имеет любви ко всем, потому что прося молитвы, о сем не позаботился и не показал усилия. При самом занятии делом, не имеет веры и упования на Бога; потому что знал себя, и однакоже не приметил, что не имеет у себя этого, и не потрудился со скорбию взыскать у Господа твердой веры в Него и истинного упования на Него.

Кто останавливается на своей только праведности, и думает сам себя избавить, тот трудится напрасно и вотще. Ибо всякое самомнение о праведности своей в последний день сделается явным, якоже порт нечистыя, как говорит пророк Исайя: бысть вся правда наша, якоже порт нечистыя (Ис. 64:6).

Св. Макарий Великий[1].

В ПРОШЛЫХ главах мы коснулись такого губительного для монашества явления, как «самонадеянность». Тесно связано с ним и

другое, прозванное о. Германом «тщедушием». Однажды, в какой-то знаменательный день о. Герман прочитал монастырской братии целую лекцию об этом. Смысл ее сводился к следующему:

«Мы, как христиане, должны откликаться на зов Господа в *простоте*, даже если это идет вразрез с нашими желаниями. Поступать так мы должны во имя *любви*.

Противовес этому — холодный расчет. Некоторые приходят в монастырь в поисках духовности, но *на своих условиях*. Они взвешивают, сравнивают, рассчитывают, подходит ли им эта духовность, и берутся решить сами, не доверяясь Богу. Они непременно хотят сохранить свою «личность», не понимая, что таким образом теряют ее. Что говорил Христос? *Сберегший душу свою потеряет ее, а потерявший душу свою ради Меня сбережет ее* (Мф. 10:39).

Тщедушные боятся потерять душу свою ради Христа, боятся брать на себя обязательства, боятся выказывать любовь или делить ее с кем-либо. Горька их участь, ибо они несвободны. Свобода есть любовь. А нет любви, нет и свободы.

Если человек не реагирует в простоте сердца, руководствуясь любовью ко Христу и ближнему, он черствеет сердцем и замыкается в узкой «личной» духовной жизни, что по сути еще одна разновидность самодовольства и самодостаточности. Такой человек дорожит своими «духовными взглядами»: он сам знает, какие подвиги ему исполнять, как проводить церковную службу, как следовать церковным канонам, как устроить монастырскую или приходскую жизнь, на что употребить деньги, к какой «политической» группировке в церкви примкнуть, как следует работать и вести себя «истинно верующему» и пр. И это ужасно, ибо такой человек более не слышит Бога. И если такое продлится, то получается нечто совсем уж чудовищное: человек начинает принимать собственные суждения за глас Божий. И уж тогда никто ему не указ.

Упаси Бог, если такой человек начнет творить Иисусову молитву! Она станет еще одной стеной, за которой он будет лелеять свою «праведность». И так, затворившись в каморке собственных страхов — «как бы чего не вышло», — он отчуждается не только от действительности, но и от Бога. Господь стучится к нему в каморку, но самоупоенная душа не хочет «лишних» хлопот и забот».

Отец Герман привел также примеры тщедушия, некоторые он намеренно преувеличил до карикатуры, дабы не бить слишком больно некоторых братий. Отец Серафим слушал и понимал, что его сотаинник касается самых простых, самых жизненных вопросов не только ради монашествующих в скиту, но ради всех современных искателей

духовности. Он улыбался забавным гротескным примерам, угадывая прототипов. Иной раз посмеивался и над собой, ибо о. Герман указывал черты, присущие самому о. Серафиму. Он понимал, как легко сокрыться под личиной «духовности», используя ее как предлог, чтобы избежать боли, уязвимости, необходимости жертвовать из любви. Да, частичку «тщедушия» о. Серафим углядел и в себе, ее нужно уничтожить. А изничтожая тщедушие в себе, он готов был помогать в этом и другим. Он хотел гореть, а не тлеть в вере. И хотел видеть в своем маленьком монастыре пламенную христианскую любовь, а не мертвый костяк организационной формы. Конечно, важна и нужна форма, это также ступеньки наверх, к Раю, но они — не в помощь, если сердце восходящего по ним не пронизано любовью и покаянием.

Глубоко в сердце о. Серафима запали слова о. Германа. Сколько раз еще вспомнит он их в своих работах и в беседах с братией в скиту. В 1977 году на день св. Патрика, к примеру, он поведал собравшимся в трапезной паломникам и братии, как распознавать в себе «поддельную духовность». Начал он с рассказа из жизни Братства на заре его существования: «Жил в Сан-Франциско человек, возгоревшийся Иисусовой молитвой. По утрам он повторял ее раз за разом, всё больше и больше, и дошел до пяти тысяч раз. Чувствовал себя распрекрасно и вдохновлялся своим подвигом: среди мирской суеты, прямо со сна, не поев не попив, он пять тысяч раз твердил Иисусову молитву, стоя на балконе. Однажды во время моления кто-то начал возиться прямо под балконом, тем самым отвлекая молящегося! И кончилось тем, что тот, не завершив последней тысячи, стал швырять вниз на голову суетливца тарелки! Что можно сказать о человеке, якобы поглощенном духовностью, Иисусовой молитвой, если — не прерывая ее! — он начинает бросаться тарелками? Только то, что он не укротил страсти в душе, пребывая в заблуждении, дескать, я лучше всех знаю, что и как подходит моей «духовности». Он полагался на свое суждение, а не на трезвение души или духовные знания. И при первой же возможности страсти возобладали! В этом случае куда полезнее сделать что-нибудь простое, нежели пять тысяч раз повторять Иисусову молитву»[2].

В 1982 году, незадолго до смерти, о. Серафим вновь обратился к этой теме: сколь опасно для нашей жизни подменять волю Божию своим мнением. Была Великая среда, в этот день Православная Церковь напоминает верующим о предательстве Иуды. Отец Серафим говорил в проповеди о тщедушии Иуды, сокрытом под маской благочестия — именно это и повлекло предание Бога Живого на распятие. Прочитав отрывок из 26-й главы Евангелия от Матфея, о. Серафим продолжал: «Когда Господь ожидал уготованные Ему страдания, как

мы только что прочитали в Евангелии, приступила к Нему женщина с сосудом мира драгоценного и возливала Ему на голову. Показательно и удивительно трогательно, как Иисус принимает любовь простых людей. А Иуда — один из 12-ти бывших с Ним учеников, — глядя на такое «расточительство», уже замышлял свой план. Ведь он отвечал за казну 12-ти и «напрасная трата» дорогого мира переполнила чашу его терпения. Логика его мысли проста: «Я думал, Христос воистину велик. А он попускает пустые траты, делает многое неправильно, сам мнит себя «великим»... и тому подобные мыслишки, нашептываемые дьяволом. Дьявол хитро использовал страсть Иуды (к деньгам) и заставил того предать Христа. Иуда не хотел предавать — он всего лишь хотел денег. Он дал волю своей страсти, не распял ее.

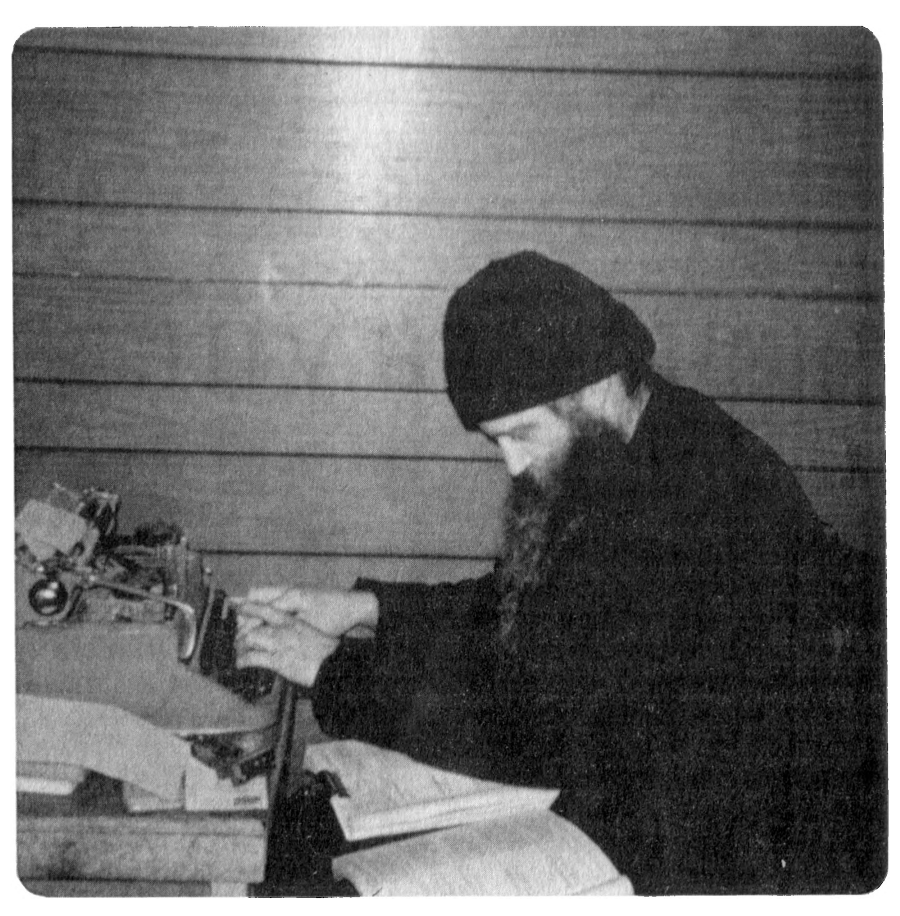
Всякий из нас может оказаться в таком положении. Нужно всматриваться в потайные уголки сердца нашего и выявлять страсти, которые попытается использовать дьявол, дабы мы тоже предали Христа. И если мы с высокомерием взираем на Иуду: дескать, вот какой мерзавец, мы бы так ни за что не поступили — то мы глубоко неправы. Как и у Иуды, сердца наши полнятся страстями. Рассмотрим же их: нас легко уловить за любовь к «порядку», «правильности», «красоте». Оказавшись у дьявола на крючке, мы начинаем искать логических оправданий — опять же под диктовку наших страстей! А найдя самые «разумные» оправдания, мы тем самым уже предали Христа. Лишь присмотревшись к себе, осознав, что мы полнимся страстями, поймем, что каждый из нас — *вероятный Иуда*! Чтобы такого не произошло, когда мы боремся и боримые страстями начинаем искать оправданий, тем самым вставая на путь предательства, нужно найти в себе силы остановиться и взмолиться: Господи, помилуй мя, грешного!

Нельзя всю жизнь рассматривать сквозь призму собственных страстей, переиначивать ее по собственным меркам — это гибель. В жизни всё нужно принимать как ниспосланное Богом, как лекарство, способное пробудить от дурманящего сна — страстей. Испросим же у Господа, что угодное Ему можем мы сделать. Услышим Его зов и уподобимся той простой женщине: не мудрствуя, она возлила драгоценное миро на голову Иисуса и за это — «где ни будет проповедовано Евангелие в целом мире — сказано будет в память ее». Уподобимся же ей — будем четко внимать знамениям Господним. А они повсюду: в природе, в наших ближних, в каких-то «случайных совпадениях». Везде постоянно нас окружают знамения воли Божией. Нам только нужно внимать им.

Обнаружив в себе страсти и научившись обуздывать их, мы предотвратим и иудино предательство в своих душах. Ведь начинал он с

малого: с заботы о «правильном» расходовании денег. И из такого малого вырастает предательство Господа нашего. Вооружимся трезвением, не станем потворствовать страстям, кишащим внутри и вокруг нас, а попытаемся узреть волю Божию, как нам сейчас, сию минуту очнуться от дурмана и последовать путем страстей Христовых и тем самым спасти свои души. Аминь»[3].

ЧАСТЬ VIII

Великий пост 1971 года. Отец Серафим за работой в монастырской трапезной, тогда еще недостроенной.

74

Уже позже, чем вы думаете

Монашество — мученичество — неминуемые страдания суть одно и то же в духовном аспекте. Просите у Бога не только наставления и помощи — просите мученичества, страданий, пути, который требует самых больших усилий, самой большой отваги от вас, дабы воспылать рвением к Богу.

О. Серафим (Роуз). Январь 1972 г.

Монах тот, кто понуждает себя.

Св. Авва Дорофей.

ПОСЛЕ КОНЧИНЫ О. СЕРАФИМА о нем стали упоминать, как о подвижнике. Хотя это и справедливо, не следует впадать в преувеличения.

Отец Серафим отличался от своего наставника, архиеп. Иоанна, взявшего на себя непосильную ношу аскезы в пище и сне. Ел Владыка Иоанн лишь раз в сутки, в полночь. Отец Серафим — дважды или трижды, вместе с братией. Спал Владыка Иоанн час-другой, не зная постели. Отец Серафим как правило спал достаточно и в обычных условиях, хотя иногда допоздна молился.

Подвиги архиеп. Иоанна доступны лишь редким избранникам Божиим. Стоит же из нас кому попробовать повторить их — и мы скоро окажемся негодными ни для какого дела вообще. Однажды еп. Савва сказал, что случись ему держаться правил жизни архиеп. Иоанна

и, не ведая отдыха, отдавать себя пастырству, он бы умер через две недели.

Уже говорилось, что все монашествующие тем не менее должны решительно отвергать «удобства», что ведет к расслаблению всей духовной и молитвенной жизни, открывает врата обжорству, плотским вожделениям, гордыне и пр. Следуя трезвым наставлениям святых Отцов, о. Серафим воспитывал себя в умеренности, т. е. брался за подвиг посильный, не мешавший ежедневным трудам. Подвиг этот был обычным делом для истинно православных монастырей, таких как Лавра Саввы Освященного, Афон, Синай или Валаам. К примеру, постель о. Серафима была типично монашеской: узкая, жесткая — две сколоченные доски без матраца. Келья — проще не придумать: дощатая ничем не утепленная каморка. Крохотная дровяная печь грела не более часа (он топил ее перед тем, как лечь спать). К утру же температура в келье опускалась ниже нуля.

За 14 лет в скиту о. Серафим ни разу не принимал ванну или душ, лишь обтирался мокрой тряпицей. Со временем длинная, почти до пояса, борода его свалялась. Раз он не мылся, скажут некоторые, то от него, должно быть, жутко пахло. Ничего подобного. Интересно, та же особенность была и у афонских монахов, где тоже следовали старинному обычаю и не мылись. Св. Никодим Святогорец объяснял «чистый запах» монахов жизнью в воздержании, в строгости и в тяжелом труде, что, по его мнению, изгоняло из тела «лишние жидкости». Писал об этом и св. Исаак Сирин: «Сладостен дух отшельника, и встреча с ним радостна всякому чуткому человеку».

Но никогда о. Серафим не насаждал свои подвижнические принципы среди братии. Никому не воспрещал принимать душ, никого в жизни не укорил за «чрезмерное усердие в еде».

ЛИШЬ ОДНА ЧЕРТА в подвижничестве о. Серафима поражала: *он ни минуты не сидел без дела*, постоянно в каких-либо богоугодных трудах. Когда он вынужденно задерживался, скажем, в трапезной, ожидая пока закончится обед, он брался за четки и низко склонив голову творил Иисусову молитву.

После кончины о. Серафима кое-кто поговаривал, что это о. Герман довел его до преждевременной смерти, что называется, «заездил». На самом же деле «заездил» о. Серафим себя сам, и не только себя, но и — весьма изрядно — о. Германа. Все, кому доводилось работать бок о бок с о. Серафимом — будь то набор текстов или садовые хлопоты, —

вспоминают, что валились с ног от усталости, пытаясь не отстать от него.

Безотлагательность, боязнь не успеть, всё время подстегивала о. Серафима. Он не раз повторял: «Уже позже, чем вы думаете. Посему спешите творить дело Божие!» В словах этих — предчувствие близкого конца света. Отец Серафим остро чувствовал, что очень скоро испытания и скорби докатятся и до Америки, как в свое время — до России. Но еще, вполне возможно, о. Серафим предчувствовал и свой скорый исход. Отец Герман, подытоживая прошлое, говорит: «Предсмертное чувство не покидало его. Только и слышишь: «Уже позже, чем вы думаете!» — как заигранная пластинка!»

Теперь можно только гадать, насколько сильно предчувствовал о. Серафим собственную кончину. Он знал, что «живет взаймы», так как доктора, осматривавшие его в 1961 году, признали его болезнь неизлечимой. Внешне, телом, он был едва ли ни совершенен: стройный, широкоплечий, до последнего дня сохранил прекрасное зрение, белые, ровные, без единого изъяна зубы. Однако чувствовалось, что какой-то недуг точит его изнутри, что тяжелый Крест выпало нести этим могучим плечам. И в конце концов Крест этот его и сокрушит. Когда отцы навещали Елену Юрьевну Концевич, она не раз с тревогой указывала на болезненный вид о. Серафима. В 1980 году он обратился к врачам по поводу почечнокаменной болезни. И те сказали, что с детства у него работает лишь одна почка. К концу жизни у него исказились ногти, волосы и борода преждевременно поседели. Он был на полгода моложе о. Германа, однако казался чуть ли не вдвое старше, некоторые думали, что он отец о. Германа. Сколько раз подмечал о. Герман, как бледен лицом его брат, и отсылал его отдыхать. Сам о. Серафим никогда не жаловался на усталость, никогда вслух не предрекал своей скорой кончины. Единственной и постоянной заботой его было — за малое время и при малых возможностях выпустить как можно больше духовной литературы. В 1976 году он писал: «Будущее, несомненно, весьма мрачное. Каждый год мы не уверены, удастся ли нам печатать в следующем. Молим Бога, чтобы дал нам хотя бы несколько лет, хотя бы допечатать серию святоотеческих книг, которые помогут и нам, и другим выжить в грядущие дни»[2].

Трудясь в своей смиренной келье, печатая на машинке при свечах, о. Серафим издал и написал беспримерное в наши дни количество христианских сочинений. Ему не нужно было, как многим писателям, черпать вдохновение извне, создавать нужное настроение, совершать прогулки. Как только выпадала свободная минута, он устремлялся к себе в келью и садился за стол. Набрасывал от руки план и сразу начи-

нал печатать статью. Печатал быстро, лишь изредка отрываясь, видно, что-то обдумывая. Нередко осенял себя крестным знамением.

Когда случалось ему впасть в уныние, на помощь приходил о. Герман, придумывал «неотложную» работу, которая могла бы подхлестнуть писательское вдохновение о. Серафима. Иной раз он вспоминал о неосуществленной задумке многолетней давности. «По-моему, сейчас самое время!» — убеждал брата о. Герман, и тот «зажигался». «Благослови!» — просил он и с еще пущим рвением окунался в работу.

В духе монашеского смирения он никогда не подписывал свои работы. В одной из недописанных им статей он изложил необходимые условия для успеха на самостоятельном монашеском поприще (вне зависимости от старого «обустроенного» монастыря): «Не известность миру, а желание «умереть для мира», отсутствие тщеславных помыслов, глубокое смирение и упование на Бога, а не на собственные силы»[1]. И коль скоро отцы Серафим и Герман удалились в пустынь, то не след им числить себя редакторами издаваемого журнала. И почти все годы, за которые о. Серафим издал великое множество книг, его имя не появлялось на титульном листе. По словам Александра Поупа:

Кто храм для Бога, не для славы ставит,
Себя отметиной на мраморе не славит[3].

Столько же времени, сколько и собственные статьи, отнимал у него перевод на английский язык русских святоотеческих текстов. Отцы положили немало трудов, чтобы как можно ближе к оригиналу передать дух и содержание этих работ. Иной раз из-за одного слова или предложения разгорался долгий спор. Отец Серафим, переводя, руководствовался буквальными значениями слов, а о. Герман, для которого русский — родной язык, втолковывал собрату мысль, которую автор выразил теми или иными словами, почему, к примеру, нужно сохранить какие-то повторы, подхваты. Сколько тонкостей нужно принять во внимание, как выстраданно дается каждое слово. Но о. Серафима это все не смущало, напротив, даже радовало. «Какое же это счастье!» — восклицал он. Но превыше всего отцы стремились *к смирению* и в переводе, уважая как текст, так и автора.

Не только в келье или в типографии трудился о. Серафим над переводами. Случалось, прямо во время трапезы он потчевал братьев переводом «с листа» какого-нибудь из бесценных сокровищ русского святоотечества. Братия внимательно слушали, а перевод записывался на магнитофонную ленту. Потом кто-либо из помощников, прослушав запись, излагал все на бумаге, и отцы обязательно проверяли текст.

Таким образом были переведены целые книги: «Наставления монахам» из «Великого катехизиса» св. Феодора Студита, «Православное догматическое богословие» прот. Михаила Помазанского, «Житие старца Анатолия Оптинскаго» о. Климента Зедергольма, «Комментарий к Новому Завету» архиеп. Аверкия, из коей о. Серафим перевел главы об Апокалипсисе, частично о Евангелиях и Посланиях апостолов. Кроме вышеназванных, «Воскресные проповеди» о. Димитрия Дудко и «Духовные поучения» св. Аввы Дорофея.

Кроме «ПРАВОСЛАВНОГО СЛОВА», выходившего раз в два месяца, отцы печатали Свято-Германовский календарь на 80-ти страницах. С 1972 года он печатается регулярно. Это полный церковный календарь на английском языке, включает в себя имена святых для поминовения, поденное чтение из Священного Писания, подробные указания для каждого поста и для каждого дня недели. В календаре приводились обширные списки местных святых и святых всех народов. Также указывались имена тех, кого вскорости должны были причислить к лику святых. Ничего подобного не издавалось ни на одном языке мира. Все эти материалы были в основном собраны братом Лаврентием (Кемпбеллом) еще до прихода в монастырь. Первый календарь вышел отдельным специальным номером «Православного Слова». Отец Серафим указывал в летописи, что трудов на этот номер было положено больше, чем на какой-либо. Встречен он кое-кем был в штыки — особенно архиеп. Виталием (нынешний митроп. Виталий Канадский, глава Русской Зарубежной Церкви). Он был разгневан, почему в список «будущих» святых не включен митроп. Антоний (Храповицкий). Однако прочие иерархи поддержали новое издание. В последующие годы календарь выходил отдельно, большим форматом, со статьями о наиболее важных событиях года, с иллюстрациями. Так родилась хорошая традиция, и у американских православных появилось надежное подспорье. Недавно календарь отметил свое «совершеннолетие», выйдя в свет в 21-й раз.

Чтобы помочь молодым обрести слово Божие для спасения души, отцы рассылали много экземпляров «Православного Слова» бесплатно: по библиотекам, бедным монашествующим, неимущим людям в страны, где царит нищета. На это уходила почти половина тиража. «Да у нас прямо настоящая благотворительная организация!» — заметил как-то о. Герман. Отец Серафим радовался: он рассмат-

ривал их труды на этом поприще как высокую честь и не упускал возможности сделать что-то еще, дать людям как можно больше.

Однажды к ним явился молодой человек и сказал, что обратился в Православие благодаря их журналу, который получал бесплатно. Отец Серафим заметил в разговоре с братом, что вот доказательство — их труды не пропадают даром.

Но с «высокой честью» нести людям слово Божие связана и ответственность. Как распорядиться попавшими к ним духовными сокровищами? Помимо редких книг у них хранились уникальные рукописи, завещанные им последними великими представителями Святой Руси, которые лично знали ее святых и мучеников. А возможно ли оценить опыт общения с этими высокими духом людьми! Из их старых и слабых рук получили они завет трудиться во имя Бога до скончания времен. И вполне объяснимо, почему так поспешал о. Серафим. Однажды о. Герман спросил своего друга по Джорданвиллю, о. Владимира, относительно издания одной книги. Тот ответил: «Раз вы о ней заговорили, вам ее и издавать. Кроме вас никто ею заниматься не будет».

Однажды, после нескольких дней тяжких и почти бесплодных трудов, глядя на скопившиеся набранные, но еще не отпечатанные страницы, о. Герман возроптал:

— Может, напрасно мы себя гробим? Может, всё это никому не нужно?

Отец Серафим сурово поглядел на брата:

— Каждый день я благодарю Господа, что могу «гробить себя» ради Православия!

75

Страдалица Россия

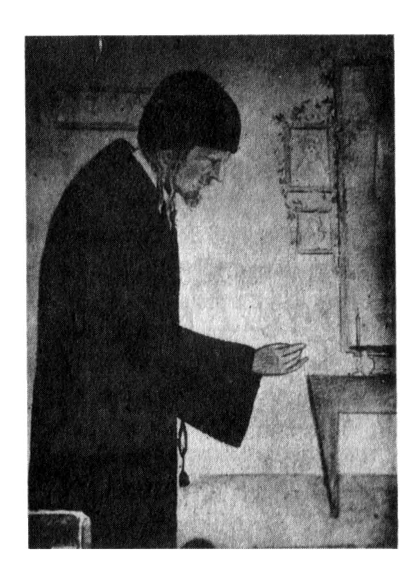
Эти бедные селенья,
Эта скудная природа —
Край родной долготерпенья,
Край ты русского народа!

Не поймет и не заметит
Гордый взор иноплеменный,
Что сквозит и тайно светит
В наготе твоей смиренной.

Удрученный ношей крестной,
Всю тебя, земля родная,
В рабском виде Царь Небесный
Исходил благословляя.

Ф. И. Тютчев. 13 августа 1855 г.

Епископ НЕКТАРИЙ любил рассказывать платинским отцам о России и больше всего о том, что связано с его духовным отцом, оптинским старцем Нектарием. Молитвой и благодатным прозрением много лет назад спас он свое духовное чадо от службы в Красной Армии, а его мать — от тюрьмы. Однако далеко не все рассказы увенчивались счастливым концом. Например, нельзя было без слез слушать о том, как закрывали Оптину пустынь в 1923 году, чему мать еп. Нектария явилась свидетельницей. Кто из монахов принял мученическую смерть, кто был посажен за решетку. В бывшем монастыре обосновался комсомольский комитет по ликвидации. Но даже рассказывая о таких отчаянных минутах, еп. Нектарий не терял столь ценимого отцами чувства юмора. Когда большевики нагрянули с обыском в келью старца Нектария, они обнаружили детские игрушки: куклы, мячи,

Последний оптинский старец Нектарий (1856-1928)

бумажные фонарики, корзиночки. Старца спросили, зачем ему всё это, и он ответил: «А я сам — дитя». А когда нашли несколько церковного вина и снеди, старец ответил просто: «Это вам выпить и закусить».

Во время ареста у старца случилось кровоизлияние, один глаз опух. Сперва его поместили в монастырскую лечебницу, а потом перевезли в тюремную больницу. Увозили его на санях, напоследок он попросил: «Помогите немного». Самому уже не по силам оказалось залезть в сани. На дорогу перекрестился и отбыл... навеки.

Вспоминая Святую Русь, коей ему больше не суждено было увидеть, еп. Нектарий едва сдерживал слезы. Однажды, пробыв у отцов в Платине изрядное время, он собрался уезжать. Отец Серафим — по старому монашескому обычаю — провожал гостя колокольным звоном. Отец Герман помахал вслед машине, вернулся, а брат его всё звонил и звонил. И на лице его играла довольная улыбка.

— Чему ты рад? — спросил о. Герман.

— Какой же ты счастливый — в твоих жилах течет русская кровь! — ответил тот и отпустил колокольную веревку.

Немного времени спустя о. Герман выговорил ему за «однобокую любовь», ведь каждому народу есть чем гордиться.

— А епископ Нектарий оплакивал Оптину, — просто возразил о. Серафим.

— Ну и что? Неужели ты ничего бы не стал оплакивать в Америке?

— Великий Каньон или Золотые Ворота я бы уж точно оплакивать не стал, — улыбнулся о. Серафим.

Как человек русский, о. Герман благоговел перед изысканной византийской культурой, давшей России Православие. Иное дело — о. Серафим: он отдавал предпочтение русской культуре. И на это у него было две причины. Во-первых, он считал, что Россия — последний оплот православного мировоззрения, она была «третьим Римом», сдерживающим натиск антихриста вплоть до свержения Царя и его мученической кончины.

Такие личности, как Достоевский и Киреевский, заложили в России фундамент православного мышления, дав анализ и прошлого, и настоящего перед грядущим всемирным вероотступничеством. Во-вторых, о. Серафим любил Россию, ее страдающий ныне народ, среди которого яркими огоньками светят судьбы смиренных мучеников и стойких исповедников, от Полярного круга до знойных пустынь. Иной раз, видя в церквах истово молящихся коленопреклоненных русских бабушек, о. Серафим не мог сдержать слез. В них, в этих немощных старушках, видел он образ славного прошлого, «последних могикан» истинно русской эмиграции, кто еще помнил иную Россию, кто сознавал, что Россия потеряла, и кто всем сердцем сострадал ныне братьям и сестрам на далекой Родине.

За «ЖЕЛЕЗНЫМ ЗАНАВЕСОМ» шла открытая война с христианством: людям насильно вдалбливалась материалистическая идеология. На Западе враг действовал изощреннее: материализм исподволь ржавчиной разъел всю жизнь, утвердился и в религии. И бороться с таким положением неизмеримо труднее. Отец Серафим полагал, что узнав, как их братья в коммунистических странах сражаются против явного врага Церкви и веры, православные западного свободного мира найдут силы и мужество бороться с врагом тайным — обмирщенностью — и достойно сдерживать его натиск, когда время кровавых преследований наступит и на Западе. Отец Серафим твердо верил, что главное явление XX века — новомученики российские, числом они превысили пострадавших за веру на заре христианства, и о них нужно рассказать всему миру. В 1970 году в одном из писем он поведал: «Сегодня Господь дает людям два великих дара: в мире, порабощенном коммунистами — страдание, коим, возможно, по воле Божией спасется Россия; в мире свободном — свободу говорить и свидетельствовать ее, рассказывать правду о происходящем. Как, однако, мало пользуемся мы этим даром, возможно, скоро он от нас отнимется. Однако еще не вечер, и мы должны нести свое слово правды».

Царь-мученик Николай II

Еще в 1965 году платинские отцы начали печатать материалы о страданиях Русской Церкви, новых российских мучениках, выступали с воззваниями преследуемых верующих.

В 1968 году они посвятили целый номер «Православного Слова» Царю-мученику Николаю II, в том числе и статью о. Серафима о нем. К 1970 году жития новомучеников значительно прибыли в объеме и заняли видное место в журнале. Эта традиция поддерживается и ныне, после смерти о. Серафима: в каждом номере непременно рассказывается о каком-либо новомученике.

Отец Серафим говорил, что «свидетельства мучеников — самый драгоценный дар России Западу». Многие полагают, что это — самое важное из всего опубликованного Братством преп. Германа. Отцу Серафиму хотелось, обнажив насыщенную жизнь во Христе в самых жестоких и бесчеловечных условиях, «пробудить западный мир от спячки, самодовольства, показать, сколь неглубоко (и не всегда искренне) их непрочувствованное собственной душой христианство».

Составляя жития новомучеников, отцы руководствовались сведениями от непосредственных очевидцев и сопричастников: от Елены Лопешанской, духовной дочери архиеп. Леонтия Чилийского, который, в свою очередь, служил секретарем у новомученика еп. Дамаскина; от уже упоминавшихся Алексея и Зинаиды Макушинских из Сакраменто, они лично знали св. прав. Иоанна Кронштадтского и являлись духовными чадами новомученика о. Измаила и его брата о. Михаила Рождественских; от о. Николая Мезича, священника из Сан-Франциско,

отбывшего срок в советских концлагерях, — он составил жизнеописания мучеников Иосифа Молчальника и Григория Крестоносца; от Ивана Михайловича и Елены Юрьевны Концевичей — они предоставили отцам бесценные факты о жизни мучеников Николая Загоровского и игумении Софии Киевской; и, конечно, в большой степени от И. М. Андреева, некогда учившего о. Германа в Джорданвилльской семинарии, человека необычайно тонкой и чуткой души. Он по личному опыту и наблюдениям составил летопись начала гонений на Русскую Православную Церковь, записал незабываемые события из жизни ее исповедников: мон. Марии (Стахович), еп. Максима, Александра Якобсона и монахинь Шамординской обители.

Всего около 80-ти человек оставили братьям свои свидетельства. Почти всех отцы Серафим и Герман знали лично, и почти все в ту пору были весьма пожилыми людьми. Увы, сейчас никого из них с нами нет. Не запиши и не опубликуй братия их рассказы, жития многих новомучеников были бы утеряны для истории.

СТАРАЯСЬ ПРОБУДИТЬ в монастырской братии интерес и любовь к новомученикам, о. Герман частенько спрашивал их, когда они собирались вечерами в трапезной, кто из русских исповедников им ближе всего. Об избранном каждым «своем» мученике до́лжно было отныне знать всё, его нужно было чаще вспоминать в молитвах. Некоторые выбрали священномученика Илию. Прощаясь со своей праведной женой, приехавшей к нему в ГУЛаг, он сказал: «Знаешь, я всем своим существом возгорелся любовью ко Христу. Только здесь я понял, что нет ничего лучше, прекраснее Его. И я готов умереть за Него!» Другие братья предпочли Григория Крестоносца, которого выбросили из лагеря в глуши на верную смерть, и он радовался своей участи, зная, что Господь не оставит его, даст сил преодолеть это испытание и оделит мученическим венцом. Сам о. Серафим неизменно отдавал предпочтение еп. Дамаскину, чье житие, составленное Еленой Лопешанской, он перевел на английский. Отец Герман разгадал причину: как еп. Дамаскин, о. Серафим был «духовным философом, он рассматривал современную историю и сегодняшний день с точки зрения тайноведения — каким бы представилось наше время святым Отцам. В дальнейшем мы вернемся к теории еп. Дамаскина, гласившей, что советский «эксперимент» должен наглядно показать каждому, какой будет духовная обстановка в последние времена и где христианам искать последнюю надежду».

КАК И МНОГИЕ из новомучеников коммунистического режима, еп. Дамаскин принадлежал к катакомбной Церкви — той части Русского Православия, которая отказалась принять Декларацию патр. Сергия и ушла в подполье. С 1940 по 1979 годы катакомбная Церковь исчезла из вида, из чего наблюдатели на Западе заключили, что она более не существует. С новой волной эмиграции в 70-е годы наладилась и связь России с окружающим миром. Завеса неведения несколько приоткрылась, и сведения о подпольном христианском движении стали просачиваться на Запад.

Отец Серафим радовался всякий раз, когда удавалось раздобыть какие-либо факты о катакомбной Церкви, и незамедлительно опубликовывал их в «Православном Слове». Он писал: «Документы эти получены из первых рук и свидетельствуют о религиозной жизни в Советском Союзе. Мы получаем важнейшие факты о том, о чем ранее почти не упоминалось: об отношении иерархов Церкви в Москве и простыми верующими, об отношении верующих к иерархам, к проповедям, которые им преподносят в церквях Московской Патриархии, об упадке в понимании жизни и роли Церкви у простых верующих, которые в ее таинствах склонны видеть некое «колдовство»; о трудностях новообращенных в СССР; о противостоянии Церкви-организации Церкви — Телу Христову; о «подпольном положении всякой истинно религиозной жизни в Советском Союзе, как внутри Патриархии, так и вне ее»[1].

Отец Серафим проявлял интерес к катакомбной Церкви отнюдь не из политических соображений. Как и во всём, он докапывался до Истины, отбрасывая всё лишнее, несущественное. Он писал: «Катакомбная Церковь России — не «соперница» Патриархии, это — церковная организация, которая не борется за власть и влияние, а прежде всего носительница верности Христу, она побуждает людей по-новому относиться к Церкви и ее структуре, нежели так, как относятся сейчас почти во всём православном мире»[2].

Отец Серафим ценил катакомбную Церковь еще и за то, что она продолжала линию исповедников-иерархов, принявших мученическую смерть при коммунизме: они, не впадая в сектантство и фанатизм, считали Московскую Патриархию частью Православной Церкви. В одной из статей о. Серафим писал: «Митрополит Казанский Кирилл и другие руководители катакомбной Церкви считают богохульством отвергать Божию благодать, дарованную Московской Патриархии»[3]. Когда до о. Серафима дошли слухи о смуте в катакомбной Церкви, об угрозе раскола, он открыто вынес этот больной вопрос на страницы

«Православного Слова»[4]. Хотя в ту пору позиции сергианства в Русской Православной Церкви были весьма сильны, он никогда не ратовал за всеобщее вхождение в катакомбную Церковь и не судил тех, кто «официально» принадлежал к Московской Патриархии, указывая, что «в Советском Союзе, как ни в одной другой стране, нельзя точно разграничить „юрисдикции"...» Мы знаем одного (а сколько таких еще!) катакомбного священника, который сознательно «внедрился» в Московскую Патриархию для того, чтобы нести благодать Божию как можно большему числу людей, что невозможно в условиях катакомбной Церкви. Прихожане катакомбной Церкви причащаются Святых Таин у священников из Московской Патриархии, у тех, конечно, кому они доверяют... и мы не вправе их осуждать за это... «Да, в Московской Патриархии немало иерархов-предателей... но там же есть и священники, не участвующие в столь постыдном деле!»[5]

В 70-е годы одним из таких мужественных пастырей был о. Димитрий Дудко, известный и любимый верующими. Он был очень близок о. Серафиму по духу. Отец Димитрий привечал в своей приходской церкви в Москве всех, устраивал встречи, беседы, отвечал на вопросы пришедших о вере, о безбожии, о повседневной жизни. Говорил с людьми откровенно, проникновенно, с великой убежденностью в христианстве. В душах тысяч людей, особенно молодых, возжег он огонек веры.

Конечно, о. Серафим и не думал причислять о. Димитрия к «идейным врагам» только потому, что тот не входил в катакомбную Церковь. Напротив, он пытался понять «необыкновенно трудное положение этих пастырей» и радовался, что истинное Православие пробивает дорогу даже в опорочившей себя Московской Патриархии.

Многие из проповедей и бесед о. Димитрия, особенно вечера «вопросов и ответов», были записаны и попали на Запад. В 1976 году о. Серафим писал: «...Получили новые «беседы» о. Димитрия Дудко, он говорит много важного не только для людей в Советском Союзе, но и для нас. Призывает «не обожествлять» церковных иерархов и духовных наставников — в самую точку угодил! — и всех тех, кто ставит свое мнение превыше мнения других. Отец Димитрий, несомненно, самый трезвый и вдохновенный поборник Православия в наши дни (несмотря на некоторые «теоретические» заблуждения), и его пример вселяет надежду на будущее Православия в России. Именно поэтому мы должны не отгораживаться от Московской Патриархии, а быть предельно открытыми для диалога. Вопрос экуменизма и вероотступничества нельзя решать в узких рамках канонов и догматов, он должен решаться с позиций *духовности*. И о. Димитрий резко кри-

тикует чисто формальный подход к канонам, что вяжет нас по рукам и ногам духовно и по сути убивает православную жизнь Церкви, тем самым подыгрывая протестантам, у которых более «живой» подход»[6].

Были в России и другие исповедники истины Христовой, например, мирянин Борис Талантов. Его статьи о. Серафим перевел и напечатал в «Православном Слове», считая, что такие люди знаменуют «пробуждение совести в Московской Патриархии». Но за «пробуждение» это приходится дорого платить — муками, а то и жизнью. В 1969 году за статьи, призывающие покончить с обманом и предательством в Русской Православной Церкви, Борис Талантов был арестован, брошен в тюрьму, где и скончался в 1971 году.

Очень интересовали о. Серафима и свидетельства тех, кто бежал или был выслан из России. В 1974 году вышел в свет «Архипелаг ГУЛаг» Александра Исаевича Солженицына. Отец Серафим не только внимательнейше прочитал все тома, они стали его настольными книгами. В «Православном Слове» он помещал длинные критические разборы романа, и с духовной точки зрения, пожалуй, никто так глубоко не рассматривал «Архипелаг». Отец Серафим, в частности, писал: «„Архипелаг ГУЛаг" — не политическое разоблачение. В страшных событиях, описанных в романе, коммунизм предстает лишь как частный случай зла. Все чудовища — «герои» книги — совершают варварские преступления не потому, что они коммунисты, а потому, что *являются жертвами идеологии куда более глубокой и смертоносной, чем коммунизм.* Мало кто из палачей понимает истинный смысл этой идеологии, потому что «логика» ее не поддается осмыслению, этот вирус поразил кровь и плоть «сынов просвещенного XX века». Коммунизм — лишь одна из систем, наиболее полно претворившая в жизнь эту идеологию».

«Идеология эта, — писал далее о. Серафим, — не что иное, как *нигилизм*, которому Ницше предрекал «торжество» в XX веке. И «Архипелаг ГУЛаг» — это история «торжества нигилизма», которое на своем горьком опыте познал автор...

Солженицын и впрямь написал «историю XX века». Ведь история — это не перечень событий в политике и экономике, это, в первую очередь, перемены (к добру ли, ко злу) в душах людей, и лишь потом перемены эти отражаются во внешнем мире. В XIX веке «исторических тенденций» было две: широкое наступление всемирной революции (т. е. наступление неверия) и попытка предотвратить это, исходившая в основном от Православной Руси (достаточно вспомнить действия

Царского Правительства). В XX же веке пока преобладает одна-единственная тенденция: развитие революционного атеизма (точнее указать термин социалиста Прудона — «антитеизм», т. е. богоборчество), дорвавшихся до власти.

И противостоят ему те же силы зла (только в ином обличьи): Гитлер, движимый гордыней и завистью, или Антанта, лицемерно ратовавшая за правое дело и в решающую минуту его предавшая. Да и противостояние это было лишь эпизодическим, оно не стало историческим событием. А Солженицын описал именно это главное историческое событие XX века»[7]*.

В то же время, когда на Западе вовсю зазвучал отважный голос великого русского писателя, другой «глас совести» порабощенного народа России вторил ему в свободном мире. То был Сергей Курдяков, двадцати одного года. В 1973 году вышла его книга «Гонитель», и тем же годом он погиб при весьма таинственных обстоятельствах, скорее всего от рук КГБ. Вырос Сергей в России, уверовал в лживые коммунистические лозунги, в комсомоле был «на хорошем счету», и его назначили командиром особой группы для разгрома подпольных собраний верующих, их обычно избивали до полусмерти, отбирали духовную литературу. Однажды, прочитав несколько страничек от руки переписанного Евангелия, он почувствовал: что-то дрогнуло в душе. Во время последнего «разгона», напав на старушку, он услышал, как она молится за него. Это только добавило злобы: он уже занес дубинку, чтобы «прибить» старушонку, но вдруг почувствовал, что какая-то сила удерживает его руку. В ужасе, заливаясь слезами, он бежал прочь. Вскоре он решился избавиться от кошмарной действительности, и ему удался побег в Канаду. С собой он захватил икону — благословение умирающей матери. Сам глубоко и искренне уверовал в Иисуса Христа и нередко собирал толпы, рассказывая людям о пережитом. В статье, посвященной Сергею Курдякову, о. Серафим писал, что американцы, увы, еще не готовы к таким откровениям. «Если вслушаться в записи на кассете (их сейчас выпустили великое множество) одной из бесед Сергея

---

* Признавая достоинства Солженицына, о. Серафим делал следующую оговорку: «Солженицын важен для нас как *моральная* сила, бесстрашно противостоящая тирании и призывающая *перестать* наконец *лгать*. Это хорошо, но не достаточно. Очевидно, что ему недостает глубины *церковного сознания*. Это исповедник своего рода, но не как Максим Исповедник или Марк Эфесский. Он хочет *объединить* русских, но, похоже, не видит, что *Истина* должна предварить такой союз. (Не соглашаясь «жить по лжи», он и понятия не имеет, насколько опасна *ложь* таких, как Шмеман, и мнимое Православие вообще)». (Письмо о. Серафима о. Валерию Лукьянову от 14-го февр. 1975 г.).

(а говорит он по-английски понятно, хотя и с огрехами), то в его страстном монологе слышится отчаяние. Да, его встречают с восторгом, овациями, и тому, что он говорит, вроде бы внемлют, но… За внешним благожелательством и сочувствием видно: его не понимают и не поймут. И это он чувствует.

«Сердце у меня было, что камень. Большой бесчувственный камень. Помню, однажды ударил по лицу человека — он читал Библию. «Не бей, не надо!» — просил он, а я бил, пока у него из носа не пошла кровь. У меня все руки были в крови. А потом мы с другом пошли на дискотеку, как ни в чём не бывало. Я даже не помыл рук! Думал: кровь, ну и что такого? Я пил, ел — страшно! — и не вымыл рук! Мне с детства внушали прекрасную мысль: мы все равны. А я даже не отмыл кровь!»

Многие ли в благодушной Америке способны понять этот крик души, души воистину страдающей? Многие ли способны представить себе государственную систему, в которой молодого человека поощряют и повышают по службе за то, что руки у него в крови верующих христиан? Многие ли отдают отчет, сколь легко повернуть на этот же путь и наше общество? «Вы не понимаете, а это страшно, — взывает Сергей Курдяков. — Мы можем утерять последнюю возможность!»

Однако именно в жизни Сергея усматривал о. Серафим надежду России в будущем: «В грядущей православной Руси таких, как Сергей Курдяков, горящих любовью к Православию сердец, Бог даст, будет много. Они выйдут из катакомб и, закаленнные исповедничеством и немыслимыми страданиями, будут много выше захиревших духом православных Зарубежья, где, увы, не только русские скверно пользуются дарованной им свободой!»[8]

Как показывают эти слова, о. Серафим верил в возрождение Святой Руси — хотя бы на короткое время — перед концом света. Этой теме был посвящен юбилейный 50-й номер «Православного Слова», который Е. Ю. Концевич считала самым удачным.

На его страницах о. Серафим рассказывал, как святые и старцы, предрекавшие грядущую катастрофу России из-за отхода от основ Православия, также предсказывали ее полное возрождение через страдания и покаяние. Вместе с о. Германом он составил подборку таких пророчеств, включив «Великую Дивеевскую тайну» преп. Серафима, ранее не печатавшуюся на английском. В том же номере были помещены две статьи архиеп. Иоанна, которого, без сомнения, можно тоже причислить к пророкам Святой Руси. По мнению отцов, архиеп. Иоанн «глубоко и прозорливо истолковывал духовное значение порабощения

России богоненавистниками-коммунистами и миссию, и покаяние русских за рубежом. И, пожалуй, никто более так ясно не видел связи будущего России с Божией Тайной Воскресения, не просто взятого как образ, а Воскресения истинного — из мертвых, что является краеугольным принципом православной христианской веры»[9].

Отцы Серафим и Герман в своем журнале писали о Воскресении Святой Руси, а русская интеллигенция (в эмиграции) распространяла мнение, что нечему воскресать, нет никакой Святой Руси, что само это понятие — миф и не более, плод ностальгической фантазии. Эти идеи во многом исходили от тех русских прагматиков, кто порочил последнего русского Царя, тем самым неосознанно приближая падение Православной Руси. Конечно, русские интеллигенты за рубежом никоим образом не разделяли коммунистических воззрений, они, по словам о. Серафима, «старались не замечать плодов покаяния даже в нынешней страдалице-России... Эти псевдоправославные интеллигенты стараются отрицать само существование Святой Руси, ее предназначение хранить и исповедывать истины Православия и, конечно, не верят в ее будущее»[10].

Время показало, сколь далека была эта интеллигенция от сердца современной Руси. Возможности духовного роста Святой Руси отчетливо видны сегодня на примере вдумчивых и мужественных людей, пестующих ростки духовности на пропитанной кровью земле многострадальной России.

В первые же дни февральской революции оптинский старец Анатолий Младший уподобил Россию в своем пророчестве кораблю: «И будет буря на море. И в щепки разобьется корабль Руси. Но люди, не все, некоторые, спасутся на обломках... Нужно молиться, каждый должен покаяться, а молиться дóлжно горячо! А после бури что?.. Наступит штиль, покой». «Как же, — воззвали к старцу, — если нет корабля, значит, всему конец». «Не так, — утешил он, — будет явлено великое чудо Божье, и все останки да щепки соберутся воедино, и восстанет корабль во всей красе, и пойдет путем Божьим. И чудо это будет явлено всем»[11].

76
Путь к возрождению Оптиной

Возведите очи ваши и посмотрите на нивы, как они побелели и поспели к жатве. Жнущий получает награду и соберет плод в жизнь вечную, так что и сеющий, и жнущий вместе радоваться будут.

Ин. 4:35-36.

Россия воспрянет и будет материально не богата, но духом будет богата, и в Оптиной будет еще семь светильников, семь столпов.

Пророчество старца Нектария Оптинского (†1928).

Помимо того, что платинские отцы старались открыть глаза и сердца западным людям на важнейший принцип современного христианства — на страдания и мученичество миллионов людей за «железным занавесом», была у них и другая насущная забота: печься о душе самой страждущей России. Отцам хотелось напечатать больше духовных книг для России, издавать по-русски журнал. Подтолкнуло их к этому следующее обстоятельство.

Был у о. Германа друг, еще с семинарской скамьи, Алексей Полуэктов. Он изрядно пострадал в России от коммунистов, и в 50-е годы сумел бежать в Америку. Закончил семинарию, женился, был рукоположен во священники и в 1968 году отправлен в Сан-Францисский приход. В ту пору о. Герман еще редактировал «Православный благовестник»

на русском языке, и о. Алексий, имея некоторый опыт в типографском ремесле, напечатал шесть номеров журнала в обители игуменьи Ариадны. Желая и далее нести печатное слово Божие, о. Алексий купил типографский станок. Вскоре Братство преп. Германа перебралось в Платину, издание «Благовестника» — детища архиеп. Иоанна — было приостановлено. Отец Алексий умолял архиеп. Антония позволить ему долее печатать этот журнал или что-либо подобное, отвечающее запросам времени, однако Владыка даже не удостоил его ответом.

«В 1970 году, — вспоминает о. Алексий, — Владыка Антоний решил издавать журнал «Тропинка» взамен епархиального «Православного благовестника». Смотря на первый номер, можно заключить, что журнал издается группой (редакционная коллегия), но фактически это был журнал самого Владыки Антония. И так как Владыке одному было издавать нелегко, то в 1973 году вышел единственный (пасхальный) номер. Предлагал я Владыке призвать помощь, найдутся же люди, но Владыка сказал, что так лучше: он печатает что хочет».

Отец Алексий задумал издать собственную книгу — сборник молитв на русском — и колебался: угодно ли его решение Богу. И тут его посетило незабываемое видение. Он рассказывает: «Вижу широкое поле с зеленой оградой. Сумерки. Я думаю: «Хорошо бы обработать это поле, засеять, собрать урожай — было бы богатство. Только я так подумал — голос с Неба говорит: «Не о том думаешь. Если бы тебе было нужно богатство, то тебе бы сказал (кто — я забыл), куда пойти, ...или вот Пророк Илья внушил бы: „Пойди туда-то и откопай клад"».

Отец Алексий рассказал об этом видении о. Герману. Тот сказал, что, похоже, Господь призывает его и впрямь собрать богатый урожай, но не ради богатств материальных. То будет богатство душ человеческих для Царства Небесного. А поле, по мнению о. Германа, — это бескрайние просторы Родины, России, где и надлежит собирать урожай. Но с жатвой нужно поспешать, ибо «уже смеркается», «приходит ночь, когда никто не может делать» (Ин. 9:4).

«Все это время я молил Бога, — пишет о. Алексий, — чтобы Он указал хоть одного человека, с которым соединившись в единодушии печатать богоугодное слово, чтобы не стояла эта «тяжелая артиллерия» (печатня) без дела или не печатала светские вещи. Вот Господь и указал на давнего, еще по Свято-Троицкой семинарии, может быть, единственного здесь по духу друга, о. Германа. Многократно разговаривали мы о теперешних нуждах веры. И, думается, что не время теперь молчать, а надо действовать»[1].

Своего второго ребенка Алексей назвал Илией, памятуя о своем видении. Вместе с о. Германом он замышлял основать Братство св.

Илии Пророка для того, чтобы печатать слово Господне для России, повсеместно опираясь на поддержку православной молодежи. Он начал выпускать журнал «Вера и жизнь», специально небольшого формата, чтобы легче было распространять в Советском Союзе. Почти все материалы присылали платинские отцы, в особенности для начальных номеров, и в частности статью о. Германа «Господи, что мне делать?» — страстный призыв ко всем христианам посвятить жизнь служению Иисусу Христу.

Итак, Братству Пророка Илии было положено начало, и о. Алексий, отцы Герман и Серафим полагали, что оно будет расти и укрепляться, тем более что в нем принял участие и Джорданвилльский монастырь. Отец Алексий отмечал в своих записях: «Нами изданы два номера «Веры и жизни», и мы имеем доброжелательные отзывы как со стороны духовных лиц, так и мирян. Но мы получили самый жесточайший упрек со стороны правящего архиерея, Владыки Антония, который запретил мне печатать „эту брошюру"». На обложке первого же номера, где значилось «Издано Братством Пророка Илии», он начертал: «Какое-нибудь Братство ревнителей!» И впрямь: менее всего в своей епархии он хотел видеть еще одно «неподвластное» ему духовное братство. Он даже лично наведался в Платину (в феврале 1974 года), чтобы положить конец своеволию. А чтобы расположить к себе отцов, он захватил любимого ими архим. Спиридона, их старца.

«Собрание» состоялось на поваленном дубе подле монастыря. Отцы Спиридон и Серафим сидели молча, слушая Владыку Антония и о. Германа.

— Монах может состоять лишь *в одном* братстве или обществе, — настаивал архиепископ.

— Почему? — недоумевал о. Герман.

— Так заведено!

— Но я уже состою еще в одном обществе: Редингском историческом! Я даже устраивал там показ слайдов Афона!

Но архиепископ не уступал — Братству Пророка Илии не бывать!

Когда беседа окончилась, о. Серафим был очень сердит и подавлен. Позже он так описал эту встречу с Владыкой Антонием: «Наши слезные уговоры не помогли, он не понимает не только нас, но и любого молодого монаха или священника, исполненного высоких помыслов. Он разговаривает на ином языке, пытаясь всех и вся затолкать в прокрустово ложе синодальных рамок... Много ли уцелеет молодых ревнителей веры при таком отношении „верхов"?»[2]

В конце концов о. Алексий уступил давлению: как-никак нужно кормить семью и он зависел от иерархов Церкви. Поначалу он писал

прошения иерархам, даже самому митроп. Филарету, но всё же ему пришлось снять с обложки название «Братство св. Илии Пророка» и заменить на «Издательство св. Илии Пророка». После этого архиеп. Антоний оставил его в покое. Так были похоронены надежды о. Алексия на сотрудничество с о. Германом, равно и обширный план миссионерской деятельности Братства в России.

Отец Серафим оставался непреклонен. Чем сильнее пытались задушить его вдохновенные порывы, тем большей решимостью он полнился. «Именно потому, что положение кажется безнадежным, будем еще больше уповать на Бога и продолжим путь, Им указанный»[3], — писал о. Серафим. Он сам закупил всё необходимое, чтобы печатать в русской дореволюционной орфографии — на том самом линотипе, который приносил ему столько огорчений!

У ОТЦОВ НЕ БЫЛО ДЕНЕГ, чтобы печатать бесплатные книги для России. Но раз задумали правое дело, Господь не оставит. И верно: один из бывших братий неожиданно пожертвовал 900 долларов как раз на миссионерство в России. И о. Владимир из Джорданвилля, узнав о задумке братии, горячо поддержал ее и прислал две тысячи на издание книг.

В 1973 году братия принялись печатать жития оптинских старцев на русском языке — с факсимильных *prima vitae* экземпляров (первоначально изданных в самой Оптиной пустыни). Некоторые издания в России были полностью уничтожены большевиками и считались навсегда утерянными. К отцам они попали, в основном, от супругов Концевичей, в 40-е годы те тратили последние гроши, чтобы только выкупить книги оптинской библиотеки, распродававшиеся с аукциона в Париже.

Первым напечатанным отцами книгам из этой серии больше всего радовался о. Владимир — его взрастил на примере оптинской духовности о. Адриан, он и сам любил оптинских старцев, словно они были его непосредственными духовниками. Получив от отцов третий том, он написал им в Платину от имени всей джорданвилльской братии: «Благодарны за житие преп. Макария, равно и за ваши труды. Всем сердцем испрашиваем Божьего благословения вашим трудам и планам на будущее. Желаем вам всего наилучшего, полного успеха в вашем деле. Да поможет вам Бог, да укрепит вас молитвами великих Отцов-праведников».

За восемь лет отцы выпустили восемь книг оптинской серии, сопроводив их собственными предисловиями, обильными иллюстра-

циями, дополнительным справочным материалом, собранным «с миру по нитке». Собственного фотоофсетного оборудования в Платине не было, и приходилось печатать книги везде, где возможно. И хотя Оптина давно была закрыта, отцы нашли возможность посылать туда жития великих старцев, адресуя их в Музей им. Ф. М. Достоевского, который располагался в тамошнем доме для паломников, где останавливался и великий писатель, приехав в Оптину.

В 1975 году Братство выпустило на русском языке книгу «Богопознание» — размышления бывшего ученика святых старцев, о. Николая Депутатова, жившего в Австралии (имя его уже упоминалось на страницах книги). В 1977 году они выпустили факсимильным изданием житие старца Зосимы Сибирского. В следующем году вышла в свет объемистая — в 850 страниц — «Дивеевская летопись», великое свидетельство русской святости. Первоначально книга была издана в 1903 году, она включала рассказы о преп. Серафиме, об истории основания Дивеевского монастыря.

В Оптиной пустыни существовала традиция, установленная еще ее первым настоятелем, игум. Моисеем (†1862): копии каждой духовной книги, изданной монастырем, бесплатно рассылались по всем обителям России. По настоянию о. Серафима то же делали и в Братстве преп. Германа — копии книг рассылались в православные монастыри по всему белу свету.

Ко времени кончины о. Серафима братия выпустили около 20-ти книг на русском языке. При его жизни, к сожалению, не удалось осуществить мечту — печатать журнал в России. Лишь 8 лет спустя, когда в многострадальной стране сменился режим, Братство сумело наладить выпуск журнала, точнее, возродить старый, любимый народом в дореволюционной России «Русский паломник». В новом «Паломнике» рассказывалось об о. Серафиме, его трудах. Журнал в России встретили «на ура». Сегодня его там читают миллионы.

Параллельно с «Русским паломником» Братство перепечатало и первый номер «Веры и жизни» о. Алексия со статьей о. Германа «Господи, что нам делать?». В России журнал этот разошелся большим тиражом и «эта брошюра» помогла многим душам обрести Иисуса Христа и уберегла многих молодых людей от отчаяния, самоубийства. Не напрасны оказались страдания о. Алексия, в конце концов и они пригодились в духовной жатве на бескрайних российских просторах.

В АВГУСТЕ 1991 ГОДА братия и сестры Братства преп. Германа совершили паломничество в Оптину пустынь, открытую вновь годом раньше. Они были поражены, сколь велико воздействие житий оптинских старцев, переизданных Братством. Новый настоятель Оптиной, игумен Венедикт, сказал, что многие приезжающие в Оптину свидетельствуют, что пришли к Православию под влиянием этих книг.

Сегодня Оптина пустынь и близлежащая Шамординская обитель (основанная старцем Амвросием) насчитывают примерно 40 монахов и 80 монахинь. Не прервалась ее духовная связь с прежней Оптиной: во-первых, некоторые из монахов — духовные чада старца Севастиана, а посредством его и старца Нектария и других старцев; во-вторых, благодаря огромному литературному наследию. Монашествующие говорят, что книга «Оптина пустынь и ее время», написанная в конце 60-х годов Е. Ю. Концевич и о. Германом, считается сегодня в России образцом исследования оптинской духовности. Монахи также сердечно благодарили Братство за переиздание житий оптинских старцев — теперь эти книги доступны и они помогают оптинской братии восстанавливать истинные традиции и задать нужный «тон» жизни всего монастыря. Монахи подарили о. Герману первую в России икону старца Нектария: когда она писалась, они вспоминали Братство преп. Германа. В близлежащем оптинском скиту в келье старца Амвросия (у него побывали и Гоголь, и Достоевский) хранится портрет о. Серафима.

В этой связи любопытна запись, сделанная о. Серафимом в летописи от 13/26-го октября 1976 года: «Спустя два дня после годовщины своего пострига (в день памяти старца Леонида Оптинского), не ведая, что попал в канун годовщины нашей монашеской жизни, приехал еп. Нектарий. Загадочно намекал на то, что трудами нашими возродится Оптина пустынь. Смысл его слов мне пока неясен».

Тогда, в 1976 году, о возрождении Оптиной можно было только мечтать. Но прозорливый еп. Нектарий знал что говорил, хотя ни ему, ни о. Серафиму не суждено было дожить до этого дня. Великая благодарность еп. Нектарию: более полувека после закрытия Оптиной хранил он ее живой дух. А благодаря о. Серафиму дух этот посредством печатного слова проник в страдалицу Русь, дабы она могла воссоздать порушенные основы духовности.

77
Монастырские издания

Книги, которые мы печатаем, обретают ценность лишь потому, что рождаются в условиях нашей православной монашеской жизни, к коей мы стараемся привлечь людей.

О. Герман (Подмошенский).

«Уклоняйся от зла и делай добро», — учит нас один из псалмов (33:15). Именно так и рассчитывали жить в пустыни отцы Серафим и Герман, чтобы без помех и препон мира сего показать молодому поколению образ жизни во Христе — жития святых старцев и стариц, связать их лучиком веры с людьми сегодняшнего дня.

В 1975 году, строя свои кельи в Платине, будущие отцы уже выбрали своеобычную стезю. Найдя в лесной чаще «печальный уголок» (выражаясь словами св. Григория Двоеслова), они хотели полностью приобщиться мира великих святых и отшельников, с тем чтобы печатать книги для современных богоискателей.

Для уединенных жилищ своих отцы использовали доски трех полуразвалившихся лачуг, некогда оставленных лесорубами на месте «старой» Платины. В 1973 году отцы получили разрешение разобрать «строения» с тем, чтобы расширить место. Тяжелая работа выпала отцам: старые доски были необструганы, однако о. Серафим каждый день приходил бодрым и в духе. Он еще не забыл свою мечту принести Православие в край ковбоев. Его радовало, что из хижин первопроходцев-мирян вырастают кельи «первопроходцев»-монахов.

Однажды к ним приехал о. Спиридон — справить свои именины. Как раз в этот день отцы закончили келью «Валаам». Хотя у о. Спиридона пошаливало сердце, он отважно полез в гору с отцами — благословить келью. Отец Герман вспоминает: «Поразительно, как

по-детски непосредственно обрадовался он, увидев скромную деревянную хибарку — ему она представилась едва ли не отшельническим российским скитом или афонской каливой. Он вошел в нее с трепетом, лицо его озарилось, разрумянилось, он принялся целовать стены, на ходу наставляя нас, сколь необходимы такие скиты и как важно построить их по всей земле. Он задыхался, то и дело прикладывал руку к сердцу. Так состоялось освящение нашего «Валаама», откуда вышло немало монашеских изданий»[1].

ЕЩЕ В 1972 ГОДУ ОТЦЫ начали печатать в «Православном Слове» жития русских пустынников XIV-XVII веков. Впоследствии 12 из них составили книгу, вышеупомянутую «Северную Фиваиду». 26-го ноября 1975 года она была закончена. Отец Серафим писал в предисловии: «Какое православное сердце не обуяет восторг при воспоминании о египетской Фиваиде, где жил и боролся первый среди Отцов монашества св. Антоний Великий, где расцвело отшельничество, где создавались монашеские общины, где подвизался св. Пахомий, и где Ангел дал ему устав общежительного монашеского жития, где жили и трудились их последователи, тысячи монахов и монахинь, построившие в пустыне целый христианский город, обитатели которого устремлялись всей жизнью своею к небесам, подобно Ангелам.

Однако мало кто знает о Северной Фиваиде — православных русских пустынях, затерянных в лесах и топях, где не меньшее число монахов и монахинь искало спасения, шло ко спасению по стопам других великих святых Отцов, более близких нам по времени: Сергия Радонежского, Кирилла Белозерского, Нила Сорского и сотен других, чьи имена записаны в календаре православных святых»[2].

Восполнить этот пробел и должна была «Северная Фиваида». Отцы посвятили ее «блаженной памяти любимого учителя, Ивана Михайловича Концевича», отдавшего годы трудов исследованию, дабы сравнить русское подвижничество с аскезой древнего Египта. Вступлением к «Северной Фиваиде» послужила глава проф. Концевича из книги «Стяжание Святого Духа в путях древней Руси». Познавательные, поэтичные, в святоотеческом духе написанные строки настраивали читателей на определенный лад, указывали достойное место русских пустынников в истории христианства.

Да и сами жизнеописания изрядно пополнились по сравнению с журнальными вариантами. Отцы по крупицам собирали дополнительные сведения и иллюстрации. И святые словно предстали перед нами во плоти, открывая свои жизненные пути. Отцы беседовали о них,

Явление Пресвятой Троицы св. Александру Свирскому. Икона XVII века. Написана предположительно в Александро-Свирском монастыре. Иллюстрация к «Северной Фиваиде».

молились им, устраивали крестные ходы в их честь в дни поминовения. И святые Северной Фиваиды ответствовали отцам, их молитвам, помогали донести весть о русских подвижниках жителям Нового Света. Показателен случай с публикацией в «Православном Слове» жития валаамского монаха XVI века, преп. Александра Свирского. Отцы сокрушались: они получили редкую рукопись из Финляндии с жизнеописанием святого, но ни одной его иконы у них не было. Шел 1973 год. Вскоре после Пасхи по пути на свою «стройку» они заехали на почту. Там их ждал конверт с иконой преп. Александра! Позади святого на ней были изображены точно такие же хижины, какую замышляли построить братия! Отцы были потрясены — ведь ни у кого они иконы не

просили! И, возблагодарив Господа, немедленно присовокупили икону к житию и опубликовали.

Уже работая над «Северной Фиваидой», отцы заметили существенный пробел: у них не было ни единого жития святых подвижниц. Будучи знакомы с такой ревнительницей веры, как Барбара, отцы считали, что надо исправлять положение. Отец Герман обратился к Е. Ю. Концевич, нет ли каких-нибудь сведений о пустынницах на Руси? Увы, у нее ничего не нашлось. Тогда о. Герман занялся первоисточниками: пересмотрел множество книг, иногда уникальных, и наконец обрел то, что искал. На этом материале родилась поэтичная статья (на 30-ти страницах!) «Жены Святой Руси», рассказ о более чем сорока русских подвижницах, особенно подробно говорилось о жизненном пути пустынниц: Дорофеи Кашинской, Анастасии Паданской, Параскевы Пинежской. Особенно радовалась этой работе Елена Концевич. Не оставила ее вниманием и игуменья Ариадна, поблагодарившая о. Германа «за Дорофею Кашинскую».

Заключение к «Северной Фиваиде» написал о. Серафим. Кратко описал положение монашества на Руси за последние три века (этот период не вошел в книгу), остановился на прозападных реформах Петра I и императрицы Екатерины II в XVIII веке, при которых монастыри либо закрывались, либо становились «государственными учреждениями», что, бесспорно, имело целью сокрушить самую суть монашества. Однако реформы эти не достигли конечной цели: монашеский дух пронизал все слои общества и убить его не удалось. Жившие ранее в пустынях не отказались от своего подвига, лишь некоторые ушли за пределы России, не захотев идти в «правительственные» монастыри. Новые монашеские общины зарождались, несмотря на все препоны. Появились и Отцы монашества, не убоявшиеся открытого неподчинения властям ради сохранения монашеского духа».

Рассказав о нескольких воистину героических фигурах монашества в XVIII веке, о. Серафим остановился на веке XIX — наиболее благоприятной поре российского монашества. Период этот по своему значению мало чем уступает временам Северной Фиваиды. В это время наблюдается расцвет монастырей в России в отличие от Греции, где благодаря русским поднялось и тоже расцвело афонское монашество, ведомое великими старцами Иеремией и Арсением, чья духовность питалась российскими истоками[3].

И, наконец, о. Серафим обозрел перспективы монашества в современной России. Условия в порабощенной России, по его мнению, куда более благоприятные, чем на свободном Западе, «потому что

невзгоды и страдания, выпадающие людям каждый день, более способны породить духовное начало. Многое свидетельствует о том, что религиозное пробуждение России началось, и итог его нам не предсказать, но не исключено, что возродятся некоторые былые центры монашества, о которых рассказывается в книге»[4].

Сегодня, годы спустя, мы видим, что его надежды были не совсем беспочвенны. Снова появились монахи на Валааме, в монастырях, основанных святыми Трифоном Вятским, Иосифом Волоцким, Мартирием Зеленецким, Арсением Коневским. Даже монастырь на Соловках, где долгие годы был концентрационный лагерь, сегодня реставрируется — миллионы долларов на это пожертвовал Александр Солженицын. Еще более ста монастырей на Севере России также обустраиваются.

«Северная Фиваида» с бесценными фотографиями и литографиями, свидетельствующими о славном духовном прошлом России, явилась подлинным праздником для читателей. Открыв книгу, они попадали в средоточие православного подвижничества. Удалось осуществить лишь два небольших издания книги, но и этого хватило, чтобы возжечь сердца ревнителей православного монашества во всем мире. Особенно полюбилась книга монахам Святой Горы Афон. В 1980 году благочестивые православные перевели книгу на греческий и издали у себя на родине большим тиражом[5]. «Северная Фиваида» читаема и почитаема там и сегодня.

ДУХОВНОЕ НАСЛЕДИЕ святых Северной Фиваиды, писал о. Серафим, помогло расчистить русло для мощного потока Православия, нахлынувшего позже — с XVIII века и по XX — это пора преп. Паисия Величковского и других близких нам по времени святых старцев. Именно этому и хотели посвятить отцы следующую книгу, как бы продолжение «Северной Фиваиды». Долго не могли решить: знакомить американцев сперва с преп. Паисием Величковским или с оптинскими старцами — продолжателями его традиции. После некоторых колебаний решили начать с преп. Паисия. Пусть читатель познакомится сначала с духовным основателем Оптиной, а уж потом с ее старцами. Платинские отцы справедливо полагали, что преп. Паисий Величковский — ключ к разгадке всей русской духовности, а не только такого необычайного явления, как Оптина. Преп. Паисий всю жизнь изучал святоотеческие труды. Отцы попросили своего духовного наставника, связующего их с традицией Оптиной, еп. Нектария написать преди-

словие к англоязычному изданию жития преп. Паисия, дополнив его воспоминаниями епископа об Оптиной пустыни.

Первоначально замышлялся двухтомник, посвященный преп. Паисию: первый том — его житие, и второй — его учение. Отдельные главы появились в «Православном Слове». В 1976 году был издан первый том, но до издания второго тома о. Серафим так и не дожил. Ему, правда, удалось перевести на английский два сборника поучений преп. Паисия: «Крины сельные» и «Свиток», первоначально напечатанные в журнале.

В основу новой книги легло житие преп. Паисия, составленное его учеником, схим. Митрофаном. Они дополнили его другими материалами, в том числе теми, которые касались его духовного наследия: о возрождении русского и румынского монашества силами учеников святого, его влияние на выдающихся духовных и церковных писателей, его «след» в Америке трудами преп. Германа и других подвижников.

Книга получилась не просто жизнеописанием праведника, а выдающимся исследованием. Отцам удалось доказать, что не будь преп. Паисия — не знали бы мы сейчас такого всеобъемлющего труда, как «Добротолюбие». Его стараниями собраны и переписаны поучения подвижников, его радением стали они известны людям и пробудили в их душах интерес, дав таким образом побуждение к составлению Добротолюбия св. Николаем Святогорским и св. Макарием Коринфским.

В книге о преп. Паисии Величковском содержится и полная церковная служба святому с каноном, написанным о. Серафимом. В каждой строке этого трогательного произведения чувствуется смирение и самоотвержение перед великим старцем, наставником о. Серафима в монашестве. Он буквально толковал слова о том, что «мы должны прийти ко святым Отцам, дабы стать их учениками». Он молился блаженному Паисию:

«Был еси ми покров в животе моем, но среди всех твоих учеников един аз недостоин есмь взирати на лик твой. Умилосердися о мне, блаженне Отче, и многия ради благости твоея умоли Христа Бога помиловати мя, последнюю из овец твоих.

Бореньми присными, облекшись смирением, к вершинам молитвы* взошел еси, святых Отцев наставлениям следуя, помози ми, ни

* Заметим, что о. Серафим предварил слова «взошел еси... к вершинам молитвы» словами «облекшись смирением». Человек, воображавший, что он взошел к вершинам молитвы, может быть на самом деле в состоянии прелести, питаемой тщеславием.

подвизатися, ниже молитися не умеющему, облечь жалкую мою наготу сознанием своея немощи.

Трепещет сердце мое, зря величие трудов твоих и благодать, данную ти от Бога: како возмогу, презревший твои наставления, с тобою иметь часть в жизни вечной? Умилосердися о мне, неключимом чаде твоем, и умоли Господа да спасет душу мою»[6].

Введение к новой книге о. Серафим главным образом посвятил таким молодым людям, как 17-летний русский паренек Григорий, живший в ту пору в монастыре. Умный, талантливый юноша был настолько неспокоен душой, что за него опасались даже родители. Отправив его в монастырь, они надеялись, что там их сына «усмирят». Григорий немало помог отцам в постройке хранилища для книг, которое так и назвали «григорьев дом».

Перед тем, как написать введение, о. Серафим посоветовался с о. Германом, они выделили главные вопросы, а о. Герман посоветовал собрату написать статью, которая бы побудила молодых людей идти по стопам преп. Паисия, «встряхнула» бы их, пробудив от духовной спячки. Отец Серафим писал эту статью, по сути, ради Григория, и родились самые, пожалуй, проникновенные строки, когда-либо выходившие из-под его пера. Он сравнивал эпоху преп. Паисия с нашей, тяготы 17-летнего богоискателя Паисия с тяготами современных юношей — сегодня в бурном и суетном океане жизни труднее добраться до спасительных берегов:

«С детства возлюбив святых Отцов и истинное православное благочестие, к 17-ти годам Паисий убедился, что даже в лучших православных школах России не сыскать чистого, незамутненного православного учения. Там дают нечто вторичное, да к тому же перемешанное с бессмысленными языческими учениями. Более того, упор делается на соблюдение внешних правил церковной жизни, что поощряется правительством. Оно пытается превратить Церковь в рядовое «государственное учреждение», насаждая мнение, будто все воцерковленные люди, равно и священники, и даже монахи, «занимают определенное место в системе церковной организации». Несомненно, преувеличение этого вторичного и маловажного застит главное — любовь и радение об истинном Православии, истинном благочестии — именно в этом находят вдохновение истинные православные, будь то миряне, духовенство или монашество…

Сегодня положение в Церкви изменилось и далеко не к лучшему, если сравнивать со временами преп. Паисия… Сегодняшний 17-летний юноша страдает и от неправильного воспитания сызмальства — ему не прививают сознательного отношения к православному учению и благо-

честию. Даже если и прививают, то безумный ритм современной, языческой по сути жизни сводит на нет всё привитое в ранние годы. Юноша, обыкновенно, равнодушен к святоотечеству, к церковным службам, не устремлен к духовному... Часто для такого «приземленного» юноши большее значение приобретает внешняя, «обмирщенная» сторона церковной жизни, а увидев все распри, все несправедливости, творимые церковным людом, он зачастую и вовсе отворачивается от Церкви, но поскольку интерес к религии полностью не угас, юноша обращается к какой-либо из ныне процветающих религиозных сект, или к какому-либо из мирских молодежных идолов, или — того хуже — увлекается наркотиками или развратом.

Воистину, нам куда более, чем некогда блаженному Паисию, нужны чистые истоки истинного Православия. Всё меньше и меньше у нас надежды! Но Господь, тем не менее, не оставляет нас своей милостью, и даже сегодня еще уместно говорить о движении истинно православных: им уже недостает «привычного» Православия, ибо оно не в состоянии противостоять натиску мира сего, разрушительного для душ... Недопустимо, чтобы искорка православной ревности угасла до второго пришествия Христова!

Невозможно, чтобы Господь наш не указал истинным своим православным чадам, как вести праведную духовную жизнь. *Именно к нам, христианам последних времен, обращен глас блаженного Паисия!* В его «Свитке» отмечается, что святые Отцы писали книги «по особому Промыслу Божию и что их Божественное делание не пропадет втуне».

Слышите ли вы это, православные христиане последних времен? Все, что писали святые Отцы, даже о высших формах духовной жизни, сохранено для нас. Чтобы мы, не найдя ныне богоносных старцев окрест, все же не остались без истинного слова святых Отцов, чтобы оно вело нас к жизни богоугодной и ревностной. И неправы те, кто учит: раз конец света близок, можно сидеть сложа руки, удовольствуясь тем, что нам передано и заповедано, храня это как зарытый негодным рабом талант (Мф. 25:24). Пока еще день, не прекратим нашего борения, употребив время и оружие, дарованное нам всемилостивым Богом!»

Опять же, памятуя о том 17-летнем юноше, о. Серафим предупреждал, что житие преп. Паисия нужно разумно соотносить с собственными обстоятельствами.

Опираясь непосредственно на высказывания своих собственных «учителей святоотечества» — еп. Нектария, Елены Юрьевны Концевич, о. Адриана — о. Серафим писал:

«Да помнят все читатели:

1) *Нет больше таких старцев, как преп. Паисий.* Вообразим, что есть, и тем нанесем непоправимый ущерб душе своей... и в то же время будем уважать наших нынешних духовных отцов и старцев: они во всяком случае знают больше нашего и стараются изо всех сил вести своих питомцев в условиях почти невыносимых. Многие молодые люди ищут себе духовного наставника, гуру, и готовы вверить себя любому. Но горе тем, кто, воспользовавшись столь смутным временем, провозгласят себя «богоносными старцами» в духе древних традиций, ибо они обманут не только себя, но и других. Всякий православный духовный наставник да признает честно перед своими чадами: сейчас осталась лишь малая толика старчества и, увы, во многом отличная от блаженного Паисия и оптинских старцев.

2) *Община, которую создал блаженный Паисий, в наш век уже невозможна.* Даже еп. Игнатий (Брянчанинов) (более ста лет тому назад) писал об этом, хотя в ту пору был расцвет Оптиной. Сколь же пала православная жизнь с тех пор!

Подобное «Царство Небесное на земле» уже неосуществимо сегодня, ибо нет больше богоносных старцев — духовных пастырей, да и паства по своему уровню невероятно низка... Однако же исходя из тех малых возможностей, которые имеем сегодня (ибо и они покажутся «Царствием Небесным» по сравнению с вакханалией в миру), не станем изничтожать спесивой и праздной критикой немногие уцелевшие христианские общины.

3) Более всего времена наши зовут *к смиренному и тихому труду*, с любовью и сочувствием к прочим подвижникам на пути православной духовности, с решимостью, которую не поколеблет самое неблагоприятное окружение... Сделаем это и — даже в наше ужасное время! — обретем надежду на милость Божию и на спасение наших душ»[7].

Когда о. Серафим прочитал это вступление о. Герману, тот заметил, что уж больно мрачно брат описал современное положение Православия, дескать, это оттолкнет молодежь от истинного христианского пути. Отец Серафим возразил: напротив, трудности, которые ожидают молодежь, лишь придадут ей решимости и мужества. Нужно показать истинное положение дел. Лишь тогда они смело пойдут вперед и будут сражаться за Иисуса Христа, за свое спасение, не теша себя иллюзиями и ложными упованиями. В конце концов о. Серафим убедил брата в своей правоте. Поклонившись, о. Герман благословил его печатать вступление в первоначальном виде.

«Блаженный Паисий Величковский», самая большая из изданных к тому времени Братством книг, была воистину подвигом любви. И в последующие годы о. Герман ссылался на нее как на самую важную

публикацию Братства — то была сокровищница православной духовности, средоточие древнего опыта христианства, доступного любому вдумчивому читателю. «Как раз то, что нужно людям!» — говорил о. Герман.

Книга служила также настоящим учебником монашества (в т. ч. и самим платинским отцам), в ней излагались на конкретных примерах основные принципы жизни в отречении от мира. На первой странице посвящение гласило: «Православным монахам последних времен».

Сколько труда, молитв, надежд было связано у отцов с этой книгой — и сколь же огорчительно скуден оказался отклик на нее. Конечно, в книге было мало эпизодов, рассчитанных на нездоровое любопытство и предвкушение видимых «чудес»: скупо говорилось о случаях ясновидения, духовной отрешенности, чудотворства. Книга просто рассказывала о долгом, длиною в жизнь, борении человека, дабы стяжать мудрость святых Отцов, распространять ее и, главное, строить сообразно собственную жизнь. Вероятно, требовалось еще несколько дополнительных ступенек, чтобы американские читатели могли подступить к оценке «Блаженного Паисия». В странах с давними православными традициями люди были более подготовлены к идеям преп. Паисия. Как и «Северную Фиваиду», эту книгу отцов в переводе на греческий также напечатали в Греции в 1990 году.

Беседуя с послушниками, отцы Герман и Серафим нередко рассказывали случаи, порой смешные, из житий русских подвижников, повлиявших и на их собственное монашеское становление. К огорчению многих слушателей, жития эти, в основном, не были переведены на английский. «Северная Фиваида» и «Блаженный Паисий Величковский» были, так сказать, лишь первыми ласточками. Барбара как-то особенно настоятельно просила отцов как можно больше жизнеописаний переводить на английский язык, чтоб они стали доступны широкому кругу читателей.

В 1976 году судьба привела в монастырь еще одного искателя пустынничества, тоже 17-летнего русского паренька, и тоже Григория. Поскольку этот новый Григорий хорошо знал русский, о. Герман дал ему читать житие пустынника Петра Мичурина, праведного юноши, пребывавшего в непрерывном общении с Богом. Он прожил в суровом подвиге вплоть до 19-ти лет, когда Господь призвал его в Свои вечные обители. В юношеском рвении Григорий, вдохновляясь примером своего сверстника, готов был целиком отдаться подвижничеству. Отец Герман мудро рассудил направить этот пыл в русло душеполезное и

соответствующее характеру Григория и дал юноше послушание переводить с русского на английский. Узнав об этом, Барбара вызвалась помочь, спросила о. Германа, какое житие ему хотелось бы первым долгом перевести: старца Антония Оптинского или старца Зосимы Сибирского. Оба они жили отшельниками в лесах Рославля и следовали духовным наставлениям преп. Паисия. Отец Герман предпочел старца Зосиму. Его житие было короче, к тому же именно его прочитал о. Герман о. Серафиму во время их давних прогулок по лесам Монтерея, именно оно побудило их оставить мир.

Итак, перевод жития начался: Григорий начитывал английский текст на магнитофонную ленту и отсылал Барбаре. Та, уединившись в лесной глуши, на слух переписывала текст, а отцы вносили правки. Отец Серафим также написал предисловие. Книжица сначала была напечатана Алексеем Янгом, позднее самим Братством и снабжена портретом старца Зосимы, который собственноручно выполнил Григорий. В 1980 году Братство выпустило и житие Петра Мичурина, небольшое, но яркое повествование самого старца Зосимы.

Прочие книги, изданные Братством, были в основном духовными поучениями. В 1978 году отцы начали печатать серию книг «Малое Русское Добротолюбие», сборник подвижнических трудов исключительно русских подвижников XIX века. Первый том был посвящен преп. Серафиму Саровскому, второй — игум. Валаамскому Назарию, духовному отцу преп. Германа Аляскинского. Уже после кончины о. Серафима вышел в свет третий том — о самом преп. Германе с его духовными наставлениями, первоначально переведеными о. Серафимом для «Православного Слова». Вышел и четвертый том — тоже в переводе о. Серафима — поучения преп. Паисия.

В начале 70-х годов о. Серафим перевел «Душеполезные поучения» аввы Дорофея, пустынника VI века, известные как «азбука монашества». С благословения архиеп. Аверкия и прот. Михаила Помазанского отцы готовились напечатать эту книгу как своеобразный дар современному монашеству. Но тогда другое издательство опередило их. Уже после смерти о. Серафима Братству удалось выпустить его перевод поучений святых Варсонофия и Иоанна и аввы Дорофея. И еще одна переводная работа о. Серафима — Правило св. Феодора Студита (краеугольный камень всего русского монашества) — еще ждет своего выхода в свет.

ПРАВ БЫЛ О. ГЕРМАН, говоря, что их книги обретают ценность только в условиях их жизни. Это не значит, что монашеское чтение должно печататься только монахами. Правильнее сказать, книги Братства, как и «Православное Слово», рождались в подвижничестве — отсюда их особая духовная заряженность.

Кладезь выдающихся православных писаний воистину бездонен — нужно только переводить и печатать, и как сокрушался о. Серафим краткостью отпущенного ему времени. Он писал Алексею Янгу: «Порой мы предаемся мечтаниям: будь у нас еще 2-3 брата-единомышленника, тогда бы и перевод и печатание пошли бы вдвое-втрое быстрее, но суровая действительность напоминает — только страданием можем добиться мы наилучшего результата. Иной раз мне кажется, что мы чересчур «разжевываем» духовную пищу страждущему читателю, как бы их не затошнило от обилия такой „жвачки"».

Всему Бог назначил свое время. Возникает вопрос: а как соразмерить духовную пользу книги с подвигом ее создания? Напрямую, конечно, никак. Но перелистайте напечатанную вручную(!) «Северную Фиваиду», вглядитесь в ее с любовью подобранные иллюстрации, вчитайтесь в каждое слово, рожденное в муках, дабы не утерять подлинный аромат древней рукописи. И тогда с тонких бумажных страниц на вас повеет иной жизнью, отличной от безумной круговерти повседневной суеты, жизнью других времен, но все же дошедшей до нас, жизнью «не от мира сего».

Алексей Янг не раз говорил о. Серафиму, что при чтении этих страниц у него «замирает сердце». «Для того они и написаны», — тихо улыбаясь, говорил о. Серафим и, не тратя времени, удалялся к себе в лесную келью — переводить дальше.

78
Православие и религия будущего

Ибо будет время, когда здравого учения принимать не будут, но по своим прихотям будут избирать себе учителей, которые льстили бы слуху; и от истины отвратят слух и обратятся к басням.

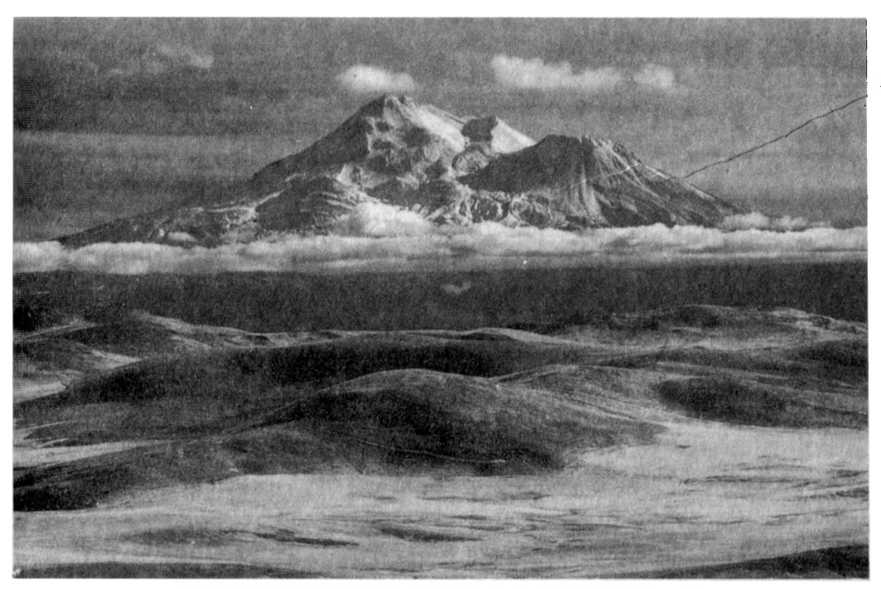
2 Тим 4:3-4.

Ибо восстанут лжехристы и лжепророки и дадут великия знамения и чудеса, чтобы прельстить, если возможно, и избранных.

Мф. 24:24.

10-ГО МАЯ 1976 ГОДА о. Серафим возвращался на своем грузовике из Орегона — он вез оттуда тираж своей первой книги «Православие и религия будущего», коей суждено вызвать подлинное смятение в умах верующих, и в особенности в России. В книге рассматриваются современные религиозные направления, признаки «нового религиозного сознания», которое прокладывает путь единой, общемировой религии и знаменует начало «бесовской пятидесятницы» последних времен. Доселе не являлось столь глубокого исследования духовных течений XX века, их никто не изучал столь подробно, опираясь на вечную, не зависящую от конкретной эпохи, мудрость святых Отцов.

С начала до середины 70-х годов, когда о. Серафим работал над книгой, почти все идеи и учения, которые он рассматривал, еще не завладели умами большинства людей, до поры они ютились на обочине философской мысли. Однако о. Серафим точно предугадал: с

Гора Шаста (4500 м) в Северной Калифорнии.

«обочины» все эти учения быстро переместятся на «главную магистраль». Он подметил, за внешними многочисленными различиями этих явлений скрывается пугающая единая цель, и достижение ее — не за горами. И, конечно, с таким «обличительным» грузом — а в книге срывалась маска с самых изощренных бесовских учений нашего времени — о. Серафим не мог проехать мимо центра американского язычества — горы Шаста. Ранее полагалось, что она — святилище некогда живших там индейцев. И ныне там обосновались и процветали оккультные группировки и целые поселения... Проехав несколько вверх по склону, он остановил машину под сенью огромной горы, там, где обычно проводились празднества теперешних язычников, исполнил пасхальные песнопения о Христовом Воскресении, о Его победе над сатаной, о попрании смерти. В который уже раз ему подумалось: «Православный священник должен окропить эту гору святой водой!» Много позже, уже после рукоположения, он с о. Германом вновь приедет сюда освятить гору. Но книга его сделает больше: она будет двигать горы!

ЗАМЫСЕЛ «Православия и религии будущего» вынашивался не один год. Как и «Курс православного выживания», она родилась из

наметок к «Царству человеческому и Царству Божию». На протяжении многих лет о. Герман уговаривал брата завершить его *magnum opus*, главный труд жизни, но о. Серафим всякий раз отговаривался тем, что работа и впрямь великая и ради нее придется отказаться от всего остального, кроме того, она чересчур «заумная и абстрактная, а нам нужно что-то поконкретнее», говорил он о. Герману. Его прежнее увлечение «сверхвысокими» материями осталось в далеком «доисторическом» прошлом. Возросли его знания как о внешнем мире, так и духовные, трезвение и труд его во имя спасения души сделались преобладающими чертами его мировоззрения, работы его утратили былую сложность, воинственность и субъективизм, стали более доступны, понятны, основательны и конкретны. Следуя евангельской простоте, он писал так, чтобы любой — стар и млад, ученый и неуч — мог понять его.

Работа над «Православием и религией будущего» началась в 1971 году с исследования последней «экуменической» моды — «диалога с нехристианскими религиями». На эту тему он написал четыре статьи (впоследствии ставшие главами книги), подробно разобрал возрождение якобы Богом посланных религий и течений, указав, что это — форма «экуменической духовности», включающей религиозные взгляды совершенно нехристианского толка.

Вскоре после статьи о «богом посланных» религиях о. Серафим получил письмо от Елены Юрьевны Концевич: «Вы точно описали религию будущего, религию антихриста». Отец Серафим понимал, что до глубокого анализа этой новой религии он еще не дошел, ибо она сама окончательно еще не сформировалась. Он указывал, что работа его «носит предварительный характер, это лишь исследование духовных взглядов, которые откроют путь для религии антихриста, религии внешне христианской, но наполненной языческим содержанием, то бишь идеей «посвящения».

Слова Елены Юрьевны Концевич о «религии будущего» пришлись кстати, когда братия замыслили все журнальные статьи на эту тему собрать в книгу. В беседе с о. Германом о. Серафим настаивал: в названии книги непременно должно быть слово «Православие», ибо всё в книге рассматривается со святоотеческих позиций в отношении духовной жизни.

Первое издание было готово на Светлую седмицу 26-го апр./9-го мая 1975 года. Книга разошлась на удивление быстро, и в августе пришлось давать второе издание. Видно, книга говорила людям о наболевшем. Но и второго издания не хватило. Тогда отцы решили, что напечатать следующий тираж им самим уже не по силам. В Спринг-

филде (штат Орегон) они нашли типографию, где брались недорого перепечатать готовую книгу. И так, почти через год после выхода книги в свет, о. Серафим, как видно из начала главы, поехал в Орегон за тиражом третьего издания.

В 1979 ГОДУ О. СЕРАФИМ окончательно переработал книгу, расширив ее до восьми глав. В предисловии он говорил об «экуменическом движении» как о «смешанной общемировой религии» и приводил примеры самых ярых экуменистов, пытавшихся создать «новое единство» вкупе с другими религиями. В противовес этому в начальных трех главах о. Серафим изложил общий подход к нехристианским религиям, выделив их главные различия с христианством, как с богословской, так и с точки зрения обычной духовной жизни. В первой главе швейцарский православный священник рассказывает — с богословской точки зрения — о понятии бога в религиях Ближнего Востока, с которыми нынешние экуменисты пытаются объединиться на принципах «единобожия».

Во второй главе рассматривается самая могущественная религия Востока — индуизм. Женщина, которая до прихода к Православию 20 лет исповедовала индуизм, убедительно (а порой и пугающе) показывает бесовскую суть этого языческого учения. Она и на себе испытала бесовское влияние, когда поклонялась «божеству» в святилище Индии и привела цитату из Свами Вивекананды: «Так поклонимся Ужасу ради самого Ужаса... Только индусы способны поклоняться Богу, видя в нем олицетворение Зла». Далее она рассказывает, что Вивекананда появился на Западе в 1893 году и с очевидной целью — обратить его в индуизм. Чтобы привлечь людей, он говорил, что индуизм вобрал в себя все религии (впрочем, на деле он питал глубокое презрение к христианству). За сравнительно короткое время Вивекананда добился значительного успеха, внедрив идеи индуизма в католичество. Его видение «общемировой религии» сродни «новому христианству» Тейяра де Шардена, а тот, в свою очередь, позаимствовал многое из веданты и тантры. И его «эволюционизм» коренится в философии индуизма.

Третья глава книги — «Факирское чудо и Иисусова молитва» рассматривает противостояние духовности христианской и нехристианской. В ней приводится рассказ доктора А. П. Тимофиевича, которого о. Герман знал лично по Ново-Дивеевскому монастырю, об удивительном происшествии на Цейлоне. Православный иеромонах начал творить Иисусову молитву перед факиром-«чудотворцем». Было это в начале нашего века. Факир потрясал воображение западных

зрителей, показывая им самые фантастические «видения». Но стоило начаться Иисусовой молитве, как все «чудеса» растаяли, и факир с ненавистью уставился на священника. Отец Серафим писал, подводя итоги главы: «Восточная духовность, конечно, не ограничивается таким трюкачеством... Однако силы свои восточные мудрецы черпают именно из этого «факирского» источника: при этом людям остается лишь безвольно созерцать «духовную» сущность, позволяющую „общаться с богами язычества"»[1].

Все остальные главы «Православия и религии будущего» целиком написаны о. Серафимом. Представив ранее свидетельства троих православных о том, что Бог несовместим с «божеством» других религий (тоже держащихся единобожия, но отвергающих Святую Троицу), что явленные чудеса и сила языческих божеств по природе своей сатанинские, о. Серафим приводил, подводя итог их развенчанию, такие слова апостола Петра: «Бог нелицеприятен, но во всяком народе боящийся Его и поступающий по правде приятен Ему...» (Деян. 10:34-35) И те, кто живет в рабстве у сатаны, «князя мира сего» (Ин. 12:31), во мраке, куда не проникает свет христианского Евангелия, будут судимы в свете естественного свидетельства о Боге, которое каждый волен иметь, даже находясь в рабстве.

В последующие годы, когда о. Серафима спрашивали об отношении Православия к нехристианским религиям, он отвечал: каждый отвечает в той мере, в какой ему дано. «Коли вы приняли евангельские откровения, с вас и спрос больше, чем с других. Человек, принявший Бога вочеловеченного, но живущий неподобающе — много хуже любого языческого жреца»[2].

И все равно в книге он высказывался категорично: «Для всякого принявшего откровение Господне никакой «диалог» с теми, кто вне веры (православной), невозможен. «Не преклоняйтесь под чужое ярмо с неверными... Что общего у света с тьмою... или какое соучастие верного с неверным?» (2 Кор. 6:14-15) Призвание христианина, напротив, принести неверным свет Православия, подобно св. апостолу Петру, принесшему его домочадцам богобоязненного сотника италийского полка Корнилия (см. Деян. 10), дабы просветить их и присоединить к избранному стаду Христову».

Духовная «всеядность» привела к великой путанице в умах многих мнимых христиан, поскольку влияние восточных учений на Западе всё возрастало. Отец Серафим писал: «Показателен пример Томаса Мертона, искренне принявшего римское католичество и монашество около сорока лет назад (задолго до коренных реформ 2-го Ватиканского Собора). Он окончил свои дни, проповедуя равенство христианской

духовности и «просветленности» дзен-буддизма и прочих языческих религий. За последние 20 лет словно ржавчина выела остатки здравого христианского мировоззрения в протестантстве и католичестве, теперь же эта ржа поразила и самое святую Православную Церковь. И «диалог с нехристианскими религиями» скорее следствие, нежели причина этого недуга»[3].

В четвертой главе «Наступление восточной медитации на христианство» о. Серафим исследовал различные попытки совместить христианство с восточными религиями, особенно в практической духовной жизни. Начал он с книг «Христианская йога» и «Христианский дзен». В первой автор писал, что «йог-христианин», достигая душевного покоя, ждет, когда его коснется Святой Дух, дабы встретить его с трепетом и всецело подчиниться ему. Из святоотеческих источников о. Серафим вывел, что такое состояние — не более, чем один из видов «прелести» (духовного заблуждения, самообмана), когда человек пытается произвольно стяжать «святость и божественность» чувств, некую «благодать», что якобы легко достижимо при «мистическом, внутреннем созерцании», или, как оно именуется, «медитации».

Таким же образом о. Серафим рассмотрел и другую книгу — «Всеобъемлющая медитация» — руководство к «достижению духовного успеха без видимых усилий». Отец Серафим писал, что подобный подход «применялся часто в середине 70-х годов в армии, школах, тюрьмах, больницах, в некоторых церковных общинах (в том числе в Греческой Архиепископии в США) как средство «душевной терапии», что сопоставимо с исповедованием того или иного религиозного культа. Чтобы доказать лживость такого подхода, о. Серафим описал «санскритское посвящение» на подобных курсах «всеобъемлющей медитации», где наивные американцы приносят жертвы языческим богам. «Так современный агностик, не верящий в богопознание, приобщается к языческим индусским ритуалам, незаметно он подстрекается к таким богопротивным действиям, которым его далекие предки-христиане предпочитали муки и смерть — к жертвоприношению языческим богам. В духовном плане страшен скорее этот грех, а не сама «медитация», и, пожалуй, именно он служит объяснением невиданного успеха «всеобъемлющей медитации»[4].

В пятой главе «Новое религиозное сознание» о. Серафим более остановился на быстром развитии и внедрении на Западе восточных (и псевдовосточных) учений. «Достаточно нескольких примеров из жизни начала 70-х, чтобы убедиться, сколь велико влияние восточных религий среди американской молодежи (которая всегда «впереди планеты всей» во всех начинаниях). Первым делом он описал кришнаитов в Сан-Фран-

циско во время их ежегодного празднества: они везут огромное изваяние «бога» через парк Золотые Ворота к океану, со всеми почестями, характерными для индуизма. Отец Серафим замечал: «Сцена типичная для языческой Индии, но для «христианской» Америки — нечто новое».

Далее он остановился на движении гуру Махараджи, которого тысячи молодых поклонников провозгласили «богом вселенной». На большом собрании в Хьюстоне «Третье тысячелетие-73», под крышей огромного спортивного дворца Махараджу приветствовали овацией, а на огромном табло вспыхнула надпись «БОГ». «Это уже более, чем почитание языческого идола, — пишет о. Серафим. — Еще несколько лет назад такое поклонение здравствующему человеку невозможно было бы представить ни в одной христианской стране. Сегодня же — это обычное явление для тысяч и тысяч «богоискателей» Запада. Это ли не репетиция перед приходом антихриста в конце времен, ибо сказано: «В храме Божием сядет он, как Бог, выдавая себя за Бога» (2 Фес. 2:4)[5].

Следующим о. Серафим подверг анализу движение тантрической йоги, чьи приверженцы жили в горах Нью-Мексико. По сути, учение это — вариант религии сикхов, известной, как три «С»: Сила, Счастье, Святость. Позже глава пополнилась исследованием «Занятия дзен-буддизмом в Северной Калифорнии»: о. Серафим описал монастырь на горе Шаста, где побывал сам. «Шастинское аббатство», как оно себя величало, было первым удачным опытом дзен-буддистского монастыря в Америке, с англичанкой настоятельницей. Основан он был в 1970 году, почти одновременно с платинским скитом и располагался неподалеку, милях в ста. В укладе его и впрямь было немало подлинного. По издаваемой там литературе о. Серафим видел, сколь чуждо этим людям позерство и фарисейство. Он отметил: «Пожалуй, из всех восточных учений дзен наиболее интеллектуально утонченное и трезвенное. Оно учит состраданию и любви «космического Будды», на такую ступеньку не поднимался еще человеческий разум — до Христа. Их беда и трагедия в том, что у них нет Христа и, следовательно, нет спасения. Их мудреность и рассудительность служат непреодолимым барьером ко спасению во Христе. Их тихая сострадательность, пожалуй, самое печальное наследие «послехристианской» эпохи, то бишь времени, в котором мы живем. Нехристианская «духовность» долее не чужда Америке, а стала ей «родной» религией, пустила глубокие корни в сознании людей Запада. Пусть это послужит нам предостережением: религия будущего — не просто «секта» или «культ», но мощное и глубокое религиозное чувство, неоспоримо убедительное для разума и сердца современного человека»[6].

В связи с дзен о. Серафим писал еще о «несостоятельности прагматизма», о чем упомянула женщина, перешедшая из индуизма в Православие. Это non sequitur (ложный вывод) многих восточных религий: «Коль скоро та или иная система приносит плоды, значит, она хороша». По сути дела, о вере и речи нет — ее заменил опыт, практический результат. «Без богословия, — писал о. Серафим, — дзен, как и индуизм, не способен отличить добро от зла в духовных проявлениях. Он лишь может выделить то, что кажется «хорошим», потому что несет «покой и гармонию». Всё рассматривается с точки зрения естественного человеческого разума, но не Божественного откровения. А остальное дзен отметает как иллюзорное».

Слова эти перекликаются с его оценкой (десятилетней давности) «культа практического опыта». Но теперь о. Серафим говорит лишь об угрозе бесовской подмены теории практикой. «Когда практический опыт возобладает над учением, оно либо обесценивается, либо устраняется вовсе, тем самым рушатся «сторожевые посты» христианства и ничто уже не сдерживает натиска падших духов. Бездействие и «открытость» новых религий, по сути, оставляют беззащитного человека на потребу бесам».

Отец Серафим понимал, что затронул лишь верхушку айсберга, описав внедрение восточных культов в жизнь Запада. «Они множатся каждый год, то появляются новые, то видоизменяются прежние. Теперь еще к религиозным добавились мирские теории «самопознания», зовущие «снять напряженность», «раскрыть подспудные способности», и всё это преподносится людям на удобоваримом для них «научном» языке». Отец Серафим советовал православным держаться подальше от таких религиозных или мирских организаций, ибо они «заведут на пагубный для души путь, ведущий к умственному или душевному повреждению, и в итоге — к вечной погибели души».

Далее о. Серафим обратился к явлению, вроде бы не связанному с религией, но которое поставлено на службу «новому религиозному сознанию», даже теми, кто, казалось, не проявлял к религии ни малейшего интереса. Это явление — НЛО, неопознанные летающие объекты, и ему о. Серафим посвятил шестую главу книги «Знамения небес. Православно-христианская трактовка НЛО». Ему пришлось перечесть немало книг известных ученых, историков, равно и научно-популярные работы. Последние дали ему представление о «духе времени». В его библиотеке в оптинской келье появились даже такие книги, как «Непосредственные контакты с инопланетянами» и «Звездные войны».

В начале главы о. Серафим обращается к истокам научной фантастики, чтобы определить предпосылки, существующие в челове-

ческом сознании, которые связывались бы с НЛО. Далее он изучил факты: рассказы ученых об НЛО, доклады государственных комиссий. Он проследил историю появлений НЛО с начала века, произвел их классификацию, подробно пересказал самые достоверные сообщения о встречах с ними. Относительно непосредственных встреч с «инопланетянами» он писал: «Научная фантастика подарила образы, «эволюция» подсказала философское обоснование, наука и техника «космического века» доказали реальную возможность таких «контактов».

Убедительно показав, что тысячи сообщений и наблюдений имеют несомненно какое-то конкретное объяснение, он изложил свою точку зрения, опираясь на святоотеческие источники. Эту точку зрения, как ни странно, наблюдения «светских ученых» только подкрепили. Отец Серафим писал: «Совсем недавно серьезные исследователи начали приходить к мнению, что хотя НЛО имеют некоторые «физические» признаки, никоим образом не могут считаться космическими кораблями, а являются скорее принадлежностью парапсихологической или оккультной сферы. Французский астрофизик Жак Валле полагает, что НЛО могут быть и физическими объектами, как и чисто психологическими явлениями. Д-р Валле задается мудрым вопросом: а не являются ли все эти «встречи» хорошо отрепетированным спектаклем и не скрывается ли за «посещениями из космоса» иная, несравненно более сложная природа всех этих «технических чудес». Вместе с д-ром Алленом Хайнеком, ведущим научным консультантом ВВС США, он выдвинул теорию «земных пришельцев» из «параллельного» существующему на нашей планете мира. По словам проф. Брэда Стайнера, досконально изучившего все сведения об НЛО, накопленные в ВВС: «Мы имеем дело с многомерным парафизическим явлением, которое вероятнее всего земного происхождения».

Отец Серафим отмечал, что «самое непонятное в НЛО для ученых, а именно странная смесь физических и психических характеристик, совершенно ясно всем, кто читал духовную православную литературу, особенно жития святых. У бесов тоже есть «физическое тело», но столь тонкой материи, что неуловимо людьми, если, конечно, их восприятие не раскроется полностью (Божьей волей, например, у святых, или волей магов — у чародеев)»[7].

Из глубины веков дошли до нас упоминания в православной литературе о бесовских явлениях, которые в точности соответствуют НЛО. Их не опровергнуть. Вспоминая, сколько сверхъестественного происходило в жизни Отцов, удивляешься, до чего «современны» случаи, ими описанные. Отец Серафим пересказал случай с м. Анатолием (IV в.), принявшим бесовское наваждение за явление Ангелов, пока его

не вразумил св. Мартин Турский. А из жития преп. Нила Сорского (XV в.) о. Серафим рассказал о бесах-«похитителях», что в точности соответствует сегодняшним описаниям похищений людей «инопланетянами».

Отец Серафим пришел к выводу, что «современные явления «летающих тарелок» вполне подвластны бесовской «технологии». Других разумных объяснений нет. Многообразные бесовские явления, описанные в православной литературе, приспособлены ныне к модной «космической мифологии», только и всего. И уже упоминавшегося м. Анатолия сегодня бы сочли обыкновенным «контактером» с НЛО. И цель этих «неопознанных» объектов очевидна: навести страх на свидетелей, привнести «таинственность», предоставить «доказательства» существования более высоких форм разума («ангелов», если жертва — человек верующий, «гостей из космоса» — для современных безбожников) и тем самым внушить доверие к их «миссии»...[8]

А миссия эта очевидна: подготовить людей к приходу антихриста, грядущего «спасителя» вероотступнического мира. Не исключено, что и сам он появится с небес, дабы довершить свое сходство с Христом, о чем написано и в Евангелии от Матфея (24:30), и в Деяниях апостолов (1:11), а, возможно, лишь его глашатаи прилюдно приземлятся на «космических кораблях» и предложат землянам поклониться своему «космическому властелину». А, может, «огонь, низводимый (зверем) с неба» (Откр. 13:13) будет лишь эпизодом великого бесовского шабаша последних времен? Во всяком случае, человечеству внушается: грядет избавление, не посредством христианского откровения и веры в Бога невидимого, а от космических пришельцев»[9].

Отец Серафим повторил пророческие слова, сказанные свят. Игнатием (Брянчаниновым) сто лет назад: «Чудеса антихриста будут большей частью происходить в воздушной стихии, где находится главное владение сатаны».

Отец Серафим говорил: «Явление НЛО — знак православным христианам с большим трезвением и осторожностью идти узкой тропой ко спасению... Православный знает, что человек не «эволюционирует» в какую-то особь более высокого порядка, нет у него оснований верить и в существование «высокоразвитых» существ на других планетах, однако он знает, что есть во вселенной — и помимо него — две наделенные разумом силы. Человек старается жить в согласии с той, что служит Богу, т. е. Ангелами, и избегать соприкосновений с силой противоположной, богопротивной (с бесами), из зависти и злобы пытающейся увлечь и человека за собой в пучину зла. Но человек слаб и себялюбив, склонен к заблуждениям и охотно верит

сказкам о «контактах» с высшей субстанцией или высокоразвитыми существами, достижимой без терний христианского пути, скорее даже бегством от этих терний, от борения. Человек, справедливо не доверяя собственным возможностям распознать бесовский обман, должен еще ближе держаться Священного Писания и Священного Предания — того, что дает ему Христова Церковь»[10].

Современность, описанная трезво и пугающе в этой главе, сменяется еще более удручающей картиной, показанной в главе следующей — «Духовное вырождение как знамение времени». Удручает она потому, что говорит о некогда исконно христианской стороне жизни. Отец Серафим также исследовал историю и развитие «феномена чудес», начало этому периоду было положено с приходом нового 1901 года — вступлением в новый век. Он объяснил, как пытаются использовать это явление экуменисты, которые тщатся объединить все Церкви на основе общего «духовного опыта», вовлекая уже и православные Церкви. Далее он исследовал природу «богоданных чудес» и само движение, опираясь в основном на свидетельства его участников и сторонников.

В этой связи о. Серафиму пришлось исследовать учебники по спиритизму и шаманству. Он обнаружил, что описания «деяний» современных «чудотворцев» полностью соответствуют тому, что делали медиумы, как в старые времена называли магов, чародеев, колдунов, но не имеют никакого отношения к таинствам богослужений православной Церкви. Отец Серафим даже ввел термин «христианского медиумизма», чтобы точнее назвать все возрастающие «богоданные чудеса», ибо процесс этот весьма опасен. Обнаружил он и подлинное шаманство — иначе и не назвать некоторые более чем странные ухищрения современных «чудодеев». Дьявол старается — и успешно! — затянуть в сети оккультного мирян и с помощью НЛО (чем не новые медиумы!), и с помощью «явления чудес». Конечно, всё это оказывает влияние на духовно подслеповатых христиан нашего времени. Отец Серафим писал: «Главным достижением современных «пятидесятников» явился изобретенный ими способ введения человека в некий транс, в состояние, при котором он произвольно может использовать чудесно ниспосланные ему дарования, как, скажем, врачевание, ясновидение и т. п.»

Николай Бердяев, великий русский философ, провозглашенный поборниками православного «чудодейства» «великим духовным пророком современности», считал, что «в новую эпоху Святого Духа подвижническому мировоззрению не будет места». Отец Серафим комментировал это высказывание так: «Вывод очевиден: ведь только православное подвижническое мировоззрение дает людям, приоб-

щившимся Духа Святого при крещении и миропомазании, стяжать эту благодать на протяжении жизни. Оно учит, как различать и остерегаться духовного обмана». «Новая духовность», о которой писал Бердяев и которая претворяется в жизнь нынешними возрождающимися «чудодеями», построена на совершенно ином основании и явила себя совершенно лживой в свете православного учения о подвижничестве»[11].

Отцу Серафиму пришлось вновь обратиться к высказываниям святых Отцов, чтобы читатель мог воочию убедиться, сколь актуальны они и сегодня. Особенно он выделял работы свят. Игнатия (Брянчанинова), применив его учение о духовном заблуждении к конкретным примерам «чудодейства». Он указал, что наряду с внешне заманчивыми «видениями», которые подсовывает дьявол, есть и менее очевидные подвохи, известные в святоотеческой литературе как «мнения». Обольщенные люди прельщаются не видениями, а лишь высокодуховным «религиозным чувством». Свят. Игнатий (Брянчанинов) указывал, что подобное случается, когда «сердце жаждет и стремится к наслаждению святыми и Божественными чувствами, будучи совершенно к ним неподготовленным. Каждый, кто не имеет дух сокрушенный, кто видит в себе какую-то добродетель или достоинство, кто не придерживается неукоснительно учения православной Церкви, а на основе того или иного толкования придумал свое собственное своевольное суждение или последовал неправославному учению, находится в состоянии подобного заблуждения». Именуется оно «мнением» и, согласно свят. Игнатию (Брянчанинову), «удовлетворяется придумыванием поддельных чувств и состояний благодати, из которых рождается ложное, неправильное представление обо всем духовном подвиге... Оно постоянно измышляет псевдодуховные состояния, «дружбу» с Иисусом, внутренние беседы с Ним, мистические откровения, голоса, наслаждения... От таких действий кровь получает греховное, обманное движение, которое предстает как посланное Божьей милостью наслаждение... Оно скрывается под маской смирения, благочестия, мудрости».

Отец Серафим указывал, что «стяжание Святого Духа происходит долгим и трудным путем подвижничества, путем «„скорбей" в лоне Церкви Христовой». «Мнение» же, писал свят. Игнатий (Брянчанинов), «рассыпает свои дары в безграничном изобилии и с невиданной скоростью»[12].

В заключительной главе о. Серафим признал, что, «возможно, найдутся сомневающиеся, дескать, почему возрождение «чудодейства» непременно сродни трюкам медиумов, дескать, неважно, каким путем передается «дух» или «чудо». Дело лишь в том, что дух этот не имеет ничего общего с православным христианством и следует буквально

всем заветам и пророчествам Николая Бердяева относительно «нового христианства». Монашеский подвижнический дух многовекового Православия полностью остается в забвении. Это ли не доказательство неистинности такого «духа»? «Новое» христианство не довольствуется традиционным верованием, направляющим духовные силы человека к покаянию и спасению. Предпочитая сходиться во мнении с Бердяевым о том, что развитие христианства до сих пор «не завершено», оно добавляет второй уровень «духовных переживаний», которые по характеру никак не соответствуют христианству (хотя толкуются именно таковыми). Они доступны всем людям, независимо от вероисповедания, от покаяния и никоим образом не связаны со спасением души. Открывается «новая эра в христианстве, эра новой и глубокой духовности, новых преобильных излияний Святого Духа», что полностью противоречит православному учению и пророчествам...

Для духовного состояния современного мира очень показательно глубокое внедрение среди христиан всяких «чудодействий», «медитаций». Бесспорно, в душах таких христиан уже угнездилось религиозное чувство Востока, но это следствие, а причина в том, что христиане теряют ощущение и «аромат» христианства. Только потому возможно чуждым христианству веяниям, как «медитация», проникать в душу верующих...

Современные движения «чудодеев», «христианская медитация» суть составляющие «нового религиозного сознания», предтечи *религии будущего, религии последних людей последнего времени, религии антихриста*. И главная задача его — *приобщить и христиан бесовскому «посвящению», что раньше бесы могли делать лишь среди язычников*. Допустим даже, что все эти «религиозные опыты» проводятся пока осторожно и втихую, допустим, что они во многом продиктованы не бесовскими кознями, а собственным самообманом человеческой психики. Конечно, не все успешно «медитирующие», или — по их разумению — «стяжавшие крещение Духом», приняли тем самым посвящение в сатанизм. Но очевидно, что методы этого «посвящения» будут со временем всё более и более действенными, по мере того как человечество, открытое «новым религиозным ощущениям и переживаниям», будет всё более и более подготовлено к этому «посвящению», чему весьма способствуют новомодные религиозные течения...

Противостоять этому могучему противнику истинная православная Церковь может лишь *вооружившись глубоким познанием сути православного христианства, его цели, отличной от целей иных религий, как христианских, так и нехристианских.*

Православные! Берегите дарованную вам благодать, не низводите ее до обыденного и привычного, не подходите к ней с человеческими мерками, не ищите в ней логики или «понятности». Ибо возможно ль найти ее нам, ограниченным земным человеческим кругозором, нам, тщащимся стяжать благодать каким-то окольным путем, иным, нежели тем, который предлагает Церковь Христа. В наш бесовский век, разумеется, истинное Православие кажется едва ли не сумасбродством: ничтожная кучка презираемых «глупцов», которые не приемлют нового духовного «возрождения» (подстрекаемого духами совсем иного рода). Утешимся же словами Господа нашего Иисуса Христа: «Не бойся, малое стадо! Ибо Отец ваш благоволил дать вам Царство» (Лк. 12:32)[13].

Работая над «Православием и религией будущего», о. Серафим прибег к методу наиболее действенному и убедительному для современных читателей. Писал ли он о восточных религиях, об НЛО или «чудодействах», в первую очередь приводил красноречивые факты, а уж потом — свои категоричные выводы. Иногда (например, описывая «чувства и ощущения», которые для любого христианина очевидно языческие) убедительных фактов было достаточно на страницу-другую. Иногда приходилось цитировать солидных и многочисленных авторов, дабы показать истинную суть явления (как, например, современного «чудодейства»).

И так описания и факты в каждой главе подытоживались конкретным выводом. Все выводы связаны и обобщены в конце книги — из разрозненной мозаики сложилась полная и четкая картина!

Еще одним характерным писательским приемом о. Серафима является умение неявно и ненавязчиво вместить многое «между строк». Прием этот нередко использовала в своих работах Елена Концевич, она высоко ценила эту способность и в о. Серафиме. В конце книги он даже прямо указал, что сознательно избегал «пережима». Он писал: «В намерения наши входило представить трезвый и объективный взгляд на нехристианские религиозные проявления в современной жизни, ибо они торят дорогу «религии будущего». Мы почти не коснулись «страшных рассказов, иллюстрирующих некоторые из этих новых культов, хотя рассказы эти правдивы и показывают, что происходит с человеком, полностью плененным сатаной».

Накануне выхода в свет дополненного и исправленного издания книги мир потрясла, пожалуй, самая страшная весть о массовом самоубийстве почти тысячи человек, членов джоунзтаунской секты в Гвиане.

Отец Серафим счел своим долгом рассказать в эпилоге нового издания о спиритизме Джима Джоунза, стакнувшимся с «новым религиозным сознанием» (Джоунз объявил себя «жрецом или медиумом бесплотных существ из другой галактики»), и также о его прокоммунистических взглядах, что привело его к принятию революционного нигилизма XX века. (Всё имущество джоунзтаунской коммуны — около 7 млн. долларов — он завещал коммунистической партии СССР). На примере Джима Джоунза и его последователей о. Серафим показал «особое сращение религии и политики, видимо, необходимую черту для ревнителей антихриста — политико-религиозного вожака человечества последних времен».

Хотя о. Серафим и пытался избежать «сенсационности» в своей книге, многим читателям выводы его покажутся излишне резкими и суровыми. И впрямь, о. Серафим во всех своих работах не избегал «острых углов». Поскольку повсюду совершается предательство христианской веры — явное или скрытое — о. Серафим считал, что не время «деликатничать», искать компромиссы. Однако будучи непримиримым, когда дело касалось разоблачения бесовских козней, «добрых намерений, которыми устлана дорога в ад», о. Серафим являл много любви и сострадания в пастырстве, когда общался с конкретными людьми. Поговорив по душам с некоторыми искренними христианами, приобщившимися «чудодейств» наших дней и прочитавших его книгу, он лучше сумел понять их чувства, личностное восприятие того, что он описывал. В результате таких бесед в новом издании книги появились следующие строки: «Книгу эту прочитали несколько человек, вовлеченных в движение современных «чудодеев», некоторые оставили его, почувствовав, что дух, питающий их духовные «видения» и «откровения», вовсе не Дух Святой. Подобным людям, читающим сейчас эту книгу, хочу сказать: «Вы, возможно, чувствуете, что ваше приобщение нового «духовного опыта» приносит пользу (хотя, быть может, какие-то сомнения и точат вашу душу), возможно, вы не верите в бесовскую его природу. Указывая на то, что по существу вся «новая духовность» оккультна, мы не зачеркиваем все ваши духовные переживания. Если, к примеру, они подвигли вас к раскаянию в грехах, к осознанию того, что Господь наш Иисус Христос — Спаситель человечества, к искренней любви к ближнему, к Богу — всё это хорошо и не утеряется, отойди вы от «новой духовности». Но если же обретенный опыт подсказывает, что вы наделены даром «говорить на языках», или пророчествовать, или обладаете еще какими-либо сверхъестественными способностями и что

это — от Бога, тогда книга эта поможет вам убедиться, что область христианского духовного опыта много глубже, чем вы полагали, что козни дьявола много хитрее, чем вы представляли, что желание нашего падшего естества принимать обман за истину, душевное довольство за духовный опыт много сильнее, чем вы думали»[14].

В том же ключе разговаривал о. Серафим и с теми, кто честно докапывался до истины в восточных религиях. В письме к одному молодому человеку, последователю Рене Генона, который чисто умозрительно интересовался восточными религиями, о. Серафим рассказал о своем увлечении французским философом и серьезном изучении Востока. В заключении он написал: «С благодарностью вспоминаю Рене Генона — своего первого учителя Истины, молюсь, дабы и Вы взяли лучшее из его учения, отринув его ограниченность... Даже психологически «восточная мудрость» не для нас — плоть от плоти западной жизни, нам явно дано православное христианство, что видно на примере Западной Европы первого тысячелетия, до отпадения Рима. Очевидно и другое: Православие — не просто «одно из многих традиционных учений, не просто «передача мудрости, накопленной веками», это — Истина Божия, явленная нам в наши дни, непосредственная связь с Богом, чего не в силах дать ни одно другое учение. Несомненно, в них много истинного, переданного через века, когда люди были ближе к Богу, или умозрительно найденного просвещенными людьми. Но полная Истина только в Христианстве, где Бог открыл Себя человечеству. Привести лишь один пример: и в других учениях написано о духовных заблуждениях, но досконально разработано это лишь православным святоотечеством. Еще более важно, что заблуждения эти (будь то бесовские козни или просто плод нашей падшей природы) поражают всех и вся и глубоко укореняются, и не было бы спасенья от них, не приблизься к нам Сам Господь, не приди к нам на помощь и не открой Себя по любви в Христианстве. Сравните: индуизм тоже учит о конце света — кали юга, и это истинно, но одно лишь знание этих истин обрекает человека на безоговорочную капитуляцию пред искушениями последних времен, и многие познают антихриста (чалмкуби) и станут поклоняться ему. Лишь силою Христовой в сердцах наших сможем мы противостоять злу».

ВСКОРЕ ПОСЛЕ ВЫХОДА В СВЕТ «Православия и религии будущего» в монастырь преп. Германа приехали гости, в основном поборники «нового христианского сознания» всех тех течений, которые описал о. Серафим. В летописи от 25-го ноября 1976 года значится: «На

выходные к нам приехал сегодня некий человек. Вырос он в православной греческой семье в Стоктоне, потом примкнул к «христианам-йогам», стал у них монахом, пока их духовный наставник не «очистил» секту от христианского влияния и не прогнал его: дескать, православные христиане и евреи не могут полностью отречься от своей веры. Наш знакомец вынужден был «начать с нуля». Вот уже несколько месяцев он посещает греческую церковь в Стоктоне, проявляя интерес к монашеству. Он уезжает от нас в воскресенье, очевидно, ему у нас понравилось, и он приедет еще погостить подольше (он планирует совершить паломничество по православным монастырям)».

Видел о. Серафим и страдания — последствия духовных заблуждений, о которых писал в своей книге. В июле 1976 года молодой человек Джефф приехал в Платину, точнее, его привез один православный из Сан-Франциско. Обратимся снова к летописи о. Серафима: «В воскресенье долго гулял с Джеффом. Ему 27 лет, вырос он в протестантской семье, и вот уже не один год его посещают страшные видения: фигуры людей, какие-то потусторонние силы. Они участились, когда одна из сект попыталась «приручить» Джеффа. Видений его никто объяснить не может. Начитавшись Симеона Нового Богослова, он вообразил, что видения его сродни тому, что видится святым, например, видение «живой воды». Отец Серафим объяснил, что это всё от дьявола и ничего удивительного (по нашим временам) в этом нет. Посоветовал ему обратиться в Православие — возможно, тогда он не будет психически столь уязвим, а можно начинать и истинно духовную жизнь. Воистину бесовские времена настают!»

Совет о. Серафима в точности повторяет сказанное свят. Игнатием (Брянчаниновым) одному из монахов в подобном же случае: тому в прелести пришло мнение, «будто он — великий подвижник и провидец». Он поведал свят. Игнатию, как его охватывает «пламенный жар», он слышит голоса Ангелов, зовущих его лететь на гору Афон. Когда он последовал совету святителя — жить смиренной монашеской жизнью, не налагая на себя чрезмерного подвига (и поселиться на нижнем этаже, дабы сподручнее было «лететь», если бес попутает), — все его «сверхъестественные силы» исчезли и он смог возобновить свой духовный путь.

Как уже упоминалось, книга о. Серафима всколыхнула некоторых «новых чудодеев», в частности, паломника Дана. Он навестил монастырь в 1974 году. «Пробыл он недолго, — писал о. Серафим, — но жизнь его открылась как на ладони. Происходил он из семьи протестантов со старыми устоями и очень скоро обнаружил духовную пустоту своей веры. Родная бабушка приобщила его к «духовным сокровищам»

пятидесятников. Не успел он коснуться подаренной ею Библии, как получил «дар свыше»: вскорости ему явился бесплотный дух и подробно рассказал, куда ему идти, куда ехать. Юноша мог гипнотизировать людей, заставляя их перемещаться по воздуху (так он подшучивал над атеистами-знакомыми, приводя их в ужас). Иной раз он сомневался, а от Бога ли все эти «дарования», но сомнения рассеивались, ведь теперь он не ощущал духовной пустоты, его «духовное возрождение» началось с прикосновения к Священному Писанию и жизнь его теперь наполнена молитвой и «духовным» содержанием. Познакомившись в монастыре с Православием и прочитав статью о возрождении «чудодейства», он признал, что впервые нашел четкое и исчерпывающее объяснение своим «духовным» явлениям. Очевидно, вдохновлял его нечистый дух».

Дан прочитал лишь статью в «Православном Слове». Впоследствии о. Серафим включил ее отдельной главой в книгу, присовокупив и рассказ о Дане (в предисловии), правда, не указывая имени. Спустя год Дан снова приехал в монастырь и сообщил, что порвал с прежним увлечением, сочтя его весьма опасным. Ему дали прочитать «Православие и религию будущего», и он сразу признал себя в приводимом рассказе.

Несколько времени спустя отцы получили письмо от одинокой женщины в Миссури:

> Уважаемые господа!
>
> Глава о возрождении чудодейства отлична! Вы будто угадали мой жизненный путь. Как остро вы почувствовали важность и насущность этого вопроса. Мы, протестанты, ощущая полное бессилие в наши страшные времена, стараемся достичь нечто большего, чем дает Церковь. И в сфере «нового чудодейства» мы это большее поначалу находим. Конечно, это потрясает воображение! Потом лишь начинаем прозревать некую неистинность и в самих ощущениях. Уж больно легко даются редчайшие дары — врачевания, прорицательства и пр. — людям, не обладающим глубокой духовностью. В частности, я имею в виду себя, свои недостатки. И тогда нам хочется повернуть вспять. Но куда? К чему? Мне показало истинную силу, красоту и святость Православие, оно также определило «ступеньки к духовности» в повседневной жизни. Всего этого я не нахожу в других религиях. Прилагаю статью о движении «чудодеев», может быть, вам пригодится. От подобных групп веет, увы, не смирением, а

упоением собственной праведностью. Грустно. Спасибо за вразумление.

То, ЧТО ПЕРЕД ПРИХОДОМ в Православие о. Серафим был причастен к религиям Востока, весьма помогало ему общаться с теми, кто продолжал их исповедовать. Вот что рассказывает один студент (он изучал разные религии), 19-летним юношей встретивший о. Серафима: «Хотя вырос я христианином, но без каких-либо твердых взглядов, и на первом же курсе увлекся дзен-буддизмом, изучал его в теории и на практике. Один из приятелей познакомил меня с Православием, и, побывав на службе в церкви, я глубоко проникся увиденным. Сердце мое отозвалось сразу, ум безмолвствовал. Вскоре меня пригласили к себе в общежитие православные студенты, тоже возгоревшиеся сердцем молодые новообращенные, искавшие братьев по духу. Сразу же они заявили, что «все боги народов — идолы» (Пс. 95:5) и в подтверждение цитировали о. Серафима. Меня такое возмутило. Как можно, не зная меня, нападать на мою веру! Но, пожалуй, больше всего меня задело то, что они не понимали, на что ополчались. Много ли знали они о дзен-буддизме?! К Православию они пришли из лютеранской и англиканской церквей и за всю жизнь, поди, не сидели в позе лотоса! В ту пору я чувствовал, что мои духовные пристрастия нейтральны. Я не поклонялся восьмирукому божеству и не собирался этого делать. Я просто зажигал благовонные палочки, усаживался и принимался «считать вздохи». Под влиянием дзен-буддистской философии я полагал, что Бог безличен: «Всеобщий Разум», «Великое Сущее» и т. п.

Студенты подарили мне «Православие и религию будущего». Сердцем я чуял: в книге много истинного, но в то же время понимал, что пока я к ней не готов. «Придет время — прочту», — решил я. Насильно делать ничего нельзя.

Потом я познакомился с самим о. Серафимом — он приезжал к нам в колледж — и всё сразу встало на свои места. Мои православные друзья (к тому времени я уже простил их) говорили, что некогда о. Серафим сам исповедовал индуизм. (Теперь-то я понимаю это недоразумение. Они прочитали в книге рассказ женщины, увлекавшейся ранее индуизмом, и сочли, что это строки самого о. Серафима). Я спросил его об этом. «Нет, меня больше привлекал буддизм», — ответил он, что расположило меня к нему еще больше. Я поинтересовался его мнением об идее «безличного бога» — в ту пору меня очень волновал этот вопрос. Я боялся, что в ответ последует умная «ученая» отповедь, но ошибся. Он рассказал мне какие-то очень

простые примеры, которые проникли прямо в сердце. И разум тоже воспринял их. Я понял, что о. Серафим не просто повторяет «правильные» православные догмы, а говорит из своего опыта, прочувствовав всё сам. Потому-то слова его и вошли в разум и в сердце. Оказалось, и о буддизме он знает много больше, чем я. То была судьбоносная встреча, она привела меня ко крещению в истинной Церкви Иисуса Христа.

Наконец, я прочитал «Православие и религию будущего» от корки до корки — будто часть моей души описана на этих страницах, будто всё это было «мое», что носил в сердце всю жизнь».

Один из читателей «Православия и религии будущего» так отозвался о книге: «Несколько лет назад, прочитав ее, я подумал, как это всё далеко. Отец Серафим пишет о каких-то исключительных явлениях, и по всему свету они, конечно, никогда на распространятся. Теперь, в 1990 году, я вижу всё по-иному и убеждаюсь, что о. Серафим прав».

Сегодня нетрудно убедиться, наблюдая жизнь, что «новая духовность» развивается точно по предсказанию о. Серафима. Когда он писал книгу, термин «новая эра» использовался лишь масонами и разными немногочисленными группировками. Сегодня — это лозунг всемирного движения и связанного с ним многомиллиардного бизнеса. Однако как бы ни было ярко и привлекательно это движение внешне, его атрибутика всё же влияет на людей весьма ограниченно. Другое дело — мировоззрение нового духовного сознания, идеи «новой эры», они глубоко проникают и в мышление человека, сказываются на повседневной деятельности. Так что в меньшей степени «новая эра» — организованное движение, а в большей — закваска, исподволь проявляющаяся во всём: в психологии, социологии, истории, искусстве, религии, образовании, управлении. В психиатрических больницах по всей стране внедряются программы «новой эры»: восточная медитация, «надличностная» психология, биологическая «подзарядка», музыкальная медитация. Крупнейшие промышленные корпорации, как Дженерал моторс, AT&T, устраивают для своих рабочих и служащих «курсы мышления» в духе «новой эры» с применением методов наглядности, гипноза, психотерапии и прочих психотехнических средств. Даже в государственных школах преподают «подключение к потоку информации», т. е. как открывать свои естественные биологические каналы «космосу», якобы для внутреннего оздоровления — именно то, чему

раньше обучали медиумы. В штате Коннектикут обеспокоенные родители провели съезд и поделились своими впечатлениями о том, что происходит на уроках их детей: под видом определения «цели жизни» им предлагают (и учат) войти в транс и «связаться» со своим «духовным правителем». Также широко используются упражнения йоги и разные формы психического контакта»[15].

Как ни печально, но христианские Церкви тоже движутся по этому опасному пути, покорно следуя за вероотступниками. Еще в середине 70-х годов о. Серафим писал: «Полное забвение истинно православных принципов породило лжехристианскую духовность, вполне соответствующую «новому религиозному сознанию». За многие годы до того, как «новая эра» ввела в моду «подключение разума к космосу», общение с бесплотными духами, о. Серафим описал «чудодеев», «настраивающихся на волну Святого Духа». Впрочем, если отвлечься от возрождения «чудодейства», предсказания о. Серафима сбываются почти во всех сферах жизни. Последовательница «новой эры» Мерилин Фергюсон пишет в своей книге «Заговор Водолея»: «Церкви и синагоги расширяют деятельность, учреждают комитеты в поддержку развития личности, центры здоровья, в которых целители действуют именем «духа святого», группы медитации и «преобразования личности» под действием музыки, группы, где обучают «биологической подпитке»[16]. Например, в Детройте подобные курсы возглавляет католический священник и монахиня. В местечке Блумфилд Хиллс (штат Мичиган) епископальная церковь на свои средства открыла «оздоровительный» центр. В Нью-Йорке, в епископальном соборе Иоанна Богослова с проповедями выступил Дэвид Шпенглер (один из лидеров Фонда Файндхорна), провозгласивший, что для вхождения в «новую эру» потребуется «люциферово посвящение». В Окланде (штат Калифорния) католическая организация «креационистов» (сторонников богосозданного мира, в отличие от эволюционистов) защищает «поправку» в христианстве, отметающую подвижническое мировоззрение. В Сиэттле старший пастор первой баптистской церкви, являвшийся также главой всеамериканской организации баптистов, заявил в проповеди, что Иисус Христос — лишь человек, до конца выявивший свою богопричастность, и что каждый способен сделать то же, используя разные методы: кундалини йогу и т. д. В христианских книжных магазинах можно найти книги, отражающие все взгляды, принципы и учения «новой эры»: от руководств по медитации и «позитивному мышлению» (когда всё травмирующее сознание намеренно устраняется), до призывов поддерживать «новый мировой порядок». Одна книга, изданная совместно университетским христианским сообществом и Paulist Press,

вменяет христианину в грех(!) несодействие целям „нового экономического порядка" и „нового мирового порядка"»[17].

В современном католичестве (возможно, под влиянием Тейяра де Шардена) проявились попытки привить христианству учение Карла Юнга, одного из основоположников теории «новой эры». Юнг участвовал в спиритичских сеансах и признавал, что у него есть свой «дух-покровитель». Он считал, что «исключение, отторжение темных сил» — едва ли не роковая ошибка нашей религии и к Святой Троице нужно добавить еще четвертую ипостась — люцифера! Теории его сейчас поднимаются на щит католическими богословами в таких известных книгах, как «Мы суть болезнь» о. Джона Дурли, его психотерапия практикуется во многих церквах и монастырях[18]. Не отстает от этого движения и епископальная, и протестантские (особенно методистская) Церкви. Всё больше священников-протестантов работает психоаналитиками[19].

И говоря об НЛО, о. Серафим опирался на последние научные сведения. Теперь уже и в общественном сознании (а не только в науке) укореняется мнение, что явления НЛО вовсе не инопланетного происхождения, что оно каким-то образом связано с психической и оккультной сферами, что «пришельцы» живут бок о бок с нами на земле. Даже их умилительные кинообразы (по фильмам С. Спилберга) — «ласковых и добрых» благодетелей — сейчас переосмысливаются, становятся более правдивыми. Общение с пришельцами, описанные в книге Уитни Штрайбера «Сопричастие», показывает, что «гости» на деле жестоки и злобны, они разрушают души и разум тех, кто с ними встречается (что в точности совпадает с наблюдениями ученых Валле и Хайнека). Штрайбер пишет: «Я ощутил огромную опасность. Будто на земле попал в ад. Я не мог пошевелиться, закричать, убежать. Я лежал точно труп, а душа исходила муками. Всё, что там творилось, было мерзким и чудовищным, гадким и зловеще мрачным...» Пишет Штрайбер и о запахе — от «гостей» разило серой, именно так, по описаниям в житиях святых, пахло от бесов. Самое печальное в этом «знамении времени» то, что огромное количество духовно оскудевших людей предпочтут такое «общение» с чудовищными и жестокими пришельцами своему одиночеству в «обезличенной» вселенной. Новый журнал «Хроника духовного приобщения» пишет: «Во всём мире людям стали встречаться странные существа — до́ма, на улице, во сне и наяву... Учитесь же извлекать наибольшую пользу из таких встреч. Приобщайтесь тайны, чуда, красоты неведомого, того, что не объяснит вам наша обыденная жизнь... приобщайтесь пока непонятных, но прекрасных истин, являющихся к вам из мрака».

После таких слов верующий не усомнится в правоте о. Серафима: «Ныне сатана не таясь вступает в историю человечества».

Любопытно отметить, что 1975 год, когда вышла книга о. Серафима, явился «звездным часом» проповедников «нового религиозного сознания». Духовный вождь и создательница современного течения «новая эра», ныне покойная Алиса Бейли, известная оккультистка и заклятый враг православного христианства, разрешила своим ученикам и последователям обнародовать дотоле «секретные» учения о «новой эре». И тем же годом Давид Шпенглер и сонмище иных глашатаев «новой эры» взялись за дело.

Цели этого движения были намечены много раньше в работах Елены Блаватской (основательницы Теософского общества), Алисы Бейли, Николая и Елены Рерих (автора «Агни йоги») и Г. Уэллса. Сегодня, кое-кто из деятелей «новой эры» поговаривает о «плане нового миропорядка», в котором предусматриваются единые кредитные карточки (вместо наличных денег), единые налоги, единое «правительство», которое бы надзирало за распределением пищевых продуктов и транспортом. В особо высоких, «избранных» кругах «новой эры» вынашивают мысль о «внеземном» посвящении, которое должен пройти каждый для осуществления «плана». Как утверждает Бенджамин Крим, последователь «первопроходцев» оккультизма Е. Блаватской и А. Бейли, это посвящение будут проводить обновленные христианские церкви и масонские ложи. Вспомним Давида Шпенглера (тоже приверженца учения А. Бейли). (Он, между прочим, входит в совет директоров влиятельной организации «Вселенское движение за избранный нами мир», нашедшей пристанище напротив здания ООН в Нью-Йорке.) Он утверждал, что это по сути будет посвящением люцифера, что пока известно лишь избранным, он писал: «В душе каждого из нас люцифер трудится непрестанно, старается подвести нас к целостному восприятию грядущей новой эры... подвести к тому, что я условно называю «люциферовым посвящением»... это внешнее и последнее посвящение... примут все люди будущего, ибо это посвящение в новую эру»[20].

Шпенглер лишь повторяет слова Алисы Бейли, которая «получила их, открыв свои «биологические каналы» существу по имени Джавл Кул. Нельзя сказать, чтобы все лавры первопроходчества принадлежали А. Бейли. Еще в конце XIX века генерал Альберт Пайк, глава масонской ложи шотландского чина в Чарлстоне, предсказывал «люциферово посвящение» в письме, подлинность коего неоспорима[21].

Движение «новая эра» — лишь духовная элитарная верхушка более широкого движения, которое пышно расцвело уже после кончины о. Серафима. Охватывает оно все стороны жизни и стремится объять весь мир, что на руку тем, чьи задачи совсем иные, нежели религиозно-духовные. За последние годы финансовая олигархия предпринимает большие усилия, чтобы утвердить свое господство во всём мире. Бывший член элитарного «Совета по международным отношениям» (включающего ведущих банкиров мира) адмирал Чарлз Уорд предостерегал: «Самые влиятельные группировки в Совете объединены общей целью — лишить США суверенитета и национальной независимости. Одна из группировок представляет банкиров с Уоллстрит и их доверенных лиц. Им не важно, какое «всемирное правительство» придет к власти, им важно установить свою банковскую монополию на всей земле»[22].

Этой цели служит и движение «новая эра», по словам Джозефа Кемпбелла, «новая общепланетарная мифология», которая поддерживает мысль, что человек может достичь совершенства путем эволюции, что есть люди, уже достигшие высшей ступени. Таким образом, протаскивается старая идея хилиазма о Царстве Божием на земле. Подобные измышления лишь прокладывают дорогу «новому религиозному сознанию», по сути мессии новой эры, так называемому «майтрейе-Христу». Из писаний Алисы Бейли видно, что приходу этого лже-Христа будут сопутствовать «ангелы», чтобы убедить и увлечь людей.

Из вышесказанного видно, как утверждается, превращается в грозную и реальную силу религия будущего, подробно описанная о. Серафимом. После его смерти она сложилась окончательно.

Нетрудно увидеть, что человечество бездумно вступает в «бесовскую пятидесятницу», предсказанную о. Серафимом. Даже благонравные христиане — благодаря новому посвящению — могут приобщаться царства сатаны.

В прошлом веке русский философ Иван Киреевский объяснил: святоотеческое мышление позволяет увидеть то, что недоступно другим путем. «Православный христианин находится на перекрестке всех философских путей, и со своей выгодной точки обозревает каждый, определяя его расположение, грозящие опасности, полезность и, главное, конечную цель. Он определяет каждый из путей, руководствуясь святоотеческими мерками, ставшими и его собственными, не умозрительно, а в непосредственном соприкосновении с окружающей жизнью».

Алексей Янг полагал, что слова эти полностью соответствуют умонастроению о. Серафима и объясняют, почему многие из его суждений стали пророческими. Не потому, что он старец, оракул или ясновидящий, а лишь потому, что следовал по стопам святых Отцов и применял их учение в повседневной жизни. И ясно видел, что ожидает тех (в миру и в Церкви), кто строит жизнь свою в духе мира сего.

Когда в 70-е годы о. Серафим писал об опасности неоязыческих религий, вокруг кишмя кишели и иные секты, группы, школы и пр. Правда, они были не столь популярны, ибо с 1979 года, после массового самоубийства в Джоунзтауне, Америку на некоторое время охватила боязнь всяческих культов. Но люди, не вооруженные святоотеческими принципами, не могли прозреть единой цели за явлениями НЛО, внедрением восточных религий и возрождением «чудодейства» — всего, что посредством оккультных методов входит в общение с падшими духами в разнообразных обличьях.

Теперь, когда «новая эра» набрала силу и стала зримой угрозой, появились книги-предостережения разных христианских авторов. В 1983 году, через год после упокоения о. Серафима, одна из таких книг «Угроза, сокрытая за радугой: «Новая эра» и грядущая эра варварства», написанная адвокатом Констанцией Е. Камби, поразила умы христиан-протестантов. Не владея святоотеческим учением, она, несмотря на некоторые преувеличения, открыла глаза христианскому миру, рассказав о доселе малоизвестных фактах истории движения «новая эра», о религиозных, политических, экономических, здравоохранительных и экологических организациях, содействующих установлению «нового мирового порядка». После выхода книги в свет Констанция Камби совершила поездку по стране с лекциями и беседами, выступала по радио и телевидению, давала интервью, полемизировала с небезызвестным вожаком «новой эры» Бенджамином Кримом. В 1989 году она прочитала «Православие и религию будущего», что явилось для нее подлинным откровением. В письме Братству преп. Германа она сообщала: «Около года тому безвестный благожелатель послал мне книгу о. Серафима. Более важной работы на эту тему я не читала. Словно напилась чистой родниковой воды после грязной трясины! В беседах и выступлениях по радио я неизменно рекомендую ее слушателям».

При жизни о. Серафима Братство издало 40 книг, поровну на английском и на русском. Самой читаемой оказалась «Православие и религия будущего». Она выдержала уже шесть изданий только на английском языке.

В России книгу встретили с бо́льшим восторгом, чем в Америке, и это при том, что официально в России она не издавалась. Отец Серафим знал, что ее нелегально перевели за «железным занавесом», но он не дождался последствий. Русский перевод (или несколько разных независимых вариантов) распространился среди верующих по всей стране бесчисленными машинописными экземплярами. Книга пробудила души тысяч людей, осознавших, сколь велика опасность «новой духовности» в наше время.

Особенно нужна эта книга сейчас, ибо общество, изуродованное игом воинствующего материализма, падко до всяких духовных лжеучений.

Когда «железный занавес» над Восточной Европой приподнялся, «подпольные» (и тем не менее широко известные) переводы «Православия и религии будущего» были напечатаны отдельными главами в российской периодике. Так появилась главы «Факирское чудо и Иисусова молитва» и об НЛО, сопровожденные биографической справкой об авторе. Не случайно упор делался именно на этих главах, ибо восточные религии и явления НЛО вызывали огромный интерес в России. По словам издателей, объяснение о. Серафима оказалось убедительнее научных толкований. Один из русских верующих сказал: «Книги отца Серафима учат, что все «необъяснимое» легко объяснить, исходя из твердого, неколебимого и точного учения святых Отцов Православия».

Наконец в 1991 году книга вышла в свет полностью. Она уже выдержала несколько изданий, причем существует несколько разных по качеству вариантов перевода.

Много лет уже «Православие и религия будущего» пробуждает людей от самодовольства и праздной созерцательности, настраивая их на более серьезный духовный лад. Она ставит людей перед действительностью: идет непрестанная битва, битва за души людей. Она призывает «ходить бдительно и опасливо», дабы не потерять благодать Божию, ведущую к Небесам.

Именно это и замышлял о. Серафим в своей книге, хотя и понимал: сделан лишь первый шаг, заложено основание, на котором возрастут другие книги Братства, и далее помогающие людям держаться православного христианского пути, указывающие им примеры для подражания и источники вдохновения. Превозмогая все тяготы, нужно держаться этого пути — только тогда обрящешь спасение.

79

Православное наследие Запада

До чего же упоительны для жаждущих Бога сокрытые от глаз лесные уголки: до чего же приятны для жаждущих Бога скиты, рассеянные там и сям на лоне непотревоженной природы. Всё живое замерло. В этой тиши душа радостно взмывает к Богу на крыльях невыразимого ликования. Ничто не препятствует ей. И всякое слово обращено к Богу. Эта сладостная мольба нарушает тишину и покой. А с неба доносятся далекие, ласкающие слух Божественные раскаты — наш скромный глас услышан.

Св. Евагрий Лионский[1].

СТРЕМЯСЬ К ПУСТЫННИЧЕСКОМУ одиночеству, некий 35-летний человек поселился в лесу. «Нет, он не отправился в далекие края, а избрал пустынью место, недалекое от дома. Чего хотел он достичь? Почему не остался в каком-либо известном монастыре, не поискал себе умудренных старцев?.. Всё в его жизни свидетельствовало о том, что он далек от религиозной романтики, он не мечтал о дальних краях. Он думал лишь об одном: как, познав азы духовной жизни и суровые монашеские обычаи, спасти душу, приготовить ее для Царства Божия».

Не правда ли, слова эти можно с полным основанием отнести к самому о. Серафиму: он обосновался в ските 35-ти лет от роду, познав лишь азы монашества. Однако адресованы слова другому человеку. Их написал сам о. Серафим о св. Романе (V в.), родоначальнике пустынножительства во Франции, на родине предков о. Серафима.

По мере того, как он глубже постигал христианство Галлии (так в древности именовалась Франция), он приходил в трепет: такая сокровищница духовности забыта! В одном из писем он отмечал: «Дух

древней (V-VI вв.) Галлии воодушевляет меня и придает сил»[2]. Отец Серафим обнаружил мир целостно православный: с исконным благочестием, обычаями и мировоззрением, что и в восточноевропейских православных странах! В жилах о. Серафима текла и французская кровь, и столь важно было ему обнаружить именно во Франции свои православные корни. Подобно тому, как он черпал вдохновение на заре своей монашеской жизни в идеалах пустынножительства Северной России, теперь его воодушевляли примеры подвижнического жития на родине предков. Гонения на богоискателей Галлии, нашедших пристанище в Юрских горах, явились как бы прообразом бытия в России тысячу лет спустя. В 1976 году о. Серафим писал одному юному ревнителю монашества: «Особенно интересны горные монастыри, расположенные в лесах и очень по духу схожие со скитами Северной Фиваиды (или, например, Американской, а такая могла бы тоже возникнуть, найдись отважные сердца и поселись у нас в горах)»[3]. Любопытно, что о. Серафим принялся изучать монашество Галлии в то время, когда он готовил к печати «Северную Фиваиду».

В галльском монашестве его привлекал прежде всего дух свободы и новизны, полное отсутствие «заорганизованности». Он писал: «В ту пору они и не помышляли о монашеских орденах (появившихся в средние века), со строгим сводом правил, «властными структурами». В монашестве Галлии преобладало усердие пылкого сердца... И пыл этот передали французам святые Отцы православного Востока (во многом этому способствовал св. Иоанн Кассиан (†433). Он принес подвижничество и мудрость отцов-пустынников из Египта.

В работах св. Григория Турского (†594) о. Серафим нашел общую картину раннего западного православного монашества. «Но напрасно станем мы искать в его писаниях упоминание монастырских учреждений, — отмечал о. Серафим, — в тех монастырях, о которых он рассказывает, не было и следа «организации» или свода правил. Он даже пишет не столько о монахах и монахинях (т. е. тех, кто принял постриг), сколько *о подвижниках и их духовном делании*. В основном он рассказывает о деяниях тех, кто прославился своей святостью и чудотворениями. Но упоминает и тех, кто сбился с истинного пути, в назидание всем вступающим на стезю монашеского борения. Именно непрестанная *духовная брань* галльского монашества находится в центре внимания св. Григория. И лесные пустыни православной Галлии в эту пору дышали свежестью, пылкостью чувств и свободой, равно и пустыни Египта и Палестины, о чём можно прочитать в истории Лавсаика и в других ранних письменных источниках раннехристианского восточного монашества» [4].

Трудами на благо православной церкви Галлии и заветом Братству поминать святых Запада архиеп. Иоанн заронил интерес отцов к древней Галлии. Выполняя его завет, они еще в 1969 году опубликовали в «Православном Слове» материалы о галльских святых: житие св. Иоанна Кассиана Римлянина (из-под пера проф. И. М. Концевича) и статью самого о. Серафима «Зарождение православного монашества на Западе»[5].

До сих пор на английском языке подобных материалов не печаталось. И неудивительно, что исследования платинских отцов вызвали как изумленные, так и негодующие отклики. Еще до переезда в горы, когда они трудились в книжной лавке, к ним однажды пришел молодой энергичный «знаток традиционного Православия» и принялся поносить номер «Православного Слова», на обложке которого был изображен монастырь на острове Лерэн и надпись гласила «Св. Иоанн Кассиан Римлянин и западное православное монашество».

«Нет вообще такого понятия как „западное православное монашество"», — заявил юный ревнитель веры и принялся излагать традиционную восточную православную точку зрения.

Отец Серафим деликатно выслушал его, хотя все доводы были по-школярски наивны. Сам он никогда не держался «антизападнических» настроений, из-за которых столько доставалось несчастному блаж. Августину по малейшему поводу. Зачем Западу отсекать животворные корни своего Православия в угоду надуманной теории «чисто восточного» происхождения Православия. Архиеп. Иоанн завещал восстанавливать духовное наследие западного Православия, и о. Серафима не могли остановить никакие «ниспровергатели».

В 1975 году о. Серафим вернулся к теме православной Галлии. В это время в монастыре жил послушник Павел (один из самых первых выпускников «Богословской Академии Нового Валаама»). Придя к Православию из католичества, он еще с семинарской поры знал латынь. Отец Серафим свободно читал по-французски. Поэтому, работая вдвоем, они могли объять весь материал о Галлии V—VI веков.

11-го апреля 1975 года они поехали в библиотеку Калифорнийского университета в Беркли (о. Серафим получил там степень магистра и имел доступ к архивам), дабы полнее изучить жития западных святых. Они нашли книгу св. Григория Турского Vita Patrum («Жития Отцов») на латыни с параллельным переводом на французский. То была седьмая из восьми «Книг чудес», написанных французским свя-

тым, и была особенно ценна: многих святых, о которых он писал в ней, св. Григорий знал лично, а с троими состоял в родстве. Удивительно невысок на Западе интерес к собственным святым — книга до сих пор не была переведена на английский. Отец Серафим загорелся желанием перевести и напечатать ее, подвигнув на это и брата Павла — тот как раз размышлял, на что бы употребить жизнь. Не прошло и месяца, как в летописи о. Серафима появились такие строки: «Вечером Светлого воскресенья брат Павел рассказал, как вознамерился служить Богу: всё лето собирается посвятить переводу и набору (в типографии) книги св. Григория Турского «Жития Отцов», одновременно моля праведников древней Галлии помочь ему выбрать жизненный путь. Если он способен на такую жертву и не возгордится, Господь, несомненно, воздаст ему».

Так они работали вместе, сверяя оригинал на латыни с французским переводом. К октябрю работа была завершена. Но прежде, чем печатать ее в «Православном Слове», о. Серафим решил предварить читателей и растолковать что к чему. Он писал, что «множество литературных православных источников остаются безвестными — зачастую люди не умеют к ним подступиться. Попробуем же помочь: расскажем о православных святых Запада, столь малоизвестных в Америке, и это несмотря на то, что многие веками почитаемы в восточных православных странах».

Собственные комментарии о. Серафима заняли сотню страниц, ему удалось связать воедино череду столетий, восстановить тем самым утерянную преемственность, что позволило соотечественникам глубже постичь дух Православия прошлого, его литературные памятники. Отец Герман так отозвался о комментариях собрата: «Он не просто изложил современный взгляд на старину. Сам подход был „старинный”». Это отнюдь не проявлялось в стиле о. Серафима — нетрудно воспроизвести «высокий штиль» писателей прошлого, — но строки эти были писаны сердцем и умом. Отец Серафим человек, несомненно, современный, и его волнуют насущные сегодняшние заботы, однако осмысливает, чувствует и видит действительность он совсем не так, как люди наших дней. Сам будучи православным монахом, он с наслаждением дышал живительным воздухом Древней Галлии. В ту пору он так написал Алексею Янгу: «Сегодня весь день провел в VI веке, в Галлии».

ПЕРВУЮ ЗАМЕЧАТЕЛЬНУЮ СТАТЬЮ, вводящую читателя в Vita Patrum, о. Серафим назвал «Пролог к православным святым Запада». Он подробно рассказал об основных источниках житий западной православной Церкви: «Диалоги» и «Житие святого Мартина» св.

Сульпиция Сурового, «Диалоги» св. Григория Великого, «Книги чудес» св. Григория Турского. Поскольку все эти книги изобиловали описаниями чудес, о. Серафим счел необходимым предупредить читателя, что традиционное Православие не столь доверчиво относится ко всем чудесам, явленным святыми. «С большой осторожностью нужно различать в житиях святых истинные чудеса от мнимых. В эпоху средневекового «романтизма» (после окончательного отхода Рима в 1054 году от Церкви Христовой) в житиях святых появилось много вымышленных историй, отчего «латинские» источники вызывают особое недоверие. Истинно православные писатели житий пользовались правилом св. Димитрия Ростовского, помещенным им в начале своих Четий Миней: «ДА НЕ СОЛГУ О СВЯТОМ». Вот почему в православной Церкви так старательно перепроверяются первоначальные источники, повествовавшие о святых: жития, основанные на непосредственном наблюдении автора, на личной причастности и свидетельствах его. Только так и можно донести дыхание жизни святого, его чудеса, передавая непосредственно «между строк» истинный «настрой» святой жизни»[6].

Несмотря на историческую подлинность православных источников, современный исследователь не доверяет им полностью: уж очень в них много поучительного и наставительного, много «чудесного». Отец Серафим писал по этому поводу: «Возможно, именно в наставлениях и чудесах, столь оскорбительных современному человеку, найдем мы то, чего так не хватает современному мышлению, оно так увлечено поисками «двухмерной, плоской объективности, что потеряло главное — понимание, что есть истинная мудрость. «Научная объективность» уже исчерпала себя. Всякая истина ныне подвергается сомнению. Но тупик, в который зашла мудрость мирская, на деле быть может дверью к мудрости иной, в коей истина и жизнь уже неразделимы, в коей знание высокое требует и высокой нравственности и духовности». Нам ли не урок пример России, где рационализм и материализм были силой доведены до полного краха — причем в непостижимо короткий срок! — и где не только развитие, но и само выживание общества невозможно, буквально невозможно без Бога. Что ж, Запад внял этому примеру. Отец Серафим писал: «Невольно западные православные, равно и прижившиеся на Западе восточные, оглянулись на прошлое: некогда самомнящий рационализм языческого Рима был побежден истинной мудростью христианства»[7].

В дополнение к Прологу о. Серафим написал еще три статьи — все о православной Галлии. В первой он рассмотрел разные стороны христианской жизни во время св. Григория: иконографию, церковную жизнь, в том числе убранство, богослужения, посты, церковное управ-

ление. Отцу Серафиму было нетрудно увлечь читателей в мир св. Григория. Ведь так много из древнего Православия Галлии сохранилось в том же виде в восточном Православии, хотя в католико-протестантском мире изменилось. В этом смысле православный Восток ближе к древнему православному Западу, нежели Запад современный.

Подытоживая описание христианства времен св. Григория Турского, о. Серафим указал на его духовное значение сегодня. «Современный православный, открыв «Книгу чудес» св. Григория, поразится, обнаружив то, чего чает его душа, измученная в современном жестоком машинном мире. Он обнаружит, что тот христианский путь ко спасению, о котором он слышит на богослужениях, читает в житиях святых и святоотеческих книгах, сегодня никем, даже самыми ревностными христианами, не избирается, он пройдет через страшные сомнения: а не выжил ли он из ума, не является ли он «пережитком прошлого», уверовав в то, чему всегда учила Церковь. Одно дело — понять и принять разумом истину Православия. Другое — жить ею, когда она вступает в противоречие с «духом времени». Но прочитав св. Григория читатель убеждается, что православная истина — совершенно нормальное явление, целые государства и общественные формации жили, руководствуясь ею, а ненормальны как раз неверие и «обновленчество» в христианстве. Само же Православие принадлежит по праву Западу, это его духовное наследие, давным-давно забытое. С той поры, когда Запад отошел от единой Церкви Христовой, он утерял разгадку Тайны, не дающей покоя нынешним ученым, — Тайны Истинного Христианства, которое постижимо лишь верным, пылким сердцам, а не холодным, с отстраненной логикой и неверием. По сути, это явление ненормальное, этакая историческая аномалия»[8].

Вторую статью о. Серафим посвятил галльскому монашеству, учению св. Иоанна Кассиана Римлянина, наставлениям св. Евагрия Лионского в «Похвале пу́стыни» и, наконец, братьям-монахам святым Роману и Люпусу, положившим начало пустынножительству бегством от мира сего. Отец Серафим иногда делал отступления, показывая, как древние учения применимы сегодня. Но более всего он коснулся этой темы в третьей, последней статье — «Православное монашество сегодня в свете православного монашества Древней Галлии». Обозревая состояние духовности в современной Америке, он описал несколько характерных ситуаций, в которых может оказаться неопытный искатель монашества, откровенно рассказал о благах и опасностях, которые сулит каждая, и обратился с советом к будущим монахам, в каком бы положении они ни оказались, — исходить из опыта православной Галлии. Но об этом обращении ниже.

Во время работы над вступительными статьями о. Серафим узнал, что одного из бывших братий, поступившего на военную службу, переводят в Германию. Он написал этому брату письмо, попросил выкроить время и съездить к Юрским горам, где некогда живали пустынники Древней Галлии. В письме о. Серафим точно указал, как и куда ехать, и назвал шесть святых мест, которые он считал наиболее значительными, почти все связаны с жизнью святых Романа и Люпуса. Он писал: «Нам было бы очень приятно получить фотографии, какие-нибудь сведения о мощах святых, просто почувствовать те горы, тот лес — будем благодарны даже за горсть земли или еловую шишку»[9].

Брат последовал совету о. Серафима. Некоторое время спустя он прислал фотографии Юрских гор и святых мощей вместе со вдохновенным описанием своего паломничества. Вскоре оно было напечатано в «Православном Слове». «От всего сердца благодарю вас, — откликнулся брат, — за то, что предложили мне съездить туда, подсказали, что и где посмотреть. Да благословит вас Бог в старании разжечь в наших душах православную христианскую искру — всё, что осталось от яркого пламени, некогда горевшего на Западе. Да и сейчас способный видеть узреет его в ликах западных святых.

Помимо «Книг чудес» о. Серафим весьма заинтересовался книгой, по которой больше всего знают Григория Турского — «История франков». Св. Григорий был не просто летописцем, его духовность, его богатый жизненный опыт и мудрость позволяли прозревать суть и масштаб исторических событий. Отец Серафим подчеркивал, что «у св. Григория мы находим то, чего и в помине нет у современных ученых — целостность мировоззрения. За беседой с братией и сестрами в трапезной о. Серафим однажды сказал, что современная наука объясняет историю фактами маловажными, упуская из виду самые главные причины, то бишь человеческую душу и Бога. «Делание Божие и движения души определяют ход истории. Всё остальное, то бишь подписание разных договоров, массовые волнения недовольных материальным благосостоянием и прочее — вторично. И верно, стоит взглянуть на современную историю, на революционное движение, и становится ясно, что вовсе не экономика определяющий фактор, а различные идеи устройства рая на земле, которые взбредают людям в голову. Стоит такой идее укорениться в сознании, и начинает происходить невероятное, ибо идея — субстанция духовная. И хотя в данном случае исходит она от дьявола, всё одно — это уровень духовный и на нем-то творится история...

Св. Григорий верно оценивает исторические явления, так как видит первопричину, т. е. что соделывает Бог и как на это откликается человеческая душа, всем же событиям он отводит второстепенную роль… Св. Григорий и умом устремлен к Небу, а не к земле»[10].

Интерес и уважение к работам св. Григория вызвали у о. Серафима уважение и почитание личности святого. Три дня в феврале 1976 года он просидел в библиотеках Стенфордского и Берклийского университетов, собирая сведения о св. Григории и иных святых Запада. С собой он захватил подлинник жития святого Григория, написанного аббатом Одо. Неделю спустя он написал Алексею Янгу: «Сколь вдохновителен пример св. Григория Турского! Мы обнаружили его житие, составленное в X веке по его же трудам. Трудно припомнить что-либо более трогательное»[11]. Отец Серафим перевел на английский язык всё житие (30 страниц) и поместил его в «Православном Слове».

Вскорости на страницах журнала стала печататься и Vita Patrum. «Вполне оправданно, что мы публикуем все 20 глав книги, посвященной галльским святым V—VI веков. Увлекательное чтение для православных! Каждое житие предваряется особой нравоучительной проповедью, весьма полезной в нашем сегодняшнем борении. По духу книга воистину православная, а описанные в ней, например в 12-ой главе, обряды и обычаи и по сей день соблюдаются православными христианами (но не католиками), в том числе почитание икон святых (именно слово «iconicas» стоит в латинском тексте, а не более привычное на западе «imagines»). Некоторые случаи из жизни святых Отцов перекликаются с жизнью сегодняшней, например рассказ о «чудодее»-дьяконе, исцелявшем во имя Иисуса, пока св. Фриар не изобличил его в бесовской прелести (гл. 10)»[12]. Рассказом этим заинтересовался еп. Нектарий, и о. Герман пообещал перевести его на русский. Отцы посвятили перевод Vita Patrum архиеп. Иоанну. Он, по словам о. Серафима, не только вернул нам западных святых прошлого, но и «сам являлся великим православным иерархом Галлии наших дней», уподобившись галльским святым древности — ведь он служил французской Церкви. Неоднократно указывал о. Серафим на сходство блаженного Иоанна (Максимовича) и святого IV века Мартина Турского. Оба — подвижники, оба — юродивые, не заботившиеся о внешнем. Оба явили незаурядное бесстрашие, оба творили чудеса. Хотя, как указывал о. Серафим, современные ученые скептически относятся к описаниям чудес св. Мартина Турского, тем, кто знал архиеп. Иоанна, не в чем усомниться. Природа этих чудес одна. Отец Серафим написал акафист архиеп. Иоанну, величая его «Мартыном новым в воздержании, подвигах и чудесах».

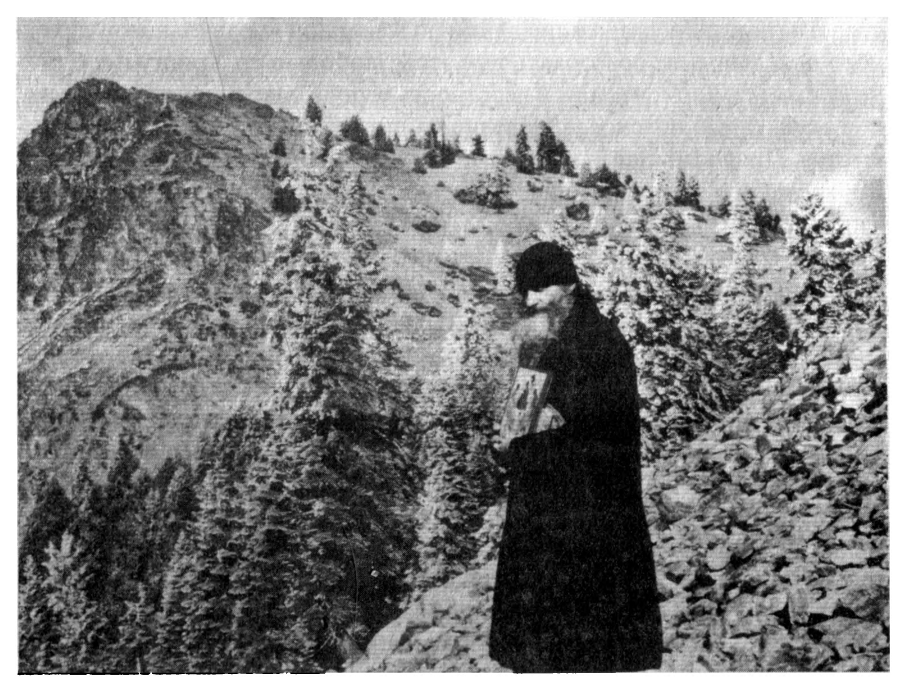
В ОКТЯБРЕ 1981-ГО, менее чем за год до кончины, о. Серафим повел группу из восьми братий на вершину горы Йолла Болли. Проехав некоторое расстояние на машине, они три часа взбирались на более чем двухкилометровую вершину. Один из братии так вспоминает об этом походе: «Деревья стояли заиндевелые, кое-где лежал снег. Кристально чистый воздух, величественный вид. На севере вздымалась горная гряда, на востоке высилась гора Лассен, на западе — гористое океанское побережье, на юге — альпийские луга по склонам и долинам. Там, как объяснил о. Серафим, есть рощица самых древних в мире деревьев — сосен с колючими шишками.

Братия, дрожа от пронизывающего холодного ветра, устроились на самой вершине. Как воодушевлен был о. Серафим, казалось, он не чувствовал холода. Он поднялся и начал читать из «Православного Слова» о монашестве в горах Древней Франции, пристанище святых Романа и Люпуса. Иногда он прерывал чтение и объяснял, сколь велико значение этих древних святых Галлии — основоположников монашеского пустынничества среди дикой природы, вдали от всех и вся. Он сказал, что такой подвиг возможен и ценен сегодня, что это и в наших силах... Посреди просторов американского Запада, почти нетронутых человеком, слова его глубоко запали в душу и оставили неизгладимое впечатление. В таких же условиях, только в Европе, жили святые Роман и Люпус, среди таких же лесов, лугов и горных круч. Отец Серафим рассказал, как избежали эти святые всех перипетий церковных «политических» дрязг, как распрощались с миром сим и поселились на лоне природы. Они нашли приют под разлапистой елью и долгие годы не имели иного крова. Там они и возносили молитвы к Богу, там пребывали в Нем.

Отец Серафим сравнивал жизнь святых Романа и Люпуса и других галльских отшельников с пустынножительством русской Северной Фиваиды. Поведал он и о том, как столь прекрасное начало монашества в Галлии не получило развития: на месте сгоревших немудреных келий возник «солидный» большой монастырь. Так была прервана традиция пустынного жития святых Романа и Люпуса, столь дорогая русскому сердцу пустыннолюбцев Северной Фиваиды.

То был незабываемый день! Мы вернулись в скит, поднявшись на новую ступеньку в осознаниии важности монашеского борения на Западе».

Сравнивая в статье монашество древней Галлии и сегодняшнего дня, о. Серафим еще раз коснулся ее важности: «Православная монашеская жизнь в Галлии доказывает, что стезя эта не является чем-то

Отец Серафим на вершине горы Йолла Болли. 11-ое октября 1981 г.

исконно «восточноправославным». Она едина для всего христианства и впервые была опробована на Западе — с большим успехом. Учение святых Отцов о монашестве одинаково что на Западе, что на Востоке, и — имеющий уши да слышит! — монашество является кратчайшим путем в Царство Божие».

Путь этот, однако, требует куда большего, нежели монашеское одеяние, соблюдение «правил» и благочестивые мысли. «К сожалению, — отмечал о. Серафим, — основы монашества воспринимаются сегодня как нечто внешнее. Сейчас больше говорят о «старцах», «молчальничестве», «прелести», нежели живут в соответствии с заповедями монашеского борения. И впрямь, нетрудно чисто внешне познать все вехи высокой и чистой монашеской жизни: полное послушание старцу, ежедневная исповедь помыслов, долгие богослужения или непрестанное творение Иисусовой молитвы, земные поклоны, частое причащение Святых Таин, чтение и усвоение основополагающих книг о духовной жизни, и даже выполнять всё это в глубоком *психологическом* покое, оставаясь тем не менее *духовным* недорослем. Вполне посильно скрыть

страсти (покуда неразъевшие душу) под личиной «правильного» духовного поведения, не возгораясь при этом любовью ко Христу и к ближнему своему. Рационализм и черствость сердца современного человека, пожалуй, самое опасное искушение на пути тех, кто стремится к монашеству. Православное монашество формально укореняется на Западе, а как насчет его сути: покаяния, смирения, любви ко Христу, неутолимой жажды Царствия Его?»

Всему этому монахов нынешних последних времен в немалой степени может научить опыт монашества в Древней Галлии. С первозданным младенческим взглядом на мир, живое и животворящее, оно воспаряет над серой и расчетливой нынешней «духовностью» и устремляется к благоуханным вершинам евангельской простоты. Как писал о. Серафим, «оно держится корней и знает цель, никогда не следует слепой букве правил, непосредственно и открыто принимает жизнь. В этом источник его вдохновения и поныне.

Наконец, галльское православное пустынножительство указало, сколь близко истинное монашество духу Евангелия. Особенно показательна книга св. Григория «Жития Отцов». Каждое житие начинается с цитаты из Евангелия, которая объясняет все дальнейшие подвиги святого. Что бы ни описывал автор в православной Галлии: иконопись, подвижничество, поклонение святым мощам — всё проникнуто *любовью ко Христу*, в книге она незабвенна и непреходяща.

Даже в наш век шаткой веры монашество — прежде всего *любовь ко Христу*, и жить по-христиански значит терпеливо сносить страдания и боль. И сегодня еще находятся те, кто стяжал этот Рай на земле (именно, смиренно принимал тяготы, а не являл всему свету «свою праведность»), Рай, который невозможно представить людям обмирщенным»[13].

ДО ПОСЛЕДНИХ ДНЕЙ ЖИЗНИ о. Серафим выполнял заветы блаженного Иоанна. Хотя поначалу он все силы отдавал книгам о галльских святых, он чаял прославлять православных святых всего Запада: Англии, Ирландии, Испании, Италии, Германии, Скандинавии, Нидерландов и других стран. Как и архиеп. Иоанн, он находил сведения о западных святых, не включенных в православный календарь, надеялся, что верующие отнесутся и к ним с почтением и у них попросят предстательства перед Господом. Вот что написал о. Серафим одному священнику, испросившему сведения о некоторых из этих святых: «Мы сами долгое время собирали подобные материалы и уже научились отличать подлинных православных святых (а таких большинство среди

подвижников Запада до раскола Церкви) от личностей сомнительных или вовсе неправославных. Западным источникам последних веков доверять нельзя (во всяком случае, датированным XI веком и позже, когда в жития стали проникать вымысел и легенды), поэтому приходится докапываться до самых корней, чтобы убедиться, связаны ли они с Православием (восточным или западным). Вы сами в этом убедитесь, прочитав прилагаемые материалы об интересующих Вас святых...* Молитесь о нас, дабы мы смогли впредь продолжать эту работу, заповеданную нам архиеп. Иоанном!

Что касается почитания святых, не внесенных в календарь, то в истории Православия в разные времена и в разных странах это толковалось не однозначно. Общего правила нет. Ждать, пока их «официально» прославят, бессмысленно (особенно удручает это тех, кто любит святых). Да никто никогда и не ждал. Обычно список «местных» святых (или святых иных православных Церквей) просто добавлялся к календарю. Но из моих слов не следует, что можно почитать кого угодно — и о некоторых святых Запада до раскола у нас имеются невыясненные вопросы»[14].

Получив материалы о святых от о. Серафима, священник отнес их своему епископу, однако тот испугался ответственности и сказал, что нужно собрать специальное заседание Синода по этому вопросу, что, естественно, так и не было сделано. Материалы о. Серафима положили в долгий ящик, хотя сам он не сомневался в святости этих праведников, особенно св. Схоластики, брат которой, св. Бенедикт, видел ее восходящей на Небеса после кончины**.

В 1977 году перед поездкой Алексея Янга в Англию о. Серафим задумался, как бы с большей пользой и шире вести оповещение людей о западном Православии. «Дай нам Господь еще несколько таких плодотворных лет, мы бы с помощью Галлии и ее святых вернули бы и Англии с Ирландией дух Православия! — писал о. Серафим Алексею. — И заняться этим могли бы Вы! Пусть с Вашего летнего путешествия начнется обретение Англией своего православного прошлого. И пусть поездка Ваша послужит не только Вам, но многим. Молитвами Владыки Иоанна да будет Ваша миссия успешной!»[15]

---

* Речь идет о св. Клетусе, папе Римском (память 26-го апр.), св. Калисте, папе Римском (†218-222, память 14-го апр.), св. Юлии, папе Римском (†352, память 12-го апр.), св. Схоластике (†543, память 10-го февр.), св. Евгении, еп. Карфагенском (†505, память 13-го июля), св. Урсуле (III в., память 21-го окт.) и св. Елигии, еп. Нойона (†659, память 1-го дек.).

** В кн.: Св. Григорий Великий. Диалоги. Кн. 2.

Вот как сам Алексей вспоминает ту пору: «С начала нашего знакомства я подметил большой интерес о. Серафима к западному Православию, то бишь христианской Церкви до раскола. Он непрестанно изумлялся и радовался: как соответствует «тональность» Запада тональности восточного Православия... Без преувеличения можно сказать, что о. Серафим души не чаял в этой теме.

В 1977 году, когда я собирался в Британию, он не только подвигнул меня на поиски древних священных мест и усыпальниц, но и сам дал несколько адресов, а по возвращении подробно обо всём расспросил. Он полагал, что если Православие «приживется» сегодня на Западе, нам удастся восстановить наше утерянное прошлое и приобщить его к восточному Православию последних (после раскола Церкви) столетий.

Однако сам он не горел желанием съездить во Францию или Англию. Однажды я приглашал его в подобное паломничество по Европе. Он отказался: «Нет желания ехать ни в Россию, ни на Афон. Всё нужное мне для спасения души Господь определил мне здесь, на этой горе. Здесь мне и оставаться». Душой о. Серафим, конечно, побывал и в Галлии, и в России. Сердцем и молитвой он сроднился со святыми Отцами Запада, соединился с ними через причастие Святых Таин. Ему этого более чем доставало. Такая монашеская самоотреченность поразила меня. Сам же я, напротив, — только помани! — готов был ехать куда угодно, чтобы увидеть тот или иной святой уголок. Отец Серафим прозревал их душой».

В конце жизни его увлекла еще одна идея. Vita Patrum наконец вышла отдельными главами в журнале, и о. Серафим намеревался в следующей подборке статей рассказать о святых Испании (Древней Иберии). Исполнить задуманное он уже не успел. Жаль, что ему не удалось вернуть людям святых иных, кроме Галлии, стран.

Что ж, это предстоит сделать другим. Отец Серафим сделал больше, чем по плечу обычному человеку. Самое важное — он заповедал грядущим поколениям верный подход к Православию Запада, начертив правильную «схему». Для продолжателей его дела схема эта содержится в книге Vita Patrum, которая стараниями братии вышла отдельным изданием уже после кончины о. Серафима. Туда же включены все статьи о Галлии V—VI веков*. Аннотация на обложке гласит: «Никогда прежде не удавалось показать в одной книге, сколь богато духовное наследие православного Запада».

---

* Жития святых из этой книги переведены на греческий и опубликованы в журнале Agioreitiki Martyria. Daphne monastery, Mount Athos, June-November, 1991, pp. 205-208.

ЧАСТЬ IX

Епископ Савва и архиеп. Иоанн в сербской православной церкви г. Альгамбра (Калифорния). 1964 г.

80

Наследие сербского епископа Саввы

Пишу о Владыке Иоанне и всё как-то становится приятно на душе. Не хотелось бы, чтобы более важные сведения о нем затерялись.

Еп. Савва (Сарашевич)[1].

МЫ УЖЕ РАССКАЗЫВАЛИ, как некогда, путешествуя по Канаде, о. Герман — еще до знакомства с о. Серафимом — встретился с еп. Саввой Эдмонтонским и проговорил с ним всю ночь, больше, правда, слушая рассказ епископа о том, каким ему видится духовное возрождение Русского Зарубежья. В то время о. Герман недоверчиво слушал Владыку, и не без оснований: призывы еп. Саввы собрать Братство духовного возрождения поначалу вызвали некоторый интерес, но так ни к чему и не привели — не поддержали прочие иерархи.

В последние годы жизни еп. Савве выпало сеять семена духовного возрождения, и им суждено было дать всходы, о которых он и не мечтал за все годы трудов на этом поприще.

После кончины архиеп. Иоанна он оказал Церкви неоценимую услугу, записав свидетельства святости Владыки Иоанна. Именно за этот труд любви выдающегося сербского иерарха, еп. Савву поминают сегодня добром люди.

Отец Серафим вспоминал: «Первые месяцы после упокоения архиеп. Иоанна в 1966 году в русской эмигрантской прессе появилось много личных свидетельств его святости и подвижничества, признаний его исключительной роли в жизни паствы. Но вскоре поток писем иссяк, — очевидно, почитание, носившее личностный характер, на этих людях,

Епископ Савва с монахинями Серафимой и Амвросией из Свято-Покровского скита близ Блафтона (провинция Альберта, Канада).

знавших его лично, прерывалось. Тогда-то еп. Савва опубликовал свои материалы об архиеп. Иоанне. В 1967-68 гг. в газете «Православная Русь» он напечатал 15 статей разного объема и назначения. Вместо разрозненных личных воспоминаний прихожан он поместил подборку своих собственных свидетельств, тщательно отобранных и проверенных. В них раскрывались разные черты Владыки Иоанна, его святые дела. Более того, еп. Савва снабдил свои статьи многочисленными цитатами из житий и творений святых Отцов, для того чтобы подчеркнуть преемственность традиции православных святых, среди которых архиеп. Иоанн занимал достойное место.

В своих статьях еп. Савва представил согласно житийным канонам случаи чудесного исцеления, изгнания бесов, явленные архиеп. Иоанном, его строгое подвижничество почти без сна и пищи, явление людям в сновидениях уже после кончины, случаи прозорливости. Рассказал он и о необъяснимом явлении, когда во время Божественной литургии, которую служил Владыка, вдруг видимо сошел огонь с Небес. Поведал еп. Савва и о страшных гонениях, которые претерпел архиеп. Иоанн, и о том, что при жизни мало кто успел его оценить — непривычно было людям видеть юродивого в сане архиепископа, и об этом не забыл сказать еп. Савва»[2].

Он прекрасно понимал, что многие просто не поймут его рвения: к чему так стараться объяснить людям истинное значение архиеп. Иоанна? Знал он и то, что будет охаян за свои труды. Отец Серафим так отозвался о его подвиге: «Чтобы в наш век холодного расчета и мелочной логики (что пронизало даже церковную жизнь) прославить истинного Христа ради юродивого, еп. Савва сам выставил себя на поругание и осмеяние, нимало не заботясь о мнении мира сего. Главное для него было — донести правду».

Однажды еп. Савва даже написал платинским отцам, что воздавая должное преп. Иоанну, сам подвергнется гонениям, которые и ускорят его кончину. Слова эти оказались пророческими. Из-за статей о Владыке Иоанне он впал в немилость у «праведной партии» Церкви русских эмигрантов в родной Сербии, а когда осмелился на заседании Синода раскритиковать архиеп. Виталия Канадского за пагубную для Церкви деятельность — при этом пастыре в Канаде вдвое уменьшилось число церквей, а монастырь архиеп. Иоасафа был продан, — это, видно, переполнило «чашу терпения» правящей верхушки и еп. Савва был отправлен на покой. Архиеп. Виталий милостиво разрешил ему и впредь жить в Эдмонтоне, но права служить согласно епископскому сану лишил. И еще одно требование выдвинул архиеп. Виталий: никому на рассказывать о причинах отставки. Отцы Герман и Серафим узнали правду от еп. Нектария.

Оказавшись на вынужденном покое, еп. Савва писал: «Слава Богу, живу покойно. Ничего менять не хочу. Св. Григорий Богослов говорил: „Утерявшие трон да не утеряют Бога, ибо что чин земной! Куда выше и надежнее чины небесные"».

Около шести лет еп. Савва собирал материал для книги о свят. Иоанне (Максимовиче). Предвидя близкую кончину, он завещал Братству преп. Германа все черновики и собранные документы.

30-го января 1979 года, год спустя после расправы над ним в Синоде, еп. Савва почил о Бозе. Вскорости о. Герман получил от духовных

чад еп. Саввы письмо с просьбой приехать незамедлительно. Оказалось, епископ даже отложил денег на поездку о. Герману, которому предстояло вывезти книги Владыки, его личный архив и прочее. Отцы смекнули: вот-вот туда нагрянет архиеп. Виталий и приберет всё к рукам.

Исполняя последнюю волю покойного, отцы, не мешкая, отправились в аэропорт. Стояла зима, снегу навалило по пояс. Отец Серафим писал об этом: «В пути нас поджидали всяческие препятствия: то увязнет машина, то заглохнет мотор, мы уже начали сомневаться, а стоит ли вообще о. Герману ехать. Но дальше всё пошло как по маслу, и мы поняли, что все неурядицы — лишь вражьи искушения»[3].

Вечером 13-го февраля о. Герман приехал в дом еп. Саввы. Его уже с нетерпением дожидалась одна из духовных дочерей епископа. «Вот, возьмите. Это бумаги, которые Владыка хотел Вам передать, и увозите поскорее. С минуты на минуту приедет архиеп. Виталий — они ему тоже нужны».

Пока о. Герман укладывал багаж, подоспела полночь. Как быть? Самолет улетал лишь днем, а женщина настоятельно просила увезти архив Владыки как можно скорее. Отец Герман в раздумьях бродил по ночному Эдмонтону и набрел на автобусную станцию. Постучал. Ему открыл уборщик. Узнав в чём дело, разрешил оставить коробки с бумагами у себя в шкафу. Чуть не бегом бросился о. Герман назад к дому еп. Саввы и перенес бумаги в безопасное место. Потом уже с легким сердцем вернулся и лег спать. И впрямь, он успел как раз вовремя: тем же днем за архивом еп. Саввы явился архиеп. Виталий.

«Лишь после смерти епископа обнаружили мы, сколь велика утрата», — писал о. Серафим. 20-го февраля он послал письмо ближайшему из духовных чад Владыки, Игорю Капралу (впоследствии еп. Иллариону): «Были очень рады получить от Вас весточку, ведь теперь, после кончины Владыки Саввы, мы еще более сблизились духовно. Нас очень тронуло завещание Владыки: он отписал нам все книги и архив, даже оставил денег, чтобы о. Герман как можно скорее приехал и забрал всё. (О причинах такой спешки мне не хотелось бы распространяться)... Божией милостью мы наконец построили библиотеку и назовем её в память о Владыке Савве...

Сам он неразрывно связан с жизнью архиеп. Иоанна, и его радение о памяти великого подвижника, смелое признание его святости, невзирая ни на какие обстоятельства, — нам пример и наука, ведь как

порой мы упадали духом перед слепой ненавистью некоторых личностей к святителю Иоанну. Мы собираемся рассказать о Владыке Савве на страницах нашего «Православного Слова» и переводить материалы о блаженном Иоанне, собранные им, с его же бесценными замечаниями…

С упокоением еп. Саввы мы лишились высокодуховного праведника, боюсь, что таких уже осталось совсем-совсем немного… Он смиренно сносил все гонения, которые выпали ему в последний год жизни, это ли не образец честного и непреклонного православного христианина для всех нас. Так поклянемся же, где бы ни пришлось нам служить Церкви Христовой, останемся такими же честными и непреклонными, чего бы нам это ни стоило, как бы ни шли вразрез с «церковной политикой» наши взгляды.

Надеюсь, Вы нас поймете! С уходом Владыки Иоанна мы осиротели. Перед кем же теперь открыть душу, ведь скончались Владыки Леонтий и Савва, а Владыка Аверкий и Нектарий немолоды и некрепки здоровьем».

В другом письме о. Серафим написал прекрасные строки о том, что почерпнули они с о. Германом из наследия еп. Саввы: «Просматривая бумаги Владыки, мы обнаружили некогда присланные на его имя жалобы на Владыку Иоанна — самые гнусные и несправедливые! Будто бы он сварлив, груб, не заботится о пастве (ему пеняли, например, на то, что он опаздывает на службы), нарушает заведенные порядки, очень плохо руководит епархией, речь его зачастую не понять, на «важнейших» конференциях (на которых царил дух обмирщенности) он нередко засыпает посреди чьего-либо выступления, духовенство собора в Сан-Франциско почитает за праздник тот день, когда Владыки Иоанна вообще нет в храме. Все эти годы я имел возможность наблюдать церковную жизнь в Сан-Франциско и положа руку на сердце скажу: когда Владыка бывал «груб» со мной, я лишь безмерно благодарил Бога, ибо видел в этом духовную себе пользу. В остальном же просматривается одна черта Владыки Иоанна, до сих пор никем не подмеченная: *он не хотел, чтобы Церковь и богослужения сделались для людей обыденной привычкой*, иной раз резким словом или действием он хотел подстегнуть дремлющие души верующих, увести их с накатанной дороги привычного и приевшегося, на которую так легко сбиться.

Умер Владыка — и жизнь в соборе потекла «спокойно», духовенство пребывает в довольстве, всё поросло тиной привычности, обыденности. И нечем более воодушевить верующих. Бесценные сокровища дня вчерашнего еще не использованы, но скоро этому конец и они найдут применение!»[4]

Угасание интереса и вдохновения верующих отцы заметили уже тем же годом, когда во время ежегодной литургии в усыпальнице преп. Иоанна архиеп. Антоний обратился с проповедью, сетуя на острую нехватку священников. Отец Серафим заметил: «А ведь он был окружен в усыпальнице молодыми «ревнителями веры». Так почему же ни один не хотел идти приходским священником? В чём же дело? Очевидно, что бюрократическая машина «церковной огранизации» сломалась, сама идея «заполнения вакансий» на местах порочна. Никому эти вакансии не нужны, ибо церковная жизнь превратилась в бессознательно затверженную череду ритуалов; истоки духовности забыты, духовное богатство Церкви воспринимается как нечто само собой разумеющееся, что далось в руки само, так что незачем прикладывать труд, дабы стяжать это богатство. И церковный кризис, конечно, глубже, не просто в «нехватке священников»: он свидетельствует о неверном подходе как простых верующих, так и иерархов к церковной жизни и духовности. Сегодня утром в усыпальнице мы видели тому подтверждение. После теплого сердечного слова еп. Нектария, к верующим обратился с пламенным призывом о. Митрофан (и это несмотря на то, что он немощный, зубов у него нет, и он шамкает): «Как не стыдно русским забывать своего чудотворца архиеп. Иоанна, уже и греки пишут его иконы, открыто почитая святым! (Подобных прилюдных призывов мы доселе не слышали). Пока в Церкви преобладают «политические интриги», верным христианам не остается никакой надежды, они просто постепенно вымрут, не оставив никакого духовного наследия».

Относительно блаж. Иоанна о. Серафим писал: «Вот источник вдохновения и Божией благодати, и все, кто его почитает, навеки будут отринуты миром сим. Так стоит ли удивляться, что благодать Божия покидает нашу епархию»[5].

Очень удрученными покинули отцы Сан-Франциско: неутешительно духовное состояние мирян, их веры, а значит, еще более насущны их публикации о великом святом Сан-Франциско. От о. Митрофана они узнали, что сам святой посмертно благословил записывать и обнародовать содеянные им чудеса. 30-го августа 1972 года о. Митрофан сообщал отцам: «Решился полностью посвятить себя сбору материалов о Владыке Иоанне... Чувствую в этом настоятельную необходимость. В ту ночь, когда принял решение, ясно видел лик Владыки Иоанна. Владыка радостно благословлял меня. Прославляйте Господа в Его святых! Дело это богоугодное, ибо святые творят чудеса не собственной, а богоданной силой. Я уже удостоверил несколько случаев чудесного исцеления»[6].

Отцы Серафим и Герман почитали святым долгом довести дело, начатое еп. Саввой, до конца, в меру своих сил и способностей. «Мы — духовные наследники и должники его, — писал о. Серафим, — и всё что можем, безусловно, сделаем с Божьей помощью — соберем в книгу все материалы об архиеп. Иоанне».

Идя по стопам еп. Саввы, отцы понимали, что, возможно, разделят и его участь. Вскоре после смерти епископа о. Серафим в письме уважительно отозвался о смирении отправленного на покой Владыки Саввы: «К сожалению, архиеп. Антоний не очень расположен прославлять Владыку Иоанна, к тому же он смертельно боится Владыки Виталия. Мы же держимся других убеждений: поступай по совести и обличай, если надо, открыто. Ну, а если и нас отправят «на покой», что ж, тем лучше. (Хотя я раньше не слышал о монахах на покое, может, еще предстоит)»[7].

Многое из завещанного отцам архива уже было напечатано в «Православной Руси», однако были и бесценные, еще неопубликованные материалы, например, письмо от младшего брата Владыки Иоанна, которое пригодилось о. Серафиму для статьи о детстве святого. Отцам также достались дневники еп. Саввы, правда, в них оказались лишь выдержки из святоотеческих книг, переписанные от руки. Дневники эти свидетельствовали о большой любви и глубоком знании святых Отцов покойным епископом, что позволило ему со знанием дела найти и блаж. Иоанну надлежащее место в святоотечестве. Отец Серафим отмечал, что в статьях еп. Саввы об этом святом «содержится, по сути, краткий курс святоотеческого образования для православных».

В 1976 году, в десятую годовщину упокоения блаж. Иоанна, отцам наконец удалось «отдать долг» еп. Савве: они собрали все его записи о блаж. Иоанне и издали книгу на русском языке. Получилось не столько житие блаж. Иоанна, сколько описание его чудес и воздаяний ему со стороны верующих. Отцы назвали эту книгу «Летопись почитания архиепископа Иоанна (Максимовича)».

Отец Серафим отмечал: «В книге этой ценен не столько собранный материал, сколько истинная оценка жизни святого. Ради этого еп. Савва привел свидетельства таких уважаемых людей, как архиеп. Аверкий, архим. Константин и известнейший сербский иерарх Николай (Велимирович). Но самые интересные главы — это свидетельство самого еп. Саввы. В каждом его слове, особенно в проповедях, посвященных Владыке Иоанну, чувствуется безграничная любовь и почитание — дань младшего иерарха старшему»[8].

В 1979 году отцы напечатали и второй том «Летописи», тоже на русском языке. В него вошли проповеди и богословские работы самого

архиеп. Иоанна, в том числе чудом найденная в редком сербском церковном календаре 30-х годов очень верная и убедительная статья о православном почитании Богородицы, а также статья о «софиологических» ошибках богослова парижской школы Сергея Булгакова в суждениях о Богородице и св. Иоанне Крестителе».

НЕВЗГОД И ГОНЕНИЯ отцам удалось избежать, во всяком случае в первое время после выхода в свет двух томов, посвященных Владыке Иоанну. В основном они собрали уже ранее напечатанные материалы. Впрочем, одно разочарование поджидало их: отправив партию книг для продажи в Нью-Йорке в синодальном книжном магазине, они получили их нераспакованными обратно спустя год.

Жизнь в глубинке, почти в условиях катакомбной церкви, право же, воодушевляла куда больше, чем скучные интриги «официальных» церковных кругов. В монастыре преп. Германа еп. Нектарий провел величальные службы блаж. Иоанну, по сути прославив его как святого. Одному молодому человеку, сомневающемуся в «каноничности» такого шага, о. Серафим объяснил: «Еп. Нектарий сделал это исключительно из любви к святому. Службы эти непременно навлекут на его голову гнев управляющего епархией архиеп. Антония, прознай тот об этом. И еп. Нектарий сознательно пошел на такой риск... Хотя действовал он «втайне» во многом потому, что те, кому сегодня следовало бы прославлять нового святого, помалкивают, либо убоявшись идти против «партийной линии», либо просто по жестокосердию. И не найдись сердец, таких любящих, как у еп. Нектария, истинное Православие вообще бы исчезло. Мы искренне верим, что в будущем деяния этих любящих сердец... будь то иерархи, священники или монахи, а то и просто миряне, восславятся всей Церковью, ибо история ее показывает, люди высокой души и составляют фундамент Православия.

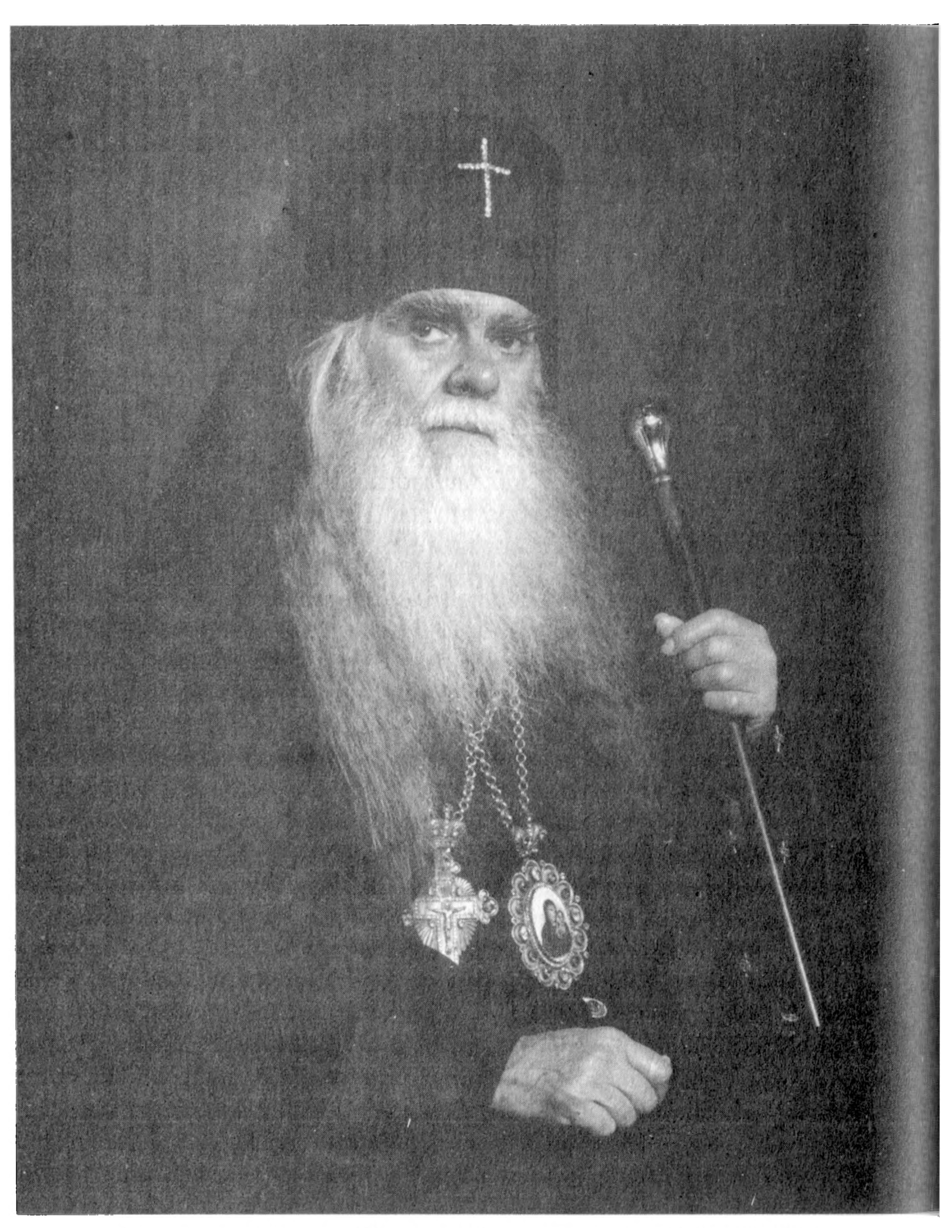
Если Вам интересен «принцип», по которому действовал еп. Нектарий (равно и другие истинные радетели живого Православия) и который даже нас, убогих, подвигает на жизнь в крайне тяжелых и неблагоприятных условиях, так это принцип *катакомбности* — тихое, незаметное, вдали от посторонних глаз взращивание ростков истинного Православия, что «официальными» церковными кругами не поощряется»[9].

Придет время, — увы, до него не доживут ни еп. Нектарий, ни о. Серафим — и станет возможным «официально» и открыто славить блаж. Иоанна. И никому это уже не покажется странным. Улягутся некогда кипевшие страсти, забудутся боль и гнев времен его гонений.

Из его врагов, памятуя слова архиеп. Антония, «почти никого не осталось на свете». И сегодня прославление святого стало «безопасным». Так не забудем же, что возможным такое стало трудами еп. Саввы — он был в первых рядах прославивших святителя Иоанна в «опасные» времена.

В 1973 году о. Серафим писал: «Может, еп. Савва увидел в блаж. Иоанне ту спасительную соломинку, которая спасет утопающее человечество, и оно придет к духовному возрождению, о котором так заботился епископ. Несомненно, в прославлении блаж. Иоанна он видел источник огромной духовной силы для верующих. В одной из статей в «Православной Руси» еп. Савва привел малоизвестный факт: «Толчок к прославлению св. прав. Иоанна Кронштадтского Русской Православной Зарубежной Церковью дал сербский архиеп. Николай (Велимирович)... Теперь же другой сербский еп. Савва (преданный Русской Церкви и русскому народу как немногие из русских иерархов!) дал толчок будущему прославлению архиеп. Иоанна. К этому он готовил православных, закладывал основание для канонизации»[10].

Как никогда миряне сегодня нуждаются в Святом, и епископ Савва явил его людям!

Архиепископ Аверкий (Таушев) Джорданвилльский (1906-1976).
После кончины Владыки о. Серафим долго хранил его портрет в келейном иконостасе.

81

Пророк страждущего Православия

Самый сильный человек на свете — самый одинокий.

Г Ибсен[1]

Из СОВРЕМЕННЫХ авторов, пишущих о Православии, наибольшее влияние на о. Серафима оказал архиеп. Аверкий Джорданвилльский. Отец Серафим помнил его по Сан-Франциско — Владыка приехал на похороны блаж. Иоанна, наведался и в книжную лавку Братства. Больше они не встречались, но тем не менее о. Серафим неизменно с подлинным восхищением отзывался о нем. По его словам, «до самой своей смерти в 1976 году архиеп. Аверкий для Братства был неиссякаемым источником моральной поддержки и поддержки «теоретической», т. е. в богословии». Достаточно обратиться к написанному о. Серафимом, чтобы убедиться, кто служил ему образцом православного писательства: те же темы, тот же подход и напор, местами даже тот же стиль. Теперь, много лет спустя, видя, сколь близко было о. Серафиму дело всей жизни архиеп. Аверкия, поражаешься прозорливости блаж. Иоанна: ведь это он в 1965 году указал о. Серафиму на архиеп. Аверкия, вот, мол, кто может быть вашим надежным учителем и поможет проповедывать Православие печатным словом.

Архиеп. Аверкий был близок о. Серафиму не только как писатель, но и как личность. Во всём облике его сквозило такое благородство, такое достоинство высокой духовности. Он был всегда собран, никогда не спешил и не суетился. В жизни он не опускался до обыденного.

Искренне не замечал, что люди думают о нем, никогда не старался ни произвести впечатление, ни обидеть кого-либо, пользуясь своей властью. И вместе с тем он не «отрывался» от жизни земной, знал и умел трезво оценить ее, хотя всем сердцем устремлялся к горнему. В нем не было и толики от мира сего!

Помнившие его настоятелем и ректором Свято-Троицкого монастыря и семинарии, указывают на впечатляющую внешность: высокий, с седой окладистой бородой, длинными волосами и необычайно кустистыми бровями. Взгляд больших проницательных глаз, казалось, устремлен в самую душу, взывая к совести. Многие отмечали, что такой же взгляд и у о. Серафима. Был Владыка туг на ухо, что, однако, очень помогало отстоять всякого мирского суесловия. Как только в его присутствии затевалась склока и пустопорожний разговор, архиеп. Аверкий на глазах у всех отключал слуховой аппарат. В церкви он молился истово, закрыв глаза. Отец Герман вспоминает: «Архиепископ Аверкий — истинный христианский пастырь. Он никогда не приказывал, не запрещал, а показывал наглядную картину в свете православной философии, и люди сами понимали, почему следует поступать так, а не иначе».

Как и о. Серафим, Владыка Аверкий любил тишину и уединение, однако в работах и того, и другого проглядывает знание вероотступнической жизни мира, которую они изобличали. Сам о. Серафим так отзывался о своем наставнике: «Взгляды архиеп. Аверкия на мир сей отличались трезвением, точностью, были пронизаны духом Священного Писания и Священного Предания. Он открывал нам, что мир сегодняшний живет, отступив от христианства, «тайна беззакония» вот-вот породит человека греха — антихриста».

Как и о. Серафим, архиеп. Аверкий изучил философские корни вероотступничества. «Он проследил его развитие со времени Великого раскола (1054 г.) до эпохи Гуманизма, затем Возрождения и Реформации, исследовал первопричины французской революции, материализма XIX века, коммунизма и его высшей точки — русской революции 1917 года, устранившей последнее препятствие на пути к исполнению «тайны беззакония» — воцарению антихриста»[2], — писал о. Серафим.

Мы уже упоминали, что архиеп. Аверкий по линии своих духовных наставников* восходил к российскому пророку XIX века свят. Феофану Затворнику и видел, как исполняются пророчества великого подвижника, равно и пророчества свят. Игнатия (Брянчанинова). Свят. Феофан

---

*Он был учеником свят. Феофана Полтавского (Быстрова), ученика свят. Феофана Затворника Вышинского.

Затворник предрек падение православного царства и все ужасные последствия, как он утверждал, в наказание за безверие, вольнодумство, безнравственность и богохульство русского народа. «Когда же царская власть падет и народы всюду заведут самоуправство (республики, демократии), тогда антихристу действовать будет просторно. Сатане не трудно будет подготовлять голоса в пользу отречения от Христа, как это показал опыт во время французской революции. Некому будет сказать «вето» — властное. И так, когда заведутся всюду такие порядки, благоприятные раскрытию антихристовых стремлений, тогда и антихрист явится»[3].

Именно такую картину наблюдал архиеп. Аверкий в окружающем мире. Он писал: «Главной задачей приспешников грядущего антихриста является разрушение старого мира с его прежними ценностями и «предрассудками», чтобы на его руинах построить новый мир, готовый приветить своего нового «хозяина», который займет место Христа и в земной жизни даст им все «блага», которые Спаситель сулит в будущей»[4]. По словам свят. Игнатия (Брянчанинова), «антихрист будет логическим, справедливым и естественным результатом общего нравственного и духовного разложения человечества».

Как и горячо любимый им св. прав. Иоанн Кронштадтский, архиеп. Аверкий считал, что самое трудное для православного пастыря — видеть подтверждения торжествующего зла повсюду в мире. На его глазах христиане самых разных исповеданий старались «идти в ногу со временем», бессознательно потворствуя слугам грядущего антихриста, проповедуя дух гуманизма и хилиазма; и впрямь, кажется, что стремление к «прогрессу человечества», к «земной благодати» пронизано христианской любовью, на деле же совершенно чуждо истинному христианству. Архиеп. Аверкий утверждал, что «каждому христианину естественно нести свой крест, иначе христианство существовать не может».

Особенно ранило Владыку Аверкия поведение иерархов Православия, стремившихся поддержать богоотступнические новшества ради «экуменического развития, тем самым потрафляя «новому христианству» антихриста — христианству без Креста».

Со времен учебы в Джорданвилльской семинарии о. Герман помнил, как однажды, задержавшись там за работой, он слышал, как долго Владыка ходил взад-вперед по коридору. «Чем-то Его Преосвященство озабочены», — заметил о. Владимир, работавший вместе с о. Германом (тогда еще Глебом). Глеб вышел в коридор, подошел к Владыке. Тот пребывал в глубокой задумчивости. «А, брат Глеб, — озабоченно посмотрел на него архиепископ, — я, вот, размышлял...

Боюсь, что сегодня само понятие «православие» — бессмысленно. Под его личиной укрывается самое настоящее неправославие. Сейчас требуется уже иное определение этой веры, как некогда возникла необходимость в термине «православие». А это, поверьте, не легко».

Отец Герман вспоминает также, как тщетно пытался Владыка втолковать православным, что есть «неотмирное христианство» и что теряется ныне его ощущение, его суть. Как он плакал, произнося проповеди. Слезы катились по щекам праведного архипастыря, уста же его рекли глубокое откровение Православия на прекрасном русском языке.

В начале 70-х годов здоровье его пошатнулось, но, чуя приближение смерти, он наставлял и проповедовал с еще большим пылом. Читая его статьи в «Православной Руси», отцы Серафим и Герман радовались, как седовласый старец-монах открыто писал не только об угрозах Православию со стороны экуменизма, обновленчества и хилиазма, но и о более «деликатных» церковных заботах, которые мало кто осознавал, и еще меньше тех, кто хотел бы их обсуждать. Почтенный архиерей говорил о духовной омертвелости, поражающей Церковь, когда в ней видят лишь мирскую «организацию», о «политике», вкрадывающейся в церковную жизнь под видом праведного «блюдения канонов»; об использовании внутрицерковной дисциплины в целях личных и «политических», о том, как заставляют служить этим целям, кивая на смирение и послушание. Владыка писал: «Православию чужд мертвящий формализм. Не может быть слепого послушания «букве закона», ибо Православие есть «дух и живот» (Ин. 6;63). И если по форме всё выглядит «правильным» и «законным», то совсем необязательно таково и содержание»[5].

Архиеп. Аверкий, подобно о. Серафиму, высоко ценил существование Русской Зарубежной Церкви — зова свободного мира к порабощенной России и оплота истинного Православия в век вероотступничества. И в то же время он видел козни дьявола разрушить и эту твердыню, как снаружи, так и изнутри. Некоторые в этой Церкви упорно внедряли ложную «догму искупления» — еще один вариант «христианства без креста». «Наша рана» — так отзывался об этом архиеп. Аверкий. Его честная и прямая душа неизменно страдала при виде закулисных «политических» церковных интриг, в частности гонений архиеп. Иоанна. Как уже указывалось, он был выведен из состава Синода именно за отказ участвовать в интригах. Однажды он признался о. Герману: «Раздор в Церкви меня убивает. Святая Русь распята. И Русская Зарубежная Церковь могла бы так много сделать, столько миссионерской работы ждет ее, а мы все заняты междуусобицей... Не следует ли из этого, что благодать Святого Духа покидает наш Синод?»

В конце жизни архиеп. Аверкия более всего удручало, что в его Церкви, оплоте истинных ревнителей веры, к власти пришло новое поколение, не из смиренных людей, пекущихся о передаче Священного Предания, а из людей беспринципных, чье «рвение» обуславливалось «политическими» выгодами. В 1975 году, незадолго до смерти, он сам стал жертвой таких ревнителей «не по разуму» — на него стали нападать члены «сверхправильной» группировки. В первую очередь, из-за его личной дружбы с еп. Петросом из Нью-Йорка, коего группировка полагала своим соперником за влияние на греков, держащихся старого календаря. Зная, что архиеп. Аверкий сослужил с еп. Петросом, «сверхправильные» послали ему одно из своих приснопрославленных «открытых писем», порывая с ним все связи, и более того, покушаясь на его богословский авторитет, они пустили клеветнический слушок, что он «подпал западному влиянию», что он «схоласт» и пр.

Архиеп. Аверкий лично уведомил платинских отцов об этом. Особенно его огорчал «хамский тон», ставший обыденным явлением в Церкви. Позже о. Серафим писал: «Он прислал нам письмо — в нем столько боли! Оно наглядно показывает, сколь глубока пропасть меж великими старцами и молодым поколением, не получившим их окормления и полагающим, что оно «мудрее мудрецов».

10-го сентября 1975 года, в годовщину благословения архиеп. Иоанном Братства преп. Германа, в монастырь приехал еп. Нектарий — служить литургию. После он в беседе с отцами разделил их скорбь по поводу недавних церковных событий. Сам он безгранично почитал архиеп. Аверкия, едва ли не как святого. Клеветническая кампания против него еще раз показала, сколь узок и скорбен путь истинного Православия. После отъезда епископа о. Серафим написал: «В грядущих испытаниях нам не на кого опереться, но перед нами — живые примеры великих «последних могикан» монашества: архиепископов Аверкия и Андрея, еп. Нектария. Да сохранит нас Господь под истинным духовным водительством!»

В то время как разворачивалась кампания против архиеп. Аверкия, отцы Серафим и Герман решили следующий выпуск «Православного Слова» посвятить Владыке, поместив его портрет на обложке. Отец Серафим написал небольшую статью о выдающемся иерархе, «живом связующем звене со святоотечеством», поместил материал самого архиепископа — «Святая ревность». В те дни о. Серафим записал: «Уже год собираемся сделать номер о Владыке Аверкии, и вот наконец удобный случай представился! Пусть думают что хотят, но для нас он истинный православный архипастырь и богослов без фальши и интриганства, сам пострадавший от церковных «политических» интриг.

Поместив его портрет на обложке журнала, мы и впрямь утешились: исполнили свой долг перед праведником».

Очень кстати оказалась и статья самого Владыки «Святая ревность». Она заканчивалась описанием ревности подлинной и ложной, за которой скрывается корысть и «кипение обычных греховных страстей». «ОДНА СВЯТАЯ РЕВНОСТЬ О БОГЕ, О ХРИСТЕ, без всякой примеси какого бы то ни было лукавства и двусмысленной лукавой ПОЛИТИКИ, — писал Владыка, — должна руководить нами во всех действиях и поступках»[6].

Через два месяца после окончания работы над этим номером журнала о. Серафим в одном из писем заметил: «Наша обложка с портретом Владыки Аверкия, безусловно, создаст нам определенную репутацию, что ж, оно и к лучшему. Что-то давит нас, словно мы сдерживаем натиск противника, хотя линия фронта не определилась. Может, наша уединенность помогает нам выстоять в этой битве, за что мы благодарны Богу. «Сверхправильные» окутаны словно дурманным облаком: даже нормальные люди теряют там способность мыслить трезво и четко представлять себе положение дел. У нас уже немало подтверждений тому, что старшее поколение ждет от нас, когда пробьет час «верного» слова. Господи, дай нам сил!»

И верно, архиеп. Аверкий связывал большие надежды с Братством. Как писал о. Серафим, незадолго до кончины Владыка сказал отцам: «Ваш путь правилен, благословляю всё, что вы делаете».

НАБЛЮДАЯ за травлей такого праведника, как архиеп. Аверкий, и размышляя над положением дел в Церкви, о. Серафим произвел переоценку некоторых ценностей. Об этом свидетельствует отрывок из летописи на Рождество 1975 года. Отец Серафим тщетно пытался найти какой-либо смысл в действиях иерархов Церкви. Его не удовлетворяли простые, вроде бы естественные ответы. «Весь год мы только и слышим о распрях в Церкви, — писал он. — В Джорданвилльском монастыре иноки жалуются, что они — паства без пастыря. Что им делать, если игумен вдруг суровыми и решительными мерами пытается установить единодушие? В Бостонском монастыре вроде бы единение душ есть, но не слишком глубокое да и очень зависящее от «мнений»: они полагают своего игумена святым, а свою монастырскую богословскую линию — единственно правильной, «греков» ставят выше «русских» и т. п. И так повсюду: в приходах, в семьях, в малых собраниях верующих — везде царит беспринципная вражда, а самые кроткие и смиренные подвергаются гонениям.

В чем искать причину такого всеобщего явления? Перевелись ли в Церкви истинные наставники? Или паства отказывает в доверии тем, кто мог бы стать пастырем? И то, и другое справедливо. В целом же остывает любовь и рушится как пастырство, так и доверие мирян, ибо жизнь наша построена на беззастенчивом насаждении всего революционного и на себялюбии.

В чём же дело? Как разумно вести Церковь и добиться послушания? В сегодняшнем мире это невозможно. Слепо довериться какому-нибудь новоявленному «духоносному старцу»? — Весьма опасно. Сколько людей слепо доверились о. Пантелеимону (из Бостона), и кроме разлада и конфликтов пока ничего не видно, хотя итог может быть печальнее.

«Духовный кризис», выражающийся сегодня в отсутствии единодушия, можно преодолеть лишь одним: *являть любовь, доверие к ближнему, жить как заповедали святые Отцы, сколь бы мал ни был круг общения*. Стяжав мудрость святых Отцов, люди проникаются душевным настроем друг друга. Это куда полезнее, чем уповать на мнение авторитета, уверовав в его непогрешимость. Однако сколь же трудно добраться до святоотеческой мудрости. Сколько на пути раздоров с другими, не менее искренними искателями! А может, это потому, что не утруждаемся искать долго и глубоко?

Господи, дай ответ на этот поистине животрепещущий вопрос! Если труды наши помогают людям обрести единение душ и мыслей в истинном Православии, побуждают к самостоятельному решению вопросов, но в неукоснительном следовании учению святых Отцов, тогда наша жизнь в пу́стыни оправдана. Но даже и на нашей стезе к единению душ встречаются разногласия, как например, нас никто не поддерживает в почитании блаж. Августина как православного отца и святого. Может, преодолев незначительные расхождения, мы обретем еще большее единодушие? Дай Бог! Больше нечего противопоставить «партийной» линии в Церкви, ничего общего не имеющей со святоотечеством».

Через несколько месяцев после этих строк родились другие — на ту же тему — в письме к Алексею Янгу: «Горько вздыхаю, думая, а стоит ли вообще докапываться до истинного понимания Православия. Сегодня столько всезнаек, что «мудрее мудрецов», а прочие слабы в вере — любой ветерок свалит. Может, прав наш юный Фома Андерсон? Он сказал гениально: раз все думают не так, как мы, возможно, мы и впрямь неправы? Но мне вспоминаются Владыка Аверкий, о. Михаил Помазанский, всё то старое поколение, из которых уже почти никого не осталось, и, право, плакать хочется, глядя на зеленых «всезнаек», ко-

торые не понимают главного. Но ведь истинное понимание приходит только страданием, а многие ли выдержат?»[7]

«Страждущее Православие» — выражение св. Григория Богослова — не сходило с уст архиеп. Аверкия. Значение его двояко: это Крест, который православные христиане должны нести, следуя за Христом в Рай, и гонения, претерпеваемые за Истину в падшем мире сем. Почему «страждущее»? Потому что все упомянутые нами праведники в той или иной степени претерпели страдания, нередко, как сам Христос, от слуг Церкви. Архиеп. Аверкий подметил: «Можно жестоко поплатиться и пострадать тому, кто последует голосу совести и Закону Божию, ясному и нелицеприятному! И это во всех областях современной жизни, порою даже в религиозной и церковной»[8].

Сам Владыка вкусил сполна «страждущего Православия». В 1973 году его, уже больного, навестил о. Герман, расспросил о самочувствии, и тот сказал: «Какое может быть у меня самочувствие, когда Православие умаляется, а зло торжествует. Христиане озлобились, исполнились вражды, не лучше и православные, да пожалуй, что и хуже, ведь им больше дано. И *кто же в эти ужасные времена встанет в защиту* СТРАЖДУЩЕГО ПРАВОСЛАВИЯ?»

В своей последней книге архиеп. Аверкий выразил озабоченность «духовной опустошенностью», невыносимой для его пастырского сердца и усугублявшей его и без того тяжелую болезнь. «Вследствие всех тяжелых душевных переживаний на почве происходящего, постиг меня (так по крайней мере свидетельствуют об этом врачи) целый ряд весьма тяжких заболеваний, едва не лишивших меня этой временной земной жизни, поскольку не мог я примириться со всем, что творится вокруг и относиться ко всему этому равнодушно»[9].

Далее он заключил: «Судить меня будет, как и всех нас, нелицеприятный Бог. Но одно могу сказать: поступал я *честно, по совести, невзирая на лица»*[10].

31-го марта/13-го апреля 1976 года, разрубив узы своего многострадального пастырства, архиеп. Аверкий почил. В полузабытьи последних дней он не раз шептал: «Лазарь болен». Непостижимым для разума путем он, видимо, прозрел свою схожесть с возлюбленным другом Христовым (см.: Ин. 11), ибо упокоился в день поминовения Лазаря. На третий день, в Лазареву субботу (когда Лазарь восстал из гроба) Владыку похоронили.

На следующий день о. Серафим оставил в летописи следующую запись: «Братию известили о кончине нашего духовного и богослов-

ского наставника, архиеп. Аверкия Джорданвилльского, теперь мы осиротели... Наступило время «безвластия» — неизвестно, найдется ли кто способный продолжить эту духовную линию. Наше Братство сейчас чувствует еще большую ответственность: сейчас как никогда важно передавать истинное учение и дух святоотечества».

Два дня спустя о. Серафим так отозвался о смерти Владыки: «Большая, невосполнимая утрата для всех нас. Слава Богу, что мы при его жизни поняли, что он «живое связующее звено со святыми Отцами». Обычно такое начинаешь понимать, когда человека уже нет рядом»[11].

Отец Герман вместе с двумя иерархами из Сан-Франциско и еп. Алипием Чикагским отправился в Нью-Йорк на погребение архиеп. Аверкия в Свято-Троицкий монастырь. Там обнаружилось, что даже по смерти Владыку Аверкия не оставили в покое. На отпевании, за которым служил друг усопшего еп. Петрос, священники из «сверхправильной» группировки стояли в алтаре как истуканы — индейские идолища, демонстративно отказываясь принимать участие в службе. Простых верующих, любивших архиеп. Аверкия, потрясло такое неслыханное хамство. Потерявшие всякий стыд «слуги Церкви» даже богослужение (не говоря уже о самих похоронах) использовали для демонстрации своих «политических» взглядов. Как верно обличают их слова самого архиеп. Аверкия. Он подчеркивал: «Церковь дана нам для спасения наших душ и не для чего более! Нельзя делать ее орудием или каким-то плацдармом для игры своих страстей и сведéния личных счетов!»[12]

С мирской точки зрения, архиеп. Аверкий проиграл сражение в своей земной жизни. Битва сатаны с любым проявлением праведности закончится временным воцарением зла. В жизни небесной Владыка Аверкий, без сомнения, признан победителем!

Он прожил жизнь в Боге, готовясь к вечной жизни с праведниками и святыми. За год до кончины он написал вдохновенные слова, призывая следовать этим путем: «Да будут праведность и благочестие единственными светочами для нас в духовной тьме этого лукавого мира и вдохновляющими примерами подражания в этой столь быстротечной жизни. Тогда еще здесь, на земле, мы сподобимся воспринять Христа, если не на руки свои, как праведный старец Симеон, то таинственным образом вглубь душ и сердец наших и при исходе нашем из жизни сей сможем от души воззвать, подобно ему: „Ныне отпущаеши раба Твоего, Владыко, по глаголу Твоему с миром: яко видеста очи мои спасение Твое!"»[13]

На смертном одре архиеп. Аверкий не ведал отчаяния, он не изуверился в Истине и Любви. Они всегда жили в его сердце, и он знал,

что Истина и Любовь сокрушат антихриста после его воцарения на «краткое время» (Откр. 12:12). Владыка Аверкий писал: «Слуги антихриста будут прельщать, „аще возможно, и избранныя"». Но не стоит предаваться унынию и печали. Напротив, как говорил Господь, «восклонитеся и воздвигните главы ваша, ибо приближается избавление ваше».

Несколько месяцев спустя о. Серафим получил Богоданное подтверждение тому, что архиеп. Аверкий пребывает на Небе со Христом и Его святыми. Во сне ему привиделся архипастырь в ослепительно белом одеянии, он совершал небесное богослужение в честь Воскресения России.

На утро в церкви о. Серафим скромно рассказал о. Герману о чудесном сне. Отец Герман понял, что это и впрямь было истинное видение архиеп. Аверкия.

— К чему бы это? — недоумевал о. Серафим.

— Да ты разве забыл, что за день сегодня? — напомнил о. Герман. — Святого равноапостольного Аверкия, первые небесные именины Владыки. А также сегодня поминовение семи отроков эфесских (их жизнь — прообраз всеобщего воскресения) и празднование иконы Казанской Божией Матери, некогда спасшей Россию. Твой сон не простой — он со значением.

Так о. Серафим приобщился небесного праздника, в котором пребывал архиеп. Аверкий.

ОТЕЦ СЕРАФИМ не мог допустить, чтобы наследие архиеп. Аверкия кануло в лету. Вскоре после его кончины о. Серафим написал для русскоязычного журнала «Православная Русь» статью, озаглавив ее «Златоуст последних времен: Значение архиеп. Аверкия для вселенского Православия», тем самым отдавая дань великому учителю: «Архиепископ Аверкий был одним из последних исполинов Православия XX века, не только в Русской Зарубежной Церкви, и даже не только русского Православия — но всего вселенского Православия XX века.

Мы так привыкли к его пламенным словам, направленным против отступничества нашего времени, что даже не заметили, что он был едва ли не единственный иерарх из всех православных Церквей, на каком бы языке ни писавших, кто с таким дерзновением и правдивостью защищал Истину святого Православия...

Воистину, «оскуде преподобный» в наш жалкий век. Но если мы больше и не увидим среди нас такого стояния за правду, то всё же его

учение всегда с нами. И может быть, оно станет нашей путеводной звездой в более темные грядущие дни, предвиденные им же, когда Церкви «нужно будет уйти в пустыню» подобную той, о которой говорится в Книге Откровений*.

Для тех, кто искренно жаждет остаться верным Православию, нет более правдивого голоса, чем «златые уста»** архиеп. Аверкия»[14].

Наезжая к отцам в монастырь, еп. Нектарий частенько рассказывал им об архиеп. Аверкии, обсуждал с ними его статьи. Однажды, уже после упокоения архиепископа, о. Серафим спросил еп. Нектария:

— Как по-Вашему, сохранится память о нем, узнают ли люди, сколь значим он был, будут ли его почитать на Руси и назидаться его писаниями?

— Не знаю, — ответил епископ.

— Ну, а как насчет сборника его статей, изданного в Джорданвилле? — не отставал о. Серафим.

— Было бы замечательно, если бы о нем узнали и прочитали в России.

Ранее один из братий понуждал отцов попросить еп. Нектария о причислении архиеп. Аверкия к лику святых. С помощью о. Серафима этот брат даже написал канон архиепископу. Когда же отцы обратились к еп. Нектарию, тот всемерно поддержал их. Отец Серафим поинтересовался, скоро ли это возможно исполнить. Епископ лишь покачал головой. Очевидно, пока теперешние «правители» Синода находятся у власти, «официальное» прославление невозможно. Но этим дело не кончилось. 24-го января 1982 года еп. Нектарий и о. Герман отправились в штат Орегон освящать место будущей церкви в местечке Вудберн. Здоровье епископа в эту пору заметно ухудшилось. Больше о. Герману не представилась возможность долго и накоротке беседовать с иерархом. Освятив землю, они заночевали в местной гостинице. Еп. Нектарий жаловался на усталость.

— Не придется мне новую церковь увидеть, — сетовал он. — Не доживу.

---

* Святые отцы видят в «жене облеченной в солнце», убежавшей в пустыню, символ Церкви последних времен. См.: The Apocalypse of St. John: an Orthodox Commentary by Archbishop Averky. Valaam Society of America. 1985.

** Отец Серафим уподоблял архиеп. Аверкия свят. Иоанну Златоусту.

— А как же, в таком случае, быть с архиепископом Аверкием? Кто же его прославит?

В глазах епископа вспыхнул огонек.

— Давайте сейчас и прославим! — воскликнул он.

Они встали перед иконами и во весь голос вдохновенно запели величание праведному архиепископу. Помянули они и, увы, отсутствующего о. Серафима. «Сбудется его мечта», — заверил епископ.

Так в маленьком гостиничном номере в Орегоне (штат этот входил в епархию еп. Нектария) состоялось «местное прославление» пророка мирового значения, которого о. Серафим назвал «одним из последних исполинов вселенского Православия» и «столпом нашей Церкви».

82

Оставленность

...День памяти о. Герасима. Упокой, Господи, душу его. Часто страшная дума глубоко защемляет душу — что именно его состояние мы с Братиею унаследовали. Жутко: ненавидимы за правду и не поняты со стороны своих. Господи, страшно одиночество. Но зато преп. Герман встает более рельефно на фоне темного бушующего моря житейского. Спаси нас, отче Германе, твоих рабов.

О. Герман. 4/17-го марта 1972 г.
Летопись Братства преп. Германа.

И во дни великой скорби, о коей сказано, что не спаслась бы никакая плоть, если бы, избранных ради, не сократились оные дни, в те дни остатку верных предстоит испытать на себе нечто подобное тому, что было испытано некогда Самим Господом, когда Он, на Кресте вися, будучи совершенным Богом и совершенным Человеком, почувствовал Себя Своим Божеством настолько оставленным, что возопил к Нему: «Боже Мой! Боже Мой! Для чего Ты Меня оставил?» Подобное же оставление человечества Благодатию Божией должны испытать на себе последние христиане, но только лишь на самое краткое время, по миновании коего не умедлит вслед явиться Господь во всей славе Своей и вси Святии Ангели с Ним.

Преп. Серафим Саровский[1]

При жизни о. Серафима 1976 год выдался самым трудным для Братства. То был год «оставленности», когда извечный вопрос о смысле их трудов докучал более всего.

Через неделю после упокоения архиеп. Аверкия монастырь в Платине опустел. Уехал в Джорданвилль последний из послушников, и с отцами остался лишь 13-летний Феофил. Через четыре дня, в Пасху, о. Серафим записал: «Угнетает мысль: мы всеми забыты и оставлены. Несомненно, Господь дал нам возможность делать в уединении то, что весьма трудно в миру: там противоборствующие взгляды, преходящие модные учения. Может, мы предвозвестники той пустыни, куда удалятся последние христиане. Как бы то ни было, будем сохранять независимость и верность святоотечеству, будем передавать людям истинное Православие, заповеданное святыми Отцами и нашими духовными наставниками».

Не оставленность миром сим волновала отцов (это скорее было благодатью!), они чувствовали, что со смертью архиеп. Аверкия осиротели, остались в одиночестве защищать истинное мудрое святоотеческое учение. В Церкви, как мы уже убедились, не осталось более такого пророка, исповедника, как архиеп. Аверкий, коего даже чудотворец блаж. Иоанн почитал авторитетом в вопросах богословия и Священного Предания. Как не хватало сейчас такой личности в Церкви! Ибо там творились дела огорчительные. «Сверхправильные» окончательно захватили власть и начали внедрять неслыханное новшество — «перекрещивать» людей, пришедших из других православных Церквей! Начали они с Англии. В 1976 году многие, в том числе и доживавший последние дни архиеп. Аверкий, полагали, что «сверхправильные» превратят Русскую Зарубежную Церковь в секту, подчиненную своей «политике». После смерти архиеп. Аверкия казалось, что уже никто не возвысит голоса против них, по крайней мере, никто не осмелится выступить в печати.

По ПРАВДЕ ГОВОРЯ, о. Серафиму совсем не хотелось ввязываться в скучные дрязги с наивными «школярами от Православия», которые тешатся «политическими» играми. Люди эти — плоть от плоти мира сего, а о. Серафим чаял горнего. Что стоило ему махнуть на них рукой и жить себе на радость в пустыни. Но мог ли он поступить так, памятуя о тех, кому он нес печатное слово Православия?

В один прекрасный июньский день отцы решили, что пора в буквальном смысле слова «стать выше» этих мелочных суетных забот и испросить ответа у Господа. То был Духов день, сразу за Троицей — главным праздником Свято-Троицкого монастыря, где подвизался архиеп. Аверкий. Вместе с Феофилом отцы спозаранку отправились в поход на гору Шаста. До подножия ехали на машине, в пути прочитали и пропели всю службу. Приехав на место, отслужили молебен, окропи-

ли святой водой склоны горы и так же, с молитвой, тронулись в обратный путь...

Потом о. Серафим отметил в летописи: «До этого мы с месяц очень волновались из-за действий и выступлений группировки «ревнителей» (в нашей Церкви): они хотят набросить удавку «правильности» на всю церковную жизнь. Это порождение человеческой логики, но никак не живых традиций Церкви. На великих русских епископов и богословов у нас посматривают свысока, потому что они, видите ли, не всегда «правильны» (с точки зрения наших церковных фракционеров). И наши труды в пу́стыни также вызывают немало сомнений: ведь, с одной стороны, мы тоже говорим о «ревности», тем самым, вроде бы, помогая этой церковной группировке. С другой стороны, сама идея пустыни и ее святые призывают нас отречься от мирских и «партийных» интересов, что многим просто непонятно, и мы не «вписываемся» в рамки «пригодности» для какой-либо церковной организации, мы не жаждем никаких приходских «вакансий», никаких чинов. Духовно мы чувствуем себя очень одиноко, хоть к нам и тянутся люди за наставлением. Вот и наш поход на Шасту: нужен ли он в сегодняшней миссионерской работе?

В таком душевном настрое, на заснеженном лесистом склоне горы, на высоте две с половиной тысячи метров, под сенью величавой белой вершины читали мы из Посланий апостолов: «Не упивайтесь вином... но исполняйтесь Духом, назидая самих себя псалмами и славословием и песнопениями духовными, поя и воспевая в сердцах ваших Господу...» (Еф. 5:18-19) Читали и из Евангелия: «... Если двое из вас согласятся на земле просить о всяком деле, то, чего бы они ни попросили, будет им от Отца Моего небесного. Ибо, где двое или трое собраны во имя Мое, там Я посреди них» (Мф. 18:19-20). Мы поразились: сколь точны эти слова, взывавшие прямо к сердцу, сколь полно они отвечают на все наши недоуменные вопросы: и впрямь, собравшись вдвоем-втроем, в единстве души и мысли можно исполнять работу Божию. Да не сокрушат нас сомнения, всякие «партийные» дрязги, пойдем путем, на который нас благословил Владыка Иоанн, не забывая, что многие люди ждут от нас поддержки и воодушевления».

Из этих слов видно, что в минуты колебаний и сомнений отцы вспоминали архиеп. Иоанна. 19-го июня, сразу после выхода в свет книги еп. Саввы о блаж. Иоанне, о. Серафим записал: «В последнее время мы были подавлены и растеряны и потому особенно нуждались в поддержке архиеп. Иоанна. Что же нам делать? Как сохранить истинность нашей слабенькой миссии, не свернуть со стези Православия на тропу мирского „успеха"».

Неделю спустя, незадолго до 10-ой годовщины упокоения блаж. Иоанна, отцы получили знамение — сколь грозное, столь и трезвящее, укрепившее их решимость продолжать свое дело. 27-го июня, в воскресенье, к юго-востоку от монастыря занялся лесной пожар. Ко вторнику огонь бушевал уже в двух милях, подбираясь к их горе. Местный люд предупредил отцов: как завидят огонь на соседнем склоне — сразу нужно покидать скит. В те дни у отцов гостил Владимир Андерсон с семьей. Во вторник к вечеру они уехали, пообещав вернуться, если нужно будет вывозить монастырское имущество. Пока же оставили на подмогу отцам сына Фому.

«Ближе к ночи мы принялись укладывать самые ценные книги и рукописи, чтобы вывезти их в Рединг к миссис Харви. Потом вместе с Фомой и Феофилом обошли гору со святыми мощами преп. Германа, окропляя ее святой водой, благословляя иконой блаж. Иоанна и иконой Богоматери «Неопалимая купина», которую оставили на камне с восточной стороны, откуда надвигался пожар. В этот ответственный момент ребята, проникшись жертвенностью, хотели остаться подле иконы и сгореть вместе с нею».

Когда взошли на вершину Благородного кряжа, Фома приметил огонь. Все принялись истово молиться — угроза нависла нешуточная. Вдруг ветер переменился, дым погнало прочь, вскоре он и вовсе рассеялся. На душе полегчало.

Вернувшись в монастырь, собрались в церкви. Отец Герман предложил сделать раку для святых мощей, что и было исполнено в ближайшие дни. К этому времени лесной пожар унялся.

Отец Серафим благодарил в летописи святых заступников, отвративших от монастыря беду, и привел свои размышления по этому поводу: «Мы рассматриваем случившееся как предзнаменование: в Церкви нашей пылает пожар раздора и подбирается к нашему Братству. В таком душевном напряжении жили мы не один месяц до праздника поминовения блаж. Иоанна (10-я годовщина его упокоения). В те дни мы даже просили людей сугубо молиться о нас. И в самую трудную минуту мы преисполнились твердой решимости продолжать наше дело, несмотря ни на какие преграды и невзгоды. И еще усерднее стали просить Владыку Иоанна помочь нам в эти решающие дни, указать дальнейший путь».

Еще более укрепились отцы в своей решимости, когда (уже после пожара) поехали в Сан-Франциско на ежегодную литургию в усыпальницу архиеп. Иоанна. В отличие от поездки двухгодичной давности, на этот раз отцы почерпнули воодушевление, даже архиеп. Антоний поддержал их. Отец Серафим записал: «Как и всегда, литургия превос-

ходна. Служили два епископа, три священника и дьякон. Сначала истово помолились у гробницы Владыки, потом каждый из иерархов сказал проповедь. Архиеп. Антоний был чрезвычайно приветлив, подарил нашей церкви часть прежнего алтарного иконостаса собора, остался весьма доволен тем, что и мы против «ревности не по рассуждению». Похоже, это беспокоит и его. Отец Митрофан подарил нам только что отпечатанный портрет блаж. Иоанна с английским текстом на обороте* и призвал и впредь прославлять архиепископа, несмотря на обстоятельства (вот пример истинной ревности, едва ли не единственный в среде русских в нашей Церкви сегодня). Владыка Нектарий сказал, что в нынешней обстановке, когда душится любое начинание, только мы и делаем что-то нужное, только мы по-настоящему свободны, и посоветовал всегда ставить духовность во главу угла.

Вернулись мы с праздника весьма обнадеженными, однако так и не получив ответа: как нам действовать дальше. Очевидно, готового рецепта нет, нам нужно лишь уповать на Бога и продолжать работать в этом же духе.

Однако «пожар» в Церкви не затухает, а посему и будущее наше неопределенно. Новость о «перекрещивании» христиан в Англии взбудоражила многих верующих. И теперь, в особенности после смерти архиеп. Аверкия, остается гадать: кто задаст тон истинной христианской ревности? Нам кажется необходимым изложить основы разумного и трезвенного радения, которого держится наша Церковь, но, очевидно, не избежать стычки со «сверхправильной» группировкой».

Когда писались эти слова, отцам было еще неведомо, что продолжать дело архиеп. Аверкия придется им самим. Впервые на страницах своего журнала они открыто выступят против «сверхправильных» ревнителей веры и мужественно примут все последствия. Отец Серафим написал статью о нынешнем главе Русской Зарубежной Церкви, митроп. Филарете, о том, как его не приемлют фанатики-экуменисты «слева» и неверно толкуют «правые», те, кто, по словам о. Серафима, «хотят всё упростить, представить либо белым, либо черным. Они требуют, чтобы Владыка Филарет и Синод объявили недействительными таинства Церквей, держащихся нового календаря, и тех, что находятся под пятой коммунизма. Люди эти не понимают, что Синод не вправе выносить решения по столь сложным и деликатным вопросам»[2].

---

* Текст был составлен самими отцами.

Достаточно было о. Серафиму посвятить лишь один абзац в статье «ревности не по рассуждению», чтобы вызвать негодующий отклик. Один священник написал отцам, что статья эта «нанесла серьезный ущерб ясной и целостной позиции журнала — глашатая Православия. Вы встали на позиции экуменистов, полагая, что существует три группы православных: «правые», «левые» и «центристы»… По-вашему (и по-экуменически) выходит, что наше учение — лишь одна из ветвей Православия. Именно к такому выводу подводит ваша статья. Но если остальные «православные» группировки принадлежат Церкви Таинств то, признаюсь, мы во всём противоположны и к их таинствам непричастны… люди эти сожгли мосты, и возврата им нет… Все их патриархи впали в ересь… И я лишь молюсь о том, чтобы вы осознали вред вашей статьи и в следующем номере объяснили бы свою позицию многим незаслуженно обиженным православным».

Другой священник из «сверхправильных» патетически восклицал: «Я, недостойнейший и многогрешный слуга Божий, заявляю: душа моя скорбит вместе с душами моей паствы!» Далее он писал, что «лучше мельничный жернов на шею и утопиться в глубине морской, нежели молиться бок о бок с теми, кто чтит патриархов России и Константинополя».

В письме к Алексею Янгу о. Серафим указывал, что «эти священники понятия не имеют о том, что существует «соблазн справа».

Хотя отцы смело и открыто бросили вызов «сверхправильным» в печати, их огорчало то, что находились обиженные, особенно среди пастырей их Церкви, кто разделял их миссию в англоязычном мире. Объясняясь с одним из священников, о. Серафим подчеркнул: «Поверьте, отче, письмо это пишется кровью сердца!»

На праздник Успения Богородицы о. Серафим внес в летопись следующие строки: «Отмечали семь лет жизни в пýстыни. После литургии, пятью днями раньше сослуженной архиеп. Антонием, еп. Нектарием и дьяконом Андреем, дьявол особенно усердствовал, снова вверг отцов в унылое раздумье: есть ли смысл в их пустыннических трудах? Помогают ли они кому-нибудь, оправданно ли их продолжение, равно и их «несовременность», разлад с «общественным мнением»? Однако отцы решают следовать дальше, положившись на Бога и памятуя слова архиеп. Иоанна: «Если дело неугодно Богу, оно столкнется с непреодолимыми препятствиями». Грядет суровая зима, а с ней и самые суровые испытания нашему пустынническому идеалу».

Ни отступить, ни остановиться о. Серафим не мог. Авторитетные деятели «старостильной» церкви в Греции написали отцам, что «сверхправильность» — тяжкий недуг, сродни вероотступничеству экуменистов. Опять же и Алексею Янгу о. Серафим писал: «Сейчас возникла необходимость занять трезвенную «умеренную» позицию, подчеркнуть истинное Православие, неуклонно противостоять экуменизму и модернизму, но не впадать в крайность, «определяя», присутствует ли в тех Церквях благодать Божия или нет, и уж никоим образом не «перекрещивая» православных».

Чтобы растолковать эту позицию, полагал о. Серафим, потребуется не один-два абзаца. Нужна статья, причем такая, чтобы понапрасну не оттолкнуть людей. «Сделать это будет весьма непросто, — признавал о. Серафим. — Однако с Божией помощью и молитвами наших небесных предстоятелей, попробуем всё же сделать хоть то малое, что в наших силах».

Воистину, эту статью о. Серафиму пришлось выстрадать. Отец Герман, зайдя к нему однажды вечером в Оптину келью, застиг собрата бледным и встревоженным.

— Что стряслось? — спросил он.

И о. Серафим слово в слово повторил вопрос, мучавший его со дней гонений архиеп. Аверкия:

— Почему такая пропасть меж великими старцами нашей Церкви и молодым поколением? И как знать, правы ли мы?

Отец Герман видел, как придавило собрата бремя ответственности, которое и разделить-то с ним некому. Как и все новообращенные, о. Серафим опасался, что не до конца проникся духом Православия, потому он часто обращался за поддержкой к о. Герману. Однако в глубине души он чувствовал, что на правильном пути, ибо это не его путь, а путь Отцов Церкви. Долгое время он следовал им, а теперь, оставшись один, должен был вести по этому пути других.

Наконец родилась и увидела свет статья «Царский путь: Истинное Православие в век отступничества». В самом начале о. Серафим указал, что учение о «царском» пути не является новомодным ответвлением Православия, а есть учение святых Отцов Церкви. Он начал с цитаты из св. Иоанна Кассиана: «Как говорят Отцы, крайности, что с одной стороны, что с другой, вредны одинаково... Нужно идти Царским (средним) путем, избегая крайностей».

«Применительно к нашему положению, — писал далее о. Серафим, — «царский» путь истинного Православия сегодня — избегать экуменизма и реформации с одной стороны, и «ревности не по рассуждению» (Рим.10:2) с другой... Пожалуй, ни один православный

наставник сегодня не являет такого примера сердечной пылкости и одновременно умеренности, как покойный архиеп. Аверкий Джорданвилльский, все его статьи и проповеди проникнуты истинной православной ревностью, без каких-либо уклонов «вправо» или «влево», и упор делался на духовной стороне Православия»[3].

«Высунувши нос», как говорил о. Серафим, т. е. обнародовав свои взгляды о «царском» пути Православия, отцы получили немало писем, убеждавших — они не одиноки. Алексей Янг, которому случилось посетить Англию как раз в разгар кампании «перекрещивания», прислал письмо: на самом деле такой фанатизм проявлялся не так уж часто, то были, скорее, исключительные случаи в Русской Зарубежной Церкви Англии. Алексей писал отцам: «Многие верующие уважают и почитают вас, ждут, что вы покажете выход из трудного положения, дадите совет, приободрите, направите. Всякое ваше слово примут с благодарностью. Здесь верующим очень одиноко, и они страшатся будущего».

В подтверждение этому из Англии пришло еще одно письмо от простого верующего. «У нас очень высоко чтят Братство преп. Германа и любят «Православное Слово». Даже здесь, в шести тысячах миль от Америки, велика ваша ответственность, ибо люди ждут от вас верного суждения и четкой позиции».

13-го ноября 1976 года о. Серафим пометил в летописи: «С приближением Рождественского поста наши сомнения и дурные предчувствия весны и лета мало-помалу рассеиваются, однако осталось какое-то ощущение неустроенности. Очень поддержали нас письма — значит, не напрасны наши труды, их оценили, и несмотря на «чокнутость» новообращенных и на удручающий дух официоза во многих церквях, наши взгляды дошли до людей…

В середине октября мы получили такую весточку: «Спасибо за сильную и прямодушную публикацию в «Православном Слове». Да благословит вас Бог и всех, кто верно служит Слову Истины в наш век мрачного безверья… Трудов много, а плоды скудны, но даже и они очень важны, и вы не напрасно посвятили жизнь этому делу…» А в Лазареву субботу мы получили от Алексея Янга следующее: «И впрямь на ваши плечи легла большая ответственность, да поможет вам Бог! Нельзя обманывать людей в их чаяниях! Для всех нас Братство — словно источник электроэнергии, и от него тянутся провода в разные уголки, освещая жизнь многим дотоле пребывавшим во тьме. Многие даже толком не осознав, откуда свет, «подключились» к этому источ-

нику. Так что в грядущие тяжкие дни многие будут зависеть целиком и полностью от вашего света. Да поможет вам Бог».

К концу 1976 года отцов ждала еще одна приятная новость: к ним в монастырь приехали две молодые женщины, жаждущие потрудиться на ниве Христовой. 27-го ноября о. Серафим записал: «У нас нежданные гости: молодая русская по имени Мария, несколько лет проведшая в протестантской организации в Калифорнии. Сейчас она решила полностью посвятить себя Православию. Она приехала с подругой Соломонией (новообращенной из иудейской веры, ее крестил о. Иоанникиос в Джорданвилле). Обе собираются в женский Ново-Дивеевский монастырь под начало Владыки Андрея. Отец Серафим показал гостьям скит Иоанна Пророка, побеседовал и остался очень доволен их горячим желанием потрудиться Господу в Православии. Протестантская организация привлекла их потому, что они не находили «отдушины» своему пламенному желанию в так называемом «нормальном» Православии. Неужели возрастает новое поколение русских, таких как Сергей Курдяков, сердец пламенных и искренних? И почему к нам обращаются женщины, а юношей, похоже, совсем не интересует Православие. Дай нам Бог знаний и мудрости помочь им!»

Когда появились две новые гостьи, Барбара Мак-Карти проговорила с ними всю ночь напролет в доме для гостей. Они, кажется, прониклись красотой, сокрытой в пустынническом подвижничестве отцов, чуждом показной мирской славы. То, что отцы продолжали служить Богу, несмотря на оставленность, стяжало еще больше благодати Господней во всех их начинаниях.

Однажды, когда о. Герман жаловался о. Серафиму на то, что они одни, что ничего не ладится, Барбара сказала: «У вас есть удивительное, редчайшее чудо — любовь друг к другу». И увидела она не обычную дружбу, не привычку, выработанную годами совместной жизни, не «совместимость», ибо характеры у отцов были совершенно разные. Она прозрела присутствие Самого Христа меж ними, теми, кто ради Него избрал оставленность миром и людьми.

В этот самый трудный для них год отцов не оставлял лишь Господь. Самим Провидением им было начертано испытать оставленность, что, по пророчеству преп. Серафима Саровского, выпадает каждому из последних христиан во время разгула безверия. И следующий год станет для братии поистине благословенным: их рукоположат во священство и откроется новая страница в летописи Братства.

83

Рукоположение

Как жизнь тождественна учению, так учение тождественно жизни.

Св. Григорий Богослов.

Уже семь лет живя в пустыни, отцы отказывались от священства. Еще в 1970 году, принимая постриг, о. Герман объяснил, что не хочет создавать видимость, будто их скит стал для православных этаким духовным центром, рано им еще священствовать, исповедывать и служить Божественную литургию для прихожан. Сначала нужно наладить собственную духовную и монашескую жизнь, отрешившись мира сего и не взваливая на себя бремя священства.

В глубине души о. Серафим лелеял мечту стать священником, увенчать свою жизнь служением Таинства Евхаристии. В то же время у него глубоко коренилось чувство собственного недостоинства к столь высокому призванию — то был истинный страх Божий. Кроме того, его и о. Германа страшило другое: как бы не превратиться в послушное орудие церковного чиновничества.

Шли годы, и для церковного люда всё более странным казалось положение этих двух монахов. «Настоящая беспоповщина», — укоряли их, уподобляя староверам. Но отцы, желая сохранить пустынь, отражали все попытки уговорить их на священство. Отец Герман ссылался на пример святых Василия Великого и Григория Богослова, поклявшихся друг другу, что не станут священниками. Отец Серафим кивал на пустынников Древней Галлии — те тоже отказывались от рукоположения*.

---

* Рассуждения о. Серафима о рукоположении см. в кн.: Vita Patrum, p. 125-126.

Поддерживали отцов Елена Концевич и Барбара Мак-Карти. Елена Юрьевна предупреждала, что священство — это порой аркан. И у набросивших его — корыстные интересы. Барбара любила пустынь и считала, что отцам придется пожертвовать уединением и тишиной, стань они священниками. Обе женщины были правы. Но пойди отцы на эту жертву — не ради себя, а ради других христианских душ, — и в новом качестве они, быть может, полнее исполнят волю Божию. Именно так и вышло.

13/26-го октября 1976 года, в канун шестилетия их монашеского пострига, к ним приехал еп. Нектарий. Отслужив литургию, епископ почти весь день провел в Царской часовне, беседуя с отцами. Сказал, что митроп. Филарет попросил его уговорить отцов принять священнический сан, чтобы паломники могли в монастыре же исповедоваться и причащаться Святых Таин. «Тогда б ваши проповеди подкреплялись делом, — сказал епископ. — Вы проповедуете благодать, а священник и есть проводник благодати».

Еп. Нектарий уважал независимость отцов и не настаивал. Он заверил их, что архиеп. Антоний и тот обещал «не давить». «Вы уже несколько лет монашеская община, и люди взирают на вас с надеждой, — продолжал еп. Нектарий. — Почему бы вам, сохраняя независимость, самим не служить литургию у себя в монастыре? Не примете сан, так Владыка Антоний возьмет и пришлет священника, чуждого вам по взглядам, который будет заправлять здесь всем и окормлять ваших паломников. Сколько уж раз такое случалось в монастырях и ничего кроме смуты и раздоров не приносило. Митроп. Филарет настоятельно советует вам принять сан. Он ценит ваш совместный подвиг и хочет, чтобы вы сберегли его, оградясь «официальной» формой. Я же, случись вам согласиться, лишь благословлю вас на священство. И оптинские старцы принимали сан, даже в оптинском скиту. Станете иеромонахами и с большей пользой будете приводить людей к традициям Оптиной, что в миру верующим получить нéоткуда... А литургию служить каждый день вас никто не принуждает. Сами решите. А пока можно довольствоваться суточным богослужебным кругом — вы к этому привычны».

Смиренные и разумные доводы еп. Нектария поколебали отцов. Отец Серафим сказал:

— Если уж рукоположения не избежать, то сделайте это Вы, а не архиеп. Антоний.

— Думаю, он с этим согласится, — кивнул еп. Нектарий.

Тогда же, прощаясь, обронил Владыка загадочные слова о возрождении Оптиной пустыни в России трудами платинских отцов.

Митроп. Филарет был прав: отцы должны были окормлять паломников во всей полноте священства. А паломников все прибывало. Вскоре после Марии и Соломонии к ним пожаловали двое молодых русских ревнителей христианства, Евгений и Марина. Неужели и впрямь вырастает в России новое поколение истовых православных, радовался о. Серафим.

Отец Герман решил посоветоваться со своим духовным отцом, архиеп. Андреем (бывшим о. Адрианом), как быть: опять требуют принять сан. Владыка ответил: «Митрополит знает вашу жизнь… Доверьтесь ему, а архиепископа Антония обойдите стороной».

И всё же сомнения не покидали отцов. Если «обойти стороной» епархиального Владыку, то к ним за поддержкой и «политическим убежищем» ринутся все опальные и неугодные Владыке в Сан-Франциско, и отцам придется встать на сторону «мятежников» против архиепископа, чего им совсем не хотелось: снова начнутся интриги и дрязги, столь противные монашеству.

Наконец, отцы решили не ломать голову над разными «если бы» да «кабы». Если Господу угодно видеть их во священстве — быть по сему. Пока же о. Серафим посоветовал «поспешать не торопясь», доверившись Богу — Он непременно откроет Свою волю. Не ведали отцы, что спустя несколько быстротечных месяцев благодать священства почиет на них.

ПРЕИЗБЫТОЧНАЯ благодать не дается без испытаний. «Самый трудный год» еще не кончился. До рукоположения злокозненный дьявол портил отцам машины, затем — послушников. В то время у них был один-единственный зеленый грузовик и ни одного послушника, кроме искателя монашества по имени Дима, «механика-любителя».

Дима решил вкусить ответственности, и отцы послали его на машине в Сан-Франциско за оставшейся частью иконостаса, подаренного для их церкви. Дима уехал, а назавтра вернулся, но на другом, взятом напрокат, грузовике.

— А где наш зеленый? — изумились отцы.

— В Вакавилле, нужно мотор заменить, — ответил механик-любитель.

Вскоре Дима уехал в Этну к родным, оставив отцам свою машину, и пообещал на обратном пути забрать их грузовик из ремонта.

На том злоключения отцов с машинами не кончились. Прочитаем летопись о. Серафима: «Во вторник Барбара на Диминой машине отправилась в Рединг за покупками. По дороге у грузовика отвалилось

колесо. Пешком она пошла в город и... встретила Диму! Он возвращался из Этны на джипе Алексея Янга (Алексей одолжил его нам на зиму). Дима сообщил, что раздумал идти в монахи и собирается нас об этом известить. Монастырю он предпочел электротехническую школу, за которую заплатит из выданных ему после демобилизации из армии денег. Судя по всему, он хотел просто забрать в монастыре свою машину, а судьбу зеленого грузовика передоверить отцам. Но Барбара усовестила его — нельзя так безответственно бросать дело. Внушение подействовало. Три дня они с Барбарой ездили в город и обратно, пытаясь починить колесо Диминой машины. В то время к нам забрел паломник Константин (с рюкзаком за плечами), чтобы оправиться от многих потрясений и забот. Он разбирается в машинах и согласился заменить мотор на нашем зеленом грузовике. В пятницу 3-го декабря он поехал с Барбарой и Димой помочь поставить колесо. Дима, напутав с деталями, исправил, что называется «из кулька в рогожку». Наладить машину так и не удалось, а на обратном пути забарахлил и джип... Священник-протестант, некогда нас посещавший, проезжал мимо на школьном автобусе. Он остановился, постарался помочь, но, увы, машина не хотела ехать. Тогда о. Серафим посадил двоих своих помощников в школьный автобус, который проезжал Платину, а сам остался ждать аварийную службу. Они приехали и отбуксировали сломанный джип в Рединг. Там о. Серафим (думавший, что починка не займет много времени и он на джипе доберется до монастыря) узнал, что раньше понедельника машину не наладят. Опускалась ночь. Пришлось просить помощи у госпожи Харви. Она сперва накормила о. Серафима, потом отвезла его в монастырь, к концу вечерни — в тот день был праздник Введения во храм Пресвятой Богородицы.

В воскресенье госпожа Харви снова приехала в монастырь — забрать Диму. В понедельник ему предстояло взять и свою машину, и джип, который ему нужно было пригнать в монастырь. Но когда он наконец добрался до мастерской, то джип ему взять не разрешили (привез-то его в ремонт другой человек). В монастырь Дима всё-таки вернулся, даже привез буксирный трос (назавтра он пригодится).

Назавтра как раз пришелся праздник вмч. Екатерины. После заутрени о. Серафим с Димой поехали в Сан-Франциско (на только что отремонтированной Диминой машине) отдать в переплетную мастерскую тираж «Летописи почитания блаж. Иоанна Максимовича», а на обратном пути забрать злополучный зеленый грузовик и на буксире привезти в монастырь...

Шины у Диминой машины сношенные, так что в любую минуту могли подвести. Однако до Сан-Франциско доехали без приключений.

Заглянули в Беркли, в библиотеку. На обратном пути заехали за нашим зеленым грузовиком. Удивительное «совпадение»: мастерская находится на улице Екатерининской, а сегодня праздник св. Екатерины!

Димина машина скрипит, кряхтит, но тянет нашу «развалюшку». Дима даже боится ехать. За руль сел о. Серафим. Похоже, ночевать придется в дороге, ехали очень медленно. И вдруг машина, непослушная более рулю, оказалась на встречной полосе. Слава Богу, дорога была пуста! Потом ее развернуло и она свалилась в кювет, потащив за трос Димину машину, которая стала на дыбы, на землю полился бензин… Ни о. Серафим, ни Дима не получили и царапины, даже не испугались. Отец Серафим сказал: «На твоих глазах, Дима, свершилось чудо!» Кажется, дьявол делает всё, чтобы уничтожить нас, а Господь охраняет, в чём мы убеждаемся воочию. Значит, нечто важное ждет нас впереди!

Вызвали полицию. Удивительно, нас даже не оштрафовали (обошлось без аварий и жертв), не пришлось ничего доказывать и страховой фирме. Наш многострадальный зеленый грузовик увезли в местечко Уинтерс за 25 миль отсюда, а о. Серафим и Дима поздно ночью вернулись в монастырь на Диминой изрядно помятой машине.

На следующий день Дима с Константином поехали в Рединг (забрать из мастерской джип и купить новый грузовик). В пути «подсел» аккумулятор, но ничего, добрались. Сторговали грузовик за приемлемую сумму, договорились приехать за ним назавтра и вечером отправились восвояси…

Отец Серафим и Константин поутру забрали грузовик, хотя хозяин и не отремонтировал его до конца, из-за чего потом у нас возникло множество хлопот».

Но треволнения с машинами были лишь «цветочками». Потом отказал линотип, и только огромными усилиями о. Серафима его удалось починить. Три месяца кряду в Калифорнии стояла страшная засуха, в декабре положение стало угрожающим. В летописи о. Серафима появились следующие слова: «И это косвенно связано с нашими искушениями!»

Самое большое испытание ждало отцов в отношениях с Константином. С неделю прожил он в монастыре, тщетно пытаясь побороть страсть к пьянству и курению. Отец Серафим писал: «По ночам он сбега́ет в Платину и напивается. После чего у него просыпается необыкновенная злоба к о. Герману (может, так он отчасти выражает протест любой «власти»). Не в силах терпеть долее, он однажды вечером с проклятиями в щепки сломал посох о. Германа. В другой раз, когда к нам приехали паломники, он демонстративно устроился на

ночлег под открытым небом близ дороги у первого поворота, что, конечно, отметили наши гости. Наконец ему сказали, что так вести себя нельзя, если он хочет оставаться при монастыре, или мы можем отвезти его в Рединг. Он признался о. Серафиму, что не верит никому в монастыре, что терпеть не может отцов, что им нужны лишь его деньги и далее в том же роде. На следующий день, работая в нашем «сарае», он вдруг истошно закричал: «Когда ближайший автобус до Рединга?» Отец Серафим тут же усадил его в машину, довез до Рединга, дал денег и еды, чтобы добраться до Сан-Франциско. Видимо, Константин пока способен жить лишь ради собственных удовольствий. Уехал он — и отошли бесовские искушения. А через несколько дней началось воистину излияние благодати...»

11/24-ГО ДЕКАБРЯ, накануне дня памяти преп. Германа Аляскинского, в монастырь на престольный праздник прибыло много паломников. Первой приехала с двумя детьми Джулия, мать Феофила. И у нее на подъезде к Платине забарахлила машина (что стало в ту пору едва ли не обычным явлением). Вечером, перед самой службой, неожиданно появился архиеп. Антоний с дьяконом Андреем.

Отец Герман, всё еще страшась и сомневаясь по поводу будущего рукоположения, молил Бога, чтобы архиепископ не приезжал. «Ну, сейчас сразу же и возьмется за нас!» — взволнованно шепнул он и о. Серафиму, встречая Владыку у ворот.

Первым шел дьякон. Он успел шепнуть о. Герману: «Владыка будет упрашивать вас принять сан — только сохраняйте спокойствие».

Войдя на монастырский двор, архиепископ увидел, как по глубокому снегу идут к церкви паломники. Отцу Герману нечего было возразить: сейчас, в отличие от времен их пострига, они уже были не одинокими лесными отшельниками. Архиепископ считал гостей, прибывших на праздник, паствой отцов. А пастве нужен пастырь.

По традиции Владыка Антоний уединился в Царской часовне с о. Германом. «Дорогой мой, еп. Нектарий сообщил мне, что вы не будете возражать против рукоположения. Митрополит велел мне умолить вас принять сан. Иначе люди подумают, что вы возгордились. Все эти годы, согласитесь, я не очень докучал вам...»

Отец Герман пригласил в комнату о. Серафима. Вдруг Владыка упал перед отцами на колени — на мгновение — и тут же поднялся. «Прошу вас, не отказывайтесь. Обещаю оставить вас в покое».

Дрогнула чувствительная русская душа о. Германа, расстроила ее мольба Владыки и забылись старые обиды. В конце концов, ему стало жалко Владыку, увы, подвластного другим людям.

— Вы обещаете не трогать нас? — переспросил о. Серафим. — Если так, то мы принесем вам много пользы в священстве.

— Обещаю! — заверил архиепископ. — Даю вам возможность делать всё по вашему разумению. Я вас не трону. Для вашего же блага.

Отец Герман заговорил было о прошлых раздорах. Но Владыка сказал лишь, что такое не редкость в церковной жизни и всё это не должно мешать отцам служить Богу. И добавил, что они прошли уже изрядный путь, и поворачивать вспять — настоящее предательство.

Отцам вспомнились слова еп. Нектария. Видно, пришла пора создавать новую «пустынь на задворках», вне мертвящих структур «официальной» Церкви, чтобы протянуть руку помощи американским новообращенным — сами они вряд ли примкнули бы к Православной Церкви. И ради этого стоит пожертвовать собственным благополучием. Что ж, если архиепископ обещает свободу действий, их миссия может стать успешной. И отцы согласились принять сан, памятуя (благодаря посредничеству еп. Нектария и архиеп. Андрея), что митроп. Филарет понимает их намерения.

Отец Серафим попросил, чтобы рукополагал их еп. Нектарий. «Вот и отлично, — согласился архиеп. Антоний, прекрасно понимая в чём дело. — А о. Германа я посвящу во диаконы завтра же». Что он и совершил за литургией на следующий день. Столь неожиданный поворот событий засвидетельствовал Алексей Янг с семьей — они приехали утром. После литургии все торжественно прошли крестным ходом вокруг церкви, а затем приступили к праздничной трапезе.

Праздник испортила Джулия. (Как говорил о. Серафим, «дьявол из зависти решил нанести удар, дабы омрачить радость духа».) Она была прихожанкой «сверхправильного» прихода, и не успел приехать Владыка Антоний, как она начала вопить, что он «еретик», «католик», поскольку позволяет сестрам из монастыря игумении Ариадны держать на фронтоне изображение «святого сердца»! Она и братию обвинила в «беспринципности», утверждая, что лишь «греки» сохранили вероучение в чистоте и целостности. Целые сутки она пряталась в крытом грузовике отцов, отказываясь идти в церковь, пока архиеп. Антоний не уедет. Она не пошла даже на литургию. «Конечно, она явно не в себе, — писал о. Серафим, — но не характеризует ли ее поведение опасный курс, который избрали ее духовные наставники и их последователи — это грозное предзнаменование. Но Бог, конечно, не оставит нас Своею благодатию в борьбе с подобными искушениями».

В те же дни наблюдали отцы и иное проявление дьявольской зависти. Сразу, как только приехал архиеп. Антоний, из лесу раздались жуткие крики, от которых кровь стыла в жилах. Отец Герман решил, что какой-то зверь угодил в капкан и послал проверить. Но таинственный крик двигался по лесу. Слышался он и ночью, и на следующий день во время литургии и рукоположения. Стихли крики, когда архиепископ уехал. Может быть, то кричала рысь (очень похоже на истошные вопли женщины). Но ведь никогда ранее, ни потом отцы не слышали подобного. И решили, что это неспроста.

Новый день принес новые заботы. Джулия, решив, что отцы заодно с владыкой-еретиком, собиралась забрать Феофила. Никакие разумные доводы о. Серафима не помогли. Тогда о. Герман в церкви сам поговорил с мальчиком: «Ты уже взрослый. И сейчас придется принимать решение, твоя мать хочет забрать тебя отсюда. Молись. Если надумаешь остаться, мы тебя в обиду не дадим».

Долго не раздумывая, Феофил сразу ответил согласием. Он укрылся в алтаре, пока о. Серафим пытался договориться с Джулией. Наконец, забрав двоих других детей, она уехала, более ни словом не обмолвившись о Феофиле. Позже даже присылала деньги и благодарила отцов за заботу о мальчике.

В понедельник о. Герман позвонил еп. Нектарию в Сиэттл. Самому ему очень не хотелось ехать туда на рукоположение, к тому же, как отмечал о. Серафим, «он еще не расстался с сомнениями относительно воли Божией». Еп. Нектарий согласился сам приехать к ним в четверг. Дал согласие и о. Алексий Полуэктов. (Для рукоположения полагается присутствие двух священнослужителей.)

17/30-го декабря в день пророка Даниила было назначено рукоположение. Накануне выпал снег, покончив с засухой: с сентября не было ни капли дождя. После всех искушений на пути к священству, отцы увидели и в этом знамение Божией благодати.

Поначалу они боялись, как бы из-за снегопада не сорвалось их посвящение. Но снега выпало немного, и о. Серафим успешно доставил еп. Нектария на монастырском грузовике. Приехали также о. Алексий Полуэктов с сыном Илией, Барбара Мак-Карти, Владимир Андерсон с семьей, Алексей Янг и прихожане из Этны.

Еп. Нектарий не только рукоположил о. Германа во иеромонахи, но и посвятил двоих — Владимира Андерсона и Джорджа Уильямса — во чтецы. За праздничной трапезой собралось 22 человека, и, как отметил о. Серафим, «все ликовали духом». На следующий день о. Герман впервые служил Божественную литургию, буквально «со страхом и трепетом», как подметил о. Серафим.

Еп. НЕКТАРИЙ решил, что рукоположение о. Серафима во дьяконы состоится на следующее воскресенье в кафедральном соборе. В субботу вечером о. Серафим уехал в Сан-Франциско, оставив троих паломников: в воскресенье они будут петь на клиросе и причащаться Святых Таин у о. Германа. К отъезду о. Серафима опять выпал обильный глубокий снег. «В Сан-Франциско шел дождь — тоже знамение благословения Божия на наше рукоположение, да и всей нашей жизни», — записал потом о. Серафим. Вот как он рассказал о своей поездке в Сан-Фрациско:

«Опоздав на вечерню в соборе, о. Серафим встал на клиросе и помогал петь и читать. Сослужили два протодьякона, торжественно и величественно, великолепный собор, прекрасные фрески. (Их написали уже после того, как Братство переселилось в Платину.) Воздействие потрясающее, но о. Серафиму здесь не очень уютно, он словно агнец на заклание. После службы поехал в Пало Альто на исповедь к о. Спиридону, и тот взял с о. Серафима клятву верности и послушания Архиерейскому Собору. Боясь, что «послушание окажется непосильным», если о. Серафима начнут «гнуть» против его воли, о. Спиридон сказал, что в обиду не даст и что клятву он принимает с некоторыми оговорками, случись в них необходимость. Однако клятва эта всё же смутила о. Серафима. Он вступает во священный сан, но не приемлет „бездушного повиновения"».

20-го декабря / 2-го января — день рукоположения о. Серафима во диаконы — поминался св. прав. Иоанн Кронштадтский, этот день, как мы уже знаем, связан и с памятью блаж. Иоанна (Максимовича). Далее летопись гласит: «Немного поспав, о. Серафим пришел в собор еще до начала литургии, спустился в усыпальницу блаж. Иоанна, испросил благословения. Духовенство настроено прохладно, но не враждебно. Отец Николай Домбровский сказал: «Ну, теперь ты будешь таким же, как мы». Протодьяконы были весьма предупредительны. Во время рукоположения еп. Нектарий очень волновался, но не так, как при возведении в сан о. Германа. Собор был переполнен. (На литургии даже присутствовала великая русская балерина Наталья Макарова с новым мужем-арабом). После литургии еп. Нектарий произнес краткое напутствие, подарил о. Серафиму четки и благословил продолжать «сугубо оцерковленную жизнь» в пу́стыни. По потреблении Святых Даров, о. Серафим вместе с еп. Нектарием спустились в усыпальницу архиеп. Иоанна, отслужили в присутствии нескольких человек, в том числе и Андерсонов, панихиду».

Почти весь день провел о Серафим с еп. Нектарием, они пообедали вместе, навестили его болящую сестру Веру. А вечером он служил первую службу в сане дьякона — полиелей свят. Петру, митрополиту Московскому. На следующее утро он сослужил литургию с о. Николаем, «хотя очень неуверенно, но и без срывов», как сам писал впоследствии.

В понедельник он еще раз повидался с еп. Нектарием, навестил детей Джулии и взял их с собой — они рвались в гости в монастырь на Рождество. Потом заглянул в Беркли к Елене Юрьевне Концевич и поехал домой. «Еще в Сан-Франциско, — отметил он в летописи, — я понял, что-то неладно с машиной: мотор тарахтит, стучит как-то странно и движется грузовик неровно. По дороге его остановила дорожная полиция: водители попутных машин сигналили грузовику о. Серафима фарами, видели, как он виляет по дороге, и решили, что за рулем пьяный. Полицейские удостоверившись, что о. Серафим трезв, попросили ехать осторожнее. Да, дьявол, несомненно, мстил ему за преизбыточную благодать: исполниться Святого Духа — и быть обвиняемым в пьянстве. (Во 2-ой главе Деяний апостолов видим аналогичную картину. Апостолы исполнились Святого Духа, а многие заговорили, что они напились сладкого вина). Но Бог нас не оставляет. Отец Серафим с ребятами заполночь всё же доехали до монастырской горы и увидели, что дорога занесена глубоким снегом. Пришлось ночевать в холодном грузовике, а с рассветом, надев на колеса цепи, двинулись в гору. Но на середине машина встала, и пришлось остаток пути добираться пешком. Они пришли в монастырь усталые, но довольные. Утреня уже кончилась, а литургия в тот день не ожидалась — кончились просфоры. Но поскольку о. Серафим привез немного из Сан-Франциско, о. Герман всё-таки совершил литургию».

Теперь ему помогал и диакон о. Серафим. В течение первых сорока дней по рукоположении о. Герман, как требовал церковный устав, служил литургию ежедневно.

Вскоре после возвращения о. Серафима из Сан-Франциско подоспело Рождество. «Днем, — писал о. Серафим, — пили чай в Царской часовне, дарили друг другу подарки. Мальчишкам — радость, а паломникам поучительно, они проникаются духом праздника. В этом году у нас, пожалуй, самое счастливое Рождество. Оно — венец нашему самому трудному году».

Через две недели на Крещение впервые воду освящал свой монастырский батюшка, а потом совершали с ней долгие крестные

ходы по лесу. Получив благодать священства, отцы — по выражению о. Спиридона — могли теперь и «воздух освящать».

Примерно через месяц произошло одно любопытное «чисто случайное» событие. Мария и Соломония, хотя и решили служить Богу в Православии, не порывали связей с протестантской организацией, где их не отпускали, пока не найдется кем заменить их в работе. Что ж, это разумно и справедливо, решили женщины. Однако пошел слух, будто они связались с какой-то чудно́й сектой, где долгобородые старцы в черных рясах читают молитвы по книге, вместо того чтобы молиться произвольно.

Однажды февральским вечером мимо монастыря проезжал некий молодой человек, и машина его увязла в снегу. Он попросил отцов помочь. Разговорились. Звали молодого человека Уолтер, он приехал в Калифорнию из Нью-Йорка и «случайно» оказался на горной дороге. Но самое удивительное то, что он ехал на замену Соломонии! Узнав всю историю, он изумился не меньше отцов. Таким необъяснимым образом Господь решил показать протестантам, что их бывшие работницы попали в хорошие руки.

Не прошло и месяца, как Мария и Соломония освободились от своих обязанностей, и Барбара увезла их в монастырь. Позже к ним приезжали в гости друзья-протестанты, и шестеро из них перешли в Православие.

Великий пост в 1977 году принес монастырю новые испытания. У отцов прибавилось церковных забот, они служили литургию, приезжало больше паломников — на печатание книг и журнала времени, равно и сил не оставалось. Долгие великопостные службы были тяжким испытанием для всех. Усугубляли жизнь и обильные снегопады. На машине в Платину было уже не проехать, и приходилось пешком на руках переносить печатный станок в монастырь. Не мог поэтому заехать к ним и еп. Нектарий, чтобы увезти о. Серафима на рукоположение во священники. Решили, что лучше совершить его в монастыре на Пасху.

Подошла Пасха. Отцы вместе с 14-ю паломниками, вкусив лишения Великого поста, радовались празднику вдвойне. Все причастились Святых Таин. По обычаю, пекли куличи и красили яйца. А поутру все пошли любоваться восходом — на Пасху даже солнце на восходе «играет» и радуется Воскресению Христову.

Перед рукоположением о. Серафим должен был исповедать грехи и личные недостатки, которые могли бы помешать ему стать священником. Что он и сделал в присутствии о. Германа.

— Я недостоин служить, — сказал он потом брату.

— Я много хуже тебя, — возразил о. Герман.

— Нет, хуже я, потому что поклонялся языческим идолам, — сказал он с мукой во взоре и заплакал. Отца Германа поразило и тронуло столь глубокое покаяние в грехах, совершенных почти 20 лет назад во время моления в буддистских храмах. Отец Серафим понял, как осквернял этим свою душу, отвергая живого Христа и поклоняясь мертвым идолищам, за которыми таилось бесовство. Память о вероотступничестве в юности очень помогла и до сих помогала смирению о. Серафима. Он так и не почувствует себя «достойным» священства, а будет взирать на него как на святыню, подобную крещению, на благодать милосердного Бога, которую он, монах Серафим, не заслужил.

ВЕЧЕРОМ перед рукоположением о. Серафима приехал еп. Нектарий. Он хотел присутствовать на последней литургии, которую отцы проведут в разных санах. После службы он побеседовал с отцами в Царской часовне. В это время из Хейфорка приехал лозоход — он должен был определить место для колодца. Отцы ждали его всю неделю. Оказалось, что он, бедняга, не мог отыскать монастырь! Отец Серафим рассудил: «Что ж, видно, на то воля Божья, чтоб этому человеку явиться при епископе Нектарии».

Лозоход явился нежданно-негаданно, с двумя длинными металлическими антеннами он являл странное зрелище.

— Словно марсианин! — улыбнулся о. Герман.

— Кто это? — поинтересовался еп. Нектарий.

— Наш лозоход, — ответил о. Герман.

— Вот оно что! — Владыка тоже улыбнулся и благословил искателя воды от всего сердца. Случись тому отыскать источник, и не придется отцам таскать воду за несколько миль от подножья горы. Еп. Нектарий вообще любил воду. С детства (еще в Оптиной) приохотился он к рыбной ловле. В утешение Владыке о. Герман вырыл посреди монастырского двора ямищу, надеясь, наполнив ее водой, устроить маленький пруд. «Спустите лодку, будет где поплавать!» — шутливо говорил о. Серафим епископу.

Он записал об этом дне: «Лозоход, очевидно, человек верующий, не шарлатан. Он понимает, что способность — от Бога. Перед обходом монастыря помолился. Владыка Нектарий и паломники удалились на молебен, а о. Серафим пошел вместе с водоискателем. С помощью двух щупов тот определял, где и глубоко ли под землей есть вода. Он быстро нашел подземный ключ (рыть надо было метров 20, зато воды было предостаточно). Потом о. Серафим указал на вырытую яму и попросил, нельзя ли найти источник воды поближе к ней. Лозоход нашел еще одно место — удобнее расположенное, чем первое, и сулящее еще больше воды. Потом обнаружил, где под землей сходятся два ключа (чуть выше по склону, за «библиотекой»), но место было явно труднодоступным. Еще с полчаса бродили они с о. Серафимом по монастырю: и за кладбище, и за Линдисфарн. Нашли еще несколько подземных источников, но менее мощных и более глубоких, чем у вырытого «пруда». Тем же часом о. Серафим по телефону договорился с умельцем по рытью колодцев и немедленно начал подготовку».

Итак, с благодатью священства неожиданно пришла и благодать животворящей воды. На месте будущего колодца поставили алтарный престол, перед иконой Богоматери «Живоносный Источник» читали молитвы, пели псалмы. Подъехало еще несколько паломников, в том числе сестра о. Германа с семьей. В церкви отслужили всенощную. В проповеди о. Герман просил всех горячо помолиться по столь значительному поводу — о рукоположении о. Серафима.

А поутру 11/24-го апреля 1977 года о. Серафим в присутствии сорока паломников был возведен в священнический сан. То было воскресенье жен-мироносиц, и трое из присутствующих справили именины: Мария, Соломония (Саломия) и Сусанна. Алексея Янга посвятили во чтеца. В тот день, наряду с женами-мироносицами, прославляли и св. Никодима — покровителя журнала Алексея.

Рукополагали о. Серафима во время Божественной литургии перед освящением Святых Даров. Он встал на колени, коснулся лбом престола и внимательно выслушал молитву о. Германа. Епископ же совершал хиротонию: возложил архиерейский омофор, руки свел над головой о. Серафима. Видно было, сколь он сосредоточен. Лицо покраснело, покрылось капельками пота. Отец Герман неотрывно смотрел на Владыку. Внезапно их взгляды встретились. «Одного жажду, — прошептал праведный иерарх, — *передать... передать* — и умереть!» Все Богоданные силы свои употребил он, чтобы передать апостольскую благодать и святость Оптиной.

Отец Герман, молясь, благоговел: перед ним человек, желающий возрождения истинной духовности христианства. И на излете жизни

передающий следующему поколению то, что некогда Христос дал Своим апостолам. И нет ничего важнее!

Еп. Нектарий был слаб, стар и болен, его застращали и утеснили мирские люди, поставленные править неотмирным Телом Христовым. И сейчас перед этим старцем стоял на коленях тот, на кого Владыка возлагал большие надежды для будущего христианства. «Духовный голод», предсказанный его любимым соименным оптинским старцем, уже свирепствует в мире. Оттого столь редок и неповторим стоящий перед ним. Еп. Нектарий в одиночестве исповедовал истинный дух христианства. Земная жизнь давно превратилась для него в череду страданий и борьбы, переносимых из любви к Богу. Земной славы он не стяжал. Архиерейской власти, данной ему Богом, был лишен людьми. Да, он — слабый человек, и вместе с тем — живой Апостол Христов. И неотмирное, невыразимое словами владычество его неисповедимо передалось дальше — то были Сила и Свет Христовы. И ничто не способно прервать живой апостольской преемственности до скончания времен.

Отец Серафим после рукоположения. Рядом еп. Нектарий и посвященный во чтецы Алексей Янг. Монастырь преп. Германа. Воскресенье жен-мироносиц, 11/24-ое марта 1977 г.

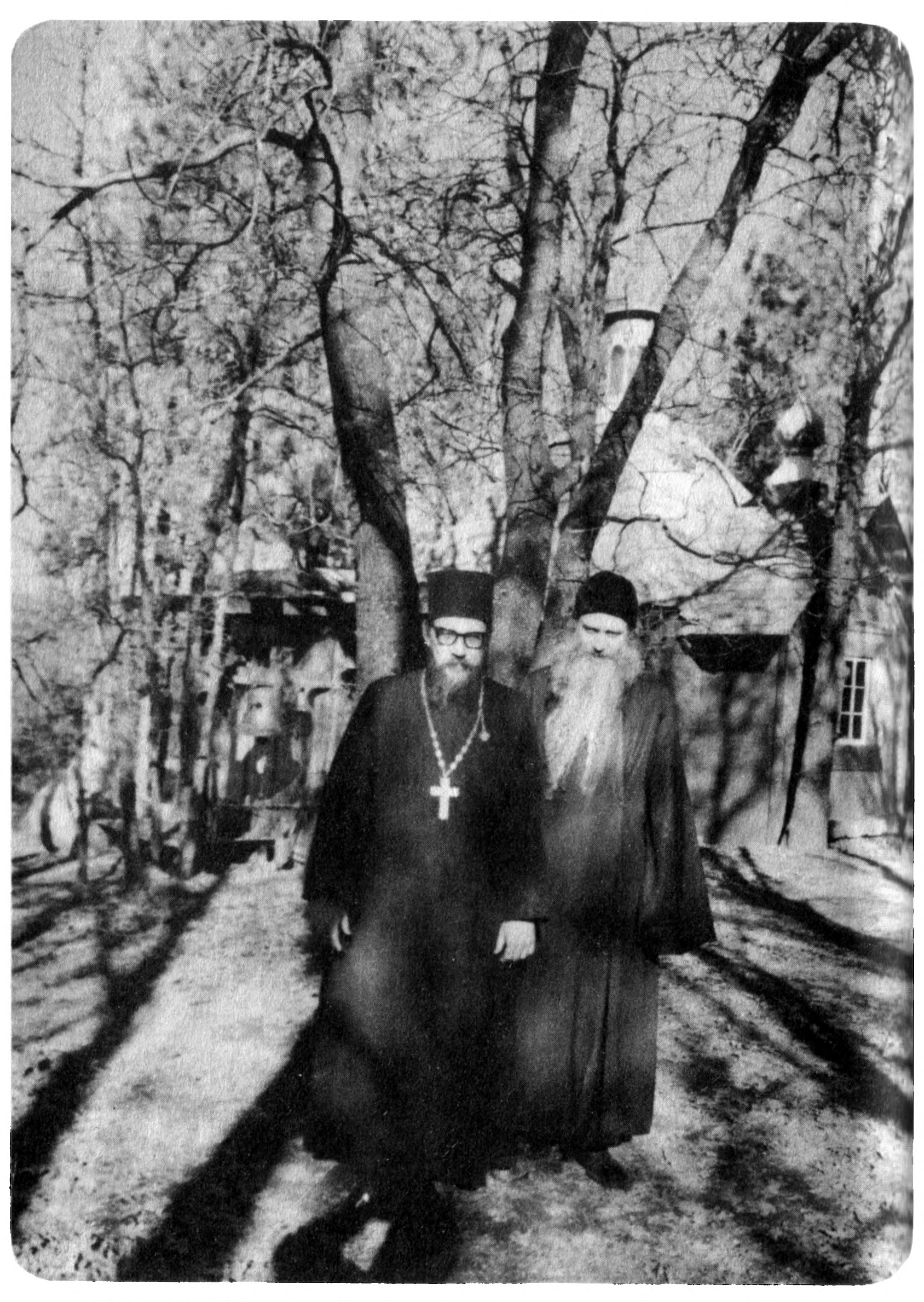

Иеромонах Серафим в скиту Линдисфарн. Монастырь преп. Германа.
Светлая седмица. 1978 г.

Отец Серафим служит Божественную литургию в Линдисфарне.
Светлая седмица. 1978 г.

ЧАСТЬ X

Иеромонахи Герман и Серафим перед монастырской церковью. 1981 г.

84

Православные миссии

...И нищие благовествуют.
Мф. 11:6.

...И множество народа слушало Его с услаждением.
Мк. 12:37.

ЧЕРЕЗ ДВА ДНЯ после рукоположения о. Серафим рассказывал одному из своих духовных чад: «Два дня назад я стал священником и сразу же почувствовал, сколь тяжек этот крест. Молись обо мне еще ревностнее, дабы я и впрямь мог помогать спасению душ. Священство ниспослано не ради меня самого, а чтобы я тянул за собой людей к высокой небесной жизни. Какое чудесное призвание и какая ответственность!»

Незадолго до того, как это новое бремя легло на плечи отцов, их небесный предстоятель архиеп. Иоанн помог им избавиться от бремени некоторых мирских забот. Общество памяти архиеп. Иоанна в Сан-Франциско предложило Братству оплатить расходы по устройству колодца, если воду всё-таки найдут. Поскольку лозоход определил и место и запасы воды, из Общества приехали люди и привезли собранные деньги — несколько тысяч долларов.

Вскоре в монастырь на огромном тягаче привезли бурильную установку. Отцы указали место и глубину, на которой, по уверению лозохода, была вода. Взревел мотор, бур начал пронизывать слой за слоем. Дошли до отметки 25 метров, но ни капли воды не обнаружили. Стали бурить дальше. На глубине 40 метров бур наткнулся на камень. «Еще глубже?» — спросил механик. За каждый лишний метр отцам придется платить дополнительно. Отец Герман обратился к о. Сера-

фиму: «Мы уже и так «нарыли» тысячи на две. А еще установка насоса в тысячу обойдется».

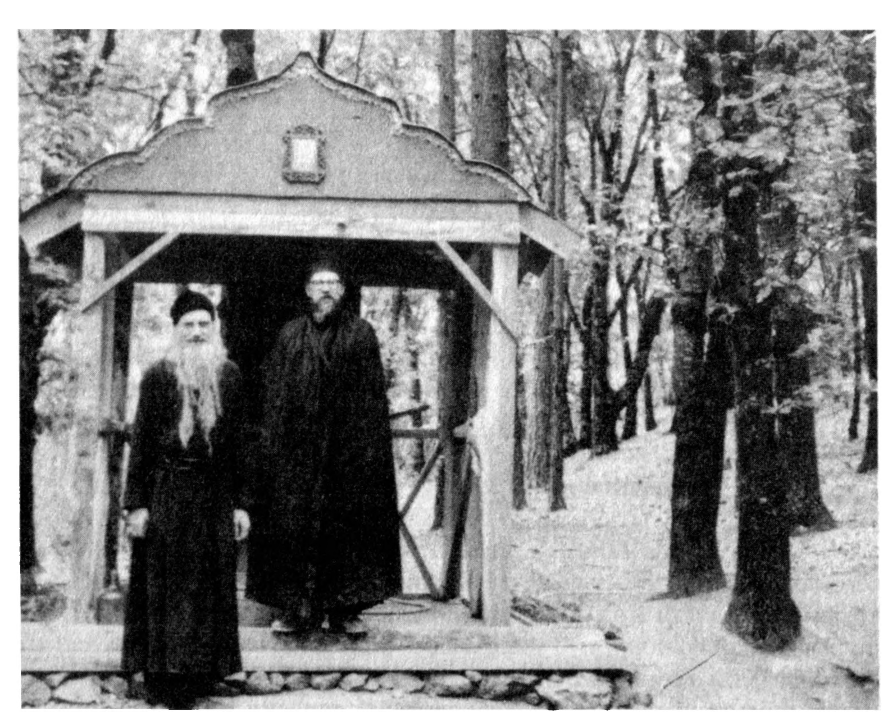
Тяжело было на душе у отцов: и воды нет, и деньги, собранные с трудом, вылетят в трубу. Бурение продолжалось. Глядя на паломников, идущих в церковь, о. Герман сказал: «Похоже, недостойны мы воды. В любом случае, слава Богу! Молитесь, чтобы нам хоть бы хватило денег расплатиться».

Все собрались в трапезной, ибо не ели целый день. Потом снова вернулись в церковь, совершить канон Богородице. Во время молитвы они услышали крик со двора: «Вода!» А выбежав, увидели бьющий из-под земли фонтан. Бурильщик сказал, что добрался до воды лишь на глубине 45 метров. Подошел, зачерпнул: «Хорошая, вкусная вода!» В монастыре возликовали.

Уезжая, бурильщик порекомендовал отцам механика по насосам. Тот вскорости приехал и быстро управился с работой. Оба мастера выставили два счета — в итоге сумма вдвое превышала ту, на которую рассчитывали отцы. Но, сосчитав собранные пожертвования, они увидели, что денег как раз столько, сколько требуется! «Архиепископ Иоанн помог!» — сказал о. Серафим и перекрестился.

КОЛОДЕЦ, бесспорно, облегчил монастырский быт. Не нужно больше ездить за водой на грузовике или таскать ведра вручную от подножия горы. Видно, раньше их небесный покровитель блаж. Иоанн считал, что отцам нужен этот подвиг, чтобы испытать всю тяжесть борения. Теперь же, по принятии священнического сана, надобность в этом подвиге отпала и его заменил другой — жертвенное служение людям.

Резкую перемену, которую внесло в жизнь отцов священство, можно заметить даже по отметкам в летописи, каждодневные записи делались всё скуднее, всё торопливее. Если раньше у о. Серафима доставало времени изложить даже свои размышления о состоянии Церкви, о целях и задачах Братства, то теперь он лишь успевал записывать имена и одним-двумя словами — суть дела. А имен заметно прибавилось. В глазах воцерковленных людей монастырь, обретя собственных пастырей, кто мог исповедовать и служить литургии, стал и впрямь «солидной организацией». И люди уже ждали от отцов большего, для них монастырь превратился в некий духовный центр. По-прежнему отцы принимали всех, часто помогали разрешать своим подопечным сложные духовные вопросы.

У часовни блаженного Иоанна (Максимовича), построенной над монастырским колодцем.

Но не только монастырем ограничивались деяния отцов. Поскольку они были призваны нести людям благодать Божию, пастырство их распространялось всё дальше. Они учредили свои «миссионерские пункты», став православными проповедниками Евангелия. Как позже пояснил о. Герман, удача этих угодных Богу начинаний зависела от того, чтобы «уловить истинное воодушевление, распознать и отделить его от бесовского воспламенения себялюбием и расчетливой практичностью. Нужно настроиться «на волну» Божьего промысла. Сторонясь падших духов поднебесья, человек должен стяжать Духа Святаго, который «дышит, где хочет, и голос его слышишь...» (Ин. 3:8), должен прилепиться к нему и устремиться ввысь на крыльях его. Дух помогает человеку, но и человек должен сам шагнуть навстречу ему. Получив чудесное семя, человек должен сам взрастить его. Нельзя сидеть у моря и ждать погоды, нужно со рвением и страстно ловить богоданное вдохновение и использовать его в делах. В вечерних молитвах говорится

именно о такой Божественной страсти: „Просвети... тело мое Твоею страстию бесстрастною!"»

Миссионерская деятельность началась в феврале 1978 года в день именин Валентины Харви. Отец Серафим с несколькими паломниками поехал к ней в Рединг, чтобы поздравить с праздником. Тем же вечером к ней направился и о. Герман с двумя братиями отслужить в ее доме 9-й час и вечерню. За несколько миль от Рединга у них сломалась машина. «Опять козни дьявола! Значит, хочет помешать чему-то очень хорошему!» — подумал о. Герман. Остаток пути они решили пройти пешком. Однако вскоре их подобрал о. Серафим. Все были в духе. Отец Герман, уловив этот настрой, понял, что сейчас Господь тронул их души не просто так — настало время исполнить давнишнюю мечту и основать в Рединге православную миссию. До дома Валентины Харви доехали на грузовике.

Отец Герман попросил хозяйку: «Проводите нас в комнату, где упокоилась Ваша матушка и где сейчас молитвенная келья». Зажгли свечи, пропели канон Богородице. Потом о. Герман обратился ко всем: сегодня их молитвенный вечер напоминает службу в древней катакомбной Церкви. Как и в стародавние времена, христиане сегодня должны духовно порвать с миром сим. Он напомнил собравшимся, что в этой самой комнате бывал архиеп. Иоанн. «Вы хотите, чтобы в Рединге была православная церковь?» — спросил он Валентину. Та кивнула. «Так вот, — продолжал о. Герман, — мы и собрались здесь, чтобы открыть миссионерский центр, дабы неотмирное христианство, которое представлял архиеп. Иоанн, плодотворно служило мирянам».

Отец Серафим с радостью сердца взирал на о. Германа. Он тоже чувствовал излияние Божией благодати и был благодарен о. Герману, что тот сумел этим воспользоваться. И его не обманули предчувствия доброго и хорощего свершения.

«Вы позволите расположиться в уголке гаража?» — спросил о. Герман у Валентины. Она дала ему ключи. «Принесите икону, которой Владыка Иоанн благословил Вас, и веник». Валентина залилась счастливыми слезами. Принесла крохотную бумажную иконку, которую архиеп. Иоанн подарил ей ещё в Шанхае, когда она училась в церковной школе.

Гараж представлял собою отдельный небольшой домик на заднем дворе. Валентина использовала его под сарай. Построен он был недавно — прежний сгорел в 1974 году. Отец Герман расчистил один угол, поставил икону и отслужил молебен. «Ну вот, мы и основали собор Богородицы «Споручницы грешных» в честь архиеп. Иоанна». Название это перекликалось с именем Собора Владыки Иоанна в

Отец Герман с юными братиями на освящении часовни во имя иконы Божией Матери «Споручницы грешных» 19-го марта 1978 г.

Шанхае. Любопытно, что самую икону обнаружили лишь «благодаря» пожару, равно и теперь недавний пожар «помог» основать маленький миссионерский центр. Отец Герман назвал его «собором», памятуя о кафедральном соборе Владыки Иоанна во Франции — первоначальная церковь там тоже родилась в гараже.

Через месяц в воскресенье Торжества Православия о. Герман повез всю монастырскую молодежь в Рединг, где после крестного хода с иконами и хоругвями благословил новую часовню. Еще месяц спустя, в Светлую седмицу там впервые служили литургию. «Сбылось пророчество Владыки Иоанна», — сказала Валентина. Много лет тому назад она собиралась уезжать из Рединга, однако Владыка сказал, что она живет там неспроста и со временем в Рединге будет церковь.

Скоро Валентина и ее 16-летняя дочь Александра с помощью верующих превратили гараж в настоящую православную церковь.

Основав свой собственный маленький приход в Рединге, отцы надеялись, что это защитит их от посягательств архиеп. Антония и он не станет посылать их приходскими священниками в разные уголки своей епархии. Зарождая приходы, открывая новые часовни, отцы могли воплотить в них принципы катакомбной Церкви, принцип пустыньки «на задворках». Менее всего хотели они заниматься обмирщенными приходами — не для того они сами удалились в пустыню. Но часовня в гараже, подобно той, в которой служил архиеп. Иоанн во Франции, в корне отлична от обмирщенных приходов. В ней жил дух новизны, дух первопроходцев, что очень способствовало духовному борению и молитве. И жаждущим пустыни необязательно теперь ехать в Платину для того, чтобы увидеть воплощение истинно духовных принципов. Они могут найти неотмирность и в мире сем.

Отцы не упускали случая служить в Рединге литургию. И все, кто сопровождал о. Серафима в поездках, видели: он вкладывает в это дело всю душу. Но мало кто догадывался, сколь великую жертву он приносил. По натуре он был совсем иной, не такой общительный, неугомонный миссионер, как о. Герман. Он, скорее, был мыслителем-одиночкой, философом, писателем. Ему всякий раз мучительно не хотелось покидать монастырь, чтобы где-то в миру, вдали от любимой пустыни, служить на Пасху или в Рождество.

Но личные пристрастия и вкусы — еще не самая большая жертва о. Серафима, по сравнению с вынужденным отходом от писательства. Однажды, вернувшись из очередной миссионерской поездки, он признался о. Герману: «Из-за этого я не досчитаюсь двух лет жизни и то́ма православных работ».

Братии в монастыре о. Серафим говорил: «Что бы ни посылал нам Господь, мы должны смиренно принимать и исполнять лучшим образом. Каждый день приносит новые борения, новый повод молиться еще усерднее, новые возможности служить Богу». Взгляд этот отнюдь не фаталистический. Отец Серафим понимал, что жизнь его истинно исполнится лишь тогда, когда он будет чутко прислушиваться к воле Божией, будет Его послушным чадом. Отец Герман писал: «Отец Серафим понуждал себя отдавать людям всю душу». Но именно в таком понуждении (согласно учению св. Макария Великого) и стяжается плод духовный и дается преобильная благодать. Отец Серафим вскорости обрел радость в новом призвании, сострадал людям, которым служил, и, чуя скорый конец времен, не щадил себя ради других.

С самого начала православной миссии в Рединге он на первом же собрании прихода изложил принципы, которые не позволили бы превратиться общине в обычный обмирщенный приход, этакий замкнутый мирок, раздираемый мелочными междуусобицами.

«1. Само слово «приход» подразумевает некую маленькую группу людей и средоточие их интересов. Но как далеко это от христианского идеала! Мы должны быть едины со всеми верующими Православной Церкви, не просто покупать церковную утварь, а помогать деньгами и делами людям: страждущим православной Уганды, обществу «Православное дело» в Австралии, основанному еще архиеп. Иоанном и т. п.

2. Жертвенность. Помогать нуждающимся. Хорошо бы 10% дохода употребить исключительно на Божие дело — во благо храма, бедствующих и т. д. (но без фарисейства)

3. Господь — прежде всего: возникнут споры — решать их в духе христианской любви. Должно быть желание оделять других и прощать. Будем же исполнять волю Божию, а не свою».

С 1978 ПО 1984 Братство открыло приходы в Уиллитс (штат Калифорния), Медфорде и Вудберне (штат Орегон), Москве (штат Айдахо), Спокане (штат Вашингтон). Как и в Рединге, православные миссии родились желанием людей приобщаться Православия в своем родном краю, иметь свой духовный центр, где бы поддерживалось их духовное рождение, где бы исполнилось веление Христа проповедовать Евангелие бедным.

Например, приход в Москве, городке штата Айдахо, образовался стараниями людей, некогда живших недалеко от Платины. Отец Серафим сразу же поехал туда, благословил дома и земли православных, крестил дотоле некрещенных прихожан. Потом туда отправился о. Герман. К тому времени прихожане уже сняли в аренду небольшое помещение, устроив там часовню с алтарем. Отец Герман при большом стечении народа прочитал в местном университете лекцию об Афоне, потом совершил всенощную в новой часовне. В это время одна женщина, жившая по соседству, пошла выносить мусор, и в окне часовни перед ней неожиданно предстала Древняя Православная Византия: сияние свечей, мерно раскачивающееся кадило с курящимся ладаном, иконы, древние песнопения. Она остолбенела, не понимая, что происходит, потом не удержалась, зашла в часовню, где и пробыла до конца долгой службы. Случай этот изменил всю ее жизнь.

В Медфорде поначалу не заладилось. Некоторые прихожане посчитали платинских отцов чересчур строгими и требовательными: тяжело соблюдать посты и т. п. «Наш приход не для монахов! — провозглашали они. — Давайте пригласим священника из Митрополии» (то бишь Американской Православной Церкви). В феврале 1979 года, перед Великим Постом служа в Медфорде литургию, о. Серафим (никоим образом не насилуя их волю) призвал прихожан определить выбор. Однако новый священник буквально оскорбил многих верующих «сверхсовременным» подходом, и они в конце концов «возжелали старого Православия и попросили нас вернуться», писал о. Серафим.

Еще одним бременем отцов было их первое детище, «пустынь на задворках» Алексея Янга в Этне (вблизи границы Калифорнии с Орегоном). Два года отцы по очереди ездили туда служить литургии. Раз в год наведывался туда и еп. Нектарий, привозил с собой чудотворную Курскую икону Божией Матери. Алексей Янг вспоминает: «Однажды, отслужив молебен в нашей маленькой часовне у меня за домом, еп. Нектарий приложил руку к моей груди и сказал: «Я знаю, что у тебя на сердце». Он чувствовал, сколь дорога мне сама идея православной миссии, и всячески меня поддерживал и подбадривал».

Конечно, отцы мечтали о том дне, когда и Алексей Янг станет священником. В феврале 1979 года будучи в Этне, о. Герман попросил его принять рукоположение. Алексей Янг поначалу колебался, но о. Герман убедил его, что на жизни общины это не отразится пагубно: по-прежнему просто и независимо будет жить маленький приход, но уже со своим батюшкой. Первый шаг Алексей уже сделал: его посвятили во чтецы тогда же, когда рукополагали о. Серафима.

Отец Герман вызвался поговорить с Сусанной (женой Алексея) с глазу на глаз. Он сказал:

— Бремя священства тяжелее переносить матушке. Но я уверен, вы оба принесете куда больше пользы, прими он сан. Возьмете ли вы сей новый крест во благо обездоленных, дабы облегчить их бремя?

Сусанна прослезилась:

— Разве могу я противиться зову сердца?

Тогда о. Герман открыл дверь и позвал Алексея, поклонился ему как священнику и сказал: «Благослови!» Алексей осенил его крестным знамением, о. Герман приложился к его руке, предвосхищая его будущее пастырство.

5-го мая 1979 года в монастыре преп. Германа Алексей Янг был рукоположен во священство еп. Нектарием. Владыка обратился к нему по завершении литургии со словами: «Священство не терпит „профес-

Отец Алексий Янг благословляет верующих после своего рукоположения. Справа — сияющий епископ Нектарий.

сионализма"». Он пожелал приходу в Этне и впредь оставаться таким же отличным от обмирщенных приходов.

Вскорости о. Серафим поехал с о. Алексием в Этну учить его проводить богослужения. «Несколько дней он неотрывно наставлял меня, — вспоминает о. Алексий, — с необычайным терпением и любовью. Никогда не указывал на ошибки в присутствии прихожан, но запоминал их и после службы подробно разбирал.

Занимался он и с нашим «хором» — моей матушкой и Барбарой Марри. Как трудно давались им песнопения! После одной литургии они извинились перед ним, дескать, плохие мы ученицы, но услышали поистине восхитительный ответ: «Да что вы! Уверен, пение ваше угодно Ангелам». Спокойный, выдержанный, истинный любящий отец во всём».

Отец Алексий Янг взял под свое пастырское крыло не только приход святых Адриана и Натальи в Этне, но и Медфордскую общину святителей Иннокентия Иркутского и Иннокентия Аляскинского — ему сподручнее было добираться до них, нежели платинским отцам.

Едва успели народиться новые приходы, отцы взялись за другое дело. В 1978 году провели в монастыре первое Свято-Германовское паломничество, которые с той поры по традиции проводятся в августе (когда отмечается день прославления святого). Служили всенощную и литургию, полный круг богослужения провели на английском. Отец Герман, о. Серафим и о. Алексий Янг выступили с лекциями, равно и другие приглашенные, как из священства, так и из мирян. В 1978 году о. Серафим провел беседу «О современных знамениях конца света», а в 1979 — «Православное христианство на пороге 80-х годов».

На съезды эти о. Серафим возлагал большие надежды и очень дорожил ими. Незадолго до паломничества 1979 года он писал собрату, гостившему в те дни в Свято-Троицком монастыре в Джорданвилле: «Более всего думаю сейчас о предстоящем летнем паломничестве — это ли не прекрасная возможность православного просвещения, столь редкая в наши дни… Мне кажется, «тяжелый, спертый воздух» официальной церкви душит всё и вся вокруг. Сколь нужны сейчас ощущение свежести и новизны. По-моему, мы можем дать это людям. После смерти, быть может, наши труды и оценят, пока же будем стараться помочь тем, кому можем».

Паломники приезжали и издалека: из Австралии, Японии, Канады, с восточного побережья США через всю страну. Каждый год их все прибывало: в 1978 году — 60 человек, в 1982 — уже 170. Монастырь уже не вмещал всех желающих, и многие ночевали прямо в лесу в спальных мешках: мужчины в пределах монастыря, женщины — за его оградой, подле маленького приюта для гостей. Никто не требовал с них денег, просили только «привозить с собой спальные мешки и фонари и оказывать посильную помощь».

Отец Серафим переводит выступление епископа Нектария на летних Свято-Германовских паломнических чтениях. 1980 г.

Всем прибывшим, не убоявшимся суровых простых условий жизни, паломничество приносило тихую радость. Люди находили своих единомышленников. На время отряхивали с ног прах мирской, забывая о чинах и должностях. Строгие монастырские правила, долгие монастырские службы и насыщенная программа лекций не оставляли времени для праздности и все получали истинное духовное окормление.

Самым замечательным в этих «паломничествах» были встречи американцев-новообращенных с живыми «связующими звеньями» святоотечества: еп. Нектарием и о. Спиридоном. Пока позволяло здоровье, оба непременно приезжали на съезды. Живя рядом с этими подвижниками, слушая их, паломники стяжали нечто от древней православной мудрости и благочестия.

В 1979 году, например, еп. Нектарий рассказывал паломникам о новомученике оптинском, которого знал лично, иером. Никоне. Прочитал им письмо, которое о. Никон послал его (еп. Нектария) матери из

Новокрещенные православные и паломники — участники летнего паломничества в монастырь преп. Германа. 1980 г. Духовенство (слева направо): чтец Владимир Андерсон, о. Спиридон, о. Серафим.

советского концлагеря. «Ликвидационная комиссия», изгнавшая монахов из Оптиной, надругалась над о. Никоном обрив его, и заточила в концлагерь, откуда он, умирая от туберкулеза, писал: «Счастью моему нет предела. «Возрадуйтесь в тот день и возвеселитесь; ибо велика вам награда на небесах...» (Лк. 6:23). Верю, что слова Господа относятся и ко мне, и с нетерпением жду момента, когда изойду из греховного тела своего и приобщусь Господа моего».

«Когда мать читала это письмо, мы, дети, плакали»[1], — вспоминал еп. Нектарий.

В 1978 году выступил и о. Спиридон. Он говорил о жизненном пути архиеп. Иоанна. И как же любил он эти «паломничества», чувствуя себя в родной стихии. Вершила праздник поминовения преп. Германа торжественная литургия и крестный ход по лесу с хоругвями. Отец Спиридон весь сиял и по-детски счастливо улыбался, слушая вдохновенное пение.

После паломничества начинались недельные занятия «Богословской Академии Нового Валаама», завершающиеся традиционными выпускными испытаниями, которые проводил о. Герман. Помимо при-

Отец Серафим крестит обращенных в Православие американцев в горной речке в Гаррисоновой лощине. Летнее паломничество 1980 года.

Новокрещенная молодежь.

Отец Серафим крестит десятилетнего Мартиниана. Летнее паломничество 1982 года. Не пройдет и месяца, как о. Серафим скончается.

вычных лекций по Православному богословию, Истории Церкви, Церковной музыке, о. Серафим предложил курс лекций по Православному толкованию Библейских Книг: в 1979/80 — Книги пророка Даниила, в 1981/82 — Книги Бытия.

Съезды паломников, как писал о. Серафим, «помогают людям вести серьезную и сознательную православную жизнь, в центре коей — истовая молитва, подготовка к причащению Святых Таин. Заметно, сколь серьезно паломники относятся к богослужениям и лекциям». Отец Серафиму хотелось, чтобы гости уезжали «с новым осознанием пропасти между истинным православным христианством и духом современного мира, с новой решимостью бороться так, чтобы сохранить себя в Православии в наши трудные времена».

ЛЕТНИЕ паломничества были всегда связаны с крещениями — новообращенных православных американцев отцы приобщали не только духовности, но и Таинств. Отец Серафим даже и не старался особенно привлекать народ ко крещению: неисповедимыми Господними путями люди сами находили дорогу к ним, к Православию.

Первым они крестили бухгалтера из Рединга. О монастыре он узнал на работе в банке — ему иногда попадались чеки Братства. Из любопытства он поехал в монастырь, посмотреть что да как. А через год он уже был крещен в Православие.

Второго судьба отыскала в книжном магазине Рединга, в отделе философской и религиозной литературы. Однажды туда приехал о. Герман узнать, покупают ли люди их книги. Увы, они были не распроданы. Вдруг кто-то тронул его за плечо.

— Ты кто? — услышал он. Обернувшись увидел молодого человека. Из-под копны волос — внимательный взгляд. Отец Герман улыбнулся:

— Я — православный монах и к тому же священник!

— Ну, ты даешь! — изумился парень. Еще более удивился он, узнав, что о. Герман жил в монастыре около Платины — парнишка с родителями раньше ходил туда в походы на горный кряж, чуть ниже монастыря. А теперь парень был проповедником в протестантской организации «Открытая дверь» и — что тоже входило в его «пастырские обязанности» — играл в христианской рок-группе. Ранее он входил в недавно созданную Евангелическую Православную Церковь, которая в ту пору еще не имела тесной связи с традиционным Православием. Увидев о. Германа в магазине, парень не мог понять: то ли это христианин, то ли иудей, то ли буддист? Узнав, что о. Герман православный

христианин, он захотел подробнее узнать, что это такое. А потом он начал рассказывать о своем необычайном знакомстве другим, и вскорости о. Серафим крестил его вместе с семерыми друзьями. Произошло это летом 1980 года во время традиционного паломничества, в кристально прозрачной горной речке. Стоя в длинных белых рубахах, новокрещенные — мужчины, женщины, дети — держали свечи и пели вместе с прочими паломниками на лоне божественно тихой природы. На редкость трогательное зрелище.

За пять лет священства о. Серафим и о. Герман крестили в таких горных речках более ста человек.

А МЕЖ ТЕМ приход в Рединге расширял свою деятельность. В 1979 году Братство организовало в доме Валентины Харви женскую конференцию. В субботу в часовне отслужили всенощную, а в воскресенье о. Серафим совершил Божественную литургию. Летопись так освещает это событие: «Присутствовало почти тридцать человек. Едва ли не все причастились Святых Таин. Отец Серафим рассказал, как нужно понимать знамения времени. Слушали с большим интересом. Конференция удалась. Атмосфера очень молитвенная».

В последующие годы отцы продолжили эту традицию зимними Свято-Германовскими паломничествами в Рединге. Они брали в аренду большой зал, вмещавший всех желающих из окрестных городков. В зимнее паломничество 1981 года (оно началось в канун Великого поста) о. Серафим прочитал лекции о значении поста, о том, как извлекать из него наибольшую духовную пользу. То было последнее зимнее паломничество о. Серафима. Однажды о. Герман, бывший в те дни в монастыре, спросил одного участника паломничества, как там дела.

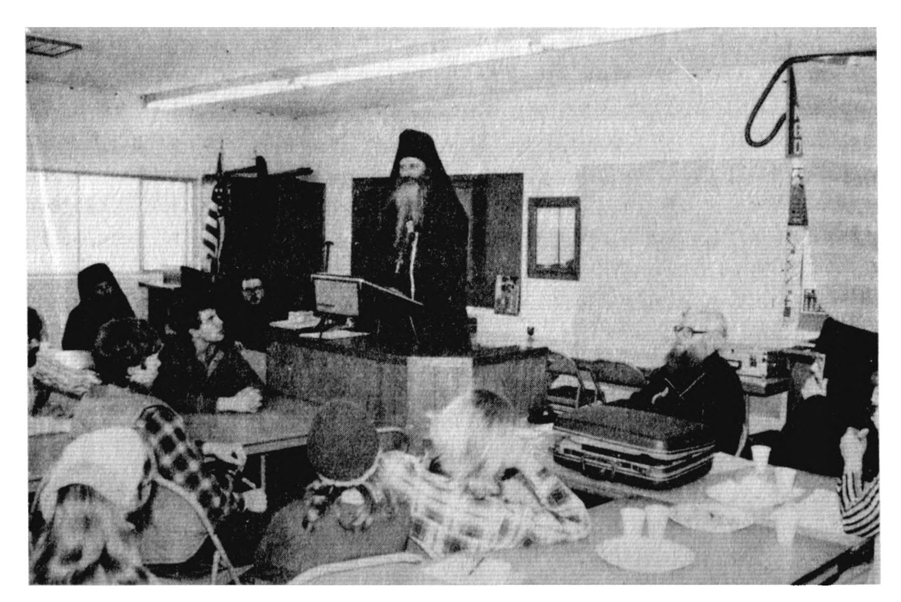
— Распрекрасно! — отвечал тот. — Людям очень интересно всё о Православии, они жадно ловят каждое слово на лекциях.

Отец Герман поинтересовался:

— Ну, а как отец Серафим?

— Рад-радешенек.

И впрямь, о. Серафиму доставляло огромное утешение передавать Православие томящимся духовной жаждой людям, и неважно, сколько их или насколько они просвещены. Он не задавался целью воспитать «знатоков» Православия. Куда важнее, как применят люди почерпнутые знания, воспримут ли душой и сердцем. Хотя сам о. Серафим всегда и всё схватывал налету, он бывал необыкновенно терпелив к тем, до кого всё доходило медленно и туго.

Лекция о. Серафима во время зимних паломнических чтений в Рединге, Калифорния.

Более всего радости доставляли ему уроки Библии, которые он давал каждый месяц по воскресеньям после литургии в Рединге. Мысль эта родилась на женской конференции, и месяцем позже о. Серафим в доме Валентины Харви и провел первое занятие. Открывая людям святоотеческий подход к пониманию Священного Писания, о. Серафим радовался, видя живой интерес людей, отвечая на многочисленные вопросы.

В 1979 ГОДУ жизнь отцов была заполнена нескончаемыми паломниками, разъездами по приходам, лекциями и беседами. Неудивительно, что на иное времени уже не хватало. Утомишься, пока читаешь в летописи весь полный список дел, встреч, служб.

Столь напряженная кочевая жизнь, все старания исполнять свой пастырский долг в последние годы жизни о. Серафима пригодились не только его пастве. Но и ему самому. Душа его определилась окончательно на пороге Царства Божьего. «Какие же мы с тобой счастливые, — говорил он брату, — и как мало у нас времени, чтобы этим богатством поделиться с людьми».

У дверей монастырской трапезной. Отец Серафим беседует с братом Евгением
келейником архиепископа Тихона и епископа Нектария.

85

Пастырство

Память о Боге сопровождается болезнованием сердца о благочестии; всякий же забывающий о Боге бывает самоугодлив и бесчувственен.

Св. Марк Подвижник[1].

Православие не может быть «удобным», если оно, конечно, не подделка.

О. Серафим (Роуз).

ПОЧЕМУ сегодня, на первый взгляд, так мало чудес? Потому, считал о. Серафим, что мало осталось у людей сердоболия.

В небольшой записке, случайно найденной много лет спустя после смерти о. Серафима, он четко, всего в нескольких словах, изложил суть великой истины нашего времени:

«Боль сердечная — необходимое условие духовного роста и проявление силы Божией. Господь исцеляет тех, кто и в отчаянии с сокрушением сердца полагается и уповает на Божию помощь. Тогда-то Господь и действует. Отсутствие чудес сегодня указывает лишь на скудосердие людское, и даже у православных христиан исчезает болезнование сердца, оно остывает в эти последние времена».

Собственная жизнь о. Серафима — яркое подтверждение этих слов. Не сокрушал ли он сердца, молясь перед открыточным изображением Богоматери в книжном магазине в Сан-Франциско? Не сокрушал ли сердца Глеб, взывая к преп. Герману у его могилы на Аляске указать ему путь и послать брата-единомышленника? Не чудо ли их встреча, не чудо ли всё, что им удалось осуществить? Все чудеса в жизни

о. Серафима, в том числе и творимые архиеп. Иоанном, — плод молитв сокрушенного сердца, сродни молитвам Иисуса Христа на Голгофе.

Когда о. Серафим был призван Господом к пастырству, он часто напоминал духовным чадам не отчаиваться в самых тяжких страданиях, но, как говорил св. Марк Подвижник, «терпеть в духе преданности». Многие из его советов запечатлелись в умах и сердцах духовных чад, другие — на бумаге: по послушанию о. Герману о. Серафим сохранял черновики всех своих пастырских посланий.

В 1973 году, когда умерла дочь Андерсонов Мэгги (ее схоронили на склоне Благородного кряжа), о. Серафим написал ее матери Сильвии следующее: «Боль утраты естественна, но это то, что принадлежит земле. Душа же ее пребывает с Господом, и испытание, выпавшее вам, — напоминание Бога о Себе и о том, что всё происходящее не измерить человеческим разумом или чувством.

Иной раз кажется, некоторым выпала легкая жизнь, но это лишь видится со стороны. Другим же, как, например, Вам, жизнь уготовала скорби и заботы. Не печальтесь. С точки зрения духовности, именно те, у кого «легкая жизнь», подвергаются опасности, потому что без преодоления страданий, насылаемых Богом, нет духовного развития. Каждого из нас Господь знает лучше, чем мы сами, и посылает то, что нам нужно, часто вопреки нашим ожиданиям!

Приходить на могилку к Мэгги для нас большое утешение и радость. Во вторник после Светлой седмицы (когда поминают усопших) мы побывали у нее, пропели псалмы и службы, как по усопшим, так и праздничные, пасхальные. Потом там же потрапезничали яйцами, ибо они — символ Воскресения. Воистину, мертвые и живые едины в Боге, и лишь по нашей душевной слепоте мы порой забываем о них».

Двумя годами позже о. Серафим написал схожие слова молодому человеку, который чувствовал неприкаянность в миру и собирался служить Богу пастырством:

«Хороший ответ неприкаянным новообращенным в мире сем дает о. Димитрий Дудко. Мы, по-моему, читали его за трапезой, когда Вы уже ушли. Приобщайтесь, насколько возможно, духа Церкви, ее жизни, образа мыслей... Как ни трудно Ваше одиночество, оно во благо, ибо только страдание взращивает нашу духовность. Оно пройдет, как только Вы проникнитесь духом Церкви, непрестанно напитывайтесь им. Духовное чтение каждый день весьма поможет в Вашем борении.

Относительно священства: взлелейте эту мечту в сердце своем. Чем больше Ваш жизненный опыт, чем больше Вам выпадет «страданий» (я знаю, Вы не любите это слово), причем не тех, что Вы ищите

сознательно, а та малость, которую Вам посылает Господь, — тем более подготовлены Вы будете для священства».

Молодому священнику о. Серафим посоветовал: «Не унывайте, видя, как в приходе Вашем некоторые восстают против Вас. Хуже было бы, если бы Вас все любили: это значит, в пастырстве своем Вы чересчур угождаете людям. Христа тоже ненавидели, его распяли. Так с чего бы нам ожидать всеобщей любви, если мы идем по стопам Христа? Следите, чтобы Ваша пастырская совесть была чиста, и бойтесь не людской ненависти, а ненависти в собственной душе»[2].

Но не только к страждущим обращал о. Серафим свои советы. В 1979 году он получил письмо от молодого человека, готовящегося ко крещению и уже воспылавшего сердцем к Православию. Он только что прочитал новую книгу, изданную Братством (ему прислал ее о. Серафим) — «Грех Адама» св. Симеона Нового Богослова, проповеди о грехопадении человека и об искуплении грехов во Христе. Читатель этот отмечал: «К концу книги я подметил, что подчеркиваю (как самое важное) едва ли не каждое предложение. Слезы наворачивались на глаза — такие слезы испрашиваем мы у Богородицы. Они очищают душу». Он мечтал создать со временем небольшую общину по образу монастырской и надеялся, что его сосед по комнате, бывший беспризорник еврей, станет православным христианином. Однако один из его друзей не советовал увлекаться мечтаниями.

Вот что написал о. Серафим этому молодому, готовящемуся ко крещению человеку: «Ваш друг прав: не витайте в облаках. Но и не отказывайтесь от мечты. Да будет милость Господня, чтобы Ваш друг Ройбн крестился и нашел свое призвание, дабы приносить плоды в православном христианстве...

Дай Бог, чтобы и впредь Ваш пыл, с которым Вы читаете проповеди св. Симеона, не пропал. Это возможно лишь при условии — запомните! — если Вы смиренно примите присланные Богом страдания. Нетрудно восхищаться и изумляться глубиной и богатством Православия. Труднее направить эти высокие чувства в русло смирения и трезвения, что можно стяжать, лишь правильно понимая и принимая страдания. У многих нынешних православных (особенно, у новообращенных) одна и та же беда: они с жаром и увлечением рассуждают об истинах Православия, о том как надлежит жить, не чураясь гордыни и самолюбования (Как же! Они приобщены того, что большинство людей попросту не замечает). Отсюда и суждения, о чем мы Вас уже предупреждали. Да умягчится сердце Ваше любовию ко Христу и ближнему своему. Хорошо бы Вам найти духовного отца, кому бы Вы могли поверять всё что на сердце и полагаться на его суждение — этот

путь легче. Если Богу угодно, такой духовный наставник встретится вам «естественным» образом, равно как и всё в духовной жизни приходит со временем, терпением, страданием и самопознанием».

В другом письме о. Серафим указывал: «Сколько же надо положить труда, как многому нужно выучиться, чтобы тщательнейше проверить наши замыслы и в страдании претворять их в жизнь».

Отец Серафим очень беспокоился о тех, кто, приобщившись богатств Православия, пытался избежать страданий и стремился к праведности легким путем. Он познакомился с одной незамужней женщиной, решившей отдать собственных детей на воспитание в чужие семьи, дабы самой целиком посвятить себя религии. О ней о. Серафим писал: «Если она таким образом разделается с детьми, можно не сомневаться — душа ее будет навеки проклята... Страшную ошибку совершает она, вообразив, будто сможет помышлять о монашестве, о духовности, избавившись от детей. Мы должны отчетливо понимать, что духовные борения начинаются сейчас и в тех условиях, в которые нас поставил Бог (и, уж конечно, если трудные условия мы создали себе сами), «на потом» откладывать духовную жизнь нельзя. Знала бы она, что ее спасение — в страдании воспитывать детей. Не пройди она через это, напрасно тешить себя надеждой на грядущую духовную жизнь. Ее не может быть после того, как мы разделались со своими заботами — это выдумка! По-моему, также в страданиях есть истинный духовный смысл тогда, когда добровольно принимаешь их».

Самой же нерадивой матери о. Серафим адресовал следующие слова: «Понимаем, Вам очень трудно воспитывать детей. Но это Крест, возложенный Богом, и честно скажу, вряд ли Вы спасете свою душу каким-либо иным путем, нежели достойным воспитанием собственных детей. Духовная жизнь начинается обычно, когда положение кажется «безвыходным», тогда человек научается обращаться к Богу, а не уповать на собственные ничтожные силы и мнение».

Следуя учению святых Отцов, о. Серафим советовал людям не торопиться определить свое духовное состояние. В 1975 году он писал одному новообращенному: «Не беспокойтесь о своей духовной несостоятельности — Бог видит ее. Вам же нужно положиться на Него, молиться как можно усерднее, не впадать в отчаяние и бороться, насколько достанет сил. Вот когда Вы начнете думать, что достигли многого в духовной жизни, — бейте тревогу, значит, всё наоборот. Истинная духовная жизнь с первых шагов сопровождается страданиями и лишениями. Так возрадуйтесь всякой скорби!»

Одному юному семинаристу, который собирался покидать Джорданвилль, по его мнению, не дающий ему «духовного роста», о. Серафим посоветовал: «По Вашему письму видно, в каком положении Вы оказались. Всё, что Вы пишите, правильно, даже слишком. Но Вы совершаете одну крайне важную ошибку: беретесь судить о своем собственном духовном состоянии. Ни знания Ваши, ни жизненный опыт не подскажут, что Вам сейчас нужно: аспирин или хирургическое вмешательство. Так смиритесь же, поймите, что сейчас Вы и сами не знаете, что для Вас лучше. Каков же тогда ответ? Искать более строгий монастырь? Пока Вы к такому не готовы. И горько пожалеете, если найдете. И он не даст Вам ожидаемого Вами духовного роста. Поймите, ни строгость, ни либерализм сами по себе не дают духовности. Либерализм часто взращивает людей духовно незрелых и неустойчивых. Но и строгость зачастую не приносит плодов, хотя ее жертвы часто мнят себя духовно возросшими, на деле же лишь взращивая свою гордыню. Они считают, что духовный наставник сделает всё за них сам. Случись Вам оказаться в тех или иных условиях, Вы должны жить в страхе Божием и смотреть в оба.

Дерзну ответить на Ваш вопрос: наберитесь терпения, надежды, дабы вынести все искушения, которым Вы подвергаетесь. Не спешите с выводами — аспирин или операция! — покуда не набрались знаний и опыта, собственно, для этого Вы и поступали в Джорданвилльскую семинарию. Через несколько лет мнение Ваше будет более трезвенным — семинария даст Вам и знания, и опыт жизни в православной общине. Пока Вы слишком молоды, чтобы судить свой духовный рост — это в Вас гордость говорит. Наберитесь терпения, выдержки. Наблюдайте, изучайте, придет время и делами Вы сможете проверить, сколько выросли духовно.

Короче говоря, искушение покинуть Джорданвилль после нескольких лет семинарства и послушничества — от лукавого, так сказать «справа», чтобы сбить Вас с правильного пути под благовидным и убедительным предлогом. Помните, как святой наших дней Кирилл Белозерский* решил было, что духовно возрастет, сидя в тихой келье, нежели работая на шумной кухне. Помните, как неопытность и самомнение подвели его? Будь этот пример Вам во вразумление, когда опять начнутся искушения «справа». «Шумная кухня» даст вам богатый душевный опыт, хотя казаться может совсем иное.

---

*Это был любимый русский святой о. Серафима. Житие преп. Кирилла Белозерского вошло в книгу «Северная Фиваида».

Душевная пустота, мирская гордыня, сознание беспомощности перед искушениями — всё это отойдет. Принимайте же пока это как крест, боритесь в меру сил, только не возомните, что можете вдруг разом их одолеть».

Не один год получал о. Серафим письма от студентов: в современном научном мире они, к своему разочарованию, не находили Истины. Подобно вышеназванному семинаристу, многие хотели бросить учебу. Отец Серафим сочувствовал им — некогда он и сам разочаровался в научном мире. Однако подбадривал ребят, наказывая учиться и извлекать пользу из того, что у них есть: образование нужно завершить (как некогда поступил он сам). Так, одному из студентов, сетовавшему, что изучение философии Канта и Скиннера для него — ад кромешный, о. Серафим посоветовал: «И все же заставьте себя закончить учебу — сами удивитесь: то, что ранее казалось ненужным (даже Кант со Скиннером), вдруг принесет пользу».

А вот совет другому студенту:

«Разумеется, студенческая жизнь таит немало соблазнов. Но помните: учение само по себе полезно и может пригодиться в христианской жизни. Избегайте пустой суеты и соблазнов, что явно не на пользу. Даже в безбожной обстановке можно «искупить время», говорил св. апостол Павел, и воспользоваться возможностью чему-либо научиться».

Отец Серафим повторил совет Христа «не заботиться о завтрашнем дне» (Мф. 6:34) одному из студентов, обеспокоенному будущим после колледжа:

«Не знаете, что делать дальше?.. Закончите учебу и положитесь на Бога, Он откроет Вам путь. В США, как и на всём Западе, резко ухудшилось как политическое, так и экономическое положение. Печально, однако то же самое и в церковной жизни — Вы не одиноки в своих тревогах! В Сан-Франциско пустеют приходы, старые священники умирают, а смены нет. Причину прозревают совсем немногие: слишком долго Православие принималось как нечто само собой разумеющееся, но само по себе оно не может сохраниться! Век наш подводит нас ко временам катакомбной Церкви, тогда возможности наши будут как никогда велики.

Будущего нам знать не дано, но знайте, если любите Бога, Его Православную Церковь и ближнего своего, *Он найдет Вам применение.*

Не теряйте связи с другими православными ревнителями (а они есть — не сомневайтесь)».

В НЕКОТОРЫХ пастырских назиданиях о. Серафим указывает, как преодолевать искушения плоти. В одном из писем он говорит: «Тому, у кого нет сил бороться с плотскими страстями, св. Варсонофий советует: „Сразу же прибегай к Иисусовой молитве и найдешь успокоение, беспрестанно молись и повторяй: Господи, Иисусе Христе, избави меня от постыдной страсти”».

В другом он писал мужчине, который сетовал на слабую волю и стыдился на исповеди говорить священнику о своих грехопадениях: «Не бойтесь исповедовать грехи плоти. Вы что, считаете себя святым? Бог попускает Вам эти падения для Вашего же смирения. Так поднимитесь и идите дальше в страхе и трепете. Боритесь сколько можете, но в отчаянье не впадайте, что бы ни случилось. Сила в православной твердости дается не сразу, Ваша каждодневная борьба содействует этому. А поддались искушению — помогут сознание собственного греха и смирение».

Еще одному о. Серафим писал: «Не думайте, что Ваша борьба с похотью — явление редкое. В наш век зла страсти напитали сам воздух, вот бесы и нападают на Вас, найдя уязвимое место. Всякая битва со страстями — это битва с бесовством. Оно незаметно подталкивает человека к прелюбодеянию, распаляет похоть, действуя вкупе с нашим воображением. И бессмысленно разделять одно от другого: где в наши фантазии вторгается бесовство. Главное — продолжать борьбу.

Бесы нападают во снах — что ж, это уже хорошо, значит, они отступают, видя сознательное сопротивление греху. Бог попускает Вам его, побуждая тем самым бороться дальше. Часто бесы временно отступают, и человеку начинает казаться, что он одолел похоть. Но все святые Отцы предупреждают, что до самой смерти нельзя верить в окончательную победу над страстью. Продолжайте борьбу и в смирении найдете прибежище: увидите, как низко Вы можете пасть и что без постоянной помощи Бога, зовущего к жизни высокой и безгрешной, Вы бы пропали».

МЫ УБЕДИЛИСЬ, как о. Серафим, сам пройдя долгий путь в Православии, слившись с ним душой, теперь советовал людям не проявлять своей ревности, «растаптывая» иную веру. Одному готовящемуся креститься он написал: «Только не впадайте в фарисейство. Я не хочу тем самым приуменьшить Ваш ум и проницательность, но необходимо поставить их в послушание верующему сердцу (под этим я

подразумеваю не чувства, а нечто более глубокое — наш Богопознающий орган). Некоторые новообращенные, увы, считают себя уже «мудрецами» и используют Православие для того, чтобы свысока поглядывать на других, иногда даже на своих же братьев-православных из других юрисдикций. Несомненно, православные богословы неизмеримо глубже и правильнее, нежели современные ошибочные теории Запада, но относиться к этому мы должны со смирением, а не с гордыней. Новообращенные, которые хвастают «своею» мудростью перед католиками и протестантами, потом возносятся над собственными приходскими священниками, епископами, а потом и над святыми Отцами и над самой Церковью!»

За несколько лет до кончины о. Серафим получил письмо от одной негритянки, собиравшейся принять Православие. Она никак не могла примириться с жестоким, высокомерным отношением некоторых православных к тем, кто вне их Церкви. Это напомнило ей былое отношение белых к неграм. Она писала: «Меня очень беспокоят взгляды и отношение Православия к тем, кого оно называет «западными» христианами, т. е. к протестантам и католикам. Я читала довольно статей православных авторов, многие из которых употребляют оскорбительные и возмутительно небрежительные слова и выражения, например «паписты». Нас, негров, обзывали всегда всячески, может, потому я столь нетерпима к подобному и не хочу употреблять эти выражения, если стану сама православной. Даже слово «еретик» коробит меня…

Мои отношения с родными и близкими складываются непросто. Они ничего не знают о Православии, не понимают его. Но они верят Богу, молятся Христу… Неужели мне презирать их как безбожников только потому, что они не православные? Или считать их христианами, которые еще не познали истинной Церкви?

Задавая эти вопросы, вспоминаю невольно свят. Иннокентия Аляскинского. Довелось ему посетить францисканские монастыри в Калифорнии. Будучи православным, он доброжелательно относился к католическим монахам и священникам. Не называл их оскорбительно. По-моему, именно это отношение к христианам других церквей и является подлинно православным».

Подобными вопросами задавались многие, пришедшие к православной вере. Отец Серафим, сам изведавший в молодости враждебность к инакомыслию и иноверию, к концу своей короткой жизни многое понял, многое отбросил. И отвечал негритянке так: «Рад Вашему письму, не потому, что Вас беспокоит этот вопрос, а потому что отношение Ваше показывает истинное Православие, оно как раз и

предполагает любовь и сострадание к тем, кто вне Православной Церкви.

Твердо верю, что именно этому учит Православие…

Словом «еретик» в последнее время, и вправду, стали злоупотреблять (об этом я упомянул в статье об о. Димитрии Дудко). Изначально оно призвано отделить новые учения от Православия, но, конечно, мало среди новых теорий истинно и сознательно «еретических» и не стоит навешивать этот ярлык всем.

Заканчивая письмо, скажу, что мне видится правильной позиция о. Димитрия Дудко: неправославных мы должны расценивать как вероятных сынов нашей Церкви, которым покуда не открылось Православие. Дай Бог, чтобы мы послужили достойным примером. Разумеется, мы должны признавать их христианами и поддерживать с ними добрые отношения — нас связывает общая вера во Христа! — не говоря уже об отношениях в собственной семье. Верно, пример свят. Иннокентия очень поучителен. В непримиримый спор мы вступаем лишь тогда, когда неправославные религии покушаются на нашу паству или тщатся обновить святоотеческое учение».

Всем, кто писал в монастырь, надеясь на ответ мудрых старцев, способных просветить их, наставить на стезю Духа Святаго, о. Серафим говорил: «В наше время такого наставничества, увы, не получить. И все мы, положа руку на сердце, в слабости своей и греховности и не заслуживаем его.

Более смиренная духовная жизнь пристала нашему веку, свят. Игнатий (Брянчанинов) в своей книге назвал ее «жизнь по совету», т. е. по заповедям Христовым, почерпнутым в Священном Писании и Священном Предании и растолкованным нам теми, кто умудреннее и опытнее нас. Старец требовал беспрекословного послушания, «советчик» же предлагает путь, и мы на опыте проверяем его».

В своих советах о. Серафим полагается на свой богатый опыт и на книги святых Отцов. Самое важное: он сам смог стяжать в этом «болезнование сердца, хранимое в духе преданности». Пусть он не стал богоносным старцем, зато он воодушевил многих нести свой Крест, вдохновил на каждодневное борение, плоды которого явятся при всеобщем Воскресении.

86

Человек сердца

Внимать чужому горю научи,
Чужое прегрешенье покрывать
И милость ближнему нести,
Чтоб милость самому стяжать.

Александр Поуп[1].

После кончины о. Серафима один из горячих его почитателей так описывал его духовный путь: «Начинал о. Серафим как большой философ, опередив многих мыслителей нашего времени, однако к концу жизни он сделался сердечным исповедником, беспредельно сострадающим людям. Без христианства, без Православия такая разительная перемена невозможна».

В молодости, разочарованный, погруженный в собственный внутренний мир, о. Серафим пытался познать и понять высший смысл. Честностью, целеустремленностью и отчаянной решимостью снискал он Божью благодать. И возрастая в знании, возрастал он и в любви к Богу и ближнему. В книге «Откровенные рассказы странника своему духовному отцу» можно найти прекрасное объяснение этому: «Посредством размышлений, изучения слова Божия и опытных наблюдений возбудить в душе жажду и вожделение, или, как иные выражаются, «удивление», которое производит неутолимое желание ближе и совершеннее познавать вещи, глубже проникать в свойства предмета.

Один духовный писатель рассуждает о сем так. „Любовь, — говорит он, — обыкновенно развивается познанием, и чем больше будет глубокости и пространства в познании, тем более будет любви и тем удобнее размягчается душа и располагается к любви Божественной.

прилежно рассматривая самое пресовершеннейшее и преизящнейшее существо Божие и беспредельную Его любовь к человекам"»[2].

Духовная дочь о. Серафима, Соломония, приводит пример того, как «умягчилось, раскрылось к Божией любви сердце ее учителя». «Одно из самых дорогих моих воспоминаний об о. Серафиме — вечерня на Прощенное воскресенье в начале Великого поста. Дорого оно потому, что в те минуты я видела о. Серафима предстоящим Богу с открытой душой. Кто может выразить всю боль сердца, тоскующего по Богу? В такие минуты мы одни, и нас видит лишь Бог. Но на вечерне в Прощенное воскресенье наши сердца единым гласом взывают к Богу в прокимне: «Не отврати лица Твоего от отрока Твоего, яко скорблю, скоро услыши мя, вонми души моей и избави ю». Как хотелось бы не писать эти строки, а дать читателю услышать пение, вопль сокрушенного сердца ко Господу. Вижу всё отчетливо, словно служба эта была вчера: в глубине алтаря стоит о. Серафим, слышен лишь его голос (мелодия псалма была нам незнакома). Сколько ж в этом голосе кротости, смирения и покаяния! Он не выказывал особых чувств, он взывал к чему-то более сокровенному, к некоей струнке в моей душе, которая отозвалась чудом! Вот он поднял руку к лицу, я подумала: «Неужто смахнул слезу? Ведь он молится Богу о спасении своей души!»

Как и многие люди, я полностью доверялась о. Серафиму: и в житейских мелочах, и в трудных духовных болезнях. Помогал он всегда истово и самозабвенно, всякий раз я думала: сколь же сильна в нем тоска по Богу. Идут годы, но всякий раз, когда он служил вечерню на Прощенное воскресенье, я с нетерпением ждала, когда услышу его голос, его молитву. И всякий раз он — почти незаметно — смахивал слезу»[3].

Еще одно свидетельство о «сердечном человеке» написал о. Алексий Янг. «Хочу немного рассказать о пастырстве о. Серафима. Суть его священства — в его проповедях — немногословных, всегда по существу, проникновенных, «смиряющих» нас (как он сам говаривал), показывающих, чего ждет от нас Христос. Помню его первую литургию в нашей миссии (в городе Этна). Не помню уж почему, только служба началась заполночь. Отец Серафим вышел из алтаря читать Евангелие, свеча скупо освещала бледное лицо и книгу в руках. Мне подумалось: наверное, так же служили и в катакомбной Церкви. Наверное, так же служат сегодня и в гонимой Церкви в России. В

проповедях пред нами открывалось любящее, заботливое сердце — столь редкое в нашем холодном мире, свободная, глубокая мысль, порожденная не падшим миром сим, а благостью Божией. «Не жалейте сил в борении, — говорил он, — несите свой крест не сетуя, не думайте, что вам труднее, чем другим; не оправдывайте грех свой слабостью, взгляните на себя трезво. А главное — любите друг друга». Христовы слова. Воистину, о. Серафим явил нам Христа, и в словах, и в делах»[4].

Духовный сын о. Серафима, брат Лаврентий, пишет, что ему не доводилось слышать более вдохновляющих, чем у о. Серафима, проповедей на английском. «Строго следи за собой, — учил о. Серафим. — Не давай себе поблажек. Если уж поддался слабости, если думаешь, что не в силах устоять перед грехом, помни, что это слабость, грех. Замечай за собой грехи, а не за ближним».

Проповеди о. Серафима были столь действенными не из-за красноречия, а потому что исходили из глубины его богатой души. Богатство это он стяжал каждодневным непрерывным борением за добродетели. «... От избытка сердца говорят уста» (Мф. 12:34). Или говоря словами св. Макария Великого, работы которого переводил о. Серафим: «Так и обогащенные Духом Святым, поистине имея в себе небесное богатство и общение Духа, если возглаголют кому слово истины, и если сооообщат кому духовное слово, и пожелают возвеселить души; то из собственного своего богатства и из собственного своего сокровища, каким обладают в себе, изрекают слово, им возвеселяют души слушающих духовное слово... А нищий и не обретший себе богатства Христова, не имея в душе духовного богатства, источающего всякую благостыню слов и дел, и помышлений Божественных и неизглаголанных тайн, если и хочет изречь слово истины и увеселить некоторых из слушающих; то, в действительности и по самой истине не стяжав себе слова Божия, а только припоминая и заимствуя слова из каждой книги Писания, или пересказывая и преподавая, что выслушал у мужей духовных, увеселяет повидимому других, и другие услаждаются его словами; но как скоро окончит свою речь, каждое слово возвращается в свое место, откуда взято, и сам он опять остается нагим и нищим; потому что не его собственность — то духовное сокровище, из которого он предлагает, пользует и увеселяет других, и сам он первый не возвеселен и не обрадован Духом.

Посему-то прежде всего с сердечной болезнию и верою надлежит просить у Бога, чтобы дал нам обрести в сердцах своих богатство Его, истинное сокровище Христово, в силе и действенности Духа; и таким образом, обретши сперва в себе самих пользу и спасение и вечную жизнь Господа, потом уже, сколько у нас есть сил и возможности,

будем пользовать и других, из внутреннего сокровища Христова предлагая всякую благостыню духовных словес...»[5]

В ПАСТЫРСТВЕ о. Серафим чрезвычайно терпеливо выслушивал людей, их чаяния, однако на удивление сдержанно делился своими взглядами. Говорил коротко, лишь самое необходимое.

В житии оптинского старца Иосифа рассказывается, как некий монах спросил его, почему он столь немногословен. Старец ответил:

«На меня недовольны некоторые, что я мало говорю. Но для того, чтобы утешить скорбящую душу, много и не надо говорить — надо только дать свободно самому высказаться, не перебивая, и когда выскажет все свои скорби — уж этим самым и облегчит свою скорбь. К этому остается прибавить только несколько согретых любовью слов и пояснить кое-какие недоумения, и человек после этого видимо укрепляется верою, обновляется душой и снова готов всё терпеть».

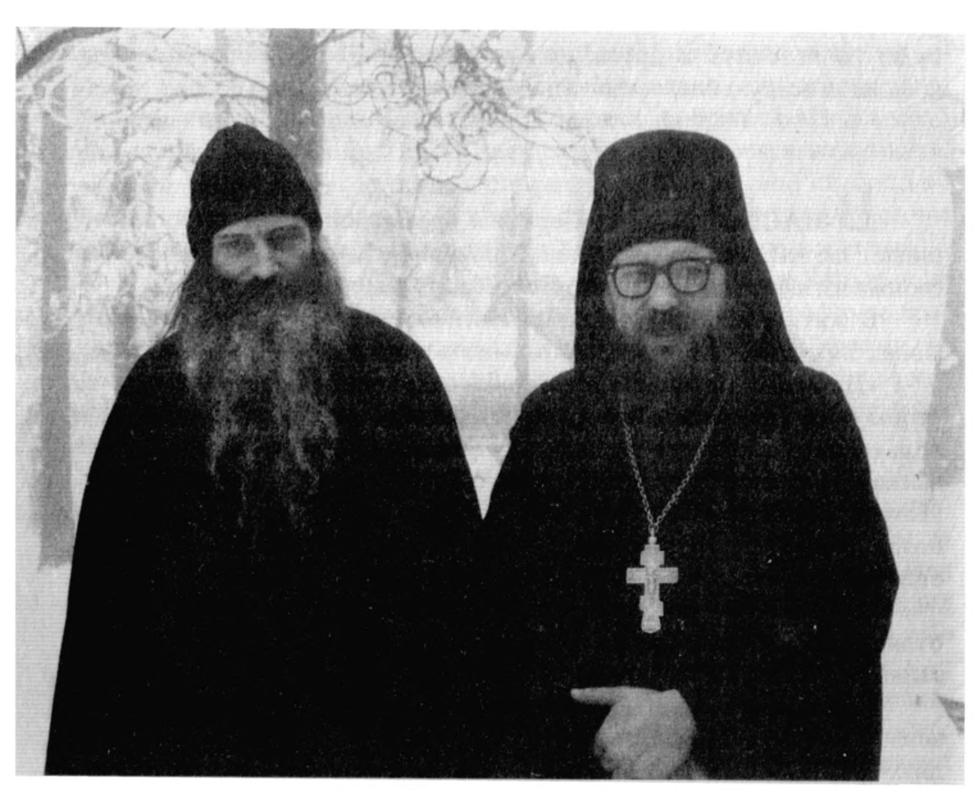
Таков же был пастырский подход и о. Серафима. Он, конечно, в отличие от великого старца, не был ясновидящим, однако слова, сказанные о старце Иосифе, можно отнести и к нему самому:

«Его краткие ответы и сжатые наставления были сильнее и действеннее самых обстоятельных и продолжительных бесед. Он умел в двух-трех словах сказать так много, что сразу становилось всё ясным и понятным. Самые убедительные доводы самолюбия и горделивого самооправдания разбивались вдребезги от одного его слова»[6].

В связи с последней цитатой приведем еще одну поучительную историю, рассказанную паломником, приехавшим в первый раз в монастырь за год до смерти о. Серафима:

«Не забыть мне и первой исповеди у о. Серафима. Я только что стал православным, был чрезвычайно горд. Мне казалось: в духовной жизни я продвигаюсь семимильными шагами. Отец Серафим спросил: какие грехи я пришел исповедать. Я перечислил кое-какие «мелочи», хотя и в них искал себе оправдание. В основном же, говорил о своей «добродетели», дабы перечеркнуть все грехи. Смысл был очевиден: да, я, конечно, грешник, но как и все люди, а вообще-то я совсем не плох, лучше многих и многих.

Когда я замолчал, о. Серафим спросил: «Это всё?» Я кивнул. Мой исповедник тяжело вздохнул: «Долгий же путь предстоит Вам пройти». Слова эти ударили меня в самое сердце. Ни благодушное нравоучение, ни суровая отповедь не достигли бы такого. В последующие годы изведав немало падений, я должен с огорчением признать его правоту.

Отцы Серафим и Герман в монастыре. Зима 1978 г.

Теперь, когда иной раз ослепляет самодовольство и я хочу спокойно «наслаждаться» духовной жизнью, неизменно приходят на память его слова: «Долгий же путь предстоит Вам пройти». Незабываемый урок смирения и призыв к каждодневной борьбе».

ОДНА паломница так вспоминала действенное и краткое наставление о. Серафима: «Как-то раз зимой в метель я поехала в монастырь. Снег валил такой, что дороги не разглядеть. Но уж больно тяжело было на душе в ту пору, и я думала только о том, как бы добраться до монастыря. У подножия горы я оставила машину и пошла пешком. В хорошую-то погоду это чрезвычайно утомительно, сейчас же я скоро промокла до нитки, замерзла и выбилась из сил. Встретили меня о. Серафим и о. Герман, удивились: как это я по такой погоде

добралась. Я помолилась, немного поработала, потрапезничала. Сердце мое устроилось. Казалось, снегом замело весь мир — ни единого звука, тишина, покой. Мои заботы уже не столь докучали, их тоже словно заносило снегом, и с каждым часом на душе делалось всё легче.

К вечеру метель кончилась. Снегу нанесло на метр! Когда настало время уезжать, о. Серафим вызвался проводить меня и вызволить мою машину из снежного плена, она стояла на обочине и снегоуборочные машины могли ненароком засыпать ее окончательно. Отец Серафим надел небольшие, незаметные под рясой снегоступы и велел идти след в след. Мне сразу вспомнился слуга, шедший по стопам св. Венцеслава. По пути о. Серафим пел тропари, псалмы, я подпевала. Всякий раз, когда он чувствовал, что то или иное песнопение мне неизвестно, он сразу переходил к знакомому мне тропарю. Или молча слушали, как скрипит снег под ногами. Иногда останавливались перевести дух, и о. Серафим рассказывал что-либо из житий святых или цитировал святых Отцов. Говорил, сколь важно быть не одиноким в духовной борьбе. В одиночестве мы больше прислушиваемся к собственному мнению, а оно может оказаться «кривым зеркалом». «Случись вам упасть, кто поднимет, если идешь один?» Отец Серафим, конечно, имел в виду духовное падение. Однако, когда он свалился в снег и я помогла ему подняться, он тут же вспомнил эти слова.

Мы спустились с горы. Мои опасения оправдались — неприметную машину мою снегоочистные машины похоронили в огромном сугробе. Отец Серафим терпеливо раскопал ее, вывел на уже очищенную от снега дорогу. Я попросила благословение и уехала. Меня грызла совесть: опустилась ночь, стоял мороз, а о. Серафима ждал долгий и трудный путь.

День этот запомнился надолго, хотя о. Серафим говорил мало, и не столько слова его вновь вдохнули в меня жизнь, сколько само его присутствие, живой пример православного бытия»[7].

ПЕЧАТЬ тяжких страданий остается навсегда, как бы круто не изменилась к лучшему жизнь. Печать эта, носимая в сердце, умягчает и утоньшает душу, человек делается вдвойне чувствителен к чужой боли и беде.

Так и с о. Серафимом. Чувствительная и любящая пастырская душа его подсказывала, когда пожурить, когда утешить, кому заронить семя христианского смирения и надежды. Обходительность и мягкость, столь отличная от суровости и напористости его печатного слова,

привлекали к нему людей. Достаточно было взглянуть ему в глаза и становилось ясно: он чувствует боль другого, ибо сам испытал ее. Не раз являл он сострадание грешникам, так как по смирению своему видел и в себе грешника грязного перед светлым ликом Божиим. Однажды, подбадривая одну из духовных дочерей, весьма удрученную, клянущую себя за греховность, он сказал: «Раз осуждаешь себя — значит освободишься от грехов!»

Хотя о. Серафима и называли «сердечным исповедником», он не был сентиментальным, не давал волю чувствам. «Достоинство не позволяло», — как некогда говорила Алисон. После его смерти, однако, многие духовные чада вспоминали его, давая волю своим чувствам. Что неудивительно. Воспоминания, приводимые ниже, написаны его духовной дочерью — по характеру полной противоположностью о. Серафима, о которой он пекся, которую он любил, видя ее страждущую душу. Полтора года спустя после его кончины она прислала о. Герману эти строки, пронизанные сердечной болью утраты.

«Что написать Вам из своих воспоминаний об о. Серафиме?.. Когда он лежал в больнице, я завела дневничок... Записывала всё, что помнила: с той поры, как познакомилась с ним, до его последних дней в больнице и чувства свои после его смерти... Записи эти очень помогли.

Всех воспоминаний не перечислить. Многие сугубо личные или просто сентиментальные... помню, как он воздевал руки в алтаре... как пел... улыбался, а когда крестил меня, руки его были тверды и надежны, в тот день он поцеловал меня в лоб...

Помню последнюю нашу встречу, незадолго до больницы. Чудесный воскресный день в Платине, о. Серафим рассказывает о монастырской собаке, павлинах, оленях, о недавнем затмении солнца. Он был очень счастлив, много смеялся. Я спросила, как он себя чувствует. Он оглядел монастырь и сказал просто: «Как в Раю!» Простите, батюшка, если воспоминания мои не слишком духовны, но мне очень хотелось бы поделиться ими.

Отец Серафим неизменно относился ко мне с любовью, даже когда называл «дурой» и «тупицей». Я почему-то никогда не обижалась, хотя и понимала, что он не шутит. Даже этими словами он подавал надежду.

То воскресенье в Платине я принимаю как незаслуженное благословение. Вы, несомненно, знаете, как была я на него зла, когда он рассказал обо мне такое, что мне совсем не хотелось слушать. Месяцами я обдумывала его слова, дулась, но в тот воскресный день что-то заставило меня приехать в Платину. Отец Серафим встретил меня тепло и с любовью, несмотря на мои глупые детские обиды и ужасные

проступки. Посетовала, что из привычной колеи обыденности не вырваться. Терпеливо выслушав меня, он сказал: «Случается, обстоятельства выбивают нас из привычной колеи». Теперь я вижу, сколь он был прозорлив. Эти слова я беспрестанно повторяла про себя, когда о. Серафим лежал на смертном одре. По-моему, что-то переменилось во мне с его смертью. Раньше я была еще греховнее, еще жестокосерднее... Смерть его поистине выбила меня из привычной колеи. Жизнь моя переменилась. С утратой о. Серафима на душе вскипело и отчаяние и горечь — но сам он сделался мне много ближе. И я начала прозревать: при жизни его я старалась угодить ему, чтобы он любил, хвалил меня. После его смерти я поняла, что и без моих ухищрений он любил меня, да только я, по слепоте своей, не замечала...

Приятно сейчас говорить о нем, вспоминать... Долгое время я этому сознательно противилась...

Он требовал, чтобы я жестче относилась к себе, с другой стороны, просил, чтобы я себя не тиранила... Понимаете, о чём я? Однажды на исповеди, перечислив свои грехи, я сказала, что хочу умереть, и в том же духе. Он сказал: «Спору нет, ты — великая грешница, но из этого совсем не следует, что нужно уходить из жизни!» И у меня вновь появилась надежда. Наверное, это — самое главное, что он давал надежду.

Он всё время взывал к моему терпению: «Поспешай не торопясь, по мере своих сил, и когда падаешь — непременно поднимайся вновь!»

А в самый первый мой приезд в Платину о. Серафим был болен. Однако вышел ко мне (Вы послали за ним одного из братий). Он всегда находил время и для меня, и для каждого, невзирая на самочувствие. Всегда терпеливо выслушивал, отвечал на вопросы.

Одно из самых дорогих ныне воспоминаний прежде вызывало у меня ревность. Отец Серафим очень любил одну маленькую слепую девочку из прихода в Рединге. С ней он являл беспримерное терпение, часто от души смеялся, слушая ее. Она была для него радостью. Однажды после утрени мы сидели у Валентины Харви за обедом. Появилась эта кроха, что-то пролепетала, и о. Серафим засмеялся в голос. Такое случалось очень редко. Видно, крепко любил он эту девочку.

Салли (Соломония) рассказала один случай, в котором проявилось и чувство юмора о. Серафима. Однажды, когда после дождя на монастырском дворе стояли лужи, о. Серафим сказал ей, чтоб пошла посмотреть на утку, плавающую в луже. «Только потихоньку, а то спугнешь», — предупредил он. Соломония на цыпочках пошла посмотреть. А о. Серафим едва сдерживал смех. Утка оказалась ... резиновой!

Салли же напомнила и о другом случае, в котором проявилась необычайное терпение о. Серафима. Тоже в Рединге, на заре приходской жизни, когда теперешней церкви еще не было. Стояло лето, и в часовне было нестерпимо жарко. После службы все отправились «в холодок», а я задержалась — у меня были вопросы к о. Серафиму. Он терпеливо и долго выслушивал меня, обливаясь пóтом, на что обратила внимание Салли (она пришла позвать нас к обеду). Отец Серафим всегда готов был пожертвовать своим здоровьем, верно?

Помню еще одно воскресенье. Хотя и боюсь вспоминать: я вела себя ужасно. Праздновалась Пасха (у западных христиан), и это лишь усугубляло мое настроение. Я гостила у друзей, много выпила, на душе сделалось пакостно. Я сбежала с праздника, но пошла не домой, а к Валентине — знала, что он там будет. Пришла и ... разревелась. Вечерело. Отец Серафим собирался уезжать. Он вышел из церкви, увидел мою постыдную пьяную истерику, подошел, положил мне на плечи руки и тихо, спокойно заговорил. И снова он вдохнул в меня силы подняться после грехопадения. В дневнике я написала: «Хорошо бы остановить тот миг, когда я стояла там рядом с о. Серафимом. Так спокойно и уверенно с ним».

Словами не опишешь всего, что случилось в тот день. На память приходят строки Священного Писания о том, как Христос исцеляет бесноватого мальчика, который бьется о землю, бросается в огонь.

И, наконец, последняя прижизненная встреча с о. Серафимом, уже в больнице. Я пришла навестить его и несколько минут провела с ним наедине. Вы знаете, всё время там он плакал. Конечно, ему было страшно и больно, но, сдается мне, печалился он не столько о себе, сколько о нас. И вот он открыл глаза, взглянул прямо мне в лицо. Не знаю, узнавал ли он людей, но меня узнал, точно. И несмотря на боль, несмотря на то, что со всех сторон был стиснут капельницами, трубками, датчиками, он улыбнулся. Этой минуты мне никогда не забыть.

Читаю эти строки и сама становлюсь себе противна. Как можно по-прежнему оставаться страшной грешницей, памятуя такие счастливые минуты с о. Серафимом».

87

Православие сердца

И мы имеем от Него такую заповедь, чтобы любящий Бога любил и брата своего.

1 Ин. 4:21.

ОТЕЦ СЕРАФИМ становился провидцем душ, соответственно менялось направление его деятельности. Когда он начинал миссионерскую работу, упор делался на защите Православия от модернизма, обновленчества, экуменизма. И первые шаги его на этом поприще можно считать успешными. Сам же он писал впоследствии: «Чем больше узнаешь о христианской вере и духовной жизни, тем больше видишь своих ошибок и возникает естественное желание поступать „правильно"». Шли годы, и о. Серафим сам убеждался в поверхностности своего впечатления. Его основные принципы, философия жизни не изменились: и в конце жизни позиции его не сблизились ни с модернистами, ни с экуменистами, ни с приверженцами нового календаря. Они остались такими же, как и в первые дни «Православного Слова». Но теперь, через много лет, он убедился, сколь горьки плоды «сверхправильности», и понял, что сегодня людям нужно нести что-то более важное, ибо настали те последние времена, когда «во многих охладеет любовь» (Мф. 24:12).

Отец Серафим стал проповедником *Православия сердца* — вот что самое главное. И в этом (наряду с темой возрождения Святой Руси) — основное содержание последних лет его жизни.

«Истинное христианство — не набор правильных мнений и суждений, этого недостаточно для спасения души», — писал о. Серафим и приводил высказывание свят. Тихона Задонского:

«Аще бы кто сказал, что истинная вера есть правое содержание и исповедание правых догматов, правду бы сказал; ибо верному неот-

Перед Царскими вратами в церкви монастыря преп. Германа. 1977 г.

менно нужно есть православное догматов содержание и исповедание. Но сие единое знание и исповедание не делает человека верным и истинным христианином. Содержание и исповедание православных догматов заключается всегда в истинной в Христа вере, но не всегда истинная во Христа вера во исповедании православном заключается.

...Знание правых догматов имеется в разуме, которое часто бывает бесплодно, надменно и возносливо.

...Истинная же вера в Христа есть в сердце, как сказано выше, и есть плодовита, терпелива, любительна, милосердна, человеколюбива, сострадательна, алчущая и жаждущая правды и пр., от мирских похотей удаляется и единому Богу прилепляется, всегда к небесным и вечным стремится и ищет их, противу всякого греха подвизается и от Бога помощи непрестанно ищет и просит к тому»[1].

Далее он подкреплял свое мнение словами блаж. Августина: «Вера христианская с любовью совершается. Вера без любви — от дьявола!» А св. апостол Иаков в своем послании указывал: «... И бесы веруют и трепещут» (Иак. 2:19).

Далее о. Серафим продолжал: «Таким образом, свят. Тихон дает нам первоначальное понимание Православия. Прежде всего вера должна гнездиться *в сердце*, а не в уме, она должна быть «живой и греющей душу», а не абстрактной холодной теорией. Вере учатся в жизни, а не в школе»[2].

Чтобы лучше продемонстрировать суть сердцем прочувствованного христианства, о. Серафим привел пример одной из протестантских групп, где ранее подвизались Мария, Соломония и некоторые другие (ныне православные). Как и прежде, не мирясь с ошибками и заблуждениями протестантов, о. Серафим преодолел былые «ниспровергательские» настроения и указал на суть людских чаяний, скрытую под иной неправославной личиной.

«У этих протестантов, — писал он, — простая и теплая вера, в ней нет сектантской узости взглядов, присущей многим протестантским группам. Они не верят, в отличие от иных своих собратьев, что уже «спасены» и никаких усилий более прилагать не нужно. Они верят в необходимость духовной борьбы и не позволяют себе «расслабляться» душой. Они принуждают себя прощать друг друга, не таить зла на ближнего. Подбирают на улице бродяг, хиппи, отвозят на особую ферму, где в работе стараются излечить их души и приучить к ответственности. Иными словами, они относятся к христианству серьезно, как к главному в жизни. У них нет полноты христианства, которой обладает Православие, но их дела хороши. Вера у них живая, они любят Христа, любят ближнего. Во многом они нам пример, только сделать мы обязаны еще больше...

Некоторых из наших православных привлекают такие протестантские организации, но бывает и наоборот: некоторые протестанты обращаются в Православие. Разве это удивительно? Мы исповедуем христианство во всей полноте, и в жизни нашей, в самой ее гуще, наверное, есть нечто приметное и желанное для всякого, кто искренне любит Истину. В монастыре мы крестили нескольких протестантов из этой группы. И к Православию их привлекла Благодать и Таинства Господни, т. е. то, чего нет у протестантов. Встав на путь Православия, они вскорости поймут, сколь поверхностной и наивной была их вера и жизнь совсем недавно. Их наставники черпают практические советы из Евангелия, но когда они иссякают, приходится повторяться.

В Православии люди находят богатство неисчерпаемое, которое помогает глубже понять христианскую жизнь — как ни одна иная ветвь христианства. Мы же, православные, наделенные этим богатством, должны пользоваться им в большей степени»[3].

Исповедуя внутреннее «сердечное» Православие, о. Серафим предостерегал от увлечения «мудростью внешней». Он писал: «Быть православным, не будучи христианином, — значит фарисействовать (по-иному это не назовешь), держаться буквы Закона Церкви, утеряв животворящий Дух истинного христианства».

Он указал, как легко можно увлечься «правильностью» даже в мелочах: «Мы, любя традиционную византийскую иконопись, можем вдруг с презрением отнестись к иконам современного письма. То же касается и церковной музыки, архитектуры, слепого следования постам, поклонам в церкви и т. д.[4] Если вы начнете возмущаться, что у вас в церкви «неправильные иконы» (то бишь написанные не в традиционной манере) — берегитесь, ибо вас увлекла чисто внешняя сторона. Сколько церквей, где кроме «правильных» икон больше ничего нет! Я всегда с недоверием отношусь к таким церквям: не следуют ли они «правильной» моде? Известно много случаев, когда старые, истинно русские иконы (написанные с бóльшим или меньшим вкусом и умением) заменялись в современном духе сверхревностными хранителями традиций на новые бумажные иконы в византийском стиле. Что же в итоге? Люди утрачивают связь с традицией, с теми, кто и дал им Православие. Они убрали иконы, перед которыми люди молились веками»[5].

Отец Герман вспоминает, когда готовился специальный выпуск «Православного Слова» ко дню памяти о. Герасима (прожившего много лет отшельником на Аляске), он поделился сомнениями с о. Серафимом:

— Как нам представить отца Герасима великим подвижником современного Православия, если у него в церкви были иконы, писанные в западном стиле.

— Именно они и подтверждают его приверженность традициям, — ответил о. Серафим, — ибо он в простоте и любви принял то, что оставили ему наши праведники.

«Внешняя мудрость» подстерегает нас и в молитве, и в чтении духовных книг. Здесь легко пойти на поводу у собственных страстей. Вот что говорил по этому поводу о. Серафим: «Сейчас вошло в моду «упражняться» в Иисусовой молитве, читать Добротолюбие, кивать на святых Отцов. Всё это нас не спасет — это лишь внешняя сторона веры, средство, которое может помочь, употреби мы его правильно. Если же вы хотите стяжать лишь «пылкое чувство», то придете в итоге не ко Христу, а к антихристу».

Отец Серафим держался взглядов свят. Игнатия (Брянчанинова): лишь те, кто чувствует Царство Божие сердцем, распознáют антихриста, когда он появится на земле. А «сверхправильные», напротив, станут его легкой добычей. Отец Серафим, ссылаясь на «Повесть об антихристе» Вл. Соловьева, говорит, что антихрист, дабы привлечь тех православных, кто держится традиций, откроет Музей христианской старины. «Пожалуй, и «образ зверя» (Откр. 13:14) будет написан с соблюдением византийских иконописных традиций — пусть мысль эта будет нам трезвящим напоминанием, — писал о Серафим. — Антихриста нужно понимать как явление духовное. Почему мир захочет поклониться ему? Да потому, что в нем есть то, что найдет отклик в каждой душе, когда в ней нет Христа. И если, не дай Бог, мы поклонимся ему, значит нас привлекло нечто внешнее, схожее с христианством. Ведь антихрист захочет «заменить» Христа, быть похожим на Него»[6].

Именно такую поверхность (столь угодную антихристу) увидел о. Серафим в необоснованных нападках «православных» на блаж. Августина. Его сверхлогические учения (не вызывавшие восторга у самого о. Серафима) суть внешнее, сердцем же блаж. Августин был, конечно же, православным. В одном из писем о. Серафим отмечал: «Самое, пожалуй, «православное» в блаж. Августине — его благочестие, любовь ко Христу, что так ярко проявляется в «Исповеди» — наименее догматической его работе. (Святые Отцы в России любили также читать его «Монологи».) Сегодняшние ниспровергатели блаж. Августина тщатся уничтожить вместе с ним и благочестие, и самую любовь ко Христу... Меня страшит хладность сердца «сверхправильных» куда больше, чем некоторые заблуждения блаж. Августина. Холодные сердцем подготавливают почву для антихриста (чье подражание Христу распространяется и на «правильное» богословие). В блаж. Августине я вижу любовь Христову»[7].

Сам же о. Серафим получил просимое в 1961 году в молитве к Богородице — постичь самую суть. В самой сути христианства нашел он то, на чём «утверждается весь закон и пророки» (Мф. 22:40), — две главные заповеди: «возлюби Господа Бога твоего...» и «возлюби ближнего твоего» — заповеди любви, которые Иисус возвел в Закон.

88

Простота

Смирись — и тебя не победят, склонись — и останешься прям. Веди себя безыскусно, держись простоты.

Лао Цзы.

Как-то в 1977 году в трапезной о. Серафим завел с братией разговор о простоте. Еще до прихода к Православию читал он об этой добродетели в книгах древних (дохристианской поры) китайских мудрецов. Наблюдая «порядок вещей» и размышляя о нем, они понимали простоту и смирение как небесный путь. В Иисусе Христе нашел о. Серафим воплощение этого пути, услышал зов: «... Если не обратитесь и не будете как дети, не войдете в Царство Небесное» (Мф. 18:3). А братии и сестрам о. Серафим сказал следующее: «Языческий китайский философ Лао Цзы учил, что слабость побеждает силу. Пример тому у нас в монастыре: могучие дубы валятся от ветра, теряют ветви, слабые гибкие сосенки гнутся, но не падают.

То же и в человеческой жизни: тот, кто безгранично верит во что-то и готов до смерти биться с несогласными, являет слабость свою. Он так неуверен в себе, что хочет и другого перетянуть в свою веру, дабы самому крепче уверовать... А коли вы уверены в правоте своей, так не станете других к ней понуждать.

Желание утвердиться в своей правоте — не суть, а внешнее проявление в христианстве. Да, это важно, но не первостепенно. Первым же умягчи, умири и напитай теплом любви сердце. А если не дано — проси Бога, чтобы сподобил, послал труды, коими мягкое и с любовью сердце можно стяжать. Большинство из нас, увы, живет с холодным сердцем. Не станем доверять нашему изощренному в логике разуму, не будем покорно следовать нашей мысли, и тогда, приступая к Таинствам в Церкви, мы стяжаем благодать Божию, Сам Господь будет просвещать нас...

Спасет нас только простота. А снискать ее в сердце своем можно лишь молясь Богу, испрашивая у Него этой простоты, отринув соб-

Слева направо: о. Серафим, будущий послушник Григорий, о. Марк (Гомес), брат Давид (Дима). Монастырь преп. Германа Аляскинского. 1981 г.

ственную мудрость. И случись, нам зададут вопрос: «А можно ли написать икону Бога Отца?», мы не бросимся тут же отвечать: «Да, конечно. Это делается так-то и так-то, согласно решению такого-то Собора». Полагая себя «мудрее мудрецов», мы невольно оставим вне Церкви «неправых», что приведет нас в итоге к гибели. Лучше, если мы, подумав, признаем, «что не очень-то искушены в этом вопросе». И чем больше мы будем задумываться, тем более мы защищены от духовных неудач.

Принимайте веру от отцов в простоте. Попадется вам такой же простой священник — благодарите Бога. Учтите, вы многому можете научиться у такого батюшки: попирать свою «сложную» душу, своевольный ум, прихоти, постигать простоту. И чем больше вы читаете православных книг, чем больше общаетесь с православными, тем крепче ваши духовные «крылья», тем быстрее вы найдете свою тропинку в Царство Православия, вам откроется мудрость, которую вы поначалу не замечали. И даже если люди вокруг особой мудростью не отличаются, Господь Сам направляет Свою Церковь. И пребудет с нею до конца, так что не нужно метаться, впадать в ересь, отступать от веры. Последуем простому пути, не доверяя собственной мудрости, отдавая себе отчет, что разум наш, не согретый верой сердца, весьма слаб — и православное осмысление жизни начнет мало-помалу складываться у нас в душах»[1].

Как о. Серафим учил жить, так жил и сам. Многие вспоминают, как этот умнейший и высокообразованный человек служил постоянным примером простоты. К нему можно отнести слова, сказанные некогда в житии преп. Иоанна Лествичника: «Он отринул тщеславную человеческую мудрость». Вот что рассказывает один из паломников монастыря преп. Германа:

«С о. Серафимом я познакомился, заканчивая первый курс колледжа. Считал себя серьезным мыслителем, в борении ищущим ответы на вечные вопросы и тем самым приближающимся к Истине. Большинство людей вокруг, похоже, совсем не интересовались этим: старики, потрепанные жизнью, уже не находили в себе сил, а молодых более привлекали радости мирские, деньги, предпринимательство, компьютеры...

Узрев в о. Серафиме родственную душу, я уже предвкушал долгие и глубокие беседы о «вечных» вопросах. Слушал он меня внимательно. Изложив свои «глубокие» мысли, я, однако, не дождался подобного от него. Он ограничился краткими и точными замечаниями. Тогда я, при-

знаться, был озадачен и разочарован, и лишь сейчас понял что к чему. Прошло уже десять лет, а почти все его немногословные советы живы в моей памяти.

Православием я начал интересоваться, изучив его самые вдохновенные труды. Я читал св. Дионисия Ареопагита, Владимира Лосского, архим. Софрония. Меня привлекали такие неохватные идеи, как «божественная тьма» в богословии необъяснимого.

И всякий раз о. Серафим «возвращал меня на землю». Я остался в монастыре, чтобы ближе познакомиться с верой и подготовиться ко крещению. Со многим я уже был знаком по высокоумным книгам — так мне казалось. Но однажды о. Серафим, когда я пришел к нему в келью, озадачил меня вопросом:

— Ты знаешь, какие посты блюдет Церковь?

— Великий, Рождественский... — начал перечислять я.

— А знаешь ли ты о Петровом посте?

Мне стыдно было признаться, что я даже не слышал о таком. Отец Серафим, указав на его важность, рассказал, когда и почему он был введен. А в заключение добавил:

— Подсчитали, что более полугода приходится на постные дни.

Я очень удивился, о. Серафим, очевидно, пытался втолковать мне, что крещение — не повод чувствовать себя избранным, приобщенным высокого богословия и философии, а начало каждодневной борьбы, жертвенных трудов во имя Иисуса Христа. Ненавязчиво о. Серафим выводил меня из «божественной тьмы» к изножию Креста, коим мы можем спастись.

За год моего подготовительного периода ко крещению я успел прослушать в университете курс по философии религии и написал два реферата, получив высокие отзывы. Я очень гордился ими. Первый назывался «Размышления о «Чисторациональной религии» Канта». Я дал его почитать о. Серафиму, ожидая очередной похвалы. Вскорости поинтересовался, прочитал ли он работу.

— Прочитал, — ответил он.

— Ну, и каково Ваше мнение? — спросил я.

— Слишком умно для меня, — сказал он.

Я остолбенел. Лишь много позже узнал (хотя прозревал и раньше), что о. Серафим проштудировал не только Канта, но и многих философов, о которых я и слыхом не слыхивал. И, уж конечно, разбирался в философии куда лучше, чем мои университетские профессора. Почему же он сказал тогда о маленьком реферате студента-второкурсника, что это «слишком умно для него»? — Для того, чтобы преподать мне урок простоты и смирения.

Второй реферат я написал о Сёрене Кьеркегоре, философе парадоксальном, будоражащем ум, о котором можно говорить день и ночь напролет.

— Что Вы думаете о Кьеркегоре? — спросил я о. Серафима.

— Мне жаль его, — только и сказал о. Серафим.

И слова его относились не к великому разуму, а к страдающей душе философа. Впоследствии я много думал о Кьеркегоре, его борьбе за христианскую ревность среди хладосердных братьев по Церкви, о борьбе с собственными противоречиями и понял, что о. Серафим нашел самые нужные, самые простые слова».

Другой паломник вспоминал, как тщетно пытался он завязать с о. Серафимом «интеллектуальный» спор. Будучи протестантским пастором, он сердцем сознавал духовную глубину Православия, но попытался в споре доказать о. Серафиму несостоятельность этого учения. Он разработал хитроумную логическую ловушку, основываясь на фактах еврейских погромов в дореволюционной Руси.

Когда же он представил свои доводы о. Серафиму, тот лишь сказал: «Я не собираюсь защищать то, что противно христианству!» И все логические ухищрения пастора оказались напрасны. В другой раз он заговорил с о. Серафимом, явно подбивая его на спор. Отец Серафим молча встал и пошел прочь. А спорщик получил хороший урок. Потом он горько сожалел, что из-за тяги к словопрению лишил себя возможности получить мудрые наставления от истинно Божьего угодника.

Вспоминает о первой встрече с о. Серафимом молодой монах, перешедший в Платину из другого монастыря. В отличие от «спорщика» и «интеллектуала» он не полагал себя сверхумным. Он даже побаивался знакомства с о. Серафимом, так как был наслышан о его глубоких и весьма ревностных писаниях.

Когда о. Герман послал этого монаха в келью к о. Серафиму для беседы, монах необыкновенно разволновался. Отец Серафим усадил его. Гость, видя почтенные седины и проницательный взгляд, не мог взять в толк, о чём говорить.

— А Вы знаете, какие собирать грибы? — вдруг спросил о. Серафим.

— Нет… — растерянно ответил новый брат.

И о. Серафим, опытный грибник, рассказал ему, какие съедобные грибы водятся в округе. У брата на душе полегчало, он рад был услышать что-либо о простой монашеской жизни.

В СТРЕМЛЕНИИ к простоте о. Серафим бежал всего показного, в нем не было «монастырской гордыни», которая побуждает «ходить в длинных одеждах и принимать приветствия в народных собраниях» (Мк. 12:38). Вот воспоминания одной новообращенной:

«Встретила я о. Серафима, будучи еще протестанткой. Мне были чужды сами понятия об иконах, мощах, монастырях, постоянном покаянии. В гостях у православной подруги я узнала, что ожидают о. Серафима. Я внутренне постаралась подготовиться к встрече с ним. Его благолепие превзошло все мои ожидания: он оказался долгобородым, длинноволосым, в рясе до пола. Внешность обманчива, решила я, и постаралась угадать, что же скрывается под благочестивой личиной: так часто попадались люди, душой не соответствовавшие облику. Однако все мои сомнения рассеялись. Я убеждалась, что внешность отражает душу, его православную веру, монашество, и черная ряса — внешний знак внутреннего сердечного покаяния. И разъять их невозможно».

Отец Серафим также боялся всяческой похвалы. Однажды, отвечая на вопросы после лекции во время одного из летних паломничеств, о. Серафим услышал вдруг, как к нему обращаются как к «светочу молитвы». Рассердившись, о. Серафим бросил: «Ближе к делу. Задавайте вопрос!» В тот раз к нему подошел юный богоискатель, боготворивший каждую пядь земли, на которую ступал о. Серафим. Не зная всех православных норм поведения, он, подойдя к своему кумиру, перекрестился и, поклонившись, попросил благословения. «Крести́тесь перед иконами, а не перед людьми», — сказал ему о. Серафим.

ИНОЙ РАЗ, следуя примеру еп. Нектария и оптинских старцев, о. Серафим использовал и шутку для своих пастырских целей. Мы уже приводили примеры, как ненавистны были о. Серафиму легкомыслие, пустосмешие. В то же время он понимал: излишняя серьезность только повредит духовно неокрепшим американцам, особенно молодым. Как духовный отец, он обязан был учитывать воспитание, полученное в миру, до прихода в монастырь. Им нужно было некоторое утешение, шутка, улыбка, чтобы разрядить обстановку. Иначе, не выдержав внутреннего напряжения новой для них православной жизни, они «сломаются».

Показателен пример одного послушника, вчерашнего школьника. Из духовных книг он вывел, что монахи — люди серьезные, смеяться им не пристало. И он старался вести себя соответственно. В трапезной,

когда о. Герман рассказывал забавные случаи, он сидел потупясь, на лице не проявлялось и тени улыбки. Его спросили, в чём дело, и он ответил: «Духовной жизни такое не подобает! Здесь монастырь!»

Конечно, эта чисто внешняя «духовность» оказалась для него непосильным бременем. В конце концов он «сломался», оставил монастырь, а потом и христианство, окунувшись в «мирские радости».

Фрэнк Капра, известный кинорежиссер-христианин, подметил: чем больше человек тянется к внешнему, формальному, тем больше он теряет чувство юмора. Он также советовал не доверяться тому, у кого нет этого чувства.

Знавшие о. Серафима подтвердят: у него было блестящее чувство юмора, тонкое и не всегда заметное на первый взгляд. Монашек, которому о. Серафим рассказывал про грибы, вспоминает такой случай. Однажды в трапезной о. Герман распространялся о тщете современного «технического» мира.

— Строят небоскребы, — говорил он, — соревнуются, кто выше. Строят, строят… А что потом?

— А потом придет Кинг-Конг! — вставил о. Серафим.

Одна паломница, попавшая в монастырь за год до кончины о. Серафима, была поражена, увидев, как он играет в снежки с мальчишками. Поначалу ей показалось это столь неуместным. Но приобщившись православной жизни, поняла, что ничего оскорбительного в этом нет.

Отец Герман говорит: «Когда я только познакомился с о. Серафимом, он и не подумал бы играть с кем-нибудь в снежки — столь высоко было его понятие о достоинстве. И лишь потом, когда он «оттаял душой» в пастырстве, когда стал опекать ребятишек, понял, что играть в снежки не зазорно».

Любил он также поиграть в «ловилки» и в шутку потузить мальчишек.

ЕЩЕ ОДНОЙ добродетелью о. Серафима, связанной с простотой, являлось терпение. Отец Герман признает: «Если и научился я терпению, то только от о. Серафима. Это самое важное, чему я у него научился».

Духовным чадам своим о. Серафим сказал однажды: «Лишь маленькими шажками, а не одним прыжком, достигнем мы Царствия Небесного. И сворачивать с этого прямого пути оснований нет. Аминь!»

89

Новообращенные

Посему все вы, сделавшиеся причастниками Духа Христова, ни в чём, ни в малом, ни в великом, не поступайте с пренебрежением и не оскорбляйте благодати Духа, чтобы не лишиться вам той жизни, которой стали уже причастными.

Св. Макарий Великий[1]

Христианами не рождаются, а становятся.

Блаж. Иеремия[2].

Отец Герман говорил: «Правдоискатель, найдя истину в Православии, не ищет долее. На том завершается его поиск, так сказать, «по горизонтали», и начинается другой — по «вертикали», т. е. вглубь Православия. Если же он не оставит прежнего своего поиска (стараясь достичь совершенства во внешней «правильности»), не исключено, что он минует самое Церковь и удалится от нее».

Именно в о. Серафиме нашел он человека, обратившегося в Православие и переставшего искать Истину в чём-то ином, поиск свой он обратил вглубь, «по вертикали», и не прекращал его до последних дней. Он счастливо избежал многих ловушек и препон на пути новообращенных, стяжав святоотеческое мышление, и о. Герман подумал: «Много полезных уроков он мог бы преподать нынешним новообращенным», и посоветовал ему написать «Руководство для обратившихся в Православие».

Отец Серафим, приняв это послушание, отправился к себе в келью — писать «Руководство». На одной странице набросал он список

характерных «недугов» новообращенных — главных препятствий на пути православного сегодня:

«А. *Самость*, упование на себя и свои силы. Лекарство: отказаться от главенства собственных мнений, испрашивая совета у более мудрых, руководствоваться учением святых Отцов.

Б. Чисто умозрительный подход к вере, как к чему-то абстрактному, не сущему. Тесно связано с самостью.

В. Много лишних пустых разговоров о Царстве Небесном, много шумихи и рекламы. Упор на внешнюю сторону дела, на достижение *успеха*. Опасность: получится форма без содержания, бездуховная миссия.

Лекарство: всё внимание сосредоточить на духовной жизни, держаться подальше от славы и общественного внимания, не вступать в страстные словопрения.

Г. Духовные «переживания».

Симптомы: возбужденное состояние, обилие «великих» событий и знамений, кровь кипит. Стиль разговора высокий, что свидетельствует об отсутствии смирения. Истоки этого надо искать в протестанстве и собственных «необоснованных» мнениях.

Лекарство: трезвение души, недоверие к своим суждениям, памятование святых Отцов и житий святых, испрашивание совета у них.

Д. Уныние, «пораженчество». Синдром «охлаждения». Причина: чрезмерное внимание к внешним проявлениям веры, «общественному мнению» и т. п.

Лекарство: сосредоточиться на внутреннем, духовном, не заботиться о мнимом успехе, памятование о Том, за *Кем* следуем (Христос был распят, однако не потерпел поражения, но победил).

Е. «Хромота на обе ноги» — проявление излишне «широких» взглядов, с одной стороны, и чрезмерная «узость» взглядов — с другой.

Писал о. Серафим и о духе критиканства, столь характерном для новообращенных. «Мой священник (или приход) правильный, остальные — нет. Или наоборот: мой священник всё делает не так, как другие; мой монастырь — истинно святоотеческий в отличие от иных; или: у нас всё «неканонично», вот в другом монастыре живут по заветам святых Отцов».

Такие мнения чрезвычайно опасны. И тот, кто их держится, сам на краю пропасти, более того: повторяя свои ошибочные, чисто субъективные взгляды, он распространяет яд критиканства среди других верующих.

У о. Серафима был пасомый — классический пример «чокнутого» новообращенного, кто мнит себя мудрее мудрецов. Он устроил ча-

совню у себя за домом и вменил обязательные песнопения для всех прихожан (в отличие от традиции, когда поет отдельный хор, а прихожане сосредоточенно истово молятся). В воскресенье на праздник Троицы он отчитал одну русскую прихожанку, которая хотела петь в хоре. Этот «ревнитель» писал о. Серафиму: «Не для того я строил часовню, чтобы поддерживать всякое заблуждение, я так прямо ей и сказал...» Он высмеял в этом письме самую идею хора, уподобив прихожан, внимающих пению, «гостям, которые весь вечер и слова не вымолвят, уткнувшись в какой-нибудь журнал».

Отец Серафим, хотя и сам предпочитал всеобщее песнопение во время службы, указал своему духовному сыну на недопустимость такого подхода к людям. Он написал: «Остерегайтесь! Как бы правы Вы ни были по некоторым вопросам, считайтесь с мнением других. Не «правота» на первом месте, а гармония и любовь. Сколько таких новообращенных, уцепившсь за свою правоту (пусть и неоспоримую), кончили страшным падением. Им не хватало христианской любви и доброй воли, они отторгали людей без надобности и в конце концов остались одни со своей «правильностью» и «правотой». Не советую идти по их стопам!..

В Православии Вы недавно, но уже учите других, более опытных духовно, и из Вашего письма следует, что «учите» Вы их чрезвычайно грубо, бестактно, без христианского доброжелательства. Простой здравый смысл должен подсказать Вам, что так нельзя. Христианская любовь должна пристыдить Вас, заставить Вас глубже изучить хотя бы основы христианства, прежде чем поучать других, хоть в самой малости. Пока из Вашего прихода писем не получал, но представляю, как Вашим поведением Вы обижаете и раните людей. И нет ничего загадочного и непонятного в том, что люди отходят от Вас. Именно из-за таких, как Вы, «ревнителей» и происходят раздоры в Церкви, оттого-то люди и покидают приходы. И не нужно прятаться под маской ревнителя «англоязычных служб» и «общего пения» — это Ваша гордыня, которой чужды основные христианские понятия о смирении и любви.

Взгляните на себя со стороны: прежде Вы не ужились в приходе отца N. и ушли. Теперь у Вас свой приход, и Вы уже сами отталкиваете людей. Не бывает так, что всегда правы только Вы, а остальные — виноваты. Принимайтесь-ка исправлять свои ошибки и живите в мире с христианами, которые рядом...

В предыдущих письмах Вы говорили, что, возможно, расстанетесь с женой, возможно, сын Ваш вырастет неправославным. Может ли христианин, — муж и отец! — видя такую опасность, спокойно ожидать

катастрофы? Как не возгорится его сердце исправить что-то в себе? Ведь если Ваши мрачные прогнозы оправдаются, в ответе будете Вы — ибо Вы не явили близким образца христианской жизни, образца, который воодушевлял бы их и согревал любовью. Вы дали холодные «правильные» установки, а это лишь пища для гордыни...

Пожалуй, хватит, а то сразу трудно всё «переварить». Я не призываю Вас разом отказаться от всех взглядов или в одночасье сделаться сердечным и понимающим. Я хочу лишь, чтобы Вы усерднее трудились над собственной душой, учились сострадать, не ставить во главу угла «правильность». Поверьте, это не так уж трудно выполнить, и без этого Вы не обретете покоя и счастья в духовной жизни».

Однако молодой священник не внял предостережению о. Серафима, и худшие опасения оправдались: через восемь месяцев его оставил сын, не вынеся бездушной «правильности». Отец написал о. Серафиму, дескать, теперь у него словно гора с плеч свалилась. На что о. Серафим ответил: «Что Вам сказать? Очевидно, я оказался для Вас плохим духовным наставником, не сумел передать даже азбучные истины Православия. За последний год Вы ещё более отдалились, усугубили свое положение далеко не христианскими поступками: сначала посеяли раздор в приходе, потом поругались с гостившими священниками и, наконец, лишились сына, а ведь Вы собственными стараниями отлучили его от себя, он таков, каким Вы его воспитали. Ответственность за все его неблаговидные поступки ложится целиком и полностью на Вас. Вы не по-христиански обращаетесь с людьми и, похоже, этого не замечаете...

Хотите стать православным христианином — сейчас же, сию же минуту начинайте менять поведение, вспомните о любви к Богу и людям. Это значит — не поступайте по своей прихоти или капризу, не говорите первое, что взбредет, не затевайте ссор по пустякам или по важным вопросам. Постоянно просите прощения у близких (да, да, чаще, чем Вам хочется), жалейте их и молитесь о них. Будь Вы в обыденной жизни сострадательней к сыну, он бы не ушел от Вас. Он Вас любит, о чём, боюсь, Вы, может, и не догадываетесь.

Если Вам еще дорог мой совет духовного наставника, примите новое молитвенное правило: вечером, вместо Иисусовой молитвы, прочитайте 100 молитв (по четкам), примерно следующих: «Господи, Иисусе Христе, помилуй моего брата...» (и называйте имена). И так перечислите всех близких, начиная с собственной семьи. После каждой молитвы — поклон (а после молитвы о родных — земной поклон). Остановитесь на сотне (даже если придется некоторых помянуть дважды или трижды) и в последней молитве попросите милости

Божией для всех. Надеюсь, это пробудит Вашу душу, и в ней проснется любовь к братьям и сестрам, как к единоверцам, так и к прочим…

Земной Вам поклон и прошу простить за мои прегрешения и плохое пастырство в отношении Вас. Господи, помилуй нас всех… Уверяю Вас, каким бы ни было отныне Ваше отношение ко мне, мое к Вам — не изменится.

С любовью о Христе, недостойный иеромонах Серафим».

Хотя о. Серафим и предостерегал от шараханий из крайности в крайность, столь характерных для новообращенных, он никогда не противопоставлял им православных по рождению — это породило бы лишь глупое соперничество. Некоторые в Русской Зарубежной Церкви полагали, что все нынешние церковные беды из-за новообращенных, дескать, не будет их — не будет и хлопот. Отец Серафим с этим решительно не соглашался. В 1979 году один из священников американской миссии пожаловался отцам, что архиеп. Виталий заставляет его вести службы на церковно-славянском, а не на английском языке. Отец Серафим ответил, что взгляды Владыки не соответствуют времени, от них веет снобизмом: мол, Православие только для избранных. К тому же сказывается и полное отсутствие опыта на миссионерской стезе».

Однако о. Серафим был очень осторожен в суждениях и не впадал в другую крайность, сваливая все церковные беды на урожденных православных. Он подметил, что многие американцы, недовольные «засильем» православных из Старого Света, не видят, что сами идут тем же путем. Отец Серафим назвал его «американством», последней этнической модой. Ведь равно неправы и те, только-только обращенные в Православие, кто уже с духовного младенчества начинает пенять своим духовным родителям на их происхождение, из-за которого якобы они в неравном положении. Еще один пример верхоглядства. Отринув что-то или кого-то по «этническим соображениям», можно упустить самую суть Православия, «живую традицию», передаваемую из поколения в поколение. Отец Серафим говорил: «В нашей русской Церкви еще можно отыскать простых сердцем батюшек, которые и не помышляют о расколах и группировках, об отлучении несогласных с «церковной политикой». Батюшки эти терпеливы и многострадальны, немногословны, а потому либо пребывают в забвении, либо в опале. Все нападки критиканов легковесны и неглубоки. Присмотримся же к этим смиренным батюшкам, присмотримся к самой Церкви и узрим то, что не сразу бросается в глаза — связь с прошлым. (Отец Серафим имел

Отец Серафим беседует с Эндрю Бондом, православным новообращенным из Англии. 1979 г.

в виду таких батюшек, как о. Григорий (Кравчина) из церкви преп. Серафима в Сисайде — первый православный священник, с которым ему довелось разговаривать).

Связь эту не передать словами. Она исходит от тепла любящего сердца, от многих страданий, долготерпения, ревности (но не той, которая порождает нападки на других)»[3].

Работая над «Руководством для обратившихся в Православие», о. Серафим высказал как-то о. Герману соображения, сравнивая новообращенных и урожденных православных. Отец Герман считает высказывание это весьма трезвенным и разумным. «Воспитанные в Православии с детства обладают терпением, но не рвением. У новообращенных рвения предостаточно, но нет терпения. Лучше всего, когда рвение закалено терпением. Однако современная Церковь

зачастую обращает смирение и терпение в пассивность и трусливое выжидание, что приводит к полному бездействию. Ревностных новообращенных же часто упрекают в «прелести», их отталкивают, что, естественно, наносит вред. Примем же к руководству Священное Предание, ибо это и есть мудрость Церкви»[4].

Не принимал ничью сторону о. Серафим и в другом противоборстве — русской и греческой традиций. Одному новообращенному, которого мучил этот вопрос, о. Серафим написал: «В чём-то «русские» ближе к древним традициям и обычаям, в чём-то — «греки». Я неспроста ставлю кавычки, ибо мы все едины во Христе и уж совсем непозволительно из-за национальных различий сеять соперничество меж православными. Нам есть чему поучиться друг у друга, но и тем и другим нужно учиться в первую очередь у Спасителя нашего Иисуса Христа познавать чистые истоки Его Церкви! И у «греков», и у «русских» предостаточно мелких недостатков, и те и другие ввели в обиход Церкви некоторые новшества. Но если мы любим друг друга во Христе, недостатки эти несущественны и, право же, легче их терпеть, чем изменять, ломать, критиковать. Каждый приход и монастырь волен нести православные традиции в доступной и посильной ему мере, в духе смирения и любви».

ОТЦУ СЕРАФИМУ так и не удалось завершить «Руководство». Чем больше он о нем думал, чем больше рождалось выстраданных строк, тем очевиднее становилось ему: сама идея «Руководства» неверна. Сколько раз повторял он, что нет «готовых рецептов в духовной жизни». Христианство — не ислам, сулящий спасение каждому, кто держится «правил». Христос не дал нам точных указаний на все случаи жизни, зато оставил самую великую, приводящую в трепет заповедь: возлюби даже врага своего.

Доведись о. Серафиму написать «Руководство», он дал бы новообращенным, ищущим готовых советов и рецептов, еще одно средство осознания себя мудрее мудрецов. Еще бы: теперь бы они знали лучше всех об опасностях, подстерегающих на духовном пути. И такое самомнение, безусловно, привело бы к гордыне и духовной смерти.

Впрочем, положение современных новообращенных совсем не безнадежно. В конце жизни о. Серафим подметил: на смену поколениям прежним в Православие пришло иное, многообещающее поколение людей, увлеченных интеллектуальным поиском, приверженных идее спасения через добрые дела. Другу в Джорданвилль о. Серафим писал: «В последние годы у нас тут наметился иной настрой новообращенных:

У монастырских ворот о. Серафим и чтец Владимир Андерсон.

их больше интересуют основы Православия, нежели «всезнайство», въедливое изучение канонов, типикона и т. п.»[5]

Сегодня уже многие, выражаясь словами о. Серафима, «уловили суть» Православия. Конечно, все былые преграды, препоны остались и немало людей споткнутся о них, сколько ни пиши предостережений. Но советы о. Серафима (во всех его работах) не пропали втуне. Разумеется, они не панацея от всех болезней духовной жизни, однако помогли многим душам презреть внешнее и маловажное и начать постижение сути древнего Православия.

90

По стране

В МАЕ 1979 года о. Герман наконец сподобился совершить долгожданное паломничество на Афон, чтобы встретиться со своим духовным отцом, схим. Никодимом Карулийским и вместе начать работу над книгой о наставнике самого о. Никодима — иеросхим. Феодосии*. По пути заехал в Джорданвилль.

Никогда он не отлучался из монастыря так надолго (более, чем на месяц). Письма от о. Серафима убедительно и трогательно показывают, сколь ценил он собрата, как полагался на него. Не прошло и недели, как о. Герман получил первое письмо: «Всё пока идет нормально, гостей немного. Непривычно «командовать», и я немного не в себе… но пока терплю». Через неделю он уже сетовал: «Только в воскресенье выдалась минутка для собственных писаний. Если так и дальше пойдет, много я не сочиню. Вдвоем у нас всё ладилось и спорилось, в одиночку — совсем не то… Дай Бог тебе поскорее вернуться. Мы скучаем!»[1]

Когда он узнал, что о. Герман задерживается в Джорданвилле, то забеспокоился не на шутку: неужто опять придется отстаивать свою независимость. Отцу Герману он написал: «Зачем тебя задерживают на две недели? Конечно, если видишь пользу или смысл, оставайся. Но если они хотят испытать, «достоин» ли ты самостоятельности вне Джорданвилля, или подготовить тебя к хиротонии в епископы — беги быстрее огня. В последний раз Владыка Нектарий снова сказал, что мечтал бы умереть здесь у нас. Но потом передумал: через два-три года, говорит, вас всё равно сделают иерархами и еще неизвестно, кого

* Он оставил замечательное наследие — дневник своей духовной борьбы — состояние души, когда сердце непрестанно творит Иисусову молитву.

«назначат» в Платину, а ему это не по душе. Я ответил, что мы пойдем по пути преп. Сергия Радонежского*, а не тех, кто утверждает, вслед за митроп. Антонием (Храповицким), что от епископства отказываться нельзя. И наш Владыка повеселел.

Глубоко убежден, что именно здесь нам нужно трудиться во имя Божие. Поддадимся уговорам и уедем — значит, изменили нашему призванию и вряд ли добьемся чего-нибудь. Владыке Лавру, конечно, мы нужны для его «организационных» целей, ему, в общем-то, всё равно, чем мы сейчас занимаемся, он с радостью закроет нами какую-нибудь брешь в его структуре, разумеется, «ради общего блага». От того, что ты так надолго остановился в Джорданвилле (если, конечно, в этом нет особой надобности), страдаю не столько я, сколько наше дело: ты чересчур «на виду», у всего церковного мира создается впечатление, что наша работа в Платине не так уж и важна.

Прости, если чего-то не понимаю и неверно мыслю. Сам решишь, когда вернешься, что и как нам делать».

Тем же годом и самому о. Серафиму выпало совершить паломничество в Свято-Троицкий монастырь в Джорданвилле, где он пробыл пять дней. То была самая дальняя его поездка в жизни. Вряд ли он вообще отправился бы в путь (с чисто монашеским пристрастием работать и жить в одном месте во имя спасения), не пригласи его читать лекции в Свято-Троицкий монастырь на Свято-Германовские чтения. Отцу Серафиму предложили две темы: «Православие в США» и «Смешанные браки. Их влияние на Церковь». Он избрал первую, от второй отказался по вполне понятным причинам.

Не ставя себя слишком высоко, о. Серафим сомневался: стоит ли ему идти по стопам собрата? Шесть лет тому о. Герман открыл в Джорданвилле ежегодные Свято-Германовские чтения. Отец Серафим в письме к знакомому делился своими мыслями: «Молитесь, дабы слово мое в Джорданвилле не оказалось бесплодным. В 1973 году там с пламенной речью выступил о. Герман, но аудитория была не готова, только сейчас люди начинают прозревать. Однако я не такой уж велеречивый оратор, поэтому прошу Ваших молитв, дабы обрести нужный настрой»[2].

---

* Преп. Сергий прожил в пустыни уже немало лет, когда его призвал к себе митроп. Московский Алексий и попытался убедить принять епископский сан. Несмотря на все уговоры, преп. Сергий отказался. Убоявшись совсем лишиться такого светильника, чтобы он не скрылся в далекой пустыни, митрополит отступил и отпустил его в родной монастырь. После смерти митроп. Алексия местные князья и бояре умоляли преп. Сергия принять епископство. Но он, как алмаз, остался тверд.

Ко времени этой поездки упокоились почти все выдающиеся мыслители и писатели Православия в Америке: архиеп. Аверкий, архим. Константин, проф. И. М. Андреев. Полгода тому скончался и праведный архиеп. Андрей (о. Адриан), игумен Ново-Дивеевского монастыря († 29-го июня/12-го июля 1979 г.)

Отец Серафим не изменил своим вкусам и предпочел поехать в Джорданвилль поездом. Отец Герман дал ему послушание — вести дневник, и благодаря этому мы получили подробное описание нескольких дней его жизни, приобщились его мыслей и духа, лучше поняли характер этого человека, коему оставалось жить менее трех лет. Приводим отрывки из дневника.

«Декабря 3/16-го 1979 г.

После всенощной в церкви Рединга и обильного ужина рано утром о. Герман, брат Феофил и сестры Мария, Нэнси и Соломония проводили меня на вокзал. Пообещали слушаться о. Германа и молиться обо мне. Сестры сказали, что поездка очень важна: я должен задать нужный тон в тамошней церковной жизни, что особенно важно для молодежи: борения, простоты, трезвения, а не бездушной «правильности», что так часто сбивает с толку новообращенных. Конечно, я скажу обо всём этом. Да поможет мне Бог!

Начало моего пути ознаменовано маленьким происшествием. В поисках своего места я задел чемоданом о кресло и он раскрылся — всё мое «добро» вывалилось на пол. Вот ведь какие козни строит лукавый! Пришлось в полутемном вагоне ползать собирать. Но ничего, всё обошлось.

Рядом сел чернокожий паренек. Мы успели поговорить (он вышел в Дэвисе, чтобы пересесть на автобус до дому). Он спортсмен, баскетболист, поступил в колледж Христианской Библии в Портэнос и получил стипендию. Поначалу я дремал, положив ноги на его мяч, еще не зная, кто мой попутчик. Зовут его Ричард Кларк, очень вежливый и тихий молодой человек. Я рассказал ему немного о себе, дал номер «Православного Слова», попросил написать, если возникнут вопросы о Православии, попросил его молитв. Так сразу в начале пути я встретился с юностью и непорочностью, что, оказывается, не совсем утеряно в Америке.

В Окланде простояли три часа. Успел написать о. Сергию (Корнику), о. Алексию Янгу и о. Герману. Перекусил. Не оставляла мысль: что же сказать в Джорданвилле и, что самое главное, готова ли молодежь слушать...

Еще одно маленькое происшествие: в вагоне-ресторане какая-то женщина обозвала меня Аятоллой*.

Уже вечером после ужина (мы подъезжали к Неваде) со мной поздоровалась молодая женщина с ребенком. Оказалось, ее муж — грек, православный. Услышав это, к нам подсел молодой человек, и несколько часов кряду мы проговорили о христианстве и религии вообще. Молодой человек — протестант, но разочаровавшийся в своей религии, учит русский, чтобы попасть в страну, где христиане гонимы и, возможно, не лицемерны, как на Западе. Он засыпал меня вопросами (и он прошел увлечение разными культами, чудодеями и пр.). Я дал ему почитать «Православие и религию будущего».

Декабря 4/17-го, понедельник.

Целый день ехали по Вайомингу — голые холмы, редкие селения. Холодно. Не согреть ли этот необъятный край целины истовой православной молитвой? Почти всё время беседовал со вчерашним молодым человеком. Зовут его Марк Комсток. Он уже успел прочитать главу о «чудодеях». В Вайоминге он вышел, взял с собой книгу и пообещал навестить наш монастырь. Живет он в Обурне.

До самого вечера составлял план будущей лекции. Господи, дай мне нужные слова, помоги потрудиться на пользу душ!

За ужином в вагоне-ресторане сидел рядом с механиком из Орегона и изысканно-вежливым христианином-англиканцем из Сан-Диего. В поезде все почему-то делаются неимоверно вежливыми и обходительными.

Декабря 5/18-го, вторник.

Проснулся с рассветом. Едем уже по Айове. Начиная с Небраски — будто иная страна: большие города, ухоженные фермы, не то что «дикий запад», где на много миль окрест ни души. Айова мне весьма по душе: старые дома, усадьбы, тщательно возделан каждый клочок земли — видно, земля здесь всему голова, всё добротно и основательно, не то что Калифорния.

В десять утра переезжали через Миссисипи, ничего особенного, всего раза в два шире нашей Сакраменто.

В час двадцать пять — точно по расписанию — прибыли в Чикаго. Стояли два часа. Писал открытки, прошелся по вокзалу, позвонил о. Феодору Юревичу в Кливленд…

---

* Седобородый глава иранских мусульман Аятолла Хомейни был в ту пору личностью примечательной. О нем писали газеты и журналы, его показывало телевидение.

Декабря 7/20-го, четверг.

Весь день провел с о. Феодором, очень серьезным молодым (всего 30 лет!) священником. Много времени проводит со своими детьми, но выкраивает час-другой и пишет иконы. Очевидно, это ему более всего по сердцу. С нами был и молодой человек (18 лет), спокойный, очень серьезный, по имени Дэвид, хочет быть монахом. Отец Феодор готовит его ко крещению. Он показал мне церкви — старую и новую (еще недостроенную). Почти такие же я видел во сне с месяц тому назад.

Вечером собралось человек десять прихожан на беседу. В основном говорил о нашем осознании себя православными христианами: кто мы? Есть ли разница между нами, православными, и протестантами или католиками, мусульманами и буддистами или вообще неверующими?

Вопрос этот далеко не праздный, ибо бывают весьма огорчительные, а то и трагичные случаи, когда молодежь покидает Православную Церковь. В Северной Калифорнии у православного священника-грека росла дочь и, очевидно, не удосужившись уяснить себе, в чём же учение Православной Церкви, она примкнула к евангелистам, к так называемой «Церкви Христа», разделяя убеждения ее главы — он призывал к общинной жизни. Девушка поехала за ним в Южную Америку, чтобы начать новую жизнь в Джоунзтауне, городе, названном в честь проповедника. Вы, вероятно, знаете, что там случилось год назад. Что должно остановить нашу православную молодежь от таких шагов?

Другой пример — русский парнишка, выросший в Нью-Джерси. Он регулярно ходил в церковь, толком не понимая, почему он православный, а не иной веры, и что такое Православие. Не имея четкого представления о своей вере, легко поддался дурному влиянию. В 18 лет он уже успел жениться и развестись, увлекшись наркотиками. Я был знаком с ним: обычный нормальный русский паренек, толком не знающий, зачем живет. И года не прошло — он угодил за решетку: торговал наркотиками. За три-четыре года он так пристрастился к этому зелью, что его парализовало. Не так давно он умер, в злобе, проклиная Бога. А почему? Да потому что не осознал себя, своей веры.

И еще пример. В Сан-Франциско на Калифорнийской улице, недалеко от наших православных церквей стоит черный дом — храм сатаны. Недавно профессора социологии и студенты университета в Беркли провели исследование: кто же посещает этот храм? Оказалось, в основном дети из русских православных семей. Исследователи пришли к заключению: такие дети, не приученные к собственной вере, не осознавшие ее, легче всего поддаются сатанизму, ибо Православие

— религия, которая требует многого, и если не выполнять этих требований, душа ощущает пустоту.

Многие не понимают того, что религия — самая могущественная сила на свете. Сегодня в мире наблюдается «религиозное возрождение», но большинство учений лживо. Молодежь, в том числе и русская, и иная православная, поклоняется идолам в индусских храмах, почитают живыми богами духовных учителей, махарадж, предаются медитации в дзен-буддистских храмах по всей Америке, доверяются фанатикам-изуверам вроде Джима Джоунза. Почему?

Скажу о своем опыте. Как и многие молодые люди, я увлекался дзен-буддизмом. Впервые попав в православную церковь, я испытал удивительное чувство, тогда я еще не знал, что это благодать. Познакомился с воистину святым пастырем, архиеп. Иоанном, прочитал много книг о Православии, о его принципах, о святых. Наконец принял пстриг и с одним молодым русским, таким же богоискателем, поселился в глуши Северной Калифорнии, пытаясь хотя бы в малой степени воссоздать жизнь российских пустынников и печатать журнал «Православное Слово» (по благословению Владыки Иоанна). Хотя мы вдали от городов, от людей, только за последние полтора года крестили десять человек. (В основном, за одну неделю летом). И еще четверо готовятся принять крещение. Например, одного юного гитариста привел к Православию его учитель, другой русский юноша сподобился принять Православие благодаря своим иконам. Можно назвать еще несколько девушек из протестантской общины в Северной Калифорнии, студента, прочитавшего немало книг по истории Церкви (обо всех вселенских соборах и пр.). Жена одного новообращенного — типичная американка, торгует котлетами и бутербродами. Что привело их к Православию? Благодать Божия. Одни молодые люди теряют веру, других Господь призывает. Вера требует серьезного отношения. А что слышно из России? Там необычайный подъем интереса к Православию после 60-ти лет без веры. Люди крестятся тысячами. Некоторые еще не понимают, почему вдруг их привлекла Церковь — так действует благодать Божия.

Сегодняшние события в России — нам урок и вдохновляющий пример. Вот о. Димитрий Дудко. Больше восьми лет просидел в концлагере, пострадал за то, что беседовал с верующими на вечерних службах. У него сломаны ноги, ему строго-настрого приказали молчать, ибо Православие страшит власти. И таких много: сестра Валерия, Владимир Осипов, Александр Огородников. Нужно им помочь: молиться о них, через «Православное дело» (организацию, у истоков

которой стоял архиеп. Иоанн), письмами (в «Православном Слове» приводятся некоторые).

После моего рассказа завязался живой разговор. В полночь о. Феодор и Дэвид отвезли меня на вокзал. Поезд опоздал на час, и у нас хватило времени выпить кофе. Меня весьма тронул этот простой священник, подлинный ревнитель Православия в нашей американской глубинке. Он приглашал меня заехать и на обратном пути.

Декабря 8/21-го, пятница.

Около восьми утра меня встретил на вокзале о. Лаврентий*, еп. Лавр прислал за мной машину. Пока ехали в монастырь (20 миль), я немного побаивался: какой прием меня ждет. Может, холодное небрежение или критика? Отец Лаврентий предупредил, чтобы я не очень много говорил об архиеп. Иоанне, иначе сочтут, что я «хвастаю», подобно тому, как «хвастал» архиеп. Андрей знакомством со старцем Нектарием. Я совсем было пал духом, хотя изначально и не помышлял говорить об архиеп. Иоанне.

К полудню приехал в Джорданвилль. Сначала короткая беседа с еп. Лавром у него в кабинете, затем — с о. Владимиром**. Потом брат Григорий показал мне церковь. К завтраку припоздали. Поначалу не мог привыкнуть к их свободным правилам: каждый сам себе накладывает столько еды, сколько хочет. Меня очень тепло встретили о. Пантелеимон***, о. Гурий, о. Гермоген, а потом и о. Михаил Помазанский. Снегу в Джорданвилле немного, но когда я приехал, было холодно. Лишь назавтра я обвыкся, да и снег нежданно-негаданно почти весь сошел.

После завтрака и отдыха (как наказал мне о. Владимир) мне показали монастырь: библиотеку, типографию, переплетную и столярную мастерские, сараи и овощехранилище, и каждый брат четко знает свои обязанности.

Никому я здесь не в обузу, предоставлен самому себе, лишь изредка кое-кто заговаривает со мной. Взял несколько книг в магазине — подарок о. Владимира. Вечером после ужина отслужили повечерие. Братия очень трогательно молились перед иконами, но надо сказать, я не «потрясен» красотой их пения, скорее, оно соответствует рассказам о. Германа.

---

* Духовный сын о. Серафима (в прошлом брат Лаврентий), три года проживший в монастыре преп. Германа.

** В свое время он привел к Православию о. Германа.

*** Один из основателей Джорданвилльского монастыря. Скончался в 1984 году.

Вечером на двери увидел записку от о. Петра. Он просит зайти к нему, поговорить. Хочет приехать к нам в Платину, чтобы делать «как можно больше» для православной миссии среди американцев. Он, конечно, молод и незрел, но я отлично понимаю: здесь всё буднично, каждый знает свое дело, заведенный распорядок, нет того вдохновения, которое испытывали мы в своей работе. Я велел ему молиться и испросить разрешения у о. Германа.

Сегодня навестил о. Макария. Он какой-то вялый и сонный, видно, серая обыденность сказывается и на нем.

Ко мне зашел серб Тодор, один из ревнителей веры, ему тоже интересен наш монастырь. Я разочаровал его: мы трапезничаем три раза в день, так что никаких особых подвигов, увы, нет.

Поговорил и с молодым мечтательным Алешей из Советского Союза. Хочет, чтобы «Православие и религию будущего» перевели на русский.

После вечерних молитв я заглянул в нижнюю церковь: там о. Иоанникий* служил акафист на английском для нескольких новообращенных.

Декабря 9/22-го, суббота.

В пять утра загробным голосом возвестили: «Время пению, молитвы час, Господе Боже, помилуй нас». И громкий звонок — чтобы никто не проспал. Хотя я и устал, всё же пошел в церковь. После полунощницы и утрени молился перед иконами с братией. Потом они ушли. Владыка Лавр сказал, что это «рабочие» монахи, что мне можно остаться.

Днем беседовал с Владыкой Лавром, о. Илларионом (в миру Игорь Капрал, духовное чадо архиеп. Саввы, впоследствии епископ), с о. Иоанникием. Поговорили о расхождениях с «линией» Бостонского монастыря, но сошлись лишь на том, что ссоры никому не нужны. Конечно, здесь влияние Бостона уже не чувствуется, однако многие всё же живут с оглядкой. Хорошо бы противопоставить бостонской «линии» свою, джорданвилльскую, но... выше головы не прыгнешь.

В четыре дня — службы: девятый час, малая вечерня, повечерие и правило перед причащением. Отец Игнатий дал мне прочитать канон Ангелу-хранителю.

В шесть — ужин, в семь — всенощная. Мне дали клобук брата Евгения (он сетует, что пока не может его носить) и определили на

---

* Отец Иоанникий дружил и переписывался с о. Серафимом. Он пытался ввести богослужение на английском в Свято-Троицкой обители, но ему препятствовали и постепенно это начинание заглохло.

правый клирос, подпевать о. Игнатию (у него голос много выше моего). В одиннадцать служба закончилась. Поют и впрямь прекрасно, но, даже подпевая, сердцем я далеко — в тихой своей пустыни, видно, мне претит всякое общение с людьми, хотя и пустынником меня не назовешь.

Декабря 10/23-го, воскресенье.

В восемь — заутреня, в половине десятого — литургия, служит сам епископ. Как всегда. Я толком не знаю всех правил и, разумеется, опоздал к приветствию Владыки. Сослуживаю с семью священниками. После завтрака — моя беседа с послушниками и семинаристами, однако народу собралось куда больше.

Беседа с послушниками и семинаристами Джорданвилльского монастыря.

Вижу пред собой будущих пастырей, монахов, ревностных православных паломников. Кто вы? Осознаете ли вы свою веру? Вы должны знать, что такое Православие, что такое — быть православным. Научить этому нельзя — к осознанию себя в вере вы должны прийти сами. Об этом неплохо иной раз задуматься. Готовы ли вы всякому, требующему у вас ответа в вашем уповании, дать ответ, как велит св. апостол Петр?

Однажды меня подвозили на машине до Платины, и водитель спросил: «Можете ли Вы за пять минут рассказать, что такое русское Православие?» Нечто подобное предстоит и вам, готовьтесь ответить серьезно и глубоко, не кивая лишь на бороды и рясы. Часто люди познают истинную веру в мелочах: перекрестился ли человек перед трапезой, висит ли у него икона в углу. С этого начинаются расспросы о вере.

Вот наиболее очевидные, с которыми вы непременно столкнетесь:

1. Почему нельзя совершить самоубийство? Многие молодые люди уходят из жизни, не найдя в ней смысла. Вы можете указать смысл жизни? Может, вы и знаете кое-что поверхностно о христианстве, а сможете ли вы передать веру кому-либо, спасти кого-либо? Это — апологетика, ее вам читают в семинарии.

2. Почему нельзя вступать в секты? Дзен-буддизма, Джима Джоунза, Харе Кришна, мунитов и пр. Чем они плохи? Вам читали курс по сравнительному религоведению, отнеситесь к нему с полной серьезностью, дабы ответить на эти

вопросы. Вы должны различать религию истинную от ложной.

3. Что плохого в «новом воплощении» христиан или в новоявленных «чудесах»? Легко порицать их среди тех, кто их не приемлет. Но попробуйте убедить тех, кто уверовал либо в одно, либо в другое — не удастся, если вы сами не разберетесь, что в этом плохого. И да будет вам известно — многие из таких христиан всей душой чают Православия, и стоит им услышать чей-то рассказ о том, как человек пришел к вере, как они сами тянутся к Церкви и приобщаются веры.

Нельзя просто «считаться» православным, потому что православные родители или соседи. Нужна вера сознательная и отчет о ней, возможно, придется дать в любую минуту. И, конечно же, нужно четко представлять, что такое Православие...

Надеюсь, вы задумаетесь и поймёте важность живого православного слова.

Протестанты, разумеется, скажут: ваше Православие мертво. Службы у вас на непонятном языке, много бессмысленных ритуалов, в церкви мало кто молится.

Суждение такое поверхностно. Хотя многие из нас именно такие, мертвые духом православные.

Св. прав. Иоанн Кронштадтский — пример живой веры, живого слова. Читая каноны, он останавливался, чтобы пояснить прочитанное. Всё, что он делал, напитано живой верой.

Спасение дается нам Церковью — богослужениями и молитвами, но и впрямь вера наша мертва, если не вложить всё усердие, весь пыл сердца.

Откуда черпать знания? Присматривайтесь к тому, что происходит вокруг. За трапезой внимайте чтению из житий святых, еще в земном своем бытии уподобившихся Ангелам. Мирские люди и слыхом не слыхивали о таком, у вас же есть возможность, было бы только желание.

Св. Иоанн Златоуст учит, что нельзя спастись, не читая духовных книг. Конечно, бывают исключительные обстоятельства (в тюрьмах, концлагерях и пр.) Но какой ответ будете держать вы, коли не используете свои возможности?

Какие книги читать? — Св. авву Дорофея, «Невидимая брань», св. прав. Иоанна Кронштадтского, о. Димитрия Дудко «Наша надежда».

Мир только-только осознал, сколь неисчерпаемо богатство Православия, дарованное нам. Пророчество преп. Серафима о возрождении России сбывается…

К концу беседы подошел Владыка Лавр с русским писателем Владимиром Солоухиным (автором книги «Темные лики»), который также коротко выступил и ответил на вопросы. Он не чужд религии, иногда ходит в церковь в Москве. (Говорит: «Мы все крещеные»). Рассказал о переменах в России к лучшему, что позволило ему печатать свои книги (содержащие мирские оценки церковной жизни). Очередная его книга «Оптина пустынь» должна выйти в Москве зимой. Книгу проф. Концевича об Оптиной не читал и пожелал познакомиться с ней. В заключение очень метко отозвался о современном искусстве: «Можно написать стих без рифмы, или без ритма, или без смысла, но когда в стихе нет ни того, ни другого, ни третьего, это уже не поэзия». Очевидно, в русском искусстве осталось нечто и от былых традиций…

Декабря 11/24-го, понедельник.

В три часа дня первое собрание участников Паломничества в зале семинарии. Я сидел с о. Киприаном во главе стола, переводил его речь, потом вопросы и ответы.

Служил всенощную, волновался, наделал кучу ошибок. Нет, я всё-таки не «профессионал», что, может, и к лучшему. Несколько стихир пропели по-английски.

После всенощной о. Иоанникий навестил меня (он же сопровождал меня в субботу на кладбище), рассказывал о своих горестях и заботах. И впрямь, у него тяжкая жизнь и нет необходимой помощи.

Декабря 12/25-го, вторник. Память преп. Германа.

Немного поспав, в семь утра уже совершал проскомидию. Тоже волновался, даже больше, чем перед грядущей лекцией. Но всё прошло удачно, ошибок на этот раз было меньше. Служило двенадцать священников. Получилось очень празднично. Отец Валерий в проповеди уподобил преп. Германа Аляскинского преп. Серафиму Саровскому. Владыка Лавр разрешил мне на отпусте благословлять народ иконами преп. Германа, которые я привез с собой, и я раздавал их верующим, когда подходили прикладываться к кресту.

Вскоре после завтрака все собрались в семинарском зале. Отец Георгий сказал вступительное слово, Владыка Лавр приветствовал

меня, после чего я выступил со своей лекцией «Православие в США»*. В основном читал заранее подготовленный текст, лишь иногда отвлекался. Присутствовало 130 человек, слушали внимательно.

Потом было живое обсуждение, в основном задавались вопросом: как сохранить в себе православную веру, что свидетельствует о вдумчивости моей аудитории. Кое-кто высказался за издание житий святых для детей, что, несомненно, является первостепенной задачей.

После обсуждения о. Георгий рассказал о нашем монастыре в Платине, о том, сколь светло и покойно там на душе, показал слайды, которые сделал, пока гостил у нас. Затем свои афонские слайды показал о. Владимир (Мальченко), особенно поразил вид опустелых русских скитов, разрушающихся на глазах. Завершил Паломничество Владыка Лавр, поблагодарил всех, но как-то серо и buднично. Потом побеседовать со мной подошло несколько человек, в том числе и молодой новообращенный из протестантов... Было выставлено много книг из нашего монастыря, некоторые люди брали адреса из Кестон колледжа русских и румынских православных.

Позже о. Валерий пригласил меня к себе в келью, посетовал на безделье и плохое отношение Синода. Всё это, конечно, тревожные симптомы в нашей церковной жизни.

После ужина и службы ко мне пришел брат Евгений, тоже грустный. Его удручает вялость монастырской жизни. Я посоветовал ему не ставить себя слишком высоко.

Заглянул о. Илларион, спросил, можно ли напечатать мою лекцию в «Православной жизни», потом пришел и долго беседовал со мной о. Давид, молодой рясофорный монах. Расспрашивал о религиозном фанатизме, о том, как донести Православие до простых американцев, о чересчур ревностных верующих, которые по «постным» и «скоромным» этикеткам на продуктах, которые вы покупаете, судят о вашей вере. На что я сказал, что читать этикетки и выбирать по ним постную пищу не так уж и плохо, но нельзя навязывать это другим. Поговорили мы и о «сверхправильном» приходе в Ипсвиче, где сменили русские песнопения на греческие — более «каноничные». Почти во всём мы сошлись во мнениях, это меня обнадежило: всё-таки сохранился еще здравый взгляд на церковную жизнь.

По слухам знаю, что в трапезной допоздна обсуждали мою лекцию. Значит, вызвала интерес...

---

* Полный текст лекции опубликован в журнале «Православное Слово» № 94, 1980.

Декабря 13/26-го, среда.

Лег спать лишь в час ночи и проспал всю утреню, а когда зазвонили на литургию, я спросонья решил, что еще утреня, в общем, и тут опоздал. Пошел попрощаться с Владыкой, с отцами, поговорил с братом Фомой и Филиппом Грэмом, сыном дьякона из Ипсвича. Он тоже обеспокоен «сверхправильным» креном в их приходе. Всё-таки у молодых очень здравый подход, и это обнадеживает.

Отслужив литию у гробниц митроп. Анастасия и архиеп. Тихона (странно, я не видел могилы архиеп. Аверкия), я со своим крестным отцом, Димитрием*, отправился дальше.

Поездка в Джорданвилль оправдала себя, хотя живи я здесь — быстро бы увял душой. Многие страдают от уныния и однообразия здешней жизни. Верно, попахивает «зеленой тоской». А вдохновения или просто поддержки не дождешься, даже жития святых в трапезной читают, бубня себе под нос, так что едва слышно. А Владыка Лавр нарочито избегает собственных оценок и комментариев. Монахи здесь «тянут лямку». Впрочем, многим на пользу и такая жизнь. Но я бы не выдержал. Наша пустынь в Платине совсем иная.

Ближе к полудню мы с Димитрием отправились в путь, через весь штат Нью-Йорк к Ново-Дивееву. Задержались мы там, правда, всего на час. Я успел кратко навестить матушек Серафиму, Гавриилу, Марию, сестру Дарью. Побывали на могиле архиеп. Андрея (о. Адриана)...

К ужину приехали домой к о. Димитрию в маленький приятный городок Уголок Свободы, по духу напоминающий деревню. Я познакомился с его семьей, в т. ч. и с моим крестным сыном Николаем, умственно отсталым мальчиком. Ничто его не интересует, лишь Церковь. Он мечтает стать монахом. А в целом очень хорошая, благочестивая русская семья: две вполне нормальные дочери, мать и бабушка.

После ужина пошли в гости к одному из прихожан, он живет поблизости. Я отслужил там недолгий молебен, побеседовал с шестерыми учениками приходской школы о «подвиге», духовном борении, привел примеры из житий св. апостола Фомы, мучеников раннего христианства, епископов, пустынников, современных миссионеров в Уганде, многострадального русского народа. Рассказал и о нашем монастыре, о наших братьях меньших — зверушках — детишки были в восторге, да и взрослые тоже...

---

* Димитрий Андро де Ланжерон.

Декабря 14/27-го, четверг.

Сегодня отдыхал, писал письма, открытки. Отказался от предложения (одного из вчерашних моих собеседников) посмотреть Нью-Йорк, посетить Синод.

Вечером приехали двенадцать русских — прихожан Нью-Брунсуика. Я и им рассказал (по-английски) о подвижничестве, о страждущей России, о ее духовном возрождении, об о. Димитрии Дудко, об Африке и тамошнем миссионерстве...

Декабря 15/28-го, пятница.

Еще один день отдыха. После обеда едем с Димитрием в Пенсильванию, в гости к о. Деметросу Серфесу. Он беседовал со мной в Джорданвилле и очень зазывал к себе. Несколько часов ехали по холмистой живописной Пенсильвании. Остановились в Гаррисбурге на берегу живописной реки. Там купили мне билет на поезд от Нью-Йорка до Кливленда и к вечеру приехали к о. Деметросу.

После трапезы мы все втроем пошли в церковь к о. Деметросу (где раньше располагались протестанты). Уютная, с красивым иконостасом, хорошими иконами. Отслужили канон Богородице. Отец Деметрос поет не очень хорошо. Я же пел стихиры на русские мелодии, прихожане — на греческие.

После молебна побеседовали с людьми (их было вместе с детьми человек 15). «Православие сердца» — так можно определить тему беседы. Говорил о борении, о том, как важно ценить духовные наши сокровища, нашу свободу, о том, как страдает Россия, и о помощи тамошним православным (раздал несколько адресов), об опасности «удобной» духовной жизни, о том, как важно, чтобы Православие вошло в сердце, а не только в разум. Приняли хорошо, задавали много вопросов, как сохранить Православие в собственной душе и в душах детей. Сказал я и о «правильности», этом извечном камне преткновения, и том, что мы зачастую не применяем православные принципы в собственной жизни.

После церкви мы вернулись домой к о. Деметросу (его дом отстоит на милю) и за ужином продолжили разговор... Димитрий очень устал и отправился спать, а мы с о. Деметросом проговорили до 3-х или 4-х часов утра. Он не так прост, каким показался поначалу, прекрасно видит все разногласия в Церкви. «Прощупал», какова моя позиция по некоторым вопросам, например, относительно архиеп. Феофана Полтавского...

Декабря 16/29-го, суббота.

Немного поспав, мы позавтракали в местной гостинице, ее владельцы — прихожане о. Деметроса. Лишь к полудню тронулись в путь. От его церкви — этого православного форпоста — осталось очень хорошее впечатление. Теперь наш путь лежал к о. Валерию Лукьянову в Лейквуд (штат Нью-Джерси). Недалеко от Филадельфии попали в затор и в Лейквуд приехали лишь в 4 часа дня. Успей мы добраться туда утром, я бы смог побеседовать со школьниками.

Всенощная началась в 5 часов. Я служил и помогал о. Валерию исповедовать. Утром в воскресенье очень многие будут причащаться Святых Таин, поэтому на исповедь пришло более ста человек. Некоторые — с очень серьезными заботами и бедами. Постарался помочь, чем мог. После службы поужинали, и я лег спать. Отец Валерий принял меня весьма радушно, было приятно познакомиться с его матушкой и детьми.

Декабря 17/30-го, воскресенье.

Утром снова помогал исповедовать, потом сослуживал о. Валерию... выступил с проповедью по Евангелии — «Много званных, да мало избранных».

После литургии в огромном зале рядом с церковью устроили трапезу, и я выступил с речью. Сначала говорил по-русски (рассказал об истории и нынешнем положении нашего монастыря), потом обратился на английском к молодежи, призвал их беречь веру, глубже проникаться ею. Привел примеры заблудших православных, тех, кто искал Истину вне веры и, не найдя, возвращался к Православию; поведал о бывших протестантах — наших новообращенных.

Закончил опять на русском, обратившись ко «взрослой» аудитории...

Потом ко мне подошли несколько человек. У одного сын, пройдя увлечение буддизмом, наркотиками, хотел было вернуться в Православие, но его остановил о. Мардарий и сказал, что нужно полтора года каяться и только затем можно причащаться Святых Таин. Рассказал, что сын теперь учится в университете, хочет стать миссионером среди таких же бедолаг, каким был сам. Я сказал этому человеку, чтобы присылал сына к нам...

Трогательно попрощавшись с о. Валерием, под колокольный звон (звонарями были его дети) мы с Димитрием отбыли...

Мы приехали в Нью-Йорк на вокзал за 15 минут до отхода поезда. Пяти минут мне достало — я понял, что город этот более видеть не хочу. Попрощался с Димитрием... и тронулся в обратный путь.

Декабря 18/31-го, понедельник.

В восемь утра был уже в Кливленде, едва успел высадиться со своим немалым багажом. Меня встретил о. Феодор, у которого я и скоротал день. Этот батюшка для меня — воплощение нашего американского Православия: молодой, скромный, старающийся по мере сил. Он не ждет великих миссионерских дел, а тихо и смиренно стоит на страже веры. Дай Бог ему сил и духовных плодов. С нами почти весь день пробыл Давид — он вскорости собирается принять крещение. Удалось немного поговорить и с ним. В шесть вечера отслужили вечерню на английском. Присутствовала еще одна семья.

Декабря 19-го / января 1-го, вторник.

В четыре утра совершили литургию, «хором» был о. Феодор... Настоящая катакомбная служба, очень воодушевившая нас обоих. Вот так, казалось бы, малым, мы и сможем сберечь нашу веру.

Выпили кофе, о. Феодор проводил меня, и мое путешествие, слава Богу, на том закончилось.

Я вовремя успел в Чикаго к поезду, пришлось даже прождать несколько времени на вокзале. В вагоне-ресторане за моим столом сидел некто из Дейтонвилля, но никаких «миссионерских» разговоров я не затевал.

Декабря 20-го / января 2-го, среда.

Память св. прав. Иоанна Кронштадтского. В покое в поезде пишу дневник, обдумываю статью о Туринской плащанице. За обедом семья из Уотсонвилля — мать и дочь — выказывала лишь обычный вежливый интерес к Православию.

Декабря 21-го / января 3-го, четверг.

Последний день в пути. Самые живописные места — калифорнийские горы. На восточных склонах лежит снег, а на западных тепло (около +20°). Возможно, и у нас в Платине будет не так холодно нынешней зимой.

Уже при подъезде к дому случилось у меня еще одно миссионерское знакомство. Рядом сел длинноволосый (но безбородый) парень по имени Рик, он захотел «проверить», что представляет собой моя духовность. Сам он из Денвера, из очень религиозной семьи, однако примкнул к секте «Урантия» — поиск истины с помощью медитации и пр. Направляется в Сан-Франциско поближе познакомиться со своими единоверцами, а заодно присмотреть что-либо еще духовное. Я указал ему, сколь опасны такие блуждания и отход от истинной веры, рас-

сказал о нашем монастыре, об архиеп. Иоанне и посоветовал сходить в усыпальницу Владыки и попросить наставить на путь истинный. «Почему это я должен просить кого-то, когда могу обратиться прямо к Богу?» — недоумевал он. Я ответил: «Потому что Владыка Иоанн ближе к Богу, чем ты, и может помочь». Пригласил его к нам, отдал ему два оставшихся номера «Православного Слова»: об И. М. Андрееве и о нашем Паломничестве 1978 года. Он поблагодарил и ушел. Какой самонадеянный парень! Да возрастет в нем зароненное семя и поможет спастись!

Выводы после поездки. Прошла успешно, было много полезных встреч. Во многих уголках Америки живут православные, не прекращающие борения, и замечательно, что мы помогаем друг другу.

Ни у кого нет таких возможностей, как у нас, печатать необходимую для православных воителей литературу. Значит, нужно удвоить усилия. К нам может прибыть пополнение — следует подготовиться к этому. Необходимо направлять и сестер наших на стезю плодотворного труда.

Мы должны и в состоянии задавать тон нашим православным — не «правильности», а сердечной веры. Дай нам Бог силы и мудрости!

Икона святой блаженной Ксении Петербургской, бездомной скиталицы. Написана о. Феодором Юревичем, находится в скиту блаж. Ксении.

91

Сестры

О Ксение славная, яко мудрая дева в полунощи жития твоего Жениху Христу во сретение изшла еси, светильник пламенеющий любве Божия носящи.

Стихира из Службы блаж. Ксении Петербургской.

В 1966 ГОДУ, вскоре после смерти архиеп. Иоанна, о. Германа пригласили в Приют свят. Тихона, где г-жа Шахматова отобрала для Братства кое-какие бумаги архиепископа. Она предоставила им для публикации все его архивы, отыскала рукопись так и не увидевшей свет службы блаженной Ксении Петербургской (в то время еще не причисленной к лику святых), известной юродивой XVIII века, творившей чудеса. Отцу Герману и о. Серафиму была особенно близка эта Божия угодница, современница преп. Германа Аляскинского. Возможно, они даже встречались в Петербурге.

В 1968 году, предваряя ее скорое прославление, отцы опубликовали посвященную блаж. Ксении службу на русском языке. Одновременно они записывали все известные чудеса, сотворенные ее небесным покровительством. Будучи на небесах, блаж. Ксения видимо помогает женщинам наших дней, особенно тем праведницам, которые терпят нападки нигилистов за исконные женские добродетели.

В 1971 году печатая материалы о недавних чудесах блаж. Ксении, о. Серафим задумался: а чем может Братство воодушевить женщин и подвигнуть их на православный монашеский пустыннический путь? И когда через несколько лет в их монастыре действительно появились искательницы монашества, он начал истово молиться о них блаженной Ксении.

Великим постом 1977 года новоявленные сестры прошли курс Богословской Академии Нового Валаама, прослушали записанный на кассеты в 1975 году «Курс православного выживания» о. Серафима. Первоначально мысль о помощи женщинам высказал о. Герман на первом паломничестве в Джорданвилле в 1973 году: неплохо было бы открыть женскую семинарию, чтобы готовить монахинь и жен священников.

После рукоположения о. Серафима Мария, Соломония и их приятельница по протестантской общине Нэнси переехали сначала в Этну, а потом и вовсе обосновались в домике для гостей на склоне монастырской горы в Платине. Они раздумали ехать в Ново-Дивеевский монастырь — Платина более соответствовала их духу: будучи американками, они искали монастырь с миссионерским «уклоном» для новообращенных. Им хотелось участвовать в создании православной общины. В домике для гостей, носившем имя блаж. Ксении (а имя это переводится как «странница»), женщины каждодневно молились, помогали отцам в трудах печатных, записывали начитанные на кассеты переводы. Барбара же по обыкновению держалась особняком, жила в чаще леса, в монастыре показывалась лишь изредка.

В 1978 году блаженную Ксению причислили к лику святых, о. Серафим перевел до конца посвященную ей архиеп. Иоанном службу. Ее опубликовали в «Православном Слове». Отцы также молили блаж. Ксению о предстательстве перед Господом, просили ее помочь монашествующим сестрам.

К ТОМУ ВРЕМЕНИ (как и предполагали отцы) пополз мерзкий слушок, что в Платине они завели целый «гарем». Но теперь ничто уже не могло поколебать решимости о. Серафима. Услышав от о. Алексия о сплетнях, он лишь посуровел и твердо сказал: «Что ж, очень жаль. Женщины эти хотят того, что не в силах дать церковная организация, так кто же кроме нас поможет им? Что ж, пускай старушки судачат, а мы на свой страх и риск будем продолжать».

Отец Алексий продолжает: «По его словам я понял, сколь безразлично ему мнение людей, не понимающих, что собой представляют отцы. Подобное отношение он являл не раз и не два».

Конечно, отцы понимали, что теперешнее положение их помощниц и радетельниц шатко и двусмысленно. Им нужен был свой собственный скит — в отдалении от монастыря, где они могли бы все вместе трудиться во имя Божие. Разъезжая по окрестностям с поручениями отцов в миру, сестры всё более и более тянулись к уединению в

пустыни. Они уже и без того обустроили свой быт наподобие жизни в скиту. И очевидно, вслед за самим Братством преп. Германа их общине предстояло превратиться в монастырь.

На занятиях Богословской Академии Нового Валаама сестрам рассказывали о великом множестве праведниц-монахинь прошлого, особенно героинях «Северной Фиваиды», которую отцы только что завершили и опубликовали. Им и самим стало ясно, каким должен быть женский скит.

В 1979 году будучи на Афоне, о. Герман в беседе с о. Никодимом спросил его мнение о женском монашестве в Америке. Отец Никодим поддержал его и благословил на покупку земли, где бы стоял женский скит. Для пострига первой монахини он отдал свою мантию, камилавку и параманд. Сказал, что не стоит бояться никаких препятствий, ибо всякое место, где творится молитва Иисусова, есть свет миру. Добавил, что необязательно женскому скиту иметь официальный статус или принадлежать какой-либо церковной организации, а можно следовать примеру независимых афонских монастырей.

Беседы с о. Никодимом, всё увиденное на Афоне укрепило уверенность о. Германа: правильно живет их монастырь в Платине, неподдающийся всяким «организациям». Вернувшись, он и о. Серафиму предложил съездить на Афон. Но тот отказался, дескать, американцы должны создать Афон в сердце своем. Вдохновясь этим, с благословения о. Никодима они начали подыскивать землю для скита блаж. Ксении.

К тому времени отцы уже выплатили все деньги за свой участок. Разумно было бы устроить женский скит по соседству, но, увы, земля там не продавалась. Им посоветовали купить надел в районе старого поселения лесорубов Чащоба, в 12-ти милях к западу от монастыря. Там еще стояло несколько домов, был магазин и непременная пивная. Но и здесь не удалось обосноваться, оказалось, участок уже продан. Что же, решили отцы, видно не очень это место угодно Богу. Им предложили другой участок, невдалеке от первого, чуть дальше от поселения, что было лишь на руку отцам. Они съездили туда зимой и утвердились в своем благоприятном мнении: их встретил ельник (в отличие от сосен и дубов в Платине), протекала там и речушка, невдалеке был родник. Располагался участок выше в горах, нежели платинский монастырь.

Землю купили. На месте будущей церкви расчистили снег (на метр глубиной) и прямо на морозе отслужили первую литургию. На следующий год заложили фундамент церкви, а сестры построили домик с часовней — там и жили.

Отцы Серафим, Герман, Алексий Янг, чтец Владимир Андерсон, сестры и паломники у новой часовни в скиту блаженной Ксении Петербургской. Август 1979 г.

Итак, у сестер появилось собственное пристанище. Поначалу тихой обители не получилось: волнения и тревоги снедали сестер, указывая, что путь ко спасению не в спокойном довольстве, а в постоянной духовной брани.

Духовником сестер стал о. Серафим. Окормляя монашествующих, они с о. Германом обнаружили, что у женщин в монастыре иные заботы, нежели у мужчин. Сестры Ксениевского скита во многом превосходили мужчин-послушников выносливостью и духовной зрелостью. Мужчины, увы, являли меньше чуткости, «душевной тонкости» и больше неуверенности в себе. Были свои «бесовства» и у женщин, например, злопамятность. Мужчины сразу высказывали свои обиды и недовольства. Женщины подолгу хранили их в сердце и «пережевывали». Гнев мужчин быстро возгорался, но и быстро угасал, женщины обид не забывали и подолгу вели «холодную войну».

18-го ноября 1979 года о. Серафим провел с будущими монахинями беседу, дабы утвердить их в основах монашества — основах христианства, что помогло бы им бороться с бесовством и собственным

падшим естеством. Многие советы о. Серафим почерпнул у Аввы Дорофея, поучения которого сестры читали. «Вы должны построить жизнь, приближенную к монашескому идеалу, — наставлял их о. Серафим, — он внесет смысл в жизнь, она сделается более плодотворной. До сих пор вы жили, полагаясь в основном на свою волю. Это понятно, не сразу начинаешь прозревать, чего истинно хочешь. Но увидев тщету своеволия, каждая из вас сделала шаг к монашескому идеалу. Монашеская жизнь не дается сама собою, она — итог упорной работы, напряжения, осознания ответственности за свои дела, попечения о них. Вот принципы, которые вам надлежит усвоить, и жить соответственно:

1. *Любовь и прощение.* Старайтесь не обижать друг друга, а коли обиделись — простите. Да не зайдет солнце во гневе вашем или в холодном небрежении (Св. Иоанн Кассиан не разрешал даже молиться в монастырской церкви, покуда обиженный не прощал обидчика). Если уж не можете с легким сердцем простить, тогда хотя бы осознайте свою вину, а не ищите причины в другом. Причина — в вашем хладном сердце. Даже сама мысль: «А кто виноват?» свидетельствует о том, что вы стараетесь оправдаться.

2. *Откровенность друг с другом.* Вы должны знать, что делает ближний. Поутру приступайте к своим трудам, а на всякое дело, к ним не относящееся, испрашивайте благословения.

3. *Совместная жизнь, богослужения и трапезы.* В часовне проводить полный круг служб ежедневно. Раздельные у вас лишь кельи и келейное молитвенное правило, всё остальное совершается совместно. Каждая обязана петь в церкви.

4. *Радение о деле.* Авва Дорофей очень много полезного пишет об отношении к работе. Нельзя работать с прохладцей, спустя рукава.

5. *Глубокое смирение* относительно себя самих. Мы должны думать: «Я — падший, греховный человек, Господи, помилуй!» И надобно помогать таким же, как мы грешникам».

ЧЕРЕЗ месяц в своем джорданвилльском дневнике о. Серафим писал: «Сестер нужно направлять к плодотворной работе». Но сперва предстояло уладить вопрос куда более важный, нежели мелкие распри меж сестрами. Хотя отцы и пытались наладить их совместную жизнь, у каждой сестры были свои чаяния. Барбара, например, стремилась к пустынничеству. Мария более всего хотела служить Богу и ее привлекала жизнь в общине, но она честно призналась отцам, что не хочет принимать постриг. Нэнси, напротив, жаждала монашества, но не

обладала твердостью и решимостью Барбары. А Соломония вообще еще не решила: то ли идти в монахини, то ли обзаводиться семьей.

Из-за отсутствия общей цели в монашестве, из-за разброда в чувствах и мыслях Барбара так и осталась жить в лесу, иногда навещая устроенную для нее в Этне «келью игумена Назария». Отцу Серафиму, как духовному наставнику женского скита, приходилось ездить в Чащобу служить литургию. Возвращался он с тяжелым сердцем. Вскоре ушла Соломония, предпочла работать медсестрой в Рединге. Правда, и там она старалась помогать отцам печатать «Православное Слово».

Отцы истово молились, испрашивая, что делать дальше. Будет ли в Чащобе скит? Неизвестно, куда определить Марию, — не выгонять же ее! — она деятельная, полная сил, желания работать, и нельзя отказываться от ее призвания служить Господу.

Тем временем миссии Братства разрастались. Требовалось их объединить каким-то журналом или газетой, что задавало бы тон движению американских православных. Уже давно отцы замышляли газету святоотеческого толка для самого широкого круга, она бы рассказывала о значительных событиях православной жизни в Америке, позволяла бы всем американским православным (независимо от их убеждений) делиться своими мыслями и мечтами. Много лет о. Герман сетовал, что не хватает газеты, чтобы объединить православных всех «юрисдикций», чтобы она привечала, а не отталкивала людей.

Однажды некий новообращенный в Православие после тяжких побоев попал в больницу и находился при смерти. Монастырская братия уже принялись копать могилу, а о. Герман, Мария и Барбара поехали навестить умирающего. В пути несколько раз отказывала машина, с трудом и испытаниями всё же добрались до больницы. Болящий уже отходил. Начали молиться. Умирал он тяжело, в страданиях, но настроение у всех было сосредоточенно молитвенное. В эти минуты, по сути дела, и решалась судьба будущей газеты «Православная Америка». Позже о. Герман пояснил: «Всякое старание послужить Богу и людям рождается общими страданиями, ибо страждать — самое главное в жизни».

На обратном пути мотор заглох окончательно (в городке подле горы Шаста!). Пришлось звонить о. Алексию Янгу, просить, чтобы приехал и довез их, пока их машину будут ремонтировать. Отец Герман понял, что сейчас — самое время обговорить планы будущего издания. Он чувствовал, что его спутники и о. Алексий внутренне противятся. Значит, нужно уничтожить страх, засевший в их душах. Ясно, что им

препятствует дьявол. Отец Герман помолился и начал рассказывать о том, что новая газета будет продолжать темы недавно закрытого «Никодима» (из-за пастырских забот о. Алексия), о том, что она принесет пользу всем юрисдикциям, ибо будет стоять выше групповых интересов. Платинский монастырь поддержит начинание и материально: оплатит аренду домика-прицепа, где разместится редакция.

По просьбе о. Германа, заехали сначала к о. Алексию, отслужить молебен о начале нового дела. Зная, какие козни строит в таких случаях дьявол, о. Герман сказал, что лишь чудо спасло их от аварии на дороге. К концу молебна все уже готовы были поддержать начинание с газетой. Однако они и не представляли, какие силы будут противостоять этому. Силы эти хорошо знал о. Серафим за годы служения Богу.

8-го июня 1980 года, отслужив литургию и совершив два крещения в приходе Рединга, о. Серафим беседовал с о. Алексием и Марией о будущей газете. Отслужили еще один молебен и провозгласили рождение «Православной Америки».

Первый номер вышел в июле. Отец Алексий — редактор нового издания — послал собранный материал в Платину. Мария, жившая в арендованном домике-прицепе, набрала все тексты, придумала соответствующее оформление. В это богоугодное дело она вкладывала всю душу, утоляя жажду миссионерства.

Отец Серафим всегда был готов помочь «Православной Америке», как некогда помогал и «Никодиму». После его кончины о. Алексий написал в газете: «Читатели знают, что о. Серафим был и постоянным автором и соредактором газеты. Помимо собственных подписанных статей, он опубликовал много переводов* (которые, как он полагал, не стоили благодарности) и ряд неподписанных его именем статей.

Но еще более важно то, что о. Серафим был совестью нашей редакции, ее вдохновителем и движителем, а порой и мягким укором, когда мы, как он выражался, «писали не по делу». Так что же является нашим делом? *Донести основы Православия как можно большему числу американцев*. И всего-то. Казалось бы, задача ясная и простая. Но это «всего-то» вырастало до гигантских масштабов. Он верил в нас, несмотря на наше глупое упрямство, более того — он верил в важность и ценность нашей работы»[1].

---

* В то время о. Серафим начал переводить самую известную работу свят. Феофана Затворника «Путь ко спасению». Она выходила частями в «Православной Америке», позднее предполагалось опубликовать книгу полностью. Но смерть помешала завершить перевод. Отец Серафим закончил только треть. Эту часть книги опубликовало издательство «Concilar Press» в 1989 году под названием «Raising Them Right».

В АВГУСТЕ 1980 года отцы готовились к постригу Барбары в скиту блаж. Ксении. В тот год Свято-Германовское паломничество закончилось поздно, многие гости остались на праздник Успения Богородицы. А на следующий день должен был состояться постриг. Но, словно в отместку дьявола, вдруг занялся лесной пожар меж Платиной и Чащобой. Сотни акров леса были охвачены огнем. Движение на дороге прервалось. Лишь рано поутру некоторым машинам удалось проскочить. Постриг всё же состоялся! В присутствии многих паломников перед Божественной литургией. Церковь в скиту была еще не достроена, поэтому служили прямо под открытым небом, на поляне, окруженной елями, — в своеобразной «еловой» часовне под небесными сводами.

Трогательное зрелище: монахи молятся в лесу подле большого деревянного креста и иконы Спаса — благословения старца Михаила Валаамского, на земле, которую благословил другой старец — с Афона и заповедал жить на ней американкам, бегущим из падшего мира сего.

Отец Серафим накрыл Барбару своей мантией, став тем самым ее «мантийным старцем». При постриге в мантию она получила от о. Германа имя Бригитты — первой святой монахини Ирландии. Отец Серафим и раньше подвигал ее познакомиться с западноевропейскими корнями Православия, почитать жития святых (особенно кельтских) и Отцов Церкви. Также ее новое имя, как полагали отцы, связано с Валаамом, ибо, по их разумению, Православие там насаждали ирландские монахи-миссионеры. На той же службе Нэнси стала рясофорной монахиней. После пострига монахиням полагалось три дня и три ночи, не покидая церкви (в данном случае леса), молиться о тех, кто остался в миру.

Отец Серафим остался духовником новых монахинь. Через неделю он снова навестил их и отметил в летописи, что застал их «в покое и радости».

На постриге были паломники даже из Лос-Анжелеса. Вернувшись домой, они сообщили своему Владыке, что «слава Богу, теперь в Северной Калифорнии есть монахини, молятся они прямо в лесу». Владыка незамедлительно позвонил архиеп. Антонию и спросил, знает ли тот, что творится у него в епархии? Архиеп. Антоний пришел в ярость: как без его указаний посмели провести «мероприятие» в его вотчине? Он тут же (как и предполагал о. Герман) позвонил в магазин в Платине и оставил отцам приказ немедленно связаться с ним.

«Ну, что будешь делать?» — спросил брата о. Серафим. Отец Герман знал, что архиеп. Антоний повелит сейчас же приехать в Сан-

Отец Серафим с братией, сестрами, паломниками у одного из трех крестов, воздвигнутых отцами при дороге в монастырь преп. Германа. 1981 г.

Франциско, и, даже не позвонив, отправился в путь. Отец Серафим с улыбкой благословил его.

Проехав семь часов при сорокаградусной жаре на машине-развалюхе, о. Герман предстал перед разъяренным старым архиереем. От злости тот задыхался и заикался. Посадив крамольного игумена перед собой, он зловеще спросил:

— Что вы натворили! В какое унизительное положение меня поставили. Мой сосед, Владыка Лос-Анжелесский, попенял мне на плохое руководство епархией: я, оказывается, знать не знаю, что творится у меня под самым носом. Вы же знаете правило: ни одна американка из Западной Америки не может быть пострижена вне обители игуменьи Ариадны. А вы, даже не спросив моего благословения, решились на такое своеволие! Да и не дал бы я ни за что

благословения! Потрудитесь объяснить, почему вы постригли эту женщину? Вы отдаете отчет, что вы наделали?!

Отца Германа речь эта скорее насмешила, чем напугала. Поэтому он нашел достойный ответ:

— А что такого в том, чтобы приобщить пустынничеству душу, уже десять лет готовящую себя к этому?

Архиепископ лишь твердил о «неканоничности» всякого женского монастыря, кроме русской обители в Сан-Франциско (расположенной в скверном шумном районе, с улицы постоянно доносится громкая «современная» музыка). Тут сердце о. Германа возгорелось праведным негодованием и, взывая к Владыке, он воскликнул:

— Как Вам не стыдно! Вам бы благодарить меня за то, что вытащили женщину из трясины современного общества, что дали ей возможность стать монахиней и заниматься миссионерской работой, что она живет на лоне природы, возрастает в монашестве на родной земле и служит примером для других! А то бы маялась в Сан-Франциско среди трущоб, среди русских женщин, ни слова не знающих по-английски. Она всего этого насмотрелась и не захотела начинать свою монашескую жизнь подобным образом. Слава Богу, что я помог ей обрести свободу.

Архиепископ не ожидал такого ответа. Он так и сел. Потом произнес то, что подсказало сердце:

— Спасибо! Да благословит ее Бог!

И сразу переменил тему разговора, предложив о. Герману пива (!)

Так мирно и счастливо закончилась эта не сулившая ничего хорошего встреча. Прощаясь с о. Германом, архиеп. Антоний спросил:

— Одного не понимаю, почему вы дали ей такое ужасное имя?

Отец Герман смекнул, что Владыка не только не знает св. Бригитту, но и вообще западных православных святых. Из-за узости своего православного мировоззрения он стал пленником своих же пустых страхов.

НЕСМОТРЯ НА благословение, архиеп. Антоний в душе не признал скита блаж. Ксении. Ни разу не поговорил с сестрами по душам, не включил их скит в список епархиальных монастырей.

Впрочем, скит прекрасно жил и без архиепископского признания. Под водительством матери Бригитты, четко представляя цели монашества, обитель блаж. Ксении бурно пошла в рост. Сестры достроили церковь (в традициях Северной Фиваиды), там проходили ежедневные службы, на литургии приезжали отцы Серафим и Герман. В 1981 году

туда приехала 17-летняя новообращенная, возжелавшая посвятить свою жизнь Богу, потом сестер еще прибыло. Построили себе бревенчатые кельи, сами валили деревья, заготовляли дрова, ухаживали за огородом, держали кур и коз, изготовляли четки и продавали — на те деньги и кормились. А случалось пойти на почту или в магазин, брали с собой «вьючную козу» и так шли лугом и лесом.

Некоторые паломники не понимали, зачем нормальные, студенческого возраста американки избрали такую жизнь. Не раз их обзывали «туристками». Местная газета преподнесла следующее известие под сенсационной «шапкой»: «17-летняя девушка вынуждена строить себе жилье». Но сестры, подобно мудрым евангельским девам, спокойно продолжали трудиться во имя Господа, не обращая внимания на молву.

Выпадали им и тяготы, но никогда не переставали сестры благодарить свою небесную предстоятельницу. Однажды им случилось увидеть в лесу блаж. Ксению: она ходила окрест и благословляла монастырь.

Не оставлял их пастырской заботой и о. Серафим. Пять лет спустя после его кончины в скиту собралось множество паломниц, чтобы провести традиционное летнее паломничество. Многим пришлось ночевать под открытым небом, кое-кто, незнакомый с лесом, побаивался гремучих змей, скорпионов, медведей, рысей, водившихся окрест. Однажды в третьем часу утра паломница, ночевавшая подле кельи «Успение», ясно видела высокого монаха с длинной седой бородой, в черном клобуке. Он медленно прошел по тропинке в двух шагах от женщины, низко склонив голову. Паломница не осмелилась заговорить с ним, полагая, что он молится. Удивилась она лишь тому, что он шел бесшумно — ни скрипа, ни шороха. А несколькими минутами раньше того же монаха приметила другая паломница. Она узнала в нем о. Серафима.

Следующей весной многие из этих паломниц приняли крещение, а потом и монашество. В Светлый четверг 1992 года десятерых из них постригли в монахини, и Христовых невест прибыло.

Сегодня скит — истинный рай для всякого истинно зрячего: повсюду яркие цветы, под высокими елями — часовня и пустыньки с иконами святых, подле которых останавливаются помолиться паломники. Сестры осязают свою небесную покровительницу рядом: икона запечатлела ее в платке и мужнином платье. Рядом — икона свят. Иоасафа Белгородского, одного из последних святых, прославленных в дореволюционной России. Ее прислал в благословение скиту афонский старец Никодим. Давно уже платинские отцы вверили сестер попе-

Монахини скита блаженной Ксении в «лесной часовне» (десятеро из них только что приняли постриг). Светлая седмица 1992 г.

Монахини перед своей церковью. 1991 г. Справа икона у источника преп. Серафима Саровского.

Церковь скита блаженной Ксении. Декабрь 1992 г.

чениям свят. Иоасафа, и вместе с блаж. Ксенией он охраняет американок, приходящих в скит с молитвой.

Еще при жизни о. Серафима сестры начали печатать жития праведных жен: подвижниц, святых, монахинь, тайнозрительниц, основательниц монастырей — «Современный материкон». Сестры задались целью воспитать своих соотечественниц с понятием о традиционном монашестве и о непостижимой встрече с Богом.

Словно в благодарность о. Никодиму они подготовили и издали два тома житий современных афонских старцев.

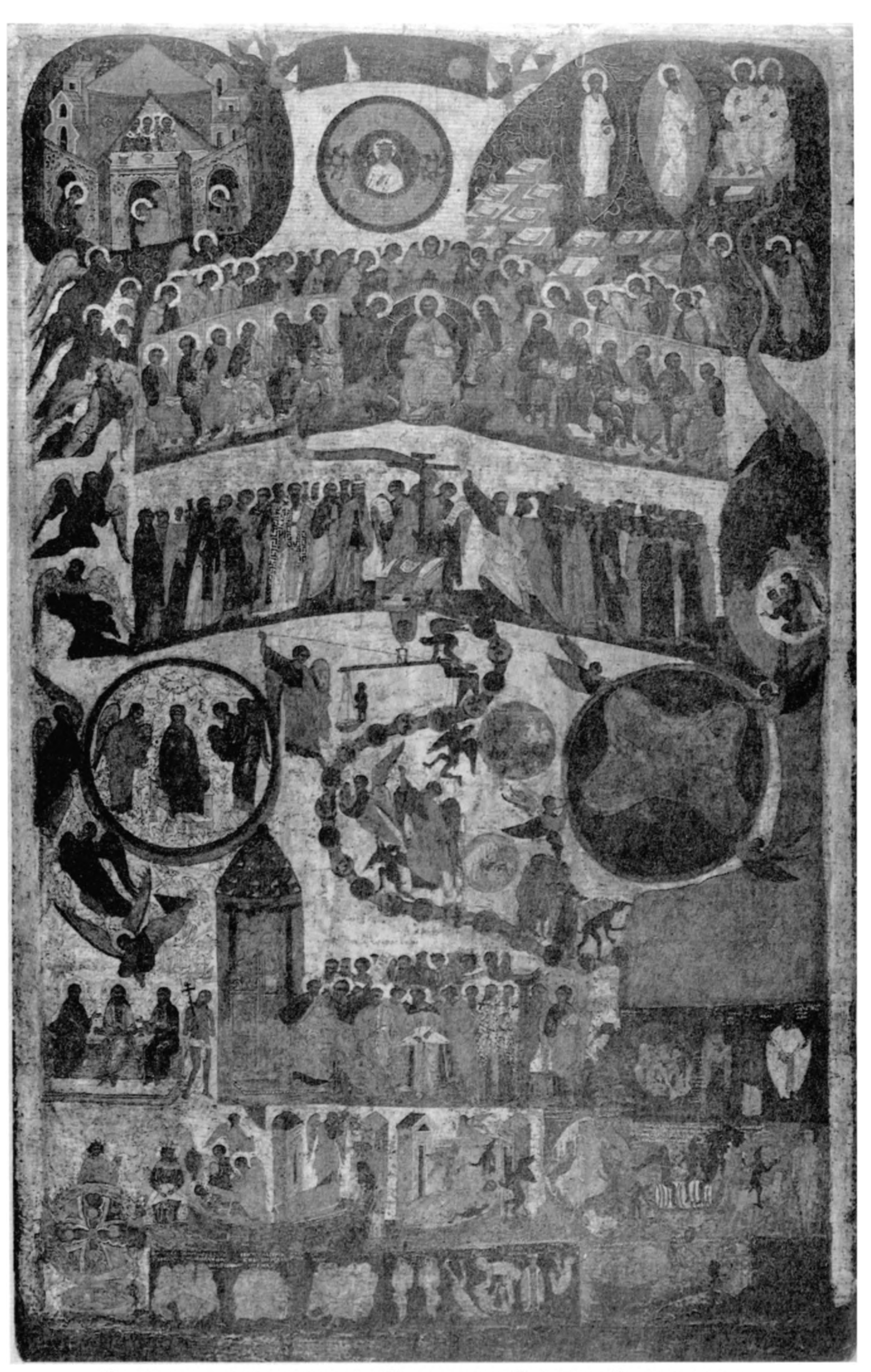
Отцы Герман и Серафим полагали, что Бог послал им послушниц, чтобы отцы помогали взрастить в этих женщинах стремление к подвижничеству, не загасив (как обычная церковная «организация») их рвения и пыла. Отцам пришлось выдержать нападки и церковных, и светских кругов, зато американки получили свое пристанище, смогли из книг узнать о подобных себе уже забытых пустынницах.

Сегодня, когда в миру осмеиваются такие христианские понятия, как добродетельность и целомудрие, особенно важно иметь подобные пристанища. Последовательницы жен-мироносиц могут в борении

стяжать целомудрие не только плоти, но и сердца, души, ума, дабы там достойно могла пребывать благодать Святого Духа. По словам о. Адриана, «они воздадут Богу и почести». И сохранят (во что бы то ни стало) самое главное, хранимое женщинами-христианками, — верность Жениху Небесному. Нося тяготы друг друга, принимая с любовью всякого приходящего, сестры могут создать спасительную твердь для утопающих в трясинах современного мира.

Недавно одна из сестер сказала: «Никогда за всю историю нашего скита, кто бы нас не посещал, жизнь наша не была легкой. Вечная борьба. Нам всегда помогала ревность к делу, к которому призвала мать Бригитта, — пустынь, совместная жизнь, издание подвижнических книг. В наш духовно скудный век женщинам оставляют не так много выбора. Но огонек, возгоревшийся в сердцах наших предшественниц, подвигает и нас жить в идеалах пустыни. Чтобы он не угас, нам нужно постоянно бороться с сонмищем бесов и с собственным падшим естеством. С болью сердца и в трудах мы стяжаем пустыннический идеал».

ЧАСТЬ XI

Старинная русская икона Страшного Суда, изображающая двадцать небесных судилищ.

92

Душа после смерти

Как ни дикою кажется умникам мысль о мытарствах, но прохождения ими не миновать.

Свят. Феофан Затворник[1].

ПРИМЕРНО за месяц до кончины о. Серафим, обсуждая со студентами Книгу Бытия, начал с вопроса: «Зачем нам изучать эту книгу? Разве мало нам заботиться о спасении души? Зачем же еще задумываться над тем, каким будет мир перед концом света, каким он был в начале мироздания? Куда покойнее занимать ум и сердце молитвой, а не размышлять о таких «высоких материях», так и до беды недалеко».

Сам же он и ответил на все вопросы, в заключение сказал о главном: «Наше христианство — это религия, которая рассказывает о том, что мы будем делать в вечной жизни, подготовляет нас к вечности, к *неотмирности*. Если мысли наши только о мире сем, кругозор наш сужен и мы не представляем, что ждет нас после смерти, откуда мы и куда движемся, в чём цель жизни. Когда же мы заговариваем о начале всего сущего или о конце, мы познаем, что такое жизнь в целом».

Простые слова не только выражают устремленность жизни самого о. Серафима, но и объясняют, почему он в своих работах одним вопросам уделял более внимания, нежели другим. С юности он стремился дойти до сути и предназначения человека, его бытия, потому и пытался познать начало и конец всего сущего. Потому в его работе так явственно чувствуется приближение последних времен, потому он выбрал такие темы, как «Царство человеческое и Царство Божие» и «Православие и религия будущего», читал лекции о конце света. Не случайно во время Свято-Германовских паломничеств он разбирал со

слушателями пророческие Книги Бытия, Книгу Пророка Даниила, Апокалипсис.

Помимо вопроса о начале и конце света, в христианской эсхатологии существовал еще целый пласт, не затронутый пока о. Серафимом: конец земного существования человека. И вопрос этот требовал тщательного изучения. Последней написанной им в жизни книгой была книга о самой смерти и о жизни загробной. Эта тема волновала его со студенческой скамьи. Сподобился он написать книгу не вдруг и не сразу. История ее такова.

В середине 70-х годов научный прогресс помог медикам выводить людей из состояния клинической смерти. И сразу же вспыхнул интерес к вопросам жизни и смерти. Отец Серафим писал позже: «В ноябре 1975 года вышла в свет книга молодого психиатра с юга, доктора Раймонда Моуди «Жизнь после смерти», подхлестнувшая интерес общественности к вопросам о смерти. Молодой исследователь не знал о ранее написанных на эту тему книгах, но уже по выходе книги стало очевидно, что это не «первая ласточка» и немало уже написано о смерти. Успех книги был ошеломляющим (разошелся более чем двухмиллионный тираж). Люди узнали о посмертных чувствах и ощущениях, в последующие несколько лет появилось еще немало книг и публикаций на ту же тему, написанных или прокомментированных виднейшими учеными и врачами.

В это время платинским отцам попалось на глаза письмо в журнале Греческой Архиепископии с вопросами о книге доктора Моуди. Автор письма интересовался православной точкой зрения на явления, описанные в книге, но редакция ответила, что в христианском богословии четкого учения об этом нет. В другом письме священник Греческой Православной Церкви написал автору книги, что «Православие не располагает конкретными гипотезами о том, какова загробная жизнь»[2].

Отцов удивила и огорчила такая позиция. «И это пишет пастырь! — в сердцах воскликнул о. Герман. — Всё Православие нацеливает человека на жизнь грядущую, а эти пастыри говорят: «Мы не знаем, что это такое». Зачем же тогда вообще пастырство?!»

Углядели отцы и опасность, исходящую от расплывчатой и туманной позиции этих «православных». Если простые люди увидят, что вера их не способна дать ответа на вопросы о загробной жизни, они обратятся к тем, кто нашел ответы (или полагает, что нашел). И ответы эти придут скорее всего от оккультных наук или парапсихологии.

И в монастырь Платины стали приходить письма с просьбой изложить православную точку зрения на, казалось бы, необъяснимые явления, описанные в книгах. Отцы поняли, что пора расставить точки

над «і», четко и ясно изложить православные взгляды на жизнь после смерти. Отец Герман начал убеждать о. Серафима написать статью, дал ему в качестве духовного великопостного чтения третий том свят. Игнатия (Брянчанинова) — проповеди о смерти. Прочитав (хотя книга была на русском), о. Серафим был потрясен. Собрату своему сказал, что даже не ожидал такой глубины прозрения загробной жизни и спросил совета: не лучше ли будет, дабы ответить людям на волнующие вопросы, просто-напросто перевести книгу свят. Игнатия на английский и отпечатать. Отец Герман возразил: нужен более современный взгляд на этот вопрос, пожалуй, учение свят. Игнатия стоит сопоставить с описанными посмертными переживаниями, равно и со взглядами оккультных наук (именно к их учениям люди обращаются чаще всего за ответами). Отец Герман съездил в город и скупил всю имеющуюся литературу на тему «жизни после смерти». Отец Серафим вскорости представил брату план — длинный перечень насущных вопросов, на которые необходимо ответить. Стало очевидно: статьей не обойтись — нужна большая книга.

В 1977 ГОДУ на страницах «Православного Слова» стали выходить главы книги о. Серафима «Душа после смерти». Автор изложил взгляды святых Отцов на загробную жизнь, накопленные Православием почти за две тысячи лет, опираясь на традиции подвижничества: жития отшельников и пустынников, чьему духовному незамутненному взору открывалась духовная реальность. О жизни после смерти писали многие святые Отцы: свят. Григорий Двоеслов, преп. Кассиан Римлянин, блаж. Августин, св. Иоанн Лествичник. И в более близкие нам времена учение это дополняли Отцы, тесно связанные с подвижнической традицией: свят. Феофан Затворник, старец Амвросий Оптинский, архиеп. Андрей (из Ново-Дивеева), сербский богослов, архим. Иустин (Попович), прот. Михаил Помазанский и, главным образом, архиеп. Иоанн (Максимович). К тому же, во многих древних церковных службах есть молитвы, в которых предвосхищается то, что ожидает душу по смерти человека.

Основной же опорой о. Серафима оставались писания еп. Игнатия (Брянчанинова). Говорят, о. Серафим дал людям XX века то, что свят. Игнатий — людям прошлого. Так же, как и свят. Игнатий, разоблачавший спиритизм в свете истинно православного учения о мире загробном, о. Серафим выступил против парапсихологии.

Он исследовал литературу о посмертных чувствах и видениях людей, книги по оккультизму и, следуя завету великого предшествен-

ника, «честно и полно обрисовал лжеучения, дабы убедительно доказать их неистинность и отвратить от них православных христиан». Подобно свят. Игнатию, о. Серафим обнаружил, что зачастую в неправославных книгах, описывающих фактические примеры «жизни после смерти», содержатся ярчайшие подтверждения православных истин. «Нашей целью, — писал о. Серафим, — является противопоставление православного учения, опыта святых учению оккультных наук и опыту людей современных. Если представить лишь православную точку зрения, она убедит лишь пребывающих в Православии. Сопоставив две точки зрения, мы, возможно, откроем глаза и тем, кто увлекся современными учениями, и они увидят, сколь велика разница меж истинным и ложным.

Хотя большая часть книги посвящена разбору этих двух точек зрения, не следует рассматривать книгу как простое изложение позиции Церкви, ибо автор привел и свои субъективные оценки. Поэтому правомерно ожидать и от православных читателей различия во взглядах. Насколько возможно, мы не смешивали конкретные, личные взгляды людей с основополагающим учением Церкви. Равно и учения оккультные (о внетелесных ощущениях, об «астрале») представлены «в чистом виде». Потом же мы просто сопоставили их со взглядами Православия на аналогичные явления. И в том, и в другом случае мы не касались происхождения таких «видений» и «ощущений». Допускаем их реальность с участием демонических сил, не приписывая «галлюцинациям». Пусть читатель решит сам, насколько оправдан наш подход»[3].

Как и в «Православии и религии будущего», о. Серафим в первую голову представлял сначала факты, а уж потом — их толкования. В первой главе он подробно остановился на посмертных ощущениях: отделение души от тела, «встреча с другими», «о светлых существах» и т. п. Всё это описывается как первые ощущения при наступлении «клинической» смерти, когда душа еще пребывает на земле и может вернуться в тело, «оживленное» врачами. Эти ощущения о. Серафим сравнил с описаниями святых Отцов, эпизодами в житиях святых, с рассказом православного серба, пребывавшего в состоянии «клинической» смерти около полутора суток.

Вторая глава посвящена разъяснению сути «светлых существ». Отец Серафим представил учение Православной Церкви об Ангелах, как святых, так и падших. В противовес теории Декарта (возрожденной в наши дни) — «всё, что не принадлежит миру материи, относится к

«чистому духу» — о. Серафим вывел, что Ангелы суть духи по отношению к человеку и материальны по отношению к Богу. Лишь Бог полностью нематериален[4]. Описав явления Ангелов и бесов (по православной литературе), о. Серафим продолжал: «До недавнего времени лишь немногие «старомодные» или «простодушные» православные верили этим рассказам буквально, и сегодня многие не верят им: столь велико современное заблуждение, что Ангелы и бесы суть «чистый дух» и не могут проявлять себя «материально». Правда, недоверие это пошатнулось: уж больно сильно воздействуют бесы на людей в последнее время»[5].

В третьей главе «Явление Ангелов и бесов в смертный час» о. Серафим описал, как «новопреставленный встречает двух Ангелов... Им надлежит проводить душу в загробный путь. Ангелы весьма конкретны и «материальны» и по облику, и по действиям. Обликом похожие на людей, они подхватывают «хрупкую» душу усопшего и влекут ее прочь»[6].

Глава четвертая «Видение небес» рассказывает о впечатлениях и ощущениях неправославных христиан, язычников, неверующих, даже самоубийц — все они утверждали, что попали в некий «рай» сразу же после наступления «клинической» смерти. Он заключал: «Очевидно, следует очень осторожно подходить к «видениям небес» умирающими... Почти все эти видения не имеют ничего общего с христианским учением о небесах и представляют собой не духовное, а мирское восприятие: так просто, так легко достижимы эти небеса, так «приземлены» в рассказах, что их трудно даже сравнивать с истинно христианским представлением о небесах (о чём рассказ ниже).

Тем не менее, все впечатления умиравших чрезвычайно важны, их нельзя отнести за счет бреда или «галлюцинаций», они относятся к переживаниям за пределами обычной земной жизни, к той сфере, что разделяет жизнь и смерть»[7].

В двух последующих главах излагается (в переводе на английский) учение свят. Игнатия (Брянчанинова), касающееся области, куда попадает после смерти человека его душа. Чтобы понять эту область, о. Серафим указывал на необходимость «рассматривать ее вкупе с человеческой натурой, какой она была до грехопадения, как изменилась после, какими способностями обладает человек, чтобы общаться с ду́хами».

В главе пятой «Поднебесное царство духов» о. Серафим вновь цитирует свят. Игнатия, дабы объяснить, как человек, ранее наделенный способностью чувственно воспринимать ду́хов, утерял этот дар в результате грехопадения. Теперь человек может видеть духов лишь при

некотором изменении чувств, которое совершается неприметным и необъяснимым образом. Человек может при попущении Божием, но не волей Его, вступить в общение с падшими духами, но без воли Божьей он не может общаться с Ангелами. «Святым Ангелам несвойственно принимать участие в деле, не согласном с волею Божиею, в деле, неблагоугодном Богу». Мысль, что в чувственном видении ду́хов заключается что-либо особенно важное, ошибочна.

«Чувственное видение без духовного не доставляет должного понятия о ду́хах, доставляет одно поверхностное понятие о них, очень удобно может доставить понятия самые ошибочные, и их-то наиболее и доставляет неопытным и зараженным тщеславием и самомнением. Духовного видения ду́хов достигают одни истинные христиане, а к чувственному наиболее способны люди самой порочной жизни»[8].

«Более ста лет назад написаны эти строки, — отмечал о. Серафим, — а злободневны и сейчас, столь точно подмечены искушения наших дней, когда «двери восприятия» (употребляя любимую фразу известного «исследователя поднебесья» Олдоса Хаксли) души человеческой распахнуты настежь, о чём и не помышляли во времена еп. Игнатия»[9].

В главе шестой «Поднебесные мытарства» излагалось святоотеческое учение о частном суде над каждой душой на третий день после смерти. Еп. Игнатий писал: «Необходимы суд и разбор, чтоб определить степень уклонения ко греху христианской души, чтоб определить, что преобладает в ней — вечная жизнь или вечная смерть. И ожидает каждую христианскую душу, по исшествии ее из тела, нелицеприятный суд Божий, как сказал св. апостол Павел: «И как человекам положено однажды умереть, а потом суд» (Евр. 9:27).

«Для истязания душ, проходящих воздушное пространство, установлены темными властями отдельные судилища и стражи в замечательном порядке. По слоям поднебесной, от земли до самого неба, стоят сторожевые полки падших духов. Каждое отделение заведывает особенным видом греха и истязывает в нем душу, когда душа достигнет этого отделения. Воздушные бесовские стражи и судилища называются в отеческих писаниях *мытарствами*, а духи, служащие в них, — *мытарями*»[10].

Здесь о. Серафим, зная современный рационалистический подход, буквальное толкование текста, «рационалистское», то бишь обмирщенное, понимание событий Священного Писания и Священного Предания, вынужден был сделать пояснение. Ссылаясь на православных богословов былых и нынешних лет, он указал, как следует воспринимать понятие «мытарств»: «Всякий знакомый с православным учением, принимает мытарства как нечто реальное, как испытания,

выпадающие душе после смерти. Но следует подчеркнуть, что испытания эти происходят не в нашем грубо материальном мире, что понятия пространства и времени в поднебесье отличаются от наших мерок и всякое описание нашими человеческими словами условно и неполно. Каждый, кому известна православная литература, описывающая жизнь после смерти, понимает, как разделить духовную реальность от частностей, обозначаемых порой символически, иносказательно. Конечно, в поднебесьи нет «таможен», где взимаются мытарства, или «духовные налоги», нет свитков и списков (в нашем земном понимании) наших грехов, нет «весов», на которых взвешиваются наши добрые дела, «золотых», которыми выкупаются наши долги, — под этими образами-символами сокрыта духовная реальность, с которой непременно встретится душа». Когда св. Макарий Александрийский заговорил с Ангелом о мытарствах, тот наставил его: «Принимай всё земное как слабую попытку описать небесное»[11].

В седьмой главе о. Серафим исследовал «внетелесные переживания» души, описанные в оккультной литературе с древности до наших дней: от тибетской Книги мертвых до теософских писаний Эммануила Сведеборга и Роберта Монро. Отец Серафим далее провел поразительное сопоставление этих работ с описанными в современной литературе посмертными ощущениями, которые, как указывал о. Серафим, «совершенно точно совпадают с описаниями «внетелесных странствий» душ в оккультизме, хотя сами «умершие» далеки от веры в оккультное. И такие случаи всё учащаются. Все описания мало что говорят о том, что же на самом деле происходит с душой после смерти: они скорее лишь подтверждают, что душа неподвластна смерти и обладает сознанием.

Как только душа покидает тело и теряет связь с «материальной действительностью» (неважно, посмертно или во «внетелесном странствии»), попадая в невидимый мир — не рай и не ад, — называемый по-разному: «посмертие», «область Бардо» по Книге мертвых, «мир духов» по Сведеборгу и прочим спиритам, «астрал» по теории теософов и многих оккультистов, «второе обиталище» по Монро или, употребляя православный термин, «поднебесье». Там находятся падшие ангелы, они стараются уловить разлученную с телом душу и предать ее на вечное проклятие. Это еще не «мир иной», где душе суждено быть по смерти, это еще «мир сей», но только его невидимая часть, ее нужно пройти для достижения настоящего потустороннего пристанища души: небес или ада. Для «окончательно» умерших в поднебесьи происходит частный суд над их душами. Ангелы влекут душу через мытарства, где падшие духи предстают в истинном обличьи и ненависти к человеку.

Для переживающих «клиническую смерть» или «внетелесное странствие» это — область бесовских искушений и обмана.

Почти всякое существо, встречаемое там душой, — бес, независимо от того, каким образом произошла встреча: путем медиумизма или других оккультных опытов. Это не Ангелы, ибо они живут на небесах и лишь иногда минуют поднебесье с Божьим посланием на землю. Это не души усопших, место коих в Раю или в аду, они также лишь на короткое время оказываются в поднебесьи, сразу после смерти во время частного суда и мытарств...

Уместен вопрос: «А как истолковать чувство покоя и довольства, которое почти непременно испытывает душа, пребывая вне тела? Как объяснить свет, который неизменно видится всеми? Неужто и это бесовский обман? — Очень возможно. Хотя ощущения эти естественны для души, избавленной от мук телесных, тем самым уже приближенной к состоянию, которое определил ей Бог. Ведь «воскрешенное духовное тело», в котором человек пребывает в Царстве Небесном, более соотносимо с душой, нежели с телом бренным... В этом отношении «покой и довольство» истинны, бесовство же вкрадывается, когда человек начинает естественным чувствам души приписывать некую духовность: душевному покою — окончательное примирение с Богом, довольству — истинное райское наслаждение. Так поступают многие, пережившие посмертные или внетелесные ощущения, — у них зачастую не хватает духовного опыта и разумения»[12].

Снова, как и в «Царстве человеческом и Царстве Божием», о. Серафим разграничивает понятия «психического» и «духовного». Еще по работам Рене Генона (до прихода к Православию) он понял, сколь сильно это вредное, ошибочное смешение понятий в наш материалистический век.

Продолжил он обсуждение «обманных» чувств и ощущений в следующей главе «Познание небес истинным христианством». Изложив святоотеческое представление о «расположении Рая и ада», он писал: «Небеса, несомненно, конкретное место, разумеется, выше земли. Ад же, естественно, ниже, во чреве земном. Но ни то ни другое при жизни людям узреть не дано, покуда не открыт их взор духовный (и их ошибочное восприятие поднебесья — тому подтверждение). Далее, ни то ни другое не укладывается в наши представления о пространстве и времени. Самолет, поднимаясь ввысь, не пролетает «седьмого неба». И какую бы глубокую скважину мы не пробурили, мы не достигнем ада и томящихся в ожидании Судного дня душ. Там их нет, они в ином пространстве, оно берет начало на земле, но продолжается вне ее»[13]. Интересна в этой связи точка зрения ученых: существует много больше

измерений, чем три привычных нам. Отец Серафим подчеркивал «Современные ученые сами признают, что не в силах указать источник и границу материального, за которой начинается сфера психического».

На примерах из житий святых он показал, как иное «пространство» вклинивается порой в пространство нашей жизни. Он привел рассказы святых об истинном ви́дении и познании небес, во всех много общего: «Это непременное восхождение. Душа несома Ангелами. Ее встречают и привечают живущие на небесах». В других рассказах открываются подробности не менее важные: «Яркий небесный свет, невидимое присутствие Господа, способность слышать Его, благоухание святых, ощущение Божественной благодати как несказанно прекрасного аромата. Немаловажно и то, что множество людей, встречаемых на небесах (помимо Ангелов), — души мучеников и праведников»[14].

Сравнивая эти рассказы с современными повествованиями о «посмертных» ощущениях, о. Серафим обнаружил и существенную разницу. Самое главное, подмечал он, в том, что в рассказах об истинном небопознании «душа всегда влечется на Небо одним или несколькими Ангелами, она никогда не «блуждает», не вольна в своих желаниях.

«В современных рассказах душе часто предоставляется выбор: оставаться в «раю» или возвращаться на землю. Истинное познание небес связано всегда не с волей человека, а волей Божией, творимой Ангелами. Нынешние откровения «рая» не предполагают никакого водительства (Ангелами), ибо происходят здесь, рядом, в поднебесьи, в мире сем; Ангелы же непременно присутствуют при неотмирном откровении небес — это совершенно иная действительность, где душа не может оказаться сама по себе (что не исключает козней бесов, являющихся в ангельской личине, хотя в современных посмертных рассказах такое встречается редко)»[15].

Все эти рассказы (после «оживления») сродни «внетелесному странствию» души оккультных верований, нежели истинному познанию небес. В чём же их смысл? Ответу на этот вопрос о. Серафим посвятил главу девятую: «То, что подобные случаи участились, свидетельствует о близком конце света. В «Диалогах» св. Григория Великого замечено, что «духовный мир становится всё ближе к нам, проявляя себя в видениях и откровениях... Чем ближе конец мира сего, тем ближе подступает мир вечности... Конец света и начало жизни вечной неразделимы» (Диалоги 4, 43).

Св. Григорий добавляет, что видения и откровения (участившиеся в наше время) дают нам лишь смутное представление о жизни будущей:

так солнце перед восходом лишь едва озаряет небосклон. Как верно сказано о сегодняшних «посмертных» ощущениях. Никогда ранее человечество не получало таких поразительно точных, конкретных подтверждений (или «намеков») о существовании мира иного, о том, что жизнь не кончается со смертью телесной, что есть душа, она переживает смерть, более того, становится более чуткой, воистину живой после смерти. Для всякого утвердившегося в христианстве сегодняшние «посмертные» рассказы лишь подтверждают христианскую точку зрения в отношении души после смерти. Даже оккультные опыты «внетелесного странствия» служат христианству доказательством существования поднебесного царства падших духов»[16].

В последней десятой главе о. Серафим изложил суть православного учения о судьбе души после смерти, включив статью архиеп. Иоанна со своими комментариями, пояснениями и примерами, выдержками из святоотеческих работ. Подробно описал предсмертные видения человека, посмертную встречу души с разными духами и как она держится духов, более близких ее состоянию, что обычно два дня после смерти душа пребывает близко к земле перед переходом в другие сферы и лишь на третий день начинаются мытарства. Сопровождаемая Ангелами, она проходит небеса и ад, обычно на сороковой день обосновывается в определенном для нее месте в ожидании Судного дня, которым закончит существование мир сей. И тогда воссияет Царство Небесное, и все души вновь обретут тела, которым надлежит воскреснуть.

УЖЕ ВО ВРЕМЯ публикации в журнале отдельных глав книга вызвала широкий отклик православных читателей. Кое-кто присылал рассказы о посмертных впечатлениях, которых сподобился сам или слышал от переживших «клиническую» смерть. Отец Серафим напечатал и некоторые из писем. Пожалуй, самое любопытное прислал один греческий епископ. Недавно ему исповедалась старушка, которой выпало в молодости после неудачного аборта испытать минуты «смерти». Поскольку к аборту ее принудили родители, Господь дал ей возможность покаяться и вернул к жизни. Всю ночь пребывала она мертвой и ожила уже в гробу. Она описала всё, что испытала, и рассказ ее в точности соответствовал святоотеческим рассказам.

Православные безоговорочно приняли и поддержали книгу о. Серафима. Елена Юрьевна Концевич, безусловный авторитет и знаток святоотеческих писаний, даже заключила: «Книга более чем замечательная. Это классика богословская. По этой книге надо пре-

подавать в духовных учебных заведениях. Я в самом большом от нее восторге».

Но были и исключения — одно достаточно важное, указавшее о. Серафиму, сколь нужна и своевременна его книга. Пока «Православное Слово» продолжало публиковать отдельные главы, редактор православного журнала на Аляске начал печатать серию статей с нападками на учение, изложенное в «Душе после смерти». Отец Серафим писал: «Нападал он не столько на взгляды автора книги, но и на учение, изложенное Свято-Троицким монастырем в Джорданвилле, ...на проповедь архиеп. Иоанна (Максимовича) «Жизнь после смерти», напечатанную в «Православном Слове» № 4 за 1971 год и приведенную в десятой главе данной книги. Выступал критик и против учения свят. Игнатия (Брянчанинова), вдохновившего автора книги, и вообще против учения, изложенного во многих православных источниках за многие века и выражающего живое благочестие сегодняшних верующих».

Критик обозвал все эти православные источники «фантастической» литературой и духовным заблуждением. Он полностью переиначил святоотеческое учение и вывел свои путаные и противоречивые теории. Отец Серафим написал приложение к книге, назвав его «Ответ критику» (от упоминания имени его он воздержался): «Мой критик совершенно не приемлет никакой «деятельности» души в ином мире, особенно после смерти, т. е. всего того, что описывается в житиях святых. В результате он измыслил свое учение об «упокоении» или «успении» души после смерти, тем самым перечеркнув самую идею живой, действующей души после смерти. Он утверждает: «В православном понимании после смерти душе волею Божией надлежит находиться в упокоении, в полном бездействии, в состоянии сна, в котором она лишена способности слышать, видеть, что-либо делать. Равно не может она ничего знать или помнить!» Даже среди неправославных теория эта пользуется поддержкой лишь в некоторых сектах, лишенных глубоких исторических корней христианства («Свидетели Иеговы» и «Адвентисты седьмого дня»). Поразительно слышать те же речи — да еще в столь безапелляционном тоне, — выдаваемые за точку зрения Православия...

Напрасно искать в Священном Предании отповедь подобным «учениям», ибо никто в Церкви никогда не принимал их всерьез. В главе десятой мы привели цитату старца Амвросия о том, что душа «оживает», избавившись от бренного тела. Св. Авва Дорофей учит, что «по выходе из тела душа помнит всё яснее и четче, так как освободилась от греховной оболочки». И преп. Кассиан Римлянин говорит, что «душа

после смерти оживает». Подобные высказывания можно найти у многих святых Отцов. Но цитаты эти — лишь малая толика православных свидетельств, отрицающих «успение души». Да и вся молитвенная жизнь Православной Церкви предполагает, что души «бодрствуют» в мире ином, что участь их можно облегчить. Православные взывают в молитвах ко святым и те откликаются — значит и на небесах они сознательно трудятся. Не счесть, сколько раз являлись святые после смерти, и все упоминания об этом в православной литературе нельзя отвергнуть как вымысел. Если прав наш критик, тогда уже много столетий неправа Церковь!»[17]

Наибольший гнев критика вызвало православное учение о мытарствах. «Похоже, — замечал о. Серафим, — что они ему столь претят, что подвигли на измышление противоречивой теории об «успении души». Критик постарался представить учение о мытарствах в карикатурной, гротескной форме, обрисовав их буквально, обмирщенно, а потом и вовсе отбросив самоё представление о них как «галлюцинацию», «порождение, достойное астрологов». И здесь о. Серафим резонно подмечает, что «даже младенцу ясно, что нельзя буквально воспринимать описания мытарств... хотя сами описания — отнюдь не «вымысел» и не «басни», а честный рассказ очевидцев в наиболее доступной для них форме. Если кому-то мерещатся буквальные мытарства, то лишь по незнанию причин той повседневной незримой борьбы, которую мы претерпеваем в мире сем. Здесь нас тоже постоянно ожидают соблазны и обвинители, да только дремлет наше духовное око и мы видим лишь результат бесовских козней — грехи, которые совершаем, страсти, которым поддаемся. После смерти же душа прозревает, видит духовную действительность (обычно впервые) и тех, кто беспрестанно докучал нам при жизни.

В православном учении о мытарствах нет ничего языческого, оккультного, «восточно-астрологического», не схоже оно и с католическим «чистилищем». Мытарства, по сути, — отчет каждого человека в своих грехах. Смерть подводит черту под его успехами и неудачами в борьбе с грехом (частное судилище), и по окончании жизни бесы предпринимают последнюю попытку завладеть душой человека, но сильны лишь те из них, кому человек недостаточно противостоял при жизни.

Что касается буквального, словесного изображения мытарств, то оно одинаково и в богослужениях (церковной поэтике), и в Священном Предании, и в житиях святых. Ни одному православному не придет в голову буквалистски рассматривать описание мытарств, как сделал наш критик. К ним подходят с серьезностью и страхом Божиим,

стараясь почерпнуть в описаниях духовную пользу. Любой духовный наставник, учащий свою паству в традициях древнего православного благочестия, подтвердит душеполезность святоотеческого учения о мытарствах»[18].

Рассказал о. Серафим и о том, как его и о. Германа наставляли их собственные пастыри: о. Адриан, например, во время исповеди «проводил» своих духовных детей по всем 20-ти мытарствам, заставляя их совесть отвечать по каждому. Отец Герман вспоминал, как многому научился он в этих исповедях, как много познал о природе греха, об его ухищренности — порой его и не приметить. Например, очищая совесть исповедующегося в мытарстве воровства, о. Адриан указывал, что подразумевается не только воровство как присвоение чужого добра, но и присвоение чужих мыслей, попытка выдать их за свои.

Вспоминались о. Серафиму и слова, сказанные архиеп. Саввой о похоронах архиеп. Иоанна: «Все чувствовали, что присутствуют при упокоении Святого — и горечь разлуки была поглощена радостью: у людей появился еще один небесный предстоятель. И тем не менее некоторые иерархи, в том числе и еп. Савва Эдмонтонский, воспламенили сердца верующих призывом молиться об усопшем, напомнив, что и ему — Святому, чуду, явленному милостию Божией в наши дни, — придется пройти все мытарства. Конечно, все понимали, что наши молитвы не спасут его от мытарей-бесов, никто не представлял, как будет происходить «сбор пошлин» в том или ином мытарстве, но призыв иерархов воспламенил сердца молящихся, и несомненно, их молитвы помогли усопшему пройти все мытарства. Добрые дела святого, его щедрость, заступничество тех святых, которых он почитал на земле, молитвы верующих (взращенные его любовью к людям) — всё это, известное Богу не меньше, чем людям, помогло ему отразить все нападки падших духов поднебесья. Когда на сороковой день еп. Савва приехал в Сан-Франциско, дабы присутствовать на панихиде, он сказал верующим следующее: «Я приехал помолиться вместе с вами об упокоении его души. Сегодня самый важный сороковой день, сегодня решается, где пребывать душе до Страшного Суда». И снова архиерей возжег молитву в сердцах прихожан, напомнив им еще об одной стороне православного учения о жизни после смерти. Не часто ныне напоминают православным об этом — тем более должны мы дорожить связью с теми, кто несет подвижническую православную традицию»[19].

Кроме современного рационалистического подхода, когда духовные учения воспринимаются буквально, «в лоб», о. Серафим открыл и другую причину того, что нынешний люд склонен переосмысливать православное учение о жизни после смерти: «Учение это весьма сурово

и требует от нас ответа трезвенного и честного, со страхом Божиим. Но люди ныне самодовольны и самоуверенны, они и слышать не хотят о суровом суде и ответе за все грехи. Куда «удобнее» полагать, что Бог не так строг, как представляет Его православная подвижническая традиция, что нам нечего бояться после смерти и Суда, и что если мы исполнимся высоких духовных мыслей, почерпнутых в «Добротолюбии» («выбросив, разумеется, все «басни» о мытарствах»)*, то спасение нам обеспечено...

Истинное православное учение о жизни после смерти, напротив, наполняет нас страхом Божиим и вдохновляет на борьбу во имя Царствия Божия с невидимым врагом, стоящим на пути. К этой борьбе призваны все христиане, и несправедливо «разбавлять сладеньким» суровое и справедливое учение, только чтобы верующим «удобнее жилось». Пусть все читают православные книги, доступные их духовному уровню на сегодняшний день. И непозволительно называть «баснями» то, что мешает душевному удобству. Моды и взгляды людские изменчивы, а православное учение неизменно, и неважно, сколько у него последователей. Да пребудем же его верными чадами!»[20]

Критик о. Серафима — единственный выступивший против книги — принадлежал к «правому» крылу реформистов Православия. У «левых» либералов, как бы не по вкусу ни пришлось им православное учение о жизни после смерти, достало ума не подвергать сомнению свидетельства Священного Предания и текстов богослужений. Журнал «Tlingit Herald», где появилась статья критика, печатался в «сверхправильном» приходе. Группировка эта, по мнению о. Серафима, мало чем отличалась от Греческой Церкви в Америке, оттуда вышли их священники, — естественно, взгляды их расходились с православной подвижнической традицией. Но выступать открыто «против» «сверхправильное» священство не осмеливалось, они предоставили это право неискушенному критику. Один из пастырей сказал о. Серафиму, что критик этот лишь пересказывает чужие мысли. «Он как бы определитель настроения «греческого» крыла Православной Церкви, — сообщал в одном из писем о. Серафим. — То, что в мыслях у отцов Пантелеимона, Никиты и иже с ними, у него — на языке. Те лишь

* Отец Серафим указывал в «Ответе критику», что многие святые Отцы в «Добротолюбии» писали о мытарствах: св. Исихий пресвитер, св. Диадох Фотикийский, св. Иоанн Карпафийский, св. авва Дорофей, св. Феогност, св. Петр Дамаскин.

делятся своими соображениями в узком кругу, этот кричит во всеуслышанье»[21].

Критик зашел так далеко, что высмеял не только учение о мытарствах, но и православный обычай молиться за усопших. В результате ему изрядно попало от православных епископов за распространение взглядов, противных Церкви.

После того, как «Ответ критику» появился в «Православном Слове», тот не успокоился и прислал о. Серафиму «открытое письмо», обвиняя его в «обмане» читателей и в том, что он, подобно свят. Игнатию (Брянчанинову), намеренно искажает Священное Писание: «Епископ Игнатий не признавал ни Библию, ни Церковь, очевидно, Вы идете по его стопам».

Отец Серафим оставил «открытое письмо» без внимания, отказавшись от словопрения со своим критиком. «Нам в корне претит его полемический запал в вопросах Церкви, — писал о. Серафим, — да и всему православному духовенству, наверное, тоже...[22] Хотя я понимаю, что статьи критика были «спровоцированы» моей книгой (ибо я признаю свое авторство), спор наш носит далеко не личный характер. Впрочем, это и спором не назовешь, ибо с его стороны следовали лишь нападки, причем нападки не на меня, поскольку я всего лишь излагал учение архиеп. Иоанна (Максимовича), еп. Игнатия (Брянчанинова), еп. Феофана Затворника и других, а нападки на само учение»[23].

Более о. Серафим не возвращался к этой полемике. Его «Ответ критику», впрочем, сам по себе оказался весьма ценным, ибо содержал ссылки на святых Отцов, жития святых, тексты богослужений, касающиеся жизни души после смерти. И православный читатель должен даже поблагодарить критика — иначе не было бы этого дополнения. Сам о. Серафим написал об этом так: «„Положительным" в статьях нашего критика следует признать то, что они побудили нас изложить предельно ясно и просто православное учение, дабы не допустить дальнейших кривотолков».

Статьи критика также подвигли о. Михаила Помазанского написать очень полезную статью о мытарствах, так же основанную на святоотеческом учении. Она была опубликована и на русском, и на английском[24].

Отдельной книгой «Душа после смерти» вышла в 1980 году. Она, в первую очередь, отлична тем, как о. Серафим разграничил естественное и богоданное знание человека, т. е. то, что Бог попускает (выход души в «астрал», в «область Бардо», то бишь в поднебесное

пространство), и то, что Он открывает (неотмирную действительность Рая и ада). Поистине, лишь обладая святоотеческой мудростью, можно разобраться в массе издаваемых ныне книг о посмертных впечатлениях и объяснить их в свете древнего Православия. Книга о. Серафима убеждает всякого искателя Истины, ибо представленное в ней учение создано не человеческим умом, а волей Божией, это не его личные взгляды, не просто желание потрафить своей или чьей-то гордыне. Прочтение Священным Преданием взглядов о жизни загробной подобно прочтению их Книгой Бытия — оно приоткрывает завесу тайны. Познать ее в жизни земной нельзя, ни научным исследованием, ни самым изощренным оккультистским методом, испытывая не раз и не два внетелесные ощущения. Оккультист полагается на силы собственные и бесовские (порой даже не замечая этого). Христианин, причастный Таинствам, уповает на бездонный кладезь Божией мудрости Того, Кто создал видимый и невидимый миры.

Самое главное в книге о. Серафима — отклик в человеческих душах. Он писал: «Истинные видения жизни после смерти потрясают всё наше существо, и если до той поры человек не был ревнителем христианства — коренным образом меняют его жизнь земную, дабы приготовить к жизни вечной». Такого же воздействия добился сам о. Серафим, не поступившись и толикой опыта Православной Церкви в угоду современному самодовольному и самодостаточному человеку. Уже после его кончины тысячи людей прониклись трезвением и правдой его книги, она подвигала их не только к покаянию и душевному борению, но и к истовой молитве по усопшим. В августе 1991 года в монастырь преп. Германа пришло письмо от одной греческой православной, врача-ветеринара, некоторым образом рассказ ее проливает свет и на состояние души самого о. Серафима после кончины.

> Купив его книгу, я прочла ее взахлеб. Именно этого жаждала душа — прикоснуться к Тайнам Православия. Как благодарна я Богу, что Он сподобил меня найти Истину. Истину, которую должен знать каждый православный, — о жизни и смерти. Истину, которую, увы, не несет людям моя Церковь (Греческая Православная Церковь Америки)*.
>
> Всю неделю (пока читала книгу) меня не оставляло волнение и какая-то небесная радость откровения. Я поде-

* В 1984 году греческий религиозный писатель Константин Каварнос написал исследование «Будущая жизнь согласно православному учению», основанное на тех же принципах, что и книга о. Серафима.

лилась с мужем, Давидом, дескать, теперь мы знаем, как помочь любимым, уже ушедшим людям. Муж едва дождался, когда я закончу книгу, и принялся читать сам. Я сказала ему: где бы ни был сейчас о. Серафим, нам нужно его разыскать, поговорить, получить от него благословение.

Я написала о. Серафиму в Платину, но получила ответ от о. Германа: собрат его уже почил в Боге. С письмом пришла брошюра и приглашение на летние занятия Богословской Академии. С грустью ехали мы на могилу о. Серафима, надеясь узнать о нем больше. Мы пробыли в монастыре неделю. Какая же это была радость духа и души! Сколько любви! Мы словно приобщились небесного, неотмирного, к чему звали и за что боролись святые и подвижники всех времен. По благодати Божией стяжали мы такое чудесное состояние.

Узнав о причине смерти о. Серафима (нарушение свертываемости крови), я поняла, что ему можно было помочь природными и гомеопатическими средствами, а не современной терапией. Я скорбела о его кончине во цвете лет, особенно сейчас, когда его так не хватает и он уже затронул так много сердец. Ах, как он нам всем нужен!

На вторую ночь в монастыре о. Серафим явился ко мне во сне: в рясе, скрестив руки, со смирением на светлом, спокойном, задумчивом лице. Увидев его, я сказала:

— Отец Серафим, я хотела помочь Вам. Зачем Вы умерли? Почему не дождались меня? Я бы вылечила Вас травами, я уверена!

Сердце щемило, я едва не плакала. Он взглянул на меня с прощением и благодарной любовью:

— Нет, Вы не сумели бы мне помочь... Ничто и никто не сумел бы... Сейчас я там, где мне и хотелось быть — с Богом.

И лик его стал таять, а я всё повторяла:

— Мы любим Вас, мы Вас очень любим!

Всякий раз теперь мы приезжаем на летние паломничества, и это в радость. И о. Серафим будто бы рядом: в каждом листочке, в каждом дереве, в каждой зверушке, во всей красоте природы... Монастырь привел нас к истинной жизни, единственно важной для нас.

Да хранит вас всех Бог,
Иоанна Стефанатос.

«Душа после смерти» выдержала уже четыре издания, и всё еще пользуется спросом в англоязычных странах. Но, как бывало уже с другими книгами о. Серафима, наибольший интерес она вызвала в России. После его смерти появилось несколько переводов книги, и как водится, она стала распространяться в рукописном и машинописном виде. Отец Серафим еще во время работы над книгой понимал, что «суровые» картины загробной жизни вызовут самый живой отклик там, где и жизнь земная весьма тяжела.

В послесловии он писал: «Страждущая Церковь России, возможно, из-за гонений, а возможно, из присущего ей консерватизма, сохранила православное отношение к потустороннему миру в большей степени, чем какая-либо иная православная Церковь».

Летом 1989 года монах из монастыря преп. Германа совершил паломничество в Валаамский монастырь (в России) и неожиданно нашел там книгу о. Серафима. До той поры никто из Братства преп. Германа не ступал на Русскую землю. (Отец Герман, как помнит читатель, вырос в Латвии). В ту пору Валаамский монастырь был закрыт (с 1940 г), обветшал, и только-только начинались реставрационные работы. Мастерам помогали местные жители. Вышеупомянутый монах вспоминает: «Не успел я подойти к главному зданию монастыря, как появился бородатый молодой человек. «Вы из Платины?» — спросил он с живым интересом. Я ответил, хотя вопрос, по правде говоря, огорошил меня. Молодой человек просиял, троекратно расцеловал меня и сказал: «Пойдемте».

По пути я спросил, откуда он знает Платину. «По книгам о. Серафима», — ответил он. Он подвел меня к монастырским воротам, распахнул дверь. Я переступил порог монастыря, знакомого по множеству фотографий. Мы поднялись по лестнице. Пошли по коридору. Темно, вокруг запустение, мусор, вонь. Вдруг отворилась дверь, и мы очутились в чистой светлой комнате...

Я увидел троих русских и услышал первые слова: «Вот настоящая монашеская келья!» Произнесла их молодая женщина Ирина. Она стояла подле крохотной кухоньки этого скромного жилища. Меня усадили, предложили чаю. «Мы живем бедно, — извинилась Ирина, — но можем угостить хлебом валаамской выпечки». Моего первого знакомца звали Алексей. Двое других русских больше молчали, может, стеснялись, а может, просто не знали английского языка. Однако и они были мне рады.

Пока Ирина заваривала чай, Алексей положил передо мной книгу, заботливо хранимую в сером кожаном переплете. На обложке было

вытеснено золотом по-русски «Душа после смерти». Неужто передо мной перевод книги о. Серафима?! Я открыл ее: оказалось, весь текст отпечатан на машинке. Но сколько любви в этом труде! Я был глубоко тронут. У бедных русских не нашлось денег для издания книги (а может, им не разрешили), так они передавали ее другим, перепечатывая текст на машинке.

Тут меня осенило. Я достал конверт, в котором хранился волос из бороды о. Серафима. Поначалу я хотел оставить его на поле преп. Германа (на Валааме), но теперь нашел более достойное применение. Лица моих знакомых осветились улыбкой. С благоговением приблизились они, перекрестились, приложились к святыне и осторожно убрали его со стола».

На следующее лето на Валааме уже жило монашеское братство. Их навестил о. Герман и засвидетельствовал их почтение к о. Серафиму. Ему подарили пасхальное яйцо, расписанное самими монахами — о. Серафим на фоне одного из скитов Валаама.

В мае 1991 года несколько глав из книги «Душа после смерти» было опубликовано в России журналом «Наука и религия». Ранее он использовался как орудие атеизма, сокрушая веру в Бога. Теперь же на его страницах печаталось православное учение, ответ на современные посмертные впечатления, которые наука тщетно пытается объяснить.

В том же 1991 году, перед самым падением советской власти, книга о. Серафима в России вышла массовым тиражом. С тех пор она выдержала несколько изданий. Переведена и на греческий: один из афонских журналов уже приступил к публикации отдельных глав.

Говоря о воздействии книги на сердца и умы людей, не следует забывать и ее воздействия на самого о. Серафима. Архиеп. Иоанн написал статью о жизни после смерти за два года до собственной кончины. То же и о. Серафим: книга его была завершена за два года до смерти. Такова воля Божия. Очевидно, и для одного, и для другого писания эти послужили подготовкой в мир иной. Они уподобились странникам, загодя изучающим далекий край по книгам тех, кто там побывал. И, отправившись в путь, уже знают, чего ожидать, хотя действительность оказывается неизмеримо богаче и разнообразнее, нежели описания.

Сегодня о Серафим пребывает в этом далеком краю. Книга его — дар всем оставшимся на земле, она поведет людей прочь от современного бесчеловечного бытия к Царствию Небесному.

93

Богословие превыше моды

Апостол проповедание, и Отец догматы, Церкве едине веру запечатлеша, яже и ризу носящи Истины, исткану от еже свыше Богословия, исправляет и славит благочестия великое Таинство.

Кондак святым Отцам Вселенских Соборов.

Если и есть время трескучим фразам и пустым спорам, то не сегодня. В такое время, как наше, люди должны говорить лишь то, за что готовы нести ответственность в вечности.

Авраам Линкольн.

В 1976 ГОДУ за месяц до десятой годовщины упокоения архиеп. Иоанна о. Серафим провел с братией беседу, как он выразился, «о главной черте» богословского учения Владыки — *о свободе*. «Он неразрывно связан с православной традицией и сам является источником истинного Богословия. Ему чужды всякие «влияния» или «уклоны»... Из его учения видно, Богословие должно стоять выше раздора. В любой из его работ, будь то проповедь или статья, не найти бранчливости. Даже когда он «воюет» с Булгаковым и доказывает, что тот неверно трактует святых Отцов и что его учение далеко от Православия, тон статьи далек от полемического (чем не могут похвастать наши ученые богословы), спокоен и убедителен. Где нужно, он излагает мнение Отцов, где нужно, указывает отход Булгакова от Православия. Слова его убеждали не логичностью, а своей истинностью, принадлежностью к святоотеческому учению.

Некоторые из ученых любят «уличать» коллег в «отклонениях» и «отходах», а уличив, торжествуют. Это уровень студентов-недоучек. Архиеп. Иоанн всегда стоял выше этого, четко и спокойно показывал, что является истинным учением Церкви, не возмущался мелкими неточностями. Вот что подразумевается под *свободой* его богословского духа.

Для архиеп. Иоанна учение Церкви, — в первую очередь, то, что привнесено свыше, Богом, как написано в кондаке святым Отцам Вселенских Соборов. Это не просто книжные мудрости, у богоданного учения свой «аромат». Мудрость книжная помогает жить, обогащает разум, но не следует забывать о мудрости высшей, дарованной Богом.

Потому так вооодушевляет нас архиеп. Иоанн сегодня, потому служит нам примером и укором — не сосредоточиваться на мелочах, не ввязываться в споры, а крепко помнить, что Богословие исходит от Бога. Сам он на каждодневной литургии в проповедях на богословские темы обращался к Господу. Пожалуй, как ни один из современных богословов, часто цитировал из церковных служб, ибо Богословие для него не просто чтение и писание мудрых книг, а познание учения Церкви в ее службах. Потому и не найти в его работах полемических выпадов, хотя всякий раз он тщательно отделяет верное от ошибочного»*.

Говоря о богословском духе архиеп. Иоанна, о. Серафим, конечно же, ставил его себе в пример и следовал ему многие годы. Видя, как заповеданное ему Православие подвергается нападкам, он, подобно Владыке Иоанну, отвечал конкретной статьей по тому или иному вопросу. И не вступал в полемику, не писал ответов, разъяснений, оправданий.

Мудрость архиеп. Иоанна особенно выделялась на фоне чуждых по духу писаний, особенно работ «сверхправильной» группировки, поглощенной интригами и распрями. В 1974 году раздор в Церкви достиг своего предела, и о. Серафим написал: «В грядущем дьявол будет использовать любую возможность, чтобы в малом ли, в большем ли помешать истинно православным христианам, посеять меж ними смуту. Нельзя попадаться на эти уловки». Пятью годами позже он писал редактору одного православного журнала в Англии: «Бог даровал нам свободу ездить, писать, издавать слово печатное. Это

---

* В том же 1976 году многие положения этой беседы о. Серафим использовал в статье «Православное богословие архиеп. Иоанна (Максимовича)», первоначально напечатанной в Свято-Германовском календаре, затем предисловием к книге «Православное почитание Божией Матери» (Платина, 1978).

наша обязанность: православием сердца своего воодушевлять людей. Я не против «полемики» (изредка нужна и она, и пример тому — Ваши хорошие статьи в последнем номере), но нельзя отдавать ей главенствующую роль, полемика не должна заслонять главного, и тон статей должен быть сочувственным, нежели враждебным или ругливым».

В другом письме он замечал: «Разглагольствования о нынешних несуразицах тщетны, если не продиктованы сердцем, если мы не признаем и свою к ним причастность».

Отец СЕРАФИМ не удостоил ответом язвительное «открытое» письмо своего критика по поводу «Души после смерти», и надежды того продолжить спор не сбылись. Через год пришло новое искушение: о. Серафим узнал, что один из священников «сверхправильной» группировки замышляет издать книгу д-ра Каломироса о сотворении мира и эволюции, куда намеревается включить и переписку автора с о. Серафимом. Любители церковных сплетен и раздоров уже размножали на ксероксе письма Каломироса, которые тот буквально навязывал о. Серафиму. Стараясь в корне пресечь возможные толки, о. Серафим написал священнику: «Я решительно протестую против публикации моей переписки с г-ном Каломиросом по данному вопросу. Считаю, что это еще одна попытка посеять рознь меж православными, и без того паства Христова мала числом. И не стоит подливать масла в огонь... Единственное, чего я желаю, — избежать всяких «противоборств» в печати, тем более среди православных христиан»[1].

Пытался он уладить конфликты, когда его об этом просили, и не касавшиеся непосредственно его самого.

Так, в 1979 году его известили о междуусобице двух американских монастырей. Игумен одного приходил в ярость и исступление (у него даже случился инфаркт) от требований другого настоятеля, усомнившегося в его наставнических правах и просившего подтверждений. Первый монастырь даже грозил подать в суд на второй, обвинив его в «совершении морального убийства» посредством клеветы, и собирал улики. Сочувствуя болящему игумену, о. Серафим, однако, заметил: «Клевета задевает его еще потому, что сам он живет в гуще склок и сплетен... Возможно, он чего-то опасается лично, а обстановка в Церкви лишь усугубляет его страхи»[2]. Когда из этого монастыря прислали статью, защищавшую их игумена от поношений, о. Серафим посоветовал: «Хватит драк и сражений. Единственное наше упование — стать выше всех мирских свар, устремить взор горнему, а не земному! Конечно, легче говорить, нежели делать, но попытаться мы должны»[3].

ОПРЕДЕЛЯЯ причину нынешних церковных раздоров, о. Серафим писал, что все они связаны с положением Православия в целом: «Сегодня в нем много от разума и мало от сердца. Это видно на примере священников «бостонской группировки», многих новообращенных, да и — зачем далеко ходить! — на моем собственном примере. Увы, этим рационалистическим духом напитана вся „просвещенная жизнь"». Далее он писал: «Больше сердца, меньше «канонической правильности», от нее в Православии разлад и раскол».

БЛАЖЕННЫЙ АВГУСТИН

Отцу Серафиму хотелось, чтобы в церковной жизни преобладало иное настроение. С этой целью он проповедовал то, что было «положительным», объединяющим в православном учении. В 1978 году он написал большую статью о блаж. Августине — первый шаг в нужном направлении, чтобы предотвратить «уклоны» и однобокость «знатоков богословия», не ввязываясь в яростный спор, а, напротив, подчеркивая присущие христианству добродетели умеренности, всепрощения, терпимости. Увы, подчас во имя «правильности» добродетели эти приносились в жертву[4]. Отец Серафим надеялся, что работа его (полное название «Место Блаженного Августина в Православной Церкви») позволит снять со святого напраслину, возведенную учеными мужами от богословия, тем самым «поможет нам разобраться в его и своих недостатках и слабостях. Ибо, как ни удивительно, слабости его сродни нашим».

Богословские преувеличения блаж. Августина, конечно, не идут ни в какое сравнение с грубыми ошибками таких богословов более позднего времени, как митроп. Антоний (Храповицкий). Некогда архиеп. Иоанн, высветив лучшие черты в работах митрополита, деликатно поправил его заблуждения. Так же ныне и о. Серафим поступил в отношении блаж. Августина. Он привел слова св. Фотия Константинопольского: «Нужно не сосредоточиваться на ошибках людей, а воспринимать их во всей цельности». Поначалу статья появилась в «Православном слове», а после смерти автора была издана Братством отдельной книжицей в серии «Православные богословские работы». В духе архиеп. Иоанна серия эта представляла положительный опыт Церкви в противовес нынешним богословским «отклонениям», не ввязываясь в полемику.

Отец Алексий Янг в предисловии к статье о. Серафима о блаж. Августине вспоминает: «В своей жизни о. Серафим избегал любых

споров, ссор. Как только разгорались страсти, он предпочитал уйти подальше. По иронии судьбы, именно этому мирному монаху выпало не раз выступать в печати в защиту обиженных, будь то конкретное лицо или какое из учений Церкви, ставшее жертвой несправедливости, бесчестности или мелких интриг.

Хорошо помню, как летом 1978 года о. Серафим прочитал мне вслух обширную статью о блаж. Августине. До этого я многократно встречал отзывы об этом святом, в том числе и неумеренно осуждающие. Но еще никто в Церкви ранее не позволял себе писать о святом Отце в подобном тоне. Отца Серафима встревожило столь обмирщенное и неуважительное отношение, в коем он увидел знамение духовной незрелости современной церковной жизни. «Мы, христиане последних времен, недостойны наследия святых Отцов... Мы цитируем их, но не проникаемся их духом». Он просил читателей отнестись к Отцам Церкви со смирением, любовью и прощением. Холодно и равнодушно использовать их учение — значит являть неуважение и непонимание...

Отец Серафим сказал, что, изучая блаж. Августина, он задавался одним вопросом: «Как Православию следует относиться к спорам?» Ибо время от времени в Церкви сталкиваются разные точки зрения: Господь попускает такое ради нашего роста и развития. Читатель увидит, каков ответ о. Серафима — он четко и убедительно изложен в статье о блаж. Августине. Автор рассмотрел и сильные и слабые его стороны, привел мнения о нем других святых отцов, но главное — он передал дух этого великого человека... никто ранее, пожалуй, не излагал этого на английском языке.

Статью он озаглавил «Место Блаженного Августина в Православной Церкви». И неспроста: сегодня находятся люди, готовые вообще вычеркнуть это имя из списка Отцов Церкви.

Некоторые запальчиво и безосновательно называют его еретиком, приписывают ему все ошибки и заблуждения католической и протестантской Церквей. Отец Серафим, напротив, хотел «копнув глубже» доказать тем, кто не ведает или не верит, что блаж. Августин по праву занимает видное положение в истории Церкви, с чем считались самые великие святые прошлого»[5].

Два дня провел о. Серафим в университетской библиотеке Беркли, собирая исторические сведения, способные прояснить положение блаж. Августина среди святых Отцов. В своем исследовании о. Серафим объяснил заблуждения великого человека в вопросах благодати и свободной воли человека. Заблуждения эти возникли, в основном, из-за чрезмерного упования на логику. Далее о. Серафим доказал, что за-

блуждения отнюдь не дают никому права называть святого еретиком (ни в прошлом, ни в настоящем). Противники католических нововведений более поздних времен (св. Фотий Константинопольский, св. Марк Эфесский) признавали тем не менее Августина великим, святым, блаженным. Уже в наши дни к нему весьма почтительно относился архиеп. Иоанн, он написал службу в честь этого святого и ежегодно совершал ее.

Отец Серафим писал, что «слишком много внимания уделялось ошибкам и противоречиям в догматических работах блаж. Августина и совершенно в стороне оставалась их нравоучительная ценность. Но именно благочестие, каким преисполнены его писания, так важно и дорого нам в этом святом Отце православной веры. Многие современные ученые мужи недоумевают: как это такой «гигант мысли» оказывается порой типичным «дитятей своего времени» (хотя ожидают от него совсем иного!), он «верит в сны, бесов, духов, принимает на веру всякие чудеса, видения, т. е. являет неслыханную в наши дни доверчивость»[6]. Да, в этом блаж. Августин уж точно расходится с современными богословами. Зато един с простыми православными верующими и святыми Отцами Запада и Востока, которые — как бы не разнились их богословские взгляды в частном — обладали глубокой христианской сердечностью и душевностью. Поэтому блаж. Августин, без сомнения, православный святой, и меж ним и его «учениками» последующих веков — пропасть. Он сродни тем, кто привержен истинному христианству»[7].

Отец Серафим полагал, что хулители блаж. Августина находятся как среди «левых» либералов, так и среди «правых», «сверхправильных»: «Это еще раз подтверждает, что ныне вроде бы противоборствующие богословские школы — две стороны одной медали. Для этих критиканов блаж. Августин стал не только козлом отпущения за все богословские ошибки (что само по себе несправедливо), но — что хуже! — дал повод к распространению снобистско-высокомерного мнения, что, дескать, восточнохристианская мудрость выше западной».

Многие «ниспровергатели» блаж. Августина не в силах простить ему богословского несовершенства. Но именно в этом стремлении о. Серафим увидел проявление «западности», даже иезуитства, от чего как раз и открещиваются (на словах) эти «ревнители» христианства. Но ведь именно такая логика и приводит к признанию непогрешимости святых Отцов, в частности папы римского.

Согласно своим принципам, о. Серафим не ставил себя «над схваткой». Он писал: «Весь западный подход к богословию, всё излишнее упование на логику, к чему, увы, приложил руку и блаж. Августин, порочны, ибо опираются на выводы нашего заблудшего разума (что

присуще всем и всякому живущему ныне). Поэтому просто глупо отмахиваться от этого вопроса, якобы не имеющего к нам касательства. Нет, он для нас первостепенен! Если бы мы хоть в малой доле обладали истинным «православием сердца» (говоря словами свят. Тихона Задонского), чем в большой степени обладал блаж. Августин, мы бы не делали из мухи слона, глядели бы глубже и дальше его заблуждений, как истинных, так и мнимых...

Сегодня все мы, православные христиане (не важно, на Востоке ли, на Западе), должны честно признать, что находимся в «западном плену». Куда более опасном, нежели могли предположить святые Отцы прошлого. В прошлые века «западное» влияние, возможно, и сказалось на безукоризненности некоторых учений, сегодняшний «западный плен» наш сказывается на самой обстановке и духе Православия, вроде бы и «правильного» теоретически, но лишенного истинного духа, «аромата» подлинного христианства.

Так наберемся же смирения, любви, прощения в подходе ко святым Отцам. Наша преемственность традиций должна сказываться не только в «правильности» учения, но и в любви к ближнему, равно и к тем, кто до нас эти традиции донес. Среди них — несмотря на ошибки и заблуждения — и блаж. Августин, и св. Григорий Нисский»[8].

«ПРАВОСЛАВНЫЕ БОГОСЛОВСКИЕ РАБОТЫ»

Одновременно с публикацией статьи о блаж. Августине, платинские отцы поместили в «Православном Слове» избранные богословские проповеди св. Симеона Нового Богослова (†1022). Отец Серафим неуклонно пытался ознакомить современников с истинным учением о начале и конце земной жизни и взялся за перевод на английский этих проповедей: в них рассказывается о жизни Адама в Раю, его грехопадении, об искупительной жертве Иисуса Христа, о будущем преображении материального мира. В 1979 году перевод этот под названием «Грех Адама» был издан отдельной книжицей в серии «Православные богословские работы».

Св. Симеон Промыслом Божьим нес учение о начале и конце света, он один из трех святых во всей истории Церкви, удостоенный высокого звания «богослов». В предисловии о. Серафим коснулся и этого: «Как удалось св. Симеону дать истинно христианское учение, а не плод собственных размышлений и догадок? Он говорит по Откровению Божьему. Во-первых, он всегда основывается на Священном Писании, и сколь глубоки по значению приводимые им цитаты. Своим

разумом мы бы такой глубины не достигли. Во-вторых, он говорит, опираясь на свой личный опыт»[9]

Приведя учение св. Симеона об Адаме и Богом сотворенном мире, о. Серафим, не вступая в полемику, сопоставил его со мнением современных богословов, утверждающих, что святые Отцы были «эволюционистами». И поскольку св. Симеон недвусмысленно высказывался об искуплении грехов человека жертвенной смертью Христа на Кресте, его учение разбивало лживую «догму искупления», хотя напрямую дискуссии и не возникало.

Следующей в серии «Православные богословские труды» отцы опубликовали статью архиеп. Иоанна «Православное почитание Божией Матери». Они отыскали ее на русском языке в старом (за 1933 г.) Церковном календаре, напечатанном в Чехословакии. В ней они нашли ясный и сжатый ответ на весьма «щекотливый» для многих новообращенных вопрос (особенно для тех, кто пришел из протестантства). Рассмотрев этот вопрос с исторической и богословской точек зрения, архиеп. Иоанн доказал, что Церковь почитала Богоматерь исстари, и рассмотрел основные ошибочные положения — неприятие и нападки на святость Богородицы. В заключение он привел известные Церкви факты ее земного бытия. На мнение архиеп. Иоанна о. Серафим полагался не меньше, чем на учение св. Симеона, ибо блаж. Иоанн мистически-непосредственно общался с Богородицей.

Позже, во время поездки о. Серафима в Джорданвилль, о. Герман и братия собрали все материалы на английском языке, напечатанные Братством о Владыке Иоанне, и свели их в один том. К приезду о. Серафима они завершили работу и на Рождество преподнесли ему чудесный подарок. Книга была озаглавлена просто «Блаженный Иоанн». В конце о. Герман поместил замечательный акафист ныне прославленному святому, который несколькими годами раньше написал о. Серафим[10].

ПРАВОСЛАВНОЕ ДОГМАТИЧЕСКОЕ БОГОСЛОВИЕ

Не один год о. Серафим переводил один из основных джорданвилльских учебников «Догматическое богословие» прот. Михаила Помазанского. Отец Серафим полагал, что книга эта существенно поможет новообращенным американцам утвердиться в православных богословских традициях, не поддаваться крену «влево» или «вправо». В предисловии он писал: «Преимущество этой книги в простоте изложения. Написана она не для ученых богословов, а в первую очередь для пастырей, а потому особенно ценна практически — то, чего как раз не

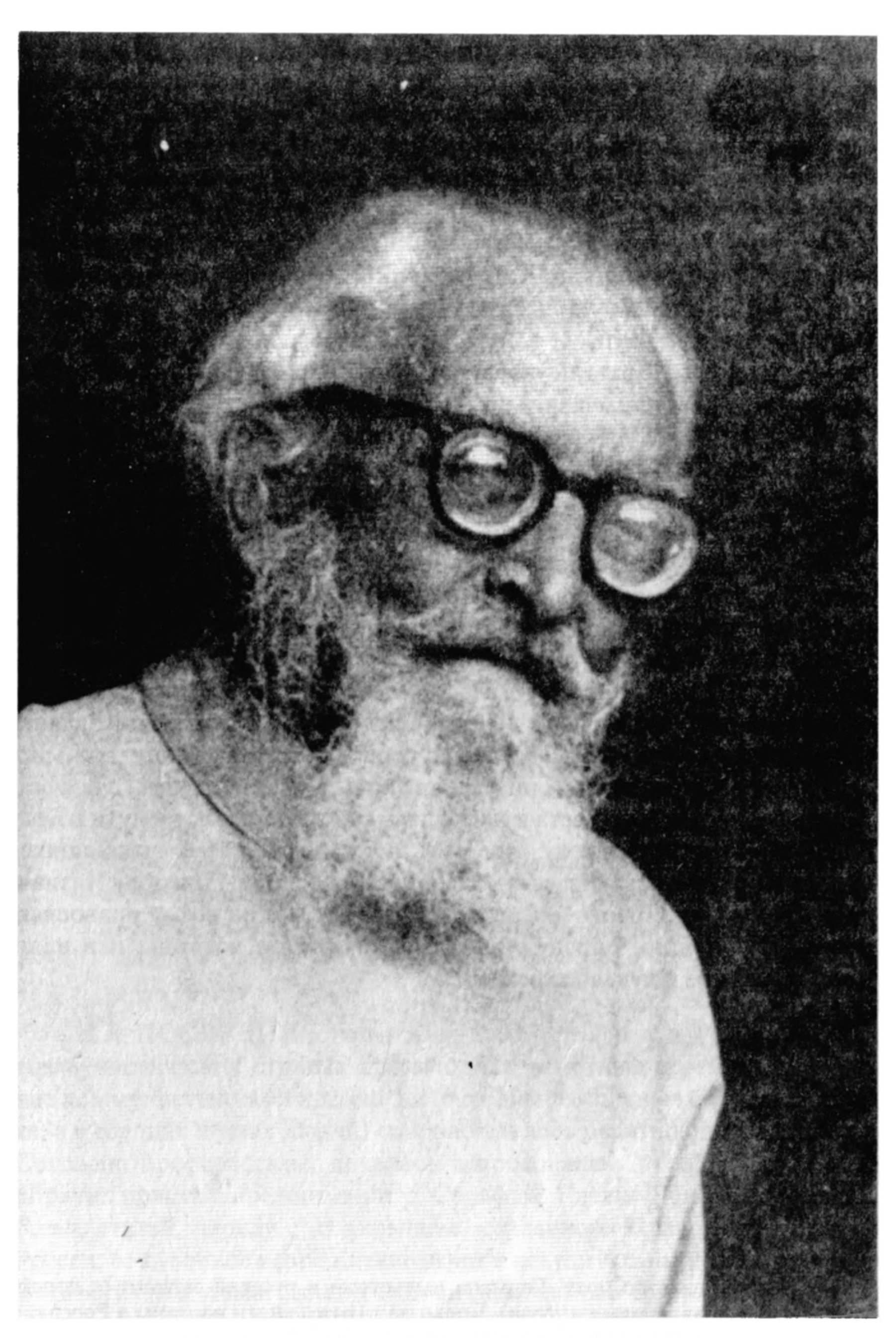
хватает современным ученым богословским трактатам. Отец Михаил держится корней Православной Церкви, не пытается затмить своим мнением всякое откровение, донесенное через века до нас Церковью. Он вообще избегает субъективных суждений, пишет лишь о том, что священство может передать своей пастве: неизменное, четкое учение, неподвластное никаким «дискуссиям». Подход о. Михаила отличает целостность, это — залог верности подлинному учению Церкви»[11].

Специально для англоязычного издания о. Михаил предоставил дополнения и уточнения, рассчитанные на более широкий круг читателей, нежели семинаристы, и не только на русскую, но и на американскую аудиторию. Он прислал отцам все дополнения, равно и новое предисловие, справлялся в письмах, как движется работа, даже ухитрялся помогать деньгами.

Отец Серафим успел перевести этот труд и снабдил его ценными замечаниями, однако издать эту книгу при его жизни не удалось. Она вышла в свет два года спустя после его кончины в 1984 году, и пользовалась большим спросом у простых верующих, далеких от модных богословских словопрений. Зато от «мэтров» богословия (как «правых», так и «левых») автору книги досталось: о. Михаила обвинили в «прозападничестве» за то, что он признал православным Отцом Церкви блаж. Августина, и за композицию книги, дескать, в ней всё «разложено по полочкам», как у западников.

Отец Серафим предвидел все эти нападки со стороны «модных» богословских школ, но, как и архиеп. Иоанн, считал, что подобная критика — «стрельба из пушки по воробьям», а манера изложения вполне соответствует сути и духу богословия. У самого архиеп. Иоанна в работах не было такой упорядоченности, однако он не возражал и против «системного подхода» русских богословов XIX века и сам пользовался в своей апостольской деятельности системами богословских знаний (особенно для катехизации начинающих путь в Православии), выработанными великими иерархами XIX и XX веков в Греции и России. Архиеп. Иоанн был выше всяких модных веяний, направлений, течений как прошлого, так и настоящего: «Всех их чересчур заботит метод, коим излагается православное богословие»[12]. Так писал о. Серафим в предисловии к книге «Православное почитание Божией Матери».

В 1987 году, три года спустя после выхода в свет перевода «Догматического богословия», прот. Михаил Помазанский преставился на пороге столетнего юбилея. Незадолго до этого вышла другая книга по догматике, написанная «сверхправильным» автором. Он, похоже, задался целью не только развенчать блаж. Августина, но и взвалить на

Протоиерей Михаил Помазанский (1888-1987)

него бремя ошибок католичества и протестантизма. Он назвал великого святого «главным еретиком Церкви»[13]. Сам тон, вызывающий и неуважительный, по-школярски запальчивый, которого бежали архиеп. Иоанн и о. Михаил, равно и содержание книги вызвали бурный протест православных во всём мире и появилось немало публикаций в защиту блаж. Августина.

Сегодня утверждающее истину богословие прот. Михаила Помазанского общепризнанно. Оно доходит до глубины души простых христиан. Книга его пользуется неизменным спросом и считается лучшим вводным курсом в православное богословие на английском языке. Ею пользуются как учебником во всех православных семинариях Америки*. Читателей книга не только поучает, но и воодушевляет. Отец Серафим загодя предрекал ей счастливую судьбу. В 1981 году он написал статью об о. Михаиле, назвав его «одним из последних богословов, кто преподносит Православие «с пылом сердца и вдохновением», указав, что это «старое поколение быстро исчезает»[14].

В той же статье он определил истинную высокую цель Богословия, которую открыли ему религиозные ученые и писатели старого поколения и коей Братство руководствовалось во всех своих печатных трудах: «Богословие — не арена стычек, споров, доказательств и опровержений. Прежде всего, это *слово человека о Боге* в соответствии с Божественным откровением в Православии. А посему главной задачей его является вдохновлять, зажигать сердца, отрывать людей от мирской суеты, с тем чтобы они узрели (хоть в малой степени) Божественное начало и конец света и набрались сил для борьбы на пути к Богу и Небесному дому своему. Это суть и дух учения трех выдающихся богословов Православия: святых Иоанна Богослова, Григория Назианзина и Симеона Нового Богослова. Они задали тон всему православному Богословию, определили его задачи. Они истинны и в наше жестоковыйное и лукавое время»[15].

---

* Недавно Братство преп. Германа выпустило и русский вариант (с дополнениями и исправлениями автора). Большие тиражи книги посланы в Россию и Болгарию.

94

Воскрешение Святой Руси

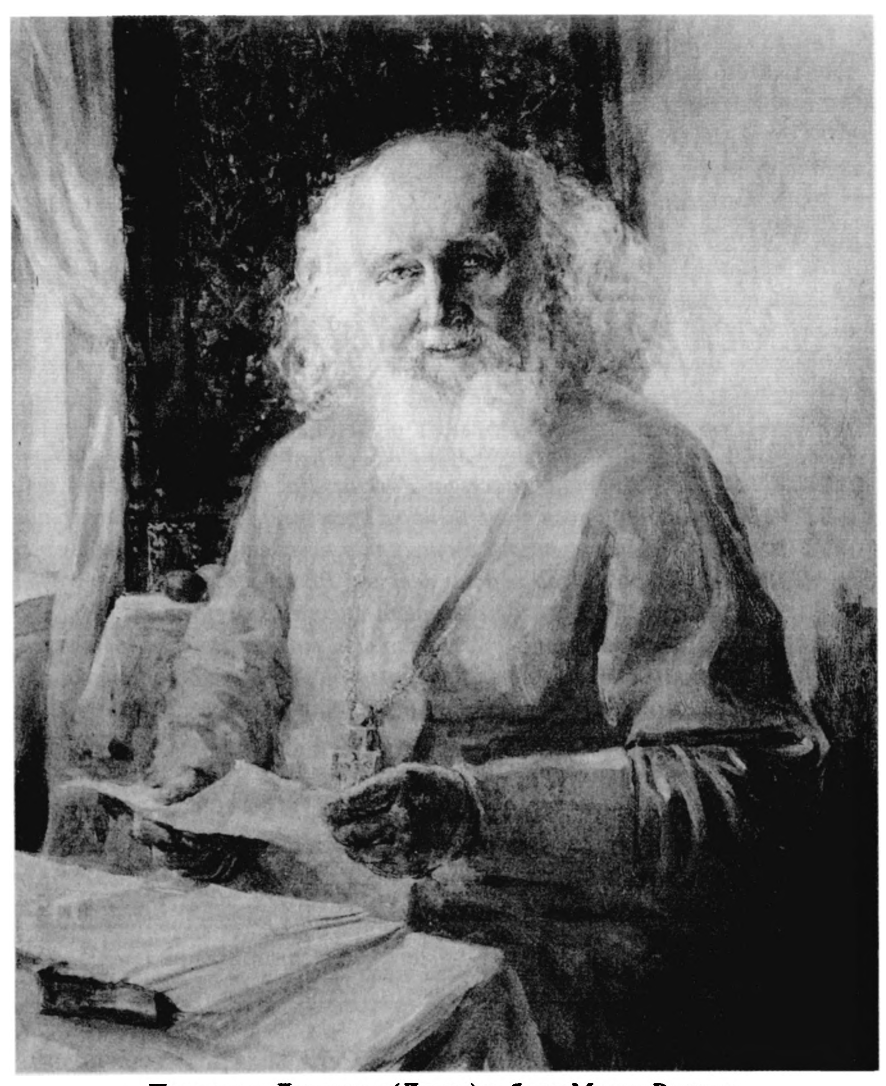
Лишь глубоко изменившись, вправе мы серьезно помышлять о спасении России. Да, нужно понудить себя измениться в корне, ибо в прежнем состоянии мы вольно или невольно, по умыслу или неведению, с охотой или по безразличию сердца ввергли Россию в страшную кровавую бездну, где она пребывает и по сей день... Негоже нам радоваться, ликовать на могиле России — ведь это мы довели ее до смертного одра. Нужно каяться в слезах, каяться, как учит святая Церковь, в твердой решимости коренным образом изменить свою жизнь, обновить дух.

Архиеп. Аверкий (†1976)[1].

Если уж человек не увенчан мученическим венцом, пусть хотя бы потрудится быть рядом с мучениками.

Блаж. Климент Александрийский (†223).

В ПОСЛЕДНИЕ годы жизни о. Серафима в России и иных коммунистических странах происходили заметные перемены. Крушение коммунистической идеологии (отразившееся поначалу не в политике, а в сердцах и умах людей) сопровождалось религиозным подъемом. Согласно пророчествам, началось возрождение Святой Руси. На это обратил пристальное внимание о. Серафим. Главной темой его лекций, бесед, статей, наряду с изложением «сердечного Православия», стала Россия, ее духовное возрождение вкупе с искупительным страданием. О важности этой темы можно судить даже по его джорданвилльскому дневнику. Отец Серафим неразрывно связывал сердечное Православие,

Портрет о. Димитрия (Дудко) работы Марии Вишняк.

возрождение Руси и искупительные страдания с личностью о. Димитрия Дудко. К 1980 году тот своими проповедями, публикациями, беседами (даже изданием еженедельной газеты!) привел к Православию и крещению более пяти тысяч человек. (Только взрослых, не считая детей). Он открыто осуждал навязанный народу атеизм, сергианство, продажность и бездеятельность части иерархов Московской Патриар-

хии. Он попытался привлечь внимание мировой общественности к явлению новых российских мучеников, к судьбе христиан, подвергаемых истязаниям и заточению безбожными коммунистическими властями. Во главу новых мучеников он ставил Царя Николая II и его Семью, открыто молился ему и величал «Великомучеником Николаем». И всё это о. Димитрий делал, по словам о. Серафима, находясь в страшной пасти атеистического чудовища. Он писал: «Так велико зло в наш век, что мы подчас забываем о могучей силе, которую можно противопоставить злу... Отец Димитрий, как никто другой сегодня, несет утверждающее Православие, хотя в пучине зла современной жизни. В «ГУЛаге» Солженицын дал мирскую оценку большевизму, о. Димитрий оценивает «власть Советов» с христианской точки зрения. Главное в его писаниях (равно и в самой жизни современной России) — понимание страданий, порожденных атеизмом, их ненапрасности, ибо в них можно обрести Иисуса Христа.

В 1980 году о. Серафим провел беседу «Православное возрождение Руси» и процитировал о. Димитрия: «Нашу страну можно уподобить Голгофе: страдания мучеников мало-помалу очищают ее дух... Сегодняшнее распятие Христа в России, преследования и издевательства лишь возрождают веру в сердцах людей... Сколько мучеников знала Русь — значит сколько святых чувств! Неужто они не дадут плода? А, может, и живы-то мы лишь молитвами святых мучеников, они-то нас и поддерживают... Да, сегодня в России — Голгофа, распинание Христа. Но Голгофа — не просто страдания, а страдания, ведущие к духовному просвещению людей»[2].

Отец Димитрий вкусил этой Голгофы. В молодые годы на восемь с половиной лет был заточен в концлагерь за религиозные стихи. В 1975 году попал в далеко не случайную «аварию», едва остался жив, «отделавшись» переломом обеих ног. В 1980 году (ему в ту пору перевалило за шестьдесят) государство и чиновники Московской Патриархии всё еще оказывали на него давление, понуждая прекратить религиозную деятельность. Отец Серафим отмечал: «Православие о. Димитрия глубоко пронизано страданием, оно не сродни уютному кабинетному разглагольствованию о Православии, что так нетрудно на свободном Западе. Его Православие — это вера, облеченная в дела, это любовь к страдающему ближнему. В письмах из ссылки о. Димитрий очень хорошо сказал: „Если я буду говорить лишь о Православии, невзирая на страдалицу Россию, вера моя будет питаться лишь разумом"»[3].

Отец Серафим также отмечал, что «главнейшая беда современного Православия — избыток расчета и нехватка сердца». Он понял, что слова о. Димитрия чрезвычайно важны для сегодняшних людей.

Когда в церкви, где священствовал о. Димитрий, его обвинили в том, что религия для него — лишь прикрытие, он прямо ответил: «Я отсидел в лагере восемь с половиной лет, но у меня ни на кого злобы нет. Неужели не понятно, что те, кто занимается политикой, так открыто не говорят? Политики всегда рассчитывают, а я, как видите, не рассчитываю, говорю, рискуя своей жизнью и жизнью своей семьи, в моих словах нет политики. Не враждебность, не клевета в моих словах, не тайный какой-то умысел, а боль за всех и вся, и другого ничего нет»[4].

В одном из писем о. Серафим замечал: «Слова о. Димитрия — точно глоток свежего воздуха для людей нашего времени... Слова эти достигают сердец, как в России, так и за ее пределами»[5].

В другом письме: «Отец Димитрий помогает и нам разобраться с некоторыми нерешенными вопросами: например, у нас не любят даже говорить о святых, еще не прославленных Церковью, он же открыто упоминает «святого новомученика Царя Николая»*. Нам в пример в его «ослушание» «сверхправильных» и обюрократившихся иерархов».

За несколько лет платинские отцы получили лишь две весточки от о. Димитрия. «Очевидно, остальные его письма — в архивах КГБ», — писал о. Серафим. Меж тем с 1978 по 1980 год он перевел на английский первые четыре номера газеты о. Димитрия «В свете преображения», и о. Алексий Янг напечатал их в своем «Никодиме». Перевел он и письма, и воззвания о. Димитрия (поместив их в «Православном слове» вместе с фотографией автора на обложке), и книгу «Проповеди о воскресении» (которую, увы, не разрешил издать праводержатель из Канады). Об о. Димитрии к тому времени узнали уже во всём мире. Бесхитростно и безыскусно обнажал он свою многострадальную душу перед людьми, представая перед ними жертвенным агнцем. Будто мало было гонений со стороны властей, так добавились к ним упреки братьев — православных на Западе. Это огорчало больше всего. В беседах о. Серафим говорил: «Правдивостью и страстной верой о. Димитрий снискал много врагов, и самое огорчительное — даже среди православных. Его проповеди считают излишне эмоциональными, чересчур мрачными (он говорил о скором конце света), едва ли не мессианскими. И верно: пожалуй, со времен св. прав. Иоанна Кронштадтского не слышала Русь (да и весь православный мир) таких пламенных, злободневных проповедей. Сколько православных удовольствовалось своим «правильным» житьем, их даже оскорбляет столь неистовый, пламенный призыв. А сколько верующих заражены подозрительностью (насаждаемой совет-

---

* В то время Царь Николай II еще не был прославлен как святой ни в России, ни за рубежом.

ской шпиономанией) и попросту не верят ему, кое-кто даже видит в нем агента КГБ. Иные прислушиваются к его словам, выискивая ересь, и теряют главную мысль, полагают его «экуменистом», потому что он не предает анафеме всё неправославное христианство, хотя различия в учениях непрестанно подчеркивает»[6].

В январе 1980 года о. Димитрия снова арестовали и посадили в тюрьму. Перед заключением он написал своим зарубежным критикам: «Вы смелы в рассуждениях, но не знаете всех наших обстоятельств… Не пора ли нам научиться понимать друг друга, помогать друг другу, радоваться друг за друга… Братья, Россия гибнет, да и весь мир гибнет, прикрываясь ложным благополучием, а мы мешаем друг другу делать дело Божие…

Русские люди, за кого я решил отдать всю жизнь, вдруг начали травить. Господи, прости им!.. Помоги мне вынести этот тяжелый крест»[7].

В Америке о. Димитрия больше всего поносила «сверхправильная» православная группировка. Даже когда он томился в застенке и терпел изощренные пытки советских палачей, «сверхправильные» опубликовали большую статью, стараясь поймать его на слове и доказать: все, кто принадлежит к противостоящей Московской Патриархии, — экуменисты и еретики. Заканчивался этот пасквиль заявлением архиеп. Антония Лос-Анжелесского (недоброй памяти гонителя архиеп. Иоанна): «Если о. Димитрий умрет в тюрьме и не отречется от Московской Патриархии, то смерть его будет не мученической, а простым самоубийством(!)». Статья призывала православных христиан молиться «правильно»: не за о. Димитрия, а только за тех гонимых в вере, кто не связан с Московской Патриархией.

В одном из писем о. Серафим говорил: «Ну вот, теперь нападают на о. Димитрия, а нас (с о. Алексием Янгом), защищавших его в печати, обвинили во лжи, беспринципности и безответственности. Нас меньше всего задевают личные оскорбления. Но поносят лучших сынов живого сердечного Православия!»[8]

Отцы Герман и Серафим сочли статью об о. Димитрии возмутительной и послали редактору письма, взывая к состраданию узнику. Не прошло и недели, как стало известно: о. Димитрий не выдержал испытаний и «покаялся» публично в своей «антисоветской деятельности». «Православное Слово» откликнулось заметкой о. Серафима: «Многие православные в свободном мире опечалены «признанием» о. Димитрия, которое транслировало советское телевидение (20-го июня 1980 года). Он прочитал заранее подготовленное заявление, отрекаясь от своих статей, книг, признавая свою вину и «антисоветскую дея-

тельность». «Признание» это последовало после почти полугодового заключения. К нему не допускали никого, даже родных. Остается лишь гадать, каким психологическим пыткам он подвергался (вероятно, ему впрыскивали препараты, ослабляющие волю) и что заставило его прочитать это заявление, состряпанное в КГБ»[9].

В беседе о возрождении Православия о. Серафим замечал: «Нетрудно представить, что произошло с о. Димитрием. Он «сломался» не в вере (отречься от нее его, возможно, и не просили), а в своем миссионерстве, изуверился в нем. Еще до ареста он писал о «бессонных ночах», когда читал поношения и клевету зарубежных братьев по вере: «Как это дозволяют говорить столь открыто? Откуда у него друзья за рубежом? Почему не запрещают его газету?»

Как же мелко это недоверие перед чудом проповедей о. Димитрия в последние годы! Мучители-безбожники, конечно, сыграли и на сомнениях и подозрениях единоверцев о. Димитрия, чтобы вынудить его, оторванного от семьи и паствы, усомниться в пользе своего дела, — казалось, что все ополчились на него.

Думается, мы не вполне оценили о. Димитрия и не помогли ему в должной степени. Так что в его трагедии есть и наша вина. Никто не попытался «прорваться» к нему, а его матушка (с которой довелось поговорить) лишь повторяла: „Что они с ним сделали?"»[10]

Несколькими днями позже публичного «покаяния» о. Димитрия о. Серафим выразил свои чувства в письме: «Да поможет Господь бедняге в час испытаний! Нам не понять и не представить воздействия и пыток, которые он претерпевает ради своих ближних и духовных чад*. Надеюсь, хоть сейчас его недруги не станут злопыхать. Всем нам это хороший урок вглядеться в собственную душу. Конечно, утешительно думать, что где-то живет «герой», смело говорящий то, на что не отважимся мы, живущие в свободном мире, но сейчас важно понять и оценить страдания, ожидающие всех нас, православных христиан, в эти ужасные времена. «Покаяние» о. Димитрия не перечеркивает ни одного ранее сказанного им слова. Но теперь дело его нужно продолжать другим. Нужно истово молиться друг о друге, любить и сострадать. Да поможет нам Бог! И над Америкой уже собираются тучи!»[11]

Как и опасался о. Серафим, нашлись в свободном мире люди, бросившие камень в о. Димитрия, будто «покаяние» его доказало его несостоятельность и в прошлом. Бюллетень «сверхправильных» опуб-

---

* Уже после смерти о. Серафима о. Герман, будучи в России, узнал, что о. Димитрий «покаялся» ради спасения своих молодых духовных чад, которым тоже грозила судебная расправа.

ликовал статьи Бостонского монастыря и архиеп. Виталия, авторы снова пытались доказать, что ничего хорошего от Московской Патриархии ожидать не приходится.

Подобные мнения касались не только личности о. Димитрия, они свидетельствовали о серьезном кризисе сегодняшнего Православия, о «неравной борьбе Православия мертвого, выхолощенного логикой и расчетом, с Православием сердечным».

Защищая о. Димитрия, о. Серафим по сути защищал сердечное Православие, поруганное и оплеванное.

В 1980 году он написал и напечатал в «Православном Слове» статью «В защиту о. Димитрия Дудко». Он ответил злопыхателям на каждое из выдвинутых ими обвинений. Так, например, о. Димитрию пеняли на то, что он не выходит из Московской Патриархии и не примыкает к катакомбной Церкви. Отец Серафим указал, как трудно широко известному пастырю вступать в «подпольную» организацию, доступную лишь немногим. Он писал: «Всё не так просто, как кажется нам, живущим вольготно и свободно. Открой мы телефонный справочник — и сразу увидим имена официальных представителей всевозможных Церквей. Выбирай любую! Маловероятно, чтобы верующие в России осудили о. Димитрия за то, что он не принадлежит к катакомбной Церкви. Было бы даже чудом, окажись он в ней, а чуда можно ожидать, но не требовать... Что толку читать каноны утопающему. Сначала надо помочь, поддержать, а не читать нравоучения. Муки гонимого ныне Православия не облегчить, поменяв „юрисдикцию"»[12].

Еще о. Серафим говорил: «Не стоит особенно радоваться, что мы не принадлежим к Московской Патриархии, чьи генералы (то бишь епископы) продажны и инертны. Сегодня дух сергианства, обмирщенности поразил всю Православную Церковь. Но, несмотря на это, мы призваны быть Христовым воинством!»[13]

Отец Серафим неоднократно подчеркивал, что принадлежит к той же Церкви, что и о. Димитрий, хотя и не может формально присоединиться к нему, покуда Московская Патриархия находится под пятой коммунистов. Понимал это и о. Димитрий, изложив этот парадокс так: «Единство Церкви сегодня — в ее разделении... Пока мы не можем объединиться и, чтобы сохранить целостность Церкви, должны пребывать в разделении... Нужно учиться понимать друг друга, являть терпимость. И в этом залог нашего единства. Каждый должен жить по совести, каждый как может предстоит перед Богом и Богу судить каждого»[14].

Слова о. Димитрия о «единстве в разделении» о. Серафим считал «наиболее удачной попыткой передать сложность положения Церкви в

наше время, как бы вразрез с «правильными» суждениями эти слова не шли»[15].

Отец Серафим полагал также, что разделение Русской Церкви временное, оно закончится с падением коммунизма и освобождением Церкви: «Голос о. Димитрия обнадеживает: наши расхождения с Московской Патриархией временные, ибо Православие о. Димитрия и наша вера едины[16]. Конечно, иное дело — его епископы, отношения внутри Церкви, и всё же очевидно, что факторы, разделяющие нас, — внешние, второстепенные и временные. Они не мешают нашему духовному единению с истинными сынами Русской Церкви, как о. Димитрий Дудко»[17].

Даже при явном «поражении» о. Димитрия о. Серафим считал его главным свидетельством возрождения России: «Он — глашатай воскресшей России, несмотря на «падение», на то, что долее не может говорить, как ранее. Он известил о начале воскресения. Конечно, оно невозможно, покуда в России правят безбожники, а церковная организация им кланяется и исполняет их приказы. Но возрождение началось и в угодное Богу время принесет плоды, каким бы ни было сопротивление.

Отец Димитрий, при всём уповании на Россию, предупреждает, что ей не возродиться и без нашей помощи, без помощи каждого православного. В одном из последних перед заключением писем он сообщал: «Как раз сейчас-то не только для живущих в России, но и для верующих всего мира наступает самый ответственный момент: как коснется наших душ начавшееся воскресение... Нужно установить усиленное моление за всех гонимых в России... оказывать всемерную помощь гонимым и их семьям... От нашего единения зависит начавшееся воскресение»[18].

Неудивительно, что после такого воззвания о. Серафим на каждой лекции и беседе (до самых последних дней) настоятельно просил братьев-американцев молиться за гонимых христиан в России, приводил имена, рассказывал о тех, о ком знал. В «Православной Америке» печатались адреса, дабы американские верующие могли поддержать преследуемых за веру, равно и воззвать к преследователям «положить конец преступной деятельности».

В лекции о возрождении России о. Серафим подчеркнул, что «на заре христианства молитвы верующих об узниках, рабах, мучениках давали огромные силы не только страждущим, но и самим молящимся. То же и ныне. Запишите их имена и помолитесь дома или в церкви».

Это было очень важно для о. Серафима, и, получив приглашение на конференцию «сверхправильных», он поделился своими чувствами с

единомышленником: «Мое участие в этой конференции будет предательством Православия, ибо там я не смогу открыто предложить людям помолиться за о. Димитрия и за всех гонимых братьев в Московской Патриархии, не смогу открыто призвать к помощи и поддержке их. Нельзя отворачиваться от них и молчать, ибо молчание — предательство братьев православных». И о. Серафим послал организаторам спокойный и вежливый отказ[19].

Поминал он и гонимых в Румынии, Сербии, Болгарии, Албании, Грузии, Латвии и других странах, находившихся под коммунистическим игом. Старался молиться о каждом поименно (когда удавалось выяснить имена и какие-либо иные сведения), хотя дознаться было еще труднее, чем о русских. Запад так никогда и не узнает тысяч и тысяч имен гонимых православных. Известны стали лишь некоторые, например, о. Георгий Кальчу из Румынии, отважный проповедник сердечного христианства, как и о. Димитрий в России. В последнем перед смертью о. Серафима номере «Православного Слова» начали печататься «Великопостные проповеди» о. Георгия, пламенные призывы к пастырскому самопожертвованию (изначально проповеди были обращены к православным румынским семинаристам). Отец Серафим увидел в них отличный и своевременный посыл всей молодежи.

В предисловии о. Серафим писал: «Проповеди эти читались по средам Великим Постом 1978 года в церкви Бухарестской православной семинарии, где преподавал о. Георгий. Они вызвали большой интерес и споры, обнаружив большие возможности для возрождения Православия в страждущей Румынии. Положение там почти такое же, как в России, где проповеди о. Димитрия так же значимы и важны»[20].

Когда проповеди о. Георгия появились в журнале, автор отбывал уже второй тюремный срок (первый раз он провел за решеткой 18 лет. На этот раз его осудили на 10 лет, но выпустили в 1984 году, и с 1985 года он живет в США). Вместе с проповедями о. Георгия, принадлежавшего к Румынской Патриархии (нового календарного стиля), о. Серафим поместил и статью о страждущей старокалендарной Церкви в Румынии.

ДАЖЕ будучи беспристрастным в своих работах, о. Серафим не избежал еще одного столкновения со «сверхправильной» группировкой. Нечаянно замешанным в скандале оказался глава Русской Зарубежной Церкви митроп. Филарет. В сентябре 1981 года он прислал Братству письмо:

Дорогой о. Герман!

Посылаю Вам для публикации материал … о последнем старце Глинской пустыни архим. Таврионе. По имеющимся сведениям этот благочестивый старец принадлежал поначалу к катакомбной Церкви. Но, видя, как рассеивается без пастыря стадо Божье, присоединился к официальной Церкви, хотя деятельность его была совершенно иного толка: все силы он отдавал духовному водительству верующих.

Да поможет Вам Бог! Мира Вам и Вашей братии!

С любовью, митрополит Филарет[21].

Оказалось, документы, присланные Владыкой, невероятно обнадеживающи: в них рассказывалось об истинной жизни Церкви в России в разгар коммунистического шабаша, об истинном праведнике и ясновидце, преисполненном любви старце, сродни по духу старцам Оптиной. Архим. Таврион (†1978) питал большую любовь к о. Димитрию Дудко: «У о. Димитрия вера простая, детская, вот Господь и выбрал его в исповедники. Так что бояться нечего».

К тому времени появились и другие вдохновенные работы о нынешних проповедниках. Их писали и распространяли тайно, но, увы, на Запад они вовремя так и не попали (за исключением публикаций Самиздата Зои Крахмальниковой). Поэтому платинские отцы, получив такое ценное и редкое свидетельство, очень быстро опубликовали его. Чтобы избежать лишних объяснений со «сверхправильными» (ибо о. Таврион из катакомбной Церкви «переметнулся» в Московскую Патриархию), отцы присовокупили к статье и письмо Владыки Филарета, и несколько документов катакомбной Церкви.

Получилось всё вопреки ожиданиям. Письмо митрополита вызвало возмущение «правых». Они не могли поверить, что их собственный первоиерарх называет «мудрым и благочестивым старцем» священника Московской Патриархии! «Сверхправильные» организовали кампанию протеста, у верующих собирали подписи, официальная делегация даже прибыла в Нью-Йорк в резиденцию Владыки для получения объяснений. В их «воззвании» говорилось, что фотография о. Тавриона, как и житие его, присланное Владыкой, «являются орудием советской пропаганды, стремящейся умягчить наше отношение к советскому священству и советской Церкви, где, видите ли, тоже есть «мудрые и благочестивые старцы»… Нашим иерархам нужно объединиться и дать отпор этой серьезной провокации. Редакция «Православного Слова»

должна в виде искупления за нанесенный ущерб отказаться от этих публикаций и поместить заявления нашего Синода по столь важному вопросу».

Отец Серафим писал, что «один из «сверхправильных» священников заставляет несчастных русских старушек-прихожанок подписывать письма протеста митрополиту, а они даже не знают, из-за чего сыр-бор разгорелся!

Какая узколобость! Как противна она насущной миссионерской работе... Они не видят действительности, воюют с ветряными мельницами, пуская в ход свою иезуитскую логику, боясь запятнать свою «непорочную чистоту». Хотя сегодня нужно другое: чуткое и любящее сердце, готовность помочь страждущим и ищущим, привести их ко Христу»[22]. В другом письме о. Серафим назвал такое христианство «Православием в Зазеркальи»[23].

Митрополит и все здравомыслящие епископы вскоре положили конец этой смуте и издали «Решение», в котором говорилось, что нельзя закрывать глаза на положительные изменения в Московской Патриархии. Его напечатало «Православное Слово» вместе со статьей о. Серафима «Хвала старцу Тавриону». Таким образом стало очевидным, что журнал не изменил своей позиции в отношении церковной жизни в России. Отец Серафим подчеркивал, что материалы об о. Димитрии и старце Таврионе продолжают серию (начатую еще в третьем номере) статей о положительных переменах в Московской Патриархии.[24]

ОТЕЦ СЕРАФИМ, как известно, избегал всяких церковных распрей, потому может показаться удивительным, что он вдруг и сразу встал на защиту о. Димитрия и старца Тавриона. Удивился этому и послушник Григорий, появившийся в монастыре в разгар последнего скандала. С чего бы это о. Серафим так яростно защищает этих людей? «Мы — американцы, какая нам забота о сугубо российских делах». Позже он понял: о. Серафим защищал дух истинного христианства от засилья буквы, формализма. Более того, примеры старца Тавриона и иных подвижников свидетельствовали о том, что со Святой Русью не покончено, что она воскреснет. И воскресение ее, как неоднократно указывал о. Серафим, скажется на всём белом свете: от этого зависят судьбы мира.

3-го августа 1981 года на конференции русской молодежи в Сан-Франциско о. Серафим объяснил значение России — он прочитал свою самую известную лекцию «Будущее России и конец мира»[25]. Он сказал:

«Россия первой познала бремя коммунистического ярма, первой же она воскреснет и сбросит его. Несмотря на долгое правление безбожников, атеизм не поработил душу России, и сегодня видны признаки пробуждения религиозного сознания. И это лишь начало естественного процесса выздоровления народа от чумы безбожия. Вот почему Россия сегодня может сказать весомое слово всему миру, погружающемуся в пучину безбожия, — Россия из нее уже выбирается. Поэтому в религиозном понимании судьба всего мира зависит во многом от судьбы России».

Далее о. Серафим привел пророчества русских святых о возрождении России, в том числе и следующие.

Старец Алексий из Зосимовой пустыни (†1928) говорил: «Кто это говорит, что Россия пропала, умерла? Нет, она не пропала и не умерла, и не умрет, но очищение от греха придет к русским людям великими скорбями. Нужно молиться и каяться. Но Россия не пропала, не умерла».

А вот слова старца Варнавы из Гефсиманского скита (†1906): «Усилятся гонения верующих. Неслыханные скорби и мрак опустятся на Россию. Почти все церкви будут закрыты. И когда будет казаться, что нет силы терпеть долее, придет избавление. Наступит расцвет, будут строиться новые церкви. Но расцвет этот наступит перед самым концом света».

Отец Серафим напомнил юным русским слушателям, что воскресение России «зависит от самих русских людей, ибо Бог действует посредством свободной воли человека. Как Ниневия некогда спаслась покаянием и не оправдались пророчества Ионы, так и предсказания о возрождении России окажутся пустыми словами, если русский народ не покается».

В 1938 году современный пророк свят. Иоанн, архиеп. Сан-Францисский и Шанхайский, сказал, что возрождение России возможно лишь после того, как она искупит страшные грехи — клятвопреступление и цареубийство (убийство помазанника Божьего). «Гражданские и военные руководители преступили клятву верности и послушания Царю еще до его отречения от престола, вынудив его к этому (поскольку он не хотел братоубийственной кровопролитной войны). Народ громогласно приветствовал это вопиющее беззаконие, нигде люди не выступили против свержения Царя... Поэтому в цареубийстве повинны не только палачи, но и весь народ, возликовавший при низложении богоданной власти. При попустительстве народа Царя свергли, унизили, арестовали, сослали, он оказался беззащитен в руках бандитов. Уже одно это предрекло конец России.

Поэтому катастрофа, которую претерпела эта страна, — следствие страшного греха всего народа, и возрождение ее возможно лишь по искуплении греха. Однако по сей день не видно признаков покаяния, совершенные преступления до сих пор не осуждены, и многие непосредственные участники тех событий и сегодня утверждают, что в то время нельзя было поступить иначе. Не предав анафеме февральскую революцию, восстание против помазанника Божия, русский народ закосневает во грехе, особенно, когда защищает плоды революции»[26].

Более сорока лет спустя о. Серафим подвел итог: «Цареубийство символизировало отпадение России от Христа и Православия, начавшееся еще в XIX веке. И только в конце XX века наметился обратный процесс».

Отец Серафим выступил с лекцией о будущем России всего за несколько месяцев до прославления Зарубежной Русской Церковью Царя и Новомучеников Российских. Канонизация, по словам о. Серафима, «снимает с России проклятие, нависшее над страной со дня цареубийства»[27].

Через пять дней после о. Серафима на той же молодежной конференции выступил еп. Нектарий. Он пошел еще дальше: заявил, что возрождение России непостижимым образом зависит от канонизации Царя как главы всех русских новомучеников, даже выше погубленных иерархов Церкви. Сказал он так в пику архиеп. Антонию, который (в угоду русской либеральной эмиграции) настаивал, чтобы Царю не отводилось особое место, чтобы во время богослужения имя его упоминалось в тропаре новомученикам следом за именами иерархов. Мнение Владыки Антония возобладало, однако еп. Нектарий взял с платинских отцов обещание опубликовать тропарь в должном виде, дабы снять грех цареубийства. Когда отцы исполнили просьбу епископа, Владыка Антоний огорчился и рассердился, требовал даже, чтобы номер журнала отпечатали заново, а подписчикам прислали извинения.

18/31-го октября в Нью-Йорке состоялось прославление Царя и Новомучеников Российских. Текст богослужения был составлен отцами Германом и Серафимом. Сослужил еп. Нектарий — единственный иерарх, бывший еще в России сыном ее страждущей Церкви. Он был знаком с новомучеником патриархом Тихоном. Полтора года спустя в последний раз он явит единство души с новомучениками — упокоится в день их поминовения, совершив накануне в субботу всенощную в их честь…

В упомянутой лекции еп. Нектарий сказал: «В нас теплится надежда, что, когда весть о прославлении Государя во главе всех новому-

чеников российских достигнет России, православный русский люд на Родине вместе с нами, осознав тяготеющий над Россией грех цареубийства, с покаянными слезами будет молить Господа о прощении и в молебном пении всем сердцем будет призывать в помощь Царя-мученика: «Святый Царю Мучениче и Страстотерпче Николае, со всеми Новомучениками Земли Русския, молите Бога о нас, грешных!»

Тогда верим, что светлая душа Государя, печальника страждущей России, поклонится Престолу Божию и сотворит сугубую молитву о спасении России и о нас грешных. «Кровь мученическая вопиет к Небу». И Господь, внемля нашему покаянному воплю, услышав святую молитву Своего смиренного раба — нашего Царя-мученика, в силе СОТВОРИТЬ ЧУДО — снять с совести русского народа тяжкий грех цареубийства, дыханием уст Своих сдунуть с лица Русской земли коммунистическое иго и всю нечистоту богоборческой власти.

У Господа всё возможно! В силе Он печаль на радость переложить и ВОСКРЕСИТЬ СВЯТУЮ ПРАВОСЛАВНУЮ РУСЬ. Аминь»[28].

КОНФЕРЕНЦИЯ эта проходила в 1981 году, и ни еп. Нектарий, ни о. Серафим не дожили до исполнения своих пророчеств.

К сожалению, и сегодня люди спрашивают: «А что, собственно, сделал полезного о. Димитрий? Навлек на себя и на многих других беду, сделался посмешищем для многих недругов». Не будь о. Димитрия и ему подобных, сознание народа так бы и не пробудилось, не было бы открытого прославления Мученика-Царя и русский народ так бы и не осознал своего страшного греха и не стряхнул бы тиранию безбожников. Еще при коммунистах о. Димитрий предрекал, что путь на Голгофу может и не закончиться воскресением для России. «И глупый вор восходил на Голгофу».

Да, о. Димитрий плыл против течения. Он пытался достучаться до сердец не только верующих прихожан, знакомых с православной духовностью, Добротолюбием и другими книгами, он взывал ко всем людям, даже к закоснелым атеистам и заблудшим агностикам, чьи души еще не пробудила вера отцов. Конечно же, нельзя отвращать от зла лишь избранных, весь русский народ должен осознать грехи прошлого и раскаяться в них, лишь тогда Россия станет по-настоящему свободной. Поднять весь народ одному о. Димитрию, конечно, не под силу. Таких, как он, были сотни, имена многих так и не дошли до Запада. И велика доля добрых дел о. Димитрия. По словам иеросхим. Аристоклия (†1918), «весы Божии точны: если добро хотя бы малостью

перевесит, Он явит милость Свою к России». Не будь о. Димитрия, куда бы качнулись ныне эти весы?

В 1980 ГОДУ, незадолго до ареста, о. Димитрий размышлял о тысячелетнем юбилее христианства на Руси: «Что нужно нам сделать, чтобы наша христианская земля (ставшая атеистической) пришла бы к тысячелетнему юбилею христианства при новой власти?» В октябре 1987 года он смог написать: «Да благословит Бог новые начинания на нашей многострадальной земле, чтобы все смогли свободно вздохнуть... Тысячелетие христианства на Руси — юбилей всех христиан, знаменательная дата, много говорящая миру. Да будет так!»[29]

В 1987 году слова эти воспринимались как благое пожелание, и не более того. Но уже на следующий год в России и в Русской Церкви произошли большие перемены. Мученику-Царю стали служиться молебны, о нем заговорили по радио и на телевидении. Обнаружили останки Царской Семьи, люди стали требовать захоронения по христианскому обычаю. Стали сбываться отдельные предсказания, вспомнили лекцию о. Серафима о будущем России и заговорили о ней, даже на телевидении. Русские благодарили о. Серафима.

Прошло еще несколько лет, и коммунистический режим пал. В 1993 году новомученики российские были прославлены и в России (при патриархе Алексии II). В июле на месте убийства Царской Семьи в Екатеринбурге собралась толпа, коей зачитали воззвание патриарха. Он призвал покаяться в грехе цареубийства, указав, что России не возродиться, покуда народ не покается в страшном грехе.

Настала пора духовного очищения и покаяния. Как злободневны сегодня слова свят. Иоанна, архиеп. Аверкия и о. Серафима! Потому что и после крушения коммунизма дьявол искушает русских православных ответить за распятие Царя не покаянием, не сердечной болью за всё и вся, а злобой и ненавистью, поисками козла отпущения за то, что Россия подпала коммунизму, за все беды Церкви, за все прочие скорби России. Искушение это коренится в том же духе «сверхправильности», «чисто внешней мудрости», в бездушном и рассудочном подходе к христианству (о чём не раз предупреждал о. Серафим). Не духовная свобода, а страх, парализующий всяческую духовную жизнь, движет этими людьми.

Отцу Серафиму всегда претили попытки искать козла отпущения. За этим стремлением скрывается мысль поверхностная, обывательская и бесчестная. Он советовал христианам вглядываться в собственные

души, честно ответствовать своей совести, искоренять собственные грехи.

И если русский православный народ едино сможет до конца держаться этого принципа, исполнятся предсказания российских святых — Русь понесет всему человечеству последнее слово покаяния, но не мести. В конце лекции о воскрешении России о. Серафим сказал: «В Книге, подробно рассказывающей о конце, в Откровении Иоанна Богослова написано: «И когда он снял седьмую печать, сделалось безмолвие на небе, как бы на полчаса» (8:1). Эти слова истолковываются как короткое установление мира перед концом света, а именно недолгое воскресение России и начало проповеди покаяния всему миру, «слова нового и последнего», которое, по мнению Достоевского, должна сказать Россия[30]. В современной жизни события в одной стране сразу же становятся известны повсюду, поэтому и желание Достоевского осуществимо: нужно лишь, чтобы Россия, очищенная кровью своих новомучеников, пробудилась от летаргии атеизма и безбожия. Отец Димитрий Дудко и иже с ним утверждали, что не может быть напрасной жертвенная кровь миллионов российских мучеников. На ней, несомненно, возрастет последний цвет христианства...

На Соборе 1938 года архиеп. Иоанн в завершение своего доклада[31] сказал, что настанет Пасха на Руси, воссияет перед самым концом света, перед наступлением Царства Божия: «Отряхните сон уныния и лености, сыны России! Воззрите на славу ее страданий и очнитесь, омойтесь от грехов ваших! Укрепитесь в вере православной, чтобы быть достойными обитать в жилище Господнем и вселиться во святую гору его! Воспряни, воспряни, восстань Русь, ты, которая из руки Господней выпила чашу ярости Его! Когда окончатся страдания твои, правда твоя пойдет с тобой и слава Господня будет сопровождать тебя. Придут народы к свету твоему и цари к восходящему над тобою сиянию. Тогда *возведи окрест очи твои и виждь: се бо приидут к тебе от запада и севера и моря и востока чада твоя, в тебе благословящие Христа во веки**». Аминь»[32].

---

* Иоанн Дамаскин. Пасхальный канон. Песнь 8.

95

Сегодня — в России, завтра — в Америке

Мы — плоть от плоти... общества лживого и фальшивого насквозь, вплоть до фальшивого Христианства и фальшивого Православия. И да хватит у нас смирения признаться в этом.

О. Серафим (Роуз)[1].

Под игом коммунизма Россия и другие православные страны испили горькую чашу нищеты и рабства. Истинные христиане там уже познали смысл искупительного страдания. А как Запад и в особенности Америка? Что обещал прогноз духовной погоды в этой благоденствующей стране, в этом архипелаге торговых центров, ресторанов и кафе среди моря всяческого изобилия, где всё измышляются новые и новые способы облегчить и разнообразить жизнь? В 1982 году на традиционном летнем Паломничестве о. Серафим так отозвался о современной жизни: «С точки зрения былой нормальной жизни — будь то в России, Америке или Западной Европе — жизнь сегодняшняя поражает своей ненормальностью. Понятия власти и законопослушания, скромности и вежливости, учтивости и приличия — всё чудовищно изменено, поставлено с ног на голову. И лишь немногие (в основном христиане) еще держатся «старомодных» правил и привычек. Мы избаловались и «зажрались» — так можно охарактеризовать сегодняшнее состояние общества. Сызмальства дитя в семье является этаким божком: потрафляют всем его прихотям, покупают игрушки, улещивают развлечениями, его окружают всеми мыслимыми удобствами. Куда уж

там до строгого христианского воспитания! Желания ребенка возводят в закон. Ему достаточно повелеть: «Хочу это!» или «Пусть будет так!» — и угодливые родители падают ниц и исполняют все его прихоти. Не всегда и не во всех семьях так заведено, но исключения лишь подтверждают правило уродливого воспитания детей. Самые благонамеренные родители не в силах избежать такого. Даже если они пытаются взрастить свое чадо правильно, его портят и балуют соседи. Об этом тоже нельзя забывать.

Вырастает такое дитя и, естественно, не отказывает себе и в дальнейшем в привычных удовольствиях, радостях и удобствах, новых «взрослых» игрушках. Вся жизнь превращается в поиск «утех», что было просто немыслимо в XIX веке, и само слово вовсе не означало цели всей жизни. Человеку прошлого века наше бытие — с телевидением, развлечениями, парками, рекламой, кино, музыкой, да и вообще со всей культурой — показалось бы прозябанием идиотов, полностью потерявших связь с действительностью. Мы же не задумываемся, мы плывем по течению и принимаем всё как должное.

Подмечено, что сегодня выросло целое поколение «нарциссов», упоенных и поглощенных лишь собою. Как страдает, как тормозится при этом человеческое общение! Говорили и о «пластмассовой», поддельной жизни, о чувствах или фантазиях, в которых многие люди проводят всю жизнь. Они не в силах посмотреть жизни в лицо, боятся заглянуть и в свою душу.

Когда такие «нарциссы» обращаются к религии (что в последние десятилетия случается нередко), то и в ней они дают волю фантазии: уповают ли на развитие собственной личности (ставя себя центром, божеством), выхолащивают или подчиняют чьей-то воле свой разум, обожествляют ли разных гу́ру и сва́ми, увлекаются ли НЛО и «пришельцами» из космоса, подвергают ли себя неестественным духовным состояниям и ощущениям...

Нам важно сознавать, что сами мы пытаемся вести жизнь христианскую, что мир пресыщенности покушается и на наши души (и в религиозной и в светской жизни), и время наше можно назвать *веком тоталитаризма*. Доказать это нетрудно, достаточно проследить недавнее развитие религиозных культов, подчиняющих душу, помыслы и чувства воле какого-либо «святого». Заметно это и в миру. Люди подвергаются не просто отдельным искушениям, а их массированной атаке: повсюду (и на работе, и на улице) грохочет музыка, манит реклама. Рок-н-ролл проникает даже в лес, он неизменный спутник в походах и на пикниках, а дома властвует телевизор, навязывает нам мирские ценности, диктует мнения и вкусы».

Отец Алексий Янг вспоминает, сколь ненавистна была о. Серафиму всякая фальшь. Мышление американцев он называл «диснейлендовским», т. е. на уровне примитивных детских мультфильмов и воссозданной на их основе «стране чудес». С духовной точки зрения сказочный Диснейленд он уподоблял ГУЛагу в России, сладкие сказки также уродовали души людей. В беседе он отмечал: «Главный посыл вселенских искушений, одолевающих человека сегодня (открыто — в миру и более изощренно и скрытно — в религии), таков: «Жизнь одна, наслаждайся, вкуси от всех радостей и удовольствий». За этим посылом кроется мрачный смысл — открыто он выражается лишь в странах, где «официально» царит безбожие. Но Запад вот-вот догонит их. Мы должны понимать: всё, что происходит в мире — будь то за «железным занавесом» или в свободных странах — одно и то же по своей сути, разнятся лишь формы: дьявол пытается завладеть душами людей. В коммунистических атеистических странах открыто призывают забыть о Боге, о любой иной жизни, кроме земной, о страхе Божием, о почитании святости. А тех, кто всё еще верует в «пережитки прошлого», объявляют врагами и уничтожают.

Символом нашей беззаботной жизни, падкой до развлечений, и самообожествления стал Диснейленд, и если мы дадим себе труд вглядеться пристальнее, то увидим, что поколение «нарциссов» шагает прямой дорогой к ГУЛагу»[2].

ОТЕЦ СЕРАФИМ не забывал предсказаний ясновидца старца Игнатия Харбинского. В 30-е годы тот сказал: «Что началось сейчас в России, кончится в Америке».

В лекции в Джорданвилле о. Серафим больше внимания уделял испытаниям, которые выпадут Америке, и тому, как к ним готовиться. Описав страдания христиан в России и других православных странах, он сказал: «Не хочу пугать вас, но обратите внимание на скорби православных. То же или подобное ожидает и нас в недалеком будущем. Мы живем в конце времен, в канун пришествия антихриста, и то, что творится в России и других странах, — явление обычное. Мы же на Западе живем в «райском заповеднике» для «идиотов», которому вот-вот придет конец. Так давайте же готовиться — не запасать снедь и одежду, как уже делают некоторые, а внутренне, душой, как и надлежит православным христианам.

Задавались ли вы когда-нибудь вопросом: как бы вы выжили в тюрьме, в концлагере и особенно в одиночном заключении? Как? Очень скоро вы бы просто сошли с ума, потому что разуму нечем себя занять.

Ибо он насыщен впечатлениями мирскими, а не духовными. Ибо мы живем лишь сиюминутными заботами, не задумываясь серьезно о христианстве, о Церкви, не вникаем в сущность Православия. И попав в одиночную камеру, мы не выживем, ибо не найдем, чем занять себя. Там нет ни кино, ни развлечений — лишь четыре голые стены.

У Ричарда Вурмбранда, румынского священника-протестанта, есть весьма любопытная лекция на эту тему (она записана на магнитофонную ленту). Он говорит, что в подобном критическом положении, когда человек лишен книг и всякой внешней опоры, он может полагаться на свой внутренний «багаж». Ему, в частности, не очень помогли цитаты из Библии, которые удалось вспомнить, — знание законов и догм не спасает, нужно стяжать Христа в сердце своем. И если это удается, тогда у православного в тюрьме целая программа жизни. Поначалу вспомнить православный календарь: когда и каких святых поминают. Весь календарь знать необязательно, наша церковная жизнь подскажет наиболее важные праздники церковного года, всё накопленное в сердце сейчас придет на память. Помогут и молитвы, и песнопения, их придется исполнять изо дня в день. Вспомнятся люди, о которых можно молиться…»

Отец Серафим подчеркивал, что и сейчас мы, молясь о страждущих православных во всём мире, обретем с ними единение душ и разделим их скорби: «Мысленно можно «пройтись» по всему земному шару, с материка на материк, из страны в страну. Можно молиться о знакомых и малознакомых, даже если не вспомнить их имен — об иерархах и игуменах, о целых приходах, о священниках русских и иноплеменных, о монастырях на Святой Земле, об узниках в России и Румынии, равно и в других безбожных государствах, о миссиях в Уганде и иных африканских странах, где много сложностей, об афонских монахах, о гонимых приверженцах старого календаря в Греции. Чем больше имен и событий, о коих можно молиться, приходит на память, тем легче переносить собственные страдания, тем богаче внутренний «багаж», с которым не страшна и тюрьма»[3].

Как уже говорилось, платинские отцы истово трудились, публикуя рассказы о новомучениках в коммунистических странах, дабы призвать людей к истинно духовной жизни. «Они задевают потаенные струнки в наших умах и сердцах, кои современное «просвещение» не способно заставить зазвучать, — говорил о. Герман. — Так примкнем же к новомученикам на пути к вечному блаженству, не устрашимся

постоять за Истину, даже отдав на смерть бренное тело... Вслушаемся в стенания новомучеников!»

В 1981 году отцы начали собирать в единую книжку все статьи из «Православного Слова» о новомучениках и о ныне здравствующих исповедниках. Назвали книгу «Святые русских катакомб», и о. Серафим считал ее «учебником для православных христиан XX века». Она и впрямь учила распознавать истинный дух Православия и фальшивый, скрытый под личиной безукоризненной «каноничности». Книга эта учила, как сохранить веру в катакомбных условиях, т. е. оставаться верным Христу и при неслыханных гонениях; она открывала людям глаза на живого Иисуса Христа, за Которого не страшно и жизнь положить. Получился солидный том в 635 страниц — самая объемистая книга, изданная к тому времени Братством. Печаталась она, когда о. Серафима уже точила неизлечимая болезнь. И как же чудесно связаны эта книга и мученическая кончина о. Серафима после долгой изнурительной борьбы со смертью. Отец Герман сказал: «Отец Серафим страдал, дабы приобщиться славы мучеников».

Удивительно, поначалу православные иерархи (кроме еп. Нектария, который всемерно поддерживал и помогал этой работе) вообще не откликнулись на появление «Святых русских катакомб», хотя многим Братство выслало бесплатные экземпляры. Увы, книга не соответствовала «политическим» интересам ни одной из группировок, так как воздавала хвалу святости и христианскому героизму и в Катакомбной Церкви, и в Русской Зарубежной Церкви, и в Московской Патриархии.

Для многих же людей книга оказалась, как и предсказывал о. Серафим, учебником. Западный люд услышал «стенания новомучеников», и в сознании его наметились перемены. Через три года после кончины о. Серафима в одном из американских религиозных журналов появилась статья о «Святых русских катакомб». Автор признавался: «Книга эта сама нашла меня. И переменила мою жизнь. Не буду претендовать на объективность, не буду сравнивать ее с подобной литературой о мучениках. Не стану касаться и ее литературных качеств. Книга слишком важна, так стоит ли отвлекаться на несущественное? Те, кто хочет найти «беспристрастный анализ», в котором автор снисходительно журит или похваливает книгу (не задевая при этом интересов и вкусов читателя), могут спокойно пропустить мою статью. Она для тех, кто готов к откровенным (и нелицеприятным) свидетельствам! Однако учтите: книга эта может лишить вас душевного покоя. Она о важнейшем, о том, что «порушает покой и успокаивает порушенных». Отношение к христианству — вопрос *жизни и смерти*!

Такое утверждение, возможно, поразит многих (в том числе и меня, поначалу)»[4].

К этому времени книга уже распространилась в странах, порабощенных коммунизмом, хотя должного впечатления и отклика еще не снискала. Отдельные главы печатались в Воронежском епархиальном журнале. Кто-то из Издательского отдела Московской Патриархии перевел книгу полностью. Перевели ее и на сербский язык (один из послушников монастыря св. Петра).

Книга эта, трезвящая и волнующая душу, с первой страницы задевала американских православных за живое. Памятуя о пророчестве старца Игнатия Харбинского, отцы Герман и Серафим написали на титульном листе:

«Посвящается мученикам-христианам.
СЕГОДНЯ — В РОССИИ,
ЗАВТРА — В АМЕРИКЕ».

Отец Серафим никогда не вдавался в подробности: каким образом в свободолюбивой Америке возобладают гонения на христиан и наступит время катакомбной церкви. «Всё испытанное Россией и другими странами, — писал о. Серафим, — придет и сюда. Какую форму примут гонения, мы не знаем, да и не хотелось бы мрачными домыслами нагнетать истерию». Десятилетие спустя мы видим, как Россия мало-помалу обретает вновь религиозную свободу, а Америка утрачивает ее. В 1962 году Верховный Суд отменил общую молитву в американских школах. Сегодня дирекцией школ запрещены почти все проявления христианской веры: нельзя устраивать добровольные чтения Библии во время перемен, молиться перед трапезой, пользоваться четками в школьном автобусе, устраивать собрания христиан после уроков, даже держать Библию на парте. Суд, как правило, поддерживает подобные запреты. Во многих учебниках старательно изъяты любые ссылки на религию, даже упоминание Бога в классической литературе зачастую опускается[5]. Всё это творится в колледжах, которые готовят к жизни молодое поколение. И скоро подобным образом будет изменен лик нации. В 1989 году религиозный писатель Тал Брук заметил: «Для американцев, упивающихся свободой религии, ее усекновение кажется невероятным. Однако достаточно взглянуть на школы. Каждая отражает жизнь и настроение всей нации. Представим, что школы — это Америка в целом. И что же? Добровольные чтения Библии, молитвы, церковные и приходские собрания, равно и любая религиозная деятельность вдруг и сразу прекращаются

навеки. Несогласным придется потихоньку перебраться за границу. Вот что случится, уподобь мы Америку одной из ее государственных школ. Любопытный пример.

Грядущему миру, не унаследовавшему американской Конституции или Билля о правах, придется столкнуться с теми же ограничениями, которые сегодня введены в системе государственных школ, и в обстановке «плюрализма» ограничения эти даже покажутся естественными. А наша законодательная система всячески этому потворствует, стремясь уложить религию в прокрустово ложе «личных потребностей». Усилиями американского Союза гражданских прав повсеместно запрещены изображения сцены Рождества Христова, которые со дня образования этой страны выставлялись в парках и иных общественных местах…

Мы же, по неведению, приветствуем все эти ограничения, и лишь эмигранты из Восточной Европы печально и понимающе качают головой… Они-то уж знают, что в состоянии сделать всесильное государство»[6].

Сегодня в некоторых государственных школах России уже проводят уроки Закона Божьего. В свободной «светской» Америке люди, напротив, борются за то, чтобы поснимать кресты на холмах, как «символ угнетения». Не правда ли, странные происходят перемены?!

КАКИЕ бы тучи ни сгущались на горизонте, о. Серафим не оставлял своих миссионерских мечтаний. В джорданвилльской лекции он сказал: «На прошлой неделе я проехал на поезде по всей стране — как необозрима и разнообразна она, ее природа, селения. Мне вспомнились видения преп. Серафима Саровского: по всей необъятной России молитвы дымком воскуриваются, восходят фимиамом ко Господу. Кое-кто скажет, вот, дескать, типичные слова новообращенного. Америка — совсем иное дело. Здесь много протестантов и вообще безбожников. И православных всегда будет лишь малая кучка, никоим образом они не повлияют на весь народ. Я и не говорю, что мы обратим в Православие всю Америку — нам такая задача не по плечу. Хотя преп. Герман мечтал об этом: после первого «собрания миссионеров» на американской земле он написал, что несказанно рад видеть, как несколько миссионеров делили огромную Америку и каждый претендовал на бóльшую территорию. Словно сами апостолы делили землю, дабы проповедовать Евангелие.

У нас таких всеохватных планов нет. Мы лишь пытаемся осознать себя православными христианами и отнестись к этой жизни серьезно,

полагая, что она связана с истинным христианством. Осознав себя, мы начнем меняться, и люди вокруг будут спрашивать: а почему это мы не такие, как все? И мы мало-помалу поймем, что знаем ответы на их духовные вопросы»[7].

В то время о. Серафим еще связывал надежды с голосами новомучеников, гонимых в православных странах: Сергея Курдякова, Александра Солженицына, о. Димитрия Дудко, о. Георгия Кальчу. Голоса эти звучали всё громче, их призывы — всё отчетливее. Как и о. Димитрий, о. Серафим верил, что на крови новомучеников взрастет и расцветет истинное христианство, и не только в России, но и «везде, где страдания русских христиан принимают близко к сердцу».

Видя ожидающую Америку Голгофу, о. Серафим прозревал и возрождение истинного христианства на своей родине, может, не столь широко и открыто, как в России, но оно будет теплиться в американской душе. В заключение лекции о «Православном воскрешении России» о. Серафим сказал: «Закон духовной жизни таков: там, где есть Голгофа, истинное страдание за Христа, — там будет и воскресение. Прежде всего оно коснется людских сердец, а уж какую форму примет в жизни повседневной — не наша забота. Всё вокруг знаменует, что мы живем при скончании света, и чисто внешнее возрождение России будет недолгим. Наше возрождение — внутреннее, к нему мы должны стремиться, и события в России обнадеживают: в противовес христианству ложному, или тому, что распространено сейчас, возродится и истинное, страждущее христианство, и не только в России, а повсюду, где еще не оледенели сердца. Мы же должны готовиться к страданиям, ибо они предварят истинное возрождение веры...

Готовы ли мы на Западе к этому? Голгофа — не череда наших повседневных мелких горестей. Голгофские страдания неизмеримо глубже. Их не заглушит ни аспирин, ни увлекательный фильм. Их прошла Россия, и она сейчас пытается поведать об этих страданиях нам. Так не останемся же глухи! Молитвами всех новомучеников, дай нам Бог сил выдержать грядущие испытания и найти в них воскресение душ наших!»[8]

96
Санта Круз

Найти Бога и неустанно продолжать поиск Его — таков парадокс любящей души. Человек с поверхностным религиозным чувством лишь ухмыльнется, а поймут и обретут счастье в этом поиске лишь чада с пламенным сердцем.

А. В. Тозер.

КАЛИФОРНИЙСКИЙ университет в Беркли, где некогда о. Серафим получил степень магистра, был средоточием разных школ — ветвей обширного Университета Калифорнии. В те годы в разгар движения хиппи от него отпочковалось еще одно учебное заведение — университет в горах Санта-Круз*. Он вырос в чудесном месте, на лесистом склоне, впереди простирались луга, а за ними — океан. Университет этот замышлялся как эксперимент в системе гуманитарного образования. Как и Помона, он строился по европейскому образцу: несколькими связанными колледжами. Там ввели новую систему оценок. Вместо безличных «отл.», «хор.» и «удовл.» на каждого студента составлялся письменный отчет преподавателей. Не было в Санта-Крузе и привычных студенческих землячеств и братств, не было и пресловутой футбольной команды.

Университет хотел привлечь наиболее идеалистически настроенных студентов, которым претит примитивная американская культура. Так Санта-Круз стал в 60-е годы центром духовного поиска, в целом характерного для всего десятилетия. Доски объявлений пестрили приглашениями к разным духовным наставникам: в дзен, в тибетском буддизме, суфизме, индуизме (к таким известным гуру, как Раджнеш,

* Святой Крест (с испан.)

Муктананда, Шри Чинмой). Иными модными «увлечениями» были шаманизм американских индейцев, колдовство, нередко шагавшее рука об руку с лесбо-феминистским движением, препараты-галлюциногены, «раздвигавшие рамки сознания». В этой пестрой гамме разных школ и учений, от ошибочных до откровенно опасных, сверкнул и лучик Божьего света: в студенческом городке открылось Православное общество, носившее имя преп. Серафима Саровского. У истоков его стоял православный студент, земляк о. Серафима (из Сан-Диего), Джеймс Пафхаузен. Его благословил и подвигнул на создание Общества бывший послушник старого Валаама, ныне епископ Марк Ладожский (в те годы живший в Сан-Франциско). Позже Общество возглавил о. Джон (Ньюком), местный иеромонах из новообращенных. Теперь он сам приводил к истине молодых американцев. В Обществе преп. Серафима Саровского обращение к вере шло по цепочке: уверовавшие приводили новых богоискателей.

Сам о. Джон совершил паломничество на Афон и держался традиционного учения, в духе которого воспитывал и молодежь. В Обществе высоко ценили книги, изданные Братством преп. Германа Аляскинского, в том числе и работы самого о. Серафима. Один из участников Общества Джеймс Горацца вспоминает: «Не забыть вечера, когда — после полутора лет духовных исканий — я нашел и прочитал «Православие и религию будущего». Всё сразу чудесно образовалось в моем сознании, и я уже не колеблясь знал, что мое будущее — в Христовой Церкви».

Весной 1981 года Общество пригласило о. Серафима прочитать две лекции: одну для всех желающих, другую — для студентов, изучающих курс «Религии мира в США».

Отец Серафим с радостью согласился и 11-го мая отправился в университет, захватив с собой Феофила. Вот как описывает пребывание о. Серафима в Санта-Крузе первокурсник по имени Джон: «Я никогда раньше не видел о. Серафима. Тогда я еще не был крещен, да и вообще узнал о Православии с месяц тому от одного из студентов, слушавших курс «Религии мира в США». Когда подъехал о. Серафим, мы с другом как раз стояли перед колледжем. Подкатил старый грузовичок, вылез долговолосый с длинной седой бородой человек. Неприступный и необычный. Неожиданно он подошел, приветствовал нас словами: «Христос воскресе!» и трижды расцеловал, что мне по тем временам показалось странным. Далее, помнится, я повел о. Серафима по колледжу. Только что кончился ужин, и около столовой толпились студенты. Все уставились на о. Серафима, а мне, 18-летнему юнцу, было и лестно, и приятно идти рядом с таким человеком. В современном

«хипповом» американском колледже он казался монахом-пустынником раннего христианства.

Отца Серафима отвели в университетский религиозный центр, красивое со сводчатым потолком здание. На его лекцию собралось человек сорок, в том числе и православный люд из окрестных селений.

Поскольку дело происходило на Пасху, о. Серафим начал, воспев перед иконой Спасителя «Христос воскресе из мертвых...» и повел хор вступивших голосов. Потом один из членов Общества представил его аудитории, и началась лекция «Знамения грядущего конца света». Поначалу о. Серафим изложил библейское толкование, а потом перешел к примерам из нашей жизни, указующим конец мира.

Меня поразила его серьезность, вдумчивость и убедительность. И без апокалиптических «страхов» люди призадумались: и до фанатика, ждущего Судного дня, и до исповедника «счастливого будущего» на земле равно дошло грозное предупреждение.

Указав на истинные знамения конца света и их отличие от кликушеских пророчеств, о. Серафим дал совет, что нам делать в своей духовной жизни: «Если мы ведем непрестанную брань с нашим падшим естеством и бесовством, мы всё время должны быть готовы ко встрече со Христом в душе нашей. Разумеется, встреча эта неизбежна по смерти. Но каждый памятующий о ней знает: она может произойти в любой момент. Конечно, и в этом ожидании можно переусердствовать: некоторые называют «точные» даты, описывают, как всё должно случиться, пытаются углядеть тайный смысл в происходящем и посвоему истолковать, притянув «за уши» к метафоричному Откровению Иоанна Богослова. Примером может послужить известная книга, вышедшая несколько лет назад, — «Великая покойница Земля». Через двадцать лет всё предсказанное автором безнадежно устареет, ему придется пересматривать всю свою теорию, дабы вместить события последнего времени. Поэтому не впадайте в крайности, не сосредотачивайтесь на мелочах, смотрите шире и выше, твердо держась веры». Отец Серафим, даже не пытаясь пророчествовать, верно указал многое произошедшее потом: с падением коммунистической системы обустройством «всемирной цивилизации» занялась Организация объединенных наций. В той лекции в Санта-Крузе о. Серафим говорил:

«Коммунизм побеждает в мире не потому, что лучше или «хитрее» капитализма, демократии и т. п., а потому, что на Западе царит духовная пустота, и коммунизм беспрепятственно завоевывает всё новые позиции. Сегодня под его пятой уже полмира. Но коммунизм в глазах большинства людей — зло, поэтому главная роль в установлении нового миропорядка принадлежит не ему. Посмотрите на Россию:

с ростом самосознания растет и протест против коммунизма. Хотя диктат усиливается (особенно в последние два года) и снова несогласных бросают за решетку, восстание в умах людей ширится, их уже не одурачить так просто. А это значит, что скоро рухнет и вся система насилия. Коммунизм исчерпал себя, ему не удалось захватить весь мир и «осчастливить» человечество. Зато исподволь готовится нечто более важное, что произойдет перед концом света — установится всемирное правительство, при котором христианство просто «упразднят». Не то ли самое с успехом столько лет осуществляли коммунисты?

Но людям необходима какая-то «духовная» основа, чтобы принять самоё идею всемирного правительства, нечто более высокое и благородное, как, скажем, Организация объединенных наций. Ее притязания на роль основополагающего органа для подобного всемирного правительства зиждутся не на однородной (вроде коммунизма) идеологии и не на христианстве, а на чём-то весьма неопределенном. Двадцать лет назад в здании ООН устроили нечто вроде часовни и долго не могли решить, кому же там молиться. Установить крест не разрешили — дабы не было засилья христианства. Там нельзя иметь ни мусульманской, ни индуистской атрибутики из тех же «демократических» соображений — молельня должна быть выше всяких религий. Наконец порешили водрузить черный камень, люди и впрямь «благоговеют» перед ним, но чувство их сродни идолопоклонству. Разумеется, в душе каждого живет интерес к религии. Его не убить, с ним не справиться (оттого-то и сочтены дни коммунизма). Но интересом смутным, не облаченным в какое-то учение, легко может завладеть дьявол. Бог попустит и простит заблуждение, упование на учение ошибочное, но если вера туманна и расплывчата, она становится благодатной почвой для бесов*.

Отец Серафим рассказал также немало интересного об Израиле и его народе в свете пророчеств Нового Завета: «Вот еще одно знамение конца света — государство евреев в Израиле и святыня — город Иерусалим. Согласно библейским и святоотеческим предсказаниям, Иерусалим станет столицей антихриста, он отстроит заново храм Соломона, где ему, антихристу, будут поклоняться как Богу... И не случайно в 1948 году Иерусалим оказался в руках евреев, а в 1967 году к ним перешли и земли, где стоял некогда храм Соломона (ранее они

---

*Эта мысль подчеркивается в книге Малаки Мартина «Заложник дьявола» (1987, с. 83-171), где автор рассказывает о священнике, ставшем жертвой темных сил из-за своих нечетких религиозных убеждений (он славил духа земли).

принадлежали мусульманам и на том месте выстроена мечеть Омара)...

Спросите любого, кто следит за политическими событиями: «Какой город наиболее подходит для столицы всемирного государства?» И ответ будет очевиден. Люди не назовут Нью-Йорк — цитадель капитализма, Москву — столицу коммунизма. И не Рим, ибо католичество всё же религия далеко не всеохватная. Логично назвать Иерусалим — там сходятся три крупнейшие религии, встречаются три континента. И символичны мир, братство, гармония, случись им возобладать там. Но не имеющая прочного христианского основания идея не угодна Богу и будет использована антихристом.

Другой стороной «еврейского вопроса» является интерес многих молодых евреев — духовных искателей — к христианству. Некоторые даже принимают Православие. И это еще одно знамение: в конце времен евреи вернутся ко Христу... Возрождение Израилево будет подобно воскрешению из мертвых... и случится это перед самым концом света».

После лекции о. Серафиму задавали много вопросов: об Апокалипсисе, об НЛО, о восточных религиях, о церковных интригах, о романе Д. Сэлинджера «Франни и Зуи», о блаж. Августине, о взаимосвязи благодати и свободной воли человека. На все о. Серафим ответил обстоятельно и взвешенно.

Видимо, он был нездоров, часто шмыгал носом. Несмотря на усталость, мысль его работала четко — он не уклонился ни от одного вопроса. Я глядел на его поношенную рясу, свалявшуюся бороду, вспомнил допотопный грузовик — какая нищета! Однако держался и говорил он как истинно воспитанный человек, ученый и философ. Знаниями он не уступал, а мудростью превосходил моих университетских учителей, хотя по складу своему больше подходил скиту, нежели университетской аудитории.

Еще меня поразила в о. Серафиме жертвенность: этот человек полностью посвятил себя Богу, Истине. Он нес людям знания, но не за вознаграждение, как университетский профессор, и не за «власть над умами», как религиозный вождь, даже не за подношения фруктов к его ногам, что по обычаю делали студенты Санта-Круза своим духовным наставникам. Религия для него была не модным увлечением и не костылем в духовной жизни. Он был простым монахом, жаждавшим Истины. И я не сомневался: он положит жизнь ради Истины. И я видел, как он уже отдает Истине последние силы.

Назавтра о. Серафиму предстояло читать лекцию в моей группе. Отвлекусь и скажу несколько слов о курсе «Религии мира в США», о

нашем профессоре, Ноэле Кинге. Лектором он был весьма либеральным, поощрял интерес студентов к духовности, но избегал категоричных оценок, противопоставления одного учения другому. Он не давал готовых рецептов, но оттачивал творческую мысль.

Курс его делился на несколько групп. Каждую возглавлял кто-либо из студентов, сторонник того или иного учения. В этой свободной обстановке я и открыл для себя Православие. Ранее я возглавлял группу дзен-буддистов, но однажды услышав, как мой друг Джеймс Пафхаузен рассказывает о Православии, почуял, что сердце мое дрогнуло. Вскоре я уже изучал Православие усерднее, нежели дзен, — так моя группа лишилась руководителя.

Моим сокурсникам о. Серафим мог поведать об Истине (чего, опасаясь за место, не могли себе позволить иные профессора). Отец Серафим на удивление хорошо представлял себе наше поколение — духовно бесчувственное, нуждавшееся в сильных встрясках, сверхъестественных ощущениях, дабы пробудиться от духовной спячки. Потому-то и была у них потребность в святых гуру, религиозных группировках, вершителях «чудес», в наркотиках, вызывающих галлюцинации, оккультных обрядах, чудодействе.

Отец Серафим попытался объяснить студентам, что духовный поиск нужно вести не ради духовных «высот», а ради Истины — Истина превыше всего, что много лет назад осознал и он сам.

Он понимал, что вряд ли еще раз увидит кого-либо из своей аудитории. В отведенный ему час он постарался, отринув всё второстепенное, обнажить суть христианской жизни: принятие веры сердцем, отчего оно возгорается любовью ко Христу и человек перерождается. Лекция о. Серафима так и называлась «Божие откровение человеческому сердцу». Начал он, заявив, что по-настоящему изучать религию стоит лишь ради одного — чтобы познать истинную действительность, более глубокую, чем преходящая суета повседневной жизни. И вот этой цели служит как раз Православие, о чём, собственно, он и хотел рассказать.

Предупредил он и об опасностях на пути искателей Истины: один из его друзей, выбрав тропинку «наркотического просветления», спалил душу дотла. То же ждет увлекающихся экспериментами с психикой и оккультными науками. И примерам, причем не только из сегодняшней жизни, нет числа. Их накопилось немало (за две тысячи лет) и в православной литературе. Так, св. Никита Киево-Печерский (X век), пытавшийся в отшельничестве стяжать дар чудотворения, был соблазнен бесом. Пророчествами своими (основанными на Ветхом, а не на Новом Завете) он снискал славу, был обласкан и при княжеском

дворе. Смекнув в чём дело, киево-печерские старцы изгнали беса из св. Никиты. Случай этот о. Серафим привел как характерный, как в поисках Истины избежать козней и капканов врага? Ответ прост: не ради ощущений и чувств нужно вступать на путь поиска, а ради самой Истины. Всякий серьезно изучающий религию сталкивается с этим вопросом, ибо это — вопрос жизни и смерти.

Отец Серафим напомнил, что в евангельском рассказе о св. апостоле Филиппе и эфиопском евнухе последний пришел к вере, не узрев чудесное исчезновение апостола, а сердцем приняв его толкование Евангелия. То же и с рассказом об апостолах и Христе по дороге в Эммаус. После того, как Христос оставил учеников, они вспомнили, что при Нем сердца их пламенели, хотя они еще и не признали Его. Отец Серафим подчеркнул: «Из-за пламени в сердце признали они Христа, а не потому, что он вдруг исчез из вида, такие «чудеса» посильны и колдунам... Здесь мы видим, как происходит откровение: присутствие Божие или того, кто преисполнен Божественного присутствия, трогает сердце и меняет его. Иной раз достаточно лишь услышать слово Истины...

Есть ли у нас орган для восприятия Божественных откровений? Да, есть, хоть мы и нечасто открываем его. Божие откровение приходит любящему сердцу. Из Священного Писания мы знаем, что Бог есть любовь, христианство — религия любви. Конечно, вы укажете мне на нерадивых христиан и скажете: «Помилуйте, о какой любви речь?!» Но, поверьте, христианство и впрямь религия любви, только исповедовать ее надобно правильно. Сам Господь наш Иисус Христос говорит, что в первую очередь по любви будут узнавать учеников Его...

Встречаешься с Богом тогда, когда попадаешь в обстоятельства, понуждающие сердце к любви. Лишь любящее сердце стяжает Истину, хотя порой Бог смиряет и укрощает сердце, чтобы оно сделалось более восприимчивым. Примером может послужить св. апостол Павел, некогда свирепый гонитель христиан. Но для Бога прошлое, настоящее и будущее сердца человеческого едино, и Он знает, когда сердце готово принять откровение.

Против любящего сердца, стяжающего откровение Господне, стоит холодный расчет, выгода, которую человек пытается получить от других. В жизни религиозной такое отношение порождает всяческие обманы и шарлатанство. Взгляните, что творится сегодня в религии: фальшь, позерство, расчет, корыстное следование сиюминутным модным течениям и направлениям. Истина всегда глубже».

Отец Серафим пытался объяснить, что духовная жизнь — не очередная мирская «утеха», а постоянная борьба, в которой душа

очищается страданием. Для многих такой взгляд был внове. Мало кто из ныне «популярных» религиозных вождей позовет людей на путь нескончаемой борьбы и страданий. Но именно этот путь избрал Иисус Христос, позвав нас за Собой. Отец Серафим сказал далее: «С год назад в поезде я разговорился с одним молодым американцем. Познакомились мы случайно (хотя в жизни случайностей не бывает!) Он рассказал мне, что учит русский язык. Богоискатель перебывал в разных религиозных кружках, нигде ничего не нашел, кроме фарисейства и фальши. И готов был отказаться от религии вообще. Потом вдруг узнал, что в России люди страдают за веру. Он подумал: страдание скорее всего сопряжено с чем-то настоящим, неподдельным, не таким, как у нас в Америке. И начал учить русский язык, чтобы поехать в Россию и познакомиться с настоящими христианами. Я был потрясен его словами. Сам я священник Русской Православной Церкви, парень же ни разу в жизни таких не видел, не присутствовал ни на одном православном богослужении. Мы долго говорили о религии, я убедился, что он рассуждает очень здраво: истинное может родиться из страданий, легкая и приятная жизнь чаще порождает фальшь».

Могли ли студенты Санта-Круза, живущие в таком «раю для несмышленых», понять и принять чувства страдающих в России, соотнести их со своей жизнью? На это весьма надеялся о. Серафим. Без Голгофы, без Креста нельзя понять Христа, воплощенного Бога.

Отец Серафим говорил: «Страдания помогают сердцу принять Божие откровение». Он рассказал, как Господь открывает Себя страждущим христианам в России. Начал он с имени, знакомого студентам, — Александра Исаевича Солженицына, описал, сколь глубоко тот понял натуру человеческую за годы в ГУЛаге. Потом рассказал о жизни менее известного человека, Юрия Машкова, идеалистично настроенного юноши, стяжавшего Христа во время духовного кризиса в советском концлагере. Отец Серафим привел слова Машкова: «Печальный конец (самоубийство или сумасшествие) ожидал и меня, не случись 1-го сентября 1962 года величайшего в моей жизни чуда. Ничего особенного день не предвещал, никаких из ряда вон выходящих событий не сулил. В одиночестве я мучился извечным вопросом «Быть или не быть?» К этому времени я уже понимал, что вера в Бога спасительна. Я очень хотел уверовать, но не стал обманывать себя: веры не было… Вдруг — словно дверь темницы распахнулась навстречу солнцу — я увидел, почуял, понял, что Бог есть, это — Иисус Христос Православия, и что иного Бога нет. Я говорю об этом миге, как о величайшем чуде, потому что озарение пришло не разумом (в этом я уверен), а каким-то иным, необъяснимым, неподвластным разуму

путем… С этого началась моя духовная жизнь, она помогла мне выстоять 13 последующих лагерных и тюремных лет».

Как я потом узнал, нечто подобное пережил и о. Серафим. Он тоже в молодые годы пережил духовный кризис, стремясь к Истине. С тех пор он многое познал и многое успел сделать. Теперь же, обращаясь к молодежи, вернулся к истокам, к самому главному: поведал о сердце, воспылавшем непостижимой умом любовью к Иисусу Христу.

Лекции о. Серафима не оставили равнодушным никого. Член нашего общества Джеймс Горацца писал ему: «Сколько полезного заронили Вы в наши души, сколько сердец возгорелось в те дни любовью к Иисусу Христу».

Для меня самого встреча с о. Серафимом оказалась судьбоносной. С того дня я утвердился посвятить жизнь Богу на ниве Православного Христианства».

После приезда о. Серафима Общество православных в Санта-Крузе стало расти. Половина монахов Братства преп. Германа из тех, кто еще застал о. Серафима, состояли в этом Обществе, в том числе и автор вышеприведенных воспоминаний. Спустя пять лет после смерти о. Серафима один из православных студентов издал его лекцию отдельной брошюрой, которая многим помогла обрести православную веру во Христа.[2]

После Санта-Круза о. Серафим отправился на юг, навестить мать — она к тому времени перебралась поближе к Сан-Диего. Зная о редких наездах сына, Эстер загодя созывала родных и знакомых. Кейти Скотт, племянница о. Серафима, говорит, что для Эстер всякий раз это было важным и волнующим событием: «Все книги и номера «Православного Слова» она прочитывала от корки до корки».

То была последняя в земном бытии встреча о. Серафима с матерью. Она так и не поняла до конца, чему сын посвятил всю жизнь, хотя и видела, что он выполняет свое предназначение и тем рад. На вопрос, нашел ли он свое место в жизни и цель, сын ответил: «Безусловно!»

Вспоминала Эстер и другой, столь же лаконичный его ответ. Во время последней встречи она высказала опасение, не отомстят ли ему коммунисты за резкие слова в их адрес. «Пусть. Я готов», — только и сказал о. Серафим, повернувшись к матери и сверкнув глазами.

Мать писала ему в монастырь, сетовала на свою бедность, сокрушалась о его безденежьи. А когда ее Женя умер, поняла, что и без гроша в кармане он прожил много счастливее, чем его брат Франклин,

1978 год. Последняя встреча о. Серафима с родными. Слева направо: его мать, брат, сестра, сам о. Серафим. На обороте мать написала: «Последний снимок».

удачливый бизнесмен, которого поглотила «деловая» жизнь. В конце концов в одинокие часы раздумья она пересмотрела ценности жизни, и во многом помогла ей память об усопшем сыне. Она писала: «Каждый день он проживал вольно, делал то, что хотел, к чему чувствовал свое предназначение».

Секрет счастья о. Серафима прост: как только возгорелся в его страждущем сердце священный огонь Божественной любви, он не покладая рук трудился, поддерживал этот огонь, оберегая от ветров времени и мира сего. И студентам в Санта-Крузе он рассказал о Божием откровении человеческому сердцу, о первом шаге на трудном и славном пути, когда к Господу прилепляется душа (Пс. 62:9), пути, который не кончается ни в земной жизни, ни в жизни грядущей.

97

Образование младых душ

Нельзя пренебрегать никаким источником знаний, готовясь к великой битве в жизни, даже из языческих книг при правильном изучении можно извлечь пользу. Даже великий Моисей совершенствовал свой ум по наукам египтян, дабы прийти к познанию Того, Кто сущ.

Позже в халдейской философии преуспел Даниил, чтобы в дальнейшем стяжать Божественное наставление... Однако не всё без разбору нужно вбирать, а только душеполезное. Стыдно нам чураться пищи неудобоваримой, равно негоже избегать и уроков малоприятных. Надобно же, подобно горнему потоку, принимать всё, что встречается на пути.

Св. Василий Великий (†379)[1].

Когда появятся дети, учите их музыке, настоящей музыке, а не танцам да песням. Музыка помогает развитию и приятию духовной жизни. Душа утончается и начинает внимать духовной музыке.

Старец Варсанофий Оптинский (†1913).

Несколько лет тому назад некий молодой человек, богоискатель, приехал на Афон. В разговоре с игуменом монастыря, где молодой человек решил остаться, он возопил:

— Отче! Сердце мое жаждет духовной жизни, подвига, непрестанного пребывания в Господе, послушания старцу. Наставь меня, отче, чтобы я стяжал высоты духовности.

Подойдя к книжной полке, игумен неожиданно предложил ему «Давида Копперфильда» Чарлза Диккенса.

— Что вы, отче! — смутился и возмутился наш богоискатель. — Это ж викторианская сентиментальщина, продукт западного влияния! Разве это духовная книга?!

Игумен улыбнулся:

— Пока не научишься просто, по-христиански смотреть на жизнь, как маленький Давид — безыскусно, по-доброму, сердечно и прощая, — никакая «духовность» не поможет, а святоотеческие книги пойдут лишь во вред, превратят тебя в «духовное» чудовище и порушат твою душу[2].

Отец Герман любил рассказывать невыдуманную эту историю братии за трапезой. С ним самим произошло почти то же самое, когда его, 19-летнего юнца, о. Адриан заставлял читать русскую классику. Отец Герман тянулся к «духовному», а о. Адриан неизменно сводил разговор к какому-нибудь герою или сюжету из Достоевского или Гончарова.

Отец Серафим, общаясь с молодежью, оценил мудрый подход о. Адриана и афонского игумена. В статье «Образование души» он подробно и четко изложил соответственные православные философские предпосылки: «Образованию молодежи в современной Америке катастрофически не хватает умения вырабатывать у учащихся отклик на произведение искусства, литературы, музыки. В результате молодежь воспитывается бессистемно, под влиянием телевидения, рок-музыки и прочей современной «культуры» (скорее, антикультуры). Ни родители, ни учителя не знают толком ни навыков христианской жизни, ни принципов христианского воспитания. И как следствие душа человека, вступающего во взрослую жизнь, являет собою пустыню, где нет и росточка того отношения к жизни, к людям, которое раньше полагалось непременным и очевидным.

Мало сейчас молодых людей, способных четко выразить свои мысли и чувства, зрело оценить их. Многие даже не знают толком, что творится у них в душе. Жизнь искусственно поделена на «работу» (которой лишь немногие отдают свою душу, почти для всех работа — лишь способ заработать деньги), «развлечения» (в которых многие и видят смысл жизни), «религию» (которой отводится час или два в неделю) и всё прочее. Нет целостности жизни, того, что объединяло бы все ее стороны. Люди, не находя удовлетворения в обыденном, уходят в мир фантазий (иногда самодельно-религиозных). Современная же культура вся характеризуется двумя критериями: любованием собой (до обожествления) и личным удобством. И то и другое губительно для самой мысли и духовной жизни.

Вот в какой обстановке живет и с каким «культурным багажом» приходит к Православию современный человек. Некоторым удается выстоять, для некоторых же столкновение с истинной верой оборачивается трагедией. Большинство же так все дни свои и проживает, не ощутив полноты жизни и не раскрыв душу для духовности, потому что попросту не подготовлены и не представляют требований, предъявляемых истинной духовной жизнью.

Для начала (чтобы помочь желающим разобраться в этом вопросе) рассмотрим православное учение о человеческой натуре великого религиозного писателя и мыслителя XIX века, святого Отца последних времен, еп. Феофана Затворника. В книге «Что есть духовная жизнь и как на нее настроиться?» он пишет:

«Жизнь человеческая многосложна и многостороння. Есть в ней сторона телесная, есть душевная и есть духовная. Каждая имеет свои силы и потребности и свои способы и упражнения их удовлетворения. Только тогда, как все силы наши бывают в движении и все потребности удовлетворяются, человек живет. А когда у него в движении только одна частичка сил и только одна частичка потребностей удовлетворяется, то жизнь эта — не жизнь»[3].

Разделение «души» и «духа» не означает, что они существуют независимо друг от друга, разве что «дух» — высшая сторона человеческой натуры, а «душа» — низшая. И то и другое невидимо нашему глазу и обычно зовется душой. Свят. Феофан связывает с понятием «души» лишь мирские чувства, не связанные с духовным ощущения, порождаемые искусством, наукой, культурой. «Духу» принадлежат высшие устремления человека: в молитве, в церковном искусстве, в исполнении заповедей Божьих.

Из слов свят. Феофана ясно видно, в чём беда сегодняшних искателей духовности: не все «частички сил» приведены в движение. Люди пытаются удовлетворить религиозные потребности (потребности духа), не разобравшись толком в потребностях психологических и чувственных, или того хуже — незаконно ставят религию на потребу своим чувствам. Религия у таких людей нечто искусственное, внешнее, не затрагивающее глубин души, а то и приводящее к разладу. Любой мирской соблазн способен разрушить этот непрочный «религиозный мирок» и навсегда отвратить людей от религии. Порой после тяжких испытаний люди возвращаются к религии, но чаще духовно гибнут или остаются уродами, не способными принести духовный плод»[4].

Подтверждением такой «липовой» религиозности может служить пример одного паломника в Платину. Он с увлечением толковал о старцах, Иисусовой молитве, истинном монашестве, подвижнической

Современная икона свят. Феофана Затворника, прославленного Церковью в России в 1988 г.

мудрости святых Отцов. Но однажды о. Серафим увидел, как юноша идет, напевая модный мотив, прищелкивая пальцами в такт. Отец Серафим удивился и спросил, не противоречит ли рок-н-ролл его духовным устремлениям. Молодой человек лишь пожал плечами: «С чего бы? Когда мне хочется духовности, я «врубаю» святых Отцов». То есть он просто менял «кассету» и слушал духовное старческое наставление.

Такие резкие разграничения показали о. Серафиму, что изначально в духовном формировании этого юноши было что-то утеряно. Чтобы понять, что такое образование души, он снова обратился в статье к цитате из свят. Феофана Затворника:

«У человека есть три яруса жизни: духовный, душевный и телесный, каждый из них дает свою сумму потребностей, естественных и свойственных человеку, сии потребности не все одного достоинства, но одни выше, другие ниже, соразмерное удовлетворение их дает человеку покой. Духовные потребности выше всех, и когда они удовлетворяются, то другие хоть и не будут удовлетворяемы, покой бывает; а когда они не удовлетворяются, то будь все другие удовлетворяемы богато, покоя не бывает. Почему удовлетворение их и называется единым на потребу.

Когда удовлетворяются духовные потребности, то они научают человека поставлять в согласие с ними удовлетворение и прочих потребностей, так что ни то, чем удовлетворяется душа, ни то, чем удовлетворяется тело, не противоречит духовной жизни, а ей способствует, — и в человеке водворяется полная гармония всех движений и обнаружений его жизни — гармония мыслей, чувств, желаний, предприятий, отношений, наслаждений. И се — Рай!»[5]

«В наше время, — указывал о. Серафим, — главным недостающим звеном душевной гармонии является, так сказать, эмоциональное развитие души. Напрямую оно не относится к духовному развитию, но часто его тормозит. Это состояние человека, вообразившего, что он жаждет духовного борения, высокой молитвенной жизни и прочего, хотя не научился откликаться на любовь и дружбу, ибо «кто говорит: «Я люблю Бога», а брата своего ненавидит, тот лжец; ибо не любящий брата своего, которого видит, как может любить Бога, Которого не видит?» (Ин. 4:20)

Мало в ком порок этот главенствует. Но до некоторой степени им поражены все мы, взращенные в нынешней духовно-душевной пустыне.

Потому-то нам надо смирять свои вроде бы духовные устремления и проверять в обыденной жизни свою готовность к ним. Иной раз наставник откажет своему чаду в духовной книге и предложит взамен роман Достоевского или Диккенса или посоветует послушать классическую музыку совсем не из «эстетических» соображений (порой человек, научившийся читать и слушать, «образовав душу эмоционально», не идет дальше, к духовной борьбе — и это тоже недочет), с единственной целью: душа утонченная более расположена воспринимать истинно духовные книги»[6].

СЛОВА, сказанные о. Серафимом о таком мудром духовном наставнике, еще в большей степени должны касаться родителей, ведь «образование души» нужно начинать сызмальства. В 1982 году на Свято-Германовских чтениях в монастыре о. Серафим выступил с лекцией для родителей и дал им несколько практических советов, как использовать всё положительное в мире сем во благо детей:

«Если ребенок с раннего детства приучен к хорошей классической музыке, благотворно действующей на душу, вряд ли потом соблазнится грубыми ритмами рока и иной нынешней псевдомузыкой, чего не сказать о ребенке, лишенном музыкального образования. Как говорят оптинские старцы, такая музыка облагораживает душу, подготовляет ее к восприятию духовного*.

Если ребенку с раннего детства читают хорошую прозу, стихи, пьесы и он проникнется их благотворным влиянием, то потом не пристрастится к бульварному чтиву и современному телевидению, разрушающему душу и уводящему прочь с тропы христианства.

Если ребенку с раннего детства показывают красоту классической живописи и скульптуры, он не увлечется современными уродливыми «шедеврами», пестрой рекламой или порнографией.

Если ребенку преподали знания по истории (особенно в христианскую пору), о жизни и обычаях других народов, о бедах и скорбях, которые они претерпели, отойдя от Бога и Его заповедей, о том, сколь радостна и великолепна жизнь тех, кто верен Господу, ребенок, прозрев жизнь и мыслетворчество нашего времени, не станет жертвой новомодной философии и взглядов.

Главной заботой сегодняшнего образования является то, что школа не дает детям чувства историчности. Страшная, роковая ошибка! Ребенок лишен возможности черпать примеры из жизни людей прошлого. А история, увы, всё время повторяется. Разве не интересно узнать, что в былые времена находились те, кто восставал против Бога, и что из этого вышло. Как другие люди меняли свою жизнь, выделяясь тем самым среди остальных, служа нам примером и поныне. Чувство принадлежности ко времени очень важно донести до детей.

В основном человек, знакомый с лучшими достижениями культуры мира сего (а на Западе все они так или иначе связаны с религией), более расположен вести полнокровную и плодотворную православную

---

* В другой лекции о. Серафим указал, что старец Макарий Оптинский (†1860) до пострига играл на скрипке. В те времена (начало XIX века) на Западе играли Паганини, Моцарта, Боккерини...

жизнь, нежели тот, кто познал лишь сегодняшнюю «поп-культуру». Те, кто пришел в мир Православия из мира рок-музыки и надеется совместить и то и другое, неизбежно столкнется с большими страданиями и пройдет долгий путь, прежде чем станет серьезным исповедником Православия и сможет приобщить к вере других. Без страданий, без готовности к ним и понимания их роли дети будут просто пожраны современным миром. Культура (всё лучшее, что в ней есть), правильно донесенная до детской души, утоньчает и образовывает ее. Культура же современная уродует и калечит детскую душу, мешает во всей естественности и полноте принять заветы Православия.

Итак, в борьбе с духом мира сего мы должны воспользоваться всем лучшим, что он создал, и идти дальше. Ибо всё лучшее в мире ведет к Богу, к Православию, и грех этим не воспользоваться»[7].

За несколько лет до этого (в 1975 г.), читая «Курс православного выживания», о. Серафим выделил те виды искусства, которые помогают детям вырасти с правильным отношением к половой жизни: «В нашем обществе, к 14-15-ти годам дети узнают всё о грехах плоти — куда больше, чем знали ранее взрослые семейные люди. Дети прекрасно понимают всё, что показывают в кино, что творится в жизни, сами живут в обстановке распущенности. Некоторые говорят: «Да зачем с этим бороться? Это же естественно!» Тем самым они готовят почву распущенности и греховности.

Мальчику нужно показать пример целомудренного девства. Конечно, жить так весьма трудно, это высокий подвиг, но нужно хотя бы укоренить у него в душе мысль о целомудрии, дабы ему было легче бороться со всепроникающей чувственностью — она поражает не только плоть, но и разум. Мальчик видит соблазнительную рекламу, листает жуткие журналы. Всё вокруг действует на него куда сильнее, чем мысль о целомудрии. Теперь эта мысль, скорее, осмеивается. Что же делать бедному мальчугану? Трудно не только сопротивляться, но и просто осознавать, что нужно сопротивляться. Лишь крохотная слабенькая мысль о чистоте противостоит лавине соблазнов и греха. И вот тут на помощь должна прийти литература...

Дайте мальчику «Давида Копперфильда». Герой — не монах, не подвижник, а обыкновенный мальчуган. Эта мирская книга о мирских людях — вот только мир тогда был иным. И это уже полезно отметить: значит, не всегда было так плохо, как сейчас. Кроме теперешних мерок нравственности существовали и другие. И в том мире не обходились без половой жизни, но не придавали ей такого значения. Обнадеживает и наполняет силами сознание того, что почиталось в ту пору нормаль-

ным, естественным. Например, Диккенс описывает взросление мальчика, его первую любовь. В обществе девочки он смущен, и у него нет грязных помыслов, потому что подобного в жизни он не наблюдал. Сегодня же каждый роман изобилует «постельными» сценами. Диккенс пишет о любви высокой, которая, конечно же, приведет к женитьбе, к семейной жизни, к воспитанию детей — вокруг этого строится вся жизнь человеческая. И ни у кого из героев не возникает мысли о сиюминутном удовлетворении похоти с одной девочкой, дабы тут же заняться поисками другой. Давид мечтает о любимой женщине, о том, как будет жить с нею, когда вырастет большим и сильным. Разумеется, он будет спать со своей женой, но жизнь половая — лишь часть большой и трудной жизни в целом.

И в этом может найти помощь мальчик, к которому подступают соблазны. Когда он спрашивает: «Как мне вести себя с девочкой?» — общими фразами не отделаться. Но видя перед собой достоверный пример сверстника, жившего в прошлом веке, — стеснительного, заботливого, обходительного, мечтательного и нежного, — мальчик нашего времени тоже будет вести себя нормально, с оглядкой на нормы поведения прошлого. В романе этом много эпизодов, касающихся вопросов любви и пола, их сложности и важности для нашего человеческого естества. О православной вере не сказано ни слова, хотя вся книга напоена духом христианских ценностей — это тоже подспорье нашему подрастающему современнику в повседневной жизни в мире сем.

Еще Диккенс с большой теплотой повествует о людях, их отношениях. Увы, в школе сегодня об этом не говорят. И это теплое чувство к людям, возможно, даст мальчику куда больше уверенности жить целомудренно, чем все догмы Православия...

Теплота и сердечность Диккенса скорее проложат дорогу к сердцу мальчика, нарушив однобокий холодный рационализм, нежели годы вразумлений и увещеваний. Ибо, даже усвоив истины, можно оставаться холодным душой, расчетливым и бесчувственным. Читая Диккенса в простоте души, не удержишься от слез благодарности — он открывает нам подлинную религию любви. А сострадание Достоевскаго способно преодолеть наше самолюбие и самодовольство. Даже Томас Манн, не обладающий талантом сердечности и сострадания, дает читателю глубокую мысль о том, сколь неправильным путем идет жизнь Запада».

В ТОЙ же лекции о. Серафим вспомнил случай из своей молодости, как образовывалась и постигала истину его собственная душа: «В колледже, когда я еще не был искушен в архитектурных стилях, мой

профессор истории* указал мне на два дома, примерно в одном стиле, построенные с разницей лет в тридцать. «Можете сказать, чем они отличаются? — спросил он. — Смотрите: один сложен из кирпича, видна кладка, он теплый, хранит следы человека. Другой — из бетонных плит, гладкий, холодный, безликий. В первом жить приятно, во втором — нет». Я получил очень хороший урок: даже маленькая, казалось бы, незначительная деталь — орнамент на стене дома викторианской эпохи, не несущий никакого прикладного смысла — способна придать предмету его неповторимую индивидуальность. Сегодня это утеряно, остается лишь то, что «конструктивно» необходимо. Это — бездушная, мертвящая практичность. Конечно, дешевле строить или изготовлять подобное — логика очевидна. Однако сколько мы потеряли! И когда родители, показывая детям дома, объясняют, почему один хорош, другой плох, почему один «теплый», другой «холодный», ребенок уже не будет бездумно принимать всё современное как самое лучшее. И поучение это касается не искусства, а всей жизни, его «между строк» школьной программы должны давать родители и учителя. Так прививается чувство прекрасного. Напротив, в нынешнем школьном образовании преобладает грубый вкус, отсутствие сердечности, неспособность отличить хорошее от плохого, так называемая «относительность», сбивающая людей с толку и заводящая в тупик безбожия. И нужно хоть бы немного сознательных усилий, дабы ребенка воспитывали не только дурные примеры».

Из всего сказанного можно заключить, с какой серьезностью о. Серафим относился к воспитанию мальчиков и юношей, которых Господь вверял его опеке.

В 1981/82 гг. Феофил уже заканчивал «школьный курс». Отец Серафим научил его читать и писать по-русски и по-английски, познакомил с мировой литературой, музыкой, историей, церковной музыкой и уставом.

Тем же годом о. Серафим составил курс по «Православному мировоззрению» — расширенный и дополненный «Православный курс выживания» 1975 года, — прослушав который, полагалось написать реферат и сдать зачет. Побудила его к этому в августе 1981 года встреча с одним 18-летним семинаристом из Джорданвилля, тот приехал в монастырь с родителями — давнишними знакомцами отцов. Сейчас их

---

*Очевидно, д-р Генри Корд Майер, преподававший историю Европы и Германии, научный руководитель Кайзо Кубо, находившийся в годовом отпуске, когда с Кайзо случилась беда.

волновала судьба сына. Подобно многим сверстникам, выросшим в современном разобщенном мире, он не умел ни выразить, ни объяснить своих чувств и мыслей, не понимал, что творится у него в душе. Отец Серафим отметил: «Он не хочет ничего иного, как только служить Богу. Однако очень испугался, когда в прошлом году в Джорданвилле на него напала тоска и не отпускала месяцы кряду. Порождена она была бездельем, невозможностью применить всё читанное в своей обыденной жизни. Сейчас ему всё «прискучило», и без тщательного духовного надзора он боится (и оправданно!) потерять всякий интерес к служению Церкви».

Узнав о таком положении дел от самого юноши и его родителей, отцы решили: пусть он останется в монастыре и пишет курсовую работу под руководством о. Серафима. Помолившись и причастившись поутру Святых Таин, молодой человек принял приглашение. Отец Серафим написал еп. Лавру (ректору семинарии в Джорданвилле), не помешает ли это юноше получить диплом об окончании семинарии. «Мы знаем его уже несколько лет, и он проявил себя весьма одаренным и увлеченным студентом. Учеба дается ему легко. Надеемся, что при строгой опеке состояние его (обусловленное во многом юностью) переменится к лучшему»[8]. После некоторых споров преподаватели семинарии согласились с предложением о. Серафима.

Вскоре писать курсовую работу в Платине приехал еще один 18-летний семинарист из Джорданвилля, Георгий. Вырос он в семье протестантов, жил в Рединге, крещен был о. Серафимом. А семья познакомилась с Православием с помощью человека, некогда встретившего о. Германа в книжном магазине.

В 1981 году, летом, во время традиционного паломничества еще один молодой человек задержался в монастыре. Звали его Григорий, учился он в Санта-Крузе, состоял в Православном обществе (у него останавливался о. Серафим, когда в мае приезжал с лекциями в университет). Очень серьезный молодой человек, с непокорной рыжей шевелюрой и горящим взглядом. Недавно перешел в Православие из англиканской Церкви, заодно порвав с современными «чудодеями». Он мечтал о подвижнической жизни на лоне природы, а приобщившись Православия, воспылал желанием жить монахом в пустыни. Повсюду как учебник он носил «Северную Фиваиду». Когда в августе он приехал в монастырь и решил остаться, отцы подметили, сколь он заботлив и предупредителен к другим, и сочли, что его стремление к пустынническому подвигу искренне, не продиктовано эгоистичным желанием спрятаться от мира. Еще он отличался необыкновенной сообразительностью. Очевидно, Господь послал отцам еще одну душу для образо-

вания, она жаждала Православия. Григорий облачился в подрясник послушника и начал новый учебный год с курса о. Серафима «Православное мировоззрение».

Всего семеро (как монастырской братии, так и мирян) посещало этот курс. В выходные дни послушать лекции собиралось еще больше народа. За девять месяцев удалось охватить огромный материал. Много времени о. Серафим уделил Догматическому богословию и Истории Церкви, знакомя студентов с житиями и учением святых Отцов. Не забывал он и обычной университетской программы, но преподносил материал под православным углом зрения, что вносило определенный смысл. Он рассказывал о религиозных наставниках и учителях: Иоакиме Флорентийском, Мартине Лютере, Адаме Вайсхаупте, Тейяре де Шардене; о философах Запада: Фоме Аквинском, Канте, Вольтере, Гегеле, Марксе, Руссо, Прудоне; об ученых: Копернике, Кеплере, Ламарке, Лайоле, Дарвине, Геккеле; о писателях и поэтах: Гомере, Данте, Мильтоне, Ричардсоне, Голдсмите, Фильдинге, Свифте, Остине, Дидро, Байроне, Пушкине, Леонтьеве, Толстом, Чехове, Гоголе, Диккенсе, Уордсворте; о политических деятелях: Юлиане Отступнике, Оливере Кромвеле, Борисе Годунове, Петре I, Николае I (наиболее чтимом о. Серафимом русском царе), Бакунине, Фурье, Сен-Симоне, Томасе, Бэрке, Победоносцеве, Оуэне, Наполеоне, Гитлере, Депозито Кортесе, Меттернихе, де Мэстер. Отец Серафим обсуждал со студентами бесчисленные картины и скульптуры, от древних до ультрамодернистских. Он рассказал им о музыке эпохи Возрождения, Барокко, Классицизма и Романтизма, о новых веяниях и течениях, даже о «Битлах» умудрился поведать с православной точки зрения.

Студенты и не подозревали, как им повезло. Такой глубины в своих лекциях о. Серафим еще не достигал. А следующих ему уже не довелось прочитать. Он и сам прекрасно сознавал, что такого образования, такого миропознания, основанного на принципах Православия, сейчас уже не получить.

В дополнение к курсу «Православного мировоззрения» о. Серафим вел занятия по английской грамматике, стихосложению и писательскому мастерству. Отец Герман занимался со студентами церковной историей и литературой. Двенадцать часов в неделю посвящалось лекциям, и еще десять добавлялось двум семинаристам, дабы они не отстали от программы. Материалы отцам присылали из Джорданвилля.

Некоторые из слушателей плохо усваивали материал, прочитав страницу, они рассредоточивались. Для таких о. Серафим придумал ежедневно читать вслух интересные романы, такие как «Преступление и

наказание», и сразу же обсуждать прочитанное. Он отмечал, что «результаты великолепные: повысились и интерес, и понимание».

Отец Серафим приготовил наброски будущих курсов (третьего, четвертого и пятого года обучения) для своих семинаристов, включив все дисциплины, преподаваемые в Свято-Троицкой семинарии*. Но накануне третьего учебного года он умер.

Уже говорилось, что платинские отцы не жалели своего времени, знакомя молодежь с классической музыкой. Сегодня, увы, уже не только молодежь нуждается в музыкальном образовании. Родители их тоже воспитаны на грубых, жестоких современных ритмах.

Во время традиционных Паломничеств собравшиеся знакомились с высотами христианской культуры, слушая магнитофонные записи отцов. В 1979 году, когда о. Серафим рассказывал о пророчествах Даниила, он поставил запись «Валтасарова пира» Генделя, основанного на Книге пророчеств Даниила. А в 1981 году, читая лекции по Книге Бытия, он давал послушать «Ораторию творения» Гайдна. Отец Герман знакомил паломников со своими любимыми композиторами, особенно Моцартом. Один 19-летний паломник вспоминает: «До паломничества 1981 года я слушал исключительно поп- и рок-музыку. В монастыре состоялось мое знакомство с музыкой классической. Отцы объяснили, что рок — это музыка плоти, классическая — музыка души, а церковная — музыка духа (высшей части души). И чтобы нам приобщиться царства духа, нужно подняться над плотским, телесным и подготовить душу. После этого я понял, почему некоторые отдают предпочтение классичекой музыке. Не забуду, как о. Герман дал нам послушать 24-й фортепьянный концерт Моцарта — так тронул он душу, самые сокровенные уголки ее. Я даже и не подозревал, что способен так чутко откликаться на музыку.

Вернувшись в колледж, я не сразу расстался с моими недавно любимыми пластинками и записями. Мало-помалу стал я приобщаться музыки серьезной и народной. Соседи по общежитию слушали «Роллинг Стоунз», Дэвида Бауи, Брюса Спрингстина. Я же — Римского-Корсакова, Сибелиуса, кельтскую арфу. Понемногу и другие ребята

---

* Ветхий и Новый Завет по книгам архиеп. Аверкия, Апологетика по книге И. М. Андреева, Церковная история по книге Николая Тальберга, Патрология, Догматическое богословие по книге прот. Михаила Помазанского, Гомилетика по книге архиеп. Аверкия, Церковные каноны, Литургика, Пастырское богословие, Нравственное богословие и т. д.

стали интересоваться: что же я такое замечательное нашел? Просили дать послушать. Им тоже приелась „музыка плоти"».

Для образования души о. Серафим прибегал и к современнейшему из искусств — кино. Он пояснял: «Некоторые родители, жалуясь на ужасный мир, даже не пускают детей в кино, дескать, нечего им набираться скверны, пусть растут в чистоте. Но детей рано или поздно всё равно ждет столкновение с жестоким миром. И если они не получили достаточно душевной пищи, то недолго и отравиться тем, что предлагает мир сей. Поэтому так важны фильмы, в которых не царит зло, которые не толкают ко греху».

В 1980/81 гг. сразу же после Рождества отцы взяли напрокат кинопроектор и тщательно отобрали фильмы для молодежи: «Гамлет», «Николас Никольби», «Рождественская сказка», «Записки Пиквикского клуба», «Школьные годы Тома Брауна».

Не следует забывать, что в молодости отношение о. Серафима к Диккенсу было иным, пренебрежительно-насмешливым, он, подобно тому молодому богоискателю с Афона, называл его романы «викторианской сентиментальщиной». С годами сердце о. Серафима умягчилось, обретя с Православием первозданность чувств, он наконец оценил «Записки Пиквикского клуба», вернулось незамутненное детское восприятие — ведь когда-то он зачитывался этим романом, по ночам пряча книгу под одеяло. За год до смерти он увидел экранизацию романа и растрогался как дитя: то смеялся, то плакал, сопереживал каждую минуту действия.

Однажды его спросили о фильме, в котором бы показывались христианские добродетели. «Их предостаточно, — ответил о. Серафим, — только новых как-то не видно. Совсем мало, наверное, снимают. А старые картины, особенно экранизация классики, очень хороши, и в них заложен глубокий смысл. Диккенс тому пример: он «насквозь» христианский. Хотя имени Христа и не упоминает. Но каждый его роман исполнен любви. Так, мистер Пиквик, что бы ни случилось, неколебимо верит людям. Даже в долговую тюрьму попадает по доверчивости. К нему приходит обидчик, соблазнивший его родственницу и засадивший его самого в тюрьму, а мистер Пиквик сокрушается о нем, и еще дает денег, чтобы тот купил себе еды. Смотришь на преступника, беззастенчиво обманывающего людей, и плакать хочется. В конце концов мистер Пиквик преодолевает все невзгоды, потому что не утратил веры в людей. Он побеждает, ибо на глазах умягчаются сердца людей.

Много старых фильмов показывают людские страсти, невинность, христианские дободетели. Все романы XIX века достоверно изображают обычную христианскую жизнь, борьбу со страстями че-

ловеческими. Это не богословский или высокодуховный уровень, а простой, человеческий, но показанное в этих фильмах христианское понимание жизни так благотворно. Подобных новых фильмов назвать не могу. Наверное, всё же где-то изредка снимаются и хорошие картины, но в основном показывают всякие ужасы... Если Диккенс с сердечной теплотой показывает нашу повседневную жизнь, то, например, новый фильм «Е. Т.» проникнут сердечностью к какому-то чудищу, представленному чуть ли не спасителем людей. Думаю, что стоит покопаться в старых фильмах и показать некоторые в своем приходе, особенно молодежи.

Помимо кино о. Серафим выбирал время, чтобы сводить монастырскую братию в театр. Отец Серафим широко и свободно использовал все духовные средства для образования молодых душ. Отец Алексий Янг пишет по этому поводу: «Несколько раз о. Серафим заезжал к нам по пути в Эшланд (штат Орегон) или на обратной дороге: он возил братию на спектакли шекспировского фестиваля. Однажды летом (незадолго до смерти) он ездил с ребятами смотреть «Ромео и Джульетту», предварительно прочитав и обсудив с ними пьесу. Я удивился: как это будущие монахи будут смотреть такую пьесу? Отец Серафим ответил: «А что, собственно, мешает? Они живые люди и чувства у них такие же, как и у всех. Лучше показать им всё, объяснив и растолковав, нежели предоставить биться со страстями в одиночку».

В том же духе наставлял он меня, когда на лето приехал Феофил: «Пусть смотрит телевизор, даже всякие пустые комедии и мелодрамы, если хочет. Води его в кино. Пока Феофила чарует и привлекает мир сей и пока не поздно, нужно его от этого отучить. Смотри с ним всё подряд, объясняй, обсуждай, чтобы он мог оценить всё с позиций духовности». Мне такой подход показался разумным. Некоторая доза мирского действует как вакцина, помогающая выработать иммунитет к «мирским чарам». Раз он попросил меня свозить Феофила в Сан-Франциско на моцартовского «Дона Джованни», потом — в Эшланд на спектакль по пьесе Марлоу «Доктор Фауст». Отец Серафим назубок знал эти вещи и даже подсказал мне, какой «урок» я должен извлечь и преподать Феофилу. Всякий раз после он требовал подробного отчета: как Феофил (или кто иной) воспринял пьесу, понял ли смысл и т. п.

Помню, как настоятельно советовал он Майклу Андерсону* читать Платона и других философов, дотошно обсуждал с ним прочитанное, показал, как связана философия древности с Православием и святоотечеством...

---

* Отец упомянутого семинариста Георгия.

То же и с музыкой: на заре нашего знакомства я говорил ему, что, коль скоро мы помышляем о духовном росте, нам придется забыть о Моцарте и прочих светских композиторах. «Бедняга!» — только и воскликнул он. Я до сих пор слышу это восклицание. Потом он объяснил мне, какое место занимает прекрасное в духовном мире и сколь значима роль высокого искусства в создании нашей личной духовности. Ранее мне такого слышать не доводилось. Много позже я обнаружил схожие мысли у святых Отцов, принял их и разделил потом со многими людьми. До этого у меня сохранялось совершенно пуританское отношение к искусству…

Уже несколько времени после того, как о. Серафим покинул нас, я нашел в Новом Завете строки, точно определяющие его подход к жизни (по крайней мере то, что видел я): «Ибо дал нам Бог духа не боязни, но силы и любви, и целомудрия» (2 Тим. 1:7). В общем, каждый, открывший душу перед о. Серафимом (хотя таких было мало), получил неоценимое сокровище — мудрые наставления. И мало кто оценил это при его жизни».

Как и всякий духовный наставник, о. Серафим болел душой за своих детей. У каждого (названного или неназванного в этой книге) были свои душевные раны и увечья. Один вырос без любви, без отеческой руки, с психопаткой-матерью. Другой вроде бы из хорошей семьи, с любящими родителями, да сам в себе разобраться не может: выпорхнув на волю из-под родительского крыла, ощутил беспомощность и пустоту. Третий — из неблагополучной семьи, сбежал из дома, изболевшись душой. Четвертый пришел в монастырь из мрачного мира наркотиков, преступлений, черной магии, и «шрамы» мира сего еще долго бередили душу.

По ночам о. Герман часто видел, как его собрат молится о своих чадах, о всех встреченных в жизни молодых людях, искалеченных миром нигилизма, природу которого он постиг много лет тому. Мальчишки уже давно спали, а о. Серафим при свече молился в холодной церкви, склонившись в земном поклоне перед алтарем. Со слезами молил он Бога благословить, защитить и излечить молодых.

При жизни братия не знала об этих ночных бдениях о. Серафима, равно не ведали они и истинной цены отеческому его наставлению.

98

Небесные гости

Св. ПРАВ. ИОАНН КРОНШТАДТСКИЙ писал: «Святые Божии, как братья наши, только совершенные, живы и недалеки от нас... Мы живем с ними вместе — в одном дому Отца небеснаго, только на разных половинах: мы на земной, они на небесной... Все святые живы у Бога и для нас: видя в Боге наши нужды, сочувствуют нам, и готовы по нашим молитвам помогать нам»[1].

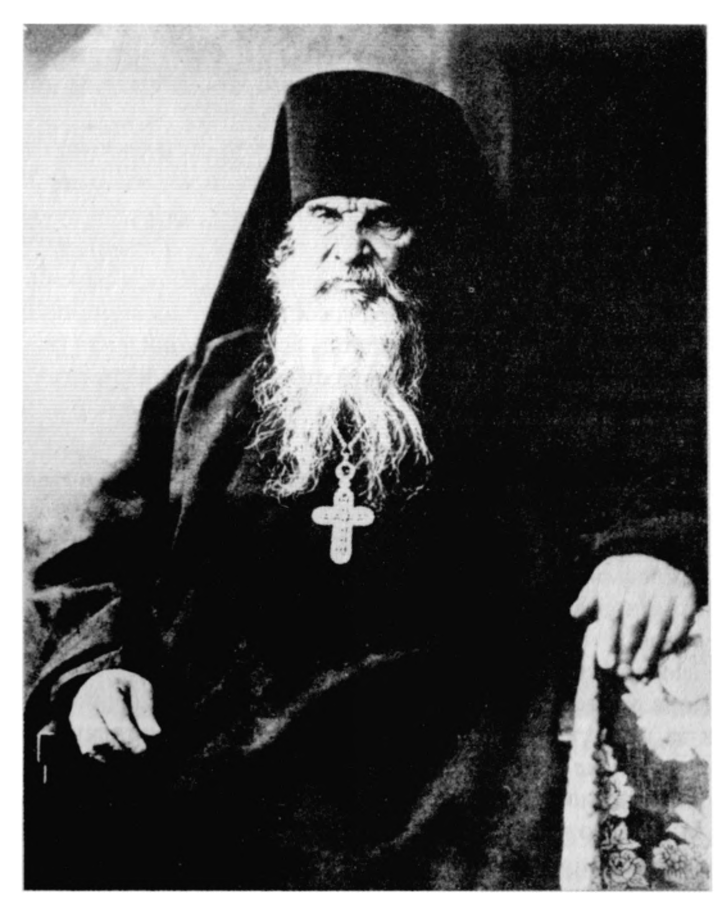
Сколько раз «братья наши в одном дому Отца небеснаго» помогали платинским отцам в минуты искушений! Вот один из примеров: в мае 1981 года пришел в монастырь один русский, очевидно, бесноватый — с очень неспокойной душой. Сбежал из Советского Союза, в прошлом даже совершил убийство. Однажды его поколотили и ранили ножом хулиганы-негры, и с тех пор в его взбаламученном сознании укрепилась мысль, что негры — народ злокозненный и он должен их уничтожать. Увидев за ужином мулата Феофила, гость уставился на него, потом начал грозить о. Герману расправой над юношей. Присутствующие остолбенели. Уже ночью бесноватого увидели во дворе — он бежал куда-то с ножом. Отец Герман остановил его и приказал ложиться спать. Братии же велел запереть комнату Феофила и сторожить всю ночь.

В ту же пору гостил в монастыре и другой русский, кроткий страдалец Григорий Карат. Назавтра утром он проснулся раньше других. Вышел. У церкви увидел седобородого монаха с розгой в руке. Позже, перед началом утрени, Григорий спросил о. Германа:

— У вас, никак, еще гость?

— Нет.

— Я не слышал, как он подъехал, но самого видел ясно: высокий, видно, что владыка, хотя и без клобука. Важно так прошел воротами. В одной руке посох, в другой — розга.

Игумен Дамаскин Валаамского монастыря (1795-1881), защитник монашества и гонитель бесов. Именно этот портрет имел в виду Григорий Карат.

— Кто бы это мог быть? — недоумевал о. Герман.

В церкви Григорий подвел о. Германа к поминальному столу, указал на один из портретов усопших праведников.

— Вот этот приезжал сегодня утром. Точно он! Как его зовут?

— Да это ж игумен Дамаскин! Он уж сто лет как преставился.

Как раз в тот год исполнилось сто лет по упокоении игумена Дамаскина, одной из самых крупных фигур за всю тысячелетнюю историю Валаама. И Братство преп. Германа, прозванное архиеп. Иоанном «отражением Валаама», конечно, было связано с великим

праведником незримыми узами. Его заботами было составлено первое житие валаамского монаха Германа, что впоследствии привело к прославлению подвижника.

Платинским отцам сразу стала ясна цель появления игумена Дамаскина: Господь послал его, чтобы отвратить злодеяния бесноватого, духовной «розгой» наказать дьявольщину, нарушившую покой и гармонию монастырской жизни. В тот же день о. Герман и Григорий Карат увезли бесноватого. Опасность миновала. Отцы навечно сохранили память о заступничестве валаамского игумена. Не прошло и года, как в «Православном Слове» появилось его жизнеописание (на английском) и портрет на обложке, знаменуя столетие со дня смерти[2].

НЕСКОЛЬКО месяцев спустя случился в монастыре еще один небесный гость. Вот как рассказывает об этом случае послушник Григорий: «В феврале 1982 года мне довелось сопровождать трижды блаженной памяти иеромонаха Серафима в Рединг, где на зимнем Свято-Германовском паломничестве он читал лекцию. На следующий день совершил литургию (было Сретенье) в местной церкви иконы Божией Матери «Споручница грешных».

Вскоре после службы о. Серафим послал меня и других братий в магазин за продуктами для монастыря и дал 150 долларов. Набрав всякой снеди, уже у самой кассы я обнаружил, что деньги пропали! Велико же было мое потрясение! Как я сокрушался. Надо же — потерял деньги! И не сдерживаясь, корил себя, всех и вся вслух. Позвонили в церковь, сказали о нашей беде. Отец Серафим велел нам возвращаться. Приехали, я вылез, смотрю, навстречу от церкви идет о. Серафим. «Поищи хорошенько здесь, — сказал он и кивнул на мой левый нагрудный карман. — Мне архиеп. Иоанн указал. Ты ведь не догадался ему помолиться?» Я сунул руку и, к удивлению, радости и стыду, нащупал банкноты. Как же я их не заметил раньше?! Верно, Владыке Иоанну я помолиться не догадался. Отец Серафим утешил меня, рассказал, как после нашего звонка сразу же пошел в церковь. Слева от входа висел большой портрет Владыки, хранилась его митра, еще несколько памятных портретов и личных вещей архиеп. Иоанна. Отец Серафим попросил помощи. И великий прозорливец указал: они у меня под самым носом, в кармане. Так, заступничеством Божьего праведника испытание и искушение обернулось откровением святости и благодати»[3].

Этот случай показывает не только небесную помощь святых, но и особую связь о. Серафима с миром иным. Вот что рассказал сын Вален-

Отец Серафим за службой в монастырской церкви. 1980 г.

тины Харви (в подтверждение тому, что даже в своем земном странничестве о. Серафим вкусил уготованного ему райского блаженства): «За несколько лет до упокоения о. Серафима мне довелось прислуживать в алтаре в церкви Рединга. Не помню точной даты, шла обычная субботняя всенощная. Прихожан было двое: моя мать да сестра. Да еще чтец из Платины. Служба шла тихо и мирно. Во время канона о. Серафим погрузился в молитву перед престолом. Чтение навевало покой. Я взглянул на о. Серафима. Чуть заметное сияние исходило от его лица. Ничего особенного, просто легкое сияние. После службы и мать и сестра отметили, какой покой и мир на душе.

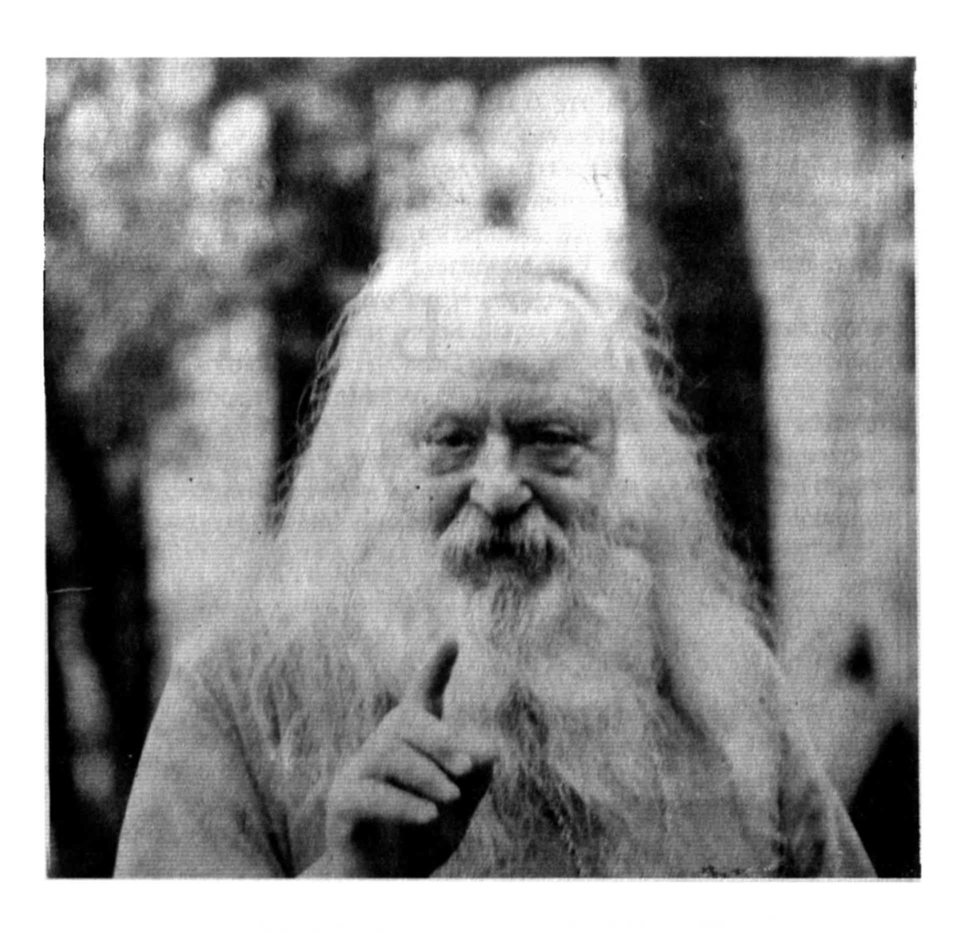
Пока я не прочитал в «Малом Русском Добротолюбии» о преп. Серафиме Саровском[4], я не мог объяснить, что же всё-таки произошло. И только потом понял, что на о. Серафима снизошел Божественный свет»[5].

В православном богослужении Иисуса Христа называют «Свете Тихий», и в тот субботний вечер в нашей скромной церквушке (где раньше помещался гараж) о. Серафим сподобился ощутить этот Тихий

Свет на себе. Никаких внешних «чудесных» проявлений, лишь внутреннее душевное утешение Того, Кто призвал его из мира: «Мир оставляю вам, мир Мой даю вам: не так как мир дает, Я даю вам...» (Ин. 14:27)

Отец Герман вспоминает еще один случай с о. Серафимом, случай и впрямь необыкновенный. Было это в воскресенье, незадолго до смерти о. Серафима. Он готовился служить литургию в монастырской церкви. Тут из своего «Валаама» (так называлась келья) пришел о. Герман. Заканчивали читать часы, вот-вот должна начаться литургия. Уже отворили завесу у Царских Врат. В алтаре прислуживал брат Дима. Вдруг, к своему изумлению, о. Герман увидел еще одного человека в алтаре. Того же роста, что и Дима, белокурый, длинноволосый, в белом стихаре и синем ораре. Отец Герман не видел лица и недоумевал: кто бы это мог быть? Войдя в алтарь с другой стороны, он шепотом спросил о. Серафима о втором прислужнике. Но тот сказал, что помогает ему один Дима. И впрямь: больше в алтаре никого не было. Ни следа. Но я же отчетливо видел! Обыскав всё вокруг, я вернулся в алтарь, и тут меня осенило: «А уж не Ангел ли это был?» И небывалое благоговение охватило меня. Чудны дела Твои, Господи!»

ЧАСТЬ XII

Епископ Нектарий в монастыре преп. Германа. 1979 г.

99

Последний из великих

На злое будьте младенцы, а по уму будьте совершеннолетни.
1 Кор. 14:20.

Однажды еп. Нектарий, будучи еще малым ребенком, приехал с матерью в Оптину. Ясновидец старец Нектарий сказал тогда ей: «Берегите сына. Со временем он нам будет очень нужен».

Предсказание старца сбылось: приняв монашество, он стал одним из иерархов в Америке. Еп. Нектарий не снискал славы, не совершал выдающихся подвигов, но вся жизнь его олицетворяла простоту, мягкость, доброту и сердечность оптинской духовности. Вот как вспоминает могучего седобородого епископа русская по имени Варвара, знавшая Владыку со своего раннего детства еще по Сан-Франциско:

«Помню Владыку Нектария с той поры, как мне исполнилось три года. В отрочестве я вступила в отряд юных скаутов. Владыка Нектарий был нашим духовником, приезжал служить акафисты и пил с нами чай. Был он чист сердцем как дитя. И любил детей. Помню, купил он с моим братом лодку и … утопили ее. Еп. Нектарий отлично плавал, научил и мою сестру.

В лагере скаутов, бывало, каждый день нам что-нибудь рассказывал. Рассказчик он был отменный, увлекался, глаза у него делались большие, как блюдца. Разве телевизор заменит такое?

Он всегда нас развлекал: то рычал по-медвежьи, то ухал филином. Зверей очень любил.

Моя подруга Вера обычно подвозила его на машине. Однажды приехав за ним, застала почтенного старца на полу в кухне. Перед ним стояло блюдо, а вокруг копошились муравьи.

— Владыка! Что это блюдо делает на полу?

— Верочка, я кормлю муравьев.

Он был очень остроумен и любил шутить, но сам оставался серьезным. А какой заботливый! Однажды я сломала палец, так он пришел меня навестить. У него дома я однажды укрыла брата, которого очень бранила мама.

Епископ Нектарий был замечательный. Добрый, сердечный — таких очень очень мало. Как все мы, дети, любили его!»

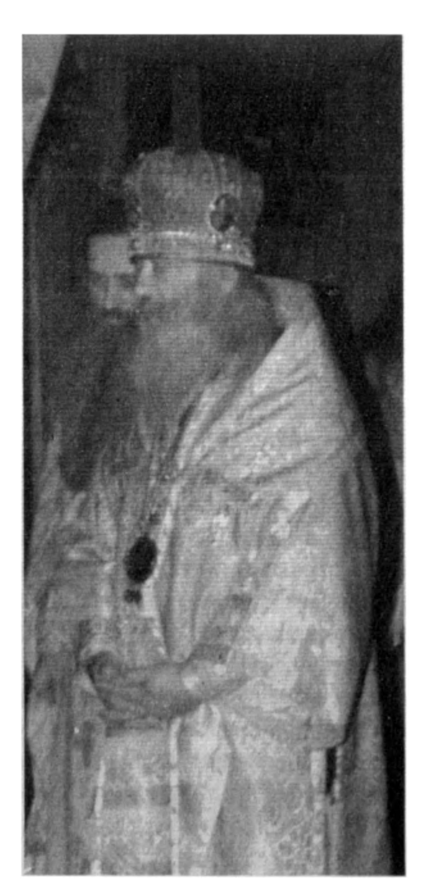
И ПЛАТИНСКИЕ отцы вспоминали случаи, открывающие добрую, невинную душу епископа. Как-то он явился нежданно-негаданно, и отцы решили накормить гостя. В тот день поварничал Дима, «православный механик-любитель», и в ту минуту чинил машину. Повсюду валялись инструменты и запасные части. Впрочем, Дима сразу откликнулся на просьбу о. Германа приготовить обед епископу и решил угостить Владыку спагетти. Решив, что чем знатнее гость, тем больше он съест, Дима наложил епископу целую гору спагетти и щедро сдобрил томатным соусом. Один из братьев, как и было заведено, читал что-то душеполезное, а отважный Владыка «сражался» с обильным угощением. Вдруг отцы заметили, что тот перестал жевать и выудил что-то изо рта. Оказалось, болт с гайкой! Вот каково совмещать механику с кулинарией!

Отцы изрядно смутились, сам же епископ не огорчился и не рассердился. С улыбкой в глазах он повернулся к о. Герману и прошептал: «А я-то думаю, почему так вкусно!»

«СЛАВЛЮ тебя, Отче, Господи неба и земли, что Ты утаил сие от мудрых и разумных и открыл младенцам» (Мф. 11:25).

Черты еп. Нектария, столь любимые детьми, осмеивались и презирались «высокими умами». Отец Герман с горечью убедился в этом в 1976 году, когда вместе с еп. Нектарием, архиеп. Антонием и еще одним епископом летел на самолете хоронить архиеп. Аверкия. На протяжении всего пути, что бы ни сказал еп. Нектарий, о чём бы ни отозвался (хотя бы о том, что видит в окно), вызывало у спутников гримасу неприязни. Они переглядывались, закатывали глаза, дескать, за какие грехи мы вынуждены терпеть такое общество. Отец Герман поразился столь открытому неуважению. Еп. Нектарий словно и не замечал ничего, опускал голову и погружался в молчание.

Платинские отцы знали, что это последний из ближайших последователей и самоотверженных защитников архиеп. Иоанна. Страшно

Еп. Нектарий после рукоположения о. Серафима. Церковь монастыря преп. Германа. 24-ое апреля 1977 г.

подумать, что будет, когда умрет и он. Епископ Нектарий и сам сознавал это. Он пожертвовал всей своей жизнью, чтобы донести оптинский дух любви и простоты. Смогут ли продолжить его дело отцы Герман и Серафим в Церкви, где воцаряется дух непогрешимости владык, сухости и бессердечия? Конечно, он жаждал видеть в отцах своих преемников, хранителей оптинского духа.

26-го мая 1977 года он приехал в Платину и сказал, что хотел бы побеседовать с отцами в Царской часовне. С собой он привез «всё необходимое для катакомбного служения».

«Молитесь, дабы Господь даровал мне сил и жизни, — попросил он, уединившись с отцами. — Все эти годы я вас защищал. Но должен предостеречь: умру — и на вас падут гонения. Вам запретят служить литургию, может, вообще лишат сана, отберут антиминс и чашу для

причастия. Поэтому я привез вам антиминс, благословленный самим архиеп. Иоанном, в следующий раз привезу вам всё необходимое для причастия. Мне это досталось от архиеп. Иоанна — он тоже опасался, что меня будут преследовать после его смерти. Теперь же передаю всё вам, и по той же причине: будете гонимы после моей смерти — так удалитесь в леса и там будете втайне совершать богослужения, будете причащать своих прихожан Святых Таин».

Отец Герман спросил, правомочен ли он так поступить.

— Да, — твердо ответил Владыка, — по трем причинам: во-первых, я ваш духовный отец и, следовательно, в духе мы едины, во-вторых, я рукополагал вас, и в-третьих, предчувствия меня не обманывают.

Отец Серафим недоверчиво взглянул на собрата: неужто, мол, Владыка всерьез? Потом спросил епископа:

— А за что? Что мы сделали не так? За что нас гнать?

— Во-первых, за то, что вы продолжаете смело писать об Владыке Иоанне — что страшно злит архиепископа Антония и К°. Во-вторых, потому что мы все втроем выступали против еретического догмата искупления, а архиепископ Антоний его поддерживает. А в-третьих, они вам просто завидуют.

Последнему очень удивился о. Герман. Он спросил, как Владыка крупнейшей епархии может завидовать им, простым монахам.

— Вы даже не представляете, до какой степени он завидует, — лишь повторил еп. Нектарий.

Уже упоминалось, что в Аламеде, рядом с Сан-Франциско, у еп. Нектария была маленькая домашняя церковь Курской иконы Божией Матери. После рукоположения отцы Серафим и Герман вместе с монастырской братией ездили туда каждый год в день празднования чудотворной иконы в ноябре, как раз в канун именин самого епископа. Они помогали ему служить всенощную и литургию. Служба начиналась вечером и завершалась в 4 часа утра. Присутствие монашеской братии утешало Владыку, ведь некогда он замышлял открыть в Аламеде монастырь. Последнее из таких всенощных бдений прошло несколько месяцев спустя после кончины о. Серафима, и сам епископ был уже весьма слаб и приближался к смерти. Он выстоял всю службу, и сколько был в силах, служил сам, хотя в алтаре его ждала кислородная подушка.

Отцу Серафиму повезло: он скончался раньше еп. Нектария. Отцу Герману после упокоения Владыки уже не довелось повстречать иерар-

ха столь крупного масштаба. «Он был последним из великих», — так отозвалась о Владыке повзрослевшая и много понявшая Варвара. За скромной внешностью его таилась глубокая духовность.

Его советы отцам о молитвенной и духовной жизни всегда строились не только на святоотеческом учении, но и на живых традициях, унаследованных им. Сам он уразумел, что такое внутренний покой и молитва сердечная, чему о. Герман явился свидетелем. Когда у Владыки сдало сердце и ему хотели поставить монитор, он рассудил так: «Если мне вживят устройство на батарейках, оно будет заставлять сердце биться в определенном ритме. И он может не совпасть с моей Иисусовой молитвой».

24-го января/6-го февраля 1983 года в воскресенье, в день памяти любимых им Новомучеников Российских, еп. Нектарий скончался. Отец Герман и почти вся братия отправились в Сан-Франциско на панихиду. В соборе, прощаясь с усопшим, о. Герман сказал краткую речь. Ему отвели лишь пять минут (!), чтобы сказать похвальное слово о Владыке и по-английски и по-русски.

Отец Герман говорил: «Признаюсь, я был несправедлив к еп. Нектарию при жизни, строго судил его. Хотел, чтобы он был так же отважен и непримирим, как архиеп. Аверкий, или посвятил бы себя апостольским трудам, как архиеп. Андрей. Еп. Нектарию было что дать людям, однако он мирился со своим бесправным положением, никогда не стремился «выдвинуться». Ведь это всё, так сказать, суета. Лишь после его смерти я понял, почему он так жил: ему нестерпимо было видеть церковные раздоры, однако он смиренно продолжал свое дело. Среди интриг, борьбы, «организационной шелухи» он сохранил поистине детскую невинность, как и старец Нектарий Оптинский.

После смерти о. Серафима я спросил Владыку, как выжить, когда уйдет и он? Он кротко улыбнулся и ответил: «Ничего, выживете. Я же буду рядом».

В то время для меня это были только слова, но сейчас я вижу: так оно и есть — он с нами.

Сам он жил с ощущением непосредственной близости оптинского своего наставника, словно живого. То же я сейчас чувствую по отношению к самому еп. Нектарию. Остались его необыкновенные теплота, сердечность, его облик — облик доброго Деда Мороза. Да, епископ Нектарий всегда рядом».

100

Надежда

Не надейтесь на князей, на сына человеческаго...
Пс. 145:3.

«Врата адовы» не одолеют Церкви, но они одолевают и вполне могут одолеть многих, мнящих себя быть столпами Церкви, как свидетельствует церковная история.
Архиеп. Аверкий[1].

«ПРАВОСЛАВИЕ, — писал архиеп. Аверкий, — это не есть просто какая-то чисто земная организация, возглавляемая патриархами, епископами и священниками, несущими служение в Церкви, которая официально называется православной.

Православие — это мистическое «Тело Христово», глава которого Сам Христос.

...Церковь, правда, не может быть совсем оторвана от земли, ибо в нее входят и люди, еще живущие на земле, а потому в устройстве и внешней организации ее неизбежен известный элемент «земного», но *чем этого «земного» меньше, тем для вечных целей ее лучше*, и уж во всяком случае это «земное» никак не должно затмевать и подавлять собою то чисто духовное — дело спасения душ для жизни вечной, ради чего Церковь и основана и существует»[2].

К концу жизни о. Серафиму было вполне ясно — он не может уповать только на внешние церковные формирования, какими бы они ни были. Однажды он высказал поразительное утверждение, прозвучавшее для его собрата как гром среди ясного неба. «Все церковные организации, — сказал он, — в конце концов поклонятся антихристу»[3].

Пришлось растолковать свои слова. Отец Серафим сказал, что Церкви, в силу того, что являются организациями, вынуждены будут подчиниться единому мировому руководителю, чтобы быть «признанными» им для продолжения своего существования.

Полюбившийся о. Серафиму новомученик российский, еп. Дамаскин, говорил еще в начале столетия о том, что официальное признание будет использоваться как часть обмана последних времен. В работе под названием «Печать Христа и печать антихриста» еп. Дамаскин писал: «Не следует думать, что с явлением антихриста каждый согласится с его философией. Те, кто не сделает этого, будут соблазняться желанием просто сохранить себя, свои институты, т. е. свое положение и власть. Святые Отцы объясняют, что печать антихриста не будет поставлена на чело и руку одновременно, но на чело или руку (Откр. 13:16). Согласно св. Андрею Кесарийскому, те, кто получат ее на чело, разделят *мышление* антихриста, в то время как принявшие ее на правую руку, признают *силу его деяний (власть),* обманываясь, поверив, что можно остаться христианином в душе»[4]. Конечно же, еп. Дамаскин относил это прежде всего к явлению сергианства в России, но о. Серафим чувствовал, что это удел и Православной Церкви в свободном мире.

Свят. Игнатий (Брянчанинов) — русский пророк XIX века — также говорил о том, как все церковные институты неизбежно подчинятся антихристу:

«Судя по духу времени и по брожению умов, должно полагать, что *здание Церкви,* которое колеблется давно, *поколеблется страшно и быстро.* Некому остановить и противостоять. Предпринимаемыя меры поддержки заимствуются из стихий мира, враждебнаго Церкви, и скорее ускорят падение ея, нежели остановят. Милосердный Господь да покроет остаток верующих в Него. Но остаток этот скуден: делается скуднее и скуднее»[5].

Через несколько лет после смерти о. Серафима из России была подпольно вывезена статья с другим пророчеством, подкрепляющим его утверждение. В жесточайшие годы коммунизма, за десятилетия до нынешней эры религиозной свободы в России, прозорливый старец Лаврентий Черниговский (†1950) говорил своим духовным детям:

«Приходит время, когда и недействующие храмы будут ремонтировать, оборудовать не только снаружи, но и внутри. Будут золотить купола храмов и колоколен. А когда закончат всё, наступит время, когда воцарится антихрист. И видите, как всё коварно готовится? — все храмы будут в величайшем благолепии как никогда, но входить в них православному христианину нельзя будет, т. к. не будет приноситься Бескровная Жертва Иисуса Христа, а будет сатанинское сборище.

Антихрист будет короноваться как царь в Иерусалимском великолепном храме, с участием духовенства и патриарха».

Что касается организации, то мы видели, как о. Серафим возлагал свои последние надежды на епископов Русской Зарубежной Церкви (Синод), полагая, что они не сдадут православных позиций. Он отстаивал эту точку зрения и в письмах, и в печати. Однако великие иерархи один за другим уходили из жизни, как будто так и должно быть, утверждались люди заурядные, ограниченные, духовный багаж которых составлял мертворожденный «догмат искупления». Возвращаясь к цитированному выше письму о. Серафима:

«Став православным христианином, я сразу понял, в Русской Зарубежной Церкви есть два типа (или две школы) епископов: по одну сторону, Владыки Иоанн, Аверкий, Леонтий, Нектарий, Савва, по другую — те, кто сейчас занимает господствующие позиции. (Митрополит Филарет может быть причислен к независимым — во всё время его правления влияние Владыки Иоанна проявлялось так или иначе). Нельзя утверждать, что последние все как один еретики или враги того или иного рода. Но как бы там ни было, противостояние это — хоть и не явное — имеет место. Последние представители того рода епископов, духовными наследниками которых мы себя считаем, уходят из жизни, и боюсь, что полученное от них наследство не принесет нам популярности в Синоде в будущем, впрочем, уже сейчас нам дают это понять»[6].

Последнему из выдающихся святителей, Владыке Нектарию, предстояло пережить о. Серафима менее, чем на четыре месяца. На погребении этого епископа в Джорданвилле, после того, как гроб был засыпан землей, одна женщина, работавшая в штаб-квартире Синода в Нью-Йорке, подошла к о. Герману. «Не доказывает ли это, — сказала она, — неправоту архиепископа Иоанна? Почти все его друзья в могиле, а враги живы-здоровы и у власти». И впрямь: через несколько месяцев архиеп. Виталий возглавил Русскую Зарубежную Церковь.

Как бы предвидя события, о. Серафим писал в 1975 году о епископах, занимающих господствующие позиции в Синоде: «Они выглядят совершенно как светский «совет директоров» и управляют Церковью, *полагаясь на свои человеческие понятия,* а не на Божие водительство. Это *грозит бедой.* ... Они лишают нас почвы под ногами»[7].

Одно время о. Серафим также полагался на объединенное движение «Ревнители Православия» как противодействие обману по-

следних времен. «В годы нашей наивной молодости, — писал он в 1979 году, — мы с о. Германом мечтали о деятельном движении единомышленников — ревнителей Православия — среди молодых новообращенных русских, греков и т. д. Увы, мы стали старше и мудрее и теперь не ожидаем многого. Всем нашим исповедникам Православия не чуждо ничто человеческое... У весьма многих православных «ревнителей», мне кажется, присутствует интеллектуальная ограниченность, сочетающаяся с некоторого рода политической ориентацией, что порождает левые и правые «фракции» и затмевает «общую задачу», которая, как мы думали (и до сих пор думаем), очень ясна, особенно когда сопоставляешь ее с откровенным обновленчеством, происходящим ныне в Митрополии (Американской Православной Церкви), Греческой Архиепископии и др. ...»

Отец Алексий Янг отмечает, как со временем менялась позиция о. Серафима по отношению к православным «юрисдикциям», не принадлежавшим к Русской Зарубежной Церкви:

«Он рьяно «отгораживался» от других юрисдикций в первые несколько лет нашего с ним знакомства (примерно 1966—1975 годы).

Я полагаю, что в это время его знания о других православных группах были довольно ограниченны и почерпнуты из книг, и строгие взгляды сложились в основном на идеологической основе. Однако они разительно изменились, когда он увидел: 1) результат подобного «отгораживания» в Зарубежном Синоде и 2) резко возрастающий фанатизм «сверхправильной» группировки Синода, выступающей за слепое уставничество в Православии. Поначалу ему было просто не по себе, а затем он уже открыто ужасался абсолютному отсутствию любви к ближнему у так называемых «ревнителей». Он сам был «ревнителем», но не отвержения милосердия. В конце своей жизни он сказал мне: «Я сожалею, что ранее мы опубликовали много «проревнительских» статей в «*Православном Слове*» и тем самым помогли в сотворении этого чудовища. Я раскаиваюсь в этом...» Каялся он горячо и искренне.

За год-два до смерти о. Серафим часто говорил мне, что он начал причащать мирян из других юрисдикций и добавлял: «Я знаю, что этого не одобрили бы, но люди приходят и они ждут духовного руководства и окормления... Что ж делать? Прогнать их?» Когда я спросил, не боится ли он, что ему предъявят обвинение ультраревнители в Синоде, он ответил: «Ты плохо меня знаешь, если думаешь, что меня это беспокоит. Я знаю — так нужно поступить, а наживу ли неприятности — не важно».

Вообще, я должен заметить, что о. Серафим, уважая букву правил и законов, всегда старался проникнуть в их дух. С начала 70-х годов

(насколько я помню) он понимал всё яснее, что мы должны подняться над различиями юрисдикций — не для того, чтобы стать обновленцами и изменниками, а для того, чтобы спасти как можно больше душ, ищущих «аромат истинного христианства» (как он любил говорить). Таким образом, избегая крайней меры — скандала и не стараясь кого-либо провоцировать, он тем не менее раскинул сети далеко и широко. И насколько мы знаем, этот «ловец человеков» преуспел».

То, что говорил о. Алексий, взято из сохранившихся писем о. Серафима о духовном руководстве. В одном из них он отвечает на вопросы своего духовного сына, который, будучи в Русской Зарубежной Церкви, хотел жениться на женщине из «соперничавшей» Митрополии (Православная Церковь в Америке). Духовник этой женщины, будучи полностью предан своей юрисдикции, отказался обвенчать пару, пока молодой человек не покинет Русскую Зарубежную Церковь. «...Смело соединяйся с единой Святой и Апостольской Церковью, — самоуверенно писал ему этот пастырь. — Шаг в этом направлении значительно изменил бы мое решение».

«Спасите! — взывал молодой человек к о. Серафиму. — Я нуждаюсь в Вашем совете и молитве, что делать? Мы с невестой оказались в очень неловком положении...»

Столкновение любви и церковной политики о. Серафим рассудил так: «Я думаю, что он (священник) слишком сгущает краски. Вопрос «юрисдикций» (в случае Американской Митрополии и Русской Зарубежной Церкви) не настолько важен, чтобы помешать женитьбе, даже если жених и невеста принадлежат разным лагерям. Единодушие здесь, несомненно, предпочтительнее, но решать самим брачующимся».

Мы говорили ранее, что о. Серафим никогда не менял своего отрицательного отношения к экуменизму и церковным реформам. Однако в последние годы, когда он увидел людей, называвших тех, кто был из других юрисдикций, «еретиками», потому что они ходили в экуменические собрания, он постарался высказаться по данному вопросу более ясно. В статье «В защиту о. Димитрия Дудко» он писал:

«Экуменизм — ересь лишь в том случае, если действительно отрицается, что Православие есть истинная Церковь Христова. Мало кто из православных участников экуменическаго движения зашел так далеко, большинство же никогда не выражали ложную точку зрения, а некоторые, например, ныне покойный о. Георгий Флоровский, лишь только раздражали протестантов-экуменистов частыми заявлениями, что Православие — это Церковь Христа. Определенно можно критиковать даже последних за участие в экуменическом движении, которое, при самых благих намерениях, заблуждение и неопределенность, но мы

не можем называть этих людей *еретиками,* как и «не можем утверждать, что все, кроме незначительного числа православных, подходят к экуменизму как к ереси. Крайности в борьбе за истинное Православие в наше время только мешают»[8].

По своей сути решение о. Серафима покончить с обособленностью было продиктовано острым ощущением грядущего конца света. Если все религиозные организации действительно падут пред антихристом, то и нахождение в «правой» юрисдикции не спасет никого. В 1978 году о. Серафим замечал в одном письме:

«Мы чувствуем, что знамения времени всё более и более указывают нам на приближающееся «катакомбное» существование, какую бы форму оно ни приняло. Чем быстрее мы сможем приготовиться к этому, тем лучше... Каждый монастырь или общину мы рассматриваем как часть будущей катакомбной «сети» борцов за истинное Православие, и вероятно, в эти времена (если они действительно будут настолько критическими, как представляется) вопрос юрисдикций отступит на второй план...»[9]

Те, кто вкусит истинного христианства (которое означает гораздо больше, чем просто уставничество), соберутся вместе, презрев внешние юрисдикционные ярлыки, их призовет сердце. По словам Солженицына, которого о. Серафим так любил цитировать: «Линия, разделяющая добро и зло, проходит не между государствами, не между классами, не между партиями — она проходит через каждое человеческое сердце, и через все человеческие сердца»[10].

НО ЕСЛИ О. СЕРАФИМ не возлагал последних надежд ни на церковные структуры, ни на религиозные «движения», на что же тогда он уповал в нашем падшем бренном мире? Ответ можно найти в его лекции, адресованной не только православным христианам, но и всем людям, особенно молодежи, — «Божие откровение человеческому сердцу», которую он прочитал в университете Санта-Круз[11].

Единственным его земным упованием были людские души, чудесным образом приходящие ко Христу в Православие из всевозможных бедствий, грехов и отчаяния. На том зижделось всё христианство: люди, погрязшие во грехе, чувствовали благодать в Иисусе Христе и их души тянулись к Нему, они видели, что тонут, а Он спасал их. И никаких «организаций»: первоначальная катакомбная Церковь никогда не являлась таковой. Она собирала верующих в *единодушии.* Приобщение Творца, то, что о. Серафим называл «Божиим откровением человечес-

кому сердцу», случается как бы само собой — Бог действует таким путем.

Именно холодный расчет и сухое «планирование» — в противовес этому — и убили Христа. Кто боится за себя и за свое положение, уничтожает всё неподвластное расчету и «планированию». Ведь неспроста архиеп. Виталий без восторга отнесся к обращению американцев в Православие, он понял, что не сможет «контролировать» этот процесс: это оказалось не в его руках, а в руках Бога, призывающего всякую тварь последовать Ему.

Отец Серафим говорил, что слепое следование букве устава «вызвало формализм в Православии, словно суть нашей религии в церемониях, помпезности, официальных встречах и речах. В этом и была ошибка первосвященников и фарисеев во времена Христа: в хорошо отлаженном церковном механизме ничего не делается без официального разрешения высших инстанций, церковные службы исполняются четко и торжественно, а евангельское учение забыто, и Сам Христос без угрызений совести распинаем людьми».

В противовес холодному формализму о. Серафим опубликовал книгу «*Святые русских катакомб»,* в которой ясно показывал, что преданность Христу невозможна в каких-либо организациях, планах, проектах — она в душе каждого человека.

В ЛЕКЦИИ «Поиск Православия», прочитанной в 1981 году во время Свято-Германовскаго паломничества, о. Серафим поделился своим оптимизмом: люди всего мира, в каких бы условиях они ни жили, находят истинный образ Христа в Православии.

«И молодым, и старым американцам надоело неглубокое и произвольно толкуемое учение современного протестантства, они открывают истинное и глубокое христианство Православия...

Католики, наблюдая распад своей Церкви, признают, что в Православии нашли то, что прежде тщетно искали в католичестве.

Молодые евреи, как в Советском Союзе, так и во всём мире, чтобы заполнить духовную пустоту современной жизни своего народа, всё чаще обращаются в Православие...

В России поиск духовных истоков очевиден. Это связано с возрождением национального сознания в среде русского народа после 60-ти лет атеизма и разрушения религиозных институтов. Если попытаться вернуться к тому, что было до безбожного режима — мы непременно придем к Православию...

Что-то подобное, но только в меньшем масштабе, происходит с православными молодыми людьми в Греции. Они отвергают современное «западничество», коим отравлено греческое общество за более чем 100 лет. Эта молодежь находит свои корни в православном прошлом Греции, особенно в монашестве — сердце православной жизни».

Отец Серафим очень интересовался обращением африканских народов в Православие. Годами он следил за этим явлением, переписывался с православными африканцами, опубликовал ряд статей об «африканской миссии». «А как насчет Африки? — спросил он как-то на своей лекции, — какие православные корни способны найти ее народы? Мы можем очень удивиться, но Православие и вообще христианство в Африке прививается быстрее, чем где бы то ни было, и, по-видимому, через несколько лет эта часть планеты станет ведущим христианским континентом, как по числу верующих, так и по истовости веры. Тертуллиан, историк христианства II века, говорил, что душа по природе — христианка, что видно из стремления некогда языческих народов принять христианство. Южнее Сахары его стали проповедовать только последние 100 лет. Католичество и протестантство снискали в Африке много последователей, но кто действительно ищет истоки христианства — приходит к Православию. Вероятно, не многие из вас знают историю о двух семинаристах англиканцах, обучавшихся в Уганде в 1920 году, которые в своих исследованиях пришли к заключению, что только Православие есть «истинная древняя религия», от которой отклонились все современные западные секты. Сегодня Православные Церкви Уганды, Кении и других стран восточной Африки являются подтверждением плодотворности идей Православия. Почти без помощи внешнего православнаго мира они пришли ко всей полноте христианства, избегая ловушек, в которые попалось множество обращенных Запада».

Уже после кончины о. Серафима в другом уголке африканского континента — Заире — выросла и окрепла православная христианская миссия. Случилось это, главным образом, трудами праведного иеромонаха Космаса (†1989), а также монахов-миссионеров с Афона. Тысячи людей крестились, веруя в Иисуса Христа, исповедуя нестяжание, смирение и истину. Отец Серафим был бы счастлив увидеть это[12].

Многие американские протестанты возвращаются к историческим христианским корням. «В Америке, — говорил о. Серафим, — потребность в этом очевидна: разрозненность христианских сект, разное толкование христианского учения и жизни, основанное на личной интерпретации Писания — всё указывает на необходимость возвращения к изначальному, нераздельному христианству, коим является Православие. За последние несколько лет всё больше и больше про-

тестантов находят свой путь в Православную Церковь. Существует даже группа, известная как Евангельская Православная Церковь, прошедшая путь от «Студенческого Крестового похода» (движение в духе Билли Грэма 50-х годов) до глубочайшего осознания таинств, иерархии, исторической связи с древней Церковью и всем тем, что предлагает Православная Церковь как истинное апостольское христианство».

Поиск духовных истоков, как указывал о. Серафим, является поиском *надежности*: «*Надежность* Православия — это неизменная истина, которую оно получило и передавало из поколения в поколение со времени Христа и Его апостолов до наших дней. Поэтому не удивительно, что оно привлекает души, которые более всего жаждут истины — истины, идущей от Бога и дающей смысл и точку опоры всем тем, кого носит по житейским волнам...

Но, пожалуй, глубочайшая и наиболее привлекательная сторона в Православии сегодня — его призыв к *любви*. Самое печальное в нынешнем мире то, что он стал холоден и бессердечен. В Евангелии Господь говорит нам, что основным признаком последнего времени будет то, что «любовь многих охладеет». Но ведь апостол любви, св. Иоанн Богослов благовествует, что основной отличительной чертой христиан является *любовь* друг к другу. И самые выдающиеся учителя последних времен — кто исполнен этого чувства и открывает для людей богатство православной веры собственным примером изливающейся самоотверженной любви. Это и св. прав. Иоанн Кронштадтский, и св. Нектарий Пентапольский, и наш архиеп. Иоанн (Максимович)».

В СВОЕ время о. Серафим определил два основных вида Православия. Первое — «гладенькое», или «удачливое», оно толкает человека ко всеобщему одобрению, признанию, самовозглашению, заботиться прежде всего об организованности, официальности и внешнем успехе.

И второе — это «страждущее Православие»: на него смотрят свысока, оно гонимо миром, ему чужды ценности «удачливых», оно не кичится успехами и победами на духовном поприще. Островки «страждущего смиренного Православия» можно найти по всему миру. Отец Серафим писал: «Среди страданий и борьбы за сохранение живой веры, видя, как много больше нашего страдают люди в других частях света за свою православную веру, давайте решим в сердце своем, что наше место среди борющихся, чего бы это ни стоило».

«Страждущее Православие» горит вдохновением, оно позволяет не бояться риска. «Память о Боге, сопровождающаяся болезнованием сердца о благочестии»[13], каждого человека сливается с болью человечества. «Будучи преисполнены евангельского учения и пытаясь жить в соответствии с ним, — говорил о. Серафим, — мы должны иметь любовь и сострадание к несчастному человечеству наших дней. Никогда еще не было оно столь несчастно, несмотря на все удобства и технические достижения. Люди страдают, умирают без Бога, а мы можем помочь им обрести Его. Любовь многих действительно охладела в эти дни, так не охладеем же мы сами! Пока Христос посылает нам Свою Благодать и согревает наши сердца, нам нельзя быть холодными...»

Когда организация Церкви поколеблется, словами свят. Игнатия (Брянчанинова), *«страшно и быстро»,* останется лишь «страждущее» Православие. Новомученик еп. Дамаскин предвидел это еще в годы русской революции. Наблюдая тьму, покрывающую его Родину (и в действительности весь мир), он призвал к построению невидимого «Божьего града», коему совсем не обязательно зависеть от официальной Церкви. В выдержке, включенной о. Серафимом в книгу «*Святые русских катакомб»,* этот мученик пишет: «Без суесловия и громких фраз создайте сначала малое ядро из немногих людей, жаждущих Христа, которые готовы претворять евангельский идеал в своей жизни. Объединяйтесь для благодатного руководительства вокруг достойных пастырей и давайте каждый в отдельности и все вместе приготовимся для еще более верного служения Христу... Несколько людей, объединенных такой жизнью, уже есть малая Церковь, Тело Христово, в котором обитает Его Дух и Любовь»[14].

Последнюю лекцию в своей жизни о. Серафим закончил словами современного румынского исповедника православной веры — о. Георгия Кальчу о том, что значит в действительности быть членом Православной Церкви, истинного Тела Христова:

«Церковь Христова жива и свободна. В ней мы движемся и существуем через Христа, являющегося главою ее. В Нем мы имеем полноту свободы. В Церкви «познаете Истину, и Истина сделает вас свободными» (Ин. 8:32). Ты находишься в Церкви Христовой всякий раз, поднимая сломленного скорбью, подавая нищему, навещая больного. Ты в Церкви Христовой, когда взываешь: «Господи, помоги мне!» Ты в Церкви Христовой, когда ты добр и терпелив и отсекаешь гнев на брата своего, даже если он ранил твои чувства. Когда молишься: «Господи, прости его!» Когда честно трудишься, возвращаясь домой уставшим, но с доброй улыбкой. Когда на зло отвечаешь любовью — значит ты в Церкви Христовой. Посмотрите, мои юные друзья, как

близка Церковь Христова. Ты — Петр, и Бог строит Свою Церковь на тебе. Ты — камень Его Церкви, и ничто тебя не одолеет... Давайте же строить Церкви верою, Церкви, которые власть мира сего не одолеет, — Церковь, основание которой Христос. Сострадай тому, кто рядом. Никогда не спрашивай: «Кто он?» — но говори: «Он не чужой, он — брат мой. Он, как и я, — Церковь Христова».

«С таким зовом в наших сердцах, — заключил о. Серафим, — давайте всем сердцем прилежать Церкви Христовой, Православной Церкви. Внешнего прилежания недостаточно, что-то должно подвигнуться внутри нас, дабы сделать нас отличными от окружающего мира, даже если этот мир и называет себя «христианским», или даже «православным»... Если мы действительно живем православным мировоззрением, наша вера выдержит любые испытания и будет источником вдохновения и спасения для тех, кто всё еще ищет Христа, даже среди крушения человечества, которое уже началось»[15].

101

Погребальный звон

Музыка появилась в Великом Начале всего. Она — отзвук гармонии меж небесами и землей.

Жи Минь-шень.

В ГОДЫ монашества, как мы уже знаем, о. Серафим не дозволял себе простого наслаждения музыкой. Музыка для него была лишь средством, она помогала подвести человека к молитве. Он видел в ней «часть целого», призванного славить Бога.

Поскольку и о. Германа к вере привела музыка великих христианских композиторов, он не понимал «излишней аскетической осторожности» собрата, с которой тот подходил к музыкальным произведениям. Ему запомнился такой случай. Теплый летний вечер, на горизонте еще розовеет закат, они с о. Серафимом возвращаются из Сан-Франциско. Отец Герман попросил поставить запись Моцарта. Отец Серафим с неохотой исполнил его просьбу, однако слушал внимательно. Музыка кончилась. Напрасно ждал о. Герман отзывов друга, тот молчал.

— Ну, и как тебе? — прервал долгую паузу о. Герман.

— Лучше бы мне слушать эту музыку в Раю, — серьезно ответил о. Серафим.

Слова эти еще больше заставили задуматься о. Германа. «Я никогда не рассматривал музыку таким образом, — признал он позже. — Очевидно, она задела какие-то струнки в его душе, связанные с Божественным. И перед таким великолепием запредельной небесной красоты в ангельской музыке Моцарта, в высоких и благородных творениях Баха и Генделя он чувствовал себя недостойным. Для него было почти святотатством наслаждаться прекрасными звуками, будучи еще на земле».

Музыка эта, хотя и звала к небесам, была написана людьми, она давала лишь частичное представление о небесной радости, не утоляла жажды ее, а лишь разжигала. Возможно, оттого и было грустно о. Серафиму. Он понимал, что радуясь всем сердцем этой музыке, он сознательно ограничивает себя, довольствуется малым, сладостно тоскуя о чём-то неизмеримо большем. Что ж, его отказ от наслаждения музыкой в жизни земной понятен. Теперь он приобщился ее полноты в Раю.

ОТЕЦ ГЕРМАН заметил, что собрат исключительно строг к себе в отношении Баха. Сам о. Герман считал душеполезным слушать «Страсти по Матфею» на Страстной седмице, когда в православных монастырях на службах читают все четыре Евангелия. Отец Серафим ни разу не слушал вместе с ним. «Никакой музыки», — говорил он.

Любопытно, отношение о. Серафима к современнику Баха, Генделю, было иным. Он слушал его со светлой улыбкой. Может, ему были более созвучны плавные, выверенные звуки, в них ощущались благородство и высокая культура. Они не доходили до глубины души, не вызывали щемящей тоски, как музыка Баха или некоторые произведения Моцарта. Поэтому однажды о. Серафим признал: «Я знаю, что Бах самый великий, но я больше люблю Генделя».

В 1982 году о. Герман достал запись кантаты «Имел довольно я», не подозревая, какую роль сыграла она в жизни собрата. Однажды он слушал ее у себя в Валаамской келье, когда к нему зашел о. Серафим.

— Поразительная кантата! Я только что привез! Никогда раньше не слышал. Послушай непременно!

Отец Серафим отказался, но потом уступил настоянию о. Германа. Слушал музыку молча, закрыв глаза, застыв точно статуя. Отец Герман чувствовал, что в душе брата поднимается необъяснимый страх. Когда кантата кончилась, о. Серафим сказал: «Я знаю эту кантату. Слышал много раз». И тут же ушел, оставив о. Германа в недоумении: что-то он сделал неверно, а что — не знал.

Летом 1982 года во время Свято-Германовского паломничества кантата эта вновь прозвучала в монастыре. Один из братий рассказывает: «Съезд подходил к концу, на душе было легко от сознания выполненного дела, перед отъездом выпала свободная минутка. День только занимался, было свежо, ветрено, ощущалось дыхание осени. Солнечные лучи робко пробивались сквозь кроны деревьев, выхватывая из полумрака то кучку оленей, то пушистых белок, то павлинов, без страха вышагивающих перед гостями монастыря. И о. Герман сказал в эту

минуту слова, которые, пожалуй, были в сердце каждого: «Какова цель богословия, всей христианской жизни среди прекрасного убранства земли? Не сладость ли смерти, венчающей наши земные дела?»

И в этот момент зазвучала кантата Баха, история праведника Симеона, принявшего на руки Самое Воплощение Жизни, предвкушающего свою блаженную кончину:

Имел довольно я, Спасителя приняв…
Его я видел… и в радости покинул мир сей…
Усните ныне, утомленные глаза…
Не в силах, мир, я быть с тобою доле…
Лишь там, вдали мне предстоит вкусить отдохновенье…

Когда в лесу замерли последние отзвуки кантаты, разнесшейся эхом по склонам гор, о. Серафим сказал на прощанье, какую радость испытывает душа, вырастая в Боге, как христианская культура, даже опоганенная современным «обесчеловечиванием», может образовать душу и поднять ее к вратам Рая»[1].

Он не упомянул, что именно эта кантата в годы его становления зачаровала его, привела к мысли о необходимости умереть для мира сего. Отец Герман ничего не знал о роли этой кантаты. Лишь после смерти о. Серафима Алисон рассказала ему всё. Тогда-то он и понял, почему столь напрягшись и застыв слушал брат Баха у него в Валаамской келье.

Отец Герман поясняет: «В молодости о. Серафим хотел умереть. Он чувствовал в себе какой-то изъян, казалось, что от мира сего «имел довольно он». Он чаял сладости смерти и находил ее в кантате Баха.

Придя к Православию, он обрел жизнь. Теперь ему было уже мало того, что он имел. Его ждали важные дела. Нужно было донести Православие до других людей. И он уже не хотел умереть. Надеялся жить долго. Когда же слушал кантату у меня в келье, невольно она напомнила о смерти. Он словно встретился со старым другом. В кантате послышался погребальный звон. И душа вняла ему».

«Имел довольно я» было последним классическим произведением, которое довелось услышать о. Серафиму в земной жизни. Через три недели по нем ударил погребальный колокол.

102

К звездам!

Истинный христианин — воитель, пробивающийся сквозь незримые вражьи ряды к небесному дому своему.

Преп. Герман Аляскинский.

ПОСЛЕДНИЙ год жизни о. Серафима выдался счастливым для монастыря. Братия пополнилась тремя серьезными, готовыми к духовной борьбе искателями монашества; церковные круги наконец «признали» монастырь, он стяжал известность, уважение и «влияние» его ширилось. Деятельность Братства также охватывала всё новые и новые сферы: печатались новые книги, всё больше доброхотов жертвовали временем и силами, помогали Братству в неоценимых издательских трудах. Сколько лет отдали отцы борьбе и теперь не очень-то доверяли внешнему «процветанию». Они крепко помнили слова Христа: «Горе вам, когда все люди будут говорить о вас хорошо» (Лк. 6:26).

Однажды, отслужив литургию при большом стечении народа, о. Герман поймал себя на мысли: «Как всё удачно и благополучно складывается» и почувствовал вину — ранее такой «радости» он в монастыре не испытывал, жизнь всегда полнилась испытаниями. А это чувство довольства легко может стать целью, идолом и приковать к земле, к миру сему. Неспроста о. Серафим терпеть не мог даже само слово «удовольствие».

Итак, Братство стало «признанным» церковным учреждением, и хотя люди восхищались им («Платина — это чудо!»), велика была опасность превратиться в обычную церковную организацию — скучную, тихую, связанную по рукам и ногам теми, кто «признал» ее. Этого больше всего боялись отцы.

«Нельзя удовольствоваться тем, что у нас есть, — думал о. Герман, стоя перед престолом. — Иначе, что же будет подвигать нас идти ко Господу, к будущей жизни?» И зародилась дерзкая мысль. Мирской успех отвращает его внимание от Бога. А готов ли он пожертвовать благополучием ради Бога? И — словно перед прыжком в страшную,

Братия монастыря преп. Германа и сестры скита блаж. Ксении незадолго до кончины о. Серафима. 1982 г.

Отец Серафим с братией и паломниками у монастырской церкви. Вербное воскресенье. 1982 г.

неведомую пропасть — он взмолился: «Господи! Измени нашу жизнь так, чтоб не забыть нам своего призвания!»

Не прошло и нескольких месяцев, как Бог и впрямь изменил жизнь Братства — изменил страшно и неузнаваемо. Порой, после смерти о. Серафима, о. Герман, полнясь горем утраты, жалел о своей дерзкой мольбе. Но у Бога были свои, непостижимые человеческим разумом причины забрать своего верного слугу из мира сего. В конце жизни о. Серафим сказал о. Герману, что, похоже, Господь отпустил ему 20 лет (несмотря на неизлечимую болезнь, обнаруженную в 1961 году), чтобы он потрудился во славу Его.

И вот эти 20 лет истекли. Отец Серафим более ни словом не обмолвился об этом, а может, и не задумался. Бог уже уготовлял ему обиталище в Царствии небесном.

Книги и лекции о. Серафима всегда прямо или косвенно были связаны с концом света. Особенно это характерно для его последних писаний. «Душа после смерти», несомненно, подготовила его к собственной грядущей жизни. Последний сдвоенный номер «Православного Слова», над которым он трудился не покладая рук, тоже был посвящен Апокалипсису. Все статьи и переводы принадлежат перу о. Серафима. В журнал вошли: запись его последней беседы «Будущее России и конец света», статья о жизни и значении современного пророка архиеп. Аверкия и предисловие к его книге. За этим следовала первая глава святоотеческого толкования Апокалипсиса, написанная архиеп. Аверкием (уже несколько лет о. Серафим мечтал перевести ее на английский). Перевод всей книги о. Серафим закончил перед самой кончиной, и впоследствии Братство опубликовало ее отдельным изданием.

В последней лекции о. Серафима «Православное мировоззрение», с которой он выступил на Свято-Германовском паломничестве летом 1982 года (за три недели до смерти), он снова указал знамения близящегося конца света:

«1. Мир сделался ненормальным. Никогда еще бесовские и противоестественные явления не принимались людьми как нечто заурядное. Приглядитесь, что пишут газеты, какие показываются фильмы, телепрограммы, что интересует людей, что их радует, веселит — всё это за пределами добра. И много людей, которые сознательно насаждают эти взгляды и вкусы (из корыстных, разумеется, побуждений), потому что они в моде, потому что у людей противоестественная тяга к подобному.

2. Войны и слухи о войнах, всё более безжалостных, всё более жестоких, но и они отходят на второй план перед угрозой немыслимой ядерной войны, которая может начаться простым нажатием кнопки.

3. Усиливается централизация информационных источников и тем самым контролируется сознание людей.

4. Появляются всё новые лжепророки, лжеантихристы.

5. Поистине ужасно наблюдать, какой всплеск зрительских симпатий вызвал недавний фильм «Е. Т.». Миллионы вроде бы нормальных людей выражают любовь к герою, «спасителю» человечества из космоса — явному бесу. Это ли не шаг к обожествлению антихриста!

Примеров можно приводить множество, но я хочу не запугать вас, а лишь привлечь к тому, что происходит. И впрямь, у нас времени меньше, чем вы думаете. Апокалипсис уже наступил. И как же горько видеть христиан, и тем более молодых православных, живущих как ни в чём не бывало, не чувствующих нависшей угрозы, ужаса нашего времени. Они прихотливы и своевольны и себялюбивы. Им невдомек, что «праздник жизни» вот-вот кончится и они не готовы к отчаянным грядущим временам. Вопрос уже не в том, хорошие мы христиане или плохие, а в другом: удастся ли вообще сохранить нашу веру?»[1]

В той же лекции о. Серафим высказался в последний раз и по поводу «Православия сердца», видя в нем защиту от современных влияний и обманов.

«Нужно трезво и реально оценивать жизнь и не витать в облаках фантазий и не прятаться трусливо от действительности, какой бы она не представала. Высокое «заоблачное» Православие — продукт тепличный, в повседневной жизни не поможет, и уж тем более не спасет тех, кто рядом с нами. Наш мир жесток и тяжко ранит души. Нам надобно первым делом отвечать простой христианской любовью и пониманием, оставив «высшие сферы» молитвенного состояния тем, кто способен их приобщиться.

Христиане не должны замыкаться и идти к тем, кто ищет Бога и богоугодной жизни. Сегодня, где ни появится достаточно большая православная община, велико искушение превратить ее в закрытый клуб довольных собой, своими добродетелями и «достижениями»: красивыми церквами и убранством, пышностью служб, даже «чистотой» самого учения! Но истинная христианская жизнь со времен апостолов неразрывно связана с передачей христианства другим людям — потому-то и освещает она путь людям. Для этого не нужно создавать особую организацию или открывать миссию. Возгоревшись, истинная вера огнем побежит от сердца к сердцу…

Также относиться к людям мы должны с любовью и прощением. Сегодня и в православную жизнь прокралось жестокосердие. «Это еретик — к нему не подходи». «Вон тот, кажется, православный, но надо бы проверить». «А вон этот уж точно лазутчик». Никто не спорит:

Церковь сегодня окружена врагами. Есть и те, кто злоупотребляет доверием. Но то же самое было и в апостольские времена, христианская жизнь всегда сопряжена с риском. Но даже если нас обманывают и нам приходится «осторожничать», всё одно — нельзя отказываться от любви и доверия, иначе мы утеряем самое главное в христианской жизни. Мир без Христа недоверчив и холоден, христиане поэтому должны быть любящими и открытыми, иначе в душах своих лишимся Христа и сделаемся как прочие в мире сем — наша жизнь обессмыслится и будет никому не нужна, по сути выброшена на свалку.

Взглянем же на себя со смирением — и станем более щедры и незлобивы к недостаткам других. Как мы любим осуждать людей за непохожее на наше поведение: мы их обзываем и «свихнутыми», и «чокнутыми» новообращенцами. Конечно, нужно опасаться психически неуравновешенных людей в Церкви, они могут принести много вреда. Но разве всякий истинно верующий христианин не кажется прочим людям чокнутым? Мы не умещаемся в прокрустово ложе современной жизни, а если ее мерки нам в самый раз — значит мы не настоящие христиане… Так не убоимся быть немного «чокнутыми», исполнимся любовью и прощением, которых миру сему никогда не понять… хотя в душе своей люди к этому и тянутся.

Наконец, христианское наше отношение к людям должно быть «простодушным» — лучшего слова не подобрать. Сейчас в мире ценится «утонченность», «мудрование», «профессионализм». Православие их не ценит, ибо качества эти убивают христианскую душу. И тем не менее они находят себе место в нашей жизни. Как часто приходится слышать от новообращенных об их желании отправиться в знаменитые центры Православия, где в больших соборах и монастырях собираются тысячами, толкуют о церковной жизни, исполнясь важностью Православия. Однако в жизни общества Православие — капля в море, а в больших храмах и монастырях создается превратное впечатление, что это нечто значительное и важное в жизни мира. И сколь жалки эти люди, удовлетворяющие свою гордыню. Они возвращаются из великих центров Православия, полнясь церковными сплетнями и смутой, ставя превыше всего уставную «правильность» и мирскую мудрость в решении вопросов церковных. Короче, они теряют простодушие и неотмирность, их слишком пленяет мирская мишура церковной жизни.

Искушение это в разной степени и форме коснулось каждого, и мы должны с ним бороться, чтобы не заслоняло внешнее, второстепенное главного — Христа и спасения наших душ от злобного современного мира»[2].

ЧЕРЕЗ несколько дней после Паломничества 1982 года на праздник Преображения о. Серафим по обыкновению выступил с проповедью под открытым небом, усыпанном звездами. В прошлый раз он говорил о нашем земном призвании, теперь — в последней, как оказалось, проповеди — он напомнил слушавшим его о цели нашего земного пути. Любопытно: восемь лет тому, тоже на праздник Преображения, он отмечал, сколь мало времени отпущено нам в этой жизни, чтобы приготовить душу ко спасению. Сейчас же, накануне неожиданной и безвременной кончины, он говорил в основном о жизни грядущей. Одна из сестер скита блаж. Ксении записала события той ночи: «Для всех нас, сплотившихся вокруг него, последняя проповедь была особенно дорога и важна. Во время литии монахи, монахини, гости со свечами пошли крестным ходом по лесу, распевая праздничные гимны.

Мужчины сначала направились к Преображенскому скиту, женщины — к скиту Илии Пророка. Встретились у изножия большого креста, установленного над ущельем. Ночь выдалась ясная и звездная. Отец Серафим (в белом облачении) подошел ко кресту, показал всем затушить свечи. Постоял, помолчал, глядя на черное ущелье, на звездное небо, и заговорил: «Пред нами предстает не только мир сей — великолепное творение Божие, но и совсем немного, мельком и туманно — Божие Царство Небесное, уготованное всем нам. Мы все должны помнить, что там наш дом, что нужно отряхнуть прах гордыни, суеты, страстей, забот — всё это привязывает нас к земле, к падшему миру сему и мешает осознавать, для чего мы созданы. Так легко забыть первопричину нашего существования.

Мы живем в конце времен. Всё отчетливее знамения антихриста, к его воцарению готовится весь мир сей. И христианам выпадут неслыханные испытания веры и любви ко Христу. Нам придется скрываться в пустыни — таких вот укромных уголках, как и этот. Конечно, враг сыщет нас в конце концов и там. Скрываться надобно не для того, чтобы спасти свою жизнь земную, а чтобы выгадать время и укрепить души перед последней битвой. Начинать нужно уже сейчас. Хотя бы бороться с мелкими страстишками, памятуя, что истинный дом наш не здесь, на земле, но на небесах. Так потрудимся же ради нашего небесного дома, как говаривал преп. Герман... *К звездам! К звездам!*»

Он замолчал, но продолжал глядеть на божественную синеву неба, усыпанного звездами, отрешившись от нас. Мы же видели, как приоткрылась тайна человека, который давно уже готовил душу к вечности и вот-вот приобщится ее»[3]

103

Упокоение

Огонь небесный затухает,
Мой бренный остов покидает
Не вдруг, но в трепетном томленьи.
Блаженна боль! И смерть — забвенье.
Так сжалься, о Природа, надо мной
В грядущей жизни даруй мне покой.

Уходит мир, он исчезает
Мне небо очи отверзает.
Я серафимам внемлю. Чу!
Так дайте ж крылья! Я взлечу!
Ну, что, могила, где ж твоя победа?
Ну, что же смерть, так где ж твоя коса?

Из «Слова умирающего
христианина своей душе».
Александр Поуп.

НА СЛЕДУЮЩЕЕ после преображенской всенощной утро о. Серафим отслужил последнюю литургию в жизни. Вскоре он заболел и долее не мог присутствовать на монастырских богослужениях. И раньше случалось недомогание, но о. Серафим никогда не жаловался, и трудно было судить, насколько он болен. На этот раз стали докучать сильные боли в животе. Отец Серафим уединился в своей келье, в одиночку сражаясь с недугом. Жара, спавшая было в дни Паломничества, воцарилась снова, что лишь усугубляло самочувствие больного. Вышеупомянутый студент Джон, ныне находившийся в монастыре и готовившийся ко крещению, зашел к о. Серафиму с вопросами по Священному Писанию. Он вспоминает: «От сильной боли у него даже

путались мысли. Он, как всегда терпеливо, выслушал меня, стараясь не выдавать своего самочувствия, но в конце концов признался, что сейчас не в состоянии что-либо мне посоветовать».

Несколько дней боли не прекращались. Стало очевидно, что недуг серьезный, и как ни отказывался о. Серафим ложиться в больницу, надеясь на выздоровление, он всё же уступил настояниям о. Германа.

После осмотра врачи нашли его состояние очень серьезным. В сосудах кишечника образовались тромбы, кровь не поступала, началась гангрена. Случай весьма редкий, как указали врачи, и болезнь эта коварна, она разрушает кишечник без видимых симптомов, и долгое время больной ничего не подозревает. Удивительно, как о. Серафим столько дней терпел жуткую боль, не прибегая ни к каким болеутоляющим. По мнению врачей, от невыносимой боли впору было кричать.

Отцу Серафиму тут же сделали операцию, удалив омертвелую часть кишечника. Когда к нему впустили, то картина была такая. Лежал он связанный по рукам и ногам, во рту вставлена трубка в дюйм шириной, говорить он не мог, шипел, стараясь шепотом что-то сказать, но уловить только о. Герман и мог кое-что: что Владыка Иоанн явился и что-то предсказал. Никто другой о. Серафима не понимал и не был допущен. Боль его была неимоверна. Под влиянием болеутоляющих средств он был как в бреду, проклинал невыносимую боль. В страшной агонии рвал и метал, буквально проклиная всех и вся, шипел, что Бога нет, что всех ненавидит... Но в глазах его лучилась невиданная неземная святая любовь к сотаиннику. Находясь под противным его духу посторонним влиянием извне, духом он был волен — во взгляде запечатлелась душа.

После первой операции врачи полагали, что о. Серафим выживет. Однако последующие анализы показали: тромбы стали образовываться снова. Провели вторую операцию. Врачи столкнулись с неразрешимой задачей: если вводить препараты, разжижающие кровь, она не будет свертываться и пациент умрет от кровоизлияния. Если таких лекарств не давать, кровь будет загустевать, по-прежнему образовывая тромбы, и придется удалять всё новые и новые участки кишечника. Из Сан-Франциско приехал профессор — специалист по этому редкому заболеванию, но и он не смог помочь. Доктора сказали, что у о. Серафима один шанс из пятидесяти справиться с болезнью.

«Доктора говорят, что ты умрешь. Но как же с Аляской?! — воскликнул о. Герман, видя явный конец собрата. — Ведь мы же не выполнили обещания отцу Герасиму. Если ты умрешь, благослови нас продолжать Новый Валаам преподобного Германа». Отец Серафим взглядом дал понять, что расслышал, сложил пальцы, пытаясь осенить

брата крестным знамением, и благословив бессильно уронил руку... Это его благословение значило для о. Германа, что дело пойдет на Аляске, так оно и случилось.

После этого о. Герман загадочно говорил всем, что нужно ехать на Аляску, но мало кто тогда придал значение его словам.

О БЕЗНАДЕЖНОМ состоянии о. Серафима известили его духовных чад. По словам одного из них, «словно лавина обрушилась. Последовала череда мучительных, как кошмарный сон, дней: все были подавлены, ошеломлены, чувствовали беспомощность, страх, одиночество, отчаяние — всего не опишешь».

Накануне Успения многие полагали, что именно в этот день Богородица восхитит о. Серафима на свой праздник. К этому мнению склонялся и о. Герман, ибо знал, как в последние месяцы о. Серафим усердно молился Ей.

В церкви Рединга в канун Успения собралось много народа: провести полночную литургию и помолиться о выздоровлении о. Серафима. Отец Алексий Янг причастил болящего в больнице, там неотлучно находился о. Герман и братия. Врачи разрешили всем по очереди повидать о. Серафима. Он находился в реанимационном отделении, то и дело впадал в беспамятство, от лекарств и боли взор затуманился. Все думали, что настал час прощания. Однако, не желая отпускать о. Серафима, еще молились о чуде.

Приехал и архиеп. Антоний. Помолился с о. Германом об исходе души и отбыл в Сан-Франциско. Было почти два часа утра.

«Дежурившие у постели умирающего не желали расходиться, — вспоминает одна из его духовных дочерей. — И, словно по мановению утешительницы Матери Божией, распахнулись двери, и народ стал заполнять палату. Собралось человек 20. Несколько часов кряду в последний раз пели они о. Серафиму прекрасные Успенские стихиры. Потом — Пасхальный канон. Отец Серафим не мог говорить: он дышал через кислородную маску, но был в сознании и, услышав свое любимое «Благообразный Иосиф», прослезился»[1].

Не сдерживали слез и все, кто был рядом. Не хотели, да и не могли. Особенно когда просить прощения к о. Серафиму подошел Феофил. Перед самой болезнью наставника юноша повздорил с ним, чем только усугубил состояние болящего. Теперь же Феофил говорил о своей любви к нему, благодарил за отеческую заботу.

Тяжко было видеть страдания о. Серафима, но и покинуть его невозможно. Лишь по настоянию медсестры всем пришлось уйти из

палаты. Никто и не предполагал, что их бдение продлится пять дней и пять ночей.

На Успение должны были крестить Джона. Отец Герман, полагая, что благодать крещения поможет и о. Серафиму, решил сам провести обряд. В сопровождении четырех братий он отправился в монастырь, пообещав о. Серафиму отслужить для него тем же днем литургию. Ручей на Благородном кряже играл солнечными бликами. Когда новокрещенный вышел из воды, луч радости согрел опечаленные сердца присутствующих.

Измученные дежурством в больнице и долгой службой, они пытались хоть немного отдохнуть. Но тревожное ожидание не давало уснуть. Как там о. Серафим, жив ли еще? Со слезами молились перед иконой Богоматери «Скоропослушницы». Одновременно молились перед тем же образом и афонские монахи. Перед обратной дорогой в Рединг позвонили в больницу. В напряженном ожидании сердце казалось вырвется из груди. Состояние больного немного улучшилось — можно перевести дух.

Трогательно было видеть, как в минуты просветления о. Серафим старался приветить посетителей сердечной улыбкой. Вошел новокрещенный Джон, прямо в крестильной рубахе. Отец Серафим просиял, крепко сжал руку юноше, и жест этот в духовном осмыслении был особенно прекрасен, ведь болящий буквально сотрясался всем телом от боли.

Вспоминает его духовная дочь: «В тот вечер в больнице собралось еще больше людей. Появилась робкая надежда, врачи давали чуть больше шансов на выздоровление.

Рано поутру сиделки разрешили гостям подольше пребывать с больным. Те, у кого доставало времени, молились, читали Евангелие у постели о. Серафима. Им не забыть этого трезвенного настроя. То было время задуматься: о смерти, витавшей рядом, о страданиях ради Христа, о том, как много это значит. Отец Серафим лежал беспомощный и неподвижный — его привязали к постели, чтобы от боли он не рвал повязки, оплели проводами с датчиками, от рук тянулись трубки к капельницам, дышал он через кислородную маску — воистину о. Серафим был распят, и мы все лицезрели мученичество. Сам он так часто говорил о страданиях и их пользе для христианской души. Он так болел сердцем и восторгался страждущими православными за железным занавесом. Может, поэтому Господь сподобил его приобщиться подобных страданий».

Позже один из духовных сыновей о. Серафима так описал его страдания: «Для о. Серафима современное увлечение «удобствами»,

«техническим прогрессом» несло не меньшую опасность для души, чем любая ересь. Многим присутствовавшим при нем во время роковой болезни показалось, что сами силы ада пытались отомстить ему за то, что он нес людям Истину — среди всей этой медицинской техники он казался распятым: его раздели, пригвоздили, привязали к разным аппаратам и неделю длилось это страшное мучение».

После воскресной литургии вечером над больным совершили елеосвящение. Духовная дочь о. Серафима вспоминает: «Каждый чувствовал, что своими грехами причастен к болезни о. Серафима. Каждый, приняв елеосвящение во излечение души и тела, покаялся и вознес истовые молитвы: «Услыши нас, Боже! Услыши нас, Владыко! Услыши нас, Святый!» После чего о. Герман поехал в больницу.

Для всех близких о. Серафима то были тяжкие испытания — и душевные, и физические, и духовные. Со всех концов страны звонили люди, справлялись о здоровье болящего и молились о нем. И у нас, и за рубежом в истовой мольбе припадали люди к престолу Господню, просили избавить о. Серафима от его участи — не ради него самого (ибо сам он уже давно приготовился к этому часу), а ради тех из нас, кто нуждался в его попечительстве о спасении души. Редкий молитвенник, светильник во мраке безбожия и хаоса... Не может Бог лишить нас столь яркого светоча так несвоевременно!

Нестерпимо медленно ползет время. Зазвонит телефон, зайдет доктор или медсестра — и снова вспыхивает надежда, равно и самые худшие опасения. Приемный покой превратился в молельню. Акафисты и каноны читались один за другим. Так долго и так истово почти никто из присутствующих никогда не молился»[2].

Во вторник утром состояние о. Серафима вновь ухудшилось. Обзвонили всех знакомых, испрашивая еще более усердных молитв. Побыть со своим духовным сыном приехал еп. Нектарий. Он пробыл в больнице несколько дней, совершил не одну службу, моля о милости. Однако о. Герману шепнул: «Готовьтесь, отец Серафим видимо приспел для Царства Небесного».

В полночь в больничной часовне неподалеку от реанимационного корпуса отслужили литургию. Тесная клетушка без окон, низкий потолок — обстановка почти катакомбной церкви. В часовню набилось много народа, в основном американцы-новообращенные — они помнили всю литургию наизусть. Сердечная общая молитва прибавляла духовных сил, сплачивала людей, объединенных общей целью. Отец

Герман сказал: «Будто потолок церкви раздвинулся, и мы предстояли перед Небесами». А собрат его тем временем уже стоял у врат смерти.

Отец Герман как мог сдерживал душевную боль, окунувшись с головой в хлопоты, молитвенные бдения, богослужения. Но когда он утешал рыдающих посетителей, некоторые чувствовали, что и у него что-то надломилось в душе. Ведь о. Серафим для него и друг, и собрат, и критик, и советчик, и вместе с тем духовный сын; их связывали мечты, безграничное доверие, ведь сказал же ему о. Серафим некогда судьбоносные слова: «Доверяю тебе». Однажды он также сказал ему, что надеется умереть раньше отца Германа, потому что не представляет, как жить без собрата. Теперь же сокрушался о. Герман: как-то выстоит Братство без о. Серафима.

Отец Герман также исповедал умирающего друга, напомнил ему о греховных помыслах, словах и делах. Говорить о. Серафим уже не мог, он лишь кивнул, когда о. Герман спросил, раскаивается ли он.

За неделю предсмертных мучений о. Серафима его собрату и всем прочим стало очевидно, как очищается душа отходящего, как побеждается самость и пепел ее приносится в жертву Богу. Ни злобы, ни бунтливости в о. Серафиме сейчас не было, лишь верность Богу, любовь, сокрушенное сердце и покаяние. Раз, причащая умирающего, о. Герман поднял над его головой Евангелие, благословляя. Собрав последние силы, о. Серафим вдруг приподнялся и поцеловал книгу. Откинулся на подушки — на глаза навернулись слезы. Бывшие рядом тоже зарыдали. Один из них, Марк, готовившийся в ту пору ко крещению, но не решавшийся сделать самый важный шаг к Церкви, сказал потом, что увидел последнее героическое усилие о. Серафима — и все сомнения отлетели прочь, он убедился в силе Иисуса Христа, вера в Него побеждала действительность земного бытия.

Можно лишь гадать, какая благодать Божия, Богородицы и святых снисходила на о. Серафима в те дни. Достаточно было взглянуть ему в глаза, чтобы понять: боль не заглушила его непрестанную молитву.

Во вторник ночью в реанимационную палату привезли паренька при смерти: он попал в страшную мотоциклетную катастрофу. Его мать безутешно плакала в приемном покое, бок о бок с близкими о. Серафима. Утром к ней подошел о. Герман, постарался утешить и спросил, не хочет ли она крестить сына. Она согласилась, и не мешкая о. Герман совершил обряд, явив на свет раба Божьего Кристофера. А несколько часов спустя его душу, отмытую водой крещения, Господь восхитил на небо. И в этом люди увидели плод страданий о. Серафима.

Днем в среду о. Серафиму привезли из Сан-Франциско икону Богоматери «Нечаянная Радость». Весь день подле нее молились люди, чуя, что Богородица охраняет о. Серафима. Снова в больничной часовне в полночь отслужили литургию. В три часа утра о. Серафим причастился Святых Таин. Отец Герман и несколько братий решили наконец немного поспать и уехали в Рединг. Остальные не покинули больницы и, когда дозволялось навещать умирающего, приносили в его палату и икону.

Под утро в четверг Елене Юрьевне Концевич, жившей в Беркли, приснился сон. «Рядом со мной стоял незнакомый священник и укорял за грехи. Говорил, что я ни на кого не должна держать зла. Вместе мы вошли в какой-то зал, большой и великолепный.

Вдалеке на возвышении стоял человек и пел. Я не могла разобрать лица, но пел он чудесно (хвалу Богородице). До меня долетали лишь отдельные слова. Священник показал подойти ближе. Теперь я отчетливо слышала каждое слово. Голосом певец напоминал о. Серафима (я слышала, как он поет, лет 20 тому назад в соборе Сан-Франциско. Тогда он единственный пел на клиросе всю утреню от начала до конца. Никогда не слышала я такого истинно молитвенного пения. Душа так и воспарила...) И теперь во сне тот же голос — ангела, райского небожителя. Неземной красоты пение! Проснувшись, я поняла, что надежд на выздоровление о. Серафима нет»[3].

И Алисон (к тому времени овдовевшая и жившая в Канзасе) тоже неисповедимыми путями узнала о близящейся кончине о. Серафима. В отличие от Елены Юрьевны Концевич, Алисон не знала даже о его болезни. Но долгие годы, даже за тысячу миль от него, она чувствовала крепкие узы, связующие их. Письма от него получала она редко, переписка прерывалась подчас на несколько лет. Она ежедневно молилась об о. Серафиме и знала, что он молится о ней. Всякий раз перед тем, как получить письмо, она чувствовала, что он вспоминает о ней, и с уверенностью ждала весточки. И теперь в предсмертный час он подал о себе знак. Она увидела его во сне, он был привязан к кровати, а во взгляде сквозила невыносимая боль. Для Алисон, медсестры по профессии, видеть такое было чрезвычайно тяжело. Говорить о. Серафим не мог. Она тут же написала в монастырь, не обманывает ли сон.

В то же время о. Герман нашел ее адрес и послал письмо. Еще много лет назад о. Серафим наказал, случись что с ним, известить Алисон. Письмо она получила уже после смерти о. Серафима и убедилась, что сон не обманул даже в мелочах: о. Серафим и впрямь уже не

мог говорить в последние дни. Утешало и утешает ныне ее то, что даже в последние минуты жизни о. Серафим помнил о ней, пытался связаться с ней*.

В ЧЕТВЕРГ, в половине одиннадцатого утра врачи сказали, что более помочь ничем не могут — в ослабленном, изболевшем теле о. Серафима начали один за другим отказывать различные органы. Через несколько минут он вступил в жизнь небесную.

Отец Герман приехал в больницу несколько позже. Известие о кончине собрата не застало его врасплох, хотя до последней минуты он молился о его выздоровлении. Одна из сестер скита блаж. Ксении присутствовала при последних минутах жизни о. Серафима. «Мужайтесь!» — таково было ее последнее напутствие уходившему в Царствие Небесное.

Отец Серафим скончался 20-го августа/2-го сентября 1982 года, 48-ми лет от роду. «Достигнув совершенства в короткое время, он исполнил долгие лета; ибо душа его была угодна Господу, потому и ускорил Он из среды нечестия» (Прем. 4:13-14).

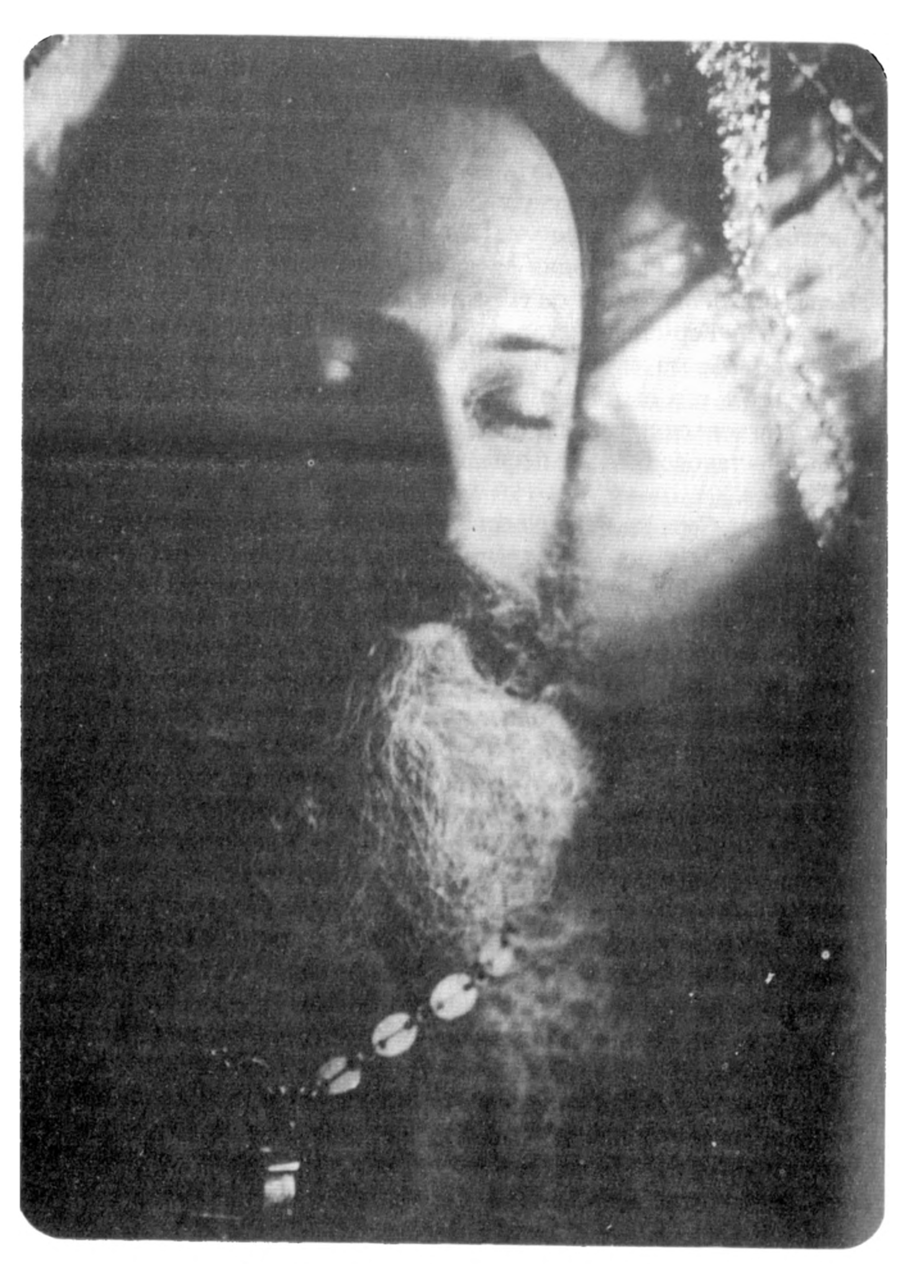
Кончина о. Серафима пришлась на Успение, из чего многие заключили, что Богородица особо оберегала его в смертный час. Страдания его, мучительные, но недолгие (пред лицом вечности), ознаменовали последнюю главу в его духовном развитии, подведя к вратам Рая. «Ибо кратковременное легкое страдание наше производит в безмерном преизбытке вечную славу» (2 Кор. 4:17).

Отец Герман с братией облачили о. Серафима в монашеское и священническое одеяние, хотели подвязать челюсть, но не удалось: на лице покойного так и застыла тихая улыбка небесного счастья. Потом приехал друг и сосед Братства Дэвид де Марс, работавший в похоронном бюро, погрузил тело на машину и повез в Платину. Вереница автомобилей растянулась по извилистой дороге вверх по Благородному кряжу, из каждой машины доносилось непрестанное молитвенное пение.

Тело о. Серафима в простом деревянном гробу до похорон оставили в монастырской церкви. Круглые сутки читали Псалтирь. Вечерняя служба превратилась в ночное бдение, в нескончаемую молитву об упокоении души раба Божьего Серафима.

---

* Ныне Алисон живет недалеко от места упокоения о. Серафима. После его смерти она помогла Братству подготовить к публикации его рукописи.

Отец Серафим в блаженном успении.

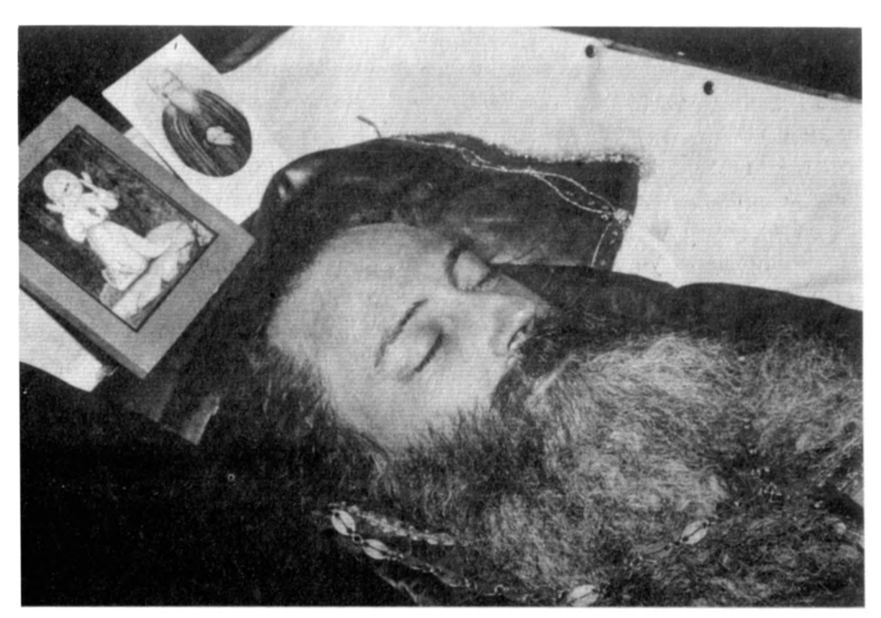
104
Сорок дней

Добродетель не умирает с человеком,
ибо она бестелесна.
Еврипид.

За ТРИ дня (с момента смерти до похорон) тело о. Серафима не одеревянело, не начало разлагаться, несмотря на летнюю жару. Кожа не приобрела серо-синеватый оттенок, а оставалась теплой, золотистой на вид, была мягкой, как у «спящего младенца», по словам одного из паломников. Другой, профессор из Беркли, сказал, что тело «подобно святым мощам». Нетленность издавна считалась в Православной Церкви признаком святости. Все находившиеся в ту пору в монастыре считали, что это проявление благодати Божией.

Лицо о. Серафима в гробу прояснилось, разгладилось, воссияло покоем и счастьем, и хотя монашеский обычай предписывал накрывать лицо усопшего, этого делать не стали. Он лежал будто живой, и выглядел моложе, чем при жизни. Весь вид его свидетельствовал о победе над смертью, и множество людей проводили долгие часы в молитве у гроба. Маленьких детишек приходилось едва ли не силой уводить из церкви — столь сильно было настроение любви и покоя. «Усните ныне, утомленные глаза...» — вспомнились о. Герману строки кантаты «Имел довольно я», когда он смотрел на блаженный лик покойного. Отец Серафим наконец разгадал тайну смерти, которая не давала покоя всю его сознательную жизнь.

В день похорон монастырская церковь была переполнена. Панихиду служили архиеп. Антоний и еп. Нектарий. Но даже и в этот час созревали плоды духовности: у гроба усопшего два послушника были пострижены в рясофорные монахи, Владимира Андерсона рукополо-

Отец Серафим в блаженном успении.

Братия и сестры у гроба о. Серафима в монастырской церкви.

жили во священники, а Лоренс Уильямс (из прихода в городке Этна) стал дьяконом. Сколько народу прошло мимо гроба, целуя на прощанье усопшему лоб и руки, написавшие столько душеполезных книг, статей, текстов церковных служб. На клиросе пели чудесные и трезвящие слова, написанные святым VIII века Иоанном Дамаскиным: «Кая житейская сладость пребывает печали непричастна...»

Согласно учению Церкви, которое она стяжала ангельским откровением, двое суток после смерти душа наслаждается свободой и вольна посетить дорогие ей места. В «Душе после смерти» о. Серафим писал: «Описание этих двух дней никоим образом не догма, а лишь приближенное представление о том, что чаще всего ожидает душу непосредственно после смерти. И в православной литературе, и в современной научной описаны случаи, когда усопшие на короткое время (иногда во сне) являлись живым, что подтверждает истину: несколько времени после смерти душа пребывает вблизи земли»[1].

То же и с о. Серафимом. Одна из его духовных дочерей, Элли Андерсон, стояла у гроба, рыдая и причитая, что-то ей теперь делать без духовного отца, и вдруг, «не двигаясь, не осознавая, что происходит, очутилась перед огромным ликом Христа, почуяла запах тлена и услышала голос о. Серафима: «Это всё Христос соделывал — не я, я же — тлен». Я обернулась к о. Серафиму, от него исходило сладостное благоухание, и я совершенно успокоилась.

Когда все прощались с ним, я вдруг увидела его за гробом, лицом к алтарю. Трудно описать: он весь сиял, хотя на нем была монашеская ряса. Пока пели, он, стоя лицом к алтарю, непрерывно кадил»[2].

Народу собралось столько, что многим пришлось лишь слушать службу со двора. Была среди них и мать Бригитта (некогда Барбара Мак-Карти). К ней подошел еп. Нектарий, видя, что она убита горем, утешил: «Молитесь не за отца Серафима, а отцу Серафиму!» — сказал он.

После похорон отслужили литургию — церковь по-прежнему была переполнена. Когда все верующие пели Символ веры, священники увидели в окно трогательную сцену: у могилы о. Серафима собралась оленья семья. Похоронили его на том самом месте, где 14 лет тому на Успение они с о. Германом совершали свои первые богослужения, где он слезно благодарил Бога, что Тот дал ему пустынь, где можно трудиться во спасение души.

Гроб о. Серафима засыпали землей, и всеобщая скорбь стала сменяться радостью — не сговариваясь, все запели «Христос воскресе из мертвых». Слова, которые некогда о. Серафим сказал о похоронах архиеп. Иоанна, цитируя свят. Игнатия (Брянчанинова), могут теперь

Похороны. Впереди о. Герман и о. Роман (Лукьянов), верный помощник Братства.

быть отнесены к нему самому: «Видели ли вы когда-нибудь тело усопшего праведника? Оно не смердит, к нему подходят без страха. А на похоронах скорбь растворяется в неизъяснимой радости… Это знак того, что душа усопшего стяжала милость и благодать Божию»[3].

Для многих американских новообращенных похороны о. Серафима и преизбыточная благодать того дня имели особое значение. Люди убеждались, сколь велики возможности всех православных американцев, ибо о. Серафим — первый плод исконно американской святости, первое «живое связующее звено» со святоотечеством.

Согласно православному учению душа на третий день после смерти проходит мытарства, ее проводят и по небесной обители и по аду, и она еще не знает, куда ее определит Бог, лишь на сороковой день решается, где ей пребывать вплоть до всеобщего Воскресения. Поэтому Церковь и молится особенно усердно о душах первые сорок дней после кончины. Отец Герман ежедневно совершал литургии в поминовение о. Серафима.

Ясно излагая православное учение в «Душе после смерти», о. Серафим писал: «В порядке вещей то, что, пройдя мытарства и навсегда покончив с делами мирскими, душа знакомится с миром иным, в той или иной части которого ей предстоит пребывать вечно. Согласно ангельскому откровению св. Макарию Александрийскому, особое поминовение усопших на девятый день связано с тем, что до этого дня душе показывают Рай, а потом вплоть до дня сорокового — муки и ужас ада. Потом душа отправляется туда, где ей предстоит ожидать всеобщего и страшного Суда»[4].

Девятый день по успении о. Серафима пришелся на день памяти преп. Иова Почаевского (28-го августа/10-го сентября), и ровно 19 лет исполнилось Братству преп. Германа. Накануне ночью о. Герману приснился сон: огромная черная дыра, у края в задумчивости и нерешительности сидит человек в белом. Рядом, утешая его, стоят несколько женщин и мужчин. Может, о. Серафиму начинают показывать преисподнюю?

Шестью днями позже, 2/15-го сентября (в юбилей первой литургии в Платине) о. Герман совершил литургию и снова увидел во сне своего собрата. Тот был одет в белое и спал. Вдруг лицо его внезапно оживилось, и он открыл глаза, воссияв, точно приветствовал жизнь[5].

На сороковой день, когда Церковь особенно усердно молится о душах усопших, к могиле снова потянулись паломники. Многие уже последовали совету еп. Нектария, данному Бригитте: молились не столько за о. Серафима, сколько ему самому, дабы он и из мира иного не оставлял их молитвой и духовным покровительством. Приехал и сам Владыка Нектарий с несколькими священниками, он еще раз удостоверил те чувства, которыми уже полнились сердца людей. Совершив литургию и панихиду у могилы, он обратился к собравшимся, закончив проповедь следующими словами: «Отец Серафим был праведником, может, даже святым». Старый иерарх имел право на такое предположение: он немало повидал истинно святых людей, как в России, так и в свободном мире. Священник, переводивший его проповедь, запнулся, не решаясь повторить последнее слово. Столь смелое заявление могло оказаться не по вкусу церковной верхушке, не определившей еще своего мнения. Переводчик попросил Владыку Нектария уточнить смысл. Стукнув посохом оземь, тот громогласно повторил: «Да! Святым!» И смущенный переводчик вынужден был повторить это по-английски. От могилы паломники вслед за Владыкой

Нектарием пошли в церковь. На пороге он остановился с кадилом в руке, обернулся и с чувством, во весь голос запел величание: «Ублажаем тя, преподобне отче Серафиме, и чтим святую память твою, наставниче монахов и собеседниче Ангелов». Монахи, священники, паломники подхватили, и снова горечь разлуки с усопшим скрасилась радостью.

В тот день о. Серафим, американец, принявший Православие после долгого скитания в дебрях атеизма и буддизма, обрел свое место в Царствии Божием. Еп. Нектарий был на тридцать лет старше, он получил наставления оптинских старцев, когда о. Серафим «под стол пешком ходил», однако американец оказался истинным воителем. К нему можно отнести слова св. апостола Павла: «Подвигом добрым я подвизался, течение совершил и веру сохранил» (2 Тим. 4:7). «Пришел и «увел» у нас Рай», — с улыбкой сказал еп. Нектарий о. Герману.

Помнится, много лет тому Владыка научал отцов продолжать труды, даже когда останется лишь один из них. И вот теперь, с упокоением о. Серафима, он обратился к Братству с такими словами: «Платина — что первая скрипка в оркестре. Сейчас оборвалась одна из струн. Но свою партию нужно доиграть, даже с оборванной струной!»

105

Со святыми

Со святыми упокой, Христе, душу раба Твоего, идеже несть болезнь, ни печаль, ни воздыхание, но жизнь бесконечная.

Кондак Панихиды. Св. Иоанн Дамаскин.

НЕ ПРОШЛО и месяца после кончины о. Серафима, как «Православная Америка» посвятила ему целый номер. О нем похвально отозвалась Елена Юрьевна Концевич, одна из последних «живых связующих звеньев» со святоотечеством. «Преклоняюсь перед новопреставленным о. Серафимом и высоко ценю его высокие заслуги перед Богом. Хотелось бы сказать несколько слов об особенно дорогой его черте: верности подлинному Православию. Он ни в чём не отступил от учения Церкви, не зависел от чьего-либо мнения или суждения. Таким же был и мой муж, Иван Михайлович Концевич, имевший несколько ученых степеней и уже к концу жизни окончивший Богословскую Академию. Ему и в голову не могло прийти погрешить против Церкви.

Учение Православной Церкви — не домыслы, даже великих Отцов, это духовдохновенное учение. А любой грех против Духа Святого не прощается (Мф. 12:31-32). Верность Православию в наши тяжкие и смутные времена — большая заслуга. Отец Серафим — это светильник яркой и поучительной веры. И свет свой он оставил в печатных трудах. Слава Богу за всё»[1].

В том же номере помещены и прочувствованные строки о. Алексия Янга: «В одной из последних его проповедей, которую мне довелось услышать, он вновь повторил: «Будьте добрее друг к другу. Друг друга тяготы носите во имя Христа».

Смерть вырвала этого верного слугу Господня из и без того малочисленных рядов миссионерского Братства преп. Германа. Стяжав мудрость богословских принципов, он тем не менее держался евангельской простой веры и «как благоугодивший Богу… восхищен…» (Прем. 4:11)

Со слезами на глазах пишу эти строки, ибо о. Серафим был не только соратником и сотоварищем моим, но и моей совестью. Ни строки не написал я без оглядки на о. Серафима, зная, как нельзя доверяться себе. Теперь лишь Христос может утолить мою сердечную скорбь…

Конечно, при жизни мы все не оценили его сполна. Ведь тех, кого мы любим, мы чаще всего принимаем как нечто непременное, мы забывали, сколь хрупко его здоровье, полагали, что он всегда будет с нами. Всего 48 лет прожил он, уйдя еще молодым, оставив незавершенными столько трудов. Путь православного христианина и того меньше — около 20-ти лет. И вот, после краткой мучительной болезни он скончался. «И немного наказанные, они будут много облагодетельствованы; потому что Бог испытал их и нашел их достойными Его» (Прем. 3:5).

В «Наставлениях о деятельной жизни» блаженного Евагрия находим следующие строки: «Одному монаху сказали, что у него умер отец. Тот обратился к печальному вестнику: „Перестань богохульствовать. Отец мой бессмертен"».

То же почувствовал и я, узнав о смерти о. Серафима. Нет, он не умер, он воистину живет во Христе! Он ушел в мир иной к любимым святым: архиеп. Иоанну, преп. Паисию, святым Галлии и Северной Фиваиды, жития которых он переводил и публиковал.

Какой человек! Братья и сестры, дорогие читатели, не скоро сподобимся мы увидеть такого же! Слава Богу, что послал нам его, хотя и на короткое время. Всем сердцем верю, что он слышит сейчас блаженный голос Вседержителя: „Ты славно потрудился, верный мой слуга! Верен ты был во всём, так пребудь же в радости Господа Твоего!"»[2]

В ПОСЛЕДУЮЩИЕ годы будет немало подтверждений тому, что о. Серафим приобщился райского блаженства и предстоит перед троном Господним в молитвах о тех, кто остался пока в жизни земной.

Некогда Братство собирало свидетельства заступничества и небесной помощи блаж. Иоанна, теперь же оно стало собирать подобные свидетельства небесного предстояния перед Господом основателя

Братства. Мы приводим в хронологическом порядке запись этих свидетельств. Они красноречивее любых слов.

1. На 42-ю ночь после кончины о. Серафима, отслужив литургию (в честь архим. Герасима с Аляски, почившего в тот самый день в 1969 году), измученный о. Герман пошел отдохнуть в «Оптину» — келью своего собрата. Лишь к утру он забылся. Проснулся оттого, что ему привиделся в церкви подле иконостаса о. Серафим, серьезный и даже озабоченный. «Помоги Джеймсу, Джеймсу», — только и сказал он. «Какому? У нас не один», — вскинулся о. Герман и тут же вспомнил одного бедолагу, с кем Братство уже 16 лет не поддерживало связи. Это был тот самый человек, который познакомил о. Серафима с Православием.

Отец Герман задремал и снова увидел церковный иконостас, икону Богородицы, но о. Серафима уже не было. Смекнув, что сон не простой, и памятуя о том, что о. Серафим всегда заботился о людях, о. Герман бросился разыскивать адрес Джеймса. Нашел, но без номера телефона. А Джеймс в ту пору был в Канаде. Мать его жила в приюте для стариков недалеко от Сан-Франциско. Но и до нее не удалось дозвониться. Он послал Джеймсу письмо, вложив 20 долларов, сам же поехал разыскивать его мать. Объехав несколько приютов, наконец нашел ее и узнал, что Джеймс без работы и положение у него отчаянное. Отец Герман созвонился с одним студентом (он жил в том же городе, что и Джеймс) и упросил навестить бедствующего.

Через неделю от этого студента пришло письмо. Оказалось, что Джеймс, уже долго не ходивший в церковь, решил вдруг пойти на Успенскую литургию. Едва вошел в церковь, как ощутил присутствие о. Серафима, о коем не вспоминал уже много лет. Служба шла, и ощущение это всё усиливалось. Несколько дней спустя приснился ему сон: кто-то стучит в дверь. Открыл — на пороге о. Серафим. Только Джеймс не сразу признал его: с длинной седой бородой, в плаще, который носил в Сан-Франциско, когда жил в бедности, работая в книжной лавке. Он заговорил с Джеймсом по-русски: «Вот, брат Джеймс, в Платине я больше не живу, теперь здесь обитаю». О чём-то он предупредил, да только Джеймс не запомнил.

В эту же пору у него заболел кишечник, и две недели он не мог ничего есть, желудок не принимал пищу. Он исхудал и обессилел настолько, что не мог встать с постели. Жил он уединенно и не надеялся, что кто-то навестит его. Вызвать доктора было не по карману. Наконец кто-то из соседей принес ему почту и с ней — письмо о. Германа. На присланные деньги удалось проконсультироваться у знающего чело-

века, и тот принес особой минеральной воды. Вскоре Джеймс поправился и восстановил силы.

Из письма о. Германа он узнал также, что о. Серафиму сделали операцию и что он скончался. Он вспомнил, что именно в день операции он пошел в церковь и ощутил присутствие о. Серафима (в то же время больной явился и Алисон — они тоже долго не виделись, и она ничего не знала о его болезни). И именно в день смерти о. Серафима видел его Джеймс во сне — тот пришел с утешением.

«Кто знает, — размышлял о. Герман, — не явись мне о. Серафим, не попроси помочь Джеймсу, может, его и в живых-то уже не было бы».

2. Вскоре после смерти о. Серафима у жены о. Алексия Янга на шее обнаружилась опухоль. Анализы подтвердили худшие опасения — опухоль злокачественная. Врачи считали, что положение безнадежно. Люди стали молиться о здравии матушки, о. Алексий помазал больное место маслом из лампады на могиле о. Серафима. 6-го декабря 1982 года одна из прихожанок написала в Платину: «Кажется мне, что о. Серафим совсем-совсем близко. Недавно видела его во сне в толпе людей. На нем была черная скуфья. Он благословил меня и сказал: «Мир вам!» — «И духови твоему!» — ответила я, как положено на литургии. Потом он уронил голову на плечо какой-то женщины, а поднял — у той женщины на шее и плече кровь. У самого же о. Серафима лоб чист. Дьякон Лаврентий Уильямс, облаченный в белое с золотом, подошел, спокойно вытер кровь покровцом. Я подумала: «Это ведь кровь Христа». Потом о. Серафим, обняв эту женщину, видно, утешая, удалился. Кого — я не разобрала. А проснулась и поняла, что то была матушка Сусанна»[3].

Вскоре после этого больная матушка пошла к врачам. Анализы более не подтвердили злокачественной опухоли, и врачи наказали ей прийти через полгода. Сегодня она совершенно здорова.

3. Одна из духовных дочерей о. Серафима, Кристина Шейн, 10-го февраля 1983 года написала о. Герману: «В среду у моей сестры Джуди случилось кровоизлияние в мозг. Врачи сказали, что она не выживет. Рассказываю Вам потому, что, видно, случай этот важен и Вам. После того, как от ее мужа я узнала о несчастье, ночью молилась, прочитала акафист Богородице, попросила Ее взять Джуди под свою и о. Серафима опеку. Поставила перед иконой фотографию сестры. Там же была и фотография о. Серафима в гробу. Мысленно я направляла Богоматерь и о. Серафима в Лос-Анжелес и знала, что они там. В ту ночь спала спокойно и глубоко, словно окутанная теплым облаком. Наутро

позвонила, справилась о здоровье сестры и — о чудо! — она пережила критическую ночь, а на этой неделе и вовсе переводится из реанимационной палаты. К ней вернулась речь, она ест, узнает людей, паралич прошел. Врачи тоже считают, что произошло чудо!

Они еще, правда, должны сделать кое-какие анализы (не знаю уж, зачем), но, похоже, сестра поправится. Столько людей молилось за нее, и я уверена — молитвы помогли… И еще не покидает мысль, что особенно ей помогли Богородица и о. Серафим»[4].

4. Несколько месяцев спустя один из монастырских братий рассказывал: «Нам очень не хватало о. Серафима на Пасху. Игумен Герман, выполняя завет о. Серафима, полученный у постели умирающего, осуществить их давнишнюю мечту, отправился справлять Христово Воскресенье на Аляску, на Еловый остров. Уезжал в сомнении и тягостном духе — не хотелось оставлять паству в столь важное время. Братия и сестры понимали, что едет он по зову преп. Германа. С тяжелым сердцем и в сомнении подошел он к могиле своего сотаинника и попросил не оставлять нас своей заботой, поддерживать нас и подбадривать, покуда он в отъезде. Очевидно, о. Серафим внял мольбе и посетил монастырь. Его видела 7-летняя девочка, которую о. Серафим крестил в младенчестве: в белом пасхальном облачении он ходил, окропляя всё вокруг святой водой и кадя… Мы верим, что он не оставлял нас попечением в отсутствии о. Германа»[5].

5. Марта Николс, духовная дочь о. Серафима, очень страдала из-за того, что ее отец, хороший добрый христианин, не находил счастья в вере — разочарования и горести преследовали его всю жизнь. Вот было бы замечательно, думала она, узнай отец хоть в малой степени, что такое Православие и раздели он счастливую судьбу избранников Божиих в грядущей жизни. Не раз пыталась она воодушевить отца православным учением, но интерес его был невелик — что-то мешало постичь суть спасительного учения. Вдруг она узнала, что у отца рак и дни его сочтены. Она решила провести их с ним, чему он очень обрадовался. Православного священника окрест не было, поэтому Марта, захватив святой воды, сама произнесла над отцом полагающиеся молитвы и крестила его — так же в особых случаях крестили в древности. Благодаря ее решимости отец умер православным. Несколько времени спустя она, будучи духовно крепко привязана к о. Серафиму (ее сын тоже был его духовным чадом), приехала к нему на могилу помолиться и удостовериться, что ее поступок угоден Богу. Помолившись, она оставила записку о. Серафиму с просьбой не оставить

вниманием ее отца, ведь он только-только приобщился Православия. Записку она сунула в щель деревянного надгробия. Домой вернулась счастливая и написала в монастырь: «Спасибо! Спасибо за чудесные минуты! Дома мне приснился отец, живой и счастливый. Сказал, что рад мне, что сначала оказался в каком-то неприятном месте, но потом «пришел святой и вызволил оттуда».

С любовью во Христе, Марта»[6].

6. 11-го ноября 1983 года о. Алексий Янг записал следующее: «Два месяца спустя после смерти о. Серафима я узнал, что сестра (неправославная) одной из моих духовных дочерей, Барбары Мюррей, серьезно заболела и лежит в больнице. Она попросила моих молитв и чтобы я навестил ее. У нее было сужение кровеносных сосудов в ноге, отчего нарушилось кровообращение и началась гангрена. Врачи готовились ампутировать большой палец ступни. Он посерел и стал гнить. Я видел собственными глазами — ужасное зрелище. В дальнейшем она могла лишиться и всей ступни, а то и ноги. Я помазал ступню маслом с могилы о. Серафима и в молитве просил его заступничества. Очень скоро от гангрены не осталось и следа. Врачи сказали, что в операции уже нет надобности и что они «изумлены» таким исходом. Сейчас прошло уже больше года, рецидивов нет, и врачи не могут объяснить такое исцеление. Я убежден, что оно произошло радением о. Серафима. Я лично не раз говорил с врачом и готов подтвердить диагноз до мельчайших подробностей.

Могу рассказать и еще об одном чуде: две недели назад Стефан (муж моей сестры, которого я крестил в прошлом году в июле) попал в аварию, сломал обе ноги, причём открытый сложный перелом левой: повреждена лодыжка и большой палец ступни. Четыре с половиной часа провел он на операционном столе: врачи чистили раны (туда проникла дорожная пыль, грязь, что грозило заражением крови). Я видел рентгеновские снимки его левой ноги — страшное зрелище, ступня держалась, что называется, «на честном слове»: кости перебиты, сухожилия и связки порваны.

Во время первой операции мы все молились в приемном покое. Памятуя о том, что еп. Нектарий пел величание о. Серафиму, я тут же отслужил молебен в его честь и попросил помочь Стефану. Каждый день раны смазывались маслом с могилы о. Серафима — благо, повязки не мешали.

После операции врачи сказали, что, возможно, он лишится ступни. Также не исключено, что всё кончится общим заражением

крови. Но мы все уповали на молитву нашего праведника, на его предстояние перед престолом Господним и терпеливо ждали.

Спустя шесть дней провели повторную операцию. Наступил решающий момент: врачи сняли повязки, осмотрели ногу, от их приговора зависела ампутация. Хирург был потрясен чудом, он так и выразился: рана не только подживала, но исчезло и воспаление — значит инфекция не попала в кровь. Уже одно это — чудо!

Стефану, конечно, пришлось три месяца провести в инвалидной коляске, потом заново учиться ходить. Возможно, грядут даже новые операции. Но я верю, что о. Серафим внял нашим молитвам и воззвал к Богу о помощи. Воистину, Бог почивает во святых своих!

Я лично свидетельствую об обоих чудесах. Рентгеновские снимки (переломов ног) убедят любого — врача или непосвященного, — что произошло нечто необыкновенное»[7].

7. В 1979 году один из пасторов движения евангельских христиан завязал переписку с о. Серафимом, искренне желая глубже разобраться в Православии. В то же время его приходская церковь в Калифорнии служила прибежищем хиппи — туда собирались молодые богоискатели, бывшие бунтари, ниспровергатели старой культуры и традиций, которых они по сути не знали, не говоря уже об их невежестве в вопросах Православия и монашества. В 1980 году о. Серафим посетил эту церковь. Один из прихожан, увидев его с улицы, доложил пастору: «Там такой чувак ошивается — отпад!» Пастор поспешил к двери, с тревогой ожидая встречи с хулиганом из модных в ту пору шаек лихих мотоциклистов, но его взору впервые предстал православный монах. Они проговорили почти три часа. На прощанье о. Серафим крепко обнял пастора: «С вами Бог! Держитесь же своего пути!» Конечно, о. Серафим видел, что община эта (в прошлом протестантская) должна еще многое познать в Православии, но он также верил, что если молодые люди и впрямь ищут Царствие Божие, всё приложится. Особенно ценил он попытки уберечь молодежь от современной «антикультуры», к которой некогда принадлежал сам.

После смерти о. Серафима приход этого пастора продолжал расти, нужна была новая, более поместительная церковь. Неподалеку было подходящее здание. За него просили 250 тысяч, а денег у церкви не было. Пастор привез земли с могилы о. Серафима, рассыпал ее по двору и попросил небесной помощи о. Серафима. Назавтра же владелица продаваемого дома сказала пастору, что она может подождать с задатком, а перебраться в новый храм он может хоть сейчас.

Сегодня церковь эта в честь св. апостолов Петра и Павла насчитывает более трехсот семей, каждый день там проходят службы и община весьма преуспела на пути к исконному Православию*. Пастор считает, что новым зданием обязан чуду, явленному небесными молитвами о. Серафима.

8. В 1985 году в Братство пришло письмо от частого гостя в монастыре 25-летнего Пола Боба (в его жилах течет греческая и арабская кровь): «Отец Серафим откликнулся на мою молитву! Вчера, возможно, был самый худший день в моей жизни! Места себе не находил. Дело в том, что я не хотел тратить время, ублажая и служа человеку мира сего своим талантом музыканта — талантом, Богом данным! Ведь когда я пишу всякие танцевальные мелодии, они не помогают спасению души, как не раскрывают и моего таланта. Писал я корысти ради, получая большие деньги. Вы знаете, я пишу и византийские распевы, и сердце мое радуется, когда удается послужить Богу, сделать что-то полезное и душеспасительное. Но... жизнь моя всё равно пуста. Официальные круги Церкви говорят, что у меня должен быть соответствующий диплом, если я хочу продолжать писать для Церкви. Короче, я чувствую себя полным ничтожеством и неучем.

...Никто не признает во мне композитора. И лишь мою любовь ко Христу нельзя «отменить». Для этого не нужно никакого диплома. Итак, я не могу служить Церкви своим талантом, не хочу служить и миру неправославному, ибо талант, не вдохновенный Богом, есть фальшь. Такие люди, как я, легко впадают в отчаянье, они легко ранимы.

Так вот, вчера знакомый пригласил меня к себе и дал почитать новый номер «Православного Слова» про оптинских старцев. Ушел я в полночь в препоганом настроении, еще более уверившись, что ни Церкви, ни миру я не нужен. Вдруг вспомнился о. Серафим, в гробу, как к нему подходили люди, касались его, просили его молитв. Они взывали к усопшему всем сердцем, похоже, им тоже была нужна помощь в духовной жизни...

С тоской на душе я лег спать, попросив о. Серафима о помощи... Даже прослезился — до того мне было грустно и одиноко. Во сне я вдруг оказался в церкви в Платине подле гроба о. Серафима. Смирен и невинен был лик его, я благословил его простым мирским крестным

---

* Сегодня приход этот объединяет общины евангельских христиан и православных. До слияния общины находились в одном районе и поддерживали тесные связи.

знамением. И не сдержавшись, разрыдался прямо у гроба — столь тяжким было бремя духовных забот.

Ища утешения, я припал к покойному, уронил голову на плечо, горько рыдая. Сквозь слезы поведал о своих бедах, о том, что у меня нет диплома. Излив всё, что скопилось на душе, я так и остался у гроба, обнимая дорогое мне тело. Мне стало хорошо, я словно отогрелся душой. Уходя, я взглянул на него: по щекам у него струились слезы. Как прекрасно — он разделил мои горести! Я обнял его и услышал голос: «Скоро получишь ответ».

Утром я проснулся. Почему-то первым делом взялся за «Православное Слово», начал читать об оптинских старцах. При жизни о. Серафим говаривал: «Появились заботы — читай жития святых». С этим чувством я и принялся читать. Чудесные жизнеописания, но, увы, ответа на мучившие вопросы я не нашел. Но на следующей странице я обнаружил статью Евгения Роуза «Любовь к истине»*. И там я нашел ответ! До чего ж важно было мне убедиться в собственной правоте. Особенно вдохновили следующие строки: «Для многих главное — заработать деньги, добиться «положения», и ум используется как забава, занятная игрушка, за которую платят, вроде клоунских потех в цирке». Нет, я не стану в угоду миру сему потешать его своим талантом, только чтобы быть сытым! Славен Бог во святых своих!»[8].

Отец Серафим дал Полу исчерпывающий ответ. Перед тем открылись дотоле неведомые возможности служения Богу в Церкви: подобно о. Серафиму, он сейчас держит книжную и иконную лавку в Сан-Франциско, рядом с магазином, где некогда начинали о. Серафим и о. Герман. С его помощью сотни людей приняли Православие.

9. В 1988 году к нему в лавку заглянул монах — о. Тихон (Пилкингтон) — и рассказал еще об одном чуде по молитвам о. Серафима. Пол посоветовал ему рассказать об этом о. Герману, и на Успение о. Тихон написал следующее.

«В декабре 1987 года на Рождество я заболел. Доктора сказали, что у меня рак поджелудочной железы, т. е. поставили смертельный диагноз. Я начал молиться, твердить Иисусову молитву, и мне пришло в голову попросить о помощи о. Серафима. (Я никогда не видел его, но мне всегда казалось, что он помогает мне статьями и книгами. Еще до болезни я получил от вас икону праведного о. Серафима).

---

* Письмо Евгения к родителям (оно цитировалось в главе 18), в котором он объясняет причины, побудившие его оставить мир науки.

Я истово молился и проспал трое суток. За это время ко мне являлся о. Серафим — он будто бы выходил из темного туннеля, а вдалеке за ним исходил свет. Он заговорил со мной, рассказал, какой должна быть монашеская жизнь и что делать мне. Говорил он мягко, однако перечислил мои грехи и указал, что изменить в себе. Словно старший брат помогал он мне, младшему. Сказал, что мне еще не время умирать и что Бог уготовал мне труды во имя Его...

Очнулся я 28-го декабря. Отец Дэвид причастил меня, и мы вместе помолились. Я рассказал ему о своих мольбах о. Серафиму донести мою просьбу Господу.

Уже назавтра анализ крови показал улучшение, через два дня дело пошло на поправку, и врачи отпустили меня домой, наказав через неделю явиться для повторных анализов.

Через неделю я уже понял, что произошло. Анализы были всё лучше, врачи не верили, послали меня в отделение радиологии, но и там ничего не нашли. Три раза мне делали рентген и не обнаружили злокачественной опухоли. От меня отказался мой молодой врач. Он — японец, а японцы работают без ошибок. Он явно видел раковую опухоль, то же подтвердила и биопсия. Сейчас же опухоль вдруг исчезла, поджелудочная железа работала нормально! Мой юный эскулап опасался за свою репутацию: поставить смертельный диагноз, который не подтвердился, — дело нешуточное. Ну, как было объяснить ему, что он не ошибся! Он не православный, вообще не христианин и не понял бы, как это по моей молитве усопший праведник испросил у Бога исцеление для меня.

Навсегда праведник о. Серафим останется мне другом и братом. Своей жизнью и работами он изменил мою и жизни многих моих братьев во Христе»[9].

10. 2-го мая 1989 года д-р Рафаил Стивенс из городка Вирджиния Бич сообщил, как о. Серафим помог ему добиться успеха в мирном христианском движении и борьбе с узаконенным убийством — абортами. Неудивительно, что о. Серафим, видя, как нигилизм сегодня взращивает неуважение к таинству жизни, проявил заботу и об убиенных неродившихся младенцах — жертвах нашего общества. Вот что писал д-р Стивенс отцу Герману:

«Многоуважаемый Игумен!

Недавно я принимал участие в национальном Дне Спасения — попытке предотвратить убийство детей посредством аборта. Для меня этот вопрос так же однозначен, как и для святого Православия: это убийство сродни уничтожению евреев фашистами, сродни истреблению

своего же народа в коммунистической России (что продолжается и поныне). Я уверен в правоте своего дела, потому в прошлую субботу (на пасхальной Светлой седмице) я решил вместе с другими «лечь костьми» ради младенцев, но преградить путь в клинику, где делались аборты.

Но пишу я Вам не для того, чтобы просто поделиться личными взглядами, а рассказать нечто, имеющее прямое отношение к Братству преп. Германа. Вскоре после кончины о. Серафима я написал в Братство, интересуясь Православием, и получил много полезного материала. Потом попросил прислать книжки «Малого Русского Добротолюбия». В ту пору я был едва знаком с работами о. Серафима... В последнее время Господь подталкивает меня всё сильнее к святому Православию (сам я католик), и я знаю, Он призывает меня и всю мою семью в свою Церковь. Я попросил еще материалов о Православии, и мне любезно прислали, в том числе и экземпляр «Православного Слова» со статьями о. Серафима и его портретом на обложке. При чтении сердце мое возгоралось — о. Серафим нес слово Истины.

Перехожу к сути. В ночь перед Днем спасения очень волновался, места себе не находил: по характеру я законопослушный, добропорядочный христианин. Я знал, что меня арестуют, а это не очень приятная перспектива. Так я и заснул. Но вскоре очнулся: прямо на меня глядел сияющий лик о. Серафима. Я знал, что мне нужно помолиться ему о помощи и защите в завтрашней «операции по спасению». Похоже, он сказал, что Вседержитель на стороне «спасателей», что я могу довериться его предстоянию перед Богом. Полагаясь на о. Серафима, я полагался на Христа. Несколько раз за ночь я пробуждался, и неизменно о. Серафим утешал меня. Мне он виделся чем-то наподобие святого заступника или Ангела-хранителя. Он не покинул меня и утром. Я обо всём рассказал жене, истой христианке, и отправился на «спасение». По команде наших вожаков мы заняли места у входов в клинику (человек по 30 у каждого). И я видел, что о. Серафим смотрит на меня и охраняет меня и моих друзей. Отец Игумен, не считайте меня умалишенным: мне не являются видения, я не слышу «голоса́». Но доподлинно знаю, что в нужные минуты из Царства Небесного нам посылаются святые и Ангелы и являются Божии чудеса. И приведенный случай лишь один из примеров. Встав у дверей клиники, наш руководитель запел гимн о херувимах и серафимах. Не сомневаюсь, что в тот день с нами был о. Серафим. Нас всех (62 человека) арестовали, всего же в движении спасения участвовало (но «не нарушая общественного порядка») 600 человек. Арестованных привезли во 2-ой полицейский участок Норфолка. По пути я молился о. Серафиму, и меня не покидало ощущение,

что всё образуется. В полиции к нам отнеслись добродушно и с пониманием — не то что в Атланте или Лос-Анжелесе, где полиция применяла силу и пострадало много людей. Нам вменили в вину «неподобающее поведение», нечто вроде штрафа за превышение скорости, и под расписку отпустили. Капитан передал наше дело единственному судье в округе, кто сочувствовал нашей борьбе «за жизнь». Перед освобождением нам разрешили всем помолиться и спеть религиозные гимны. В полиции нам сказали, что не считают нас преступниками и не станут сажать за решетку. Разбирательство устроили прямо в спортивном зале участка и вскоре всех отпустили по домам. Это чудо! Норфолк — портовый город, и полиция обычно не миндальничает с правонарушителями.

Верно, что спасли нас молитвы СВЯТОГО — о. Серафима.

Благодарю и его и Братство за то, что продолжает дело истинного Православия. Пожалуйста, помолитесь за меня, мою семью и всех «спасателей». Я верю, о. Серафим на небесах защищает всех нерожденных младенцев и покровительствует нашему движению»[10].

11. В молодости, вскоре после прихода к Православию, о. Серафим в своем философском дневнике записал: «Человеком управляет в большей степени половой инстинкт, проявляющийся буквально во всём. Существуют, конечно, и другие силы — политика, экономика, — но, пожалуй, в основе их лежит то же половое чувство. Силу эту, как никакую, человек должен научиться обуздывать. С этого нужно начинать ограничивать влияние мира сего. И противостоит этой силе, равно и другим силам падшего естества, духовность. Она не надзиратель наш, а лишь вестник, глашатай свободы, зовущий на поиск вечности, а не мелкого, повседневного. По лицу каждого человека можно догадаться, что задает «тон» всей его жизни: силы и инстинкты, примиряющие с миром сим, уводящие от подвига подлинно человеческого бытия, или силы духовные, не дающие довольствоваться мирским, зовущие к казалось бы невозможному — на поиски Истины и Бога, при трезвом осознании своей человеческой греховности. Зов этот исходит от Христа, вочеловеченного Бога, только в Его Свете имеет смысл понятие «человеческого». Поскольку Христос сущ, нам не удовольствоваться ничем меньшим. Только Он зовет нас следовать за Ним *добровольно,* все остальные силы мира сего стремятся закабалить, заставить удовольствоваться тем, что они нам открывают. Потому и безобразно лицо того, кем движет плотская похоть, стяжание радостей земных, т. е. всего того, что меньше человека и недостойно его, меньше человека — образа и подобия Божия. Христос — вот выход из падшего

мира. Все остальные пути: стремление к плотским наслаждениям, политические химеры, экономическая независимость — тупики, где заблудшим уготован тлен»[11].

После кончины о. Серафим сделался небесным попечителем тех, кто пытается освободиться от оков плотских грехов, кто не хочет зависеть от похоти, напитавшей всю нашу жизнь. Недавно в Братство пришло такое письмо: «Пишу, чтобы объяснить свое положение и испросить ваших молитв и наставлений. Мы уже ранее касались этой темы, т. е. моей борьбы с половой распущенностью и гомосексуальностью.

Недавно я заметил, что подавив греховные «деяния», я не подавил помыслов и поведения. Они по-прежнему диктуются моими страстями.

И всё труднее и труднее одолевать их, так как всё вокруг потворствует этим грехам, заманивает и... я поддаюсь. Не скрою, заманить меня совсем нетрудно, как не впасть в грех, если он подстерегает на каждом шагу.

Наверное, нужны такие условия, где бы я мог сосредоточить все помыслы на Иисусе Христе и на борьбе за чистоту плотскую и душевную.

Не далее как вчера духом и телом подвергся бедственному соблазну. Начал молиться всем святым, но лишь помолившись о. Серафиму, сразу обрел покой душевный и телесный».

106

«Будем рядом в раю!»

Тот, кто хочет служить Богу, пусть приготовит сердце к скорбям.

Св. Василий Великий.

ГОРЮЯ по ушедшему собрату, о. Герман вспоминал один случай. «Как-то Великим постом выдался очень трудный день. Я зашел в келью о. Серафима. Было уже поздно. Он сидел в темноте, и вид у него был изнеможенного.

— Что случилось? — спросил я.

— Ничего, — ответил он по обыкновению.

И тогда я излил все свои страхи и горести душевные: дескать, мы тут убиваемся, а всем наплевать.

— И некому мне помочь, когда ты нужен — и тебя рядом нет...

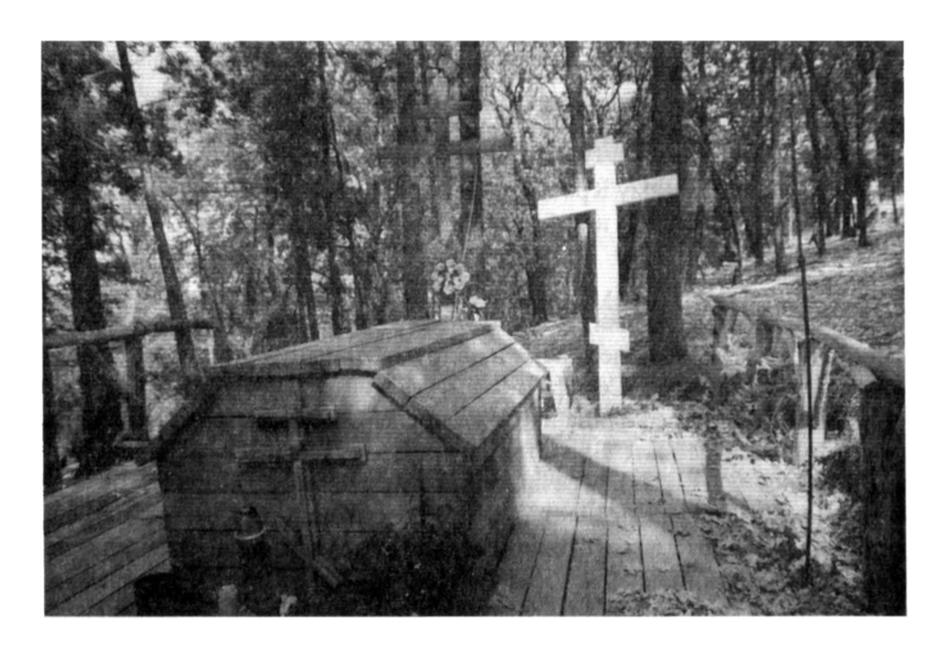
Отец Серафим потупился. Я наклонился к нему: в такие минуты мне так бывала нужна его поддержка, его слова. Но единство душ наших было бессловесным, оно крепилось перенесенными вместе тяготами. И всё же я так хотел, чтобы он заговорил! И снова чуть не плача произнёс:

— И даже тебя рядом нет!

Он поднял голову и прошептал:

— Будем рядом в Раю!

Меня обожгли эти слова: что мои невзгоды — столь земные и мелочные — по сравнению с высоким и широким воззрением друга. Я пристыженно замолчал, встал и вышел из кельи. Слова его возвысили душу до осознания «боли мира», о чём так часто горевал мой сотаинник. В сердце звучала музыка, я стал напевать глубоко волнующий душу мотив — одну из тем фортепьянного концерта № 23 Моцарта. И

Могила о. Серафима в монастыре преп. Германа.
Снимок сделан вскоре после кончины.

вдруг отчетливо услышал рыдания — о. Серафим оплакивал потерянный Рай!

Драгоценная минута! Подумать только: в нашем XX веке кто-то еще думает о Рае и сокрушенно плачет о нем!

Через год после смерти о. Серафима о. Герман запечатлел эту минуту в сонете, посвященном одному из братий:

Не сули, что счастливые дни
В блеске солнца у нас впереди.
То надежды и только мечты
Нашей тленной и падшей земли.

Уповая на Господа, знай —
Не избегнуть несенья Креста.
Быстротекущего избегай —
Благородством забрезжит душа.

А один из таких обратясь,
Живой верой отдавшись Христу,
Умирая, душой окрылясь,
Призывал: «Будем рядом в Раю»!

Вслед ему Крест подняв иди!
Окрылись и победой Рай возьми![1]

Умер о. Серафим, и впрямь оказалось, что «крестные муки» впереди. Но о. Герман, несмотря на вдруг возросшую ношу, не сдавался — силы ему давал о. Серафим.

Отец Герман вспоминает: «Уже после его смерти, когда на меня навалились все заботы Братства: и издательская работа, и миссионерство — я увидел сон. Чрезвычайно жизненная ситуация. Наш грузовик не раз застревал на склоне холма. То шина спустит, то что-нибудь сломается, и работа наша стопорилась на самом важном. Дьявольские искушения! Или пойдет дождь (а тенты наших грузовиков дырявые) и испортит либо дорогую бумагу, либо еще что. Часто поломки случались к ночи, и никакого жилья окрест, ни инструментов, чтобы починить своими силами, ни денег, чтобы купить запчасти. Всякий раз я впадал в отчаяние, а о. Серафим оставался спокоен, будто его это и не волновало.

И вот во сне я оказался в подобном положении. Что делать? В гору грузовик не втащишь. И тут смотрю: на вершине стоит о. Серафим, в черной рясе, в клобуке. Голубые глаза сияют. И манит он меня, зовет: «Ну, иди же сюда, иди!» Пошел я было — да что-то не пускает. Глядь, а за веревку, что у меня в руках, человек сто прицепилось. И лица всё знакомые: паломники, друзья, соседи. И все тянут вместе со мной, помогают, а не висят на мне, как вначале показалось.

Взглянул я на о. Серафима, а он улыбнулся и исчез. Проснулся я в уверенности: о. Серафим с нами, о́н поможет мне выбраться из любого, самого затруднительного положения в нашем подвиге».

Даже после упокоения о. Серафима Господь продолжал действовать по молитве о. Германа: слать им побольше испытаний. Причём самыми неисповедимыми путями. Не прошло и трех месяцев, как сгорела монастырская церковь. Пламя занялось внезапно, зимним утром. Отец Герман в ту пору возвращался из миссионерской поездки

по Австралии и Новой Зеландии... Спасти удалось лишь икону преп. Германа (перед которой некогда молился архиеп. Иоанн) и ковчег с мощами.

На беду братии живо откликнулся еп. Нектарий, хотя в ту пору здоровье его резко пошатнулось, и прислал утешительную весточку:

Дек. 31-го 1982 г./янв. 13-го 1983 г. Отдание Рождества.

Дорогой о Господе и родной мой
Батюшка о. Игумен Герман.

Примите и от моего недостоинства, хотя и запоздалое, но самое сердечное поздравление с Рождественскими Святками. От всей души молитвенно желаю Вам и всем насельникам святой Обители Вашей духовных радостей, душевного мира и спасения, доброго здоровья и всех прочих великих и богатых милостей от Господа.

Знаю о постигшем Вас испытании. Вместе с Вами глубоко переживаю эту, на первый взгляд кажущуюся великой скорбь. Но без промысла Божия этого пожара не произошло бы, а если так, то вспомните джорданвилльский случай, когда в день освящения дотла сгорает построенная церковь, а теперь стоит величественный Храм и монастырь является Зарубежной Лаврой.

Так, по неизреченной милости Божией, произойдет и у Вас. По молитвам Вашего Небесного Покровителя — преподобного отца нашего Германа Аляскинского и, конечно, по молитвам Вашего сотаинника, покойного иеромонаха о. Серафима — Господь воздвигнет каменный, просторный и уютный Храм. А Владыка Иоанн разве не возносит свои святые молитвы к Престолу Божию, прося Вам помощи укрепить Вашу долю и дать Вам силы для дальнейшего устроения и укрепления святой Обители Вашей, ведь это детище Владыки Иоанна!

Бог — есть Бог живых, а не Бог мертвых. И Владыка Иоанн и о. Серафим живы у Господа и, несомненно, имеют дерзновение у Престола Божия. Обращайтесь к ним. Чувствуйте и верьте их молитвенному заступничеству и помощи.

Бодрствуйте, МУЖАЙТЕСЬ и ДА КРЕПИТСЯ СЕРДЦЕ ВАШЕ.

Да хранит Вас Господь и Его Пречистая Матерь.

Божие благословение и Его милости призываю на Вас и на святую Обитель Вашу.

С любовью во Христе,
недостойный богомолец Ваш
Епископ Нектарий.

Предсказание еп. Нектария сбылось через пять лет, когда «просторный и уютный храм» и впрямь вырос на месте прежнего. Был он в три раза больше старой церкви и построен наподобие главного валаамского храма, возведенного игум. Назарием. Еп. Нектарий не дожил до этого дня. Написав письмо, он через три недели скончался. Смерть этого Владыки (не только истинного крестного отца Братства, но и стойкого его защитника перед церковными властями) громогласным эхом откликнется на судьбе Братства и принесет новые перемены.

Теперь Братство, ожидая гонений со стороны архиеп. Антония, предсказанных еп. Нектарием, сплотилось вокруг смиреннейшего архим. Спиридона. Когда о. Герман пожаловался ему на притеснения, чинимые Владыкой Антонием, кроткий старец написал (22-го марта 1983 года):

«В мире будете иметь скорбь», — говорит Христос (Ин. 16:33). И нам надобно убедиться в истинности этих слов. А я, грешный, скажу даже, что лишения приятны. Велико милостивое и всеведущее Провидение Божие. Слава Богу за всё! Благословенна узкая тропа. Так с Божьей помощью вступим же на неё. Потому мы и христиане. Потому, Батюшка Игумен, тебе и продолжать славное дело преп. Германа Аляскинского! Великое дело, но и ответственное! Господь вверил Вам православных американцев. Велика честь, но такова и ответственность. И за ними, этими американцами, вся Россия, откуда, по пророчествам великого Чудотворца Кронштадтского, придет спасение. Сколь милостив к вам Бог, посылая такие труды. Посему — идите вперед и вперед узкой тропой и к славной цели!

И не обращайте внимания на надутых самовлюбленных «индюков». Пускай себе распускают хвосты да шипят. Напугают они лишь подобных себе — глупцов, держащихся лишь внешнего — «буквы». Нам же важнее суть — Дух...

А вот выдержка из другого письма от 3-го августа 1983 года:

Блаженный отец Серафим предстоит пред Господом. Сгорела церковь... Ну, что сказать? Повторю слова великого иерарха Иоанна Златоуста: «Слава Богу за всё!»

Непреходяща только вечность, в миру же всё тленно. Так давайте среди тлена вознесем истовую молитву отцу Серафиму...

А касательно «индюков»... Что ж, пусть пыжатся. Нас это не запугает. Нашим сердцам роднее голубиная кротость: она и вдохновляет и указывает путь ко спасению.

Как трогательно дружил блаженный Иоанн с голубкой!

Да благословит Вас всемилостивейший Господь!

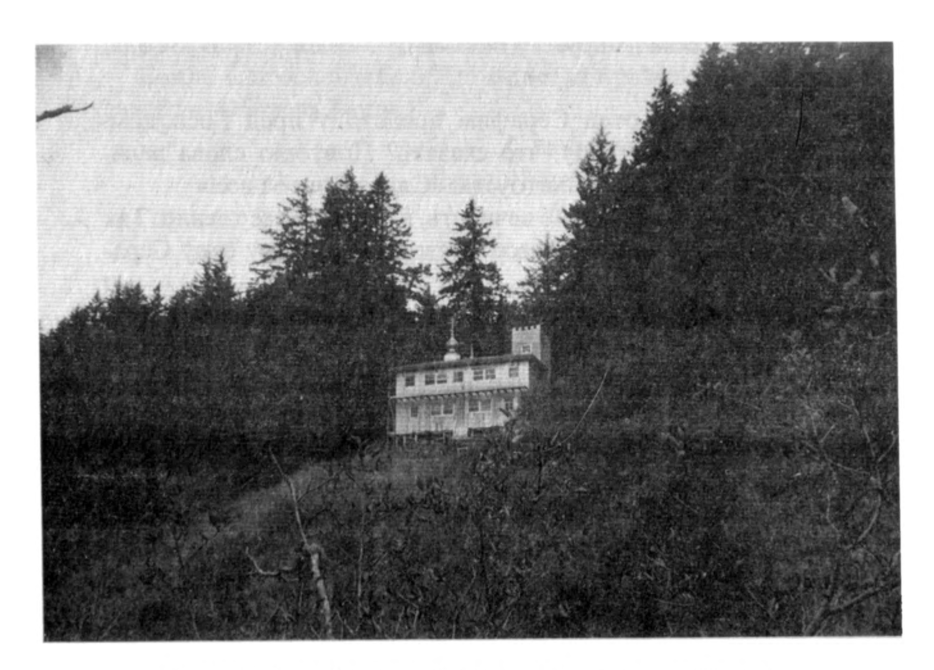
С любовью,
Архимандрит Спиридон[2].

Этот смиренный монах упокоился в 1984 году в «сочельник» памятного дня кончины о. Серафима, и как тут не вспомнить его слова о. Серафиму: «Мы связаны воедино архиеп. Иоанном».

За год до смерти он помог Братству исполнить завещание о. Герасима, «чтоб не затухала монашеская лампада на Еловом острове». Как известно, на Пасху 1983 года с благословения о. Серафима и митроп. Филарета ездил туда о. Герман. На могиле преп. Германа он молился, дабы всё Братство перебралось на Еловый остров. Тем же годом на Успение (годовщину переезда Братства в Платину) молитва его исполнилась: семеро из братии (половина монастыря) ступили на святую землю Елового острова. Несказанных трудов стоило им закрепиться на новом месте, но коль скоро трудились они по благословению — Бог помогал. Всё сладилось: удалось купить землю и построить монастырь.

В это время о. Герман получил от матери деньги за дом, который некогда купил ей, и как раз такую сумму требовалось заплатить за землю.

Отец Герман пишет: «Мне хотелось получить совет и благословение о. Спиридона на покупку земли. Но тревожить его не хотелось: он тяжело болел, уже не вставал, видно, жить ему оставалось недолго. Я не стал писать, звонить, а поехал сам, сознавая, что ему сейчас не до гостей. Захватил икону св. архангела Михаила (в день его памяти мы нашли землю), думал: повешу на стену на виду у о. Спиридона, пускай лежит молится, испрашивает, покупать ли нам землю или нет.

Аляска, Еловый остров. Михаило-Архангельский скит
Ново-Валаамского монастыря. 1991 г.

Приехал, меня проводили к нему в комнату. Он лежал в кровати. Не успел я подойти и встать на колени для благословения, как он вскинул руку и отчетливо произнес: «Покупайте землю на Аляске и перебирайтесь туда!»

Я ушам своим не верил. Откуда он узнал про землю, про мои сомнения? Я никому ничего не рассказывал.

Собрав последние силы, старец приподнялся на подушках: «Слышите! Покупайте землю и поезжайте на Аляску!» Как благодарил я Бога, что послал мне мудрого советчика, прозорливца.

Отец Спиридон подозвал меня, благословил, дал иконку Новомучеников Российских, повторил не совсем понятные мне слова о предназначении Братства в связи с возрождением России. И незачем было давать ему икону св. архангела Михаила. Я и так сподобился получить ответ на свои вопросы. Однако я всё же оставил ее у о. Спиридона и попросил его святых молитв. Уверен, что благословение Божие на Аляскинский монастырь мы получили благодаря о. Спиридону.

Свято-Германовское Братство в 1988 году у новой монастырской церкви.

Недолго пробыл я с ним: силы покидали его, я же всё более вдохновлялся — теперь наше время и наше право подвизаться на острове преп. Германа! Со слезами на глазах о. Спиридон благословил меня, и я тихо вышел. То было мое прощание с кротким старцем.

В тот же день я отправил задаток за землю на Еловом острове. И вскоре точно форт Росс в дебрях современного язычества вырос на Аляске наш монашеский оплот Православия во славу Божию, как говаривал о. Спиридон, «чтоб нести Православие во все концы вселенной»[3].

Итак, перед Братством встала новая задача, которую о. Спиридон изложил «не вполне понятными словами» на смертном одре. Еще до кончины о. Серафима, в 1982 году он писал братии: «Да утвердятся калифорнийцы в Православии, чтобы перенесясь через океан, вместе с русскими, возродившимися духовно, потрудиться во славу возрождения Святой Руси, что пойдет на пользу и Америке». Теперь слова эти уже не кажутся непонятными: на Аляске вырос форпост Православия, журнал «Русский Паломник» читают миллионы людей в России — слово Запада перенеслось через океан на Восток. В июле 1992 года, ровно через 10 лет после того, как о. Спиридон написал эти строки, представители Братства побывали в России и создали там миссионерский пункт. Прибыли они в Россию в день поминовения св. равноапостольного князя Владимира, просветителя России. С Божьей помощью и по молитвам небесных предстоятелей: иеромонаха Серафима, епископа Нектария и архимандрита Спиридона Братство развернуло свою работу и в России — на земле, подарившей Америке Православие.

107

Другое селение

Когда же приближались дни взятия Его от мира, Он восхотел идти в Иерусалим; и послал вестников пред лицем своим; и они пошли и вошли в село самарянское, чтобы приготовить для Него; но Его там не приняли, потому что Он имел вид путешествующего в Иерусалим. Видя то, ученики Его, Иаков и Иоанн, сказали: Господи! хочешь ли, скажем, чтобы огонь сошел с неба и истребил их, как и Илия сделал? Но Он, обратившись к ним, запретил им и сказал: не знаете, какого вы духа; ибо Сын человеческий пришел не погублять души человеческие, а спасать. И пошли в другое селение.

Лк. 9:51-56.

Уже говорилось, что в конце жизни о. Серафим окончательно потерял всякую надежду на церковные организации и «программы», уповая лишь на внезапное, спонтанное приобщение душ полноте Истины. На разных поприщах трудился он, пребывая на земле, дабы дать людям возможность такого приобщения. Теперь перед его духовным взором открывались иные поприща — небесные, невидимые в жизни земной, таящие невероятно большие возможности, и он мог приводить людей к Истине уже невидимым, непознаваемым путем.

В конце жизни о. Серафим стал получать журнал «Цветы сыновние», издаваемый Обществом христиан «новой эры» под названием «Святой орден MANS» (акроним греческих слов mysterion, agape, nous, sophia). Журнал печатался тщательно и с любовью, в статьях проявлялся интерес к тайноведческой стороне христианства. Общество это было одним из сотен, увлекавшихся «мистическим познанием Бога» (в

60-70-е годы их расплодилось предостаточно), но привлекло о. Серафима их подлинно христианское отношение к жизни, они осознавали скорый конец света. Эту группу (превышающую числом три тысячи) создал ныне покойный о. Павел Блайтон специально для того, чтобы утолять духовную жажду людей в последние времена.

В 1972 году о. Алексий Янг встретил нескольких членов ордена в усыпальнице архиеп. Иоанна за молитвой. В статье для «Никодима» он похвально отозвался об их ответственном отношении к вере, преданности Христу, сожалея, что такие славные люди находятся вне Православной Церкви. Отец Серафим не продолжил тогда знакомства с группой, перед ним стояли другие задачи — они казались важнее, он так и умер, не встретившись ни с кем из ордена. Тем временем члены ордена настойчиво искали путь ко Христу, и ищущий да обрящет!

Глава ордена пастор Андрей Росси в ту пору проходил путем того же духовного поиска, что и о. Серафим в 60-е годы. От предшественника ему осталась паства — почти две тысячи человек, треть из них дала обеты послушания и нестяжания. Принимая Христа за основание жизни, а причастие полагая вершиной духовности, общество вместе с тем следовало ложным учениям о перевоплощении души, об «озарении» как пути богопознания, и т. п., короче, оно шло по стопам сторонников «новой эры» — учения, ложность которого раскрывал о. Серафим в своих книгах. К 1983 году Андрей уже расстался со многими былыми взглядами (из-за чего некоторые покинули орден), однако твердого, основополагающего учения так и не нашел. Если орден вознамерился твердо держаться основ христианства, то каким должно быть учение? Орден нарочито поставил себя вне рамок церковных «организаций», кои по мнению его главы выхолостили Христово учение, лишившись его откровения, силы и присутствия. По словам основателя общества, отца Павла Блайтона: «Сегодняшние Церкви вроде холодильников: в них люди не портятся, но и лучше не становятся».

Андрей, более склонный к учености, нежели его предшественник, перечитал кипы книг в поисках полноты Истины. Как и о. Серафима, его поначалу поразили работы Рене Генона — от него Андрей почерпнул важность традиций, верность правому учению. Он попросил Филиппа Толберта, редактора нового журнала «Epiphany», подыскать ему материалы о Православии. Случилось так, что уже несколько лет Общество в обмен на свои «Цветы сыновние» получало «Православное Слово». Филипп Толберт дал Андрею все имевшиеся у него номера журнала, начиная с самых старых. Того сразу же привлекли статьи о. Серафима, и он решил познакомиться с автором. Дойдя до последнего (самого свежего) номера, он, к своей печали, обнаружил,

что о. Серафим уже год как скончался. Шли дни, месяцы, а мысли об о. Серафиме всё не покидали Андрея. Странно, думал он, доселе ничьи работы его так глубоко не трогали. Позже он вспоминал: «Отец Серафим словно притягивал, манил, не давал покоя, покуда я не приобщусь окончательно православного христианства». Андрей молил Бога не о том, чтобы его группу «официально» признали православной существующие Церкви, а о том, чтобы привести людей к живой традиции православного христианства. Он хотел не внешнего, обмирщенного Православия, а сути его, тех высот, к которым зовут живые традиции святых прошлого. Вот что увидел он в работах о. Серафима — он почуял «аромат Православия». И решил связаться с теми, кто продолжал дело о. Серафима.

А БРАТСТВО тем временем вступало в самый тяжелый год своей истории, тяжелее, чем незабвенный 1976 — год «оставленности». Сбылись предсказания еп. Нектария и о «просторной уютной церкви», и о преследовании Братства. Нет больше еп. Нектария, о. Серафима, на смертном одре архим. Спиридон — пора «смирить» о. Германа, решили в церковных кругах. Исполнять «приговор» выпало архиеп. Антонию. С Аляски о. Германа телеграммой вызвали к Владыке. И «допрос» возобновился как встарь: снова в лицо о. Германа бил яркий свет, а архиеп. Антоний из тьмы обвинял его в причастности к… коммунизму(!), потому что он, будучи в Лондоне, принял благословение от иерарха Московской Патриархии, митрополита Сурожского Антония (Блума). Отец Герман пытался было ответить, но архиеп. Антоний перебил его, сказав, что не интересуется его мнением.

В последующие месяцы попытки сокрушить о. Германа усилились — выдерживать натиск ему приходилось в одиночку. «Будь жив отец, не уничтожь его коммунисты — он бы за меня вступился!» — думал о. Герман. Его же «начальство», архиеп. Антоний, вместо отеческой заботы являл жестокость и враждебность. Новые обвинения, воздвигнутые на о. Германа, были весьма несостоятельны. Архиепископ понимал это и сам же открыто надсмехался над их мелочностью, однако использовал их, чтобы окончательно подчинить о. Германа. «Я знаю, что ты невиновен, — сказал он и в этот момент по нечаянности положил правую руку на престол — и тем невольно засвидетельствовал истину пред Богом, — но так надо. Неужели ты не понимаешь? Это тебе же на пользу!» — увещевал он и ясно показывал, что ждет беспрекословного повиновения, иначе о. Герман ему просто не нужен. Он

так и заявил: «Ты просто не имеешь права существовать так, как сейчас. Я закрою ваше дело моим указом».

Такие слова бьют больно, особенно русского, и без того обремененного неуверенностью и сомнениями. У о. Германа мелькнула отчаянная мысль: «Если это христианство, если это православие — то я не хочу быть к этому причастен!» Он уже готов был бросить всё, убежать, посвятить жизнь искусству, как его знаменитые дядья.

Ночью он плакал в келье о. Серафима, от страха и безнадежности, глубоко зароненными в душу архиеп. Антонием. Он вспоминает: «Помолившись, я обратился к о. Серафиму, схватил подол рясы, висевшей на стене, зарылся лицом. «Неужто это конец наших трудов?» — вопрошал я о. Серафима. Вдруг подумалось: а загляну-ка я в книжечку Нового Завета, его о. Серафим получил ко дню конфирмации 14-летним подростком. Взмолившись о. Серафиму, я наугад открыл книгу. В глаза сразу бросилось имя пророка Илии, и я прочитал следующее: «...Сын человеческий пришел не погублять души, а спасать. И пошли в другое селение» (Лк. 9:56).

Я поразился: брат мой не оставляет меня. И понял, что должен вынести все страдания, выстоять в Платине до конца, ибо понадоблюсь людям «в другом селении».

Вскоре о. Германа вызвали в Сан-Франциско на последний допрос в резиденции архиеп. Антония. Он вышел после допроса с чувством, что больше не нужен церковному начальству. Что ж, может, и к лучшему. На крыльце собора он увидел Андрея — тот дожидался как раз его. «Вы не помните меня?» — спросил он. Ранее они с о. Германом уже встречались и уговорились побеседовать и пообедать именно в этот день. Отец Герман не знал еще, что Андрей возглавляет орден, хотя и догадывался, что тот связан с какой-то группой богоискателей.

Андрей предложил о. Герману выбрать ресторан. Тому хотелось как можно скорее забыть о церковных делах, и он попросил:

— Отведите меня в какое-нибудь артистическое кафе!

— Что ж, я знаю такое место, — кивнул Андрей и привез о. Германа в маленький уютный ресторан, где готовили вегетарианские, «постные» блюда (шел Великий пост). «Истинно «христианский» ресторан», — подумал о. Герман. У входа сидела девушка в униформе как у стюардессы. Завидя случайно зашедшего оборванца, она не отогнала его, а приветливо пригласила войти. Подозвала высокого молодого человека в форме пастора, с крестом на груди, тот заботливо усадил бродягу, принес еду. Далее о. Герман приметил еще одного «пастора», тоже с крестом, он убирал тарелки. Оглядевшись, о. Герман сказал:

— У вас тут, похоже, бывают богоискатели разных толков. Поместить бы иконку в уголке, да часовню, где помолиться можно, устроить.

— Пойдемте, я Вам кое-что покажу, — и Андрей повел гостя по длинному, похожему на больничный, коридору. Открыл дверь в просторную, с высокими потолками библиотеку, и о. Герман сразу приметил «Православное Слово» и иные издания Братства. Большая застекленная дверь вела в следующую комнату — через стеклянный потолок лился яркий солнечный свет. Там была домашняя церковь. К своему изумлению, о. Герман на стене увидел икону Христа. «Так вот, значит, где они молятся!» — догадался о. Герман.

— И Вы, очевидно, бываете здесь. Часто ли? А как Вы молитесь?

Андрей подошел к алтарю, воздел руки и принялся вслух истово молиться о том, чтобы Господь свел их с о. Германом в молитвенном союзе. Слова шли из глубины души, и о. Герман увидел, сколь глубоко этот человек прочувствовал христианство. Удивительно открыть такое в англиканском или протестантском пасторе. Отец Герман подхватил конец молитвы: «Аминь!» Андрей подошел к нему и признался, что очень бы хотел принять Православие, но он отвечает за многочисленную паству, а потому не свободен. Сказал, что под его началом в ордене много братий и сестер и что он в ответе за это Братство полумонашеского толка. Спросил, нужно ли ему сразу креститься и принимать Православие, бросив всех, или подождать, пока к этому же решению придут и другие, вся его паства целиком.

Отец Герман вспоминает: «Он взял меня за руки и попросил ответить тотчас же, предстоя перед Господом. Я вложил в ответ всю душу, всю боль после дьявольского бичевания, которому подвергся только что в отместку за годы нашего с о. Серафимом беззаветного служения Богу. Я чувствовал: о. Серафим рядом, слышит меня. Я сказал:

— Брат мой! Ты выбрал удачнейшую минуту для своего вопроса. Сейчас момент истины, и я поведаю ее тебе: не принимай Православия, покуда не готовы твои подопечные. Иначе церковные иерархи съедят тебя с потрохами, разрушат всё созданное твоим трудом, выхолостят дух братского единодушия, прикрываясь высокими словами о послушании, смирении и прочем. Сами они — бесплодные смоковницы и апостольского духа не стяжают. Они лишь способны погасить и ваш огонек веры «во имя Православия». Оставайтесь пока сами по себе, набирайтесь сил, дабы стать самостоятельными тружениками Православия.

Он вздохнул, перекрестился, потом спросил:

— Так ли я перекрестился?

И мы перекрестились вместе.

Потом Андрей показал мне дом. Назывался он «Рафаилов дом» в честь св. архангела Рафаила и принимал под свой кров бедствующие семьи. Находился он в ведении братии ордена. Он мне очень напомнил братство малоросских христиан: своим уставом, обычаями, школами (одна из них стала впоследствии Киевской Богословской Академией, первой крупной богословской школой в России).

Он провел меня по комнатам, где играли дети, показал кухню, рабочие кабинеты, познакомил с 90-летней основательницей приюта, госпожой Эллой Ригни. Мы немного побеседовали. Во время разговора она подошла к окну и, указав на лужайку перед соседним домом, сказала, что они все молятся о покупке этого дома вместе с лужайкой для будущего расширенного приюта — «Рафаилово *селение*». Я был поражен! Как скоро сбылось то, о чём я прочитал в Новом Завете в келье о. Серафима — меня буквально привели в «другое селение»!

Потом Андрей отвез меня в «аббатство», где я застал братию и сестер за общей трапезой. После того, как я побывал у них в церкви, они попросили меня рассказать о себе. Чувствуя себя среди «своих», я нарисовал им пастырский образ о. Адриана, известного апостольскими трудами, — и печать взаимной навеки любви с моими слушателями скрепила наши сердца».

Отец Герман много ездил по всей стране, выступал с лекциями, прочитал весь курс «Богословской Академии Нового Валаама», стараясь передать людям дух живой традиции, унаследованной от еп. Нектария и других наставников. Сопровождавшие о. Германа видели в его беседах и выступлениях яркое проявление благодати Божией, необъяснимое и чудесное. Отец Герман вспоминает: «Мне казалось, я знаком с этими людьми всю жизнь — все они были мне дорогими, почти родными». И постоянно он ощущал незримое присутствие о. Серафима.

Общество оказалось весьма восприимчивым к Православию, видело в нем подлинное мистическое христианство, к коему так долго и трудно шли во тьме неведения. Конечно, трудно было ожидать сиюминутного перехода в Православие такой большой группы. Предстояло еще немало борьбы и поиска. Надо было их катехизировать на их уровне, чтобы дух оптинский и валаамский проник в их сердца.

В Светлую седмицу 1984 года один из священников ордена, пастор Нафанаил, навестил монастырь преп. Германа. День выдался хо-

лодный, туманный. После службы Нафанаил пошел на могилу о. Серафима. На душе было неспокойно: что-то новое, волнующее вошло в жизнь, но пока непонятное — до сути не докопаться. Красота и глубина Православия очаровала его и утолила духовную жажду, но придет ли к тому же вся община? Будучи одним из лидеров Братства, он, конечно, постарался разузнать, что же уготовано его пастве, и вскоре постиг как внешнюю сторону, так и внутреннюю Божественную суть Православной Церкви. Он обнаружил, что, к примеру, только в Америке Православие расколото более чем на 50 (!) различных «юрисдикций», каждая группировка со своими претензиями, каждая — как удельное княжество. Среди православных он узрел то, о чём некогда горевал о. Серафим и что старался преодолеть — стремление к внешнему «правильному» уставничеству в ущерб живой традиции истинного христианства. Если орден приобщится Православия, не случится ли с ними того же, не увлекутся ли они буквой, утеряв Дух и благодать Божию, сопутствовавшую им доселе — таким вопросом задавался Нафанаил.

Братия и сестры под его началом отказались от мирских радостей, дали почти монашеские обеты. Единство их было возросло и укрепилось в совместной духовной борьбе. Они посвятили жизнь служению Господу, несли слово Божие прохожим, кормили неимущих, давали кров бедствующим семьям. Многие разъехались по другим городам лишь с несколькими долларами в кармане. Отец Павел сумел донести до них, сколь близок конец света и сколь важна и неотложна их работа. Они начинали и заканчивали день молитвой, причащались каждое утро.

Нафанаил знал, многое в жизни ордена изменится, приобщись они глубины Православия, собственно, перемены уже начались. Однако он боялся менять всё резко: как бы не разрушить то, что кропотливо создавалось годами. Кто из нынешних «отцов» Церкви способен понять и оценить стремление их общества к апостольской деятельности, если в церковных кругах ею откровенно пренебрегают? И кто услышит их слабый голос — напоминание о конце света, о неотмирности, если вокруг (в том числе и в Православной Церкви) царит дух обмирщенности? Но ордену так или иначе придется вступить в церковную организацию, чтобы стяжать церковную благодать живых апостольских традиций. В Церкви же они непременно столкнутся с распрями и интригами, придется принять чью-то сторону, чего им совсем не хотелось. Вступив в ту или иную «юрисдикцию», чьи руководители пекутся о своем престиже, ордену придется принять чужие «общепринятые» правила. Но Нафанаил знал, что его паства, как и

Братство преп. Германа — далеко не заурядные общины, и всякое «усреднение», «уравнение» лишь порушит их, превратит в очередную группировку, которая добивается «признания».

С такими смешанными чувствами пришел Нафанаил к могиле о. Серафима за помощью. Он чувствовал, что до сих пор о. Серафим вел их к Православию. Теперь требовалось указать дальнейший путь. Молитва Нафанаила, истовая и отчаянная, была порождена болезнованием сердца. Вдруг на душе воцарился чудесный покой. И он услышал в сердце своем, словно о. Серафим говорил с ним: «Читай Деяния апостолов!» Не поверив себе, Нафанаил замер. «Десятую главу», — услышал он отчетливо.

Нафанаил не мог сразу же припомнить, о чём говорилось в десятой главе. Перечитав ее позже, понял, в чём дело: рассказывалось там о крещении сотника Корнилия, «благочестивого и богобоязненного, со всем домом своим творившего много милостыни народу и всегда молившегося Богу». Поскольку он происходил из римской знати, непосредственной связи с Церковью у него не было, и некоторые обычаи шли вразрез с обычаями христиан (в ту пору державшихся иудейских ограничений в пище). Бог, направляя сотника ко спасению, послал ему Ангела, возвестившего: «Корнилий! молитвы твои и милостыни твои пришли на память перед Богом». Было видение и св. апостолу Петру, он пришел к Корнилию и его близким и сказал: «Вы знаете, иудею возбранено сообщаться или сближаться с иноплеменниками. Но мне Бог открыл, чтобы я не почитал ни одного человека скверным или нечистым… Истинно познаю, что Бог нелицемерен, но во всяком народе боящийся Его и поступающий по правде приятен Ему».

Услышав слова апостола Петра и поверив им, Корнилий стяжал Святого Духа. Различия меж ним и христианами не помешали ни спасению души, ни исповеданию христианской веры. Сказал ему и его друзьям апостол Петр: «Кто может запретить креститься водой тем, которые, как и мы, получили Святого Духа?» И велел им креститься.

Прочитав эти строки, Нафанаил понял, что его орден находится в том же положении, что и Корнилий. За искренние молитвы и милостыни Бог призвал их и указал путь к Православию, к Своей Церкви, дабы они приобщились всего, что Господь принес на землю. И обстоятельства, отличающие жизнь ордена от обычной жизни Православной Церкви в Америке, не мешают принять Православие, как Корнилию не помешали его различия с иудеями.

Итак, на трудный вопрос Нафанаила о. Серафим дал краткий, но исчерпывающий ответ. Четыре года спустя, после тщательной подготовки все члены ордена приняли Православие, встав под «спа-

сительную ограду» Православной Церкви, как говаривал некогда о. Серафим. «Кто может запретить креститься водою?» Отец Герман с благословения епископа Марка Ладожского* крестил 650 человек. Сегодня орден, переименованный в Братство Христа Спасителя, находит всё новые и новые творческие пути своему апостольскому рвению, проповедует Евангелие Христово с православных позиций. В духе архиеп. Иоанна, также предвидевшего скорый конец света, миссионерство Братства приобрело независимые черты, каждый его член не боится брать на себя ответственность за свои действия и не прячется за «церковные структуры». По всей Америке, Канаде и другим странам открываются независимые миссионерские центры, книжные магазины. Многие члены бывшего ордена выбрали тернистый путь монашества в монастыре преп. Германа и других обителях.

Пастор Андрей Росси, открывший для ордена Православие, говорит, что чудо это произошло по молитвам о. Серафима: «Я верю, что о. Серафим с небес увидел наши борения и поиск. Со стороны мы, может быть, и казались странными, но он видел, что у нас на душе, что мы не так уж плохи. И пришел на помощь».

ПОКА что это самый яркий пример того, как о. Серафим своим предстоянием перед Богом помогает готовить Церковь последних времен, Церковь богобоязненных борцов за Православие. Но коль скоро его небесная помощь оказалась столь значимой в Америке, может, и в иных странах, особенно в России, он помог не меньше?

В 1988 году весь орден принял Православие — в том же году Русь отметила 1000-летие Христианства. Для страждущей Русской Церкви это совпало с началом новой деятельности и долгожданной свободы. Отец Герман говорил: «Славные дни настали для Православия. Наше Братство еще не ведало столь плодотворной поры». Он получал кипы трогательных писем от верующих из России — они высоко оценивали труды о. Серафима в годы страданий. Итак, о. Серафим дал своему сотаиннику не только многочисленную паству (Братство Христа Спасителя), но и еще одно «другое селение» — Россию.

Бок о бок с о. Серафимом в новой возрождающейся России подвизается бесчисленное множество смиренных, богобоязненных, дол-

---

* Владыка Марк Ладожский некогда был келейником валаамского игумена Харитона. Будучи епископом Московской Патриархии, он служил в течение 30-ти лет в Никольском соборе Сан-Франциско. Скончался в Финляндии 22-го января 1989 года.

готерпеливых страдальцев, которые, хоть и без гроша за душой, работают Христа ради, отдавая себя в жертву, не помышляя о признании или награде. Это те самые труженики Христовы, что сокрыты от мира сего, разлагающегося и загнивающего, но именно они и составляют то, что мы называем «Святая Русь». Они — надежда России, не в смысле материального расцвета, но надежда на духовное освобождение и спасение в предстоящей жатве душ.

Несомненно, наблюдая с небес в ту пору за ростками свободы в России, о. Серафим радовался и молился, дабы «осколки и обломки» былой веры (по выражению старца Анатолия Оптинского) сложились воедино, и святая Русь снова бы предстала перед миром во всей своей духовной красе и сказала бы последнее покаянное слово от всего белого света перед грядущим Господом. Уже при жизни о. Серафим предчувствовал эту радость. Отец Герман вспоминает:

«Утром на службу в церковь пришел о. Серафим и рассказал чудесный сон. На склоне холма, на лугу стоит почитаемый им Владыка Аверкий, перед ним толпа людей, о. Серафим — среди них. Архиеп. Аверкий улыбчив, так и сияет. Одет в ослепительно белое, равно и все вокруг (в том числе и дьякон, и сам о. Серафим, стоящий чуть ниже по склону). Идет какая-то торжественная служба. Дьякон вот-вот должен возгласить прокимен, но почему-то молчит, словно забыл слова. Отец Серафим хочет подсказать, вопрошающе смотрит на Владыку Аверкия. И тот дает знак, дабы о. Серафим говорил.

«*Да воскреснет Бог и расточатся врази его! Да восстанет Россия! Аллилуйя!*» — громко произносит о. Серафим, и слова его подхватывает величественный хор. Пение накатывается волнами со всех сторон, всё громче, всё мощнее. Владыка Аверкий довольно улыбается и начинает медленно восходить, кадя по сторонам. И слушая многоголосый хор, о. Серафим понимает, что невиданное торжество это — по случаю Воскрешения России»[1].

Эпилог

Катакомбная сеть

Ибо слово Божие живо и действенно и острее всякого меча обоюдоострого оно проникает до разделения души и духа, составов и мозгов и судит помышления и намерения сердечные.

Евр. 4:12.

Истинный пророк тот, кто умеет склонить дух человеческий к раскаянию. Он отбрасывает всё внешнее, все костыли и подпорки человека, показывая, что ни одна из них не поможет на Страшном Суде, когда обнажатся тайны сердца. Голос пророка напоминает, что нужно непрестанно вести невидимую брань за спасение против страстей и «духов злобы поднебесной», которые в час смерти будут стараться уловить душу человека. Пророк прямо указывает единственный путь в Рай — через Голгофу, через Крест, обагренный кровью Христа.

Как и Господь наш, Иисус Христос, пророк сострадает страждущему и кающемуся грешнику, но неумолим к самодовольному и самоугодливому фарисею. Голос пророческий услышит лишь тот, кто осознает, что погибает, увидит всю тяжесть своих грехов. И глухи останутся самодостаточные в своей «праведности», опирающиеся на костыли мира сего.

«У нас красивые церкви, прекрасные богослужения, но это ли повод для довольства? — спрашивал о. Серафим верующих. — Мы еще чего доброго даже похваляемся тем, что соблюдаем посты, отмечаем церковные праздники, что подаем милостыню нищим и исправно платим церковную десятину, что у нас «хорошие» иконы и все на службе поют. Мы наслаждаемся высоким святоотеческим учением и богословскими рассуждениями, а в сердцах у нас нет простоты Христовой и истинного сострадания страждущим. И тогда вера наша

обращается в удобную религию, и духовного плода она не принесет, в отличие от веры тех, кто пренебрег мирскими удобствами и глубоко страдает в борении за Христа!»[1]

В НАЧАЛЕ книги мы указали, сколь велико значение о. Серафима (Роуза) в современном Православии, в конце же хочется указать и на то, что ценим и значим о. Серафим исключительно для страждущего Православия. Иное — «удобное», с мерками «успеха» мирского, «правильно-уставническое» — осталось к нему равнодушно. По мнению его представителей, о. Серафим где-то на периферии церковной жизни, а сами они — в ее центре, где вершатся важные дела. Если даже они и удосужились прочитать его работы, то его пророческий глас показался им «излишне резким» и в явном диссонансе с их собственным.

Недавно один из известных европейских православных иерархов отправился в Россию с дипломатической миссией. Когда на встрече с верующими спросили его мнение об о. Серафиме, он ответил: «В основном отрицательное». Как изумился он, узнав, что совершил оплошность, непозволительную тонкому политику, — его авторитет сразу упал в глазах верующих. Человек, рассказавший нам этот случай, объяснил потом Владыке, что в России любят о. Серафима.

Другой же иерарх, архиеп. Виталий, очень хотел видеть в России «христианство без Креста», опирающееся на любимую догму «искупления». Теперь он возглавляет Русскую Зарубежную Церковь и многое в ней изменил. Но пока он не изменит своего «праведного» осуждения тех, чьих страданий он не испытывал, он привлечет к себе лишь «сверхправильных», а их вера никогда не воспламенит сердца людей.

Верующим, изведавшим Крест при коммунистах, особенно близок и понятен Иисус Христос, так же безвинно принявший страдания. Потому и любят они о. Серафима — он несет им истинное христианство с Крестом. Отверженный миром, он стал проводником «неорганизованного» движения простых верующих, которое он назвал «катакомбные ячейки».

Страждущее Православие сплотило этих людей, а не пышные приемы, не конференции и банкеты в роскошных ресторанах. Люди эти узнают друг друга сразу, равно сразу отличают они голос истинного пророка. Паства знает пастыря своего. Родственный дух почуяли они в о. Серафиме, страдавшем, как и они, за Истину. Единство этих людей не вмещается в рамки «юрисдикций». Как отмечал о. Серафим, в грядущих катакомбных ячейках страждущим православным будет не до споров о «юрисдикциях».

«Катакомбная сеть» охватывает не только Православную Церковь. Еще в 50-х годах архим. Константин писал в статье «Перед лицом антихриста» об истинно верующих во Христа, независимо от принадлежности к той или иной Церкви, об их сплочении в последние времена. Это катакомбное братство христиан будет противостоять «полному перерождению всех Церквей (даже Православной), угодному антихристу, сегодняшнему экуменизму (ложно понимаемому единению Церквей), до последнего дня будет сплачивать верующих в истинную Церковь Христову, истинное страждущее Православие. Отец Константин указывал: «То будет сопричастие Христа, рожденное наново, на новой почве, при всё возрастающем противодействии. Характерное для последних времен явление это привлечет много сторонников, но много и противников — антихрист начнет действовать столь сокрушительно, что, как сказал Сам Господь, Он не замедлит вмешаться, дабы остановить зло.

Всё это проявится лишь во времена антихриста, однако и в наши дни можно прозреть, как тянутся друг к другу те, кто хотел бы остаться верным Христу. Так, экуменизму антихриста противостоит иное объединение — духовное родство верующих во Христа из разных Церквей, разных учений, даже далеких от полноты Истины. Будь то исполин католической Церкви или крошечные христианские общины на задворках христианства, если в недрах их зарождается протест против экуменизма антихриста в защиту истинного христианства — они найдут понимание и поддержку верующих, несмотря на разную степень их близости к Православию...»

Все те, кто в своих церковных группах отважится остаться со Христом, отделится и от антихриста. И не говорит ли сближение верующих о том, что они готовы встать на защиту полноты Православия? И не видны ли в этом слова Христа о пастве, сплотившейся вокруг Пастыря?..

Во времена кромешного безбожия очень важно определить православную точку зрения: все суть православные, если являют верность истинному христианству хотя в малой степени, доступной учению их церкви. С православных же спрос больше — они должны перед лицом антихриста сплотить паству вокруг Пастыря»[2].

Что же касательно остального, нехристианского мира? Если христианские Церкви и впрямь идут к «полному перерождению, угодному антихристу, то что же говорить о других религиях! И весь

нынешний прогресс и упование на всесилие человека не в состоянии остановить процесс, очевидный даже для тех, кто тщится его не замечать: душевное омертвение людей, отчуждение от ближнего своего.

В конце XIX века св. Нил Афонский удивительно точно предрек, каким будет мир столетие спустя, то бишь в наше время: «Людей будет не узнать. Когда приблизится эра антихриста, разум людской будет помрачен грехами плотскими: всё больше они будут преступать закон и благочестие. Мир тоже изменится до неузнаваемости, даже внешность людей: мужчин нельзя будет отличить от женщин из-за бесстыдства в одежде и прическах. Люди огрубеют, ожесточатся, одичают, сделаются как звери искушениями антихриста. Перестанут уважать родителей и стариков, исчезнет любовь... Изменятся и христианские обычаи и поведение. Скромность и целомудрие забудутся. Возобладают плотские страсти и удовольствия. Обман и стяжательство достигнут небывалого уровня... Блуд, прелюбодеяние, мужеложество, хитрость, воровство и убийства воцарятся в мире. Церковь Божия лишится богобоязненных пастырей»[3].

В 1981 году о. Серафим на лекции о конце света охарактеризовал такую жизнь как *беззаконие*: «Окинем взглядом век XX и убедимся, что полнее всего его характеризуют беззаконие и анархия...

В области морали особенно заметно, как за последние 20 лет беззаконие сделалось нормой, как многие люди, облеченные властью церковной (из так называемого либерального лагеря) и светской, с готовностью оправдывают то, что ранее считалось аморальным...

Читая лекцию в Гарвардском университете, Александр Солженицын обратил внимание на случай трехлетней давности, когда в Нью-Йорке на три часа отключили электричество. И вот, в центре вашей культуры, говорил писатель, толпы американцев стали чинить погромы и грабежи. Это при том, что электричества не было всего лишь несколько часов. Тонок, однако, слой нравственности и законопослушания. Неустойчиво и нездорово такое общество. Да, такие случаи хорошо показывают «нутро» людей, ибо нормы приличия забываются разом, как только происходит нечто из ряда вон выходящее. 40 лет назад в Нью-Йорке тоже отключили свет, но никаких происшествий не было: люди помогали друг другу, зажигали свечи. Сегодня они бьют витрины, грабят магазины, убивают и рады всякой добыче. Что-то нарушилось в сознании людей за это время*.

---

* Новым подтверждением могут служить беспорядки в Лос-Анжелесе в 1992 году.

Все эти знамения суть тайна беззакония, по апостолу Павлу (2 Фес. 2:7). Это действительно тайна, мир иной лишь приоткрывается нам. Тайна праведности в том, что воплощенный Бог снизошел на землю — спасти нас, тайна беззакония — противовес этому, она приходит из ада, всё сокрушает, изменяет и готовит мир к приходу „беззаконника"».

В СЕРЕДИНЕ нашего века философ Рене Генон уже подметил эту тенденцию, определив ее как результат центробежных сил истории и целей сатаны, назвав «работой разрушения и распада».

И в этой вакханалии нигилизма естественно желание людей вернуться к мудрым традициям старины. Но и тут их ждут западни — легко угодить в сети «псевдотрадиционализма», о чём тоже предупреждал Генон: об опасных тропах религиозности, где чувственное и умозрительное восприятие подменяет духовное. Те, кто избежит этой ловушки (как о. Андрей и его Братство Христа Спасителя), придут, как и сам Рене Генон, к истинным истокам традиций. Там и обнаружат, сколь несостоятельна современность, сколь многочисленны обманы последних времен. Но куда идти дальше? Генон лишь представил истинно метафизическое мировоззрение, он и не замышлял представить своими взглядами религию, которой можно отдать жизнь.

Некоторые полагают, что логическую завершенность взгляды Генона получили в работах Фритьофа Шуона, кто (несмотря на поздние расхождения с учителем), казалось бы, расставил все точки над «i», и создал новую систему взглядов с «непробиваемой» логикой.

В своем духовном поиске Андрей Росси не раз пытался лично встретиться с Шуоном, но философ отказался. Позже Андрей и в этом усмотрел Божий Промысел. Приняв Православие, он увидел, что «шуонова» система «всемирного единства религий» хорошо приспособила все учения, кроме христианства. Полностью оно не укладывалось в прокрустово ложе шуоновой системы.

Отец Серафим объяснил это тем, что православное христианство «единственное передает духовную мудрость давних веков». Оно — Божия Истина ныне, присно и во веки веков, оно сразу приобщает нас Богу, чем не могут похвастать другие религиозные направления. И в них содержатся истины, как дошедшие из глубины веков, когда человек был ближе к Богу, так и те, которые талантливые люди открыли чисто умозрительно. Но полная Истина содержится лишь в Христианстве — Божием откровении Самого Себя человечеству.

Логическую завершенность взглядов Генона Андрей нашел у о. Серафима: тот тоже начинал с геноновой критики процессов современности, но затем пошел глубже и стяжал *полноту* Истины. Один из братий Андрея по ордену заметил: «Духовные истоки о. Серафима, похоже, от Генона, но в вопросах христианского анализа судеб мира и человечества он гораздо более точен и детален, нежели его предшественник».

Генон признавал, что на Западе «лишь христианство… более или менее полно сохранило дух традиций»[4]. К сожалению, он мало что знал о восточном христианстве. Основываясь на том, что он знал о современном христианстве, главным образом протестантстве и католичестве, он писал в 1942 году: «Вообще, есть ли у Запада хоть один краеугольный принцип, в котором бы полностью сохранился дух традиции»[5].

Но и сегодня, полвека спустя, такой богоискатель, как Генон, располагает наиболее обширными сведениями о ранее малодоступных истоках восточного христианства. Для о. Серафима, как и для «живых связующих звеньев» святоотечества, упомянутых в книге, именно восточное христианство и является тем «краеугольным принципом», который искал Генон. Оно послужит основой «катакомбным ячейкам», которым суждено противостоять «человеку беззакония» — антихристу.

В СОВРЕМЕННОМ мире среди христиан, и даже среди православных, сатана, добиваясь своей цели, сеет разрушение и распад, соблазняет души перед своим окончательным и неизбежным поражением.

И посреди всеобщего распада вдруг раздаются голоса, призывающие к видимому, чисто внешнему единству. У масонов оно издавна называется «новым мировым порядком». Отец Серафим, как мы помним, назвал это «царством человеческим» или «царством самости».

Да, единство на земле будет достигнуто в имитации Царства Божия. Но что составит основу такого единства? Достоевский говорил, что когда нация, или мораль, или религия изживают себя, в панике и страхе люди бросаются «объединяться», единственно для того, спасти свою шкуру. Другой цели у мирского единства нет[6].

Злаки уже отделяют от плевел, агнцев от козлищ. И разделяет их ответ на вопрос: что же человеку угоднее, спасти свою шкуру или спасти душу? Что ему ближе — Царство Божие или царство самости, вечность или жизнь преходящая?

Линия раздела проходит незримо через сердца людей наших последних дней, и слова о. Серафима — не обманчивое мирское утешение,

а огненный меч, вонзенный в душу. Меч Истины Господа нашего Иисуса Христа, Который сказал: «Аз есмь Путь, Истина и Жизнь».

Так пусть взгляды о. Серафима послужат краеугольным принципом, приводящим души на ниву Христову, и да соберет Он злаки в закрома «катакомбных ячеек». Все, кто придет на их скромные собрания, вправе отнести и к себе пророческие слова о. Сергия Мечёва, обращенные к страждущей пастве: «Сердце ваше привело вас не туда, где блистало великолепие службы, где звучали изысканные мелодии, где раздавались искусные проповеди. В маленький убогий храм вошел в свое время каждый из вас, в нем почувствовал правду святоотеческого пути... С каким самоотвержением отдали вы свою молодость, свои зрелые годы, свои старческие силы на устроение храмов жизни покаянной семьи нашей.

Иными путями повел Жених Невесту Свою — Церковь, Сам испивший чашу смерти, Он и ей предлагает очистительные крестные муки»[7]

Смертью своей на Голгофе Иисус Христос указал нам единственный «выход», единственное искупление «разложения и распада» нашего времени. Он предлагает: «Приходи, последуй за мною, взяв Крест» (Мк. 10:21). И мы должны следовать Его путем, путем страждущего Православия, если хотим стяжать Его Царствие, что *не от мира сего*. И пусть прибавит нам мужества память об одном из нас, сыне сегодняшней Америки — он уже прошел этим путем.

·Отче Серафиме, моли Бога о нас!

Примечания

Предисловие

1. Reader James Barfield. "Fr. Seraphim Rose and the Resurrection of Holy Russia Today" *Fr. Seraphim Rose Foundation Newsletter*, Winter, 1992-3, p. 1.

ЧАСТЬ I

Глава 1. Истоки

1. Из «Электры» Эврипида.

Глава 2. Зачатки бунта

1. Ved Mehta, *The Stolen Light*. New York, 1989, p. 157.
2. Из расшифровки серии лекций о. Серафима по Западной философии (1974).
3. *The Portable Nietzsche*. New York, 1968, pp. 217, 219.

Глава 3. «Белые вороны»

1. Ved Mehta. *The Stolen Light*, pp. 141-142.

Глава 4. В поисках сущего

1. Fr. Seraphim Rose. *God's Revelation to the Human Heart*. St. Herman of Alaska Brotherhood, Platina, California, 1987, p. 13. Русский пер. см.: Серафим (Роуз), иером. Божие откровение человеческому сердцу. М., 1994, с. 9.
2. Alan Watts. *Behold the Spirit: A Study in the Necessity of Mystical Religion*. New York, 1947, pp. 29, 15.
3. См. Monica Furlong. *Zen Effects: The Life of Alan Watts*. Boston, 1986.
4. "Satori, Less Thinking, Keys to Zen Buddhism, Watts Says" *Pomona College Student Life*, Nov. 20, 1953, p. 2.

Глава 5. Под маской

1. *Poems of Gerard Manley Hopkins*. New York and London, 1948, p. 107.
2. Жизнеописание Фрэнка Капра см.: The Orthodox Word. Platina, California, 1987, No. 137, pp. 371-394.
3. Ved Mehta. *The Stolen Light*, p. 125.
4. Там же, с. 383.

Глава 6. От Бога не скрыться

1. St. Augustine. *The Confessions of St. Augustine*. New York, 1961, p. 79.
2. Clyde S. Kilby. *The Christian World of C. S. Lewis*. Grand Rapids, Michigan, 1964, p. 19.
3. Ответ на вопрос студента во время лекции об Апокалипсисе в Калифорнийском университете Санта-Круз. (1981).
4. Достоевский Ф. М. Бесы. Ч. 2, гл. 1, абзац 5.

Глава 7. «Прощай, о бренный мир!»

1. St. Augustine. *The Confessions*, p. 56.
2. Этим описанием мы обязаны неопубликованной работе игум. Германа "The Dulcimer Is the Heart"
3. Достоевский Ф. М. Бесы. Ч. 3, гл. 6, абзац 2.

Глава 8. Привкус ада

1. St. Augustine. *The Confessions,* pp. 25, 35.
2. Alan Watts. *In My Own Way: An Autobiography, 1915–1965.* New York, 1972, pp. 286, 315, 318.
3. David Stuart. *Alan Watts.* Radnor, Pennsylvania, 1976, p. 148.
4. Alan Watts. *In My Own Way,* p. 284.
5. Там же, с. 326.
6. Friedrich Nietzsche. *Thus Spoke Zarathustra.* New York, 1917, p. 18.
7. St. Augustine. *The Confessions,* p. 36.

Глава 9. Истина превыше всего

1. Из беседы о. Серафима о культуре Китая. 1979 или 1980 г.
2. St. Augustine. *The Confessions,* p. 39.
3. Eugene Rose. "Christian Realism and Worldly Idealism". *The Orthodox Word,* 1986, No. 128, p. 133.
4. René Guénon. *Crisis of the Modern World.* London, 1975, p. 11.
5. René Guénon. *The Reign of Quantity and the Signs of the Times.* London, 1953, p. 8.
6. Там же, с. 331.
7. René Guénon. *Crisis of the Modern World,* pp. 58-59.

Глава 10. Два наставника

1. David Stuart. *Alan Watts,* pp. vii-viii.
2. Там же, с. 236.
3. Из расшифровки серии лекций о. Серафима по Западной философии (1974).
4. Gi-ming Shien. "Being and Nothingness in Greek and Ancient Chinese Philosophy". *Philosophy East and West.* July, 1951. Vol. 1, No. 2, pp. 17, 19.
5. Там же, с. 16-17.
6. Alan Watts. *In My Own Way,* pp. 391-392.
7. Gi-ming Shien. "Sabiduría tradicional y filosofía revolucionaria en la China". *Notas y Estudios de Filosofía.* Julio-Diciembre, 1951. Vol. 2, Nos. 7-8, p. 327.

Глава 11. Сколько рек на пути

1. Bishop Nikolai Velimirovich. *The Prologue from Ochrid,* Part 1. Birmingham, England, p. 251.
2. Eldridge Cleaver. *Soul On Ice.* New York, 1968, pp. 31-39.
3. Frithjof Schuon. *The Transcendent Unity of Religions,* 1953, p. 25.
4. Там же, с. 29.
5. Там же, с. 25, 31.

Глава 12. В тупике

1. Max Picard. *The Flight from God.* Chicago, Illinois, 1951, p. 170.
2. St. Augustine. *The Confessions,* p. 94.
3. Alan Watts. *In My Own Way,* p. 320.
4. Ann Charters, ed. *The Portable Beat Reader.* New York, 1992, p. xxix.
5. Alan Watts. *In My Own Way,* p. 399.
6. Там же, с. 407.
7. Fr. Seraphim Rose. *God's Revelation to the Human Heart,* pp. 13-14. Рус. пер. см.: Божие откровение человеческому сердцу, с. 9-10.

Глава 13. Воплощенная истина

1. Fr. Seraphim Rose. *God's Revelation to the Human Heart,* pp. 37-38. Рус. пер. см.: Божие откровение человеческому сердцу, с. 33-34.
2. Eugene Rose. "An Answer to Ivan Karamazov." *The Orthodox Word,* 1985, No. 120, pp. 31-33.
3. Исх. 3:14. Archimandrite Sophrony. *His Life Is Mine.* Crestwood, New York, 1977, p. 116.
4. Ин. 14:6.

5. St. Augustine. *The Confessions,* p. 107.
6. См. Archimandrite Kallistos Ware. *The Orthodox Way.* Crestwood, New York, 1979, pp. 19-20.
7. Fr. Seraphim Rose. *God's Revelation to the Human Heart,* pp. 25, 22. Рус. пер. см.: Божие откровение человеческому сердцу, с. 17, 19-20.
8. Robin Waterfield. *René Guénon and the Future of the West.* Britain, 1987, pp. 48-49.
9. Там же, с. 57.
10. Eugene Rose. "An Answer to Ivan Karamazov", p. 33.

ЧАСТЬ II

Глава 14. Прощай

1. Поэма монаха Дамаскина (Христенсена) «Безмолвие» (1984).
2. Деян. 9:5.

Глава 15. Истина или мода?

1. Edward Schafer. "Peter A. Boodberg, 1903–1974" *Journal of the American Oriental Society,* 1974, Vol. 94, No. 1, p. 1.
2. Из рукописи книги Евгения Роуза «Царство человеческое и Царство Божие», гл. 7 о нигилизме.
3. Edward Shafer. "Peter A. Boodberg, 1903-1974", p. 7.

Глава 16. Влияния ранней поры

1. Из дневника Евгения Роуза. 3-го июля 1961.

Глава 17. Конец мира неизбежен

1. Thomas Mann. *The Magic Mountain.* New York, 1927, p. 356.
2. Eugene Rose. "Christian Realism and Worldly Idealism", p. 133.

Глава 18. Путь философа

1. Eugene Rose. "The Love of Truth" *The Orthodox Word,* 1984, No. 177, pp. 163-164, 185-186.

Глава 20. Царство человеческое и Царство Божие

1. Friedrich Nietzsche. *The Will to Power,* Vol. 1. *The Complete Works of Friedrich Nietzsche.* New York, 1909, Vol. 14, p. 6.
2. Цитируется по кн.: E. H. Carr. *Michael Bakunin,* p. 440.
3. Цитируется по кн.: Hermann Rauschning. *The Voice of Destruction.* New York, 1940, p. 5.

Глава 21. Перелом

1. См. *The Orthodox Word,* 1982, No. 106, pp. 200-217, и *Epiphany,* Vol. 8, No. 3, pp. 42-55.
2. Thomas Mann. *The Magic Mountain,* p. 32.
3. T. S. Eliot. *The Complete Poems and Plays, 1909-1950.* New York, 1962, p. 110.

ЧАСТЬ III

Глава 23. Будущий брат

1. Цитируя статью Джона Басбона Саула (1851).
2. Православная жизнь.
3. R. Monk Gerasim Eliel. *Father Gerasim of New Valaam.* Platina, California, 1989, p. 51.
4. Поселянинъ Е. Русскіе подвижники 19-го и 20-го вѣка. СПб., 1910, с. 290.

Глава 27. Чудотворец последних времен

1. Fr. Seraphim Rose and Abbot Herman. *Blessed John the Wonderworker.* Platina, California, 1987. Рус. пер. см..

Блаженный Иоанн Чудотворец. М.: «Русский паломник», 1993.

2. Fr. Seraphim Rose. *Heavenly Realm.* Platina, California, 1984, pp. 14-15.

3. Из предисловия к кн.: Archbishop John Maximovitch. *The Orthodox Veneration of the Mother of God.* Platina, California, 1978.

Глава 28. Живые звенья святости

1. Abbot Herman and Brotherhood. "Father Spyridon: *Sotainnik* of Blessed John". *The Orthodox Word,* 1988, No. 141, p. 200.

Глава 29. О звездах и музыке

1. См. Archbishop John Maximovitch. "Metropolitan Anastassy". *The Orthodox Word,* 1965, No. 4, pp. 135-140.

2. Abbot Herman. "The Dulcimer Is the Heart".

Глава 30. Святой под судом

1. St. Gregory the Great. *Be Friends of God: Spiritual Readings from Gregory the Great.* Cambridge, Massachusetts, 1990, p. 117.

2. Письмо о. Серафима о. Никите Паласису от 14-го нояб. 1971 г.

3. Доклад архиеп. Иоанна Высокопреосвященному председателю митрополиту Анастасию и преосвященным членам Архиерейского Собора Русской Зарубежной Церкви. 23-го июля 1963 г.

4. Warren Hinckle. "Orthodox Ouster Fight: Archbishop's Angry Orphans". *San Francisco Chronicle,* May 2, 1963, p. 4.

5. Donald Carter. "Uproar in a Church". *San Francisco News Call Bulletin,* April 29, 1963, p. 32.

6. Superior Court of the City and County of San Francisco, Case #532856. Affidavit No. 2 in Opposition to Plaintiff's Application for Preliminary Injunction.

7. Доклад архиеп. Иоанна, с. 5.

8. Там же, с. 6.

9. Письмо о. Серафима Нине Секо от 10-го сент. 1963 г.

10. См. кн.: Блаженный Иоанн Чудотворец. М., 1993, с. 163-165.

11. Доклад архиеп. Иоанна, с. 11-13.

12. Memorandum of Points and Authorities in Opposition to Plaintiffs' Motion to Set Aside Judgment, October 2, 1964.

13. Письмо о. Серафима Нине Секо от 10-го сент. 1963 г.

Глава 31. Томас Мертон, хилиазм и «новое христианство»

1. Eugene Rose. "Pope Paul VI in New York". *The Orthodox Word,* 1965, No. 5, pp. 188-190.

2. См. Eugene Rose. "Christian Realism and Worldly Idealism", pp. 142-159.

3. Thomas Merton. *Seeds of Destruction.* New York, 1964, pp. 120-121.

4. Monica Furlong. *Merton: A Biography.* San Francisco, 1980, pp. 252-253.

5. Там же, с. 299.

6. Thomas Merton. *The Asian Journal of Thomas Merton.* New York, 1975, p. 82.

7. Там же, с. 315.

ЧАСТЬ IV

Глава 36. Богословское обучение

1. Fr. Seraphim Rose. *Heavenly Realm,* p. 57.

Глава 37. Книжная лавка

1. Abbot Herman and Brotherhood. "Father Spyridon", pp. 218-219.

Глава 40. Американская душа

1. Fr. Seraphim Rose. *Heavenly Realm,* p. 28.

Глава 41. Апостольское вѝдение архиепископа Иоанна

1. Fr. Seraphim Rose and Abbot Herman. *Blessed John the Wonderworker*, p. 58. Рус. пер. см.: Блаженный Иоанн Чудотворец, с. 40-41.

2. "Bishop John of Saint-Denis (Eugraph Kovalevsky), 1905-1970". *Western Orthodox Sentinel*, 1985, Nos. 1-3.

3. Vincent Bourne. "Là où est l'évêque". *Présence Orthodoxe*, 1986, No. 71, p. 28.

4. "Archbishop John Maximovitch of San Francisco and the Orthodox Church of France". Paris: Institut orthodoxe français de Paris Saint-Denis, 1989, pp. 9-10.

5. Vincent Bourne. "Là où est l'évêque", p. 32.

6. "Bishop John of Saint-Denis." *Western Orthodox Sentinel*, 1985, Nos. 2-3, p. 14.

7. См. "Blessed John in the Netherlands: His Veneration by the Dutch Orthodox Church Today". In *Blessed John the Wonderworker*, pp. 155-169. Рус. пер. см.: Блаженный Иоанн в Нидерландах. В кн.: Блаженный Иоанн Чудотворец, с. 102-111.

8. *The Orthodox Word*, 1965, No. 1, p. 1.

9. Концевичъ И. М. Оптина пустынь и ея время. Holy Trinity Monastery, Jordanville, New York, 1970.

Глава 42. Успение святого

1. Abbot Herman and Brotherhood. "Father Spyridon", p. 222.

Глава 44. Перед решающим шагом

1. Письмо о. Серафима о. Пантелеимону от 21-го мая 1971 г.

Глава 47. Исход из мира

1. Из поэмы "Ode on Solitude" Александра Поупа.

ЧАСТЬ V

Глава 48. На диком Западе

1. Theodora Kroeber. *Ishi in Two Worlds: A Biography of the Last Wild Indian in North America*. Berkeley, California, 1961, p. 238.

Глава 49. На дальних рубежах

1. Владимир Дерюгин, свящ. Иеромонах Серафим: Уход праведника. Greenview, California, 1983, p. 13.

2. Письмо о. Серафима о. Никите Паласису от 26-го июля 1970 г.

Глава 50. По стопам преподобного Паисия

1. Schemamonk Metrophanes. *Blessed Paisius Velichkovsky*. Platina, California, 1976, p. 13.

2. Житіе и писанія молдавскаго старца Паисія Величковскаго. М., 1892, с. 365.

3. Schemamonk Metrophanes, *Blessed Paisius Velichkovsky*. Platina, California, 1976, pp. 63-64.

4. Там же, с. 142.

5. Житіе и писанія молдавскаго старца Паисія Величковскаго, с. 39-40.

6. Там же, с. 231-232.

Глава 51. Природа

1. R. Monk Gerasim Eliel. *Father Gerasim of New Valaam*, p. 62.

Глава 52. Ревнители Православия

1. Archbishop Athenagoras Kokkinakis. *The Thyateira Confession*. Britain, 1975, p. 68.

2. Письмо о. Серафима о. Михаилу Азколу от 12-го сент. 1970 г.

3. Письмо о. Серафима о. Никите Паласису от 26-го июля 1970 г.

4. Письмо о. Серафима о. Давиду Блэку от 12-го июля 1970 г.

5. Письмо о. Серафима Даниэлу Олсону. Благовещение. 1971 г.

6. Письмо о. Серафима Алексею Янгу от 3-го марта 1975 г.

Глава 53. Апогей Братства

1. См. *Little Russian Philokalia,* Vol. 3. Platina, California, 1989, pp. 17-44.

2. «Весенние воды» Ф. И. Тютчева (1830).

3. "Service to our Holy and God-bearing Father, Saint Herman, Wonderworker of Alaska". *The Orthodox Word,* 1970, No. 31.

4. Gleb Podmoshensky. "A Second Pascha in the Midst of Summer". *The Orthodox Word,* 1970, Nos. 33-34, p. 168.

5. Там же, с. 180.

Глава 54. Постриг

1. I. M. Andreyev, *Russia's Catacomb Saints.* Platina, California, 1982, p. 258.

2. Ѳеофанъ Затворникъ, епископъ. Напоминаніе всечестнымъ инокинямъ. М., 1908, с. 49.

3. Письмо о. Серафима о. Пантелеимону от 17-го янв. 1971 г.

4. Там же.

5. Письмо о. Серафима еп. Лавру от 25-го марта 1971 г.

6. Письмо о. Серафима о. Пантелеимону от 17-го янв. 1971г.

7. Там же.

8. Письмо о. Серафима Димитрию от 26-го авг. 1971 г.

9. Письмо о. Серафима о. Пантелеимону от 17-го янв. 1971 г.

Глава 55. Послушание во пагубу

1. Saint Gregory of Nazianzus. *Three Poems.* The Fathers of the Church, Vol. 75. Washington D.C., 1987, p. 50.

2. Письмо о. Серафима о. Пантелеимону от 17-го янв. 1971 г.

3. Письмо о. Серафима Лаврентию Кемпбеллу от 10-го янв. 1971 г.

4. Письмо о. Серафима о. Пантелеимону от 17-го янв. 1971 г.

5. Там же.

6. Там же.

7. Письмо о. Серафима Лаврентию Кемпбеллу от 10-го янв. 1971 г.

8. Письмо о. Серафима о. Пантелеимону от 17-го янв. 1971 г.

9. Там же.

10. Письмо о. Серафима о. Пантелеимону от 20-го июля 1971 г.

11. Преподобнаго Іоанна Кассіана Римлянина Писанія. Свято-Троицкая Лавра. 1892, 1993, с. 142.

12. Письмо о. Серафима Димитрию от 26-го авг. 1971 г.

13. Письмо о. Серафима о. Пантелеимону от 17-го янв. 1971 г.

14. Там же.

15. Там же.

16. Концевичъ И. М. Оптина пустынь и ея время, с. 11.

17. Письмо о. Серафима о. Пантелеимону от 17-го янв. 1971 г.

18. Письмо о. Серафима еп. Лавру от 25-го марта 1971 г.

19. Письмо о. Серафима о. Пантелеимону от 26-го марта 1971 г.

20. Письма о. Серафима о. Пантелеимону от 21-го мая и от 25-го марта 1971 г.

21. Письмо о. Серафима о. Пантелеимону от 20-го июля 1971 г.

22. Письмо о. Серафима еп. Лавру от 25-го марта 1971 г.

23. Письмо о. Серафима о. Пантелеимону от 17-го янв. 1971 г.

24. Письмо о. Серафима о. Пантелеимону от 26-го марта 1971 г.

25. Письмо о. Серафима о. Пантелеимону от 17-го янв. 1971 г.

26. Письмо о. Серафима о. Пантелеимону от 26-го марта 1971 г.

27. Письмо о. Серафима еп. Лавру от 25-го марта 1971 г.

28. Письмо о. Серафима о. Пантелеимону от 26-го марта 1971 г.

29. Письмо о. Серафима еп. Лавру от 25-го марта 1971 г.

30. Письмо о. Серафима Нине Секо от 17-го марта 1973 г.

31. Письмо о. Серафима Елене Юрьевне Концевич от 6-го апр. 1971 г.

32. Виталий, архиеп. Мотивы моей жизни. Jordanville, New York, 1943, с. 1.

33. Письмо о. Серафима о. Пантелеимону от 26-го марта 1971 г.

Глава 56. Перемирие

1. Письмо о. Серафима Лаврентию Кемпбеллу от 23-го авг. (память св. архидиак. Лаврентия) 1971 г.

2. Письмо о. Серафима Димитрию от 26-го авг. 1971 г.

3. Письмо о. Серафима о. Пантелеимону от 21-го мая 1971 г.

4. Цитируется по письму о. Серафима Лаврентию Кемпбеллу от 23-го авг. 1971 г.

5. Письмо о. Серафима о. Пантелеимону от 20-го июля 1971 г.

6. Там же.

7. Письмо о. Серафима о. Никите Паласису от 25-го июня 1972 г.

8. Там же.

Глава 57. Чтобы искра не угасла

1. Ѳеофанъ Затворникъ, епископъ. Напоминаніе всечестнымъ инокинямъ, с. 49.

2. Письмо о. Серафима о. Валерию Лукьянову от 14-го февр. 1975 г.

3. Письмо о. Серафима Димитрию от 26-го авг. 1971 г.

4. Fr. Seraphim Rose. "In Step with Saints Patrick and Gregory of Tours". *The Orthodox Word,* 1987, No. 136, pp. 274, 287. Расшифровка беседы о. Серафима (1977).

ЧАСТЬ VI

Глава 58. Блаженный сотаинник Владыки Иоанна

1. Abbot Herman and Brotherhood. "Father Spyridon", pp. 197-198.

2. Там же, с. 238.

3. Там же, с. 198-199.

Глава 59. Рай в пустыни

1. Преподобнаго отца нашего Іоанна, игумена Синайской горы, Лѣствица. Свято-Троицкая Лавра, 1908. Слово 4:78, с. 88.

2. Творенія иже во святыхъ отца нашего аввы Исаака Сиріянина. Слова подвижническія. М., 1893. Слово 48, с. 215-216.

3. Житіе и подвиги схимонаха Зосимы. Platina, California, 1977, с. 75, 91-92.

4. Преподобнаго отца нашего Макарія Египетскаго Духовныя бесѣды, посланія и слова. Свято-Троицкая Лавра, 1904, 1994. Бесѣда 19, с. 165-166.

5. Письмо о. Серафима Алексею Янгу от 25-го марта 1979 г.

6. Добротолюбіе. Въ рус. пер., доп. Т. 1. М., 1895, с. 69.

7. См. "A Note on Reincarnation." In Fr. Seraphim Rose, *The Soul After Death.* Platina, California, 1980, p. 129.

8. Fr. Seraphim Rose. "The Desert Dwellers of the Jura". *The Orthodox Word,* 1977, No. 74, pp. 114-115. См. *Vita Patrum* by St. Gregory of Tours. Platina, California, 1988, pp. 123-124.

9. Gleb Podmoshensky. "Pilgrimage to Holy Places in America: Canadian Sketes". *The Orthodox Word,* 1967-1968, Nos. 16-19.

10. Fr. Seraphim Rose. "In Step with Saints Patrick and Gregory of Tours", pp. 287-288.

Глава 60. Святоотеческая мудрость

1. Игнатій (Брянчаниновъ), еп. Сочиненія. Томъ 1. СПб., 1865, с. 560.

2. Fr. Seraphim Rose, "The Holy Fathers of Orthodox Spirituality: Introduction, I: The Inspiration and Sure Guide to True Christianity Today". *The Orthodox Word,* 1974, No. 58, p. 188.

3. Fr. Seraphim Rose. "In Step With Saints Patrick and Gregory of Tours", pp. 272-273, 290.

4. Там же, с. 289.

5. Fr, Seraphim Rose. "Raising the Mind, Warming the Heart". *The Orthodox Word,* 1986, No. 126, pp. 29-31.

6. Fr. Seraphim Rose. "The Holy Fathers, I", p. 195.

7. Fr. Seraphim Rose. "Raising the Mind, Warming the Heart", p. 32.

8. Fr. Seraphim Rose. "The Holy Fathers of Orthodox Spirituality: Introduction, II: How to Read the Holy Fathers". *The Orthodox Word,* 1975, No. 60, pp. 38, 40.

9. Fr. Seraphim Rose. "The Holy Fathers of Orthodox Spirituality: Introduction, III: How *Not* to Read the Holy Fathers". *The Orthodox Word,* 1975, No. 65, p. 234.

10. Fr. Seraphim Rose. *God's Revelation to the Human Heart,* p. 38.

11. Добротолюбіе. Въ рус. пер., доп. Т. 1. М., 1895, с. 550.

12. Fr. Seraphim Rose. "The Holy Fathers, III", p. 239.

13. Fr. Seraphim Rose. "The Holy Fathers, I", p. 195.

Глава 61. Обновленчество

1. Добротолюбіе. Въ рус. пер., доп. Т. 5. М., 1900, с. 51-52.

2. Fr. Seraphim Rose. "The Holy Fathers, III", pp. 234-236.

3. Fr. Seraphim Rose. "Our Living Links with the Holy Fathers: Archpriest Nicholas Deputatov", *The Orthodox Word,* 1976, No. 69, p. 100.

4. René Guénon. *Introduction to the Study of Hindu Doctrines.* London, 1945, p. 195.

5. Александр Шмеман, прот. Введение в литургическое богословие. Париж, 1961, с. 23.

6. Там же, с. 107.

7. Михаил Помазанский, прот. Экуменика на фоне православной литургики. // Православный путь. Jordanville, New York. 1962, с. 121.

8. Александр Шмеман, прот. Введение в литургическое богословие, с. 240.

9. Там же.

10. Там же.

11. Михаил Помазанский, прот. Экуменика на фоне православной литургики, с. 120-121.

12. Там же.

13. Fr. Seraphim Rose. "The Typicon of the Orthodox Church's Divine Services: Inspiration of True Orthodox Piety" (Introduction), *The Orthodox Word,* 1973, No. 53, p. 224.

14. Fr. Seraphim Rose. "Towards the 'Eighth Ecumenical Council'", *The Orthodox Word,* 1976, No. 71, pp. 190-191.

15. Fr. Seraphim Rose. "The Holy Fathers, III", p. 235.

16. Fr. Seraphim Rose. "Our Living Links with the Holy Fathers: Archbishop Averky of Jordanville". *The Orthodox Word,* 1975, No. 62, p. 95.

17. Archbishop Averky. "What Is Orthodoxy?" *Orthodox Life.* Jordanville, New York. May-June, 1976, p. 1.

18. Alexander Schmemann. *Church, World, Mission.* Crestwood, New York, 1979, pp. 10-11.

19. См. Alexander Schmemann, *The Eucharist.* Crestwood, New York, 1987, pp. 231-232.

20. Fr. Seraphim Rose. "The Typicon", p. 225.

21. *The Northern Thebaid.* Platina, California, 1975, pp. xi-xii.

22. Fr. Seraphim Rose. *Heavenly Realm,* p. 10.

Глава 62. Пустынь на задворках

1. Добротолюбіе. Въ рус. пер., доп. Т. 5, с. 101.

2. Преподобнаго отца нашего Макарія Египетскаго, Духовныя бесѣды, Бесѣда 5, с. 40.

3. *The Northern Thebaid,* pp. 281-282.

4. Письмо о. Серафима Алексею Янгу от 14-го окт. 1971 г.

5. Fr. Seraphim Rose. "Our Living Links with the Holy Fathers: Archbishop Andrew of New Diveyevo". *The Orthodox Word,* 1975, No. 63, p. 136. См. также: Андрей, архиеп. (Ново-Дивеево) *The Restoration of the Orthodox Way of Life.* Platina, California, 1976.

6. Письмо о. Серафима д-ру Каломиросу от 13-го февр. 1976 г.

7. Fr. Seraphim Rose. "The Typicon of the Orthodox Church's Divine Services. Chapter One: The Orthodox Christian and the Church Situation Today". *The Orthodox Word,* 1974, No. 54, p. 25-26.

8. Письмо о. Серафима Алексею Янгу. Вторник Фоминой сед. 1971 г.

9. Письмо о. Серафима Алексею Янгу от 11-го июня 1973 г.

10. Письмо о. Серафима Алексею Янгу от 30-го июля 1975 г.

11. Письмо о. Серафима д-ру Каломиросу от 13-го февр. 1976 г.

12. Fr. Seraphim Rose. "Archbishop Andrew of New Diveyevo". *The Orthodox Word,* 1975, No. 63, p. 136-137.

Глава 63. Взрывоопасная догма

1. Письмо о. Серафима о. Никите Паласису. Воскресенье Всех Святых. 1972 г.

2. Михаил Помазанский, прот. Православное догматическое богословие. / Прилож. иером. Серафима (Роуза) «Новое толкование догмата искупления». Platina, California, 1992, с. 282.

3. Там же, с. 279.

4. Святитель Серафим (Соболев). Жизнеописание и сочинения. М., St. Herman of Alaska Brotherhood Press. Platina, California, 1992, с. 37.

5. Письмо о. Серафима д-ру Каломиросу от 8-го сент. 1975 г.

6. Там же.

7. Письмо о. Серафима о. Никите Паласису. Воскресенье Всех святых. 1972 г.

8. Серафим (Роуз), иером. Новое толкование догмата искупления. См. прилож. к кн. прот. Михаила Помазанского «Православное догматическое богословие», с. 282

9. Metropolitan Anthony Khrapovitsky. *The Dogma of Redemption.* Montreal, 1979, pp. xiii-xiv.

Глава 64. Обновленчество справа

1. René Guénon. *Crisis of the Modern World,* p. 18.

2. Леонидъ (Кавелинъ), іером. Сказаніе о жизни и подвигахъ блаженныя памяти старца Оптиной пустыни Іеросхимонаха Макарія. М., 1861, также Platina (California), 1975, с. 25.

3. Письмо о. Серафима о. Никите Паласису. Вербное воскресенье. 1973 г.

4. Письмо о. Серафима о. Роману Лукьянову от 14-го ноября 1979 г. Многие цитаты о. Серафима для гл. 64 взяты из этого 9-страничного письма.

5. Письмо о. Серафима д-ру Каломиросу от 8-го сент. 1975 г.

6. Письмо о. Серафима Ване Дэнзу от 14-го апр. 1981 г.

7. Письмо о. Серафима о. Иллариону (впоследствии епископу) от 3-го окт. 1979 г.

8. Письмо о. Серафима о. Никите Паласису от 1-го сент. 1973 г.

9. Schemamonk Metrophanes. *Blessed Paisius Velichkovsky,* p. 288.

10. Письмо о. Серафима Алексею Янгу от 15-го окт. 1975 г.

11. Письмо о. Серафима Николаю от 30-го марта 1976 г.

12. Письмо о. Серафима о. Иоаннникию от 17-го июля 1973 г.

13. Письмо о. Серафима Алексею Янгу от 10-го февр. 1976 г.

14. Письмо о. Серафима Алексею Янгу от 15-го окт. 1975 г.

15. Письмо о. Серафима Алексею Янгу. Троица. 1976 г.

16. Письмо о. Серафима Даниэлу. Вознесенье. 1976 г.

17. Письмо о. Серафима Андрею Бонду от 4-го июня 1976 г.

Глава 65. Откуда мы родом

1. Иоанн Мейендорф, прот. Тейяр де Шарден. Предварительная заметка. // Вестник, 1970, № 95-96, с. 32.

2. Михаил Помазанский, прот. Беседы на Шестоднев св. Василия Великаго и беседы о днях творения отца Иоанна Кронштадскаго. // Православный путь. Jordanville, New York, 1958, с. 39, 41.

ЧАСТЬ VII

Глава 67. Новые братия

1. Письмо о. Серафима Томасу от 7-го нояб. 1975 г.

2. Житіе и писанія молдавскаго старца Паисія Величковскаго, с. 40.

3. Там же, с. 50.

4. Fr. Seraphim Rose. "Orthodox Monasticism in 5th and 6th Century Gaul". *The Orthodox Word,* 1977, No. 73, pp. 76-78. См. также: Св. *Vita Patrum* by St. Gregory of Tours, с. 96-98.

5. Fr. Seraphim Rose. "Orthodox Monasticism Today in the Light of Orthodox Monastic Gaul". *The Orthodox Word,* 1977, No. 74, pp. 144-145; и St. Gregory of Tours, *Vita Patrum,* pp. 157-158.

6. Преп. Іоанна Кассіана Римлянина Писанія, с. 95.

7. Преп. отца нашего аввы Дороѳея Душеполезныя поученія и посланія. Свято-Троицкая Лавра, 1900, с. 30.

Глава 68. Пустынь для американок

1. "The Life of St. Dorothy of Kashin and the Righteous Women of Holy Russia". In *The Northern Thebaid,* p. 210.

2. Письмо о. Серафима Нине Секо от 19 февр. 1974 г.

Глава 70. Православный уголок Америки

1. Схи-архимандрит Захария. // Надежда. Вып. 4, с. 169-170.

2. Сергѣй Нилусъ. На берегу Божіей рѣки. Ч. I. Свято-Троицкая Лавра, 1916, с. 245.

3. Fr. Seraphim Rose. "The Typicon of the Orthodox Church's Divine Services, Chapter One: The Orthodox Christian and the Church Situation Today", p. 24.

4. Там же, с. 26-27.

Глава 71. Новые американские паломники

1. Gleb Podmoshensky. "The Orthodox Holy Places of America: Orthodox Heaven Over America". *The Orthodox Word,* 1965, No. 6, pp. 210-211; и «Русскій паломникъ» (Valaam Society of America, Chico, California). 1991, № 4, с. 36-37.

2. Письма о. Серафима Нине Секо в Фомино воскресенье и Алексею Янгу во вторник Фоминой седмицы. 1976 г.

Глава 72. Курс православного выживания

1. Киреевскій И. В. Полное собраніе сочиненій. Т. 1, М., 1911, с. 216.

2. Там же, с. 189-190.

3. Там же, с. 226.

Глава 73. Тщедушие

1. Преподобнаго отца нашего Макарія Египетскаго, Духовныя бесѣды, Бесѣды 19 и 20, с. 166, 171.
2. Fr. Seraphim Rose. "In Step with Saints Patrick and Gregory of Tours", pp. 265-266.
3. Fr. Seraphim Rose. "Each One of Us Is Potentially a Judas". *The Orthodox Word,* 1986, No. 130, pp. 258-260.

ЧАСТЬ VIII

Часть 74. Уже позже, чем вы думаете

1. Fr. Seraphim Rose. "Orthodox Monasticism Today", p. 143; и St. Gregory of Tours, *Vita Patrum,* p. 156.
2. Письмо о. Серафима Алексею Янгу от 3-го февр. 1976 г.
3. Alexander Pope, "Moral Essays", Epis. III.

Глава 75. Страдалица Россия

1. I. M. Andreyev. *Russia's Catacomb Saints,* p. 524.
2. Там же, с. 15-16, 21.
3. See Fr. Seraphim Rose. "In Defense of Father Dimitry Dudko". *The Orthodox Word,* 1980, No. 92, p 122.
4. Там же, с. 117-120.
5. Там же, с. 122.
6. Письмо о. Серафима Алексею Янгу от 11-го авг. 1976 г.
7. Fr. Seraphim Rose. "Orthodox Bibliography: *The Gulag Archipelago*". *The Orthodox Word,* 1974, No. 56, pp. 119-121.
8. Fr. Seraphim Rose. "Orthodox Bibliography: *The Persecutor*". *The Orthodox Word,* 1973, No. 53, p. 245.
9. Fathers Herman and Seraphim. "The 50th Issue of *The Orthodox Word*". *The Orthodox Word,* 1973, No. 50, p. 90.
10. Fr. Seraphim Rose. "Is Holy Russia Alive Today?" *The Orthodox Word,* 1973, No. 50, p. 96.
11. Fr. Seraphim Rose, "The Future of Russia and the End of the World". *The Orthodox Word,* 1981, Nos. 100-101, pp. 210-211. Рус. пер. см.: Русскій паломникъ. 1990, № 2, с. 97-101.

Глава 76. Путь к возрождению Оптиной

1. Письмо о. Алексия Полуэктова Филарету, митроп. Нью-Йоркскому от 21-го янв. 1974 г.
2. Письмо о. Серафима Нине Секо от 19-го февр. 1974 г.
3. Там же.

Глава 77. Монастырские издания

1. Abbot Herman and Brotherhood. "Father Spyridon", pp. 237-238.
2. *The Northern Thebaid,* p. ix.
3. Там же, с. 274, 277.
4. Там же, с. 278, 281.
5. См. Archimandrite George of Grigoriou, Mount Athos. "The Northern Thebaid in Greek". *The Orthodox Word,* 1980, No. 95, pp. 256-261.
6. Schemamonk Metrophanes. *Blessed Paisius Velichkovsky,* pp. 277, 279.
7. Там же, с. 15-20.

Глава 78. Православие и религия будущего

1. Fr. Seraphim Rose. *Orthodoxy and the Religion of the Future,* 6th edition. Platina, California, 1990, p. 61.
2. Fr. Seraphim Rose. *God's Revelation to the Human Heart,* p. 42. Рус. пер. см.: Божие откровение человеческому сердцу, с. 39.
3. Fr. Seraphim Rose. *Orthodoxy and the Religion of the Future,* pp. 63-64.
4. Там же, с. 75.
5. Там же, с. 85.
6. Там же, с. 94.
7. Там же, с. 134.

8. Там же, с. 136.
9. Там же, с. 141-142.
10. Там же, с. 144-145.
11. Там же, с. 176-177.
12. Там же, с. 200-201.
13. Там же, с. 208-229.
14. Там же, с. 174-175.
15. Connecticut Citizens for Constitutional Education, Jan. 22, 1980.
16. Marilyn Ferguson. *The Aquarian Conspiracy.* Los Angeles, 1980, p. 369.
17. Constance E. Cumbey. *The Hidden Dangers of the Rainbow: The New Age Movement and Our Coming Age of Barbarism.* Shreveport, Louisiana, 1983, p. 157.
18. Deborah Corbett. "The Trouble with Truth: A Review of *The Illness That We Are: A Jungian Critique of Christianity* by John P. Dourley". *Epiphany Journal,* Spring, 1986, pp. 82-90.
19. Deborah Corbett. "The Jungian Challenge to Modern Christianity". *Epiphany Journal,* Summer, 1988, pp. 33-40.
20. David Spangler. *Reflections on the Christ.* Scotland, 1978, pp. 40, 44.
21. См. Tal Brooke. *When the World Will Be As One.* Eugene, Oregon, 1989, p. 176.
22. Rear Admiral Chester Ward. *Review of the News,* April 9, 1980, pp. 37-38. Цитируется по кн.: When the World Will Be As One by Tal Brooke, p. 263.

Глава 79. Православное наследие Запада

1. St. Gregory of Tours. *Vita Patrum,* p. 111.
2. Письмо о. Серафима Алексею Янгу от 30-го марта 1976 г.
3. Письмо о. Серафима Даниэлу Олсону от 25-го июня1976 г.
4. St. Gregory of Tours. *Vita Patrum.* pp. 94-95.
5. Eugene Rose. "St. John Cassian and The Foundation of Orthodox Monasticism in the West". *The Orthodox Word,* 1969, No. 25, pp. 57-58.
6. Fr. Seraphim Rose. "A Prologue of Orthodox Saints in the West". *The Orthodox Word,* 1975, No. 64, p. 183.
7. St. Gregory of Tours. *Vita Patrum,* pp. 17-18.
8. Там же, с. 90.
9. Письмо о. Серафима Даниэлу Олсону от 25-го июня 1976 г.
10. Fr. Seraphim Rose. "In Step with Sts. Patrick and Gregory of Tours", pp. 270-271.
11. Письмо о. Серафима Алексею Янгу от 27-го февр. 1976 г.
12. St. Gregory of Tours. *Vita Patrum,* p. 26.
13. Там же, с. 159-160.
14. Письмо о. Серафима о. Георгию от 25-го сент. 1975 г.
15. Письмо о. Серафима Алексею Янгу от 30-го марта 1976 г.

ЧАСТЬ IX

Глава 80. Наследие сербского епископа Саввы

1. Савва, еп. Памяти владыки архиепископа Иоанна. // Православная Русь. 1967, № 16, с. 8.
2. Fr. Seraphim Rose and Abbot Herman. *Blessed John the Wonderworker,* pp. 23-25. Рус. пер. см.: Блаженный Иоанн Чудотворец, с. 16-19.
3. Письмо о. Серафима о. Никите Паласису от 16-го февр. 1973 г.
4. Письмо о. Серафима о. Никите Паласису от 14-го марта 1973 г.
5. Письмо о. Серафима Нине Секо от 7-го июля 1974 г.
6. *Blessed John the Wonderworker,* p. 471. Рус. пер. см.: Блаженный Иоанн Чудотворец, с. 317.
7. Письмо о. Серафима Нине Секо от 17-го марта 1973 г.
8. *Blessed John the Wonderworker,* p. 18-19. Рус. пер. см.: Блаженный Иоанн Чудотворец, с. 13-14.

9. Письмо о. Серафима от 7-го ноября 1973 г.

10. *Blessed John the Wonderworker,* pp. 26-27. Рус. пер. см.: Блаженный Иоанн Чудотворец, с. 18-19.

Глава 81. Пророк страждущего Православия

1. Ибсен, Генрих. Враг народа.

2. Fr. Seraphim Rose. "Archbishop Averky: His Significance for the Ecumenical Orthodox Church". *The Orthodox Word,* 1981, Nos. 100-101, pp. 222-223.

3. Епископа Өеофана Затворника Толкованіе на посланіе св. Апостола Павла къ солунянамъ. 2-ое. Гл. 2:6, с. 504.

4. Archbishop Averky of Jordanville. *Stand Fast in the Truth,* comp. Fr. Demetrios Serfes. Mount Holly Springs, Pennsylvania, p. 10.

5. Archbishop Averky. "What is Orthodoxy?" *Orthodox Life,* May-June, 1976, pp. 3-4.

6. Аверкий, архиеп. Святая ревность. // Вера и жизнь. 1975, № 10, с. 13, 15. Англ. пер. см.: *The Orthodox Word,* 1975, No. 62, pp. 130-131.

7. Письмо о. Серафима Алексею Янгу. Пятница 6-ой седмицы Великого поста. 1976 г.

8. Аверкий, архиеп. Встреча с Господом. // Православная Русь. 1975, № 3, с. 2.

9. Аверкий, архиеп. Современность в свете Слова Божия: Слова и речи. Том IV. Jordanville, New York, 1976, с. 6.

10. Там же, с. 7.

11. Письмо о. Серафима Нине Секо. Пятница 6-ой седмицы Великого поста. 1976 г.

12. Аверкий, архиеп. Жизнь без совести. // Православная Русь. 1975, № 13, с. 3.

13. Аверкий, архиеп. Встреча с Господом. // Православная Русь. 1975, № 3, с. 2.

14. Серафим (Роуз). Златоуст для последних времен. // Православная Русь, 1976, № 10, с. 7. См. также доп. и испр. *The Orthodox Word,* 1981, Nos. 100-101, pp. 219-226.

Глава 82. Оставленность

1. Великая Дивѣевская тайна. // Русскій паломникъ. 1990, № 2, с. 94.

2. Fr. Seraphim Rose. "Our Living Links with the Holy Fathers: Metropolitan Philaret of New York". *The Orthodox Word,* 1976, No. 66, p. 4.

3. Fr. Seraphim Rose. "The Royal Path: True Orthodoxy in an Age of Apostasy". *The Orthodox Word,* 1976, No. 70, pp. 147-148.

ЧАСТЬ X

Глава 84. Православные миссии

1. "Saint Herman Summer Pilgrimage, 1979". *The Orthodox Word,* 1980, No. 91, p. 94.

Глав 85. Пастырство

1. Добротолюбіе. Въ рус. пер., доп. Т. 1. М., 1895, с. 550.

2. Владимир Дерюгин, свящ. Иеромонах Серафим: Уход праведника, с. 10.

Глава 86. Человек сердца

1. Из поэмы Александра Поупа "Universal Prayer" (1738).

2. Откровенные рассказы странника своему духовному отцу. Оптина пустынь, 1991, с. 211-212.

3. Fr. Seraphim Rose. *Heavenly Realm,* pp. 114-115.

4. Fr. Alexey Young. "For His Soul Pleased the Lord". *Orthodox America,* Aug.-Sept., 1982, p. 1.

5. Преподобнаго отца нашего Макарія Египетскаго. Духовныя бесѣды. Бесѣда 18, с. 159-160.

6. Екатерина (Лебедева). Оптинский старец Иосиф: Жизнеописание и записи. Platina, California, 1978, с. 76.

7. "Some Personal Remembrances". *Orthodox America,* Aug.-Sept., 1992, No. 118, p. 7.

Глава 87. Православие сердца

1. Творенія иже во святыхъ отца нашего Тихона Задонскаго. СПб., 1912, гл. 287, с. 469.

2. Из лекции о. Серафима «Православие в США» в Свято-Троицком монастыре. Джорданвилль (Нью-Йорк). 12/25-ое декабря 1979 г. (гл. 90). Текст опубликован в *The Orthodox Word,* 1980, No. 94, pp. 216-217.

3. Там же, с. 218-219.

4. Там же, с. 228.

5. Fr. Seraphim Rose. "Raising the Mind, Warming the Heart", p. 30.

6. Там же.

7. Письмо о. Серафима о. Михаилу Азколу от 26-го июня 1981 г.

Глава 88. Простота

1. Fr. Seraphim Rose. "Raising the Mind, Warming the Heart", pp. 32-33.

Глава 89. Новообращенные

1. Преподобнаго отца нашего Макарія Египетскаго. Духовныя бесѣды. Бесѣда 15, с. 112.

2. St. Jerome. *Letters and Select Works.* Nicene and Post-Nicene Fathers, Vol. 6. Grand Rapids, Michigan, 1954, p. 190.

3. Fr. Seraphim Rose. "Raising the Mind, Warming the Heart", pp. 31–32.

4. Fr. Seraphim Rose. *Heavenly Realm,* p. 107.

5. Письмо о. Серафима о. Иллариону (впоследствии епископу) от 12-го июня 1980 г.

Глава 90. По стране

1. Письмо о. Серафима о. Герману от 22-го мая 1979 г.

2. Письмо о. Серафима Андрею Бонду от 21-го нояб. 1979 г.

Глава 91. Сестры

1. Fr. Alexey Young. "For His Soul Pleased the Lord", p. 1.

ЧАСТЬ XI

Глава 92. Душа после смерти

1. Псаломъ сто-осмнадцатый, истолкованный Епископомъ Ѳеофаномъ. М., 1880, с. 266.

2. David R. Wheeler. *Journey to the Other Side.* New York, 1977, p. 130.

3. Fr. Seraphim Rose. *The Soul After Death.* Platina, California, 1980, pp. 4-5.

4. См. St. John of Damascus. *Exact Exposition of the Orthodox Faith*, II, 3. The Fathers of the Church, Vol. 37. New York, 1958, pp. 205-206.

5. Fr. Seraphim Rose. *The Soul After Death,* p. 40.

6. Там же, с. 41-42.

7. Там же, с. 58-59.

8. Там же, с. 66-67. Пер. из кн.: Игнатій (Брянчаниновъ), еп. Сочиненія. Т. 3. СПб., 1905, с. 13, 14, 19.

9. Fr. Seraphim Rose. *The Soul After Death,* p. 71.

10. Там же, с. 74-75. Пер. из кн.: Игнатій (Брянчаниновъ), еп. Сочиненія. Т. 3. СПб., 1905, с. 136.

11. Fr. Seraphim Rose, *The Soul After Death,* pp. 76-78.

12. Там же, с. 122-124.

13. Там же, с. 138-139.

14. Там же, с. 144.

15. Там же, с. 150-151.

16. Там же, с. 172-173.

17. Там же, с. 251.

18. Там же, с. 255-256.

19. Там же, с. 263-264.

20. Там же, с. 270.

21. Письмо о. Серафима еп. Лавру от 31-го окт. 1978 г.

22. Письмо о. Серафима еп. Григорию от 22-го дек. 1980 г.

23. Письмо о. Серафима о. Михаилу Азколу от 27-го мая 1980 г.

24. Православная Русь. 1979, № 7. Англ. пер. в *Nikodemos*, Summer, 1979.

Глава 93. Богословие превыше моды

1. Письмо о. Серафима о. Фотию от 3-го сент. 1981 г.

2. Письмо о. Серафима о. Феодору Юревичу от 6-го июня 1976 г.

3. Письмо о. Серафима о. Акакию от 22-го авг. 1979 г.

4. Письмо о. Серафима о. Хризостому от 29-го июня 1978 г.

5. Fr. Seraphim Rose. *The Place of Blessed Augustine in the Orthodox Church.* Platina, California, 1983, pp. 1-2.

6. F. Van Der Meer. *Augustine the Bishop.* New York, 1961, p. 553.

7. Fr. Seraphim Rose. *The Place of Blessed Augustine in the Orthodox Church,* p. 40.

8. Там же, с. vii, 45.

9. St. Symeon the New Theologian. *The Sin of Adam.* Platina, California, 1979, p. 31.

10. *Blessed John.* Platina, California, 1979. Объем 2-го доп. издания *Blessed John the Wonderworker* увеличился в три раза.

11. Protopresbyter Michael Pomazansky. *Orthodox Dogmatic Theology.* Platina, California, 1984, p. 11. Рус. пер. см.: Михаил Помазанский, прот. Православное догматическое богословие. Platina, California, 1992.

12. Archbishop John Maximovitch. *The Orthodox Veneration of the Mother of God.* Platina, California, 1978, p. 10.

13. Rev. Michael Azkoul. *The Teachings of the Holy Orthodox Church.* Buena Vista, Colorado, 1986, p. 54.

14. Fr. Seraphim Rose. "Our Living Links with the Holy Fathers: Protopresbyter Michael Pomazansky, Theology in the Ancient Tradition". *The Orthodox Word,* 1981, No. 97, p. 80. Позднее опубликовано в кн.: *Orthodox Dogmatic Theology* by Protopresbyter Michael Pomazansky, p. 18.

15. Там же.

Глава 94. Воскрешение Святой Руси

1. Аверкий, архиеп. Стойте въ истине! // Православная жизнь. 1986, апр., с. 11, 15.

2. Fr. Seraphim Rose. "The Orthodox Revival in Russia as an Inspiration for American Orthodoxy". *The Orthodox Word,* 1988, No. 138, pp. 45-46.

3. Письмо о. Димитрия Дудко Виктору Потапову от 20-го дек. 1979 г. // Русская жизнь. 22. 01. 1980, с. 10.

4. Димитрий Дудко, свящ. О нашем уповании. М., 1974, с. 78.

5. Письмо о. Серафима Джону от 16-го сент. 1980 г.

6. Fr. Seraphim Rose. "The Orthodox Revival in Russia", p. 28.

7. Димитрий Дудко, свящ. Бессонные ночи. // Посев. 1980, № 6, с. 52.

8. Письмо о. Серафима о. Димитрию Серфесу от 5-го июня 1980 г.

9. Fr. Seraphim Rose. "In Defense of Father Dimitry Dudko", p. 115.

10. Fr. Seraphim Rose. "The Orthodox Revival in Russia", p. 29.

11. Письмо о. Серафима о. Димитрию Серфесу от 22-го июня 1980 г.

12. Fr. Seraphim Rose. "In Defense of Father Dimitry Dudko", pp. 119-120.

13. Fr. Seraphim Rose. "The Orthodox Revival in Russia", p. 45.

14. Fr. Seraphim Rose. "In Defense of Father Dimitry Dudko", p. 137.

15. Письмо о. Серафима Константину от 6-го дек. 1980 г.

16. Письмо о. Серафима Иоанну от 16-го сент. 1980 г.

17. Письмо о. Серафима Андрею Бонду от 21-го нояб. 1979 г.

18. Димитрий Дудко, свящ. Воззвание ко всем христианам. 4-ое нояб. 1979 г. Москва. // Единение. 22. 02. 1980, № 8 (1424), с. 3.

19. Письмо о. Серафима о. Димитрию Серфесу от 14-го окт. 1980 г.

20. Fr. George Calciu. "Lenten Sermons". *The Orthodox Word,* 1982, No. 102, p. 17.

21. Maria Erastova. "Archimandrite Tavrion, Last Elder of Glinsk Hermitage". *The Orthodox Word,* 1981, No. 96, p. 11.

22. Письмо о. Серафима о. Григорию от 3-го сент. 1981 г.

23. Письмо о. Серафима о. Димитрию Серфесу от 8-го дек. 1981 г.

24. Fr. Seraphim Rose. "The Response to Elder Tavrion". *The Orthodox Word,* 1981, No. 98, p. 130.

25. Fr. Seraphim Rose. "The Future of Russia and the End of the World". *The Orthodox Word,* 1981, Nos. 100-101, pp. 205-217. Также в кн.: *Heavenly Realm,* pp. 80-100. Рус. пер. см.: Русскій паломникъ. 1990, № 2, с. 97-101.

26. *The Orthodox Word,* Nos. 100-101, pp. 212-213.

27. Там же, с. 213.

28. Нектарій, еп. Мистическое значеніе россійскихъ мучениковъ. // Русскій паломникъ. 1991, № 3, с. 37.

29. Fr. Dimitry Dudko. "Worse Than Any Imprisonment". Цитируется в*The Orthodox Word,* 1988, No. 138, p. 47.

30. Из слова Ф. М. Достоевского о Пушкине.

31. «950-летие Крещения Руси». Цит. по кн.: Слова иже во святых отца нашего Иоанна Архиепископа Шанхайского и Сан-Францисского. Сан-Франциско, «Русский пастырь». 1994, с. 213.

32. Fr. Seraphim Rose. "The Future of Russia", pp. 216-217.

Глава 95. Сегодня — в России, завтра — в Америке

1. Fr. Seraphim Rose. "The Orthodox Revival in Russia", p. 50.

2. Fr. Seraphim Rose. "The Orthodox World View". *The Orthodox Word,* 1982, No. 105, pp. 161-163.

3. Fr. Seraphim Rose. "Orthodoxy in the USA". *The Orthodox Word,* 1980, No. 94, pp. 234-235.

4. Vincent Rossi. "The Leaven of the Catacomb Saints". *Epiphany Journal,* Summer, 1985, p. 70.

5. William J. Bennet. *The De-Valuing of America.* New York, 1992.

6. Tal Brooke. *When the World Will Be As One,* pp. 197-198.

7. Fr. Seraphim Rose. "Orthodoxy in the USA", pp. 219-220.

8. Fr. Seraphim Rose. "The Orthodox Revival in Russia," p. 51.

Глава 96. Санта-Круз

1. A.W. Tozer. *The Pursuit of God.* Camp Hill, Pennsylvania, 1982, p. 15.

2. Fr. Seraphim Rose. *God's Revelation to the Human Heart.* Platina, California, 1987. Рус. пер. см.: Иеромонах Серафим (Роуз). Божие откровение человеческому сердцу. М., 1994.

Глава 97. Образование младых душ

1. Saint Basil the Great. *Letters and Select Works.* Nicene and Post-Nicene Fathers, Vol. 8, pp. lxv, lxvii-lxviii.

2. Fr. Damascene Christensen. "Friends, Byzantines, Countrymen". *The Orthodox Word,* 1987, No. 137, p. 316.

3. Ѳеофанъ Затворникъ. Что есть духовная жизнь и какъ на нее настроиться? М., 1914, с. 7.

4. Fr. Seraphim Rose. "Forming the Soul". *Orthodox America,* May, 1982, p. 9.

5. Ѳеофанъ Затворникъ. Что есть

духовная жизнь и какъ на нее настроиться? с. 65.

6. Fr. Seraphim Rose. "Forming the Soul", p. 9.

7. Fr. Seraphim Rose. "The Orthodox World View", pp. 168-169.

8. Письмо о. Серафима еп. Лавру от 31 авг. 1981 г.

Глава 98. Небесные гости

1. Іоаннъ (Сергіевъ) Кронштадтскій. Моя жизнь во Христѣ. Том 2. М., 1894, с. 349-350.

2. Abbot Herman. "Abbot Damascene of Valaam: Builder of Orthodox Sanctity". *The Orthodox Word,* 1981, No. 96, pp. 4-10.

3. Br. Gregory Eliel. "More Help from Archbishop John". *The Orthodox Word,* 1983, No. 111, p. 128.

4. St. Seraphim of Sarov. *Little Russian Philokalia,* Vol. 1, p. 73.

5. Fr. Seraphim Rose. *Heavenly Realm,* pp. 115-116.

ЧАСТЬ XII

Глава 100. Надежда

1. Аверкий, архиеп. Стойте в истине! // Православная жизнь. Jordanville, New York. 1975, № 13, с. 4.

2. Аверкий, архиеп. Слова и речи. Т. 4: Современность в свете слова Божия. Jordanville, New York, 1976, с. 47.

3. Fr. Seraphim Rose. *Heavenly Realm.* Platina, California, 1984, с. 107.

4. I. M. Andreyev. *Russia's Catacomb Saints.* Platina, California, 1982, p. 222-223.

5. Игнатій (Брянчаниновъ), еп. Цитируется по ст.: Аверкий, архиеп. Стойте в истине! // Православная жизнь. 1975, № 13, с. 8.

6. Письмо о. Серафима о. Никите Паласису от 14-го нояб. 1971 г.

7. Письмо о. Серафима о. Валерию Лукьянову от 14-го февр. 1975 г.

8. Fr. Seraphim Rose. "In Defense of Fr. Dimitry Dudko". *The Orthodox Word,* No. 92, p. 130.

9. Письмо о. Серафима о. Хризостому от 1-го июня 1978 г.

10. Солженицын Александр Исаевич. Архипелаг ГУЛаг: Опыт художественного исследования. Т. 3-4 (1918-1956). Париж, 1974, с. 602-603.

11. Fr. Seraphim Rose. *God's Revelation to the Human Heart.* Platina, California, 1987. Рус. пер. см.: Иеромонах Серафим (Роуз). Божие откровение человеческому сердцу. М., 1994.

12. См. "Priest-monk Cosmas of Grigoriou, Enlightener of Zaire". *The Orthodox Word,* 1989, No. 147, pp. 232-240, 249-256.

13. Св. Марк Подвижник.

14. *Russia's Catacomb Saints,* pp. 226-227.

15. Fr. Seraphim Rose. "The Orthodox World View". *The Orthodox Word,* 1982, No. 105, p. 176.

Глава 101. Погребальный звон

1. Father Nazarius. "The St. Herman Pilgrimage, August, 1982". *The Orthodox Word,* 1982, No. 105, pp. 158-159.

Глава 102. К звездам!

1. Fr. Seraphim Rose. "The Orthodox World View", pp. 173-175. Рус. пер. см.: Русскій паломникъ. 1990, № 1, с. 59-65.

2. Там же, с. 171-173.

3. Fr. Seraphim Rose. *Heavenly Realm,* pp. 111-112.

Глава 103. Упокоение

1. "With the Saints Give Rest..." *Orthodox America,* Aug.-Sept., 1982, No. 22, pp. 6-7.

2. Там же.

3. Nun Brigid. "The Last Chapter in the Short Life of Father Seraphim of Platina". *The Orthodox Word,* 1983, Nos. 108-109, pp. 10-11.

Глава 104. Сорок дней

1. Fr. Seraphim Rose. *The Soul After Death,* pp. 191.
2. Nun Brigid. "The Last Chapter in the Short Life of Fr. Seraphim", pp. 12-13.
3. Fr. Seraphim Rose and Abbot Herman. *Blessed John the Wonderworker,* p. 175. Рус. пер. см.: Блаженный Иоанн Чудотворец, с. 115.
4. Fr. Seraphim Rose. *The Soul After Death,* pp. 194-195.
5. Nun Brigid. "The Last Chapter in the Short Life of Fr. Seraphim", p. 15.

Глава 105. Со святыми

1. Helen Kontzevitch. "Confessor of True Orthodoxy". *Orthodox America,* Aug.-Sept., 1982, No. 22, p. 9.
2. Fr. Alexey Young. "For His Soul Pleased the Lord", pp. 1, 9.
3. Nun Brigid. "The Last Chapter in the Short Life of Father Seraphim of Platina", pp. 19-20.
4. Там же, с. 21-22.
5. Там же, с. 24.
6. Там же, с. 23-24.
7. Fr. Damascene Christensen. "Fr. Seraphim the Philosopher". *The Orthodox Word,* 1987, No. 136, pp. 298-299.
8. *The Orthodox Word,* 1985, No. 122, pp. 136-137.
9. Использованы фрагменты телефоннаго разговора с о. Тихоном Пилкинтоном в марте 1993 г.
10. Dr. Raphael Stephens. "Fr. Seraphim Rose, Patron of the Unborn". *The Orthodox Word,* 1989, No. 146, pp. 157-160.
11. Дневниковые записи 3-го февр. 1961 г.

Глава 106. «Будем рядом в Раю!»

1. «К Стефану К.». См.: Abbot Herman. "Monastic Autumn: Twelve Sonnets for St. Herman on Monks' Lagoon". *The Orthodox Word,* 1987, No. 137, p. 332.
2. Abbot Herman and Brotherhood. "Father Spyridon", pp. 247-249.
3. Там же, с. 246-247.

Глава 107. Другое селение

1. Fr. Damascene Christensen. "One Man in the Face of Apostasy". *The Orthodox Word,* 1986, No. 130, pp. 253-254.

Эпилог: Катакомбная сеть

1. "St. Herman Summer Pilgrimage, 1979". *The Orthodox Word,* 1980, No. 91, p. 63.
2. Archimandrite Constantine of Jordanville. "Before the Face of Antichrist". *The Orthodox Word,* 1985, No. 121, pp. 98-99.
3. Archimandrite Panteleimon of Jordanville, comp. *A Ray of Light.* Jordanville, New York, 1991.
4. René Guénon. *Crisis of the Modern World,* p. 21.
5. Там же, с. 112-113.
6. Fyodor Dostoyevsky. *The Diary of a Writer.* New York, 1954, pp. 1000-1001.
7. Надежда. Вып. 6, 1980, с. 256, 259.

Библиография

КНИГИ О. СЕРАФИМА, ИЗДАННЫЕ НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Orthodoxy and the Religion of the Future (Православие и религия будущего). Platina, California: St. Herman of Alaska Brotherhood, 1975. 2-ое испр. и доп. изд. Platina, 1979.

The Soul After Death (Душа после смерти). Platina, 1980.

Heavenly Realm: Lay Sermons of Fr. Seraphim Rose (Царствие Небесное: Мирские проповеди о. Серафима Роуза). Platina, 1984.

God's Revelation to the Human Heart (Божие откровение человеческому сердцу). Platina, 1987.

Nihilism: The Root of the Revolution of the Modern Age (Нигилизм: Источник революции современной эпохи). Forestville, California: Fr. Seraphim Rose Foundation, 1994. Глава 7 из ранней неопубликованной работы *The Kingdom of Man and the Kingdom of God* (Царство человеческое и Царство Божие).

The Place of Blessed Augustine in the Orthodox Church (Место Блаженного Августина в Православной Церкви). Platina, 1983.

Blessed John the Wonderworker (Блаженный Иоанн Чудотворец). Platina, 1987. Отец Серафим составил первоначальное житие архиеп. Иоанна.

Father Gerasim: Guardian of St. Herman of Alaska (О. Герасим: Страж преп. Германа Аляскинского). Platina, 1983. Отдельный оттиск статьи из *The Orthodox Word* (Православного Слова).

The Holy Fathers: Sure Guide to True Christianity (Святые отцы: Верный путь христианства). West Coast Orthodox Supply, 1983. Отдельный оттиск статьи из *The Orthodox Word.*

Weeping Icons of the Mother of God (Плачущие иконы Божией Матери). Platina, 1966. Отдельный оттиск статьи из *The Orthodox Word.*

КНИГИ О. СЕРАФИМА, ИЗДАННЫЕ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Святое Православие: XX век. М.: Изд. Донского м-ря, 1992. Содержание: «Краткое жизнеописание иеромонаха Серафима Роуза», «Православное мировоззрение», «Святые отцы: Верный путь христианства», «Будущее России и конец мира» и «Православие и религия будущего».

Православие и религия будущего. М.: «Православная книга». 1991.

Православие и религия будущего. Алма-Ата. 1991.

Православие и религия будущего. Совместное издание редакции «Скит» и Ставропольского краевого комитета Общества Красного Креста, б/г.

НЛО в свете православной веры. М., 1990, 2-ое изд. 1991.

Душа после смерти. СПб.: «Глагол», 1994.

Душа после смерти: Современные посмертные опыты в свете учения Православной Церкви. М., 1991.

Душа после смерти: Современные посмертные опыты. М., 1991.

Душа после смерти. М., 1984.

Будущее России и конец мира: Православное мировоззрение. Рига, 1991.

Божие откровение человеческому сердцу. М.: Изд. Братства Преподобного Германа Аляскинского и Российского Отделения Валаамского Общества Америки, 1994.

Человек против Бога. М.: Изд. Братства Преподобного Германа Аляскинского и Российского Отделения Валаамского Общества Америки, 1995. Перевод книги *Nihilism: The Root of the Revolution of the Modern Age* (Нигилизм: Источник революции современной эпохи).

Вкус истинного Православия: Блаженный Августин, епископ Иппонский. М.: Изд. Братства Преподобного Германа Аляскинского и Российского Отделения Валаамского Общества Америки, 1995. Перевод книги *The Place of Blessed Augustine in the Orthodox Church* (Место Блаженного Августина в Православной Церкви).

Блаженный Иоанн Чудотворец. М.: «Правило веры» и «Русский паломник», 1993.

По стопам св. Патрика, просветителя Ирландии и св. Григория Турского. Куйбышев. 1990.

КНИГИ О. СЕРАФИМА, ИЗДАННЫЕ НА ДРУГИХ ЯЗЫКАХ

Moje widzenie swiata (Православное мировоззрение). / Пер. на польский Jaroslaw Charkiewicz. Bialystok: Изд. Братства польской православной молодежи, 1993.

Sufletul dupa moarte (Душа после смерти). / Пер. на румынский Prof. Gratia Lungu. Ред. Protos. Teodosie Paraschiv. 1994.

Душа после смрти (Душа после смерти). / Пер. на сербский Драган Ранковић и Родоуб Лазић. Цетиње: «Светигора». 1995.

НЕОПУБЛИКОВАННЫЕ РАБОТЫ О. СЕРАФИМА

Царство человеческое и Царство Божие: Ранние работы о. Серафима Роуза. Включает главу о нигилизме из «Царства человеческого и Царства Божия», эссе «Философия абсурда», Философский журнал (1960-1962 гг.), письмо Томасу Мертону и др.

Православное святоотеческое понимание книги Бытия. Включает комментарии о. Серафима на Книгу Бытия и его письмо д-ру Александру Каломиросу о святоотеческом опровержении эволюционизма.

Православное мировоззрение: Курс выживания для православных христиан. Отец Серафим читал его в монастыре преп. Германа в 1975 г.

Живые звенья святоотечества нашего времени. Статьи об архиеп. Аверкии Джорданвилльском и архиеп. Андрее Ново-Дивеевском, архим. Константине (Зайцеве), прот. Михаиле Помазанском, о. Николае Депутатове и проф. И. М. Андрееве, а также жизнеописание Ивана и Елены Концевичей, составленное игум. Германом.

Святые отцы Православной Церкви. Включает статьи: «Святые Отцы: Верный путь христианства», «Как следует читать творения святых Отцов Церкви» и «Как не следует читать творения святых Отцов».

Устав православных богослужений. Серия статей, написанных о. Серафимом, чтобы вдохновить православных христиан совершать ежедневный круг богослужений. Включает практическое руководство и ноты.

Церковные праздники и чудотворные иконы. Статьи о. Серафима о плачущих иконах Божией Матери.

Лекции о. Серафима Роуза. «Воспари умом и вспламенись сердцем», «Божие откровение человеческому сердцу», «В поисках Право-

славия», «Православие в США», «Православное мировоззрение», «Вслед за святым Патриком и Григорием Турским», «Будущее России и конец мира», «Православное возрождение Руси», «Знамения грядущего конца мира» и др. лекции.

ПЕРЕВОДЧЕСКИЕ ТРУДЫ И КНИГИ, ПОДГОТОВЛЕННЫЕ К ИЗДАНИЮ О. СЕРАФИМОМ (НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ)

Andrew of New Diveyevo, Archbishop. *The Restoration of the Orthodox Way of Life* (Возвращение к православному образу жизни). / Предисл. иером. Серафима (Роуза) об архиеп. Андрее и православной общинной жизни. Platina, 1976.

Andreyev, I. M. *Russia's Catacomb Saints* (Святые русских катакомб). Platina, 1983. Включает жизнеописание И. М. Андреева, составленное о. Серафимом, и множество собранных им материалов о новомучениках.

Averky, Archbishop. *The Apocalypse of St. John: An Orthodox Commentary* (Апокалипсис св. апостола Иоанна: Православное толкование). Platina, 1985. Включает объяснения о. Серафима на книгу Апокалипсис и его статьи о жизни архиеп. Аверкия. 2-ое исправл. изд., 1995.

Barsanuphius and John, Saints. *Guidance Toward Spiritual Life* (Руководство к духовной жизни). Platina, 1990.

Gregory of Tours, St. *Vita Patrum*. / Предисловие иером. Серафима (Роуза) о христианстве и монашестве в древней Галлии (Франции) V-VI веков. — 130 сс. *Platina, 1988.*

John Maximovitch, Archbishop. *The Orthodox Veneration of the Mother of God* (Православное почитание Божией Матери). / Предисл. иером. Серафима (Роуза) о богословии архиеп. Иоанна. Platina, 1978.

Kontzevitch, I. M. *The Northern Thebaid* (Северная Фиваида). / Предисловие и послесловие иером. Серафима (Роуза). Platina, 1975.

Metrophanes, Schemamonk. *Blessed Paisius Velichkovsky* (Блаженный Паисий Величковский). / Предисловие и служба преп. Паисию составлены иером. Серафимом (Роузом). Platina, 1976.

Nazarius of Valaam, Elder. *Little Russian Philokalia* (Малое Русское Добротолюбие), vol. 2. Platina, 1983.

St. Paisius Velichkovsky. *Little Russian Philokalia,* vol. 4. Forestville, California: St. Paisius Abbey, 1994. Включает «Преподобнаго Паисия Величковскаго Крины сельныя и Свитокъ».

Pomazansky, Protopresbyter Michael. *Orthodox Dogmatic Theology* (Православное догматическое богословие). / Примечания, приложение и жизнеописание автора составлены иером. Серафимом (Роузом). Platina, 1984.

Savva, Bishop of Edmonton. *Blessed John: The Chronicle of the Veneration of Archbishop John Maximovitch* (Блаженный Иоанн: Летопись почитания архиепископа Иоанна (Максимовича). Platina, 1979.

Seraphim of Sarov, St. *Little Russian Philokalia,* vol. 1. Platina, 1980. Включает краткое житие преп. Серафима Саровского, составленное о. Серафимом (Роузом).

Symeon the Theologian, St. *The Sin of Adam* (Грех Адама). / Предисл. иером. Серафима (Роуза). Platina, 1979. 2-ое изд. *The First-Created Man.* Platina, 1994.

Theophan the Recluse, St. *The Path to Salvation* (Путь ко спасению). West Coast Orthodox Supply, 1983. 2-ое изд. *Raising Them Right.* Conciliar Press, 1989.

Verkhovsky, Abbess Vera. *Elder Zosima: Hesychast of Siberia* (Старец Зосима: Сибирский исихаст. / Пер. Григория Доброва, предисл. иером. Серафима (Роуза). Nikodemos Orthodox Publication Society, 1979. 2-ое доп. и испр. изд. Platina, 1990.

КНИГИ, ПОДГОТОВЛЕННЫЕ К ИЗДАНИЮ О. СЕРАФИМОМ (НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ)

Михаил Помазанский, прот. Православное догматическое богословие. / Прилож. иером. Серафима (Роуза) «Новое толкование догмата искупления». Platina, 1992.

НЕИЗДАННЫЕ ПЕРЕВОДЫ

Димитрий Дудко. Воскресные собеседования.

Преподобнаго Аввы Дороѳея Душеполезныя поученія и посланія.

Проповеди архиепископа Иоанна (Максимовича). Серия публикаций в *The Orthodox Word.*

Очевидцы мира иного: Жития святых, побывавших в обителях Ангелов и бесов. Серия статей в *The Orthodox Word.*

Святаго Ѳеодора Студита Наставленія монашествующимъ.

СТАТЬИ О. СЕРАФИМА В РУССКИХ ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЯХ

Будущее Россіи и конецъ міра. // Русскій паломникъ. 1990, № 2.

Православное міровоззрѣніе. // Русскій паломникъ. 1990, № 1.

Святые отцы: Вѣрный путь христіанства. // Русскій паломникъ. 1991, № 3.

Православие и религия будущего. В сб.: Православие и «новая духовность». Рига: Центральный Совет Древнеправославной Поморской Церкви Латвии. 1992.

Душа после смерти. // Наука и религия. 1991, № 5.

Православие и религия будущего. // Православное обозрение. 1982.

ЦЕРКОВНЫЕ СЛУЖБЫ, СОСТАВЛЕННЫЕ О. СЕРАФИМОМ (НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ)

Service to St. Herman of Alaska (Служба преп. Герману Аляскинскому). В соавторстве с о. Германом (Подмошенским). Platina, 1970.

Service to Blessed Paisius Velichkovsky (Служба преп. Паисию Величковскому). In Schemamonk Metrophanes, *Blessed Paisius Velichkovsky,* Platina, 1976.

Akathist to Blessed John (Maximovitch) the Wonderworker. (Акафист блаженному архиеп. Иоанну Чудотворцу). *The Orthodox Word.* 1985, nos. 123-124.

Service to the New Martyrs of Russia (Служба Новомученикам Российским). В соавторстве с о. Германом (Подмошенским). 1981. Не опубликована.

ЦЕРКОВНЫЕ СЛУЖБЫ, СОСТАВЛЕННЫЕ О. СЕРАФИМОМ (НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ)

Служба преподобному Герману Аляскинскому. В соавторстве с о. Германом (Подмошенским). Jordanville, New York, 1970.

Акафистъ иже во святыхъ Отцу нашему Святителю Іоанну, Шанхайскому Чудотворцу. // Русскій паломникъ. 1994, № 9.

ИЗДАННЫЕ ПИСЬМА И ДНЕВНИКИ О. СЕРАФИМА

"Letters of Fr. Seraphim Rose" (Письма иером. Серафима Роуза). *The Orthodox Word*. 1994, no. 179.

"From the Chronicle of the St. Herman Brotherhood" (Отрывки из летописи Братства преп. Германа). *The Orthodox Word*. 1985, no. 125.

НЕИЗДАННЫЕ ПИСЬМА И ДНЕВНИКИ О. СЕРАФИМА

Философский журнал Евгения Роуза, 1960-1962 гг.

Chronicle of the St. Herman Brotherhood (Летопись Братства преп. Германа Аляскинского), 1964-1982.

Письма о. Серафима и его дневники, включая все использованные в настоящей книге, хранятся в Центре по изучению рукописного наследия иеромонаха Серафима Роуза: 1139 Janero Drive, Santa Rosa, California 95407 USA.

ПУБЛИКАЦИИ ОБ О. СЕРАФИМЕ И ЕГО РАБОТАХ (НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ)

Brigid McCarthy, Nun. "The Last Chapter in the Short Life of Father Seraphim of Platina." *The Orthodox Word*. 1983, nos. 108-109.

Crutcher, Timothy. "The Struggling Pilgrim: Some Thoughts Upon the Life of Fr. Seraphim Rose." *The Orthodox Word*. 1994, no. 179.

Damascene Christensen, Monk. "Fr. Seraphim's Search for Truth." *The Orthodox Word*. 1983, nos. 108-109.

Damascene Christensen, Monk. "Fr. Seraphim the Philosopher." *The Orthodox Word*. 1987, no. 136.

Damascene Christensen, Monk. "The Literary Inheritance of Fr. Seraphim Rose." *The Orthodox Word*. 1982, no. 104.

Jones, Owen (Seraphim). "Life in the Modern Desert: A Review of *Not of This World*." *The Orthodox Word*. 1994, no. 179.

Rossi, Vincent, "The American Acquisition of the Patristic Mind." *The Orthodox Word*. 1984, no. 119.

Sherry, Matthew. "A Warrior of the Spirit for Modern Times." *The Orthodox Word*. 1994, no. 179.

Toner, Jamey. "Maranatha!" *The Orthodox Word*. 1994, no. 179.

"With the Saints Give Rest ..." *Orthodox America.* 1982, no. 22.
Young, Fr. Alexey, "A Mighty Pen Is Stilled." *Orthodox America.* 1982, no. 22.

ПУБЛИКАЦИИ ОБ О. СЕРАФИМЕ И ЕГО РАБОТАХ (НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ)

Дамаскинъ (Христенсенъ). Надежда. (Главы изъ книги «Не отъ міра сего», испр. и доп.) // Русскій паломникъ. 1994, № 9.
Дамаскинъ (Христенсенъ). Отец Серафимъ (Роузъ): Краткая біографія. // Русскій паломникъ. 1991, № 3.
Дамаскинъ (Христенсенъ). Святой на скамьѣ подсудимыхъ. (Главы изъ книги «Не отъ міра сего», испр. и доп.) // Русскій паломникъ. 1994, № 9.
Владимир Дерюгин. Иеромонах Серафим: Уход праведника. Greenview, California, 1983.
Душа после смерти. // Наука и религия. 1991, № 5.
Православие и религия будущего. // Православное обозрение. 1982.

Содержание

ЧАСТЬ IV

ЧАСТЬ V

ЧАСТЬ VI

ЧАСТЬ VII

ЧАСТЬ VIII

ЧАСТЬ IX

ЧАСТЬ X

ЧАСТЬ XI

ЧАСТЬ XII

Перевод с английскаго
Игорь Багров, Евгений Кирьянов, Ольга Шкуро и др.

Редактор русского текста
Евгений Кирьянов, Ольга Шкуро, Вячеслав Марченко

Технический директор
Сергей Иванов, Ричард (Фома) Бэттс

Выражаем нашу особую благодарность:
Серафиму и Юлии Джоунз, Стефану и Марии Родиер,
Екатерине Мак-Кеффери, Елизавете Мак-Ниер, Джону Генсу,
архимандриту Иннокентию, монахине Корнилии,
диакону Паисию де Лючия, священнику Михаилу Ойер,
проф. Владимиру Шохину, Андрею Виноградову,
Владимиру Легойде, Димитрию Родионову,
Джейн Гилдебранд, Карен Аткиссон,
Димитрию Карагиозову, Вадиму Беликову, Димитрию Паппасу
и всем тем, чьи пожертвования и профессиональная помощь сделали
возможным русское издание книги.

Возлюбленный о Господе читатель!
Помолись о тех, кто трудился над этой книгой.